

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07855275 3

МОСКВИТЯНИНЪ

УЧЕНО - ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

НА

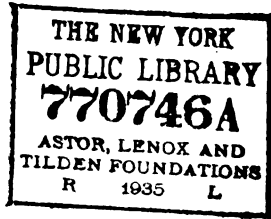
1850 ГОДЪ.

ЧАСТЬ Ш.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1850.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Москва, Апрѣля 30-го 1850 года.**

Ценсоръ В. Лешковъ.

МОСКВИТЯНИНЪ.

1850.

№ 9.

Май.

Кн. 1.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

КРЕМЛЕВСКАЯ ЗАУТРЕНЯ НА ПАСХУ.

Въ безмодви , подъ ризою ночью ,
Москва ждала ; и часъ Святой насталь :
И мощный звонъ промчался надъ землею,
И воздухъ весь , гудя , затрепеталь .
Пзвучіе , серебряные громы
Сказали вѣсть Святаго Торжества ;
И слыша гласъ , ея душѣ знакомый ,
Подвиглася великая Москва .
Все тотъ же онъ : ни нашего волненья ,
Ни мелочно-торжественныхъ заботъ
Не знаетъ онъ , и вѣстникъ Искупленья
Онъ съ высоты намъ пѣснь одну поеть , —
Побѣды пѣснь , пѣснь кончаннаго плѣна .
Мы слушаемъ ; но какъ внимаемъ мы ?
Сгибаются ль упрямые колѣна ?
Смирятся ль кичливые умы ?
Откроемъ ли радушныя объятя
Для страждущихъ , для меньшей братии всей ?
И вспомнимъ ли , что это слово — братья —
Всѣхъ словъ земныхъ дороже и святѣй ?

А. г. Хаманковъ.

Отд. I.

1

PERL JAN 21 1850

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА ЖИЗНИ.

ДНЕВНИКЪ ДѢВУШКИ.

ГЛАВА IV.

НОВОЕ ЗНАКОМСТВО. ЕЛЕНА.

Ce que j'aime surtout, c'est l'âme des gens d'esprit.

N. N.

Il existe des êtres sympathiques, dont l'âme recèle dans sa profondeur des échos pour tous les accents, pour toutes les vibrations des autres âmes; ils souffrent avec vous; vos joies les charment, vos terreurs les font tressaillir, ils se font vous en restant eux-mêmes. Heureux qui trouve un de ces êtres pour ami! Sa vie se dédouble et s'agrandit de toute une seconde âme!

(Léa-Cornélia.)

I.

La femme a cela de commun avec l'ange que les êtres souffrants lui appartiennent.

(Bulzac, *Engénie Grandet.*)

17 Февраля 18....

Заочно вы благотворите мнѣ,
Возлюбленная Сара! Вы и вправду,
Какъ говорили мы, когда дѣтьми
Тѣснились къ вамъ, съ сердечнымъ изліяньемъ:
«Добрѣйшая изъ добрыхъ!» — Вы отраду
Мнѣ издали послали. — Отъ души
Благодарю!....

Третьяго дня въ гостиной

Былъ запросто съѣздъ близкихъ и короткихъ:
 И гулъ ихъ смѣха, ихъ бесѣдъ живыхъ,
 Сквозь полъ и стѣны мелькомъ пробивался
 До моего угла, тревожа слухъ
 И умъ мой беспокойный. Я скучала;
 Веселостью чужой, казалось мнѣ,
 Дразнили лишь мое уединенье....
 Вдругъ, требуютъ въ гостиную меня....
 Иду, хотя не вѣрится! Въ смущеньѣ,
 Межъ незнакомыхъ группъ, съ боязнью робкой,
 Не ловко и поспѣшно прохожу....
 Глаза мои не видятъ, и дыханье
 Вдругъ замерло отъ страха и волненья.
 И вотъ Княжна Наталья предо мной,
 Схватила руку мнѣ, — и представляетъ
 Меня кому-то.... Слышу женскій голосъ,
 И ласковый и свѣжій, — я взглянуть
 Осмѣлилась, — и вижу чудный взоръ,
 Привѣтную улыбку.... Молодая,
 Прекрасная, блистательная дама
 Меня сажаетъ близъ себя.... твердить,
 Что рада наконецъ меня увидѣть,
 Что ей давно, давно со мной хотѣлось
 Сойтись и сблизиться, что мы давно
 Знакомы....

Отгадали вы, не такъ ли,

Елену Мѣховскую?.... Да, она,
 Воспитанница ваша, та, о комъ
 Наслышалась отъ васъ я.... про кого
 Вы съ гордостью сердечной говорили....
 Когда она, упомянувъ о васъ,
 Свое сказала имя, я едва
 Не бросилась на шею къ незнакомкѣ,
 Такъ хорошо знакомой; но Княжна
 Медузинъ взгляды тотчасъ въ меня вперила,

И образумила меня. Еленѣ
 По свѣтски отвѣчать старалась я
 На свѣтскіе привѣты, но намекомъ
 Дать тайное, душевное значенье
 Пустымъ словамъ.... Мы поняли другъ друга!
 Она взяла съ Книгини обѣщанье,
 Что будутъ къ ней пускать меня, что часто
 Мы видѣться съ ней будемъ....

И во снѣ

И на яву я бредила Еленой!
 Вчера я провела весь день у ней....
 Картиною ея домашней жизни
 И взоръ и сердце полны. Какъ счастливо,
 Безъ глупой спѣси, безъ парадныхъ формъ,
 У Миховскихъ устроено все въ домѣ,
 Чтобъ *быть*, не для того, чтобы *казаться*!
 Богатство тамъ не тяжкое ярмо,
 Неволящее ихъ, но радость жизни,
 Возможность украшать по произволу
 Размашисто-гостепріимный бытъ. —
 Хозяинъ добръ, хозяйка весела;
 Не молодъ онъ, — но старикомъ не смотреть,
 И не стѣсняетъ важностью брюзгливой
 Живыхъ вспышки рѣзвости ея.
 Она же откровенна, какъ дитя,
 Довѣрлива, какъ счастье молодое.
 Взоръ, голосъ, рѣчи, станъ, движенья, поступь, —
 Все дышетъ беззаботностью въ Еленѣ.
 Вокругъ ея, при ней, и въ ней самой
 Все свѣтится спокойствомъ лучезарнымъ;
 Все говоритъ о мирѣ благодатномъ.
 У ней маютки—дѣти: что за прелесть!
 Болтаютъ и рѣзвятся на свободѣ,
 И всѣхъ смѣшать, и звонкій говоръ ихъ,
 Какъ ласточекъ привольныхъ щебетанье,
 Одушевляетъ рядъ веселыхъ комнатъ.

Я слушала, глядела.... и сравнила
 Радужный этот домъ съ жилищемъ чиннымъ
 И знатнымъ нашей княжеской семьи....

Однако, знатностью своей, конечно,
 Или значеньемъ въ свѣтъ, имъ равна
 Прекрасная Елена Мховская,
 За тѣмъ, что ей почетъ и уваженъе
 У нихъ оказаны. — Съ тѣхъ поръ, какъ я
 Отыскана, обласкана Еленой,
 Какъ будто иначе здѣсь на меня
 Всѣ смотрятъ, и со мною обращенъе
 Перебънилось къ лучшему. Княжна
 Сегодня не смѣлась надо мной;
 Княгиня удостоила спросить,
 Не холодно ль мнѣ въ комнатѣ моей, —
 А Лиза Зурова мнѣ предложила
 Романсы новые, межъ тѣмъ какъ Надѣ
 Алина вдругъ шепнула невзначай,
 Перебирая Англійскій кипсекъ,
 Что я похожа профилемъ и взглядомъ
 На *Флору Макъ-Иворъ*.... Какал чesть!....

II.

*Спятъ мѣсяцъ, долъ сребрится....
(Жуковскій).*

23 Февраля 18.... За-полночь,

Не знала до сихъ поръ я, что и сѣверъ,
И холодъ, и снѣга, имѣютъ тоже
Повзѣю высокую свою.
Не знала я волшебства зимней ночи,
Ея красотъ танцевенныхъ и блѣдныхъ,
И полныхъ фантастическихъ картинъ.
Не знала я жгваго наслажденья
Скользить легко и быстро, по пути,
Усыянномъ алмазными зыблями,
Снѣговъ глубокихъ. Сани для меня
Лишь были неиспытаннымъ явленьемъ,
Когда они мелькали мимо глазъ,
Вдоль улицы пустой иль многолюдной;
А въ нихъ самой не позволялось мнѣ
По городу безопасно прокатиться.
(Княгиня говорить, что сани должно
Плебеямъ предоставить!) Но Елена
Другаго мнѣнья; съ ней сейчасъ въ санихъ
Объѣхала я шумный Петербургъ,
Блещающій несчетными огнями,
И спящѣ пустынно острова,
Гдѣ дачи безъ жильцовъ и безъ огней
Ждутъ, какъ сурки недвижные, чтобъ жизнь
Съ движеньемъ имъ весна бы возвратила....
Какъ весело, какъ чудно, какъ свободно
Насъ увлекалъ безумно-пряткій бѣгъ
Несущихся, какъ вихорь лошадей!....
Въ высокой и прозрачной синевѣ
Почныхъ небесъ, плывъ медленно и тихо
Полкруглый мѣсяцъ; звѣзды-чародѣйки,
Какъ блѣстки, и сверкали и метались
Вокругъ него несмѣтною толпою,

И серебромъ былъ облитъ лучезарнымъ
 Весь сонный міръ. На кровляхъ, окаймленныхъ
 Опушкой снѣговой, и на домахъ,
 Бѣдующихъ, какъ призраки въ туманѣ,
 И по дорогѣ, усталой на диво
 Коврами снѣжными, — вездѣ сіялъ,
 Вездѣ бродилъ волшебно-яркій отблескъ,
 Причудливо предметы измѣняя,
 Преображая ихъ своей игрой.
 А воздухъ, просѣваемый санями,
 Очищенный морозомъ, онъ казался
 Твердъ, какъ кристаллъ, какъ облако упругъ....
 Все ново было мнѣ, — все пзумляло
 Мои глаза, мое воображенье.
 То, шибкою вѣдой упоена,
 Я торопила словомъ и желаньемъ
 Порывъ неукротимыхъ бѣгуновъ;
 То вдругъ пугалась я, и замирало
 Въ груди моей тревожное дыханье
 Со смѣлостью, еще мнѣ непривычной....
 И вотъ, Крестовскій островъ видимъ мы,
 Съ его высокоглавыми соснами;
 И чудилось мнѣ, — все это тѣни
 Отжившихъ исполиновъ.... я боялась....
 Елена же смѣялась надо мной!

И вотъ я дома, въ комнаткѣ знакомой,
 Передъ ночной лампадою своей,
 Въ своихъ любимыхъ креслахъ, какъ всегда
 Порой ночнаго отдыха.... ужъ время
 Предаться сну лѣнивому, — но мнѣ
 Сегодня не до сна: припоминаю
 Свершенную прогулку, наслаждаюсь
 Минувшимъ наслажденьемъ. Мнѣ теперь
 И Петербургъ, и сѣверъ стали любы.
 Они невыразимо приглянулись
 Мечтѣ моей, живой и своенравной.
 И свѣтлую ихъ сторону узнавъ,
 Я не браню ужъ ихъ. Сегодня я
 Съ красавицей-зимою помирилась!....

III.

*La pitié n'est pas de l'amour...
(Vieille romance du siècle passé).*

*Mais souvent elle en est le précurseur:
(Réflexion d'actualité).*

12^е Марта 18....

Елена мной безспорно завладѣла ;
Почти всегда я вечеромъ у ней,
И съ ней дѣлю досужные часы,
Которые она отъ шума свѣта
Спасаетъ для домашней тишины.
Она, повеселясь и приуставши
По баламъ и гостинимъ, отдыхаетъ
Сердечною и умственною жизнью
Въ своей семьѣ, въ своемъ родномъ углу.
И этотъ уголокъ благословенный,
Какъ онъ уютенъ, какъ заманчивъ онъ,
Какъ въ немъ легко и весело живется!
Домъ не великъ, не много комнатъ въ немъ,
Но убранъ онъ щеголеватимъ вкусомъ
И прихотью изящной. Здѣсь мой взоръ
Приятно пораженъ и успокоенъ
Отсутствіемъ нелѣпой позолоты,
Тяжелыхъ бронзъ и роскоши ненужной.
Вездѣ цвѣты, картины мастерскія
И мягкіе ковры; тепло, свѣтло,
Не хочется разстаться ни съ хозяйкой,
Ни съ нѣгою и лѣнью благодатной
Въ жилищѣ миловидномъ. — Мы читаемъ,
Болтаемъ и поемъ; часы бѣгутъ, —
И непримѣтно бьетъ ударъ прощальный,
Ихъ быстрой стрѣлкой рано возвѣщенный....
Но мы всегда другъ другу говоримъ:
«До завтра!» А съ надеждою легко
Желанное свиданье ожидать!

Довѣріемъ Елены я вполнѣ
 Теперь владѣю. Даже мнѣ она
 Дала читать всю переписку съ братомъ,
 Любимымъ ею страстно.... Этотъ братъ
 Военный, нездоровъ, живетъ далеко,
 Не терпитъ свѣта.... Скука и тоска
 Томятъ его.... Разочарованъ онъ,
 Какъ Пушкина Онѣгинъ, какъ Ренъ,
 И какъ Манфредъ, воспоминаемъ боленъ....
 Онъ смолоду служилъ, жывалъ въ столицѣ,
 И вытѣжалъ, и свѣтскій шумъ любилъ,
 Но измѣнился вдругъ, — и навсегда!
 Любовною несчастливъ неудачей,
 Обмануть, онъ оставилъ модный свѣтъ,
 И проклялъ все, чѣмъ жизнь его манила,
 Чѣмъ завлекла.... Одной сестрой теперь
 Онъ дорожить въ своемъ уединенъ.
 Отъ женщинъ онъ бѣжить, ихъ ненавидитъ....
 Онъ отжилъ для любви и для надежды,
 Онъ въ тридцать лѣтъ состарѣлся душой....
 А между тѣмъ, наперекоръ судьбѣ,
 Чтò за душа!.... Какъ онъ уменъ и милъ!....
 Какъ жаль его!.. Какъ страшно и какъ горько
 На жизнь и свѣтъ онъ жалуется въ письмахъ
 Краснорѣчивыхъ!.... Но въ словахъ его
 Скрывается и внутренняя гордость,
 И твердость непреклонная : не просить,
 Не приметъ онъ напрасныхъ сожалѣній.
 Онъ хочетъ только высказать себя
 И дать просторъ удушливымъ упрекамъ
 Больнаго сердца....

Мнѣ, читавшей часто
 Страницы переписки откровенной,
 Такъ сталъ знакомъ герой ея далекій,
 Что кажется онъ мнѣ роднымъ, иль другомъ
 Уѣхавшимъ.... что, кажется, при встрѣчѣ,
 Узнаю я его.... его романъ,
 Его судьба томить и занимаютъ

Мое мечту, какъ тѣ рассказы въ книгахъ
 Моихъ любимыхъ, отъ которыхъ я
 Такъ искренно и такъ безумно плачу,
 Не сплю, не ѣмъ, худѣю иногда.
 Но если съ выдумкой, съ невѣрной сказкой
 Я сердцемъ обживаюсь, если я
 Для вымысловъ прекрасныхъ забываю
 Сухую прозу бѣдной нашей правды :
 То какъ же бы могла не волновать,
 Не потрясать во мнѣ души и сердца
 Дѣйствительная быль ?....

Ни днемъ, ни ночью
 Теперь изъ рукъ моихъ не выпускаю
 Забѣтныхъ писемъ, полныхъ томной страсти.
 Читаю ихъ, на память ихъ учу,
 Твержу изъ нихъ любимые отрывки....
 Занятія я бросила для нихъ,
 Поэзію они мнѣ замѣнили.

И даже иногда, какъ призракъ дальній
 Въ неясномъ снѣ, мнѣ наяву и мелькомъ
 Является неувидимый образъ....
 Мерещатся несвязныя черты....
 Невиданный мнѣ видится. О немъ
 Я думаю среди гостинной шумной,
 И въ комнатѣ Елены, и потомъ
 Въ тиши моей уединенной кельи.
 Но почему ?.... Сама не понимаю !....

Здѣсь пропускается около года изъ дневника Зинаиды : все,
 въ немъ содержащееся, повторяетъ только эти длинныя, беско-
 ночныя жалобы полу-дѣтской, полу-женской души, ищущей жизни
 и находящей только пустоту, просящей счастья, удовольствія,
 движенія, и осужденной на скуку и бездѣйствіе. Подобныя эпохи
 переживаются трудно и мучительно, но рассказываются однимъ
 словомъ : она скучала, она ждала !....

Гр. Ев. Ростопчина.

ДВѢ ПѢСНИ ИЗЪ ДАНТОВА АДА.

ПѢСНЬ XXI.

ВЪСТАЯ ЯМА ОСЬМАГО КРУГА, ВЪЗЯТОЧНИКИ ВЪ СМОЛЯНОМЪ
ОЗЕРѢ. ЗЛЫЯ ЛАННЫ (Malebranche).

Такъ съ моста нѣ мостъ шли мы, разсуждая
О томъ, чего Комедія моя
Не передать, и, съ высоты взирая,

Другую щель увидѣли съ нею,
И тщетный плачь услышали въ провалѣ
Во мглѣ такой, что ужаснулся я.

Какъ варъ кипить зимою въ арсеналѣ,
Въ Венеціи, для смазки тѣхъ судовъ,
Что, обветшавъ, ужъ плыть не могутъ далѣ:

Кто конопатить тамъ корабль съ боковъ,
Терпѣвшихъ долго бурныхъ волнъ напасти;
Кто новый челнъ тамъ стронть изъ дубовъ;

Кто парусъ шьетъ, разорванный на части;
Кто у руля, кто рубить подъ кормой;
Кто точить весла; кто свиваетъ снасти:

Такъ, не огнемъ, но силой пресвятой
Растоплена, смола здѣсь клокотала,
Покрывъ берега со всѣхъ сторонъ корой.

Я въ ровъ смотрѣлъ, но мгла въ немъ все скрывала,
Лишь хлябь, вздымаясь въ пузыри, какъ валъ
То дулася, то лмой осѣдала.

Пока я пристально глядѣль въ провалъ, —
 Мой вождь, вскричавъ: смотри! смотри! неожиданно
 Мена увлекъ оттоль, гдѣ я стояль.

Я побѣжалъ, какъ тотъ, кто видитъ странный
 Предметъ и глазъ съ него не сводитъ прочь;
 Но ужасомъ внезапнымъ обуянный,

Бѣжить, не въ силахъ страха превозмочь.
 И видѣль я, какъ бѣсъ за нами,
 Внизъ по утесу, мчалъ во всю мочь.

О, какъ ужасно онъ сверкаль очами!
 Съ какою злобой онъ бѣжалъ, стуча
 Копытами и хлопая крылами!

Взваливъ себѣ на острия плеча
 И возлѣ пять когтьми вѣдпившись въ кости,
 Онъ за ноги мчалъ грѣшника, крича:

«Вотъ анціанъ святыхъ І. ги! въ гости
 Къ вамъ, Злыя Лапы, онъ пришелъ сюда!
 Въ смолу его! а и для вашей злости

Примчу другихъ: тамъ много ихъ всегда!
 Тамъ каждый взятчикъ, кромѣ Бонтуры!
 Изъ *илтъ* за деньги тамъ выходитъ да!»

Швырнувъ его, умчался бѣсъ понурый,
 И никогда съ такою быстротой
 За воровъ песь не мчался изъ кануры.

Тотъ въ глубь нырнулъ и всплыль облить смолой;
 Но демоны изъ-подъ скалы висячей
 Вскричали: «Здѣсь иконы нѣтъ святой!»

Не Серкьо здѣсь: тутъ плаваютъ иначе!
 Когда не хочешь нашихъ крючьевъ злыхъ,
 Такъ не всплывай поверхъ смолы горячей!»

И сто багровъ въ него вонзили внигъ,
 Вскричавъ: «Пляши, гдѣ варъ сильнѣй вскипаетъ,
 И, если можешь, надувай другихъ!»

Такъ поваренковъ поваръ заставляетъ
Крючками мясо погружать въ котлѣ,
Когда оно поверхъ воды всплываетъ. —

Тутъ добрый вождь сказалъ: «Пока во мглахъ
Они тебя еще не увидали,
Пойди, прижмись къ той рухнувшей скалѣ.

И чѣмъ бы мнѣ они ни угрожали,
Не бойся: съ ними я давно знакомъ,
Они и прежде въ споръ со мной вступали.»

И черезъ мостъ онъ перешелъ потомъ;
Когда жъ достигнулъ до шестаго берега, —
Онъ имъ предсталъ съ безтрепетнымъ челомъ.

Съ той яростью, съ той быстротою бѣга,
Съ какою мчатся псы на бѣдника,
Что подъ окномъ вдругъ попросилъ ночлега, —

Вмигъ вылетѣлъ ихъ рой изъ-подъ мостка,
Поднявъ багры; но онъ въ святой зацѣпъ
Вскричалъ: «Ни чья не тронь меня рука!

Пусть, прежде чѣмъ багры въ меня вонзите,
Одинъ изъ васъ предъ мой предстанеть лавкъ;
Потомъ меня терзайте, какъ хотите!»

«Ступай, Злой Хвостъ!» тутъ подняли всѣ крикъ,
И вышелъ Хвостъ (они жъ за нимъ ни шагу)
И спросилъ: за чѣмъ онъ къ нимъ проникъ?

«Вошелъ ли бѣ я, Злой Хвостъ, въ твою ватагу,
Когда бы мнѣ, учитель мой въ отвѣтъ,
«Не подали на подвигъ сей отвагу

Рокъ благотворный и святой завѣтъ.
Пусти жъ меня: такъ небесамъ угодно,
Чтобъ здѣсь живой за мною шелъ во-слѣдъ.»

Вмигъ сокрушилъ онъ въ дерзкомъ гнѣвѣ бесплодной,
Такъ, что багоръ онъ уронилъ къ ногамъ,
Вскричалъ къ другимъ: «Пусть онъ идетъ свободно!»

Тогда мой вождь: «О ты, который тамъ,
Припавъ къ скалѣ, укрылся отъ насилій,
Иди теперь безъ трепета къ врагамъ.»

Я поспѣшилъ туда, гдѣ былъ Виргилій,
А дьяволы всѣ бросились впередъ,
Какъ будто бы свой договоръ забыли.

Такъ (видѣвъ я) былъ устрашенъ народъ,
Что, на условьи выйди изъ Капроны,
Толпу враговъ вдругъ встрѣтилъ у воротъ.

Къ вождю приникнувъ, ждалъ я обороны
И не сводилъ очей съ ихъ страшныхъ харь,
Гдѣ могъ читать всю злость ихъ безъ препоны.

Тогда одинъ, поднявши свой косарь,
Сказалъ другимъ: «Ножемъ его.... хотите ль?»
Другіе: «Ладно! по спинѣ ударь!»

Но бѣсъ, съ которымъ говорилъ учитель,
Туда поспѣшно обратася, сказалъ:
«Прочь, Кутерьма! прочь, дерзкій возмутитель!»

И намъ потомъ: «Здѣсь по уступамъ скалъ
Вамъ нѣтъ дороги: въ страшномъ томъ провалѣ
Весь раздробленный сводъ шестой упалъ.»

Но если вы идти хотите даль, —
Черезъ этотъ гротъ ступайте въ мрачный адъ:
Вблизи есть путь такой же какъ вначалѣ.

Ужъ тысяча и двѣсти шестьдесятъ
Шесть лѣтъ, повднѣй сего пятью часами,
Вчера свершилось, какъ здѣсь рухнулъ скать.

Отрядъ моихъ туда пошлю я съ вами:
Взглянуть, не всплылъ ли кто тамъ надъ смолой;
Идите съ ними смѣлыми стопами.

Маршъ, Криволець, Давило и Борзой!
Онъ крикнулъ, ада огласивъ вертепы:
«Веди ихъ, Чортъ съ курчавой бородой!»

Маршъ, маршъ, Драконье Жало, Вихрь Свирѣпый,
И Вепрь Клыканы и Душеловъ, злой духъ,
И Адскій Сычъ, и Красный Чортъ нелѣпый!

Кругомъ обшарьте прудъ, а втихъ двухъ
Оберегайте до моста другаго,
Чтобъ, уцѣлѣвъ, идти черезъ этотъ кругъ.
— «О, ужасъ! Вождь мой, что я вижу снова?
О, безъ вождей,» я рекъ, «пойдемъ одни!
Коль знаешь путь, къ чему вождя инаго?
Когда ты мудръ, какъ былъ ты искони, —
То какъ не зришь, что зубы ихъ скрежещутъ
И что бровями намъ грозятъ они?»
И онъ: «Не бойся! пусть глаза ихъ блещутъ,
Пусть, какъ хотятъ, скрежещутъ ихъ клыки:
Отъ ихъ угрозъ лишь грѣшники трепещутъ.»
Плотиной, влево, двинулись полки;
Но прежде всь, взглянувъ на воеводу,
Вмигъ стиснули зубами языки, —
И протрубили онъ подъ хвостомъ къ походу.

ПѢСНЬ XXII.

**НАВАРРЕЦЪ ЧАМПОЛО. ПРОДѢЛКА ЕГО СЪ ЗЛЫМИ ЛАПАНИ.
ДРАВА МЕЖДУ НИМИ ПО ЭТОМУ СЛУЧАЮ.**

Ужъ я видалъ, какъ всадники рядами
Идутъ на смотръ и рубятся съ врагомъ
И какъ порой бѣгутъ передъ врагами;
Назадниковъ видалъ въ краю твоемъ,
Арецо! видалъ ихъ набѣгъ удамый,
Въ турнирахъ битвы, бѣгъ коня съ конемъ,

Когда рога, колокола, кимвалы,
Иль съ крѣпостей дадутъ на бой сигналъ, —
Вдалѣ чужихъ и нашихъ войскъ сигналы.

Но, думаю, никто не подавалъ
Такихъ сигналовъ пѣшимъ, или коннымъ,
Иль морякамъ при видѣ звѣздъ и скалъ.

Съ десяткомъ бѣсовъ шли мы къ осужденнымъ:
Ужасный строй! но въ церкви — со святымъ,
Въ гостиницѣ — съ обжорой беззаконнымъ.

Взоръ приковалъ къ волнамъ я смолянымъ:
Желалъ я знать устройство сей долины,
И кто казненъ подъ кипаткомъ густымъ.

Какъ морякамъ изгибомъ спишь дельфины
Даютъ намекъ, что время ужъ спасать
Ихъ корабли отъ бури средь пучины:

Такъ иногда, чтобъ злую боль унять,
Мелькнетъ спина того, другаго духа,
И молніей скрывается опять.

И какъ лягушки, скрывъ съ ногами брюхо
Въ водѣ канавы, по краямъ сидятъ,
Просунувъ морды на песокъ, гдѣ сухо:

Такъ грѣшники со всѣхъ сторонъ глядятъ;
Но адскаго при видѣ караула
Всѣ подаются съ ужасомъ назадъ.

Одна лишь тѣнь — о страхъ! — не ускользнула,
Какъ иногда лягушка, всѣхъ смѣльи,
Сидитъ, когда другая ужъ спрыгнула.

И Душеловъ, подкравшись ближе къ ней,
Крюкъ замоталъ въ кудряхъ ея смолистыхъ
И вытащилъ какъ выдру изъ зыбей.

Ужъ я узналъ всѣ имена нечистыхъ,
Замѣтивъ ихъ при выборѣ, когда
Ихъ строй пошелъ къ смолѣ съ береговъ скалистыхъ.

«О, Красный Чортъ, скорѣй, скорѣй сюда
И кожу всю сдери съ души безбожной!»
Проклятые всѣ крикнули тогда.

И я: «Мой вождь, развѣдай, если можно,
Кто сей несчастный здѣсь себя сгубилъ,
Врагамъ попавшись такъ неосторожно?»

Ставъ близъ него, учитель мой спросилъ:
«Гдѣ ты рожденъ?» и онъ въ отвѣтъ: «Въ Наваррѣ;
Тамъ при одномъ сеньорѣ я служилъ;

Отецъ же мой сгубилъ себя въ пожарѣ
Слѣпыхъ страстей и разорилъ весь домъ —
Первыйшій мотъ! Потомъ при государѣ

Тебальдѣ Кроткомъ я служилъ рабомъ.
Тогда-то я предался гнусной страсти,
Въ чемъ мы отчетъ въ смоля здѣсь отдаемъ!»

И Вепрь Клыканъ — а у него изъ пасти,
Какъ у свиньи, торчали по бокамъ
Клыки — однимъ сталъ рвать его на части.

Попалъ мышенокъ въ лапы злымъ котамъ!
Но ихъ капралъ, обнявъ его руками,
«Прочь!» закричалъ, «пока натѣшусь самъ!»

И устремясь къ учителю глазами
«Спроси еще», сказалъ, «но поспѣши;
Не то его здѣсь разорвутъ баграми.»

Тогда мой вождь: «И такъ намъ опиши,
Кто изъ Латиновъ здѣсь покрытъ смолою?»
И онъ: «Сейчасъ ушелъ я отъ души

Того, кто жилъ въ сосѣдствѣ съ ихъ странюю.
О, еслибъ съ нимъ я скрылся въ кипатокъ,
Не слышалъ бы когтей ихъ за спиною!»

Тутъ Вихрь Свирѣпый крикнулъ: «Конченъ срокъ!»
И, въ руку крякъ ему вонзивъ, помчался,
Рванулъ и вырвалъ изъ нея кусокъ.

Драконье Жало также ужь подкрался
Ужалить ногу; но десятникъ ихъ
Кругомъ, кругомъ злымъ окомъ озирался.

Тогда мой вождь — едва ихъ гнѣвъ притихъ —
Спросилъ того, что съ ужасомъ во взорѣ
Еще смотрѣлъ на кровь изъ ранъ своихъ:

«Кто жь этотъ духъ, съ кѣмъ ты разстался вскорѣ,
Не въ добрый часъ покинувъ страшный прудъ?» —
— «То былъ Гомита,» отвѣчалъ онъ въ горѣ,

«Монахъ Галлурскій, всякой лжи сосудъ:
Надъ пльнными бывъ стражемъ у владыки,
Онъ честь снискалъ себѣ отъ нихъ за трудъ.

За деньги онъ пускалъ ихъ безъ улики,
Какъ говорить, и въ каждомъ ремеслѣ
Былъ взяточникъ не малый, а великій.

Донъ Лагодорскій, Цанке, съ нимъ въ смогѣ:
Ихъ лъвыки усталости не знаютъ
И все толкуютъ о родной землѣ.

Но посмотри, какъ тамъ глаза сверкаютъ!
Мѣшаются отъ ужаса слова;
Того и жду, что спину поласкаютъ!»

Тогда взглянулъ бѣсовскій голова
Туда, гдѣ Сычъ таращилъ очи злобно,
И крикнулъ: «Прочь, зловѣщая сова!»

— «Хотите ль видѣть и узнать подробно
Тосканцевъ, или Ломбардцевъ?» молвилъ намъ
Испуганный: «здесь ихъ созвать удобно.

Пусть Злыя Лапы отойдутъ къ скаламъ,
Чтобъ грѣшники отъ нихъ не ждали мести;
А я, сидя на этомъ мѣстѣ, къ вамъ

Одинъ какъ есть внигъ призову ихъ двѣсти,
Лишь свисну имъ: есть уговоръ у насъ
«Предъ выходомъ давать другъ другу вѣсти.»

Борзой тутъ рыло поднялъ вверхъ, потрясъ
Башкой и молвилъ: «Онъ хитерь: отъ муки
Въ смоль задумалъ онъ исчезнуть съ глазъ!»

Но тотъ, который былъ богатъ на шутики:
«Хитерь?!... О, слишкомъ буду я хитерь,
Когда предамъ товарищей вамъ въ руки!»

Тутъ Криводегъ другимъ наперекоръ
Сказалъ: «Попробуй прыгнуть, за тобою
Не побѣгу въ погонь во весь опоръ,

По крыльями взмахну я надъ смолою.
Каковъ-то будетъ у тебя успѣхъ,
Увидимъ мы, укрывшись за скалою!»

Послушайте, какой тутъ вышелъ смѣхъ! —
Всѣ въ сторону оборотили взоры,
И тотъ всѣхъ прежде, кто былъ противъ всѣхъ.

Мигъ улучилъ тогда Наваррецъ скорый:
Всталъ на ноги и въ смолу въ тотъ же мигъ
Прыгнулъ, вести имъ предоставивъ ссору.

Такой ударъ всѣхъ озадачилъ ихъ;
Но бѣсъ, виновникъ шутокъ неприятной,
Помчался съ крикомъ: «И тебя настигъ!»

Напрасный трудъ! быстрее былъ стократно
Испугъ, чѣмъ крылья: духъ пошелъ ко дну,
А бѣсъ вернулся на лету обратно.

Такъ утка вмигъ ныряетъ въ глубину
Отъ сокола, а онъ, обмануть уткой,
Разсерженный, несется въ вышину.

Тогда Давило, разбышенный шуткой,
Помчался вихремъ, радъ, что есть предлогъ
Подрагаться съ тѣмъ, предъ кѣмъ обманщикъ чуткой

Исчезъ въ смоль, и когти рукъ и ногъ
Въ товарища впустилъ и такъ надъ ямой
Сдѣялся съ нимъ. Но тотъ былъ самъ не плохъ:

Какъ ястребъ самъ сцѣпился съ ними упрямо
Когтми, и драка страшная была,
Пока не пади въ прудъ кипящій прямо.

Смола обожхъ тотчасъ разняла,
Но не было въ нихъ силъ взлетѣть надъ лавой:
Такъ облѣпила крылья имъ смола !

Тутъ сжалился надъ ними Чортъ Курчавый :
На помощь имъ велить тащить багры,
И четверо, налѣво и направо,

Спустились въ ровъ съ обрывистой горы,
И крючьями ихъ зацѣпивъ во мракъ,
Вмигъ извлекли изъ смоляной коры.

И мы пошли, чертей оставивъ въ дракъ.

Димитрій Минъ.

ВАШЪ СТАРЫЙ ЗНАКОМЫЙ.

ПОВѢСТЬ.

Сердце человѣческое пронасть ; два
которой не дано изслѣдовать никому.

Новѣйшая Хрестоматія для юношества.

Герой извѣстенъ и не повѣ предметъ....

Лермонтовъ.

I.

На какихъ-то водахъ, куда меньше всего ѣздятъ больные, но гдѣ съезжается бездна здоровыхъ, съ разными цѣлями, кто прогнать сплинъ, кто попытать счастья въ игру, кто изъ экономическихъ видовъ, напримѣръ чтобы не занимать дачи на Каменномъ острову или, мѣсяца на два на три избавиться отъ однажды возложенной на себя обязанности давать еженедѣльные рауты съ буфетомъ въ залѣ и непременно хотя одною современною знаменитостію въ числѣ гостей, что всегда обходится чрезвычайно-дорого, на какихъ-то водахъ, говорю, — а такихъ мѣсть, въ послѣднее двадцатилѣтіе, благодаря Бога, развелось въ Россіи довольно, отъ Оренбурга до Одессы, отъ Гельсингфорса до Пятигорска, — на какихъ-то водахъ Дмитрій Николаевичъ Ижоринъ, въ первый разъ, столкнулся съ Лидневыми.

Семейство Лидневыхъ, въ ту пору, состояло изъ двухъ субъектовъ, матери вдовы и дочери невесты... Я называю мать вдовою, потому что мужъ ея умеръ, года за три, до начала моего разказа, — дочь невестою, за тѣмъ что ей было 17 лѣтъ или около того.

Мать звали Анной Петровной, дочь Софьей Михайловной.

За чѣмъ Лидневы прѣехали на воды — объ этомъ ихъ, разумется, никто не спрашивалъ; какимъ образомъ или, вѣрнѣе, съ какою цѣлью, на тѣхъ же водахъ, очутился Ижоринъ, — этого онъ и самъ не зналъ.

Но о томъ какъ легко знакомятся на водахъ, на ярмаркахъ, на пироскафахъ, дорогой или соотечественники за границей, — слыхалъ каждый. И если вспомнить сколько и тутъ и тамъ, т. е. во всѣхъ этихъ случаяхъ, общество бываетъ смѣшано и разнокачественно, то нужно-ли объяснять почему, въ тѣхъ-же случаяхъ, такъ легко сходятся люди одного круга? Картежникъ ищетъ картежника, ремонтёръ знакомится съ ремонтёромъ, артистъ съ артистомъ, столичный житель радъ возможности посѣщать семейство хорошаго тона, сложившее съ себя свою угрюмую оффиціальность, которой никто не возить съ собою на воды.

Вскорѣ по прѣздѣ въ Н., познакомившись съ Лидневыми, Ижоринъ сталъ бывать у нихъ почти каждый день.

Въ тотъ годъ, какъ нарочно, на водахъ случилось не много посѣтителей, и ему не трудно было замѣтить Лидневыхъ въ числѣ пяти или шести семей, прѣхавшихъ изъ Петербурга. Они, во всѣхъ отношеніяхъ, принадлежали къ цвѣту хорошаго общества, того, къ которому привыкъ Ижоринъ, въ которомъ родился и вращался отъ колыбели.... И молодежи, какъ на грѣхъ, такого свойства какъ Ижоринъ, на водахъ оказалось мало. Все это должно было ихъ сблизить.

Лиднева-мать, не отличая видимо Ижорина отъ другихъ своихъ водяныхъ знакомыхъ, молодыхъ и старыхъ, мужчинъ и женщинъ, казалась очень довольна знакомствомъ съ нимъ; что касается до дочери, трудно было рѣшить, какое впечатлѣніе производилъ онъ на нее, — потому-ли что Русскимъ дѣвцамъ, вообще, благоразумно воспрещается обнаруживать предъ кѣмъ то ни было свои впечатлѣнія, потому-ли что для нее, въ то время, еще не наступила пора сознанія. За всѣмъ тѣмъ Софья Михайловна, даже при гостяхъ, безъ ужимокъ

разыгрывала съ Ижоринымъ на фортепіано, лучшемъ какое только могли достать на водахъ, разныя піасы въ четыре руки, и, иногда фальшивя, пѣла Итальянскія аріи, подь его аккомпаниментъ.

Последнія явленія давали поводъ къ разнымъ заключеніямъ со стороны водяныхъ языковъ: злословіе исключительная болѣзнь, весьма-обыкновенная на водахъ. Большинство утверждало, что Ижоринъ женится на Софѣ.

Мужчины знали, оттого что она успѣла прослѣтъ богатой невѣстой; матери дочерей невѣсть тоже знали, оттого что одна изъ нихъ, самая нежная, какимъ-то образомъ, дозналась, что Ижоринъ служилъ въ гвардіи и что у него прекрасное имѣніе подь Тамбовомъ и другія, не-менѣе прекрасныя, въ другихъ губерніяхъ, не менѣе плодородныхъ, о чемъ, конечно изъ ревности къ общему благу, постышила разболтать другимъ матерямъ.

Изъ молодыхъ людей болѣе близкіе съ Ижоринымъ уже поздравляли его, какъ бы полушутя. Въ отвѣтъ на эти поздравленія Ижоринъ улыбался, но не той улыбкой, за которой побѣдитель хочетъ иногда скрыть свою побѣду, съ тѣмъ именно, чтобы болѣе увѣрить всякаго въ своей удачѣ, а тѣмъ добродушнымъ смѣхомъ, который значилъ:

— Какъ же вы всѣ глупы, и видно у васъ головы-то пусты и понятія-то кривы, что не можете вы допустить никакого сближенія между мужчиной и женщиной молодыхъ лѣтъ, безъ того, чтобы, за этимъ, не послѣдовала, по крайней мѣрѣ, женитьба!

Но поздравлявшіе толковали его улыбку иначе, по своему.

Слухи, распространяемые кореннымъ и наноснымъ населеніемъ уезднаго города, доходили и до Лиднскихъ. Мать не обращала на нихъ никакого вниманія. Съ одной стороны она слишкомъ хорошо знала цѣну и себѣ и дочери, чтобы оскорбляться ими; съ другой, она не видѣла особенной причины бояться осуществленія того, что, покуда, еще сложилось только въ разгоряченныхъ фантазіяхъ людей, вѣчно-озабоченныхъ чужими дѣлами и, частію, уже было рѣшено

ими, лишь бы дочери вздумалось согласиться на такое рѣшеніе. Въ самомъ дѣлѣ, Ижоринъ, сколько ни смотрѣла на него Лиднева, казался ей челоуѣкомъ столько порядочнымъ и столько способнымъ составить счастье порядочной жещины, чтобы она не позволила бы себѣ колебаться ни одной минуты, если бы дочь, отдавши ему сердце, спросила у ней позволенія отдать ему и руку. Неволять же свою дочь, возбуждать въ дочери склонность къ челоуѣку, къ которому та склонности не оказывала и, сколько могла понять она, не чувствовала, объ этомъ она никогда бы и не подумала, потому что слишкомъ много любила дочь и сама слишкомъ еще молода была чувствомъ.

Когда городскія сплетни мелкоуъ долетали до Софьи, она прилично краснѣла, но что же, ей-то бѣдной, оставалось дѣлать?

Ижоринъ точно не думалъ о женитьбѣ. Не то чтобы ему не нравилась Софья, не то чтобы она была дурна собою, не то чтобы онъ считалъ себя слишкомъ молодымъ или слишкомъ старымъ для женитьбы, а такъ: жениться, въ эту пору, онъ не находилъ большой надобности, и не было особенной охоты. Принуждать же себя въ чемъ бы то ни было онъ не привыкъ: таковъ былъ счастливый удѣлъ его отъ пеленокъ! Сколько и что бы мать дала за Софьей, этого онъ не зналъ, да и справиться когда-нибудь о состояніи Лидневыхъ ему ни разу не пришло и въ голову, а будь у нихъ хоть миллионы, это не подвинуло бы его къ союзу съ Софьей, не встрѣтъ онъ помимо всего, въ самомъ себѣ, желанія это сдѣлать, на томъ основаніи, что свободу свою онъ цѣнилъ дороже всего на свѣтѣ.

Анна Петровна до того любила свою дочь, до того была увѣрена въ ней и, съ тѣмъ вмѣстѣ, такъ велико было уваженіе, которое умѣлъ, въ обихъ, снискать Ижоринъ, что она, однажды, сама завела съ нимъ рѣчь обо всемъ, что на ихъ счетъ сложено было на водахъ.

Разговоръ, начавшійся смѣхомъ, смѣхомъ и кончился.

— Пусть ихъ забавляются, сказалъ Ижоринъ; намъ какое дѣло до нихъ?.... Я бы, можетъ быть, не сказалъ этого,

будь мы въ Петербургъ, а здѣсь кто васъ знаетъ? Кто знаетъ меня? Если же бы, и въ самомъ дѣлѣ, кому-нибудь изъ нихъ, вздумалось выпустить что-нибудь объ насъ въ Петербургъ, кто ихъ будетъ слушать тамъ? Кто имъ повѣритъ?

И Лиднева согласилась съ нимъ.

И должна была она согласиться, потому что былъ у нее и здравый смыслъ, и тактъ женщины хорошаго общества, и ясный взглядъ на вещи, не затемненный безусловною вѣрою въ глупыя вычурныя того же общества.

Ижоринъ продолжалъ бывать у Лидневыхъ. Его принимали съ тѣмъ же непринужденнымъ радушіемъ, нынче какъ вчера. Продолжалась дуэты съ дочерью, бесѣды съ матерью. Вы бы сказали, что они знакомы двадцать лѣтъ. Комментаріи шли своимъ чередомъ. Вниманіе тѣхъ, кто были ихъ предметомъ, не росло ни мало, что, по обычаю поджигало злословіе.

Въ такомъ порядкѣ прошло лѣто и подошла осень.... Воды, по немногу, стали пустѣть. Нѣкоторые изъ гостей, кому, повидимому, давно уже наскучили онѣ, однако же, не ѣхали: упорно выжидали они заблаговременно предсказанной ими развязки романа, котораго всѣ нити были сплетены соединенными силами съ такою любовью. Между тѣмъ не было возможности разсѣсть предѣлъ этой развязки, что болѣе еще возстановляло всѣхъ на Лидневыхъ и на Ижорина.

Однимъ утромъ, у Лидневыхъ собралось челоуѣкъ до пятнадцати; къ дому подъѣхала карета, запряженная четверкою почтовыхъ лошадей.

Когда, вслѣдъ за тѣмъ, въ гостиную вошелъ Ижоринъ, въ дорожномъ костюмѣ, на лицахъ гостей выразилось какое-то странное недоумѣніе. Всѣ лица вытянулись на подобіе вопросительныхъ знаковъ, но, сверхъ того, на каждомъ порознь, выступило что-нибудь особенное. Одно лице хотѣло сказать:—Что же это значитъ? Развѣ онъ не женится на ней?

Другое: — За чѣмъ же они не ѣдутъ всѣ вмѣстѣ?

Третье: — Ну вѣрно женихъ, коли, мало того, что входитъ безъ доклада, но еще подъѣзжаетъ къ самому дому въ дорожномъ экипажѣ и, при насъ, рѣшается войти въ такомъ неглиже, почти въ охотничьемъ платьѣ ?

Четвертое: и т. д.

Словомъ, каждое лицо говорило свое. Начали перешептываться.

Остались, въ нормальномъ положеніи, только лица вошедшаго и хозяекъ, что, будучи замѣчено гостями, было единогласно, хотя безмолвно, отнесено къ заговору между ними и, непростительному ни въ какомъ случаѣ, лицемѣрію.

Ижорникъ поклонился всѣмъ вообще, потомъ подошелъ къ Аннѣ Петровнѣ и сѣлъ возлѣ нее.

— Что это, вы ужь ѣдете, Дмитрій Николаевичъ? какъ неожиданно! сказала хозяйка.

(На лицахъ нѣкоторыхъ гостей недоумѣніе, на другихъ саркастическая улыбка, которую можно перевести такъ: — знаемъ мы васъ какъ вы плохо играете!)

— Ъду и тороплюсь: сегодня утромъ получилъ я письмо отъ брата; пишетъ, что у насъ началась охота, а я страстный охотникъ.

(Общая улыбка, болѣе первой многозначительная; вотъ ея переводъ: — Куда какъ тонокъ!)

— Скажите же пожалуйста: мы увидимся съ вами въ Петербургъ, нынѣшней зимой?

(Негодование....)

— Не знаю какъ сказать. Не думаю. Я въ нынѣшнемъ году сдѣлалъ такой брешъ моему кошельку, что врядъ ли управляющій отпуститъ меня скоро изъ деревни.

(Лица гостей, внимательно-прислушивающихся, выражаютъ положеніе людей, при которыхъ бы вздумали объясняться по-Еврейски).

— Вы говорите не шутя?

— И очень....

— Вдвойнѣ жалко: неприятно за васъ. Каково провести зиму въ деревнѣ?... А я считала на контрдансъ съ вами для моего первого бала.

— Вы слишкомъ любезны.

— Не забудьте, по крайней мѣрѣ, что мы живемъ на Англійской набережной, въ домъ Н.

За этимъ Ижоринъ всталъ, простился съ хозяйкой, сказалъ дочери нѣсколько словъ ничего не значащихъ, поклонился гостямъ, все еще удивленнымъ и недоумѣвавшимъ, вышелъ и уѣхалъ.

Гости, поспѣвши, разошлись по домамъ недовольные. Надо было отправляться во сволси, не дождавшись окончанія романа. Расчетъ не удался.

Досталось же героинѣмъ и герою!

На другой день по отъѣздѣ Ижорина уѣхали и Лидневы.

Такая поспѣшность, совершенно случайная, я имѣю право говорить это положительно, обошлась Лидневымъ не даромъ: въ то время какъ одна дормеза уносила ихъ въ одну сторону, а другая Ижорина въ географически-противоположную, услужливые языки соединяли ихъ подъ Петербургомъ, самые усердные на третьей стациіи отъ воды, гдѣ Ижоринъ, какъ выѣхавшій днемъ раньше, по общимъ соображеніямъ, долженъ былъ ожидать Лидневыхъ. Не нашлось, по несчастію, на водахъ одного Ноздрева, чтобы подслужиться имъ своими лошадьми!

Но мы знаемъ, что они поѣхали по разнымъ дорогамъ, и всего замѣчательнѣе, что ни тотъ, ни другіи не направили пути своего къ Петербургу: Лиднева съ дочерью поѣхала къ себѣ въ деревню; Ижоринъ скакалъ къ Тамбову, сломя голову, словно за наслѣдствомъ.

Едва оставилъ онъ за собою послѣднюю изгороду водянаго мѣстечка, какъ уже забылъ о немъ, принеся въ жертву мечтамъ объ охотѣ, которой ожидалъ съ нетерпѣніемъ, воспоминанія о водяныхъ днѣхъ; иначе, быть можетъ, они и оставили бы въ его памяти какіе-нибудь слѣды.

Мы разстанемся съ Ижоринымъ года на три-четыре: можетъ быть, разлука съ нимъ помирить васъ, если вы уже сердитесь на него. Представьте себѣ, что и Лидневыхъ вы не видали сколько же времени....

Четыре зимы спустя послѣ поѣздки своей на воды, Ижоринъ пріѣхалъ въ Петербургъ.

Весь этотъ промежутокъ времени онъ провелъ, по прежнему, безъ положительной цѣли, въ странствованіи по сушѣ и морямъ.

Явившись въ Петербургъ, невидавшемъ уже его довольно давно, онъ постыдился, во-первыхъ, исполнить сладкія обязанности родства, т. е. показать свое постарѣвшее нѣсколькими годами лицо всѣмъ дядюшкамъ и тетушкамъ (такою благодатною судьба снабдила его щедро, какъ и всякаго столбовога Русскаго дворянина), потомъ объѣхалъ знакомыхъ, старыхъ товарищей по службѣ и школѣ и, наконецъ, приказалъ кучеру везти себя на Англійскую набережную, къ Лидневымъ.

— Анны Петровны нѣтъ въ Петербургъ, сказалъ швейцаръ, и, узнавши въ Ижоринѣ одного изъ постоянныхъ гостей своей барыни на водахъ, тому четыре года, объяснилъ, что Анну Петровну ждутъ со дня на день изъ Москвы, куда она поѣхала еще по послѣднему пути на крестины къ Софьѣ Михайловнѣ. (Швейцаръ прежде служилъ камердинеромъ при Аннѣ Петровнѣ и былъ съ нею на водахъ.)

— Такъ Софья Михайловна замужемъ? спросилъ Ижоринъ. Въ его голосъ слышалась какая-то нота, странная и ему не свойственная.

— Какъ-же-съ: другой годъ доходить — былъ отвѣтъ.

Ижоринъ не счелъ нужнымъ продолжать разговоръ, загнулъ карточку, сказалъ свой адресъ и просилъ, чтобы ему дали знать, когда пріѣдетъ барыня.

Возвратившись домой, онъ скоро забылъ о Лидневыхъ и о нотѣ, какъ-то нечаянно вырвавшейся у него изъ гортани при вопросѣ о Софьѣ, въ силу-ли привычки не останавливать вниманія на-долго ни на чемъ, или вслѣдствіе страсти, до-

волью общей дѣтямъ нынѣшняго вѣка, накоплять и разнообразить впечатлѣнія дня, дискразіи занесенной къ намъ съ запада, вмѣстѣ съ другими повѣтріями, вредными не менѣе ея.

На дворѣ стояли святки съ ихъ блистательными балами, маскарадами, публичными и частными.

Само собою разумѣется, что Ижорину нужно было поспѣть вездѣ. Онъ и поспѣвалъ вездѣ, но трудно понять какъ ставало его на этотъ непрерывный рядъ бессонныхъ ночей, на эти вѣчные ужины, увѣнчиваемые шампанскимъ, на бѣготню съ масками для пныхъ интересными и церемонное и мѣрное хожденіе съ другими масками, вовсе не интересными ни для кого? Откуда бралъ онъ силы? Откуда время?

Зачѣмъ онъ ѣздилъ повсюду, зачѣмъ мучилъ и себя, и людей своихъ, и лошадей своего извозчика, этого Ижоринъ, спросите вы его о томъ, — и самъ бы не умѣлъ сказать тогда. Ясно, что ему, видѣвшему и публичные балы Парижа и карнавалъ Венеціи, имѣвшему свободный доступъ въ отели Сен-Жерменскаго предмѣстія и на рауты первыхъ представителей. Трехъ соединенныхъ королевствъ, трескотня свѣтская и уличная не могла казаться диковиной; но до того уже втянулся Ижоринъ въ это безпрестанное движеніе, что онъ не могъ, живя въ столицѣ, ни минуты посидѣть дома, хотя и въ маскарадѣ, и въ собраніи, и на балѣ ѣхалъ безъ цѣли, хотя и оперу слушалъ безъ страсти, и балетъ смотрѣлъ зѣвая; хотя и зналъ напередъ какою любезностію встрѣтитъ его та или другая хозяйка дома, о чемъ будетъ говорить съ нимъ мужъ, гдѣ ему предложить карточку, гдѣ будутъ убедительно просить танцовать.... Не такими-ли дѣлаемся всѣ мы въ извѣстную эпоху жизни, если судьба съ дѣтства баловала насъ, предоставивъ съ раннихъ лѣтъ въ наше распоряженіе средства наслаждаться жизнью и рвать да рвать по дорогѣ цвѣты?

Есть люди съ другимъ удѣломъ: труженики жизни, тѣ осуждены встрѣчать на каждомъ шагѣ мудреные вопросы; жизненное поприще тѣхъ людей, отъ перваго дня, слагается изъ препятствій и неудачъ: грустно ихъ прошедшее, не-

весело настоящее, темно будущее. Для людей этого рода театр — наслаждение, маскарад или балъ происшествіе, улыбка женщины — счастье! Подобныхъ условийъ жизни не зналъ Ижорингъ: дѣтство его было рядъ удовлетворенныхъ прихотей, юношество продолженіемъ той же пѣсни, а зрѣлый возрастъ, въ который онъ считалъ себя вступившимъ съ того дня, какъ камердинеръ нашелъ въ его головѣ съдой волосъ, т. е. съ 28 лѣтъ, отличалось, по его собственному признанію, отъ двухъ первыхъ періодовъ только тѣмъ, что онъ промѣнялъ шампанское вино на бургонское и получалъ отвращеніе къ женщинамъ «съ шикомъ», которыя, прежде, составляли предметъ его поклоненія, какъ и многихъ юношей.... И великое счастье для Ижорина, что судьба, осыпавъ его такъ щедро своими дарами, не забыла удѣлить ему и достаточное количество здраваго смысла и простаго, природнаго ума, которыхъ никогда не замѣняли бы ни воспитаніе, ни богатства, ни жизненный опытъ: иначе Ижорингъ непременно сдѣлался бы фатомъ. Но, благодаря его логикѣ, врожденной и ясной, этого не случилось. Онъ не драпировалъ себя въ интересную мантию ранняго разочарованія, хотя многое видѣлъ и много испыталъ, не хвалился победами надъ женщинами, хотя вдоволь былъ любимъ ими, не хвастался умѣиємъ стрѣлять въ цель, хотя могъ изъ трехъ разъ два попасть въ туза изъ пистолета въ 20 шагахъ, — и, при всемъ этомъ, жилъ не ровща на судьбу, хотя, подъ часъ, и долженъ былъ сознаться самому себѣ, что его жизнь, не ознаменованная ни однимъ несчастіемъ, хуже и пустѣе жизни поденщика, которому дано знать сладость отдыха послѣ суетнаго лошадиаго труда.

Характеры, выработавшіеся при тѣхъ условіяхъ, подъ которыми росъ и развивался Ижорингъ, рѣдко имѣютъ такой исходъ: вотъ почему, я думаю, нельзя достаточно цѣнить ихъ.

....Святки текли своей пушистой дорогой, весело для однихъ, только шумно для другихъ, подъ граціозные аккорды Германа и Лядова.... Это было во времена славы старика Германа; скажите, а давно ли?

На одномъ изъ тѣхъ съездовъ, куда толпою собрался цвѣтъ Петербургскаго общества потанцовать, полюбезничать, поужинать и позлословить, и гдѣ, вы уже отгадали, былъ и Ижоринъ, едва кончился первый кадрилъ и мужичины отошли небольшими кружками въ одинъ изъ концовъ танцевальной залы, лѣксий доложилъ:

— Графъ и Графиня Б....!

Мужчины съ любопытствомъ повернулись къ двери офицантской. Видно было, что они ожидали появленія чего-то особеннаго.

— Что такое? спросилъ Ижоринъ у одного изъ своихъ сосѣдей.

— Графиня Б.... Развѣ вы не слышали о ней? Вотъ что значитъ не быть въ Петербургъ нѣсколько лѣтъ.... У насъ что день, то новое чудо.

— Не слыжалъ....

И, вмѣстѣ съ другими, Ижоринъ машинально смотрѣлъ по направленію къ двери.

Вошелъ кавалергардъ въ красномъ мундирѣ и, объ руку съ нимъ....

Ижоринъ остолбенѣлъ.

Кавалергардскій офицеръ вслѣзъ подъ руку жену свою, Софью Михайловну.

Неизмѣримо было разстояніе отъ Графини Б. до той Софьи Михайловны Лидзевой, которую, въ первый разъ, встрѣтилъ Ижоринъ на водахъ, тому четыре года. Не могъ онъ однако же не узнать ся: то же лицо, тѣ же глаза, тотъ же ростъ, тѣ же волосы, все это, конечно, и не успѣло измѣниться, а, все-таки онъ видѣлъ передъ собою другую женщину, да что другую? онъ, прежде и не зналъ въ ней женщины, а теперь она была женщина въ полномъ смыслѣ слова, и еще свѣтская женщина съ тѣмъ магическимъ ореоломъ, который придаютъ красоту богатство, увѣренность въ самой себѣ и удовольствіе шегольнуть мужемъ молодцомъ и блистательнымъ кавалеромъ.

Прозрачное газовое платье темноголубаго цвѣта, сверхъ бѣлой атласной юбки, казалось наброшеннымъ кистью на мастерски-изваянныя формы Графини, такъ рѣзко обозначалась каждая изъ этихъ формъ сквозь газъ и атласъ. Вѣнокъ изъ васильковъ, почти безъ зелени, удивительно отбивалъ золотистый отливъ ея белокурой, густой косы; на матовой близны шеѣ, какъ бы нечаянно-забытая, вилась нитка дорогаго жемчуга, скръпленная сзади однимъ изъ тѣхъ солитеровъ, какіе, развѣ пятидесятилѣтіями, выбрасываютъ рудники Кордильерскіе; въ рукъ Графиня держала букетъ изъ бѣлыхъ камелій.

Цѣлое было ослѣпительно.

Представьте же себѣ, что сдѣлалось съ Ижоринымъ. Три года тому назадъ ему показали силуэтъ, начерченный, можетъ быть, и довольно опытной рукой, но на-скоро, карандашомъ и такъ, что даже трудно было рѣшить, хорошгъ ли оригиналъ; теперь передъ нимъ стоялъ портретъ того же лица, но во весь ростъ, писанный художникомъ, и великимъ художникомъ. Силуэтъ почти отдавали Ижорину, но портретъ неотъемлемо и безвозвратно принадлежалъ другому....

Не будемъ, однако же, пристрастны къ Ижорину. Онъ былъ художникъ въ душѣ, о томъ ни слова, но не одно артистическое чувство въ немъ при видѣ Графини: зазвучали и другія струны.

Вы, можетъ быть, уже и поняли это.

Во всякомъ случаѣ ему нужно было видѣть Графиню не на балѣ, нужно было говорить съ нею, нужно было.... да мало ли что?

— Какъ?

— Что такое?

— Да за чѣмъ же это?

— Авторъ сошелъ съ ума!

Такіе вопросы слышатся мнѣ.

Повремените.

На балѣ Ижоринъ не подошелъ къ Графинѣ, почему? это сказать не такъ легко; онъ даже не вспомнилъ о томъ, что

мужъ ея, Графъ Б., былъ его старыи товарищъ по школь. И то и другое пришло ему въ голову дома, уже часу въ 6 утра, когда, послѣ тщетнаго усилія заснуть, онъ успѣлъ въ трехъ мѣстахъ прожечь халатъ горячимъ пепломъ сигары, перечитать нѣсколько разъ заглавія всѣхъ книгъ, давно валявшихся на его письменномъ столѣ и выжать съ полдюжины бутылочекъ шипучаго лимонада.

Между тѣмъ какъ утренній свѣтъ, сквозь густыя занавѣски оконъ, просится въ спальню Ижорина, и онъ, бросившись въ постель, ницего возможности забыться сномъ хоть не на долго, не объяснимъ-ли мы, почему такъ взволновало его появленіе Софьи Михайловны, подъ фирмой и съ правами Графини Б.

Четыре года тому назадъ, когда случай свелъ Ижорина съ Лидневыми, понятно, что онъ не обратилъ на Софью особеннаго вниманія. И тогда уже довольно пожилъ Ижоринъ, вдоволь наглядѣлся свеженькихъ губокъ, розовенькихъ и интересно-блѣдныхъ щекъ, черезъ край насльпшался тоненькихъ, серебряныхъ голосковъ, подобныхъ.... ну, подобныхъ чему вамъ угодно. А какъ въ Софьѣ, въ то время, нельзя было найти ничего кромѣ нѣкоторыхъ, весьма обыкновенныхъ атрибутовъ той красоты, что Французы такъ произвольно называли красотою дьявола — *la beauté du diable*, — то на чемъ бы остановился и безъ того уже утомленный глазъ? Если, въ то же время, не нашлось между ними ни одной общей струны, что могло случиться и при разницѣ лѣтъ, и при всѣхъ недостаткахъ красоты Софьиной, по понятіямъ самого Ижорина, не удивительно, что Ижоринъ, въ четыре года разлуки, и не вспомнилъ о Софьѣ, — онъ, которому нужно было помнить обо всемъ или не помнить ни о чемъ. Но когда предстала предъ нимъ женщина въ ея полномъ развитіи, во всемъ блескѣ свѣтской красоты, и память сказала ему, что эта женщина была та самая Софья, которая, четыре года тому, кинулась бы къ нему на шею, только захотѣ онъ этого (въ этомъ, если онъ такъ говорилъ себѣ, Ижоринъ не льстилъ себѣ нимало), и теперь принадлежала другому, не могъ онъ

не сознаться, передь самимъ собою, въ своей оплошности. И, что еще чрезвычайно важно, встрѣтъ онъ Софью объ руку съ какимъ-нибудь старикомъ, сдѣлайся она женою одного изъ тѣхъ безжизненно-восковѣхъ и почтенныхъ лицъ, за которыя, иногда, выходятъ послушныя дочки по приказанію иждившихъ маменекъ, онъ болѣе гораздо пожалѣлъ бы о ней, нежели о себѣ.... Ея несчастіе не дало бы въ немъ мѣста никакому чувству, кромѣ чувства состраданія. Но, узнавъ въ ней подругу человека молодого, имѣвшаго всѣ данныя на ея привязанность, можетъ быть даже на восторженную любовь, Ижоринъ не хотѣлъ простить ей ея счастіе, потому что не могъ простить себѣ свою прошедшую недалёковидность.... Свѣтскій элементъ торжествовалъ.

Появленіе прекрасной четы Б... на балъ произвело въ Ижоринѣ страшное волненіе; въ этомъ волненіи сливалась два двигателя: удивленіе и ревность; оба, на первый взглядъ, равно исполнны. Въ самомъ дѣлѣ, чему было дивиться, что дѣвочка, какъ и большая часть ея свѣтскихъ сестеръ въ извѣстныхъ лѣтахъ, безцвѣтная и ничѣмъ не замѣчательная, стала въ четыре года, женщиной, останавливавшей общее вниманіе и возбуждавшей сочувствіе каждаго мужчины? Развѣ рѣдки примѣры такого порядка вещей? Развѣ тотъ же Ижоринъ не видалъ тысячу разъ подобныхъ же случаевъ? — Съ чего вздумалъ онъ ревновать? Вѣдь онъ не любилъ Софью.

Чтобъ отвѣчать на всѣ эти вопросы, нужно бы было прочитать здѣсь цѣлый курсъ психологій: и тогда, Богъ знаетъ, дошли ли бы мы до разрѣшенія этихъ интересныхъ задачъ. Покуда и за неизмѣнимъ лучшаго, я отсылаю читателя къ первому эпиграфу моей повѣсти: другаго отвѣта, до времени, я представить не въ силахъ....

Не подлежитъ, однако же, сомнѣнію, что Ижоринъ не предложилъ себѣ ни одного изъ этихъ вопросовъ: онъ думалъ только о томъ, какъ бы поскорѣе увидать Графиню. Ему нужно было, или чтобы она сказала ему, что она несчастна, что ее выдала мать замужъ насильно; тогда бы онъ успокоился и, прямо отъ нес, испремынно бы отправился обѣдать

къ Леграну (современные Каремы, Сен-Жоржъ и Дюсо, еще не выступали своимъ именемъ на славное поприще), или, ну да что же нужно ему было въ томъ случаѣ, еслибъ онъ услышалъ отъ Софьи, что она счастлива и любитъ своего мужа? (въ чемъ, замѣтитъ кстати, онъ почти и не сомнѣвался, потому что Графъ Б..., во всѣхъ отношеніяхъ, заслуживалъ любви порядочной женщины) — этого Ижоринъ, опять таки, не зналъ. Но не предполагалъ же онъ разрушить это счастье; таковъ не могъ быть его порывъ: Ижоринъ никогда не слылъ Донъ-Жуаномъ и не искалъ славы обольстителя. А Графа Б., между тѣмъ, онъ уже ненавидѣлъ въ душѣ, и ему совѣстно было сознаться въ этомъ передъ самимъ собою, за тѣмъ что, до сихъ поръ, онъ оставался, во всей силѣ, вѣрнѣе, достоинству честнаго чловѣка.

II.

Почти не спавши, Ижоринъ вскочилъ съ постели, часу въ 12-мъ, перепробывалъ нѣсколько галстуковъ, что до крайности удивило его камердинера, на которомъ, искони, лежала отвѣтственность въ выборѣ костюмовъ на тотъ или другой выѣздъ, бросилъ въ сторону десятка съ два жилетовъ, отдавъ предпочтеніе одному какому-то, на который, неизвѣстно почему камердинеръ рассчитывалъ въ свою пользу и который, оттого, не охотно подавалъ барину, и изорвалъ не одну пару перчатокъ. Такое начало дня было признакомъ необычайной тревоги въ Ижоринъ; лѣнивый на все, въ особенности же на бездѣлицы, онъ никогда не занимался подробностями туалета.

Въ часъ онъ уже былъ на Англійской набережной, у подъѣзда дома Лидневой, гдѣ, по его расчету, онъ долженъ былъ встрѣтить Софью. Если же она съ мужемъ жила бы не у Лидневой, то не имѣлъ онъ возможности ѣхать прямо къ ней, однажды онъ уже не поклонился ея мужу, какъ старому товарищу.... Впрочемъ, довольно ему было на первый случай и самой Лидневой: изъ двухъ-трехъ словъ. ея онъ надѣялся вывести свои заключенія.

— Давно прїѣхала Анна Петровна ? былъ вопросъ его швейцару.

— Третьяго дня-съ , да не приказали никому давать знать : не такъ что-то здоровы-съ.

— Гм!....

— И сегодня не принимаютъ еще.

Ижоринъ, съ минуту, посмотрѣлъ на кончикъ своей галоши, потомъ отослалъ своего кучера домой, предоставляя ему въ бесѣдахъ съ прїятелями, относить визитъ на Англійскую набережную къ числу любовныхъ походовъ барина, и пролетѣлъ мимо швейцара, удивленнаго, вверхъ по лѣстницѣ.

— Не принимаютъ-съ. Такими словами встрѣтили его лакеи.

— Мнѣ непременно пужно видѣть Анну Петровну....
Доложите.

Лакеи переглянулись вопросительно. Ихъ смущало это нарушеніе порядка и законовъ общежитія, въ которые вѣровали свято и они, блаженные дѣти природы.

— Доложите! долженъ былъ повторить Ижоринъ.

Голось его былъ рѣшителенъ. Лакей пошелъ.

— Пожалуйте.

Ижоринъ хотѣлъ бросить ему свой кошелекъ и удержался.

— Vous avez forcé la consigne, Mr. Ижоринъ, сказала ему Лиднева, такъ ужъ не взыщите на старухъ : — она показала на свое неглиже — мнѣ что-то не можется эти дни.

— Это съ дороги.

— А вы почему знаете, что я изъ дороги?

— Я завязалъ къ вамъ, тому съ мѣсяць, и мнѣ сказали, что вы въ Москвѣ.

— Я васъ не благодарю. Да, я тѣдила за Софьей: вы вѣрно видѣли ее вчера на балѣ у ....?

— Вообразите: видѣлъ и не поклонился.

— Что же это съ вами? вы, кажется, съ ней не ссорились. Не влюблены ли вы? Давно пора.... Вы все еще

не женаты?... Ижоринъ чуть ли не покраснѣлъ: ему становилось не ловко.

Лидева этаго не замѣчала. Она была исполнена вниманія къ нему, любезна до *plus ultra*, съ участіемъ спрашивала его о путешествіяхъ, о его дѣлахъ, она не забыла даже и охоты, къ которой онъ, не разъ при ней, оказывалъ свою слабость, словомъ, обходилась съ нимъ какъ съ короткимъ и хорошимъ знакомымъ, чьимъ прїездомъ была бы искренно обрадована.... Но разговоръ не вязался.

— Софья сегодня обѣдаетъ у меня съ мужемъ; больше чинюга не будетъ: я для всѣхъ больна.... Если не боитесь моего семейнаго супа....

Ижоринъ, однако же, отказался, отговорившись какимъ-то прежде даннымъ обещаніемъ: ему вздумалось дуться на Лидеву. Или вдругъ, самъ онъ не зналъ почему, ему ни за что не хотѣлось остаться.

Лидева взяла съ него слово, что онъ будетъ навѣщать ее часто и безъ чиновъ, ради прежняго, нецеремоннаго знакомства.

Вышедъ отъ Лидевой и, не зная куда бы дѣваться ему, Ижоринъ свернулъ на Невскій проспектъ. Потомъ пошелъ по Невскому нальво. Несносны были выраженія встрѣчавшихся лицъ: инѣе, казалось ему, выговаривали языки и дразнили его....

— Что за чортъ! подумалъ Ижоринъ.

Снѣгъ между тѣмъ валилъ хлопьями, прямо въ лицо ему, падалъ за галстукъ, небрежно повязанный.

У самаго подъезда кондитерской Доминика онъ, носъ къ носу, соткнулся съ однимъ изъ своихъ свѣтскихъ прїятелей, остановилъ его и, ни съ того ни съ сего, сталъ выхвалять его бровиный воротникъ.

Прїятель посмотрѣлъ на него.

— Войдемъ, по крайней мѣрѣ, а то, черезъ десять минутъ, мы рискуемъ превратиться въ статуи Лѣтнаго сада, сказалъ прїятель.

— Войдемъ, я очень радъ! отвѣчалъ Ижоринъ.

Чему онъ былъ радъ?

Они спросили обѣдать. Ижоринъ и ѣлъ и не ѣлъ, но сдѣлалъ мальчику, имъ прислуживавшему, строгій выговоръ за какой-то фрикасе и потребовалъ самого Доминика. Доминику онъ поставилъ на видъ, что подобная небрежность можетъ лишить его всей практики и, кажется, даже грозилъ не платить за фрикасе. Доминикъ, привыкшій видѣть въ Ижоринѣ одного изъ смиренныхъ поклонниковъ его искусства, былъ изумленъ и самъ побѣжалъ на кухню.

Пріятель терялся въ догадкахъ и, раза два, сквозь хрусталь стакана, изъ котораго, легонько и съ чувствомъ знатока, прилебывалъ бархатный Крузе, взглянулъ на Ижорина какъ-то сомнительно.

— Кто твой докторъ? наконецъ рѣшился спросить пріятель.

— Мой докторъ? У меня нѣтъ доктора: я не имѣлъ надобности въ докторѣ до сихъ поръ въ Петербургѣ.

— Странно однако же, сказалъ про себя пріятель.

Они вышли вмѣстѣ. Пріятель спѣшилъ въ театръ.... Ижоринъ пошелъ въ противоположную сторону, но, къ третьему дѣйствию Жизни за Царя, очутился въ своемъ абонированномъ креслѣ.

Тѣми же днями, какъ-то вечеромъ, Ижоринъ сидѣлъ у Лидневой.

Она, въ первый разъ, принимала Народу, по этому, съѣхалось много: родня — племянники, кузины, тетки — знакомые и такія лица, которыхъ она едва знала въ глаза, и которыя слетаются на вечерній свѣтъ гостиныхъ какъ мотыльки на огонь, какъ мухи на варенье; какъ тѣ обжигаются, какъ эти липнуть.

Пріѣхали Б....

— Старинный знакомый! сказала Лиднева дочери, подводя къ ней Ижорина.

— Я видѣла Мг. Ижорина на балѣ у .... и не узнала.

Если бы я не боялась сказать глупость, продолжала Софья Михайловна, я бы заметила, что вы постарели.

— Я не думаю, чтобы вы были не правы, Графиня: жизнь не дает даромъ ни одного дня, и, если бы мы пришли платить за однѣ воспоминанія....

Подошелъ Графъ Б.

— Мой мужъ, прервала Софья.

— Мы съ вами встречаемся, кажется, не въ первый разъ: нѣтъ и десяти лѣтъ, какъ мы, вмѣстѣ, рассчитывали день выпуска въ офицеры. Такъ началъ Графъ.

— Вы говорите вѣрно о братѣ.... Что до меня, я вышелъ изъ школы до Персидской кампаніи.

— Виноватъ.... но и вы....

Графъ, въ этотъ мигъ, долженъ былъ поклониться одной изъ вошедшихъ дамъ. Дама обратилась къ нему съ какимъ-то важнымъ вопросомъ.

Разговоръ опять былъ прерванъ. Ижорину оставалось дожидаться конца вечера, чтобы получить приглашеніе отъ Софьи....

Онъ подошелъ къ кому-то изъ своихъ близкихъ знакомыхъ.

— Что за фатъ этотъ Б...? сказалъ онъ ему.

— Откуда эти идеи? *C'est la meilleure pâte d'homme que je connaisse!* Этотъ отзывъ очень подозрителенъ: у него такъ хороша жена!

Ижоринъ отвернулся и, едва ли не съ удовольствіемъ, ухватился за карточку, между двумя полуслѣпыми старухами и одной глухой, которая славилась тѣмъ, что никогда не платила.

Вечеръ и не кончился безъ приглашенія отъ Софьи. Но она сказала, что во вторникъ, на слѣдующей недѣль, даетъ балъ. Значитъ, почти нельзя было ѣхать до утра бала и, въ это утро, предстояло быть не принятымъ.

Ижоринъ прѣхалъ домой внѣ себя отъ досады. Сонъ, опять по-напрасну, заставилъ ждать себя.

Въ семь часовъ утра онъ спросилъ ужинать и нѣлся преисправно. Стало быть моральныя потрясенія не всегда отнимаютъ аппетитъ.

За тѣмъ онъ вздремнулъ часа три: безсвязныя грѣзы, одна другой нелыбѣе, смѣняли одна другую. Не было и одиннадцати часовъ, когда Ижоринъ поднялся съ постели, будто измученный длинной и скверной дорогой, въ безпокойномъ экипажѣ. И боленъ онъ былъ, и усталъ, и какъ-то ни на что смотреть не хотѣлось.

Разсыянно взглянулъ онъ въ окно.

Петербургское утро, сѣрое, туманное, кислое, бросало свою печально-неопредѣленную тѣнь и на дома, и на прохожихъ, и на клячу водовоза, съ трудомъ тащившую огромную бочку на крошечныхъ дровняхъ. Въ воздухѣ висѣли мелкія порошинки мокраго снѣга.... Ъхало и шло по улицѣ много. Вывѣска портнаго, жившаго, изъ окна въ окно, напротивъ дома занимаемаго Ижоринымъ, и которую, по этому, онъ осужденъ былъ читать каждый день, грустно наклонилась: эмблема вѣчной дѣятельности Семена Кирпичева, чье имя золотыми буквами, красовалась на вывѣскѣ, раскрытыя ножницы, какъ будто нѣсколько закрылись, словно утомленныя.... Въ такое утро, если взглянуть на Петербургъ, трудно повѣрить, чтобы это былъ тотъ самый городъ, который, вечеромъ, разсыпается по баламъ, наполняетъ театры и концерты, пляшетъ, веселится; трудно вообразить себѣ, чтобы люди, прошедшіе и проѣхавшіе мимо васъ, поутру, съ этими вытянутыми лицами были тѣ самые, которые, вечеромъ, съ такимъ изступленіемъ предаются цвѣтобѣсію, подносятъ вѣнки за вызванное артистомъ сочувствіе, или, восторженными рукоплесканіями, потрясаютъ своды огромныхъ зданій!

Картина, двигавшаяся передъ глазами Ижорина, хотя и не возмущала его особенно, однако же онъ отшелъ отъ окна недовольный.

На письменномъ столѣ, къ которому подошелъ онъ, спокойно лежали тѣ же книги, дѣвственный нумеръ журнала, газеты нетронутыя; онъ, на удачу, разрѣзалъ книжку журнала. Въ журналъ печатался Большой Свѣтъ, эта прекрасная повѣсть, которую вы знаете. Страница, взглянувшая на Ижорина, видно неспрiятно поразила его: есть болыныя, которые неохотно смотрятся въ зеркало; онъ бросилъ журналъ и принялся играть съ своимъ вѣрнымъ Amico. Amico былъ лгавый пестъ, рѣдкой красоты.

Раздался звонокъ.

— Михайло Петровичъ! доложилъ лакей.

— Проси.

Вошелъ прiятель, знакомый уже намъ собесѣдникъ Ижорина у Домника.

— Ты все хандришь?

Прiятель опустился на одно изъ тѣхъ сѣдалищъ, созданныхъ фантазiею Гамбса, которымъ, въ Русскомъ языкѣ, трудно привскаать названiя.

— Тоска, братецъ.

— Отъ чего не былъ ты вчера въ театрѣ? Какъ хороша Тальони въ Тѣни!

— Я боленъ....

— Ты видѣлъ Эльслеръ? Кто изъ нихъ лучше?....

А Гризи?

— Да, Эльслеръ хороша... Эльслеръ лучше... Нѣтъ, Тальони лучше, но, т. е. какъ тебѣ сказать?

— Я не понимаю.

— Вся онъ пренесносныя.

— Помилуй, Ижоринъ.

— Да тебѣ чего хочется?... Вотъ видишь ли: Гризи, по моему, всѣхъ выше.

— Ты ѣдешь сегодня къ Х....? онъ звалъ въ 2 часа.

— Мнѣ некогда.

— Что жъ я ему скажу?

— Скажи, что.... скажи что хочешь: онъ мнѣ надобль

— Decidemment, vous êtes dans une de vos plus noires journées!

— Чего бы съѣсть?... Знаешь quelque chose pour....

— Я бы выкурить сигарку.

— Человѣкъ, сигарку!...

Человѣкъ подалъ сигарки.

— Гдѣ ты берешь сигарки, Ижоринъ?

— Право не знаю.... Перестаю курить ... Le cigare mène à la ruine.

— Бѣдныя сигарки! Чѣмъ онъ тебя прогнѣвали?

— Je me range....

— Сѣдло отъ Валтера! доложилъ вошедшій человѣкъ.

— Хорошо, сказалъ Ижоринъ: я заѣду.

— Зачѣмъ тебѣ сѣдло? спросилъ пріятель.

— Какъ зачѣмъ? ѣздить....

— Да ты никогда не ѣдешь.

— Буду ѣздить....

Пріятель, закуривши сигару, опрокинулся на своемъ сѣднѣи. Ижоринъ тоже взялъ сигару, улегся на диванъ и, спеленуто кистью халата, сталъ щекотать ноздри собаки; собака морщилась, морщилась и кончила тѣмъ, что ухватилась за кисть зубами и общипала ее.

— Глупая собака! сказалъ Ижоринъ.

— Еще бы ты выхлесталъ ей глаза.

Пріятели опять помолчали.

— Слышалъ ты скандальную новость?

— Ну?

— Князь Грибушкинъ вздумалъ ухаживать за Графиней Софьей.

— Что же изъ этого?

— Помилуй, третьяго дня, въ оперѣ: Князь въ ложу къ нимъ, мужъ изъ ложи.

— И охота замѣчать!

Последнія слова были сказаны съ притворнымъ хладнокровіемъ: Ижоринъ всталъ съ дивана и, крупными шагами, принялся измѣрять комнату.

— Человѣкъ, карету!

— Ты ѣдешь? спросилъ гость.

— Нѣтъ.... да.... Извини меня, Мишель.

— Кстати и мнѣ пора.... Ты будешь въ собраніи?

— Не знаю.

— До свиданія.

Мишель уѣхалъ.

Вошелъ камердинеръ и, молча, вперилъ въ Ижорина вопрошительный взглядъ.

— Что тебѣ?

— Изволите одѣваться!

— Поди.

Ижоринъ уселся передъ письменнымъ столомъ, переломалъ нѣсколько стальныхъ перьевъ, заржавѣвшихъ отъ бездѣйствія и не хотѣвшихъ его слушаться.

Онъ позвонилъ.

Явился опять камердинеръ.

— Да дай ты мнѣ перо!

Камердинеръ нашелъ годное перо: оно лежало подъ самымъ носомъ у барина.

Баринъ взялъ перо, попробывалъ его и положилъ.

Разбросанныя тетрадки затѣйливо-щегольской бумаги, которой одинъ видъ, бывало, рождалъ непрерывную цѣпь любезностей и нежнѣйшихъ клятвъ, на этотъ разъ, не вдохновляли Ижорина. Тщетно улыбались ему амуры, тщетно качались райскія птицы на золотыхъ кольцахъ и фантастическихъ растеніяхъ!

Онъ грызъ перо, смотрѣлъ въ потолокъ, хваталъ себя за голову и, въ этихъ извѣстныхъ приготовленіяхъ, убивъ болѣе времени, нежели сколько, въ дни-оны, нужно было ему

на сочиненіе самаго замысловатаго мадригала, наконецъ выбралъ одинъ какой-то листокъ, почти безъ амуровъ и птицъ, и написалъ:

— Графиня! Если бы вы знали, что теперь дѣлается со мною....

Поставивъ занятую, онъ опять схватился за голову.

— Глупо и старо! произнесъ онъ въ голосъ. И потому что?

Листокъ былъ положенъ въ сторону. Онъ взялъ другой, подумалъ и началъ такъ.

— Il y a des moments dans la vie humaine....

На этомъ онъ остановился.

— Ни на что не похоже! И что за идея писать по-Французски?

Второй листъ бумаги имѣлъ участь перваго.

— Что это со мной сегодня? спросилъ онъ себя.

Подъ столомъ приютился Амисо, Ижоринъ сердито толкнулъ его ногой: собака жалобно завyla.

— Эй, прогоните собаку!

Собаку прогнали.

Третій листокъ ожидалъ плода вдохновенія Ижорина.

Онъ бросилъ перо и отправился ходить по комнатамъ. Нашедъ недокуренную сигару, онъ закурилъ ее съ какимъ-то ожесточеніемъ и, изо всей силы, втягивалъ въ себя дымъ. Ему хотѣлось выжать изъ сигары выраженіе того, что никакъ, изъ-подъ его руки, не ложилось на бумагу. Но сигара, можетъ быть отъ того, что была не довольна его обхожденіемъ, осталась нѣма и не помогла ему выйти изъ затрудненія, за что и полетѣла въ каминъ.

Онъ подошелъ къ одному изъ оконъ, откуда былъ видъ на улицу.

Погода прояснилась. По тротуару шелъ расфранченный господинъ съ барыней, одѣтой прилично. Они остановились противъ самаго окна, въ которое смотрѣлъ Ижоринъ. Баринъ что-то рассказывалъ барынь, потомъ пожалъ плечами, улыбнулся и взглянулъ на окно.

Ижорину казалось, что они смеются надъ нимъ. И непременно нужно ему было увѣрять себя, что онъ знаетъ этого господина, что онъ видалъ, гдѣ-то, и барыню.

Они прошли.

Тогда стали переходить улицу будочникъ и, съ нимъ, какая-то баба: на самой серединѣ улицы они остановились. ....Будочникъ все смотрѣлъ на окно, баба, тоже, по временамъ, оглядывалась.

— Ну а этимъ что надо? подумалъ Ижоринъ.

— Глупая улица! сказалъ онъ, уже въ слухъ, — завтра же переѣду.

Въ эту минуту, какъ нарочно, лучъ зрѣнія его упалъ на знакомую вывѣску портнаго. Слова: Семень Кирпичевъ, какъ будто бы, выразили отвратительную физиогномію, искривленную сардонической улыбкой: пожницы страшно растопырились, точь въ точь иной ротъ отъ смѣха....

Ижоринъ отскочилъ отъ окна, какъ ужаленный змѣей и, походивъ, опять очутился у своего письменнаго стола.

— Надо же написать! рѣшилъ онъ про себя.

И онъ написалъ.

«Смѣйтесь, Графиня, а я Васъ люблю, — люблю такъ, что не найду сравненій на нашемъ пошломъ, всеневномъ языкѣ! .... Какъ это случилось—не знаю, но съ той минуты, когда я увидалъ Васъ на балѣ у, ...вѣтъ у меня иной мысли, кромѣ Васъ, инаго желанія, какъ стоять передъ Вами, видѣть Васъ и благоговѣть. Если Вы уже знали все это, если моя тайна не тайна для Васъ, я пропалъ навсегда,— я въ рукахъ вашихъ, какъ школьникъ, котораго бы поймалъ учитель, и, какъ тотъ учитель, вы строго меня накажете: таково неумолимый обычай свѣта, чьи законы, увы! тяготятъ надъ нами обоими почти равно. Но если въ васъ есть искра настоящаго чувства, того, какимъ Богъ надѣляетъ избранныхъ имъ любимицъ, вы услышите меня и простите! Во всякомъ случаѣ участь моя въ вашихъ рукахъ: уже ли захо-

тите Вы воспользоваться вашею властію , чтобы отнять у меня, навсегда, всякую вѣру въ возможность счастья ?»

Перечитавъ эту нелѣпицу, которую , быть можетъ, изъ любви къ своему герою, авторъ и не долженъ бы былъ представлять въ буквальномъ спискѣ съ подлинника , Ижоринъ остался доволенъ ею, оттого ли что, на ту пору, могъ читать только глазами, оттого ли что рѣшился признать себя не способнымъ на что-нибудь лучшее , разумеется, до времени.

Пуде былъ запечатанъ.

Яшка, 16-ти-лѣтній фигаро , въ штиблетахъ, бархатной кюлотѣ и голубомъ ливрейномъ фракѣ съ гербовыми пуговицами, смазливый и проворный , съ ненарушимо-серьезной миной привыкшій исполнять въ точности всякаго рода порученія своего барина, — молча принявъ записку изъ рукъ Ижорина, и, выслушавъ его наставленія, поклонился съ приличною важностію и поскакалъ въ одну изъ Морскихъ, къ Б., во всю мочь легкихъ извошцѣй лошади.

III.

Былъ уже часъ третій дня.

Софья Михайловна сидѣла за туалетомъ. Около нее уживались горничныя, сливки Петербургскихъ субретокъ. — Что Хлестакова или друга его Тряпичкина, встрѣтъ они на улицѣ любую изъ этихъ горничныхъ, непременно бы разобрала охота спросить ее о здоровьи, и чего добраго? подойти къ ручкѣ — это вы знаете.

Подали записку.

— Отъ кого? спросила Софья, не узнавшая почерка на адресѣ.

— Отъ Ижорина-съ.

— О чемъ бы онъ могъ писать мнѣ ? подумала она.

Въ предположеніяхъ, какія ни дѣлала, она была за сто верстѣ отъ истины.

Сорвавши облатку, едва успѣла она пробѣжать первую строчку, какъ вошелъ мужъ.

Она держала записку въ рукѣ.

Смущеніе, менѣе нежели секундное, исчезло.

— Ты ѣдешь куда-нибудь утромъ? спросилъ Графъ.

— А что?

— Мнѣ надо сдѣлать нѣсколько визитовъ и я хотѣлъ ѣхать въ саняхъ; но съ мной что-то случилось.

— Возьми мои: я утромъ никуда.

— Merci! сказалъ Графъ и, поцѣловавъ у жены руку, въ которой она держала письмо Ижорина, вышелъ.

На письмо онъ не посмотрѣлъ, хотя и видѣлъ его. Почему не посмотрѣлъ, нужно ли объяснять это? Любя жену свою тихо, спойно, но искренно, онъ счелъ бы за оскорбленіе, болѣе еще себя межеи ей, слѣдить за женщиной, доверившейся ему, сколько зналъ онъ, добровольно.... И не правъ ли онъ былъ? Не умнѣе ли во-стократъ дѣйствовалъ онъ тѣхъ мужей, которые весь вѣкъ свой посвящаютъ на то, чтобы стеречь жену, ревнуютъ ее, всю жизнь хлопчатъ и быются, и горько обманываются?

Въ любви Графа къ Софьѣ не было увлеченья ни на одну минуту, но не было за то, въ ихъ брачной жизни, и ни одного изъ тѣхъ тревоженій, которыя, иногда, такъ не кстатн разнообразятъ союзъ, завязавшійся романтически....

Въ эпоху моего разсказа, загляни Графъ въ письмо или спроси отъ кого оно, вѣроятно, что жена не показала бы его, не сказала бы даже къмъ оно писано; изъ того могла бы произойти семейная сцена, въ которой мужъ, какъ-нибудь бы, промолвился о своихъ правахъ, чего вообще такъ не жалуется прекрасная половина рода человѣческаго, — потекли бы на-конѣцъ и слезы, и человекъ безъ правъ, тутъ же, на мѣсть, выигралъ бы 50% въ сравненіи съ притѣснителемъ, облеченнымъ властію.... Нарушилось бы равновѣсіе счастливой четы и началась бы, пожалуй, нескончаемая семейная драма.

Не лучшей ли, по этому, совѣтъ мужьямъ довериться звѣздѣ, подъ которою рождены они?....

По выходе Графа, Софья прочла письмо Ижорина до конца, перечитала его еще разъ, и, послѣ очень непродолжительной нерышимости, мгновенно озарившей чело ея румянцемъ (декларация Ижорина, во всякомъ случаѣ, была неожиданность для нея) приказала сказать посланному Ижорина, что она ждетъ къ себѣ Дмитрія Николаевича.

Яшка вихремъ спустился съ лестницы, вскочилъ въ сани и погналъ своего автомедоша. Они понеслись.

Отправивъ письмо, Ижоринъ походилъ, поправилъ огонь въ каминъ, погладилъ собаку, постоялъ передъ эстампомъ, съ котораго одна изъ соблазнительныхъ знаменитостей старой Франціи грозила ему своемъ розовымъ пальчикомъ, несколько разъ принимался за сигару, открывалъ книгу и, не прошло еще и пяти минутъ, какъ онъ уже пять разъ спросилъ не вернулся ли его посланный.

Послѣ пятого «никакъ нѣтъ-съ!» онъ велѣлъ дать себѣ одѣться.

Пуговики рубашки не проходили въ соответствовавшія имъ отверстія, пряжка жилета оборвалась, другой жилетъ застегивался все нанскось, узелъ галстука выпшелъ ни на что не похожъ.... Всѣ мученья, на какія всегда осуждены люди, которые торопятся, сами не зная куда и зачѣмъ, — на этотъ разъ, не миновали Ижорина.

Не смотря на это, не давъ себѣ даже времени поверить костюмъ свой въ зеркалъ, Ижоринъ скорѣе выбѣжалъ, нежели вышелъ на улицу. Камердинеръ едва успѣлъ, уже на подъездъ, всунуть ему въ руку носовой платокъ и сигарочницу: и то сдѣлалось почти насильно.

Карета была подана, человекъ поспѣшно отворилъ ее, но Ижоринъ пошелъ пѣшкомъ, приказавъ кучеру ѣхать за нимъ. Ему было необходимо движеніе: есть настроенія духа, въ которыхъ движеніе успокоиваетъ, какъ будто бы физическое утомленіе могло ослабить энергію невидимыхъ дѣателей внутренней тревоги.

Ижоринъ шелъ такъ скоро , что извозничья пара едва поспѣвала за нимъ довольно-крупной рысью.... По временамъ онъ останавливался однакоже: раздумье-ли брало его ? стало-ли ему смѣшно на самого себя ?

Удивленіе-ли такому образу дѣйствія, или сочувствіе, кучеръ изъяслялъ выразительными ударами кнута по одной изъ лошадей, которой очень не нравилось тащить карету по глубокому, рыхлому снѣгу.

На поворотѣ съ Невскаго проспекта, надъ самымъ ухомъ Ижорина, раздалось громкое «пади!» и его чуть не сшибло съ ногъ. Онъ поднялъ глаза:

— Яшка!

Яшка выскочилъ изъ саней и, покуда Ижоринъ смотрѣлъ на него, смотрѣлъ направо и налево, и на своего кучера, и на какую-то проходившую даму, въ нерѣшимости что спросить ему у Яшки, Яшка произнесъ:

— Софья Михайловна приказали просить-съ.

— Какъ просить ?

— Приказали просить къ себѣ-съ.

— Сей-часъ ?

— Сей-часъ-съ. Приказали сказать, что они изволятъ васъ дожидаться-съ.

Интересно было бы передать на полотнѣ выраженіе лица Ижорина въ эту минуту: слова, въ подобныхъ случаяхъ, орудіе слишкомъ слабое. Хороша была и вся группа: Яшка, въ невозмутимо-подобострастномъ молчаніи, стоявшій передъ Ижоринымъ, съ приподнятой надъ головою шляпой, кучеръ, уставшій стегать лошадь и махавшій по воздуху рукой, наконецъ извозчикъ Яшкинъ, который, воспользовавшись остановкой, рассудилъ соскочить съ облучка и поправить что-то въ своей упряжи.... На все это, изъ окна угольнаго дома, выглядывала бѣлокурая, кудрявая, полная жизни головка и лукаво улыбалась.

Случись это не на Невскомъ проспектъ, Ижорина обступила бы толпа эвакъ!

Такъ прошло нѣсколько мгновений.

Но, если Ижоринъ спѣшилъ изъ дому, чтобы вырваться на свѣжій воздухъ, если онъ шелъ такъ скоро потому только, что думалъ убѣжать отъ преслѣдовавшей его мысли, зачѣмъ было ему непремѣнно идти на встрѣчу къ Яшкѣ, коли не зналъ онъ напередъ, что Графиня будетъ его просить къ себѣ? А если ожидалъ онъ отъ письма своего такого послѣдствія, къ чему былъ вопросъ его Яшкѣ: «какъ просить?... Сей-часъ?» Обо всемъ этомъ спрашивайте кого хотите, потому что я отвѣчать вамъ не берусь....

Ижоринъ бросился въ карету и крикнулъ кучеру: — Пошелъ прямо!

Въ концѣ одной изъ Морскихъ, онъ такъ сильно дернулъ за шнурокъ, что оборвалъ его.

Что было на умѣ у Софьи, когда она велѣла сказать Ижорину что ждетъ его къ себѣ, этого не рѣшилъ бы и самый тонкій наблюдатель, если бы такому человѣку удалось, въ это время, взглянуть на нее....

Она еще сидѣла въ своей уборной, когда послышался звонокъ изъ швейцарской.

На лицѣ ея пробѣжало недоумѣнiе.

Доложили о прѣздѣ Ижорина.

— Что такъ скоро? спросила она себя.

И недоумѣнiе смѣнилось какъ будто бы досадой.

Два-три раза еще взглянула она въ зеркало, невозмутимо-спокойно поправила бандо роскошныхъ волосъ и, этимъ способомъ, протянувъ нѣсколько минутъ, лѣнливо, какъ-бы не хотя, подпялась съ своего кресла, вышла въ смежный съ ея уборной кабинетъ, и расположившись на кушеткѣ въ одной изъ тѣхъ причудливо-непринужденныхъ и граціозно-небрежныхъ позъ, которыхъ секретъ принадлежитъ, исключительно, хорошенѣкимъ женщинамъ, сказала громко и въ носъ, обращаясь къ лакею:

— Проси сюда!

Интонаціи голоса не слыхалъ Ижоринъ, но медленность Графини не ускользнула отъ него, какъ ни былъ онъ занятъ мыслію о свиданіи съ ней и какъ ни полагалъ, въ этомъ свиданіи, цѣль всехъ своихъ желаній на этотъ мигъ. И едва ли не было первымъ порывомъ свѣтскаго человѣка вернуться той же дорогой.

Но лакей, докладывавшій объ немъ, возвратился изъ внутреннихъ комнатъ прежде, нежели Ижоринъ успѣлъ привести въ исполненіе свое намѣреніе: уже было поздно.

Благодаря, однакоже, ожиданію, отрезвившему его и разогнавшему чаду, подъ вліяніемъ котораго онъ, въ этотъ день, вышелъ изъ дому, Ижоринъ вступилъ въ святилище своего божества довольно твердою ногою.

Начать разговоръ было, при всемъ томъ, не легко, въ особенности съ его стороны.... И, понявъ это затрудненіе, онъ не зналъ, проклинать ли было ему свое нѣщю, или смѣяться надъ самимъ собою.

Графиня наплась за него.

— Вы нападаете на меня въ-расплохъ, ~~Мг.~~ Ижоринъ, начала она. Когда я приказала васъ просить къ себѣ, я никакъ не могла думать, чтобы вы стали дожидаться моего отвѣта гдѣ-нибудь за угломъ.... Знаете-ли, что съ вашей стороны, очень не великодушно разсчитывать на слабость моего пола?

Нельзя было ошибиться въ смыслѣ этихъ словъ. Выслушавъ ихъ, Ижоринъ, изъ покорнаго и безсильнаго раба, какимъ сдѣлался онъ при одномъ видѣ Графини, хотя и неприязненно было чувство, съ которымъ вошелъ онъ въ ея кабинетъ, и какимъ дѣлается всякій человѣкъ въ первую минуту встрѣчи своей наединѣ съ женщиною, которую онъ любилъ хотя бы одинъ мигъ или чьей любви искалъ (и это вѣроятно, многіе знаютъ изъ опыта), — выслушавъ ихъ, Ижоринъ выросъ во весь свой ростъ. «Ну, быть видно войнѣ!»

сказалъ онъ себѣ, и уже хотѣлось зѣвнуть ему, потому что вся эта, давно извѣстная, стратегія отъ души ему наскучила.

— Напрасно-бы взяли вы на себя трудъ готовиться къ моему приѣму, Графиня, отвѣчалъ онъ.—Что вы во всемъ и всегда прекрасны, это вы слышите, безъ сомнѣнія, не отъ перваго меня; это твердятъ вамъ, каждый день, и старики и молодые.

Безстрастная банальность отвѣта болѣе еще раздражила Графиню, нежели рассчитанная, по ея мнѣнью, неожиданность прѣзда Ижорина.

— Что вы этимъ хотите сказать? — перебила она его; — не думаете ли вы увѣрить меня, что не вы писали это письмо? — Она подняла руку съ письмомъ.

— Которое вы вѣрно учили наизусть, чтобы, по пунктамъ, возражать на всѣ его глупости. Я бы, пожалуй, и отрекся отъ нихъ, Графиня, также какъ и отъ того, что была для меня одна какая-то минута, когда я думалъ, что я васъ люблю, если бы, хоть разъ въ жизни, позволилъ себя отречься отъ чего-нибудь....

Выраженіе лица Софьи быстро смягчилось: сардоническая улыбка, которую было стянуто оно, уступила мѣсто какому-то тихому, грустному чувству. Если бы не полумракъ кабинета, Ижоринъ увидалъ бы, что Графиня покраснѣла и что та самая пара глазъ, которая смотрѣла на него гордо и холодно, вдругъ помутилась. Женщина, кто бы ни была она, не въ силахъ выслушать равнодушно признаніе въ любви, хотя бы прошлой, когда въ этомъ признаніи мелькнетъ передъ нею тѣнь искренности.

— Такъ вы любили меня? спросила Софья, почти дрожащимъ голосомъ и не спохватившись, что говорила она.

— Да, Графиня!

Ижоринъ мялъ свою шляпу.

Въ послѣднихъ словахъ Графини, въ ея голосъ онъ читалъ недосказанное признаніе, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что она не совсемъ счастлива....

И стало ему жалко ея: вторично онъ былъ обезоруженъ. Последовало молчаніе.

Ижоринъ не смотрѣлъ на Графиню, Графиня тоже смотрѣла по сторонамъ.

«Можетъ быть, онъ говорить и правду,» шепнулъ ей вдругъ внутренній голосъ, — «и ты могла бы съ нимъ быть счастлива.»

Опять вопросы: счастлива? Да чего-же хотѣлось ей? Развѣ не была она счастлива? Развѣ не безоблачно текли ея дни?

Или вѣрить тому, будто дни тихой любви, спокойные, не прерываемые ни ревностію, ни временною размолвкою, ни малѣйшимъ недоразумѣніемъ, прѣдаются такъ же какъ лакомства?

Отъ чего, скажите, въ самой лучшей музыкѣ, среди мелодическихъ аккордовъ, нуженъ иногда диссонансъ?

Что подобные софизмы или аксіомы (каждый назоветъ по своему наши взаимные вопросы и общія предположенія), не были чужды Софѣ Михайловнѣ, я заключаю изъ того, что она не сдумѣла разомъ задушить этотъ внутренній голосъ. Добрый ангелъ ея мужа не оставилъ, однакоже, навѣять на нее слѣдующую мысль: «я замужемъ и жена чловѣка, который меня любитъ; за что же сдѣлаю я несчастнымъ того, не зная еще навѣрное люблю-ли я этого?» Во-время подоспѣлъ добрый ангелъ, иначе неслышная бесѣда, пожалуй бы, вылилась въ какое-нибудь слишкомъ неосторожное слово, и кто знаетъ, что бы произошло тогда?

Молчаніе длилось.

Когда Ижоринъ, собравшись что-то сказать, взглянулъ на Графиню, она ужасно смутилась: свѣтская женщнна натуры довольно-холодной, она испугалась при мысли, что онъ можетъ прочесть на ея лицѣ, въ ея глазахъ, слѣды борьбы.

Ея находчивость, тѣмъ не менѣе, спасла ее еще разъ.

— Вы меня любили, говорите вы, — такъ прервала она молчаніе; — это теперь уже прошедшее: стало быть мы можемъ говорить обо всемъ хладнокровно. Что же вы

найдете сказать мнѣ, еслибъ я — женщины всегда любопытны — спросила васъ, отъ чего вамъ пришло въ голову полюбить меня именно въ то время, когда я уже сдѣлала свой выборъ? Что за страсть разыгрывать чужой и старыи романъ?

Опять начинала она нападать. Ижоринъ поймалъ ея выстрѣлъ на лету и послалъ его назадъ.

— Я и самъ спрашивалъ себя объ этомъ, Графиня, но стоитъ-ли разбирать этотъ хламъ?... Отъ чего, однакоже, не хотите вы допустить въ мужинъ одну изъ тѣхъ безъотчетныхъ, ни на чемъ не основанныхъ вспышекъ, я не скажу, одинъ изъ тѣхъ капризовъ, которыя позволены прекрасному полу и которыми такъ богата его исторія?

Если бы кто, на другой день, вздумалъ увѣрить Ижорина, что онъ позволилъ себѣ сказать эту фразу порядочной женщинѣ, онъ бы ни за что не повѣрилъ. Но, тутъ, едва ли помнилъ онъ себя и ему нужно было отвѣчать ядромъ на картечь.

Слишкомъ живо, въ свою очередь, затронутая, Графиня начинала теряться.

— Вы, кажется, дали себѣ слово наговорить мнѣ дерзостей сегодня? сказала она, судорожно сжимая въ рукѣ его письмо.

— Я, Графиня? За кого же вы считаете меня? Je vous rends seulement la monnaie de votre argent....

Изъ возраженія въ возраженіе, изъ отвѣта въ отвѣтъ, они, оба, завели разговоръ такъ далеко, какъ и сами не думали. И, слово за слово, они, подъ-конецъ, до того уже замѣтно и рѣзко выступили изъ предѣловъ обыкновенной свѣтской бесѣды, что tête-à-tête ихъ не могъ остаться безъ взаимнаго для нихъ значенія.

Черезъ четверть часа по пріѣздѣ Ижорина, они сидѣли другъ противъ друга, какъ упрямья дѣти, долго дразнившія одно другое, и которымъ ужасно хочется помириться.

Но могъ ли кто изъ нихъ первый протянуть руку?

Разумѣется: нѣтъ.

Воспользовавшись вновь-водворившимся молчаніемъ, Ижоринъ всталъ, поклонился, болѣе нежели холодно, и вышелъ отъ Графини, въ одномъ изъ тѣхъ расположеній духа, когда не знаешь, какъ говорятъ Французы, *à quel saint se vouer?*

Графиня чуть-чуть не сдѣлала движенія, чтобы остановить его, удержалась, однакоже, и осталась на своей кушеткѣ, погруженная въ какую-то неопредѣленную думу.... И, хоть и не ясно, но уже понимала она, что не подь силу ей играть въ эту игрушку, о которую и Ижоринъ пооблюмалъ свои львиныя когти.

Замѣчательно, что въ продолженіе второй половины ихъ свиданія, Ижоринъ и Графиня ни разу не посмотрѣли другъ на друга, какъ слѣдуетъ, въ здоровомъ разсудкѣ, людямъ вѣдущимъ какой бы то ни было разговоръ.

Но не подобнымъ ли порядкомъ начинались многія сердечныя исторіи?

IV.

Въ какія страны Петербурга понесло Ижорина отъ Графини и какимъ образомъ убилъ онъ весь этотъ день, неизвѣстно: въ теченіе цѣлаго дня его не видали ни въ одномъ изъ театровъ, ни на одномъ изъ вечеровъ, ни въ собраніи, а лошади и карета его вернулись на дворъ къ хозяину въ то время, когда тотъ, набожный мужикъ, уже возвращался изъ трактира съ двѣнадцатю парами чая въ желудкѣ, носомъ ранней обѣды.

— Ну ужъ господа! и во что они живутъ-то! На что и наше дѣло мужичье, да и то знаешь себя спокой! замѣтилъ извощикъ, сдѣлавъ, однакоже, предварительно, приличное привѣтствіе работнику, который, сонный, задрѣвъ ребромъ кареты, о ворота постоялаго двора.

На утро объясненія своего съ Графиней Ижоринъ долго лежалъ въ своей гостиной, въ какомъ-то тяжеломъ раздумьѣ. И мучила его давно незнакомая ему жажда разсѣяться. Далеко не равнодушенъ къ Графинѣ вышелъ онъ отъ нея, а

сознаться въ этомъ, даже и самому себѣ, ему не хотѣлось ... Ухаживать за ней онъ не имѣлъ намѣренія, по двумъ, совершенно противоположнымъ, причинамъ: волокитство, это любимое занятіе мелкихъ свѣтскихъ рыпарей, въ которомъ пошлая бездарность мужчины такъ усердно изощряется на счетъ праздности и бездѣля женщины, никогда не доставляло ему большого удовольствія, теперь же вовсе не шло на умъ; а завязывать драму, отъ которой пострадало бы доброе имя Софьино и нарушилось ея домашнее спокойствіе, на это, какъ будто бы, не доставало въ немъ рѣшимости.

Между тѣмъ мысль его, больше чѣмъ когда-нибудь, принадлежала Графинѣ... И понималъ онъ это самъ и не сознавалъ... И бился онъ изо всѣхъ силъ, чтобы найти вокругъ себя что-нибудь, чтобы, такъ или иначе, заняло его, что бы наполнило его день.

Говорить ли, что Ижорину, съ его прошедшимъ, трудно было скоро разрѣшить такую задачу? Куда бы ушелъ отъ своей мысли человекъ, не знавшій, подъ часъ, гдѣ укрыться ему отъ хандры и сплина?

Въ эти минуты положеніе его было достойно самаго живаго участія.

Часу въ четвертомъ дня онъ вышелъ изъ дому съ головою больной словно отъ похмѣлья... Выбравшись на Невскій проспектъ, куда, какъ извѣстно, въ эту пору стекается весь фешенебельный и праздный Петербургъ, съ тѣмъ чтобы взглянуть на лица знакомыхъ и незнакомыхъ, поглядѣть на вывѣски, афиши и объявленія и, изъ этой смѣси и какихъ-нибудь встрѣчь, импровизировать себѣ программу начинающагося для него дня, Ижоринъ, ни съ того ни съ сего, былъ пораженъ этимъ движущимся калейдоскопомъ какъ новостью... Достойны зависти показались ему всѣ эти беззаботныя лица. Или, чортъ знаетъ почему, Невскій проспектъ съ его магазинами, лавками, кондитерскими и ресторанами, съ рысаками, франтами, султанами, перьями и разрумянившимися отъ мороза щеками, — вдругъ пахнулъ на него его юношествомъ, тѣмъ прекраснымъ временемъ, когда, навѣки вырвавшись за ворота школьной ограды, онъ, впервые, прошелся по Нев-

скому въ эполетахъ и этомъ бѣломъ суктанѣ, длинномъ, густомъ и волнистомъ, который, съ двѣнадцати-лѣтняго возраста, онъ такъ любилъ ласкать своей дѣтской мечтою ... И быстро пронеслись мимо него, одинъ за другимъ, всѣ образы его прошедшаго. Горькой улыбкой помянулъ онъ это прошедшее, безвозвратно-промелькнувшее и непрошено-явившееся передъ нимъ какой-то радужной фантазмагоріей ... Досадно стало ему за всю эту жизнь, прожитую безъ цѣли и связи. И всѣми способностями духа, всѣми фибрами плоти звалъ онъ на себя самозабвеніе!

На встрѣчу ему, въ горлячѣмъ и веселомъ спорѣ, подходила компанія знакомой молодежи: прозеиты того постояннаго жизненнаго фланерства, за которое такъ злю, теперь, укорялъ себя Ижоринъ, эти господа, неизмѣнно, посвящали утро проспекту, въ этотъ день, какъ и всегда.

Одинъ изъ приближавшихся издали привѣтствовалъ Ижорина, и, прежде нежели тотъ рѣшилъ съ самимъ собою, какииъ образомъ отдѣлаться ему отъ предстоявшаго, безъ сомнѣнія, приглашенія куда-нибудь, они окружили его и насильно потащили обѣдать къ одному изъ рестораторовъ.

Не безъ шума взобравшись по лѣстницѣ, компанія, немѣдя, заняла одну изъ заднихъ комнатъ ресторана; кто-то изъ присутствовавшихъ взялся быть амфитріономъ. Между остальными продолжался разговоръ:

— По моему, — говорилъ уланскій корнетъ, одно изъ тѣхъ лицъ, чисто-Русскихъ типовъ, которымъ бы слѣдовало весь вѣкъ свой быть уланскими корнетами, уже успѣвшій проглотить огромную рюмку водки и утѣшійся, передъ каминомъ, верхомъ на стулѣ и спиною къ своимъ собесѣдникамъ; — по моему, все это вздоръ. Какое мнѣ дѣло до ея *apécédens*? Она хороша собой, у ней восхитительная талія, ротъ, созданный, конечно, не для сплетень и ворчанія; мнѣ все равно, и я, при первой же встрѣчѣ, лишь бы не на улицѣ, дѣлаю приступъ.

— Передъ тобой, любезный; но всегда лучше знать съ кѣмъ имѣешь дѣло, возразилъ господинъ, довольно-замѣтно перешагнувшій за предѣлы первой молодости.

— На столько, сколько нужно мнѣ, я узно отъ нея самой и изъ первыхъ ея словъ, отвѣчалъ уланъ ... И, повѣрь, ваша дальновидная тактика ничѣмъ не лучше моей ...

— А я сейчасъ могу вывести тебя изъ затрудненія, подхватилъ третій собесѣдникъ, человекъ лѣтъ 26, цвѣтущей здоровьемъ, ходячая хроника Петербурга, и страстный охотникъ читать книгу жизни, какъ выразался онъ самъ о себѣ; — если хотите, я расскажу вамъ ея исторію.

— Да ты развѣ знаешь ее? послышалось изъ разныхъ угловъ комнаты.

— Я?... Столько же, сколько и всѣ вы.... Знаю, что ее зовутъ мадамъ Орели, что ее, прошлымъ лѣтомъ, видѣлъ Бемской на водахъ въ Спа и что она, сегодня, всего во второй разъ показалась на Невскомъ....

— Почему же ты знаешь ея исторію? спросилъ уланъ.

— Это секретъ, my dear child, который откроетъ тебѣ время, безъ меня....

— Ну, однакоже, исторію! сказали нѣсколько голосовъ.

— Изволите ли видѣть господъ: мой старшій учитель исторіи началъ бы такъ: рожденіе госпожи Орели покрыто мракомъ неизвѣстности....

— Положимъ, положимъ....

— Такъ начать не трудно; а я вамъ скажу, что мадамъ Орели Француженка или Италіянка: въ этомъ, даже, нѣтъ никакого сомнѣнія.

— Хороша исторія! замѣтилъ кто-то.

— Она дочь заслуженнаго Наполеоновскаго полковника, который эмигрировалъ въ 15 или 16 году, продолжалъ раскашикъ.

— Mais c'est un guet-apens, остановилъ его уланъ. Ты, пожалуй, еще скажешь, что ветеранъ, поселившись съ женою и кухаркой, въ одномъ небольшомъ Швейцарскомъ мѣстечкѣ, принужденъ былъ жить единственно своими трудами, потому что новое правительство не хотѣло цѣнить заслуги тирану?

— Ты почти отгадалъ, спокойно и очень серьезно отъчалъ историкъ; вотъ что значить блестящая способность и любовь къ дѣлу!.... Когда умерла мать, ей было всего 15 лѣтъ.

— О, если такъ, перебить четвертый молодой человекъ, дайте мнѣ карандашъ или кусокъ мѣлу, я сейчасъ же нарисую вамъ домикъ на берегу одного изъ 133 поэтическихъ озеръ не менѣе поэтической Швейцаріи: разумѣется, чистота и опрятность въ домѣ, отсутствіе роскоши, но удобство и веселый видъ....

— Передъ домою садъ, оный же и огородъ, въ двѣ квадратныхъ туазы....

— Конечно: Швейцарія не богата землей....

— Въ саду дубъ, вязъ, яблоня: ad libitum....

— Подъ яблоней скамейка изъ дерну....

— На которой любить отдыхать старый солдатъ....

— И рассказываетъ съ восторгомъ все одни и тѣ же великія дѣла своего Императора....

— Кому?

— Разумѣется, не дочери: та давно бы убѣжала отъ него; въ этихъ случаяхъ есть кюре или пасторъ....

— Позвольте, господа, зачѣмъ же вы спрашивали меня объ исторіи мадамъ Орелли? Вы знаете ее не хуже меня, до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ. — Такими словами, сказанными нѣсколько обиженнымъ тономъ, вызвавшійся быть историкомъ Орелли прервалъ замѣчанія и комментаріи своихъ собесѣдниковъ.

Добродушный смѣхъ всего общества былъ отвѣтомъ на эти слова.

— А мнѣ пришла идея, которая вамъ можетъ показаться странною, сказалъ Ижоринъ, до сихъ поръ не участвовавшій въ разговоръ и, повидимому, прислушивавшійся къ нему безъ особеннаго вниманія.

— Что такое?

— Ты расскажешь намъ ее за обѣдомъ, замѣтилъ уланъ.

— Да, да, объдать, объдать! раздалось со всѣхъ сторонъ.

Объдь былъ поданъ.

На время супа, все, по обычаю, смолкло. Послѣ супа, уланъ, залпомъ, проглотилъ двѣ рюмки золотистаго хересу, поправилъ усы и, опрокинувшись на креслѣ съ миной чело-вѣка, который доволенъ тѣмъ, что положилъ хорошее начало важному дѣлу, а тамъ будь что будетъ, обратился къ Ижорину:

— Что жъ твоя идея?

— Мнѣ хочется доказать всѣмъ вамъ, что ваша исто-рія, я правда слышалъ только нѣкоторые отрывки, ну куда не годится, такъ же какъ, ну, положимъ, какъ уроки тѣхъ учи-телей, у которыхъ начало всего покрыто мракомъ неизвѣстности. У нихъ одна крайность, у васъ другая.

— Какъ это?

— Я говорю, что мадамъ Орели не Француженка и не Италіанка.

— Ну, Испанка; что жъ дальше? спросилъ одинъ, ту-го набитый, ротъ.

— Что она не дочь полковника Наполеоновской гвардіи.

— И на это согласенъ, возразилъ первый историкъ Орелии.

Ижоринъ рѣшительно не зналъ, что говорилъ: онъ ухватился за мадамъ Орелии какъ чело-вѣкъ, который, во время какого-нибудь головоломнаго занятія, поднимъ бы съ полу бумажку, соломенку, обрѣзокъ пера или иную бездѣ-лицу и сталъ бы вертѣть ее въ рукахъ, жевать пожалуй. Въ сущности мадамъ Орелии столько же интересовала Ижорина, сколько прекрасная котлета, давно остывшая на его тарелкѣ.

Ижоринъ продолжалъ такъ:

— И заставить всѣхъ васъ извиняться передъ ней въ этой готовности поднять на смѣхъ женщину, потому только что никто не могъ сказать вамъ чья она дочь и имѣетъ-ли право ѣздить въ каретѣ съ гербами.

— А у ней карета съ гербами? Ты это замѣтилъ?

— Я? отвѣчалъ Ижоринъ: я не видалъ ни ея, ни ея кареты.

— Съ чего жъ ты вздумалъ такъ горячо вступать-ся за нее?

— Это вызовъ.

— Нимало: я предлагаю самое пустое пари.

— Пари!.... Пятьдесятъ тысячъ и ящикъ шампанскаго! подхватилъ уланъ, у котораго не было въ карманъ и волтинишка.

— Когда ты бросишь привычку биться пари на деньги? замѣтилъ улану господнѣ, болѣе другихъ требовавшій положительныхъ свѣдѣній объ Орелли.

— Господа, да дайте же намъ выслушать Ижорина: это становится очень интересно! перебилъ ихъ юноша-холод-чая хроника.

— Слушайте! Что у насъ сегодня?

— Сегодня Озеро Волшебницъ въ первый разъ, поспѣшно отвѣчалъ одинъ изъ собесѣдниковъ, отъявленный поклонникъ театра вообще и балета по преимуществу, не совсѣмъ внимательно слѣдившій за разговоромъ и погруженный, въ эту минуту, и душой, и мыслью, и устами, — въ благород-ную задачу о салатѣ.

Всѣ улыбнулись.

— Четвергъ, сказалъ кто-то.

— Пятница!

— Ну, положимъ, пятница, сказалъ Ижоринъ. — Я прошу у васъ времени до вторника.

— Потомъ?

— Да вторника я обязанъ вамъ доказать, что вы правы или не правы....

— Т. е.: доставить всѣмъ намъ случай и возможность видѣть ее гдѣ бы-то ни было, лишь бы не урывкомъ....

— Понимается, что никто не стоитъ за буквальную вѣр-ность ея исторіи....

— Но, тогда, я напишу ее для всѣхъ васъ системати-чески и изо дня въ день, замѣтилъ ходячая-хроника.

— А я нарисую картинки.

— Хорошо, хорошо, но объ чемъ же пари? Объ томъ ли, что мы будемъ у ней до вторника, или о томъ, что ея исторія не похожа на сложенную вами? спросилъ господинъ любившій во всемъ положительность.

— Дѣло требуетъ поясненій.

— Мы можемъ сдѣлать такъ, сказалъ Ижоринъ:—если, не позже вторника, я доставлю всемъ вамъ приглашеніе на вечеръ къ мадамъ Орелли, вы проиграли мнѣ пари и обязанности, сколько васъ ни есть тутъ, снабжать ее поочередно цвѣтами до...ну, хоть до весны; въ противномъ случаѣ я проигралъ, и съ среды же, каждый изъ васъ можетъ, на цѣлый день, располагать моею персоною и кошелькомъ. За тѣмъ пари продолжается: если вы угадали, я проигралъ и готовъ къ вашимъ услугамъ; если нѣтъ — ваши запасы должны удвоиться и количество цвѣтовъ возрасти до безконечности. Согласны?

— Согласны, согласны! *C'est convenu!*.... И теперь за здоровье....

— Господа, минуту вниманія! проговорилъ уланъ. — Если мы проиграли, что, при всемъ уваженіи моемъ къ его достоинству, кажется мнѣ довольно мудро, помните, что я беру подрядъ на цвѣты и ставлю ихъ вамъ 20% дешевле обыкновенной цѣны: у моей сестры удивительная оранжерея, — въ приданомъ пошла въ 120 тысячахъ, и я, завтра же, увижусь съ садовникомъ; но мнѣ бы хотѣлось отъ души, чтобы Ижоринъ проигралъ хоть половину пари: я бы заставилъ его, въ одинъ день, заплатить всѣ мои долги на Невскомъ проспектѣ, хоть по однимъ *rez de chaussée*'ямъ.

Громкій хохотъ приветствовалъ слова улана.

— Ижоринъ, я тебя не поздравляю съ этою спекуляціей....

— Позвольте, однакоже, — обращаясь къ Ижорину, съ бокаломъ шампанскаго, спросилъ страстный чтецъ книги жизни; — какъ прикажете доложить?

— За здоровье его будущей....

— Рано! перебилъ обоихъ Ижоринъ; и нельзя ли хоть до времени изъавить отъ комментарий: иначе вы заставите меня выйти изъ игры. Мы выпьемъ лучше за здоровье всѣхъ прекрасныхъ качествъ мадамъ Орелли.

— Быть по твоему: за здоровье ея добродѣтели!

— Vive la vertu!

Бокалы были осушены, снова налиты и осушены съ быстротой достойной времени «не трезвой памяти» мускетероу Королевы.

— Il tourne au pastoral! замѣтилъ уланъ, пожимая плечами

— Quand le diable fut vieux.... сказалъ, ему въ отвѣтъ, молодой человекъ, цвѣтущій здоровьемъ.

— Да, да!.... Господа, одинъ нескромный вопросъ: кто изъ васъ расположенъ сдѣлать въ мою пользу жженку? у меня, сегодня, какіе-то удивительно-возвышенные позывы—спросилъ уланъ.

— Я, отвѣчалъ Ижоринъ — но съ условіемъ.

— Посмотримъ.

— Первос: что ты не поѣдешь въ театръ.

— Слышите, онъ рѣшительно боится меня; дальше....

И съ этимъ уланъ подошелъ къ зеркалу, самодовольно улыбулся себѣ и поправилъ шелковые усы: усы, точно, были заглядѣны и созданы для его лица, какъ вся его фигура— для краснаго Лейбъ-уланскаго мундира.

— Второе: чтобы ты меня не заставлялъ пить жженку, потому что мнѣ надо ѣхать.

— Чѣмъ меньше будетъ охотниковъ, тѣмъ больше останется....

— На завтра....

— Ну, хоть на сегодня, а ѣхать ты не долженъ; куда тебѣ ѣхать?

— Къ теткѣ.

— Ха, ха, ха....

— Délicieux!

— Не говори ей по крайней мѣрѣ, что мы будемъ пить жженку.

— Репутация дороже всего!

— Ты знаешь: я хочу сдѣлать партію!

Когда принесли все нужное для жженки, между тѣмъ какъ одинъ изъ членовъ веселой коллегіи принялся лупить ананасъ, уланъ налилъ рому въ рюмку и долго хлопоталъ чтобы зажечь его, что, наконецъ, ему удалось.

— Однакожъ мнѣ пора, вставая съ своего мѣста, сказалъ Ижоринъ. Мы все увидимся въ театрѣ?

— Ça s'entend! подхватилъ уланъ! у меня, сегодня, три очень интересныхъ rendez-vous, но я, все-таки, успѣю.

— А мнѣ бы, признаться, очень хотѣлось, чтобы одна изъ твоихъ принцессъ задержала тебя подольше, заметилъ ему Ижоринъ, и распростившись со всей компаніей, вышелъ.

Опасенія Ижорина относились къ тому, что корнетъ имѣлъ обычай, очень не кстати, шумѣть въ театрѣ, въ особенности когда являлся туда съ пріятельскаго обѣда или послѣ жженки: аплодировалъ онъ постоянно френетически. Все это называлось: имъ поощрять талантъ.

Въ половинѣ перваго дѣйствія Озера Волшебницъ, Ижоринъ уже сидѣлъ въ своемъ креслѣ.

Изъ всѣхъ знаменитыхъ Европейскихъ танцовщицъ, Марія Таліони, первая, посѣтила Петербургъ. За то, что и дѣлала она съ нашей сѣверной Пальмирой! Помните-ли какъ бывалъ, въ ея время, биткомъ набитъ Большой театръ? Въ дни балета трудно было найти кресла иначе нежели въ самыхъ заднихъ рядахъ, если не съ утра, а, на всякое первое представленіе, любители запасались за нѣсколько дней. Словно по заказу, всѣ мѣста партера, всѣ ряды ложъ, весь раекъ наполнялись безъ исключенія; и это, непременно, каждый разъ: стояло только имени Таліони быть на афишѣ! Никто изъ сценическихъ артистовъ, развѣ Рубини, не производилъ у насъ до нее такого общаго фурора. И, въ самомъ дѣлѣ, что сравнится съ благородной граціей и отчетливымъ выполне-

нѣмъ трудностей танцовальнаго искусства, какими обладала эта женщина, тогда уже доживавшая четвертый десятокъ?

Помните ли Дѣву Дуная, Гитану, Тѣнь, Перн, на которые Петербургъ, неблагодарный, не хочетъ смотреть, съ тѣхъ поръ, какъ ему показали Эсмемальду и Катариону?...

....Театръ былъ, по обыкновенію, полонъ. Темнымъ ковромъ фраковъ и мундировъ, звѣздъ и эполетъ, завитыхъ и лысыхъ головъ, раскинулся партеръ, каждый рядъ ложъ казался нескончаемой гирляндой, наброшенной на бумагу въ видъ кантоваго узора; надъ балюстрадой райка, до потолка, составилась стѣна изъ бородатыхъ и безбородыхъ рожъ, плотно сложенная, будто изъ кирпичей.... Люстра-монстръ, съ своими ста тысячь рожками, хмурилась отъ невыносимаго жару.... И атмосфера все сгущалась.... Скажите, есть ли средство не старѣться рано людямъ, вращающимся въ этой колѣѣ, въ особенности же въ Россіи, гдѣ, чтобы перейти отъ 30° тепла къ 30° мороза, стоитъ только выйти изъ театра на подъездъ? Какъ не блекнуть нашимъ красавицамъ, подвергающимъ себя, такъ часто, этимъ быстрымъ переходамъ температуры?

Первое дѣйствіе балета кончилось. Занавѣсъ опустился въ третій разъ надъ вызванной тоекратно жрицей любимой у насъ музыки; рукоплесканія смолкли. Первые ряды креселъ поднялись и, оборотившись спиною къ сценѣ, вооружившись биноклями, бракируя ихъ на ложи, то вправо то влево.

— Вотъ она! сказалъ Ижорину его сосѣдъ, одинъ изъ тѣхъ, съ кѣмъ обѣдалъ онъ въ этотъ день.

— А-а? отвѣчалъ Ижоринъ такимъ тономъ, что можно бы было подумать, что онъ уже позабылъ о своемъ пари.

Онъ, если и помнилъ о немъ, то повѣхалъ въ театръ, конечно, не для встрѣчи съ мадамъ Орелли.

Уставивъ лорнетъ свой по тому направленію, куда показывалъ услужливый сосѣдъ, Ижоринъ увидалъ въ одной изъ ложъ бельэтажа, женщину, которой казалось на лицѣ лѣтъ 27 или 28. Она сидѣла въ ложѣ одна. Жизнь уже

провела свои борозды по ея правильнымъ чертамъ; но въ глазахъ еще свѣтилъ непотухшій огонь, а контуръ профиля и бюстъ, и теперъ бы, выдержали разборъ довольно-взыскательнаго вкуса.... Черное, бархатное платье, волсса, едва ли не черныя платья, причесанные гладко и безъ малѣйшей претензіи, прекрасная ручка, искусно и, съ чувствомъ сознанія своего достоинства, свѣсившаяся черезъ спинку кресла: все это представляло очень выгодный ensemble, и если бы не огромный букетъ живыхъ цвѣтовъ, роскошь, которую, зимою, на угрюмомъ и скупомъ сѣверѣ, для простаго выѣзда въ театръ, не всегда позволить себѣ и самая отчаянная львица, ничто, даже для привычниковъ столичнаго житья, не обличило бы въ мадамъ Орелли (вы уже поняли, что рѣчь идетъ о ней) одну изъ тѣхъ женщинъ, которымъ, по несчастному стеченію обстоятельствъ, разомъ и улыбнувшихся имъ и совершенно сбившихъ ихъ съ толку, не дано знать цѣну золота, покуда не покинетъ ихъ молодость и красота.

Заѣзжій провинціалъ непременно былъ бы заинтересованъ физиогноміею мадамъ Орелли, безукоризненностію ея костюма; юноша, не искусившійся въ жизни, пожалуй прочелъ бы на ея лицѣ слѣды глубоко-затаенной страсти, или цѣлую внутреннюю драму, на которую, такъ легко, сваливаются складки и морщины лба, набѣжавшія прежде времени и, иногда, замѣтныя наперекоръ всемъ усиліямъ ихъ скрыть.

Не удивительно, что на Ижорина, до тонкости примелькавагося къ разнообразнымъ явленіямъ Европейскихъ городовъ, она не произвела ничего близкаго къ этимъ впечатлѣніямъ.... При первомъ взглядѣ, брошенномъ имъ на мадамъ Орелли, не давъ себѣ труда разбирать ее, онъ разомъ оцѣнилъ эту женщину, и понялъ, что предположенія пріятелей на ея счетъ не могли быть такъ далеки отъ истины, какъ, ни съ того ни съ сего, вздумалъ онъ увѣрять ихъ....

И, будь это во всякое другое время, онъ, не выходя изъ театра, призналъ бы себя охотно дважды побѣжденнымъ, (для него уже не оставалось сомнѣнія въ томъ, что онъ проигралъ вторую половину пари, такъ же, какъ выигралъ пер-

вую); но, въ настоящемъ его настроеніи, онъ радъ былъ создать себѣ какой бы то ни было интересъ, лишь бы этотъ интересъ заставилъ его говорить, бѣгать, вѣднть, въ силу высказаннаго мною выше предположенія, разумѣется, въ известнѣйшихъ только отношеніяхъ правнльнаго, что человекъ, занятый хотя виднмо, какъ будто бы отнимаетъ досуги у мысли, овладѣвшей имъ безъ его вѣдома и которую ему всячески хотѣлось бы прогнать.

— Орелнн, такъ Орелнн! сказалъ себѣ Ижоринъ.

И оставивъ свое мѣсто, онъ прошелъ въ корридоръ бельэтажа. Отыскавъ, по номеру ложи, лакея мадамъ Орелнн, онъ отозвалъ его въ сторону отъ сонныхъ его собратьевъ. Лакей, принадлежавшій къ числу тѣхъ, которыхъ держатъ при Петербургскихъ гостинницахъ преимущественно для прислуги прїѣзжимъ иностранцамъ, оказался человекомъ бывалымъ; онъ окинулъ Ижорина прощательнымъ взглядомъ, но когда тотъ всунулъ ему въ руку золотой, лакей весь перегнулся напередъ въ ожиданіи вопросовъ и приказаній: поза и фнзюномія его выражали, что откровенность и послушаніе его были куплены. Въ первой Ижоринъ не нуждался нимало, и, когда онъ лаконически сказалъ ему:

— Передъ концомъ театра ты уйдешь отсюда,—лакей отвѣчалъ:

— Понимаю-сь,— тономъ, сквозь который просвѣчивало какое-то неудовольствіе; но потомъ, какъ бы опомнившись и вновь оглянувъ Ижорина, онъ принялъ совершенно-покорный видъ.

— Но гдѣ жъ я тебя найду? продолжалъ Ижоринъ.

— Гдѣ прикажете-сь! былъ отвѣтъ.

— Все равно.

— Внизу-сь, у кассы.

— Хорошо.

За нѣсколько мгновеній до того, когда, въ послѣдній разъ, нужно спускаться было занавѣсу, Ижоринъ опять отправился въ корридоръ бельэтажа.

На дорогѣ и у самаго выхода изъ партера попался ему корнетъ:

— Конечно? спросил корнетъ.

— Занавѣсъ еще не опущенъ....

— А....

Пробираясь въ толпѣ выходившихъ изъ ложъ и лакеевъ, суетившихся съ шубами и всѣмъ прочимъ, Ижоринъ увидалъ мадамъ Орели стоявшею въ растворенной нѣтъ ложи двери.

Она ожидала своего лакея.

Ижоринъ прошелъ мимо, будто бы ни за чѣмъ.

Толпа начала убывать. Орели вышла изъ ложи, и бросая глаза во всѣ стороны, произнесла въ недоумѣніи и въ полголоса:

— Жозефъ!

Право называть Русскаго Ермолая Жозефомъ было предоставлено, отъ содержателя гостинницы, въ числѣ прочихъ удобствъ, всѣмъ пріѣзжающимъ,

— Жозефъ! повторила мадамъ Орели.

Ижоринъ подошелъ.

— Вы вѣрно ждете вашего лакея, сказалъ онъ, — позвольте мнѣ вамъ помочь.

— Вы очень добры, отвѣчала ему Орели. Понятно, что разговоръ былъ начатъ на Французскомъ языкѣ.

Отыскавъ лакея, Ижоринъ привелъ его къ мадамъ Орели.

— Не этотъ ли?

— Именно онъ; какъ я вамъ обязана! Я здѣсь иностранка, и, если бы не ваше любезное вниманіе, была бы поставлена въ тѣмъ большее затрудненіе, что не знаю Русскаго языка: вашъ языкъ очень труденъ...

Всѣ эти отвѣты Ижоринъ напередъ зналъ наизусть.

Слово за словомъ, онъ проводилъ ее до кареты и отправился, въ слѣдъ за нею, пить у ней чай, разумѣется, по ея приглашенію.

Со стороны иностранки въ этомъ приглашеніи не было ничего необычайнаго.

(Окончаніе въ слѣд. книгѣ.)

МОСКВИТЯНИНЪ.

1850.

№ 10.

Май.

Кн. 2.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПѢСНЬ О КОЛОКОЛѢ.*

(Шиллера).

Vivos voco. Mortuos plango. Fulgura frango.

Твердо вкопанная въ землю,
Ждетъ ужь форма, братцы, насъ.
Время колоколъ намъ вылить
За работу — въ добрый часъ!
Пусть съ лица похлещетъ
Въ три ручья горячій потъ.
Насъ работа прославляетъ,
Но лишь Богъ благословляетъ.
Къ работѣ дальной, вотъ какъ эта,
И слово дальное идетъ;
Коль доброй мыслью рѣчь согрѣта,
Работа весело течетъ.
Такъ пересмотримъ же прилежно,
Что создадимъ рукой своей,

---

* Имъ нѣтъ уже достойный переводъ этого славнаго созданія Шиллерова, отъ А. П. Глинки; но чѣмъ больше переводовъ, тѣмъ лучше, и имъ съ удовольствіемъ помѣщаемъ новый опытъ. Ред.

И тотъ, кто все творить небрежно,
 Да будетъ презрѣнъ отъ людей!
 А человека украшаетъ
 Лишь только то, когда душой
 Онъ въ томъ участъе принимаетъ,
 Что слабой создаетъ рукой.

Ну, возьмите дровъ сосновыхъ,
 Только надо вять сухихъ,
 Настоящихъ, чтобы пламя
 Обняло въ минуту ихъ!

Заварите мѣдь скорѣй,
 Олова смѣшайте съ ней!

Чтобъ все нужное для дѣла
 Не шутя, какъ должно, спѣло!

Что въ этой ямѣ создается
 Рукой, при помощи огня,
 На колокольню вознесется,
 Прямой свидѣтель бытія,
 И долго жить не перестанетъ,
 И слуху многихъ прозвучитъ,
 И сѣтовать съ несчастнымъ станеть,
 И Бога съ міромъ восхвалять.
 Что чередою разсыпаетъ,
 Судьбина изъ руки своей,
 То сей языкъ провозглашаетъ
 На поученіе людей.

Хорошо металлъ расплавленъ:
 Пузыри ужъ вижу я.
 Если поташомъ приправленъ, —
 Лучше будетъ для литья.

Надо снять скорѣе
 Съ смѣси пѣну, чтобъ яснѣе,

Чтобъ слышнѣй потомъ звучаль
 Переплавленный металлъ

Веселый благовѣсть встрѣчаетъ
 Сердцамъ любезное дитя
 На первомъ шагѣ бытія.

Спокойный сонъ надъ нимъ летаетъ ,
 Еще не мало разныхъ дней
 Въ рукъ таинственной своей
 Скрываетъ время. Даль сілетъ.
 Не дремлетъ любящая мать
 Надъ утромъ золотымъ дитяти.
 Но вотъ, подобно быстрой рати ,
 Года другъ за другомъ летать.
 Нашъ юноша отъ дѣвы рвется,
 И въ жизнь стремится пылко онъ.
 Ужъ свѣтъ измѣренъ и пройденъ,
 Ужъ мысль его домой несется.
 Въ края родные, одинокъ,
 Приходить онъ. Предъ нимъ блисталъ,
 Какъ лучший на землѣ цвѣтокъ,
 Какъ величавый образъ рая ,
 Стыдливо глазки опуская,
 Стоитъ красавица молодая,
 И вдругъ невѣдомымъ огнемъ
 Зажглася грудь. Въ глуши онъ бродитъ,
 На шумный пиръ друзей не ходитъ,
 И слезы катятся ручьемъ.
 Слѣдить за милою , краснѣя;
 Замѣченъ онъ, пылаетъ кровь ,
 И сорвана не разъ лилея ,
 Чтобъ увѣчать его любовь.
 О, время нѣжнаго желанья ,
 Пора начальная любви!
 Небесъ незримое сіянье
 Открыто взору , и въ груди
 Такъ много счастья сердце грѣтъ!
 Зачѣмъ не вѣчно зеленѣть
 Пора начальная любви!

Кипятокъ чернѣетъ быстро!
 Надо мѣрку опустить ;
 Колю увидимъ , что готово, —
 Такъ ужъ намъ пора и лить!
 Ну, товарищи , живѣе !
 Испытайте смѣсь скорѣе ,

Въ добрый здѣсь слилось ли часъ
 Съ мягкимъ грубое у насъ!
 Гдѣ съ твердымъ нѣжное сольется,
 Гдѣ сила съ кротостью сойдется,
 Тамъ выйдетъ добрый тонъ всегда.
 Такъ пусть же прежде испытаютъ —
 Сердца ихъ точно ли пылаютъ
 Любовью искренней, когда
 Себя другъ другу обрекаютъ!
 Мечта прошла, исчезъ и слѣдъ,
 Но для раскаянiя нѣтъ
 Такого скорого конца!
 Какъ милы на невѣсть страстной
 Цвѣты двѣнчяго вѣнца,
 Когда зовутъ на пирь прекрасный
 Ее во храмъ колокола.
 Ахъ! съ этимъ пиромъ чуднымъ, новымъ
 Ужъ жизни кончена весна,
 И вмѣстѣ съ поясомъ, съ покровомъ
 Мечта весны разорвана.
 Ужъ страсть исчезаетъ,
 Но вѣчна любовь;
 Цвѣтокъ доцвѣтаетъ,
 Но плодъ ужъ готовъ.
 Мужъ долженъ за дѣло;
 Что бъ ни было, смѣло
 Онъ садитъ, творитъ,
 И къ цѣли стремится,
 И ловко хитритъ,
 Рискуетъ, трудится,
 Чтобъ счастье добыть.
 Рѣкою богатство къ нему притекаетъ,
 Товаръ драгоценный амбаръ наполняетъ,
 Ужъ нуженъ просторъ, расширится домъ,
 И правится въ немъ
 Стыдливой женой
 И матерью нѣжной,
 И правитъ хозяйка своею семьей
 Умло и прилежно,

И дѣвочекъ учить,
 За мальчиномъ смотритъ,
 И ей не наскучитъ
 Работать нисколько.
 Все больше приходъ
 Отъ порядка растетъ;
 Душистыя лавки она наполняетъ,
 И много въ недѣлю спрядетъ веретень,
 И въ чистомъ, красивомъ поставцѣ собираетъ
 Сребристую шерсть и какъ снѣгъ бѣлый ленъ,
 И къ добродушному умъ ее все направляетъ,
 И вѣчно покоя не знаетъ.
 И отецъ довольными глазами
 Съ высоты балкона внизъ глядитъ,
 Окруженный счастья дарами:
 Крыши тамъ виднѣются рѣдами,
 Магазины полныя стоятъ,
 И амбары отъ добра трещать,
 И живыя спѣлыхъ зеренъ волны,
 И сказалъ отецъ, гордыни полный:
 Неподвижныя земли
 Отъ невзгоды и напасти
 Блескъ и миръ моей семьи!
 Но судьбы враждебны власти,
 Съ ней въ ладу прожить нельзя,
 И — какъ разъ идетъ бѣда.

Хорошо, ужъ время лить;
 Богъ поможетъ, не прорвется,
 Но куда закипитъ,
 Надо съ чувствомъ помолиться.

Кранъ заткни винтомъ!
 Воже! сохрани нашъ домъ!

Вдругъ, дымясь, металлъ волнами
 Пробѣжитъ между ушами!

Добро творить огонь могучій,
 Когда имъ править человекъ;
 Онъ тѣмъ, что создаетъ въ свой вѣкъ,
 Обязанъ этой силѣ жгучей.

Но эта сила такъ страшна ,
 Когда падутъ съ нея оковы,
 И вотъ свободная, она ,
 Вступаетъ дико и сурово.
 Въ свои природныя права.
 Горе, если цѣпь спадеть !
 Безъ преграды возрастая ,
 Все пожаромъ покрывая,
 Пламя улицей течеть !
 Ненавидятъ все стихіи,
 Что творять дѣла людскія.
 Изъ нѣдра тучъ
 Бѣжить порою
 На землю ключь
 Живой водою;
 Изъ тѣхъ же тучъ,
 Не разбирая ,
 Разить сверкая
 И молній лучь!
 Слышишь стонъ на башнѣ дальней?
 Это бури крикъ сигнальный !
 Словно кровь
 Небо стало;
 Нѣтъ! не день приходитъ вновь!
 Что всѣ улицы объяло?
 Суматоха! страшный видъ !
 Дымъ валить !
 Пламя всходить вверхъ столбами;
 Страшно вихряся , реветъ ,
 И гигантскими шагами
 По домамъ пожаръ идетъ,
 Какъ изъ печи, воздухъ жгучій
 Духотою обдаеть ,
 Будто чьей рукой могучей
 Объ стѣну дверями бьетъ;
 Балки съ трескомъ вихрь ломаетъ ,
 Рамы съ звономъ разбиваетъ,
 Дѣти плачутъ отъ испуга,
 Ищетъ мать съ дѣтьми другъ друга,

Межъ разрушенныхъ домовъ
 Слышенъ вой звѣрей и псовъ.
 Все бѣжитъ, спастись желаетъ.
 Ночь свѣтлѣй, чѣмъ день сілетъ.
 По рукамъ стрѣлой
 Ведро пробѣгаютъ,
 И высокою дугой
 Волны мутныя взлетаютъ.
 Мчится вѣтеръ, воетъ, рветъ,
 Клокъ огня схватилъ, несетъ,
 Съ трескомъ пламя упадетъ
 На амбаръ между стропиль,
 И, когда размахомъ крыль
 Вихоръ все унести спѣшилъ, —
 Пламя быстро вырастаетъ,
 Пламя неба достигаетъ,
 И созданье рукъ
 Силѣ Божьей уступаетъ,
 Человѣкъ, глядя вокругъ,
 Какъ онъ вдругъ
 Многихъ лѣтъ плоды терлетъ.

Мѣсто выжжено до-чиста,
 Стало ложемъ дикихъ буръ.
 Страшно выбитыя окна
 Смотрятъ внизъ на пѣшехода,
 И глядятъ въ обрывы свода
 Неба ясная лазурь.

Ваглядъ одинъ
 Прежде гордый господинъ
 Къ гробу своего богатства
 Мимоходомъ шлетъ —
 И посохъ весело беретъ:
 Пусть много пламя истребидо,
 Но радость въ немъ еще живетъ.
 Онъ смотритъ, все ли тутъ, что мило —
 Цѣла семья — смѣлѣй впередъ!

Плавъ ужъ принята землей!
 Форму назвали счастливо ;
 Отольется ли красиво?
 Наградится ль трудъ благой?

Ну, коль не сольется?
 Форма разорвется?

И въ надеждѣ, можетъ быть ,
 Зло насъ ищетъ поразить!

Земля въвремь рукъ созданье,
 И пахарь вѣрить хлѣбъ земля ,
 И сердце тѣшитъ упованье ,
 Что добрый плодъ пожнетъ себя
 По волѣ неба. Но дороже ,
 Чѣмъ это сѣмя , мы кладеиъ
 Въ гроба печальные, и ждемъ ,
 И вѣримъ, что могила — ложе ,
 Откуда братья и друзья
 Воскреснуть къ цѣли бытія.
 Съ колокольни ,
 Сердце скорбью надрывая,
 Похоронный льется звонъ.
 Странникъ въ новый путь вступаетъ
 И его сопровождаетъ ,
 Навѣвая думы, онъ.
 Ахъ, ее, ту друга — матеря ,
 Ахъ, безцѣнную жену
 Смерть уносить изъ объятій
 И отъ мужа, и отъ братій,
 И отъ милыхъ ей дѣтей.
 Ихъ она, цвѣтя, родила ,
 Грудью ихъ своею вскармила ,
 И такъ сладко было ей
 Любоваться ихъ толпою
 Ахъ! теперь судьба рукою
 Связи нѣжныя семьи
 Ужь на вѣкъ разорваны!
 Мать — сокровище дѣтей —
 Ужь теперь въ странѣ тѣней ;

Ужъ она не править домою,
 Не заботится она;
 Бродитъ въ мѣстѣ незнакомомъ —
 Вчужь, безъ любви, одна.

Можно вамъ, пока остынетъ
 Колоколъ, и отдохнуть.
 Какъ въ кустахъ играетъ птичка:
 Пусть помѣжитъ каждый грядъ.

Если дѣла вѣтъ,
 И звѣзды трепещеть свѣтъ;
 Межъ сраженій дремлетъ воишь;
 Только мастеръ не спокоешь.

Бодро, весело идетъ
 Двигимъ лѣсомъ пѣшеходъ
 Въ край родимый изъ чужбины.
 Тамъ — бледъ
 Идутъ овцы изъ долины,
 И красивая толпа
 Дорогихъ быковъ, мыча,
 Шумно стойла наполняетъ.
 И на дворъ
 Возъ тяжелый приѣзжаетъ.
 Какъ отрадно смотреть взоръ
 На довольство селянина!
 Что за милая картина!
 На большомъ возу сноповъ,
 Свѣтъ изъ полевыхъ цвѣтовъ,
 Смѣсью красокъ глазъ плѣня,
 Видѣнь брошенный вѣнокъ.
 Вотъ жнецовъ народъ безпечный,
 Полный юности сердечной,
 Ужъ пустился въ плясъ и скокъ.
 Но темнѣеть и темнѣеть;
 Площадь, улица пустѣеть,
 Вокругъ спокойнаго огня
 Собирается семья;
 И ворота гор одскія,

Петлей ржавою скрипя,
 Заперли сторожевые.
 Надъ землею
 Ночь повисла черной мглою,
 И ничѣмъ не возмущенъ
 Горожанъ спокойный сонъ:
 Ночь бессонна
 Для души лишь злобой омраченной,
 А за добрыхъ бодрствуетъ законъ.
 Сынъ небесъ, порядокъ милый,
 Ты свободно и легко
 Единишь своею силой
 То, что сходно и равно.
 Городамъ ты далъ начало;
 Жизнь мгновенно заиграла,
 И ушелъ ты самъ съ полей
 Къ намъ, сюда, отъ дикарей.
 Ты насъ учишь кроткимъ нравамъ;
 Къ мирнымъ клонишь ты уставамъ,
 И создалъ ты межъ людей
 Связь, дороже всѣхъ связей, —
 То — любовь къ землѣ своей!
 Сотни рукъ кипятъ работой;
 Дружно спѣетъ братскій трудъ;
 И горячею заботой
 Силы вызваны, растутъ.
 До послѣдняго горою
 Всѣ за родину стоять,
 И счастливы ихъ судьбою,
 Отъ обидъ своихъ хранить.
 Намъ работа честь и слава,
 А наградой — счастье намъ.
 Для царей волъ честь — держава,
 Намъ же хвалить по трудамъ.

Мира сладкое согласье,
 О, побудь, полно пріязни,
 Въ этомъ городѣ подолже!
 О, не дай Богъ дня такого,

Дня ужаснаго , когда
 Эти мирныя долины
 Наводить свирѣпо брань,
 И на небѣ,
 Гдѣ вечерняя зоря
 Нынѣ сладостно сілетъ, —
 Страшнымъ заревоиъ пожаръ
 Деревень и городовъ
 Дико , грозно заиграетъ !

Ужъ пора , разбейте форму;
 Цѣль достигнула она.
 Пусть работой насладятся
 И душа и глазъ сполна.

Молотомъ взмахните ,
 Форму раздробите !

Чтобы колоколь поднять ,
 Надо прежде форму снять !

Ну, форму надобно разбить
 Во время, дѣльною рукою;
 Бѣда, коль пламенной рѣкою
 Металль себя освободить !
 Какъ громъ, тресца и свирѣпя,
 Въ минуту стѣны раворветъ,
 И, какъ изъ аду, пламенѣя
 На все погибель потечетъ !
 Гдѣ власть въ рукахъ стихій природы ,
 Не выдетъ дѣла никогда;
 Какъ не получится плода
 Отъ человѣческой свободы,
 Когда не править ей властителя рука!
 Бѣда, коль въ городѣ незримо
 Скопится сѣра, и народъ,
 Разрушивъ цѣпь , неудержимо
 Себѣ на помощь мечъ беретъ.
 Мятежной двинуты рукою ,
 Колокола подъемяютъ вой,
 И , сдѣты мирною порою ,

Для мира, доброю рукою,
 Гремять мятежь, зовуть на бой.
 Свобода, равенство! къ защитѣ
 И люди мирные бѣгутъ;
 Полны дома и улицы толпами,
 И шайки изверговъ угрюмыми рдами,
 Неумолимыя, идутъ.
 Въ геены обратились жены,
 Разврату ихъ ужъ нѣтъ препоны,
 Вездѣ ихъ окружаетъ страхъ,
 И, какъ пантера рветъ зубами,
 Рвутъ сердце недруга когтями,
 И — все святое пало въ прахъ.
 Стыда разрушены оковы,
 Злодѣи — все дамать готовы:
 Бѣжить смиренный гражданинъ,
 И стать царемъ порокъ одинъ!
 Нарушить дрему льва — опасно,
 И тигра разсердить ужасно;
 Но нѣтъ ужаснѣе во-вѣкъ,
 Тебя, заблудшій человекъ!
 Бѣда, бѣда, коль ежель свѣта
 Слѣпцамъ подобнымъ отдадутъ:
 Не будетъ ими жизнь согрѣта,
 И весь, и градъ они сожгутъ!

Богъ мнѣ радость далъ сегодня!
 словно звездочка, блестить
 Изъ коры зерно металла,
 И бѣлѣть, и горить

Около ушей
 Ярче солнечныхъ лучей.

И клеймо — чѣмъ прежде — краше
 Восхвалить искусство наше!

Мои товарищи, сюда!
 Оконченъ трудъ; свершениъ крещенье;
 Пусть колоколъ людское неколѣнье
 Зоветь согласіемъ всегда.
 Пусть лишь къ тому, что сладкій миръ цѣнать,

Онъ съ высоты толпу людей сзываетъ,
 И пусть онъ исполняетъ вѣчно,
 Къ чему его назначилъ мастеръ!
 Высоко тамъ, среди чудесь,
 Въ лазурной области небесъ,
 Въ союздствѣ съ дальними громами,
 Гранича съ вѣчными звѣздами,
 Онъ долженъ сердцу говорить;
 Онъ долженъ также восхвалять
 Творца, какъ тѣхъ созвѣздій хоры,
 Чья красота плывлетъ взоры,
 Когда они свершаютъ путь.
 Пускай языкъ его волнуется
 Святымъ и важнымъ чѣмъ-нибудь,
 А не пустымъ людскую грудь;
 Пускай онъ громко знаменуетъ
 Съдаго времени полетъ.
 Пусть имъ судьба сама речетъ,
 И самъ безъ сердца, безъ участья,
 Слѣдитъ и счастье и несчастье
 Въ житейскомъ странствіи людей.
 А если вдругъ для ихъ ушей
 Умогнетъ звукъ его сердечный,
 Пусть знаютъ: здѣсь не избѣжить
 Ничто конца, ничто не вѣчно
 Что все земное прозвучитъ!

Ну, теперь тащи веревкой
 Снизу колоколъ, народъ;
 Пусть потомъ, поднятый ловко,
 Въ царство звуковъ перейдетъ!

Поднимайте! Вонъ
 Двинулся ужъ онъ!

Будь онъ намъ предтечей счастья,
 Первымъ звукомъ будь согласья!

А. Давыдовъ.

ВАШЪ СТАРЫЙ ЗНАКОМЫЙ.

повѣсть.

(Окончаніе.)

V.

Мы оставили мадамъ Орелли на пути изъ театра.

Карета ея остановилась передъ одной изъ лучшихъ гостинницъ. Вслѣдъ за нею подъѣхала другая, карета Ижорина.

Они вошли вмѣстѣ.

— Et voilà le réduit d'une voyageuse! сказала Орелли, вводя Ижорина въ прекрасную гостиную.

Что Ижоринъ понялъ мадамъ Орелли — это вы знаете. Что и она скоро поняла, какого чичисбея посылала ей судьба въ лицѣ Ижорина, это должно удивлять еще менѣе.

Въ дѣлѣ жизни опытность главная вещь, а этимъ достоинствомъ Орелли, справедливо, могла бы похвалиться передъ всякимъ и всѣми. Принадлежа, дѣйствительно, къ тому известному роду существъ, на которья мѣтила исторія, импровизированная у ресторатёра, и которымъ покойный Татищевъ, въ своемъ словарѣ, не далъ техническаго названія, какъ бы не предвидя; или, по крайней мѣрѣ, не желая имъ въ Русскомъ обществѣ права долгаго гражданства (за что мы, съ своей стороны, не можемъ не быть благодарны Татищеву), она, не безъ пользы, прошла поприще, во всѣхъ отношеніяхъ блистательное, если и не продолжительное еще. Не даромъ же, въ самомъ дѣлѣ, еще въ Парижѣ разорила она въ пухъ Нѣмецкаго жида-банкира, подорвала денежный кредитъ одного изъ первыхъ министровъ и умѣла даже милліонера-Англичанина отучить отъ эксцентричностей: такіе подвиги не могли не наметать глазъ и не снабдить изряднымъ запасомъ опытности.

.... Ижоринъ провелъ съ ней вечеръ почти не скучно. И отъ природы женщина далеко не глупая, Орелли, сверхъ того, много видѣла: она говорила не дурно, судила рѣзко и смѣло, — подѣ часть и вѣрно, а какая-то своеобразность всей ея персоны удивительно удачно скрывала въ ней этотъ невыносимый «типъ» современной Аспазин, который отталкиваетъ отъ женщины челоуька даже не много пожившаго, подобно сильной струѣ мускуса или пачули.

Прощаясь съ ней «до свиданья,» Ижоринъ считалъ себя отъ души обязаннымъ ей за то, что, въ разговорахъ съ нимъ, ограничивавшихся сначала, довольно, впрочемъ, общими мѣстами, она ни разу не сбилась ни на одну изъ темъ, истощаемыхъ всегда подобными дамами: ни слова не сказала она о своей «внутренней» исторіи, не старалась объяснить причины своего «положенія», не сътовала на неблагодарность и непостоянство людей и даже не промолвилась о своихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Но въ этомъ-то и былъ верхъ макиавелизма.

На утро своего новаго знакомства, Ижоринъ проснулся рано, съ озабоченнымъ видомъ позвонилъ, и когда камердинеръ доложилъ ему, что девятый часъ, велѣлъ подавать карету, одѣлся на скорую руку, хотя на этотъ разъ и благополучно и, выѣхавъ на Невскій проспектъ, исходилъ едва ли не все магазины, и à la и безъ à la. Возвратившись домой съ порядочнымъ грузомъ, онъ отправилъ этотъ грузъ съ камердинеромъ при щегольской и, безъ сомнѣнія, очень любезной Французской записочкѣ.

Кучеръ Ижорина, межъ тѣмъ, уже рѣшилъ про себя, что баринъ женится.

Позавтракавши, Ижоринъ опять пустился по разнымъ направленіямъ.

Передъ самымъ обѣдомъ онъ на минуту завернулъ къ Орелли и вручилъ ей лично билетъ на ложу, прекрасный портъ-буке и брилліантовый колъе: цѣнность послѣдняго составила бы счастье инаго семейства на всю жизнь.

Въ театръ онъ не поѣхалъ, однакожъ.

На другой день гоньба продолжалась. Нашлась даже необходимость переменить въ каретъ лошадей. Все это, какъ будто бы, успокоивало Ижорина. Хоть и зѣвалъ онъ еще подъ часъ, но лучше прежняго спалось ему, — о картѣ обѣда онъ уже заботился съ присутствіемъ мысли о столь важномъ дѣлѣ и толкомъ: всѣ эти утѣшительныя явленія, отъ которыхъ Ижоринъ успѣлъ поотвыкнуть, онъ замѣчалъ въ себѣ какъ пріятную новость.

.... Въ назначенный пріятелямъ вторникъ всѣ они получили, еще съ утра, приглашеніе на вечеръ, отъ имени Орелли: она звала на Литейную, въ домъ подѣ № 318.

Трехъ часовъ достало Ижорину на то, чтобы овладѣть сердцемъ мадамъ Орелли, трехъ дней, послѣдовавшихъ за закладомъ — чтобы приготовить ей самый пышный, самый затѣйливый local. Бронзы, мраморъ, зеркала, ковры, цвѣты, хрусталь, картины, бархатъ, фарфоръ, рѣзьба, — все это сливалось въ роскошное цѣлое, предварительно улегшись, каждое, на мѣсто, определенное вкусомъ и изящною прихотью. Прадье, Менъ, Фратень, Мадерни, Гамбсъ, Буль, Діацъ, Біаръ, каждый изъ этихъ законодателей утонченнаго комфорта принесъ свою лепту на жертвенникъ нѣги и беззаботной лѣни. Богемія, Севръ, Саксонія, Утрехтъ, Персія, Версаль прислали туда chef-d'oeuvre'y своей промышленной фантазіи, словно на показъ.

Ясно было, что заботившійся объ этомъ убранствѣ не жалѣлъ главнаго въ случаяхъ подобнаго рода — денегъ: все было чрезвычайно-богато, во всемъ проглядывалъ выборъ безукоризненнаго вкуса, одна часть соответствовала другой и каждая вещь — цѣлому; но глазъ, привыкшій всматриваться въ вещи, какъ въ лица, съ вниманіемъ, и умьющій изъ убранства комнаты заключить о мысли, руководившей челоюкомъ, такъ же какъ изъ всякаго другаго дѣла, — такой глазъ остался бы, развѣ, пораженъ великолѣпиемъ этой миниатюрной Алгамбры. Въ каждой бездѣлицѣ, хотя бы и необходимой для полноты цѣлага, болѣе просвѣчивало желаніе угодить всѣмъ прихотямъ, нежели необходимость держаться известной наклонности той, для кого все это назва-

чалось: цѣлое не давало никакого понятія о смыслѣ идола, кому воздвигнуть былъ храмъ. Словомъ, можетъ быть, такое помѣщеніе долженъ былъ устроить Ижоринъ по понятіямъ, между ними утвердившимися, — по совершенной иною физіогномією оживила бы, на примѣръ, пріютъ женщины любимой рука самая щедрая, самая богатая средствами. Или, тотъ же Ижоринъ, случись ему жениться, не только бы никогда не далъ подобнаго выраженія покоямъ своей жены, но врядъ ли бы и покусился издержать на этотъ предметъ такія огромныя деньги.... Отчего это? Не для хвастовства же бросилъ она на отдѣлку квартиры Орелли болѣе половины своего годоваго дохода: состояніе его слишкомъ хорошо было извѣстно, никто не сомнѣвался и въ томъ, что у него хватило бы вкуса и умѣнья на всякое подобное начинаніе.... Но, неужели, въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всѣхъ прочихъ дѣлахъ жизни, онъ шелъ только за другими и, человѣкъ по уму и природнымъ способности, далеко не дюжинный, ни разу не спросилъ себя: зачѣмъ

....Для прислуги Мадамъ Орелли, кромѣ горничной, прѣхавшей съ ней «прямо изъ Парижа» и при ней оставшейся, данъ былъ, между другими, самый черный и самый безобразный Негръ, Негръ *rig sang*. Четверка съренскихъ лошадокъ, особенной породы, маленькихъ, приземистыхъ, съ немовѣрно-длинными и густыми хвостами и гривами, стояла на конюшнѣ подъ надзоромъ толстаго, какъ иной трактирный самоваръ, кучера и амура-форейтора, въ ожиданіи благополучія возить свою владычицу, эту экзотическую рѣдкость, съ скоростію паровоза, въ одной изъ игрушекъ, наполнявшихъ каретный сарай, куда онъ явились прямо изъ мастерскихъ Форбелюса и Юхима.... Съ открытіемъ навигаціи должны были прибыть еще: два гунтера, *steeple-chaise*, за клеймомъ перваго мастера самостоятельнаго Королевства, два попугая съ аттестатами отъ Американскаго профессора и бульдогъ, вовсе безъ хвоста.

Въ прихожей, расфранченный съ утра, какъ иной узданный баринъ подъ выпецъ, осужденъ былъ вѣчно сидѣть камердиреръ: его званіи, кажется, Жозефомъ.

....Когда мадамъ Орелли занесла ногу въ преддверіе этого затѣйливаго Эльдорадо, она все оглянула однимъ взглядомъ. Ничто не ускользнуло отъ ея пытливаго глаза. Но до того были въ ней, съ одной стороны, сильна привычка къ роскоши, съ другой, такъ развита способность съ разу понять челоуѣка, съ которымъ сводила ее судьба, что она даже и не подарила Ижорина и улыбкой, въ которой бы выразилось ея удивленіе или хоть удовольствіе. И, за это, Ижоринъ такъ-же мало претендовалъ на нее, какъ не сталъ-бы онъ сердиться на того, кто-бы вздумалъ просить у него займы денегъ, безъ увѣренности въ возможности когда-нибудь отдать.

Орелли отворила рояль, небрежно пробѣжала пальцами по клавишамъ, и, оставшись, вѣроятно, довольною созданіемъ Эрара, прошла дальше; въ гостиной она не-то бросилась не-то упала на одну изъ тѣхъ штукъ, назначенныхъ для сидѣнья и лежанья, въ которыхъ стоитъ помѣститься, чтобы уже не захотѣлось встать никогда: штука оказалась соответствовавшаго своему назначенію. Въ другой гостиной она дернула за сонетку, какъ изъ земли выросъ передъ ней черномазый Помпей, Орелли посмотрѣла на него съ секунду и спросила стаканъ воды, вода явилась; разумѣется, на поднось рококо въ какомъ-то двуцвѣтномъ хрусталѣ; она помочила губы и, уже въ уборной, будто бы невзначай и очень граціозно, плюнула въ серебряный тазикъ.

Всякій другой, на мѣсть Ижорина, пожалуй былъ бы взволнованъ не на шутку рѣшительностію этого приступа, но въ Ижоринѣ не могъ родиться подобный порывъ: слишкомъ хорошо зналъ онъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, и никогда бы не пришло ему на умъ требовать отъ Орелли того, чего, можетъ быть, сталъ бы искать въ ней челоуѣкъ, не заплатившій жизни того рода дань, какой стоила она ему.... Не обращая ни малѣйшаго вниманія на продѣлки, которыя онъ находилъ со стороны Орелли весьма естественными, Ижоринъ, глядя на нихъ, равнодушно курилъ сигару, тщательно пуская одно колечко дыма за другимъ, и такъ чтобы второе прошло испремно сквозь первое.

Водворившись въ своемъ новомъ владѣнїи, Орелли взялась за управленіе со всѣми пріемами женщины, до тонкости исчерпавшей науку хозяйничанья въ чужомъ добрь.

.... Насталъ вечеръ. Одинъ за однимъ стали собираться сотрапезники прошлой недѣли.

Первый прїѣхалъ уланскій корнетъ: Повѣривъ ensemble своего туалета въ зеркаль, висѣвшемъ въ передней, онъ оставилъ въ залѣ огромный букетъ цвѣтовъ и явился въ маленькую гостиную, гдѣ, въ сладкомъ созерцанїи своей собственной ножки, полулежала Орелли, а въ креслѣ дремалъ Ижоринъ, счастливый уже тѣмъ, что могъ дремать, не принуждая себя къ тому. Ижоринъ открылъ глаза и представилъ улана хозяйкѣ дома. Знакомство завелось очень свободно. Орелли со втораго слова, сказаннаго челоувкомъ, примѣнялась къ нему, — это вы ужъ и знаете. Уланъ, вообще не любившій пристального осмотра въ дѣлахъ житейскихъ, а, на этотъ разъ, не находя ничего особеннаго въ представлявшемся ему, отдался весь воодушевленїю, какое производили въ немъ близость хорошенькой и любезной женщины (въ этихъ качествахъ никто бы не посмѣлъ отказать мадамъ Орелли), весь ея entourage, и принялся вратъ въ запуски съ нею. Онъ принесъ цвѣты, букетъ былъ такъ великъ, что его трудно было удержать въ одной рукѣ, и, съ комическою важностїю, признавая себя побѣжденнымъ чарами Орелли, разсыпалъ цвѣты у ея ногъ.

За уланомъ подѣхали другіе. Господинъ, еще за обѣдомъ у ресторатѣра, оказывавшій особенную склонность къ положительности, осматривалъ весь intégieur мадамъ Орелли съ напряженнымъ любопытствомъ. Если бы не чувство свѣтскаго приличїа, снъ непрѣменно бы дотронулся до каждой вещи, чтобы убѣдиться въ свойствѣ ея матерїала, словно ему нужно было дознаться, какой пробы серебро и изъ бронзы ли точно вылиты всѣ эти прелести Прадѣ и Мена, украшавшія столы, или, мѣстами, льпившіяся по стѣнамъ. Не могъ онъ, однакоже, устѣвшись на ту мебель, что названа такъ остроумно аих pieds de madame, удер-

жаться отъ удовольствія ощупать изъ-подтишка бархатъ , которымъ была обита она. И бархатъ оказался Утрехтскій.

Юношѣ, ходячей-хроникъ Петербурга (или Статуъ здорова , какъ предложено было называть его въ последнее время), въ особенности понравились мягкіе, Персидскіе ковры, и онъ , послѣ первыхъ же привѣтствій хозяйкѣ , усялся на полу, поджавъ ноги по-Турецки, и занесъ всякій вздоръ.

.... Чай и пушкѣ давно уже были прибраны. Бесѣда съ каждымъ словомъ, становилась живѣе.

Пробило 11 часовъ.

Господинъ, сидѣвшій у ногъ Орелли , недовѣрчиво выслушалъ удары часоваго молоточка, но, посмотрѣвъ на свои карманные часы, которые, если вѣрить ему, стоили лучшаго хронометра , отправился искать своей шляпы. Примѣру его , какъ-бы предварительно сговорившись, послѣдовали всѣ кромѣ ходячей-хронпки и улана.

— Est-ce que ces messieurs ne soupent pas avec nous? спросила Орелли.

— Да , въ самомъ дѣлѣ, куда-жъ это вы всѣ? сказалъ Ижоринъ.

И тутъ только онъ замѣтилъ, что гости, всѣ, были въ бальныхъ костюмахъ.

— Какъ куда? — отвѣчалъ одинъ изъ нихъ. Къ Графинѣ Б... А ты развѣ не будешь на балѣ?

— Развѣ балъ сегодня? спросилъ Ижоринъ , голосомъ, отъывавшимся худо-скрытымъ смущеніемъ.

Сказать правду, онъ , и въ самомъ дѣлѣ, въ хлопотахъ забылъ о балѣ.

— Сегодня.

— Не поѣду: лѣнь что-то.

Онъ вышелъ въ другую комнату , и , напѣвая сквозь зубы какую-то каватину , упрямо прильнулъ головой къ рамѣ окна.

Въ окно, ради темной ночи, онъ, разумется, не увидѣлъ ничего , развѣ тусклый свѣтъ фонаря , какъ бы нехотя озарявшій проѣзжіе экипажи, которые , скользя по снѣгу ,

бросали на него свои тѣни, подобно картинкамъ дурной lanterna magica, когда онѣ отражаются на стѣнѣ неопредѣленнаго цвѣта и свойства.

Пріятели не догадывались еще ни о чемъ. О происшествіи съ Графиней, понимается, не зналъ никто. Волокитства, со стороны Ижорина, не было видно ни разу.

Но Орелли, слышавшая фамилію и, кромѣ ея, поймавшая, изъ Русскаго разговора, слово: балъ, съ чувствомъ женщины, уже сдѣлала, про себя, кое-какія заключенія, которыхъ, выговоривъ она ихъ, пожалуй испугался бы Ижоринъ.

Она, однакожь, не подала ни малѣйшаго вида и вышла проводить гостей.

— Такъ ты не ѣдешь?

— Нѣтъ.

Въ рѣшительности этого отвѣта слышалось какъ будто бы досада.

Послѣдній вопросъ и отвѣтъ были сказаны на Французскомъ языкѣ и утвердили Орелли въ ея догадкахъ. При всемъ томъ она не позволила себѣ, даже для формы, просить Ижорилла, чтобы онъ, ради ея, не отказывалъ себѣ въ удовольствіе быть на балѣ: въ самомъ дѣлѣ, слишкомъ много было такта у этой женщины, и слишкомъ ясно сознавала она всѣ свои обязанности къ Ижорину.

За послѣднимъ жестомъ досады, выразившимся, впрочемъ, только въ голосѣ, двое изъ гостей переглянулись хоть и едва-замѣтно, но довольно значительно.

Простившись, они уѣхали.

— А мы рѣшили, что гораздо лучше раздѣлить твое уединеніе и скудную трапезу, нежели вѣхать толкаться и звать къ Б....

Этими словами встрѣтилъ входившаго опять въ маленькую гостиную, объ руку съ Орелли, Ижорина, юноша ходячая-хроника, ударяя по плечу улана.

Ижоринъ протянулъ каждому по рукъ. Онъ отъ души былъ имъ благодаренъ, и, не будь тутъ Орелли, онъ, того и гляди, кинулся бы имъ на шею,

Орелли, певидцо џи для кого, укусила себѣ губу.

— Необходимо, однакоже, чтобы эти господа не раскаялись въ своей жертвѣ, сказала она. И, во-первыхъ, какъ и что вы хотите ужинать?

— Я всегда ѣмъ, что даютъ, — отвѣчалъ ходячая хроника.

— А я буду ѣсть все, что останется послѣ васъ, — сказалъ уланъ. — А ты? продолжалъ онъ, обращаясь къ Ижорину.

— Я... никогда не ужинаю.

— Васъ и не спрашиваютъ, замѣтила ему Орелли, полу-шутя... И мы сдѣлаемъ punch royal...

— Божественная женщина! воскликнулъ корнетъ.

— И ты будешь пить все, что останется... сказалъ хроника.

— Только не послѣ тебя, достойный Евріаль, — перебилъ уланъ.

Не надо напоминать, что разговоръ велся на Французскомъ языкѣ.

Отдавъ приказанія объ ужинѣ, Орелли вытаскала всѣхъ въ залу. Ей и было досадно на Ижорина, и хотѣлось, чтобы никто не подозрѣвалъ этого. Можетъ быть она думала и поразвеселить его.

Усѣвшись передъ роялемъ, и, продолжая говорить о пустякахъ, она взяла нѣсколько аккордовъ, промежила ихъ одной или двумя гаммами и незамѣтно принялась бредить на одну изъ мелодій гениальнаго Шуберта. Въ каждомъ ударѣ по клавишѣ, въ каждой фразѣ инструмента слышалось далеко не обыкновенное знаніе дѣла.

И уланъ и его товарищъ замолкли, въ какомъ-то сладкомъ обаяніи. Ижоринъ сидѣлъ, тоже, недвижимъ и погруженный въ думу, но въ его думѣ ни мало не участвовало происходившее передъ нимъ.

— Ничего не понимаю, а благоговѣю передъ Шубертомъ! — сказалъ по-Французски Статуя здоровья...

— Я никогда не любилъ Нѣмецкой музыки, — сорвалось съ языка у Ижорина, на томъ-же діалектѣ,

Статуя здоровья посмотрѣлъ на него какъ-то странно.

Орелли бросила инструментъ.

— Ужинать, господа! сказала она.

Сколь ни благоразумна была Орелли, сколь ни ничтожны были права ея на Ижорина, — его мрачное расположеніе должно было производить на нее тяжелое впечатлѣніе: Какъ женщина, въ которой (будь это, единственно, по молодости лѣтъ) не до-тла еще сгорѣла всякая способность къ сочувствію, можетъ стать, ей даже немножко было жалко Ижорина, но пуще страдало ея самолюбіе, то мелкое и щепетильное самолюбіе, которое никогда не покидаетъ ни одной изъ дочерей Еввы, хотя бы и пала она до послѣдней ступени, и которое ни за что не допустить ея равнодушно выносить видимое совмѣстничество въ то самое время, когда мало заботится она о смыслѣ привязанности къ ней человека, съ кѣмъ связь ея условлена единственно прихотью или случаемъ.

Но всѣ эти впечатлѣнія, которыми самой Орелли, сначала, не совсѣмъ удалось скрыть отъ привычныхъ глазъ гостей, по немногу сбѣжали съ ея лица, за ужиномъ, благодаря неистощимой способности обоихъ, отпускатъ нелѣпость за нелѣпостью.

— Вотъ, говорятъ объ древнихъ, что они жили лучше насъ, — замѣтилъ уланъ.

— Пускай говорятъ, а тебѣ кто велитъ слушать?

— Вздоръ, братецъ, рѣшительно вздоръ!

— Гомары, положимъ, они едва-ли не круглый годъ ѣли свѣжіе....

— A punch royal? Имѣли-ли они какое-нибудь понятіе объ этомъ нектарѣ!

— Геродотъ ничего не говоритъ объ этомъ.

— То-то вотъ.... Я за него гроша не дамъ.

— Господа, что-же вы, икры? сказала Орелли, — посмотрите, какая икра!

— Икра ужъ солона теперь, возранилъ ходячал-хрюлка.

— Я и забываю, что она вамъ не въ диковину. У Вернсь насъ брали по десяти франковъ за порцію, deux cuillérées. Et encore n'y en a-t-il pas tous les jours. J'aime beaucoup la Russie: on m'a dit que vos capitales regorgeaient de caviar, grâce à vos fleuves, tout le long de l'année, et j'adore le caviar. Cette bêtise pourtant de n'en pas faire venir en France pour plusieurs millions!... Il y aurait de quoi faire fortune: c'est que, tous, nous aimons le caviar là-bas.

— Воображаю, что вы тамъ говорите о Россіи, что вы говорите объ насъ....

— On dit qu'il fait froid chez vous, mais on sait que vous êtes tous de bons enfants.

— Это, всего лучше, знаютъ наши родители, наши управляющіе и наши кошельки, когда мы возвращаемся изъ Парижа ...

— Fi donc, seigneurs russes.... Et du champagne!

Шампанское запѣнилось.

— А все, для порядка, надо бы съездить въ Парижъ, замѣтилъ уланъ. Въдь хорошо, Ижоринъ?

— Все то-же.

— Ну какъ-же?

— Право. Улицы погрязнѣ нашихъ, дома постарѣ. Побольше шуму, поменьше порядка, больше женщинъ, меньше лошадей.... Больше всего, кажется, печатной бумаги....

— Театры.

— Трактиры, бульвары ... Право, по моему, ничего особеннаго. Конечно на бульварахъ не липы, а тополи. Ну, а подь тополями, все то-же что и подь липами....

— Val Mabile, Chaumiére....

— Ranelagh!....

— Какія вы дѣти! замѣтила имъ мадамъ Орелли.

— Оттого-то намъ и надо учиться, перебилъ ходячая-хроника.

— Но не умничать, а довольствоваться тѣмъ, что даютъ.... Сегодняшній урокъ начнется съ punch royal ...

Быль часъ четвертый за полночь, когда и гости, будто не хотя, и Ижоринъ взялись за шляпы.

Орели провожала ихъ до передней.

Въ передней она, на минуту, тихонько ущипнула Ижорина за ухо, но этого не видали другіе.

Ижоринъ вздохнулъ довольно громко.

Орели уже ушла.

— Чудакъ! сказалъ уланъ, отыскивая свои галоши.

— George Dandin, tu l'as.... Последняго слова ходячей-хроника не было слышно.

VI.

Изъ участія къ нашему герою, взглянемъ, хоть вскользь, на Графиню Софью Михайловну.

...Блистательный балъ быль въ самомъ развалѣ.

Усердно горѣли свѣчи и лампы, горячо споря о первенствѣ. Аксельбанты и фраки, газы и моары, атласныя и матовыя плечи, румяныя и нарумяненныя щеки, цвѣты живые и поддельные, косы и хохлы, свои и чужіе, улыбки и ужимки, очки и лорнеты, комплименты и вздоры: все это сивалось, расходилось, мелькало и опять мѣшалось въ пестрое, безсвязное цѣлое.

Въ одной залѣ, извѣстнымъ порядкомъ, страдали руки и столы, — въ другой, ноги и паркетъ.

И, повидимому, и руки и ноги были довольны.

Графиня, какъ хозяйка, своею ревностію къ удовольствію, подавала примѣръ другимъ: она не сходила съ паркета.

Но, по временамъ, она посматривала на дверь официантской, будто ожидала она кого-то.

Въ промежуткахъ между двухъ танцевъ она обошла весь домъ, по обязанности, конечно, и всматривалась во всѣ углы каждой изъ приѣмныхъ комнатъ, какъ бы ища потерянной вещи

Чего она искала?

И до последней минуты бала, окончившагося не задолго передъ свѣтомъ, Графиня не переставала вздрагивать слегка, когда отворялась дверь официантской.

Что бы это значило?

Гости разъѣхались, рассыпавшись подобно камнямъ на-скоро и на песокъ построеннаго зданія.

Между тѣмъ какъ Графъ отправился усаживать въ карету одного изъ самыхъ почтенныхъ гостей, глухаго, слѣпаго и едва живаго, еще въ половинѣ бала заснувшаго въ креслѣ,— Графиня, грустная и задумчивая, проходила, пустой амфилодой, на свою половину.

Въ спальной она опустила на первое подвернувшееся сидѣнье, и, не извѣстно ради чего, принялась внимательно разглядывать свой носовой платокъ, и, потомъ, тихо-тихо рвать дорожную обшивку.

И долго стояла надъ нею горничная, ожидая приказанія раскалывать, расшнуровывать и растегивать.

— Поди! и сказать Графу, что я нездорова.

Графъ, однакоже, счелъ за нужное притти постучаться въ дверь женщиной спальни.

Софья, сначала, не отозвалась на стукъ, но, потомъ, выговорила слабымъ голосомъ:

— Je souffre, mon ami....

Графъ удовольствовался этими словами и удалился.

Дорого, думаю я, далъ бы Ижоринъ за то, чтобы видѣть или знать все это.

...И ему, бѣдному, въ то-же время, плохо спалось.

Но «утро вечера мудренѣе.»

Съ утра пріѣхалъ уланъ, кое-кто еще изъ пріятелей и стали требовать расчета за проигранное пари.

Спорить было не о чемъ. Пріятели всѣ повинились цвѣтами. Ижорину надо было поплатиться въ свою очередь.

Орелии тщетно прождала его цѣлый день. И, на другой даже, онъ завернулъ къ ней не надолго. Уланъ и хроника въ особенности были изобретательны каждый по своему....

Въ продолженіе недели и Невскій проспектъ и нѣкоторыя другія улицы, и Летранъ и Доминикъ, и разныя мѣста получили щедрую дань изъ кошелька Ижоринца.

Орелии, впрочемъ, была не совсѣмъ забыта. Навѣщали и ее, но Ижоринъ рѣдко бывалъ одинъ на Литейной.

Хроника съ каждымъ днемъ открывалъ въ этой женщинѣ новыя достоинства и спѣшилъ сейчасъ же сообщить о нихъ Ижорину, который слушалъ его равнодушно и увѣрялъ, что все это для него не новость. Уланъ такъ подружился съ ней въ самое короткое время, что сталъ уже разъѣзжать по Петербургу на маленькихъ, свренскихъ лошадакахъ. Когда сослуживцы спрашивали его, откуда онъ взялъ этихъ лошадей, онъ отвѣчалъ, что онъ подарены ему одной Графиней, которая давно будто-бы по немъ страдаетъ, и куплены, нарочно для него и на весь золота, съ одного, неизвѣстнаго еще никому, завода Алжирскаго Бя,

....Время шло да шло. Настала весна. Пришли корабли. Уланъ уѣхалъ въ Стрѣльну. Ходячая-хроника куда-то исчезла. Господинъ, любившій во всемъ положительность, долженъ былъ оставить Петербургъ по обязанностямъ службы. Изъ прочихъ то-же никого не стало видно.

Подъѣхали гунтеры, *steerle-chaise*, попугаи, бульдогъ и еще, въ видѣ совсѣмъ неожиданнаго сюрприза, двѣ обезьяны, одна въ человѣчій ростъ, другая вся — съ грецкій орѣхъ.

Ради всего этого Орелии казалась очень довольна своею участію: ктому же Ижоринъ сталъ чаще бывать у ней и иногда засиживался. И, какъ будто бы, полюбилъ онъ и Шуберта и еще какого-то Нѣмца, Вебера что-ли или Мейербера.... Иначе нельзя было толковать его частыхъ посещеній....

Къ Лидневой Ижоринъ не ѣздилъ, и, вообще мало посѣщая большой свѣтъ, не встрѣчался съ Графиней, развѣ

на улицѣ. Только разъ они съѣхались въ Англійскомъ магазинѣ, и такъ, что уже не было возможности не поклониться другъ другу. Тутъ былъ и Графъ, который попенялъ Ижорину, за то что онъ не былъ у нихъ на балъ и общался самъ быть у него. Ижоринъ благодарилъ и прибавилъ, что на дняхъ ѣдетъ. Но, со стороны его и Графини, произошли, при этой встрѣчѣ, два странныхъ обстоятельства, взаимно ими незамѣченныя: Графиня велѣла завернуть себѣ мужскія очки, Ижоринъ спросилъ лѣтніе женскіе чулки; ему подали дюжину *en se qu'il y a de tiéux*, онъ пресерьёзно всунулъ ее въ карманъ и вышелъ. Графъ, видѣвшій оба происшествія, внутренно посмѣялся надъ Ижоринимъ, но ему не пришло въ голову спросить у жены, для чего она покупала очки.

Между тѣмъ Петербургъ перебирался на дачи. И Орелли хотѣла жить за городомъ.

Нужно было удовлетворить это желаніе.

Скоро нашлось, на Черной рѣчкѣ, все нужное для перемѣщенія: десять квадратныхъ сажень земли, четыре голыя, досчатыя стѣны, крытая коновязь и дворникъ, соглашавшійся, отъ имени хозяина, на всевозможныя украшенія со стороны и на счетъ наемщика, въ обмѣнъ на нѣсколько сотенныхъ ассигнацій. Черезъ три дня владѣлецъ не узналъ бы своей собственности. Домъ былъ весь обить за-ново и устланъ коврами, снаружи обвѣшанъ жалюзіями и маркизами, передъ домомъ не стало видно земли: все это были цвѣты и деревья. Подъ крышкою коновязи ржали гунтеры и бились, непривычныя къ новому стойлу, сыренькія; въ растворенныя окна кричали попугаи, на одномъ окнѣ грѣлся бульдогъ, изъ другаго смотрѣла обезьяна. Все было слышно и видно насквозь. И вся дача, въ три дня, преобразилась въ миниатюрный снимокъ съ Парижскаго Jardin des Plantes, съ тою разницею, что въ ней было больше цвѣтовъ.

Улапъ, какъ-то набѣгомъ, навѣстилъ эту новую обитель и остался очень доволенъ ею, такъ что, въ первый разъ, не вспомнилъ ни о жженкѣ, ни о *punch royal*.

Скромные сосѣди, чиновники и Нѣмцы, проходили мимо жилища Орелли съ завистью. Любители собакъ останавливались съ чувствомъ, при видѣ бульдога, мальчишки были въ восторгѣ отъ обезьяны.

— Ишь, ишь, хвостъ-отъ!—говорили они другъ другу.

— Ровно челоуѣкъ! отзывался объ обезьянѣ дворникъ.— Да гадина-то какая!

И, между обезьянами, цвѣтами, раззолоченными кѣтками и прочимъ, показывались, иногда, черная рожа и красная куртка Помпея.... Тогда иной прохожій становился въ тупикъ.

Чего-чего не говорили о дачѣ? Какихъ предположеній не дѣлали на счетъ ея обитателей? Какими вопросами не осаждали булочника, единственнаго мѣстнаго жителя и общаго знакомаго, имѣвшаго доступъ въ волшебный замокъ! Но булочникъ, какъ ни хвалился онъ своими отношеніями къ его обитателямъ, и самъ не прошикалъ далѣе кухни: это не мѣшало ему, однакоже, отвѣчать на всѣ вопросы съ большою самоуверенностію и en connaissance de cause.

— Эхъ вы, мужичье! говаривалъ онъ обыкновенно кучерамъ, лакеямъ, ключницамъ и форрейторамъ, всѣмъ любопытнымъ безъ различія, — эхъ вы! обнаковенное дѣло Грчанская прынцесса съ теплаго акіяна! Алмазо-тъ у ней во-какой есть! — Онъ показывалъ платикопѣчную булку.

— Батюшки-свѣты!

— И по нашему, то-ись, ни-ни! Да и по Нѣмецки-то не говорить.

— Ну ужъ, я чай....

— Что вы? Да нешто мы по-Нѣмецки не знаемъ.... Можетъ еще не хуже другого аптекаря....

— Ну, а съ людьми-то она какъ?

— Англичанинъ есть, что который завсегда при лошадахъ.... Опять, Арапъ.

— Это что жъ, ты, братецъ ты мой, такое, Арапъ? Я ихъ видывалъ: рожа-то черная вся.

— Ну, ну.

— Нешто рожа одна, глупые? Весь онъ черный, какъ есть весь....

— Ишь диковина. Когда они, у нихъ, все такіе, то-ясь которыя есть низкаго сословія.

— А звѣря-то всякаго, звѣря-то что?

— Простота! Да нешто ей безъ этого жить можно? У нихъ, тамъ, за ворота выйдешь, такъ эта всего.... Все равно какъ здѣсь комаръ, или кошка, либо гусь....

— Я чай, иной разъ, вѣдь тоже, расходятся, и кусковъ не соберешь....

— Ишь сказалъ: дакъ нешто тебя кошка или гусь тронетъ?

— Вѣстимо.

— То-то же вотъ.. И они къ нимъ привычны.... Это, братцы, все надо знать!

И булочникъ шель дальше, самодовольно разнося вездѣ любопытныя данныя объ Орелли.

— Федоръ Ивановичъ! за чѣмъ она сюда прѣехала? спрашивала у булочника быстроглазая горничная.

— У тебя не спросилась, курносая! Еще она можетъ и безъ пашпорта, ты какъ-бы ты думала? Кто у ней спросить-то? Онамнись, сказывали, какъ прѣехала-то она, въ вѣдомостяхъ про нее всю страницу пропечатали. Ты гляди-ка, кто къ ней ѣздить-то. Все какіе господа: и войдутъ не слышно. Значить уваженіе.... То-же вѣдь мы кое что и видывали.

Горничная слушала розиня ротъ, булочникъ продолжалъ и путь свой, и рассказы.

....Ижоринъ самъ жилъ въ городѣ, но часто ѣздилъ на Черную Рѣчку, чаще, можетъ быть, нежели, въ то-же время, сталъ бы ѣздить на Литейную: Петербургъ, какъ и всегда на лѣто, опустѣлъ, театры и всѣ городскія публичныя мѣста праздновали каникулы, — дѣваться, значить, было некуда.

....Разъ какъ-то, это случилось въ половинѣ Июля, Орелли предложила ему прокатиться съ нею въ *steerle-chaise*.

Зной ужъ опалъ, жаркій день смѣнился прохладнымъ вечеромъ. Ижоринъ согласился вѣхать.

— Кстати, — сказалъ онъ, — я еще не видалъ вашихъ гунтеровъ.

Орелли улыбнулась, право, преграціозно и побѣжала распоряжаться.

Джемсъ, Джонъ или Уильямъ снаряжился въ мгновеніе ока.

Вмѣстѣ съ Ижоринымъ и Орелли вскочилъ въ *steerle-chaise* и бульдогъ, какъ истый Англичанинъ. Ижоринъ вытащилъ сигарку и, молча, вперилъ глаза въ даль. Въ эту минуту, кто, не зная, встрѣтилъ бы его, навѣрное счелъ бы за счастливейшаго въ мірѣ человѣка и позавидовалъ ему.

Но герой нашъ врядъ-ли считалъ себя счастливымъ.

....Неподалеку отъ дома имъ попался булочникъ съ своей вечерней ношей; онъ, издали еще снявъ картузь, остановился, отвѣсилъ пренизкій поклонъ и долго смотрѣлъ имъ въ слѣдъ съ непритворнымъ уваженіемъ.

Орелли сама правила. Она повернула на мостъ. На мосту лошади было хотѣли заупрямиться, заплясали на мѣстѣ, заржали, но Орелли въ мигъ укротила ихъ бичемъ.

— *Délicieux!* сказалъ Ижоринъ. При этомъ, неизвестно отчего, онъ слегка поморщился. Боялся-ли онъ открывать въ ней новыя достоинства?

Steerle-chaise, ходкой рысью, покатылся по Новой Деревнѣ, остановивъ дорогой не одного зѣваку (Джемсъ, Джонъ или Уильямъ, сидѣвшій сзади, все принималъ на свой счетъ и все болѣе и болѣе надувался и важнѣе избоченивался); и повернулъ, берегомъ, къ Старой Деревнѣ.

Когда стали показываться бѣлые фуражки — кавалергарды, какъ и всегда лѣтомъ, стояли въ Старой Деревнѣ на

травъ — на лицъ Ижорина, уже прояснившемся, мелькнулъ слѣдъ какого-то, вѣроятно, непріятнаго соображенія, и онъ, какъ будто бы даже, хотѣлъ было просить Орелли воротиться, но почему-то не сдѣлалъ этого.

Steerle-chaise подвигался. На встрѣчу валило облако пыли. Облако разсыялось и открыло передъ Ижоринимъ кавалькаду въ нѣсколько паръ.

Первая пара прогалошировала.

За тѣмъ слѣдовала кучка ѣздоковъ и наѣзницъ. Одинъ изъ первыхъ, проѣхавъ уже, оглянулся, прищурился, защитивъ глаза ладонью, остановилъ лошадь, поворотивъ ее, пришпорилъ и нагналъ steerle-chaise.

— Ижоринъ! сказалъ онъ.... Такъ-то вы уехали!

Это былъ Графъ....

Въ ту же минуту, отставшая почему-то отъ другихъ, ровнялась съ ними, тоже верхомъ, Графиня Софья ...

Увидѣвъ мужа, она хотѣла посдержать лошадь, но потомъ ударила ее хлыстомъ и понеслась....

— Dans un instant, закричалъ ей въ слѣдъ супругъ.

Ижоринъ страдалъ какъ человекъ, осужденный на смерть, зачасъ до казни. Охотно бы, тутъ же, на мѣстѣ провалился онъ сквозь землю.

Съ одной стороны, несносный съ своими любезностями Графъ, — съ другой встрѣча съ Графиней, все, разумѣется, видѣвшей и понявшей: двѣ эти неожиданности съ разу, такъ сказать, его настигнувшія, совершенно его ошеломили.

Давно, вы это знаете, вышелъ онъ изъ того возраста, когда щеголяютъ интригой или хвалятся связью съ модной женщиной, но еще и не дожилъ до тѣхъ лѣтъ, когда и щегольство это, и похвальба, для иныхъ, опять дѣлаются или потребностію, или однимъ изъ любимыхъ занятій. По этимъ причинамъ, онъ нигдѣ, до сихъ поръ, не показывался вмѣстѣ съ Орелли. И теперь встрѣтъ его съ нею одинъ изъ тѣхъ людсѣй, кому была извѣстна его связь, ему было бы рѣшительно все равно.

Но въ глазахъ Графа, которому, мѣсяца за полтора до того, онъ сказалъ, что ѣдетъ, онъ имѣлъ видъ мсибе гораздо школьника, пойманнаго въ запрещенномъ занятіи, нежели чловѣка, уличеннаго въ сердечномъ увлеченіи, занятаго женщиной и старавшагося скрыть свое счастье, какъ это нерѣдко дѣлаютъ люди истинно-счастливые, d'un homme en honne-fortune. Къ тому же Графъ, хотя можетъ и не зналъ въ лицо мадамъ Орелли, сейчасъ долженъ былъ понять, съ кѣмъ ѣхалъ Ижоринъ: на столько прозорливости извлекъ и тотъ изъ своего жизненнаго поприща.

Графу и самому становилось не ловко.

Онъ счелъ за благоразумнѣйшее сосредоточить все свое вниманіе на гунтерахъ, и завелъ съ Ижоринымъ ученый споръ о лошадиныхъ породахъ.

Какъ ни горячо возразилъ ему Ижоринъ, но мысль его, въ это время, была далеко отъ Эпсума и Шантильи, о которыхъ безпрестанно упоминалъ и онъ, и неотвязчивый собесѣдникъ.

Графиня видѣла его съ этой женщиной, и, подобно Графу, не зная ея въ глаза, могла, однакоже, тоже опредѣлить ее: въ этомъ Ижоринъ былъ твердо убѣжденъ. Значить, въ глазахъ Графини, онъ являлся именно ребенкомъ, который сталъ мучить кошку или собачку за то, что ему не купили желанной игрушки: игрушки хотѣлось такъ крѣпко, что необходимо было выместить на чемъ-нибудь неудачу, — и это, теперь, сдѣлалось видимо для Графини. Что бы ни случилось дальше, что бы ни ждало Ижорина въ будущемъ, онъ, вслѣдствіе послѣдняго результата, считалъ себя навсегда въ рукахъ у Графини. Такое убѣжденіе не могъ переварить свѣтскій чловѣкъ. Дойди до него, на его мѣсть, и сынъ туманнаго Альбіона, — и у того; пожалуй, разлилась бы желчь.

Окончательнымъ выводомъ изъ всѣхъ соображеній, (между которыми — повѣствователь долженъ признаться въ этомъ за своего героя, ни разу не мелькнула, напримѣръ, мысль, что эта встрѣча, съ известной точки зрѣнія, была поруганіемъ

надъ тѣмъ чувствомъ, которое хотѣлъ онъ, хотъ и въ прошедшемъ, обнаружить передъ Графиней, и выставляла его передъ нею въ крайне-невыгодномъ свѣтъ, потому что, сверхъ условеннаго самолюбія свѣтской женщины, могла затронуть въ ней и болѣе человѣческія чувства, болѣе нѣжныя, будь съ ея стороны любовь къ нему или нѣтъ), смѣнявшихся въ головѣ Ижорина, была необходимость, обязанность поскорѣе показать Графинѣ, что онъ давно пересталъ думать о ней. Для этого нужно было видѣться съ ней.

— А вы живете на дачѣ? спросилъ онъ Графа.

— На Каменномъ Острову, отвѣчалъ Графъ. Чтобы вамъ завернуть когда-нибудь? Я бы показалъ вамъ удивительную лошадь: *trois-quatr sang*... Знаете, за-просто, по деревенски.... Жена еще намедни спрашивала объ васъ.... Она очень рада будетъ васъ видѣть.

Ижоринъ сидѣлъ какъ на угольяхъ, но онъ только и добивался того, чтобы быть у нихъ.... и, потому, принявъ приглашеніе Графа съ восторгомъ, обѣщаясь явиться на дняхъ-же.

— Я живу въ Петербургъ, сказалъ онъ, и сочту за особенное удовольствіе видѣть васъ у себя.

— Непремѣнно, отвѣчалъ Графъ, только не общаю скоро: жена не отпускаетъ.

Они простились, Графъ повернулъ лошадь и ускакалъ, удивительно-довольный собой....

— Не воротиться ли? сказалъ Ижоринъ Орелли.

Она, все видѣвшая и все понявшая, молча повернула назадъ.

Орелли, тоже, кляла и поклялась внутренно, по своему, наказать Ижорина. Въ ея кодексъ мало входили соображенія и уловки сердца: она знала, что, съ ея стороны, такое орудіе оказалось бы безсильно надъ всякимъ человѣкомъ, подобнымъ Ижорину; нужно было напасть на его кармагъ, а въ дѣлахъ этого рода изобрѣтательность Орелли выдержала бы любое соперничество.

Поровнявшись съ Строгоновымъ мостомъ, Ижоринъ попросилъ остановиться, вылезъ и приказалъ Англичанину прислать карету въ городъ, куда отправился пѣшкомъ.

Орелли не выразила ничѣмъ ни удивленія своего, ни гнѣва, но поворотила опять назадъ: ей хотѣлось, въ свою очередь, побѣсить Ижорина; въ этомъ, однакожъ, она сильно промахнулась, потому что Ижоринъ не сказалъ ей ни слова.... За все отдувались гунтеры, покрытые пѣной....

По возвращеніи домой, Орелли принялась дразнить по-пугавъ, травить бульдогомъ бѣднаго Помпея, а чтобы не терять времени, придумывала, какимъ бы образомъ ей наказать Ижорина.

Съ Ижоринымъ, между тѣмъ, сдѣлался опять рѣшительный припадокъ сплина, отъ котораго онъ, какъ и прежде, не зналъ какое придумать развлеченіе. Онъ попробывалъ, сначала, проэкзаменовать своего Амисо, въ надеждѣ, хоть на немъ, выместить свое тяжелое расположеніе, но, по несчастію, Амисо такъ твердо помнилъ всѣ уроки, такъ безропотно прыгалъ черезъ трость и исполнялъ всѣ барскія требованія, что не было никакой возможности не погладить его, въ знакъ одобренія.

Ижоринъ, погладивъ его, все-таки сердито притопнулъ ногой и сказалъ:

— Пошелъ!

Собака, опустивъ голову и поджавъ хвостъ, смиренно ползла подъ диванъ.

— Завтра же поѣду къ Б.... сказалъ про себя Ижоринъ.... Надо ѣхать, непременно надо! Что за глупость, въ самомъ дѣлѣ....

На завтра съ утра шелъ дождь.

Ижоринъ, выглянувъ въ окно, поморщился.

Каммердинеръ подалъ записку.

Записка была отъ Орелли. Ее принесъ *франтъ* изъ Англійскаго магазина.

Франтъ вошелъ и, почтительно поклонившись, подалъ счетъ за вещи, взятые сегодня.

Ижоринъ, изъ учтивости, взглянулъ на счетъ, не обративъ никакого вниманія на цифры, и, бросивъ бумажку на письменный столъ, сказалъ только:

— C'est bien !

Франтъ опять поклонился и, молча, вышелъ, но камердинеръ, неизвѣстно почему, получилъ отъ него бѣленькую бумажку. Бумажка поступила въ сундукъ къ другимъ бумажкамъ, полученнымъ, въ свое время, отъ другихъ щедрыхъ посьвителей.

Дождикъ шелъ да шелъ.

Ижоринъ отобѣдалъ какъ-то на скоро, но, передъ вечеромъ, не вытерпѣвъ, одѣлся и, въ самый ливень, отправился на Каменный Островъ.

Графъ былъ очень радъ ему и послалъ сказать женѣ, что прѣхалъ Дмитрій Николаевичъ.

Ижоринъ извинился, что дѣлалъ первый визитъ вечеромъ.

— Что вы? отвѣчалъ Графъ, вѣдь мы съ вами почти свои люди....

Графиня приказала доложить, что она нездорова.

— Опять, вѣрно, эта мигрень! замѣтилъ Графъ. — Съ ней это бываетъ....

— Такъ она боится меня! — подумалъ Ижоринъ. А другой голосъ нашептывалъ:

— Она къ тебѣ равнодушна, Ижоринъ.

И опять зародились въ головѣ предположеніе за предположеніемъ, планъ за планомъ. И сердце Ижорина забилося неровно.

Лошади, по случаю дождя, видѣть было нельзя. Графъ жалеть отъ души. Tete-à-tete ихъ былъ очень не интересенъ. Прѣхалъ еще какой-то дядюшка, безпрестанно жаловавшійся на ревматизмы и на молодежь, и говорившій такъ неутомимо и сердито, что Графъ счелъ нужнымъ успокоить его, и спросилъ столъ и карты.

Дядюшка успокоился, Ижоринъ прехладнокровно ставилъ ремизъ за ремизомъ. И разъ, вистуя по приглашенію дядюшки, утопилъ его.... Дядюшка не выдержалъ....

— Что это за молодежь, нынче; ей-Богу! Пригласить никого нельзя, — сказалъ дядюшка.

Ижоринъ взглянулъ на него съ безстрастнымъ недоумвнiемъ....

— Вы меня извините, — спохватился дядюшка, — мои лѣта....

Ижоринъ поклонился въ знакъ совершеннаго согласiя съ дядюшкой.

Отъ Б.... ужъ очень поздно, Ижоринъ поѣхалъ къ Орелли.

Онъ поблагодарилъ ее за любезную записку, полученную имъ утромъ.

Орелли хотѣла посердиться, но, поразмысливъ, сказала про себя:

— Apres-tout!....

И, подозвавъ бульдога, принялась ласкать его, называя самыми нѣжными именами.

— Откуда вы? чуть было не спросила она, но опомнилась и сказала только:

— Il pleut....

— Toute la journée! отвѣчалъ Ижоринъ.

Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, было бы ей спрашивать?

Она и сама знала, откуда прiѣхалъ къ ней Ижоринъ.

VII.

Не знаю, читатель, вамъ можетъ быть, наскучилъ Ижоринъ, и безъ меня вамъ давно знакомый, — длинный рядъ его глупостей и вся эта повѣсть? Въ пору хватился, не правда ли? Но эпитетъ «снисходительнаго» приданъ вамъ издавна; и я теперь разсчитывая по преданiю, на ваше первое, неотъемлемное отъ васъ достоинство, послужившее основанiемъ эпитета, прошу васъ терпѣть ужъ до конца. Осталось не много.

.... Дней пять пропустилъ Ижоринъ, и, получивъ отъ Графа визитъ, опять поѣхалъ на Каменный Островъ.

На этотъ разъ, это случилось по утру. Графа не было дома, и Софья сидѣла у раствореннаго окна, когда онъ подъѣхалъ къ дачѣ. Не было возможности не принять его.

Точнѣе, не принять Ижорина значило бы подать ему поводъ невѣсть къ какимъ заключеніямъ. Этому Графиня, разумеется, не хотѣла. А, между тѣмъ, она рѣшительно не знала, какъ его встрѣтить безъ свидѣтелей.

— Мужа.... нѣтъ.... дома,—начала она, — не хотите ли подождать его?

— Какова? подумалъ Ижоринъ.

— Я подожду,—отвѣчалъ онъ только что не неучтиво.

Послѣдовало молчаніе. Ижоринъ, кажется, даже, посмотрѣлъ въ потолокъ.

Хозяйкѣ дома не приходилось молчать.

— Вы ѣдете въ деревню? сказала она нетвердымъ голосомъ.

— Не думаю.

— Мужъ мнѣ говорилъ.... — Графиня всѣ болѣе заминалась. Ижоринъ замѣтилъ ея смущеніе. И уже готовъ онъ былъ простить ей все, въ чемъ считалъ ее виноватой.

— Какіе у васъ славные гунтеры! вдругъ, очень хладнокровно, выговорила Графиня.

— Вотъ что? подумалъ онъ: опять ей свое. Погоди жѣ!....

— Это не мои гунтеры! отвѣчалъ онъ.

— Хотите, я велю показать вамъ нашего, мужу не давно прислали изъ Англіи: это даже что-то особенное, лучше гунтера. И она, продолжая играть лорнеткой, позвонила. Ижорина опять начинало подмывать.

— Велите вывести Кингъ-Лира, — сказала Графиня вошедшему слугѣ, — да чтобы надѣли на него хорошую уздечку! Сюда.... къ окну....

Покуда пошли за Лиромъ и Ижоринъ вздумалъ смотрѣть на часы, до того ненаходчивъ былъ онъ, по чему-то, въ этотъ день, Графиня подошла къ фортепіано и взяла на удачу какой-то аккордъ. Можетъ быть, ей хотѣлось уйти отъ взгляда Ижорина. Или нужно ей было такъ именно говорить и держать себя. Но и Ижоринъ начиналъ какъ будто не ясно видѣть окружавшее его.

Приведи Лира, и, въ ту же минуту, подѣхалъ Графъ.

— Ба! Что хорошо, то хорошо! Вотъ это по пріятельски!

Онъ протянулъ одну руку Ижорину, другую женѣ и поцѣловалъ ее въ лобъ, оставивъ на немъ слѣдъ запыленныхъ усовъ.

Ижоринъ, незамѣтно, вздрогнулъ, но, когда ему показалось, что по лицу Графини пробѣжалъ румянецъ, онъ вдругъ утѣшился.

И рѣшилъ онъ про себя, что она не любитъ мужа.

Графъ потащилъ Ижорина въ свой кабинетъ и сталъ рассказывать ему презабавныя исторіи о какой-то, недавно пріѣхавшей, Француженкѣ.

— Откуда у нихъ что берется? заключилъ Графъ. Не даромъ обираютъ онъ насъ....

— Да, да! — отвѣчалъ Ижоринъ, не зная даже на что отвѣчать.

Въ душѣ не долюбивая Графа, Ижоринъ, внутренно, почти невольно придирался къ нему безпрестанно, и Графъ, отъ этого, казалъ ему и пустѣе и тяжелѣе, нежели былъ на самомъ дѣлѣ.

А на умъ, у него столь же мало были, въ это время, Француженки, сколько другіе вопросы, какъ нарочно, занимавшіе Графа.

И увѣрялъ онъ себя, — подите же, — что Графиня страдаетъ теперь не менѣе его, что ей страхъ хотѣлось бы придти, прогнать Графа и поговорить съ нимъ.

И опять мучился онъ какъ послѣ перваго съ глазу на глазъ свиданія съ ней, и опять сознавалъ онъ въ себѣ потребность видѣть ее наединѣ.

Съ этою мыслію, выдержавъ, кромѣ обѣда, еще нѣсколько часовъ пытки, и возвратился онъ домой.

Но опять? Какъ видѣть Графиню? Гдѣ? Сказать ей объ этомъ не удалось ни слова.... Писать.... Писать, съ одной стороны, показалось страшно, для нея, разумѣется, — съ другой, глупо, для себя.

Въ этой нерѣшимости прошло едва-ли не съ недѣлю. Ижоринъ не на шутку похудѣлъ. Знакомые, встрѣчавшіеся съ нимъ, останавливались въ многозначительномъ недоумѣніи.

— Что съ вами? спрашивали некоторые.

— Воды, воды, непременно воды! глубокомысленно и диктаторскимъ тономъ замѣчалъ одинъ известный медикъ, — Крейцбрунненъ!

Одна Орели, какъ-то удостоившаяся видѣть Ижорина, все понимала. Но она давно махнула рукой, убѣдившись изъ опыта, что, по ея методу, онъ былъ неизлечимъ.

Наконецъ стало Ижорину не въ мочь: бессонница и дурной аппетитъ довели до того, на что не хватило одного характера.

— Яшка! Мигомъ! Къ Графинѣ, на дачу. Понимаешь?

И Яшкѣ опять вручено было посланіе, но безъ всякихъ даже наставленій. Яшка было хорошо выученъ.

На этотъ разъ въ посланіи значилось только: «Графиня, мнѣ нужно васъ видѣть. Слышите, *нужно, нужно!*»

Яшка полетѣлъ какъ леталъ всегда; по Каменный Островъ и Морская — «двѣ разницы».... Поѣхалъ Яшка въ часъ, а вернулся безъ малаго въ три. И то вбѣжалъ онъ къ барину, запыхавшись и весь въ поту, какъ будто-бы, по одному изъ законовъ животнаго магнетизма, до сихъ поръ еще необъясненнаго, напряженіе силъ лошадиныхъ отдалось и въ немъ....

Въ ожиданіи Яшки Ижоринъ не ходилъ по комнатѣ, не терзалъ собаки, не глядѣлъ въ окно, а лежалъ на кровати какимъ-то страннымъ образомъ, упорно уткнувъ голову въ подушки.

Вбѣжалъ Яшка.

— Дмитрій Николаичъ!

— А? — Онъ протянулъ руку.

— Приказали....

— Что?

— Приказали.... Въ осьмомъ-съ часу.

— Что? Просить? Сейчасъ?

— Нѣтъ-съ.... Приказали.... Въ осьмомъ-дескаты часу будутъ въ Строгоновомъ саду.

— Хорошо! Убирайся!

Минуту спустя:

— Яшка!

— Чего изволите?

— Да что ты врешь? Какъ въ Строгановомъ саду?

— Никакъ нѣтъ, Дмитрій Николаичъ. Такъ и сказали: въ Строгановомъ саду.

— Что-жъ это: rendez-vous? подумаль Ижорнѣ.

Яшка хотѣль итти.

— Постой. Ты.... кому отдалъ записку?

— Графинь-сь.

— Самъ?

— Самъ-сь.

— Да ты гдѣ-жъ ее видѣль?

— Видѣль-сь. Въ полисадникъ-сь.... Я какъ подъѣхаль къ воротамъ-то-сь, какъ слѣзь, а они у рѣшетки стояли....

— Ну?....

— Я снялъ шляпу, а они говорятъ: кого тебѣ, любезный?.... Я смотрю: никого нѣтъ; я и подалъ-сь. Они и взяли и приказали, чтобъ въ осьмомъ часу-сь.

— Больше ничего?

— Нѣтъ-сь, въ Строгановомъ саду-сь. Только сперва, какъ ровно что-то отвергнулись.

— Дуракъ!.... Да тебя никто не видалъ?

— Помилуйте, Дмитрій Николаичъ, да веужто-ужъ?.... Садовникъ, должно быть, попалел. Ты, говоришь, чево? — Я ему совралъ на Книгино Душкину; билеты, говорю, развозимъ на балъ. Прощай, говорю, голубчикъ, еще много мѣстовъ-то. Да вѣдь это мужикъ-сь. Я ему говорю, а онъ мнѣ въ ротъ смотреть.... Помычалъ, помычалъ-себѣ подѣ носъ, почесался и пошелъ. А я себѣ думаю....

— Хорошо.

Яшка пошелъ.

— Яшка!

Яшка воротился.

— Жарко сегодня?

— Жарко, Дмитрій Николаичъ. И, въ доказательство, Яшка приложилъ руку къ потному лбу и посмотрѣлъ себя на пальцы.

Прошло нѣсколько минутъ.

— Обѣдать! приказалъ Ижоринъ.

Накрыли. Подали.

— Что это за супъ?

— Супъ-съ. Съ зеленою-съ....

— Поди спроси у повара. Съ зеленою-съ....

Слуга пошелъ, и, вернувшись, объявилъ:

— Подафей-съ.

— Что?

— Подафей.... Тутъ, онъ говоритъ, сендирей, петрушка-съ, опять обыкновенно-съ, пустарнакъ-съ.... Съ зеленою-съ.

— Чтобы мнѣ никогда его не дѣлали, этого супу, слышишь?

— Слушаю-съ.

— То-то! Вѣсть нельзя.

— Слушаю-съ.

— Ну.... Чтобъ былъ всегда другой супъ!....

Послѣдовали перемены, одна за другой.

Принесли жаркое. На блюдѣ лежало три бекаса.

— Куда жъ это?

— Жареное-съ.

— Я тебя спрашиваю: куда?.... Разореніе, да и только.... Кому, позвольте спросить? Я ничего не ѣмъ, да развѣ это можно съѣсть?.... Позвать дворецкаго.

Пришелъ дворецкій, толстый, сонный, важный, какъ иногда бываютъ дворецкіе, нынѣ, технически, *maitre-d'hôtel'u*, т. е. буквально, хозяева отелей.

— Который часъ? спросилъ Ижоринъ. Дворецкій, судя по поспѣшности, съ которой былъ потребованъ, ожидавшій непріятнаго, — выслушавъ барскія слова, разумется, разцвѣлъ. Куда дѣвались и сонъ и угрюмая важность! Поспѣшно вытащилъ онъ изъ кармана золотую луковичу (подареніе —

такъ утверждалъ онъ — стараго барина) и, съ сіяющимъ отъ удовольствія лицомъ, произнесъ басомъ:

— Четвертый-съ, сорокъ три минуты-съ, безъ четверти, можно сказать, четыре-съ.

— Гм! Вздоръ.... Покажи!

Дворецкій поднесъ часы къ глазамъ Ижорина и подаль ихъ ему брюхомъ, словно на подносъ, такъ ужъ видно, искони, устроила эту часть природа у всѣхъ дворецкихъ.

— Вѣрно?

— Три года не повѣряю-съ....

— Скажите пожалуйста! Поди посмотри на мои часы....

— Безъ семи минутъ-съ четыре....

— Видишь....

Дворецкій почтительно понурилъ голову.

Баринъ всталъ изъ-за стола. Дворецкій повернулся къ двери.

— Я, братецъ, хотѣлъ тебѣ сказать....

Дворецкій обернулся.

— Ну да послѣ, напомнить мнѣ.... Теперь некогда....

— Слушаю-съ....

Дворецкій, успокоенный, отправился, въ свои апартаменты, разбирать съ семействомъ супъ, не понравившійся Ижорину. И бекасамъ, пожалуй, не миновать было его стола. На вечеръ, вѣ случатъ если бы объ нихъ и спросили, не трудно было отвѣтить:

— Давича подавали-съ, или:

— Изволили скушать-съ; или, наконецъ, для разнообразія, если бѣ баринъ настоятельно сталъ требовать и очень ужъ поздною ночью:

— Кошка, сударь, Дмитрій Николаичъ! Кто ее знаетъ.... Я говорилъ-съ....

Такъ докладывалось давно уже, съ тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, какъ вообще сталъ портиться у барина желудокъ, а этому времени было не мало.

И баринъ только бы сказалъ:

— Зачѣмъ у васъ эти проклятыя кошки?

Въ настоящую минуту, едва ли не понятно, что барину, меньше чѣмъ когда-нибудь, было и до дворецкаго, и до бекасовъ, и до конки

.... Ижоринъ не зналъ какъ дожить до седьмага часу. Одывшись, однако, въ этотъ день, не безъ вниманія къ своему туалету, онъ разсердился на то, что карета была еще не подана, а сѣвъ въ карету, погнавъ кучера — должно сказать — какъ школьникъ, которому бы случилось взать на первое свиданіе. Самъ о себѣ Ижоринъ врядъ-ли помнилъ такую поспѣшность.

Передъ Строгоновымъ мостомъ онъ дернулъ за шнурокъ. Карета остановилась. И откуда ни возмись въ голову Ижорина непрошенная мысль:

— Что же это я, въ самомъ дѣль?... А? Ижоринъ?....

И вдругъ, будто родился опять другой человекъ.

Онъ вылезъ изъ кареты, закурилъ сигарку и мѣрнымъ, спокойнымъ шагомъ пошелъ по мосту.

Вечеръ былъ на диво хорошъ. Жаръ опадалъ. Солнцу оставалось пути не много; его лучи, уже не ослѣпляшіе, золотили поверхность рѣки, которая лежала подъ ними радужно-зыбкой чешуей. Когда-когда пролетали струйки теплаго вѣтра и кольхали воду; одна изъ нихъ, набягомъ, вздумала поиграть съ волосами Ижорина.... Онъ невольно вздрогнулъ.... Все кругомъ дышало какою-то особенною тишиною, какимъ-то успокоительнымъ молчаніемъ. Далеко, развъ, слышался вдругъ ударъ весла или звукъ катившагося экипажа, разсыпавшійся въ пространство и замравшій.... Случай, конечно, никто въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ не пробѣжалъ и не прошелъ мимо Ижорина. И передъ нимъ природа разкидывала одну изъ совершеннѣйшихъ своихъ картинъ! Нельзя было никому не откликнуться, всей душой, на этотъ неслышанный голосъ, въ который сливалась: и рѣка съ ея гладью и берега, съ ихъ зеленью, мѣстами мрачной, мѣстами яркой, — и сводъ, прозрачный и синій, нехотя румянившійся по окраинѣ, и вся едва-обозримая даль, и воздухъ тихо-нѣжившій и сладко-

охватывавшій все, и солнце, медленно катившееся и дарившее землю догнать, но кроткимъ поцѣлуемъ не вѣчнаго прощанья. Не нашлось-бы, и въ самомъ избалованномъ вскармленникѣ юга, силы не растаять яри видѣ такого зрѣлища: въ немъ была и картина, и цѣлый міръ звуковъ, неосязаемыхъ, конечно, однимъ ухомъ, но выитныхъ для всякаго, кому, мало-мало, близокъ смыслъ этой нескончаемой и ни съ чѣмъ несравнимой, гармоніи....

И Ижоринъ внутренно былъ смущенъ. На глазахъ его даже выступило почти по слезинкѣ, но двѣ полукапли испарились вмѣстѣ съ дымомъ сигарки, и онъ произнесъ въ голосъ, оглядываясь во всѣ стороны:

— Аркадія, рѣшительно Аркадія! Ну, а что коли па-
стуха обманетъ настуха?

Но вѣтеръ не заносилъ «этихъ» звуковъ далѣе моста.

Онъ сталъ наснистывать что-то изъ какой-то оперы.

Подойдя къ саду, онъ, однакоже, пересталъ свистать, а сердце забилося въ разладъ съ мыслию.

Садъ былъ пустъ.... Ему только попались на встрѣчу: нянька съ дѣтьми, двѣ горничныя, накрывшіяся платочками, изъ которыхъ одна держала концы платочка обѣими руками, а другая, — у этой платочекъ былъ подвязанъ, — щипала лепестки полевой астры, и приговаривала: да-нѣтъ, да-нѣтъ, — да босой и довольно-грязный мальчикъ, храбро-припрыгивавшій то на одной, то на другой ногѣ, безъ картуза, и сердито-сбивавшій древесныя листья длиннымъ, рябиновымъ прутомъ.

Обошедъ садъ, Ижоринъ разосердился не на шутку. Имъ должна была овладѣть досада. Простительно-ли было, въ самомъ дѣлѣ, явиться первому?

Итти назадъ, при всемъ томъ, не захотѣлось.

Вдругъ, за поворотомъ садовой дорожки, послышались шаги и шорохъ женскаго платья.

То была Графиня.

Увидавъ Ижорина, она, какъ будто-бы, слегка споткнулась, и, на минуту, опустила глаза къ землѣ.

Ижоринъ, въ этотъ мигъ ея не ожидавшій, и, вѣроятно по этому, на мгновеніе смутившійся, успѣлъ, однакожь, оправиться.

— Вы.... однь, Графиня?

— Одна. — Голось ея дрожаль....

— Что за вопросъ? — сказала она

— Я.... я думаль....

— Вы не думали встрѣтить меня? Неужели?... — Графиня, по немногу, начинала приходить въ должное положеніе свѣтской женщины: забрало поднималось.

— Я никакъ не смѣлъ ожидать счастья провести вечеръ en tête-à-tête съ вами....

— Въ самомъ дѣлѣ! Такъ будьте-же счастливы вдвоинѣ.

Последнія слова были сказаны уже съ язвительной насмѣшкой, и почти спокойнымъ голосомъ, и вызвали со стороны Ижорина возраженія, сначала довольно-холодныя, но потомъ все болѣе и болѣе колкія. Чѣмъ равнодушнѣе говорила Графиня, тѣмъ безпокойнѣе отвѣчалъ Ижоринъ, и наоборотъ. Наконецъ, какъ бы истощившись въ этомъ добровольномъ бою, оба вдругъ замолчали.

Они шли рядомъ. Ижоринъ вздумаль, по временамъ, рвать листья низко-спускавшихся вѣтокъ, — Графиня, иногда, наклонялась къ землѣ за какимъ-нибудь камешкомъ.

— Сядемте, — сказала она вдругъ, — я съ Каменнаго Острова пѣшкомъ....

— Ого! — подумаль Ижоринъ, и губы его едва-едва раздвинулись, но такъ раздвинулись, что, за это движеніе, погладилъ бы его по головкѣ и самъ великій Донъ-Жуанъ.

Они сѣли. Ижоринъ попросилъ позволенія закурить сигарку и подаль Графинѣ пахитоски.

— Дайте! сказала она.

Онъ снялъ перчатку и досталь огня. Чтобы зажечь Графинину пахитоску, нужно было дотронуться ея руки... Рука, прикрыватая только шелковой, сквозной перчаткой,

была холодна какъ ледь. Струя воздуха задула огонь. Тогда Графиня наклонилась къ нему, чтобы закрыть огонь: дыханіе ея прожгло Ижорина.... Въ глазахъ становилось зелено....

Онъ посмотрѣлъ на нее невыразимо-странно: Графиня это замѣтила. Маска вдругъ слетѣла.

Она помялась еще съ минутой, какъ будто бы снѣясь проглотить слова, рвавшіяся съ языка, но мѣра, видно, была переполнена.

— Это.... все, я не знаю, до того глупо,—начала она,— право. Вы писали ко мнѣ, Ижоринъ, и видите! Я здѣсь.... Что-же вамъ надо отъ меня?

— Мнѣ, Графиня?

— Послушайте, я избавлю васъ отъ признанія, которое изъ.... изъ учтивости.... изъ умѣнія жить въ свѣтѣ.... вы мнѣ не захотите сдѣлать. Вамъ нужно.... и въ этомъ, я знаю, виноваты не вы.... вамъ нужно, какъ бы это сказать? отомстить мнѣ что ли.... За то, что я умѣла выдержать себя, что не поддаюсь вашему.... вліянію ... Такъ васъ учили.

— Графиня!

— Пойдите. Ижоринъ, вамъ нужно, чтобы я сказала вамъ, что я васъ люблю, какъ вамъ это говорили, и теперь говорить, можетъ быть. Такъ слушайте же.... помните.... Я не дѣвочка, право: я люблю васъ, Ижоринъ.

Ижоринъ схватилъ себя за голову. Его мысли начинали мѣшаться. Боязно оглянулся онъ во всѣ стороны. Никого не было видно въ саду.

И онъ не нашелъ ни одного слова.

— Васъ это удивляетъ.... А?... Скажите? Вы не ожидали этой развязки. Или вы думали, что я буду кокетничать.... Что я не рѣшусь, свѣтская женщина, такъ просто и прямо признаться?... Да, скажите же хоть одно слово.

— Графиня....

Но языкъ, рѣшительно, прилипъ у него къ гортани.

— Вы молчите!... Что же вамъ еще надо! Я во всемъ

призналась вамъ сама и готова повторить это признаніе.... Вы, можете быть.... думаете, что вы ослышались, что вамъ такъ показалось, что это, пожалуй, вы видѣли все во снѣ.... Нѣтъ, Ижоринъ, я сказала и говорю еще разъ: я люблю васъ, слышите ли, люблю, люблю.... Но любовницею твоею.... вашей... я не буду.... никогда.... Чувство мое теперь я не умѣю сравнить ни съ чѣмъ, но есть, кромѣ его, и другое что-то, долгъ, совѣсть, религія.... не знаю какъ это сказать....

Чѣмъ болѣе дрожалъ голосъ Графини, тѣмъ болѣе слышались въ немъ такая искренняя простота, такая незаученная правда, что Ижоринъ, прежде вдоволь наслушавшійся всякаго рода признаній, совершенно былъ растерянъ. Каждое слово Графинино приводило его, болѣе и болѣе, къ тому убѣжденію, что передъ нимъ была одна изъ тѣхъ не часто встрѣчаемыхъ натуръ, которыя бываютъ способны все что ни задумаютъ, все что ни предположатъ—сдѣлать изъ себя, какъ изъ сыраго тѣста, иногда къ своему счастью, иногда къ несчастью.... И тѣмъ болѣе влекла его эта женщина, тѣмъ болѣе нравилась, что оказывалась недостижимою. Но, въ то же время, такъ сильно поражало его ея объясненіе, неожиданное и выступившее изъ ряду всего, что ни предвидѣлъ онъ, что ни слышалъ и прежде, что онъ попусту искалъ отвѣтовъ на ея рѣчи, какъ и не зналъ рѣшительно, на чемъ осановить свои предположенія въ будущемъ.... И даже рука его ни разу не протянулась къ ея рукѣ....

.... Со стороны Графини разговоръ, прерванный на бумагѣ, продолжался:

— И посмотрите.... посмотри (она взяла его за руку, которую онъ, только, не отнял) какъ я наказана.... Я первая смѣялась надъ тобой.... Называла героемъ чужаго романа.... Ты это помнишь.... И я была искренна тогда.... А теперь? Что же я такое?.... Но ты.... я знаю.... Ты не станешь.... Ты не подумаешь, чтобы я предпочла роль интересной женщины жертвѣ страсти, которую.... которая.... Да посмотри на меня....

Ижоринъ взглянулъ на Графиню, и, въ первый разъ, замѣтилъ, что она очень измѣнилась съ того дня, когда онъ встрѣтилъ ее уже замужней.

И имъ овладѣла, совершенно, и жалость къ ней, и, вообще, какая-то грусть, какое-то болѣзненно-горькое чувство. Въ этомъ чувствѣ не было забыть и самъ онъ, но его я являлось ему не мелкимъ, не эгоистическимъ, не оторваннымъ отъ своего, природеннаго смысла, а чистымъ и простымъ, какимъ было до той поры, пока не *закоростило* оно отъ раз-разъ и мѣсмовъ свѣта, и не исказили его многомудрые уставы жизненной тактики, между иными условленные и свято-исполняемые. И, въ эту минуту, онъ сталъ въ настоящемъ смыслѣ, человекомъ, самымъ обыкновеннымъ человекомъ, человекомъ «безъ коклюшекъ,» по выраженію одного достойнаго практическаго философа...

— Что же мнѣ дѣлать? спросилъ онъ, тихо и дрожащимъ голосомъ.

— Что дѣлать? А мнѣ что дѣлать? отвѣчала Графиня.— Вамъ, мужчинамъ все.... ничего... Ты уйдешь.... у тебя есть разсвѣнія (Графиня отвернулась, на глазахъ ея висѣли слезы).... другія.... Кто знаетъ?

— Никогда! сказалъ Ижоринъ.

— Я сказала тебѣ, что я не ребенокъ.... И неужели ты думаешь, что я рѣшусь осуждать тебя за то, что, у всѣхъ васъ, идетъ.... прости.... на ряду съ обѣдомъ, съ шампанскимъ.... съ лошадьми.... Неужели ты думаешь, что я не поняла.... что я не знаю.... Намедни, наша встрѣча. Но порывъ мой былъ неволею. Послѣ, мнѣ стало смѣшно на себя... Я дерзка, не правда ли?... Господи! Что бы обо мнѣ теперь сказала матушка, если бы ей приснилось, что я знаю.... что я говорю.... эти страшныя вещи.... Пора, однакожь....

Графиня было встала, утерла слезы и протянула ему руку.

Онъ тихо удержалъ ее.

— Я уѣду, сказалъ онъ.... И мы, конечно, не увидимся никогда.... Но въ этотъ, первый разъ и послѣдній, что стоимъ еще пять минутъ?

(Авторъ необходимо долженъ напомнить здѣсь, что, по обстоятельствамъ отъ него ни мало не зависящимъ, весь

этотъ разговоръ былъ веденъ на Французскомъ языкѣ. Ручаться безусловно за вѣрность перевода на Русскій съ языка, созданнаго преимущественно для разговора, — авторъ не беретъся. Читатель и самъ знаетъ, что есть, въ этомъ дѣлѣ, трудности, которыхъ преодолѣть почти невозможно.)

Она опустилаь на скамейку.

Они опять молчали.

Солнце село. Деревья едва-едва перешептывались. Набѣгали сумерки. Они, почти не видя другъ друга, только слышали дыханіе одиного другаго. Такихъ минутъ, до сихъ поръ, не было въ ихъ жизни. Нельзя было не забыться въ этомъ сладкомъ созерцаніи счастья, чистаго и полнаго.

Вдругъ пронеслась отъ рѣки сильная струя вѣтра, деревья зашумѣли, они оба вздрогнули, словно явились передъ ними угрюмая тѣнь ночи, — и разомъ встали....

Графиня протянула руку, Ижоринъ взялъ ее и держалъ

— Вы совершенно одни?

— Одна?

— Я провожу васъ....

— До Каменно-Островскаго моста, пожалуй....

Они пошли и все молчали.

У Каменно-Строевскаго моста Ижоринъ сказалъ:

— Навсегда?

— Дитя! отвѣчала Графиня. — Я не уѣду....

VIII.

....Возвратившись домой, Ижоринъ приказалъ сказать дворецкому, что завтра же ѣдетъ въ деревню. Вслѣдствіе этого, въ ночь-же, начали укладываться.

....Онъ сбросилъ-съ себя верхнее платье, и, отославъ камердинера, усѣлся передъ письменнымъ столомъ, облокотивши голову въ обѣ руки.

Часы ночи летѣли.

А передъ нимъ проходили опять, одна за одной, всѣ страницы его жизни, въ ихъ настоящемъ свѣтѣ. И дѣтство балованное, и юность привольная, и то, что называлъ онъ зрѣлымъ возрастомъ.... Проносились вереницей и улыбки, и гримасы, и надежды, и обманы, и цвѣты, и отравы.... И все это казалось ему такъ глупо, такъ ничтожно, въ сравненіи съ тѣмъ, что чувствовалъ онъ теперь. Онъ припоминалъ себя, въ прежнихъ случаяхъ, и, никогда, говорилъ онъ себѣ, не грызли его такія сожалѣнія, никогда не сознавалъ онъ такой страшной, такой горькой безвыходности изъ труднаго положенія....

Графиня отдалась ему вся въ руки такъ просто, такъ неожиданно, что не было въ немъ, послѣ ея объясненія, болѣе чѣмъ когда-нибудь, рѣшимости нарушить спокойствіе ея семьи, или мысли о попыткѣ овладѣть ею, — а сидѣть и смотрѣть на нее какъ на прекрасную статую, — на это, онъ зналъ, что не станетъ у него силы.

Надо было ѣхать.

Утро, не его утро, а первое утро, — утро бѣдныхъ людей и тѣхъ, кому нѣтъ времени раздумывать надъ своими несчастіями, — застало его все еще сидящимъ у стола.

Онъ схватилъ первый подвернувшійся ему листъ бумаги, написалъ два слова къ Орелли, и, приложивъ ломбардскій билетъ, запечаталъ ихъ вмѣстѣ и, одѣтый, бросился на постель.

Солнце стояло высоко, когда онъ открылъ глаза. Не вдругъ умѣлъ онъ связать вчерашній день съ сегодняшнимъ. Но, посмотрѣвъ на себя, онъ опомнился, приложилъ руку къ головѣ, — голова горѣла. Онъ велѣлъ сказать дворецкому, что поѣдетъ завтра.

Ижоринъ точно былъ боленъ. Вечеромъ онъ, все-таки, поѣхалъ на Каменный Островъ.

— Графъ въ лагерь, а Графиня нездоровы-съ, объявилъ лакей.

Настаивать было нечего. Онъ вернулся домой и долженъ былъ послать за докторомъ. Докторъ, изъ учтивости, про-

писалъ какую-то микстуру, но, человекъ даровитый и сметливый, намекнулъ, что причина болѣзни выходитъ изъ области его знанія, и совѣтовалъ развлеченіе, деревню, путешествія....

Ижоринъ не разсердился потому, что самъ все это зналъ.

Жаръ въ головѣ по немногу прошелъ, Ижоринъ опять поѣхалъ на Каменный Островъ.

Къ счастью его и Графини, у нея были гости, и она, разумѣется, приняла его какъ и прочихъ гостей. Онъ почувствовалъ, что долженъ былъ казаться всякому до того неловкимъ, страннымъ, пожалуй, глупымъ, что счелъ за лучшее взять шляпу и вести, въ другое мѣсто, фигуру, такъ мало гармонировавшую со всеми этими официально-беззаботными лицами.

Когда, въ третій разъ, подъѣхалъ онъ къ дачѣ, Графиня сидѣла на балконѣ, совершенно одна.... И ему показалось, что, увидѣвъ его, она измѣнилась въ лицѣ.

Онъ велѣлъ кучеру повернуть назадъ, махнулъ рукой, и, на другой день, уѣхалъ въ деревню .....

Прошло около года или болѣе.

Ижоринъ жилъ подѣ Тамбовомъ. Онъ ѣлъ, пилъ, спалъ, ѣздилъ на охоту, бывалъ у сосѣдей, давалъ имъ ужины съ фейерверками, дарилъ щенковъ и жеребятъ, — слылъ, между тѣмъ, отличнымъ мальмъ и лишь только, разумѣется, заговаривалъ съ какой-нибудь «барышней», былъ хоромъ провозглашаемъ ея женихомъ. Съ того дня маменька той барышни облекала ее и по буднямъ въ шелковое платье, «въ пику» своимъ сосѣдкамъ, — сосѣдки, «въ пику» маменькѣ и дочкѣ, яко бы отличной Ижоринымъ, начинали распускать разные, неблагонамѣренные слухи, и, тѣмъ же временемъ, всѣ въ голосъ ворчали на свои рожденія женска пола.... На выборахъ Ижорина хотѣли выбрать въ одну изъ почетныхъ должностей, и онъ насилу отговорился намврениемъ поступить опять въ военную службу.

Но, при всѣхъ этихъ явныхъ улыбкахъ, которыми судьба такъ усердно окружала своего баловня, Ижорина мучила

страшная тоска. И мысль его и сердце были далеко от того мѣста, которое смѣло могъ бы онъ назвать своимъ владѣніемъ, своимъ царствомъ.... Хоть и смѣялся онъ подь часъ отъ души, хоть и ѣлось и спалось хорошо послѣ полеванья, хоть и были, въ околodкѣ, и барышни, на каторыхъ стоило заглядѣться; но и смѣхъ, и сонъ, и аппетитъ, — все это были только отрывочные, только мало-значущіе эпизоды изъ нескончаемой пустоты, всего его одолѣвшей и признанной имъ, вполне и въ первый разъ, съ минуты отъѣзда изъ Петербурга, вслѣдствіе твердой рѣшимости не видать Графини. Даже барышни не наполняли этой пустоты.... Ижоринъ попытался было, отъ бездѣлья, заняться, поочередно, двумя изъ нихъ, но долженъ былъ отстать отъ обихъ, по неволѣ. Первая до того наскучила ему просьбой о томъ, чтобы онъ сочинилъ ей какіе-нибудь стишки на память, и такъ упорно стояла на этомъ требованіи, не смотря на клятвенныя, съ его стороны, увѣренія, что онъ никогда не писалъ стиховъ и не умѣетъ писать, — что онъ, въ послѣдній разговоръ свой съ нею, сказалъ ей только что не дерзость ...

— Стыдно, кажется, быть такому кавалеру! возразила ему оскорбленная барышня, и отошла отъ него, до конца разочарованная въ человѣкъ, о комъ и мечтала, и гадала, и въ честь кого клала подь подушку трефоваго короля.... Другая барышня, чѣй маменькѣ наскучило по пустому водить дочку въ шелковыхъ платьяхъ, объявила ему:

— Маменька замѣчаетъ, что вы ужъ очень волочитесь за мной, а ей хочется, чтобы вы поскорѣй на мнѣ женились.... Ужъ и те въ городъ говорятъ....

Отъ этой Ижоринъ отошелъ самъ, и далъ себѣ слово избѣгать даже разговоровъ съ барышнями своего околodка.

.... О Петербургѣ онъ не зналъ почти ничего. Въ томъ кругу, къ которому, по отношеніямъ и привычкамъ, принадлежалъ онъ, вообще не велось нной переписки, кромѣ родственной или дѣловой. А давно уже извѣстно изъ опыта, что письма этихъ двухъ разрядовъ отличаются менѣе гораздо бо-

гательствомъ содержанія, нежели — перваго, нѣжными чувствами, а втораго, четкимъ почеркомъ и добротой бумаги. Не даромъ эти правила, отъ вѣка, входятъ и въ письмовники.

Ореали, понимается, ни разу и не рѣшилась написать къ Ижорину. Приглядѣвшись не безъ пользы къ дѣламъ житейскимъ, она знала, что писать ей къ нему было бы не зачѣмъ. Не въ первый, а можетъ еще и не въ послѣдній разъ, приходилось ей переживать разлуку съ человѣкомъ, брошеннымъ къ ней, подобно Одиссею, волнами житейскаго моря, и не хуже того — хитраго героя, покинувшему ее, иную Калипсо, при первомъ случаѣ, при первой возможности, безъ сожалѣнія, безъ вздоха, безъ оглядки....

Отъ скуки Ижоринъ принимался, временами, за книги за журналы.... Между газетами, книгопродавецъ, по привычкѣ, высылалъ ему и Инвалидъ. Ижорину, однажды было чуть-чуть не рѣшившемуся ѣхать на Кавказъ и еще не совсемъ отложившему это намѣреніе, — вздумалось, какъ-то разъ, пробѣжать листомъ Инвалида.

Были и извѣстія съ Кавказа.... Въ числѣ ихъ представилось ему описаніе одного изъ подвиговъ Кавказскихъ воиновъ.... Увлеченный занимательностію разсказа, Ижоринъ читалъ, читалъ и, наконецъ, прочелъ извѣстіе о смерти Графа Б...., участвовавшаго въ отчаянномъ покореніи Черкесскаго аула....

Ижоринъ не зналъ даже о томъ, что, вскорѣ по его отъѣздѣ изъ Петербурга, Графъ Б.... поѣхалъ на Кавказъ.

Извѣстіе о его кончинѣ было для него еще болѣе неожиданно....

Ижоринъ положилъ газету, прочитавъ послѣднія слова, и долго ходилъ по комнатѣ. Завидѣвъ издали подъѣзжавшую бричку, онъ приказалъ людямъ сказать сосѣду, торопившемуся къ нему, безъ сомнѣнія и по обычаю, съ почтеніемъ и цѣлымъ коробомъ новостей, что уѣхалъ въ Тамбовъ.... Сосѣдъ поворотилъ оглобли.... Ижорину нужно было побыть одному....

И сталъ онъ, въ этотъ день, намѣренно, вызывать свое прошедшее, тревожить уснувшіе, полу-забытые его призраки, вопрошать ихъ, себя, и тогда и теперь, сравнивать....

....И вздумалось ему было между разными мыслями, предположеніями, надеждами дать мѣсто слѣдующему вопросу:

— Отчего бы Графиня не написать было хоть строчку, если....

Но здравый разумокъ и сердце, разомъ, не дали окончиться этому вопросу и отвѣчали:

— Вадоръ!

На утро Ижоринъ собрался въ дорогу и пометель въ Петербургъ.

Сосѣди все пожалѣли о немъ, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ нихъ за-вѣрное рассказывалъ, что онъ побѣжалъ на Кавказъ.

— Вѣдь убьютъ пожалуй! заключали они. — Оно хоть и до чести относится, а все жаль будетъ хорошаго человѣка.

Женскій полъ покачивалъ головами. Маменьки, каждая порознь, укоряли дочекъ въ неумѣнн завлечь рѣдкостнаго, по ихъ понятіямъ, жениха.

Дочки, почти все, слушая мамежекъ, царапали пальцомъ оконныя стекла.

Но одна изъ послѣднихъ, едва ли не та, которая просила у Ижорина стиховъ, была увѣрена, что онъ бѣжать отъ безнадежной любви къ ней. Объ этомъ она сообщила и своей маменькѣ, и маменька, повидимому, одна изъ всѣхъ, утѣшилась.

....А Ижоринъ, между тѣмъ, летѣлъ себѣ да летѣлъ, во что было мочи у почтовыхъ лошадей.

Прискакавъ въ Петербургъ на осьмья сутки, ни на минуту въ дорогѣ не сомкнувши глаза, онъ едва далъ себѣ время переменить дорожный уборъ на болѣе представительный, какъ угорьный бросился на перваго извозчика, и велѣлъ везти себя въ Морскую.

Не было и тени того Ижорина, котораго зная Петербургъ.

Графиня съ Морской переехала къ матери. Ижоринъ поѣхалъ на Англійскую набережную.

Онъ такъ скоро поднялся по лѣстницѣ, что запыхался....

— Дома? спросилъ онъ, едва переводя дыханіе.

— Какъ прикажете?

Но другой лакей узналъ его и пошелъ докладывать.

Его провели въ одну изъ заднихъ, приѣмныхъ комнатъ.

Лиднева сидѣла одна съ дочерью.

Онъ обѣ были въ трауръ.

— Дмитрій Николаичъ! Какими судьбами? спросила мать.

— Изъ деревни-съ....

Софья взглянула на него и видѣла, какъ онъ усталъ, какъ торопился.

Онъ не выдержалъ и протянулъ ей руку.

Она посмотрѣла на мать и сдѣлала то же.

Мать, ничего рѣшительно не зная, съ чувствомъ матери и истинно женскою прозорливостію, все поняла разомъ.

Она только покачала головой и сказала тихо:

— Дѣти, дѣти! — И, молча, встала она, принесла образъ и благословила ихъ.

Ижоринъ цѣловалъ руки Графини, цѣловалъ руки матери. Онъ сѣлъ на полу, у ихъ ногъ, на скамейкѣ

— Когда же? спросилъ онъ....

— Черезъ годъ, т. е. черезъ шесть мѣсяцевъ, сказала Лиднева....

— Еще? спросилъ Ижоринъ....

— Нѣтъ, нѣтъ.... Нельзя же! А онъ-то.... И онъ былъ добрый человекъ....

Время, которымъ, вмѣстѣ съ шестью мѣсяцами уже истекшими со дня кончины Графа, долженъ былъ заключиться годъ траура, онъ проводилъ, разумѣется, почти не выходя отъ Лидневой: Графиня смотрѣла ему въ глаза, какъ осьмнадцатилѣтняя дѣвочка. Въ ней не было видно и тѣни недоверчивости къ возможности счастья, и теперь и послѣ Ижоринъ тоже казался счастливымъ, и всѣми силами предвкушалъ онъ будущее, въ которомъ уже не сомнѣвался, какъ въ своей собственности. Это время было, вѣроятно, лучшимъ въ его жизни.

Прошелъ назначенный срокъ. Они вынчались безъ шума, безъ блеску, въ церкви Каменнаго Острова. Ижоринъ не хотѣлъ даже лишнихъ свидѣтелей.

— Гдѣ жъ старая развязка? сказалъ онъ женѣ, садясь въ карету, по выходѣ изъ церкви.

— Taisez-vous! отвѣчала она и протянула ему руку, которую онъ схватилъ и цѣловалъ, цѣловалъ.

Черезъ два дня они уѣхали въ деревню. Этого хотѣлось и ему и ей. Они рады были вмѣстѣ убѣжать отъ суетни и хлопотъ городскихъ, болышею частію, невольныхъ и обонимъ имъ наскучившихъ. Оба они, въ первый разъ, считали себя до того счастливыми, что имъ казалось необходимымъ скрыть это счастье отъ взглядовъ тѣхъ людей, которые знали ихъ прежде.

Вслѣдъ за ними обѣщались пріѣхать и Лиднева....

.... Вотъ что между прочимъ, три мѣсяца спустя послѣ свадьбы, писалъ Ижоринъ къ своему брату, жившему, для какихъ-то спекуляцій, въ окрестностяхъ Оренбурга.

«Я такъ очастливъ, такъ счастливъ, что и сказать не въ силахъ. И часто спрашиваю я себя: почему всему этому было не случиться ранѣе? почему не женился я на Софьѣ тогда, когда встрѣтилъ ее въ первый разъ? Сколько тяжкихъ дней, сколько скуки, сколько пустаго времени минувало бы я! — Разсудокъ отвѣчаетъ, что мы всегда во всемъ»

«виноваты сами, что виновато всегда наше упрямство, наша «глухость. Но въ тоже время, другой голосъ, голосъ опыта «что ли? говорить, что всему этому именно нужно было такъ «быть, а не иначе; что, иначе, мы, какъ баловашнѣя дѣти, «не знали бы цѣны ничему. Кто скажетъ, въ самомъ дѣлѣ, «былъ ли бы я такъ счастливъ теперъ, такъ ли бы я любилъ «жену, — свяжи насъ судьба ранѣе? Дѣло закрытое. Но, «вѣришь ли, до того теперъ какъ-то хорошо живется мнѣ, «до того я доволенъ всѣмъ, что есть у меня, что мнѣ без- «престанно становится страшно за это счастье: — не поте- «рять бы изъ него что-нибудь.... Я боюсь выѣхать изъ де- «ревни.... Еще немножко, и я стану, кажется, бояться глазу. «Петербурга мнѣ не хотѣлось бы видѣть подольше. Иногда я «думаю дать себѣ слово никогда не ѣхать въ Петербургъ, «такъ онъ мнѣ противенъ....»

Братъ, прочитавъ эти строки, улыбнулся и пожалъ пле- «чами. Человѣкъ странный, матеріалистъ и скептикъ, онъ счи- «тался совершеннымъ профаномъ въ дѣлѣ чувства и, менѣе «всего, жаловалъ то, которое изъявляется красно и громко....

Софья, судя по всему видимому, была очень довольна «своей судьбой. Она все хорошѣла.

Лиднева не умѣла нарадоваться на своихъ милыхъ дѣтокъ. «Сама не отдавая себѣ хорошенько отчета почему, добрая мать «признавалась, что Ижоринъ давно ей нравился и что, не разъ, «въ мечтахъ своихъ о счастіи дочери, она соединяла ихъ. Но, «хоть и защемило безсознательно ея сердце при прощаніи на «водахъ, не могла она тогда, понимается, показать это: сва- «татъ дочь было не въ ея правилахъ. Когда Софья вышла за «Графа, добровольно принявъ его исканіе и форменное предло- «женіе, и, казалось ей, была удовлетворена своимъ выборомъ, — «тѣмъ еще менѣе слѣдовало матери изъявлять своимъ личнымъ «желаніямъ. Однакоже съ перваго взгляда на дочь и Ижорина, «по пріѣздѣ его къ нимъ изъ деревни, — ея удовольствіе «стало какъ будто полнѣе, любовь ея сдѣлалась шире, оттого «что союзомъ съ нимъ осуществлялись все ея желанія въ

пользу дочери, ея любимыя мечты за единственную любимицу, за' ту, въ которой она, вся, жила.... И Анна Петровна всѣмъ показывала на нихъ съ гордостію, и спокойно смотрѣла она впередъ.... Одного хотѣлось ей: помянуть поскорѣй внука или внучку. Тогда она спокойно бы легла въ могилу....

И Ижорину хотѣлось быть отцемъ: этаго чувства онъ еще не испытывалъ.

Но, между тѣмъ, для него уже настала эта Аркадія (такъ говорилъ онъ самъ), надъ которой, всю жизнь свою, онъ такъ любилъ смѣяться, потому, можетъ быть, что, до сихъ поръ, она не давалась ему.

Въ деревнѣ, гдѣ они жили, Ижоринъ никуда почти не ѣздилъ, развѣ съ женой. По часамъ смотрѣли они другъ на друга, или бѣгали по саду какъ дѣти, вырвавшіяся на свободу послѣ долгаго и скучнаго урока.... И понятны и даже милы сдѣлались для него тѣ картины, на которыя, прежде, онъ и смотреть не хотѣлъ.

Оба иногда вспоминали свой первый *lête-à-lête*, и обоимъ становилось смѣшно и досадно отъ взаимнаго сознанія въ обоюдныхъ глупостяхъ.

Къ нашему герою очень шло это состояніе счастливаго мужа-любовника.... Онъ помолодѣлъ не только на лицо, но и душою, и сердцемъ. Софѣ было ли 24 года? Она вступала, только что, въ лучшую пору жизни; онъ, для мужчины, скорѣе былъ молодъ, нежели старъ.... И оба простодушно утверждали, что не узнаютъ сами себя....

Жизнь лежала передъ ними широка и полна....

И медовый мѣсяцъ тянулся, какъ будто бы не должно было ему кончиться никогда.....

....Въ послѣднихъ числахъ Ноября прошлаго года, Петербургскій Большой театръ былъ сверху до низу полонъ.

Ожидали, въ первый разъ, выхода на Петербургскую сцену Фанни Эльслеръ, только что прїѣхавшей въ Россію.... Она, послѣ Таліони, первая изъ современныхъ хореографическихъ знаменитостей залетѣла на далекій сѣверъ, столько радушный для каждой, изъ давно-извѣстнаго равнодушія или нелюбви къ западу.... Впереди ея, героини-любимицы Старого и Нового свѣта, бѣжали толки всѣхъ журналовъ, всѣхъ газетъ, и Русскихъ и иностранныхъ и даже, въ точномъ смыслѣ, заморскихъ. Было, значить, зачѣмъ ѣхать въ театръ.... Все и хлынуло въ театръ, наперерывъ.... И огромное зданіе Петербургскаго Большаго театра, послѣ Московскаго, одно изъ первыхъ въ мїрѣ, ломилось подъ тысячами любопытныхъ зрителей.... Всякому хотѣлось посмотреть на прїѣзжую фею: иному нужно было сравнить ее съ Таліони, оставившей столько неизгладимыхъ воспоминаній, подарившей Петербургу столько сладкихъ минутъ; другому, не выдавшему Таліони, хотѣлось просто взглянуть на ту, которую печатно называли несравнимою; третій, быть можетъ, ѣхалъ въ театръ потому только, что ѣхали всѣ и, слѣдовательно, нельзя было и ему не ѣхать; какъ бы то ни было, но театръ былъ полонъ, полонъ такъ что, по поговоркѣ, нѣкуда было воткнуть булавку....

....И люстра-монстръ опять сердилась, опять хмурилась....

....Объявлена была, кажется, Мечта художника.... И все ожидало осуществленія своей мечты, живой мечты, одушевленной граціи....

Между тѣмъ какъ, по обыкновенію, передъ балетомъ шла какая-то малозначащая пїеса, возбуждавшая большое сочувствіе въ райкѣ, ложи и кресла были заняты спорами объ ожидаемой. Повторялись отзывы о ней, читанные и слышанные, говорили о цвѣтѣ ея глазъ и волосъ, о ростѣ, о лѣтахъ. Составилось, даже, между двумя отчаянными театрами-англо-манами, значительное пари о томъ, съ которой стороны выйдетъ на сцену Фанни-Эльслеръ. Одинъ какой-то старичекъ, любитель разныхъ анекдотовъ, вспоминалъ по чему-то, о Герцогѣ Рейхштадтскомъ....

Букетовъ было приготовлено множество....

.... Въ первомъ ряду кресель было не занято одно только кресло, къ немалому удивленію всего перваго ряда....

Но передъ концомъ піесы вошелъ въ театръ и помѣстился въ пустое кресло штабъ-офицеръ, въ мундиръ одного изъ линейныхъ казачьихъ полковъ....

Сѣвъ и взглянувъ направо на своего сосѣда, штабъ-офицеръ, показалось, на минуту, былъ пораженъ чѣмъ-то....

.... Потомъ, какъ бы увѣрившись въ истинѣ своего предположенія, онъ ударилъ сосѣда по плечу....

Сосѣдъ оглянулся:

— Ты ли это?

— Вотъ судьба-то! ...

Штабъ-офицеръ былъ памятный вамъ, можетъ быть, уланскій жорнетъ начала моей повѣсти, сосѣдъ его — ходячая-хроника....

Они не выдержали и оба вышли, съ тѣмъ чтобъ возвратиться къ поднятію занавѣса передъ балетомъ.

Въ корридорѣ, послѣ первыхъ привѣтствій, штабъ-офицеръ обратился къ Хроникъ съ вопросомъ, весьма естественнымъ въ человѣкъ, не бывшемъ нѣсколько лѣтъ сряду въ Петербургъ, гдѣ онъ оставилъ и бездну воспоминаній, и коекакіе интересы:

— Что новаго?

— Да что, братецъ, я все здѣсь.... Право не знаю.... Ижоринъ женился....

— Да это еще при мнѣ.... à propos, а Орелли?...

— Plus belle, т. е. какъ бы тебѣ сказать.... plus coquette que jamais...

— Э?... Счастье.... Ей, передъ самымъ моимъ отъездомъ, приходилось очень плохо.... Я помню, она меня просила продать попугаевъ, гунтеровъ тогда ужъ не было, е-

баки тоже, хоть и увѣряла она, что ее, отъ злости, отравилъ Помпей, ну да это вздоръ.

— Пойдемъ, пойдемъ. Сейчасъ начинается. Я тебѣ покажу ее въ антрактъ....

— Нельзя ли какъ-нибудь, эдакъ, по старой памяти?

— Mettez-vous sur les rangs....

Они вошли и сѣли въ свои мѣста.

Дѣйствіе кончилось. Отдавъ дань своего уваженія таланту, по старой памяти, казакъ сталъ, при помощи бинокля, разсматривать зрителей.... Хроника былъ, разумеется, занятъ тѣмъ же, сегодня, какъ и всякій день....

Онъ толкнулъ своего сосѣда:

— Да вотъ она, — и показалъ на одну изъ литерныхъ ложъ втораго яруса....

— Ну, а съ ней-то кто? удивленный спросилъ штабъ-офицеръ....

— Помилуй, развѣ ты еще не видалъ его? Ижоринъ....

— Я сегодня только что съ Кавказа.... Такъ вотъ оно что.... А жена?....

— Жена его должна на дняхъ вернуться изъ-за границы....

— Сходимъ къ нимъ....

— Пожалуй!

Они поднялись по лѣстницамъ.... Штабъ-офицеръ былъ очень доволенъ тѣмъ, что всѣ почти каппельдинеры узнавали его. Нѣкоторые даже величали его по имени и отчеству, поздравляя при этомъ, разумеется, съ прїѣздомъ....

Они вошли въ литерную ложу....

Сидѣвшіе въ ней, мужчина и женщина, обернулись къ двери.

— Ижоринъ, началъ Хроника, протягивая ему руку и указывая на казака, — узнаешь?

Ижоринъ слегка прищурился....

— Ба, ба, ба... Молодець.... Давно бѣ тебѣ, братецъ, за умъ-то взятыся.... Однако, видѣли вы жену, господа, она только что третьяго дня вернулась изъ-за границы, и обонимъ вамъ будетъ очень рада.... Пойдемте къ ней.... Et vous n'engagez pas ces messieurs à souper? — продолжалъ онъ, обращаясь къ Орели....

— Mais comment donc.... Si, toutefois, tu viens avec eux....

— Si je viens.... сказалъ онъ, ударяя на первомъ словѣ и улыбаясь....

— Они пошли къ бель-этажу.

— Quelle digne femme! — сказалъ Ижоринъ, показывая головою на литерную ложу....

— Oh! pour ceci.... отвѣчалъ бывшій уланъ....

Спектакль кончился.... Они всѣ вышли вмѣстѣ на подъездъ: Ижоринъ съ женой, казакъ и Хроника.

Свѣвъ въ карету, Ижоринъ громко сказалъ имъ:

— Вы поезжайте прямо, онъ знаетъ адресъ.... А я только заѣду на минуту домой, надо же для неожиданнаго гостя захватить изъ дому какой-нибудь гостинецъ....

Казакъ и Хроника отыскали сани и повхали къ Орели....

— Давно Ижоринъ опять взялъ ее подъ свое покровительство? спросивъ казакъ....

— Да ужъ болѣе года: съ тѣхъ поръ какъ опять живеть безвыѣздно въ Петербургъ.... Не правду ли я говорилъ, что въ этой женщинѣ много хорошаго.

— Особенно....

На отвѣтъ казака, котораго голосъ былъ покрытъ визгомъ встрѣчнаго форейтора, Хроника добродушно засмѣялся.

Здѣсь кончается повѣсть о «вашемъ старомъ знакомомъ».

Авторъ не продолжаетъ ея, потому что, до сихъ поръ, ничего болѣе не знаетъ объ Ижоринѣ. Но, съ теченіемъ времени, — когда что узнаетъ, готовъ подѣлиться съ своимъ читателемъ новыми данными, разумеется, если этого захочетъ читатель....

Не знаетъ также авторъ, какъ понравится читателю вся эта повѣсть, и найдетъ ли въ ней читатель «своего стараго знакомаго».... Но спрашивать объ этомъ авторъ не смѣетъ.... Желалъ бы онъ отъ души, чтобы тотъ читатель, который не признаетъ въ Ижоринѣ *стараго знакомаго*, по крайней мѣрѣ не сердился на него. «Герой» для иныхъ, какъ былъ онъ героемъ этой повѣсти, — Ижоринъ для многихъ, — давно только жалокъ. Въ немъ самомъ и весь судъ надъ нимъ.

С. Колошинъ.

Москва.

Апрѣль, 1849.

МОСКВИТЯНИНЪ.

1850.

№ 11.

Юнь.

Кн. 1.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ЧЕШСКІЯ ПѢСНИ.

(Изъ книги: Ohlas pjsnj Českých, od F. L. Čelakowského, w Praze, 1840.)

I.

САДОВНИКЪ.

Starý Zahradníček.

У Садовника въ садочкѣ
Выростаетъ деревцо :
Черны очи, бѣлы плечи
И румяное лицо !

*

«Гдѣ ты, гдѣ ты, нашъ Садовникъ,
Розань эдакой досталъ?
У тебя еще алѣе
И еще онъ краше сталъ !

*

Отд. I.

9

Съ той поры, какъ появился
У тебя онъ на лугу,
Съ той поры на твой я розанъ
Наглядѣться не могу!»

*

— Не чужой мнѣ этотъ розанъ,
Не чужой онъ мнѣ цвѣтокъ:
Самъ его я воздѣлывалъ,
Сохранилъ и уберечь!

*

Въ злую стужу-непогоду
Я присматривалъ за нимъ,
За цвѣткомъ моимъ прекраснымъ,
Ненагляднымъ, дорогимъ!

*

Нынче матери собирайте
Дочерей своихъ красоть,
И Садовнику отдайте
Подъ присмотръ и подъ уходъ!

*

На лугу, между кустами,
У него житье цвѣтамъ;
Не одно за то спасибо
Всякій паренъ скажетъ вамъ!

II.

РАДОСТЬ И ГОРЕ.

Ach radost, ach radost!

Ахъ ты, радость, ты, радость!
Деревцомъ вырастаешь,
Только жаль, что корней ты
Никуда не пускаешь!
И подуетъ ли вѣтеръ,
Аль вода разольется:

Деревице молодое
 Упадетъ и согнется!
 Можетъ, можетъ и встанетъ,
 Да къ иному ужъ лѣту....
 Жаль мнѣ, жаль, что корней-то
 У тебя, радость, нѣту!

=

Ахъ ты, горе-кручина!
 У тебя, у кручины,
 Лишь одинъ горькой корень;
 Безъ вѣтвей, безъ былинны!
 Много надобно вздоховъ,
 Слезъ широкое море,
 Чтобъ развѣять кручину,
 Чтобъ выплакать горе!
 Горькой корень далеко,
 Горькой корень глубоко,
 Безъ вѣтвей, безъ былинны,
 Горькой корень кручины!

III.

ЧАРОДѢЙКА.

Utopte zi upalte zi!

Вы сожгите ее,
 Утопите ее:
 Загубила она
 Душу-сердце мое!

Чародѣйка она,
 И хитра и умна,
 Много чаръ у нея,
 Всѣхъ чаруетъ она!

Чары — очи у ней,
 Чары — бѣлая грудь;
 Какъ увидишь ты ихъ —
 Свой покой позабудь!

Пятерыхъ извела,
 Блескомъ черныхъ очей,
 Красотою лица,
 Близною плечей;

Пятерыхъ извела,
 И шестому не въ мочь:
 Самъ не свой, какъ шальной,
 Бродить онъ день и ночь!

Ахъ, сожгите ее,
 Утопите ее,
 Загубила она
 Душу-сердце мое!

 IV.

НА ПУТИ КЪ МИЛОЙ.

Slunce za horami.

Солнце за горами,
 Сумрачно въ долинѣ...
 Ахъ, зачѣмъ, ты, батюшка родимый,
 Спишь теперь въ могилѣ?

*

Встаю ли, ложусь ли,
 Все я помышляю
 О тебѣ, мой батюшка родимый,
 О тебѣ вздыхаю!

*

Лишь одна кручина
 Моё сердце гложетъ,
 Что на наше счастье золотое
 Онъ смотрѣть не можетъ!

*

Гдѣ овесъ ты сѣялъ,
 Тамъ взростилъ я жито,
 И кругомъ у насъ густой пшеницей
 Поле все покрыто.

*

Тамъ, гдѣ ты просыпалъ
 Хоть капельку поту,
 Тамъ мнѣ нынче золото-богатство
 Сыплется безъ счета!

*

Житницы, амбары
 Полны и богаты....
 Скоро-скоро будетъ къ вамъ хозяйка,
 Дворики вы хаты!

*

Ахъ, когда бъ ты видѣлъ
 Мою дорогую,
 Словно яблонь ты развеселилъ бы
 Голову сѣдую!

*

Конь мой, конь! какъ былъ ты
 Жеребенокъ квилой,
 Ты не зналъ, что на тебѣ поѣду
 За своей я милой!

*

Солнце за горами,
 Темень долъ туманный....
 Ты лети, лети, конь ретивый,
 Къ милой и желанной!

Н. Березъ.

ИЗЪ БАЙРОНА.

Какъ хищные волки на мирное стадо,
На насъ Ассирійцы низринулись съ горъ,
И двигалась страшно ихъ полчищъ громада,
Несмѣтная сила пугала нашъ взоръ.
На войскъ ихъ пурпуръ и золото блещеть,
Ихъ копья сверкаютъ, какъ звѣзды въ водѣ,
Когда Галилейское море трепещеть
И небо глядится въ его синевъ.
Какъ листья лѣсные въ зеленое лѣто,
Такъ подъ вечеръ грозно тѣснились враги;
Какъ листья же осенью поздней, свирѣпой,
Когда лѣсъ кидаетъ покровы свои,
Такъ были на утро повержены, сбиты,
Такъ были стыдомъ Ассирійцы покрыты.

Зане Всемогущій, скрываяся въ тучахъ,
Спасти отъ враговъ свой народъ восхотѣлъ,
И Ангель-губитель на крыльяхъ могучихъ
Какъ буря на встрѣчу враговъ полетѣлъ.
Онъ дулъ имъ въ лицо, какъ они поступали,
На вѣжды ихъ тяжкій онъ сонъ положилъ, —
Сердца Ассирійцевъ отвагой пылали, —
Отвагу и чувства онъ въ нихъ заглушилъ.
На дернѣ валялся тамъ конь бездыханный,
Тамъ всадника трупъ безобразный лежалъ,
И вѣтеръ, бушуя въ пустынѣ песчаной,
Обрядъ погребальный надъ нимъ совершалъ.
Палатки безмолвны и праздно столли,
Знамены покинуты въ полѣ пустомъ,
И копья изъ рукъ охладѣвшихъ упали,
И трубы безъ звука лежали кругомъ.
И идолы пали во храмъ Молоха,
И вдовы рыдаютъ, и ужасъ на всѣхъ,
И скрылась отъ взоровъ пылающихъ Бога
Вся сплзъ Ассура, какъ тающій снѣгъ.

Брама.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

ПИСЬМА ОБЪ ИНДІИ.

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ИИ. САЛТЫКОВА.

1845—1846.

Лондонъ. 29-го Сентября 1844.

Сегодня воскресенье , день, какъ ты знаешь, очень занимательный въ Лондонъ , и къ довершенію удовольствія; погода совершенно испортилась: дождикъ съется, какъ сквозь сито; вѣтеръ гудитъ заунывно и однообразно. Не слышно обычнаго по воскресеньямъ пѣтушинаго крика; не видно ни каретъ, ни пѣшеходовъ; улицы пусты и только изрѣдка раздаются мѣрные шаги полицейскаго агента , закутаннаго въ клеенчатый плащъ. Я сижу у окна Клэрндонскаго отеля на Альбемарльской улицѣ , на этой скучной Альбемарльской улицѣ. Въ среду, часу въ осьмомъ, я отправлюсь въ Соутъ-амптонъ, Лиссабонъ и т. д. Твое желаніе увидѣться со мною поскорѣе и тоска по родинѣ не дозволятъ мнѣ пробыть въ Индіи болѣе десяти-одиннадцати мѣсяцовъ, и я по прошествіи этого времени, постараюсь отыскать тебя гдѣ бы то ни было. Лордъ Э. назначилъ мнѣ свиданіе въ Палермо или на Мальтѣ: хочу ему написать, что на Мальтѣ лучше. Конечно Палермо не дурень, да нужно сдѣлать крюкъ, а мнѣ некогда терять время. Въ Декабръ я пристану въ Суэцъ; а остовы катакомбъ не стану осматривать въ другой разъ. Кстати, Р, вѣроятно умеръ ?... Ты просишь меня назначить пункты на-

шего соединенія: пусть они останутся тѣ же, т. е. Лондонъ и Петербургъ, преимущественно Петербургъ. Мое путешествіе въ Индію рѣшено и подписано. Пиши мнѣ письма въ Бомбэй, на имя Лекки и К^о, а управляющему моему прикажи высылать деньги туда же. Пятьдесятъ тысячъ ассигнаціями будутъ для меня черезъ-чуръ достаточны. Теперь, покончивъ со всѣми дѣлами, я сталъ гораздо спокойнѣе.

Лиссабонъ. 19-го Октября 1844.

Я прибылъ сюда третьяго дня на Соутъ-амптонскомъ пароходѣ. Погода стояла пренесносная: постоянная пятидневная буря. Лиссабонъ также великъ, какъ Падуа, и почти также веселъ; дождикъ идетъ каждый день. Я остановился въ превосходной гостинницѣ, и намѣренъ отдохнуть нѣсколько дней, а потомъ сѣлаю на пароходѣ тридцатичасовой переѣздъ въ Кадиксъ. Изъ Соутъ-амптона я вѣхалъ восемь дней, противъ обыкновеннаго пути цѣлые три дня лишку. Характеръ Лиссабона и окрестностей очень живо напоминаетъ Палермо и Сицилію.

Кадиксъ. 24 Октября.

Теперь меня беретъ раздумье, какимъ образомъ дѣлать мнѣ поѣздки по Андалузіи: въ «веттурино», на конѣ, на мулъ, или въ дилижансъ? Можно еще отправиться на пароходѣ, который ходитъ вверхъ по Гвадалквивиру до Севильи.

Кадиксъ немного похожъ на Венецію, только поопратнѣе, побѣлѣе и поменьше; вмѣсто каналовъ тянутся узкія, длинныя и прямыя улицы; дома выстроены въ Мавро-Сицилійскомъ вкусѣ, всѣ съ балконами, съ плоскими крышами и террасами. Почти весь городъ выдался въ море и соединяется съ материкомъ узкой полосой земли. Кругомъ Кадикса, какъ кругомъ Венеціи, нѣтъ ни полей, ни садовъ: дома жмутся одинъ къ другому на тѣсномъ лоскутѣ побережья, выкроенномъ моремъ. Какъ въ Венеціи, здѣшнія улицы оживлены толпами пѣшеходовъ и малочисленными всадниками, но кареты не увидишь ни одной. Я стою въ такъ называемой Англійской гостинницѣ: не Богъ знаетъ что, однако до-

вольно чисто и удобно. Содержатель гостинницы М. Вальдо того старъ, что начинаетъ впадать въ ребячество; онъ уже ни къ чему не годенъ, а все еще не отсталъ отъ похвальной привычки обращаться съ своими постояльцами привѣтливо и вѣжливо. Съ виду онъ еще не такъ дряхлъ и не производитъ непріятнаго впечатлѣнія, оставляемаго отжившими свой вѣкъ стариками.... Кормятъ насъ устрицами и превосходной рыбой.

Въ гостинницѣ остановилось нѣсколько Англичанъ, прибывшихъ вмѣстѣ со мною на пароходъ; мы все объедаемъ за однимъ столомъ, а иногда къ нашей компаніи присоединяется какой-то премолчаливый сеньоръ. Вообще Испанцы молчаливы, спокойны, учтивы и терпѣливы; лица у нихъ предобрѣя, и вообще, по моимъ соображеніямъ, они самый снисходительный народъ. Вчера я былъ въ «Главномъ театрѣ»; публика была многочисленная, но вела себя очень тихо. Во время антрактовъ зрители курили въ корридорахъ; все были хорошо одѣты. Здѣшній народный костюмъ—куртка, низенькая шляпа и темный плащъ на красномъ подбѣв. Въ театрѣ было много молоденькихъ женщинъ, но я еще не приглядѣлся къ Испанской красотѣ. По всемъ лицамъ разлита важность и надменность; въ приемахъ замѣтна какая-то угловатость; улыбка почти никогда не набѣгаетъ на эти блѣдныя губы. Давали какую-то длинную драму: запутанная любовная интрига, ревность, и въ заключеніе стилеть. За тѣмъ проплясали качучу и разныя народныя пляски, живыя, увлекательныя. Сегодня утромъ я ходилъ смотрѣть на арену, гдѣ бываетъ бой быковъ, но бой начинается обыкновенно весной или лѣтомъ. Осмотрѣвъ арену, я взобрался на высокую церковную башню, и передо мной раскрылась панорама Кадикса.

25 Октября.

Вчера я былъ въ другомъ театрѣ; онъ поменьше «Главнаго театра», но на немъ лежитъ болѣе Испанскій характеръ; курили и въ ложахъ, и въ партерѣ, и даже въ первомъ ряду *стalles*. Играли нѣсколько комическихкихъ пьесъ, взятыхъ изъ народнаго быта, въ родъ Сан-Карлино, только не такъ

тривиальныхъ: словомъ, театръ очень-очень порядоченъ и выстроенъ хорошо. За комедіями слѣдовали «болеро» и еще какая-то пляска «оле». Эта пляска исполняется одной танцовщицей подъ звуки заунывной музыки; на танцовщицѣ было атласное платье, шитое блестками съ газовымъ лифомъ; въ Испаніи для каждой пляски особый нарядъ. Болеро плясали шестеро, трое мужчинъ и три женщины: плясуны дѣлали порывистыя движенія, принимали гордыя позы, и немилосердо стучали кастаньетами подъ одобрительные крики партера: «*bien, bien*!» Испанскій языкъ похожъ на провинціальное Итальянское нарѣчіе. Климать въ Кадиксъ удивительный.... Однако мнѣ очень досадно, что даю тебѣ предвкусе Испаніи, твоей любимой Испаніи: мнѣ бы не слѣдовало ѣздить сюда прежде тебя. Впрочемъ не забудь, что тебѣ остается Мадридъ со всею его таинственностью, и остается совершенно нетронутымъ въ ожиданіи твоего посѣщенія.... А между тѣмъ я отправляюсь глотать устрицы. Прощай.

Испанское селеніе Ларода. 31 Октября.

Сажу въ «*rosada*»: весь изнемогъ отъ усталости и жду пилава изъ куропатки. Наконецъ я въ Андалузіи; объѣзжаю здѣшнія окрестности верхомъ, въ сопровожденіи Франциска, Федора и туземнаго проводника. Проводника зовутъ Хименесомъ; онъ очень ловкій всадникъ, одѣтъ съ большимъ вкусомъ и предупредителенъ до нельзя; теперь онъ сильно хлопочетъ о куропаткѣ. Въ семь часовъ утра меня сажаютъ на Андалузскаго коня, и заставляютъ ѣздить почти безъ отдыха часовъ до осьми или девяти вечера. Отдыхаемъ мы не болѣе получаса, и въ продолженіе этого времени ѣдимъ лица съ свинымъ саломъ и запиваемъ нашу трапезу малагой. Въ шесть часовъ утра, передъ отправленіемъ въ путь, мнѣ подають чашку шоколада, который такъ густъ и сладокъ, что я никакъ не рѣшаюсь его пить. Я обыкновенно беру съ собой въ дорогу бутылку хереса и нѣсколько штукъ Севильскихъ куропатокъ. Я былъ въ Севильѣ, но «цирюльника» тамъ уже нѣтъ, нѣтъ и графа «Альмавивъ»; за то вывѣскамъ «*Sangrados*» нѣсть числа.

Лордъ Байронъ сказалъ :

«He who has not seen it will be much to pity...
Of all the spanish towns is none more pretty.»*

Въ Севильѣ я не могъ удержаться отъ искуссительнаго желанія поглядѣть на пляски Андалуззянокъ, и пригласилъ къ себѣ танцовщицъ. «Оле,» качуча, фанданго, гитана и галлегана были исполнены шестью плясунами и шестью хорошенькими плясуньями, подъ оглушительные звуки кастанъетъ, гитаръ и дикихъ, унылыхъ пѣсенъ. О пѣсняхъ я не могу дать тебѣ никакого понятія; могу только сказать, что онѣ похожи на Арабскія и Индійскія, да жаль, что ты не знаешь ни тѣхъ, ни другихъ. Этихъ пѣсенъ нельзя назвать музыкой, по крайней мѣрѣ той музыкой, которую мы привыкли слышать: это просто крики восторга и жалобные вопли. Пѣніе Московскихъ цыганокъ, сравнительно, можно считать ученою музыкою. Мои теперешнія баядерки, кромѣ 30 или 40 долларовъ, поджидаютъ еще угощенія — конфектъ и вина. На прощанье имъ придется вручить по огромной свадебной бонбоньеркѣ, а иначе онѣ обидятся. Вино онѣ обыкновенно распиваютъ съ хозяиномъ дома, и эта церемонія распиванія очень трогательна: сначала онѣ «пригубятъ,» потомъ передадутъ на сей же конецъ стаканъ хозяину, потомъ выпиваютъ залпомъ и въ заключеніе пожимаютъ руку. Въ промежуткахъ плясокъ онѣ подсаживаются къ своему амфитриону, и заводятъ рѣчи, судя по пантомимамъ, очень занимательныя. Въ продолженіе вечера мои плясуньи десять разъ мѣняли свой туалетъ, и каждый разъ являлись въ ослѣпительномъ нарядѣ и красивыхъ башмачкахъ. (Въ обуви Андалуззянки большія педантки.) Нарядъ украшенъ кружевами, золотомъ и серебромъ. Почти всѣ плясуньи были очень милы.

Теперь я на пути въ Гренаду. Нарочно взялъ съ собой поменьше денегъ, въ надеждѣ наткнуться на разбойниковъ, но моя надежда была обманчива. Мы путешествуемъ только до 6 часовъ вечера, потому что позднѣе становится такъ

---

* Жаль мнѣ того, кто не видалъ Севильи: нѣтъ лучше города въ Испаніи.

темно, что не видать дороги. А разбойниковъ все нѣтъ! Дѣлать нечего — подождемъ.

Селеніе Лоха. Вечеромъ 1 Ноября.

Сдѣлали еще переѣздъ. Сегодня я всталъ на конь въ семь часовъ утра, и добрался до станціи только къ девяти часамъ вечера, по страшной и склизкой нагорной тропинкѣ, подѣ проливнымъ дождемъ и подѣ опасеніемъ заблудиться въ темнотѣ. Проводникъ мой былъ въ отчаяніи, да и самъ я долженъ признаться, что постоянный страхъ сбиться съ дороги — очень непріятенъ. Наконецъ я добрался до ночлега, и лежу на хорошей постели, поджидая пѣлавъ, яичницу и холодную куропатку. Я захватилъ съ собой изъ Севильи куропатокъ, куръ и кусокъ жареной говядины. Хочется мнѣ еще поговорить съ тобой о Севильѣ, этой царицѣ Андалузіи, которая въ свою очередь царитъ надо всей Испаніей. Тамъ, по словамъ поэта, мантилья волнуется на плечахъ смуглой красавицы, и гордый Андалузецъ умиряетъ кипучаго коня. Тамъ торреадоръ вонзаетъ свое острое копьѣ въ ребра неукротимаго быка. Тамъ, въ мракъ полуночи, звучитъ гитара и звонкая пѣсня молодой Андалузянки, тамъ музыка кастаньетъ сопровождаетъ пламенную качучу и вѣжливый болеро. Тамъ Альказаръ, увѣшенный мраморнымъ кружевомъ, прячется въ тѣни померанцевыхъ рощей, орошаемыхъ струями водометовъ.

Гренада. 3 Ноября.

Я прибылъ сюда вчера вечеромъ. Цѣлый день провелъ на конѣ, на дорогѣ отъ Лохи, подѣ дождемъ и вѣтромъ; не вѣхалъ, а плылъ по грязи, право—плылъ: Испанія постоянно затоплена дождями. Отъ Севильи до Гренады вѣхалъ я четыре дня; обыкновенно ѣздятъ пять. Мой проводникъ и какой-то старикъ, коноводъ, то и дѣло, что говорили про разбойниковъ, и Хименесь, при каждой встрѣчѣ съ контрабандистами, почтительно снималъ шляпу и ускорялъ шаги. Вообще онъ отличается изысканною вѣжливостію. Разъ подѣ вечерокъ мы замѣтили какого-то человѣка въ плащѣ, кото-

рый при нашемъ приближеніи побѣжалъ на гору и скрылся: спутники мои сильно встревожились, полагая, что этотъ чело-вѣкъ — сторожевой разбойничьей шайки.

Мы остановились завтракать въ одномъ маленькомъ горо-докъ, и у хозяина нашей гостинницы нашли значительное количество очень хорошихъ ружей, которыя онъ продавалъ по сходной цѣнѣ. Мнѣ показалось это нѣсколько страннымъ, а въ послѣдствіи мой проводникъ объявилъ, что большая часть обитателей Альмеды (такъ назывался этотъ городокъ) промышляютъ грабежемъ. Они отправляются будто бы на охоту, а въ самомъ дѣлѣ охотятся за кошельками неосто-рожныхъ путниковъ: вотъ почему содержателю гостинницы выгодно сбывать ружья за дешевую цѣну. Я самъ чуть-чуть было не купилъ ружья для моихъ людей. Вообще всѣ содержатели гостинницъ удивляются, что мы путешествуемъ такъ поздно, но я привыкъ къ ночнымъ переездамъ въ Пер-сіи, и ни за что не промѣняю четырехъ-дневнаго путешествія безъ роздыха на безопасную, но несносную двухнедельную ѣзду шагомъ по слякоти. Отсюда я отправлюсь въ Лоху, изъ Лохи въ Малагу, а изъ Малаги въ Гибралтаръ; только жаль, что нельзя съѣсть на пароходъ: придется или вѣхать на корабль, или тащиться сухимъ путемъ, а это составитъ три лишнихъ дня.

Сегодня утромъ я осматривалъ Альгамбру. Судя по раз-сказамъ, я ожидалъ бѣльшаго: Альгамбра — жалкій алеба-стровый слѣпокъ съ волшебныхъ Индійскихъ дворцовъ, не только съ тѣхъ дворцовъ, которые, по мановенію Великихъ Моголовъ, возникли въ окрестностяхъ Дели, но даже съ двор-цовъ Лагора, порубежнаго города Могольской Имперіи. Все, что въ Индіи изваяно изъ камня, мрамора, порфира и ла-зури, въ Альгамбрѣ слѣплено изъ алебастра, и притомъ въ уменьшенныхъ размѣрахъ. Прошу послѣ этого вѣрить на сло-во путешественникамъ. Впрочемъ Альгамбра съ своими по-меранцовыми рощами, цвѣтами, виноградными лозами и лег-кой архитектурой — все-таки прекрасное мѣсто. Виноградомъ я объѣдался.

Я видѣлъ въ Персіи дворцы подобныя Альгамбрскому, но они богаче, чище отдѣланы и величественнѣе. Въ Каирѣ есть тоже зданія лучше Альгамбрскихъ, только выстроены въ болѣе простомъ вкусѣ: въ Каирѣ Арабское зодчество сохранилось еще въ первобытной своей чистотѣ. Въ Индіи то же самое зодчество, но уже гораздо роскошнѣе въ своихъ подробностяхъ, гораздо узорнѣе. Ходилъ осматривать Генералифъ. Моей проводницей была хорошенькая дѣвушка, которая отперла мнѣ покои и водила по маленькимъ садамъ, заросшимъ виноградными лозами. Въ покояхъ этой Мавританской обители поставлены портреты во весь ростъ различныхъ воителей и рыцарей, Мавровъ, Испанскихъ доннъ и между прочимъ портреты Фердинанда и Изабеллы. Утромъ, по случаю воскреснаго дня, былъ въ здѣшнемъ соборѣ у обѣдни, и видѣлъ великолѣпныя гробницы Фердинанда и Изабеллы: гробницы очень высоки, вытѣплены изъ камня и украшены горизонтальными изваяніями короля и королевы. Въ соборѣ множество деревянныхъ изваяній Мадоннъ и Святыхъ, увѣшанныхъ металлическими украшениями.

Сейчасъ я оторвался отъ письма и подошелъ къ окну взглянуть на пѣхотный Испанскій полкъ; полковая музыка состоитъ изъ кавалерійскихъ трубъ и управляется необычайно-вертлявымъ тамбуръ-мажоромъ.... Женщины въ Испаніи очень красивы. Даже по дорогѣ, въ гостинницахъ, харчевняхъ, ventaхъ и посадахъ встрѣчаешь прислужницъ съ премиленькими личиками. Не правду пишутъ, что здѣшнія гостинницы грязны: онѣ, напротивъ, чисты, но очень бѣдны, и путникъ поставленъ въ необходимость пробавляться единственно свиной.

Полкъ, о которомъ я тебѣ писалъ, остановился на площади, передъ окнами моей гостинницы, и начинаетъ дѣлать какія-то эволюціи. Музыка играетъ заунывно и трогательно мотивъ какой-то оперы.... Мнѣ стало грустно; на меня напало раздумье о тебѣ: когда я тебя увижу?... Вѣрно только то, что непременно увижу.

Нынѣшнимъ утромъ я видѣлъ множество колодниковъ , содержимыхъ въ Альгамбрѣ. Не знаю за чѣмъ выводили ихъ на бѣлый свѣтъ, только они входили, подѣ прикрытіемъ конвой , въ одну изъ очаровательныхъ аллей Альгамбрскихъ садовъ. Я тебѣ писалъ, что въ Испаніи постоянно идетъ дождикъ, но на сегодняшній день отступаюсь отъ своихъ словъ: погода стоитъ превосходная и вполне благопріятствуетъ моимъ прогулкамъ по Альгамбрѣ и по Цыганскому кварталу: (Gitanos). Начинаетъ вечерѣть, а солдаты все еще на площади. Заказалъ цыганскую пляску: любопытно—чтò это такое.

Видѣлъ цыганскую пляску: очень хороша. Былъ и въ театрѣ: онъ очень великъ и набитъ-биткомъ. Давали какую-то волшебную піасу: «Чортовъ ларчикъ». Изъ цѣлой дюжины плясавшихъ у меня цыганокъ замѣчательна была только одна: плясала и по-Арабски, и по-Египетски, какъ бѣсноватая. Очень стройная , очень молоденькая и очень худая , она была необыкновенно гибка; лицо у нея было почти зеленого цвѣта. Я спросилъ ее — замужемъ ли она: она отвѣчала, что замужемъ, но что мужъ ея сидитъ въ темницѣ, а на дняхъ его повѣсятъ за то, что онъ зарѣзалъ ея брата. Рассказавъ мнѣ эту милую продѣлку своего мужа, цыганка налила большой стаканъ вина, поднесла мнѣ отвѣдать, выпила, что называется, на лобъ, и снова принялась за пляску. Во время пляски, она завывала какую-то дикую пѣсню, какъ наши Московскія цыганки, закидывала голову и руки, дрожала всѣми членами подѣ оглушительное щелканье кастаньетъ, подѣ крики и вопли старыхъ мегеръ и молодыхъ замарашекъ , которыя бѣсновались, какъ вѣдьмы на шабашѣ.... Въ Кадиксѣ, въ одной изъ часовень, я видѣлъ трупъ ребенка, заѣденнаго крысами: бѣдняжка былъ весь исковерканъ и съ ногъ до головы покрытъ глубокими ранами.... Мать принуждена была отлучиться изъ дому на работу, и оставила несчастнаго ребенка одного....

Гибралтаръ. 2-го Ноября 1844 г.

Я прѣехалъ сюда сегодня утромъ, — и вѣхалъ изъ Малаги цѣлую ночь на хорошемъ Испанскомъ пароходѣ (ска-

зять въ скобкахъ, Гибралтаръ мнѣ не очень нравится). Въ Малагу добрался я изъ Гренады верхомъ, и на этотъ переездъ употребилъ два дня. Баронъ М. уговорилъ было меня сѣсть съ нимъ въ дилижансъ, но я едва-едва могъ вынести тамъ полчаса: это просто тарантасъ, безъ малѣйшаго призрака рессоръ, набитый, какъ огурецъ, сѣдоками, которые только и дѣлаютъ, что курятъ да сплевываютъ на сторону. У меня закружилась голова, и я кое-какъ вылезъ изъ дилижанса, и сѣлъ на лошадь, не смотря на усталость и на дождикъ. Просто же верхомъ ѣхать гораздо скорѣе, чѣмъ въ дилижансъ, хотя меня и затрудняли нѣсколько мой багажъ и моя свита.

Я разстался съ барономъ М. въ Алгезирасъ, маленькой деревушкѣ, раскинутой противъ самаго Гибралтара. Отправляясь изъ Гренады, я еще разъ проѣзжалъ Лоху и останавливался въ *venta de los ognahhos*, сиречь — «гостинницъ съѣстныхъ припасовъ:» ничего больше, какъ ветхая харчевня, въ которой путешественникъ не находитъ ни успокоенія, ни пищи. «*La venta de los tres Hermanas*», т. е. «гостинница трехъ сестеръ» — другое дѣло. Три хорошенькія сестрицы, одна простодушнѣе другой, стараются наперерывъ угадывать желанія путешественниковъ и окружать ихъ самыми предупредительными заботами. Одна изъ нихъ немножко коса, что къ ней впрочемъ очень идетъ, другая очаровательно рѣба, а третью вполне можно назвать пикантной брюнеткой: черна, какъ кротъ, истая цыганка, съплетъ словами, и всю ея какъ-то поводитъ и передергиваетъ. Эти миленькія сестрицы имѣютъ еще одно неоспоримое достоинство: превосходно готовятъ различное кушанье изъ трески, ветчины, свиного сала, масла и перцу. Въ Малагѣ лѣпятъ прекрасныя статуэттки, изображающія представителей народныхъ Испанскихъ типовъ: тореадоровъ, разбойниковъ, контрабандистовъ и плясуновъ; онѣ художественно отдѣланы, окончены, хорошо раскрашены и не дороги, но увы! слѣплены изъ алебаstra. Есть довольно большія изваянія всадниковъ и быковъ, по крайней мѣрѣ въ поларшина.

Сегодня я объѣдаю у здѣшняго губернатора, генерала Вильсона. Онъ такъ ласково меня принимаетъ, что, забывая полученное мною отвращеніе къ верховой ѣздѣ, я сажусь на лошадь и не схожу съ нея цѣлый день, осматривая городскія укрѣпленія. Впрочемъ я напрасно говорю — *городскія*: правильнѣе было бы сказать — укрѣпленія скалы. Нѣкоторыми занимается онъ самъ «*соп атоге*», и хотя я плохой знатокъ въ крепостныхъ укрѣпленіяхъ, но цѣню какъ нельзя болѣе его усердіе.

Генераль Вильсонъ былъ въ Россіи въ 1807, 1812 и 1813 годахъ, и знаетъ нѣкоторыхъ нашихъ родственниковъ. Онъ сдѣлалъ мнѣ честь и пріѣхалъ ко мнѣ первый, раннимъ утромъ. Мнѣ было очень совѣстно, потому что я стою въ отвратительной гостинницѣ, которія несравненно хуже всевозможныхъ *вентъ и посадь*, попадающихся по Андалузскимъ дорогамъ.

Мальта. 16 Ноября.

Я уже два дня въ Мальтѣ, живу въ хорошей гостинницѣ, «*Baker's hôtel*, на площади палатца Гроссмейстеровъ, обращеннаго въ настоящее время въ дворець Англійскаго губернатора, сэра Патрика Стюарта.... Погода стоитъ удивительная. Я сплю, открывъ все окна, а днемъ опускаю сторы и отправляюсь искать гдѣ-нибудь тѣни.

Въ городѣ содержитъ гарнизонъ Шотландскій полкъ, который ежедневно поднимаетъ подъ моими окнами страшную стукотню на барабанахъ, ни мало не уступающую оглушительной музыкѣ Гималайскихъ горцевъ.

Кауръ. 22 Декабря 1844 г.

Стѣитъ прекрасная погода; окрестности покрыты густой зеленью, какъ у насъ въ Іюнь; подъ тѣнью акацій и сикоморъ можно проѣхать верстъ пять по гладкой дорогѣ, въ каретѣ, или верхомъ на ослѣ, и добраться до Чубры, Вице-Королевскаго сада, наполненнаго розами, ананасами, померанцовыми и лимонными деревьями.

Днемъ приходится прятаться отъ солнца, а ночью снимать пальто. На два часа пути отсюда находятся большія пирамиды; ихъ видно изъ моего окна; онѣ поднимаются надъ первымъ планомъ картины, образуемымъ темною лужайкою Эбекіа (главное гулянье, на которомъ выстроены Турецкія кофейни); картина прорывъвается голубою лентою Нила. Съ другой стороны Каира тянется печальная, сухая пустыня, усыпанная гробницами Мамелюковъ и болѣе древними и вмѣстѣ съ тѣмъ красивыми памятниками: мавзолеями Калифовъ, съ легкими, тщательно отдѣланными минаретами. Далѣе виднѣется мѣсъ, странное явленіе въ пустынь. Съ третьей стороны зеленѣютъ обработанныя поля, отдѣленные и размежеванныя живыми плетнями кактусовъ и тѣнистыми аллеями акацій. Отсюда же виднѣнъ священный *сикоморъ*, подъ которымъ, по туземному преданію, отдыхала Пречистая Богоматерь; виднѣнъ также обелискъ, и это мѣсто называется *Гемопольсѣ*. По четвертой сторонѣ идутъ аллеи различныхъ деревьевъ и обломки древнихъ стѣнъ до самаго Нила; при концѣ находится подземная часовня, въ которой, по преданію, долгое время обитало Святое Семейство. Прилежащіе кварталы населены Коптами. Собственно Каиръ, т. е. новый городъ—темный и самый странный лабиринтъ, въ которомъ толпятся выходцы Аравіи, Абиссиніи, Голубаго и Бѣлаго Нила и всѣхъ оазисовъ пустыни. Улицы очень узки и извилисты; дома, выстроенные въ старомъ Арабскомъ вкусѣ и покрытые арабесками, до того высоки, что едва пропускаютъ дневной свѣтъ на улицы, гдѣ вѣчно господствуютъ таинственныя сумерки, одѣвающія полусвѣтомъ странныя городскія толпы. Тутъ увидишь и желтокожихъ Коптовъ, всѣхъ въ черномъ, и Бедуиновъ въ какихъ-то порыжѣвшихъ отъ солнца накидкахъ, и Арабовъ изъ Мекки, напоминающихъ мумій, въ желтыхъ и красныхъ чалмахъ, и черныхъ Нубійцевъ съ правильными чертами лица, въ бѣлыхъ и синихъ одеждахъ, и Эѳіопскихъ невольниковъ съ бронзовымъ цвѣтомъ кожи, съ странной прической, совершенно похожей на прическу древнихъ царей, изображенныхъ на фрескахъ Верхняго Египта.

Ото всей толпы резко отличаются суровые Варварійцы съ безпкойнымъ и мутнымъ взглядомъ, ведущіе за собою на рынокъ невольницъ, несчастныхъ дѣвушекъ, украденныхъ изъ родительскаго дома: Абиссинянокъ, Галлатокъ и Негритянокъ. Сырѣя лохмотья едва прикрываютъ ихъ стройное, красивое тѣло; взглядъ ихъ такъ глубокъ и такъ печаленъ, что трудно дать объ немъ понятіе 'Европейцамъ. Бѣдняжки прошли горячія пустыни до Ассуана или Сіута, а оттуда приплыли въ Каиръ по Нилу. Половина изъ нихъ обыкновенно умираетъ въ дорогѣ отъ усталости и лишеній; а мужская половина этого людскаго стада выдерживаетъ жестокую операцію, которая губитъ двѣ трети и набиваетъ непомерную цѣну на остальную треть. Операціи совершаются обыкновенно въ прибрежныхъ селеніяхъ, въ окрестностяхъ Сіута и Гергеса. Цѣлыя сотни несчастныхъ осьмильтнихъ мальчиковъ бросаются въ яму, гдѣ ихъ увѣчатъ и зарываютъ по поясъ въ землю, до тѣхъ поръ, пока не заживетъ рана. Вся эта уличная толпа пронизывается длинною вереницей верблюдовъ, идущихъ съ товарами изъ внутренней Африки и Аравіи. Нѣсколько чиновниковъ Вице-Короля, на прекрасныхъ Арабскихъ коняхъ, давятъ кого ни попадо; нѣсколько уродливыхъ евнуховъ, за которыми, верхомъ на ослахъ, слѣдуютъ замаскированныя женщины, продираются сквозь толпу. Женщины, съ ногъ до головы закутанныя въ черныя или бѣлыя покрывала, кажутся какими-то призраками; иногда передъ ними вмѣсто евнуховъ ѣдетъ на бѣломъ мулѣ, овьюченномъ краснымъ чапракомъ, *иманъ* съ бѣлой бородой, въ зеленой чалмѣ и въ бѣлой, шитой золотомъ, одеждѣ, которая называется *махла* или *абии*. Эта процессія значитъ, что святой мужъ ведетъ свой гаремъ въ баню. Я кое-какъ пробиваюсь въ этой давкѣ на осла; передо мною бѣжитъ, очищая мнѣ дорогу, шестилѣтній Арабченокъ съ палкой въ рукѣ, и кричитъ во все горло на встрѣчныхъ и поперечныхъ. Вырвавшись изъ тѣсноты, я въѣзжаю въ пустыя улицы, проезжаю мимо огромныхъ мечетей, сложенныхъ изъ рѣзнаго камня въ первые вѣка магометанства, и достигаю нако-

нецъ темнаго пальмоваго лѣса. Пальмы еще покрыты финиками, которые спускаются красноватыми, прозрачными гроздами. Отпускаю осла погулять, а самъ сажусь на траву, подъ тѣнь широкаго дерева, на берегу ручья. Старый садовникъ приноситъ мнѣ нѣсколько пригоршней финиковъ; другой садовникъ приноситъ мнѣ пучокъ розъ и жасминовъ: третій подноситъ глиняную бутылку свѣжей померанцевой воды, я все это принимаю и закуриваю трубку.

Канди, Цейланъ. 10 Марта 1845.

Я совсѣмъ было приготовился отправиться въ Бомбэй, и потому не смѣлъ отлучиться изъ Коломбо; но такъ какъ всѣ на свѣтъ стали увѣрять меня, что прежде мѣсяца или шести недѣль не подойдетъ ни одного парохода, и что мнѣ очень можно погулять по высотамъ Цейлана и быть увѣдомленнымъ во время о приходѣ парохода, я повѣрилъ на слово, и, подгоняемый страшной Коломбской жарою, отправился на гору *Ниура-Эмгил*. Только успѣлъ я на нее взобраться, какъ къ Коломбо присталъ пароходъ и въ ту же минуту отправился въ Бомбэй: мнѣ осталось только пожелать ему съ вершины моей горы счастливаго пути.

Чтобы какъ-нибудь размыкать мое горе, я тотчасъ же спустился внизъ, прибылъ въ Канди и засталъ все Англійское общество наготовѣ отправиться верстъ за пятьдесятъ, въ лѣса *Карнигалл*, на ловлю слоновъ. Англичане подманили и меня: сѣлъ я на лошадь и, послѣ утомительныхъ переездовъ и многодневнаго проживанія въ наскоро-устроенныхъ шалашахъ, среди невыносимой духоты тропическаго лѣса, сплюснаго какъ стѣна, увидалъ наконецъ, или правильнѣе сказать — услыхалъ стадо дикихъ слоновъ, окруженное и гонимое цѣлою тысячею Чингаловъ. Вооруженные факелами и копьями, Чингалы гнали слоновъ къ нарочно-устроенной на сей конецъ загородѣ, подъ которой для меня и Англичанъ повѣсили на толстомъ-претолстомъ деревѣ, что-то въ родѣ кляткн. Шелестъ листьевъ, трескъ вѣтвей

и побѣдные крики Чингаловъ возвѣстили мнѣ рѣшительную минуту. На другой день утромъ я опять забрался въ мою бамбуковую кѣтку и увидалъ штукъ сорокъ слоновъ, загнанныхъ въ загороду и сбившихся въ кучу: въ числѣ старыхъ, огромныхъ слоновъ были три маленькіе слоненка, которые жались къ слонихамъ. Самые отважные изъ Чингаловъ вѣхали въ загороду, по туземному *краль*, на четырехъ одомашненныхъ слонахъ, и начали пугать дикихъ слоновъ грозными криками. Имъ удалось отбить отъ стада одного слона, накинуть ему на ногу арканъ и привязать къ толстому дереву. Тутъ и началась потѣха: бѣднякъ дѣлалъ немовѣрные и пресмѣшныя усилія и ревелъ во все горло; его сотоварищи приблизились было къ нему съ намѣреніемъ освободить, но Чингалы и ручные слоны отразили ихъ нападеніе, одни — криками и копьями, а другіе клыками. Связаннаго плѣнника потащили съ торжествомъ, и всю дорогу четверня домашнихъ слоновъ подгоняла его хоботами и клыками.

Наконецъ духота этого влажнаго лѣса начала мнѣ надоедать, и я отправился въ Канди. Полагаю, что пройдетъ довольно времени, пока переловятъ и перевяжутъ остальныхъ. Впрочемъ, если бы у меня было побольше досуга и терпѣнія, я бы еще немножко пробылъ въ *краль*, потому что эта слоновая охота очень занимательна. Притомъ еще одна бѣда: на низменныхъ частяхъ Цейлана, покрытыхъ мощной растительностью, постоянно свирѣпствуетъ лихорадка, тѣмъ болѣе, что въ гущу лѣсовъ спертый воздухъ всегда наполненъ вредными испареніями отъ гниющихъ деревьевъ. *Краль* — квадратное пространство въ четверть версты, обнесенное крѣпкимъ частоколомъ изъ чернаго и другихъ деревьевъ. Какъ только загнали дикихъ слоновъ, весь *краль* былъ окруженъ копьями, факелами и огромными кострами: иначе слоны выворотили бы весь частоколъ. Но едва собирались они дѣлать нападеніе, какъ тотчасъ же обращались въ постыдное бѣгство, запуганные огнемъ, страшными криками и длинными бѣлыми копьями.

Я прибылъ въ Канди и попалъ какъ разъ на религиозное торжество: изъ-подъ золотыхъ колпаковъ и парчевыхъ покрововъ вынимали и показывали Сіамскимъ бонзамъ святыню Буддизма — зубъ самого Будды, черный, полусгнившій и крючковатый. Лордъ Э...., съ которымъ я стоялъ подлѣ самага жертвенника пагоды, хотѣлъ было разсмотреть поближе священный зубъ и протянулъ руку къ золотой коробочкѣ, въ которой находилась эта святыня, однако Чингальскіе и Сіамскіе бонзы пришли въ неописанный ужасъ. Буддисты очень снисходительны, но поступокъ Лорда Э.... былъ уже изъ рукъ вонъ. Бонзы тотчасъ же схватили коробочку и умѣстили ее на священный цвѣтокъ лотоса, вылитый изъ золота: такимъ образомъ можно было и видѣть зубъ, и поклоняться ему.

Завтра я отправляюсь въ Коломбо на берегъ моря, и поймаю на лету первый корабль, отплывающій въ Бомбэй. Пароходъ я пропустилъ и долженъ поплатиться за это несноснымъ двадцати-дневнымъ переездомъ, а на пароходъ я доѣхалъ бы дней въ шесть. Недавно съ Францискомъ былъ сильный ударъ, вѣроятно приключившійся отъ страшной духоты, отъ сангвиническаго сложенія, а болѣе всего отъ недостатка движенія. Впрочемъ въ Коломбо всякое тѣлесное упражненіе позволительно только ночью, а Франциску должно быть не хотѣлось бѣгать по ночамъ, и вотъ онъ чуть было и не умеръ, но къ счастью, ему во время успѣли пустить кровь, накомили нѣсколькими приѣмами какого-то вновь изобрѣтеннаго масла, называемаго «*scuten*,» и поставили на ноги. Дай Богъ, чтобы онъ этимъ отдѣался.

Коломбо. 11 Марта.

Я пріѣхалъ сюда въ дилижансѣ и сдѣлалъ сто верстъ въ нѣсколько часовъ. Мнѣ сказали, что дня черезъ три отправится отсюда въ Бомбэй корабль и въ дорогъ пробудетъ дней двадцать. Дѣлать было нечего, и я утѣшился тѣмъ,

что корабль идетъ изъ Новой Голландіи, страны довольно холодной, и стало быть въ немъ не такъ много кокромковъ.*

12 Марта.

Навель справки и оказалось, что — къ крайнему моему горю — корабль не отходить въ Бомбэй. Теперь я просто съѣзъ на мель и, какъ говорятъ Французы, *le bec dans l'eau*.

31 Марта.

Благодаря моимъ распоряженіямъ, хотя и неизбѣжнымъ, я все еще отъ тебя не имѣю никакого извѣстія. За то есть одна утѣшительная новость: сегодня наконецъ отходить маленькій пароходъ въ Бомбэй. Не ожидалъ я этого счастья и рѣшился было свѣсть на какой-то плохой корабль, который, по словамъ самого капитана, проплыветъ цѣлый мѣсяцъ и обладаетъ значительнымъ количествомъ кокромковъ. Мой маленький пароходъ пробудетъ въ дорогѣ не болѣе осьми дней, по прошествіи которыхъ, я, безъ всякаго сомнѣнія, получу твои письма и деньги.

Гайдрабадъ, столица Низама.

2 Юля 1845.

Вчера я ходилъ съ полковникомъ Макдональдомъ осматривать потаенные сады Низама. При входѣ намъ отдалъ честь рядъ молодыхъ солдатъ въ красныхъ мундирахъ, подъ звуки барабановъ и флейтъ. Необычайная молодость и нежные лица солдатъ обратили на себя мое вниманіе. Вообрази же мое удивленіе, когда я узналъ, что это — женщины: набранъ цѣлый полкъ амазонокъ и этому полку включительно предоставлено охраненіе гарема Раджи. Съ удвоеннымъ любопытствомъ оглядѣлъ я этотъ взводъ Орлеанскихъ дѣвственницъ. На нихъ были красные кивера съ золотыми галунами

---

* Я жестоко ошибся: въ дорогѣ этотъ корабль пробылъ цѣлыхъ шестьдесятъ дней, а кокромковъ на немъ были миллионы.

и съ зеленымъ султаномъ; изъ-подъ киверовъ виднѣлись чудныя, черныя косы, свернутыя въ бантъ, и желтоватыя, правильныя личики, нѣсколько приплюснутыя и обличавшія Монгольское племя. Стройный ихъ станъ рисовался подъ краснымъ мундиромъ, перекрещенный на груди бѣлою португеей; панталоны на дѣвушкахъ-солдатахъ были зеленые, а на голыхъ ихъ ножкахъ были надѣты шитыя туфли, которыя онѣ обыкновенно скидаютъ въ комнатахъ. Вооружены онѣ были ружьями со штыками. Если бы не косы и замѣтно-развитая грудь, ихъ всякій принялъ бы за очень молодыхъ солдатъ. Я выпросилъ у перваго Низамскаго министра позволеніе срисовать этихъ амазонокъ, и министръ былъ такъ обязателенъ, что пригналъ ихъ дюжины съ двѣ на одинъ изъ многочисленныхъ дворовъ своего обширнаго дворца. Тамъ онѣ сначала исполнили кругомъ фонтана нѣсколько маневровъ, а потомъ я срисовалъ ихъ наскоро, но очень вѣрно: даже лица вышли похожи. Министръ простеръ свою любезность до того, что повелѣлъ предстать предъ мои свѣтлыя очи всѣмъ мусульманскимъ и Индійскимъ плясуньямъ, всѣмъ наемнымъ солдатамъ-Арабамъ, и позволилъ мнѣ срисовывать этотъ народъ, сколько было душъ угодно. Живу я въ великолѣпномъ дворцѣ Резидента, Генерала Фразера.

МОСКВИТЯНИНЪ.

1850.

№ 12.

Июнь.

Кн. 2.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПОЭЗІЯ И ПРОЗА ЖИЗНИ.

ДНЕВНИКЪ ДѢВУШКИ.

ГЛАВА V.

ПРОБУЖДЕНЬЕ СЕРДЦА.

Charmes de l'amour... qui pourrait vous peindre?... Cette persuasion, que nous avons trouvé l'être que la nature prédestinait pour nous; ce jour subit, répandu sur la vie, et qui nous semble en expliquer les mystères; cette valeur inconnue, attachée aux moindres circonstances, ces heures rapides, dont tous les détails échappent au souvenir par leur douceur même, et qui ne laissent dans notre âme qu'une longue trace de bonheur; cette gaieté folâtre, qui se mêle quelquefois à un attendrissement habituel; tant de plaisir dans la présence, et dans l'absence tant d'espérance; ce détachement de tous les soins vulgaires, cette supériorité sur tout ce qui nous entoure, cette certitude que désormais le monde ne peut nous atteindre où nous vivons; cette intelligence qui devine chaque pensée, et qui répond à chaque émotion... charmes de l'amour, qui vous éprouve ne saurait vous atteindre!!...

(Adolphe, par Benjamin Constant.)

I.

«Ты лишь вошла, я жизнь узнала,....
«Вся обомлела, затлала,
«И сердце моемо: вотъ онъ!....

(Письмо Татьяны.)

1-е Января, 18....

Есть въ жизни дни, минуты роковыя....
Всё въ нихъ идетъ не чередой обычной,
Но страннымъ, сверхъ-естественнымъ порядкомъ ;
Мы сами, будто подъ влияниемъ рока,
Внушениямъ должны повиноваться,
Предчувствиямъ увлечены, и грезимъ
Волнующія грезы на яву.
Какъ будто не случается тогда,
А все сбывается для насъ и оъ нами....

Вчера, чтобъ проводить годъ мимовавшій,
И весело годъ новый встрѣтить, — мнѣ
У Мѣховскихъ былъ приготовленъ праздникъ:
На званый вечеръ собрали они
Мои хъ ровесницъ вѣсколько — дѣвицъ
Еще не свѣтскихъ, — и родню Елены,
Кузинъ, племянницъ, тетусекъ.... (Кому
Богъ не далъ племени, когда справлять
Придется именины или праздникъ?....)
И хоть неловко мнѣ и дѣко было,
Сначала, межъ чужихъ и незнакомыхъ,
Однако, скоро общій говоръ, смѣхъ
И болтовня, мнѣ голову вскружили,
И весело мнѣ стало.... Безъ тревоги,
Но радостью мнѣ новой сердце билось,
И было мнѣ покойно, хорошо,
Легко....

А между тѣмъ, часы летѣли....

Затѣмъ Елена оживляла
 Весь вечеръ. Прочитавши громко намъ
 Жуковского прелестную Святлану,
 Она осуществить хотѣла игры
 Народной старинны и русскихъ святокъ:
 Возобновить дѣвическихъ гаданій
 Забытый, но пѣвнательный обрядъ.
 Вотъ принесли пугливую наждаку,
 И передъ ней, среди зеркальной залы,
 Всѣ, сколько насъ ни было, мы сложили
 По кучкѣ крупъ, и каждая тайкомъ, —
 Задумавши о чемъ нибудь желанномъ, —
 Вопросъ урочный свой судьбѣ шеннула.
 Мнѣ, не о чемъ, и нечего спросить
 Мнѣ было, бѣдной! — *ждать...., желать...., таить....*
 Все это мнѣ невнятно, недоступно!....
 Пшеничный дождь межъ рукъ моихъ струился,
 А мысль моя нѣмѣла.... Но потомъ
 Мы приступили къ новой ворожбѣ:
 Китайская фарфоровая ваза
 Явилась на столѣ, — и, какъ въ балладѣ,
*«Въ чашу съ чистой водой
 «Клади перстень золотой
 «Серьги изумрудны;
 «Разстлалами бѣлый платъ,
 «И надъ чашей пѣли съ ладъ
 «Пѣсенки подблюдны.»*

Такъ и у насъ: посыпалися кольца
 Съ лилейныхъ ручекъ, съ рукъ закрытыхъ крѣпко
 Перчаткой щегольской.... Но пѣсни пѣть
 Мы, дочери взыскательнаго вѣка,
 Ппотомцы гостинныхъ, не могли,
 И позвали кормилицу изъ дѣтской,
 Да горничныхъ изъ дѣвичей. Онѣ
 Поочередно намъ изъ старой книги
 Всѣ святочныя пѣсни пѣли хоромъ,
 Не стройнымъ, но веселымъ, вынимая
 Изъ вазы по кольцу, какъ попадалось,

И на удачу. — Лишь рука моя
 Была безъ всякихъ колець. Но Елена
 Замѣтила — и приказала Нинѣ
 (Своей малюткѣ-дочери) скорѣй
 Съ уборнаго стола ей мнѣ перстень
 Какой нибудь достать. — Дитя со смѣхомъ-
 Отправилось — со смѣхомъ возвратилось,
 И бросило поспѣшно мой залогъ
 Къ другимъ залогамъ.... Жребій до меня
 Коснулся наконецъ, — не помню словъ
 Мнѣ выпавшей на долю вѣщей пѣсни,
 Но только, — мнѣ они сулили *свадьбу*,
 И *женуха!* — Елена хохотала,
 А я краснѣла.... Маленькая Нина
 Взяла кольцо отъ двушекъ. — Его
 Увидѣла Елена.... крикъ невольный
 И изумленный вырвался. Напрасно
 Отъ дочери она хотѣла знать,
 Какъ въ руки ей и на глаза попало
 Завѣтное, запретное кольцо,
 Хранимое въ шкатулкѣ сокровенной,
 И подъ замкомъ? Малютка увѣрала,
 Что на столѣ взяла его въ потьмахъ.
 А мать ея не вѣрила, дивилась,
 Сомнительно качала головой,
 И на меня смотрѣла долгимъ взоромъ,
 Тайнственно и странно — я смутилась,
 Я добрую Елену умоляла
 Не мучить душу мнѣ недоумѣньемъ....
 И вотъ — я узнаю, что перстень тотъ
 Принадлежитъ не ей самой, а брату
 Ея — и подаренъ когда то былъ
 Обманчиво-блестательнымъ залогомъ
 Обманчивой любви.... съ тѣхъ поръ, у ней
 Хранится этотъ даръ разуверенья, —
 Намъной оскверненный талисманъ....
 Ключъ отъ него не покидалъ Елены:
 Непостижимъ, невѣроятенъ случай,
 Открывшій вдругъ нечаянно его,
 И впутавшій его въ гаданья наши...

И я дивилась, молча... Что судьба
 Вдруг вздумалось играть со мной, пугать,
 И возмущать меня чудесной тайной?...
 Межъ тѣмъ, трехцвѣтный воскъ былъ принесенъ,
 Сплетенъ въ кресты, растопленъ надъ огнемъ,
 Подъ шепотомъ волшебныхъ заклинаній;
 И каждый изъ гадающихъ потомъ,
 Спокойною, иль трепетной рукою,
 Смотри по лѣтамъ, иль по ожиданьямъ,
 Въ блестящій снѣгъ поспѣшно выливалъ
 Кипящій и шумящій воскъ.... И странно,
 И прихотливо тамъ онъ остывалъ,
 Узорами, фигурами, безъ счета.
 И вотъ, одна изъ тетушекъ Елены,
 Большая въ этомъ дѣлѣ мастерица, —
 Надвѣвъ очки, брала и подносила
 Къ стѣнѣ на тѣнь всѣ слитки, разбирая,
 Толкуя и показывая намъ
 То очерки капризныхъ силуетовъ,
 То ихъ значеніе и смыслъ.... Отъ ней
 Узнали мы кому и что пророчилъ
 Таинственно-неясный образъ ихъ:
 Дорогу ли?.... богатство ли?.... вѣнецъ,
 Иль ранній гробъ и скорбную утрату?
 И слушательницъ глаза и лица
 То оживлялись радостью стыдливой,
 То грустно потухали, получивъ
 Свой приговоръ, очастливый иль печальный. —
 Я подошла съ своимъ нестройнымъ слиткомъ,
 И съ сердцемъ безмятежнымъ: — Боже мой!
 Я узнаю, что вылился мнѣ всадникъ, —
 На гордомъ скакунѣ — въ плащѣ военномъ
 Съ разметаннымъ султаномъ надъ челомъ....
 И наконецъ, съ колодой картъ въ рукѣ,
 Ворожея явилася межъ нами.
 Я не хотѣла спрашивать ее, —
 Но какъ-то невзначай уговорили
 Меня другія — и примѣръ увлекъ:
 Я тоже подошла: оракуль мнѣ

Предвозвѣстить желаній исполненье,
 Я гостя, мною жданнаго, возвратъ.
 Я тщетно увѣряла, что желать
 Мнѣ нечего, и не кого мнѣ ждать...
 Никто не вѣрилъ мнѣ! Сама Елена
 Лукаво улыбалась, говорила
 Три пророчанья мнѣ, всѣ три примѣты,
 Которыя единогласно мнѣ
 Сулили тоже самое.

И что ждѣ?

Я начала бояться и робѣть,
 И вспомнилось мнѣ тотчасъ про *Макбета*,
 Гадавшего безумно.... Надо мной,
 Какъ надъ Кодорскимъ Таномъ, раздавался
 Или мечтался мнѣ злобщій гдось,
 Онъ говорилъ: «Не вызывай судьбы!» —

И кончились гаданья, игры, смѣхи.
 За ужинъ сѣли. — Полночь приближалась,
 И всѣ за ходомъ стрѣлки часовой
 Внимательно слѣдили, — ожидали
 Завѣтный, первый бой, — чтобъ встрѣтить шумно,
 Торжественно и весело минуту,
 Которая, какъ рѣзкая черта,
 Такъ быстро отдѣляетъ годъ отъ года,
 Что незамѣтенъ общій переходъ
 Отъ прожитаго къ будущему. — Вотъ
 Забилъ и загудѣлъ завѣтный звонъ, —
 И подали шампанское. — Всѣ встали;
 Всѣ обнимать пошли родныхъ и ближнихъ,
 Отцевъ и матерей.... А я осталась,
 Недвижна на своемъ недвижномъ мѣстѣ....
 И ужъ сравненье въ душу мнѣ тѣснилось
 Тяжелой мыслью.... ужъ слеза дрожала
 На трепетной рѣсницѣ — но, внезапно,
 Тревогой общей мой увлекся умъ. —
 Раздался въ домъ шумъ: бѣгутъ, кричатъ,
 Все суетится, — входитъ гость, пріѣзжій...
 Хотъ неожиданный, — встрѣчаемый съ восторгомъ,

И вотъ ужъ онъ Елену обнимаетъ, —
 И вотъ она съ улыбкой и въ слезахъ,
 На шеѣ у него.... «Владимиръ! братъ!»
 Она вскричала съ радостнымъ испугомъ, —
 И снова начались обниманья,
 Разпросы, клики.... Послѣ обошелъ
 Онъ тетюшекъ, кузинъ, друзей домашнихъ....
 Мнѣ стало такъ неловко.... я одна
 Была ему чужая, я хотѣла
 Незримо ускользнуть, — уйти, уѣхать
 Черезъ столовую, съ Еленой не простясь, —
 Но въ тотъ же самый мигъ передо мной
 Елена вмѣстѣ съ братомъ очутилась,
 И стала насъ знакомить.... Не нашла
 Ни слова я въ отвѣтъ его привѣтствъ, —
 Ваглянуть едва рѣшилась на него,
 И вдругъ, я вижу, онъ, остолбенѣвъ,
 Глядитъ мнѣ на руку, смущеннымъ взоромъ ..
 Тутъ, потерялась я! — я поняла,
 Что онъ *свое* кольцо на мнѣ узналъ; —
 Какъ воръ краснѣла я; до дурноты
 Кружилась голова моя....

Потомъ

Не помню я, не видѣла, что было,
 Какъ кончился чудесный этотъ вечеръ, —
 Какъ разошлись, какъ отвезли меня!
 Я дома, — я одна! Спать не могу, —
 И будто въ лихорадкѣ, все дрожу я....

II.

Who fears, — must deeply feel!....
Lady Stuart-Wortley

3-е Января 18....

Елена ждетъ меня къ обѣду.... Не поѣду!
 Боюсь я встрѣтить новое лицо,
 Увидѣть незнакомаго. — Не ловко
 Мнѣ между братомъ и сестрой вмѣшаться, —

Ихъ и себя связать молчаньемъ, окукой
 И принужденьею.... Нѣтъ! пускай они
 Насмотрятся себя, наговорятся,
 Вновь обживутся вмѣстѣ, — и тогда
 Я появлюсь, безъ страха быть докучной!....
 И что теперь во мнѣ Еленѣ милой
 И счастливой?... При ней ея Владимиръ,
 Ея кумиръ.... Моя же дружба ей,
 Смиренная и дѣтская, зачѣмъ?....
 Я чувствую, что наши отношенья
 Пріязнѣй братъ измѣнить.... Боже мой!
 Мнѣ кажется — завидно стало мнѣ,
 Что не меня одну Елена любить,
 Что въ ихъ союзѣ кровномъ я чужая....
 Мнѣ кажется Елену я ревную!
 Ревную къ брату?....

Нѣтъ! глупа, больна,
 Капризна я, и только! я боюсь
 Съ Владимирою знакомиться, встрѣчаться,
 Я знаю напередъ, что для него
 И слишкомъ молода я, и ничтожна,
 Что онъ уменъ, и важенъ, и угрюмъ,
 Что, передъ нимъ, я вѣрно оробѣю,
 Я вотъ зачѣмъ я вѣхать не хочу,
 Я не поѣду!....

III.

*Je n'ai pu lui parler.... j'agissais dans la fièvre,
 Mon ame à chaque mot arrivait sur ma lèvre....
 Alfred de Musset: A quel point les jeunes filles.*

8-10 Января 18....

Принудили меня къ свиданью съ нимъ,
 Съ пріязнѣмъ этимъ.... Увели меня
 Насильно, безъ оглядки.... Были гости
 У Мѣховскихъ; — шель общій разговоръ
 Про важныя дѣла, — науки, книги,
 Политику; меня не замѣчали:

По счастью! Притаюсь, когда я слушать,
 И наблюдать. Владимиръ говорить,
 Какъ пишутъ прочіе — краснорѣчиво,
 Свободно, сильно, ясно, — но безъ страсти
 И безъ восторга. Видно, онъ читалъ
 И думалъ очень много, и привыкъ
 Всегда лишь только думать.... *Не такимъ*
 Себя его я представлять любила.

И не похожъ нисколько онъ на образъ,
 Который, какъ-то чудно, самъ собой,
 Въ умъ моемъ нарисовался прежде
 Подъ именемъ его. — Онъ такъ великъ,
 Онъ такъ высокъ, что я его не вижу,
 Когда стоимъ мы оба. Не хорошъ
 И не красивъ онъ, — блѣдное лицо
 Подернуто не думой вдохновенной,
 А скукой вялою; глаза погашены,
 Какъ пламя догорѣлое, — лишь голось
 И выговоръ его полны и жидки,
 И выраженья томнаго — какъ будто
 Отъ музыки замолкшей слышно въ нихъ
 Тревожное и сладостное эхо!

И, слушая его издалека,
 Мнѣ точно плакать и смѣяться вмѣстѣ
 Хотѣлось, отъ избытка чувствъ смятенныхъ.
 Елена насъ знакомила, — но тщетно!
 Мнѣ страшно съ нимъ, теряюсь и молчу;
 А онъ, — онъ на меня конечно смотритъ,
 Какъ на ребенка глупаго: ему
 И смучно, и неловко предо мною,
 Мы оба лишь молчали....

О мечта!

Такъ что жъ ты мнѣ, коварная, сулила?....
 Зачѣмъ же я ждала, какъ откровенья,
 Чего-то лучшаго, чего-то выше
 Явленія неполнаго, въ комъ умъ
 Не узнаетъ, и сердце не признаетъ
 Ласкаемый заранѣ идеаль?....

IV.

*Le temps, pour consoler l'homme qui souffre et pleure,
Au sable qui s'écoule et nous mesure l'heure,
Mêle parfois quelques grains d'or.*

(*Amis Ségales*)

10-е Февраля 18....

Настали дни всеобщаго волненья,
Шумъ масляницы новой начался,
И тѣмъ-то праздничнымъ самъ воздухъ полнѣ!....
Какъ праздники несносны, нестерпимы,....
Тому, кто въ нихъ участя не беретъ!
Разстроена жизнь мирная моя,
И въ эти дни, — когда и свѣтъ и городъ
Безумною тревогою веселья
Упоены, — когда вокругъ меня,
Вблизи, вдали, на улицахъ, въ гостиныхъ
Все шумно, все спѣшить за наслажденьемъ,
Все гонится, волнуясь, — въ эти дни,
Я вдвое одинока, я одна!!
У Столбныхъ не домъ — а кутерьма!
Приѣмъ, обѣды, выезды и балы,
И маскарады всѣхъ ихъ поглотили.
Княжна еще худѣетъ — быть должно
Отъ усталы и хлопотъ напряженныхъ,
Чтобъ нравиться нарядами своими,
Когда не красотой, давнымъ давно,
Зачясленной въ *безсрогный отпускъ*
(О ней, на дняхъ, за что-то разсердившись,
Такъ выразилась шопотомъ Алнна,
При молодой княгинѣ — и съ тѣхъ поръ
Весь домъ твердитъ удачную насмѣшку.)
Княгиня карты бросила, забыла
Браниться и ворчать. — Княгиня Софья
Спать цѣлый день, чтобъ къ вечеру ожить,
И, бабочкой блестящею и свѣжей,
Вдругъ выпорхнуть, и прямо изъ уборной

На балъ умчаться. — Сестры, безъ уроковъ,
 И безъ учителей, рѣзаться въ залахъ,
 Съ утра играть и бѣгать отпрапляясь.
Madame-Dupré, къ обѣднѣ завернувъ,
 Къ знакомымъ на весь день изволить чинно
 Въ пестрѣйшей шали, въ блондовомъ чепцѣ
 Переселаться.... Даже безъ ключей
 Матрена Львовна бродить, запыхавшись,
 И забываетъ чай намъ отпускать, —
 И некогда болтать ей — и безъ сказокъ
 Она уже встрѣчается со мной. —
 У Мѣховскихъ — все гости, — все обѣды,
 По вечерамъ Елены дома нѣтъ.
 Не видимся почти мы. Ахъ! какъ скучно!....

Вчера, однако, вспомнилось ей
 О бѣдной Зинѣ, грустной и безродной, —
 Она за мной прислала. Мы болтали,
 И я повеселѣла! — Но она
 Была звана на чей-то балъ огромный,
 И вотъ, почти въ тотъ часъ, когда ложимся
 Въ другіе дни, — она пошла рдаться
 И я за ней! Соіфеуг ужъ ожидалъ, —
 И мнѣ пришлось, новой Сандрильонѣ,
 Какъ нѣкогда золушкѣ той смиренной,
 Смотрѣть изъ за угла на эти сборы
 Красавицы на торжество. Но въ сказкѣ
 Смиреница награждена была
 Волшебницей за долгое терпѣнье; —
 А въ наше время, — нѣтъ заступницъ-фей,
 Нѣтъ крестныхъ маменекъ, съ жезломъ всевластнымъ,
 И съ тыквами-каретами!.... И фея
 Блаженной памяти, лишь понапрасну
 Манить и дразнить легковѣрный умъ,
 Не исполняя прихоти дѣвичей!
 И такъ, глядѣла я, какъ наряжалась
 Моя Елена, — какъ къ лицу ей былъ
 Румянецъ удовольствія живаго, —
 Какъ радостно она приготовлялась

Къ веселіямъ запретнымъ для меня!
 Я видѣла и кружева, и дымки,
 И розовый вѣнокъ, — и волны лентъ
 Прозрачно-шелковистыхъ — и брильянты,
 И чудный блескъ каменье въ дорогахъ,
 И все, что тѣшить взоръ счастливицъ свѣтскихъ,
 Что щеголихъ, и краше и милѣе,
 Поклонамъ и успѣхамъ выставляеть,
 И, малодушной — больно стало мнѣ!
 Не зависть, — нѣтъ! опять, опять сравненья
 Моей судьбы и доли съ долей лучшей
 Смутило душу мнѣ! Хотѣла я
 Скрыть слабости минутной наважденье,
 Не удалось! Тоска меня душила
 Предательски мнѣ слезы измѣняли!....
 Я вышла изъ уборной раздушенной
 Въ Еленинъ кабинетъ....

Тутъ былъ Владиміръ....

Онъ подошелъ, онъ увидалъ меня;
 Въ заплаканныхъ глазахъ моихъ, конечно,
 Прочелъ онъ тайну дѣтскую.... Какъ стыдно,
 Какъ горько было мнѣ! какъ я боллась,
 Что станеть онъ смѣяться надо мной,
 Съ двойнымъ немплосердіемъ мужчины
 И нелюдима! Важный видъ его
 И блѣдное лице, и долгій взоръ,
 И ростъ высокій, безъ того, смущаютъ
 Меня невыразимо.

Нѣтъ! напрасно!

Владиміръ былъ участія полнъ, — и мнѣ,
 Отъ голоса отраднанаго, отъ рѣчи
 Его разумной, вдругъ легко и мирно
 На сердцаъ стало. Онъ, онъ, безъ распросовъ,
 Самъ угадавъ причину слезъ моихъ.
 И спасъ мнѣ стыдъ признаться въ дѣтскомъ горѣ.
 Онъ повялъ блажь неопытной мечты,
 Порывъ моихъ желаній любопытныхъ;
 Онъ снисходилъ къ припадку суеты,

И въ будущемъ сулилъ мнѣ утѣшенье,
 Всѣ чары свѣта, блескъ и шумъ его,
 И то, что онъ *успѣхомъ* называлъ....
 (Какой успѣхъ?.... что значить это слово?
 И въ чемъ мнѣ *успѣвать*, когда ни цѣли,
 Ни притазаній нѣтъ въ моихъ мечтахъ,
 Прослѣжихъ только радости и жизни?....)
 Онъ говорилъ еще, — а я краснѣла —
 Что будто хороша я и умна....
 Онъ въ первый разъ, казалось, удостоилъ
 Меня своимъ осмотромъ.... Наконецъ
 Дичиться перестала я его,
 Разговорила съ нимъ — хотѣлось мнѣ,
 Въ глазахъ его, быть чѣмъ-нибудь другимъ,
 Чѣмъ жалкою, безумною вертушкой,
 И показать, что мнѣ доступно въ жизни
 Иное назначенье. — Скоро я
 Забыла совершенно, что на свѣтѣ
 Есть балы, праздники, увеселенья, —
 Я слушала его.... я отъѣчала....
 Куда дѣвались страхъ, неловкость, робость?....
 И вдругъ, когда Елена къ намъ вошла,
 Готовая, блестящая, — когда
 Мнѣ должно было бросить разговоръ,
 Чтобъ съ нею ѣхать до дома, — я встала,
 Я распростилась съ нимъ — и лишь тогда
 Мнѣ вспомнилось, съ какой свободой странной
 И безотчетной, рѣчь и мысль моя
 Вдругъ вылились предъ нимъ — предъ человѣкомъ
 Столь важнымъ и степеннымъ, — столь мнѣ страшнымъ
 До той поры.... Не вѣрился мнѣ,
 Что сблизилась я вдругъ, почти незаметно
 Съ Владимиромъ.... съ тѣмъ самымъ, кто могъ быть
 Достоинства и мысли воплощеньемъ, —
 Съ тѣмъ самымъ, кто пугалъ меня, кому
 Дивилась я въ почтеннѣйшемъ, —
 Кому за осемь дней, — за часъ еще,
 Я вымолвить полслова не рѣшилась....
 Но онъ такъ добръ! Зачѣмъ его бояться?

V.

O gioia, che si sente, a non si dice!

(Lucia)

10-го Февраля 18...

Владимиръ захотѣлъ меня утѣшить
 Отъ заключенья долгаго: — сестрѣ
 Привезъ онъ неожиданно билетъ
 На ложу въ утренній спектакль, съ условьемъ,
 Что и меня возьмутъ они съ собой.
 Согласіе Книгини, и — что было
 Сто разъ труднѣй! — согласіе Книжны
 Испрошено: захвали за мною,
 И скоро мы всѣ трое помѣстились
 Въ просторной ложѣ... Мнѣ, отъ непривычки,
 И прямо со свѣта дневнаго, было
 Сначала такъ темно, — что ничего
 Ни разглядѣть, ни различить, ни въ залѣ,
 Ни на театрѣ, мнѣ не удавалось.
 (А солнце, какъ варочно, въ этотъ день
 Проснулось въ добромъ духѣ, и безъ сплина,
 Что рѣдко съ нимъ бываетъ въ Петербургѣ!)
 Потомъ, мой взоръ блуждалъ по моднымъ ложаамъ
 И по рядамъ тѣхъ креселъ, гдѣ спѣсиво,
 Лѣниво и небрежно помѣщались
 Весь знатный кругъ, все барство. Я хотѣла
 Хоть вскользь увидѣть общество и свѣтъ.
 Но я вотще искала, — не встрѣчалась
 Мнѣ типы думъ моихъ, — мелькали шляпки,
 Уборы вкуса строгаго, — внизу
 Мундиры, ордена, кресты, — но лица
 Безличностью одною отличались.
 На сценѣ шелъ балетъ. Прекрасны танцы,
 Когда они, какъ будто выраженіе
 Иащества, поэзіи и силы,
 И жизни молодой, въ прелестной формѣ
 Красавицы воздушной.... Подъ аккордъ

Гармоніи, въ тревожномъ увлеченіи,
 И вся порывъ, и вся огонь и мощь,
 Пусть легкая танцовщица стремится,
 Преслѣдуетъ, кружится и бѣжить,
 Пусть вдругъ она, прикованная, станеть
 Ловка, и живописна, и томна.
 И весело, и мило на нее
 Тогда глядѣть и любоваться ею.
 Раздолье взорамъ въ ней, осуществленіе
 Взыскательной художника мечты! —
 Но, мимикой отчаянной, въ кадансъ
 Размашисто и быстро выражать
 Пельзя страстей: ихъ тайнаго волненія
 Ихъ цѣли, ихъ движенія, ихъ борьбы!
 Смѣшно и дико намъ, когда, бѣснумсь,
 Нѣмыя группы слятся, подъ звукъ
 Гудящаго оркестра, передать
 Намъ жизнь и драму жизни. — Что балеть,
 Какъ не собранье куколъ на пружинахъ?....

За то, — мотивы музыки меня
 Невѣдомой отрадой улаждаютъ.
 То страстны, — то мучительно томны,
 То нѣжны и легки, какъ мысль младенца,
 Мелодіи звучали — я терлась
 Въ тревожномъ упоеніи, — я мечтала. —
 О чемъ? — не знаю!.... я постигла рай
 Въ минуту благодати безотчетной....
 Упавши въ кресла мягкія, сидѣла
 Безъ словъ и безъ дыханья. — Владимиръ,
 Облокотясь на ручку моихъ креселъ,
 Слѣдилъ за впечатлѣніями моими....
 Смѣялся пизъ, быть можетъ!.... Но меня
 Насмѣшкою онъ не смущалъ: напротивъ,
 Онъ будто радъ былъ за меня, — съ участіемъ,
 Какъ добрый братъ, онъ занимался мной.

Мнѣ кажется, любить я страстно буду
 Театръ и наслажденія его!....

VI.

*There was a time, when bliss
Shone o'er my heart from evry look of his, —
When but to see him, hear him, breathe the air,
In which he dwelt was my soul's fondest prayer.*

(Thomas Moore, Lalla-Rook)

17-е Февраля 18....

Вчера меня у Мѣховскихъ спросили
Давно ли я къ миссъ Гарвей не писала?....
И совѣстно признаться было мнѣ,
Что ужъ недѣли двѣ ни пол-строки
Не удалось, не довелось набросить,
Что мой дневникъ все пишется, растеть, —
Но ей не отсылается давно....
А почему?.... вопросъ такой досель
И мнѣ самой еще не представлялся,
Но, впрочемъ, я теперь уже давно
Ни мыслей грустныхъ, ни глубокихъ думъ
Въ своей душѣ не подмѣчала.... Мирно
И безъ заботъ живется мнѣ покуда,
Зачѣмъ когда все весело и ладно
Клевется на яву — зачѣмъ мечтать,
Страдать и уноситься безъ причины
Въ туманный мѣръ безплодныхъ сновидѣній?
По прежнему, я часто у Елены;
Великій постъ ее мнѣ возвратилъ!
Катаюсь съ ней, гуляю; мы поемъ,
Бесѣдуемъ, читаемъ — все какъ прежде,
Да только съ нами третій, — братъ ея
И онъ не лишній! нѣтъ! съ его умомъ,
Съ его радушнымъ нравомъ, какъ бы намъ
Онъ помѣшалъ?.... Теперь я свылкаю съ нимъ,
И тайно насмѣхаюсь надъ собою,
Надъ робостью своею неумѣстной.

Отд. I.

Владимиръ мнѣ сталь точно братъ родной,
 Любимый, уважаемый.... Онъ самъ
 Повеселья; всѣ это замѣчаютъ,
 Всѣ рады.... Онъ теперь почти забылъ
 Превыспренніе толки о наукахъ,
 Политикъ, Исторія. — Онъ шутить, —
 Онъ рѣзвится, съ дѣтьми, со мной, съ Еленой. —
 Лишь нарядка, когда вдругъ невзначай
 Коснется разговоръ большаго свѣта,
 И модныхъ дамъ, — когда произнесутъ
 Чьи-то имена, то звукъ злобѣщій
 Разбудить память въ немъ, — онъ поблѣднѣетъ,
 Волѣнно проявятся морщины
 На челѣ. — Тогда онъ колко
 И мѣтко сыплетъ стрѣлы злобныхъ шутокъ
 На общество, а болѣе на женщины;
 Красавицъ записныхъ перебираетъ,
 Разоблачаетъ намъ ихъ тайный бытъ
 И хроника семейственныхъ соблазновъ.
 Язвитель, жестокъ, неумолимъ,
 Какъ онъ тогда величественъ и — жалокъ!
 Какъ все въ немъ говорить о страшномъ горь,
 О долгомъ испытаньи!.... Страстный голосъ
 Холодность словъ его опровергаетъ.
 Притворство лицемѣрія разить онъ,
 Безчувствіе кокетства онъ караетъ....
 И бѣдный женскій полъ онъ топчетъ въ прахъ!....
 Но какъ пѣнать ему? онъ былъ обмануть,
 Предательски отвержень, — завлечень,
 И брошень вдругъ безсовѣстной измѣной....
 Потому онъ успокоится, нѣмѣетъ; —
 И наконецъ, прибавить, запинаясь,
 Что только первый пылъ и жаръ неложный
 Двѣческой души его согрѣетъ, —
 Что первая любовь младаго сердца
 Одна могла бъ его вновь оживить....
 Что только лишь такой любви овятой
 Еще желать, еще искать онъ можетъ....

Вчера, прервавши вдруг порывъ подобный,
 Не кончивши слова суда и мести,
 Разсѣяня онъ захотѣлъ себѣ
 И намъ, его волненьемъ зараженнымъ:
 Онъ громко сталъ читать. — Такія чтенья
 Любимый праздникъ мой! — Душой и сердцемъ
 Я слушаю могучій, чистый голосъ,
 Столь полный выраженья. Онъ звучитъ,
 Какъ ропотъ грустной тайны, — какъ призывъ
 Пльнительный и страстный.... Онъ постигъ
 Всѣ красоты роднаго языка,
 И Русскую поэзію онъ любить.
 Въ его устахъ она такъ сладко льется,
 Такъ хорошо, — что слушая его,
 Въ груди моей любовь къ отчизнѣ милой
 И преданный и пламенный горитъ.
 Случайно ли, — нарочно ли — кто знаетъ,
 Но, *Пльнника Кавказскаго* онъ выбралъ....
 О! никогда не позабуду я
 Высокаго, святаго наслажденья!
 О! никогда не позабуду я
 Ни слезъ моихъ, ни трепета, ни муки,
 Когда свою печаль, свои страданья
 Онъ выражалъ поэта мощнымъ словомъ,
 И вопль души своей опустошенной
 Сливалъ съ чужой тоской, сердечнымъ воплемъ
 Героя Пушкина.... Мнѣ больно было
 И горько.... за него!.... Казалось мнѣ,
 Я ненавижу ту, — кого любилъ онъ,
 Къ которой онъ въ разлуку обращалъ
 Столь страстные, столь нѣжные упреки....
 Но кто жъ она, та женщина пустая,
 Кто не постигла счастья своего?
 Но кто жъ она, — кто, безъ любви, его
 Умѣла привязать, — могла отринуть?....

Гр. Ев. Ростопчина.

ФАННИ-ЭЛЬСЛЕРЪ,

(въ день отъезда ея изъ Москвы).

Будто сонъ воображенья,
Сонъ роскошный наяву —
Мимолетное видѣнье, —
Вы явились на мгновенье,
Въ нашу матушку-Москву;

И отъ насъ — какъ время мчится! —
Улетаете опять!

Прихожу я къ вамъ проститься,
Низко, низко поклониться
И спасибо вамъ сказать,

Что и насъ вы посѣтили;
И за вашу доброту,
Что и насъ вы полюбили,
Что и намъ осуществили
Вы Художника Мечту,

Гдѣ, подѣ такъ живыхъ соавучій,
Чуть касаясь до земли,
Восхитительной качучей,
Къ Андалузїи кипучей
Живо насъ перенесли;

И какъ мы на васъ смотрѣли —
Намъ мечтался миртовъ рядъ,
Звѣзды на небѣ горѣли,
И лимоны въ рощахъ зрѣли,
Разливал аромать;

И прекрасная, живая,
Красе солнца, ярче дня,
Пролетала тамъ, игралъ,
Кастильянка молодая,
Кастаньетами звеня....

О какъ были хороши вы!
 Жадно я на васъ смотрѣлъ....
 О какъ были прихотливы
 Вашихъ танцевъ переливы!
 Я смотрѣлъ.... я весь горѣлъ....

И невольно удивлялся
 Вашей граціи, красѣ,
 Какъ безумный восхищался,
 И кричалъ, и бѣсновался,
 И отхлопалъ руки всѣ....

Но узнавши стороною,
 Будто вы, живя у насъ,
 Занимались Москвою —
 О тогда моею душою
 Полюбилъ я больше васъ!

Да, мнѣ милы и за то вы,
 Что любя Москву мою,
 Полюбили въ ней еще вы
 Наши горы Воробьевы;
 Что гуляли по Кремлю;

Что нерѣдко посѣщали
 Наши вы монастыри,
 Пѣнью иноковъ внимали,
 И подъ Симоновымъ ждали
 Появленія зари;

Что въ Кремль гуляя старомъ,
 Вспоминали вы не разъ,
 Какъ Москва, безъ битвы, даромъ,
 Опаленная пожаромъ,
 Супостату отдалась....

И душою возмущенной
 Какъ бы слыша гудъ и стонъ
 Той эпохи отдаленной —
 На горѣ у насъ Поклонной
 Положили вы поклонъ;

На горь, отколь въ дни оны
 Подошли къ стѣнамъ Москвы,
 Распустивъ свои знамены,
 Грозныхъ Галловъ легионы,
 Бонапартовскіе львы....

Тамъ, свои покинувъ дрожки,
 Вы смотрѣли на Москву,
 Тамъ и ваши чудо-ножки,
 Пронорхнувши вдоль дорожки,
 Смяли нашу мураву —

И слегка напечатлѣнный
 Вашихъ ножекъ нѣжный слѣдъ,
 Вашей славой озарѣнный,
 Приростеть къ горь Поклонной,
 Приростеть на много лѣтъ....

И куда бь васъ ни умчали
 Ножки дивныя отъ насъ —
 И въ какой бы страшной дали
 Эти ножки ни летали —
 Не забудемъ мы о васъ!

И, влекомы тайной силой,
 Тайной думой по слѣдамъ,
 Нашей Фанни легкокрылой,
 Фанни доброй, Фанни милой,
 Полетимъ по всѣмъ путямъ!

А теперь пока прощайте,
 И опять весь бѣлый свѣтъ
 На волшебными прельщайте,
 И въ качучь восхищайте
 Сладкимъ звономъ кастаньеть!

Я у вашего порогу
 Провожу по Русски васъ:
 Поможу усердно Богу
 И скажу вамъ на дорогу:
 «Добрый путь вамъ въ добрый часъ!»

Н. Бергъ.

1850. 7 Юня.

Москва.

ПОДРАЖАНІЕ ВОСТОЧНЫМЪ.

Догаралъ вечервѣющій день,
И на холмы, долины и горы
Разстилалася длинная тѣнь,
Золотились верхи мандрагоры.

И пошла я въ орѣховый садъ
Посидѣть на лугу у потока.
Тамъ цвѣтеть виноградъ и гранатъ,
Свои вѣтви раскинувъ широко.

Мимо сада, колышась, идетъ
Царскій поѣздъ, — горятъ колесницы,
Раздается предъ ними народъ;
Въ жемчугахъ, въ серебрѣ кобылицы.

— Оглянись, оглянись назадъ,
Дай взглянуть въ твои очи живыя!
Говорили мнѣ. — Что вамъ мой взглядъ?
Вамъ наскучили дѣвы градскія.

О, легки, какъ у серны полей,
Твои ноги въ сандаляхъ, дѣвица.
И обсажены рядомъ лилей
Твои груди — два стога пшеницы.

И порфиною пряди кудрей
Проскользя, разостлались по шеѣ,
Шея — столпъ изъ слоновыхъ костей,
И озеръ твои очи темнѣе.

Вся, какъ пальма, ты, дѣва, стройна,
И полна, какъ зерно ожерелья;
Твои ласки хмѣльнѣе вина
И улыбка — всѣхъ юношъ веселье.

И я думаю: мнѣ ль суждено
Овладѣть тою пальмой живою?
И лилось бы съ той пальмы вино
Мнѣ въ уста благовонной струею.

— Нѣтъ, та пальма другимъ отдана:
 Милый другъ ее ждетъ — не дождется;
 Той струей благоуханной вина
 Онъ томительно-сладко упьется.

Догараетъ темнѣющій день,
 И на холмы, долины и горы
 Разстилается длинная тѣнь,
 Золотятся верхи мандрагоры.

Другъ-женихъ мой чрезъ скалы и лѣсъ
 Ко мнѣ мчится ужъ горной газелью;
 Кровомъ будетъ намъ кедровъ навѣсъ,
 А трава ароматной постелью.

Мы одѣнемся иглою вечною,
 Онъ докучный покровъ мой отниметъ,
 И къ груди приклоняетъ головой,
 Меня знойной рукою обниметъ.

И подъ шопоть густыхъ мандрагоръ
 Разцѣлюю его и украдкой;
 Благоуханье повеетъ намъ съ горъ, —
 И уснемъ мы и мирно и сладко.

Поутру мы пойдемъ въ вертоградъ,—
 Тамъ у матернихъ сѣней кедровыхъ,
 Для него и вина и гранатъ
 Сберегла я и старыхъ и новыхъ.

В. Демитсьевъ.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

АНДАЛУЗІЯ.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

V.

Въ коммерческомъ отношеніи, Гибралтаръ былъ для Испаніи настоящей язвою не далѣе нѣсколькихъ мѣсяцовъ тому назадъ. Это было настоящее складочное мѣсто контрабанды, основанное Англичанами и открыто покровительствуемое. Вотъ что творилось въ Гибралтаръ еще недавно.* Англія отправляла туда ежегодно по крайней мѣрѣ на 30 милліоновъ хлопчато-бумажныхъ издѣлій и почти на 10 милліоновъ листового табаку, который нищее народонаселеніе скалы превращало въ сигары. Эти бумажныя издѣлія, этотъ табакъ, не говоря уже о другихъ привозныхъ Англійскихъ колоніальныхъ товарахъ, этотъ 40-милліонный итогъ сбывался въ Полуостровъ исключительно путемъ контрабанды, кромѣ того,

---

* Путешественниковъ часто упрекаютъ въ пристрастія и заблужденія. Нельзя ручаться, сколько есть правды и сколько есть лжи въ этихъ извѣстіяхъ Французскаго туриста. *Ред.*

что провозилось обманомъ въ Алжиръ черезъ Мароккскую границу. Эта контрабанда отправлялась по всему приморскому берегу Испаніи самымъ курьезнымъ образомъ. Контрабандисты, подкупленные Англійскими негодяями, стакнутся съ Испанскими властями, и, отдавши имъ въ тайнѣ условную плату, преспокойно доставляютъ товаръ, въ опредѣленный день, въ назначенный портъ. Товары приходили *случайно* въ тотъ самый день, какъ таможенные служители находились въ отлучкѣ, войска королевы внѣ города. Дѣло доходило до того, что какой-то карабинерный полковникъ самъ являлся въ Гибралтаръ въ мундиръ для переговоровъ съ купцами.

Впрочемъ эти пріятельскія сношенія возмущались періодическими переломами. Испанскія власти, набивъ порядкомъ карманы, становились иногда несговорчивы и требовали отъ контрабандистовъ черезъ-чуръ высокой платы, контрабандисты упирались и покушались достигнуть силою, въ чемъ отказывало имъ предательство; тогда они принимались торговать съ помощію вооруженной силы: вотъ причина схватокъ, часто кровавыхъ, о которыхъ говорено было не разъ. Тутъ обыкновенно являлось внезапно Британское покровительство. Флотилія Испанской королевы и пароходъ, предназначенные для наблюденія за береговою линіей, стояли на якорѣ въ Альджезирасъ. Каждое движеніе этихъ судовъ было наблюдаемо и повѣщаемо въ Гибралтаръ, съ высоты сигнальной башни, *signal-house*. Если пароходъ выходилъ изъ порта, Англійскій караульщикъ тотчасъ подымалъ условленный флагъ, который предупреждалъ всѣхъ контрабандистовъ миль на шесть въ окружности. Если они были далеко, то пускались на-утѣкъ въ открытое море; если же находились вблизи, то устремлялись прямо на Гибралтаръ, и спасались въ Англійскихъ водахъ, въ которыхъ они тотчасъ становились неприкосновенными. Однажды, гоэлетта контрабандистовъ, горячо преслѣдуемая шкуною Изабеллы, прибѣгла подъ защиту баттарей Гибралтара. Остервенившаяся шкуна неблагоразумно продолжала свое преслѣдованіе. Пушечный вы-

стрѣль, нарочно направленный въ ея паруса, наполнимъ ей довольно грубо, что пора одуматься. Сэръ Робертъ Вильсонъ самъ находился на баттарей, такъ что невозможно было сослаться на ошибку, и повѣстка могла считаться официальной. Но это еще не все; шкуна, которая, можетъ быть, и не разобрала, и воображала, что добыча у нея уже въ когтяхъ, продолжала свою травлю. Раздался второй пушечный выстрѣль, и двадцати-четырехъ-фунтовое ядро, ударивъ прямо въ грузовую ватерлинію шкуны, вырвало у нее часть обшивки: она тотчасъ потонула. Но всего забавнѣе въ этой продѣлкѣ то, что экипажъ шкуны подобралъ и спасли самъ контрабандисты. Эта шутка не понравилась Испанскому правительству; оно потребовало объясненія. Англійское посольство преважно отвѣчало, что шкуна вошла въ Англійскія воды безъ флагу. — А гдѣ же предѣль Англійскихъ водъ? спросила Испанія. — На разстояніи нашихъ пушечныхъ выстрѣловъ, отвѣчала Англія: а переходъ вашего судна за черту этого разстоянія доказывается тѣмъ, что оно было потоплено. Резонъ; но дѣло въ томъ, что Испанія могла отвѣчать, что и Испанскія воды простираются на всемъ разстояніи выстрѣловъ баттарей *Campaneto*, а эти баттарей могли бы разгромить самый портъ Гибралтара; но что же было отвѣчать ягненку на волчій вопросъ? Недоставало Нарваэца, чловѣка, который займетъ прекрасную страницу въ исторіи своей страны и своего времени, чтобъ напомнить Европѣ и самой Испаніи, какъ должно было смотрѣть на отечество Карла V.

Случай, подобные сказанному мною, не рѣдкость. Вотъ и другой, еще новѣе. Судно *contrabandistas*, порожнее на ту пору, плавало мирно въ Англійскихъ водахъ. Сторожевой Испанскій крейсеръ замѣтилъ его и пошелъ прямо на него. Контрабандистъ, которому нечего было бояться, потому что онъ не имѣлъ груза, вмѣсто того чтобъ бѣжать, подобралъ свои паруса, и вскорѣ оба судна начали перекликаться въ рупоръ. Вдругъ на Англійской баттарей мелькнулъ огонь, и крейсеръ чокнулся съ ядромъ. На берегу, видите ли, ошиблись; мирный разговоръ приняли за досмотръ груза контра-

бандиста, и Англичане, желая отмстить или защитить его, впутались грубо, ни съ того ни съ сего, въ бесѣду. Иногда Испанская таможня задерживала во всеуслышаніе, подъ предлогомъ конфискованія, товары какого-нибудь судна, а потомъ сама же сбывала ихъ подъ рукою; или, помѣстивъ грузы предварительно въ складочномъ мѣстѣ Малаги, она распаковывала кипы, пропускала товары въ разбивку черезъ таможенную линію, послѣ кипы набивались сѣномъ и тщательно зашивались; судно являлось за ними, бросало ихъ въ море, и возвращалось въ Гибралтаръ за новымъ грузомъ. Такимъ образомъ отчетность была въ порядкѣ, и эта честная торговля процвѣтала. Наконецъ, когда уже ни Англійское покровительство, ни спсисходительность карабинеровъ, ни посредничество таможни не удовлетворяли сбыту Британскихъ произведеній, Гибралтарскіе негоціанцы прибѣгали, какъ къ верховному средству, въ *pronunciamentos*. Вотъ какъ тогда разпояряжались. Негоціанты писали къ своимъ корреспондентамъ, напримѣръ хоть въ Малагу. Они ихъ увѣдомляли, что магазины переполнены, корабли нагружены, но что надзоръ необыкновенно строгъ, или что начальникъ карабинеровъ требуетъ черезъ-чуръ много, и что они имѣютъ устроить *pronunciamento*. Дѣло было не трудное. Изъ двухъ-сотъ тысячъ обитателей приморскаго берега Андалузіи по крайней мѣрѣ осемьдесятъ тысячъ существовали контрабандою. Тотчасъ по полученіи повѣстки, коноводы распяляли умы и подымали на дыбы, во имя какого бы то ни было политическаго недовольствія, которое имъ служило вмѣстѣ и возбуждательнымъ и предлогомъ, ватагу праздныхъ мошенниковъ, которые всегда и вездѣ наготовѣ для безпорядковъ. Въ назначенный день, лишь только подавали сигналъ о приближеніи судна, нагруженнаго контрабандою, спускали со своры подкупленную сволочь; *pronunciamento* — то есть бунтъ начинался, городъ наполнялся разными вѣстями, обстановку дополняли нѣсколькими ружейными выстрѣлами; *ayuntamiento* распускалъ тотчасъ гражданскую гвардію и передавалъ управление гражданамъ; въ минуту самаго разгара смятенія, судно входило въ

портъ и выгружала свои товары. Такимъ образомъ, имѣлось вѣрное средство для предсказанія смуты, которая такъ часто вспыхивала на приморскомъ берегу Испаніи. Стоило только заглянуть въ Гибралтарскіе магазины: если они были пусты, то возмущенія были невѣроятны, у нихъ не было цѣли; напротивъ, если они были биткомъ набиты, то надо было ожидать *pronunciamentos*, потому что товары надо было сбыть съ рукъ. Впрочемъ, политическія страсти отравляли иногда эти смуты, которыхъ начало бывало чисто коммерческое; разнузданное возстаніе переходило за предѣлы цѣли зачинщиковъ. Въ Барселонѣ былъ замѣчательный образчикъ смуты, которая растетъ на ходу. Къ несчастію, мы не имѣемъ права смѣяться надъ тою выродившейся Испаніей, о которой я говорю, и которая, впрочемъ, такъ гордо отплатила за себя. Развѣ у насъ самихъ не было подобія этихъ чудовищныхъ *pronunciamentos*? Развѣ мы не слышали изъ собственныхъ устъ одного изъ жалкихъ героевъ нашего времени, что революціи никогда не высказываютъ слова, во имя котораго совершаются? Развѣ мы не знаемъ, на счетъ собственной своей кожи, что значитъ фраза: *да здравствуетъ преобразование!* и что въ смутахъ Франціи участвуетъ такая же коммерческая спекуляція, какъ и въ *pronunciamentos* Полуострова? Я пріѣхалъ въ Малагу въ самую минуту одного изъ этихъ періодическихъ возстаній. Я оставилъ Гибралтаръ наканунѣ вечеромъ, не безъ сожалѣнія, потому что (не во гнѣвъ будь сказано поэтическимъ душамъ) я наслаждался тамъ счастіемъ единственно по милости превосходнаго бордосскаго вина и Англійскихъ жаркихъ, которыми продовольствовалъ меня *Cub-House*. Мнѣ стыдно, что я такой матеріалистъ, но признаюсь, во время путешествія по Испаніи, превосходная Англійская гостиница очень пріятная интермедія, занимающая не последнее мѣсто, даже между танцовщицами Севилы и чудесами Альгамбры.

Мы пріѣхали въ Малагу на разсвѣтъ. Въ этомъ градѣ сладкаго вина нѣтъ ничего любопытнаго: направо, маленькая плотина, маленькій маякъ; впереди, маленькій бѣлый

города; въ портъ, съ полдюжины купеческихъ бриговъ: вотъ и все тамошнее великолѣпіе. Я уже не ждалъ ни малѣйшаго очарованія отъ этой панорамы, какъ вдругъ мнѣ сказали, что городъ въ осадномъ положеніи. Это извѣстіе подстрекнуло мое любопытство. Пытались произвестъ *proclamation*, но оно не удалось; на набережной была свалка и множество народа было задержано. Глухое волненіе, бродившее въ городѣ, поминутно подстрекалось признаніями одного изъ схваченныхъ заговорщиковъ. По его доносу, арестовали и отправили въ то же самое утро въ Гренаду человекъ тридцать самыхъ значительныхъ негодяевъ города, для произведенія надъ ними суда въ верховномъ судищѣ. Наконецъ, готовились судить военнымъ судомъ, и вѣроятно разстрѣлять безъ пардона, семь человекъ обвиненныхъ, изъ которыхъ двое были сержанты гарнизона. Само собою разумется, что настоящихъ начальниковъ между ними не было; тамъ, какъ и вездѣ, настоящіе зачинщики оставались въ тѣни, и маленькимъ приходилось поплатиться за большихъ. Когда я сходилъ на землю, повсюду гремѣли барабаны, усиливали посты, снаряжали торжественно войска, запирали лавки, укрывались по домамъ. Среди этого шумнаго движенія, топота, волненія, подошелъ ко мнѣ, на набережной, чиновникъ Французскаго консульства и вручилъ мнѣ письмо отъ моей матери. Я никогда не забуду впечатлѣнія, произведеннаго на меня, среди этого волненія, чтеніемъ письма, которое описывало однообразныя удовольствія деревенской жизни и мирнаго очага. Я узналъ отъ молодаго человека, который мнѣ принесъ письмо, что прибытіе Французскаго парохода, на которомъ мы пріѣхали, должно было выручить консула изъ великаго затрудненія. Одинъ изъ главныхъ заговорщиковъ, пѣхотный капитанъ, по имени Лара, не былъ еще задержанъ. Онъ спрятался на чердакъ; убѣжище его было извѣстно; консулъ приказалъ предложить ему бѣжать и сѣсть на *Полину*, на которой онъ былъ бы обезпеченъ отъ всякаго преслѣдованія, находясь подъ Французскимъ покровительствомъ. У этой драки не хватало духа бросить свой чердакъ. Онъ

боялся, чтобъ въ него не попали изъ ружья, во время его бѣгства на пароходъ. И я снова убѣдился, что заговорщикъ можетъ быть трусомъ. Часъ спустя, Лара былъ арестованъ. Я пришелъ въ такое пегодованіе на его малодушіе, что далъ себѣ слово пойти смотреть, какъ его разстрѣляютъ.

Военный совѣтъ долженъ былъ собраться въ тотъ же день. Мнѣ было любопытно посмотреть на политическій процессъ въ Испаніи, и потому я началъ бѣгать по городу, и спрашивать у всѣхъ, гдѣ будетъ мѣсто засѣданія. Сначала мнѣ было невозможно узнать объ этомъ. Тѣ, которыхъ я спрашивалъ, разсматривали подозрительно мою иностранную физиогномію и отдѣльвались отъ меня уклончивыми отвѣтами. Я не переставалъ разспрашивать, и пришелъ на *Plaza de la Mera*, гдѣ находится кварталъ пѣхотинцевъ. Значительные отряды войска выстроены были на этой площади. Передъ казармами я увидѣлъ довольно многочисленную толпу офицеровъ, разговаривавшихъ съ большимъ одушевленіемъ; я понималъ, что нахожусь наконецъ вблизи искомаго мною мѣста. Капитанъ, котораго я спросилъ — позволятъ ли мнѣ посмотреть на производство суда надъ заключенными, отвелъ меня къ полковнику; полковникъ кликнулъ караульнаго офицера, отдалъ ему приказаніе, и сказалъ мнѣ, чтобъ я следовалъ за нимъ. Я вошелъ съ нимъ въ казармы. Послѣ долгихъ переходовъ, мы пришли къ маленькой задвинутой двери. — «Здѣсь,» сказалъ мнѣ офицеръ, откланиваясь, и хотѣлъ было меня оставить. — Кто здѣсь? спросилъ я его съ изумленіемъ. — «Полковникъ, прибавилъ онъ, приказалъ мнѣ проводить васъ къ двумъ Англійскимъ морякамъ, которыхъ задержали вчера во время свалки.» — По милости моей матросской куртки, меня приняли за одного изъ ихъ друзей. Я поблагодарилъ офицера, сказавши ему, что пришелъ посмотреть на военный судъ, а не на питуховъ. Возвращаясь на площадь, я увидѣлъ, что густая толпа народа шла къ открытой церкви: я вошелъ вмѣстѣ съ сотнею другихъ; священникъ былъ въ алтарь; множество офицеровъ всѣхъ чиновъ, въ мундирахъ, слушали внимательно службу Святому Духу, которая

считается въ Испаніи обязательнымъ началомъ каждаго военнаго суда. Этотъ обычай, достойный самой католической страны въ свѣтъ, показался мнѣ довольно торжественнымъ. Мнѣ было невозможно присутствовать при производствѣ суда. Меня предупредили сострадательно, что это вовсе не мѣсто иностранцу, и что тамъ какой-нибудь недовольный очень легко можетъ меня пырнуть своей *pavaia*. Понимая, что мнѣ нечего смотреть и дѣлать въ этомъ взбудораженномъ городѣ, куда я впрочемъ долженъ былъ возвратиться, я рѣшился отправиться въ тотъ же вечеръ въ Гренаду. Въ самую минуту отъѣзда дилижанса, я узналъ, что семерыхъ обвиненныхъ приговорили къ смерти.

На другой день, часовъ около десяти, мы пріѣхали въ Лоху, городъ съ двадцатью пятью тысячами жителей, построенный на склонѣ очень зеленого, очень воодѣланнаго и очень плодороднаго холма, надъ которымъ возвышаются развалины Сарацинскаго замка. Съ милою отъ города, находятся *los Infiernos*, маленькіе каскады и маленькія скалы, не стоящіе своей знаменитости и обычныхъ посѣщеній. Лоха отечество Нарваэца. Родъ его древень и богатъ. Сынъ случая, Нарваэцъ началъ свое поприще искателемъ приключеній, и настоящимъ положеніемъ своимъ обязанъ своимъ заслугамъ и своему мужеству. Онъ рано отличился отъ толпы искателей приключеній, которые, въ наше время, поочередно сокрушали Испанію, и ему досталась въ удѣлъ завидная слава охранителя своей страны среди всеобщаго потрясенія. Испанія, которая такъ умна и благородна, нѣсколько лѣтъ уже не доставало только руководителя, и этотъ руководитель, котораго отчаявались найти, сказался въ Нарваэцѣ. Людей, умѣющихъ держаться на верхнихъ ступеняхъ власти, на Полуостровѣ меньше, чѣмъ гдѣ-либо, а охотниковъ до этой власти больше, чѣмъ въ какой-нибудь другой странѣ. Теперешняя Испанія, все равно какъ и прежняя, отечество искателей приключеній; со временъ Фернанда Кортеса, Пизарра и столькихъ другихъ, характеръ не измѣнился. Смѣльчаки, превращающіеся изъ солдатъ въ предводителей шаякъ, блестящіе

офицеры, опеломляющіе цѣлую армію какой-нибудь баснословно-удалой выходкой, люди, вѣчно готовые поставить на карту все свое состояніе, и рискнуть головою для государственнаго переворота, встрѣчаются сотнями на улицахъ Мадрида; но ихъ пламя—огонь соломы: лишь только потухнетъ въ нихъ страсть, они опускаются. Едва успѣютъ они подняться, какъ начинается у нихъ кружиться голова. Неспособность ихъ обнаруживается.

Спадаетъ маска, остается человекъ,
И нѣтъ героя.

Тогда отечество снова замѣчаетъ, что хорошій помковникъ часто бываетъ дряннымъ министромъ. Сколько разъ бѣдная Испанія испытывала это на себѣ. Замѣчательно, что на Полуостровѣ, также какъ и во Франціи, великіе ораторы, поэты, люди воображенія, рождаются на югѣ. Андалузія Провансъ Испаніи. Арагонія, Бискайя, Каталонія снабжаютъ войнами, непреклонными какъ Бретонцы, сильными какъ Пикардійцы или Фламандцы, храбрыми какъ Лотарингцы; въ Галиціи рождаются трудолюбивые и добропорядочные работники, которые переселяются какъ Овернцы; но Нарваецъ, Мартинецъ де-ла-Роза, Герцогъ де-Ривасъ, сыны юга, также какъ, и Маршалъ Бюжо, Гг. Гизо и Тіэръ.

VI.

На слѣдующую ночь мы ѣхали въ дилжансѣ къ подношью Сьерры-Невады, среди моря великолѣпныхъ конопляниковъ и оливковыхъ рощей, надъ которыми возвышается поэтическая Гренада. Пріѣхавъ въ Гренаду, могъ ли я заниматься чѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ провозженія долгихъ часовъ въ тѣни галлерей Альгамбры, подъ лаврами Дженералифа? На первый разъ я посѣтилъ дворецъ Мавровъ вечеромъ, на солнечномъ закатѣ. Вокругъ холма, на которомъ покоится это диво, змѣится вверхъ гульбище, удивительно тѣнстое, вѣчно прохладное, искусно разбитое и превосходно поддерживаемое.

Два ручейка журчатъ по бокамъ аллеи, посыпанныхъ пескомъ. Повсюду брызжутъ фонтаны; тысячи птицъ щебечутъ на волѣ въ рощахъ этого очаровательнаго парка. Подумашь, что всѣ птицы Испаніи, прогнанныя съ полей безплодіемъ почвы, или ненавистью пахарей слетѣлись въ сады Гренады, и поютъ тамъ изъ рода въ родъ чудеса Альгамбры. Все, что васъ окружаетъ, запечатлѣно сельскимъ колоритомъ. Тутъ ребятнишки, подъ надзоромъ своихъ нянекъ, кувыркаются по травѣ; тамъ, подъ простымъ навѣсомъ безхитростнаго сельскаго шинка, услужливый воинъ угощаетъ свою *poça* стаканомъ *agraz*.^{*} По серединѣ аллеи, весельчакъ Галиціанецъ самъ везетъ бочку и оглашаетъ воздухъ своимъ крикомъ, возвѣщая о продажѣ воды изъ знаменитаго Авельяскаго источника. Побродивъ съ полчаса среди этой зелени, этихъ щебетаній, этой прохлады, этихъ пѣсень, этой веселости, очутишься вдругъ передъ величавымъ четверугольнымъ монументомъ, прелестнѣйшаго розоваго цвѣта. На сводѣ изваяна большая раскрытая рука, подъ внутренней аркой высѣченъ ключъ: это дверь Альгамбры. Миновавъ четверугольную башню, приходишь широкою дорогой на площадку, гдѣ очутишься прямо передъ дворцомъ временъ Карла Пятаго, и тамъ, не знаю почему, вспоминаешь Гейдельбергъ. Надо замѣтить, что строеніе, выдуманное Карломъ Пятымъ, никакъ не можетъ вызвать этого очаровательнаго воспоминанія. Впрочемъ, эта притязательная лачуга, кажется, вполне достигаетъ цѣли своего строителя: она скрываетъ отъ глазъ дворецъ Мавровъ. Изъ числа великихъ людей не одинъ отецъ Филиппа II былъ одержимъ мелочною завистью къ прошедшему; но ни въ комъ, быть можетъ, это странное, мелко-травчатое чувство не заходило такъ далеко. Опозоривъ Севильскій Альказаръ, усадивши надъ его тонкими колоннами тяжелую, недѣльную верхнюю галерею, онъ покусился уничтожить Альгамбру, заключивъ ее неуклюжимъ строеніемъ,

---

* Превосходный напитокъ, приготовляемый съ сокомъ зеленаго винограда.

которое онъ обратилъ въ манежъ, желая, говорилъ онъ, помѣстить своихъ лошадей во дворецъ Мавровъ. Попытка его осталась, благодаря Бога немощною, и на увѣсистой архитектурѣ Испанцевъ еще лучше выдается дивное созданіе Арабовъ. Амбарная дверь изъ грубаго дерева, пробитая въ толстой стѣнѣ, сиурокъ, прищипленный къ колокольчику, на звонъ котораго выскакиваетъ шальной придверникъ, вотъ предвозвѣстникъ *алаго дворца (al Hambra)*. Что дѣлать: и у Пантеона есть свой швейцаръ. Миновать этого человѣчка, вдругъ невольно останавившася, и трудно воздержаться отъ восклицанія изумленія.

Продолговато-четвероугольной формы дворецъ, съ водосмомъ, обставленный дивно-легкими мраморными колоннами, цвѣта утренней зари, съ такою драгоценною работою надъ ними, вытисненною такъ чисто и отчетливо, такую воздушную, такую прозрачную, что, кажется, видишь превосходное розовое кружево; впереди, за другою дверью, второй дворецъ; и въ немъ прелестная чаша, поддерживаемая огромными геральдическими львами, безконечный рядъ невообразимо-изящныхъ колоннокъ, неподражаемаго цвѣта, которому нѣтъ подобнаго ни въ Азін, ни въ Греціи, такая нескончаемая роскошь рѣзныхъ украшеній, что любой граверъ придетъ отъ нея въ отчаяніе, все вмѣстѣ цѣлое, до того изящное, что не смѣешь ступить, до того кажешься себя тяжелымъ и грубымъ при этомъ зрѣлищѣ; надъ этими кружевами, узорными полосами, чашами, прозрачными мраморами, вычеканенными гипсами, чистое, безоблачное небо, вѣнчающее лазурнымъ куполомъ это позлащенное сокровище, этотъ розовый малютку-дворецъ: — такова волшебная перспектива, которую глазъ обнимаетъ съ перваго взгляда. Вглядѣвшись пристальнѣе, становится грустно, при видѣ ранъ, нанесенныхъ этому диву не столько временемъ, сколько руками восстановителей. Ужасный слой темныхъ круглыхъ черепицъ давитъ всей своею тяжестью это воздушное, узорное произведеніе Арабовъ. Кажется, несешь на собственныхъ своихъ плечахъ весь нестерпимый гнетъ этой несносной покрывки, подъ кото-

рою гнутся стройныя мраморныя колонны, едва поддерживаемыя желѣзными подпорками. Направо отъ Львинаго двора залъ Абенсерраговъ. Тамъ, гласитъ преданіе, были зарѣзаны поэтическіе воины, соединившіе въ себя восточное изящество съ рыцарскою доблестью; кровь ихъ обогрѣла мраморныя помосты. Хотя исторія и опровергаетъ преданіе; но исторія не права, потому что плохо замѣняетъ эти граціозныя вымыслы. Залы Пословъ и Двухъ Сестеръ такія же дива-дивныя, какъ и залы Абенсерраговъ, и не достанетъ цѣлыхъ дней на изученіе ихъ стѣнъ и ихъ сводовъ, чудесъ орнаментнаго, рѣзнаго и наборнаго искусства; но они совсѣмъ не такъ велики, въ сравненіи съ своею славою, да и вообще вся Альгамбра пзумляетъ малостію своихъ размѣровъ. Человѣкъ со вкусомъ, хотя нѣсколько богатый, могъ бы мечтать о помѣщеніи въ своемъ саду подобія Альгамбры, и мнѣ кажется, что я не слишкомъ преувеличиваю, говоря, что Львиный дворъ помѣстился бы цѣликомъ въ нѣкоторыхъ министерскихъ салонахъ Парижа. Со мною согласится по крайней мѣрѣ въ томъ, что дворцу Мавровъ, съ его дворами, залами, садами, галереями, колоннадами было бы просторно.... гдѣ бы такое напримѣръ? хоть на Луврскомъ дворѣ. Мнѣ кажется, что можно отважиться на подобныя разсужденія, не прослывши варваромъ; красота памятниковъ не зависитъ отъ ихъ размѣровъ: предметы искусства не цѣнятся и не мѣряются на аршинъ, и стихарная заплата; вычеканенная Бенвенуто для Папы Климента VII, стоила бы болѣе, если бы только отыскалась, чѣмъ любой палатцо, занимающій цѣлый гектаръ земли. Какъ бы то ни было, а Альгамбра все-таки очень мала. Если бы мнѣ пришлось тамъ жить, я бы поселился въ *Tocador*, мраморный будуаръ, въ которомъ о-сю-пору еще видны плиты съ пробитыми въ нихъ скважинами, разширивалъ роль огромной курильницы, въ которой султанши пропитывались благовоніями Аравіи отъ одной только прогулки по ней. Въ то же время онъ служилъ и обсерваторіей, потому что возвышается надъ всѣмъ дворцомъ и равниною Гренады. Видъ оттуда великолѣпный: подъ ногами городъ;

нагъво, живописная горная цѣпь Сіерры-Невады, покрытая снѣгомъ; направо, необъятная, безмолвная равнина, на которую заходящее солнце настилаетъ широкія алая полосы; чудесное небо, удивительный климатъ, дворецъ, которому нѣтъ подобнаго въ свѣтъ! Право, не трудно понять, что Боабдила не могъ удержаться отъ вздоха, бросивъ послѣдній взоръ на свое поэтическое царство. Безчисленное множество путешественниковъ, забывъ о сынѣ Мулей-Гассана, потщились написать свои имена на стѣнахъ Токадора, все равно какъ въ гротѣ Гибралтара. Одно имя въ особенности вырвано на мраморѣ одного изъ оконъ съ совершенствомъ, которое свидѣтельствуетъ, что «пѣкій, зело премудрый мужъ прилежалъ тутъ» въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль. Имя это — достояніе одного офицера 11-го линейнаго полка. Ваше благородіе! Истинный вы пѣхотный капитанъ, рожденный для капитанства, и быюсь объ закладъ, что вы и теперь еще все капитанствуете. Вѣдь пришло же въ голову губернатору Гренады, три года тому назадъ, что великодушный розовый колоритъ, которымъ вѣка благоговѣнно покрыли стѣны Альгамбры, никуда не годится! Убоившись, чтобъ эта неподражаемая позолота, спустившаяся жъ неба, какъ бы для освещенія дворца Мавровъ, не подала къ обвиненію его управленія въ нерадѣніи, голубчикъ давай бороться съ солнцемъ. Онъ велѣлъ соскабливать позолоту солнца; нѣсколькимъ колонкамъ Львинаго двора былъ возвращенъ ихъ первобытный цвѣтъ, и я не знаю, продолжалъ ли онъ свое скобленье, или нѣтъ.

Не мѣшаетъ припомнить, что теперешними остатками Альгамбры искусство обязано Маршалу Себастьяни, который, въ продолженіе своего командованія въ Гренадѣ, благоговѣнно возстановилъ дворецъ Боабдила, поддержалъ его нѣжныя колонны, скрѣпилъ его кровли, залечилъ его раны. Самый горькій обязанъ Маршалу и Французскому занятію своимъ театромъ, мостомъ черезъ Хениль, многими площадями, многими прекрасными улицами. Что ни говори, что ни дѣлай, а право нельзя отказать въ уму и любезности народу, ко-

торый употребляет свои досуги на подобныя дѣла. Французскій вкусъ будетъ бодрствовать надъ Альгамброй: у двorca Мавровъ есть теперъ покровитель, которому художники вѣрно не откажутъ въ знаніи дѣла, Герцогъ Монпансіерскій: онъ хочетъ, если только справедливы дошедшія до меня свѣдѣнія, наблюдать за нимъ и упрочить его.

Что касается до Дженералифа, небольшого увеселительнаго домика, расположеннаго на полугорѣ одного изъ холмовъ, возвышающихся надъ Альгамброй, то, признаюсь, я бы не выбралъ его обычнымъ своимъ мѣстопробываніемъ. Кромѣ вида, который дѣйствительно прекрасенъ, въ этой крѣпости для меня нѣтъ ничего удивительнаго, и я право не знаю, за что она вошла въ такую славу. Въ саду два прекрасныхъ оранжереи, въ домѣ маленькій плохенькій залъ, выбѣланный известкой, украшенный нѣсколькими дрянными фамильными портретами и родословнымъ деревомъ Кампо-Техаровъ, теперешнихъ владѣтелей Дженералифа, все это вовсе не похоже на очаровательно описаніе Шато-Бриана о праздникѣ, данномъ въ этомъ мѣстѣ Лотрекомъ послѣднему Абенсеррагу и прекрасной доньѣ Бланкъ. Маркизь Кампо-Техаръ нисходитъ въ прямой линіи отъ Боабдила. Это происхожденіе, которое во всякой другой странѣ показалось бы достаточно древнимъ и почетнымъ, въ Гренадѣ кажется довольно простымъ. Этотъ городъ, удаленный отъ путей сообщенія и торговаго движенія, остался вѣрнымъ древнимъ своимъ преданіемъ. Гренада безсомнѣнно самый аристократическій городъ Испаніи. Тамъ еще слышны толки о синей крови, объ алой крови и о бѣлой крови, о которыхъ нѣтъ уже и помину ни въ Кадиксѣ, ни въ Малагѣ. Синяя кровь достойна древняго дворянства; это чисто-Кастильянская кровь, которой источникъ долженъ быть гораздо древнѣе завоеванія. Алая кровь принадлежитъ тѣмъ родамъ, которые окрестились уже послѣ изгнанія Мавровъ. Такимъ образомъ, Маркизь Кампо-Техаръ, хотя и потомокъ Арабскихъ парей, но принадлежитъ къ второстепенному дворянству. Зеграссы, которыхъ въ Гренадѣ существуетъ нѣсколько отраслей, считаются въ числѣ

недавнихъ христіанъ; кровь ихъ алая. Бѣлая кровь течеть въ жилахъ сословій, у которыхъ нѣтъ пергаментныхъ хартий. Съ помощію храбрости, бѣлая кровь можетъ поалѣть, но ей трудно перейти въ синюю, потому что для этого нужно бы было завоевать непрерывный рядъ предковъ—ревностныхъ христіанъ, испытанныхъ католиковъ, начало котораго теряюсь бы во мракѣ вѣковъ.

Кто видѣлъ Альгамбру, тому нечего больше смотреть въ цѣлой Гренадѣ, и не стоитъ терять времени на посѣщеніе покинутаго картезіанскаго монастыря Картухи. Нѣсколько образчиковъ туземнаго мрамора; ризница, украшенная черепашею мебелью, въ родѣ Булевской, работы монаха не знаю какой-то конгрегаціи; часовня, ограбленная во время оно Французами, если только вѣрить чичероне: все это едва ли стоитъ пути. Впрочемъ, этотъ монастырь долженъ былъ имѣть за нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда онъ былъ обитаемъ, величавый характеръ. Инквизиція всегда внушала мнѣ какой-то священный ужасъ, а большая часть Испанскихъ монаховъ, которыхъ мнѣ случалось видѣть въ мою жизнь, были грязные тунеядцы; но при всемъ томъ, я думаю, что монахи были для Полуострова необходимымъ живописнымъ дополненіемъ. Испанія безъ монаховъ то же, что Франція безъ солдатъ, или Италія безъ гондолиеровъ.

И такъ, въ Гренадѣ слѣдуетъ проводить время въ залахъ Альгамбры, или въ тѣни ведущихъ къ ней гульбищъ. Вечеромъ, можно идти въ театръ слушать то хорошую музыку кочующихъ пѣвцовъ, которые показались бы превосходными на второстепенныхъ сценахъ, то посредственную прозу какой-нибудь мелодрамы, переведенной съ Французскаго. Евгений Сю особенно въ большомъ ходу въ Испаніи. Меня спрашивали многіе, имѣлъ ли я когда-нибудь счастье видѣть его; точь въ точь съ такимъ же вопросомъ адресовался ко мнѣ за нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Копенгагенѣ, по случаю Поль-де-Кока, который имѣетъ привилегію на весьма уснѣнное разглаживаніе Датскихъ морщинъ. Это сближеніе ужасно для славы

нашей литературы. Вотъ шестистишіе въ честь автора *Въ-наго жида*, которое я прочталъ однажды вечеромъ въ театрѣ, въ Гренадскомъ журналѣ; оно стоить извѣстности:

Vos sois Francès, la Francia os merecia :

Pero no es patria mia;

Y al ensalzar vuestro glorioso nombre,

Anado tristamente :

O Dios omnipotente.

Porquè no es Espanol van grande hombre*.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, утомившись слушаніемъ бульварныхъ драмъ, старыхъ монхъ знакомыхъ, ощутивши кромѣ того желаніе познакомиться съ туземными удовольствіями, я отправился посмотрѣть на цыганскій балъ. Избави васъ Боже отъ зловонія, которымъ я тамъ надышался. Съ дюжину свирьпыхъ самокъ (этихъ тварей невозможно назвать женщинами), столько же грязныхъ, сколько и безобразныхъ, съ козыми профилями, съ руками летучихъ мышей, отхватили передъ нами, въ сопровожденіи двухъ или трехъ непристойныхъ сорванцовъ и старухи, въ родѣ мулатки, у которой благо только и было что волосы, не знаю какой-то безстыжій танецъ, несравненно болѣе отвратительный чѣмъ сладострастный. Господинъ Викторъ Гюго, господинъ Мериме! увѣрьте насъ, ради Бога, что Эсмеральда и Кармезь были не Гренадскія цыганки!

Спусти нѣсколько дней, я подумалъ о возвратномъ пути, и, не желая злоупотреблять дилижанса и разстаться съ Испаніей, не познакомившись съ *arrieros'*ами, я открылъ себѣ погонщика муловъ, который обязался выставить намъ трехъ лошадей и проводить насъ въ Малагу въ полтора дни. За трехъ лошадей и за проводника, не считая корма, пришлось

---

* Посвящается Е. Сю: «Вы Французъ, Франція того достойна; но она мнѣ не отечество, и прославляя ваше знаменитое имя, прибавляю печально: О Боже всемогущій, зачѣмъ не Испанецъ столь великій человекъ?»

заплатить 23 дурса (около 130 франковъ), что можетъ дать понятіе о дороговизнѣ путешествій по Испаніи, въ которой лупятъ деньги самымъ безсовѣстнымъ образомъ, и которая въ этомъ отношеніи можетъ перещеголять всѣхъ и каждаго. Это бы все еще ничего; но главная бѣда заключа-лась въ томъ, что надо было садиться на коня въ два часа утра. Я уже усталъ до отъѣзда. Маленькій нашъ караванъ двинулся въ путь по темнымъ улицамъ. Стукъ шаговъ нашихъ сухопарыхъ клячъ раздавался одиноко въ заснувшемъ городѣ. Необыкновенно грустное чувствозакрадывается въ душу, когда проѣзжаешь ночью по незнакомому городу. Никто объ васъ не думаетъ, никто васъ не знаетъ; вы можете разшибиться на любомъ углу, и ни одна дверь не отворится для васъ. Совершенно справедливо, что уединеніе бываетъ всего тягостнѣе среди толпы. Мы пріѣхали съ первыми лучами утренней зари на возвышенія . съ которыхъ Гренада видна въ послѣдній разъ, къ тропинкѣ, которую о-сю-пору еще называютъ *el ultimo sospiro dee Moro* (послѣдній вздохъ Мавра). Я оглянулся, также какъ и Боабдилъ , но не вздохнулъ. Я оставлялъ Гренаду безъ сожалѣнія; мнѣ хотѣлось спать я бы отдалъ Альгамбру за хорошую постель. Кромѣ того я начиналъ чувствовать тоску по родинѣ; я проклиналъ пѣгую клячку, на которой ѣхалъ, и безобразную, костоломную выючную подстилку, которую мнѣ подложили вмѣсто сѣдла; я разсуждалъ самымъ прозаическимъ образомъ о живописныхъ путешествіяхъ; я завидовалъ флегмѣ Англичанина, который присоединился къ моему каравану, и который преспокойно курилъ возлѣ меня сигарку, заставляя своего чахлаго одра перескакивать черезъ каждый камень , который ему попадался. Этому *sportman*'у пришло въ голову, мѣсяцовъ за семь , отравиться въ Норвегію за семгою, и возвращаясь изъ Христіаніи въ Корнваллійское графство , онъ изволилъ прогуляться черезъ Москву, Одессу, Константинополь, Бейрутъ, Іерусалимъ, Каиръ, Александрію, Неаполь и Барселону. Всякъ путь ведетъ въ Римъ, говоритъ Французская пословица. Я въ жизнь мою не встрѣчалъ такого невозмутимаго существа.

Онъ путешествовалъ одинъ одиноконекъ, безъ проводника, не зная и не понимая ни слова по-Испански. Онъ не удивлялся ровню ничему, рассказывалъ самыя уморительныя вещи безъ малѣйшей улыбки, переносилъ настоящимъ стоикомъ безпрестанныя неудобства и затрудненія, въ которыя его поминутно поставляло незнаніе языка. Вскорѣ солнце начало жалить насъ своими лучами. Жаръ сдѣлался удушливъ; на меня напала ужасная мигрень. Согнувшись на своемъ пегасъ, измученный болью, испеченный Аполлономъ, я не обращалъ никакого вниманія на плоскую печальную страну, по которой мы проѣзжали. Впрочемъ, мы не встрѣчали ничего особенно замѣчательнаго, кромѣ торчавшихъ кой-гдѣ деревянныхъ крестовъ, на которыхъ было написано, что: *Aqui matarona Francisco torres**, или *Bernardo*, или *Pedro*; имя измѣнялось, формула оставалась все та же. Это были памятники убійствъ, не новыхъ, правда, а совершенныхъ лѣтъ за двадцать. Въ направленіи къ югу показалась передъ нами Альгама, очень живописный городъ, расположенный среди настоящей Ояванды растрескавшихся скалъ. Мы вошли въ какую-то *позаду*, въ которой я растянулся на дрянной постелишкѣ самымъ плачевнымъ образомъ, пока Англичанинъ уписывалъ яичницу съ ветчиной, которую намъ подали хозяйка. У меня сдѣлалась сильная лихорадка; я не могъ волочить ногъ, въ ушахъ у меня звенѣло, голова моя бродила. Часа въ три, во время самага сильнаго жара, надо было опять садиться на коня. До Велеца, гдѣ мы должны были ночевать, намъ оставалось проѣхать, по словамъ проводника, не болѣе шести миль. Берегитесь Испанскихъ миль! Въ одиннадцать часовъ вечера, то есть спустя осемь часовъ, мы все еще блудили по тропинкамъ, понуждая своихъ измученныхъ лошадей, которыя спотыкались на каждомъ шагу мерзвѣйшей дороги. Мѣстность пошла такая гористая, такая взрытая, что каждую минуту приходилось слезать съ лошади и перелѣ-

---

* Здѣсь убили Франсиско Торреса.

зять черезъ трудныя преграды. Приближеніе сселеній возвышалось намъ смрадной вонью отъ какой-нибудь падали, заражавшей воздухъ на цѣлую милю въ окружности. Насъ окутала темная ночь. Истощивъ всѣ силы, я отдался на произволь движеній моей лошади; я совершенно бредилъ. На днѣ глубокаго ущелья, у порога маленькаго домика, я видѣлъ, при свѣтѣ лампы, двухъ молоденькихъ дѣвушекъ, танцовавшихъ подъ навѣсомъ фанданго и пгравшихъ кастаньетами. Мнѣ казалось, что два сосѣднія дерева танцуютъ вмѣстѣ съ ними, а домъ ихъ vis-à-vis. Шумъ водопадовъ, которые я слышалъ, но не могъ видѣть, раздавался у меня въ ухахъ гуломъ оркестра. Иногда, дрожа отъ стужи въ моей холщевой курткѣ, я тупо смотрѣлъ въ темнотѣ на бѣдняка-прохожаго, который шелъ за нами пѣшкомъ съ самаго утра; онъ держался за хвостъ моей лошади, которая его тащила, и оттого иногда останавливалась. Этотъ прохожій мерещился мнѣ вѣдьмой, верхомъ на помелѣ.

Мы пріѣхали въ Велець-Малагу въ глухую полночь. Пробывъ двадцать одинъ часъ въ дорогѣ, мы проѣхали четырнадцать Испанскихъ миль, то есть двадцать пять Французскихъ, все шагомъ, и я былъ на-тощакъ. Въ *позадѣ* нечего было ѣсть. Къ счастью, Англичанинъ, не любившій шутить, самъ принялся за стряпню. Онъ принесъ мнѣ черезъ часъ времени необъятную миску, среди которой яйца плавали совокупно съ хлѣбными корками по озеру соленой воды, на которомъ капли масла, позанмствованнаго у лампы, искрились желтоватыми пловучими островками. Мы проглотили эту микстуру, и я спросилъ вина: принесли уксусу. Въ Велець, среди виноградниковъ Малаги, вина не было! Спать пришлось посреди комнаты на нашихъ плащахъ. На слѣдующій день, провхавъ цѣлое утро вдоль приморскаго берега, мы въѣхали въ Малагу около полдень. Гостинница Ладанца показала мнѣ раемъ, и я поклялся никогда больше не ѣздить верхомъ по Гренадской дорогѣ.

Я пробылъ въ дорогѣ пять мѣсяцовъ, и мной овладѣло уныніе. Я грустилъ, не находя уже въ себѣ кипучаго рвенія первыхъ моихъ путешествій. Что сталося съ этими летучими мечтаніями, съ этими плодотворными стремленіями, съ этой неисчерпаемой силой? Увы! я не умѣлъ уже путешествовать. Все мнѣ казалось пустымъ и тусклымъ: я думалъ о Франціи. Удивляются, говорилъ я самому себѣ, что Французы не путешествуютъ. Выдумайте край веселѣе ихъ отечества, и они отправятся смотрѣть на него. Рыскаютъ по свѣту тѣ люди, которымъ не сидится у себя дома. Поразсудивши хорошенько обо всемъ, я взялъ мѣсто на Барселонскомъ пароходѣ, и далъ себѣ слово оставлять впередъ свое отечество, какъ можно рѣже.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СЕМЕЙСТВО КАКСТОНЪ.

Романъ Бульвера.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Мальчикъ, мистеръ Какстонъ, мальчикъ! — Отецъ мой погруженъ былъ въ чтеніе. Мальчикъ! повторилъ онъ съ видимымъ смущеніемъ, поднявъ глаза. — Что такое мальчикъ?

При такомъ вопросѣ, отецъ вовсе не думалъ начинать философическаго изслѣдованія, и требовать у безграмотной женщины, ворвавшейся въ его кабинетъ, рѣшенія психологической и физиологической задачи, затрудняющей до сихъ поръ ученыхъ мудрецовъ: «что такое человекъ!» — Возьмите первый словарь, и онъ скажетъ вамъ, что мальчикъ есть дитя мужскаго пола,.... т. е. юная мужская отрасль человека. Кто хочетъ пускаться въ изслѣдованія и научно-образно узнать, что такое мальчикъ, долженъ сперва опредѣлить, что такое человекъ.

Отецъ мой прочелъ Бюффона, Монбоддо, епископа Берклея, профессора Комба, всѣхъ авторовъ-матеріалистовъ Эпикурейской школы, всѣхъ умозрителей школы Зенона, и пр. пр. — Слѣдовательно, признавая, что мальчикъ есть юная мужская отрасль человека, онъ могъ, сказать себѣ, по произволу:

«Человекъ есть желудокъ: слѣдовательно, мальчикъ есть юный желудокъ мужскаго пола.

«Человѣкъ есть разумъ : слѣдов. мальчикъ есть юный разумъ мужскаго пола.

«Человѣкъ машина: слѣдов. мальчикъ есть юная машина мужскаго пола.

«Человѣкъ безхвостная обезьяна: слѣдов. мальчикъ есть юная безхвостная обезьяна мужскаго пола.

«Человѣкъ сляніе, сродство газовъ : слѣдов. мальчикъ есть юное сляніе мужскаго пола газовъ.

«Человѣкъ призракъ : слѣдов. мальчикъ есть юный призракъ мужскаго пола.» И такъ далѣе, до безконечности.

Но, если бы ни одно изъ этихъ опредѣленій не удовольствовало любезнательности отца моего, то конечно не сталъ бы онъ у мистрисъ Примминсъ просить новаго опредѣленія.

Судьба однакоже хотѣла, чтобъ въ эту минуту отецъ мой занять былъ важнымъ вопросомъ : «Кѣмъ сочинена Илиада? Гомеромъ? или многими авторами, которыхъ пѣсни собраны и сложены во-едино, обществомъ умныхъ людей!» Слово: *мальчикъ!* коснувшись его слуха, не отвѣчало на его умственное недоумѣніе, и спросивши у мистрисъ Примминсъ, что такое мальчикъ? онъ нисколько не думалъ о вопросѣ своемъ, и только выразилъ имъ замѣшательство человѣка, внезапно встревоженнаго и удивленнаго.

— Вотъ прекрасно! что такое мальчикъ,—отвѣчала мистрисъ Примминсъ: — разумѣется, вашъ новорожденный.

— Новорожденный! повторилъ отецъ, вскакивая. Какъ что? неужели вы думаете, что мистрисъ Какстонъ?... Да повторите же!

— Безъ всякаго сомнѣнія, отвѣчала мистрисъ Примминсъ, а я съ роду не видывала такого миленькаго мальчика.

— Бѣдная, бѣдная! сказалъ отецъ съ глубокимъ со-страданіемъ. Такъ скоро, такъ непонятно скоро! Давно ли мы обвѣчались!

— Давно ли? вскричала мистрисъ Примминсъ обиженнымъ голосомъ. Что вы это, мистеръ; кажется, уже прошло одиннадцать мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ какъ вы обвѣчались!

— Одиннадцать мѣсяцевъ! сказалъ отецъ, вздыхая. Одиннадцать мѣсяцевъ! а я еще не кончилъ пятидесяти

странницъ моего возраженія на чудовищную теорію Вольфа! Въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ образовалось цѣлое дитя, съ руками, съ ногами, съ глазами и со всѣми прочими принадлежностями. Дитя вполне совершенное, а бѣдное дитя головы моей (тутъ отецъ важно положилъ руку на трактатъ свой) по сію пору еще не воплотилось! О, жена моя драгоценная женщина! Сохрани ее Господь и пошли мнѣ силу принять достойно такое благоволеніе!

— Однакоже мистеръ, вамъ вѣрно угодно взглянуть на новорожденнаго? Пойдемте, пойдемте со мною.

И мистрисъ Примминсъ ласковой рукою потащила отца моего за рукавъ.

— Взглянуть? конечно, конечно! сказалъ отецъ съ предоброй улыбкой. Взглянуть! ужъ меньше этого я ничего не могу сдѣлать въ разсужденіи мистрисъ Какстонъ; бѣдная такъ много страдала! бѣдная! душенька!

Тогда отецъ важно, завернувшись въ шлафорокъ, пошелъ за мистрисъ Примминсъ, которая привела его въ первый этажъ и ввела въ темную комнату, тщательно занавѣшанную.

— Каково тебѣ, другъ мой? спросилъ отецъ съ сострадательною нежностью, ощупью подходя къ постель.

Слабый голосъ прошепталъ:

«Лучше теперь, я такъ счастлива!»

М-съ Примминсъ въ ту же минуту потащила отца моего въ другую сторону, подняла занавѣсъ маленькой колыбели, и поднесла свѣчу почти къ самому носу новорожденнаго. Вотъ онъ, сказала она, благословите его!

— Вѣрно вы не сомнѣваетесь, мистрисъ Примминсъ, что я благословляю его, сказалъ отецъ съ маленькой досадой. Мнѣ долгъ велить благословлять его. Буди благословенъ! — И вотъ какими родимся мы на свѣтъ.... Красными, очень красными.... напередъ краснѣющими отъ всѣхъ будущихъ нашихъ глупостей.

Отецъ сѣлъ на стулъ сидѣлки, всѣ женщины столпились около него. Онъ продолжалъ разсматривать содержаніе колыбели, и сказалъ наконецъ тихо:

«Самъ Гомеръ былъ похожъ на это!»

Въ это мгновеніе, подобіе новорожденнаго Гомера, обезпкоенный вѣроятно близостью свѣчи къ слабымъ его глазкамъ, испустилъ первые, нестройные звуки, данные ему природой.

— Гомеръ пѣлъ лучше, когда выросъ, замѣтилъ Г. Скиль акушеръ, который въ углу комнаты занимался какою-то таинственной работой.

Отецъ заткнулъ себѣ уши.

— Маленькія существа могутъ произвести много шума, замѣтилъ онъ весьма мудро, и чѣмъ меньше существо, тѣмъ больше можетъ оно шумѣть.

Говоря такимъ образомъ, онъ на цыпочкахъ прокрался къ кровати, взявъ бѣлую ручку, къ нему протянутую, и прошепталъ нѣсколько словъ, вѣроятно пріятныхъ слуху той, до которой дошли они, потому что бѣлая ручка, освободившись изъ руки отца моего, обвилась вокругъ его шеи. Онъ нагнулся.... и звукъ нѣжнаго поцѣлуя раздался среди молчанія тихой комнаты.

— Мистеръ Какстонъ! вскричалъ Г. Скиль съ упрекомъ: вы волнуете больную мою, пора вамъ уйти.

Отецъ мой выпрямился, обратился къ Г. Скилю спокойно свое лице, отеръ глаза рукою и исчезъ безъ шума за дверью.

— Кажется мнѣ, сказала отца изъ женщинъ, сидѣвшихъ по другую сторону кровати мистрисъ Какстонъ, что мужъ вашъ могъ бы изъяснить больше радости.... то есть, больше чувства, увидѣвъ дитя свое.... и какое дитя! Но всѣ мужчины одинаковы; повѣрьте мнѣ, милая, они всѣ ничего не чувствуютъ.

— Бѣдный Робертъ, сказала матушка, вздыхая, какъ вы несправедливо объ немъ судите!

— Мнѣ должно теперь выслать отсюда всѣхъ, сказалъ Г. Скиль. А вы усните, мистрисъ Какстонъ, и спите, спите сколько можно долѣе.

— Г. Скиль, сказала матушка, отодвигая занавѣсъ слабой рукою, прошу васъ, посмотрите, не нужно ли чего мистеру Какстону.... Скажите ему, чтобъ онъ не сердился

что я не приду.... Скоро, не правда ли, скоро, мнѣ можно будетъ сойги внизъ?

— Скоро, сударыня, если теперь будете спокойно лежать.

— Не забудьте же моей просьбы, и ты тоже, Приминсь. Боюсь, что всѣ теперь безъ вниманія оставили нашего хозяина. Приминсь, милая, о смотри и провѣтри его ночной колпакъ.

— Прекрасныя творенія, эти женщины! думалъ Г. Скиль, выпроваживая всѣхъ набившихся въ комнату родильницы, выключая мистрисъ Приминсь и сидѣлки, и направляя шаги свои къ кабинету М. Какстона.

— Джонъ, сказалъ онъ слугѣ, попавшемуся ему въ корридоръ, носи ужинъ въ комнату твоего господина и приготовь намъ хорошенькій пуншъ.

ГЛАВА II.

— Мистеръ Какстонъ, нельзя ли знать, какимъ образомъ вы женились? — спросилъ Г. Скиль, наливая себѣ стаканъ пуншу.

Такой задущевный вопросъ могъ бы оскорбить инаго разумнаго челоуька, но мой отецъ никогда не допускалъ до себя никакого непріязненнаго чувства.

— Скиль, — сказалъ онъ, откладывая въ сторону книгу и довърчиво прижимая пальцемъ руку акушера. Скиль, я самъ буду очень радъ, если узнаю, какимъ образомъ могъ я жениться.

Г. Скиль былъ врачъ веселый, бодрый, плотный; прекрасные бѣлые зубы украшали его искренній смѣхъ. Г. Скиль былъ философъ на свой ладъ; онъ изучилъ челоуьческую натуру, вылечивая больныхъ своихъ, и увѣрялъ, что мистеръ Какстонъ самъ поучительнѣе всѣхъ книгъ его библіотеки. И такъ Г. Скиль засмѣялся и потеръ себѣ руки.

Отецъ мой продолжалъ спокойно, нравоучительнымъ тономъ:

— Въ жизни челоуька три великія происшествія: рожденіе, женидьба и смерть. Не многіе знаютъ, какъ они ро-

дились! не многіе, какъ умирають! Но, хотя подозрѣваю, что многіе могутъ дать себѣ отчетъ въ среднемъ явленіи.... я не знаю какъ женился.

— Вы женились не по корыстному расчету, вѣроятно по любви, замѣтилъ Г. Скиль: ваша молодая жена и хороша собою, и добра.

— Ахъ, сказалъ отецъ, теперь помню....

— Въ самомъ дѣлѣ? вскричалъ обрадованный Скиль, Ну, что же, мистеръ Какстонъ? какъ это случилось?

Отецъ мой, по обыкновенію своему помѣшкавъ, отвѣчалъ, какъ будто говоря самому себѣ, а не Скилю:

— Добрѣйшій, благодѣтельнѣйшій человекъ! лучшій изъ людей! бездна учености! *abyssus eruditionis!* и мнѣ оставилъ все имѣніе, какое у него было, мимо родныхъ и кровныхъ, мимо Джака и Китти! Да, все имѣніе, всѣ книги Греческія, Латинскія, Еврейскія, всѣ, какія могъ онъ передать слабой рукою своею!....

— Да кто же? спросилъ Скиль. О комъ говоритъ онъ?

— Такъ сударь, продолжалъ отецъ, таковъ былъ Жиль Фиббетъ, магистръ, *sol scientiarum*, солнце знанія, мой дорогой профессоръ, отецъ бѣдной Китти. Онъ оставилъ мнѣ книги свои, свои Эльзевирьы и сироту-дочь!

— А, а! онъ женилъ васъ?

— Нѣтъ, онъ далъ мнѣ ее въ опеку; она переехала сюда, жить со мною. Дурнаго тутъ ничего не было, но сосѣдямъ показалось иначе, и вдова Вальтраумъ сказала мнѣ, что это повредитъ репутаціи бѣдной сироты. Что жъ мнѣ было дѣлать? Да, теперь помню все, все! Я женился, затѣмъ чтобы дочь моего стараго друга имѣла приѣжище и спокойный уголь. Бѣдная дѣвушка! Я принужденъ былъ предложить ей покровительство скучнаго мужа, отшельника, живущаго въ библіотекѣ своей, какъ улитка въ раковинѣ, *cochlea vitam agens*. По несчастію, Скиль, только эту раковину могъ я предложить бѣдной молодой сиротѣ.

— Мистеръ Какстонъ, я уважаю васъ! сказалъ съ восторгомъ Г. Скиль, и такъ живо припрыгнулъ на креслахъ, что пролилъ цѣлую ложку горячаго пуншу на ноги отца моего.

У васъ прекрасное сердце, и теперь понимаю, за что жена ваша такъ любитъ васъ. Наружность у васъ холодная, между тѣмъ я вижу, что и теперь у васъ на глазахъ слезы.

— Не мудрено, отвѣчалъ отецъ, вытирая ноги: пунишь этотъ совсѣмъ кипятокъ.

— Сынъ вашъ будетъ утѣшеніемъ отца и матери, продолжалъ Скиль, не замѣчая въ дружескомъ волненіи, что обварилъ своего собесѣдника. Онъ будетъ голубь мира въ вашемъ домашнемъ ковчегъ.

— Не сомнѣваюсь, жалобно возразилъ отецъ. Только эти голуби не хорошо кричатъ вскорѣ послѣ рожденія. *Non talium avium cantus somnum reducant.* Впрочемъ, могло быть хуже: у Леды родились двое близнецовъ.

— На прошедшей недѣль, мистрисъ Барнабасъ также родила двойни, сказалъ акушеръ. Но кто знаетъ, что вамъ предназначено въ будущемъ? Пью за здоровье вашего наследника, за здоровье будущихъ его братьевъ и сестеръ!

— Братьевъ и сестеръ! Надѣюсь, что мистрисъ Какстонъ объ этомъ не заботится, вскричалъ съ негодованіемъ отецъ; она добрая, хорошая жена. Хорошо однажды, а два, три раза — что же тогда со мной будетъ? — Вотъ и теперь, ужъ три дня ни одна бумага не прибрана къ мѣсту, ни одно перо не очинено, а я терпѣть не могу слабыхъ перьевъ, мнѣ нужно *cuspide duriusculam*. Вотъ и хлѣбникъ приносилъ мнѣ счетъ. Нѣтъ, Скиль, Иллитіи непріятныя богини.

— Что такое Иллитіи? спросилъ акушеръ.

— Вамъ-то именно и должно бы знать это, отвѣчалъ отецъ, улыбувшись. Иллитіями называютъ тѣхъ женскаго пола демоновъ, которыя покровительствуютъ неогилосамъ, то есть новорожденнымъ. — Имя ихъ дано имъ Юноной, смотри Гомера книгу XI. — Кстати: мой неогилосъ какъ будетъ воспитанъ? Какъ Гекторъ? или какъ Астіанаксъ? *Videlicet*, т. е. чье молоко воспитаетъ его? Материнское, или кормилицы?

— А какъ вамъ кажется лучше? спросилъ въ свою очередь Скиль, размышлявая сахаръ въ стаканъ. Въ этомъ случаѣ, я за долгъ почитаю соображаться съ желаніемъ отца.

— Кормилицу, кормилицу! сказала тогда мой отецъ, пусть носить она его *про колро*, у груди своей. Знаю все, что писано о матеряхъ, которыя кормятъ или не кормятъ дѣтей; но бѣдная моя Китти такъ нѣжна, такъ чувствительна, что здоровая, добрая крестьянка лучше укрѣпитъ нервы сына и самой матери. Да и мнѣ будетъ лучше; добрая милая Китти! безъ нея, я и теперь совсѣмъ пропалъ. Когда жъ она встанетъ, Скиль?

— О скоро! недѣли черезъ двѣ.

— Тогда мы пошлемъ неогляса въ школу! *про колро* кормилицу туда же, и все пойдетъ прежнимъ чередомъ, сказалъ отецъ, съ особеннымъ, ему свойственнымъ выраженіемъ таинственной веселости.

— Въ школу? новорожденного?

— Чѣмъ ранѣе въ школу, тѣмъ лучше, утвердительно сказалъ отецъ; это мнѣніе Гельвеція, и я съ нимъ совершенно согласенъ.

ГЛАВА III.

Часто говорили мнѣ, что я былъ чудесный ребенокъ; я этому вѣрю; однакожъ я не самъ узналъ все то, что рассказалъ вамъ въ предъидущихъ главахъ. Поступки отца моего при моемъ рожденіи такъ сильно поразили свидѣтелей; Г. Скиль и мистрисъ Примминсъ такъ часто повторяли мнѣ всѣ тѣ же подробности, что мнѣ все стало столько же извѣстно, сколько и этимъ достойнымъ особамъ. Кажется, вижу передъ собою отца въ сѣренькомъ шафорѣ, съ улыбкой полунасмѣшливой, полупростодушной, одному ему свойственной, и слышу, какъ онъ соглашается съ Гельвеціемъ, чтобъ послать меня въ школу, тотчасъ послѣ моего рожденія. Дѣйствительно, одна только мать могла сказать, что знаетъ отца моего. Иные называли его мудрецомъ, другіе помѣшаннымъ. Онъ принималъ равнодушно и презрѣніе и похвалу, подобно Демокриту, какъ сказываетъ Ипократъ въ письмѣ своемъ къ Домагену. Окрестное духовенство почитало его, называя ученымъ, живой энциклопедіей;

дамы смѣялись надъ нимъ, какъ надъ разсвѣяннымъ педантомъ, не слѣдующимъ и простымъ правиламъ угодливости. Бѣдныя любили его за щедрую милостыню, но насмѣхались надъ простотой, съ какою поддавался онъ всякому обману. Земледѣльцы и агрономы благодарили его часто за полезные совѣты, а между тѣмъ всѣ обыкновенныя житейскія дѣла предоставлялъ онъ матушкѣ, съ явною неспособностью дѣйствовать самому. Однакожъ, если въ тѣхъ же житейскихъ дѣлахъ, кто другой требовалъ отъ него помощи, взглядъ его оживлялся, лице его озарялось внезапной ясностью, и желаніе быть полезнымъ внушало ему разсудительность житейскую, глубокую. Лениво и неохотно занимался онъ собственными выгодами, но доброжелательство приводило въ движеніе всѣ пружины спокойной машины.

Мудрено ли, что такой характеръ былъ для многихъ загадкой? Одной только матушкѣ Робертъ Какстонъ казался лучшимъ и величайшимъ изъ людей. Она поняла его вдохновеніемъ сердца: потому отгадывала всѣ выраженія его фizioноміи, и изъ десяти, девять разъ знала напередъ, что онъ намѣренъ сказать. Но и для нея оставалось въ этомъ необыкновенномъ челоувкѣ много тайнаго, глубокаго, куда не могъ проникнуть ея женскій умъ! Иногда, слушая его полуслова, его монологи, она начинала сомнѣваться въ себѣ, или готова была взрять помѣшательству мужа. Это случалось тогда, когда на лицѣ его изображалась сдерживаемая иронія, когда выговаривалъ юмористическую шутку, смыслъ которой предоставлялъ себѣ самому. Въ такихъ случаяхъ, то, что говорилъ онъ, могло казаться очень важно, или очень смѣшно, судя по степени понятливости его слушателей.

Нужно ли прибавить, что тотчасъ послѣ рожденія меня не отправили въ школу, по крайней мѣрѣ въ школу, какую разумѣлъ Г. Скиль. Комната, въ которой я жилъ съ кормилицей, была такъ отдалена, матушка такъ заботливо убила войлоками двойную дверь, что отецъ могъ, если хотѣлъ, совершенно забыть о моемъ существованіи. Однакоже, иногда ему, волею-неволею, напоминали объ этомъ существованіи, какъ напр. при моемъ крещеніи. Отецъ мой

по любви своей къ уединенію, ненавидѣлъ все, что подобилось публичнымъ зрѣлищамъ и церемоніямъ. Съ неудовольствіемъ примѣтилъ онъ, что готовится какой-то большой праздникъ, въ которомъ ему придется играть главную роль. Не смотря на разсѣянность, на произвольную глухоту, онъ слышалъ, что пріятно воспользоваться прибытіемъ епископа въ ближній городъ, и что необходимо нужно достать еще дюжину стаканчиковъ съ сахарнымъ желе. Въ слѣдствіе этого, когда къ нему пришли съ вопросами о крестномъ отцѣ и матери, онъ догадался, что долженъ отважнымъ усиліемъ освободиться отъ предстоящей напасти. Когда матушка объявила день, назначенный семьею, то отецъ вдругъ вспомнилъ, что за двадцать миль объявленъ огромный аукціонъ книгъ, и что продажа продолжится цѣлые четыре дня. Матушка, которая начинала уже снимать чехлы съ креселъ въ большой гостиной, вздохнула и робкимъ голосомъ замѣтила, что это покажется неприличнымъ, что всѣ будутъ толковать объ отсутствіи отца моего. «Не лучше ли отложить крестины?»

— Нѣтъ, нѣтъ, милый другъ! отвѣчалъ отецъ. Въдрано или поздно, крестить надобно. Епископъ и безъ меня обойдется. Не перемѣняй назначеннаго дня, потому что тогда аукціонеръ конечно отложить также продажу книгъ. Я увѣренъ, что крестины и аукціонъ должны совершиться въ одно время.

Возражать было невозможно; но матушка почти безъ удовольствія dokonчила убранство своей гостиной.

Пять лѣтъ поздне, это не могло бы случиться. Матушка поцѣловала бы отца моего и сказала: «Не ѣди!» и отецъ не повхалъ бы. Но тогда она была еще очень молода и очень робка, а онъ, добрый отецъ мой, не испыталъ еще домашняго превращенія. Однимъ словомъ, почтовая коляска подъѣхала къ воротамъ и ночной мѣшокъ уложили въ ящикъ.

— Другъ мой, сказала матушка передъ отъездомъ: одну важную вещь ты забылъ рѣшить.... Прости меня, что я доучаю тебя, но это важно: какъ будутъ звать нашего сына? Не назвать ли его Робертомъ?

— Робертомъ?... сказалъ отецъ, да Робертомъ меня зовутъ.

— Пусть зовутъ также и сына твоего!

— Нѣтъ, нѣтъ! живо возразилъ отецъ. Въ этомъ не будетъ никакого толку. Какъ тогда различать насъ? Я самъ потеряю свою самобытность: буду думать, что меня посадятъ за азбуку, или мистрисъ Приммицъ положить на колѣна къ кормилицѣ.

Матушка улыбнулась, потомъ, положила ручку на плечо отца моего, — а ручка была у ней прекрасная, — она ласково сказала:

— Не страшно, чтобы тебя съ кѣмъ-нибудь смѣшали, даже и съ сыномъ твоимъ. Если же ты лучше хочешь другое имя, то какое же?

— Самуиль, сказалъ отецъ. Славнаго доктора Парра зовутъ Самуиломъ.

— Какое гадкое имя!

Отецъ не слыжалъ восклицанія и продолжалъ:

— Самуиль или Соломонъ. Борнсъ нашелъ въ этомъ имени анаграмму Омероса.

— Артуръ имя звучное, говорила матушка съ своей стороны; или Вильямъ, Гарри, Карлъ, Джемъ: какое же ты выберешь?

— Пизистратусъ, сказалъ отецъ презрительно, отвѣчая на собственную мысль, а не на вопросы моей матери. Какъ, неужели Пизистратусъ?

— Пизистратусъ, имя очень хорошо, сказала матушка; Пизистратусъ Какстонъ! Благодарствую, милый другъ; и такъ назовемъ его Пизистратусъ.

— Какъ, неужели ты со мной не согласна? Ты принимаешь сторону Вольфа, Гейне, Вико? Ты думаешь, что рапсоды....

— Пизистратусъ, немного длинно, мы будемъ звать его Систи.

— *Siste viator*, сказалъ отецъ; это очень ужъ пошло.

— Нѣтъ, не надобно віаторъ , Систи просто.

Черезъ четыре дня послѣ этого, возвратясь съ аукціона, отецъ мой узналъ, что сынъ его и наслѣдникъ носить знаменитое имя тирана Аѳинскаго и предполагаемаго собирателя поэмы Гомера. Когда же ему сказали, что онъ самъ выбралъ это имя, то онъ разсердился столько, сколько такой невозмутимый человекъ можетъ сердиться.

— Это ни на что не похоже, вскричалъ онъ. Пизистратъ крещенный! Пизистратъ, жившій за 600 лѣтъ до Рождества Христова! Боже мой, сударыня! Вы сдѣлали изъ меня отца анахронизма!

Матушка заплакала, но пособить горю было невозможно. Я былъ анахронизмъ, и остался анахронизмомъ до конца этой главы.

ГЛАВА IV.

— Вы конечно, мистеръ, станете скоро сами воспитывать вашего сына? сказалъ Г. Скиль.

— Конечно, отвѣчалъ отецъ. Вы читали Мартина Скриблера?

— Не понимаю васъ, мистеръ Какстонъ.

— Слѣдовательно, Скиль, вы не читали Мартина Скриблера.

— Положимъ, что я читалъ его.... что жъ изъ этого?

— Только то, Скиль, сказалъ отецъ ласково, что тогда вы узнали бы, что хотя ученый бываетъ часто дуракъ, но чрезвычайно, до крайности глупъ, когда искажаетъ первую страницу бѣлой книги человѣческой исторіи, пачкая ее пошлыми своими педантизмами. Ученый, то есть такой ученый какъ я, меньше всѣхъ способенъ учить и воспитывать маленькихъ дѣтей. Мать, сударь, простая, нѣжная мать, вотъ единственная учительница маленькаго сына.

— По чести, мистеръ Какстонъ, не смотря на Гельвеція, котораго вы цитовали въ день рожденія вашего сына,— думаю, что теперь вы совсѣмъ правы.

— Горжусь этимъ, сказалъ отецъ, столько горжусь, сколько слабому смертному гордиться позволено. Съ Гель-

вещемъ я согласенъ въ томъ, что воспитаніе ребенка должно начинаться съ самаго рожденія, но какимъ образомъ? вотъ тутъ-то и затрудненіе. Пошлите его тотчасъ въ школу! Да онъ и теперь въ школу, съ двумя великими учителями: природой и любовью. Заметьте то, что дѣтя и геній находятся подъ властью одинаковаго органа: любопытства. Дайте волю дѣтяти, и, исходя отъ одной точки съ геніемъ, оно можетъ дойти до того же, до чего доходитъ геній. Одинъ Греческій авторъ рассказываетъ намъ, что нѣкто, желая избавить пчелъ своихъ отъ далекаго летанія на гору Гиметь, обрѣзалъ имъ крылья и пустилъ ихъ въ цвѣтникъ, наполненный самыми душистыми цвѣтами. Бѣдныя пчелы не набрали меду. Такъ и я, мой милый Скиль, еслибъ собрался учить моего малютку, то обрѣзалъ бы ему крылья и посадилъ бы на тѣ цвѣты, которыхъ ему самому нарвать слѣдуетъ. Предоставимъ его покуда природѣ и той, которая представляетъ природу, матери его.

Говоря такимъ образомъ, отецъ показалъ пальцемъ на своего наследника, который валялся по дерну и рвалъ полевья астры; не подалеку мать глядѣла на него, улыбаясь, и ободряла его мелодическимъ своимъ голосомъ.

— Вижу, сказалъ Г. Скиль, что я не очень разбогатѣю визитами къ вашему сыну.

Благодаря такимъ правиламъ, я росъ здорово и весело, выучился складывать, потомъ пачкать большія буквы, благодаря совокупнымъ стараніямъ матери и няньки моей Приминсъ. Приминсъ принадлежала къ древней породѣ вѣрныхъ слугъ-сказочницъ, которая теперь уже выводится. Она прежде выходила мать мою, и теперь любовь ея возобновилась къ новому поколѣнію. Она была изъ Девоншира, а женщины Девоншира, особливо тѣ, которыя живутъ близко отъ береговъ моря, всѣ вообще суевѣрны. Она знала невозобразимое множество чудесныхъ рассказовъ. Мнѣ еще не было шести лѣтъ, когда я зналъ уже всю первобытную литературу, въ которой заключаются легенды всѣхъ народовъ: *Мальчикъ съ пальчикъ*, *Котъ въ сапогахъ*, *Фортуно*, *Фортунатусъ*, *Жакъ побѣдитель великановъ*, и пр. преданія,

или басни, знакомыя подъ разными видами робкому обожа-телю Будды и свирьпому поклоннику Тора. Могу, безъ тщеславія, сказать, что еслибъ меня экзаменовать стали въ этихъ твореніяхъ народнаго воображенія, то я съ честью и славой выдержалъ бы самый строгій допросъ.

Матушка усомнилась наконецъ въ пользѣ такой глубокой учености, и пришла посоветоваться съ отцемъ.

— Другъ мой, отвѣчалъ онъ тѣмъ тономъ, который всегда ее смѣшивалъ, потому что она не могла различить, шутитъ ли онъ, или говоритъ серьезно, — иные философы могли бы въ этихъ басняхъ найти символическія значенія самой высокой нравственности. Я самъ написалъ трактатъ о томъ, что *Коть въ сапогахъ* есть аллегорія успѣховъ челоуѣческаго разума. Эта аллегорія родилась въ мистическихъ школахъ жрецовъ Египта, въ Фивахъ, въ Мемфисѣ, гдѣ обожали кошекъ города; онъ были религіозными символами, муміи ихъ тщательно хранились.

— Милый Робертъ, сказала матушка съ изумленіемъ, поднавши голубые глаза свои, неужели ты думаешь, что Систи всѣ эти красоты отыщетъ въ обутомъ котѣ?

— Милая Китти, возразилъ отецъ, ты и сама не думала, когда удостоила меня согласиться быть моей подругой, что найдешь во мнѣ всѣ красоты, которыя я вычиталъ въ книгахъ. Ты видѣла во мнѣ невинное существо, по счастью, тебѣ удобное. Мало по малу ты узнала, что во мнѣ заключается цѣлый міръ идей, начитанныхъ въ большихъ моихъ in-quarto, которые хотя для самого меня остались еще тайной, но однакоже меня въ твоихъ глазахъ не испортили. Если Систи, какъ ты сына называешь, для избѣжанія вѣроятно, этого проклятаго анахронизма, — если Систи не отыщетъ Египетской мудрости въ *Коть въ сапогахъ*, что нужды! Коть въ сапогахъ невинная сказка, которая забавляетъ его воображеніе. Можно назвать мудростью все, что невиннымъ образомъ возбуждаетъ любопытство: то, что въ младенчества вѣ нравится воображенію, измѣняется послѣ въ любовь къ наукѣ. И такъ, моя милая, возвратись спокойно къ своему сыну.

Не думай однакоже, читатель, что лучший изъ людей былъ въ глубинѣ сердца равнодушенъ къ докучливому своему неогилосу, потому что казался такъ равнодушенъ въ минуту моего рожденія и такъ небрежно смотрѣлъ на первое мое воспитаніе. Выроставъ, я убѣдился, что бдительный взоръ отца слѣдитъ за мною. Помню очень одно происшествіе, которое является мнѣ теперь, при обзорѣ всего прошедшаго, кризисомъ моей младенческой жизни и видимой связью моего дѣтскаго сердца съ этой великой и спокойною душою.

Это было въ Іюнь. Отецъ сидѣлъ на лужайкѣ передъ домомъ, съ надвинутой на глаза соломенной шляпой и съ книгой на козлыахъ. Вдругъ, драгоценная фарфоровая ваза, стоявшая на окнѣ верхняго этажа, съ громомъ упала къ ногамъ отца и осколками своими папала въ него. Подобный Архимеду при осадѣ Сиракузъ, батюшка продолжалъ читать: *Impavidum ferient ruinae.*

— Ахъ, Боже мой! закричала матушка, сидѣвшая за работой подъ навѣсомъ: моя прекрасная, голубая ваза которую я такъ любила! Кто могъ столкнуть ее? Приминись! Приминись!

Мистрисъ Приминись высунула голову изъ несчастнаго окошка, и поспѣшно сбѣжала внизъ, блѣдная и запыхавшись.

— Ахъ, сказала печально матушка, лучше бы погибли всѣ мои тепличныя растенія, лучше бы разбили мой хорошій чайникъ, мои прекрасныя Японскія чашки! Этотъ чудный гераниумъ, который я сама вырастила, эта дорогая ваза, которую Какстонъ подарилъ мнѣ въ послѣдній день моего рожденія! Вѣрно этотъ дурной мальчишка сбросилъ мою вазу!

Мистрисъ Приминись очень боялась отца моего; за что — не знаю. Кажется, будто всѣ словоохотныя особы боятся немного молчаливыхъ и погруженныхъ въ себя. Она мелькомъ взглянула на господина, и принявъ, что и онъ становится внимателенъ, вскричала:

— О нѣтъ, сударыня! Это не вашъ милый Систи, сохрани его Богъ! это я виновата.

— Ты? Какъ же ты могла? О Примминсь ты знала, какъ я любила мой гераніумъ и мою вазу!

Примминсь зарыдала.

— Не лги, няня, закричалъ звонкимъ голоскомъ Систи, и отважно выбѣжавъ изъ дома, продолжалъ съ живостью:

— Не браните нянюшку, маменька! я сбросилъ вазу.

— Молчи! сказала испуганная няня, обращаясь къ отцу, который снялъ шляпу и смотрѣлъ очень серьезно на происходящее. — Молчи, Систи! Онъ печально уронилъ вазу, сударыня! Право, печально! Говори же Систи! видишь, папа сердится!

— Хорошо, сказала матушка, вѣрю, что это случилось печально: будь осторожнѣе впередъ, дитя мое. Тебѣ жаль, что ты огорчилъ меня. Поди сюда, поцѣлуемся, и перестань хмуриться.

— Нѣтъ, маменька, не цѣлуйте меня: я этого не стою. Я нарочно бросилъ вазу.

— А, а! сказалъ отецъ, подходя ко мнѣ. Для чего же? Мистрисъ Примминсь дрожала какъ листъ.

— Такъ — пошутить отвѣчалъ я, покачивая головою; мнѣ хотѣлось посмотреть, какую вы, папенька, сдѣлаете на это гримасу. Вотъ вся правда. Теперь накажите меня! накажите!

Отецъ бросилъ книгу шаговъ на сорокъ отъ себя, нагнулся, поднялъ меня на руки и сказалъ:

— Сынъ мой, ты сдѣлалъ дурное дѣло. Ты исправилъ его, вспоминая всю жизнь, что отецъ твой благодаритъ Бога, даровавшаго ему сына, который сказалъ правду, не побоясь наказанія. А вы, мистрисъ Примминсь, попробуйте научить его еще разъ подобнымъ баснямъ, и мы разстанемся съ вами на вѣкъ.

Черезъ это приключеніе стало мнѣ ясно, что я люблю отца, и что отецъ меня любитъ. Съ тѣхъ поръ началъ онъ разговаривать со мною. Когда мы встрѣчались въ саду, онъ ужъ не по прежнему улыбался, глядя на меня, и кивалъ головою, но останавливался, клалъ книгу въ карманъ, и хотя разговоръ его былъ выше моего понятія, однако я чувство-

валъ, что становлюсь лучше, счастливѣе, что, вспоминая его, расту умомъ. Вмѣстѣ урока или правоученія, онъ клалъ мнѣ въ голову мысль, и давалъ ей бродить и развиваться по волю. Для примѣра сообщу продолженіе исторіи о гераніумѣ и разбитой вазѣ.

Г. Скнль, старый холостякъ, былъ очень не скупъ и часто приносилъ мнѣ маленькіе подарки. Вскорѣ послѣ разсказаннаго приключенія, принесъ онъ мнѣ вещицу, превышающую цѣною обыкновенные дѣтскіе подарки. Это было прекрасное домино, костяное съ золотомъ. Домино это радовало меня несказанно. По цѣлымъ часамъ игралъ я имъ, и на ночь пряталъ подъ подушку.

— Кажется, ты любишь домино больше всѣхъ твоихъ игрушекъ, сказалъ однажды отецъ, увидѣвши, какъ я въ гостиной раскладывалъ свои костяные параллелограммы.

— О, папенька, больше всѣхъ!

— И очень тебѣ будетъ жалко, если маменькѣ твоей вздумается бросить его изъ окошка и разбить?

Я посмотрѣлъ на отца умоляющимъ взоромъ и не отвѣчалъ ничего.

— Можетъ статься, ты былъ очень счастливъ, продолжалъ онъ, если бы одна изъ этихъ добрыхъ волшебницъ, о которыхъ ты такъ много слышалъ, вдругъ превратила твой ларчикъ съ домино въ прекрасную голубую вазу съ прекраснымъ гераніумомъ, и ты могъ бы поставить его на окно маменьки?

— О, конечно, я былъ бы очень радъ! отвѣчалъ я съ намернувшейся слезою.

— Вѣрю тебѣ, другъ мой, но добрыя желанія не исправляютъ дурнаго дѣла. Добрые поступки исправляютъ дурныя дѣла.

Сказавши это, онъ затворилъ дверь и ушелъ. Не знаю, до какой степени голова моя возмутилась загадкой отца моего, но во весь тотъ день я не игралъ въ домино. На другое утро, увидѣвъ, что я сижу одинъ подъ деревомъ въ саду, онъ подошелъ ко мнѣ, остановился и, спокойнымъ своимъ взоромъ осмотрѣвши меня, сказалъ:

— Дитя мое, я иду гулять до самого города. Хочешь идти со мною? Да кстати, возьми въ карманъ свое домино, я хочу его показать одному человѣку.

Я побѣждалъ за ларчикомъ домой, и мы пошли вмѣстѣ. Съ гордостью шелъ я подлѣ отца по большой дорогѣ.

— Папенька, сказалъ я, вспоминая вчерашній разговоръ, теперь уже нѣтъ на землѣ волшебницъ?

— А на что тебѣ онѣ?

— Безъ волшебницы кто же можетъ превратить мое домино въ голубую вазу и въ прекрасный гераніумъ!

— Другъ мой, сказалъ отецъ, положивъ мнѣ на плечо руку, всякій человѣкъ, который хочетъ добра серьезно, не шутя, носить при себѣ двухъ волшебницъ: одну здѣсь (онъ указалъ мнѣ на сердце), другую тутъ (и пальцемъ тронулъ лобъ мой).

— Папенька, я не понимаю.

— Подожду, пока поймешь, Пизистратъ!

Мы пришли въ городъ; батюшка остановился въ лавкѣ садовника, смотрѣлъ разные цвѣты, и указывая мнѣ на махровый гераніумъ, сказалъ:

— Вотъ этотъ гераніумъ еще лучше того, который мать твоя такъ любила.... Какая цѣна этому гераніуму?

— Семь шиллинговъ, отвѣчалъ садовникъ.

Отецъ застегнулъ карманъ, въ которомъ лежалъ кошелекъ. — Сегодня нельзя ивъ купить его, сказалъ онъ, и мы вышли.

Далѣе подошли мы къ фарфоровому магазину.

— Есть у васъ цвѣточная ваза, похожая на ту, которую я купилъ у васъ прошлаго года? спросилъ отецъ у купца. Ахъ, вотъ такая же, и цѣна назначена та же: три шиллинга. Ну, дитя мое, мы купимъ эту вазу, когда приблизится день рожденія твоей матери. До того дня еще нѣсколько мѣсяцовъ, но мы ждать можемъ; очень можемъ, Систи; истина, которая цвѣтетъ цвѣлый годъ, лучше бѣднаго гераніума, и сдержанное обѣщаніе лучше всякаго украшенія на окнахъ.

Я нагнулъ голову, но скоро поднялъ ее, и радость, съ какою билось сердце, чуть не задушила меня.

— Я пришелъ съ вами счестья, сказалъ отецъ, входя въ лавку, гдѣ продавались всякія вещи, бумажныя, бронзовыя, и пр. предметы прихоти. — И пока купецъ доставалъ счетъ свой, — кстати, продолжалъ отецъ, сынъ мой можетъ показать вамъ прекрасный, привезенный изъ Франціи, ларчикъ съ домино. Покажи свой ларчикъ, Сисги.

Я досталъ мое сокровище, и купецъ сталъ хвалить его.

— Не худо знать всегда цѣну вещи, продолжалъ отецъ: случится можетъ надобность продать ее. Скажите намъ пожалуйста, если сыну моему надобно домино и вздумается продать его, сколько вы за него дадите?

— О, отвѣчалъ купецъ, охотно дамъ ему 18 шиллинговъ, и больше осьмнадцати, если захочетъ промѣнять на другую какую вещь.

— Осьмнадцать шиллинговъ! вы дадите ему 18 шиллинговъ! Ну, сынъ мой, если захочешь когда-нибудь продать свое домино, то охотно тебѣ позволю.

Отецъ заплатилъ счетъ и вышелъ. Я пропустилъ его и остался въ лавкѣ; черезъ нѣсколько минутъ, догнавъ его на улицѣ.

— Папенька! папенька! кричалъ я, хлопая въ ладоши: мы можемъ купить голубую вазу.... И вынулъ изъ кармана горсть шиллинговъ.

— Видишь, что я правъ, сказалъ отецъ, утирая глаза; ты отыскалъ двухъ волшебницъ.

О! съ какимъ счастьемъ, съ какой гордостью уцѣпился я за платье матушки и потащилъ ее въ комнату, когда поставили туда на окно прекрасную вазу съ гераніумомъ.

— Это купилъ онъ самъ! на собственныя деньги, сказалъ отецъ. Добрымъ поступкомъ исправленъ прежній дурной.

— Возможно ли! вскричала матушка, когда ей все рассказали. Прекрасное твое домино, которымъ ты такъ радовался! Завтра же пойдемъ въ городъ и выкупимъ его, хоть за двойную цѣну!

— Идти ли намъ выкупать домино, Пизистратъ? спросилъ отецъ.

— О, нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! этимъ все испортится! сказалъ я, скрывая голову на груди отца.

— Китти! сказалъ торжественнымъ голосомъ отецъ: вотъ мой первый урокъ сыну; я хотѣлъ, чтобы онъ испыталъ святое счастье пожертвованія собою.... пусть помнитъ онъ его во всю жизнь.

Тѣмъ кончилась исторія гераніума и разбитой вазы.

ГЛАВА V.

Между седьмымъ и осьмымъ годомъ, со мной сдѣлалась перемѣна, которая не удивитъ родителей, наслаждающихся тревожнымъ счастьемъ воспитывать единственного сына. Живость и веселость, свойственныя дѣтямъ, исчезли, я сдѣлался тихъ и задумчивъ. Отсутствіе дѣтей одного со мной возраста, общество людей зрѣлыхъ, смѣняясь съ совершеннымъ уединеніемъ, преждевременно образовали во мнѣ воображеніе и разумъ. Страшныя сказки, рассказанныя мнѣ нянюшкой во время прогулокъ нашихъ лѣтомъ, у камна зимою; усилія юнаго моего разума, чтобы понять глубокую мудрость косвенныхъ уроковъ отца: все вмѣстѣ питало во мнѣ склонность къ мечтательности, и плѣняло, какъ утрення бо;ьба между сномъ и бдѣніемъ. Я любилъ читать и писалъ скоро и охотно; начиналъ уже покрывать различными опытами сказокъ бѣлыя страницы тетрадей, данныхъ мнѣ для грамматики или ариметики. Больше всего смущалась душа моя чрезмѣрностью семейной нашей любви: было что-то болѣзненное въ моей привязанности къ отцу и къ матери. Я плакалъ иногда при мысли, что ничѣмъ не могу вознаградить ихъ за любовь, придумывалъ различныя опасности, которымъ подвергался бы для ихъ спасенія. Всѣ такія ощущенія разстроивали мои нервы. Явленія природы сильно на меня дѣйствовали, и я съ безпокойнымъ любопытствомъ отлыскивалъ тайну радостей моихъ и слезъ. Съ этой сентиментальной метафизикой соединялось еще честолюбіе науки: мнѣ хотѣлось, чтобы отецъ толковалъ мнѣ химію и астрономію; чтобы Г. Скиль, страстный ботаникъ, открылъ мнѣ тайны жизни цвѣтовъ. Музыка особенно сдѣлалась любимѣйшей моею страстью. Матушка родилась артист-

кой; она аккомпанировала себя съ геніальнымъ вкусомъ; невозможно было было слушать равнодушно ея пѣнія. Будучи дочерью ученаго, женою ученаго, она совершенно бросила книги и всѣ прочія пріятныя искусства, чтобы предаться музыкальному своему влеченію. Съ восторженной меланхоліей проводилъ я цѣлыя часы, принимая въ душу ея пѣніе. Легко представить себя, какое превращеніе такой образъ жизни произвелъ въ моемъ дѣтскомъ нравѣ, и какъ мало по малу вредило оно моему здоровью: я худѣлъ, сдѣлался вялъ, унылъ, жаловался на головную боль, на боль желудка. Призвали Г. Скиля.

— Крѣпительныхъ, крѣпительныхъ! сказалъ Г. Скиль. Не давайте ему углубляться въ книги, пусть играетъ больше на воздухъ. Поди сюда, другъ мой; вотъ этотъ органъ слишкомъ много развитъ! (Г. Скиль былъ френологъ и показалъ пальцемъ на лобъ мой.) О! о! вотъ шишка идеализма.

Отецъ положилъ свои манускрипты, и сталъ ходить по комнатамъ, не говоря ни слова, до самыхъ тѣхъ поръ, пока Г. Скиль уѣхалъ.

— Другъ мой, сказалъ онъ тогда матушкѣ, къ груди которой я прижималъ свою шишку идеализма, другъ мой, Пизистрата надобно отправить въ пансіонъ.

— Сохрани Богъ, Робертъ! въ такія лѣта!

— Ему скоро девять лѣтъ.

— Онъ такъ много знаетъ для своихъ лѣтъ!

— Именно потому-то и надобно ему быть въ пансіонъ.

— Не понимаю тебя, мой другъ. Правда, я ничему не могу научить его; но ты, — ты такой ученый....

Отецъ взялъ руку матушки и сказалъ:

— Теперь ни ты, Китти, ни я, ничему научить его не можемъ. Въ пансіонъ найдутся учителя....

— Педагоговъ, вѣроятно невѣжи въ сравненіи съ тобой.

— Нѣтъ, не педагоговъ, а маленькіе товарищи, которые опять превратятъ его въ ребенка, сказалъ печально отецъ. Милая жена, помнишь ли орѣшникъ, посаженный нашимъ садовникомъ? Ему было ужъ три года, и ты считала уже, сколько орѣховъ принести онъ можетъ, когда вдругъ наша,

что его срезали почти до корня. Тебѣ стало досадно, но что сказалъ садовникъ? «Не надобно, сударыня, чтобы слишкомъ молодое дерево приносило плоды.» — И здѣсь что же мы обязапы сдѣлать? Остановить развитіе плода, чтобы продлить жизнь растеній.

— Поѣду въ пансіонъ, сказалъ я, поднимая слабую голову и улыбаясь отцу.

Я тотчасъ понялъ его причины, и казалось, что голосъ жизни моей отвѣчалъ за меня.

ГЛАВА VI.

Годъ спустя послѣ исполненія предположеннаго плана, я возвратился домой на время вакацій.

— Хорошо ли учится Систи? сказала мать. Мнѣ кажется, что онъ совсѣмъ не такъ уменъ сталъ и понятливъ, какъ былъ до отъѣзда въ пансіонъ. Поэкзаменуй его, Робертъ.

— Я ужъ экзаменовалъ его, милая, и очень доволенъ. Онъ, теперь именно, таковъ, какимъ я надѣялся, что будетъ.

— Какъ, тебѣ кажется, онъ сдѣлалъ успѣхи? сказала мать.

— Теперь онъ и не думаетъ о ботаникѣ, сказалъ Г. Скиль.

— А какъ онъ прежде любилъ музыку! со вздохомъ сказала матушка. Ахъ Боже мой! что это за стукъ!

— Это пушка сына твоего выстрѣлила въ окно, сказалъ отецъ. И счастливо еще, что въ окно, а не въ голову Скиля, какъ мѣтилъ онъ вчера.

— Вчера попалъ онъ мнѣ по лѣвому уху, сказалъ Г. Скиль, и теперь еще больно. А вы довольны, мистеръ Какстонъ?

— Доволенъ; мнѣ кажется, что мальчикъ нашъ сталъ также вѣтренъ и такой же невѣжа, какъ большая часть мальчишекъ въ его лѣта, замѣтилъ отецъ съ радостнымъ лицомъ.

— Что ты говоришь, Робертъ! невѣжа!

— Зачѣмъ же другимъ посылалъ я его въ пансіонъ? возразилъ отецъ мой, и замѣтивъ удивленіе, выразившееся

на лицахъ жены и Скиля, всталъ, подошелъ къ камину, положилъ руку въ жилетъ, что дѣлалъ онъ всегда, когда готовился изъяснить какую-нибудь философскую свою систему, и сказалъ: Докторъ Скиль, у васъ велика практика?

— Слишкомъ велика, отвѣчалъ добрый врачъ; я ищу себя помощника.

— Во многихъ домахъ, гдѣ вы лечите, могли вы конечно замѣтить дѣтей, которыхъ отецъ, мать, дяди, тетки, провозглашаютъ необыкновенными чужаками?

— По одному въ каждомъ домѣ, отвѣчалъ смѣясь, Скиль.

— Легко утверждать, что эти чуда, эти гении кажутся таковыми родительскому пристрастию; совсѣмъ нѣтъ. Разсмотрите сами ребенка: вы изумитесь, увидя, какое у него алчное любопытство, живая понятливость, быстрый умъ, нѣжное чувство. Случается даже, что какая-нибудь способность широко развернулась: дитя, склонный къ математикѣ, сдѣлаетъ вамъ модель парохода; рожденный съ поэтическимъ ухомъ напишетъ поэму въ родѣ тѣхъ, которыя выучилъ въ хрестоматіи, или будетъ страстнымъ ботаникомъ, какъ Пизвстратъ, или хорошо будетъ играть на фортепіано. Вы сами, докторъ, скажете, что такое дитя чудо.

— По чести, много истинны въ томъ, что вы говорите, отвѣчалъ Г. Скиль. Маленькій Томъ Добесъ чудо; маленький Франкъ Стопингтонъ тоже; а маленькаго Джони Стейкскъ приведу когда-нибудь сюда, чтобъ вы послушали, какъ онъ рассуждаетъ объ натуральной исторіи и какъ распоряжается своимъ маленькимъ микроскопомъ.

— Избави меня Богъ! сказалъ отецъ; но дайте мнѣ досказать. Эти чуда, эти *thaumata*, на долго ли они? До тѣхъ поръ, пока отправятъ ихъ въ пансіонъ, и тогда эти *thaumata* исчезаютъ, какъ призраки при пѣніи пѣтуха. Поживетъ годъ въ пансіонѣ, и ни отецъ, ни мать, ни дяди, ни тетки, не станутъ докучать вамъ рассказами о его подвигахъ и рвчяхъ. Необыкновенное дитя сдѣлается обыкновенный дитя сдѣлается обыкновеннымъ мальчишкой. Не такъ ли, Скиль?

— Вы совершенны правы, мистеръ Какстонъ. Странно мнѣ одно, какъ вы все это замѣтили, когда кажется, будто вы...

— Тсъ, перервалъ его отецъ, и обернувшись къ смутившейся матушкѣ, сказалъ, утѣшая ее: Успокойся, милая! это все премудро устроено, все къ лучшему.

— Виповата школа, сказала матушка, качая головою.

— Нѣтъ, полезна школа, милая Китти. Оставь дома одного изъ этихъ необыкновенныхъ дѣтей, это чудо, въ родѣ нашего Систи, что будетъ? Голова вырастетъ велика, а тѣло станетъ худѣть больше и больше. — Не правда ли, Скиль? Голова будетъ отнимать у тѣла питаніе, до тѣхъ поръ, пока, въ свою очередь, болѣзненное тѣло уничтожить умъ. Видишь, какой прекрасный дубъ стоитъ посредствѣ этой лужайки? Еслибъ его выращивалъ Китаецъ, то пяти лѣтъ вышло бъ изъ него миниатюрное дерево, а ста лѣтъ, его можно бы поставить на столъ въ хорошенькой вазѣ. Сначала привлекалъ бы онъ любопытство раннимъ своимъ развитіемъ, потомъ двойное еще вниманіе, состарѣвшись карликомъ. Нѣтъ, нѣтъ, школа есть оселокъ таланта; возвратите будущаго карлика въ его дѣтской натурѣ, пусть вырастаетъ онъ здорово, медленно и естественно. Можетъ статься, не будетъ онъ великимъ, но за то будетъ человекомъ, а это лучше, чѣмъ всю жизнь остаться Джонни Стейкомъ, или дубомъ въ пилюльной коробчкѣ.

Въ эту минуту я вбѣжалъ въ горницу, запыхавшись, покраснѣвъ, цвѣтушій здоровьемъ, сильный и чувствуя, что дѣтское сердце бьется у меня въ груди.

— Маменька, кричалъ я, подите сюда, я пустилъ змѣй, — высоко, высоко... подите, посмотрите! Папенька, придите и вы.

— Охотно, отвѣчалъ отецъ, только не кричи такъ громко; змѣи поднимаются безъ всякаго крика, а видишь, летаютъ высоко надъ нами. Пойдемъ, Китти, гдѣ моя шляпа? Ахъ, благодарствуй, дитя мое.... Китти, сказалъ отецъ, смотря на змѣй, который, привязанный къ воткнутому въ землю колу, тихо плавалъ подъ небесами: кто знаетъ, нашъ змѣй не поднимется ли также на такую же высоту? Въ душъ чело-

вѣческой есть больше способности возвышаться, нежели въ нѣсколькихъ листахъ бумаги наклеенной на палочки; замѣть, однако, что его надобно нѣсколько придерживать, привязать къ землѣ, не то пропадетъ въ пространство, и чѣмъ выше оцъ летаетъ, тѣмъ длиннѣе нужно спускать ему веревку.

ГЛАВА ЧИ. //

Двѣнадцати лѣтъ я былъ первымъ въ школѣ, куда меня помѣстили; мнѣ стали искать другую, достойнѣе юнаго моего честолюбія. Въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, я снова пристрастился къ наукѣ: но это была не болѣзненно-мечтательная страсть, а любовь бодрая, дѣятельная, подстрекаемая соревнованіемъ и укрѣпленная успѣхами.

Отецъ не думалъ уже сдерживать умственные мои усилія. Онъ такъ уважалъ науку, что невольно желалъ видѣть во мнѣ ученаго, хотя нѣсколько разъ печально повторялъ мнѣ:

— Дитя мое, обладай книгами, но не давай имъ обладать тобою. Читай и живи, но не живи для одного чтенія. Довольно въ семьѣ одного невольника науки: мое рабство не должно быть наследственное.

Въ слѣдствіе этого, отецъ искалъ для меня школы высшей, и слава Филелиническаго института доктора Германа достигла до его свѣдѣнія.

Этого славный докторъ Германъ былъ сынъ Нѣмецкаго музыканта, поселившася въ Англію; онъ кончилъ свое воспитаніе въ Боннѣ, въ университетѣ; но увидѣвъ, что наука слишкомъ дешевый и общій товаръ въ Германіи, рѣшился на Англійской почвѣ основать школу, которая стала бы эпохой въ исторіи ума человеческого. Докторъ Германъ былъ одинъ изъ первыхъ преобразователей новѣйшаго способа ученія. Эти преобразователи умножились съ тѣхъ поръ, и подорвали бы классическіе наши пансіоны, если бы эти послѣдніе не перенимали нѣкоторыхъ полезныхъ нововведеній, изъ ихъ путаницы.

Докторъ Германъ напечаталъ многія сочиненія противъ всѣхъ существующихъ методъ. Всѣхъ извѣстнѣе было сочиненіе противъ *мерзостнаго* способа учить складамъ.

Вотъ вступленіе славнаго этого трактата:

«Никогда отецъ всякой лжи не выдумывалъ ничего лживѣе, коварнѣе и безразсуднѣе того обмана, которымъ мы затемняемъ самыя свѣтлыя истины правды, проклятою нашею системою складовъ!

«Возьмите, напр., односложное слово *cat*; какъ осмѣлитесь вы приказать ребенку выговорить *катъ*, три буквы которыхъ назовете: си, ей, ти, ? Надобно сказать *сиейти*, а не *катъ*. — Можетъ ли быть удачнымъ воспитаніе, начинающееся такой необъятной ложью? Можно ли удивляться отчаянію матерей, преподающихъ азбуку?»

Читатель пойметъ изъ приведеннаго примѣра теоріи воспитанія, что докторъ Германъ начиналъ съ начала. Онъ храбро схватывалъ быка прямо за рога. Во всемъ остальномъ допуская широкое правило эклектизма, онъ соединилъ въ новѣйшія изобрѣтенія: взаимное обученіе Беля и Ланкастера, методы Гоффилля и Гамильтона, живописныя азбуки, и аналлизированныя картины; подобно охотнику, вооруженному ружьемъ, соединяющимъ кремень и капсюли.... и который, увы! тѣмъ не лучше стрѣляетъ дичь и зайцевъ! — Между тѣмъ докторъ Германъ дѣйствительно преподавалъ многое, о чемъ въ другихъ школахъ не заботились; кромѣ Греческаго и Латинскаго языковъ, въ его программу входили всѣ такъ называемыя полезныя свѣдѣнія. Онъ платилъ профессорамъ химіи, механики и натуральной исторіи; были курсы математики и физики; всѣ возможныя гимнастическія упражненія предлагались во время игры и отдохновенія,—и если ученость воспитанниковъ не весьма была глубока, то, по крайней мѣрѣ, простиралась въ широкомъ размѣрѣ, и никто не оставался пяти лѣтъ у доктора Германа, не выучившись чему-нибудь, чего нельзя сказать обо всѣхъ школахъ. У него мальчикъ научался видѣть, слышать и дѣйствовать членами; пріобрѣталъ привычку къ порядку, опрятности и дѣятельности. Пансіонъ этотъ нравился мате-

рямъ и удовлетворялъ отцевъ. Однимъ словомъ, онъ благоденствовалъ, и въ то время, о которомъ я говорю, у доктора Германа было больше ста учениковъ. Нужно еще прибавить, что, начиная ремесло педагога, сострадательный мудрецъ объявилъ самое челоуѣколюбивое отвращеніе отъ тѣлесныхъ наказаній. Но, увы! по мѣрѣ того, какъ увеличивалось число воспитанниковъ, онъ мало по малу отрекался отъ почтеннаго отвращенія отъ классическихъ розгъ. Съ великой горестью дошелъ онъ до заключенія, что «есть скрытые источники, которые открыть можно только посредствомъ гадательной лозы.» И испытавъ, какъ легко березовая лоза управляетъ всѣмъ механизмомъ его маленькаго государства, онъ подвигалъ Филеленическій институтъ, какъ школьникъ движетъ волчокъ свой, беспрестанными взмахами розги.

Къ сожалѣнію, должно сознаться, что это печальное отступничество начальника академическаго пансіона нисколько не убавило его славы: напротивъ, онъ показался болѣе естественнымъ, болѣе Англійскимъ, меньше чужеземнымъ. Въ время самаго высшаго блистанія этой славы, очутился я подъ гостепріимнымъ кровомъ доктора Германа, съ туго набитымъ чемоданомъ и съ большимъ пирогомъ въ дорожной сумкѣ.

Между многими странностями доктора Германа, одной предавался онъ върнѣе, нежели первобытнымъ статутамъ тѣлеснаго наказанія. Для нея, выставлено было большими золотыми буквами на фронтонъ заведенія :

Филеленическій Институтъ.

Онъ принадлежалъ къ той знаменитой категоріи ученыхъ, которые воюють съ нашей народной мифологіей, и измѣняютъ всѣ преданія имень древнихъ, преподаваемыхъ въ Этонъ и въ Гарровъ. — Однимъ словомъ, онъ силился ввести совершенную правильность въ искаженное правописаніе имень Греческихъ. Негодованіе его не знало мѣръ когда школьники смѣшивали Зевса съ Юпитеромъ, Арея съ Марсомъ, Артемиду съ Діаной.

— Какъ! восклицалъ онъ, слушая какого-нибудь новичка, который не забылъ еще своей прежней грамматики: какъ, что вы разумете подъ именемъ Юпитера, которымъ вы перевели Зевса? Развѣ Богъ Олимпа съ эгидой и орломъ, богъ влюбленный, вспыльчивый, гонящій облака, похожъ сколько-нибудь на важнаго, торжественнаго, нравственнаго Юпитера Капитолійскаго? на *deus optimus, maximus*?... который возмущился бы отъ одной мысли превратиться въ лебедя или быка, чтобы догнать невинную Фрейлейнъ!... Я васъ спрашиваю, Г. Симкинсъ!

Юный Симкинсъ не смѣлъ противорѣчить доктору Герману.

— А вы, говорилъ онъ, обращаясь къ другому преступнику, какъ могли вы перевести Арея Гомерова, дерзкимъ, пошлымъ именемъ Марса? Арей, Г. Джонъ, Арей, ревущій подобно десяти тысячамъ людей; ревущій, какъ вы заревете, когда въ другой разъ назовете его Марсомъ! Арея челоуѣкоубійцу не отличать отъ Марса или Маворса, украденнаго Римлянами у Сабинянъ! Марса, важнаго и спокойнаго покровителя Рима! Г. Джонъ, Г. Джонъ! стыдитесь самого себя!

И поднявши къ небу руки, украшенныя перстнями, добрый докторъ забывалъ скрывать Нѣмецкое свое происхожденіе, и восклицалъ почти внѣ себя:

— А ты Аеродита! ты, превратившая Адониса въ анемонъ, тебя называетъ Венерой сопливый Г. Бударфиль! Венерой, пребывающей при погребеніяхъ, грязныхъ ямахъ и всякихъ нечистотахъ! О *mein Gott!* подойдите сюда Г. Бударфиль, вамъ за то будетъ розга! Да, нечестивый, я долженъ васъ высѣчь.

Само собою разумѣется, что и мое несчастное Греческое имя подпало подъ очистительный разборъ моего учителя Филеллина. Подъ первымъ заданнымъ мнѣ сочиненіемъ, самымъ лучшимъ почеркомъ подписалъ я крупно: Пизистратусъ Какстонъ.

— И вашъ батюшка слыветъ ученымъ? сказалъ презрительно докторъ Германъ. Ваше имя Греческое, и потому

извольте писать его прибавя *e* и *o*, Пейзистратось. Не забудьте поставить ковычку надъ *i*. Можеге ли вы надѣяться выдти чѣмъ-нибудь порядочнымъ, Г. Какстонъ, если не занимаетесь собственнымъ вашимъ именемъ и равнодушно пропускаете *e* и ковычку, и ставите *усъ*, вмѣстѣ *осъ*! Ахъ, mein Gott! въ послѣдній разъ прощаю вамъ это ужасное искаженіе: *Пи*, а не *Пей*!

Когда въ первый разъ послѣ этого, писалъ я къ отцу, скромно напоминая ему, что у меня мало остается денегъ, что хочется купить ракетку, и что любимое божество нашей школы было *moneta, diva moneta* (Латинская или Греческая все равно) — то съ классической гордостью подписалъ: преданный вашъ сынъ, Пейзистратось. — Слѣдующая почта сбила немного мое школьное торжество: вотъ какое письмо получилъ я:

«Любезный сынъ.

Я своихъ старинныхъ, знакомыхъ Фукидита и Пизистратуса предпочитаю Фукидитосу и Пейзистратосу. — Пизистратъ можетъ забавляться ракеткой, но я не нашелъ никакого Греческаго авторитета, по которому могъ бы предположить, что этой игрой занимались Греки, во времена Пейзистратоса. Радъ бы послать тебѣ драхму, или другую какую монету, употребляемую въ Афинахъ, но, къ сожалѣнію, таковой не имѣю.

«Твой любящій тебя отецъ, Р. Какстонъ.»

Это было первое неудобство, произведенное печальнымъ анахронизмомъ, сокрушавшимъ отца моего. Между тѣмъ опытность научаетъ всякимъ уступкамъ на поприщѣ свѣта. Пейзистратось продолжалъ подписывать сочиненія и переводы, а второе письмо съ подписью Пизистрата доставило мнѣ и ракетку и нѣсколько денегъ.

А В А Ч И Н .

Тринадцати лѣтъ, когда, возвратив-
е время, нашелъ я брата матери
жду нашими домашними Дарами.

Дядя Джакъ (такъ звали мы его) былъ веселый собесѣдникъ и весьма пылкій рассказчикъ, промотавшій три раза порядочное состояніе, изъ желанія пріобрѣсть большое богатство.

Дядя Джакъ былъ спекуляторъ; но во всѣхъ своихъ спекуляціяхъ онъ, казалось, никогда не думалъ о самомъ себѣ: одно счастье ближнихъ его занимало; а въ этомъ неблагодарномъ свѣтѣ кто можетъ положиться на ближнихъ? Вошедши въ совершенныя лѣта, дядя Джакъ получилъ отъ дѣда съ материнской стороны въ наслѣдство 6000 фун. стерлинговъ. Ему показалось, что ближніе его нагло обманываются портными своими. Эти артисты, старинной Англійской пословицей названные девятой частью челоуька, вознаграждали себя за эти дробы, требуя въ девять разъ больше нужнаго, для одежды, которую образованіе и климатъ сдѣлали намъ необходимѣе, чѣмъ предкамъ нашимъ, Пиктамъ. Изъ чистой филантропіи, дядя Джакъ основалъ *«благотворительное общество національной одежды.»* Это общество бралось доставить публикѣ панталоны изъ лучшаго Саксонскаго сукна по 7 шиллинговъ за пару, фраки изъ превосходнаго сукна по 2 ф. стер. и жилеты, по весьма умѣренной цѣнѣ за дюжину. Все это должно было состояться паровыми машинами. Такимъ образомъ негодны портные могли бы уничтожиться, и челоуьчество облеклось бы въ одежду за тридцать на сто процентовъ, въ пользу филантроповъ. (Но эта польза была второстепеннымъ разчетомъ.) Не смотря на очевидную благотельность такой челоуьколюбивой спекуляціи, не смотря на неопровержимые доводы и расчеты, на коихъ было основано общество, оно разстроилось и уничтожилось совсѣмъ, жертва невѣжества и неблагодарности ближнихъ. Изъ шести тысячъ фунтовъ стерлинговъ, дядѣ Джаку осталась пятьдесятъ четвертая часть собственности въ небольшой паровой машинѣ, большое количество готовыхъ панталонъ и личное ручательство директоровъ филантропическаго общества.

Дядя Джакъ исчезъ изъ Лондона и пустился путешествовать. То же филантропическое чувство, которое одушевляло спекулятора, сопровождало путешественника; онъ

вездѣ подвергалъ опасностямъ свою особу, также какъ прежде кошелекъ свой. Дядя Джакъ питалъ особенную склонность къ страждущему человечеству. Какъ скоро на вѣсахъ міра опускалась одна сторона, дядя Джакъ бросался въ другую, надѣясь ее перевѣсить. Попеременно вмѣшивался онъ въ ссоры и войны Грековъ (они тогда были въ войнѣ съ Турками), Мексиканцевъ, Испанцевъ. Сохрани меня Богъ, осуждать или смѣяться надъ такою великодушною страстью; но, увы! всякій разъ, какъ народъ какой поверженъ въ бѣду, всякій разъ возникаетъ спекуляція. Съ Греческой, Мексиканской, Испанской судьбою, связаны необходимо подписки и займы. Патріоты, поднимая одной рукой мечъ, стараются впустить другую въ карманъ соседей своихъ. Дядя Джакъ былъ въ Греціи, оттуда въ Испаніи, оттуда въ Мексикѣ, и безъ сомнѣнія, принесъ великую пользу этимъ народамъ, потому, что возвратился съ неоспоримымъ доказательствомъ ихъ благодарности, тремя тысячами ф. стер. — Вскорѣ послѣ того появилось объявленіе о «новой, великой, народной, благотворительной компаніи застрахованія для ремесленного сословія.» — Программа провозглашала сперва великія выгоды общества, приучающаго къ предусмотрительности посредствомъ застрахованія; потомъ вычисляла всю необъятную цѣну, положенную за подписку въ существующихъ компаніяхъ, недоступныхъ нуждамъ честнаго ремесленника; наконецъ увѣряла, что новая компанія руководствуется самыми чистыми намереніями благотворительности, и доказывала, что самая меньшая сумма, долженствующая приходиться на часть каждаго подписчика, не можетъ быть менѣе двадцати четырехъ процентовъ на сто.

Подъ счастливыми предзнаменованіями учредилась эта новая компанія; одинъ архіепископъ согласился быть президентомъ совѣта правленія, съ условіемъ участвовать только своимъ именемъ. Дядя Джакъ, подъ громкимъ названіемъ «знаменитаго филантропа Джона Джонеса Тиббета, эсквайра,» — былъ почетнымъ секретаремъ общества, а капиталъ назначенъ въ два милліона фунтовъ стерлинговъ.

Но невежество ремесленных сословий такъ въ нихъ закопѣло, такъ не ясно видѣли они, какую пріобрѣтали выгоду, подписывая каждую недѣлю одинъ шиллингъ, съ двадцать перваго года до пятидесяти лѣтъ, и тѣмъ обезпечивая на старость 18 фун. стер. ежегоднаго дохода, что компанія лопнула, какъ водяной пузырь, а съ нею испарилась и три тысячи ф. с. дяди Джака. Цѣлые три года не было объ немъ слуху. Онъ облекся такимъ непроницаемымъ мракомъ, что по смерти тетки, сдѣлавшей его наследникомъ маленькой фермы въ графствѣ Корнвалійскомъ, нужно было напечатать во многихъ журналахъ уведомленіе: «что если угодно будетъ Сэру Джону Джонесу Тиббету, явиться къ Г-дамъ Брунелю и Тину изъ Лотбури, между десяти часовъ утра до четырехъ по полудни, то услышитъ нѣчто до него касающееся.» — Эготъ вызовъ подѣйствовалъ магически, и дядя Жакъ отыскался. Новый владѣлецъ водворился въ спокойной фермѣ своей съ неописаннымъ удовольствіемъ. Это владѣніе, содержащее въ себѣ около двухъ сотъ акровъ, было весьма въ хорошемъ состояніи. Оно, подъ управленіемъ дяди Джака, продолжало цвѣсти и улучшаться цѣлые два года, выключая однако тридцати акръ пашни, удобренной двумя химическими препаратами, которые доставили владѣльцу жатву съ колосьями, покрытыми черными пятнушками, словно оспою. По несчастію, однажды дядя Жакъ нашелъ слои землянаго угля посреди поля, засаженнаго рѣпою: черезъ недѣлю послѣ этой находки, весь домъ наполнился инженерами и натуралистами. Не прошло мѣсяца, и явилась программа, написанная дядей Жакомъ, программа большой національной компаніи антимонированнаго землянаго угля, основанной въ пользу небогатыхъ капиталистовъ и въ подрывъ чудовищной монополіи землянаго угля Ньюкастля:

«Огромная жила лучшаго землянаго угля отыскана недавно во владѣніи знаменитаго филантропа Джака Джонеса Тиббета. Извѣстный инженеръ Жиль Компасъ испыталъ и обозрѣлъ ее: она обѣщаетъ неистощимый источникъ разработки трудолюбивымъ людямъ и богатства капиталистамъ.

Разсчитано, что при самомъ устьѣ Темзы можно отдавать возъ лучшаго угля за 18 шиллинговъ, что доставить акціонерамъ 18 на сто процентовъ. Акціи въ 50 ф. ст. Можно платить въ пять сроковъ. Нужный капиталъ состоитъ изъ одного милліона стерлинговъ. Адресоваться для подписки къ Г. Брунелъ и Тинъ, нотаріусамъ въ Лотбурей.»

Близніе дяди Джака могли теперь, вмѣстѣ съ нимъ, опирать твердо надежды свои: у нихъ была земля, уголь и неистощимая жила. Акціонеры и капиталъ явились на вызовъ. Дядя Жакъ такъ убѣжденъ былъ въ несомнѣнности огромнаго богатства, и такое питалъ желаніе уничтожить Ньюкестельскую монополію, что отказался отъ очень дорогой цѣны, которую ему предлагали за покупку его владѣнія. Онъ остался главнымъ акціонеромъ, переехалъ въ Лондонъ, завелся каретой и началъ давать обѣды товарищамъ своимъ въ комитетъ управленія. Цѣлые три года компанія процвѣтала: она предоставила распоряженіе разработкой извѣстному инженеру Жилію Компасу, который исправно платилъ подписчикамъ 20 пр. съ ихъ вложеннаго капитала. Акціи возвысились до 100 пр. и въ самое это время Жиль Компасъ совсѣмъ неожиданно переехалъ въ Соединенные Штаты, гдѣ для его генія открывалось обширнѣйшее поприще: тогда только узнали, что угольная жила встезла подъ широкой лужей воды, и что Г. Компасъ платилъ акціонерамъ изъ собственнаго ихъ капитала. На этотъ разъ дядя утѣшился тѣмъ, что разорился въ отличномъ обществѣ: съ нимъ вмѣстѣ пострадали три доктора богословія, два члена Нижней Палаты, Шотландскій Лордъ и директоръ Индійской компаніи.

Вскорѣ послѣ того, дядя Жакъ, веселый и пылкій во врежнему, вспомнилъ о сестрѣ своей, мистрисъ Какстонъ, и затрудняясь, куда итти обѣдать, рѣшился искать убѣжища водѣ гостепріимной кровлей отца моего. Вамъ не случалось видѣть челоуѣка любезнѣе моего дяди Джака. Люди, нѣсколько плотные, вообще сообщительнѣе худыхъ. Круглое лице почти всегда пріятно и весело смотреть. Будь дядя Жакъ главою Римскихъ патриотовъ, онъ ввроятно не доставилъ

бы Шекспиру предмета для трагедіи. Дородство дяди Джака было красиво и въ самую пору: онъ не былъ толстъ, ни жиренъ, ни *vastus*, что, по мнѣнію Цицерона, не прилично оратору. Вся морщины, вся непріятныя линіи скрывались подъ округлостью его сытаго тѣла; онъ улыбался такъ непринужденно, что веселость его невольно сообщалась. Съ какой просто-душной добротою потиралъ онъ себѣ руки! и какія руки! мягкія, пышныя, которымъ нельзя было не отдать кошелька, когда онъ филантропически обращался къ вашему карману! Латинская фраза: *Sedem animae in extremis digitis habet*, относилась прямо къ нему. У него было точно сердце на рукѣ!

Критики замѣчаютъ, что немногіе соединяютъ въ равной степени способности воображенія и способности разсудка или науки. «Счастливъ тотъ, восклицаетъ Шиллеръ, кто можетъ согласить огонь энтузіазма съ свѣдѣніями чловѣка свѣтскаго!» — И огнемъ, и свѣдѣніями дядя Джакъ обладалъ всѣмъ съ равнымъ обиліемъ; совершенная гармонія царствовала въ увлекательномъ его энтузіазмѣ и въ убѣдительныхъ разчетахъ. Дикеополь въ *Archanenses*, представляя лице, называемое Никархомъ, говоритъ зрителямъ: онъ малъ, сознаюсь, но въ немъ ничто не потеряно: все, что не глупость въ немъ, все хитрость и лукавство. — И я могу сказать, что хотя дядя Джакъ не былъ великаномъ, но и въ немъ ничего не было потеряно. Все, что не было арюметикой, было филантропіей. Онъ пришелся бы по сердцу филантропу Говарду и сопернику Барема Кокеру. Дядя Джакъ былъ очень не дуренъ собою: цвѣтъ лица его былъ свѣжій, румяный, ротъ небольшой, зубы бѣлые, бакенбардовъ онъ не носилъ и тщательно брилъ бороду: бѣлокурые волосы его посѣдѣли и придавали лицу почтенный видъ. Г. Скиль нашель, что органы идеализма и строительности развились на лбу его въ огромныхъ размѣрахъ. Росту онъ былъ средняго, именно такого, какой слѣдуетъ имѣть дѣятельному чловѣку, не великъ и не малъ. Платье носилъ онъ черное, но украшалъ позолоченными пуговицами, на конхъ вылитъ былъ маленькій крестикъ съ короной на

верху. Въ нѣкоторомъ отдаленіи, эти пуговицы похожи были на придворныя пуговицы, и казалось, что дядя Джекъ принадлежитъ ко Двору. Галстухъ у него былъ бѣлый, не накрахмаленный, жабо приколото браллиантовой булавкой, которая доставляла ему предметъ разговора о Мексиканскихъ рудникахъ и вѣчнаго сожалѣнія, что не удалось ихъ разработать большой національной компаніей Великобританіи. Поутру носилъ онъ жилетъ блѣдноверблюжьяго цвѣта; ввечеру бархатный вышитый: также предметъ разговора и проекта основать общество для улучшенія Англійскихъ мануфактуръ. Утреннія панталоны были цвѣта пропускной бумаги; вмѣсто сапогъ носилъ онъ коротенькія Американскія щиблеты и тупоносые башмаки. На часовой цѣпочкѣ висѣло множество печатокъ, каждая съ девизомъ какой-нибудь исчезнувшей компаніи; ихъ можно было сравнить съ скальпированными черепами, которыми украшаются Ирокезцы. Скажемъ мимоходомъ, что и этотъ народъ не ускользнулъ отъ филантропическаго воображенія дяди Джака: онъ считывалъ возможность ихъ обращенія въ Англиканскую вѣру, съ выгоднымъ размѣномъ бобровыхъ кожъ на библіи, водку и порохъ.

Можно ли удивляться, что я сердечно привязался къ дядѣ Джаку? Онъ всегда былъ любимымъ братомъ матушки. Она, смѣючись, вспоминала, какъ онъ заставилъ ее однажды разыграть въ лотерею большую куклу, подарокъ крестной матери, куклу, которая стоила два фунта стерлинговъ и которую разыграли въ двадцати билетахъ по шести пенсовъ каждый, въ пользу трубочистовъ. Какое благодѣяніе для бѣдныхъ трубочистовъ эти 10 шиллинговъ! восклицалъ дядя.—Таковъ былъ мой дядя Джекъ; матушка любила его по чувству родства, но даръ его плѣнять сердца подѣйствоваль и на отца моего. Живущіе въ уединеніи, ученые люди обыкновенно больше другихъ удивляются дѣятельности практическихъ людей. Симпатія ихъ къ подобному собесѣднику завбавляетъ въ одно время и лѣньность и любопытство. Они могутъ вмѣстѣ путешествовать, вмѣстѣ строить различные проекты, вмѣстѣ сражаться, вмѣстѣ проходить всѣ заключенія,

напечатанныя въ разныхъ книгахъ.... и все это не сходя съ кресель. Отцу казалось, что слушаетъ Улисса, когда онъ слушалъ рассказы дяди Джака. Дядя былъ въ Греціи, былъ въ Малой Азіи; топталъ ногами долину, гдѣ была некогда Троя; ѣлъ финики въ Марафонѣ, гонялъ зайцевъ въ Пелопонезѣ и выпилъ три кружки пива на вершинѣ большой пирамиды.

Дядя Жакъ былъ для отца моего справочной книгой, и часто послѣ обѣда онъ занимался разговоромъ съ нимъ, такъ точно, какъ бы взялъ въ руки томъ Павзанія или Додвеля. Мнѣ кажется, что господа ученые, не смотря на то, что въ заперти сидятъ по кельямъ, составляютъ однако народъ любопытный, дѣятельный, волнующійся, заботливый. Вспомнимъ то, что старый юмористъ Буртонъ говорилъ о себѣ самомъ: «Сижу, какъ монахъ, отчужденный отъ бурь и волненій свѣта, но вижу и слышу все въ мірѣ происходящее, вижу, какъ люди бѣгаютъ пѣшкомъ и верхомъ, какъ мучатся, безпокоятся, заботятся и въ городѣ и въ деревнѣ.» Эта выписка подтверждаетъ мысль мою: только ученые употребляютъ дѣятельность свою на свой особенный ладъ; съ Августомъ предпринимаютъ тайные умыслы, съ Кесаремъ сражаются, ѣдутъ въ Америку съ Колумбомъ, измѣняютъ видъ вселенной съ Александромъ, Атиллою или Магометомъ. Какъ таинственно должно быть влеченіе, существующее между верхней частью ихъ человеческой машины и ея антиподомъ, между органомъ, называемымъ хранилищемъ чести, и подушкою кресель! Надѣюсь, что это будетъ удовлетворительно изъяснено успѣхами месмеризма; что до меня касается, то я думаю, что Провидѣніе надѣлило эти пылкія головы, воспаляющіеся мозги, естественнымъ перевѣсомъ, для того, чтобы не слишкомъ часто возмущался порядокъ вселенной. Оставляю метафизикъ и опытной физикъ разобрать мою догадку.

Я больше всѣхъ восхищенъ былъ дядей Жакомъ. Онъ зналъ множество фокусовъ; пряталъ шарики, заставлялъ связку ключей плясать по приказу, мѣнялъ серебряную монету на мѣдный пенсъ. Между тѣмъ пенсы мои никогда не удавалось ему обратить въ гинеи.

Мы часто вмѣстѣ прогуливались, и часто посреди самаго занимательнаго разговора, дядя Джакъ останавливался, не забывая своей роли наблюдателя. Онъ осматривалъ почву земли, набивалъ мои карманы большими кусками известки, мѣлу, разными камнями, и послѣ возврата домой, разбиралъ все это химически посредствомъ аппарата, ввѣреннаго ему Г-номъ Скилемъ. Иногда по цѣлымъ часамъ стоялъ онъ у дверей хижины, восхищаясь дѣвочками, плетущими соломенные шляпы, потомъ входилъ въ ближнія фермы и предлагалъ фермерамъ завести общество шляпъ изъ національной соломы. Увы! вся плодovitость изобрѣтательнаго ума пропадала даромъ въ неблагодарной землѣ, куда попалъ дядя Джакъ! Ни одному владѣльцу не могъ онъ внушить желанія испытать, богато ли рудами его владѣніе, ни одному фермеру доказать выгоду общества соломенныхъ шляпъ. И такъ, подобно баснословному звѣрю, опустошившему соседнюю страну, и жаднымъ взоромъ осматривающему собственныхъ дѣтей, дядя Джакъ готовился уголить голодъ своего воображенія, нашествіемъ на собственность бѣднаго отца моего.

ГЛАВА (IX).

Такъ какъ семейство наше не имѣло никакого желанія выказываться, то мы наслаждались въ то время, живя, что называется хорошо. Мѣсто нашего пребыванія возвышалось на краю большой деревни; квадратный изъ некрашенныхъ кирпичей домъ построенъ былъ еще въ царствованіе Королевы Анны. Передъ домомъ былъ балюстрада.... для какого употребленія? неизвѣстно. Одинъ нашъ котъ Ральфъ ходилъ ежедневно по немъ прогуливаться, тѣмъ не менѣе балюстрада украшала домъ нашъ, подобно тѣмъ домамъ, которые построены при Елисаветѣ или даже при Королеви Викторіи. Балюстрада раздѣленъ былъ надвое двумя большими колоннами, сверху которыхъ были поставлены большіе каменные шары. Домъ отличался трехугольной архитравой, подъ которой сдѣлана была впадина, назначенная, вѣроятно, для какой нибудь-статуи: но статуя

была въ отсутствіи. Внизу впадины было окно матушкиной гостиной, украшенное рѣзными пиластрами. Еще ниже красивая дверь растворялась въ стѣни, въ которыхъ было шесть лѣстницъ. Каждое окно было окружено рѣзбою, и увѣнчано рѣзными фигурами; нигдѣ не было лишняго убранства, нигдѣ небрежности или недостатка, весь домъ отличался прочностью и достаткомъ. Рѣшетка сада примыкала къ двумъ столбамъ, на которыхъ стояли вазы. Конечно, въ дождливый день непріятно было проходить аллеей, ведущею къ этой рѣшеткѣ, чтобы оттуда съѣсть въ карету, но у насъ не было кареты. Направо отъ дома за огорожей находился арматжъ, маленькая лужайка, четверугольный бассейнъ, скромная теплица и шесть грядъ съ розами, геліотропомъ, гвоздиками, и пр. и пр. Налѣво большія шпалеры охраняли плодовитый садъ; во всей сторонѣ не было лучше яблокъ; три извивистыя дорожки приводили къ стѣнѣ, обращенной на югъ, подлѣ которой каждое лѣто груши, персики и крупныя вишни золотились солнцемъ, и доставляли намъ превкусныя плоды. Самая длинная изъ этихъ дорожекъ была любимой прогулкой отца моего. Въ хорошую погоду онъ безпрестанно ходилъ по ней съ книгой въ рукѣ, останавливался иногда, чтобы карандашомъ записать что-нибудь, или для того, чтобы громко поговорить съ самимъ собою. Когда его не было въ кабинетѣ, то непременно ходилъ онъ по этой тропинкѣ. Въ этихъ прогулкахъ сопровождалъ его такой странный товарищъ, что мнѣ даже совѣстно назвать, боюсь, что мнѣ не повѣрятъ. Увѣряю, однако, что говорю правду и ни мало не намѣренъ подражать новѣйшимъ романистамъ. Случилось, что матушка однажды убѣдила отца моего прогуляться съ нею на рынокъ; проходя черезъ лугъ, увидѣли они толпу мальчишекъ, которые для забавы били камнями утку. Несчастную птицу никто не купилъ на рынкѣ, потому что она не только была хрома, но страдала сильнымъ невареніемъ желудка, и фермерша, по просьбѣ дѣтей, отдала имъ утку для невинной забавы. Матушка сказала, что никогда не видала мужа такъ сильно разсерженнаго и взволнованнаго. Онъ разогналъ мальчишекъ, оско-

бодилъ утку, отнесъ домой, положилъ въ корзинку, лечилъ ее, кормилъ и поилъ до тѣхъ поръ, пока возвратилъ ей жизнь и здоровье. Тогда пустилъ ее въ четвероугольный бассейнъ. Между тѣмъ утка привязалась къ своему благодетелю. Всякій разъ, какъ отецъ выступалъ изъ дверей дома, утка выходила изъ бассейна, переходила лужайку, и хромая на лѣвую ногу, шла за отцемъ до персиковой шпалеры; тамъ останавливалась, соображаясь важно съ движеніями своего господина, иногда слѣдовала за нимъ шагъ за шагомъ, иногда стояла, но не покидала его до самаго возвращенія его домой. Тогда принявъ изъ рукъ его какой-нибудь лакомый гостинецъ, крылатая нажда проквакивала ему прощальную пѣснь и возвращалась въ любимую свою стихію.

Главныя комнаты, то есть, кабинетъ, большая зала, (была другая маленькая зала, называемая матушкиной залой) и парадная гостинная, обращены были окнами на югъ. Большія березы, сосны, тополи и нѣсколько дубовъ окружали строеніе со всѣхъ сторонъ, исключая южной; такимъ образомъ нашъ домъ былъ равно предохраненъ отъ зимнихъ холодовъ, и отъ лѣтнихъ жаровъ. Главная наша услуга, по чину и по достоинству, была мистрисъ Приммильсъ, которая соединяла въ себѣ экономку, ключницу, няню и тирана всего хозяйства. Подъ ея вѣдѣніемъ находились еще двѣ женщины и лакей. Пахатныя земли, принадлежавшія отцу моему, отданы были за условную сумму фермерамъ и не занимали его своей обработкой; главный доходъ его состоялъ въ процентахъ, получаемыхъ съ 15,000 фун. стерлинговъ, помещенныхъ въ банкъ; и этого дохода было достаточно на всѣ домашнія издержки, на удовлетвореніе страсти отца моего къ старымъ книгамъ, на плату за мое воспитаніе и на объѣды, на которые приглашались нѣсколько разъ въ годъ всѣ наши сосѣди. Матушка съ гордостью говорила, что къ намъ собирается избранное общество. Оно состояло изъ пастора и семейства его, изъ двухъ чванныхъ старыхъ дѣвушекъ, изъ принятаго члена Индійской компаніи, жившаго въ бѣломъ домикѣ на самомъ верху горы, изъ пяти или шести небогатыхъ дворянъ съ ихъ супругами, и

изъ доктора Скиля , все еще не женатаго. Разъ въ годъ обѣдывались визитами или обѣдами съ нѣкоторыми аристократами , внушавшими матушкѣ удивительное почтеніе. Ихъ визитныя карточки всегда были заткнуты за зеркало большой гостиной. По всему этому можно видѣть , что мы жили въ довольствѣ и пользовались уваженіемъ , слѣдующимъ людямъ честнымъ по себѣ и по происхожденію.... Но не стану разсказывать нашей генеалогіи; удовольствуюсь только тѣмъ , что самые гордые наши сосѣди говорили о насъ , какъ о самой древней фамиліи во всемъ округѣ ; отецъ мой чванился только однимъ изъ своихъ предковъ : Вильямомъ Какстономъ , мѣщаниномъ и типографщикомъ въ царствованіе Эдуарда IV. *Clarum et venerabile nomen!!!* достойный предокъ ученаго писателя!

— *Heus!* вскричалъ однажды отецъ , прерывая чтеніе разговоровъ Эразма, *salve, multum jucundissime.*

Классическое это привѣтствіе обращалось къ дядѣ Джаку , которъй , не бывши ученымъ , столько зналъ по-Латынѣ , что могъ отвѣчать :

— *Salve tantumdem, mi frater.*

Отецъ улыбнулся.

— Вижу , сказалъ онъ , что ты понимаешь истинную цивилизацію , или вѣжливость , какъ выражаются новѣйшіе. Очень вѣжливо называть братомъ мужа сестры твоей. Эразмъ похвалаетъ такое привѣтствіе въ началѣ главы : *Salutandi formulae* ; и подлинно , продолжалъ отецъ съ задумчивымъ своимъ видомъ , мало разницы между вѣжливостью и дружелюбіемъ. Эразмъ замѣчаетъ , что кланяться при появленіи нѣкоторыхъ малыхъ недуговъ нашей человѣческой природы , очень учтиво ; слѣдуетъ кланяться , когда кто зѣваетъ , чихаетъ , икаетъ , кашляетъ ; этимъ выражается участіе , которое принимаемъ въ здоровьѣ ; можно вывихнуть челюсть , зѣвая , повредить жилу въ головѣ , чихая ; икота есть часто признакъ опасной болѣзни , а кашель болѣзнь легкихъ , или горла , или мокротнаго сложенія.

— Правда , отвѣчалъ дядя Жакъ ; Турки всегда кланяются тому , кто чихаетъ , а Турки , извѣстно , учтивый на-

родъ. Между тѣмъ, братъ, я разсматривалъ теперь твои прекрасныя яблони. Рѣдко бываютъ деревья красивѣе, а я знатокъ въ деревьяхъ. Сестра сказывала мнѣ, что вы не получаете съ нихъ никакого дохода, это жалко! Можно бы завести въ этомъ графствѣ производство сидра. Возьми на себя обработку земель твоихъ; если ихъ мало, можно нанять, чтобы вышло всего сто акръ. Тогда насадить надобно деревьевъ на всемъ пространствѣ. Я сдѣлалъ ужъ весь расчетъ, чудесно выходитъ! Сорокъ деревьевъ не больше на акръ, по одному шиллингу, шести пенсовъ за дерево. Четыре тысячи деревьевъ на сто акръ составить 300 ф. стер. — Посадить, окопать и обработать, кладу 40 ф. стер. на акръ, это составитъ тысячу на сто. Вымостимъ ямы около деревьевъ для того, чтобы сокъ не таялся въ землю.... О, я не хочу упустить изъ виду ни малѣйшей мелочи! — Вымостимъ мелкимъ камнемъ и бутомъ, по 6 пенсовъ, каждую яму. За четыре тысячи деревьевъ, или за 100 акръ, это выйдетъ 400 ф. стер. Прибавимъ къ этому счету то, что ежегодно получаешь ты съ земли, 30 шиллинговъ за акръ, полтора ф. стер. за все, следовательно общій итогъ составитъ....

Дядя Жакъ по пальцамъ пересчитывалъ всѣ итоги :

Деревья..... 300 фун. стерлин.

Работники..... 1000

Вымостить ямы.... 100

За землю..... 130

всего..... 1,530 фун. стерлин.

Вотъ весь расходъ. Теперь сосчитаемъ доходъ. Въ Кентскомъ графствѣ, плодовые сады приносятъ 100 ф. с. съ акра, иногда даже полтора; будемъ умѣренны и положимъ только 50 съ акра, слѣд. прибыль чистая на 1530, ф. капитала, будетъ 3000 ф. ежегодно. 3000 ф. стер.! Подумай-ка объ этомъ, братъ Какстонъ! Вычти 10 процентовъ или 300 ф. с. ежегодно на удобрение, на жалованье садовнику и пр., все-таки доходъ остается 4,300 ф. Ты разбогатѣешь, другъ мой, просто разбогатѣешь, и я отъ всего сердца тебя поздравляю.

— Въ самомъ дѣлѣ, батюшка! сказалъ юный Пизистратъ, ни проронившій ни слова изъ этаго восхитительнаго разсчета. Мы были бы также богаты, какъ эсквайръ Ролликъ! — и тогда, не правда ли? тогда можно бы держать гончихъ собакъ?

— И сверхъ того можно бы скупить огромную библіотеку, прибавилъ дядя Джакъ, употребляя свое знаніе человѣческаго сердца въ пользу роли своей искусителя. Скоро будутъ продаваться книги пріятеля моего, архіепископа.

Отецъ глубоко вздохнулъ, взглядывая попеременно то на меня, то на дядю, потомъ положилъ лѣвую руку мнѣ на голову, а правой указывая на Эразма, сказалъ съ упрямомъ дядѣ:

— Посмотри, какъ тебѣ легко возжечь алчность въ молодой головѣ! Ахъ, братецъ!

— Ты слишкомъ строгъ, братъ! Посмотри, какъ онъ опустилъ голову! Фи, атогъ энтузіазмъ приличенъ его лѣтамъ, это веселая надежда, оживленная воображеніемъ. Ты не долженъ унискать случая пріобрѣсти богатство, для этого же, милаго намъ, юноши. Тебѣ, сверхъ этого, нужно еще сдѣлать разсадникъ яблонь. Каждый годъ надобно сѣять, и прививать, и умножать плантацію, цѣймомъ, или даже покупкою нѣсколькихъ акровъ земли. Да и почему же не покупкою? Такимъ образомъ, дорогой братъ, черезъ двадцать лѣтъ половина графства будетъ насажена твоими яблонями. Ограничимся однако двумя тысячами акръ. Ну, и тогда получимъ чистой прибылью 90,000 фун. стер. ежегодно. Это герцогскій доходъ!... Доходъ герцога! стоитъ только захотѣть!

— Погодите, сказалъ я, стараюсь показать умѣренность, вѣдь деревья не вдругъ растутъ. Я помню, когда посадили послѣднія яблони, этому будетъ уже пять лѣтъ; и тогда имъ было по три года, а только прошлую осень собрали съ нихъ яблоки.

— Экой умный и понятливый молодецъ! Ну, братъ, голова у него не тупая, онъ будетъ умѣть съ честью употребить огромное свое богатство, сказалъ дядя Джакъ съ довольнымъ видомъ. Ты правъ, племянникъ, но куда мы можемъ насадить смородины, или капусты, луку, какъ дѣла-

ють въ графствѣ Кентскомъ. Между тѣмъ, такъ какъ мы не очень богатые капиталисты, то вѣроятно, должны будемъ уступить часть барышей, для удовлетворенія нужнаго расхода. Слушай, Пизистратъ! (посмотри на него, братъ! съ этой простодушной миной, кажется, будто родился онъ съ золотомъ во рту, какъ говоритъ пословица) слушай же всѣ великія тайнства спекудаціи. Отецъ твой, ни слова не говоря, купить какъ можно скорѣе, землю, и тогда, presto! Мы напишемъ программу и оснуемъ компанію. Компаніи ждуть пять лѣтъ своего дивиденда, между тѣмъ цѣна акцій прибавляется ежегодно. Положимъ, что отецъ твой возьметъ пятьдесятъ акцій по 80 ф. с. каждую; тридцать пять изъ нихъ продастъ онъ по сту на сто, оставитъ у себя прочія пятнадцать, и — также этимъ способомъ разбогатеетъ, не столько, однако, сколько могъ бы, удержавши все въ своихъ рукахъ. Ну! что скажешь, братъ Какстонъ? *Visne edere rotit?* Не хочешь ли яблочка? какъ говорили мы въ школѣ.

— Мнѣ не нужно ни циллинга больше теперешняго моего состоянія, отвѣчалъ рѣшительно отецъ мой. Жена лучше любить меня не ставеть; обздъ больше не накормить, а сынъ можетъ изнѣжиться и залѣниться....

— Послушай, перерывъ дядя Джакъ, который не легко сдавался, и берегъ сильнѣйшій доводъ для послѣдняго пораженія: ты не подумалъ о пользѣ ближняго, о выгодѣ, которую доставитъ улучшеніе всей почвы природнымъ произрастеніямъ этой округи, о здоровомъ питъи сндрѣ, доступномъ черезъ это трудящемуся и бѣдному классу людей. Я не сталъ бы предлагать тебѣ этихъ хлопотъ, еслибъ думалъ только объ твоемъ богатствѣ. Въ моемъ ли это обычаѣ? Я забочусь о выгодѣ общей, о челоувѣчествѣ, о нашихъ ближнихъ! Эхъ, братъ, Англія не была бы такъ могуща, если бы люди, подобные тебѣ, не занимались филантропіей, спекуляціями!

— Пе-пе! вскричалъ отецъ, благоденствіе Англіи поколеблется, если Робертъ Какстонъ не будетъ торговать яблочками! Милый Джакъ, ты напоминаешь мнѣ разговоръ, который я

прочелъ вотъ въ этой книгѣ.... Подожди немного, найду его; вотъ онъ: Памфагусъ и Коклесь.

«Коклесь узналъ друга своего по замѣчательному, длинному его носу.

«Памфагусъ съ досадою сказалъ, что онъ своего носа не стыдится.

— Стыдиться! на что стыдиться, сказалъ Коклесь. Я мало видѣлъ носовъ, годныхъ на большую потребу.

— Ахъ, сказалъ съ любопытствомъ Памфагусъ, на потребу? на какую же потребу?

— Тогда, *lepidissime frater*, Коклесь, точно также быстро и также краснорѣчиво, какъ ты, вычислилъ всѣ способы извлечь пользу изъ такого огромнаго развитія носоваго органа. Если погребъ набить винами, носъ подобно хоботу слона можетъ обнюхать погребъ; если пропадетъ мѣхъ, носомъ можно раздуть огонь; если лампа горитъ слишкомъ ярко, носъ можетъ служить зонтикомъ; трубочу можетъ быть трубою; барабаномъ полковому музыканту; молоткомъ столяру; лопатой садовнику; якоремъ кораблю, и пр. и пр. до тѣхъ поръ, пока Памфагусъ вскричалъ:

— Счастливый я смертный! до сихъ поръ я и не зналъ, какою драгоценностью носу по срединѣ лица?

Отецъ остановился, хотѣлъ свиснуть, но вмѣсто того засмѣялся и прибавилъ:

— Оставь въ покоѣ мои яблоки, братъ Джакъ, пусть доставляютъ они намъ по прежнему торты и пирожныя; это естественное ихъ назначеніе.

Дядя Джакъ на минуту смутился, потомъ захохоталъ и признался, что не нашелъ еще слабой стороны въ характерѣ отца моего.

Признаюсь и я, что почтенный мой родитель еще больше выросъ въ моемъ мнѣніи, послѣ этого разговора: я увидѣлъ, что ученый человекъ можетъ быть разсудителенъ. Дѣйствительно, посѣщеніе дяди Джака оживило нѣсколько облынившагося его характеръ. Самъ я сталъ входить въ лѣта и созрѣвать умомъ, и потому съ этихъ ваканцій началось

между отцемъ и мною дружеское сближеніе. Часто отказывался я отъ дальнихъ путешествій съ дядей Джакомъ; отъ какой-нибудь игры въ ближней деревнѣ, или отъ рыбной ловли въ прудахъ эсквайра Роллика, чтобы медленно ходить подлѣ отца вдоль шпалеръ, иногда молча и мечтая о будущемъ, въ то время, какъ онъ мечталъ о прошедшемъ; между тѣмъ всегда вполне вознагражденъ былъ, когда, прерывая чтеніе, онъ отверзалъ мнѣ сокровища многообразной своей учености, разцвѣчивая ее странными своими комментаріями и сократической, живой, насмѣшливой сатирой. Иногда, растроганный какимъ-нибудь геройскимъ подвигомъ, прочтеннымъ въ древнемъ авторѣ, онъ становился краснорѣчивымъ, согнутый станъ его выпрямлялся, молнія зажигалась во взорахъ, и ясно было видно, что Провидѣніе не назначало его исчезать въ невѣдомомъ уголкѣ, гдѣ велъ онъ тихую, невинную жизнь свою.

ГЛАВА XIV

— Такъ, сударь, истинно такъ! Графство наше къ чорту идетъ! мнѣнія наши не находятъ представителей ни въ Парламентѣ, ни внѣ Парламента. Меркурій здѣшній сталъ враждебнымъ журналомъ, будь онъ проклятъ! а кромѣ его нѣтъ ни одного журнала для выраженія мыслей почтеннаго сословія.

Эта рѣчь произнесена была за столомъ, во время одного изъ рѣдкихъ обѣдовъ, данныхъ семействомъ Какстонъ всему знатному сосѣдству, а ораторъ былъ самъ эсквайръ Ролликъ, президентъ третнихъ засѣданій графства.

Мнѣ въ первый разъ позволено было не только сидѣть за столомъ съ гостями, но и оставаться подлѣ дамъ, уважая лѣта мои и обѣщаніе не наливать себѣ ни одной рюмки вина, и признаюсь, что въ невинности своей, я никакъ не отгадалъ, какое внезапное участіе заставило дядю Джака поднять голову при словѣ: *журналъ*. Подобный коню при звукѣ военной трубы, онъ храбро перескочилъ все разстояніе, отдѣлявшее его отъ эсквайра Роллика. Но съ какой цѣлью? Это не легко было постигнуть школьнику моихъ

льть. Семгу не поймаетъ на крючокъ, согнутый для мелкой рыбы.

— Ни одного журнала, продолжалъ эсквайръ Ролликъ.

Прежде этого восклицанія дядя Джакъ, нагнувшись ко мнѣ, спросилъ на ухо:

— Какой онъ политической партіи?

— Не знаю! отвѣчалъ я.

Дядя Джакъ, по привычкѣ, прицѣпился къ той фразѣ, которую память подсказывала ему чаще другихъ, и протяжно сказалъ:

— Для защиты правъ нашихъ несчастныхъ ближнихъ!

Отецъ мой потеръ себѣ лобъ указательнымъ пальцемъ, обычный жестъ его, когда занятъ какимъ-нибудь сомнѣніемъ. Прочіе собесѣдники поглядѣли другъ на друга и замолчали.

— Несчастные ближніе? воскликнулъ презрительно Ролликъ. Наши несчастные ближніе!

Дядя Джакъ не удачно попалъ. Желая нѣсколько поправиться:

— Я хочу сказать: почтенные наши ближніе! сказалъ онъ.

Тутъ пришло ему на умъ, что журналъ, въ графствѣ издаваемый, непременно долженъ быть земледѣльческой журналь, и какъ Эс. Ролликъ проклиналъ Меркурія, то въроятно самъ былъ въ числѣ тѣхъ политиковъ, которые называли *вампиромъ* земледѣльческую выгоду. Одушеваясь такою догадкою, дядя Джакъ, въ надеждѣ поправиться, развернулъ все краснорѣчіе свое въ выходкахъ, подобныхъ тѣмъ, какія мы слышали въ Ковенгарднѣ и въ торговой залѣ Манчестра.

— Да, почтенные наши ближніе, эти люди, которые приносятъ отечеству двойную дань — капитала и промышленности! Можно ли сравнить мелкихъ землевладѣльцевъ съ нашими богатыми купцами? И что это за земледѣльческая выгода, которая воображаетъ себя подпорой Англій?

— Воображаетъ? вскричалъ Эс. Ролликъ. Она не воображаемая, она истинная опора отечества! Что же касается до этихъ фабрикантовъ, которые купили Меркурій....

— Которые купили Меркурій, негодяи! перервалъ съ жаромъ дядя Джакъ, совершенно постигнувъ теперь, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Повѣрьте, сударь, они вѣрно принадлежатъ къ дѣвольскому заговору капиталистовъ, который смѣло надобно разрушить. Да, я повторяю, что это за земледѣльческая выгода, которую они стремятся разорить, подорвать, которую называютъ *вампиромъ*, они! настоящіе кровопійцы, эти ядовитые *машинократы*! Наши ближніе! Могу, сударь, назвать *несчастливыми* ближними, членовъ этого страждущаго сословія, которое вы также украшаете собою. Кто привлекаетъ нашу симпатію, наше желаніе помочь, какъ не джентельменъ, владѣлецъ, обязанный при 8000 ф. стер. доходу, содержать домъ, собачью охоту, кормить народъ сборомъ для бѣдныхъ, поддерживать церковь десятинной платой, содержать суды, тюрьмы, платитъ налоги, для должностныхъ людей и для дорогъ?... и все это обязанъ онъ исполнять, хотя истощенъ процентами за занятыя деньги, истощенъ ростовщиками-жидами, придаными сестеръ или законной частью меньшихъ братьевъ, разработкой лѣсовъ своихъ, удобреніемъ образцовой своей фермы, откармливаніемъ скота своего, и пр.! — Не говорю уже о тяжбахъ, необходимыхъ для охраненія правъ своихъ, о разбойникахъ, отъсюду его окружающихъ, охотникахъ по полямъ его и лѣсамъ, ворахъ бараньихъ, собачьихъ, лошадиныхъ, о садовникахъ, о ловчихъ, и о первомъ изъ всѣхъ необходимомъ ворѣ, о прикащикѣ! Если существуетъ на свѣтѣ человекъ, котораго по праву назвать можно несчастнымъ нашимъ ближнимъ, то это конечно провинціальный обладатель большаго владѣнія.

Отецъ мой слушалъ какъ будто пародію на прежнія увѣщанія и удерживалъ съ трудомъ непритворный смѣхъ. Эсквайръ Ролликъ многими одобрительными восклицаніями соглашался на рѣчь дяди, особливо при изчисленіи сбора для бѣдныхъ, десятинной платы, на нѣсколько должностей, и собачьихъ воровъ. Онъ передалъ бутылку дядѣ Джаку и учтиво замѣтилъ:

— Во многомъ вы правы, Г-нъ Тиббетъ: земледѣліе разорвется, а когда оно уничтожится, то я *этого* не дамъ

за древнюю нашу Англию (при словъ *этого*, Г. Ролликъ щелкнулъ пальцами). — Но что же намъ дѣлать? Что можемъ мы дѣлать, для нашей провинціи? вотъ тутъ-то и затрудненіе.

— Объ этомъ именно я и хотѣлъ говорить, прервалъ дядя Джакъ. Вы сказали что въ графствѣ нѣтъ ни одного журнала, который поддерживалъ бы права ваши и обличалъ враговъ?

— Нѣтъ! потому что Виги купили Меркурій.

— Какъ же можете вы ожидать, чтобъ вамъ отдали должную справедливость, когда вы пренебрегаете печатаніемъ? — Печатаніе, Г-нъ Ролликъ, это воздухъ, которымъ дышемъ. Пособить вамъ можетъ большой листъ народной газеты Нѣтъ, не народной, — провинціальной, еженедельной, которую щедро содержать и поддерживать должна могущественная партія, готовая уничтожиться. Безъ такой газеты, вы всѣ погибли, уничтожены, мертвы, зарыты живые! Съ этой газетой, составляемой и издаваемой человѣкомъ свѣтскимъ, главнымъ редакторомъ, получившимъ хорошее образованіе, практически знающимъ и земледѣліе и сердце человѣческое, рудники, запашки, застрахованія, парламентскіе акты, выставку скотины, состояніе различныхъ партій и драгоценную выгоду общественнаго порядка, — вы победите и восторжествуете. Журналъ долженъ составиться по подпискѣ, соединеніемъ, содѣйствіемъ всѣхъ обиженныхъ, обществомъ провинціальнымъ, благотворительнымъ, земледѣльческимъ и противу нововведеній учрежденнымъ.

— Вы правы, клянусь! вскричалъ эсквайръ Ролликъ, хлопая себя по ногъ. Завтра поутру поѣду къ нашему Лорду-Намѣстнику. Старшаго сына его будемъ выбирать на слѣдующихъ выборахъ.

— И онъ выбранъ будетъ, если поддержите печатаніе, если оснуете журналъ, сказалъ дядя Джакъ, потирая руки и складывая всѣ десять пальцевъ, какъ будто собираетъ уже невинныя гиней будущей компаніи.

Всякое счастье находится больше въ надеждѣ, чѣмъ въ обладаніи. Готовъ биться объ закладъ, что то удовольствіе, ко-

торое разливалось по сердцу дяди Джака, и отсвѣчивалось на лицѣ его, при пророческомъ появленіи богини Фортуны въ видѣ новой спекуляціи, гораздо сильнѣе, нежели дѣйствительное обладаніе кошелькомъ царя Креза.

— Мнѣ казалось, что дядя Жакъ не былъ тори, сказалъ я на другой день отцу.

Отецъ, не занимавшійся совѣтъ политикой, вытаращилъ на меня глаза.

— Вы, батюшка, вигъ или тори?

— Гмъ! объ этихъ двухъ сторонахъ вопроса можно многое сказать. Посмотри на мистрисъ Примминсъ: ты знаешь, что у нее есть нѣсколько различныхъ штемпелей для нашихъ масляныхъ круговъ: они выходятъ изъ ея формъ, то съ отпечаткомъ короны, то съ изображеніемъ коровы. Предоставимъ артистамъ, выливающимъ формы, выказывать дарованія своего воображенія. Мы будемъ мазать масло на хлѣбъ, благодарить за него Бога и молиться о ниспосланіи благословенія на всю молочню. Понимаешь?

— Ни одного слова не понимаю, батюшка!

— Слѣдовательно, твой омонимъ, Пизистратъ былъ умнѣ тебя. Однако, пора кормить утку.... Гдѣ дядя?

— Онъ взялъ лошадь у Г. Скиля и повхалъ съ Г. Ролликомъ къ тому Лорду, о которомъ вчера говорили.

— О-го! сказалъ отецъ, братъ Жакъ отправился за штемпелемъ на свой кружокъ масла.

Дѣйствительно, дядя Жакъ такъ хорошо игралъ роль свою, и при Лордѣ Найвстникѣ графства, такую дивную написалъ программу, вывелъ такіе вѣрные счеты, что мои ваканціи еще не кончились, а онъ помѣщенъ уже былъ въ городъ, въ прекрасномъ домѣ, гдѣ ввиду была контора для журнала, а наверху его особенныя комнаты; получалъ 300 ф. с. жалованья въ качествѣ директора новой еженедельной газеты, названной: «Брагъ нововведеній и органъ земледѣльческихъ выгодъ графства.» Эта газета основана была для защиты правъ несчастныхъ ближнихъ, благородныхъ джентельменовъ и эсквайровъ, землевладѣльцевъ и фер-

меровъ, равно какъ и подписчиковъ. На заглавномъ листѣ дядя Джакъ напечаталъ корону, поддерживаемую цѣпомъ и пастушьимъ посохомъ, съ девизомъ: *pro rege et grege*.

Такимъ образомъ дядя Джакъ нашелъ штемпель своему маслу.

ГЛАВА VI.

Когда я возвратился въ пансіонъ, то мнѣ показалось, что я уже не ребенокъ! Дядя Джакъ, изъ собственного кармана, купилъ мнѣ первую пару сапогъ, à la Wellington! Матушка сдалась на ласки мои, и позволила носить фракъ, вмѣсто прежней куртки. Воротникъ рубашки лежалъ прежде на шеѣ моей, какъ уши легавой собаки, теперь поднимался высоко, какъ уши собаки борзой, и окружился чернымъ ошейникомъ. Мнѣ было около семнадцати лѣтъ, и я почиталъ себя взрослымъ мужчиной. Замѣчу мимоходомъ, что почти всегда мы быстрымъ прыжкомъ перескакиваемъ изъ мальчика Систи въ юношу Пизистрата Какстонъ, и старшіе наши безъ всякаго сопротивленія соглашались дать намъ желанное названіе молодого человека. Мы не примѣчаемъ постепеннаго хода превращенія, помнимъ только знаменитую эпоху, въ которую всѣ признаки явились вдругъ: Веллингтоновскіе сапоги, фракъ, галстухъ, усики на верхней губѣ, мысль о бритвѣ, мечтанія о молодыхъ дѣвушкахъ и новое чувство поэзіи. Тогда я началъ читать внимательно, понимать то, что читаю, началъ съ беспокойствомъ смотрѣть на будущее, и смутно чувствовать, что мнѣ предстоитъ занять мѣсто между людьми, и что оно зависитъ отъ постоянного труда и терпѣнія. Я былъ уже первымъ ученикомъ въ нашемъ классѣ, когда получилъ два слѣдующія письма:

I. Отъ Роберта Какстона Эск.

«Любезный сынъ!

«Я увѣдомилъ доктора Германа, что послѣ ваканцій ты къ нему не возвратишься. Въ твои лѣта пора перейти въ объятія возлюбленнаго нашего университета, *Alma Mater*, и надѣюсь, что ты получишь почести, которыми онъ удо-

стоитъ отличныхъ сыновей своихъ. Ты уже стоишь въ спискѣ Троицкой коллегіи въ Кембриджѣ, и мнѣ кажется, будто въ тебѣ снова разцвѣтаетъ моя молодость: вижу, какъ будешь ты бродить по благороднымъ садамъ, орошеннымъ извивистымъ Камомъ, и глядя на тебѣ, вспоминаю мечты, летавшія надъ моею головою, когда гармоническіе звуки башенныхъ часовъ повторялись на тихомъ кристаллѣ водъ. — *Verum, secretumque Mauseion, quàm multa dictatis, quàm multa invenitis!* — Тамъ, въ этой славной коллегіи, тебѣ придется бороться съ юными богатырями. Ты увидишь тѣхъ, которые въ санѣ церковномъ, государственномъ, гражданскомъ, или въ глубокомъ уединеніи науки, назначены Провидиіемъ быть свѣтильниками твоего вѣка. Тебѣ не запрещено состязаться съ ними. Тотъ, кто въ юныхъ лѣтахъ можетъ пренебрегать забавами и любить трудъ, тотъ имѣетъ передъ собою обширное и благородное поприще славы.

«Дядя Жакъ радуется своимъ журналомъ, а эсквайръ Ролликъ ворчитъ и увѣряетъ, что журналъ наполненъ теоріями, непостижимыми для фермеровъ. Дядя Жакъ съ своей стороны утверждаетъ, что создаетъ свою публику, для того чтобы имѣть достойныхъ читателей, и вздыхая, жалуется, что гений его тускнѣетъ въ провинціи. Дѣйствительно, онъ искусный и свѣдущій чловѣкъ, и могъ бы успешно дѣйствовать въ Лондонѣ. Онъ часто у насъ бываетъ и ночуетъ, а на другое утро возвращается въ свою контору. Чудесная его дѣятельность заразительна. Повѣришь ли, что ему удалось возжечь пламень моего тщеславія? То есть, говоря безъ метафоръ, я собираю всѣ мои замѣчанія и размышленія, и не безъ удивленія вижу, что возможно привести ихъ въ порядокъ, и методически расположить по главамъ и по книгамъ. Не могу удержаться отъ улыбки, воображая, что становлюсь авторомъ, но смѣюсь еще больше, когда думаю, что такое дерзкое честолюбіе внушено мнѣ дядей Жакомъ. Между тѣмъ, я прочелъ нѣсколько отрывковъ твоей матери, и она похвалила; это ободритъ меня. Твоя мать очень, очень разумна, хотя не учена, а это тѣмъ

болѣе странно, что многіе ученые не стояли пальца отца ея. Однакожь, этотъ почтенный, славный учитель умеръ, ничего не напечатавъ, а я... истинно не понимаю своей дерзости!

«Прости, сынъ мой! пользуйся временемъ, остающимся тебѣ въ Филелленическомъ институтѣ. Голова, наполненная мудростью, есть истинный пантеизмъ, *plena Jovis*. Порокъ всегда помѣщается въ той частичкѣ мозга, которая оставлена пустою. Если, паче чаянія, этотъ господинъ вздумаетъ постучаться у дверей твоихъ, постарайся, милый сынъ, имѣть возможность сказать ему: мѣста нѣтъ для вашего высокородія, идите прочь.

Твой любящій тебя отецъ

Р. Какстонъ.»

II. Отъ Мистрисъ Какстонъ.

«Дорогой мой Систи!

«Скоро возвратишься ты домой; сердце мое такъ полно этой мыслью, что я ничего другаго и писать не могу. Милое дитя мое, возвратись къ намъ! Намъ не будутъ раздѣлять посторонніе люди и школы: ты будешь совсѣмъ нашъ, опять милое дитя наше, будешь опять принадлежать мнѣ, какъ принадлежалъ въ колыбели, въ твоей дѣтской комнатѣ и въ саду, гдѣ мы съ тобою, Систи, перебрисывались цвѣточками. Ты посмѣешься надо мною; когда расскажу тебѣ, что услышавши отъ отца твоего, что ты совсѣмъ къ намъ возвращаешься, я тихонько ушла изъ гостиной и вошла въ комнату, гдѣ хранятся всѣ мои сокровища, ты знаешь! Тамъ, отодвинувши ящикъ, нашла твой чепчикъ, который сама вышивала, маленькую твою нанковую курточку, и многія другія драгоценности, напоминающія то время, когда ты былъ мой маленькій Систи, а я твоя маменька, вмѣсто этой торжественной, холодной *матушки*, какъ зовешь меня теперь. Всѣ эти вещи я перецѣловала, Систи, и сказала имъ: мой малютка возвращается. Мнѣ казалось даже, что я опять буду носить тебя на рукахъ, опять учить говорить: здравствуй, папа! — Я сама смѣюсь надъ собою, а иногда утираю слезы. Ты не можешь уже быть прежнимъ моимъ дитятей, но ты все равно, мой дорогой, мой

любимый сынъ, сынъ отца твоего, лучшее мое сокровище, выключая только этого отца.

«Я такъ счастлива въ ожиданіи тебя! Возвратись, пока отецъ твой радуется своей книгой. Ты можешь ободрить его; книгу эту надобно издать. Почему же и ему не быть славнымъ, известнымъ? Почему свѣтъ не будетъ ему удивляться, какъ удивляемся мы? Ты знаешь, что я всегда имъ гордилась, пусть узнаютъ, что не по вустому. Однакоже, ученость ли его привлекла мою любовь, мое почтеніе? Нѣтъ, не ученость, а его доброе, благородное сердце. Въ этой книгѣ, однакожь, вмѣстѣ съ ученостью помѣстилось и сердце; она наполнена таинствами мнѣ непонятными, но посреди этихъ таинствъ, являютя вдругъ мѣста мнѣ доступныя и отсвѣчивающіяся его прекраснымъ сердцемъ.

«Дядя твой взялъ на себя изданіе, и какъ скоро первый томъ будетъ конченъ, отецъ поедетъ съ дядей въ городъ.

«Всѣ домашніе наши здоровы, кромѣ бѣдной Сарры, у которой лихорадка. Приммивъ надъла ей ладанку на шею и увѣряетъ, что ей лучше стало. Быть можетъ, хотя я не понимаю отъ чего. Отецъ твой говоритъ: — Почему и не вылечить талисманомъ? всякое средство вѣроятно удется съ желаніемъ успѣха: чѣмъ удается магнетизмъ, какъ не желаніемъ и волей?

«Я не умѣю этого изъяснить; но тутъ есть тайный смыслъ, вѣроятно, глубокій.

«Еще три недѣли до вакацій, Систи, а тамъ, прощай школа. Комната твоя будетъ выкрашена и убрана. Завтра жду работниковъ. Утка жива и, кажется, меньше хромаетъ.

«Да благословить тебя Господь, милый сынъ!

Счастливая мать твоя

К. Какстонъ.»

Время, которое прошло между этими письмами и утромъ возвращенія въ родительской домъ, показалось мнѣ опять тѣмъ длиннымъ, безпокойнымъ днемъ, который проводилъ я въ болѣзни. Машинально исполнялъ я ежедневные уроки. Ода на Греческомъ языкѣ выразила мое прощаніе съ ни-

ститутомъ. Докторъ Германъ объявилъ, что эта ода произведеніе мастерское. Я послалъ ее къ отцу, который, чтобы охладить гордость торжества моего, отвѣчалъ мнѣ неправильнымъ Англійскимъ языкомъ, передразнивая на отечественномъ языкѣ всѣ мои Греческіе варваризмы. Я проглотилъ эту пилюлю, и утѣшился мыслью, что употребивъ шесть лѣтъ на приобрѣтеніе науки неправильно писать по-Гречески, вѣроятно не найду больше случая блеснуть такимъ драгоценнымъ приобрѣтеніемъ.

Наконецъ насталъ послѣдній день. Съ восторженной какой-то печалью обошелъ я всѣ знакомые мнѣ углы дома, разбойничью пещеру, которую мы выкопали зимою, и защищали шестеро, противъ всей арміи нашего маленькаго царства; заборъ, съ которымъ происходило мое первое сраженіе; столѣтнюю березу, подъ которой читалъ письма отца и матери.

Перочиннымъ ножичкомъ вырѣзалъ я крупными буквами имя свое на моемъ наложѣ. Пришла ночь, колоколъ пригласилъ насъ ко сну, и мы разошлись по комнатамъ. Я открылъ окно, на небѣ блистали всѣ звѣзды; не могъ я узнать свою, ту звѣзду, которая должна освѣтить поприще славы и счастья, предстоящее передъ юношей, вступающимъ въ свѣтъ. Надежда и честолюбіе волновали мнѣ душу, но за ними стояла скорбь. Читатель, ты вспомни самъ всѣ мысли, полныя печали и восторга, всѣ невольныя сожалѣнія о прошедшемъ, всѣ неясно радостныя стремленія къ будущему, которыя каждого изъ васъ творили повтомъ въ послѣднюю ночь пребыванія вашего въ школь.

(До слѣдующей книги.)

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СЕМЕЙСТВО БАКСТОНЪ.

Романъ Бульвера.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.*

ГЛАВА I.

Почтовая карета остановилась у воротъ дома отца моего; я вышелъ. Прекрасный лѣтній день клонился къ вечеру. Мистрисъ Примминсъ выбѣжала ко мнѣ на встрѣчу и, съ изъявленіями горячей дружбы, пожала мнѣ руку. Слѣдомъ за ней, заключила меня въ свои объятія матушка.

Какъ скоро нѣжная моя родительница убѣдилась, что я не умираю съ голоду и, 2 часа тому назадъ, пообѣдалъ у доктора Германа, то тихонько, черезъ садъ, повела меня въ бесѣдку.

— Отецъ теперь такъ веселъ! — сказала она, утирая слезу; къ нему пріѣхалъ его братъ;

X* Въ прошлой книгѣ, подъ I-ю частью, надо читать: глава I-я, а вмѣсто VII главы на с. 45, должно читать: часть вторая, глава I-я, и такъ далѣе. Одиннадцатая глава есть пятая второй части, за коею и слѣдуетъ третья часть.

Я остановился. Его братъ! Повѣрить ли читатель? я никогда не слыхивалъ, чтобъ у моего отца былъ братъ: такъ рѣдко говорили при мнѣ о семейныхъ дѣлахъ.

— Его братъ? спросилъ я. У меня есть дядя Какстонъ, какъ дядя Джакъ?

— Да, душа моя, отвѣчала матушка, и прибавила: — они прежде не очень были дружны; капитанъ жилъ все за моремъ. Теперь, слава Богу, они совсѣмъ помирились.

Она не успѣла сказать ничего больше: мы подходили къ бесѣдкѣ. На столѣ стояли плоды и вина. Джемтльмены сидѣли за десертомъ; собесѣдники эти были: мой отецъ, дядя Джакъ, мистеръ Скиль и высокій, худощавый мужчина, застегнутый на всѣ пуговицы, прямой, вытянутый, вошественный, важный, величественный, достойный, однимъ словомъ, занять мѣсто въ рыцарской книгѣ моего славнаго предка.

Когда я вошелъ, всѣ встали; но бѣдный отецъ мой, медленный въ своихъ движеніяхъ, привѣтствовалъ меня уже послѣ всѣхъ другихъ. Дядя Джакъ напечаталъ мнѣ на пальцахъ сильный слѣдъ своего перстня съ печатью; мистеръ Скиль потрепалъ меня по плечу, и замѣтилъ: «удивительно выросъ!» Новый дядя съ важностью сказалъ мнѣ: «вашу руку, сэръ, я капитанъ де-Какстонъ!» Даже домашняя утка высунула голову изъ подъ крыла и (это привѣтствіе она дѣлала всѣмъ) потеряла ее около ноги моей, прежде чѣмъ отецъ, положи мнѣ на голову блѣдную свою руку и нѣсколько минутъ вглядываясь въ меня, съ неописанной нѣжностію, сказалъ:

— Все больше и больше похожъ на мать, — Господь съ нимъ!

Мнѣ оставили стулъ между отцемъ и его братомъ. Я поспѣшно сѣлъ, раскраснѣвшись и задыхаясь, потому что непривычная ласка отца поразила меня несказанно: кому же я созналъ впервые мое новое положеніе, Я возвращался

подъ кровь родительскій, не школьникомъ, для отдыха и развлечения, а его надеждой. Я могъ наконецъ пользоваться правомъ быть утѣшителемъ и помощникомъ дорогихъ родителей, досель безвозмездно окружавшихъ меня попеченіями и благодѣяніями. — Странный это переломъ въ жизни, когда мы *заправду*, *совсѣмъ* возвращаемся домой. Все около насъ въ домъ принимаетъ тогда новый видъ. Прежде, мы были гостемъ, балованнымъ ребенкомъ, котораго забавляютъ, ласкаютъ, веселятъ въ то короткое время, которое онъ проводитъ дома. Но, когда возвращаешься домой навсегда, *совсѣмъ* уже кончивши школьное ученіе и отживъ школьные года, тогда перестаешь считать себя гостемъ, раздѣляешь жизнь домашнюю, со всеми ея обязанностями; принимаешь долю отъ всѣхъ сукъ, всѣхъ должностей и всѣхъ тайнъ домашняго круга.... Не такъ ли? Мнѣ хотѣлось закрыть лицо руками, и заплакать!

Отецъ, при всей своей разсѣянности и простодушіи, неизмовѣрно-прозорливо читалъ въ глубинѣ сердець. Въ моемъ сердцѣ разбиралъ онъ все, также легко, какъ въ Греческой книгѣ. Онъ тихонько обнялъ мой станъ рукой и шепнулъ мнѣ на ухо: — будь твердъ! Молчи! Потомъ громко сказалъ дядь:

— Братъ Романдъ! Нельзя оставить дядю Джака безъ отвѣта.

— Братъ Остинъ, отвѣчалъ, важно, капитанъ, — мистеръ Джакъ, если смѣю назвать его этимъ именемъ....

— О, конечно, смѣете! — возразилъ дядя Джакъ.

— За честь почитаю такую короткость, — отвѣчалъ капитанъ, съ поклономъ. Я хотѣлъ сказать, что мистеръ Джакъ отступилъ съ поля битвы.

— Совсѣмъ нѣтъ! — воскликнулъ мистеръ Скиль, всыпая шипучій порошокъ въ химическую микстуру, тщательно составленную изъ стараго хереса и лимоннаго сока. — Совсѣмъ нѣтъ! Мистеръ Тиббетсъ, у котораго органъ противурѣчія значительно развитъ, говорилъ, между прочимъ....

— Я говорилъ, — сказалъ дядя Джакъ, — что стыдъ и срамъ девятнадцатому вѣку, когда человекъ, подобный моему другу, капитану Какстонъ....

— Де-Какстонъ, сэръ, мистеръ Джакъ.

— Де-Какстонъ, — съ отличными воинскими способностями, знатнаго происхожденія, герой, внукъ и потомокъ героевъ, служившій двадцать три года въ королевскихъ войскахъ, отставленъ капитаномъ. Это происходитъ, сказалъ я, отъ системы покупныхъ чиновъ, обратившей въ обычай продажи самыхъ благородныхъ почестей, какъ нѣкогда въ Римской имперіи.

Отецъ поднялъ голову, но дядя Джакъ продолжалъ, не допустивъ его выговорить и первое слово задуманнаго возраженія.

— Системы, которой можно положить конецъ: для этого нужно небольшое усиліе, — только общее согласіе. Да, сэръ! При этомъ дядя Джакъ такъ ударилъ по столу, что двѣ вишни подскочили съ тарелки и задѣли по носу капитана. — Я смѣло скажу, что могу всю армию преобразовать и поставить на другую ногу. Если бы самые бѣдные и самые достойные офицеры захотѣли соединиться въ дружное общество и каждый сталъ вносить по третямъ хоть небольшую сумму, мы составили бы капиталъ, которымъ не трудно бы было понемногу подорвать недостойныхъ повышенія. Каждый способный и заслуженный человекъ имѣлъ бы тогда всѣ средства къ повышенію.

— Дѣйствительно, это великая мысль, — сказалъ мистеръ Скиль. — Что вы объ этомъ думаете, капитанъ?

— Совсѣмъ не великая, сэръ, — сказалъ очень серьезно капитанъ. Въ монархическомъ правленіи мы признаемъ единственный источникъ почестей. Такимъ обществомъ можно уничтожить первую обязанность война — уваженіе къ своему Государю.

— Честь, — продолжалъ капитанъ, воспламеняясь, — честь — награда воину. Какая мнѣ нужда, что молодой неучъ, купивъ

себя чинъ полковника, сядетъ мнѣ на голову? Онъ не купитъ ни моихъ ранъ, ни моей службы. Онъ не купитъ, сэръ, моей медали, данной мнѣ за Ватерлоо. Его называютъ полковникомъ.... потому что онъ купилъ этотъ титулъ.... Прекрасно! ему это нравится, но мнѣ это нравится бы не могло; по моему, лучше оставаться капитаномъ и гордиться не титуломъ, а двадцатью тремя годами службы. — Общество купило бы мнѣ полкъ! Не хочу быть неучтивымъ, иначе, сказалъ бы просто: чтобы ихъ чертъ взялъ.... Вотъ мое мнѣніе, мистеръ Джакъ!

Безмолвное волненіе пробѣжало по всемъ собесѣдникамъ, даже дядя Джакъ казался очень тронуть, пристально взглянулъ на стараго солдата и не сказалъ ни слова. Мистеръ Скиль прервалъ общую тишину:

— Мнѣ хотѣлось бы видѣть вашу Ватерлооскую медаль; съ вами она, капитанъ?

— Мистеръ Скиль, отвѣчалъ капитанъ, — пока я живъ, она останется на моемъ сердцѣ. Когда умру, съ нею положить меня въ гробъ, съ ней я встану по первой командѣ, на общей перекличкѣ, въ день воскресенія мертвыхъ!

Говоря это, капитанъ разстегивалъ сертукъ, и, снявъ съ полосатой ленточки самый ужасный обрашникъ ювелирнаго искусства, какимъ когда-либо награждали заслугу въ ущербъ изящному вкусу, положилъ медаль на столъ.

При совершенномъ безмолвіи, она стала переходить изъ рукъ въ руки.

— Нельзя не подивиться этому.... — сказалъ, наконецъ, батюшка.

— Тутъ нѣтъ ничего страннаго, братъ, — сказалъ капитанъ. — Это очень просто, для человѣка, понимающаго правила чести.

— Можетъ статься, — отвѣчалъ кротко отецъ; — мнѣ хотѣлось бы послушать то, что вы можете сказать намъ о чести. Я увѣренъ, что это для всѣхъ насъ будетъ назидательно.

ГЛАВА II.

Рѣчь дяди Роланда о чести.

— Милостивые государи! — сказалъ капитанъ, обращаясь ко всемъ слушателямъ, и отвѣчая на сдѣланный ему вызовъ, — милостивые государи! Богъ создалъ землю, человекъ насадилъ садъ. Богъ создалъ человека, а человекъ воздѣлалъ себя самъ.

— Да, конечно, наукой, — сказалъ мой отецъ.

— Промышленностью — сказалъ Джакъ.

— Физическими свойствами тѣла, — сказалъ мистеръ Скиль. Человекъ не могъ бы усовершенствоваться и остался бы дикимъ, въ лѣсахъ и пустыняхъ, если бъ созданъ былъ съ жабрами, какъ рыба, или не умѣлъ говорить, подобно обезьянѣ! Руки и языкъ даны ему, какъ орудіе прогресса.

— Мистеръ Скиль — сказалъ отецъ, качая головою, — Анаксагоръ сказалъ прежде васъ то же о рукахъ человѣческихъ

— Что жъ! съ этимъ дѣлать нечего — отвѣчалъ Скиль, — пришлось бы цѣлый вѣкъ молчать, если бъ говорить только то, что никѣмъ еще не было сказано. Однако превосходство наше заключается не столько въ рукахъ, сколько въ ширинѣ большихъ пальцевъ.

— Альбинусъ *de sceleto*, и нашъ ученый, Вильямъ Луренсъ замѣтили то же — сказалъ отецъ.

— Тѣфу пропасть! — воскликнулъ мистеръ Скиль, — какая вамъ надобность все знать!

— Не все! но большіе пальцы доставляютъ предметъ розысканія самому простому понятію, скромно отвѣчалъ отецъ.

— Милостивые государи, — началъ опять дядя Роландъ, — руки и большіе пальцы даны Эскимосцамъ, также какъ ученымъ медикамъ, но Эскимосцы отъ этого не умнѣе. Нѣтъ, господа, со всею вашей ученостью, вы не можете довести

насть до состоянія машины. Глядите внутрь себя. Человѣкъ, повторяю, возсоздаетъ себя самъ. Какимъ образомъ? Началомъ *чести*. Первое желаніе его состоитъ въ томъ, чтобы превзойти другаго человѣка, первое стремленіе его — отличиться отъ другихъ. Провидѣніе снабдило душу невидимымъ компасомъ, магнитной стрѣлкой, всегда указывающей на одну точку, т. е. на честь, — на то, что окружающіе человѣка считаютъ честнѣе и славнѣе всего. Человѣкъ, отъ начала, былъ подверженъ всякимъ опасностямъ: и отъ дикихъ звѣрей, и отъ людей, подобно ему, дикихъ, слѣдовательно *храбрость* сдѣлалась первымъ качествомъ, достойнымъ уваженія и отличія; поэтому дикіе храбры, поэтому дикіе и добиваются похвалы, поэтому же, они украшаютъ себя шкурами побѣжденныхъ звѣрей и волосами убитыхъ враговъ. Не говорите, что они смѣшны и отвратительцы; вѣтъ, это знаки славы. Они доказываютъ, что дикій уже избавился отъ перваго, грубаго, закоснѣлаго себлюбія, что цѣнить похвалу, а люди хвалятъ только то, что охраняетъ ихъ безопасность или улучшаетъ бытъ. Въ послѣдствіи дикіе догадались, что нельзя жить безопасно другъ съ другомъ, не условясь въ томъ, чтобы не обманывать другъ друга, и *правда* сдѣлалась достойна уваженія, стала первымъ правиломъ чести. Братъ Остинъ можетъ сказагь намъ, что во времена древнія правда была всегда принадлежностью героя.

— Дѣйствительно,—сказалъ отецъ, — Гомеръ съ восторгомъ придаетъ ее Ахиллесу.

— Отъ правды родится необходимость въ нѣкоторомъ родѣ справедливости и закона. Уважая храбрость воина и правду въ каждомъ человѣкѣ, люди начинаютъ воздавать честь старикамъ, избраннымъ для храненія справедливаго суда между ними. Такимъ образомъ устанавливается законъ.

— Да вѣдь первые-то законодатели были жрецы, — сказалъ отецъ.

— Я къ этому приду, милостивые государи, продолжалъ дядя. — Откуда желаніе чести, если не отъ необходимости отличиться — другими словами — усовершенствовать свои способности для пользы другихъ, хотя человекъ и ищетъ похвалы людей, не подозревая такого послѣдствія? Но это желаніе чести неугасаемо, и человекъ желаетъ перенести награду свою даже за предѣлы гроба. Поэтому, тотъ, кто больше другихъ убилъ львовъ и враговъ, естественно вѣрить, что въ другомъ мірѣ ему достанутся лучшіе участки для его охоты и лучшія мѣста за небесными пирами. Природа, во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ, внушаетъ ему мысль о власти невидимой, а чувство чести, т. е. желаніе славы и наградъ, заставляетъ его искать одобренія этой невидимой власти. Отсюда — первая мысль о религіи. Въ предсмертныхъ пѣсняхъ, которыя поетъ дикій, когда его привязываютъ къ мучительному столбу, онъ, пророческими гимнами, рассказываетъ будущія почести и награды небесныя. Общество идетъ впередъ. Начинаютъ строить хижины: устанавливается собственность. Кто богаче, тотъ сильнѣе. Власть становится почтенна. Человекъ ищетъ чести, связанной съ властью, основанной на владѣніи. Такимъ образомъ, поля обрабатываются; плоты переплываютъ рѣки, одно племя заводитъ торгъ съ другимъ. Возникаетъ торговля и начинается просвѣщеніе. Милостивые государи, то, что кажется всего меньше связано съ честью, въ наше настоящее время, ведетъ свое начало отъ правиль чести. И такъ, честь есть основаніе всякаго успѣха въ усовершенствованіи человечества.

— Вы говорили, какъ ученый, братъ, — сказалъ мистеръ Какстонъ, съ изумленіемъ.

— Да, милостивые государи, — продолжалъ капитанъ, съ тою же непоколебимою увѣренностью; — возвращаясь ко временамъ варварства, я возвращаюсь къ истиннымъ началамъ чести. Потому именно, что эта кругленькая штука не имѣетъ вещественной цѣны, она становится безцѣнна;

только поэтому, она и есть доказательство заслуги. Гдѣ же была бы моя заслуга, еслибъ я могъ ею купить опять мою ногу, или промѣнять ее на сорокъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ дохода? Нѣтъ, вотъ въ чемъ ея цѣна: когда я надену ее на грудь, люди скажутъ: «этотъ старикъ не такъ бесполезенъ, какъ можно подумать; онъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые спасали Англiю и освободили Европу.» Даже тогда, когда я ее прячу (тутъ дядя Роландъ поцѣловалъ свою медаль, привязалъ ее опять къ ленточкѣ, и всунулъ въ прежнее мѣсто), и не видитъ ея ни одинъ чужой глазъ, цѣна ея возвышается мыслью, что отечество мое не унизило древнихъ, истинныхъ началъ чести, и не платитъ воину, сражавшемуся за него, тою же монетою, какою вы, мистеръ Джакъ, платите вашему сапожнику. Да, милостивые государи! Храбрость есть первая добродѣтель, порожденная честью, первый исходный пунктъ безопасности народовъ и ихъ просвѣщенiя; поэтому мы, милостивые государи, совершенно правы, что предохраняемъ хоть эту добродѣтель, отъ денежнаго оскверненiя, отъ этихъ расчетовъ, составляющихъ не добродѣтели образованности, а пороки, отъ нея происшедшiе.

Дядя Роландъ замолчалъ; потомъ налилъ свою рюмку, всталъ и торжественно сказалъ:

— Послѣднiй тостъ, господа! Умершимъ за Англiю!

ГЛАВА III.

— Право, мой другъ, вамъ надо выпить это. Ты вѣрно простудился: ты чихнулъ три раза сряду.

— Это отъ того, матушка, что я понюхалъ табаку изъ табакерки дяди Роланда, только ради этой чести, понимаете?

— Скажи пожалуйста, что ты сказалъ такое въ это время, отъ чего улыбнулся отецъ? Я не слышала и поняла только что о жидяхъ и о коллегiумъ.

— О какихъ жндахъ? — *Pulverem olympicum collegisse juvat.* Это значитъ, матушка, что пріятно пощохать табаку изъ табакерки храбраго. Поставьте же вашъ декоктъ: извольте, выпью его послѣ, для васъ. А теперь, садьте ко мнѣ... сюда: вотъ эдакъ, и расскажите мнѣ все, что вы знаете о славномъ капитанѣ. Во-первыхъ, онъ гораздо старѣ батюшки?

— Еще бы!—воскликнула матушка съ негодованіемъ. Онъ на лицо старше отца дватцатью годами, хотя между ними только пять лѣтъ разницы. Отецъ твой всегда долженъ казаться молодымъ.

— Зачѣмъ дядя Роландъ ставитъ это нелѣпое Французское *de* передъ своей фамиліей? А отъ чего они прежде были не хороши съ отцомъ? А женатъ онъ? Есть у него дѣти?

Мѣстомъ дѣйствія этого совѣщанія была моя маленькая горница, къ моему возвращенію оклеенная новыми обоями: обои представляли рѣшетку съ цвѣтами и птицами и были такіе свѣжіе, новые, чистые, веселые; книги мои разставлены были на красивыхъ полкахъ, письменный столъ стоялъ подѣ окномъ, въ которое смотрѣлъ кроткій, лѣтній мѣсяць. Окно было нѣсколько отворено: слышалось благоуханіе цвѣтовъ и только что скошеннаго сѣна. Было за 11 часовъ. Мы сидѣли съ матерью одни.

— Помилуй, другъ мой, сколько вопросовъ вдругъ!

—Такъ вы не отвѣчайте. Начинайте съ начала, какъ няня Примминсъ рассказываетъ свои сказки. Жиль-быль....

— Жиль-быль,—сказала матушка, цѣлуя меня между глазъ, — былъ, душа моя, въ Кумберландѣ нѣкій пасторъ, у котораго было два сына; средства его къ жизни были незначительны, и дѣти должны были сами пробить себѣ дорогу. Рядомъ съ жилищемъ пастора, на вершинѣ горы, стояла старая развалина съ покинутой башней, и она, съ половиною всей окрестности, принадлежала нѣкогда семейству па-

стора; но все отошло по немногу, все было продано, все, понимаешь ли, кромѣ права на мѣсто приходскаго пастора, предоставленное меньшому въ семействѣ. Старшій сынъ былъ твой дядя Роландъ, меньшей — твой отецъ. Теперь я думаю, что первая ихъ ссора произошла отъ самой незлой причины, какъ сказывалъ и отецъ, но Роландъ былъ до крайности щекотливъ во всемъ, что касалось до его предковъ. Онъ безпрестанно изучалъ родословное, древнее дерево, или читалъ рыцарскія книги, или бродилъ между развалинъ. Гдѣ началось это дерево, я не знаю; кажется, однако, что Король Генрихъ II далъ земли въ Кумберландѣ какому-то сэру Адаму Какстонъ, и отъ него линія шла, не прерываясь, отъ отца къ сыну, до Генриха V. Тогда, вѣроятно по поводу безпорядковъ и смуть, произведенныхъ, по словамъ твоего отца, войнами Розъ, начинаютъ попадаться только одно или два имени безъ чиселъ и браковъ, вплоть до Генриха VII, кромѣ имени Вильяма Какстонъ, при Эдуардѣ IV, въ одномъ духовномъ завѣщаніи. Въ нашей сельской церкви воздвигнуть прекрасный бронзовый памятникъ сэру Вильяму де-Какстонъ, рыцарю, убитому въ сраженіи при Босвортъ и сражавшемуся за нечестиваго Короля Ричарда III. Около того же времени жилъ, какъ тебѣ извѣстно, славный типографщикъ Вильямъ де-Какстонъ. Отецъ, будучи въ Лондонѣ у тетки, тщательно перерывалъ всѣ старыя бумаги архива герольдіи и имѣлъ несказанное удовольствіе удостовѣриться, что происходитъ не отъ бѣднаго сэра Вильяма, убитаго за столь неправо дѣло, то отъ знаменитаго типографщика, происходившаго отъ младшей линіи того же рода, потомству котораго досталось помѣстье при Генрихѣ VIII. За это дядя Роландъ и поссорился съ братомъ, и я дрожу всякій разъ, когда подумаю, что они могутъ когда-нибудь опять напасть на этотъ вопросъ.

— Стало быть, матушка, дядя рѣшительно виноватъ, по суду здраваго смысла; но вѣрно, кромѣ этой причины, есть другая.

Матушка опустила глаза и съ замѣшательствомъ потеряла руки, что было у ней всегда признакомъ замѣшательства.

— Матушка, сказалъ я, ласкаясь, — скажите, что же это такое ?

— Думаю, — отвѣчала она, — то есть, кажется, что они оба были влюблены въ одну и ту же дѣвушку.

— Какъ? что? батюшка когда-нибудь былъ влюбленъ въ кого-нибудь кромѣ васъ ?

— Былъ, Систи, былъ; и страстно, глубоко, — отвѣчала матушка и, вздохнувъ и помолчавъ нѣсколько минутъ, продолжала: — и онъ никогда не любилъ меня, въ чемъ (это главное) чистосердечно мнѣ признался.

— А вы все-таки....

— Вышла за него. Да, и оттого вышла, — продолжала она, возводя къ небу ясные, кроткіе глаза, въ которыхъ каждый любящій съ восторгомъ желалъ бы прочесть судьбу свою, — оттого, что старая его любовь была безнадежна. Я знала, что могла сдѣлать его счастливымъ, знала, что со временемъ онъ будетъ любить меня; такъ и случилось! Дитя мое, отецъ меня любить!

При этихъ словахъ, щеки матушки покрылись яркимъ, дѣвственнымъ румянцемъ; кроткая красота ея выражала столько доброты, она такъ была еще молода, что если бы отецъ не умѣлъ полюбить подобное созданіе, вы бы сказали, что это случилось единственно потому, что имъ овладѣлъ Дузій, врагъ Тевтоновъ или Нокъ, морской демонъ Скандинавовъ, отъ которыхъ, по увѣренію ученыхъ, произошли наши новѣйшіе демоны, даже «Старый Никъ» и нашъ Англійскій Дьюсь.

Я прижалъ ея руку къ губамъ, но сердце слишкомъ было полно, и говорить я не могъ. Черезъ нѣсколько минутъ я нарочно перемѣнилъ разговоръ.

— Стало, это соперничество поссорило братьевъ еще больше. Кто же была эта дама ?

— Отецъ никогда не говорилъ объ этомъ, а я не спрашивала; знаю только, что на меня она не была похожа. Красавица собой, совершенная во всѣхъ отношеніяхъ, знатнаго рода.

— Благоразумно сдѣлалъ батюшка, что обошелъ ее. Ну, да что объ этомъ. А капитанъ что ?

— Въ это время скончался вашъ дѣдушка, а скоро послѣ него, богатая, скупая тѣтка, которая каждому племяннику оставила 16,000 фунтовъ стерлинговъ. Дядя купилъ за неимовѣрно дорогую цѣну старую башню, съ окружающими землями, которыя, говорятъ, не даютъ ему и 500 ф. с. ежегоднаго дохода; на остальные деньги онъ купилъ офицерскій чинъ, и братья съ тѣхъ поръ не выдались до прошлой недѣли, когда Роландъ пріѣхалъ сюда неожиданно.

— Онъ не женился на совершенствѣ ?

— Женился, да на другой, и овдовѣлъ.

— Отчего жъ онъ былъ столько же непостояненъ, какъ батюшка, и вѣрно безъ такой прекрасной причины? Какъ это было ?

— Не знаю, онъ ничего не говоритъ объ этомъ.

— А дѣти есть у него ?

— Двое: сынъ,—кстати, не говори съ нимъ никогда о немъ. Когда я спросила дядю объ его семействѣ, онъ отвѣчалъ сухо: «у меня есть дочь, былъ сынъ, но....»

— Онъ умеръ! — прервалъ отецъ, своимъ добрымъ, вѣжливымъ голосомъ.

— Умеръ для меня, и прошу васъ, братъ, никогда не называть его при мнѣ. — Если бъ вы видѣли, какъ сердито смотрѣлъ онъ въ то время: я ужасно испугалась.

— А дочь? отъ чего онъ не привезъ ея сюда ?

— Она осталась во Франціи. Онъ все собирается за ней, и мы общали наввстить ихъ въ Кумберландъ. Ахъ, Боже мой! вѣдь бьетъ двѣнадцать! Трава-то совсѣмъ простыла!

— Еще одно слово, матушка, одно только слово. Батюшкино сочипенье... скажите, онъ продолжаетъ писать?

— Да, да! продолжаетъ! — отвѣчала матушка, сложивъ ручки; онъ прочитаетъ вамъ его, онъ и мнѣ его читаетъ.... Ты все хорошо поймешь.... Какъ мнѣ всегда хотѣлось, чтобы свѣтъ узналъ твоего отца и гордился имъ, какъ мы имъ гордимся, какъ мнѣ этого хотѣлось! Видишь ли, Систи, если бъ онъ женился на той знатной дѣвушкѣ, то вѣрно бы сталъ извѣстенъ, одушеваясь желаніемъ славы; а я могла только сдѣлать его счастливымъ, и не могла ему дать славы!

— Все-таки онъ послушался васъ, наконецъ?

— Меня? нѣтъ не меня, — отвѣчала матушка, качая головою и кротко улыбаясь; — развѣ дяди Джака, который, — говорю это съ удовольствіемъ, — совсѣмъ имъ завладѣлъ.

— Завладѣлъ, матушка! Берегитесь вы, пожалуйста, дяди Джака; онъ всѣхъ насъ когда-нибудь задушитъ въ какой-нибудь угольной рудѣ, или взорветъ на воздухъ, вмѣстѣ съ большою національною компаніей, составившейся для дѣланія пороку изъ чайныхъ листьевъ.

— Какой злой! — сказала матушка, засмѣявшись; потомъ, взявъ свою свѣчу и пока, заводилъ часы, сказала задумчиво:

— Джакъ очень свѣдуць и очень, очень, искусень.... Вотъ кабы мы могли, Систи, нажать состояніе для тебя!

— Матушка, вы меня пугаете! надѣюсь, что вы шутите?

— А если бъ мой братъ умѣлъ его прославить передъ свѣтомъ?

— Вашего брата хватить на то, чтобы потонить въ корабли въ Ла-Маншъ, — возразилъ я съ явнымъ неуваженіемъ.

Но не успѣлъ я выговорить эти слова, какъ уже раскаялся и, обнявъ обѣими руками мать, старался сгладить поцѣлуями неудовольствіе, мною нанесенное.

Оставшись одинъ въ моей горенкѣ, гдѣ нѣкогда сонъ мой былъ такъ глубокъ и миренъ, я будто лежалъ на самой жесткой соломѣ. Я ворочался съ боку на бокъ и не могъ уснуть. Я всталъ, надѣлъ халатъ, зажегъ свѣчу, и сѣлъ за столъ подѣ окошко. Прежде всего я задумался надъ этимъ неконченнымъ очеркомъ молодости моего отца, неожиданно передо мною нарисованномъ, потомъ сталъ довершать самъ недостающее, воображая, что эта картина изъяснитъ мнѣ все, что такъ часто смущало мои предположенія. Я понималъ, съ помощью какого-то тайнаго сочувствія моей личной природы (опытомъ я еще не могъ узнавать людей), я отгадывалъ, какъ пылкій, пытливый умъ, не найдя отвѣта на первую, глубокую страсть, погрузился въ занятія, пассивно и безъ цѣли. Я понималъ, какъ для челоуѣка, предавашагося лѣнливой нѣгѣ счастливаго, хотя и лишенаго восторговъ любви, супружества, могли пройти въ ученomъ уединеніи цѣлые года, въ объятіяхъ тихой, заботливой подруги, неспособной возбудить дѣятельность ума, по своей природѣ созерцательнаго. Я понялъ также, почему, когда отецъ вошелъ въ зрѣлыя лѣта, время, въ которое во всѣхъ говоритъ честолюбіе, и въ немъ заговорилъ давно-умолкшій голосъ, и умъ его, наконецъ освободясь отъ тяжелаго гнета неудачъ и разочарованія, еще разъ, какъ въ цвѣтущей молодости, увлекся единственной любовницею генія: славой!

И какъ я сочувствовалъ торжеству моей матери! Припоминая прошедшее, я видѣлъ, какъ она вкрадывалась въ сердце моего отца, — какъ то, что прежде было снисходительностью, обратилось въ самоотверженіе, какъ привычка

и несчетныя проявленія нѣжности въ жизни домашней замѣнили, для челоуѣка добраго, то чувство, котораго не было у ученаго.

Я подумалъ потомъ о старомъ, сѣдомъ воинѣ, съ его орлинымъ взоромъ, развалившейся башней и пустыми полями, и увидалъ передъ собою его гордую молодость, рыцарскую, блуждавшую по развалинамъ, или задумывавшуюся надъ старой родословной. И этотъ сынъ, обездоленный, — за какую непонятную обиду?... Меня одолевалъ ужасъ; и эта дѣвушка, овечка, — его сокровище, его все? Хороша ли она собою? голубые глаза у ней, какъ у моей матери, или римскій носъ и черныя, дугообразныя брови, какъ у капитана Роланда! Я мечталъ, мечталъ и мечталъ. — Свѣтъ мѣсяца становился ярче и спокойнѣй; свѣча погасла; мнѣ показалось, что я летаю въ воздушномъ шарѣ, вмѣстѣ съ дядей Джакомъ и только что свалился въ Черное море, какъ вдругъ знакомый голосъ няни Приминсъ воззвалъ меня къ дѣйствительности, словами: «Боже ты мой! Дитя-то, видно, всю ночь не ложелилось въ постель!»

ГЛАВА IV.

Наскоро одѣвшись, я поспѣшилъ сойти внизъ, потому что мнѣ хотѣлось навѣстить мѣста моихъ прежнихъ воспоминаній: — клумбу, гдѣ были насажены мною анемоны и крессъ-салатъ, дорожку къ персиковымъ деревьямъ, прудъ, гдѣ я удилъ карасей и окуней.

Вошедъ въ залу, я нашелъ дядю Роланда въ большомъ затрудненіи. Служанка мыла порогъ изъ сѣней: она была неуклюжа и отъ природы, а женщина становится еще неуклюже, когда ей стукнетъ сорокъ лѣтъ! — и такъ, она мыла порогъ, стоя задомъ къ капитану, а капитанъ, который, вѣроятно, обдумывалъ вылазку, удивленный, смотрѣлъ на предстоящее препятствіе и громко покашливалъ. Къ

песчастию, служанка была глуха. Я остановился, чтобы посмотреть, какъ дядя Роландъ выпутается изъ этой дилеммы.

Убдившись въ томъ, что его кашель не поведетъ ни къ чему, дядя съежился, какъ только могъ, и скользнулъ вдоль лѣвой стѣны: въ эту минуту, служанка вдругъ повернулась направо, и этимъ движеніемъ совершенно загородила узкій проходъ, сквозь который свѣтилъ лучъ надежды для ея плѣнника. Дядя снялъ шляпу и, въ недоумѣніи, почесалъ себѣ лобъ. Въ это время служанка, быстрымъ поворотомъ, давъ ему возможность вернуться, отняла у него всѣ средства продолжать путь. Онъ быстро отступилъ, и показался ужъ на правомъ флангѣ непріятеля. Едва сдѣлавъ онъ это, служанка, не смотря назадъ, поставила передъ собою тазъ съ водою, составлявшій средоточіе и главное орудіе ея операціи: такимъ образомъ, она воздвигла баррикаду, которой дядя мой, съ деревянной своей ногой, не могъ надѣяться преодолѣть. Капитанъ Роландъ возвелъ глаза къ небу, и я слышалъ, какъ онъ лютственно произнесъ: — Боже мой, еслибъ это созданіе было въ панталонахъ!

Къ счастью, служанка вдругъ обернулась, оставила тазъ и, увидавъ капитана, подобострастно присѣла передъ нимъ. Дядя Роландъ поднялъ руку къ шляпѣ: — извини меня, душа моя! сказалъ онъ и, слегка поклонившись, выпорхнулъ на свѣжій воздухъ.

— Вы учтивы по солдатски! сказалъ я, подавая руку капитану Роланду.

— Ни мало, голубчикъ, — отвѣчалъ онъ серьезно, улыбаясь и краснѣя до висковъ. — Для насъ, сэръ, всякая женщина — леди, по праву ея пола.

Я часто имѣлъ случай вспоминать этотъ афоризмъ моего дяди: имъ-то объяснилось мнѣ, почему человекъ, у котораго фамильная гордость обратилась въ слабость, никогда не видѣлъ обиды въ томъ, что отецъ мой вступилъ въ союзъ съ женщиной, которой родословная была очень молода. Будь моя мать какая-нибудь Монморанси, онъ не могъ быть почтительнѣе и въжливѣе, чѣмъ былъ въ обхож-

деніи съ скромною отраслю Тибетсовъ. Онъ держался правила, котораго никогда при мнѣ не защищалъ ни одинъ человекъ, гордящійся своимъ происхожденіемъ, и выведеннаго изъ слѣдующаго умозаключенія: во-первыхъ, что рожденіе, само по себѣ, не имѣетъ цѣны, но важно потому, что оно передаетъ качества, которыя должны сдѣлаться необходимою принадлежностію воинственнаго рода, каковы: вѣрность, храбрость, честь; во-вторыхъ, что съ женской стороны переходятъ къ намъ умственныя способности, а съ мужской моральныя свойства; у умнаго и остраго человека была, по его мнѣнію, непременно умная и острая мать, а у человека храбраго и честнаго, храбрый и честный отецъ. Поэтому и должны переходить изъ рода въ родъ только тѣ качества, которыя мы получаемъ отъ отца. Сверхъ того, онъ утверждалъ, что если въ аристократіи понятія болѣе возвышенныя и рыцарскія, то идеи народа отличаются живостию и острою, почему думалъ, что смѣшеніе джентельменовъ съ простымъ народомъ, но съ его женской стороны, не только извинительно, но и полезно. Окончательно, онъ увѣрялъ, что мужчина есть животное чувственное и грубое, требующее всякаго рода соединеній, которыя бы облагородили его, — женщина же отъ природы такъ способна ко всему прекрасному, по отношенію къ чувству и къ благородному, по цѣлямъ, что ей достаточно быть истинной женщиной, для того, чтобы быть достойной сдѣлаться подругой короля. Странныя и нелѣпыя воззрѣнія, подлежащія сильнымъ опроверженіямъ! Но дѣло въ томъ, что мой дядя Роландъ былъ такой эксцентричный джентельменъ и охотникъ до противорѣчій, какъ.... какъ.... вы да я, когда мы рѣшаемся думать про себя.

— Ну, сэръ, къ чему же васъ готовятъ? спросилъ дядя. — Неужели не къ военной службѣ?

— Я никогда объ этомъ не думалъ, дядюшка!

— Слава Богу, сказалъ капитанъ, — у насъ не было въ родѣ ни адвокатовъ, ни чиновниковъ, ни купцовъ.... гмъ....

Я понималъ, что въ этомъ «гмъ», дядя вспомнилъ про нашего предка, славнаго типографщика.

— Что жъ, дядюшка? Честные люди есть во всѣхъ сословіяхъ.

— Безспорно, сэръ, но не во всѣхъ сословіяхъ честь — первый двигатель.

— А можетъ сдѣлаться имъ ... Есть вѣдь и солдаты, бывшіе страшными мошенниками.

Этотъ отвѣтъ удивилъ дядю: онъ нахмурился.

— Вы правы! отвѣчалъ, онъ тише обыкновеннаго. Но неужели вы думаете, что мнѣ было бы также весело глядѣть на мою старую, развалившуюся башню, когда бы я зналъ, что она была куплена продавцомъ сельдей, какъ первымъ родоначальникомъ Полей, какъ и теперь, когда я знаю, что она была пожалована Генрихомъ Плантагенетомъ, рыцарю и дворянину (который ведетъ свою родословную отъ одного Англо-Датчанина временъ Короля Альфреда), за службу его въ Аквитаніи и Гасконіи? И неужели вы хотите меня увѣрить, что я былъ бы тѣмъ же самымъ человѣкомъ, еслибъ я съ дѣтства не связывалъ этой башни съ понятіемъ о томъ, кто были ея владельцы и къ кому следовало быть имъ, рыцарямъ и джентельменамъ? Изъ меня, сэръ, вышло бы не то, если бы въ главѣ моего рода стоялъ сельдяной торговецъ, хотя, безспорно, и онъ могъ быть такой же хорошей человѣкъ, какъ и Англо-Датчанинъ, царство ему небесное!

— И по этой же самой причинѣ, вы, сэръ, вѣроятно, предполагаете, что и мой отецъ былъ бы не совсѣмъ тѣмъ, чѣмъ онъ теперь, еслибъ онъ не сдѣлалъ замѣчательнаго открытія о нашемъ происхожденіи отъ знаменитаго типографа Вилліама Какстона.

Дядя подпрыгнулъ, словно бы кто-нибудь выстрѣлилъ въ него, — и такъ неосторожно, въ отношеніи къ матеріаламъ, изъ которыхъ была составлена одна его нога, что упалъ бы въ гряду земляники, еслибъ я не ухватилъ его за руку.

— Какъ, вы, вы — вы сумасбродъ! закричалъ капитанъ, отталкивая мою руку и едва пришедъ въ равновѣсіе. — Такъ вы наследовали эту немѣлость, которую мой братъ

вбилъ себя въ голову? Надѣюсь, что вы не промѣняете сэра Вилліама де-Какстонъ, который сражался и палъ подъ Босвортомъ, на ремесленника, который продавалъ какіе-то чернокнижные памфлеты въ Вестминстерской церкви.

— Это зависитъ отъ силы доказательствъ, дядюшка.

— Нѣтъ, сэръ, подобно всемъ высокимъ истинамъ, и это зависитъ отъ *вѣры*. Въ наше время, — продолжалъ дядюшка, съ видомъ невѣроятнаго отвращенія — люди требуютъ, чтобы истины были доказываемы.

— Это, конечно, странное требованіе, любезный дядюшка. Но покуда истина не доказана, всегда ли можно знать, что она, въ самомъ дѣлѣ, истина?

Я думалъ, что этимъ глубокомысленнымъ вопросомъ положительно поймалъ дядюшку. Не тутъ-то было. Онъ вывернулся изъ него, какъ угорь.

— Сэръ, сказалъ онъ, — въ истинѣ то, что согрѣваетъ сердце и очищаетъ душу, происходитъ отъ вѣры, а не отъ знанія. Доказательство, сэръ, — цѣпи; вѣра — крылья! Вы хотите, чтобъ вамъ доказали, что тотъ или другой изъ вашихъ предковъ жилъ во времена Короля Ричарда. Да вы, сэръ, не въ состояніи логически доказать, что вы сынъ вашего собственнаго отца. Человѣкъ религіозный, сэръ, не станетъ разсуждать о своей религіи: религія не математика. Доказательства, продолжалъ онъ, съ сердцемъ — это низкій, подлый, площадной, безчестный якобинецъ, вѣра — прямой благородной, рыцарственный джентельменъ! Нѣтъ, нѣтъ, доказывайте что хотите: вы не отымите у меня ни одного изъ тѣхъ вѣрованій, которыя сдѣлали изъ меня....

— Добрѣйшее изъ тѣхъ существъ, которыя говорятъ глупости, сказалъ мой отецъ, подоспѣвшій въ самую пору, какъ божество Горація. — Во что это вы должны вѣрить, какіе бы доводы ни были противъ васъ?

Дядя молчалъ и только съ большой энергіей втыкалъ въ щечень кончикъ своей трости.

— Дядюшка не хочет верить въ нашего знаменитаго предка, типографщика, — сказалъ я.

Спокойное выраженіе лица моего отца, въ одинъ мигъ, помрачилось....

— Братъ, — сказалъ гордо, капитанъ; — вы можете думать какъ хотите, но вамъ бы не мѣшало помнить, что ваши мысли искажаютъ понятія вашего сына.

— Искажаютъ? сказалъ мой отецъ, — и я въ первый разъ увидалъ искру гнѣва, сверкнувшую въ его глазахъ, но онъ сейчасъ же удержался: — перемѣните это слово.

— Нѣтъ, сэръ, я не перемѣню его! Искажать смыслъ семейныхъ памятниковъ!

— Памятники! Какіе же памятники! Мѣдная доска въ сельской церкви, противная всѣмъ актамъ геральдики.

— Не признавать за предка рыцаря, умершаго на полѣ битвы!

— За что?

— За короля!

— Который убилъ своихъ племянниковъ!

— Рыцарь! съ нашимъ гербомъ на шлемѣ!

— Подъ которымъ не было мозгу, иначе онъ не отдалъ бы его за кровожаднаго злодѣя!

— Какой-нибудь подлець типографщикъ, который трудился изъ-за денегъ!

— Мудрое и благородное орудіе искусства, которое просвѣтило міръ. Предпочитать происхожденіе отъ неизвѣстнаго, рыцаря оставившаго по себѣ единственный памятникъ — мѣдную доску въ сельской церкви, происхожденію отъ чело-
вѣка, котораго имя умные и ученые люди произносятъ съ уваженіемъ.

Дядюшка побагровѣлъ и отвернулся.

— Довольно, сэръ, довольно! я достаточно оскорбленъ. Я долженъ былъ ожидать этого. Честь имѣю кланяться вамъ и вашему сыну.

Мой отецъ оцѣпнѣлъ! Капитанъ, почти въ припрыжку, пошелъ къ калиткѣ: еще мгновение, и онъ былъ бы за границу нашихъ владѣній. Я подбѣжалъ къ нему и повисъ на немъ:

— Дядюшка, во всемъ виноватъ я. Я совершенно согласенъ съ вами. Сдѣлайте милость, простите насъ обоихъ. Могъ ли я подумать, что оскорблю васъ! А отецъ? Посвященіе ваше такъ его обрадовало.

Дядя остановился, ища щеколды. Тогда подошелъ отецъ и схватилъ его за руку:

— Стоять ли всѣ типографчики міра и всѣ ихъ книги одного оскорбленія вашему доброму сердцу, братъ Роландъ? Хорошъ и я-то. Известное дѣло, слабость нашего брата, ученаго! Сталъ ли бы я учить ребенка такимъ вещамъ, которыя могли бы оскорбить васъ? Да я, право, и не помню, училъ ли я его когда чему. Пизистратъ, если тебѣ дорого мое благословеніе, я тебѣ приказываю считать своимъ родоначальникомъ сэра Уильяма де-Какстонъ, героя Босвортскаго. Пойдемъ, пойдемъ!

— Я старый дуракъ, сказалъ дядя Роландъ—какъ ни смотри на это. А вы! эдакій щенокъ! онъ теперь смѣется надъ нами обоими!

— Я велѣла подать завтракъ на лужайкѣ, сказала моя мать, сходя съ крыльца, съ радушной улыбкой на губахъ, — и я надѣюсь, что нашъ чай вамъ сегодня понравится.

Птицы пѣли надъ нашими головами, или доверчиво прыгали, подбирая крошки, которыя бросали имъ, солнце грѣло не сильно, листья тихо перешептывались въ утреннемъ воздухѣ. Мы сѣли за столъ, примиренные и готовые такъ же искренно благодарить Бога за всѣ красоты міра, какъ если бы рѣка долей Босвортскихъ никогда не обогрѣлась кровью, какъ будто бы достойный мистеръ Какстонъ не всполошилъ всего человечества раздражительнымъ изобрѣтеніемъ, въ тысячу разъ болѣе взволновавшимъ наши воинственные склонности, нежели звукъ трубъ и видъ развѣвающагося знамени!

ГЛАВА V.

— Братъ, пойдёмъ погулять къ Римскому стану, — сказалъ мой отецъ.

Капитанъ понялъ, что это предложеніе было лучшимъ залогомъ примиренія, какой только могъ выдумать отецъ: во-первыхъ, прогулка была длинная, а отецъ неавидывль длинныя прогулки; во-вторыхъ онъ жертвовалъ цѣлымъ днемъ труда надъ своимъ большимъ сочиненіемъ. Но съ той жившой чувствительностью, которая есть принадлежность великодушныхъ сердець, дядя Роландъ, сейчасъ же, принялъ предложеніе. Если бъ онъ отказался, горькое чувство цѣлый бы мѣсяць тревожило душу моего отца. Могло ли бы итти успешно сочиненіе, если бъ сочинителя возмущало раскаяніе?

Полчаса послѣ завтрака, братья, взявшись объ руку, пошли. Я слѣдовалъ за ними въ нѣкоторомъ отдаленіи и дивился твердой поступи стараго солдата, съ его пробочной ногой. Весело было слушать бесѣду двухъ эксцентрическихъ созданій матери—природы, у которой нѣтъ стереотиповъ; я думаю, даже, что невозможно найти двухъ блохъ, совершенно между собою сходныхъ.

Мой отецъ не былъ особеннымъ наблюдателемъ красотъ сельской природы. У него такъ мало былъ развѣтъ органъ памяти мѣсть, что, кажется, онъ могъ бы заблудиться въ своемъ собственномъ саду, но капитанъ живо воспринималъ внѣшнія впечатлѣнія: ни одна черта ландшафта не ускользала отъ него. Онъ останавливался передъ каждымъ пнемъ, прихотливо-изуродованнымъ; слѣдилъ взоромъ за жаворонкомъ, вспорхнувшемъ изъ-подъ его ногъ; съ наслажденіемъ вдыхалъ, расширяя ноздри, каждую струйку вѣтерка, прилетавашаго съ горы. Отецъ мой, не смотря на всю свою ученость, на всѣ сокровищницы языковъ, открытыхъ передъ нимъ наукою, рѣдко бывалъ краснорѣчивъ. Капитанъ говорилъ съ такимъ жаромъ, съ такой страстью, движенія его были такъ оживлены, голосъ такъ звученъ, что всякая рѣчь его дѣлалась на половину поэтической. Гор-

дочь дышала въ каждой фразѣ дяди Роланда, въ каждомъ звукѣ его голоса и игрѣ лица. Въ моемъ отцѣ вы не нашли бы гордости и на столько, сколько ея въ гомеопатической крупикѣ: онъ не гордился даже и тѣмъ, что не имѣлъ гордости. Напрасно трудился бы тотъ, кто захотѣлъ бы раздражить и расшевелить въ немъ желчь: раздуйте всѣ его перья, — и все-таки вы нашли бы только голубя. Отецъ всегда былъ кротокъ и тихъ, дядя — горячъ и вспылчивъ; отецъ рѣдко ошибался въ сужденіяхъ; дядя рѣдко былъ совершенно правъ; отецъ говорилъ о немъ: «Роландъ такъ исходитъ всѣ «кусты, что всегда выгонитъ птицу, которую мы искали; «ошибается самъ для того, чтобы показать намъ что спра- «ведливо». Въ дядѣ все было рѣзко, строго, угловато; въ отцѣ моемъ — гладко, нѣжно и округлено природной граціей. Характеръ дяди, подобно готическому зданію подъ сѣвернымъ небомъ, бросалъ тысячу многообразныхъ тѣней; отецъ стоялъ свѣтелъ на полуденномъ солнцѣ, подобно Греческому храму подъ южнымъ небомъ. Лица ихъ соответствовали внутреннимъ свойствамъ. Орлиный носъ дяди Роланда, смуглый цвѣтъ лица, огненный взоръ, дрожащая верхняя губа, составляли яркую противоположность съ нѣжнымъ профилемъ отца, его тихимъ, спокойнымъ взоромъ, добродушной кротостью его задумчивой улыбки. Лобъ Роланда былъ очень высокъ, возвышаясь къ вершинѣ, гдѣ френологи полагаютъ органъ благоговѣнія, но узокъ и прорѣзанъ глубокими морщинами. Лобъ Огюстена былъ тоже высокъ, но мягкія, шелковистыя кудри, вѣясь небрежно, скрывали высоту, а не широту чела, на коемъ не было видно ни одной морщины. Между тѣмъ въ обоихъ братьяхъ семейное сходство было разительно. Покоряясь какому-нибудь нѣжному чувству, Роландъ глядѣлъ взглядомъ Огюстена; когда возвышенное чувство одушевляло моего отца, можно было принять его за Роланда. Послѣ, наученный жизнью и людьми, я часто думалъ, что если бъ въ молодости они обмѣнялись судьбами, если бъ Роландъ предался литературѣ, а отецъ принужденъ былъ дѣйствовать въ свѣтъ, то каждый

изъ нихъ пріобрѣлъ бы большіе успѣхи. Энергія и страстный характеръ Роланда дали бы занятіямъ сильный и незамедлительный исходъ: изъ него вышелъ бы поэтъ или историкъ. Не наука создастъ писателя, а настойчивая сосредоточенность его прілежанія. Въ разумѣ, какъ въ каминѣ, который теперь горитъ передо мною, нужно съузить струю воздуха, чтобъ огонь горѣлъ ярко и горячо. Съ другой стороны, если бы отецъ пустился въ міръ практической, спокойная глубина его пониманія, свѣтлый умъ, опредѣленная точность однажды пріобрѣтенныхъ и обдуманыхъ познаній, вмѣстѣ съ невозмутимымъ никакими невзгодами и неудачами характеромъ и совершеннымъ отсутствіемъ самолюбія, суетности, страстей и предрасудковъ, — могли бы сдѣлать изъ него: умнаго совѣтника въ важныхъ дѣлахъ жизни, адвоката, государственнаго человека, дипломата, и даже полководца — если бы чрезвычайное человѣколюбіе не стояло для него на пути военной математики.

Но, при настоящемъ ходѣ вещей, душа моего отца, не подстрекаемая ни дѣятельностью, ни ученымъ честолюбіемъ, безпрепятственно расширяла свой кругъ, покуда не слилась съ безбрежнымъ океаномъ созерцанія.

Страстная энергія дяди Роланда, постоянно раздражаемаго препятствіями, въ борьбѣ съ людьми, и сокращаемая, по мѣрѣ того какъ она должна была входить въ узкую колею долга и дисциплины, не исполнила высокаго своего призванія, и вмѣсто поэта вышелъ просто юмористъ!

И однако же, тотъ, кто когда-нибудь зналъ васъ, могъ ли желать видѣть иными васъ, неввинныя, любящія, честныя, простыя созданія! — Да, простыя оба, не взирая на ученость одного, предубѣжденія, сумасбродства и всѣ странности другаго! Вотъ, вы сидите оба на вершинѣ древняго Римскаго стана, съ волюмомъ *стратагемъ Поліэна* (или Фроитина), разогнутымъ на колѣнахъ у моего отца: овцы падутся въ расѣлинахъ окружающихъ валь; волъ останавливается передъ вами посреди широкаго поля, гдѣ собирались Рим-

скія когорты, словно любопытствуя взглянуть на васъ.... Вотъ стоитъ за вами, сложа руки, юноша-біографъ, в слушаетъ, попеременно, то чтеніе ученаго, то поясненія война, который костьюемъ своимъ указываетъ важныя мѣста войны и населаетъ сельскій ландшафтъ орлами Агриппы и колесницами Боадіцеи, съ воинами, вооруженными косами....

ГЛАВА VI.

— Въ этой сторонѣ не бываетъ два часа сряду одна и та же погода! — сказалъ дядя Роландъ, когда послѣ обѣда или, вѣрнѣе, послѣ десерта, мы пошли къ матушкѣ въ гостиную.

Дѣйствительно уже шелъ мелкій, холодный дождикъ и хотя былъ Іюль, на дворѣ стало вдругъ холодно, какъ въ Октябрѣ. Матушка шепнула мнѣ на ухо и я вышелъ; черезъ пять минутъ сухія, толстыя поляна (мы жили въ лѣсной сторонѣ) весело трещали въ каминѣ. — Отчего матушка не позвонила, чтобы приказать слугѣ развести огонь? Любезный читатель, дядя Роландъ былъ бѣденъ, и считалъ экономію большой добродѣтью.

Оба брата подвинули стулья къ камину, отецъ сѣлъ, дядя справа; мы съ матушкой сѣли къ столу и принялись раскладывать пасіансъ.

Принесли кофе — одну чашку для капитана: прочіе собесѣдники избѣгали этого горячительнаго напитка. На чашкѣ былъ портретъ его свѣтлости, Герцога Веллингтона!

Пока мы совершили путешествіе къ Римскому стану, матушка выпросила каретку мистера Скиля и нарочно съѣздила въ городъ, чтобы доставить капитану удовольствіе взглянуть на портретъ своего прежняго генерала.

Дядя переѣхался въ лицѣ, всталъ, поцѣловалъ руку матушки и, молча, сѣлъ на свое мѣсто.

Спустя нѣсколько минутъ капитанъ сказалъ: — Я слышалъ, что Маркизь Гастингсъ, который съ головы до ногъ солдатъ и джентельменъ, а этимъ сказано не мало, потому что въ немъ росту семьдесятъ пять дюймовъ, — когда при-

нималъ въ Доннингтонъ (въ то время изгнанника) Лудовика XVIII, убралъ свои покои по подобію тѣхъ, которые занималъ Его Величество въ Тюильри: это вниманіе истинно царское (вы знаете, что Милордъ Гастингсъ происходитъ самъ отъ Плантагенетовъ), стоившее чести принять у себя короля. Денегъ пошло не мало, было и много шума. Женщина можетъ явить то же вниманіе, ту же нѣжность сердца, какой-нибудь фарфоровой чашкой, и такъ тихо и незамѣтно, что мы, мужчины, сочтемъ это за предлогъ къ прогулкѣ. Не такъ ли, братъ Остенъ?

— Вы такой поклонникъ женщинъ, Роландъ, что грустно видѣть васъ вдовымъ. Вамъ надо опять жениться.

Дядя сперва улыбнулся, потомъ нахмурился и, наконецъ, глубоко вздохнулъ.

— Тяжко будетъ проходить надъ вами время, въ вашей старой башнѣ, — продолжалъ отецъ — съ одной дочерью.

— А прошедшее, — отвѣчалъ дядя, — прошедшее, этотъ необъятный міръ.

— Вы все читаете ваши старыя рыцарскія книги: Фруасара, льтописцевъ, Палмерина и Амадиса?

— О, — сказалъ, краснѣя, дядя, — я старался заняться болѣе существенными предметами. Ну, а потомъ (прибавилъ онъ, лукаво улыбаясь) будетъ у насъ ваша большая книга, не на одну длинную зиму.

— Гм! — скромно отвѣчалъ отецъ.

— Знаете ли, продолжалъ дядя, что мистрисъ Приминсъ очень умная женщина: исполненная фантазій и славная рассказчица?

— Не правда ли, дядюшка? — воскликнулъ я, оставивъ пасіансъ на углу стола. — Ахъ, еслибы вы слышали, какъ она мнѣ рассказывала повесть о Заколдованномъ Озерѣ и Королѣ Артурѣ, а другую о страшной бѣлой женщинѣ.

— Я слышалъ объ повѣсти, — отвѣчалъ дядя.

— Чортъ бы побралъ васъ, братецъ! Душа моя, за этимъ надо наблюдать намъ. Эти капитаны джентельмены

опасны въ порядочномъ семействѣ. Гдѣ же, прошу сказать, могли вы найти случай къ такимъ короткимъ сношеніямъ съ мистрисъ Примминсъ ?

— Разъ, отвѣчалъ дядя не запынаясь, когда я вошелъ въ ея горницу, покуда она чинила мой чулокъ, да разъ....

Тутъ дядя остановился и посмотрѣлъ въ сторону.

— Да разъ.... когда ?

— Когда она грѣла мою постель, — сказалъ дядя шепотомъ.

— То-то, сказала простодушно матушка, — и явилась большая дыра на простынѣ. Я тотчасъ подумала, что это отъ грѣлки.

— Мнѣ, право, ужасно совѣстно — пролепеталъ дядя.

— И есть отъ чего — сказалъ отецъ — женщина, которая дожила до сихъ поръ безъ малѣйшаго пятна на ея нравственности; ну, да полно ужъ, — продолжалъ онъ, замѣчая, что дядя смотрѣлъ невесело, вы сами всегда были славный разскащикъ и сказочникъ.... Повѣдайте-ка намъ, Роландъ, какую-нибудь свою исторію, что-нибудь такое, что оставило въ васъ сильное впечатлѣніе.

— Сперва спросимъ огня, — сказала матушка.

Свѣчи принесли, опустили сторы, и мы всѣ придвинули стулья къ камину. Но, этимъ временемъ, дядя впалъ въ грустную задумчивость; когда мы всѣ приступили къ нему съ просьбой чтобъ онъ начиналъ разсказъ, онъ, казалось, боролся съ мрачными воспоминаніями.

— Вы хотите, чтобы я, — началъ онъ, — разсказалъ вамъ что-нибудь такое, что сдѣлало на меня сильное впечатлѣніе: я разскажу вамъ одно приключеніе изъ моей жизни : оно часто меня преслѣдуетъ. Оно печально и странно, милэди.

— Что за милэди, *братецъ* ? — сказала матушка, съ упрекомъ кладя маленькую свою руку на широкую, загорелую ладонь, которую протянулъ капитанъ.

— Остенъ — сказалъ дядя—у тебя жена ангелъ!— И онъ былъ чуть ли не первый человекъ, рѣшившійся произнести столь смѣлый приговоръ.

ГЛАВА VII.

Разсказъ моего дяди Роланда.

— Это было въ Испаніи, что до того, гдѣ и какъ. Я взялъ въ плѣнъ Французскаго офицера, одного со мной чина: тогда я былъ лейтенантъ. Столько было сходства въ нашихъ чувствахъ, что мы сдѣлались искренними друзьями; да, сестра, онъ былъ моимъ лучшимъ другомъ, выключая васъ всѣхъ: онъ былъ простой солдатъ, не балованный жизнію, но онъ никогда не жаловался ни на кого и говорилъ, что не заслужилъ счастья. Честь была его кумиръ, и чувство чести вознаграждало его за недостатокъ во всемъ; мы оба были въ это время волонтерами въ чужой службѣ, въ самой непріятной службѣ, потому что участвовали въ междоусобной войнѣ, онъ съ одной стороны, я съ другой, оба можетъ быть, разочарованные въ дѣль, которое защищали. И въ нашихъ семейныхъ отношеніяхъ было что-то сходное. У него былъ сынъ: ребенокъ, который, послѣ отечества и долга, былъ для него все въ жизни. И у меня въ то время былъ такой же сынъ, хотя помоложе. (Капитанъ на минуту замолчалъ; мы всѣ переглянулись, и чувство грусти овладѣло всѣми слушателями.) Мы часто говорили между собою о дѣтяхъ, рисовали ихъ будущность, сравнивали надежды наши и сны. Мы надѣялись и мечтали одинаково. Не много нужно было времени, чтобы упрочить взаимную довѣренность. Плѣнника моего отослали въ главную квартиру и вскорѣ размѣняли.

До прошлаго года, мы не встрѣчались. Будучи въ Парижѣ, я сталъ отыскивать моего стараго друга и узналъ, что онъ живетъ въ Р., въ нѣсколькихъ миляхъ отъ столицы. Я поѣхалъ къ нему. Домъ его стоялъ пустъ. Въ день моего посѣщенія его посадили въ тюрьму, обвиненнаго въ ужасномъ преступленіи. Я навѣстилъ его въ тюрьмѣ и отъ самого его узналъ все дѣло. Сынъ его былъ воспитанъ — такъ думалъ онъ — въ правилахъ чести; окончивъ воспитаніе, онъ пріѣхалъ къ отцу и поселился съ нимъ въ Р. Молодой человекъ привыкъ часто ѣздить въ Парижъ. Мо-

модой Французъ любить удовольствіе, сестрица, а въ Парижѣ за этимъ дѣло не станетъ. Отецъ находилъ поѣздки очень естественными, и отказывалъ себѣ во многихъ удобствахъ жизни, для удовлетворенія сыновнихъ прихотей.

Вскорѣ по пріѣздѣ молодого человѣка въ Р., мой другъ замѣтилъ, что его обокрали. Были вынуты деньги изъ его бюро, но какъ и къмъ, нельзя было понять. Воровство, рѣшилъ онъ, случилось ночью. Разъ онъ спрятался, чтобъ подстеречь вора. Вдругъ, видитъ, крадется тѣнь, вкладываетъ фальшивый ключъ. Онъ бросается изъ засады, хватаетъ бездѣльника и узнаетъ собственнаго сына. Что тутъ дѣлать отцу? я спрашиваю не васъ, сестрица! я спрашиваю этихъ двухъ мужичнъ: сына и отца. Я спрашиваю васъ!

— Выгнать его изъ дома! воскликнулъ я.

— Исполнивъ свой долгъ, наставитъ несчастнаго на путь, — сказалъ отецъ — *Nemo repente turpissimus unquam fuit*.... никто не сдѣлался дурнымъ съ разу, вдругъ.

Отецъ и сдѣлалъ то, что вы совѣтуете, братъ: принялъ въ расчетъ молодость. Онъ всѣми силами старался внушить сыну всѣ правила нравственности и отдалъ ему ключъ отъ бюро: «возьмите все, что я могу дать, сказалъ онъ сыну, мнѣ легче быть нищимъ, нежели знать, что сынъ мой воръ.»

— И дѣльно! — воскликнулъ батюшка. — И сынъ раскаялся и сдѣлался честнымъ человѣкомъ.

Капитанъ Роландъ только покачалъ головой.

Юноша, казалось, раскаивался и обѣщалъ исправиться. Онъ говорилъ объ искушеніяхъ Парижа, объ игрѣ и Богъ знаетъ о чемъ еще; онъ пересталъ ѣздить въ Парижъ и, повидимому, сталъ заниматься наукой. Вскорѣ за тѣмъ все сосѣдство встревожилось отъ слуховъ о ночныхъ разбояхъ по дорогѣ. Вооруженные люди, въ маскахъ, останавливали прохожихъ и проезжихъ, даже вламывались въ дома.

Наконецъ полиція должна была вступиться. Однажды ночью, одинъ старый товарищъ по службѣ моего друга поступался къ нему въ домъ. Было поздно: другъ мой лежалъ въ

постели (и у него была деревянная нога, также какъ у меня: странная случайность!): — поспѣшно всталъ онъ, когда слуга разбудилъ его докладомъ, что раненый и весь окровавленный офицеръ просить убѣжища подъ его кровлей. Рана, однако, была не опасная. На гостя напали на дорогѣ и ограбили его. Поутру послали за начальникомъ города: ограбленный объявилъ, что у него пропалъ портфель, на которомъ вытисненъ былъ его вензель съ короной (онъ былъ виконтъ) и съ портфелемъ нѣсколько пятисотъ-франковыхъ билетовъ. Онъ остался обѣдать. Поздно вечеромъ пришелъ сынъ. Увидавъ его, гость смутился: мой пріятель замѣтилъ его блѣдность. Гость, подъ предлогомъ слабости, ушелъ въ свою комнату и послалъ за своимъ хозяиномъ.

«Другъ мой, — сказалъ онъ ему: сдѣлайте мнѣ одолженіе, съѣздите въ судъ и велите задержать мои показанія...»

«Этого нельзя — отвѣчалъ хозяинъ. Да и съ чего это вамъ вздумалось? — Гость вздрогнулъ.

«Я одумался — сказалъ онъ. Не хочу, на старости лѣтъ, быть не милосерднымъ къ другимъ. И кто знаетъ, какому искушенію поддастся разбойникъ? у него могутъ быть связи, честные люди, которыхъ его преступленіе опозоритъ. Боже мой! да развѣ вы не знаете, другъ мой, что за это, если откроется, галеры, да, галеры?»

«Ну, такъ что жъ? разбойникъ зналъ чему подвергался!»

«А отецъ его? зналъ, что ли?» — воскликнулъ гость. Неожиданный лучъ свѣта поразилъ моего несчастнаго товарища: онъ схватилъ гостя за руку.

«Вы поблѣднѣли, когда вошелъ мой сынъ, гдѣ вы его видали прежде? говорите!...»

«Прошедшую ночь, по дорогѣ изъ Парижа, маска упала съ него на минуту.... Подите же, возьмите назадъ мое объявленіе!»

«Вы ошибаетесь, — спокойно сказалъ мой другъ. Я видѣлъ моего сына въ постели и благословилъ его, прежде нежели легъ самъ!»

«Вѣрю, вѣрю — отвѣчалъ гость; и никогда не повторю моего поспѣшнаго подозрѣнія, — но все-таки надо взять назадъ показаніе.»

Передъ вечеромъ гость уѣхалъ въ Парижъ. Отецъ сталъ говорить съ сыномъ о его занятіяхъ, проводилъ его въ его горницу и, выждавъ покуда онъ легъ, собрался итти къ себѣ, но молодой человекъ сказалъ ему :

«Батюшка! вы забыли благословить меня!»

Отецъ вернулся, положилъ руку на голову юноши и сталъ молиться. Онъ былъ доверчивъ : — таковы отцы. И, увѣренный, что старый его товарищъ ошибся, онъ легъ и скоро заснулъ!»

Вдругъ онъ просыпается посреди ночи и слышитъ (помню даже весь его слова): «слышу, — говорить, будто разбудилъ меня кто-то и говорить мнѣ : встань и ищи! Я поспѣшно всталъ, зажегъ свѣчу и пошелъ въ комнату сына. Дверь была заперта. Я — стучаться; разъ, два, три.... Нѣтъ отвѣта. Кликнуть громко не посмѣлъ, чтобъ не разбудить слугъ. Схожу внизъ, иду на дворъ, отворю конюшню. Моя лошадь стоитъ въ стойлѣ, лошади сына нѣтъ! Моя лошадь заржала: такая же старуха какъ и я, — была подо мною подъ Мон-Сен-Жаномъ! — Я воротился вверхъ, подкрался опять къ комнатѣ сына и погасилъ свѣчу. Мнѣ казалось, что я самъ воръ.»

— Братецъ! — прервала матушка, задыхаясь, рассказывайте своими словами, не повторяя словъ несчастнаго отца: мочи нѣтъ слушать.

Капитанъ наклонилъ голову.

Передъ разсвѣтомъ, другъ мой услышалъ, что задняя дверь дома тихо растворяется. Кто-то вошелъ по лѣстницѣ и ключемъ отворилъ дверь: отецъ въ темнотѣ вошелъ въ комнату, вслѣдъ за сыномъ. Огниво ударило о камень; зажжена была свѣчка, но отецъ успѣлъ спрятаться за занавѣсъ окна. Фигура постояла передъ нимъ нѣсколько времени не шевелясь и, повидимому, прислушиваясь, потомъ посмотрѣла направо, налево, — лицо

было покрыто черной, отвратительной маской, какія употребляютъ во время карпавала, и, наконецъ, сняла маску.

Могло ли это быть лице его сына? — Сына честнаго человѣка? — Блѣдное, съ выраженіемъ воровскаго страха: на лбу стояли капли гнуснаго пота; глаза сверкали, налитые кровью.... Весь человѣкъ смотрѣлъ такъ, какъ долженъ смотреть разбойникъ, когда передъ нимъ стоитъ смерть....

Молодой человѣкъ съ усиленіемъ доташился до конторки, отворилъ ее, выдвинулъ потайной ящикъ, и положилъ въ него все, что было у него въ карманахъ, и страшную маску; отецъ быстро подошелъ, взглянулъ ему черезъ плечо и увидалъ портфель съ вензелемъ своего товарища. Сынъ вынулъ осторожно пистолеты, сталъ осторожно разряжать ихъ, чтобы спрятать, какъ вдругъ отецъ остановилъ его руку: «Разбойникъ, они сейчасъ будутъ нужны!»

Колѣна молодаго человѣка подкосились: онъ готовъ былъ молить о пощадѣ, но когда, обернувшись, увидалъ не когти полицейскаго чиновника, какъ воображалъ, а руки роднаго отца, наглая дерзость, которая знаетъ только страхъ передъ силой, — не стыдъ, возвратила ему какое-то спокойствіе.

«Сэръ! — сказалъ онъ, теперь не до упрековъ; я боюсь, жандармы попали на слѣдъ. Хорошо, что вы здѣсь: вы можете присягнуть, что я провелъ ночь дома, въ постель.... Пустите меня. Надо спрятать все эти улики.» — И онъ указывалъ на платья, еще мокрыя и обрызганныя грязью дороги. Едва договорилъ онъ это, послышался подъ окномъ топотъ лошадиныхъ подковъ по мостовой.

«Вотъ они! воскликнулъ сынъ. — Смѣлѣе, старый чортъ!»

«Галеры! галеры! — сказалъ отецъ, едва держась на ногахъ. — Правда. Онъ сказалъ: галеры!»

Поднялся страшный стукъ въ ворота. Жандармы окружили домъ. «Именемъ закона, отоприте!» Не было отвѣта. Дверь не отворилась; нѣсколько человѣкъ обошли на заднюю сторону дома, гдѣ была конюшня. Изъ окна сыновней комнаты отецъ видѣлъ дрожащій свѣтъ факеловъ, мрачныя

формы солдатъ. Онъ слышалъ звукъ оружія, когда они слѣзали съ лошадей. Вдругъ голосъ закричалъ :

«Да вотъ и сѣрая лошадь разбойника.... она еще не отдышалась и вся въ мыль.» Тогда и спереди и сзади, у каждой дкери опять начался стукъ и кривъ : «Именемъ закона, отойдите!»

Въ окнахъ сосѣднихъ домовъ начали показываться огни: окрестность наполнилась любопытными, пробужденными отъ сна; сходились изъ дальнихъ улицъ : толпа окружила домъ ; всѣмъ хотѣлось узнать, какое преступленіе, какой позоръ скрывался подъ кровомъ стараго солдата.

Вдругъ раздался выстрѣлъ, и черезъ нѣсколько минутъ, дверь отворилась, и старый воинъ вышелъ къ жандармамъ.

«Войдите, сказалъ онъ имъ, что вамъ надо?»

«Мы ищемъ разбойника, который долженъ быть здѣсь.»

«Знаю, войдите на верхъ : я вамъ покажу дорогу.»

Онъ взошелъ по лѣстницѣ, отворилъ торницу сына, за нимъ вошли полицейскіе служители : на полу лежало тѣло разбойника. Жандармы въ недоумѣніи посмотрѣли другъ на друга.

«Возьмите, что вамъ оставили, — сказалъ отецъ; — возьмите мертваго, освобожденнаго отъ галеръ, возьмите и живаго, на чьихъ рукахъ его кровь»

Я присутствовалъ при судѣ надъ моимъ другомъ. Подробности дѣла давно были извѣстны. Спокоенъ стоялъ онъ передъ своими судьями, покрытый сѣдинами, съ изувѣченными членами, глубокимъ рубцомъ на лицѣ и крестомъ почетнаго легіона на груди; рассказавъ всю свою грустную повѣсть, онъ кончилъ слѣдующими словами :

«Я спасъ сына, котораго воспитывалъ для Франціи, отъ приговора, который сохранилъ бы ему жизнь со стыдомъ. Неужели это преступленіе? Отдаю вамъ мою жизнь, въ замѣнъ позора моего сына. Развѣ нужна моему отечеству жертва? Я жилъ для славы моего отечества, и готовъ умереть, довольный тѣмъ, что исполняю его законы; убѣжденный въ томъ, что если вы и осудите меня, то пре-

зирать не станете, и въ томъ , что руки , предавшия меня палачу, осыплютъ пѣтами мою могилу. Я исповѣдываю все. Я солдатъ, смотрю кругомъ и вижу націю воиновъ; шменемъ звѣзды, которая горитъ на моей груди, вызываю отцовъ съ цѣлой Франціи осудить меня!»

Старого воина оправдали; судьи произнесли приговоръ соотвѣтствующій тому что называется у насъ: убійствомъ, вызваннымъ необходимостію. Въ залъ поднялся шумъ , котораго не могъ остановить и голосъ судей. Толпа хотѣла на рукахъ вынести обвиненнаго , но его взглядъ остановилъ это намѣреніе: онъ воротился домой, и на другой день его нашли мертвымъ , подлѣ той колыбели, у которой онъ произнесъ первую молитву надъ безгрѣшнымъ ребенкомъ. Теперь, отецъ и сынъ, я спрашиваю васъ, осуждаете вы этого человѣка ?

ГЛАВА VIII.

Отецъ мой раза три прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ, потомъ остановился у камина и, глядя на своего брата, сказалъ :

— Я осуждаю это убійство , Роландъ! Гордость и слѣпое себялюбіе — самое благосклонное осужденіе такому человѣку. Я понимаю, почему Брутъ долженъ былъ убить своихъ сыновей. Этой жертвой онъ спасалъ отечество! Что спасъ этотъ несчастный , фанатикъ уродливаго убѣжденія? только свое имя. Онъ не могъ стереть преступленія съ души сына, ни безчестія съ его памяти. Онъ только удовлетворялъ суетному чувству личной гордости, и потерявъ всякое сознаніе, онъ поступилъ по наученію врага, всегда соблазняющаго сердце человѣка: «Бойся мнѣнія людскаго больше закона Божія!» — Да, любезный братъ, чего должны больше всего беречься люди подобные вамъ? Конечно, не низости порока, но того порока, который облекается въ мнимое благородство, заимствуя царственное величіе добродѣтели!

Дядя пошелъ къ окну, отворилъ его, высунулся на мигу, какъ будто бы для того чтобы вдохнуть струю свѣжаго

воздуха, потомъ тихонько затворилъ и воротился къ своему мѣсту; но пока окно было отворено, мотылекъ влетѣлъ въ комнату.

— Такія повѣсти, — продолжалъ отецъ жалобнымъ голосомъ, — будь онъ рассказаны трагически, или просто, — приносятъ пользу. Онъ проникаютъ сердце, умудряя его, но всякая мудрость милосерда, мой добрый Роландъ. Онъ предлагаютъ тотъ же вопросъ: можемъ ли мы осудить этого человѣка? Разсудокъ отвѣчаетъ, какъ я отвѣчалъ; мы осуждаемъ поступокъ, но жалѣемъ о человѣкѣ. Мы.... смотрите мотылекъ попадетъ на свѣчку. Мы.... фшъ, фшъ! — И отецъ остановился, чтобъ прогнать мотылька. Дядя обернулся, и отнявъ отъ лица платокъ, которымъ закрывалъ свое волненіе, сталъ отгонять мотылька отъ огня. Мать отодвинула свѣчку. Я привался ловить его соломенной шляпой отца. А въ мотылька точно чортъ вселился! онъ смѣялся надъ всеми нами, то кружась подъ потолкомъ, то вдругъ бросааясь съ вышины къ проклятой свѣчкѣ. Какъ бы сговорившись, отецъ подвинулъ одну свѣчу, дядя — другую, и пока мотылекъ леталъ вокругъ, въ недоумѣніи, которую изъ нихъ избрать своимъ костромъ, обѣ свѣчи разомъ погасли. Дрова слабо тлились въ каминѣ, мы очутились въ совершенной темнотѣ, и тихій голосъ моего отца звучалъ словно голосъ невидимаго духа.

«Мы остались въ темнотѣ для того чтобы спасти отъ смерти мотылька, — меньше ли, братъ, должны мы дѣлать для ближняго? Погасить надо, челолюбиво погасить свѣтъ нашего разума, если мракъ можетъ благопріятствовать состраданію.

Прежде чѣмъ зажгли свѣчи, дядя ушелъ изъ комнаты. Братъ его пошелъ за нимъ, а мы съ матушкой усѣлись рядомъ и шепотомъ стали разговаривать.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА I.

Я всегда любилъ вставать рано. Счастливъ тотъ, кто держится этой привычки! Каждое утро, день приходитъ къ нему съ дѣвственной любовью, полный цвѣта, чистоты, свѣжести. Юность природы заразительна, какъ радость счастливаго ребенка. Не думаю, чтобы можно было называть человека «старымъ», покуда онъ встаетъ рано и рано гуляетъ; за то, юноша — замѣьте это — юноша въ халатѣ и туфляхъ, безстрастно сидѣющій за завтракомъ въ 12 часовъ, — блѣдный и безжизненный снимокъ съ того, который видитъ первую улыбку солнца надъ горами и первыя капли росы, сверкающія на цвѣтущихъ нѣгородахъ.

Проходя мимо батюшкина кабинета, я съ удивленіемъ увидѣлъ, что окны его растворены, но удивился еще больше, когда, бросивъ взглядъ въ комнату, увидѣлъ отца окруженнаго книгами: я зналъ, что онъ всегда садился за работу позавтракавши. Ученые люди рѣдко встаютъ рано, потому что вообще ученые ни въ какія лѣта молоды не бываютъ. Рѣшено, значить! Большая книга должна быть непременно кончена! Дѣло, видно, пошло не на шутку: это ужъ былъ настоящій трудъ.

Я отворилъ калитку и вышелъ на дорогу. Въ нѣкоторыхъ сельскихъ домикахъ видны были признаки возвращавшейся жизни, но часъ работы еще не насталъ и никто по дорогѣ не пожелалъ мнѣ добраго утра. Вдругъ, на поворотѣ, заслоненномъ густою зеленою клена, я неожиданно столкнулся съ дядей Роландомъ.

— Сэръ, это вы? и такъ рано? слышите, бьетъ пять часовъ?

— Да больше и нѣтъ! Находился же я съ своей деревляшкой; до Л.... взадъ и впередъ будетъ больше четырехъ миль.

— Вы ходили въ Л., не за дѣломъ же? И души, я чай, еще нѣтъ живой?

— О, въ гостинницахъ всегда найдешь кого-нибудь на ногахъ. Конюхи никогда не спятъ. Я нанялъ пару лошадей и повозку. Я сегодня прощусь съ вами, племянникъ.

— Ахъ, дядюшка, мы васъ обидѣли! А все я съ этимъ проклятымъ типомъ....

— Ба! отвѣчалъ живо дядя. Дитя, меня обидѣть нельзя! И онъ крѣпко пожалъ мою руку.

— Отъ чего же вы вдругъ рѣшились ѣхать? Еще вчера, въ Римскомъ станѣ, вы съ батюшкой собирались въ С....

— На чудака никогда полагаться не должно. Мнѣ къ ночи надо быть въ Лондонѣ.

— А завтра пріѣзжайте назадъ.

— На вредъ ли, — сказалъ дядя, мрачно. И помолчавши немного, взялъ меня подъ руку и продолжалъ:

— Молодой человекъ, вы мнѣ понравились. Я люблю это открытое, смѣлое лицо, на которомъ природа написала: «вѣрьте мнѣ.» Люблю эти свѣтлые глаза, которые глядятъ въ лицо прямо. Намъ надо познакомиться покороче.... гораздо короче. Пріѣзжайте когда-нибудь ко мнѣ, въ древнюю башню нашихъ предковъ.

— Пріѣду, пріѣду! И вы мнѣ покажете старую башню?

— И слѣды прочихъ укрѣпленій, воскликнулъ дядя, поднимая палку.

— И родословное дерево....

— Конечно; и вооруженіе пращура, въ которомъ онъ былъ подъ Марстонмуромъ.

— И бронзовую дощечку въ церкви, дядюшка?

— Ишь, бѣсенокъ! Подойдите-ка сюда, сэръ! Смерть мнѣ хочется разбить ему голову!

— Экая жалость, что никто не разбилъ головы негоднаго типографщика, прежде нежели онъ осмѣлился имѣть нисходящихъ!

Капитанъ Роландъ хотѣлъ разсердиться, но не могъ.

— Ба! сказалъ онъ, остановившись и нюхая табакъ.—

Миръ мертвыхъ великъ, за чѣмъ намъ мѣшаться съ тѣнями?

— Мы отъ нихъ никуда не уйдемъ, дядюшка: онъ всегда за нами. Нельзя думать или дѣйствовать безъ помощи иного челоуька, прежде насъ жившаго и указавшаго дорогу. Мертвые не умираютъ, особенно съ тѣхъ поръ....

— Съ какихъ поръ? Это все дѣло.

— Съ тѣхъ поръ, какъ нашъ великій предокъ ввелъ книгопечатаніе, отвѣчалъ я величественно.— Дядя сталъ насвистывать: *Marlberough s'en va-t-en guerre.*

У меня не хватило духа дразнить его болѣе.

— Миръ! — сказалъ я, тихо входя въ кругъ, который начертилъ онъ палкой.

— Ни за что!... Не смѣть....

— Миръ, дядюшка, миръ! и опишите мнѣ мою маленькую кузину, вашу прекрасную дочку. Я увѣренъ, что она красавица.

— Миръ! сказалъ, улыбаясь, дядя.— Сами пріѣзжайте и судите тогда.

ГЛАВА II.

Дядя Роландъ уѣхалъ. Передъ отъѣздомъ онъ больше часу сидѣлъ, запершись въ кабинетъ съ отцемъ, который, потомъ проводилъ его до воротъ, а мы всѣ окружили его, когда онъ садился въ коляску. Когда капитанъ уѣхалъ, я попытался узнать отъ отца причину неожиданнаго отъѣзда. Но отецъ былъ непроницаемъ во всемъ, что касалось до тайнъ его брата. Повѣрилъ ли ему дядя или нѣтъ причины гнѣва на сына—этотъ вопросъ не давалъ мнѣ покоя—отецъ все-таки былъ нѣмъ на этотъ счетъ и съ матушкой, и со мною. Дня два или три, мистеръ Какстонъ былъ явно подъ вліяніемъ какой-то тревоги. Онъ ни разу не дотронулся до большой книги, прогуливался одинъ безъ книги, и развѣ съ своей уткой. Но мало по малу трудолюбивыя привычки взяли верхъ, матушка очинила перья, и работа опять закипѣла

Что касается до меня, то проводя дни и, въ особен-ности, утра одинъ, я началъ думать о будущемъ. Не-благодарный! — Домашнее мое счастье перестало удовле-творять меня. Мнѣ слышался издали шумъ большого свѣта, и въ нетерпѣннн бродилъ я по берегу.

Наконецъ, однимъ вечеромъ, отецъ съ нѣсколькими скромными «гм, гм!» и непритворнымъ румянцемъ на пре-красномъ чель, прочелъ нѣсколько отрывковъ изъ своего большого сочиненія. Не могу пересказать того, что я почувствовалъ, слушая это чтеніе.... Почтительный восторгъ волновалъ мнѣ душу. Объемъ этого сочиненія былъ такъ великъ, выполнение требовало такихъ разнообразнымъ свѣ-дѣній, что мнѣ казалось, будто какой-нибудь духъ открылъ мнѣ новый міръ, міръ, бывшій всегда у меня подъ носомъ, но доселѣ скрытый отъ меня человѣческой слѣпотою. Не-вѣроятное терпѣніе, съ которымъ были собраны всѣ эти матеріалы, годъ за годомъ, легкость, съ какою здѣсь они, величественною силою генія, казалось, какъ бы сами пришли въ порядокъ и систему, бессознательная скромность, съ ко-торою ученый предлагалъ сокровища трудолюбивой жизни:— все это вмѣстѣ было страшнымъ укоромъ моему нетерпѣнню и самолюбію, но возбудило такое уваженіе къ отцу, кото-рое спасло мою гордость отъ мученій. Это была одна изъ тѣхъ книгъ, которыя поглощаютъ цѣлую жизньъ, подобно словарю Бэля или исторіи Гиббона, или Fasti Helenici, Клян-тона. Тысячи другихъ книгъ нужны были только для того, чтобы рѣзче выказать собственную оригинальность: золотые сосуды многихъ вѣковъ расплавились въ этомъ горнилѣ, и произвели новую монету въ единственномъ отпечаткѣ. кча-стію, предметъ позволялъ сочинителю предаваться вполне своему простодушному и ироническому характеру, спокой-ному, глубокому своему юмору! Сочиненіе моего отца быдо: Исторія человѣческихъ заблужденій, т. е. нравствен-ная исторія человечества, рассказанная съ тою серіозною истиною, которая не исключаетъ своего рода улыбки. Правда, иногда эта улыбка вызывала слезы. Но во всякомъ истинномъ юморѣ лежитъ его зародышъ: паеось, Да, —

ссылаюсь на богиню Морію, — отецъ въ этомъ дѣлѣ былъ какъ у себя дома! Сперва разсматривалъ онъ чело­вѣка въ дикомъ состояніи, соображаясь больше съ положительными разсказами путешественниковъ, нежели съ мѣтами древно­сти и мечтами спекуляторовъ на наше первобытное состоя­ніе. Австралія и Абиссинія описаны были въ своей безъ­искусственной простотѣ, такими вѣрными красками, что мо­жно было подумать, что отецъ всю жизнь провелъ съ Буш­менами и съ дикими. Потомъ, перешедъ Атлантику, онъ представилъ Американскаго Индійца, съ его благородной природой, освященнаго зарей цивилизаціи, въ то время, когда квацерь Пенъ похитилъ у него прирожденныя права, а Англо-Саксы опять втокнули его въ прежній мракъ. Онъ показывалъ аналогію и противоположности образ­цовъ рода чело­вѣческаго и другихъ племенъ, равно отда­ленны­хъ и отъ просвѣщенія и отъ дикости: Арабовъ — въ ихъ палаткахъ, Гевтоновъ въ лѣсахъ, Гренландцевъ на лодкахъ, Финновъ въ саняхъ на оленяхъ. Возникали гру­быя божества съвера, возстановлялся друидизмъ, переходя изъ вѣры безъ храмовъ въ состояніе болѣе испорченное: идолопоклонство. Рядомъ съ этими вѣрованіями являлся Са­турнъ Финикійцъ, мистическій Будда Индійцевъ, стихійные боги Пеласговъ, Нантъ и Сераписъ Египтянъ, Оримуздъ Персіянъ, Вааль Вавилоніи и крылатые геніи прекрасной Этруріи. Онъ объяснял, какимъ образомъ природа и жизнь дали мысль религіи?... Какимъ образомъ религія образовала нравы? Какъ и вслѣдствіе какихъ вліяній, нѣкоторыя пле­мена созданы были для усовершенствованія, между тѣмъ какъ другія обречены были на бездѣйственность или погло­щеніе другими войною и рабствомъ? Всѣ эти важные во­просы объяснены были въ книгѣ отца моего съ ясною и сильной точностію, будто голосамъ самой судьбы. Не только филологъ и антикварій, но анатомъ и философъ, отецъ пользовался всѣми учеными разборами о различіи породъ. Онъ показывалъ, какъ смѣшеніе до известной степени улучшаетъ породы; какъ всѣ смѣшанныя породы были одарены особенными способностями; онъ прослѣдилъ успѣхъ

и удаленіе Эллиновъ отъ ихъ мистической колыбели, Тесалии, и показывалъ, какъ племена, поселившіяся на берегахъ морей и вынужденныя вступить въ торговля сношенія съ чужеземцами, дали Греціи чудеса ея искусства и литературы, эти цвѣты древняго міра; какъ другія, напр. Спартанцы, жившіе преимущественно въ лагеряхъ, всегда на-сторожъ отъ сосѣдей, сохранили свою Дорійскую чистоту происхожденія, но не удѣлили въ сокровищницу мысли, ни художниковъ, ни поэтовъ, ни философовъ. — Взявъ Кельтовъ, Кимвровъ Киммерійцевъ, онъ сравнивалъ Кельта, сохранившаго въ Валлисъ, Шотландскихъ горахъ, Бретани и не понятой Ирландіи чистоту своей крови и древній характеръ, съ Кельтомъ, который, съ кровью смѣшанной на тысячу способовъ изъ Парижа предписываетъ обычай міру. Онъ сравнилъ Нормана, въ его Скандинавской родинѣ, съ нимъ же, уже чудомъ гражданственности и рыцарства, послѣ его постепеннаго, нечувствительнаго сліянія съ Готами, Франками и Англо-Саксами. Онъ сравнивалъ Сакса, не движущагося впередъ въ родинѣ Горзы, съ колонизаторомъ-просвѣтителемъ земнаго шара, которому невозможно уже отличить различные источники пылкой своей крови (Французскіе, Фламандскіе, Датскіе, Шотландскіе, Ирландскіе). И изъ всѣхъ этихъ выводовъ, которымъ я сдѣлалъ такую бѣдную и краткую оцѣнку, у него вытекала святая истина, несущая надежду и въ землю Каффра, и въ хижину Бушмена, что нѣтъ ни въ черномъ цвѣтѣ кожи, ни въ плоскомъ черепѣ ничего такого, что бы отвергало вѣчный законъ, что, въ силу того же самаго начала, которое возводитъ собаку, животное, въ дикомъ состояніи, низкое, на первое мѣсто послѣ человѣка, — вы можете возвысить до величія и силы отверженцевъ челоуѣчества, заслуживающихъ теперь только сожалѣнія и презрѣнія. Когда же, оставивъ приготовительныя разсужденія, отецъ доходилъ до сущности своей задачи, онъ съ жадностію хватался за мудрость мудрецовъ; когда онъ разсматривалъ самое просвѣщеніе, его школы, портики, академіи; когда обнажалъ нелѣпости, скрывавшіяся подъ коллегіумами Египтянъ и

Грековъ; когда доказывалъ что, въ любимой наукѣ своей, метафизикѣ, Греки были дѣти, а Римляне, въ практической области политики — мечтатели и скоморохи; когда, слѣдя за ходомъ заблужденій въ средніе вѣка, упоминалъ ребячество Агриппы, цинизмъ Кардана, и съ спокойной улыбкой переходилъ въ *салоны* Парижскихъ умниковъ XVIII вѣка, — о! тогда иронія его былъ иронія Лукіана, смягченная кроткой любезностью Эразма. Даже и здѣсь его сатира не была напитана холодностью Мефистофелевой школы. Изъ этой повѣсти лжи и заблужденій отецъ любилъ выводить свѣтлыя эры истины. Онъ показывалъ, какъ серьезные люди никогда не думаютъ по простому, хотя ихъ выводы и могутъ быть ошибки. Онъ доказывалъ, какъ вѣкъ, смѣнялся вѣкомъ, составляютъ огромные циклы, въ которыхъ умъ человѣческой продолжаетъ свой непрерывный ходъ, подобно океану, отступающему здѣсь, — тамъ подающемуся впередъ; какъ изъ умозрѣній Грековъ родилась истинная философія, изъ учреждений Римскихъ — всѣ прочныя системы управленій; изъ выходовъ удали Сѣвера — рыцарство, утонченныя понятія вашего времени о чести и кроткое, примиряющее вліяніе женщинъ. Онъ выводилъ нашихъ Сиднеевъ и Баярдовъ отъ Генгистовъ, Гензериковъ и Аттилъ. Полна любопытныхъ анекдотовъ, новыхъ поясненій и утонченнѣйшаго знанія, происходящихъ отъ вкуса, обработаннаго до послѣднихъ предѣловъ, книга моего отца забавляла, привлекала и восхищала. Ученость теряла свой педантизмъ, то въ простотѣ Монтэня, то въ пронизательности Лабрюйера. Авторъ словно жилъ въ томъ времени, о которомъ говорилъ, а время воскресло въ немъ. Ахъ! какимъ бы сдѣлался онъ романистомъ, еслибы что?... если бы онъ въ той же степени обладалъ горькой опытности въ дѣлѣ страстей, какъ пониманіемъ склонностей человѣческихъ. Но тотъ, кто хочетъ видѣть картину берега, долженъ искать его отраженіе въ рѣкѣ, а не въ океанѣ. Рѣка отражаетъ и кривое дерево, и остановившееся стадо, и сельскую колокольню, и весь романъ ландшафта, а море отражаетъ только безконечный очеркъ побережья и измѣненія свѣта въ небесной тверди.

ГЛАВА III.

— Можно поставить Ломбардскую улицу против поморанцового орышка*! — сказала дядя Джакъ.

— Неужели такъ много шансовъ въ пользу книги? Я боюсь, что вы говорите не изъ опытности, братъ Джакъ! отвѣчалъ отецъ, прекративъ чтеніе и нагибаясь, чтобы почесать утку подъ лъвнымъ ухомъ.

— Джакъ Тиббетсъ — не Огюстипъ Какстонъ! Джакъ Тиббетсъ не ученый, не гений, не.... не....

— Пойдите! воскликнулъ отецъ.

— Мистеръ Тиббетсъ не далекъ отъ истины, сказалъ мистеръ Скиль. Я не льстець, но мѣсто, гдѣ вы сравниваете черепъ разныхъ породъ, превосходно. Ни Лауренсъ, ни Докторъ Причардъ не могли бы написать лучше. Такая книга не должна пропасть для свѣта, и я согласенъ съ М. Тиббетсомъ, что ее надобно напечатать какъ можно скорѣе.

— Писать и издать разница, сказалъ отецъ нерѣшительно. — Когда посмотришь на всѣхъ великихъ людей, издававшихъ свои сочиненія, когда подумаешь, что придется смѣло втираться въ общество съ Аристотелемъ, Беконемъ, Локкомъ, Гердеромъ, со всѣми глубокомысленными философами, склоняющими къ природѣ чело, отягченное мыслями, позволительно пріостановиться, призадуматься и....

— Ба! прервалъ дядя Джакъ, наука не клубъ: это океанъ. Онъ открытъ для челнока, какъ для фрегата. Одинъ везетъ грузъ слишкомъ, другой идетъ на ловлю сельдей. Кто исчерпаетъ море? Кто скажетъ мысли: бездны философія заняты!

— Славно сказано! воскликнулъ мистеръ Скиль.

— Такъ вы, друзья мои, сказалъ отецъ, пораженный краснорѣчивыми доводами дяди Джака, — рѣшительно совѣтуете мнѣ оставить моихъ пенатовъ, ѣхать въ Лондонъ, и, такъ какъ мы собственная бібліотека не удовлетворяетъ моимъ требованіемъ, поселиться возлѣ Британскаго музеума и поскорѣе кончить хоть одну часть.

* Т. е. можно отвѣчать сто противъ одного.

— Этимъ вы обязаны передъ вашимъ отечествомъ, — сказалъ торжественно дядя Джакъ.

— И передъ самимъ собою, прибавилъ Скиль. Должно помогать естественнымъ изверженіямъ мозга.... Вамъ смѣшно, сэръ? — Смѣйтесь; но я замѣтилъ, что когда у чловѣка слишкомъ полна голова, онъ долженъ дать исходъ мысли, иначе она давитъ его, и терлется равновѣсіе всего организма. Изъ отвлеченнаго чловѣкъ становится тупымъ. Сила давленія поражаетъ нервы, и я не отвѣчаю, что вы не будете поражены параличемъ.

— Остинъ! воскликнула матушка, нѣжно обнимая руками шею отца.

— Сознайте себя побѣжденными, сэръ, — сказалъ я.

— А съ тобой что будетъ, Систи? спросилъ отецъ. Съ нами что ли ты поѣдешь, и откажешься отъ университета?

— Дядя звалъ меня къ себѣ, въ свой замокъ. Покуда я останусь здѣсь, буду работать и смотреть за уткой.

— Одинъ-то? сказала матушка:

— Какъ одинъ? Надѣюсь, дядя Джакъ, по прежнему, будетъ навѣщать меня.

Дядя Джакъ покачалъ головой.

— Нѣтъ, дитя мое, сказалъ онъ, — мнѣ должно взать съ отцемъ, въ Лондонъ. Вы всѣ, въ этихъ дѣлахъ, ничего не смыслите: я повидаюсь съ книгопродавцами; я знаю, какъ съ этими господами говорить. Нужно и литературные круги приготовить къ появленію книги. Конечно съ моей стороны это жертва. Журналъ мой пострадаетъ, это я знаю; но дружба и польза отечества для меня выше всего.

— Добрый Джакъ! сказала ласково матушка.

— Я этого не потерплю, сказалъ отецъ. Здѣсь вы имѣете хорошій доходъ вы полезны себѣ, а что касается до книгопродавцевъ, то когда сочиненіе совсѣмъ будетъ готово, вы можете прѣхать въ городъ на недѣлю и уладить дѣло.

— Бѣдный Остинъ! сказалъ дядя Джакъ, съ чувствомъ превосходства и состраданія — недѣля! Сэръ! успѣхъ книги требуетъ цѣлыхъ мѣсяцовъ приготовленія. Я не геній, я

человѣкъ практическій! я знаю, что нужно. Оставьте меня въ покоѣ. — Но отецъ продолжалъ упрямиться, и дядя наконецъ замолчалъ. Путешествіе въ Лондонъ за славой было рѣшено, но отецъ не хотѣлъ и слышать, чтобы я остался.

— Нѣтъ, Пизистрату тоже надо ѣхать въ Лондонъ, посмотрѣть на свѣтъ: утка какъ-нибудь ужъ тутъ сама....

ГЛАВА IV.

Мы послали съ вечера занять необходимое число мѣстъ — всего четыре (въ томъ числѣ мѣсто для миссиссъ Примминсъ) въ публичной каретѣ, подъ фирмою Солнца, которая была заведена издавна для удобства окрестности населенія.

Это свѣтло, восходившее въ небольшомъ городкѣ, миляхъ въ семи отъ насъ, сперва описывало нѣсколько неопредѣленную орбиту между окрестными деревьями, потомъ уже выходило на большую дорогу освѣщенія, по которой и продолжало путь въ виду смертныхъ, съ величественной быстротою шести съ половиною миль въ часъ. Отецъ мой съ карманами, набитыми книгами и съ *in guano* Джебена «о первобытномъ мірѣ» (для легкаго чтенія) подъ мышкой, мать съ небольшою корзинкой, наполненной сандвичами и бисквитами собственнаго печенія; миссиссъ Примминсъ, съ новымъ зонтикомъ, купленнымъ для этого случая, — кляткой, въ которой сидѣла канарейка, — ея любимица не столько за голосъ, сколько за почтенныя лѣта, и съ трубочкой, которою она успѣшно ее кормила, и я: всѣ мы ждали у воротъ, готовясь привѣтствовать небеснаго гостя. Садовникъ, съ тѣлѣжкой набитой ящиками и чемоданами, стоялъ не много поодаль; а человѣкъ, который долженъ былъ пріѣхать, лишь только мы найдемъ квартиру, взобрался на приторокъ, съ тѣмъ, чтобы высмотрѣть восходъ ожидаемаго солнца и извѣстить насъ о его появленіи, посредствомъ условленнаго знака носовымъ платкомъ, привязаннымъ на палкѣ.

Старый домъ нашъ печально глядѣлъ на насъ во всѣ свои опустѣвшія окна. У порога и въ открытыхъ сѣняхъ валялись остатки соломы и сѣна, употребленныхъ на укладку, кор-

зинки и ящики, осмотровые и потомъ оставленные за негодностью; другіе, перевязанные и сложенные въ кучу, которые долженъ былъ доставить человекъ; двѣ служанки, которымъ было отказано и которыя стояли на половинѣ дороги между домомъ и калиткой сада, перешептываясь и уставыя, какъ будто бы не спали онѣ нѣсколько недѣль сряду:—все давало этому зрѣлищу, обыкновенно спокойному и стройному, видъ какого-то грустнаго одиночества и запустѣнія. Какъ будто нашъ домашній геній упрекалъ насъ въ извѣстѣ. Я чувствовалъ, что предзнаменованія были не въ нашу пользу, и со вздохомъ отвергнулся отъ мѣстъ, которыя покидалъ, потому что къ намъ уже подвигалась карета, во всемъ своемъ величїи. Какой-то человекъ, чрезвычайно важной наружности, не смотря на жаръ, закутанный въ теплую шинель и любившій, чтобъ его называли «смотрителемъ», сошелъ съ рыжей, золотистой лошади, и учтиво объяснилъ намъ, что осталось всего только три мѣста, два внутри и одно снаружи, которыми мы вольны располагать; остальные были заняты еще недѣли за двѣ до того, когда были получены наши требованія.

Зная, что миссисъ Приммицъ была необходима моимъ родителямъ (тѣмъ болѣе, что она когда-то жила въ Лондонѣ и хорошо знала тамошніе обычаи), я предложилъ ей занять наружное мѣсто, а самъ рѣшился предпринять путь ищкомъ—давній и первобытный способъ перемѣщенія, имѣющій свою прїятную сторону для молодого человека, одареннаго крѣпкимъ сложеніемъ тѣла и веселымъ расположеніемъ духа. Уже протянувшаяся рука зрителя не дала моей матери времени противиться моему предложенію, на которое батюшка изъявилъ свое согласіе безмолвнымъжатіемъ моей руки. Давъ обѣщаніе отыскать ихъ въ гостиницѣ, близъ Стрэнда, которую имъ хвалилъ мистеръ Скнль за особенную опрятность и спокойствіе, и въ послѣдній разъ махнувъ рукой въ знакъ прощанія съ матерью, продолжавшей высовать въ окно добродушное свое лицо во все время, покуда карета не скрылась въ облакъ, подобно колесницамъ Омировыхъ героевъ, я вошелъ въ домъ, уложилъ

кое-какія необходимыя вещи въ котомку, некогда принадлежавшую моему дѣду (отцу моей матери), которую я нашелъ въ чуланѣ, взвалилъ ее на плеча, и, взявъ въ руки здоровую палку, отправился въ великій городъ, такимъ быстрымъ шагомъ, какъ будто путь мой лежалъ не дальше соседней деревни. Вотъ почему, часамъ къ двѣнадцати я усталъ и проголодался; и увидавъ возлѣ дороги одну изъ такъ веселенькихъ гостинницъ, которыя принадлежать исключительно Англіи, и, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, скоро будутъ причислены къ явленіямъ допотопнымъ, сѣлъ за столъ подѣ стриженными липами, отстегнулъ свою котомку и потребовалъ свою скромную трапезу, съ достоинствомъ человека, который въ первый разъ самъ заказываетъ себѣ обѣдъ и платитъ изъ собственного кармана.

Между тѣмъ какъ я занялся ломтемъ свиного сала и кружкой пива, два пѣшехода, пришедшіе по одной дорогѣ со мной, остановились, разомъ взглянули на предметъ моихъ занятій, и, безъ сомнѣнія, увлеченные моимъ привѣромъ, сѣли подѣ тѣми же деревьями, но за другимъ концомъ стола. Я осматривалъ вновь прибывшихъ съ любопытствомъ, свойственнымъ моему возрасту.

Старшему могло бытъ лѣтъ тридцать, хотя глубокія морщины и лицо, вѣроятно некогда цвѣтущее, а теперь довольно блѣдное, обличавшее труды, заботу, или утомленіе отъ неправильной жизни, старѣли его на видъ: наружность не говорила особенно въ его пользу. Въ одеждѣ его пробивалась какая-то претензія, не приставшая къ пѣшеходу: сертукъ его былъ узокъ и подложенъ ватой; двѣ огромныя булавки, соединенныя пѣпочкой, украшали крутой, атласный, голубой галстукъ, усыянный желтыми звездами; его руки были покрыты очень грязными перчатками, когда-то соломеннаго цвѣта и играли тростью изъ китоваго уса, съ огромнымъ набалдашникомъ, что придавало трости видъ кистени; когда онъ снялъ бѣлую шляпу, совершенно истертую, и сталъ заботливо и осторожно вытирать ее правымъ рукавомъ, множество правильныхъ кудрей разомъ обличило старанія искусства и плоды человѣческихъ рукъ. Парикъ

его, котораго нельзя было не замѣтить (въ родѣ того, въ коемъ, на простонародныхъ картинкахъ, изображается Георгъ IV, въ молодости), низко спускался на лобъ и потомъ страшно подымался на макушкѣ; онъ былъ намазанъ масломъ и къ нему пристало немалое количество пыли, а масло и пыль въ равной степени оставили слѣды на лбу и щекахъ его хозяина. Сверхъ этого, выраженіе его лица было частью нахально и беззаботно; что-то насмѣшливое проглядывало въ углахъ его глазъ.

Младшій былъ, повидимому, мнѣхъ лѣтъ и развѣ годомъ или двумя меня старше — судя, впрочемъ, по его гибкому, мускулистому сложенію, а не по ребяческому очертанію лица. Но это лицо, хотя ребяческое, не могло не обратить на себя вниманіе самаго безстрастнаго наблюдателя. Оно не только было смугло, какъ цыганское, но и имѣло характеръ цыганскій: большіе блестящіе глаза, черные, какъ смоль, волосы, длинные и волнистые, но не кудрявые, орлиныя и тонкія черты; когда юноша говорилъ, онъ показывалъ зубы ослѣнительной бѣлизны, подобной жемчугу. Нельзя было не удивляться его замѣчательной красотѣ; но это лицо носило отпечатокъ хитрости и дикости, вложенныхъ враждой съ обществомъ въ черты того племени, которое онъ мнѣ напоминалъ. Со всѣмъ этимъ, въ молодомъ странникѣ было и что-то такое напоминавшее джентельмена. Онъ былъ одѣтъ въ плюсовую охотничью куртку или, пожалуй, коротенькомъ фракѣ, подпоясанномъ широкимъ ремнемъ, широкихъ бѣлыхъ панталонахъ и фуражкѣ, которую небрежно бросилъ на столъ, когда утиралъ потъ съ лица, — съ нетерпѣніемъ и даже гордостью отвернувшись отъ своего товарища. Онъ окинулъ меня быстрымъ и внимательнымъ взглядомъ своихъ пронзительныхъ глазъ, потомъ растянулся на скамейкѣ и, казалось, дремалъ или мечталъ, покуда, вслѣдствіе приказанія его спутника, столъ былъ уставляемъ всѣми холодными мясами, какія только были въ гостиницѣ.

— Говядина, — сказалъ его товарищъ, вставляя лорпетъ въ правый глазъ, говядина; что это за говядина! — Ягненокъ; — старенецъ, — сыровать; — баранина.... пфу!....

Пирогъ ; — суховатъ. — Телятина; — нѣтъ, свинина. —
Виноватъ! Чего вы хотите ?

— Берите себя, — отвѣчалъ молодой человекъ, съ ужимкой садясь за столъ и поглядывая съ презрѣніемъ на поданное мясо; потомъ, подождавши довольно долго, онъ отвѣдалъ и того, и другаго, и третьяго, подергивая плечами и съ явными выраженіями неудовольствія. Вдругъ онъ поднялъ голову и спросилъ водки; н, къ моему недоумѣнію (совѣстно признаться), даже къ моему удивленію, онъ выпилъ съ полстакана этого яда, не разбавливая его ничѣмъ и съ такою мвной, что должно было заключить, что онъ привыкъ къ нему.

— Напрасно, — сказалъ его товарищъ, придвигая къ себѣ бутылку и въ надлежащей мѣрѣ смѣшивая алкоголь съ водой. — Покровы желудка скоро истираются, если чистить ихъ по вашему. Лучше обратится къ искрометной пѣнѣ, какъ говоритъ нашъ безцѣнный Вилль. Вотъ этотъ молодой джентельменъ подастъ вамъ хорошій примѣръ. И, съ этимъ, онъ обратился ко мнѣ, фамильярно кивая мнѣ головой. Какъ ни былъ я неопытенъ, однако сейчасъ смекнулъ, что онъ намѣренъ познакомиться съ тѣмъ, кого такъ привѣтствовалъ.

— Позвольте вамъ предложить что-нибудь ? — сказалъ этотъ общительный индивидуумъ, описывая полукружіе концомъ своего ножа.

— Покорно васъ благодарю, сэръ, я ужъ объдалъ.

— Такъ что жъ ? пуститесь въ новое поприще злодѣйствъ, какъ говоритъ Авонскій Лебедь, сэръ* ; — не хотите ? Такъ предлагаю вамъ выпить со мной рюмку Канадійскаго. А далеко изволите идти, если смѣю спросить?

— Въ Лондонъ, если съумѣю дойти.

— О! — сказалъ путешественникъ, въ то время, какъ товарищъ его поднялъ на меня глаза, и я опять остался пораженъ ихъ произзительностію и блескомъ.

Шекспиръ, Генрихъ V, дѣйствіе IV.

— Лондонъ—самое лучшее мѣсто въ мірѣ, для молодого человека съ умомъ. Посмотрите, что тамъ за жизнь: «зеркало моды и первообразъ формы.»* Вы любите театръ, сэръ?

— Я никогда его не видалъ.

— Можеть ли это быть! — воскликнулъ онъ, опуская черенокъ своего ножа и горизонтально приподымая конецъ его: — если такъ, молодой человекъ, прибавилъ онъ торжественно, вамъ предстоитъ.... но я не скажу вамъ, что вы увидите; не скажу, нѣтъ, даже, если бы вы могли усыпать этотъ столъ золотыми гниемами и воскликнуть съ благороднымъ жаромъ, который такъ увлекателенъ въ молодости: «министеръ Пикокъ, все это ваше, если вы только скажете мнѣ, что мнѣ предстоитъ увидетьъ!»

Я расхохотался во все горло — да простятъ мнѣ это самохвальство, но еще въ школѣ я былъ извѣстенъ за мой громкій и непринужденный смѣхъ. При этихъ звукахъ, лицо молодого человека помрачилось: онъ оттолкнулъ тарелку и вздохнулъ.

— А вотъ мой товарищъ, — продолжалъ его пріятель, — а вотъ мой товарищъ, который, я думаю, вамъ ровесникъ, могъ бы сказать вамъ, что такое театръ, и что такое жизнь. Онъ видѣлъ городское обращеніе, онъ взглянулъ на торговшей, какъ поэтически замѣчаетъ лебедь. Не такъ ли, пріятель, а?

Юноша взглянулъ на него съ презрительной улыбкой.

— Да, я знаю что такое жизнь, и говорю, что въ жизни, какъ въ бѣдности, мало ли съ кѣмъ случается сблизаться. Спросите у меня теперь, что такое жизнь, — я скажу вамъ: мелодрама; спросите у меня то же самое, черезъ двадцать лѣтъ, и я скажу....

— Фарсъ, — прервалъ его товарищъ.

— Нѣтъ, трагедія, или комедія, какъ писалъ Мольеръ.

— Какъ это? — спросилъ я, заинтересованный и даже удивленный тономъ моего ровесника.

— Комедія.... У моего пріятеля такъ вотъ нѣтъ шансовъ!

* Шекспиръ: Ibidem.

— Это похвала сэру Губерту Стэнлей... гмъ.... да.... гмъ.... Пикокъ можетъ быть уменъ, но онъ не плутъ.

— Это не совсѣмъ мое мнѣніе, — сказалъ сухо юноша.

— Шишъ за ваше мнѣніе, какъ говоритъ Лебедь. — Эй вы, сэръ, хозяинъ! уберите со стола, да дайте намъ чистыхъ стакановъ, горячей воды, сахару, лимону, да бутылочку! Курите, сэръ! — И мистеръ Пикокъ предложилъ мнѣ сигару.

Я отказался, а онъ осторожно свернулъ какой-то далеко не заманчивый обрѣзокъ апокрифическаго Гаванскаго произрастенія, намочилъ его весь, наподобіе того, какъ поступаетъ боа-констрикторъ съ быкомъ, котораго собирается проглотить, откусилъ одинъ конецъ, зажегъ другой опредѣленной на это машинкой, вынутой имъ изъ кармана, и скоро весь предался страшному усилію отравить окружающую атмосферу. Тогда молодой человекъ, изъ соревнованія, или по чувству самосохраненія, вынулъ изъ кармана красивую, бархатную сигарочницу, вышитую, вѣроятно, какой-нибудь хорошенькой ручкой, потому что на ней можно было ясно разобрать слова: «отъ Джуліетты», и выбралъ сигару съ виду лучшую той, которая занимала его товарища: казалось, онъ также привыкъ обходиться съ табакомъ, какъ съ водкой.

— Вотъ человекъ, сэръ, — говорилъ мистеръ Пикокъ, прерывая рѣчь усиліями отчаянной борьбы съ своей незаметной жертвой — ему непременно (пуфъ, пуфъ)... нужно.... (пуфъ, пуфъ) настоящія силва. Фу ты пропасть! опять погасла!* — И мистеръ Пикокъ опять принялся за свою фосфорную машинку. На этотъ разъ его терпѣніе и настойчивость увѣнчались успѣхомъ, и середина сигарки отвѣтила скромною, красною искрою (стороны же остальные неприкосновенны) на неусыпныя старанія ся поклонника.

Совершивъ этотъ подвигъ, мистеръ Пикокъ торжественно произнесъ:

* Въ подлинникѣ сказано: the jaws of darkness have devoured it up. (Шекспиръ: Сонъ въ Лѣтнюю Ночь).

— Ну, дѣтки, что вы теперь скажете о картахъ? Насъ трое.... вистъ.... съ болваномъ.... ничего не можетъ быть лучше.... а?

Онъ вытащилъ изъ кармана сертука красный, шелковый платокъ, связку ключей, кошачъ, зубную щетку, кусокъ мыла для бритья, четыре куска сахару, бритву и колоду картъ. Отложивъ последнее, и повергнувъ остальной хламъ въ бездну, изъ котораго тотъ возникъ, онъ указательнымъ и большимъ пальцемъ, оборотилъ тrefоваго вала и, положивъ его сверху, важно разложилъ карты на столу.

— Вы очень любезны, но я не умью играть въ вистъ, сказалъ я.

— Не играете въ вистъ, не были въ театръ, не курите! Сдѣлайте одолженіе, молодой человекъ (сказалъ онъ величественно и хмурясь), что же вы увидите, что вы знаете?

Пораженный этой выходкой и устыдась моего совершеннаго невѣдѣнія въ томъ, что мистеръ Пикокъ считалъ первымъ основаніемъ знанія, я наклонилъ голову и опустилъ глаза.

— Это хорошо, — продолжалъ мистеръ Пикокъ, ласково прежняго: — въ васъ есть невинный стыдъ молодости. Это вдаетъ надежды на будущее. «Смиреніе есть лѣстница его молодато честолюбія,» говоритъ Лебедь. Взойдите на первую ступень и познаете вистъ, — съ начала пошести пенсовъ очко.

Не смотря на мою неохотность въ дѣлѣ практической жизни, я имѣлъ счастье узнать кое-что объ открывавшемся передо мной поприщѣ изъ руководителей, столько разъ оклеветанныхъ, которые зовутъ романами, или повѣстями, — сочиненія, въ отношеніи къ внутреннему міру, имѣющія значеніе географическихъ картъ для внѣшняго. Мнѣ внезапно пришло на умъ нѣсколько воспоминаній изъ Жиль-Блаза и Векфильдскаго Священника. Я не имѣлъ жеманія идти по стѣпамъ достойнаго Моисея и чувствовалъ, что въ отношеніяхъ съ этимъ новымъ мистеромъ Дженкинсомомъ, я даже

не могъ бы похвалиться шагреновыми очками. Поэтому, покачивъ головой, я спросилъ счетъ. Когда я вынулъ кошелекъ, связанный мнѣ моею матерью, содержавшій одну золотую и нѣсколько серебряныхъ монетъ, я замѣтилъ, что глаза мистера Пиккока засверкали.

— Не хорошо, сэръ! не хорошо, молодой человекъ! «Скупость зашла глубоко.» Прекрасно выразился Лебедь: Кто ничѣмъ не рискуетъ, тотъ ничего не выигрываетъ!

— У кого нѣтъ ничего, тому и рисковать не чѣмъ, — отвѣчала я, его же словами.

— Какъ нѣтъ ничего? — Молодой человекъ, разве вы сомневаетесь въ моей состоятельности, въ моемъ капиталѣ, въ моемъ золотѣ?

— Я говорилъ о себѣ, сэръ. Я не довольно богатъ, чтобы играть съ вами на деньги.

— Что вы этимъ хотите сказать, сэръ? — воскликнулъ мистеръ Пикокъ, въ добродѣтельномъ негодованіи. — Вы меня оскорбляете.

И онъ грозно всталъ и надвинулъ свою бѣлую шляпу на парикъ.

— Оставьте его, Галь, — сказалъ презрительно юноша. — Если онъ дерзокъ, ударьте его. (Это относилось ко мнѣ.)

— Дерзокъ! ударить! — воскликнулъ мистеръ Пикокъ, ужасно покраснѣвъ! Но замѣтивъ улыбку на губахъ товарища, онъ сѣлъ и погрузился въ молчаніе.

Я заплатилъ деньги по счету, и когда, исполнивъ эту обязанность, которая рѣдко доставляетъ удовольствіе, хватился моею дорожной котомки, то увидѣлъ, что она была въ рукахъ молодаго человека. Онъ хладнокровно читалъ адресъ, который я на всякій случай прилѣпилъ къ ней: Пизистратусъ Какстонъ, Эск., въ N. гостиницѣ, N. улицѣ, близъ Стрэнда.

Я взялъ у него котомку. Такое нарушеніе законовъ приличія, со стороны молодаго джентельмена, хорошо знавшаго жизнь, поразило меня болѣе, нежели узавылъ бы меня подобный поступокъ отъ мистера Пиккока. Онъ не

извинился, но кивнул мнѣ головой, какъ бы желая проститься, и растаялъ по лавкѣ во всю свою длину. Мистеръ Пикокъ, углубившійся въ раскладываніе пасьянса, даже не отвѣтилъ на мой прощальный привѣтъ, и на слѣдующее мгновеніе я былъ одинъ на большой дорогѣ. Мысли мои долго обращались къ молодому чловѣку; сожалѣя о будущности, предетоящей чловѣку съ его привычками въ подобномъ обществѣ, я невольно удивлялся не столько его красивой наружности, сколько развязности, смѣлости и беззаботному вліянію надъ товарищемъ, много старшимъ.

Было довольно поздно, когда я увидѣлъ передъ собою колокольню города, въ которомъ рѣшился переночевать. Рогъ нагонявшей меня кареты заставилъ меня обернуться, и въ то время, когда карета проѣзжала мимо меня, я увидѣлъ на наружномъ мѣств мистера Пикока, все еще борющагося съ сигарой, едва ли не тою же самой, и его молодого пріятеля, который, разваливъ на имперіалъ посреди поклажи, склонился на руку прекрасной головой, и, въроятно, не замѣчалъ ни меня, ничего другаго.

ГЛАВА V.

Я могу, судя можетъ быть черезъ-чуръ лично, т. е. по собственному опыту, опредѣлить данныя молодаго чловѣка на то, что зовутъ практическимъ успѣхомъ въ жизни, по двумъ, на первый взглядъ, весьма обыкновеннымъ его способностямъ: любопытству и необычайной живости извѣстнаго рода. Любопытство, которое торопится узнать все, что для него новое, и нервная дѣятельность, близкая къ безпокойству, которое рѣдко позволяетъ тѣлесной усталости стать между чловѣкомъ и цѣлью этихъ двухъ свойствъ, по моему, достаточны, чтобы пуститься въ свѣтъ.

Какъ ни усталъ я, но совершивъ омовеніе и, въ столовой гостинницы, гдѣ я остановился, освежившись обыкновеннымъ напиткомъ пѣшехода, простымъ и нередко оклеветываемымъ, чаемъ, я не могъ противиться искушенію широкой, шумной улицы, освѣщенной гасомъ и видѣвшейся мнѣ сквозь тусклыя окна столовой. Я прежде никогда не

видывалъ большого города, и противоположность между свѣтлой дѣятельной ночью улицы и скромной, безжизненной ночью деревень и полей сильно меня поразила.

Поэтому я выскочилъ на улицу и прыгалъ, и смѣясь, то глядѣлъ въ окна, то какъ будто спѣшилъ по теченію жизни, покуда очутился у трактира, около котораго тѣпилась небольшая кучка женщинъ, гражданъ, и голодныхъ, повидному, дѣтей. Въ то время, какъ я разсматривалъ толпу и удивлялся, почему главная забота большинства земнаго населенія о томъ, какъ, когда и гдѣ поѣсть, слухъ мой былъ пораженъ слѣдующими словами:

— Дѣйствіе происходитъ въ Троѣ, говоритъ знаменитый Вилль.

Оглянувшись, я увидѣлъ мистера Пиккока, указывавшаго тростью на отворенный, рядомъ съ трактиромъ, крытый ходъ, освѣщенный газомъ и надъ дверью котораго, на оконномъ стеклѣ, было написано черными буквами: «Билліарды».

Присоединяя дѣйствіе къ слову, Пиккокъ разомъ вошелъ въ отворенную дверь и исчезъ. Юноша-товарищъ слѣдовалъ за нимъ лѣнливо, какъ вдругъ замѣтилъ меня. Легкій румянецъ выбѣжалъ на его темныя щеки; онъ остановился и опираясь о дверь, долго и какъ-то странно смотрѣлъ на меня, прежде нежели сказалъ:

— Вотъ мы и опять встрѣтились, сэръ? Не сладко вамъ, я думаю, проводить время въ этомъ мѣстѣ: ночи длинны вѣкъ Лондона.

— О, отвѣчалъ я простодушно, — меня все здѣсь тишитъ: освѣщеніе, лавки, давка; потому что все это для меня новость.

Юноша оставилъ свое мѣсто и, какъ бы приглашая меня слѣдовать за нимъ, сказалъ, съ выраженіемъ какой-то горькой насмѣшки, хотя въ словахъ его просвѣчивала будто грусть:

— Одно не можетъ быть ново для насъ, — старая истина, которую мы знали прежде даже, нежели отняли у насъ кормилицу: все, что имѣетъ какую-нибудь цѣну, должно быть куплено; *ergo*, кто купить ничего не можетъ, у того ничего и не будетъ.

— Не думаю, сказалъ я, чтобы всѣ лучшія вещи можно намъ купить. Посмотрите на этого бѣдняка, худаго, большого ювелира, что стоитъ передъ своей лавкой: его лавка лучшая на этой улицѣ, — а я увѣренъ, что онъ съ радостью отдастъ бы ея всю вамъ, или мнѣ, за наше здоровье и крѣпкія ноги. Нѣтъ! я скорѣе соглашусь съ моимъ отцомъ: лучшее въ жизни дано всѣмъ, т. е. природа и трудъ.

— Это говорить вашъ отецъ, и вы за нимъ! Впрочемъ всѣ отцы проповѣдуютъ и это и другія мудрыя истины; но не вижу я, чтобы отцы часто находили въ сыновьяхъ довѣрчивыхъ слушателей.

— Тѣмъ хуже для сыновей!—сказалъ я рѣшительно.

— Природа, — продолжалъ мой собесѣдникъ, не обращая вниманія на мое восклицаніе, — природа дѣйствительно даетъ намъ много и учитъ каждого изъ насъ, какъ употреблять ея дары. Если природа вложила въ васъ наклонность къ лошадиному труду, вы будете трудиться, какъ лошадь; если она вложила въ меня побужденіе къ возвышенію, самолюбію что ли, и отвращенію отъ труда, я могу итти въ гору, но работать вѣрно не буду.

— Стало, вы согласны съ Скилемъ, сказалъ я, — и вѣрите тому, что нами руководятъ шишки нашего черепа?

— Да, и кровь нашихъ жилъ, и молоко матери. Мы наследуемъ все, наравнѣ съ подагрой и чахоткой. Такъ вы всегда дѣлаете то, что говорить вамъ отецъ.... Вы добрый мальчикъ!

Я былъ обиженъ. Никогда не могъ я понять, отчего бываетъ человѣку стыдно, когда его хвалятъ за доброту: но тогда я былъ недоволенъ. Однако я рѣзко отвѣчалъ:

— Если бъ у васъ былъ такой отецъ, какъ у меня, вамъ бы не показалось неестественнымъ поступать по его словамъ.

— А, такъ у васъ хорошій отецъ? И велико должно быть его довѣріе въ вашу умѣренность и безстрастіе, что позволяетъ онъ вамъ однимъ шататься по свѣту?

— Я иду въ Лондонъ, вслѣдъ за нимъ.

— Въ Лондонъ? Такъ онъ въ Лондонъ?

— Да, онъ проживетъ тамъ нѣсколько времени.

— Стало, мбг еще; можетъ быть, встрѣтимся. Я то же вѣду въ Лондонъ.

— Ну, такъ навѣрное встрѣтимся! — сказалъ я съ непритворною радостью, потому что участіе мое къ молодому чедовкку не уменьшилось отъ его словъ, какъ ни мало нравились мнѣ чувства, ими выраженныя.

Онъ улыбнулся, и какимъ-то страннымъ образомъ. Смѣхъ его былъ тихъ и музыкаленъ, но какъ будто при-
нужденъ.

— Встрѣтимся? Лондонъ не деревня: гдѣ же мнѣ васъ найти!

Я, не колеблясь, сказалъ ему адресъ гостиницы, гдѣ надѣялся найти моего отца; хотя изъ самовольнаго осмотра, сдѣланнаго имъ моею котомкѣ, онъ, безъ сомнѣнія, уже зналъ его. Онъ внимательно выслушалъ меня, два раза повторилъ сказанное мною, чтобы не забыть; мы шли оба молча, поворотавъ узкимъ переулкомъ, и вдругъ очутились на пространномъ погостѣ, по которому діаганалью бѣжала тропинка къ рынку, съ погостомъ граничившему. На одной изъ надгробныхъ плитъ сидѣлъ Савояръ, держа на колѣняхъ свой инструментъ (не знаю право какъ назвать его); онъ глодалъ корку и кормилъ ею же бѣлыхъ мышекъ, стоявшихъ передъ нимъ на заднихъ лапкахъ. Савояръ былъ также беззаботенъ, какъ если бы сидѣлъ въ самомъ веселомъ мѣствѣ земнаго шара.

Мы оба остановились. Мальчикъ, увидавъ насъ, склонилъ на сторону свою, полную жизни, головку, показалъ свои бѣлые зубы, въ минуту счастливой улыбки, столько свойственной его племени, такъ весело просящаго милостыни, — и разъ повернулъ ручку своего инструмента.

— Бѣдный ребенокъ! сказалъ я.

— Вамъ жалко его! Отъ чего же? по вашему же праву, М. Какстонъ, онъ совсѣмъ не такъ жалокъ; большой ювелиръ столько же дастъ за его здоровье и молодость, сколько за наши! Скажите мнѣ, сынъ мудраго отца, отчего

никто не жалеть бѣднаго, больнаго ювелира, а всякому жалко здороваго Саволра? — Это потому, сэръ, — то есть грустная истина, преодолюющая все Спартанскія нравоученія, — что бѣдность наибольшее зло. Оглянитесь. Гдѣ память по бѣдности на могилахъ? Посмотрите же на этотъ большой памятникъ, съ оградой кругомъ; прочтите длинную надпись: добродѣтели, примѣрный супругъ, нѣжно любимый отецъ, — безутышное горе, — покоятся въ радостной надеждѣ, и т. д. и т. д. А эти могилы безъ камней? Неужели думаете вы, что онѣ не скрываютъ праха справедливаго или добраго чело-вѣчка? А никакая эпитафія не исчисляетъ его добродѣтелей, не описываетъ скорби супругъ, не объщаетъ имъ радостныхъ надеждъ.

— Что жъ изъ этого? Богу нѣтъ дѣла до надробныхъ надписей.

— *Date tu qualche cosa*, сказалъ Савояръ на своемъ трогательномъ нарѣчій, все улыбаясь и протягивая маленькую руку, въ которую я бросилъ незначительную монету. Мальчикъ выразилъ свою благодарность новымъ поворотомъ ручки инструмента.

— Это не трудъ, — сказалъ мой спутникъ, — и если бы вы нашли его за работой, то не дали бы ему ничего. У него есть и инструментъ, на которомъ я играю, и мыши, о которыхъ долженъ заботиться. До свиданія!

Онъ махнулъ рукой и побѣжалъ по могиламъ въ то направленіе, откуда мы пришли.

Я остановился передъ прекрасной могилой съ прекрасной надписью. Савояръ внимательно смотрѣлъ на меня.

ГЛАВА VI.

Савояръ внимательно смотрѣлъ на меня. Мнѣ хотѣлось вступить съ нимъ въ разговоръ. Это было не легко. Однакоже, я началъ:

Пизистратъ. Вы должно быть часто бываете голодны, мой бѣдный мальчикъ. Мыши вѣрно васъ не прокормятъ?

Саволръ надѣваетъ шляпу на бокъ, качаетъ головой и ласкаетъ мышей.

Пизистратъ. Вы очень ихъ любите: я думаю, онъ ваши единственные друзья.

Савояръ, видимо понимая Пизистрата, тихо третъ свое лицо о мышей, потомъ тихо кладетъ ихъ на плиту и начинаетъ опять вертѣть; мыши безопасно играютъ на плитѣ.

Пизистратъ, показывая сначала на мышей, потомъ на инструментъ: Кого вы любите больше, мышей или это?

Савояръ показываетъ зубы, смотритъ въ глаза, растягивается по травѣ, играетъ съ мышами и бѣгло отвѣчаетъ.

Пизистратъ, при помощи Латыни понимая, что *Савояръ* говоритъ, что мыши живыя, а инструментъ не живой: — Да, живой другъ лучше мертваго. *Mortua est hurda-gurda!*

Савояръ быстро подымаетъ голову. — *No, no, eccellenza, non e morta!* и начинаетъ играть живую арію на осияльномъ инструментѣ. Лице *Савояра* воодушевляется: онъ счастливъ; мыши съ плиты бѣгутъ къ нему за пазуху.

Пизистратъ, тронутый (по-Латыни): Есть у васъ отецъ?

Савояръ, отварачиваясь. *No, eccellenza*; потомъ, помолчавъ говоритъ: *si, si*, и играетъ какучто торжественную арію, останавливается и, положивъ одну руку на инструментъ, другую подымаетъ къ небу.

Пизистратъ понимаетъ. — Отецъ, подобно инструменту, въ одно время и умеръ и живъ. Самая форма мертвая вещь, но музыка живеть. *Пизистратъ* бросаетъ на землю другую серебряную монету и уходитъ. Богъ тебѣ помощь, *Савояръ!* спасибо тебѣ! Ты сдѣлалъ много добра для *Пизистрата*, ты далъ славный урокъ черствой мудрости молодаго джентельмена въ бархатной курткѣ; лучше его поступилъ *Пизистратъ*, что остался послушать тебя.

У выхода съ погоста я оглянуся: *Савояръ* сидѣлъ по прежнему между могилъ, подъ Божьимъ небомъ. Онъ также пристально смотрѣлъ на меня, и когда наши взоры встрѣтились, прижалъ руку къ сердцу и улыбнулся. Богъ тебѣ помощь, бѣдный *Савояръ!*

(До слѣд. книги).

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

ДУШЕПРИКАЩИКИ ДОНСКАГО.

(Письмо А. Н. Попова къ М. П. Погодину).

М. Г. М. П. Въ Москвитянинъ 1847 года вы помѣстили любопытное изслѣдованіе о боярахъ временъ Дмитрія Іоанновича Донскаго, подъ заглавіемъ «Древняя Русская Аристократія.» Ваша же статья, помѣщенная въ Архивъ историко-юридическомъ Г. Калачева, о наследственности должностей въ древней Россіи, показываетъ, что васъ не перестаетъ занимать тотъ же самый предметъ, весьма важный въ отношеніи къ внутренней исторіи Россіи. Нигдѣ историческая память о лицахъ, дѣятеляхъ въ жизни общественной и государственной, не была такъ слаба, какъ въ нашей древности. Читая лѣтописныя сказанья о жизни древней Россіи, вникая во взглядъ лѣтописателей, нельзя не замѣтить, что для нихъ существовало только три историческихъ дѣателя: Провидѣніе, управлявшее судьбою народа, собирательное цѣлое Русь, и Князья, или лучше, Князь, общая мысль о представителѣ народномъ по преемству поколѣній, переходившая отъ одного лица къ другому. Рѣдко-рѣдко лѣтописецъ промолвить имя частнаго лица, промолвить случайно, и такъ, что трудно определить его предковъ и потомство. Въ лѣтописи иногда встрѣтятся одно имя безъ отечества и прозванья, иногда только имя и отечество, или прозванье случайное, измѣнявшееся часто съ каждымъ поколѣніемъ. Даже въ государственныхъ грамотахъ, духовныхъ завѣщаніяхъ Князей и договорахъ, сами частныя лица, какъ бы участвуя въ общемъ невниманіи къ заслугамъ частныхъ лицъ вообще и стало быть своимъ собственнымъ, подписывали свои имена почти всегда безъ про-

званій родовыхъ, по которымъ бы можно было въ послѣдствіи опредѣлить ихъ личное и родовое значеніе.* Не входя въ разборъ причинъ, въ слѣдствіе которыхъ въ общемъ потокъ Русской жизни, такъ постоянно утопали частныя лица безъ слѣдовъ и воспоминаній, я хочу только прибавить къ вашимъ изсѣдованіямъ замѣчательное историческое свидѣтельство, которое мнѣ удалось прочесть въ одной изъ рукописей разрядовъ, о боярахъ душеприкащикахъ Дмитрія Донскаго.

Однакоже въ древней нашей исторіи дѣйствовали и частныя лица, а въ нѣкоторыхъ происшествіяхъ и въ иныя времена дѣйствовали исключительно. Къ числу такихъ эпохъ, какъ вы замѣтили, принадлежало время малолѣтства Дмитрія Донскаго. Лѣтописи, рассказывая о событіяхъ этого времени, по обычаю, приписываютъ всѣ дѣйствія Князьямъ, а между тѣмъ самъ Дмитрій не могъ дѣйствовать. Симеонъ въ грамотѣ 1353 года советуеъ братьямъ слушать «владыку Алексѣя, такъ же *старыхъ бояръ*, кто хотѣлъ отцу нашему добра и намъ» грамота Едигея выхваляетъ боярина Федора и советуеъ В. К. Василью, чтобы онъ «молодыхъ не слушалъ, а собралъ бы *старѣйшихъ своихъ бояръ*.» Исторіографъ Карамзинъ замѣчалъ участіе бояръ въ происшествіяхъ того времени; но кто же были эти бояре? — Вотъ вопросъ, который по соображеніи именъ подписавшихъ духовныя грамоты и договоры того времени, съ родословцами и показаніями лѣтописей, вы старались разрѣшить въ указанной выше статьѣ. Послѣдніе выводы вашихъ изсѣдованій состояли въ опредѣленіи слѣдующихъ лицъ, подписавшихъ духовное завѣщаніе Дмитрія Донскаго:

«Василей Васильевичъ, Тысяцкій, потомокъ Варяга Шимона, внукъ боярина Протасія, бывшаго при Калитѣ, родоначальникъ Вельяминовыхъ, *Ворощовыхъ* и др. Его братъ, Тимофей Васильевичъ, подписалъ духовную.

Иванъ Родионовичъ *Квашня*.

Александръ Андреевичъ Елка и Федоръ Андреевичъ *Кошка*.

Федоръ Федоровичъ *Свибловъ*, его братъ Иванъ Андреевичъ.

* Прозвища вошли въ употребленіе поздне. М. II.

Иванъ Андреевичъ могъ быть сыномъ Ѳедора *Воронца*, или Ѳедора *Кутуза*.

Семень Васильевичъ могъ быть сыномъ Василья *Кочевы*.

Дмитрій Михайловичъ долженъ быть тотъ *Вольнскій* пришлецъ, который участвовалъ въ Куликовской битвѣ.»

Въ первомъ духовномъ завѣщаніи Дмитрія Донскаго 1374 г. въ концѣ грамоты сказано, что она писана при Алексіѣ Митрополитѣ «а послуши на сию грамоту: Тимоѣей околничей Васильевичъ, Иванъ Родіоновичъ, Иванъ Ѳедоровичъ, Ѳедоръ Андреевичъ.»

Во второмъ его же завѣщаніи 1389 года сказано: «а писалъ есть сию грамоту предъ своимъ отцы, предъ Игуменомъ предъ Сергіемъ, предъ Игуменомъ предъ Савастьяномъ, а туто были бояре наши: Дмитрій Михайловичъ, Тимоѣей Васильевичъ, Иванъ Родіоновичъ, Семень Васильевичъ, Иванъ Ѳедоровичъ, Александръ Андреевичъ, Ѳедоръ Андреевичъ, Ѳедоръ Андреевичъ, Иванъ Ѳедоровичъ, Иванъ Андреевичъ.»

Въ библиотекѣ Академіи Наукъ, въ числѣ рукописей хранится разрядная книга (подъ N 44. in fol), въ началѣ которой находится нѣсколько отрывочныхъ выписокъ изъ разрядовъ временъ Дмитрія Донскаго. На оборотѣ перваго листа сказано:

«Того жъ году волією Божією Великаго Князя Дмитрія Іоанновича Донского не стало, а у духовной сидѣли прикащики: отецъ его духовный преподобный Игумень Сергій, да Игумень Севастьянъ, да бояре: Дмитрій Васильевичъ Вольнскій, Тимоѣей Васильевичъ Воронцовъ, Иванъ Родіоновичъ Квашня, Семень Васильевичъ да Иванъ Ѳедоровичъ Воронцовы, Александръ Андреевичъ Азтъй, Ѳедоръ Андреевичъ Свибловъ, Ѳедоръ Андреевичъ Кошка, Иванъ Ѳедоровичъ Собака, Иванъ Андреевичъ Хромой.»

Сличая имена бояръ, подписавшихъ духовныя грамоты съ именами бояръ, душеприкащиковъ Донскаго, упомянутыми въ разрядахъ, оказывается, что онѣ совершенно сходны между собою, исключая только одного отчества. Въ грамотѣ первымъ подписался Дмитрій *Михайловичъ*, въ разрядѣ Дмитрій *Васильевичъ* Вольнскій. Но въ разрядѣ поименованы бояре не только по именамъ и отчествамъ, какъ въ духовныхъ грамотахъ, но и съ прозваніями.

Сличая сіи прозванія съ тѣми, которыя вамъ удалось опредѣлить въ вашемъ изслѣдованіи, оказывается, что болшая часть изъ нихъ опредѣлены правильно, и приведенныя отрывокъ разрядовъ окончательно доказываетъ справедливость вашихъ выводовъ. Тимоѳеѣй Васильевичъ былъ дѣйствительнъ *Воронцовъ*, Иванъ Родіоновичъ *Квашня*, Ѳеодоръ Андреевичъ — *Кошка*, Ѳеодоръ Андреевичъ — *Свибловъ*, Иванъ Ѳеодоровичъ — *Воронцовъ*; Иванъ Андреевичъ точно *братъ* Свиблова, прозванный также *Хромымъ*, какъ доказываетъ приведенная въ вашей статьѣ выписка изъ родословца Свибловыхъ, въ которой такъ же сыномъ Андрея и братомъ Ѳеодора Свиблова поименованъ Александръ *Остей*. Иванъ Ѳеодоровичъ Собака могъ быть сыномъ Ѳеодора Андреевича Кошки, какъ дозволяетъ предполагать указаніе Никоновской лѣтописи подъ 1590 годомъ: «жениль В. К. Михаилъ Александровичъ Тверской сына своего на Москвѣ у Ѳеодора у Кошки Андреева сына у Собакина.» Дмитрій Михайловичъ, подписавшій духовное завѣщаніе, вѣроятно одно и то же лице съ тѣмъ воеводою Дмитріемъ Михайловичемъ Вольтинскимъ, который водилъ Дмитрія Донскаго на Рязань, по свидѣтельству Никоновской лѣтописи подъ 1371 годомъ. Въ разрядѣ дѣйствительно онъ названъ *Вольтинскимъ*, но только не *Михайловичемъ*, а *Васильевичемъ*. Указанная рукопись разрядовъ не принадлежитъ къ числу официальныхъ книгъ Разряднаго приказа, а составлена частнымъ лицомъ. Въ книгахъ такого рода весьма часто встрѣчаются ошибки въ именахъ и отчествахъ, потому весьма возможно, что Дмитрій Михайловичъ Вольтинскій названъ въ разрядахъ *Васильевичемъ* просто по ошибкѣ.

Сообщивъ вамъ выписку изъ разрядной книги, надѣюсь, что она покажется вамъ любопытною, подтверждая ваши собственныя изслѣдованія.

Александръ Поповъ.

С.-Петербургъ.

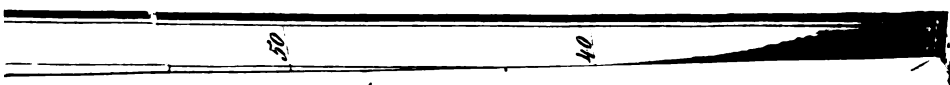
Апрѣля 4 дня.

Найти такое подтвержденіе своимъ выводамъ, ничего не можетъ быть пріятнѣе для изслѣдователя: благодаримъ усердно почтеннаго ученаго, отыскавшаго историческое свидѣтельство, столь любопытное. М. П.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R L

предпочтительно. Книга, а пр. ...

2
ля, т. е. переходъ лунной тьмы
проведенная поперекъ полосы,
близки въ моментъ самого большого
шннн.

... ..

NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATION
K

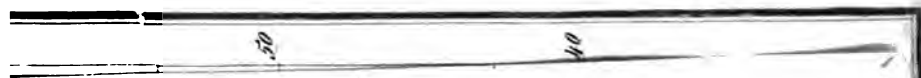
АСТРОНОМІЯ.

**КАРТА ПОЛНАГО СОЛНЕЧНАГО ЗАТМѢНІЯ, КОТОРАЯ
БУДЕТЬ ВЪ ЕВРОПѢ $\frac{16}{28}$ ІЮЛЯ 1851 ГОДА ПО**

На этой картѣ изображена часть сѣверной
земли, начерченного на произвольной полярной

* Статья эта получена мною при слѣдующемъ письмѣ
М. Г. М. П. Зная, что въ 1851 г. будетъ
затмѣніе во многихъ мѣстахъ земной поверхности
юго-восточныхъ частяхъ Россіи, но не имѣя
численіями, я просилъ о томъ извѣстнаго
ова. Онъ исполнилъ мою просьбу вполне
деній, онъ составилъ прекрасную карту
боарѣтъ весь ходъ затмѣнія. Препредложилъ
я къ ней объясненія, написанныя мною
не перемѣнилъ почти ни одного слова
бъясненія въ вашемъ «Москвитинѣ»
нашего журнала, астрономы и географы
нутъ на карту, прочитаютъ ее съ интересомъ
вѣкъ, почти безъ пособій. Я думаю, что
номъ одной изъ высочайшихъ наукъ
знаній для ея уразумѣнія. Эта карта
выходитъ въ первый разъ въ
календарѣ, каждыя три года въ
маломъ размѣрѣ. Я думаю, что
О. А. Семѣновъ, который составилъ
для наблюденій. Я думаю, что
отъ составителя. Я думаю, что
если и не будетъ, то по крайней
мѣрѣ
солнечнаго
дѣленія
астрономы
тѣхъ же цѣлей
быть произведе

ля, т. е. преломлённый лучи тьмы
проведенная поперёк полосы,
всплыви в моменте самого большого
шнур.

... ..

NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATION
K

АСТРОНОМІЯ.

КАРТА ПОЛНАГО СОЛНЕЧНАГО ЗАТМВЕНІЯ, КОТОРОЕ ВИДИМО БУДЕТЬ ВЪ ЕВРОПѢ $\frac{1}{2}$ ЮЛЯ 1851 ГОДА ПО ПОЛУДНИ.*

На этой картѣ изображена часть сѣвернаго полушарія земли, начерченнаго на произвольной полярной проекціи, по спо-

* Статья эта получена мною при слѣдующемъ письмѣ :

М. Г. М. П. Зная, что въ 1851 г. будетъ видимо полное солнечное затмѣніе во многихъ мѣстахъ земной поверхности, и особенно въ южныхъ и юго-восточныхъ частяхъ Россіи, но не имѣя досуга заняться подробными вычислениями, я просилъ о томъ извѣстнаго знатока астрономіи, Ф. А. Семенова. Онъ исполнилъ мою просьбу вполне удовлетворительно. Кромѣ вычисленій, онъ составилъ прекрасную карту, на которой однимъ взглядомъ можно обозрѣть весь ходъ затмѣнія. Препровождая къ вамъ эту карту и приложенныя къ ней объясненія, написанныя также Ф. А. Семеновымъ, и въ которыхъ я не переѣмилъ почти ни одного слова, прошу васъ помѣстить и карту и объясненія въ вашемъ «Москвитянинѣ.» Я совершенно увѣренъ, что читатели вашего журнала, астрономы и любители астрономіи, съ удовольствіемъ взглянуть на карту, прочитаютъ объясненія, и порадуются, что Русскій человекъ, почти безъ пособій и самоучкой, сдѣлался — такъ сказать — хозяйномъ одной изъ высшихъ наукъ, требующей не малыхъ предварительныхъ знаній для ея уразумѣнія. Сколько мнѣ извѣстно, такая прекрасная карта выходитъ въ первый разъ на Русскомъ языкѣ. Въ Англійскомъ Морскомъ календарѣ, каждый годъ помѣщаются подобныя карты, но чрезвычайно въ маломъ размѣрѣ, и потому остаются почти бесполезными; слѣдуя же картѣ Ф. А. Семенова, Русскіе астрономы могутъ заблаговременно принять мѣры для наблюденій весьма рѣдкаго явленія. Успѣхъ этихъ наблюденій зависитъ отъ состоянія атмосферы; поэтому надобно, чтобъ они были произведены или не во всѣхъ мѣстахъ, означенныхъ на картѣ и въ объясненіяхъ, то по крайней мѣрѣ по возможности въ наибольшемъ числѣ. Въ 1842 г., за недостаткомъ подробныхъ вычисленій и карты, наблюденія въ Россіи производились только въ пяти мѣстахъ и звездъ были неудачны, кромѣ Дипецца; а между тѣмъ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ также происходило полное затмѣніе, и гдѣ состояніе атмосферы было благоприятно, не случилось быть ни одному астроному. Въ 1842 г. иностранные астрономы были счастливѣе Русскихъ и вообще замѣчания о такихъ физическихъ явленіяхъ, которыя по своей необыкновенности требуютъ повѣрки. Наблюденія надъ полнымъ солнечнымъ затмѣніемъ въ астрономическомъ отношеніи полезны для опредѣленія географическихъ долготъ и для исправленія таблицъ; но какъ нынѣ астрономы владѣютъ другими благонадежными средствами для достиженія тѣхъ же цѣлей, то, кажется, наблюденія въ физическомъ отношеніи должны быть произведены предпочтительно. Вѣшь, и пр. *Д. Перевощиковъ.*

собу Арровшмидта; на ней съ геометрическою точностью представлено полное солнечное затмѣніе будущаго 1851 г., 16 Іюля. Хотя это затмѣніе будетъ видимо на всемъ представленномъ на картѣ пространствѣ и даже далѣе, но полное произойдетъ только на полосѣ земли, означенной темною краскою, на полосѣ, которая имѣетъ въ разныхъ мѣстахъ ширины отъ 210 до 250 верстъ, а длиною около 11,000 верстъ. Вся мѣста, означенныя на этой полосѣ, увидятъ разновременно полное затмѣніе солнца; чѣмъ мѣсто находится ближе къ срединѣ полосы, тѣмъ въ немъ болѣе времени продолжится полное затмѣніе; впрочемъ такое полное затмѣніе, при самыхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ, въ одномъ мѣстѣ не можетъ продолжаться болѣе 4-хъ минутъ.

На картѣ, въ полосѣ полнаго солнечнаго затмѣнія, означены только главные города Россійской Имперіи, Швеціи, Даніи и Пруссіи; другія же, менѣе значительныя мѣста, по причинѣ малаго масштаба карты, не могли быть на ней представлены, и потому внизу карты приложена таблица, показывающая подробнѣе тѣ мѣста, въ которыхъ произойдетъ полное солнечное затмѣніе. Да и въ этой таблицѣ показаны только тѣ мѣста, которыхъ географическое положеніе определено астрономическими наблюденіями; но есть весьма много и такихъ мѣстъ, которыхъ географическое положеніе не определено, а въ нихъ также будетъ видимо полное солнечное затмѣніе: для этихъ мѣстъ, соображаясь съ картою затмѣнія, можно вывести слѣдующее заключеніе.

Норвегія.

Полное солнечное затмѣніе будетъ видимо въ Бергенъ и во всѣхъ мѣстахъ, лежащихъ около него на сѣверѣ, сѣверо-востокъ востокъ и юго-востокъ до самаго моря и далѣе по морю.

Швеція.

Въ Готтенбургъ и около него по всѣмъ направленіямъ, въ разстояніи болѣе 100 верстъ; далѣе оно будетъ простирается на юго-востокъ до самаго моря и по морю.

Пруссія.

Въ Кенигсбергъ, Данцигъ и близъ лежащихъ отъ нихъ мѣстахъ.

Россія.

Въ губерніи Гродненской, во всѣхъ мѣстахъ, лежащихъ отъ главнаго города Гродно на западъ, юго-западъ, югъ и юго-востокъ.

Въ Вольнскойой, во всѣхъ мѣстахъ, лежащихъ отъ главнаго города Житомира на западъ, югъ и юго-востокъ.

Въ Кіевской, во всѣхъ мѣстахъ, лежащихъ отъ Кіева на западъ, юго-западъ и югъ.

Въ Екатеринославской, во всѣхъ мѣстахъ, лежащихъ отъ главнаго города Екатеринослава верстъ за 50 на западъ, юго-западъ, югъ, юго-востокъ, и по всему Днѣпру, ниже Екатеринослава, до самаго моря.

Въ Херсонской, въ мѣстахъ, лежащихъ отъ Херсона на сѣверо-западъ, сѣверъ, сѣверо-востокъ и востокъ.

Въ Таврической, въ мѣстахъ, лежащихъ отъ главнаго города Симферополя на сѣверъ и сѣверо-востокъ.

Въ Ставропольской, въ мѣстахъ, лежащихъ отъ Ставрополя на западъ, юго-западъ, югъ и юго-востокъ на пространствѣ 250 верстъ.

Въ Тифлисской, во всей окружности города Тифлиса, простирающейся во всѣ стороны болѣе нежели на 100 верстъ.

Мѣста, которыя означены на картѣ по правую сторону черты полнаго затмѣнія, какъ-то: Гродно, Минскъ, Кіевъ, Черниговъ, Екатеринославъ и Ставрополь, а по лѣвую Копенгагенъ, Берлинъ, Каменецъ-Подольскъ, Одесса, Симферополь и прочія, хотя и увидятъ очень большое затмѣніе солнца, но не полное; а потому во время затмѣнія дневный свѣтъ не можетъ у нихъ исчезнуть совершенно. Затмѣніе въ этихъ мѣстахъ будетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ мѣсто находится ближе къ границамъ полнаго затмѣнія, и о величинѣ такого затмѣнія можно судить по слѣдующимъ замѣчаніямъ: двѣ кривыя линіи, проведенныя на картѣ одна по правую, а другая по лѣвую сторону полосы полнаго затмѣнія, означаютъ, что въ тѣхъ точкахъ земли, чрезъ которыя проходятъ эти линіи, будетъ самое большое солнечное затмѣніе $\frac{9}{10}$ частей солнечнаго поперечника, т. е. останется непомраченнаго солнца только $\frac{1}{10}$ часть, слѣдовательно всѣ мѣста земли, лежа-

щія ближе этихъ линій къ полюсь полнаго затмѣнія, увидятъ затмѣніе болѣе $\frac{9}{10}$ частей солнечнаго поперечника, а мѣста болѣе отдаленныя, менѣе.

О времени, въ которое произойдетъ самое большое по-мраченіе солнца для всякаго мѣста на землѣ, будетъ ли оно полное или не полное, можно судить по слѣдующимъ обстоятельствамъ: смотря на полосу полнаго затмѣнія по направленію линій, показывающихъ часы и полчаса времени, можно заключить довольно приблизительно, между какими часами находится это мѣсто. Напримѣръ, въ Америкѣ, въ Ново-Архангельскѣ, самое большое затмѣніе произойдетъ около 4 часовъ 30 минутъ поутру; на островъ Исландіи въ 1 часъ 20 минутъ пополудни; въ Кенигсбергъ въ 4 часа 40 минутъ пополудни, въ Тифлисъ около 6 часовъ 35 минутъ пополудни, и такъ дагѣе.

Это явленіе вообще будетъ видимо, кромѣ полнаго, частнымъ затмѣніемъ во всей Сѣверной Америкѣ, Европѣ, сѣверной части Африки и въ восточной части Азіи; оно получитъ свое начало въ Сѣверной Америкѣ въ утреннихъ часахъ, въ полдень будетъ видимо въ Гренландіи и на океанѣ, омывающемъ западные берега Европы и Африки, далѣе пополудни пройдетъ по Европѣ, Африкѣ, Азіи и по морямъ Средиземному, Черному и Каспійскому.

Первое мѣсто, на которое упадетъ тѣнь луны, т. е. гдѣ начнется частное солнечное затмѣніе, лежитъ подъ сѣверною широтой $35^{\circ} 40' 31''$ и восточною долготой отъ Ферро, $271^{\circ} 20' 50''$ и находится въ Сѣверной Америкѣ, въ Мексикѣ, близъ рѣки Гранде-дель. Въ этотъ моментъ, въ этой точкѣ солнце только что взойдетъ, и средняго времени будетъ 3 ч. 8' 28'' по полуночи; въ Москвѣ же въ это время будетъ 2 ч. 43' 37'' по полудни.

Второе мѣсто, гдѣ сосредоточивается вся тѣнь луны, т. е. начинается, хотя и не центральное, но полное солнечное затмѣніе, имѣетъ сѣверную широту $52^{\circ} 47' 10''$ и восточную долготу $241^{\circ} 17' 11''$ и лежитъ близъ западнаго берега Сѣверной Америки на великомъ океанѣ, омывающемъ съ юго-западной оконечности Россійскія Американскія владѣнія; въ это время,

въ этой точкѣ солнце также только что взойдетъ и будетъ 4 ч. 17' 33'' утра, а въ Москвѣ 3 ч. 33' 33'' пополудни.

Третье мѣсто, гдѣ оканчивается полное солнечное затмѣніе, имѣетъ сѣверную широту $38^{\circ} 4' 40''$ и восточную долготу $69^{\circ} 32' 1''$ и находится на Каспійскомъ морѣ въ южной его оконечности близъ восточнаго берега. Въ это время, въ этой точкѣ солнце достигнетъ запада и будетъ 7 ч. 9' 1'', тогда какъ въ Москвѣ будетъ 6 ч. 11' 44'' пополудни.

Четвертое и послѣднее мѣсто, гдѣ лунная тѣнь оставляетъ землю и слѣдовательно затмѣніе совершенно окончится, имѣетъ сѣверную широту $20^{\circ} 17' 48''$ и восточную долготу $43^{\circ} 48' 38''$ и находится въ восточной Африкѣ, близъ юго-восточной оконечности степи Сахары. Въ это время для этой точки солнце также будетъ близъ запада, и часы покажутъ 6 ч. 35' 33'', а въ Москвѣ 7 ч. 21' 21'' пополудни.

Изъ этихъ четырехъ моментовъ видно, что солнечное затмѣніе 16 Іюля 1851 года продолжится на всей землѣ 4 ч. 37' 24'', а полное только 2 ч. 18' 9''.

При вычисленіи этого затмѣнія, элементы или данныя были взяты изъ солнечныхъ таблицъ Деламбра и лунныхъ Бурхарда, а при составленіи приложенной карты всѣ главныя точки были вычислены по тригометрическимъ формуламъ, географическія же положенія разныхъ мѣстъ взяты изъ *Coinaissance des Temps*, С.-Петербургскаго Мѣсяцеслова и Кавказскаго Календаря. Всѣ точки наносились на карту посредствомъ засѣчекъ хордъ географическихъ долготъ и полярныхъ разстояній. Берега морей, направленіе рѣкъ, и пр. сняты съ полярной карты, изданной Адольфомъ Стиллеромъ въ 1846 г.

Полное солнечное затмѣніе, въ определенномъ мѣстѣ земли, есть явленіе чрезвычайно рѣдкое, и историческія извѣстія свидѣтельствуютъ, что ученые древнихъ, среднихъ и новыхъ вѣковъ всегда внимательно его замѣчали. Всѣ они согласно повѣствуютъ, что во время полныхъ солнечныхъ затмѣній, случавшихся даже и въ самый полдень, дневный свѣтъ мгновенно потухалъ и наступала темная ночь; по ясному своду небесному загорались звѣзды; органическая при-

рода принимала оцѣпенный видъ, и люди въ смятеніи и страхѣ приходили въ ужасъ.

Послѣдняго полного солнечнаго затмѣнія, бывшаго въ 1842 году Іюня 26 дня поутру, мы сами были свидѣтелями, наблюдая его вмѣстѣ съ Профессоромъ Д. М. Перевощиковымъ въ Курскѣ. Къ сожалѣнію, въ этотъ день, съ ранняго утра, небо было покрыто, при совершенномъ безвѣтріи, густыми облаками, а потому и нельзя было падѣяться видѣть во всемъ величіи ожидаемое затмѣніе и сдѣлать надъ нимъ точныя астрономическія наблюденія; не смотря однакоже на эту неудачу, мы рѣшились дожидаться до самаго его конца. Въ 8 часовъ утра дневный свѣтъ началъ ослабѣвать, и казалось, что мы постепенно погружались въ какой-то особеннаго рода мракъ, или синеватый туманъ; наконецъ въ то мгновеніе, когда должно быть началу полнаго затмѣнія, т. е. въ 8 ч. 28' 12'', дневный свѣтъ изсякъ и сдѣлалось такъ темно, что мы подъ открытымъ небомъ не могли различать другъ друга въ лицо, и для замѣчанія времени на хронометръ зажгли свѣчу. Птицы въ садахъ замолкли. По улицамъ въ окнахъ многихъ домовъ заблестали огни. Въ этотъ день въ Курскѣ была престонародная ярмарка; почему и было довольно значительное стеченіе народа. Когда наступилъ неожиданный мракъ, то все пришло въ смятеніе и ужасъ; торговцы бросали свои лотки и лавочки, и забывъ товары, бѣжали, не зная сами куда и зачѣмъ. Простой народъ въ страхѣ и отчаяніи падалъ на колѣни, и со слезами исповѣдуя грѣхи свои, просилъ Бога о милосердіи. Совершенная темнота продолжалась только 1 $\frac{1}{2}$ минуты, по прошествіи которыхъ на юго-западной сторонѣ небснаго свода, въ тучахъ, мгновенно блеснулъ слабый золотистый свѣтъ, который разливался постепенно по мрачному небосклону, и не болѣе какъ въ 3 секунды уже сдѣлалось довольно свѣтло.

Такъ всегда были дивны и поразительны для людей полныя солнечныя затмѣнія, когорыхъ, въ прошлыя времена, страшились даже образованные люди. Но нынѣ, благодаря просвѣщеннымъ Европейскимъ правительствамъ и ученымъ обществамъ, Астрономія, доведенная до высокой степени ея

развитія, показала намъ истинныя причины многихъ небесныхъ явленій, и мы поняли всю нелѣпость и ложность ихъ предзнаменованій, выдуманыхъ суевѣріемъ. Не приходя въ ужасъ и отчаяніе, но спокойно наблюдая небесныя явленія и созерцая ихъ, стараемся изслѣдовать законы, вѣчно дѣйствующіе въ мірозданіи.

Слѣдующее расписаніе показываетъ, въ нѣкоторыхъ городахъ Россіи, въ среднемъ времени пополудни, моменты начала затмѣній, самаго большаго помраченія въ дюймахъ, которыхъ двѣнадцать считается въ поперечникъ солнца.

Въ Царствѣ Польскомъ, въ Варшавѣ, это затмѣніе будетъ полное и имѣетъ сопровождаться слѣдующими явленіями:

Начало затмѣнія вообще послѣдуетъ въ	3 ч. 45' 30'' 8.
Начало полнаго.....	4 ч. 45' 21'' 3.
Средина полнаго.....	4 ч. 46' 0'' 7.
Конецъ полнаго.....	4 ч. 46' 40'' 1.
Конецъ всего затмѣнія вообще.....	5 ч. 45' 38'' 1.
Затмѣніе продолжится все вообще.....	2 ч. 0' 21'' 6.
Но одно полное.....	1' 18'' 8.

Въ Закавказскомъ краѣ въ Тифлисѣ, надъ домомъ Намѣстника, затмѣніе произойдетъ полное и сопровождаться будетъ слѣдующими явленіями:

Начало затмѣнія вообще послѣдуетъ въ	6 ч. 44' 18'' 3.
Начало полнаго.....	6 ч. 37' 08'' 0.
Средина полнаго.....	6 ч. 38' 14'' 0.
Конецъ полнаго.....	6 ч. 39' 21'' 7.
Конецъ всего затмѣнія вообще.....	7 ч. 28' 43'' 2.
Затмѣніе продолжится все вообще.....	1 ч. 44' 27'' 9.
Но одно полное.....	2' 18'' 7.

Въ Курскѣ затмѣніе это будетъ въ самомъ большемъ своемъ помраченіи 11,3 дюйма, т. е. останется непомраченнаго солнца съ сѣверной стороны только $\frac{6}{100}$ частей видимаго поперечника солнца; и явленіе затмѣнія будетъ сопровождаться слѣдующими моментами:

Начало затмѣнія.....	4 ч. 53' 24" 7.
Самое большое помраченіе.....	8 ч. 51' 34" 0.
Конецъ затмѣнія.....	6 ч. 44' 27" 2.
Продолженіе всего затмѣнія.....	1 ч. 51' 02" 5.

НАЗВАНІЕ ГОРОДОВЪ.	Время начала затмѣн.	Время самаго бол. пом.	Время окончан. затмѣн.	Величина самаго большаго помраченія.
Брестъ-Литовскій	3 ч. 55'	4 ч. 57'	5 ч. 55'	Полное.
Дерптъ	3 ч. 59'	5 ч. 0'	5 ч. 57'	11,0 дюймовъ.
Житомиръ	4 ч. 22'	5 ч. 22'	6 ч. 16'	Полное.
Казань	5 ч. 41'	5 ч. 35'	7 ч. 25'	9,6 дюйма.
Кіевъ	4 ч. 30'	5 ч. 29'	6 ч. 23'	11,94 дюйма.
Москва	4 ч. 51'	5 ч. 49'	6 ч. 42'	10,6 дюйма.
Одесса	4 ч. 37'	5 ч. 56'	6 ч. 31'	11,8 дюйма.
С.-Петербургъ	4 ч. 12'	5 ч. 12'	6 ч. 07'	10,4 дюйма.
Харьковъ	4 ч. 55'	5 ч. 53'	6 ч. 47'	11,5 дюйма.

Въ заключеніе описанія карты полнаго солнечнаго затмѣнія, я за нужное нахожу присовокупить слѣдующее: въ 1846 году, помѣщено было во многихъ періодическихъ изданіяхъ, въ томъ числѣ и въ Сѣверной Пчелѣ въ 18 N, что будто знаменитый Французскій астрономъ Араго, въ засѣданіи Парижской Академіи Наукъ, объявилъ, что полное затмѣніе солнца въ 1842 году было послѣднимъ въ Европѣ въ теченіе этого столѣтія, и чтобъ видѣть полныя затмѣнія, надобно будетъ въ 1851 году ѣхать въ Сѣверную Америку или въ Сибирь, въ 1861 году въ Сахару и въ 70 году въ Алжирь. Находя такое удостовѣреніе совершенно противнымъ вычисленіямъ, я въ томъ же году помѣстилъ мои возраженія въ Сѣверной Пчелѣ въ N 104 и въ Journal de S. Pétersbourg.

Федоръ Семеновъ,

1850 года,
Курскъ.

Я знаю лично этого замѣчательнаго Русскаго человѣка. Въ 1829 году я былъ у него на чердакъ-обсерваторіи, въ Курскѣ, упросилъ написать записки объ его жизни, напечаталъ его біографію въ журналѣ того времени, кажется въ Телескопѣ. О Семеновѣ поговорили, Семенова похвалили, — а жить онъ остался все-таки на своемъ чердакѣ, — впрочемъ и съ чердака онъ разсматриваетъ небо, кажется, порядочно. М. П.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ.

АРАБЫ И ИХЪ ФИЛОСОФІЯ.

Если гдѣ особенно ощутительна бываетъ неполнота и отрывочность нашихъ историческихъ познаній, такъ это въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится выступать за черту Европейскихъ обществъ. Вышній, общій ходъ исторіи восточныхъ народовъ конечно болѣе или менѣе извѣстенъ: но что касается до ихъ внутренней жизни, до религіи и нравовъ, наукъ и искусствъ, — о всемъ этомъ мы имѣемъ весьма неполныя свѣдѣнія. Въ этомъ отношеніи едва ли не менѣе всѣхъ другихъ разработана исторія Арабовъ, и преимущественно исторія ихъ науки. — Люди, хорошо знакомые съ Арабскимъ и другими восточными языками, чистосердечно сознаются, что въ произведеніяхъ Арабскихъ ученыхъ, кромѣ общей трудности — войти въ образъ мыслей, совершенно оригинальный, несходный съ настоящимъ, особенную трудность представляетъ самый языкъ ихъ, искусственный, далеко отступающій отъ общаго словоупотребленія; а переводы, въ которыхъ болѣею частію дошли до насъ сіи произведенія, какъ извѣстно, не отличаются ни точностію, ни легкостію. а) Между

а) Изъ собственныхъ историческихъ сочиненій Арабовъ, служащихъ источниками свѣдѣній о ихъ философіи, особенно извѣстны слѣдующія: Ioh. Leonis de viris quibusdam illustribus inter Arabes, въ Латин. переводъ Готтвингера. «Abulfaraei historia Arabum in dynastia, divisa digestaque» Эдуардомъ Пококкомъ, Охон. 1663, 4, и имъ же изд. «Specimen historiae Arabum, sive Gr. Abulfaraei, Malatensis, de origine et moribus Arabum succincta narratio,» — книга весьма рѣдкая и богатая свѣдѣніями о сектахъ, догматахъ, нравахъ и вообще объ учености Арабовъ. Eimacini historia saracenica, перев. Эрпеніемъ, изд. Голиемъ. Lugd. Bat. 1625, fol. Евтихія Патріарха Александрійскаго «Annales,» перев. и изд. Эдуардомъ Пококкомъ, Охон. 1658. 4. — Труды и изслѣдованія Европейскихъ ученыхъ, относящіеся сюда: Генр. Геттингера «Historia orientalis et bibliotheca orientalis;» Герм. Конрингія «Antiquitates academicae;» Христоф. Волѣя «Bibliotheca hebraea;» Густ. Перингера «Historia linguae et eruditionis arabicae;»

твѣ и сама по себѣ философія Арабовъ представляетъ явленіе замѣчательное, достойное изученія, и вліяніе ея на Европейскую средневѣковую философію слишкомъ обширно и глубоко, для того, чтобы безъ вниманія обходить этотъ, досель темный, отдѣлъ исторіи науки.

Наука появилась въ Аравіи довольно поздно. Начало ея совпадаетъ съ началомъ общественнаго устройства этой страны. Долгое время жили тамъ отдѣльные полудикія племена, чуждыя образованія и связей общественныхъ, защищаемыя отъ чужеземнаго владычества самымъ положеніемъ страны и дикой любовью къ свободѣ. Магометъ собралъ ихъ подъ знамя своего ученія, и образовалъ изъ нихъ крѣпкій религиозно-гражданскій союзъ; вслѣдъ за тѣмъ владычество Арабовъ быстро разлилось по Азіи до предѣловъ Индіи, и по берегамъ Средиземнаго моря. По значенію, которое имѣлъ переворотъ на Востокъ, его можно сравнить съ народопереселеніемъ въ западной Европѣ: но между тѣмъ и другимъ движеніемъ есть значительная разность. Двумя столѣтіями позже, нежели Европейскіе народы, Арабы начали свои завоеванія: но въ гражданскомъ устройствѣ они опередили первыхъ. Быстрота движенія — ихъ отличительная, народная черта. Къ этому присоединилось другое весьма важное обстоятельство: тогда какъ Германскія племена производили набѣги врозь, — отдѣльными толпами, а потому и въ завоеваніяхъ своихъ не только не соединялись, но еще дробились болѣе и болѣе, — Арабы выступаютъ на поприще завоеваній уже какъ одинъ цѣльный народъ, нашедшій для себя точку опоры и соединенія. То была главнымъ образомъ ихъ вѣра. Известно, что вѣра въ Магомета не ограничивалась предѣлами религіи, — это была вмѣстѣ вѣра въ его гражданскія учрежденія и цѣли. Магометанство не различаетъ духовныхъ и мірскихъ интересовъ, духовнаго и земнаго владычества; по самому

Готѣр. Лакемахера «de fatis studiorum apud Arabes;» Евр. Гякельмана «praefatio ad Alcoranum;» — позднѣйшіе: Wüstenfeld «Geschichte d. Arabischen Aerzte;» Schmolders «essai sur les écoles philosophiques chez les Arabes;» его же «documenta philosophiae Arabum;» и друг.

существо своему, оно не иначе могло быть распространяемо, как огнемъ и мечемъ; обращать невѣрныхъ для послѣдователей Магомета значило покорять ихъ. Если присовокупить къ сему, что вѣру свою Арабы не заимствовали у народовъ покоренныхъ, но выносили съ собою изъ нѣдръ отечества, то само собою понятно, что эта вѣра должна была оставаться крѣпкимъ узломъ ихъ любви къ отечеству и народности, когда, разсѣявшись по чуждымъ странамъ, они во многомъ должны были отступить отъ своихъ древнихъ правовъ и обычаевъ, много заимствовать у покоренныхъ народовъ по части гражданственности, наукъ, искусствъ, образа жизни и т. п. Въ этомъ случаѣ ихъ ждала судьба одинаковая съ Европейскими завоевателями: подобно имъ, они естественно старались усвоить себѣ все, что представляла въ себѣ Греко-Римская образованность; но при семъ не могли такъ много забыть свое прошлое, отечественное, какъ это случалось съ Германскими переселенцами. Послѣдніе, покидая своей неустроенный бытъ, свою дикую страну, которая справедливо называлась въ то время варварскою, оставляли тамъ мало такого, воспоминаніе чего было бы слишкомъ дорого для нихъ, ознакомившихся съ удобствами лучшей жизни, — образованной. Не такъ было съ Арабами; выходя изъ отечества, они несли уже съ собою существенныя принадлежности народа, — религію, законы и поэзію. Аравія всегда оставалась для нихъ не просто отечественной землей, но страной любимой и священной; тамъ жилъ ихъ обожаемый пророкъ и законодатель; туда каждый правовѣрный хоть разъ въ жизни долженъ совершить путешествіе; ихъ законы и генеалогія привязывали ихъ къ родинѣ и напоминали о ней; языкъ ихъ былъ уже такъ обработанъ, что въкъ Магомета считается золотымъ въкомъ ихъ поэзіи, и поэтическія произведенія этого времени до конца существованія сего народа не могли быть заглушены въ его памяти. Посему занятое имъ на чужбинѣ не могло такъ глубоко измѣнить его первоначальный характеръ, какъ это случилось съ Германскими племенами: за неизбежными переменами въ образъ жизни и нравахъ, религія и законы гражданскіе въ ихъ существѣ остались не-

прикосновенными; даже языкъ не потерпѣлъ измѣненія: долго считалось рѣдкостью, если кто изъ Арабовъ зналъ Греческій языкъ. При сихъ готовыхъ основаніяхъ общественность у Арабовъ сложилась гораздо скорѣе, нежели у народовъ Европейскихъ; но за то и не такъ прочно, какъ у послѣднихъ: земное начало магометанской религіи особенно ясно обнаружилось въ судьбѣ сего народа быстрымъ возвышеніемъ его могущества и благосостоянія, и увѣ! столь же быстрымъ паденіемъ его....

Съ началомъ общественности у Арабовъ, заметили мы, соединяется и происхождение науки. Все время до Магомета сами они называютъ временемъ невѣжества б); невѣжество это простиралось до того, что даже письмо стало извѣстно Арабамъ не задолго до Магомета, такъ что при выходѣ Корана, въ цѣлой области не нашлось ни одного умѣющаго читать и писать по-Арабски в). Самъ Магометъ былъ безграмотный г). Если и были въ то время въ Аравіи грамотные люди, то только изъ Іудеевъ и христіанъ, жившихъ болѣею частію въ Мединѣ д). Все образованіе Арабовъ первоначально ограничивалось народной поэзіей, т. е. умѣемъ слагать пѣсни и рѣчи, отчасти звездочетствомъ. Поэзія особенно пользовалась уваженіемъ: краснорѣчивѣйшіе изъ племени силою слова управляли умами прочихъ и назывались *shateb* (ораторъ, поэтъ); поэтъ былъ славою и украшеніемъ всего племени; въ честь его устраивались пиры и торжественныя процессіи, слагались пѣсни, въ которыхъ выражалась радость, что есть человекъ, который можетъ предать памяти

б) *Abulfar. Dyn. p. 101. Quod ad Arabes, qui supersunt, duplex eis convenit status, — ignorantiae, alter islamismi.*

в) *Росск. Specim. p. 153.*

г) *Nasiyan Onomian* — «propheta illiteratus,» какъ называютъ его сами Арабы. Эльмадинъ поименно пересчитываетъ писцевъ, пособіемъ которыхъ онъ пользовался. *Historia Sarac. L. 1. c. 1 p. 156.*

д) Отсюда и раздѣленіе между народомъ книжнымъ «*populus libri*» и необразованными людьми «*idiotae.*» *Росск. Specim. p. 156.*

дѣянiя соплеменниковъ; бывали даже ежегодныя собранiя, на которыхъ, въ продолженiе мѣсяца, ораторы состязались въ своемъ искусствѣ. Но это первобытное краснорѣчiе Арабовъ, для котораго они были надѣлены отъ природы пламенной фантазiей и живымъ чувствомъ, не говоритъ еще въ пользу ихъ образованности: оно вовсе не было знакомо съ правилами искусства; ихъ рѣчи и пѣсни были дѣломъ вдохновенiя или навыка, — чистой импровизацiей; красота и круглота фразы, остроумiе загадки — вотъ тайна ихъ дѣйствiя на душу. е) Подобно сему, астрономическiя и метеорологическiя свѣдѣнiя, какiя имѣли Арабы, напр. о восхожденiи и захожденiи неподвижныхъ звѣздъ, о связи ихъ появленiя съ дождями, о различiи странъ свѣта ж) и т. п., были не дѣломъ науки, а плодомъ долгаго опыта, — плодомъ кочевой жизни среди безграничныхъ пустынь, гдѣ однѣ звѣзды могли ихъ путеводствовать. з) И такъ до Магомета между Арабами не было просвѣщенiя. Распространенiе его не входило и въ число плановъ самого Магомета: самъ чуждый всякаго образованiя, лжепророкъ пользуется своимъ невѣжествомъ, чтобы доказать имъ высшее, божественное происхожденiе даннаго имъ закона, и опасаясь, чтобы обманъ не былъ изобличенъ наукою, запрещаетъ своимъ послѣдователямъ ученiя занятiя, подѣ страхомъ лишенiя райа. и) Арабы вѣрили, что все, что знать нужно и спасительно для чело-

е) Тамъ же р. 156.

ж) Abulph. hist. Dyn. р. 101.

з) Нѣкоторыя философическiя и религiозныя идеи, которыя Арабы соединяли съ понятiемъ о звѣздахъ, — каковы главнымъ образомъ — о духахъ, одушевляющихъ планетныя тѣла, о посредничествѣ ихъ между Божествомъ и людьми, и влiянiе на судьбу послѣднихъ и т. п. — были частною принадлежностью одной секты Савеевъ, вѣрованiя которой представляютъ собою преданiя древне-Египетской, Пнеагорейской и Гностической философи.

и) Conving. antiqu. acad. diss. 1. р. 31. Pococ. Specim. р. 165. Lascamach. hist. sarac. L. 1. с. 1. р. 10.

вѣка, заключается въ Алкоранѣ, и — «что все это открылъ Богъ человеку простому, ничему не учившемуся, не раскрывавшему ни одной книги, не предпринимавшему никакихъ путешествій для пріобрѣтенія познаній, всегда бывшему въ числѣ невѣждъ» і) Примѣръ былъ обязательнъ, особенно подкрѣпляемый формальнымъ запрещеніемъ. Такими средствами при общемъ невѣжествѣ народа, можно было достигнуть того, что Коранъ признанъ чудомъ ума и краснорѣчія, превышающимъ всякое подражаніе. к)

Но, вопреки симъ насильственнымъ мѣрамъ, наука наша себя проходъ въ томъ самомъ, чѣмъ хотѣли заглушить и подавить ее. Что прежде всего пробудило дремлющую мысль въ Арабахъ, это былъ ихъ священный Коранъ: текстъ его былъ первымъ предметомъ ученыхъ изслѣдованій; и уже въ половинѣ перваго вѣка гиджры Арабы имѣли своихъ грамматиковъ л); а во второмъ вѣкѣ у нихъ процвѣтали цѣлыя грамматическія школы, соперничавшія другъ съ другомъ. Сюда присоединились богословскія изслѣдованія и споры, возникшіе вскорѣ по смерти лжепророка. м) Мы знаемъ о существованіи древняго *Келама*, т. е. древнѣйшей догматики Арабской, которая, не касаясь еще ни Греческой философіи, ни физики, ни математики, направлена исключительно противъ религіозныхъ сектъ исламизма. н) Въ самомъ дѣлѣ,

і) Слова Ар. ученаго Эль-Газали. Росоок. Specim. p. 121.

к) Тотъ же Эль-Газали рассказываетъ, что Магометъ, собравъ краснорѣчивѣйшихъ «ораторовъ» своего времени, напрасно вызывалъ изъ среды ихъ, кто усомнился бы въ божественномъ происхожденіи Корана, — составить хотя десять или даже одну главу подобную содержащимся въ немъ. «И сказалъ Богъ — прибавляетъ Арабскій ученый, — если собрать людей и демоновъ, чтобы они составили что-либо подобное Корану, то даже общими силами они не въ состояніи будутъ сего сдѣлать»

л) Wüstenfeld d. Akademien d. Arabers. 4.

м) Росоок. specim. p. 190 213 sqq. 370.

н) Delitzsch. Anekdoten sur Gesch. d. mittellalt. Scholastik unter Juden und Moslemern, s. 234.

электическій характеръ исламизма много способствовали образованію различныхъ мнѣній и толковъ въ его нѣдрахъ; самый образъ распространенія его, быстрый и насильственный, имѣлъ то неизбежное слѣдствіе, что народы разныхъ странъ и вѣрованій, принимая новый законъ, долго еще удерживали при немъ свои старыя понятія и убѣжденія. Все это возбуждало и поддерживало богословскіе споры, и въ сихъ спорахъ зарождались начатки науки, философіи. Другой предметъ, также рано обратившій на себя ученія изслѣдованія, было правовѣдѣніе, — по тѣсной связи гражданского законодательства у Арабовъ съ религіею; время основанія четырехъ главныхъ юридическихъ сектъ простирается отъ начала втораго и до третьаго вѣка гиджры. о)

Въ третьемъ вѣкѣ къ сей отечественной самородной наукѣ Арабовъ присоединилась Греческая философія. Замѣчательно, что это случилось уже послѣ раздѣленія Аравійскаго государства: за разрывомъ гражданскимъ послѣдовало теперь ученое раздѣленіе. Послѣ того какъ Омміяды были лишены власти и почти истреблены Абассидами, и въ образѣ мыслей Арабовъ произошелъ существенный переворотъ, подъ вліяніемъ пришедшей къ нимъ Греческой философіи: хотя понятія послѣдней были преобразованы сообразно началамъ правовѣрія, но въ нихъ всегда оставалось многое чуждое послѣднему, хотя сама догматика Арабская пользовалась Аристотелевыми понятіями, для своей ученой разработки, но между строгими послѣдователями сей догматики и собственно философиами Арабскими навсегда сохранилось рѣшительное раздѣленіе. Первоначальнымъ побужденіемъ, которое заставило Арабовъ обратиться къ Греческой наукѣ, была потребность въ медицинѣ. Весьма рано при Дворѣ Арабскихъ Калифовъ мы видимъ Сирійскихъ, Іудейскихъ и Греческихъ врачей въ большой чести. п) Сверхъ врачебнаго искусства они занима-

о) Росск. specim. p. 288 sqq.

п) Эль-Макаръ второй Калифъ изъ рода Абассидовъ имѣлъ при себѣ двоихъ врачей изъ христіанъ. Elmac. Histor. Sarac. L. II.

лись переводами медицинских и философских сочинений Греков: чрезъ это философія стала въ такую тѣсную связь съ медициной, что трудно указать какого-нибудь изъ Арабскихъ врачей, который бы не занимался философіей, и кого-нибудь изъ философовъ, который не былъ бы и врачомъ. Если присоединить сюда склонность Арабскихъ ученыхъ къ астрономіи и астрологіи, удовлетворенія которой они также искали въ Греческой литературѣ р); то само собою откроется, что Арабская философія выросла въ тѣсной связи съ естествознаніемъ, и потому постоянно сохраняла практическое направленіе, — черта, рѣзко отличающая ее отъ схоластики, которой она не мало помогла выдти изъ области бесплодныхъ умозрѣній. Медико-философскіе переводы появились между Арабами весьма рано: самыя вѣрныя извѣстія о нихъ восходятъ до времени Калифа Эль-Мамуна, сына Эль-Рашидова, 813—831 г. по Р. Х. Этотъ Калифъ извѣстенъ какъ ревностнѣйшій покровитель просвѣщенія; онъ отсюда призывалъ ученыхъ къ своему Двору, собиралъ книги и составилъ, подъ предсѣдательствомъ знаменитаго медика Іоанна Месуэ, с) ученое общество. Въ это время переведены нѣкоторыя сочиненія Аристотеля. т)

р. 102. При Эль-Рашидѣ, пятомъ Калифѣ изъ сего рода, по случаю излеченія любимой имъ невольницы, Eutich. Alexandr. Annal. Т. II. р. 407, и также по случаю излеченія самого Калифа христіанскими медиками, послѣдніе пользовались особеннымъ уваженіемъ. Elmas. Hist. sagac. L. II, с. 6. р. 122.

р) При Дворѣ Эль-Мансура кромѣ двоихъ врачей былъ еще астрологъ. Elmas. L. cit. Самый Эль-Мансуръ кромѣ законовѣднія занимался астрономіей. Abulph. hist. Dynast. IX. р. 160 246.

с) Онъ былъ родомъ изъ Дамаска, сынъ также извѣстнаго между Сиріянами и Арабами врача Гавріила. Abulph. loc. cit. р. 156. Замѣчательнъ отвѣтъ, который далъ Эль-Мамунъ придворнымъ, выразившимъ свое неудовольствіе на то, что главою просвѣщенія онъ сдѣлалъ христіанина: «если я доверяю ему, отвѣчалъ Калифъ, свое тѣло, въ которомъ обитаетъ духъ и душа: то отъ чего не повѣрять ему переводъ словъ, не имѣющихъ отношенія ни къ нашей, ни къ его вѣрѣ.»

т) Leo Afric. de viris illustribus inter Arabes. с. 1. рассказываетъ по случаю сихъ переводовъ, будто Эль-Мамунъ однажды уви-

Изъ числа ученыхъ переводчиковъ, принадлежащихъ къ сему времени, особенно извѣстенъ Сиріецъ Гонаинъ у); какъ и вообще переводами занимались тогда преимущественно Сирійскіе ученые; ф) впрочемъ и Арабы принимали въ нихъ дѣятельное участіе; изъ послѣднихъ особенною славою пользуется Эль-Кинди. х) Самъ Эль-Мамунъ отличается знаніемъ астрономіи, географіи, математики; войца съ имперіей подала новый ему случай пріобрѣсти творенія Греческихъ и Латин-

---

дѣль во снѣ старца, который называлъ себя Аристотелемъ, и, когда проснувшись, онъ узналъ отъ приближенныхъ, кто таковъ былъ Аристотель, то тотчасъ же позвалъ Гонаина, которому поручилъ перевести творенія сего философа, опредѣлявъ ему за каждый переводный томъ столько золота, сколько каждый будетъ вѣсить. Horn. hist. philos. L. V. c. 9. Freynd. hist. medic. P. 11. p. 10. Эта басня, принадлежащая или самому Эль-Мамуну или другимъ ученымъ сего времени, служитъ между прочимъ свидѣтельствомъ, что они принимались за иноземную философію съ крайней осторожностью, такъ что въ оправданіе свое предъ общимъ мнѣніемъ, большею частію враждебнымъ ей, принуждены были прибѣгать къ подобнымъ выдумкамъ, имѣвшимъ дѣйствіе на суевѣріе народа.

- у) Онъ переводилъ Евклида, Птоломея, Иппократа, Галена и др.
- ф) Такъ какъ и самые переводы производились въ Багдадѣ — резиденціи Калифовъ, гдѣ былъ въ употребленіи Сирійскій языкъ. Изъ всѣхъ школъ, процвѣтавшихъ при Эль-Мамунѣ въ Басрѣ, Куфѣ и Багдадѣ, особенно знаменита послѣдняя: изъ нея вышла большая часть извѣстныхъ ученыхъ Арабскихъ, каковы: Эль-Фараби, Эль-Радзи и др. Въ началѣ 12 вѣка она обращена въ Академію, пользовавшуюся огромными привилегіями и доходами, и имѣвшую до 6000 учениковъ.
- х) Эль-Кинди родился въ Басрѣ въ нач. 9 вѣка, по Р. Х. Объ учености его Арабскіе писатели выражаются такъ: «Іаковъ, отецъ Іосифа Кинди, по знанію всѣхъ древнихъ наукъ корень своего вѣка, феникезъ своего времени, философъ Арабскій.» Онъ оставилъ сочиненія по разнымъ наукамъ, по логикѣ, философіи, геометріи, ариметикѣ, астрономіи и др. Hotting. Bibl. orient. c. 2, p. 283. Извѣстны его комментаріи на Аристотелевы книги. de categoriis, de interpraetatione, analytica priora et posteriora, de

скихъ писателей, за которыя платилъ онъ щедро. ц) При пріемникахъ его Эль-Мотазимъ и Эль-Мотавакемъ переводы умножились. — Чтобы приблизить къ смыслу соотечественниковъ ученіе, совершенно чуждое ихъ понятіямъ, — какова была для нихъ физика и метафизика Греческая, — переводчики должны были быть вмѣстѣ и толковниками. Прилежаніе ихъ было неутомимо: во все время владычества Арабовъ, или по крайней мѣрѣ до конца XII вѣка, ученые ихъ не переставали обращаться къ источникамъ Греческой мудрости. Такое прилежаніе не могло остаться безъ плода для науки; оно ознакомило Арабовъ съ произведеніями, принадлежащими къ лучшему времени Греческой философіи: кромѣ медицинскихъ, астрономическихъ и математическихъ сочиненій, имъ извѣстны были въ переводахъ творенія Пифагора, Эмпедокла, Демокрита, Плутарха, Аполлонія Тианскаго, особенно же Платона и Аристотеля, такъ же какъ и ихъ Александрійскихъ толковниковъ — Фемистія, Порфирія, Ямвлиха, Прокла. Аристотель, какъ болѣе удовлетворительный по части естествознанія, пользовался у нихъ особеннымъ уваженіемъ, и былъ переведенъ на Арабскій языкъ сполна. Но судя строго, Арабскіе переводы и толкованія были далеко не такъ совершенны, чтобы чрезъ нихъ можно было глубоко войти въ смыслъ Греческой философіи; прежде всего, Греческій языкъ, знаніе котораго въ это время упало въ самой Византіи, былъ малоизвѣстенъ Арабскимъ ученымъ, и ихъ переводы дѣлались болѣею частию не прямо съ Греческаго, но уже съ Сирскаго или Еврейскаго: при этомъ, очевидно, неизбежны были далекія отступленія отъ подлинника. Кромѣ знанія языка, имъ не доставило еще знанія нравовъ, общественности, вообще исторіи Грековъ: такъ какъ Арабы, хотя и болѣе, сравнительно съ другими восточными народами, но все же

---

praedicamentis, de sophistica; также нѣкоторыя оригинальныя философич. и медиц. сочиненія; см. Notting loc. cit. Fabric. bibl. Graec. Vol. XIII p. 48, 54.

ц) *Abulph, histor. Dyp. IX. p. 160*

недостаточно склонны были къ точнымъ историческимъ ни слѣдованіямъ; а безъ сихъ вспомогательныхъ свѣдѣній можно ли было прямо обратиться къ умозрѣнію, тѣсно съ ними связанному, прямо стать на высоту идей древняго міра? Послѣ того не удивительно, если многое въ Греческой философіи осталось для нихъ темнымъ и загадочнымъ, на что приходилось дѣлать свои, большею частію произвольныя и фантастическія объясненія. Неоплатоническіе толковники, къ которымъ они постоянно обращались за подобными объясненіями, еще болѣе запутывали дѣло, внося въ свѣтлую философію Платона и Аристотеля свои мечтательныя понятія, ошибочныя взгляды. Вслѣдствіе всего этого переводы и толкованія древнихъ философскихъ произведеній, оставленные Арабами, при всемъ вліяніи ихъ на образованіе послѣднихъ, не отличаются ни точностію, ни ясностію. ч)

Говоря о пособіяхъ и средствахъ, содѣйствовавшихъ развитію науки между Арабами, нельзя умолчать о знакомствѣ ихъ съ философіей Индо-Персидской. Когда Персія и часть Индіи подпала ихъ владычеству, большая часть туземцевъ приняла магометанство: это общественно-религіозное сближеніе съ Востокомъ не могло остаться безъ вліянія на научное образованіе завоевателей. За всеми спорами о степени сего вліянія, безспорнымъ остается то, что Арабамъ были извѣстны не только система Индійскаго счисленія, но и многія философскія ученія древней Индіи, слѣды которыхъ очевидны въ произведеніяхъ Арабскихъ ученыхъ. ш)

При обзорѣнн главныхъ отраслей Арабской философіи, особенно затрудняетъ историка множество религіозныхъ ученыхъ сектъ: всѣхъ ихъ насчитываютъ до 73. Первоначаль-

---

ч) Гузцій обвиняетъ ихъ въ растянutosи, неточности, излишнихъ украшеніяхъ. *De clar. intergr.* L. II. p. 198. Тоже см. и у *Renandot. Epist. ad Dacier. Fabric. bibl. Graec. Vol. I p. 112.*

ш) Особенно близко къ Индійской философіи ученіе секты *Dahavije*; см. *Delitsch. Anekdot. XLI 307. Schmold, eas. p. 39.*

ная причина такого разноречія и разномыслія заключается, какъ замѣчено выше, въ характеръ магометанской религіи, — религіи сборной, составленной изъ языческихъ, Иудейскихъ и наконецъ христіанскихъ догматовъ, и потому въ быстромъ и пасильственномъ распространеніи ея; когда Аравійское государство распалось на множество отдѣльныхъ владѣній, секты и расколы естественно умножились, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ религіозныя и ученія идеи въ разныхъ странахъ подверглись различнымъ видоизмѣненіямъ. Изъ всего множества Арабскихъ сектъ выступаютъ, какъ главныя и болѣе замѣчательныя, слѣдующія четыре: *Суфи*, *Мотакаллимъ*, *Муатациль* и собственно *философская секта*. Впрочемъ, что касается до *Суфіевъ*, они не составляли отдѣльной ученой секты: это былъ классъ людей, проводившихъ усиденную, пустынную жизнь; сохраняя одинакій уставъ въ образѣ жизни, они въ ученomъ отношеніи могли имѣть различныя убѣжденія и принадлежали къ разнымъ ученымъ партіямъ. Слѣдующія двѣ секты были собственно богословскія: хотя послѣдователи ихъ принимали участіе и въ философіи; но главнымъ предметомъ ихъ постоянно были догматы вѣры, потому мы и будемъ называть ихъ *догматиками*. *Философами* Арабы называли собственно тѣхъ ученыхъ, которые занимались Греческою и преимущественно Аристотелевою философіей; имъ можно дать названіе *аристотеликовъ*: *аристотелики* были въ постоянной враждѣ съ *догматиками*.

Между Арабскими учеными Эль-Кинди первый извѣстенъ, какъ переводчикъ и толкователь Аристотеля. Въ собственномъ его ученіи нѣтъ оригинальныхъ идей; онъ былъ, кажется, болѣе математикъ, нежели философъ. Спустя цѣлый вѣкъ послѣ него является Эль-Фараби, съ котораго собственно и начинается Аристотеле-Арабская философія и который оставался образцомъ даже для позднѣйшихъ аристотеликовъ. Далѣе слѣдуютъ одинъ за другимъ Ибн-Сина (Avicenna) и Эль-Газали (Algazel). Первый не во многомъ разнится отъ Эль-Фараби, точно также и Эль-Газали въ началѣ своей уче-

ной дѣятельности сходится съ Авиценной, но подъ конецъ жизни вовсе отделился отъ него, и тогда на мѣсто Аристотелевыхъ началъ вступаютъ въ Арабской философіи скептицизмъ и мистика. Періодъ времени, обнимаемый семи учеными, простирается слишкомъ на три вѣка; всѣ они родомъ изъ восточныхъ и южныхъ областей, — изъ Туркестана, Бухаріи, Хивы. Послѣ Эль-Газали не видимъ уже на Востокъ ни одного замѣчательнаго философа. Съ сего времени наука переходитъ въ западныя области, доселѣ принимавшія въ ней слабое участіе: Испанская литература Арабовъ процвѣтала двумя столѣтіями позже восточной; тоже было и съ философіею. Последняя въ своемъ началѣ примыкаетъ къ ученію Эль-Газали, но только для того, чтобы отдѣлиться отъ него и идти другимъ путемъ: Ибн-Бадисе (Avenpace), Ибн-Тофейль, иначе Абу-Беркъ, и Ибн-Рождъ (Averroes) снова принимаютъ прежнюю естествоиспытательную методу Аристотеля, которую хотѣтъ приспособить къ своимъ религіознымъ началамъ. Съ Аверроесомъ прекращается Аристотеле-Арабская философія окончательно. Можно думать, что причиной ея паденія и здѣсь, какъ на Востокъ, былъ скептицизмъ, выпедшій изъ разрозненности догматическихъ вѣрованій; только здѣсь онъ не успѣлъ сложиться въ опредѣляемое ученіе, такъ какъ въ это время владычество Мавровъ въ Испаніи быстро пало: отъ того и не дошло до насъ о немъ положительныхъ свѣдѣній. Такимъ образомъ исторія Аристотеле-Арабской философіи сама собою, по мѣсту и времени, дѣлится на двѣ половины: на исторію этой философіи на востокъ, и — на западъ, въ Испаніи. — Уже одинъ взглядъ на мѣстныя и временныя условія, среди которыхъ развивается у Арабовъ Аристотелева философія, можетъ увѣрить, что это было чуждое, пересаженное и не глубоко принявшееся растеніе. Дочь пограничныхъ странъ къ востоку и западу, — Греко-Арабская философія оставалась чуждою сердцу Аравійскаго государства; она цвѣтеть на концахъ его, по его распаденію, и притомъ не постоянно, — является и исчезаетъ эпизодически. Главное назначеніе ея было временное, и кажется, преимуществен-

но состояло въ томъ, чтобъ сохранить въ памяти человечества Греческую философію, и потомъ, передавъ ее христіанскимъ народамъ, содѣйствовать преобразованію ихъ науки. Этимъ вѣдшимъ условіямъ вполне отвѣчаетъ самое содержаніе ея: занятая преимущественно физикой и астрономіей, мало входя въ нравственность и жизнь общественную, она всегда оставалась для Арабовъ, по крайней мѣрѣ на половину, еретическою. Она только свидѣтельствуетъ о научныхъ способностяхъ сего народа, и заставляетъ искать въ немъ еще другой философіи, болѣе жизненной и болѣе близкой къ его отечественному образу мыслей.

Такая философія дѣйствительно кроется въ богословскомъ ученіи догматическихъ сектъ. То, что они общими силами вооружаются противъ философовъ, не препятствуетъ имъ быть въ постоянной враждѣ между собою. Раздѣленіе въ догматическомъ ученіи произошло еще довольно рано. — До конца перваго вѣка гиджры между чтителями Корана не было ни споровъ, ни расколовъ: но около этого времени стали возникать сомнѣнія касательно одного изъ основныхъ его догматовъ, — догмата «о безусловномъ предопредѣленіи или судьбѣ.» На основаніи прямыхъ словъ Корана, *правосърные* понимали этотъ догматъ такъ, что Богъ отъ вѣчности предопредѣляетъ людей, — однихъ къ блаженству, другихъ къ мученію безусловно, неизмѣнно и независимо отъ дѣйствій человѣческихъ, и что причина сихъ дѣйствій есть не свобода каждаго, а единственно опредѣленіе Божіе. Сомнѣнія, возникшія тамъ и здѣсь противъ такого ученія, положительно и ученымъ образомъ были высказаны Эль-Вазилемъ, з) Онъ сдѣлался главою разномыслящихъ, которые составили отдѣльную секту подъ именемъ *Муатациль*; в) это были первые богословы-діалектики между Арабами. Къ вопросу о предо-

з) Онъ былъ ученикъ знаменитаго Арабскаго богослова Эль-Гасана, *Roscoe Specim. p. 199. 213. Sq. 241.*

в) Т. е. «отпадшихъ, отдѣлившихся,» *loc. cit. p. 211.*

предъявленіи въ послѣдствіи присоединились и другіе богословскіе вопросы, — таковы: «о вѣчности Корана» — и «о единствѣ существа Божія.» На первый вопросъ люди, ознаменовавшіеся съ свѣтлыми понятіями Греческой философіи, и между ними самъ царственный покровитель просвѣщенія, Калифъ Эль-Мамунъ, не задумались дать отрицательный отвѣтъ, вопреки вѣрованію строгихъ читателей Корана и присоединились къ сектѣ Вазили, — это подняло такіе споры, волненія и даже сомнѣнія, что Калифъ Эль-Мотавакемъ нашелъ нужнымъ формально запретить его. ь) Касательно послѣдняго пункта, — о единствѣ Божіемъ, послѣдователи *Мутазилы* являются самыми строгими толкователями сего догмата, утверждая, что Богу, какъ единому по существу, мы не можемъ приписывать никакихъ раздѣльныхъ свойствъ и совершенствъ; тогда какъ послѣдовавшіе буквально Корану приписывали Божеству даже тѣлесныя члены. Не трудно найти общую идею, связующую всѣ три пункта, — это идея о единствѣ Вѣчнаго, — основной догматъ исламизма: эта идея не позволяла допустить ничего другаго вѣчнаго при Божествѣ, слѣдъ и вѣчнаго Корана, и будучи понимаема одностороннѣе, не позволяла даже допустить многихъ вѣчныхъ свойствъ въ самомъ Божествѣ. Что же касается до ученія о рокѣ или неизбѣжной судьбѣ, каждому предопредѣленной, — оно было отвергаемо на томъ основаніи, что человекъ, какъ владыка своихъ свободныхъ дѣйствій, заслуженно принимаетъ награду и наказаніе, иначе должно было бы Всеблагаго Бога признать виновникомъ зла. Тогда какъ правовѣрные, въ избѣжаніе сей крайности, различали въ Божествѣ два дѣйствія воли: просто изволеніе и благоволеніе, признавая началомъ добра собственно послѣднее, а существованіе зла относя къ первому: противники ихъ не могли допустить такого раздѣленія въ опредѣленіяхъ и свойствахъ Божіихъ, слѣдуя тому же строгому понятію о единствѣ Божіемъ. Такимъ образомъ сущность спора состояла въ томъ, что одни — «правовѣрные» *Мота-*

ь) Ibid. p. 223.

калимъ отнимали всѣ дѣйствительныя свойства у твореній , какова свобода у чловѣка , — и все усвоили Божеству ; другіе «отдѣлившіеся» — *Муатацимъ* , отрицали всѣ свойства въ Божествѣ , чтобы утвердить ихъ за твореніями. в) Понятно, что эта связь религіозныхъ ученій влекла за собой цѣлый рядъ частныхъ вопросовъ, которые могли возбуждать и поддерживать философское мышленіе. Но односторонность, къ которой пришли Муатацилы въ понятіи о Богѣ , какъ о существѣ, съ которымъ міръ стоитъ внѣ всякой связи, и котораго дѣйствія не могутъ входить въ кругъ дѣйствій и чловѣка , — односторонность , противная вообще существу всякой религіи, особенно жъ религіи магометанской, требующей слѣпаго вѣрованія въ судьбу , въ неизбежное высшее опредѣленіе дѣйствій чловѣческихъ, была причиной, что ихъ ученіе признано еретическимъ, не глубоко проникло въ образъ мыслей народа и скоро совсѣмъ вымерло. Сочиненія приверженцевъ этой секты , вслѣдствіе жаркаго преслѣдованія со стороны правовѣрныхъ, еще въ первую пору Арабской образованности стали уже рѣдки.

Строгое «правовѣріе» сохранилось въ сектѣ Мотакалимъ. Особой сектой она является, какъ мы видѣли, послѣ отдѣленія Вазилы съ его единомышленниками, по случаю спора «о предопредѣленіи» послѣдователи ея, подъ именемъ Джабаритовъ, понимаютъ этотъ догматъ Корана во всей его суровой односторонности. По ихъ ученію, чловѣкъ не можетъ ни желать, ни избрать, ни дѣйствовать свободно, но все, что ни дѣлаетъ, дѣлаетъ невольно, какъ опредѣлено ему свѣше, или лучше, самъ Богъ производитъ въ немъ и чрезъ него всѣ его дѣйствія. Если же мы усвоимъ чловѣку такія или другія дѣла, — то въ не собственномъ смыслѣ, подобно тому какъ говоримъ, что дерево приноситъ плодъ, вода течетъ, камень движется и т. п. в) Было ли это ученіе высказано такъ рѣзко, въ самомъ началѣ, или вся суровость фатализма

в) Ibid. p. 259.

выступала уже въ борьбѣ съ противными мнѣніями, положительныхъ свѣдѣній о томъ не имѣется; известно только, что эта борьба скоро возбудила попытки примирить враждующія стороны. Являются умѣренные Джабариты, ю) которые снова разделяются на множество сектъ; сущность ихъ ученія, за исключеніемъ всѣхъ толковъ и споровъ въ частностяхъ, состоитъ въ слѣдующемъ: человека нельзя ставить на одну степень съ неодушевленной природой; онъ имѣетъ свою особую дѣятельность, хотя всѣ человѣческія дѣйствія происходятъ по волѣ Божіей, которая есть единственная причина ихъ, и хотя человекъ не можетъ произвести ничего кромѣ того, что производитъ въ немъ Богъ: но онъ имѣетъ по крайней мѣрѣ способность *усвоить* себѣ божественныя дѣйствія. Какъ ни неопредѣленно было ихъ понятіе объ этомъ *усвоеніи*, но оно было уже значительной уступкой со стороны фаталистовъ, и противникамъ ихъ теперь легче было сойтись съ ними во мнѣніяхъ. Что и не замедлило случиться: изъ школы *Муатазилъ* вышелъ одинъ изъ известнѣйшихъ Арабскихъ богослововъ, Абу-Гасанъ Эль-Ашари, который принялъ это измененное ученіе «о судьбѣ» и сдѣлался основателемъ секты Ашаритовъ.

Время его жизни было цвѣтущимъ временемъ Арабской догматики я), которой его признаютъ основателемъ. Ослабляемое долгое время спорами, особенно со стороны Аристотеликовъ, ученіе Ашаритовъ, дѣлается господствующимъ вскорѣ послѣ Аверроеса; современникъ его Эль-Радзи пользуется славой возстановителя догматики «правовѣрныхъ». Непрерывно слѣдующій за нимъ рядъ знаменитыхъ богослововъ, каковы напр. *Байдови*, в) известный толкователь Корана, и Эль-

---

в) Mos. Maimonid doct. perpl. 1. 71. 13.

ю) Росск. Specim. p. 240.

я) Въ то же время жилъ Эль-Материди и Эль-Фараби, въ к. 2 и въ нач. 3 вѣка гіджры.

Иджи γ) составитель догматики, сокращенной напечатанно потомъ въ Константинополь, — представляетъ вѣрное свидѣтельство глубокаго и живаго сочувствія, которое всегда имѣли Арабы къ собственному догматическому учению; тогда какъ иноземная философія была у нихъ явленіемъ временнымъ и частнымъ.

П. Б.

-
- е) Жилъ въ 7 вѣкѣ гаджры.
 γ) — въ 8 вѣкѣ.

Благодаримъ усердно ученаго автора, и съ удовольствіемъ извѣщаемъ читателей, что они будутъ читать въ Москвитинѣ рядъ статей изъ Исторіи Философіи, писанныхъ этимъ искуснымъ перомъ. Ред.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

О ПОЛОВЕЦКИХЪ СЛОВАХЪ.

(Письмо къ Редактору.)

Любопытство читающей публики, кто такіе были Половцы и Печенѣги, оставившіе столь замѣтные слѣды въ Русской Исторіи, еще не удовлетворено: потому все, относящееся до сихъ темныхъ вопросовъ, заслуживаетъ вниманіе. Помѣщенная въ 5 N Москвитина статья Кн. М. Оболенскаго, доказываетъ, что.... Редакторъ журнала...., занимающійся Русскою Исторіею, собираетъ данныя для разрѣшенія и сихъ вопросовъ. Нельзя этому не порадоваться. Считаю излишнимъ препроводить къ нему сравнительную таблицу Половецкихъ словъ съ Татарскими, доселѣ употребляемыми въ Закавказскомъ Татарскомъ нарѣчій. Изъ ней можно заключать, что писатель рукописи, изъ коей заимствованы Половецкія слова, не безъ основанія говоритъ: *Сарракине Половчане, рекшее Татарове.*

СЛОВА ПОЛОВЕЦКІЯ.

ТАТАРСКІЯ.

Тягри.....	Богъ.....	Тангри.
Кокъ.....	небо.....	гѣгъ.
Тахъ.....	престоль.....	тахтъ.
Куяшь.....	солнце.....	гюнешъ.
Илудузь.....	звѣзда.....	илдузь.
Аанъ.....	мѣсяць.....	ай.
Каръ.....	снѣгъ.....	каръ.
Амгуръ.....	дождь.....	ягмуръ.
Суоукъ.....	студено.....	соуткъ.
Иси.....	тепло.....	исти.
Егмянь.....	хлѣбъ.....	эгмянь. Z.

КЪ БІОГРАФІИ ХЕРАСКОВА

И ВМѢСТѢ МАТЕРІАЛЪ ДЛЯ БІОГРАФІИ.

*Посвящается знаменитому Русскому библиографу и библиомаку
Сергію Дмитриевичу Полторацкому.*

Ода Ея Императорскому Величеству Всепресвѣтлѣйшей Державнѣйшей Великой Государынѣ Императрицѣ *Екатерины* Алексѣевнѣ, Самодержицѣ Всероссійской, на всерадостнѣйшее восшествіе на престолъ. Приноситъ всеподданнѣйшій рабъ Михайло Херасковъ, 1762 года, Іюля дня. Печатана при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

На четырехъ большихъ полулистахъ, изъ коихъ на первомъ выписанное заглавіе, на второмъ двѣ строфы, а на оборотъ его, равно и на слѣдующихъ страницахъ, по три. Всего 14 строфъ. Въ строфъ по 10 стиховъ.

Выписываемъ нѣсколько строфъ:

1. Цвѣти, Россія, украшайся,
Взносись, роста и утѣшайся;
Въ порфирѣ новѣ облекись,
Главу покрой вѣнцемъ лавровымъ,
Исполнена весельемъ новымъ,
Предъ Трономъ Божьимъ преклонись:
Пролей къ нему благодаренья,
Что внемла твой плачевный гласъ,
Тебя отъ бѣдства и паденья
Рукой Екатерины спась.

6. Уже законы и науки,
 Къ тебѣ свои простерши руки,
 Въ своемъ весельѣ вопіють:
 И силы и плода лишены,
 Тобой, Тобой мы укрѣплены,
 И наши лавры разцвѣтуть:
 Тебѣ, Монархия, возставимъ
 Столпы отъ искреннихъ сердець,
 Тебѣ, Монархия, составимъ
 Изъ вѣчной похвалы вѣнецъ.
7. Отвѣрай, о! Россія очи,
 И отвратись отъ мрачной ночи,
 Воззри на радостный востокъ,
 Гдѣ щастья общаго начало
 Сквозь мрачны тучи возсіяло,
 Гдѣ міръ цвѣтеть, повергнувъ рокъ.
 Тебя вѣчающа судьбина,
 Блнстаеть аки солнце тамъ,
 Великая Екатерина,
 Но съ чѣмъ Тебя сравляти намъ?

По счастливому случаю попалась мнѣ послѣ, при собираніи старыхъ памятниковъ Русской Словесности и другая ода Хераскова, которую онъ написалъ не задолго предъ одою Екатерины II: ода Петру III, подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

Ода Его Императорскому Величеству Всепресвѣтлѣйшему Державнѣйшему Великому Государю Императору Петру Теодоровичу, Самодержцу Всероссійскому на всерадостнѣйшее восшествіе на престолъ. Приносить всеподданнѣйшій рабъ Михаилу Херасковъ. 1762 года Генваря дня. Печатана при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

Перваго листа нѣтъ. На послѣднемъ листѣ 3 строфы и на оборотъ его 2, каждая изъ 10 стиховъ. Выпишемъ двѣ послѣднія строфы и изъ этой оды:

Границы Русскія державы
 Кругомъ стругущія моря,
 Исполнитесь пріятной славы,
 Услыша новаго Царя.
 Какъ Петръ съ своимъ разстался трономъ
 Брега вы наполняли стономъ:
 Днесъ паки вашъ Владѣтель Петръ;
 На радость стонъ свой превѣните,
 За валомъ валъ во слѣдъ гоните,
 Промчите вѣсть сію чрезъ вѣтръ.

А вы щастливыя науки!
 Имѣете уже покровъ;
 Петровы васъ прілали рука,
 Теперъ пріемлетъ Духъ Петровъ.
 Намѣстникъ дѣлъ его владѣть!
 Здѣсь лира силы не имѣть
 Его достоинства гласить,
 Воспойте Музы вѣкъ Парнасомъ,
 Да бы своимъ усерднымъ гласомъ
 Приличны жертвы приносить.

М. П.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ПРОГРАММА

ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ АСТРОНОМИИ.

1842 г. Юня 26 дня (ст. шт.), полное солнечное затмѣніе было видимо въ многихъ мѣстахъ и въ Россіи и въ Западной Европѣ; изъ пяти Русскихъ экспедицій, составленныхъ для наблюденія этого любопытнаго и рѣдкаго явленія, имѣла успѣхъ только одна, въ Липецкѣ, гдѣ наблюдали Гг. О. Струве и Шидловскій; астрономы же Французскіе, Англійскіе, и пр. были гораздо счастливѣе Русскихъ, и сообщили свѣту весьма любопытныя замѣчанія о физическихъ обстоятельствахъ затмѣнія: но какъ въ этихъ замѣчаніяхъ много противорѣчій и несогласій, по неожиданности и кратковременности нѣкоторыхъ явленій; то для ихъ объясненія, потребны новыя наблюденія, притомъ такими наблюдателями, которые бы не были озабочены опредѣленіемъ времени начала и конца затмѣнія, а слѣдили бы за его ходомъ единственно для разрѣшенія сомнѣній въ вопросахъ физическихъ. Въ слѣдующемъ 1851 г. Юля 16 д. (ст. шт.) представляется случай удовлетворить этому требованію. Прекрасная карта полнаго солнечнаго затмѣнія 1851 г., составленная Э. А. Семеновымъ и помѣщенная въ девятой книжкѣ «Москвитянина», показываетъ, что Европейскіе астрономы могутъ наблюдать его съ пользою только въ Бергенѣ, Готтенбургѣ, Данцигѣ и Кенигсбергѣ; всѣ же прочія мѣста, въ которыхъ оно будетъ видимо, находятся въ Русскихъ владѣніяхъ. И такъ нынѣ

Русскимъ астрономамъ выпадаетъ счастливый жребій оказать наукъ весьма важную услугу, и, безъ сомнѣнія, Правительство наше не лишитъ ихъ своего покровительства. Но, съ другой стороны, невозможно составить столько экспедицій, сколько представляется мѣсть, удобныхъ для наблюденій, и какъ наблюденія въ физическомъ отношеніи могутъ быть производимы всякимъ образованнымъ любителемъ астрономіи, въ особенности гимназическими учителями математики и физики; то я думаю, что предлагаемая здѣсь программа будетъ для нихъ весьма полезна, потому что она извлечена мной изъ сочиненія Араго: «О полномъ солнечномъ затмѣніи 1842 г. Юля 8 дня (нов.шт.)» напечатаннаго въ «Annaire pour l'an 1846,» — въ изданіи, весьма извѣстномъ для астрономовъ, но съ которымъ, по его рѣдкости, ни учителя гимназій, ни другіе любители наукъ совершенно незнакомы.

Мѣста, въ которыхъ будетъ видимо полное солнечное затмѣніе 1851 г., должно раздѣлить на три разряда:

I. Затмѣніе центральное, или наиболѣе продолжительное будетъ видимо:

1) Въ Ломжѣ,	} въ Царствѣ Польскомъ;
2) Въ Остроленкѣ,	
3) Въ Брестъ-Литовскѣ,	
4) Въ Владиміръ Волинскомъ,	
5) Въ Умань, въ Кіевской губерніи,	
6) Въ Баку,	} въ Кавказской области.
7) Въ Горн,	
8) Въ Душетъ	
и 9) Въ Шемахъ.	

II. Затмѣніе полное, но не центральное, будетъ видимо въ слѣдующихъ мѣстахъ, расположенныхъ по его продолжительности:

- 1) Въ Тифлисъ,
- 2) Въ Житомиръ,
- 3) Въ Бѣлостокъ,
- 4) Въ Варшаву,

- 5) Въ Анапъ,
- 6) Въ Перекопъ;
- 7) Въ Херсонъ,
- 8) Въ Феодосіи,
- 9) Въ Дерптъ;
- 10) Въ Кисловодскъ;
- 11) Во Владикавказъ,

и во многихъ другихъ мѣстахъ, о которыхъ любопытные могутъ справиться съ самой картой.

III. Не безъ пользы можно наблюдать затмѣіе еще въ слѣдующихъ мѣстахъ, лежащихъ близъ предѣловъ полного затмѣія:

- 1) Въ Георгіевскъ,
- 2) Въ Ставрополь;
- 3) Въ Кіевъ,
- 4) Въ Симферополь;
- 5) Въ Одессъ,
- 6) Въ Гродно;
- 7) Въ Каменецъ-Подольскъ, и пр.

Теперь переходимъ къ описанію самаго явленія. Когда луна помѣстится между солнцемъ и наблюдателемъ, тогда на небѣ представится черный кругъ, обведенный свѣтлымъ *вѣнцомъ*, состоящимъ изъ двухъ концентрическихъ частей; изъ которыхъ первая, ближайшая къ упомянутому кругу; свѣтлѣе второй, вѣнцовой. Свѣтъ этой части ослабѣваетъ постепенно. Такое общее изображеніе на небѣ полного солнечнаго затмѣія 1842 года было видимо всеми наблюдателями во Франціи, Италіи и въ Германіи; но подробныя описанія его частныхъ особенностей представляютъ значительныя разности. Въ Перпиньянѣ, гдѣ наблюдали Араго, Мовэ и Ложье, и въ другихъ мѣстахъ Франціи, соответствующихъ полному затмѣію, на свѣтломъ вѣнцѣ замѣчены двѣ кисти расходящихся лучей въ тѣхъ противоположныхъ точкахъ солнечнаго круга, въ которыхъ начиналось и оканчивалось затмѣіе: но Англійскіе астрономы Эйри (Airy) и Бейли (Bailey), наблюдавшіе въ Супергѣ (Supergue) и въ Павіи, ничего подобнаго не видали;

Отъ чего могла произойти такая разность? — Не отъ того ли, что Эйри и Бейли, считая это явленіе не заслуживающимъ вниманія, умолчали объ немъ? Или отъ того, что вѣнецъ не составляется, какъ обыкновенно полагаютъ, изъ самосвѣщающейся атмосферы солнца, или изъ освѣщаемой атмосферы луны? Въ томъ и другомъ предположеніи видъ этого вѣнца и во Франціи, и въ Италиі, и во всякомъ другомъ мѣстѣ долженъ быть одинаковъ. Если наблюденія, которыя будутъ произведены надъ затмѣніемъ 1851 г., несомнѣнно докажутъ, что изъ разныхъ точекъ зрѣнія вѣнецъ представляется въ различныхъ видахъ; то объясненій этого явленія понадобится искать не въ атмосферахъ солнца или луны, но уже въ причинахъ оптическихъ. Притомъ надобно будетъ объяснить, почему вторая часть вѣнца образуется изъ расходящихся свѣтлыхъ лучей, имѣющихъ свое начало при вѣншнемъ предѣлѣ первой его части, а не при краяхъ темнаго круга луны; и почему Араго простыми глазами ясно видѣлъ широкое свѣтлое пятно, составленное изъ тѣхъ же лучей, перепутанныхъ между собой подобно спутаннымъ ниткамъ; и почему многіе изъ расходящихся лучей, относительно краевъ луны, расположены были косвенно, и даже нѣкоторые изъ нихъ, будучи продолжены до краевъ луны, не пересѣкали, но касались ихъ. Впрочемъ всѣ упомянутыя особенности второй части вѣнца, какъ замѣченныя только въ Перпиньянѣ, требуютъ подтвержденія новыми наблюденіями, къ которымъ надобно еще присоединить точнѣйшія измѣренія ширины обѣихъ частей вѣнца по разнымъ направленіямъ отъ темнаго круга луны. Посредствомъ такихъ измѣреній, при извѣстности расстоянія между центрами луны и солнца, можно рѣшить, который изъ этихъ центровъ служитъ вмѣстѣ и центромъ вѣнца. Измѣреніе широты внутренней части вѣнца, по причинѣ опредѣленности его предѣловъ, не представляетъ большихъ затрудненій; но вѣншнюю его часть, какъ состоящую изъ лучей расходящихся и ослабляющихся постепенно, едва ли можно вымѣрить съ надлежащею точностью. Такимъ образомъ, въ 1842 г. морской офицеръ Сельва, наблюдая въ Перпиньянѣ отражательнымъ кругомъ, нашелъ, что западная

и восточная ширина внутренней части вѣнца равнялась 3 минутамъ градуса во все продолженіе полного помраченія; но Реньо, также морской офицеръ, измѣряя ширину той же части вѣнца въ Тулонѣ итакже посредствомъ отражательнаго круга, определялъ ее только въ 2 минуты. Съ этимъ измѣреніемъ совершенно согласно микрометрическое измѣреніе Мовэ. При томъ всѣ три вывода, которые получили Сельва, Реньо и Мовэ, доказываютъ, что центръ внутренней части вѣнца совпадаетъ съ центромъ луны. Если наблюденія въ 1834 г. подтверждать эти выводы, то при объясненіи явленія не будемъ имѣть надобности приписывать его солнечной атмосферѣ. Что жъ касается до ширины вѣнца, то изъ наблюденій 1842 г. были выведены различные результаты: Ложье, измѣряя микрометрически, нашелъ, что край луны отстоятъ отъ вѣшняго предѣла вѣнца на 10 минутъ; О. Струве и Шидловскій ту же ширину опредѣлили въ 25 минутъ; они же видѣли такія кисти лучей, которыя простирались до 3 и даже до 4 градусовъ отъ крайку луны.

Исключивъ участіе солнечной атмосферѣ въ образованіи вѣнца, и почти увѣрившись, что центръ его совпадаетъ съ центромъ луны, надобно спросить, не есть ли этотъ вѣнецъ освѣщенная атмосфера луны? Чтобъ отвѣчать на такой вопросъ положительно или отрицательно, сперва слѣдуетъ разрѣшить другой вопросъ: существуетъ ли лунная атмосфера? Наблюденія Араго въ Периньянѣ, Эйри въ Супергѣ, Сантини, Конти и Бьелы въ Падуѣ, всѣ согласно приводятъ къ заключенію, что луна не имѣетъ атмосферѣ. Наблюденія эти не трудны и производятся или надъ рогами луны или надъ покрытійемъ солнечныхъ *свѣточей* (*facules*) темнымъ ея кругомъ. Когда луна вступитъ на солнечный кругъ чернымъ пятномъ, тогда непокрытая часть этого круга ограничивается двумя дугами, краями солнца и луны, которые въ точкахъ взаимнаго ихъ пересѣченія образуютъ два криволинейныхъ угла, называемыхъ *рогами* луны. Лучи солнца, идущіе къ наблюдателю близъ этихъ роговъ, должны претерпѣвать преломленіе, или измѣняться въ своемъ направленіи въ лунной атмосферѣ, и чрезъ то должны измѣняться виды роговъ. Но

ни Араго, ни другіе упомянутые астрономы не замѣтили въ нихъ никакихъ пзмѣненій, которыя можно было бы отнести къ преломленію солнечныхъ лучей въ атмосферу луны; Итальянскіе астрономы въ продолженіе всего затмѣнія видѣли рога правильными и заостренными; Араго же замѣчалъ затупленіе то на одномъ, то на другомъ рогѣ, — признаки, доказывающіе не существованіе атмосферы, но существованіе горъ на лунѣ. Что жъ касается до *свѣточей*, то этимъ именемъ называютъ свѣтлѣйшія части солнечной поверхности. Если бы луна имѣла атмосферу, то во время ея движенія по солнечному кругу въ закрываемыхъ свѣточахъ слѣдовало бы замѣтить ослабленіе ихъ блеска, чего не видалъ ни одинъ астрономъ въ 1842 г.

Изъ всѣхъ предложенныхъ наблюденій ни одно не объясняетъ причины образованія вѣнца около чернаго круга луны, и касательно этого — какъ говоритъ Араго — таинственнаго вѣнца остается только предложить нѣкоторыя замѣчанія о силѣ и качествахъ его свѣта. Лодже и Мовэ, наблюдавшіе въ Перпицьянѣ, считаютъ свѣтъ вѣнца желтоватымъ; но Араго замѣчаетъ, что такой оттѣнокъ можетъ происходить отъ контраста со свѣтомъ атмосферы, — что подтверждается наблюденіями Пино и Буажиро въ Нарбоннѣ, Флержера въ Туловѣ, Бейли въ Павіи, О. Струве и Шидловскаго въ Липецкѣ: всѣ они видѣли вѣнецъ совершенно бѣлымъ. Фузньери, въ Виченцѣ, разлагалъ его свѣтъ посредствомъ стеклянной призмы и нашелъ, что въ немъ недоставало зеленой луча, мѣсто котораго занимала черная полоса. Сверхъ того многіе наблюдатели замѣтили, что свѣтъ вѣнца находился въ безпрестанномъ колебаніи, даже нѣкоторые изъ нихъ уподобляютъ его вертящемуся солнцу въ фейерверкѣ. Силу этого свѣта описываютъ также различно: въ Перпицьянѣ, Миланѣ и Вьнѣ казался онъ равнымъ свѣту луны; но О. Струве и Шидловскій говорятъ: «вѣнецъ имѣлъ блескъ, невыносимый для глазъ; такъ что нѣкоторые свидѣтели утверждали, что солнце не вполнѣ было покрыто луной, и образовавшійся около нея вѣнецъ принимали за кольцо, принадлежащее самому солнечному кругу.» Такая разность въ показаніяхъ дол-

жна обратить особенное внимание наблюдателей будущего затмѣнія 1851 года.

Какъ ни замѣчательны описанныя явленія вѣнца, но слѣдующее, совершенно новое, никогда и никѣмъ не виданное, привело въ изумленіе всѣхъ наблюдателей затмѣнія 1842 г.; по этой причинѣ предлагаемъ здѣсь всѣ подробности наблюдений, переводя ихъ почти буквально изъ вышеупомянутаго сочиненія Араго.

Першильишъ, Смотря — пишетъ Араго — въ трубу, имѣвшую въ отверстіи 91 миллиметръ, способную увеличивать въ 36 разъ, и съ которой было уже снято цвѣтное стекло, я началъ замѣчать два свѣтлыхъ возвышенія, выходящихъ изъ нижняго края луны (труба показывала предметы обращенными); они были розоваго цвѣта съ зеленоватыми отбѣнками; предѣлы ихъ обозначились явственно, обрѣзисто; ни одно изъ нихъ не имѣло перпендикулярнаго направленія къ краю луны; длина большаго изъ нихъ казалась равною 1 минутѣ. Замѣчанія Ложье совершенно согласны съ моими наблюденіями; только величину возвышеній находитъ онъ гораздо болѣею. Мовэ усмотрѣлъ ихъ прежде меня и Ложье. Вотъ что онъ пишетъ въ своемъ журналѣ: «Черезъ нѣсколько секундъ послѣ начала полнаго затмѣнія, когда я старался измѣрить ширину свѣтлаго кольца, у нижняго края луны я увидалъ красноватую точку, которая не представлялась еще замѣтнымъ возвышеніемъ. Черезъ 36 секундъ послѣ полнаго затмѣнія, красноватая точка превратилась въ два возвышенія, подобныя двумъ смежнымъ горамъ, красно-фіолетоваго цвѣта, съ совершенно ясными предѣлами. Впрочемъ цвѣтъ ихъ не былъ ровенъ: на бокахъ видѣлись темныя черты. Чтобъ дать точнѣйшее понятіе о бохъ ихъ видѣ, надобно ихъ сравнить съ вершинами Альпійскихъ горъ, освѣщаемыми заходящимъ солнцемъ и видимыми издали. Черезъ 1 м. и 10 сек. послѣ полнаго затмѣнія показалась третья гора, по лѣвую сторону двухъ первыхъ, ни одного съ ними цвѣта; ее окружали мѣншія возвышенности, но также ясно видимыя. При образованіи этой третьей горы, двѣ первыя не переставали увеличиваться и выросли

«до 2'. Пространство, занимаемое обьими группами по краю луны, простиралось повидимому до 25°.»

Инженерный капитанъ Майетъ, наблюдавшій затмѣніе въ трубу, которая увеличивала въ 27 разъ, отмѣтилъ въ своемъ журналѣ: «Изъ верхней части луннаго круга (труба представляла предметы въ прямомъ положеніи) выходили снопы «пламени, красные, неподвижные, съ обрѣзистыми очертаніями. «Съверный снопъ былъ наклоненъ къ краю луны. Я видѣлъ «его нѣсколько секундъ послѣ выхожденія солнца изъ-за луны.»

Многіе любопытные зрители видѣли возвышенія простыми глазами.

Монпелье. Пети, директоръ Тулузской обсерваторіи, наблюдавшій въ Монпелье посредствомъ трубы, имѣвшей 98 миллиметровъ въ отверстіи съ увеличиваніемъ въ 24 раза, описываетъ свѣтлыя возвышенія такимъ образомъ: «Вначалѣ «показались двѣ красныя точки; онѣ увеличивались постепенно, быстро и всегда съ обрѣзистыми очертаніями. Видъ «этихъ возвышеній можно сравнить съ видомъ высокихъ «шпиковъ, разсматриваемыхъ сквозь красное стекло, и представляющихъ на своихъ бокахъ вертикальныя углубленія. «Одно изъ возвышеній, дѣйствительно, было покрыто темно-красными бороздками.» По измѣренію Пети, посредствомъ «ялярнаго микрометра, наибольшее изъ трехъ возвышеній соответствовало углу въ 1' 45." Это измѣреніе должно считать самымъ точнымъ изъ всѣхъ показаній другихъ астрономовъ, которые величину возвышенностей опредѣляли приблизительно.

Карбонъ. Пино и Буажиро о появленіи красныхъ возвышенностей даютъ слѣдующій отчетъ: «На верхнемъ (т. е. «видимомъ простыми глазами) краѣ луны, къ западу отъ вертикальнаго ея діаметра, показались какъ бы огненные горы, «обсѣченныя въ видѣ пика съ лѣвой стороны, и возвышающіяся уступами со стороны противоположной. Здѣсь было «три уступа, и самый высокій изъ нихъ равнялся 12 долей «видимаго діаметра луны. Далѣе, вправо, по окружности луны «были видимы многія волнообразныя возвышенія, асныя и «равно свѣтящіяся. Два подобныя пика, менѣе возвышенныя,

«нежели верхніе, но также блестящіе, находились при концахъ горизонтальнаго діаметра луны. Левый пикъ показался «прежде прочихъ. Трудно дать точное понятіе объ этихъ «возвышенностяхъ: онѣ походили на кристалльныя скалы, «раскаленные до розоваго цвѣта, были прозрачны, и блистали ровнымъ свѣтомъ безъ сверканія; очертанія ихъ были «явственны, обрѣзисты; постоянно сохраняли одну форму, «одно положеніе и находились въ совершенной неподвижности; «только верхніе пики немного увеличивались по мѣрѣ того, «какъ полное затмѣніе приближалось къ концу; но они увеличивались безъ растяженія и безъ перемѣны формы, подобно высокимъ горамъ, въ которыхъ замѣчаются сперва «вершины, потомъ срединныя и наконецъ основанія, когда медленно и постепенно снимается закрывающая ихъ завѣса. «Это великолѣпное зрѣлище оставалось видимымъ до конца «полнаго затмѣнія. Когда солнце вышло изъ-подъ темнаго «круга луны, тогда первые лучи его распространились съ «живымъ блескомъ, превосходящимъ блескъ послѣдняго луча «при полномъ закрытіи, и уничтожившимъ мгновенно и свѣтлый вѣнецъ и раскаленные пики.»

Тулонъ. Наблюденія въ Тулонѣ заслуживаютъ особенное вниманіе, потому что этотъ городъ находился близъ южнаго предѣла того пояса, на которомъ въ 1842 г. были расположены мѣста полнаго солнечнаго затмѣнія. Въ Тулонѣ наблюдалъ морской капитанъ Бераръ. Онъ сообщалъ Араго слѣдующее: «Въ продолженіе всего полнаго затмѣнія, въ той сторонѣ, «гдѣ солнце начало открываться изъ-за луны, была видима «весьма тонкая полоса, красная, неправильно зазубренная и «мѣстами разорванная.» Миѣ кажется — замѣчаетъ Араго — что эта полоса есть точно то же самое явленіе, которое въ Перпиньянь, въ Монпелье, въ Туринѣ, въ Миланѣ, и проч. представлялось въ видѣ блестящихъ возвышенностей. Для подтвержденія своего мнѣнія, Араго просилъ свидѣній отъ всѣхъ наблюдателей, находившихся на южномъ предѣлѣ полнаго затмѣнія, и Фложергъ, наблюдавшій въ фортѣ Лиманьсь, отвѣчалъ ему: «Вскорѣ послѣ покрытія солнца, я оставилъ «телескопъ, чтобъ дать отдыхъ моимъ утомленнымъ глазамъ,

«Нѣсколько секундъ я обозрѣвалъ странное зрѣлище, которое представляли тогда и небо и земля; но мое вниманіе и мои глаза вскорѣ обратились опять къ солнцу, чтобъ наблюдать его при выхожденіи изъ-за луны. Я не успѣлъ еще пріняться за телескопъ, какъ былъ удивленъ сперва одной «красной точкой, потомъ другой, а взглянувъ въ телескопъ, «увидѣлъ третью, и т. д.» Число свѣтящихся точекъ, замѣченныхъ Флоржергомъ, ихъ цвѣтъ, ихъ мѣста, все доказываетъ, что онъ видѣлъ такую же красную зубчатую полосу, которую наблюдалъ Бераръ, и которая тождественна съ возвышеніями, замѣченными въ другихъ мѣстахъ: различія происходили только отъ силы и увеличиванія трубъ. Такимъ образомъ Геренъ, въ Византъ, находящемся въ значительномъ разстояніи отъ сѣвернаго предѣла полного затмѣнія, видѣлъ ясно нѣсколько зубчатыхъ точекъ, которыя съ перваго взгляда можно было приять за семь или восемь звѣздъ различныхъ величинъ, расположенныхъ по краямъ луны въ томъ мѣстѣ, въ которомъ исчезли послѣдніе лучи, яркаго солнечнаго свѣта. Двѣ наибольшія изъ этихъ точекъ, въ которыхъ зубцы были явственны, равнялись сотой доль луннаго діаметра (т. е. 10''). Какъ эти двѣ точки, такъ и меньшія ихъ не угасали во все затмѣніе до самаго появленія солнца. «Если бы вся луна была окружена подобными точками, то ее можно было бы уподобить ящику изъ чернаго дерева, посыпанному рубинами; потому что онѣ имѣли красный цвѣтъ, схожій на цвѣтъ Марса.»

Дниъ. Здѣсь наблюдалъ Евгенийъ Буваръ, который сообщилъ Араго слѣдующія замѣчанія: «Въ то время, какъ я «измѣрялъ вѣнецъ, въ нижней части (труба представляла предмѣты въ обратномъ положеніи) луннаго круга я замѣтилъ двѣ кисти свѣта, изъ которыхъ одна (правая) по крайней мѣрѣ была вътрое шире другой; обѣ образовались изъ красныхъ лучей, смѣшенныхъ съ лучами оранжевыми; обѣ онѣ «разширялись, и свѣтъ ихъ ослабѣвалъ по мѣрѣ удаленія отъ луны. Обѣ кисти были видимы простыми глазами, и не «скоро исчезли послѣ полного затмѣнія.»

Послѣ этого Араго переходитъ къ наблюденьямъ въ Франціи, изъ которыхъ приведемъ здѣсь главнѣйшія.

Суперга, близъ Турина. Свѣтлыя возвышенности описываетъ Эйри такимъ образомъ: «Разсматривая луну, послѣ «полнаго покрытія солнца, къ крайнему моему удивленію, я «замѣтилъ небольшое красное пламя въ трехъ мѣстахъ при «нижнемъ краѣ земнаго спутника; въ каждомъ мѣстѣ, пламя «имѣло форму и положеніе зубьевъ круглой пилы; высота «его не превосходила четверти ширины свѣтлаго вѣнца или «около 1'. Разстояніе между первымъ и третьимъ пламенемъ «равнялось, можетъ быть, 40° или болѣе, считая по краю «луны.» Г-жа Эйри видѣла это явленіе простыми глазами.

Павія. Вотъ отрывокъ изъ записки Бейли, относящійся къ красноватымъ возвышенностямъ, «Замѣчательнѣйшее явленіе «солнечнаго затмѣнія состояло въ трехъ большихъ воз- «вышенностяхъ, которыя очевидно принадлежали къ вѣнцу, «хотя казались выходящими изъ окружности луны. Онѣ имѣли «цвѣтъ красный съ пурпуровыми отливами, и походили на «снѣжныя вершины Альповъ, освѣщенныхъ лучами восходя- «щаго или заходящаго солнца, потому что свѣтъ ихъ былъ «спокойный, безъ колебанія и безъ оверканія, замѣчаемыхъ «на прочихъ частяхъ вѣнца.»

Вѣна. «Замѣтивъ — пишетъ Шумахеръ — время мо- «нихъ наблюдень, я возвратился къ трубѣ и разсматривать «луну, окруженную свѣтлымъ, но безцвѣтнымъ кольцомъ, «которое образовалось на сѣромъ небѣ. Вскорѣ мое вниманіе «было обращено на явленіе неожиданное. Сначала мнѣ по- «казалось, что я вижу красное пламя въ трехъ мѣстахъ на «лунномъ краѣ; потомъ чрезъ нѣсколько мгновеній, я увѣ- «рился, что каждое пламя было неподвижно и походило на «вершину ледника, блистающую яркимъ красно-розовымъ «свѣтомъ; высота пламени простиралась отъ 1' до 2'. Я «не замѣтилъ переменъ ни въ формѣ, ни въ высотѣ этихъ «зорь, какъ я называю каждое пламя для краткости; не ду- «мая тѣмъ означить его сущности. Не задолго до конца пол- «наго затмѣнія, въ томъ мѣстѣ луннаго круга, въ которомъ «долженъ показаться первый лучъ солнца, образовалась узкая

полоса, распространившаяся на 70° или 80° вдоль края луны, и исчезающая, вившись съ вѣнцомъ и съ красными го-рами, тотчасъ носилъ открытія солнца.»

Литровъ, директоръ Вѣнской обсерваторіи, сообщилъ Араго все подробности солнечнаго затмѣнія 1842 г.; изъ его писемъ Араго приводитъ слѣдующія мѣста: «Вскорѣ послѣ того, какъ образовался вѣнецъ, показались многія свѣтлыя пятна около краевъ нашего спутника; три изъ нихъ были особенно замѣчательны, по ихъ голубовато-красному цвѣту и по сходству съ вершинами ледниковъ, освѣщенныхъ лучами заходящаго или восходящаго солнца. Наибольшее изъ этихъ пятенъ имѣло около 5' въ высоту и 2' въ основаніи.... Въ отвѣтъ на вашъ вопросъ, увѣряю васъ, что нѣтъ ошибокъ въ моемъ измѣреніи свѣтлыхъ возвышенностей; наибольшая изъ нихъ дѣйствительно простиралась на 5' отъ края луны и въ основаніи имѣла 2'. Швабъ, ассистентъ при обсерваторіи, нашелъ почти тоже самое, наблюдая въ загородномъ домѣ Министра Коловрата. Онъ и я сравнивали эти возвышенности съ полемъ зрѣнія Фраунгоферовыхъ трубъ. Въ дополненіе, я долженъ упомянуть о двухъ важныхъ обстоятельствахъ: возвышенности были видны и прежде и послѣ того, какъ онѣ сдѣлались красными.»

Липецкъ. «Г. Шидловскій — пишетъ О. Струве — все затмѣніе наблюдалъ въ трубу, которая имѣла 29 миллиметровъ въ отверстіи и увеличивала въ 37 разъ. Не задолго до открытія солнца, онъ замѣтилъ странное явленіе. Во многихъ мѣстахъ около луннаго края, вдругъ показалось розовое пламя, сохранявшее неизмѣнно свою форму. Каждое пламя походило на гору, которой высота приблизительно равнялась 2'. Большая часть луннаго круга казалась обложенной розовой каймой. Впрочемъ Г. Шидловскій не успѣлъ обозрѣть всей луны, по причинѣ скорого появленія солнца. Онъ также не замѣтилъ упомянутаго явленія задолго предъ концомъ полнаго затмѣнія, какъ удалось это другимъ астрономамъ, особенно наблюдавшимъ въ Вѣнѣ. Такое опущеніе объясняется тѣмъ, что Г. Шидловскій снялъ съ трубы черное стекло въ моментъ повораченія солнца, и былъ ослѣ-

«ленъ сильнымъ блескомъ вѣнца. Но я могу упомянуть о «наблюденіи, которое доказываетъ, что въ Липецкѣ красныя «горы образовались при самомъ началѣ затмѣнія: предъ уничтоженіемъ послѣдняго солнечнаго луча, я видѣлъ красную «кайму въ 48° отъ того мѣста, въ которомъ сирьлось солнце.»

Хотя, при составленіи нашей записки, мы не имѣли намѣренія излагать гипотезы, сдѣланныя для объясненія всѣхъ описанныхъ явленій, особенно *красныхъ горъ*; однако не можемъ умолчать, какое мнѣніе имѣеть объ нихъ Араго; потому что оно столько же неожиданно, какъ и самое явленіе, заключаетъ въ себѣ обширныя виды, и едва ли многимъ известно. Астрономы и физики могутъ считать его неосновательнымъ и слишкомъ смѣлымъ; но никакъ не должны пренебрегать имъ совершенно: едва ли оно не указываетъ на верный путь къ истинѣ. Араго сперва доказываетъ, что въ образованіи *красныхъ горъ* не участвуютъ ни отраженіе солнечныхъ лучей отъ лунныхъ горъ, ни ихъ преломленіе въ лунной атмосферѣ, вѣроятно, не существующей, ни ихъ погнутіе около краевъ луны или дифракція свѣта. Потомъ, разобравъ измѣренія высотъ *красныхъ горъ*, Араго приходитъ къ очевидному заключенію, что ихъ не можно считать и горами самого солнца, которыя становятся видимыми, не причинъ слабого освѣщенія земной атмосферы, соответствующей солнцу во время его затмѣнія. Послѣ уже такого изслѣдованія, Араго позволяетъ себѣ сдѣлать предположеніе: надъ солнечной *фотосферой* находится особеннаго рода вещество, или самосвѣтящееся, или только способное отражать свѣтъ фотосферы, которое мѣстами скопляется въ видѣ *облаковъ* съ опредѣленными очертаніями и окрашивается упомянутымъ свѣтомъ. Непосредственное слѣдствіе такого предположенія состоитъ въ томъ, что во время затмѣній надлежало бы видѣть *солнечныя облака* не только при краяхъ чернаго круга луны, но и вдали отъ нихъ. Араго находитъ подобное наблюденіе съ Целсіевомъ описаніи полнаго солнечнаго затмѣнія 1733 г., гдѣ знаменитый Шведскій физикъ говоритъ: «Вассеній (Vassenius), профессоръ математики въ Гетебургѣ, «видѣлъ въ вѣнцѣ три или четыре небольшихъ блестящихъ

«пятна, различной формы, различной величины, вблизи от края луны, но *неприкасающіяся къ ней.*» Если наблюдения надъ затмѣніемъ 1851 г. поддержать гипотезу Араго, то астрономы должны будутъ принять, что солнце сложено: 1) изъ темнаго центральнаго шара; 2) изъ огромнаго слоя облаковъ, висящихъ въ некоторомъ разстояніи отъ этого шара, и окружающихъ его со всѣхъ сторонъ; 3) изъ *фотосферы* или изъ блестящей атмосферы, облегающей слой облаковъ, и 4) изъ третьей атмосферы, окружающей солнце выше фотосферы, и образованной изъ темныхъ или слабо-свѣтящихся облаковъ. Первая облачная оболочка и покрывающая ее фотосфера иногда во многихъ мѣстахъ разрываются и позволяютъ видѣть темное солнечное ядро: въ это время поверхность солнца кажется покрытою черными пятнами. Фотосфера не имѣетъ вездѣ равномернаго блеска; но внимательномъ ея разсмотрѣніи, замѣчаемъ на ней весьма свѣтлыя полосы, расположенныя по различнымъ направленіямъ около солнечнаго экватора: это суть *свѣточки*. До сихъ поръ наблюденія не показали, чтобъ число и форма солнечныхъ пятенъ и свѣточки имѣли вліяніе на температуру земли: «но — говорить Араго — облака третьей оболочки «должны дѣйствовать совсѣмъ иначе: какъ вещество непрозрачное, они должны удерживать значительную часть солнечнаго свѣта и тепла. Словомъ: если третья оболочка существуетъ, то, можетъ быть, въ ней заключается причина тѣхъ «великихъ и часто весьма неприятныхъ переменъ, которымъ «бываютъ подвержены времена года.»

Въ предложенномъ собраны всѣ важнѣйшія явленія полнаго солнечнаго затмѣнія, на которыя наблюдатели должны обратить особенное вниманіе въ 1851 г.: теперь остается указать на другія, хотя не столь важныя, однакожъ любопытныя обстоятельства, требующія также или подтвержденія или новыхъ пояснительныхъ замѣчаній.

«Почти чрезъ сорокъ минутъ послѣ начала затмѣнія — пишетъ Араго — я видѣлъ *контуръ* луны, *обрисовавшійся* на небѣ; онъ составлялъ продолженіе темной дуги, находящейся уже на свѣтломъ солнечномъ кругѣ, и пересѣкалъ

«стотъ кругъ въ двухъ точкахъ на правой и лѣвой сторонѣ. На лѣвой сторонѣ (въ трубкѣ) контуръ былъ видимъ яснѣе, нежели на правой. Мои товарищи, Ложье и Мовэ, которыми я тотчасъ сообщалъ мое наблюдене, посредствомъ своихъ трубъ, сперва не замѣчали ни малѣйшаго слѣда луннаго круга вѣдъ солнца; въ моей же трубѣ они видѣли его совершенно ясно; но потомъ Мовэ усмотрѣлъ его и въ своей трубѣ. Тоже самое замѣтили Г. Буваръ въ Динь, и Флостеръ въ Тулонѣ.» Такъ какъ въ 1842 г. ни въ Италіи, ни въ Германіи, ни въ Россіи никто не сдѣлалъ подобнаго наблюденія, и можетъ быть, единственно потому, что тогда наблюдатели даже не думали о возможности видѣть луну вѣдъ солнца; и самъ Араго замѣтилъ ее неожиданно; то въ 1841 г. на это обстоятельство надобно будетъ обратить особенное вниманіе, дабы увѣриться, что, какъ полагаетъ Араго, видимость луны при солнечномъ затмѣніи не зависитъ отъ свѣта, отражаемаго землей и производящаго на ней освѣщеніе, известное подъ именемъ *penelma*, и которое, при ясной земной атмосферѣ, всегда видимо между новолуніемъ и первой четвертью.

Разсматривая экраны, освѣщаемые полнымъ солнцемъ, Араго весьма часто замѣчалъ, въ различныхъ мѣстахъ ихъ поверхности, крутыя и мгновенныя перемены въ силѣ свѣта; безъ сомнѣнія, онѣ происходятъ отъ особенныхъ движеній въ слояхъ земной атмосферы, нагреваемыхъ солнечными лучами; а потому для полнаго объясненія этого явленія, надобно было сдѣлать наблюденія надъ предметами, освѣщаемыми не полнымъ солнцемъ, но нѣкоторой его частью. Прибывъ въ Перпиньянъ, Араго просилъ любителей астрономіи, предложившихъ ему свои услуги для содѣйствія наблюденіямъ надъ затмѣніемъ 1842 г., смотрѣть на бѣлыя стѣны зданій и записывать съ точностью перемены, какія окажутся въ ихъ освѣщеніи во время различныхъ фазовъ затмѣнія. Юля 9, т. е. на другой день затмѣнія, Фоваль писалъ къ нему слѣдующее: «Предъ самымъ моментомъ полнаго помраченія солнца, я видѣлъ, что послѣдніе солнечные лучи волновались сильно и скоро на бѣлой стѣнѣ одного зданія ни малу С.

«Доминика. Это волненіе можно сравнить съ тѣмъ колеблющимся свѣтомъ, который падаетъ на потолокъ, отразившись отъ поверхности текучей воды. То же самое явленіе возобновилось въ моментъ открытія солнца.» Такое наблюденіе было сдѣлано по предварительному указанію Араго, и можетъ казаться подозрительнымъ; поэтому для его подтвержденія, Араго приводитъ свидѣтельство Е. Буvara о наблюденіи Савурнени (Savourgni), принадлежащаго къ духовенству Сейны (Seine). Савурнень видѣлъ на зданіяхъ тѣни и свѣтлыя пятна, бѣгущія другъ за другомъ, какъ бы тѣни облаковъ, проходящихъ предъ солнцемъ. Свѣтлыя пятна казались красными, желтыми, голубыми и бѣлыми. Дѣти гонялись за ними и старались ихъ схватить руками. Это необыкновенное явленіе было замѣчено только за нѣсколько мгновений до полного покрытія солнца. Извѣстіе о подобныхъ наблюденіяхъ Араго получилъ изъ многихъ мѣстъ Франціи, но ни одного изъ Италіи и Германіи; слѣдственно опять надобно ожидать 1851 г.

Все до сихъ поръ предложенное относится къ свойствамъ солнечнаго свѣта, изъ котораго, по неизвѣстнымъ намъ законамъ, образуется вѣнецъ около темнаго круга луны: теперь обратимся къ явленіямъ на этомъ самомъ кругѣ, для рѣшенія слѣдующихъ вопросовъ: 1) Нѣтъ ли на лунѣ большихъ или малыхъ пространствъ, нивьющихъ собственный свѣтъ? 2) Нѣтъ ли на лунѣ и нынѣ дѣйствующихъ вулкановъ? 3) Не бываютъ ли въ лунной атмосферѣ (если она существуетъ) бури, сопровождаемыя молніями? Эти вопросы предлагаетъ Араго въ слѣдствіе старыхъ наблюденій Галлея, Лувия, Улмоа и В. Гершеля, которыя надобно было подтвердить новыми наблюденіями въ 1842 г. На нихъ слѣдовало бы отвѣчать отрицательно и навсегда оставить безъ вниманія, если бы не замѣчанія извѣстнаго Марсельскаго астронома Вальца о двухъ весьма блестящихъ точкахъ, усмотрѣнныхъ имъ на краю луны за 40'' до окончанія полного затмѣнія, и не показанія Зентедечи, который наблюдалъ въ Венеціи и видѣлъ на лунѣ слабыя перемежающіяся молніи или струи фосфорическаго свѣта, перемѣшанныя съ черными чертами. Прежде объясненія этихъ явленій, должно увѣриться

и действительномъ нѣтъ существованіи, чего и надобно ожидать отъ наблюдателей 1851 г.

1850 г. Мая 18 (нов. шт.) Бейли, наблюдая въ Шотландіи солнечное затмѣніе кольцеобразное, замѣтилъ и подробно описалъ слѣдующее явленіе: когда западный край луны начнетъ отходить отъ точекъ внутренняго прикосновенія съ западнымъ же краемъ солнца, тогда оказываются на немъ зазубрины, которыхъ число потомъ уменьшается, и на мѣсто ихъ, между упомянутыми краями, появляются прямыя, широкія, между собой параллельныя и черныя черты, которыя въ свою очередь исчезаютъ очень скоро. Эти черты тянутся подобно черному и клейкому веществу. Въ 1842 г. ни самъ Бейли и никто изъ прочихъ опытныхъ наблюдателей не видали подобнаго явленія, и Араго нашель, что оно возможно только въ томъ случаѣ, когда глазное стекло или окуляръ зрительной трубы бываетъ поставленъ не въ надлежащемъ разстояніи отъ стекла предметнаго, — въ разстояніи, измѣняющемся по глазамъ наблюдателя. Это обстоятельство да послужить предостереженіемъ для любителей астрономіи, пожелающихъ наблюдать солнечное затмѣніе 1851 г.

Теперь остается предложить нѣсколько замѣчаній о состояніи земной атмосферы въ продолженіе полныхъ солнечныхъ затмѣній.

Степень освѣщенія земной атмосферы можетъ быть опредѣлена съ точностью числомъ и величиной звѣздъ, которыя бываютъ видимы во время полнаго помраченія солнца. Вотъ что показали наблюденія 1842 г. Въ Перпиньянѣ, Нарбонѣ, Динь, и пр. не видали болѣе пяти или шести звѣздъ первой и второй величины; слѣдственно атмосфера не была освѣщена слабѣе, нежели въ лѣтніе сумерки при безоблачномъ небѣ, или даже сильнѣе, потому что Піола въ Лодии могъ читать буквы средней величины, нагнувъ книгу къ красноватому цвѣту, распространившемуся по горизонту, и потому что въ Венеціи главные садовники ботаническаго сада не замѣтили ни какой перемѣны въ растеніяхъ, которыя по ночамъ свертываютъ свои лепестки и листья. Пониженіе температуры въ атмосферѣ есть необходимое слѣдствіе помраченія солнца:

въ Перпиньянъ и въ другихъ мѣстахъ Франціи и Италіи показанія термометровъ, укрытыхъ отъ прямого дѣйствія солнечныхъ лучей, уменьшились до 3° стоградуснаго дѣленія. Что жъ касается до переменъ цвѣта атмосферы и земныхъ предметовъ, то она не подлежитъ никакому сомнѣнію; но для объясненія ея причины надобно наблюдать съ большею осмотрительностью, не пропуская ни одного обстоятельства; особенно должно обращать вниманіе на различіе цвѣтовъ атмосферы и пролагаемыхъ на нее предметовъ. Астрономы, занятые наблюденіями надъ солнцемъ и луной, не могутъ уделять достаточнаго времени для разсмотрѣнія атмосферы и окружающихъ предметовъ: это дѣло свободныхъ любителей наукъ физическихъ.

Наконецъ, не считаемъ нужнымъ входить въ подробности о впечатлѣніяхъ, которыя полныя солнечныя затмѣнія производятъ въ людяхъ и въ животныхъ. Въ первыхъ эти впечатлѣнія зависятъ отъ ихъ образованія, личнаго характера и отъ увѣренности, что затмѣніе есть не предзнаменованіе каждаго-нибудь необыкновеннаго происшествія, но слѣдствіе неизмѣнныхъ законовъ движенія солнца и луны, явленіе, подлежащее строжайшимъ вычисленіямъ. Такъ, напримѣръ, 1842 г. въ Перпиньянъ астрономы были окружены тысячами любопытныхъ зрителей съ закопченными стеклами, и только удивленіе свое къ точности астрономическихъ предсказаній выразили громкими рукоплесканіями. Но въ Курскѣ, гдѣ народъ не былъ предувѣдомленъ о приближеніи затмѣнія и не имѣлъ никакого понятія о сущности явленія, многіе пришли въ отчаянный страхъ и съ молитвою упали на колѣни. Что жъ касается до животныхъ, то въ нихъ были замѣчены только дѣйствія инстинкта предъ наступленіемъ ночи: куры собирали своихъ цыплятъ, пѣтухи начинали кричать, а птицы на деревьяхъ прекратили свое пѣнье и чирканье; но лошади и крупный рогатый скотъ не показывали ни малѣйшаго безпокойства.

Д. Перевоицковъ.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ НАХОДКА.

Рѣшеніе вопроса о Царскомъ мѣстѣ, или такъ называемомъ Мономаховомъ тронѣ въ Успенскомъ Соборѣ.

(По рукописи Новгородскаго Древлезаписища.)

Въ Успенскомъ соборѣ, у южныхъ дверей, стоитъ узрочное деревянное Царское мѣсто, о которомъ досель нѣтъ положительныхъ извѣстій, кѣмъ и когда оно устроено. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія его назвали Мономаховымъ, единственно по изображеніямъ, которыми оно украшено, и которыя представляютъ исторію присылки Царскихъ регалій Владимиру Мономаху отъ Греческаго Императора Константина Мономаха. Исторія эта изложена кромѣ того и въ надписи на дверцахъ мѣста.

Относитъ этотъ тронъ ко временамъ Владимира Мономаха нѣтъ ни малѣйшихъ основаній. Покойный Малиновскій думалъ также, что *мѣсто* могло быть устроено при В. К. Іоаннѣ III. Позднѣйшіе археологи съ большею вѣроятностію относили его къ началу XVII ст. — Впрочемъ мысль изобразить въ украшеніяхъ трона и въ надписи исторію присылки регалій и вѣнчанія на Царство Владимира Мономаха, едва ли могла принадлежать времени Царя Михаила Ѳеодоровича, при которомъ небыло уже побудительныхъ причинъ особенно интересоваться этою исторіею. Въ это время изобразили бы скорѣе всего исторію всенароднаго избранія Михаила на Царство (какъ изобразили ее впоследствии въ рисункахъ), а не Мономахово вѣнчаніе и присылку регалій. Мысль изобразить на Царскомъ престолѣ послѣднее событіе могла возникнуть гораздо ранѣе, именно при Грозномъ, когда возбужденъ былъ

и самый вопросъ о Царскихъ регаліяхъ и вообще о Царскомъ санѣ, столько интересовавшій первовѣнчаннаго Московскаго Царя. — Ниже мы увидимъ, что этотъ тронъ дѣйствительно былъ устроенъ при Царѣ Иванѣ Васильевичѣ въ 1551 году.

Просматривая одинъ рукописный сборникъ бібліотеки М. П. Погодина, заключающій въ себѣ разныя историческія посланія XVI вѣка, мы встрѣтили небольшую статью, (4 листка въ 4-ку) названную *отрывкомъ о вѣнчаніи на Царство Всероссійское*. Статейка показалась намъ знакомою: она содержитъ въ себѣ списокъ, или, можетъ быть, проѣктъ надписи, находящейся на упомянутомъ Царскомъ мѣстѣ или Мономаховомъ тронѣ. Этотъ списокъ надписи начинается словами библейскаго текста: *Рече Господь азъ избрахъ тя Царя и взяхъ тя за десную твою руку* и пр., которыя вырѣзаны по вѣнцу или подзору трона. За тѣмъ въ списокѣ слѣдуетъ повѣствованіе о полученіи Владимирою Мономахомъ изъ Греціи Царскихъ регалій, вырѣзанное въ четырехъ клеймахъ на дверцахъ трона. На самомъ тронѣ надпись этимъ и заключается. Но въ списокѣ есть любопытное продолженіе, которое или намѣревались вырѣзать на тронѣ, или оно было уже вырѣзано на какой либо его части, и въ послѣдствіи утрачено.

Продолженіе надписи заключается въ слѣдующемъ:

«Благоволеніемъ, иже Веждѣсущаго Бога въ Троицы славимаго, неизрѣченною силою вся содержащаго Содѣтеля Владыки всей твари, Царь царствующимъ и Господь господствующимъ, иже неизрѣченнымъ Его Промысломъ, и превеликою Его Благодатію, и превысокою Его мышцею и Вседержительною дес-

---

* Памятники Моск. Древности. соч. И. М. Снегирева М. 1841—1846, стр. 27—28. Въ сочиненіи Г. Снегирева надпись сначала снята съ дверецъ, потомъ съ подзора; но въ списокѣ она расположена иначе и по нашему мнѣнію правильнѣе. По сличеніи печатнаго текста надписи со спискомъ открылись нѣкоторыя, впрочемъ не очень значительныя, варианты. Замѣтимъ одинъ болѣе другихъ пажный: — въ надписи на подзорѣ, въ чет. стр. 28. «И дамъ тобі нѣ земли на умноженіе плодовъ» — въ списокѣ: «и дамъ тобі» и пр. — Вообще же нужно замѣтить, что списокъ писанъ довольно небрежно.

пищею Господа нашего Иисуса Христа, ситце благоизволеніемъ совершенныя, въ Богоспасаемомъ православномъ и въ великомъ преименитомъ царствующемъ градѣ Москвѣ, во святей соборней и Апостольстей церкви Пресвятыя Владычицы нашея Богородица и Приснодѣвы Маріа, честнаго и славнаго Ея Успенія, преславно вычащъ бысть на царство всея Руси, сія держава благочестивый и боговѣчный Царь и Государь благовѣрный Великій Князь Иванъ Васильевичъ, Владимерскій, и Московскій, и Ноугородскій, и Псковскій, и Смоленскій, всея Руси Самодержецъ, по закону совершеннаго Царьскаго поставленья и всесвященнаго миропомазаніемъ, на престолѣ древняго достоянія отеческаго благословенія и прародительскаго его наслѣдія, благословеніемъ и рукоположеніемъ первосвященника Пресвященнаго Митрополита всея Руси киръ Макарія и всего, аже о немъ, пречестнаго и святаго и освященнаго собора и преименитаго свѣтлаго Царьскаго спиклита; еже бысть въ лѣто 7055-го гензаря 20; шестое надесять лѣто отъ рожества его. Якожь свидѣтельствуеть о немъ въ лѣтописаньѣ о царьскомъ ихъ поставленьѣ на златоукрашенныхъ взтворехъ мѣста сего. Сіе же Царьское мѣсто, еже есть престолъ устроенъ бысть въ лѣто 7060 (1551) мѣсяца Сентеврія въ 1 день, въ пятое лѣто державы Царства и государства его.»

«Подъ мѣстомъ Царя и Государя Великаго Князя звѣрь, а ему три имяна: *лѣтоу, левъ, скименитъ*; второй звѣрь *уена**, третей *орель*, четвертой *оскроганъ*, пятой *оскроганъ же*.»

Такимъ образомъ это любопытное извѣстіе разрѣшаетъ всѣ недоразумѣнія о времени устройства царскаго престола.

Что же касается до упомянутыхъ звѣрей, то древняя опись собора, а вмѣстѣ съ нею и позднѣйшіе описатели его достопамятностей не замѣтили ихъ различія и называли *львами*. Одинъ только «Путеводитель къ древностямъ и досто-

---

* По древнимъ словарямъ: *уена* звѣрь округное, безъ оберненья шпы. (П. Беринда). *Уена* есть звѣрь дикій, округный.... (Зиваній), *Уена*, медвѣдица, рысь. (Азбуковникъ). Въ сказ. Рус. Нар., Сахарова. Т. II.

памятностямъ Московскимъ и пр. М. 1792.» говорить, что «Императорское мѣсто.... на рѣзныхъ деревянныхъ различныхъ родовъ звѣряхъ.» Дѣйствительно, не смотря на чрезвычайно грубую отдыку этихъ фигуръ, нельзя не замѣтить ихъ различія.* Такъ, фигура, находящаяся подъ правымъ переднимъ угломъ трона, судя по величинѣ головы, должна представлять льва; другая фигура, подъ правымъ заднимъ угломъ, изображаетъ *уену* съ высунутымъ изъ пасти довольно длиннымъ языкомъ. Остальные два звѣря, сходные между собою по острымъ мордамъ, по всему вѣроятію (неизвестные намъ) *оскроданы*. Двуглавый орелъ утверждёнъ на самомъ верху трона

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что помѣщеніе именно этихъ звѣрей подъ Царскимъ престоломъ не могло произойти случайно. Звѣри и самый выборъ ихъ скрываютъ какіе-либо символы, доселѣ еще не разъясненные и, вмѣстѣ со многими другими символическими изображеніями, представляющіе любопытный вопросъ для нашей археологіи.

И. Забѣлинъ.

* Оно видно даже и на рисунокѣ трона (см. въ Памятникахъ Моск. Древности, стр. 27), гдѣ изображены внизу подъ углами трона *уена* и *оскроданъ*.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

О НАМЪРЕНІЯХЪ ВЪ ПРИРОДѢ И ПРЕДСТАВЛЯЮЩИХСЯ ВЪ НИХЪ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХЪ ВЫТІЯ ВОЖІА.

Въ твореніяхъ руку Твою поучаея. *Ис. 142.*

Самаго слабого вниманія къ самимъ себѣ и окружающимъ насъ предметамъ достаточно, чтобы замѣтить въ природѣ *намъренія*.

Кто не видитъ, что руки даны намъ для дѣйствованія, ноги для движенія по землѣ, органы чувствъ и умъ для различенія предметовъ и пріобрѣтенія вѣдѣнія о вещахъ, органъ слова для сообщенія мыслей и для общежительства? Кто не знаетъ, что безъ пищи ни мы, ни другія животныя не могли бы жить, безъ воздуха не могли бы дышать, безъ свѣта солнечнаго не могли бы ни чего различать на землѣ?

Справедливо, что человекъ не можетъ постигнуть *всѣхъ* намъреній природы. Намъ не дано этой способности и едва ли она возможна для существъ ограниченныхъ. Но въ природѣ всякъ видитъ зависимость вещей однихъ отъ другихъ, а въ зависимости открываются намъренія творчества. Внимательное разсматриваніе дѣйствій природы убѣждаетъ насъ въ этомъ до совершенной очевидности.

Взглянемъ на строеніе нашего тѣла.

Оно, со множествомъ сосудовъ и движущимися въ нихъ разнаго рода жидкостями, основано на крѣпкомъ *костяномъ оставѣ*; нѣжнѣйшія и важнѣйшія его части, для защиты ихъ отъ внѣшнихъ насилій, окружены костяными *оградами*.

Этотъ же самый оставъ, служа основою мягкимъ частямъ и запитой нѣжнымъ органамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ удивительное соединеніе *рычаговъ*, которыми, съ помощію протянутыхъ по нимъ мышцъ, этихъ живыхъ пружинокъ животнаго механизма, производятся все наши движенія, произвольныя и невольныя, иногда очень сильныя, иногда чрезвычайно быстрыя, и всегда до безконечности разнообразныя. Безъ такого устройства человекъ не былъ бы въ состояніи производить ничего того, что дѣлаетъ онъ для удовлетворенія своимъ потребностямъ, что удивляетъ насъ въ его силѣ, или ловкости, и восхищаетъ въ искусствахъ.

Во внутренности костянаго строенія помѣщены приборы нашихъ жизненныхъ отправленій, все сосуды и органы, посредствомъ коихъ мы питаемся, живемъ и чувствуемъ. Здѣсь представляется тотъ чудный *приборъ пищеваренія*, въ которомъ поглощаемая нами разнородная и часто грубая пища начинаетъ получать свое непостижимое преобразование, чтобы обратиться въ существо живое, сдѣлаться составною частию насъ самихъ. Въ этомъ, на видъ простомъ и не очень благородномъ снарядѣ, но которому такъ раболопно служить нашъ вкусъ, готовится весь матеріалъ нашего тѣла и, съ источникомъ жизни, сокрытъ источникъ самой большей части нашихъ животныхъ наслажденій, нашего тѣлеснаго благополучія.

Надъ пищеварительнымъ приборомъ, который, со всеми его принадлежностями и продолженіемъ, отдѣленъ отъ благородныхъ органовъ особенною преградой, въ реберной оградѣ повышенъ органъ *дыханія*. Это губчатый кровочистительный приборъ, въ которомъ, каждымъ вдыханіемъ воздуха и каждымъ его выдыханіемъ, очищается наша кровь отъ смертоноснаго избытка въ ней угольнаго вещества и вмѣстѣ съ тѣмъ получаетъ изъ разложенной имъ части кислороднаго газа известное количество теплоты, которая раздѣляется потомъ по тѣлу для вознагражденія безпрестанныхъ ея потерь чрезъ испаренія. О важности дыхательнаго органа всякъ легко можетъ судить по известнымъ послѣдствіямъ прерваннаго дыханія.

Внутри легкихъ устроенъ сильный мышечный насосъ, разливающейъ очищенную и согрѣтую въ нихъ кровь по всему тѣлу, чрезъ артеріи, и принимающей въ себя обратно, чрезъ вены, неочищенную, для передачи ея опять этому чистилищу. Это *сердце*, котораго непрерывную работу для нашей жизни мы слышимъ по его ударамъ. Съ прекращеніемъ его біенія останавливается и стынетъ кровь въ жилахъ и жизнь прекращается.

Надъ сими органами и надъ отличительными орудіями человеческой дѣятельности, руками, благородно возвышается, заключенный въ крѣпкомъ костяномъ хранилищѣ, престоль повелительницы нашего тѣла, души, и непостижимое орудіе таинственныхъ ея дѣйствій, *мозгъ*, окруженный органами *чувствъ*, посредствомъ которыхъ состоитъ она въ сознаніи съ міромъ. Въ мозгу сходятся, или изъ него выходятъ всѣ нити *нервовъ*, которые, какъ отрасли этого вещества, распространяются по всѣмъ частямъ тѣла, для сообщенія имъ жизни и способности ощущенія; по всѣмъ органамъ чувствъ, для принятія отъ нихъ и перенесенія въ душу впечатлѣній; по всѣмъ орудіямъ движенія, для передачи имъ воли души. Этотъ органъ такъ важенъ для дѣйствій нашей души и для самой жизни всего тѣла, что малѣйшее его разстройство приводитъ въ замѣшательство, или повергаетъ въ бездѣйственность всѣ наши не только тѣлесныя, но и душевныя способности; а всякое его поврежденіе причиняетъ смерть.

Изъ органовъ чувствъ, которыхъ назначеніе столько же очевидно, какъ назначеніе рукъ и ногъ, *зрѣніе* и *слухъ*, первѣйшіе пособники души и вѣрнѣйшіе ея служители, болѣе другихъ удивляютъ насъ и очевидно открывающихся въ нихъ намѣреній творчества, и обширности соображеній, принятыхъ въ ихъ строеніи, и простотою ихъ устройства. На слухъ основанъ *даръ слова*, эта необходимая потребность человеческой природы; а строеніе слуха основано на упругости воздуха. Отъ зрѣнія зависятъ почти всѣ наши вещественныя понятія о мірѣ и самая наша жизнь, сколько она зависитъ отъ удовлетворенія естественныхъ потребностей; а

само зрѣніе зависитъ отъ лучей свѣта, по соображенію съ которыми оно устроено. Въ строеніи глаза поразительна простота механическаго соединенія трехъ прозрачныхъ жидкостей, основаннаго на самыхъ первыхъ и простыхъ законахъ преломленія лучей. Долондъ, по указаніямъ Ньютона, подражая этому строенію, исправилъ недостатокъ тогдашнихъ зрительныхъ трубъ; а самъ Ньютонъ столько былъ пораженъ этимъ устройствомъ нашего органа, что даже въ немъ одномъ находилъ неопровержимое доказательство бытія Божія.

Вотъ слабыя указанія намѣреній творчества, открывающихся при простомъ взглядѣ на нѣкоторыя изъ самыхъ важнѣйшихъ частей нашего тѣла. Тщательное изученіе его устройства, открывая назначеніе каждой части, показываетъ столько же частныхъ цѣлей или намѣреній, сколько частей заключаетъ въ себѣ этотъ многосложнѣйшій механизмъ. Всѣ эти части, при безконечномъ ихъ разнообразіи, имѣя одну общую цѣль, жизнь недѣлимаго, согласены между собою въ ихъ формахъ, силахъ и дѣйствіяхъ, и приведены къ этому единству цѣлаго, по одной общей мысли, одною Великою Мудростію.

Въ устройствѣ тѣлъ *животныхъ* столько же, какъ и въ строеніи нашего тѣла, видно назначеніе ихъ частей и органовъ, и столько же ясно открываются намѣренія природы. Какъ существа органическія и одушевленные, всѣ животныя снабжены органами питанія, орудіями произвольнаго движенія и органами чувствъ, необходимыми для ощущенія и разумнія. Въ нихъ пищевареніе, уподобленіе пищи и внутреннее обращеніе соковъ совершаются, хотя не у всѣхъ единообразно, однакожъ по одному общему всѣмъ началу одушевленной жизненности. Но какъ роды животныхъ чрезвычайно многочисленны и количество жизни, данное въ удѣлъ каждому, весьма различно, то и строеніе ихъ тѣла весьма разнообразно. Это разнообразіе еще болѣе увеличивается различіемъ стихій, въ которыхъ предопредѣлено жить каждому роду, и пищи, которою назначено каждому питаться; различіемъ мѣста и климата, въ какихъ суждено каждому

обитать, и наконецъ различіемъ образа жизни, опредѣленнаго для каждаго рода, и даже самымъ ея продолженіемъ. Вообще можно сказать, что нѣтъ почти мѣста на земномъ шарѣ, въ которомъ бы не было какого-нибудь рода одушевленныхъ существъ, и природа всѣхъ ихъ согласена съ мѣстностію и другими обстоятельствами ихъ жизни.

Жизненные потребности всѣхъ животныхъ, равно какъ и человека, обезпечены особенными внутренними побужденіями, не зависящими отъ воли и основанными на способности ощущенія. Питаніе обезпечено чувствомъ голода и жажды; сохраненіе равновѣсія теплоты — чувствомъ холода и жара; самохраненіе — любовью къ жизни; безопасность отъ разрушительныхъ силъ — болію отъ ихъ дѣйствія; безопасность отъ произвольнаго насилія — гнѣвомъ и мщеніемъ, какъ средствами отражающими, и страхомъ, какъ средствомъ спасающимъ; общее благосостояніе тѣла — пріятнымъ ощущеніемъ здоровья и жизни и удовольствіями, происходящими отъ удовлетворенія жизненныхъ потребностей. Сии удовольствія составляютъ вмѣстѣ и счастье животной жизни.

Для удовлетворенія сихъ побужденій, животныя, при способности *произвольныхъ движеній*, одарены *разумнымъ* въ различныхъ степеняхъ. Ощущенія побуждаютъ ихъ дѣйствовать, а разумніе направляетъ ихъ дѣйствія къ цѣлямъ. Безъ побужденій и разумнія животныя не могли бы существовать, и на земномъ шарѣ не было бы совсѣмъ царства животнаго.

Но человекъ, разделяющій съ животными ихъ тѣлесную природу и всѣ ея потребности и одаренный одинаковыми съ ними чувствами тѣлесныхъ побужденій, сверхъ того имѣетъ еще другую, гораздо важнѣйшую и благороднѣйшую, *духовную* природу, съ которою сопряжено для него другое, совсѣмъ отличное отъ животныхъ, высшее назначеніе, и дарованы ему другія ощущенія и побужденія, другія способности и силы душевныя и особенный тѣлесный даръ, органъ слова. Видѣніе его не заключается въ однихъ чувственныхъ представленіяхъ и не ограничивается предѣлами одной его собственной, индивидуальной жизни;

ему подлежат все пространство земнаго шара, вся протекающая жизнь человечества и безпредѣльная область истинъ отвлеченныхъ. Постигая законы природы, онъ не только пользуется дарами ея щедрости, но и заставляетъ ее производить гораздо болѣе, для удовлетворенія своихъ разнообразныхъ потребностей и даже прихотей. Его разумъ, открывая ему его высшую природу и высокое назначеніе, представляеть ему не чувственные, но другія, высшія и благороднѣйшія побужденія къ дѣяніямъ, побужденія нравственные, духовныя. Его воля, озаренная симъ свѣтильникомъ, не покоряется рабски тѣлеснымъ влеченіямъ и въ удовлетвореніи ихъ однихъ не полагаетъ уже цѣли жизни, счастья. Напротивъ, свободно все избирая, она торжествуетъ надъ тѣлесными побужденіями и удовольствіями, находя высшее благо въ покорности разуму и проистекающемъ изъ того одобреніи совѣсти, этого чувства духовной природы. Самыя тѣлесныя его побужденія, подъ управленіемъ разума и подъ вліяніемъ побужденій нравственныхъ, облагороживаются и становятся въ соотвѣтственность съ его высшею природою и высшимъ назначеніемъ.

Даръ слова, эта исключительная принадлежность разумнаго существа, составляетъ вмѣстѣ и необходимое условіе назначенія чловѣка. Безъ слова, при всѣхъ великихъ способностяхъ нашей души, мы не отличались бы отъ неразумныхъ животныхъ. Мы не могли бы приобрѣтатъ не только никакихъ отвлеченныхъ, но и самыхъ простыхъ описательныхъ понятій, переходящихъ нынѣ изъ устъ въ уста, отъ народа къ народу, отъ вѣка въ вѣкъ. Все пространство мѣста и времени, заключающееся внѣ сферы нашего индивидуальнаго бытія, безъ дара слова, было бы для насъ покрыто вѣчнымъ мракомъ неизвѣстности. Общественная жизнь, со всѣми ея преимуществами, и всѣ благодѣянія гражданскихъ законовъ и порядка; познаніе нашей духовной природы и ея значенія, со всѣми ея возвышенными ощущеніями и наслажденіями; познаніе истины и верховныхъ благъ, познаніе самаго Творца вселенной и нашихъ къ нему отношеній, словомъ, все, что теперь составляетъ нравственное и главный-

шее достоинство челоѣка, что возвышаетъ его столько надъ всѣми прочими животными, тогда не существовало бы даже именемъ. Кто можетъ отвергнуть здѣсь очевидность намѣренной творчества? И не достаточно ли однихъ этихъ примѣровъ для заключенія, что и во всей природѣ все должно быть устроено также съ цѣлями и по соображеніямъ? Но поступимъ далѣе.

Въ *растеніяхъ* нѣтъ произвольнаго движенія, нѣтъ разумнѣя, ни ощущенія, нѣтъ и органовъ, посредствомъ которыхъ совершаются сіи, равно какъ и прочія явленія животной жизни. Но растенія состоятъ изъ вещества сосудистаго, растутъ и живутъ питаніемъ и дыханіемъ: во внутренности ихъ движутся соки, подобно сокамъ и крови животныхъ, и для того они снабжены сосудами всасывающими, проводящими и испаряющими. Они, подобно животнымъ, принимаютъ въ себя тѣла органическія, или мертвые остатки органическихъ, уподобляютъ ихъ своему составу, дѣлая органическими, и сообщаютъ имъ свою жизнь. Они дышатъ, подобно животнымъ, и также испаряютъ жидкости, ненужныя для продолженія ихъ жизни. Все строеніе ихъ, также какъ и строеніе тѣлъ животныхъ, и въ частяхъ, и въ цѣломъ, и въ отношеніи ко всей окружающей природѣ, исполнено очевидностію намѣренной творчества.

Въ образованіи какъ животныхъ, такъ и растеній, весьма замѣчательнъ законъ *уподобленія* пищи каждымъ недѣлимьмъ его роду и происходящее изъ того безконечное различіе ихъ формъ, при однихъ и тѣхъ же химическихъ основаніяхъ, въ составъ ихъ входящихъ. Одна и та же трава питаетъ и вола, и лошадь, и овцу, и козу; а какое различіе въ ихъ формахъ! Всѣ вообще животныя питаются или листьями, или зернами растеній, или же суть плотоядныя; но формы ихъ до безконечности различны. Въ растеніяхъ видимъ мы тотъ же законъ. На одну землю падаютъ сѣмена мака и дуба, пшеницы и бѣлены, розы и табаку; одними соками изъ земли, одною влажностію изъ атмосферы, однимъ воздухомъ, одною теплотою и свѣтомъ солнца они питаются, дышатъ, согрѣваются, растутъ и живутъ; а какое великое различіе въ ихъ формахъ

и свойствахъ! Вообразимъ же, какимъ безчисленнымъ множествомъ растеній покрывается наша планета и какое безконечное разнообразіе представляется въ ихъ формахъ! Но обратимся опять къ ихъ химическимъ началамъ; вездѣ найдемъ тѣ же *углеродъ*, *водородъ*, *кислородъ* и *азотъ*, съ небольшимъ количествомъ началъ ископаемыхъ.

Въ царствѣ животномъ, равно какъ и въ растительномъ, каждому недѣлимому назначенъ, по его роду, предѣлъ жизни, за которымъ слѣдуетъ разрушеніе его организма и разложеніе всего тѣла на химическія, безжизненные начала. Если бы природа не обезпечила особеннымъ образомъ продолженія рода каждаго живаго существа; то бы шаръ земной въ короткое время опустѣлъ и обнажился, лишась всѣхъ животныхъ и растеній, и остался бы съ одною своею минеральною корою, голою и безжизненною. Но природа, всегда согласная сама съ собою, всѣмъ животнымъ и растеніямъ даровала *плодотворныя* силы, которыя, не смотря на непремѣнный законъ смертности всего живущаго на землѣ, сохраняютъ на ней непрерывную жизнь. Какое множество дѣтей произраждаютъ инныя животныя, какое огромное количество сѣменъ производитъ почти всѣ растенія, прежде нежели сами умираютъ! Растенія, сверхъ сѣмени, заключаютъ еще способность возрожденія въ почкахъ, которыми во множествѣ усыпаютъ поверхность большей части ихъ. Кажется, во всякомъ членѣ ихъ заключена сила воспроизведенія. И все это обезпечно въ живущихъ существахъ самымъ постояннымъ, существеннымъ ихъ образованіемъ, видимо для предназначенной цѣли и во всѣхъ по одному общему началу устроеннымъ. Младенчество животныхъ охраняется чувствомъ родительской любви, а сверхъ того въ большей части обезпечивается и питаніемъ, заготовляемымъ въ груди матери самою природою. Какъ умилительны въ сихъ тваряхъ всѣ попеченія, какимъ предаются онѣ для исполненія этого долга природы! Какъ примѣчательны попеченія самой природы, какими сопровождаетъ она таинство возрожденія въ растеніяхъ! Возможно ли отвергнуть здѣсь очевидность намѣреній?

Царство *ископаемыхъ* не столько поражаетъ насъ явленіями своего бытія, какъ царства органическія. Въ немъ нѣтъ той многосложности строенія, нѣтъ того безконечнаго разнообразія формъ, ни того непрерывнаго движенія жизненности, въ какихъ заключается существованіе животныхъ и растений, покрывающихъ и украшающихъ шаръ земной. Но царство ископаемыхъ отличается кристаллизаціею, которая удивляетъ насъ своею *правильностію* и красотою.

Обратимся къ *красотамъ* природы. Онѣ не столько поражаютъ умъ очевидностію намѣреній творчества, сколько прельщаютъ чувства своимъ на нихъ дѣйствіемъ и удивляютъ насъ своимъ безконечнымъ разнообразіемъ и богатствомъ въ общемъ убранствѣ природы. Кто не любовался изяществомъ формъ и не восхищался игрою свѣта, разсматривая, въ царствѣ неорганическомъ, кристаллы, въ растеніяхъ — листья и цвѣты, въ птицахъ и крылатыхъ насѣкомыхъ — ихъ перья, въ самыхъ рыбахъ и пресмыкающихся — ихъ разнообразныя, узорчатые цокровы? Кто не наслаждался въ голосѣ человеческомъ или въ звукахъ орудій искусственныхъ, волшебнымъ упоеніемъ мелодіи и гармоніи? Не есть ли это *чувственное* изліяніе благодати въ творчествѣ? Не служитъ ли оно нашей природѣ введеніемъ въ красоты и наслажденія нравственныя, духовныя? Но, что же подлежитъ сомнѣнію, все это есть произведеніе *порядка*, *правильности*, *соразмѣрности*; выраженіе мѣры, точности, стройности, согласія; выраженіе и необходимое слѣдствіе *законности*, *совершенства*, *мудрости*. И что было бы въ мірѣ безъ строгой мѣры и точности, безъ согласія и стройности, безъ законовъ и мудрости, тамъ, гдѣ все непрерывно движется, дѣйствуетъ, измѣняется?

Отъ насъ сокрыто все, что происходитъ внѣ обитаемой нами планеты; но мы знаемъ несомнѣнно, что на нашей планетѣ не было бы ни животныхъ, ни растеній, если бы *солнце* не согревало ее и не освѣщало своими лучами; не было бы воды и ледъ былъ бы, можетъ статься, крѣпче алмаза; не было бы воздуха, въ составъ котораго входятъ тепло и свѣтъ; слѣдственно не было бы никакой жизни. Если нельзя думать,

что солнце, это огромное тѣло, во столько разъ превосходящее землю своею величиною, для земли только существуетъ; то, съ другой стороны, нельзя сомнѣваться въ великой и существенной зависимости отъ него нашей планеты со всѣмъ, что на ней и въ ней находится и происходитъ. Для того она ежедневно обращается передъ солнцемъ на своей оси и ежегодно дѣлаетъ около него огромный кругъ. Последний простолодинъ можетъ видѣть и понять эту зависимость; можетъ ли отвергнуть ее философъ, или не признать въ ней великихъ намѣреній творчества?

Кромѣ земли, солнце имѣетъ еще другія планеты, которыя около него обращаются. Мы не знаемъ, что на нихъ происходитъ; однакожь не можемъ сомнѣваться, что и онѣ, подобно землѣ, освѣщаются и согреваются лучами сего свѣтила. Изъ этого со всею вѣроятностію мы можемъ заключить, что и на нихъ его благотворная сила также распространяетъ жизнь, какъ на землѣ, которую нѣкоторыя изъ нихъ, особенно же всѣ онѣ вмѣстѣ, далеко превосходятъ величиною.

Но наша солнечная система не одна во вселенной. Милліоны звѣздъ блистаютъ надъ нами и подъ нами въ безднахъ пространства небесъ. Неземъримая отдаленность, изъ какой досягаетъ до насъ свѣтъ ихъ, доказываетъ, что всѣ онѣ суть огромныя, самосвѣтятся тѣла. Нельзя думать, чтобы онѣ существовали только для блеска въ нашихъ глазахъ и безъ цѣли разливали теплоту по безднѣ пространства. Вѣрно онѣ, также какъ и наше солнце, имѣютъ свои планеты, которыя гремятъ и освѣщаютъ, покрывая и наполняя жизнью.

Наконецъ новѣйшіе наблюдатели неба открыли, что и само наше солнце, казавшееся неподвижнымъ, со всею его планетною системою, влечется куда-то по пространству небесъ, къ сторонѣ созвѣздія Геркулеса. Оно пробѣгаетъ въ годъ 200 милліоновъ верстъ. Влеченіе предполагаетъ силу; сила предполагаетъ тѣло, въ которомъ она заключается; следовательно въ звѣздномъ небѣ должно быть еще какое-то неизвѣстное намъ тѣло, какой-то исполнителъ звѣздъ, который изъ неизмѣримаго отдаленія владычествуетъ и надъ свѣтлымъ

повелителемъ нашей бѣдной, темной кучки небесныхъ тѣлъ, и вѣроятно не одна эта кучка, съ своимъ владыкою, ему покорствуешь. Какой поразительный примѣръ связи и единства на необъятномъ пространствѣ! Здѣсь мы уже не постигаемъ намѣреній творчества, но должны признать, ибо видимъ безпредѣльность соображеній, бездну премудрости и силы.

Смотря на сводъ небесный, наполненный неизчетнымъ множествомъ звѣздъ, и принимая ихъ за солнца, подобныя нашему и окруженныя своими невидимыми для насъ планетами, мы должны заключить, что и всѣ звѣзды съ ихъ планетами, подобно нашему солнцу, движутся, или состоятъ во взаимной связи и зависимости между собою. Пылинка, носимая вѣтромъ въ пространство атмосферы, колеблемая имъ въ пустынной степи былинка, движутся безъ плана безъ цѣли. Не для того носится вѣтръ надъ поверхностію земли, чтобъ играть легкими тѣлами; не для того существуютъ легкія тѣла, чтобы служить игралищемъ вѣтрамъ; движеніе ихъ есть побочное дѣйствіе силъ, имѣющихъ свои особенныя, главныя назначенія. Не таково правильное и стройное теченіе тѣлъ небесныхъ. Подобно движенію земли около солнца, оно непременно должно имѣть свою цѣль и должно управляться однимъ общимъ закономъ, содержаться въ согласіи одною общою силою, обниматься одною общою мыслию во всей безпредѣльности его пространства и во всей безднѣ подробностей, до самома́лѣйшихъ существъ каждой планеты, до послѣднихъ монадовъ каждаго вещества, всякой матеріи. «Всѣ эти бездны свѣтилъ, говоритъ нашъ молодой наблюдатель и краснорѣчивый описатель неба, вѣроятно дѣйствуютъ другъ на друга и составляютъ одну общую, непрерывную часть творенія.» (Зеленый. Лекціи Популярной Астрономіи, стр. 421).

Кто предназначилъ имъ эту цѣль? Кто предначерталъ пути ихъ сложнымъ движеніямъ и далъ имъ потребныя для того силы, дѣйствующія внѣ сферы собственнаго бытія тѣлъ на неизмѣримыя разстоянія? Кто всѣ сіи движенія, направленные къ одной великой цѣли, содержитъ въ согласіи и всѣ производящія ихъ силы въ равновѣсіи? Всякое животное на

земной поверхности и въ глубинѣ водъ, всякое растеніе, всякая ихъ часть, до послѣдняго монада, устроены и расположены по соображеніямъ съ потребностями цѣлаго недѣлимаго, со всеми взаимными ихъ отношеніями, со всеми стихіями и силами земнаго шара, со всеми дѣятелями природы; весь шаръ земной поставленъ, по своимъ произведеніямъ, въ существенную и необходимую зависимость отъ солнца; а солнце, съ его планетами, подчинено другимъ тѣламъ небеснымъ, и то же самое съ основательностію должно заключить о всей вселенной. Кто все это сообразилъ и устроилъ? Какая мудрость все это обняла въ безпредѣльности пространства и времени, все предусмотрѣла отъ начала вѣковъ до безконечности, и все учредила? Какая сила все это создала и содержитъ?

«Если бы были люди, говоритъ Аристотель, которые бы родившись въ подземельи и живя тамъ въ богатыхъ чертогахъ, среди всѣхъ убранствъ роскоши, въ удовольствіяхъ, какими только можетъ наслаждаться человекъ, считающій себя благополучнымъ, никогда не выходили на свѣтъ и по однимъ только сказаніямъ слышали о бытіи Верховнаго Существа и его силъ; но потомъ вдругъ вышли бы изъ подземелья и явились между нами: какъ скоро увидѣли бы они землю, моря и небо и познали величіе облаковъ и силу вѣтровъ; какъ скоро увидѣли бы солнце и познали его великолѣпіе и дѣйствія; когда узнали бы, что оно даетъ день, озаряя свѣтомъ все небо; и потомъ, когда земля покрывается мракомъ ночи, увидѣли бы они все небо, украшенное звѣздами, и луну съ переменными ея видами; наконецъ увидѣли бы, что всѣ сіи свѣтила восходятъ и заходятъ, и познали бы всегда точное и постоянное ихъ теченіе: то безъ сомнѣнія заключили бы, что есть Богъ и что все имъ видимое есть твореніе Божіе.» — Также рассуждалъ и другой великій древній философъ, Цицеронъ, который, въ подкрѣпленіе своего мнѣнія, приводитъ сія слова Аристотеля. (*De natura deorum. Lib. 11*).

Но не такъ рассуждаютъ нынѣ пантеисты, послѣ двадцативѣковыхъ успѣховъ философіи и человечества, которыми они такъ высококомѣрно превозносятся предъ великими учителями

древности. Шелличъ говоритъ: «Природа есть священная, *въчно* созидающая, *первобытная* (?) сила міра, всѣ вещи порождаящая *изъ себя самой* и доводящая ихъ до самодѣятельности (?)» Слѣдственно, по его мнѣнію, міръ существуетъ отъ вѣчности, и въ немъ все творится само собою, само изъ себя, безъ всякой другой высшей надъ нимъ силы.

Конечно не можетъ быть сомнѣнія, что всѣ явленія природы совершаются дѣйствіемъ ея *собственныхъ* силъ, составляющихъ постоянное ея свойство, или ея сущность. Такъ камень, падающій на землю, движется силою своей собственной тяжести, или земля притягиваетъ его своею собственной силою тяготѣнія; такъ части всякаго твердаго тѣла держатся между собою своимъ взаимнымъ сцѣпленіемъ. Охлажденная капля воды твердѣетъ и кристаллизуется собственной силою ея частицъ. Зерно растенія, при извѣстной степени теплоты и при содѣйствіи другихъ стихій, своею собственной силою прозябаетъ и образуется въ растеніе своего рода. Яйцо птицы и насѣкомаго и всякое сѣмя животное, при извѣстныхъ условіяхъ, своею собственной, внутреннею и врожденною силою развертываются и образуются въ животныхъ своего рода. Такъ земля и прочія планеты ихъ собственными силами, вмѣстѣ съ силою солнца, движутся около сего свѣтила. Наконецъ, такимъ же образомъ мы и всѣ существа одушевленные собственными своими внутренними, врожденными нами силами образуемся, живемъ, движемся и дѣйствуемъ.

Мы не можемъ думать, чтобы, вмѣсто силъ природы, самъ Творецъ всегда и непосредственно въ ней дѣйствовалъ. Во-первыхъ мы, заставляя природу дѣйствовать по своимъ видамъ, не рѣдко, или по заблужденію, или же и прямо съ худымъ намъреніемъ, во зло употребляемъ ея силы. Этого не могло бы быть, если бы, вмѣсто силъ природы, дѣйствовалъ въ ней самъ Творецъ. Высочайшее Существо не можетъ служить орудіемъ нашей слѣпой, особливо же злой воли. Самая наша природа, по ея ограниченности, такъ легко уклоняется ко злу, что дѣйствій ея не возможно приписать Существому Всесовершеннѣйшему. Во-вторыхъ мы не рѣдко встрѣчаемъ

въ физической природѣ отступленія отъ ея собственныхъ формъ. Какъ случайныя столкновенія силъ самой природы, неизбѣжныя по причинѣ ея ограниченности, подобныя явленія, называемыя уродами, или игрою природы, совершенно понятны: но какъ непосредственное дѣйствіе безпредѣльной мудрости, или всевѣднѣя и безпредѣльнаго могущества, они не возможны. Наконецъ и то, что составляетъ не случайныя столкновенія силъ, но самую сущность вещей, т. е. ограниченность, видимая нами во всемъ мірѣ, доказываетъ, что природа дѣйствуетъ собственными, врожденными ей силами. Въ ней всякое совершенство, всякое добро имѣютъ свои предѣлы: свѣтъ смѣняется тьмою, теплота — холодомъ, здоровье — болезнями, радость — печалію, наслажденіе — страданіями, жизнь — смертію, твореніе — разрушеніемъ, бытіе — уничтоженіемъ. Это то, что мы называемъ зломъ, въ противоположность тому, что носитъ на себѣ имя и качества блага; это ограниченность природы, ея сущность, необходимая принадлежность всего сотвореннаго и всего возможнаго внѣ Существа Верховнаго, Единаго Безпредѣльнаго и Всесовершеннаго.

Конечно мы, не только чувствами, но и умомъ не постигаемъ того, что называемъ *силою*. Мы говоримъ: сила притягивающая, отталкивающая, движущая; сила тяготѣнія, сила тяжести, химическаго притяженія; сила теплоты, свѣта, электричества, магнетизма; силы растительныя, жизненныя; и наконецъ все вмѣстѣ, или поодиначкѣ, называемъ ихъ *силами природы*; потому что видимъ, или ощущаемъ ихъ дѣйствія: но сущности ни которой изъ нихъ ни малѣйше не постигаемъ. Означая словомъ *сила* непостижимую для насъ *причину* видимаго, или осязательнаго явленія, мы довольствуемся тѣмъ, что другіе понимаютъ, на что мы указываемъ. Постоянный образъ дѣйствованія природы, или силъ, мы называемъ *законами природы*. Изучая законы природы, мы даже заставляемъ ее дѣйствовать по нашимъ желаніямъ, точно также, какъ приводимъ въ дѣйствіе свои собственныя силы. И такъ мы не постигаемъ сущности силъ. При всемъ томъ мы не можемъ не признать ихъ, какъ способность извѣстнаго образа дѣйствованій природы, и ясно видимъ, что

эта способность заключается въ самой природѣ, какъ ея сущность, а не извнѣ, какимъ бы то образомъ ни было, ей приходитъ.

Но изъ того, что творящія силы природы заключаются въ ней самой, отнюдь не слѣдуетъ, что природа ни отъ кого ихъ не получила, а сама отъ себя имѣетъ, и потому сама безначальна, сама изъ себя все творитъ и творитъ вѣчно, какъ учитъ Шеллингъ. Въ дѣйствіяхъ природы мы видимъ *цѣли и намѣренія*; а это по необходимости предполагаетъ *сообразенія*; сообразенія же невозможны безъ *разумнѣя*. Слѣдственно, въ изысканіи послѣдней причины вещей, нельзя остановиться на заключеніи, что природа вездѣ дѣйствуетъ собственными силами; но необходимо должно рѣшить вопросъ: *самой ли природѣ принадлежатъ сообразенія, примѣчаемая нами въ ея творчество и необходимыя во всякомъ дѣйствіи, въ которомъ есть цѣли и ведущіе къ нимъ пути, или употребляемая для нихъ средства, есть преемственность и порядокъ и установленные для нихъ законы?* Самой ли природѣ окончательно должно приписать ту безпредѣльную мудрость, которой мы удивляемся въ ея дѣйствіяхъ? — Разсмотримъ нѣсколько примѣровъ ея дѣйствій. Обратимся къ *общимъ великимъ дѣятелямъ и силамъ* нашей планеты.

Вода, собранная въ особенныя великія хранилища на земномъ шарѣ, безпрестанно подымается въ воздухъ, въ видѣ паровъ, и вмѣстѣ съ нимъ, объемля всю землю, то питаетъ на ней растенія, чрезъ свое къ нимъ прикосновеніе изъ атмосферы; то, низпадая дождемъ и снѣгомъ, образуетъ источники и рѣки, для напоенія животныхъ. Въ рѣкахъ и океанахъ она служитъ стихіею великому множеству рыбъ и разнаго рода живущихъ тварей. Безъ нея не было бы на земномъ шарѣ ни растеній, ни животныхъ, слѣдственно не было бы никакой жизни. Самымъ химическимъ соединеніямъ въ неорганическомъ царствѣ она большею частію служитъ необходимою посредницею. Сама ли себѣ сдѣлала она такое великое и разнообразное назначеніе и по своему ли намѣренію и разумнѣнію его исполняетъ? Конечно нѣтъ! Напротивъ, мы ясно видимъ, что во всѣхъ сихъ явленіяхъ она большею частію

повинуется силамъ постороннимъ, а потому остается въ состояніи *страдательномъ*, въ которомъ собственныя намѣренія и разумѣніе, еслибъ и были для нея возможны, оставались бы и недействительными и излишними. Теплота даетъ ей видъ текучести и паровъ, воздухъ носить ее кругомъ земли, растенія и животныя всасываютъ силою упругости или волосности своихъ сосудовъ, при содѣйствіи давленія воздуха и другихъ дѣятелей; сила тяжести, общая ей со всѣми тѣлами, приводитъ ее въ уровень по поверхности земли, и тѣмъ побуждаетъ къ теченію въ источникахъ, ручьяхъ и рѣкахъ. Намѣренія и соображенія творчества очевидны во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ; но столько же очевидно и то, что они не принадлежатъ самой водѣ, не имѣющей возможности дѣлать никакихъ соображеній.

Такое же и даже еще обширнѣйшее назначеніе въ дѣйствіяхъ природы имѣетъ *воздухъ*. Облегая своею проникаемою, прозрачною и упругою массою весь шаръ земной, онъ дѣйствуетъ на немъ и химически и механически. Онъ входитъ въ составъ всѣхъ царствъ природы. Съ металлическими и другими имъ подобными основаніями онъ составляетъ всю извѣстную намъ кору нашей планеты; одного кислорода его находится въ ней болѣе трети ея вѣса (см. Химию Гесса). Вся вода земнаго шара состоитъ изъ двухъ его основаній кислорода и водорода; все растительное царство и все животное состоятъ изъ нихъ же и другихъ его основаній углерода и азота, съ небольшимъ количествомъ частицъ минеральныхъ. Въ дыханіи животныхъ онъ каждую секунду спасаетъ ихъ жизнь освобожденіемъ ихъ крови отъ излишества углерода, и согреваетъ ихъ тѣло, остывающее отъ непрерывныхъ испареній. Въ горѣніи онъ служитъ для насъ обильнымъ источникомъ теплоты и свѣта. Механизмъ дыханія животныхъ основанъ на дѣйствіи его тяжести. На свойствѣ его упругости основанъ звукъ и устроенъ органъ слуха всѣхъ животныхъ, также дана многимъ изъ нихъ способность издавать голосъ, а человѣку его чудесный даръ слова. На томъ же его свойствѣ и на проникаемости основаны орудія летанія всѣхъ птицъ и множества насекомыхъ. Этими же двумя

его свойствами оба органическія царства природы на твердой землѣ обезпечены во всемъ количествѣ воды, необходимымъ для ихъ образованія и жизни; воздухъ подымаетъ ее для нихъ изъ океановъ и разноситъ по всей поверхности земной. Самъ ли воздухъ учредилъ эту столь великую и существенную зависимость отъ него всей земной природы и по своимъ ли соображеніямъ и намъреніямъ удовлетворяетъ всемъ ея потребностямъ? Здѣсь, какъ солнце, ясны и намъренія и соображенія творчества, и также очевидно, что они не могутъ принадлежать самому воздуху, по той же причинѣ, какъ и водѣ; а принадлежать какой-то высшей надъ нимъ и разумной, все устроющей силѣ.

Но вотъ представляются намъ дѣтели невѣсомые, *теплота со свѣтомъ и электричество съ магнетизмомъ*. Они хотя ощутительны по своимъ дѣйствіямъ, но такъ тонки по своей природѣ, что кажутся болѣе проявленіемъ безтѣлесныхъ силъ, или движеніемъ какой-либо неосязаемой матеріи, нежели чѣмъ-нибудь матеріальнымъ. Не они ли составляютъ душу природы въ нашей планетѣ? — Явленія ихъ представляются то раздѣльно, то попарно, то все вмѣстѣ. Это затрудняетъ опредѣленіе дѣйствій ихъ порознь, каждой силы особенно; однакожь не препятствуетъ рѣшенію вопроса касательно намъреній и соображеній.

Теплота есть непремѣнная спутница всякаго образованія и необходимое условіе жизни существъ органическихъ. Безъ нея нѣтъ химическихъ соединеній; безъ нея никакое растительное сѣмя не прозябаетъ, никакой животный зародышъ не образуется, никакое жизненное дѣйствіе не совершается. Съ уменьшеніемъ солнечной теплоты въ нашихъ странахъ, органическая природа измѣняется; зимою жизнь всѣхъ растений и многихъ родовъ животныхъ останавливается, но съ возвращеніемъ весны опять вся природа воскресаетъ. Однимъ весеннимъ дѣйствіемъ теплоты сѣмена растений и яйца насѣкомыхъ въ землѣ и на ея поверхности развертываются и начинаютъ свое образованіе; лежавшія въ оцѣпе-

нѣннй животныя оживаютъ; соки деревъ приходятъ опять въ движеніе, сосуды начинаютъ свои образовательныя отправленія и жизнь опять проявляется во всей своей полнотѣ. Безъ теплоты нашъ шаръ земной, и съ водою и съ воздухомъ, не имѣлъ бы ни животныхъ, ни растеній, и оставался бы всегда съ одною своею голою минеральною корою; безъ нея вода, въ твердости, была бы подобна камнямъ. Не въ теплотѣ ли скрывается та великая причина, которой мы ищемъ, причина самодѣтельности и жизни матеріи, причина произвольныхъ движеній и источникъ разумннй? — Нѣтъ, и конечно нѣтъ!

Теплота, въ явленіяхъ природы, сама оказывается большею частію въ состояніи *страдательномъ*; слѣдственно, она не можетъ быть началомъ никакой дѣятельности. Мы механическими средствами возбуждаемъ ее въ тѣлахъ, въжимая изъ нихъ давленіемъ, или ударомъ, и дѣлаемъ свободною и скрытною. Это показываетъ, что ея явленія не *самодѣтельны*, но зависятъ отъ другой силы, и даже механической, дѣйствующей на тѣла потрясеніемъ ихъ частицъ. При самомъ распространеніи своемъ по тѣламъ, въ видѣ свободной, она подчиняется количеству ихъ массы. Даже въ химическихъ процессахъ, гдѣ она то является свободною, то дѣлается скрытною, она повинуется дѣйствіямъ другихъ силъ, производящихъ соединенія, и есть болѣе *произведеніе*, нежели *причина*. Въ дыханіи животныхъ она отдѣляется отъ воздуха процессомъ химическимъ, слѣдственно дѣйствіемъ другихъ силъ; въ пищевареніи освобожденіе ея должно происходить такимъ же образомъ, какъ и въ дыханіи.

Несомнннное свойство теплоты и вссобщее ея дѣйствіе на тѣла состоятъ въ ея *расширительной* силѣ. Этою силою, дѣйствующею по направленію, противоположному силѣ сжимающей, она раздвигаетъ частицы тѣлъ, ослабляя, а иногда вовсе останавливая дѣйствіе взаимнаго ихъ сцвлненія, или же и химическаго сродства. Такъ она растопляетъ ледъ и превращаетъ воду въ пары; такъ плавитъ металлы, смолы и

другія тѣла. Силь дѣйствіемъ она только предуготовляетъ тѣла къ новымъ химическимъ соединеніямъ; самыя же соединенія производятся особенною силою химическаго средства, врожденною всякой матеріи и заключающеюся въ ся простыхъ химическихъ основаніяхъ. Такимъ же образомъ и въ органическихъ образованіяхъ, теплотѣ, по ея разширительной силѣ, очевидно принадлежитъ то приготавительное дѣйствіе, которое составляетъ необходимое условіе, съ одной стороны, жизненныхъ отправленій существа образуемаго, а съ другой, способности вышней матеріи къ поступленію ея въ сосуды этого существа и къ преобразованію, какому должна она въ нихъ подвергнуться. Это приготавительное дѣйствіе состоитъ, въ обоихъ случаяхъ, въ противодѣйствіи силѣ сжимательной, производимомъ разширительною силою теплоты. Имъ достаточно объясняется возвращеніе жизненной дѣятельности весною всѣмъ растеніямъ и всѣмъ животнымъ съ ихъ сѣменами и яйцами, послѣ зимы, въ продолженіе которой они оставались въ оцѣпѣтннн, отъ преобладающаго въ нихъ дѣйствія сжимательной силы, составляющей существенную принадлежность ихъ составныхъ частей, какъ матеріи. Волокны сосудовъ замерзшаго дерева, разогрѣтые весеннею теплотою, получаютъ опять свою прежнюю гибкость и упругость, и сосуды опять приходятъ въ состояніе производить свои жизненныя отправленія; застывшіе и отвердѣвшіе въ нихъ соки опять становятся текучими и утончаются, а чрезъ то получаютъ прежнюю способность къ движенію въ сосудахъ и къ органическимъ преобразованіямъ. Но внутренняя образовательная сила, освобожденная такимъ образомъ, чрезъ содѣйствіе теплоты, отъ преобладанія сжимательности въ матеріи, сама собою опять начинаетъ дѣйствовать, и съ этой минуты опять возстановляется жизнь въ организмъ. Все, что извнѣ должно вступить внутрь дерева, для его образованія, такимъ же образомъ, разжижался и утончался отъ дѣйствія теплоты, чрезъ то приготавляется ею къ поступленію въ организмъ и уподобленію въ немъ дѣйствіемъ его внутреннихъ силъ. Подобное сему приготави-

тельное дѣйствіе производится теплотою, съ помощію вѣжности, и на сѣмена растений, при ихъ прозябеніи. Сила растительная заключается въ самыхъ сѣменахъ; а теплота, удаляя угнетающее ее препятствіе, даетъ ей только возможность дѣйствовать. Еще яснѣе видны границы дѣйствія теплоты въ жизни животной; потому что животное образованіе несравненно болѣе растительнаго заключаетъ въ себѣ сложности и требуетъ соображеній; а сверхъ того въ немъ яснѣе открывается отпечатокъ внутренней силы на формахъ организма и въ его свойствахъ, какъ мы это видели.

Можно ли и нужно ли послѣ этого приписывать теплотѣ не только всю мудрость соображеній въ тѣхъ явленіяхъ, въ которыхъ ея присутствіе оказывается, но и самую безсознательную самодѣятельность? Она вездѣ является только *способствующимъ* средствомъ, — слѣдственно зависящимъ, а не самостоятельнымъ дѣятелемъ; ни малѣйшихъ признаковъ разумія ни въ какомъ случаѣ не оказываетъ, слѣдственно никакихъ соображеній производить не можетъ.

Участіе *свѣта* въ образованіяхъ природы менѣе для насъ примѣтно, нежели участіе теплоты, если принимать ихъ не за одну стихію, или силу, но за разныя. Полюсы земли въ продолженіе лѣта столько же освѣщаются, какъ и экваторъ, если еще не болѣе; однакожъ теплота при полюсахъ и подъ экваторомъ, а съ теплотою и жизнь, очень различны. Но, съ другой стороны, тѣнь вездѣ ослабляетъ силу растительности, а мракъ совсѣмъ останавливаетъ ея дѣйствіе. Примѣтнѣе всего вліяніе солнечныхъ лучей оказывается на листьяхъ и цвѣтахъ растений. Однако жъ опять внутренніе процессы животной жизни, столько зависящіе отъ дѣйствія теплоты, совершаются въ глубокомъ мракѣ. Въ химическихъ дѣйствіяхъ свѣтъ болѣею частію сопровождаетъ явленія электричества, а иногда и теплоты. Но самое очевиднѣйшее и обширнѣйшее участіе свѣта въ дѣйствіяхъ природы оказывается въ томъ всеобъемлющемъ физическомъ явленіи, которое открываетъ нашему зрѣнію весь міръ. Что была бы жизнь наша на землѣ безъ солнечнаго свѣта, и могли ли бы мы жить, мы

и всѣ животныя, въ вѣчномъ непроницаемомъ мракѣ? А зрѣніе наше и всѣхъ животныхъ устроено на основаніи свойствъ свѣта; свѣтъ изображаетъ въ немъ предметы. Какая очевидная зависимость! Можетъ ли кто спорить противъ сей очевидности? Но кому принадлежатъ здѣсь соображенія? — Конечно ни животнымъ, существованіе конхъ зависитъ отъ зрѣнія, а зрѣніе отъ свѣта солнечнаго; ни землѣ, которая безсознательно покрывается жизнію, служа ей страдательно и матерією явленій, и мѣстомъ пребыванія; ни наконецъ самому солнцу, хотя его теплотъ и свѣту видимо предназначено быть величайшими дѣятелями на нашей планетѣ и источниками жизни всего на ней живущаго. Здѣсь соображенія простираются далеко за сферу самого бытія, не только нашей планеты, но и великаго ея свѣтила. Здѣсь очевидно открывается дѣйствіе одной великой Всеобъемлющей Мудрости и Силы Всемогущей, владычествующихъ и надъ землею, и надъ солнцемъ.

Электричество и магнетизмъ, столько поражающіе чувства наблюдателя физическими ихъ явленіями, сопровождаютъ всѣ химическіе процессы, всѣ разложенія и соединенія тѣлъ. Конечно они не остаются безъ участія и въ органическихъ образованіяхъ, хотя наблюденія и не дали еще намъ объ этомъ, не только точныхъ, но и никакихъ понятій. По формѣ и условія, подѣ какими сіи силы являютъ въ нашихъ опытахъ и наблюденіяхъ, такъ частны и ограниченны, и средства, какими онѣ возбуждаются въ явленіяхъ физическихъ, суть такія механическія, что къ объясненію самодѣятельности живыхъ существъ и разнообразныхъ явленій жизни онѣ не представляютъ ни малѣйшихъ видовъ, не смотря на великія чудеса, какихъ нетерпѣливые наблюдатели нѣкогда ожидали отъ нихъ, особливо отъ дѣйствій Вольтова столба и, такъ названнаго, животнаго магнетизма. Время и опыты разсѣяли всѣ мечты неосновательныхъ предположеній. Слѣдственно, какое можемъ мы имѣть основаніе, чтобы приписать этимъ силамъ способность соображеній, которыя открываетъ намъ въ природѣ каждый моментъ ея творчества?

Сила *химического сродства*, если она не тождественна съ электромагнетизмомъ, еще меньше его представляетъ вѣроятія намѣреній и соображеній. Она, хотя обща всей матеріи и, составляя ея сущность, является ближайшею причиною всѣхъ химическихъ соединеній и всего образованія неорганической природы, и конечно не остается въ бездѣйствіи въ образованіяхъ органическихъ, при всемъ томъ дѣйствуетъ только на разстояніи *безконечно маломъ*. Следственно ей нельзя приписать никакого вліянія за предѣлами этого разстоянія, между тѣмъ какъ соображенія творчества въ природѣ простираются въ безконечность.

Сила *физического сцѣпленія* между частями тѣлъ, если также не тождественна съ силою сродства, еще меньше его можетъ входить въ объясненія явленій жизни. Она обща всѣмъ тѣламъ, какъ неорганическимъ, такъ и органическимъ, и составляетъ необходимое условіе ихъ существованія; при всемъ томъ явленія жизни ни малѣйше ею не объясняются, не говоря уже объ источникѣ разумнѣя и соображеній, котораго мы ищемъ.

Сила *тяжести*, или *тяготыя*, есть то же притяженіе, но которое дѣйствуетъ внѣ предѣловъ тѣлъ на чрезвычайно великія разстоянія. Она также обща всѣмъ тѣламъ земнаго шара и конечно всѣмъ тѣламъ міра, а потому должна составлять существенную принадлежность всякой матеріи, но, кромѣ притяженія, она не оказываетъ никакихъ дѣйствій и потому никакимъ образомъ не можетъ входить въ объясненіе явленій жизни.

Назначеніе всѣхъ этихъ силъ очевидно; но дѣйствіе каждой изъ нихъ до такой степени единообразно и такъ ограничено извѣстными предѣлами, что въ разнообразныхъ движеніяхъ жизни органической онѣ вообще столько же требуютъ отъ органическихъ силъ противодействія, сколько сами оказываютъ имъ содѣйствія въ образованіи организмовъ. Если химическія основанія и въ нашемъ тѣлѣ скрѣпляются между собою также силою химического сродства, какъ въ тѣлахъ неорганическихъ; то это дѣйствіе безжизненной химической

силы, въ процессъ жизни, должно быть умѣряемо живою органическою силою, которая, по своимъ особеннымъ законамъ, дѣлаетъ всѣ соединенія и даетъ имъ свои особенныя формы. Тяжесть удерживаетъ насъ на землѣ, какъ и всѣ прочія тѣла, противъ центробѣжной силы, которая безъ того бросила бы насъ въ пространство небесъ. Но этимъ и ограничивается ея дѣйствіе на насъ, хотя и необходимое для нашего существованія. Напротивъ жизненныя движенія существъ органическихъ совершаются большею частію въ направленіи противномъ тяжести; а произвольныя движенія животныхъ тѣмъ и отличаются, что происходятъ съ преодоленіемъ силы тяжести. Сила тяготѣнія, какое бы она ни имѣла сходство или несходство съ тягестію, необходима для движенія планетъ около ихъ свѣтилъ; а это движеніе, какъ мы знаемъ, необходимо для содержанія жизни на планетахъ; но и эта сила не самостоятельна; она только поддерживаетъ планеты въ ихъ орбитахъ; а самое движеніе производится какою-то другою, неизвѣстною намъ силою, которая въ свою очередь ограничивается тяготѣніемъ. Слѣдственно можно ли приписать всѣмъ этимъ силамъ какія-нибудь намѣренія въ творествѣ? Пусть онѣ присутствуютъ и даже участвуютъ во всѣхъ физическихъ и химическихъ перемѣнахъ тѣлъ и въ самыхъ органическихъ образованіяхъ, но не очевидно ли, что онѣ не могутъ быть независимыми и неограниченными, всеустроляющими дѣятелями; что, напротивъ, всѣ онѣ дѣйствуютъ безсознательно, какъ средства, для цѣлей, не ими предположенныхъ, по соображеніямъ, имъ чуждымъ и природѣ ихъ несвойственнымъ; что разумнѣе, все учреждающее, заключается не въ нихъ, но должно быть внѣ нихъ и превыше ихъ, и слѣдственно, что сами онѣ существуютъ не отъ себя, но, какъ средства, имѣютъ началомъ вышнюю, всемогущую, всеобъемлющую, премудрую силу?

Органическую природу составляютъ тѣ же химическія основанія и силы, какія находимъ мы въ неорганической. Но здѣсь они, сохраняя свою сущность, подвергаются вліянію преобладающихъ силъ органическихъ и ограничиваются ими

въ своихъ дѣйствіяхъ. Намъ совершенно неизвѣстны силы органическія: однакожь мы не можемъ сомнѣваться въ ихъ существованіи; поелику на опытѣ видимъ ихъ дѣйствіе. Но и органическимъ силамъ мы можемъ приписать только *безсознательное* исполненіе предустановленныхъ для нихъ законовъ творчества. Собственныхъ намѣреній имѣть и никакихъ соображеній дѣлать онъ не могутъ. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ зерно пшеницы. Въ немъ заключается начало всѣхъ формъ этого растенія; въ немъ заключены и образовательныя ихъ силы, потому что, для своего прозябанія, оно *ни* въ чемъ не требуетъ ничего, кромѣ влажности и теплоты: но что находимъ мы въ немъ, кромѣ того однороднаго мучнистаго вещества, которое служитъ намъ пищею? Неужели это вещество само дѣлаетъ тѣ соображенія, по которымъ оно образуется и возрастаетъ потомъ въ полное органическое существо? — Тоже должно сказать и о сѣменахъ животныхъ, и еще тѣмъ болѣе, что строеніе животныхъ, какъ существъ чувствующихъ и самодѣйствующихъ, побуждающихся къ дѣйствованію внутренними ощущеніями, гораздо сложнѣе строенія растеній и требуетъ несравненно большихъ соображеній. Мы сами рождаемся и образуемся подобно другимъ животнымъ; подобно имъ, живемъ питаніемъ, растемъ, мужаемъ, потомъ старѣемъ, слабѣемъ, наконецъ умираемъ и разрушаемся на химическія составныя части. Какъ существа, одаренныя высшимъ разумніемъ, какое только проявляется на землѣ, мы должны были бы имѣть хоть какое-нибудь сознаніе, если не участіе, въ соображеніяхъ о своемъ образованіи, если бы сіи соображенія дѣлались самимъ нашимъ существомъ; а мы, не только ни въ чемъ этомъ не участвуемъ, но даже, при всѣхъ усиліяхъ постигнуть, не постигаемъ, какъ все это внутри насъ происходитъ. И если бы, во всѣхъ сихъ дѣйствіяхъ природы, что-нибудь происходило по нашимъ соображеніямъ и распоряженіямъ; то конечно *слабость, смерть и разрушеніе* не были бы нашимъ удѣломъ.

И такъ, хотя образовательныя силы всѣхъ органическихъ существъ заключаются въ ихъ собственной природѣ, какъ въ

сущность; при всемъ томъ онъ дѣйствуютъ бессознательно, точно также, какъ камень бессознательно падаетъ съ высоты на землю.

Мы не довольно обращаемъ вниманіе на то, какимъ безчисленнымъ измѣненіямъ и какимъ безпредѣльнымъ соображеніямъ творчества подлежитъ въ природѣ все то, что составляетъ въ ней *матерію* явленій. Эти прозрачныя жидкости, которыя заключены въ мышечкахъ и вправлены въ двѣ впадины нашего черепа, чтобы изображать душѣ всѣ окружающіе насъ предметы, въ другихъ частяхъ нашего тѣла имѣли бы совсѣмъ другую форму и другое назначеніе, а потому подверглись бы совсѣмъ другимъ соображеніямъ. Сколько есть въ тѣлѣ различныхъ членовъ, сосудовъ и другихъ частей, столько же происходитъ въ немъ различныхъ отравленій, и слѣдственно о каждой части должно сказать, что не только она, но и ея части и входящія въ составъ ихъ основанія, каждое въ своемъ мѣстѣ, имѣютъ свои особенныя назначенія. Слѣдственно каждый *монада* нашего тѣла, по различію его мѣста и назначенія въ общей жизненной экономіи, подлежитъ особеннымъ соображеніямъ. Но монады нашего тѣла не для него одного существуютъ въ мірѣ. Она, прежде нежели вошла въ его составъ, можетъ быть, не разъ, а нѣсколько тысячъ разъ прошли уже по всѣмъ царствамъ природы, служа въ нихъ составными частями попеременно милліонамъ разныхъ существъ или веществъ и неизчетному множеству ихъ разнообразныхъ членовъ или частей. По разрушеніи нашего тѣла, они опять будутъ продолжать тотъ же безконечный путь по необъятному кругу творчества природы. Во всякомъ новомъ мѣстѣ, каждый изъ нихъ вступаетъ въ новое соединеніе, принимаетъ новое назначеніе, подвергается новымъ силамъ и законамъ и, въ своей, хотя безконечно малой, сферѣ, дѣйствуетъ по новымъ соображеніямъ. И такъ какалъ бездна соображеній распространяется на одинъ и тотъ же монада, въ его движеніяхъ по пути творчества! Возможно ли приписать ихъ самому монаду, не дѣлая его существомъ безконечно мудрымъ, всевѣдущимъ

и всемогущимъ? Но это еще не все, что касается до соображеній творчества въ разсужденіи каждого монада. Сверхъ своего мѣста и тѣснаго назначенія въ недѣлимомъ, которому служить составною частію, каждый монада, какъ часть планеты, раздѣляетъ съ нею всѣ ея силы и дѣйствія, или подвергается, вмѣстѣ съ нею, дѣйствию другихъ тѣлъ небесныхъ. Вотъ новыя, обширнѣйшія соображенія для каждого монада, простирающіяся далеко за сферу его бытія, въ бездну пространства небесъ. Здѣсь являюся дѣйствія великихъ силъ *міровыхъ*, съ ихъ великими цѣлями; силы центральныя, приводящія въ движеніе планеты около солнца, дѣйствуютъ для образованія и жизни существъ органическихъ, которымъ планеты служатъ обиталищемъ, и каждый монада планеты долженъ участвовать въ центральныхъ силахъ, а слѣдственно и въ намѣреніяхъ, по которымъ онъ дѣйствуютъ. Проходя такимъ образомъ изъ царства въ царство, отъ одного недѣлимаго въ другое, принимая неизчислимое множество видовъ и назначеній и дѣйствуя изъ безконечно малой точки на безконечно великія пространства, каждый монада въ такихъ же отношеніяхъ творчества находится и ко времени. Чѣмъ онъ былъ въ продолженіе протекшихъ вѣковъ и чѣмъ будетъ во мракъ времени, предстоящихъ существованію міра, это отъ начала вѣковъ должно быть предусмотрѣно, предопредѣлено и предустроено; ибо всѣ явленія міра состоятъ въ непрерывной связи причинности со всѣмъ предыдущимъ и послѣдующимъ во времени, столько же, какъ со всѣмъ окружающимъ въ пространствѣ. Это иначе и быть не можетъ; иначе все движеніе творчества во времени, вмѣсто правильной послѣдовательности, текущей по намѣреніямъ и цѣлямъ и управляемой законами, было бы не иное что, какъ хаотическое броженіе безсвязной матеріи.

Но мы говоримъ здѣсь о монадахъ одной нашей планеты; а наша планета, можетъ быть, сама не болѣе, какъ монада во вселенной. Слѣдовательно все замѣчаемое нами въ разсужденіи соображеній творчества въ явленіяхъ природы на земномъ шарѣ, должно имѣть мѣсто и на каждомъ изъ

тѣхъ огромныхъ тѣлъ, которыхъ видимъ мы стройное теченіе въ пространствѣ небесъ, и тѣхъ, о существованіи которыхъ возвѣщаетъ намъ только блескъ тверди, ліющійся къ намъ съ высотъ неизмѣримыхъ. Вся подробности соображеній, какія открываетъ намъ здѣсь размышленіе, хотя самое воображеніе не можетъ слѣдовать за ними, подробности, простирающіяся до послѣднихъ основныхъ частицъ всякой матеріи, составляютъ необходимое условіе всякаго тѣлеснаго явленія; безъ нихъ ничто не можетъ существовать во вселенной. Отъ назначеній этихъ частицъ до взаимныхъ отношеній планетъ съ ихъ свѣтлами, и отъ химическаго сродства атомовъ до взаимнаго тяготѣнія всѣхъ тѣлъ небесныхъ, до общей связи всѣхъ частей вселенной, все должно быть соображено и для того все обнято въ одной безпредѣльной мысли, такъ какъ все соединено одною силою, и въ пространствѣ и во времени.

Слѣдственно, если каждый монадаъ вселенной, въ теченіи творчества природы, проходитъ чрезъ неизчислимое множество соображеній; то количество всѣхъ соображеній, требуемыхъ устройствомъ вселенной, превышаетъ число ея монадовъ, и каждое соображеніе, по пространству вселенной и времени ея бытія, должно быть, если не безусловно, то конечно для нашихъ понятій безпредѣльно-обширно. Наконецъ, всѣ соображенія должны соединяться въ одной всеобщей цели, сходиться въ единствѣ великаго цѣлаго, бытія вселенной, и обниматься одною великою, всеустрающею мыслию.

Изъ всего этого можно видѣть, до какой степени легкомысленно то ученіе, которое, внѣ природы, не признаетъ никакой силы и въ ней самой заключаетъ *послѣднюю ея причину*. Если ни монадамаъ, ни массамаъ, изъ нихъ составленнымъ, ни живущимъ тварямъ, ни планетамъ, ими населяемымъ, ни солнцу, ихъ грѣющему, освѣщающему и оживляющему, ни силамаъ, движущимъ ихъ и всѣ тѣла небесныя, ни звѣздамаъ, наполняющимъ пространство небесъ, не могутъ принадлежать сін соображенія: то чему жъ наконецъ мы ихъ

припишемъ? Гдѣ эта природа, эта *первобытная, вѣчная* сила, *сама изъ себя все творящая*, какъ учить Шеллингъ? Что ее составляетъ? Не очевидно ли, что то, что мы называемъ *природою*, т. е. *силы міра и ихъ законы*, дѣйствуютъ вездѣ *безсознательно*; а соображенія творчества принадлежатъ вѣдущей великой силѣ, отъ которой сама природа получила и свои творящія силы и самое бытіе? Не очевидно ли, что есть Богъ, Творецъ Вселенной?

Мы не можемъ не только постигнуть Его сущности, но и обнять свойствъ Его; при всемъ томъ, какъ разсматриваніе природы удостовѣряетъ насъ въ Его бытіи: такъ оно же открываетъ намъ и Его *безпредѣльные свойства*.

Прежде всего мы должны признать, что это не есть просто *сила*; потому что сила есть только принадлежность, или свойство чего-нибудь. Творецъ міра есть *Существо само-бытное, обладающее жизнью и силами*.

1. Вселенная удостовѣряетъ насъ, что Создатель ея есть *Существо безпредѣльно мудрое*; ибо если самое созданіе Его для нашихъ понятій безпредѣльно и въ каждой твари мы открываемъ мудрость безпредѣльную: то мы не можемъ не заключить, что Самъ Творецъ долженъ быть мудръ, не только превыше всего, что проявляетъ въ себѣ Его твореніе, но въ точномъ смыслѣ безпредѣльно, безусловно мудръ.

Отъ доказательствъ безпредѣльной мудрости Божіей переходимъ мы къ заключенію о *всепредѣлнн* Божіемъ; ибо Кто отъ начала вѣковъ и на безконечную будущность пред-усмотрѣлъ и предустроилъ все въ своемъ твореніи, Тотъ знаетъ не только все, что въ немъ происходитъ, но и все, чего нѣтъ въ немъ и что могло и не могло бы быть, т. е. *все возможное и невозможное*.

2. Съ безпредѣльною мудростію Создателя вездѣ является намъ въ природѣ и *безпредѣльная* Его *сила*, или *всемогущество*; ибо что мудрость предустроила и предучредила, то *всемогущество* произвело въ твореніи.

3. Съ сими двумя свойствами, природа открываетъ намъ и *вездѣсущіе* Божіе; ибо если въ каждой точкѣ міра видны Его мудрость и сила; то въ каждой точкѣ должно быть и присутствіе Его Существа.

4. Размышляя о конечной причинѣ созданія міра и видя, что все, живущее на землѣ жизнью одушевленною, чувствуетъ наслажденіе отъ своего бытія, и что эта жизнь проявляется почти во всѣхъ мѣстахъ нашей планеты въ неизчетномъ множествѣ покрывающихъ ее тварей, мы заключаемъ, во-первыхъ, что то же, въ другихъ, можетъ быть, формахъ, должно происходить и на всѣхъ другихъ тѣлахъ небесныхъ; во-вторыхъ, что это составляетъ конечную причину созданія міра и слѣдственно видимое и ощутительное доказательство *безпредѣльной благодати* Божіей. Высокіе дары, которыми обогащена природа человѣческая, дары духовно-правственные, въ которыхъ заключено его блаженство, несомнѣнно подтверждаютъ это заключеніе. Такимъ образомъ вселенная, представляя въ себѣ *видимый отпечатокъ* Божіей премудрости и всемогущества, есть вмѣстѣ *ощутительное проявленіе* Его безпредѣльной благодати.

5. Существо Божіе не можетъ быть тѣлеснымъ; потому что матерія есть вещество грубое, ограниченное въ пространствѣ, изменяемое во времени, страдательно принимающее всѣ свои формы, въ явленіяхъ творчества, и, какъ вещество сложное, подвержена разрушеніямъ; а такія свойства не совмѣстны съ понятіемъ о томъ, каковъ долженъ быть Творецъ міра. И такъ Существо Божіе есть *чистѣйшій Духъ*, всепроницающій, всеобъемлющій въ пространствѣ и времени вселенной.

6. Творецъ міра есть *безначалекъ* и *вѣченъ*; потому, что начальность и конечность не совмѣстны съ понятіемъ послѣдней причины вещей.

7. Какъ все видимое нами въ мірѣ есть ограничено, или конечно и временно; а всякая ограниченность предполагаетъ въ существѣ недостатокъ того, что есть, или могло

бы быть за его пределами: то мы заключаемъ, что Творецъ міра, котораго безпредельная мудрость, всевѣдѣніе, всемогущество и всеблагость непосредственно проявляются намъ во вселенной, безпредельны и во всѣхъ своихъ свойствахъ, или *всесовершенъ безусловно*.

8. Изъ понятій о всесовершенствѣ и вѣчности Творца слѣдуетъ, что Онъ никакимъ измѣненіямъ не подлежитъ, и ни въ чемъ никакой надобности имѣть не можетъ, а потому ничего временнаго въ своемъ существѣ не заключаетъ, но *вѣчно пребываетъ одинаковъ*.

9. Какъ самъ въ себѣ Творецъ *безусловно праведенъ и всесвятъ*; такъ въ отношеніи къ нравственному порядку міра Онъ *безусловно правосуденъ*, а по безпредельной благодати столько же и *милосердъ*.

10. О *единствѣ* Божиѣмъ заключаемъ мы изъ понятія о безпредельности его свойствъ, или изъ *безусловности* (абсолютности) его существа; ибо существо безусловно совершенное не можетъ имѣть ничего превыше себя; тогда оно было бы зависимо и не было бы безусловно совершеннымъ. Равнымъ образомъ оно не можетъ имѣть ничего безпредельно совершеннаго ниже себя; ибо тогда сіе существо было бы зависимо, а не безусловно и не было бы верховное существо, Наконецъ оно не можетъ имѣть ничего совершенно равнаго себѣ; ибо тогда оба существа составили бы одно и то же. Слѣдственно Богъ есть *единъ*. Троичность Его мы познаемъ уже изъ Святаго Откровенія.

11. Безпредельность свойствъ Божіихъ дѣлаетъ для насъ его существо *непостижимымъ* и его судьбы *неисповѣдимыми*. Но ложно было бы заключить изъ сего, что всѣ сужденія наши о Богѣ несправедливы. Наши понятія объ немъ не могутъ быть соразмѣрны своему предмету (*adaequatae*), потому что безконечное не можетъ быть обнято или измѣрено конечнымъ; но сужденія не могутъ быть ложны, коль скоро признаки его свойствъ, представляемые вселенною, сами въ себѣ вѣрны и нами справедливо поняты; ибо сужденіе есть

соединеніе признаковъ съ предметомъ. Мы не можемъ представить себѣ ни предѣловъ вселенной, ни ея безпредѣльности: однако жъ должны признать въ ней то или другое. Мы не постигаемъ ни начала времени, ни безначальности вѣчности; однако жъ должны признать и то и другое. Если пантеисты и міру приписываютъ вѣчность; то почему наши сужденія могутъ быть несправедливы, когда мы, не постигая вѣчности утверждаемъ, что Богъ вѣченъ? Слѣдственно сужденія наши о верховномъ существѣ, основанныя на разсматриваніи міра, не могутъ быть почтены погрѣшительными по причинѣ безпредѣльности свойствъ его.

Заключимъ наше разсужденіе краткими силлогизмами, которые служатъ ему основаціемъ.

I.

Гдѣ видны намъренія, съ какими что-нибудь производится, или цѣли, для которыхъ что-нибудь дѣлается; гдѣ видны законы, порядокъ и согласіе въ дѣйствіяхъ; тамъ все происходитъ не иначе, какъ по соображеніямъ:

А какъ въ явленіяхъ природы все это представляется вамъ съ неоспоримою очевидностію:

То мы не можемъ не заключить, что въ природѣ все происходитъ по соображеніямъ.

II.

Гдѣ все происходитъ по соображеніямъ и гдѣ видны дѣйствія мудрости безпредѣльной, обнимающей всѣ части, направляющей все къ цѣлямъ и выходящей за предѣлы самихъ существъ, къ которымъ относятся явленія, а ничему творимому, какъ матеріи страдательно образуемой, и ни какимъ творящимъ силамъ, какъ дѣтелямъ безсознательнымъ, не могутъ быть приписаны, не только всеустроющая безпредѣльная мудрость творчества, но и никакія соображенія,

никакое самоалгйшее разумнїе: тамъ по необходимости слѣдуетъ признать дѣйствїе внѣшней, всеустроющей, безпредѣльно мудрой и всемогущей силы, отъ которой зависитъ и получило свое бытїе все творимое и творящее.

А какъ въ природѣ видны дѣйствїя мудрости безпредѣльной, которой мы не можемъ приписать никакимъ ея дѣтелямъ, ни силамъ:

То слѣдуетъ, что природа не есть сила самодѣйствующая, ни отъ кого не зависящая и вѣчно сама изъ себя все творящая; но что она есть временное созданїе особеннаго, премудраго, всемогущаго, всесовершеннаго и ни отъ кого не зависящаго, превѣчнаго Существа; что она, своимъ безсознательнымъ творчествомъ, открываетъ намъ бытїе Божїе.

И. Ф.

Дѣяно

10 Февраля. 1850 г.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

63. *Димитріевскій Соборъ во Владимирѣ на Клязьмѣ. (Соч. Графа С. Г. Строганова). Москва 1849, въ большой листъ, с. II, 14. и 23 листа изображеній.*

Исторія искусствъ въ Россіи получаетъ себѣ превосходный запасъ въ этомъ богатомъ изданіи: кажется, ни одно произведеніе зодчества не было у насъ изображено въ такихъ подробностяхъ, какъ теперь Дмитровскій соборъ во Владимирѣ. Нельзя довольно возблагодарить автора за его выборъ, за его вниманіе и отчетливость, за его трудъ. Въ объяснительномъ текстѣ предложено множество любопытныхъ замѣчаній, догадокъ и указаній, общихъ и частныхъ, о сродствѣ этого памятника съ другими, и различіи съ прочими, объ отличіяхъ архитектуры Ломбардской, сравнительно съ Византійскою, о происхожденіи разныхъ изображеній въ украшеніяхъ, о значеніи луны подъ крестомъ, встрѣчаемой на нашихъ церквахъ, о значеніи голубя на нѣкоторыхъ древнихъ церквахъ Епископскихъ, объ употребленіи орла на стѣнахъ собора. Многія догадки очень остроумны, и сдѣлаютъ честь не только любителю, но и знатоку, наприимѣръ объ отношеніи наружныхъ фигуръ къ событіямъ изъ жизни Димитрія Селунскаго въ Македоніи, и проч.

Текстъ снабженъ историческими примѣчаніями; призваны въ помощь древнія монеты, образа, классическія сочиненія, многія рѣдкія изданія. Однимъ словомъ, критика должна отдать полную справедливость книгѣ, что относится до Археологій, — но что относится до Русской Исторіи (самая малая и незначительная часть въ вступленіи), то пусть позволитъ авторъ поспорить. Примѣтно, что онъ не обратилъ на нее вниманія, какъ на дѣло почти постороннее. Я смѣлъ бы попросить его перепечатать первую

страницу — если, разумеется, слѣдующія мои основанія покажутся ему уважительными.

Первое выраженіе можно упрекнуть только неточностію: «Князь Андрей.... недовольный жизнью Кіевскою, удаляясь въ Суздальскую землю.... взялъ съ собою образъ Богоматери.»

Андрей въ Кіевѣ собственно не жила, слѣдовательно нельзя ему было быть ни довольну, ни недовольну Кіевскою жизнью. Онъ бывалъ тамъ только наѣздомъ, обязанный принимать участіе въ отцовыхъ походахъ. Въ Суздальскую землю онъ не «удалялся», а возвращался, пробывъ годъ или менѣе въ Вышгородѣ.*

«На пути изъ Владимира въ Суздаль онъ остановился на мѣстѣ, указанномъ ему чуднымъ явленіемъ, положилъ основаніе двумъ каменнымъ церквамъ, князюему двору, и оставивъ тутъ чудотворную икону, назвалъ мѣсто Боголюбимымъ.»

Нѣтъ. Не изъ Владимира въ Суздаль ѣхалъ Андрей, а изъ Суздаля, или лучше черезъ Суздаль, во Владимиръ.

Въ Суздаль ѣхать онъ не могъ, ибо Суздаль принадлежалъ его отцу, и уже только чрезъ два года, по смерти отца, Суздальцы посадили Андрея на свой столъ.

Такъ именно и сказано въ Суздальской лѣтописи по поводу перваго возвращенія Андреева: Андрей рече (отцу своему, удерживавшему его на Руси): на томъ есмь цѣловали крестъ, ако поити ны Суждалю, и иде въ свою волость Володимерю (см. 144 въ Сузд. лѣт. по Лавр. сп. подъ г. 1151).

Въ Владимирѣ и около Владимира положилъ онъ основаніе своимъ церквамъ, и поставилъ чудотворный образъ Божіей матери, а не въ Суздаль.

Андрей, и вторично возвращаясь изъ Руси, ѣхалъ въ Суздальскую землю, въ городъ Владимиръ, а не Суздаль.

Какимъ же образомъ, скажутъ, могъ остановиться онъ за Володимеромъ? Боголюбовъ въ 11 верстахъ дальше отъ Володимира.

* Въ этомъ смыслѣ въ моихъ собственныхъ статьяхъ, гдѣ я доказывалъ, что онъ жилъ во Владимирѣ, есть нѣсколько выражений неточныхъ, которыя я исправлю при случаѣ. М. П.

Обстоятельство это не такъ маловажно, какъ кажется съ перваго взгляда. Прошлаго года я ѣздилъ почти нарочно во Владимиръ, чтобы объяснить себѣ оное, напрасно искавъ прежде объясненій отъ Володимирцевъ, письменно и изустно. Я былъ во Владимиръ, Боголюбовъ, Суздаль, осмотрѣвъ дороги между этими мѣстами, и объяснилъ себѣ происшествіе вотъ какъ: дорога изъ Кіева, то есть изъ Руси во Владимиръ шла въ древности *не такъ какъ теперь*: нынѣшняя дорога есть дорога позднѣйшая, а въ древности шла она черезъ Суздаль.

И это очень естественно: Суздаль городъ древнѣйшій, а Владимиръ основанъ гораздо послѣ его, на памяти Исторіи. Сынъ Суздальскаго Князя, т. е. Андрей, получилъ его въ удѣлъ себѣ, и съ тѣхъ поръ началъ онъ получать свое значеніе. Городу Володимеру въ нашу сторону не съ кѣмъ и не съ чѣмъ было сообщаться; одно сообщеніе его было съ Суздалемъ.

Теперь есть двѣ дороги и изъ Володимира въ Суздаль: одна почтовая, безъ сомнѣнія позднѣйшая, а другая древняя *чрезъ Боголюбовъ*. Древняя, на всемъ своемъ протяженіи, усыяна селами, съ древними названіями, (чѣмъ и доказывається ея древность), а новая почти пустая: два-три селенія, кажется, проѣхалъ я, не болѣе, между этими двумя городами.

Чудесное происшествіе случилось съ Андреемъ *на дорогѣ*, говорить преданіе; мы узнаемъ по его постройкамъ и проч., что это было въ нынѣшнемъ Боголюбовѣ; слѣдовательно, заключаемъ: Андрей ѣхалъ возвращаясь изъ Руси въ свой Володимеръ черезъ Суздаль, и не доѣзжая одиннадцати верстъ, остановился на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Боголюбовъ монастырь.

Приступая къ предмету своего изслѣдованія, авторъ говоритъ: «одинъ изъ продолжателей Нестора (по Ипатьевскому списку) вовсе не упоминаетъ о Дмитріевскій церкви; другой (Лаврентьевская лѣтопись), говоря о смерти Всеволода.... прибавляетъ,» и проч.

Это очень просто и естественно; дѣло въ томъ, что въ Кіевской лѣтописи не записано построеніе церкви во Владимиръ, — происшествіе дѣла нечуждое.

А въ Володимирской или Суздальской лѣтописи она записана при извѣстїи о смерти Всеволода, ея построителя.

Образъ выраженія о лѣтописяхъ у автора неправильный. Правда, мы не можемъ требовать слишкомъ строгой точности, тѣмъ болѣе, что предметъ его сочиненія есть искусство, а не Исторія; но этотъ образъ выраженія, вслѣдствіе неправильнаго названія лѣтописей, встрѣчается часто у насъ въ литературѣ, и потому я считаю долгомъ опровергать его при всякомъ случаѣ.

О продолжателяхъ Нестора говорить здѣсь нечего: продолжалъ лѣтопись Несторову только одинъ человекъ—это Кіевская лѣтопись. А Суздальская лѣтопись, съ Несторомъ въ основаніи, съ сокращеннымъ его продолженіемъ, есть другое сочиненіе, которое въ 14 вѣкѣ случилось *переписать* монаху Лаврентію. Это переписчикъ, а не лѣтописатель.

«По Ипатъевскому списку 13 Апрѣля 1183 г., сгорѣли Соборъ и Княжій дворъ во Владимирѣ. По Лаврентьевской (Суздальской лѣтописи) пожаръ этотъ былъ въ 1185 году.»

Опредѣленіе вѣрное въ Кіевской лѣтописи, т. е. пожаръ въ Владимирѣ былъ въ 1183 году, а не 1185. Днемъ назначена среда, а число 13. — Это число, 13, приходилось такъ въ 1183 году, а въ 1185 г. Апрѣля 13 было въ субботу. Замѣчу притомъ, что въ двухъ лѣтописяхъ не два извѣстія о пожарѣ, а одно и тоже, переписанное изъ одной въ другую.*

Послѣ говорить авторъ :

«Въ этомъ же году (1194) Великій Князь заложилъ для дѣтей своихъ новый дворецъ (дѣтинецъ).» Нѣтъ, дѣтинцемъ никогда не назывался дворецъ, а такъ называлась внутренняя крѣпость. Вотъ, напримѣръ, доказательство:

1161. Изяславъ пришедъ Бѣлугороду, и стоя около дѣтинца четыре недѣли, острогъ бѣше до него Ростиславъ самъ пожегъ.

* Прибавлю кстати. Описаніе этого пожара въ лѣтописи очень любопытно. Мы узнаемъ, что одежды княжескія и, разумѣется, церковныя развѣшались по праздникамъ изъ собора на дворъ: «портъ шитыхъ золотомъ и жемчугомъ, аже вѣшали на праздникъ *въ двѣ верем* отъ золотыхъ воротъ до Богородицѣ, а отъ Богородицѣ до владычянихъ стѣнъ въ двѣ же *верви* чудныхъ.» Замѣчательно, что въ Галичѣ (нынѣшнемъ Австрійскомъ королевствѣ Галиція) до сихъ поръ существуетъ этотъ обычай.

Обращеніе Андрея къ западнымъ художникамъ авторъ объясняетъ отвращеніемъ его отъ южной Россіи: «Андрей не любилъ южной Россіи; не удивительно, что не слѣдуя принятымъ многими обычаямъ, онъ не прибѣгнулъ къ украсившимъ Кіевъ Византійскимъ художникамъ и обратился къ западу.»

Нелюби Андрея предполагать не изъ чего: за что ему было не любить? А предполагать, что вслѣдствіе нелюби къ Кіеву, онъ не хотѣлъ обращаться и къ Греческимъ художникамъ, — это уже слишкомъ натянуто.

Утверждать, чтобъ Андрей хотѣлъ основать во Владимірѣ особую митрополию — нѣтъ причинъ твердыхъ, (хоть это весьма бы шло къ моему воззрѣнію на Андрея).

Вотъ все, что можетъ замѣтить критика самая взыскательная. Но повторяю, что историческая часть въ изданіи есть, такъ сказать, дополнительная, внодная, а главная есть археологическая, за которую авторъ стяжалъ полное и безпрекословное право на похвалу и благодарность. Языкъ въ описаніи очень хорошъ, и мы приведемъ здѣсь для примѣра начало, отличающееся даже поэзіею:

«Россія приняла отъ Византіи съ Православною Вѣрою и образцы для своихъ церквей, по примѣру первыхъ на Востокъ Христіанскихъ храмовъ, въ формѣ продолговатаго четвероугольника, вначалѣ обѣ одной, а въ послѣдствіи о пяти главахъ. Но сами Греки рано уже оставили эту форму, и замѣчательнѣйшіе ихъ храмы въ IX и X вѣкахъ имѣютъ совершенно другой видъ. Планъ расширялся, линіи *ломались*; особенный характеръ этихъ зданій состоялъ въ уступобразномъ расположеніи частей; при разныхъ высотахъ пристроекъ, крыша *гнулась* по неправильнымъ наклонностямъ вокругъ раскинутыхъ безъ симметріи куполовъ. Обыкновенно главы ставились тамъ, гдѣ по внутреннему назначенію признавалось удобнѣе; теряя часто округленность свою, онѣ дѣлались несообразно, какъ это по сіе время замѣчается въ церквахъ Грузинскихъ и Армянскихъ.» *М. П.*

64. *Поездка на Синай съ приобщеніемъ отрывковъ о Египтъ и Святой Земль. А. Уманца . Съ 3 картами и 10 рисунками. 2 части. Спб. 1850. Стр. ХІV, 289 и 372 въ 8 д. л.*

Синай часто былъ посѣщаемъ Русскими поклонниками; но изъ нихъ только четверо описали свое путешествіе: 1) Московскіе купцы Трифонъ Коробейниковъ и Юрій Грековъ, ѣздившіе къ Св. мѣстамъ по волѣ Царя Іоанна Васильевича, для поминовенія его сына, въ 1582 г. 2) Василій Гогара, родомъ изъ Казани, въ 1634 г. 3) Пѣшеходецъ Василій Барскій, уроженецъ Кіевскій, монахъ Антіохійскій, въ 1723—47 гг., 4) Киръ Бронниковъ, въ 1820 г. Всѣ они, кромѣ Барскаго, скудны извѣстіями и не всегда заслуживаютъ вѣроятія; путешествіе же Барскаго, не смотря на богатство свѣдѣній, можетъ служить только матеріаломъ, но никакъ не руководствомъ для желающаго узнать Синай; такъ что въ литературѣ нашей, довольно богатой сочиненіями, относящимися къ Св. Земль, недоставало книги о Синаѣ.—«Поездка» Г. Уманца пополняетъ этотъ пробѣлъ, и какъ по занимательности предмета, полнотѣ его описанія, такъ и по прекрасному разсказу, можетъ стать на ряду съ трудами Муравьева и Норова. Мы познакомимъ съ нею нашихъ читателей, на сколько позволяютъ предѣлы журнальной статьи.

Въ 1842 г. отправлена была на Востокъ особая карантинная комиссія для произведенія опытовъ очищенія зачумленныхъ вещей посредствомъ усиленной теплоты, — и въ числѣ членовъ ея находился Г. Уманецъ. Пользуясь, во время пребыванія въ Каирѣ, досугомъ отъ дѣлъ, онъ посѣтилъ Верхній Египеть, Синай, а на возвратномъ пути въ отечество объѣхалъ Сирію. На посѣщеніе Синая онъ употребилъ 15 дней; но, не смотря на краткость этого времени, путешествіе его имѣетъ цѣну не только какъ любопытный разсказъ, но какъ и ученый трудъ, потому что авторъ тщательно пользовался изслѣдованіями новѣйшихъ

Европейскихъ путешественниковъ, особенно Де-Лабурда, Робинзона и Смида.

Намѣреніе посѣтить Синай авторъ питалъ въ себѣ еще съ самаго выѣзда изъ Россіи; потому проѣздомъ чрезъ Константинополь познакомился съ Архіепископомъ Синайской горы, бывшимъ воспитанникомъ Кіевской Духовной Академіи, и получилъ онъ него рекомендательныя письма въ самый монастырь и къ намѣстнику его въ Египтъ. Намѣстникъ или настоятель горы Синайской живетъ въ Каирѣ, какъ въ центрѣ властей Египта, для защиты правъ монастыря и для снабженія его продовольствіемъ. Описывая занимаемое имъ подворье, Г. Уманецъ вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаетъ нѣсколько подробностей о самой обители Синайской. Подъ вѣдомствомъ настоятеля живутъ на подворьѣ 22 монаха, большею частію изъ Грековъ, — въ томъ числѣ одинъ Русскій, осьмидесятилѣтній старецъ Зосима, родомъ изъ Кременчуга, уже болѣе полстолѣтія оставившій свою родину. Монахи подворья почти всегда уклоняются отъ житія въ самой обители, вѣроятно страшась тягости отшельническаго подвижничества, и въ монастырѣ Синайскомъ находится «почти столько же братіи», какъ и въ Каирѣ. — При хорошемъ управленіи монастырь могъ бы получать сотни тысячъ рублей дохода, потому что нѣтъ ни одного значительнаго города на Востокъ, гдѣ бы онъ не имѣлъ садовъ, *хановъ* (постоялыхъ дворовъ) или домовъ; Греція, Россія, Валахія, въ особенности Молдавія, Константинополь, даже Бенгалія и Голконда, даютъ ему ежегодно значительные доходы съ имѣній, завѣщанныхъ монастырю; но все это управляется самымъ неудовлетворительнымъ образомъ и слѣд. даетъ самые неудовлетворительные итоги. — Настоятель Синайскаго монастыря представляетъ собою въ Каирѣ мѣстнаго начальника и защитника обители. У него хранятся всѣ фирманы и документы для доказательства правъ своихъ, и если встрѣтится надобность, онъ, вооруженный ими и, по обычаю страны, достаточнымъ

---

* Во время посѣщенія Синая нашимъ Гогарю, въ обители было до 300 членовъ братіи.

бахшишемъ (подаркомъ) въ карманъ, является къ мѣстнымъ властямъ съ просьбою о защитѣ правъ и преимуществъ, дарованныхъ монастырю властителями Египта. Первый фирманъ о неприкосновенности Синайскаго монастыря и свободѣ отправленія въ немъ богослуженія данъ былъ самимъ Мухаммедомъ, въ 622 г., и законность его признана впоследствии всеми мусульманскими Государями. Фирманъ этотъ (вполнѣ приведенный въ книгѣ Г. Уманца) показываетъ, что самъ основатель Исламизма имѣлъ гораздо болѣе вѣротерпимости, чѣмъ фанатическіе послѣдователи его. Съ цѣлю поддержать права, данныя Мухаммедомъ, Архіепископъ Синайскій испрашиваетъ особый фирманъ отъ каждаго новаго Султана, а намѣстникъ его — отъ каждаго новаго правителя Египта.

18 Мая Г. Уманецъ отправился въ путь. Дорога изъ Каира на Синай лежитъ черезъ степь — и какую степь — судите по слѣдующему виду ея.

«Новое, особенное чувство объемлетъ путника, когда онъ въ первый разъ увидитъ себя посреди этой мертвой, повидимому, безконечной пустыни, гдѣ, куда ни обратишь взоръ свой, сколько глазъ ни обхватить, не увидишь ни одного живаго существа, не заметишь ни малѣйшихъ признаковъ жизни — ни деревца, ни кустика, ни клочка зелени, ни слѣда кочевья, и гдѣ только изрѣдка попадаются жалкіе остатки колючаго бурьяна, выросшаго въ зимнюю пору во время здѣшнихъ дождей, но тотчасъ послѣ того высохшаго на палачемъ солнцѣ и полужасыпаннаго песками, когда вѣтръ пустыни вздымаетъ и волнуетъ ихъ по своему произволу. Радуюсь встрѣчѣ и этого жалкаго корма, наши верблюды, на ходу, протягивали къ полю во всю длину свои шеи съ желаніемъ полакомиться; но нерѣдко, сорвавши, тотчасъ выбрасывали бурьянъ вонъ изо рта. Сѣровато-желтая пустыня развернулася безграничнымъ покрываломъ, съ закругленными холмами и разными небольшими пологими углубленіями, гдѣ нѣтъ ни малѣйшаго пріюта для жизни чловѣка. Всѣ углубленія и холмы не представляли на горизонтъ ни одного угла, и глазъ вездѣ видятъ только однѣ извилистыя линіи. Но при этомъ, песокъ здѣсь не рассыпчатъ и довольно твердъ, такъ, что нога верблюда держится на поверхности и не тонетъ, хотя мѣстами немного и вдавливается. Впрочемъ, въ другихъ мѣстахъ и въ особенности на подъемѣ и спускѣ, онъ дѣлался сыпучимъ, и тогда путь былъ истинно тягостенъ. Сидя на верблюдѣ, везя съ собою и поклажу, и провизію, и воду на нѣсколько дней, видя повсюду одну

безграничную пустыню, невольно углубляешься въ самого себя, ищешь въ самомъ себѣ опоры и сознаешь всю силу и могущество своего духа. Здѣсь нѣтъ страха, нѣтъ опасенія, и смѣло подвигаешься впередъ....»

Но подвигаешься съ различными муками, которыя и не вообразить себѣ Европейскій путникъ, привыкшій ко всевозможнымъ удобствамъ въ дорогѣ. Солнце не грѣетъ, а калитъ; вѣтеръ не прохлаждаетъ, а жжетъ; жажда страшно томить путника, а вода, которую онъ везъ съ собою какъ драгоценность, до того испортилась, что даже взглянуть на нее отвратительно.... Изрѣдка встрѣтится караванъ верблюдовъ; при видѣ живыхъ существъ полегчѣетъ на сердцѣ; но вотъ тамъ и сямъ пойдутъ встрѣчаться ряды могилъ, увѣленные верблюжьими костями и означающіе мѣсто смерти многихъ странниковъ, погибшихъ отъ палящаго хамсина.... Радостно въ этой пустынѣ встрѣтить хотя призракъ растительности, или услышать щебетаніе птички на одинокомъ деревѣ, — и нашъ путникъ испыталъ такую радость.

Но пустыня страшна и угрюма для одного Европейца. Арабы считаютъ ее лучшею страной въ мірѣ. «Посмотри, говорили они Г. Уманцу, указывая на обширныя песчаныя равнины: какъ весело здѣсь! Это все наша земля, здѣсь мы сами господа, здѣсь намъ некого бояться!» И въ доказательство, что имъ весело здѣсь, проводники автора задали себѣ дорогою *фантазью* (пирушку), состоявшую изъ козленка съ рисомъ и изъ кофе.

И нашъ путешественникъ разнообразилъ свою дорогу сколько могъ. По крайней мѣрѣ читателю вѣхать съ нимъ вовсе не скучно и не утомительно; потому что любезный авторъ, кромѣ занимательнаго разсказа о дорогѣ, о нравахъ Бедуиновъ, даритъ насъ еще учеными изслѣдованіями, напримѣръ о причинахъ названія Краснаго моря, объ исходѣ Израильтянъ изъ Египта и о мѣстѣ, откуда они тронулись и гдѣ перешли Красное море,* и проч.

* Большая часть писателей полагаетъ, что столицею Фараоновъ во время исхода Израильтянъ былъ Мемфисъ, и что Израильтяне двинулись или отсюда, или же изъ части теперешней Келіубской провинціи, между Каиромъ и Бельбисомъ, гдѣ и нынѣ указываютъ на два холма, назы-

По дорогѣ лежитъ только одинъ городъ — Суесъ; но какой городъ? печальный извнѣ и внутри. «Нигдѣ нѣтъ ни сада, ни огорода, ни одного деревца, ни одного кустика, ни одной травинки; дома изъ землянаго кирпича, мѣстами полуразрушенные; улицы грязны и засорены всею нечистотою. Народъ въ рубищахъ, дѣти полунагія, болѣзненнаго вида, и, въ буквальный смыслъ, въ грязи съ головы до ногъ. Никто еще не утолялъ жажды здѣсь у живаго источника, никто не слышалъ пѣнія птицы....»

На шестой день Г. Уманецъ достигъ Синая, отстоящаго отъ Каира . . . 3 часовъ пути, или 390 верстъ (считая, что верблюдъ проходитъ въ часъ не менѣе 5 верстъ).

«Разбитый отъ усталости, отъ долгой ѣзды и отъ зноя, я хотѣлъ поскорѣе войти во внутрь (монастыря); но воротъ въ стѣнахъ не было видно и только вверху, почти у верхней оконечности стѣны, находилось просторное, въ видѣ двери, окно, изъ котораго выглядывали человѣческія фигуры въ черномъ платьѣ и клобукахъ. Окно прикрыто висячею деревянною будкою, служащею ему какъ бы колпакомъ, будка безъ дна, и въ верхней части ея укрѣпленъ надежный блокъ, чрезъ который висѣлъ конецъ толстой веревки. Окно это находится отъ земли на высотѣ до 6 маховыхъ сажени, и чрезъ него-то предстоялъ мнѣ воздушный путь во внутрь монастыря. Уже давно монахи увидали насъ съ вершны стѣны монастырскихъ. Замѣтивъ гостя еще вдали, они обыкновенно поднимаютъ флагъ съ честью его, жала этимъ показать радушіе, съ которымъ его встрѣчаютъ. Кромѣ того флаги поднимаются во всѣ церковные праздники, и въ этотъ день они развѣвались по случаю воскресенья. Но сколько монахи ни рады гостямъ, сколько всякій новоприбывшій изъ далекой отсюда долины Нильской, а тѣмъ болѣе изъ странъ заморскихъ и съ ними единовѣрныхъ, ни отраденъ для нихъ въ этой дикой пустынѣ; однако входъ въ монастырь допускается не иначе какъ по письмамъ изъ Каира отъ намѣстника, которыми гость рекомендуетъ Синайской братіи. Правило это ведется съ давнихъ временъ.... Еще при вступленіи моемъ въ монастырь, я встрѣченъ былъ Русскою рѣчью: привратникомъ былъ монахъ изъ

ваемые Иудейскими. Но по ученыхъ изслѣдованіямъ А. С. Норова, называется, что тогдашнее столпцею Египта былъ не Мемфисъ, а Позанъ, на берегу озера Мензале; а Англійскій путешественникъ Робинзонъ доказываетъ, что переходъ Параньтянъ чрезъ море былъ совершенъ около Суеса.

Болгарь. Такую же пріятную встрѣчу нашелъ я и въ гостинницѣ: служителемъ при ней находился другой монахъ, старецъ преклонныхъ лѣтъ, родомъ также изъ Болгарь и говорившій по-Русски лучше перваго; чрезъ него былъ первый разговоръ мой съ пріятливымъ и радушинымъ игуменомъ. Скоро пришелъ одинъ молодой монахъ, лѣтъ 29 или 30, выходецъ Россіи, и привѣтствовалъ меня уже чистымъ Русскимъ языкомъ; имя его въ монастырѣ Іаковъ. Онъ былъ болѣе всѣхъ обрадованъ пріѣздомъ Русскаго и притомъ изъ Одессы, его родины, которую оставилъ онъ уже болѣе 15 лѣтъ, и вскорѣ за тѣмъ, въ одномъ изъ Аѳонскихъ монастырей, на 15 году жизни, надѣлъ монастырскую рясу, безъ надежды когда-либо воротиться на родину....»

Монастырь построенъ въ видѣ продолговатаго четвероугольника, расположеннаго на крутой покатости, идущей отъ подошвы Хорива къ разрыву ущелья. Главный фасадъ его находится на той сторонѣ, гдѣ устроенъ воздушный входъ. Длина его 40, ширина 32 сажени. По словамъ Буркгарта, Синайскій монастырь нѣкогда представлялъ въ своемъ устройствѣ то же самое, что храмъ Господень въ Иерусалимѣ, и заключалъ въ себѣ алтари разныхъ христіанскихъ исповѣданій; но это извѣстіе подлежитъ сомнѣнію. Но если въ обители не встрѣчается памятника другаго вѣроисповѣданія, кромѣ Греческаго, за то въ стѣнахъ ея есть зданіе, какового въ христіанскихъ монастыряхъ навѣрно нигдѣ не найдется: это мечеть, стоящая въ близкомъ разстояніи отъ соборной церкви, съ помѣщеніемъ для мусульманскихъ поклонниковъ, которые питаютъ особенное уваженіе къ Моисею и къ Синаю, какъ поприщу великихъ дѣлъ его.

Кромѣ главнаго храма, въ Синайскомъ монастырѣ находится 15 малыхъ церквей, построенныхъ въ разныя времена; всѣ онѣ чрезвычайно бѣдны, хотя содержатся въ порядкѣ; всѣхъ же алтарей, съ находящимися въ соборномъ храмѣ, считается въ монастырѣ 26.

Лучшее украшеніе монастыря составляетъ соборный храмъ, красотою своею какъ говоритъ Барскій, «человѣ-

* Надъ поверхностью Чернаго моря онъ лежитъ на высотѣ 5,000 футовъ.

ческое услаждающій сердце.» Онъ обращаетъ на себя особенное вниманіе сколько стилемъ своимъ и внутренними, во вкусъ Византійскомъ, украшеніями, не измѣнившимся въ продолженіе 15 вѣковъ, столько же и потому, что онъ есть одинъ изъ самыхъ древнихъ и очень не многихъ христіанскихъ храмовъ, до нынѣ существующихъ въ первобытномъ благолѣпін. Храмъ этотъ, равно какъ и самый монастырь, воздвигнутъ въ память Преображенія Господня, — и многіе путешественники ошибались, называя главный Синайскій монастырь Екатерининскимъ, на томъ основаніи, что здѣсь почиваютъ мощи св. Екатерины, перенесенныя, какъ говоритъ преданіе, ангелами изъ Александріи на одну изъ вершинъ Синайскихъ, а оттуда въ монастырь монахами.

Изъ подробнаго описанія соборной церкви, представляемаго Г. Уманцемъ, мы заимствуемъ слѣдующій отрывокъ, относящійся къ главнымъ святынямъ Синая.

«Мощи Св. Екатерины хранятся въ небольшой ракъ Каррарскаго мрамора съ рѣзными изображеніями. Крышка мраморная, отдвижная. Гелічина раки, по измѣренію Кира Бронникова, длиною $1\frac{1}{2}$ аршина, шириною съ небольшимъ 8 вершковъ. Она поставлена на рубежъ алтаря съ боку, на правой, т. е. полуденной сторонѣ. Надъ нею мраморный балдахинъ и куполь, а съ восточной стороны передъ нею вѣлана въ стѣну полированная мраморная доска съ изображеніемъ лпка святой мученицы. Передъ этимъ изображеніемъ и передъ ракою висятъ семь неугасимыхъ лампадъ. Дважды я прикладывался къ мощамъ; онѣ заключаются въ головъ и ручкѣ; на первой укрѣплена золотая коронка съ разноцвѣтными камнями, на послѣдней находятся нѣсколько золотыхъ колець простой работы. Мощи помещаются на дорогомъ подносѣ, покоящемся на хлопчатой бумагѣ, которую наполнено три четверти внутренняго объема раки. Часть этой бумаги игумень далъ мнѣ, а также и нѣсколько простыхъ серебряныхъ колець, касавшихся нетлѣнной ручки. При открытіи раки, по всему храму разнеслось благовоніе розоваго масла. Для этихъ мощей, сестра Императора Петра I, Царевна Екатерина Алексѣевна, прислала сюда серебряную позолоченную раку во весь человѣческой ростъ; она хранится особо, въ числѣ монастырскихъ драгоценностей, и мнѣ показывали только ея крышку, на которой представлена, рельефою, въ большомъ видѣ святая мученица.

Въ девятомъ придѣлѣ, находящемся за самымъ алтаремъ, заключается священнѣйшее мѣсто этой обители: Несгараемой и Неопалимой Купины

«Пространство, заключающееся въ этомъ придѣлѣ, составляетъ квадратъ въ три сажени; высота до двухъ саж. Окно въ алтарѣ большого храма не дозволило поднять этотъ придѣлъ выше. Въ воспоминаніе священнаго событія, здѣсь совершившагося, всякъ вступающій въ это святилище, снимаетъ свою обувь, подобно Моисею, получившему приказаніе: «изуй сапоги отъ ногъ твоихъ — мѣсто бо, на немъ же стоиши, земля свята есть.» По мягкимъ коврамъ подошелъ я приложиться къ мраморной плитѣ, положенной на самомъ мѣстѣ Неопалимой Купины. Подобно всѣмъ священнѣйшимъ мѣстамъ Святой Земли, эта плита помѣщена внизу въ восточной части этого придѣла, нѣсколько выше горизонта пола. Она покрыта серебряною доскою, съ разными изображеніями изъ жизни и чудесъ Моисея. Въ воспоминаніе святаго неугасимаго огня, надъ нею теплятся неугасимыя лампы. На мраморныхъ столпахъ утверждена надъ нею другая мраморная доска, составляющая жертвенникъ при служеніи литургіи; при этомъ, для алтаря, отдѣляется часть придѣла, посредствомъ особой завѣсы. Свѣтъ дневной проходитъ во внутрь чрезъ два небольшія окна съ боковъ. Западная стѣна состоитъ изъ голубыхъ фаянсовыхъ изразцевъ; всѣ остальные стѣны, подобно полу, покрыты дорожными коврами, и на нихъ въ многихъ мѣстахъ висятъ образа разной величины и формы, представляющія событія, совершившіяся на верху горы и на этомъ самомъ мѣстѣ. Между ними нѣсколько образковъ на большихъ перламутровыхъ раковинахъ Чернаго моря. Служба здѣсь отправляется каждую субботу, а въ большемъ храмѣ, по воскресеньямъ и большимъ праздникамъ.»

По случаю смерти ризничаго, Г. Уманецъ не могъ видѣть главной ризницы монастырской, гдѣ, между разными драгоценностями, хранятся: Новый Завѣтъ, писанный Императоромъ Θεодосіемъ на атласѣ, золотыми буквами, въ коемъ благовѣстіе Іоанна Богослова поставлено впереди прочихъ; экземпляръ псалмовъ Давида, писанный, по преданію, Императрицею Θεодорою, и проч. Въ библіотекѣ же монастырской, очень не богатой, нѣтъ ничего примѣчательнаго.

На другой день по прибытіи въ монастырь, Г. Уманецъ, въ сопровожденіи игумена и двухъ монаховъ, отправился на священныя горы, и прежде всего на Моисееву

(Джебель - Муса). Восхождение на хребет представляло чрезвычайныя трудности; путь шелъ то по тропинкамъ и ступенямъ, изсѣченнымъ въ скалахъ древними отшельниками, то по рывинамъ и водороннамъ, гдѣ надобно было перескакивать съ камня на камень. Но всѣ трудности забываются при достиженіи мѣста, къ которому стремились душа, — и высоко цѣнили подвигъ посвященія Синайскихъ святынь первобытные поклонники.

«Говорятъ, что въ прежнія времена поклонники, прибывавшіе сюда цѣлыми сотнями, прежде восхожденія на святую вершину Синая, должны были говѣть цѣлую недѣлю въ монастырѣ, исповѣдать грѣхи свои и причаститься Святыхъ Таинъ Христовыхъ; у дверей, сверху, стояли монахи и пропускали только тѣхъ, у кого были записки отъ игумена, объ исполненіи ими этихъ святынь приготовленій.... Нѣкоторымъ изъ поклонниковъ, конечно избраннѣйшимъ, дозволялось, какъ говорятъ, послѣ шестидневнаго поста и молитвы, идти по пути вверхъ; тамъ у первыхъ дверей ожидалъ ихъ духовникъ для исповѣди, а у вторыхъ священникъ, въ полномъ облаченіи, съ чашею Святыхъ Таинъ Христовыхъ. Хоръ пѣвчихъ, зажженные факелы и куреніе емиама, подъ сводомъ вѣчно-голубаго неба, довершали торжественность, и когда причастникъ, омытый отъ грѣха, съ душою только-что очистившеюся Святымъ Таинствомъ, пропускался черезъ порогъ двери, — я представляю моимъ читателямъ судить о тѣхъ чувствахъ, какими преисполнена была грудь его въ эту важную минуту, послѣ долгаго и труднаго странствія на сушѣ и моряхъ, послѣ длиннаго ряда страданій и лишеній разнаго рода, имъ испытанныхъ въ пустынѣ, за нѣсколько тысячъ верстъ отъ его родины, предъ лицемъ святой горы, бывшей свидѣтелемъ величайшаго изъ событій и о которой еще съ самыхъ нѣжныхъ, юныхъ лѣтъ слышалъ онъ въ храмѣ Божіемъ и читалъ въ Св. Писаніи, первой книгѣ, по которой сталъ учиться читать и которую получилъ изъ рукъ своей матери!....

«Подходя къ послѣдней двери, вы видите въ рамѣ ея одно только голубое небо и никакъ не ожидаете встрѣтить картину, которая представится вамъ за нею. По подъему, отъ самаго монастыря до сихъ поръ, вы не встрѣтили ни малѣйшихъ слѣдовъ жизни, вы не нашли ни одного вершка земли, гдѣ бы могла она укрѣпить свои корни; со всѣхъ сторонъ громоздился камень на камень, одна скала давила другую, одинъ утесъ возвышался подъ другимъ, какъ бы заглядывая вамъ въ глаза, и заслонялъ видъ, куда бы вы ни обратились. Аравійское солнце нѣсколько тысячелѣтій обжигаетъ эти каменные громады, и онѣ

почернѣли, какъ бы закаленные въ горнилахъ. Ни одно мѣсто въ отдаленности не заронилось въ память вашу, и все представляется въ полномъ хаосѣ, какъ бы на другой день послѣ страшнаго переворота, разбросавшаго эти громады гранита въ разныя стороны и нагромоздившаго ихъ одинъ на другой въ такомъ безпорядкѣ.

«Переступая дверь, вы какъ бы ожили въ другомъ мірѣ, вы какъ бы разомъ отдохнули отъ впечатлѣній, постоянно тяготившихъ васъ съ самаго начала подъема. Первое, что вы видите, что облегчаетъ васъ, есть обширная перспектива, разстилающаяся передъ вашими глазами. Вниманія вашего не останавливаетъ частица зелени вправѣ, съ прекраснымъ кипарисомъ; съ жадностію вы хотите видѣть, что дальше и дальше, и вотъ передъ вами, нѣсколько влѣво, идетъ крутой подъемъ; глаза ваши идутъ по немъ, все выше и выше; дорожка, какъ бы отъ усталости, извивается то въ одну, то въ другую сторону, мѣстами прячется за камни, потомъ опять, какъ бы отдохнувъ и напрягши всѣ свои силы, лѣзетъ прямо вверхъ, карабкается и наконецъ пропадаетъ между скалами. Не находя ея продолженія, взоръ вашъ идетъ напрямикъ, съ камня на камень, со скалы на скалу; черные овраги его не удерживаютъ, и онъ направляется на отдалившуюся отъ всѣхъ окружныхъ горъ, огромную, конусообразную гранитную массу, ярко обрисовавшуюся на синевѣ неба. Крутыя обнаженные ребра обхватываютъ ее съ боковъ, представляются отдаленными гранитными скалами съ заостренными вершинами, и громоздятся одна надъ другою, какъ бы желая быть ближе и ближе къ высшей точкѣ основной горы, къ которой онѣ, какъ птенцы къ матери, плотно прижались. Прошедши всѣ эти трудности и оставивъ эти скалы за собою, глаза ваши наконецъ достигаютъ высшаго пика гранитной конической массы, вершины Джебель-Муса, цѣли вашего дальняго пути и вашихъ желаній. Небольшія два бѣлѣющіяся зданія приветливо смотрятъ на васъ съ самой вершины и привлекаютъ къ себѣ ваше любопытство; вы впились глазами въ эту вершину и стараетесь глубже запечатлѣть въ вашемъ сердцѣ и вашей памяти ея вполне замѣчательные очерки.»

Почти каждый шагъ на Синаѣ соединенъ съ какимъ-нибудь священнымъ воспоминаніемъ.... Здѣсь пещера пророка Или, гдѣ «онъ слышалъ Господа, говорившаго къ нему, и былъ свидѣтелемъ бури, ниспровергшей горы окрестныя, раздробившей скалы гранитныя, видѣлъ землетрясеніе, приведшее эти громадные обломки въ такой хаотическій безпорядокъ, въ которомъ они остаются даже и до сего

дня, видѣвъ огонь палачій, обжегшій эти скалы до такой степени....» Здѣсь скала, откуда Моисей вздѣвнѣкъ къ верху рукъ своихъ способствовалъ народу Израильскому одержать верхъ надъ Амелекомъ. Тамъ другая скала, гдѣ онъ бесѣдовалъ съ Богомъ и получилъ отъ Него скрижали заповѣдей. Въ этой пещерѣ Боговидецъ постился 40 дней и 40 ночей передъ принятіемъ закона. Вотъ источникъ, изъ котораго онъ повелѣлъ пить «воду проклятiя» послѣ боготворенiя золотого тельца, — а это углубленiе служило формою головы тельца при его вылитii. Здѣсь камень, на которомъ поставлена была Скинiя свидѣнiя, и подъ нимъ же пророкъ Іеремiя открылъ въ послѣдствii сокровища храма Іерусалимскаго. Это мѣсто называется кущею Аарона. Гора носить имя Св. Елиститiи, ибо на ней спасалась эта мученица. На этой вершинѣ 200 лѣтъ почивали мощи св. Екатерины. Здѣсь указываютъ скалу, гдѣ Пресвятая Дѣва явилась древнимъ отшельникамъ Синая, когда они хотѣли оставить монастырь, избѣгая голодной смерти....

Въ ущельяхъ Синая есть нѣсколько церквей, построенныхъ въ древности и теперь пришедшихъ въ совершенное запустѣнiе, и монастырь во имя Сорока мучениковъ, въ которомъ живетъ только одинъ монахъ для присмотра за садомъ. Во многихъ мѣстахъ видны пещеры древнихъ отшельниковъ, устроенныя тамъ, гдѣ не обитаетъ ни одного живаго существа, куда лишь изрѣдка заходятъ тигры и рыси изъ пустынь Аравii, но не находя себѣ пищи, спѣшатъ убраться въ мѣста, оживленные присутствіемъ челоуѣка и животнаго....

Путешественника нашего въ восхожденii на Синай сопровождали, кромѣ братiи, нѣсколько Арабовъ, изъ числа живущихъ въ окрестностяхъ, которыхъ монастырь считаетъ своими слугами, ибо они поселены здѣсь Императоромъ Юстиніаномъ для защиты обители отъ нападѣнiй Сарацинъ. Въ вознагражденiе за ихъ услуги монастырь выдаетъ имъ каждую недѣлю печеный хлѣбъ (пудовъ 18); но когда Арабамъ эта выдача покажется недостаточною, или задумается получить ее прежде срока, они осаждаютъ мо-

настырь, или захватываютъ къ себѣ монаховъ, не дѣлаю однако своимъ кормильцамъ никакого вреда.

Употребивъ два дня на посѣщеніе вершинъ Синайскихъ, Г. Уманецъ воротился въ монастырь, гдѣ ему уже нечего было болѣе осмагризать, кромѣ кладбища, единственнаго въ своемъ родѣ.

«Мы спустились по каменной лѣстницѣ, въ нѣсколько ступеней, на небольшой продолговатый, четверугольный дворикъ, замкнутый со всѣхъ сторонъ стѣнами боковыхъ приземистыхъ построекъ. Длина дворика до 3 саж. съ небольшимъ, ширина въ половину менѣе; въ глубинѣ его одна дверь, съ боку другая. «Здѣсь наше послѣднее пристанище, сказалъ игумень, принявъ на себя самый важный видъ: здѣсь наше кладбище!»

«По обѣ стороны двери, находящейся во глубинѣ дворика, видны двѣ могилы; земля на нихъ была въ уровень съ краями и полита водою. Указавъ на одну изъ могилъ, игумень сказалъ, что за нѣсколько дней передъ тѣмъ погребенъ въ ней ризничій, и что на другой сторонѣ поконятъ другой собрать ихъ съ прошлаго года. Такихъ могилъ на этомъ дворикѣ могло бы помѣститься еще двѣ, но никакъ не болѣе четырехъ; мѣста мало, но покойниковъ здѣсь были цѣлыя сотни. Гдѣ же погребаютъ тѣла усопшихъ? спросите вы.

«Покойника на другой же день послѣ смерти погребаютъ на этомъ дворикѣ и оставляютъ въ землѣ, пока тѣло его не предастся совсѣмъ гніенію и кости не отдѣлятся отъ плоти; чтобы процессъ этотъ совершался скорѣе и мѣсто очистить для новыхъ покойниковъ, тѣло кладутъ въ яму безъ гроба, землю надъ нимъ часто поливаютъ водою и держать ее въ постоянной сырости. Робинзонъ добавляетъ, что тѣло кладется на желѣзную рѣшетку; это очень можетъ быть, но объ этомъ монахи мнѣ ничего не говорили. Процессъ глѣнія обыкновенно совершается въ два, много въ три года. По прошествіи этого времени, приступаютъ къ разрытію могилы, съ погребальнымъ пѣніемъ, съ факелами и со всею установленною для погребенія церемоніею. Отрывъ могилу собрата, иноки отдѣляютъ кости его отъ персти, собираютъ ихъ особо, и, съ тѣмъ же погребальнымъ пѣніемъ, переносятъ въ помѣщенія, для этого нарочно назначенныя и здѣсь же находящіяся. Къ нимъ ведетъ дверь во глубинѣ дворика. Дверь эта отворилась, и мы вошли въ жилище смерти.

«Здѣсь двѣ особыя комнаты, соединенныя между собою открытою дверью. Нижняя половина комнатъ находится ниже горизонта земл. Свѣтъ въ первую комнату проникаетъ чрезъ дверь.

изъ дворика, въ другую — чрезъ окно въ верхней части стѣны; земляной полъ фута на полтора ниже горизонта дворика; потолокъ плоскій, низкій. Поднявъ руку, вы его достанете; стѣны не оштукатурены и чрезъ нихъ просачивается сырость. Эти комнаты представляютъ послѣднюю общую могилу для посмертныхъ остатковъ жильцовъ Синайской пустыни! Изъ нихъ первая назначена для простыхъ монаховъ, вторая для Архіепископовъ, игуменовъ, іеромонаховъ и другихъ духовныхъ властей, равно для отшельниковъ, хотя не монаховъ, но сдѣлавшихся извѣстными строгостію овоей жизни и дѣлами, угодными Богу.

«Но кости каждаго мертвеца, по переносѣ сюда, уже не остаются въ одномъ мѣстѣ. Люби во всемъ строгій порядокъ, монахи складываютъ головы къ головамъ, руки къ рукамъ, ноги къ ногамъ, ребры къ ребрамъ. Войдя со двора въ дверь, вы видите на нѣкоторомъ возвышеніи отъ пола, вдоль стѣны съ лѣвой стороны, головы мертвецовъ, сложенные въ три яруса, и три слоя головъ возвышаются одинъ надъ другимъ, съ соблюденіемъ и въ этомъ самаго строгаго порядка. Длина пространства, занятаго головами, отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 саж., ширина до 1 саж. Эти были головы обращены лицомъ ко входящему, и кажется, будто онѣ, почивая столь долгое время въ ненарушимой, глубокой тишинѣ и будучи вдругъ пробуждены неожиданнымъ шумомъ и человеческою рѣчью, съ любопытствомъ слушаютъ разговоръ гостей и устремили на нихъ эти неподвижныя большія амы, гдѣ нѣкогда помѣщались глава и служили украшеніемъ этимъ безобразнымъ черепамъ. Къ стѣнѣ, противоположной входу, сложены по сортамъ всѣ остальные кости, подобно тому, какъ складываютъ у насъ дрова въ сажени; ни одна кость не смѣетъ высунуться наружу, и только изъ полотна стѣны виднѣются закрученные составы рукъ и ногъ, кое-гдѣ съ уцѣлѣвшимъ сухожилиемъ. Но съ ребрами и позвоночнымъ хребтомъ монахи не могли никакъ справиться и укладкѣ ихъ не могли дать никакой правильной формы; а потому и рѣшились складывать, какъ попало, въ уголъ, въ особо-отдѣленное для того мѣсто....

«Съ полчаса времени пробылъ я въ этомъ жилищѣ смерти; обошелъ всѣ углы, осмотрѣлъ всѣ хранилища послѣднихъ остатковъ жильцовъ этой пустыни. При этомъ неизлишне замѣтить, что монахи вообще избѣгаютъ вводить сюда постороннихъ, особливо лицъ не православнаго исповѣданія, считая удовлетвореніе суетнаго любопытства несоответствующимъ высокому назначенію этого мѣста. И должно сознаться, что чувство непріятное объемлетъ душу при видѣ этихъ бранныхъ остатковъ человѣка, сберегаемыхъ какъ бы для того, чтобы входящій исполнѣ видѣлъ все то ничтожество, какое его неизбѣжно ожидаетъ. Профессоръ

Робинзонъ, изъ уваженія къ его званію, былъ также сюда впу-
щенъ. Здѣсь, говоритъ онъ, истинный храмъ смерти, гдѣ цѣлыя
столѣтія сидитъ она на тронѣ, получая съ каждымъ годомъ но-
выя жертвы, пока комнаты не преисполнятся этимъ собраніемъ
мертвыхъ. Я не знаю другаго мѣста, добавляетъ онъ, гдѣ бы
живой и мертвецъ были ближе другъ къ другу, или гдѣ бы
страшный призывъ, приготовиться къ смерти, представался
духу съ большою силою!

Въ прежнія времена, путешественники, посѣщавшіе
Синай, чертили свои имена гдѣ только могли — на стѣ-
нахъ комнатъ, на деревьяхъ и проч. Для отвращенія этого
монахи завели особую книгу, куда поклонники вписыва-
ютъ свои имена. Г. Уманецъ нашелъ въ ней не болѣе 20
Русскихъ именъ; одно изъ нихъ принадлежало поклоннику,
приходившему изъ Сибири вмѣстѣ съ женою помолиться
Св. мѣстамъ, въ 1820 г., и снова отправившемуся въ свою
родную Сибирь. Вообще въ послѣднее время число поклон-
никовъ значительно уменьшилось, и въ годъ бываетъ ихъ
не болѣе 40—60 человѣкъ, преимущественно Грековъ и
Коптовъ; но въ прошломъ столѣтіи на Синай постоянно
приходили изъ Каира и Иерусалима цѣлые караваны бого-
мольцевъ отъ 600—800 человѣкъ.

Описаніе Синая Г. Уманецъ заключаетъ очеркомъ
исторіи его отъ первыхъ временъ, когда на немъ начали
селиться отшельники (вроятно ранѣ IV столѣтія) и до
новѣйшихъ. Потомъ говоритъ о двухъ посвщеніяхъ своихъ
Синайскому Архіепископу Констандію, жившему въ Кон-
стантинополѣ и извѣстному сколько благочестивою жи-
знію, столько и учеными трудами своими. Изъ сочиненія
его «Египтіада» посвященнаго христіанскимъ древностямъ
Египта, Г. Уманецъ почерпнулъ много свѣдѣній о Синаѣ.
Въ видѣ прибавленія помѣщено извлеченіе о Синаѣ изъ
Коробейникова и Гогары.

Разсказъ о возвратномъ пути оживленъ нѣсколькими
картинами туземной природы и бедуинскихъ нравовъ. Тутъ
же авторъ мимоходомъ рѣшаетъ вопросъ о маннѣ, вещест-
вѣ, которое даютъ особаго рода деревья (*Tamarix Gallica man-
nifera*), растущія въ Синайской пустынѣ, и которымъ мно-
гіе ученые ошибочно объясняли ветхозавѣтную манну. —

На 8 день по отъездѣ изъ Синайскаго монастыря Г. Уманецъ достигъ Каира, гдѣ монахи подворья приветствовали его почти тѣми же словами, которыми знаменитый нашъ Барскій встрѣченъ былъ монахами на Синаѣ: «добре пришелъ еси друже! Богу да будетъ приятенъ трудъ твой!»

Отрывки о Египтѣ и Св. Землѣ были уже напечатаны въ Москвитянинѣ и другіихъ журналахъ, и вѣроятно, извѣстны всей читающей публикѣ. Но ихъ можно и должно перечитать во второй, въ третій разъ, и всегда съ новымъ удовольствіемъ. Изъ статей Г. Уманца можно познакомиться съ современнымъ Египтомъ лучше, чѣмъ изъ десятка книгъ, — и кто прочтетъ его занимательные очерки вмѣстѣ съ путешествіемъ Г. Ковалевскаго, тому не за чѣмъ обращаться къ Клодтъ-бею и подобнымъ ему говорунамъ.

65. Вѣдомость о народонаселеніи Россіи по уѣздамъ губерній и областей, составленная изъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ Губернаторовъ, при Статистическомъ Отдѣленіи Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, А. К. За 1846 годъ. Спб. 1850. Стр. 48 съ 8 д. л.

Статистика не состоитъ болѣе по особымъ порученіямъ при географіи, не считается наукою сухою, безжизненною, собраніемъ всевозможныхъ цифръ и таблицъ; выводы ея занимаютъ не однихъ ученыхъ по обязанности; матеріаламъ, обогащающимъ ее безпрестанно, дается видное мѣсто въ литературѣ. Поэтому, читатели, вѣроятно, не поспѣютъ на насъ, если мы разсмотримъ «Вѣдомость о народонаселеніи Россіи» съ особенною подробностію.

Въ основаніе этой вѣдомости приняты отчеты Губернаторовъ, поступающіе въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ; потому не вошли въ нее слѣдующія части Имперіи: Земля войска Донскаго, Камчатское и Охотское приморскія управленія, Якутская область (свѣдѣнія по которымъ поступаютъ въ Военное и Морское Министерства); потомъ губерніи: Тифлисская, Кутанская, Шемахинская и Дербентская (отчетовъ по нимъ за 1846 г. не поступало новости ихъ учрежденія). За этими исключеніями, общее простран-

ство Россіи равняется почти 86,000 кв. миль,* а народонаселеніе слѣдующимъ 53,353,000.** Отношеніе перваго ко второму 1:620. Жителей муж. пола 26,453,000, жен. 26,900,000. Иновѣрцевъ христіанъ 4,489,000, не христіанъ 3,492,000. — По пространству самая обширнѣйшая губернія (за исключеніемъ Сибирскихъ) Архангельская, заключающая въ себѣ болѣе 15½ т. кв. миль; а самая меньшая — Эстляндская, пространство коей составляетъ 376 кв. м. По народонаселенію богаче всѣхъ губер. Курская (1,774,000 ж.), бѣднѣе Астраханская (до 139 т.)***. Губерніи, въ которыхъ народонаселеніе простирается до милліона и болѣе, но не достигаетъ полутора, въ Россіи *осемнадцать*: Владимирская, Волинская, Казанская, Калужская, Костромская, Минская, Нижегородская, Орловская, Пензенская, Рязанская, Симбирская, Смоленская, Тверская, Тульская, Харьковская, Херсонская, Черниговская, Ярославская; до полутора милліона жителей и болѣе имѣютъ *одиннадцать* губерній: Воронежская, Вятская, Кіевская, Курская, Московская, Оренбургская, Пермская, Подольская, Полтавская, Саратовская, Тамбовская. — Отношеніе населенію къ пространству представляетъ самую меньшую цифру въ Архангельской губ. (1: 15), самую болѣе въ Московской (1: 2554). — Женскій полъ превышаетъ въ общемъ итогъ мужской; по губерніямъ почти вездѣ представляется то же самое, и болѣе значительный перевѣсъ въ Ярославской губ., гдѣ женскій полъ превышаетъ мужской почти 84½ т.: явленіе, объясняемое промышленнымъ духомъ жителей, которые тысячами оставляютъ родину для заработковъ на сторонѣ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ мужской полъ превышаетъ женскій, и самый значительный перевѣсъ въ этомъ отношеніи представляетъ губернія Московская (55½ т.). Совершенное равенство населенія обоеихъ половъ представляютъ губерніи: Витебская (по 380 т. каждому), Курская (886½ и 887) и Симбирская (по 600 т.).

* Здѣсь не показано пространство Сибирскихъ губерній.

** Въ исчисленіе народонаселенія не включенъ С.-Петербургъ; кромѣ того, по губ. Астраханской и Ставропольской итогъ населенія ихъ долженъ быть увеличенъ 295 т. душъ.

*** Здѣсь не принята во вниманіе неопредѣленность въ показаніи о ея народонаселеніи, простирающаяся до 190 т. д.

Число иновѣрцевъ христіанъ наибольшее находится въ Лифляндской губ. (710 т.), наименьшее во Владимирской (186); не христіанъ болѣе прочихъ въ губ. Оренбургской (до 707 т.), менѣе въ Олонецкой (2). Совершенно нѣтъ иновѣрцевъ не христіанъ въ губ. Владимирской, Курской, Смоленской, Харьковской и Эстляндской. Кромѣ того, есть уѣзды, гдѣ въ числѣ жителей нѣтъ *ни одного* иновѣрца; таковы: Холмогорскій (Арханг. г.), Суздальскій (Владим. г.), Бирючскій, Валуйскій и Нижнедѣвицкій (Воронеж. г.), Тарусскій (Калуж. г.), Повѣнецкій (Олонецкой г.), Малоархангельскій (Орлов. г.), Сапожковскій (Рязан. г.), Лебедянский (Тамбов. г.) и Бѣжецкій (Тверской г.)

Необходимо замѣтить, что между показаніями Вѣдомости и данными, помѣщенными въ Академическомъ Календарѣ на этотъ годъ, оказывается довольно разногласіе, не смотря на то, что тѣ и другія относятся къ одному году. Известный нашъ ученый П. И. Кеппенъ, составлявшій таблицы о народонаселеніи Россіи для Календаря, объяснилъ причину этой разницы. (См. Спб. Вѣд. NN 79, 80 и 81). Подобно Г. А. К., онъ также основывался на официальныхъ источникахъ. Наступившая *дефляция* народная перепись покажетъ, какія цифры должны быть признаны наиболѣе достоверными.

Въ заключеніе, *Москвитяину* не лишнимъ будетъ привести изъ «Вѣдомости» цифры, относящіяся къ *Московской* губерніи.

Пространство губ. 589 кв. миль, жителей 1,504,000. Относительно населенія уѣзды идутъ въ слѣд. порядкѣ: Московскій (458½ т.), Богородскій (109 т.), Дмитровскій (107 т.), Коломенскій (107 т.), Бронницкій (до 106 т.), Серпуховскій (102 т.) Клинскій (до 92 т.) Подольскій (до 84 т.), Звенигородскій (79 т.), Волоколамскій (76 т.), Рузскій (болѣе 65½ т.), Можайскій (около 59 т.), Верейскій (49 т.). — Родилось въ 1846 г. до 66 т. чел. об. пола, умерло слишкомъ 55 т. Браковъ заключено было слишкомъ 12,400. — Иновѣрцевъ въ губерніи считается: христіанъ 4,600, не христіанъ 770.

Мы извлекли только общіе и наиболѣе замѣчательные выводы изъ «Вѣдомости»; но въ ней каждая таблица можетъ повести къ любопытнымъ сравненіямъ и заключеніямъ. На составленіе ея авторъ употребилъ, вѣроятно, не мало времени, и за эту усидчивую работу, исполненную весьма отчетливо, мы отдаемъ должную честь его трудолюбію: Впрочемъ, вмѣстѣ съ Г. Кеппеномъ, пожелаемъ, «чтобы впредь, при такихъ же изданіяхъ показаній, поступающихъ въ Мин. Внут. Дѣлъ, о числѣ жителей по губерніямъ, были присовокупляемы данныя о распредѣленіи ихъ по сословіямъ, и, буде можно, хотя нѣкоторыя критическія замѣчанія.»

66. *Очеркъ Венгерской войны 1848—49 гг. Перев. съ Нѣм. Полков. Богдановича и Подполк. Лебедева. Съ 3 картами. Спб. 1850. Стр. 164 въ 8 д. л.*

Цѣлью автора было «въ краткихъ очеркахъ представить вѣрную картину Венгерской войны, ограничиваясь разительнѣйшими изъ тактическихъ дѣйствій, ибо современность событій и недостатокъ свѣдѣній объ арміи инсургентовъ, не позволяютъ составить болѣе подробную исторію, по невозможности соблюсти строгія условія, требуемая отъ военнаго сочиненія.» Изъ этихъ словъ, справедливость которыхъ неоспорима, читатель можетъ видѣть, что заключается въ предлагаемой книгѣ. Если, съ одной стороны, онъ найдетъ здѣсь очень мало новаго для себя, что не было бы извѣстно изъ реляцій, получить понятіе о Венгерской войнѣ какъ о блистательномъ эпизодѣ, безъ ея причинъ и важныхъ послѣдствій: то съ другой, собраніе въ одно летучихъ газетныхъ извѣстій, стройная группировка происшествій, такъ быстро снѣжившихъ другъ друга, рассказъ живой и безпристрастный, доставятъ ему особенное удовольствіе, возобновивъ въ памяти недавно минувшія событія, столь славныя для нашего оружія.

Приложенныя три карты: Венгріи, Трансильваніи и военныхъ дѣйствій съ 2 по 9 Іюня 1849 г., не мало облегчаютъ возможность слѣдить за движеніями войскъ.

67. *Дѣвицы Ленорманъ хиромантія, способъ узнавать характеръ и предсказывать будущность, и гаданіе по картамъ. Съ портретомъ. М. 1850.*

Съ годъ тому назадъ пожаловала въ Москву извѣстная ворожея дѣвица Ленорманъ, и остановилась на Трубѣ, въ Карташевомъ переулкѣ, въ домѣ.... Но, извините: пріѣхала собственно не она, а ея карты, — пріѣхали и наняли сѣрый домикъ съ зелеными ставнями, а надъ фасадомъ его повѣсили вывѣску съ золотою надписью по голубому полю: «Продажа картъ д-цы Ленорманъ.» Для тѣхъ, кто рѣшался истратить 2 руб. сер., карты являлись въ «нарядномъ сюрпризѣ», а для желавшихъ ограничиться однимъ цѣлковымъ, выходили въ простомъ футлярѣ. Объ этихъ отличіяхъ нѣсколько разъ публиковалось въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, и такъ какъ Вѣдомости читаетъ вся Москва, а объявленіе печаталось очень казисто, съ узорочною бордюрою, — и говорило, что это тѣ самыя карты, которыми Ленорманъ предсказала судьбу Наполеона, Жозефины и другихъ великихъ міра сего, — то, въ силу всѣхъ этихъ причинъ, картамъ шибко повезло. Какъ, въ самомъ дѣлѣ: Ленорманъ разложила судьбу Наполеона, точно свои пять пальцевъ, такъ ужъ будущность простыхъ смертныхъ ей ни почемъ; навѣрно и безобманно она расскажетъ, что чувствуетъ трефовый король, какой интересъ предстоить бубновому, что за марьяжъ гнѣздится въ сердцѣ кѣровой дамы, и кому грозитъ бѣдою пиковая.... И такъ карты д-цы Ленорманъ пошли, и пошли; потребовалось второе изданіе пріѣзжей предсказательницы; доморощенные ворожеи повѣсили носъ; оракулы понизились на пятьдесятъ процентовъ; кофе и бобы упали въ цѣнѣ.... Разбогатѣвшія Парижскія карты переселились во Французскую колонію Москвы — на Кузнецкій мостъ. Что же произошло потомъ? Многіе добрые люди, имѣвшіе удовольствіе повѣрять свои желанія и надежды дѣвицѣ Ленорманъ, заговорили, что какъ ня услужливы ея карты, а все-таки иногда фальшивяты, смотрятъ въ туманную даль будущаго не во всѣ глаза; что не мѣшало бы на случай ихъ несостоятель-

пости имѣтъ подѣ рукой *рукознаніе* знаменитой ворожеи, ея хиромантію, занимающую не послѣднее мѣсто въ ряду волшебныхъ знаній: въ картахъ частенько выходятъ туры на колесахъ, а здѣсь, на рукахъ, сама природа линиями обозначила, кому какія линия написана на роду. Въ отвѣтъ на это благоразумное желаніе, Русскій издатель заграничной ворожбы успѣшилъ объявить, что и хиромантія и собственная особа дѣвнцы Ленорманъ — ея портретъ — ожидаются съ первымъ пароходомъ, и какъ только получатся, то не замедлятъ явиться къ услугамъ почтеннѣйшей публики. Но едва успѣлъ онъ опубликовать о своемъ ожиданіи, едва почитатели Ленорманъ начали готовиться къ чтанью на рукахъ, — бумагопрядильная литература, уже съ негодованіемъ смотрѣвшая, какъ пріѣзжіе пугукари отбиваютъ у ней хлѣбъ, — мигомъ смастерила волшебныя карты съ хиромантіей, и самоѣ ворожею представила живьемъ — въ книжечкѣ, заглавіемъ которой украшенъ нашъ рассказъ. «Сюда, сюда пожалуйте, почтеннѣйшая публика: у насъ самая лучшая дѣвица Ленорманъ! Безъ запросу, полтинникъ, а потрафитъ такъ, что и за два цѣлковыхъ не сыщете подобнаго волшебства. Въдь и тѣ карты — только слава, что Французскія, а печатались здѣсь, въ Москвѣ. Пожалуйте, господа: останетесь довольны!» Вслѣдствіе этого завязалась сильная борьба между двумя дѣвицами Ленорманъ, пріѣзжею и доморощенною; но кто изъ нихъ одержитъ верхъ, — та ли, что расположилась лагеремъ у Никольскихъ воротъ, или обитательница Кузнецкаго моста — это еще неизвѣстно.

Не мудрено, однако, что иной читатель захочетъ знать наше мнѣніе о знаменитыхъ картахъ. Отвѣчать на это не скептику довольно щекотливо. Вы вѣрите въ гаданья? — «Дя... случается... изъ исторіи извѣстно...» Изъ исторіи? Такъ и прекрасно, и гадайте себѣ, на здоровье, и выгадывайте золотыя горы, вопрошая судьбу-индѣйку. Желаемъ вамъ этого такъ же усердно, какъ издатели Русскихъ и заморскихъ гаданій желаютъ выручить рубль на копѣйку посредствомъ своихъ издѣлій.

68. *Краткій въ стихахъ очеркъ С.-Петербурга и другія мелкія стихотворенія С. Павлова. Спб. 1850. Стр. 31 въ 16 д. л.*

Сейчасъ говорили мы о прїѣздѣ дѣвицы Ленорманъ въ Москву. Позвольте въ уровень къ этому событію сказать о недавнемъ прїѣздѣ къ намъ одного знаменитаго путешественника.... не изъ-за морей однако дальнихъ, а изъ Петербурга. Путешествовалъ онъ вопреки замѣчанію Василія Ивановича (въ «Тарантасѣ»), что у насъ не путешествуютъ, а ѣздятъ съ мѣста на мѣсто; путешествовалъ этотъ великій неизвѣстный съ гуманическою цѣлью Иванъ Васильевича — изучать Россію, Москву въ собственности, и для этого велъ свои путевыя впечатлѣнія. Въ Москвѣ онъ не нашелъ ничего — не то чтобы заслуживающаго обратить на себя его вниманіе, но ровно нечего: на улицахъ пусто, въ обществахъ ни души, въ театрѣ одни ряды безмолвныхъ ложъ, въ Благородномъ Собраніи одни бюмраморные столбы, въ картинныхъ галлерейхъ полотно и золотыя рамы, въ литературѣ ни одной книги.... Напрасно нашъ рьяный туристъ вкружилъ съ Плющихи на Трубу, съ Трубы на Плющиху, напрасно гулялъ въ распутицу по бульварамъ, лорнировалъ туманную даль, прислушивался къ малѣйшему шороху, обхаживалъ Московскія типографіи: вездѣ тишина, все какъ будто вымерло, выѣхало передъ нашествіемъ Французомъ; стоятъ себѣ пустынные дома, вода бѣжитъ по желобамъ крыши, пробираясь въ канавы, осанистыя вороны тяжело размахиваютъ въ воздухѣ крыльями, вдали раздается заунывный лай стаи разношерстныхъ.... Такъ это хваленая Москва? Такъ здѣсь считается 350 тысячъ жителей, сорокъ сороковъ церквей, — здѣсь рынокъ всей Россіи, здѣсь средоточіе дѣятельности торговой, промышленной, умственной? Хорошъ городъ, нечего сказать! На улицѣ и шапки некому снять, въ обществѣ ни одного порядочнаго кружка, который задалъ бы обѣдъ знаменитому путешественнику, какъ задавали пиры, напримеръ, Гумбольдту!.... Юпитеровская рѣчь: Его во.... полился на бумагу изъ-подъ пера обманутаго въ своихъ ожиданіяхъ

наблюдателя; каждая строка дышала благороднымъ негодованіемъ; желчь и справедливое мщеніе проглядывали во всякомъ словѣ.... Прочли Москвичи грозную отвѣдь, пожалли плечами и повторили стихъ Грибоѣдова:

Гоненье на Москву — что значить видѣть свѣтъ!

Изъ всѣхъ заключеній Петербургскаго путешественника насъ особенно поразило то, что въ Москвѣ нѣтъ литературы. Помилуйте, хотѣли мы было замѣтить пріѣзжему наблюдателю: боитесь ли вы Бога! Посмотрите что вышло въ Москвѣ въ какіе-нибудь два-три мѣсяца, пока совершали вы свою поѣздку: неужели это, по вашему, не стоить быть причисленнымъ къ литературѣ? Да гдѣ же послѣ этого и въ чемъ заключается она, скажите сдѣлайте милость!.... Но нашъ судья по законамъ Дракона былъ уже далеко, и вопросы остались отвѣта. Съ нетерпѣніемъ начали мы ожидать движенія Петербургской литературы, чтобы по ея явленіямъ судить о недостаткахъ Московской. Получаемъ путешествіе, другое: нѣтъ, это не литература; господинъ путешественникъ не читаетъ такихъ книгъ; получаемъ статистическіе матеріалы, ученые монографіи: нѣтъ, не этого намъ надо; подобные труды въ Москвѣ прошли незамѣченными пріѣзжимъ наблюдателемъ.... Гдѣ же ваша-то литература? готовы были мы закричать по телеграфу господину путешественнику.... Вдругъ послѣдняя почта привозитъ къ намъ ни болѣе, ни менѣе, какъ.... поэму на Петербургъ. Ну, это не чета прежнимъ книгамъ. Поэма, легко сказать! Не великонька она, всего два листика, да зато вѣдь — поэма. Тутъ ужъ не головоломная какая-нибудь работа, а восторгъ, паеось: пою, пою и пою!.... Какія грандіозныя картины должны быть въ ней, сколько рельефности, рефлексіи, міровыхъ образовъ предстоить увидѣть намъ....

Съ первой же страницы погружаешься въ этотъ волшебный міръ.... Но — фальшивить нашъ поэтъ, рубить вправо и влево, чтобы только добыть себѣ непокорную риму, рѣжетъ слоги, кромсаетъ смыслъ. Но это, можетъ быть, отъ того, что онъ еще не распялся, не разогналъ, какъ

слѣдуетъ, устарѣлаго Пегаса. Дальше, вѣроятно, будетъ лучше. На слѣдующихъ страницахъ стихи дѣйствительно прыгаютъ съ горки на горку:

Тутъ надъ дикою вышиной
На бронзовомъ конѣ сидятъ,
Съ простертой дланію десной,
Россійской Великанъ! Лежитъ
Подъ нимъ весь въ кольцахъ змѣй,
Погибшій участію своей.

Сей величавый монументъ
И надпись яркая на немъ,
Взоръ поражаютъ въ мигъ, въ моментъ,
Великолѣпіемъ во всемъ,
Какой-то прелестью искусства,
Чарующей всѣ наши чувства.

На память древняго искусства,
Два сѣнника съ іероглифами стоятъ,
Какъ стражи смотреть на искусство,
Или художество слѣдятъ:
Вѣка прошли предъ ними, —
Они жъ все тѣ же — невредимы....

И такъ далѣе, и чѣмъ дальше, тѣмъ лучше. Угостить насъ поэмою на Петербургъ, авторъ вдругъ гаситъ священнѣйшій жертвенникъ Аполлону и идетъ на службу въ Фламандскую школу, рисуя, между прочимъ, портретъ И. И. М. такими красками:

....Я зрю души портретъ!
Любуюсь, шепчу: хоть и не поэтъ,
И родомъ ве вельможа, и савомъ хоть не Князь;
Но малъ! — Короче: идеалъ дѣвицъ —
Одно, одно изъ славныхъ честныхъ лицъ,
Достойное почтенія, любви!
Иванъ Ивановичъ, вѣдь это вы?

Что за натура и сколько юмора! А рѣзны? Справедливо называетъ ихъ поэтъ «душками, шалуныями, молодушками, пастушками....» К.

Лингвистическое недоразумѣніе.

(М. П. Погодину).

Въ своей рецензій на Архивъ, изд. Г. Калачевымъ, по поводу статьи объ изгояхъ, вы сказали: «не значилъ ли изгой вообще человекъ бездомнаго, безземельнаго, на что указываетъ какъ нельзя лучше Германскій *uss-gauja*, выходецъ, изгнанникъ.» (Москв. 1850 г. N 7, стр. 79).

Поприце лингвистики такъ широко, и дѣла, недавно еще только початаго, такъ много, что историку нѣтъ никакой возможности спеціально заниматься этой наукой; въ противномъ случаѣ ему слѣдовало бы отказаться отъ Исторіи. Вина лингвистики, если историкъ нашелъ въ ней какое-либо недоказанное сближеніе словъ, и воспользовался имъ какъ точнымъ показаніемъ. Вотъ что почелъ я своей обязанностью сказать, чтобы предварительно оправдать себя въ нашихъ глазахъ, и потому уже позволить себѣ не согласиться съ вами въ вышеприведенномъ сближеніи изгоя съ Германскимъ *uss-gauja*.

Противъ васъ у меня только одинъ аргументъ и есть: Германскаго слова *uss-gauja* нѣтъ и никогда не было на свѣтѣ! О. Л. Морошкинъ въ примѣчаніяхъ къ книгѣ Рейца, на стр. 412, называетъ это слово Готскимъ. Въ этомъ языкѣ дѣйствительно есть простое слово *gauja*, которымъ Ульфила переводитъ *περίχωρος*, а также и *πληθος τῆς περιχωρου*: т. е. не только *страна*, но и *народъ области*, какъ значится въ Остромировомъ Ев. отъ Лук. 3, 3. 8, 37. Сложнаго же *uss-gauja* въ Ульфилѣ нѣтъ. Да и что такое эта приставка *uss*? ужъ не предлогъ ли *изъ*? Но по-Готски онъ не такъ: *изъ* Гот. просто *us*; да и въ другихъ Нѣмецкихъ нарѣчійхъ онъ звучитъ и пишется иначе: Скандинав., древне-Сакс., Англо-Сакс. древне-Фризск. *ut*, древне-верхне-Нѣмецк. *uz*. Слѣдовательно по приставкѣ *uss* слово *uss-gauja* не быва-

* Это такой одинъ аргументъ, который не уступитъ первому аргументу коммента, встрѣтившаго Фридриха Великаго безъ пальбы. «Сто причинъ, сказалъ онъ Королю, есть почему пальбы не было, В. В. Первая: у меня нѣтъ пороха... «Довольно, довольно,» отвѣчалъ Фридрихъ, и принявъ рапортъ благосклонно. М. П.

лое: его не было и не могло быть ни въ одномъ изъ коренныхъ Нѣмецкихъ нарѣчій, ни въ Готскомъ, ни въ Скандинавск., ни въ Саксонскомъ, ни во Фризскомъ. Касательно же второй половины слова *uss-gauja* именно: *gauja* должно замѣтить, что она принадлежитъ языку Готскому: происходитъ отъ Гот. *gavi* страна, земля, *хабра*: это коренное слово есть только въ древне-верхне-Нѣмецкомъ *kouwi*, въ древне-Саксонск. *ga*, въ древне-Фризск. *go*, и потому уже въ новѣйшемъ Нѣм. *gau*. Но и его рѣшительно нѣтъ въ Англо-Саксонскомъ и Скандинавскомъ. Слѣдовательно *uss-gauja* могло бы придти только отъ Готовъ, а не отъ Скандиновъ: въ Готскомъ же языкѣ такое слово несбыточно.

Вотъ мои доводы. Изъ этихъ простыхъ доказательствъ вывожу и самое простое слѣдствие: *такъ какъ ни съ одной изъ Нѣмецкихъ нарѣчій нѣтъ слова iss-gauja, то происхождение нашего изгоя отъ этого слова должно.*

Въ заключеніе я долженъ сказать, что и я точно также могу ошибаться, какъ, по моему мнѣнію, ошибались тѣ, которымъ принадлежитъ выдумка небывалаго *uss-gauja*. По крайней мѣрѣ я ссылаюсь на всего Ульфилу, на превосходные лингвистическіе труды Граффа, Рихтгофена и наконецъ на самого Я. Гримма. Пусть же обвиняемые мною въ выдумкѣ небывалаго и несбыточнаго докажутъ мнѣ противное и вразумятъ меня. Я буду искренно благодаренъ имъ, потому что науку никогда не могу постановить на ряду съ мелочнымъ самолюбіемъ.

Ө. Буслаевъ.

Съ большимъ удовольствіемъ помѣщаемъ это замѣчаніе. Только тогда пойдетъ Русская наука впередъ, когда Русскіе ученые будутъ принимать живое участіе во взаимныхъ трудахъ, и будутъ говорить о нихъ немедленно и не обинуясь.

Противъ замѣчанія Г. Буслаева я сказать ничего не имѣю. Овъ египтологъ, и слѣд. законный судья. Мнѣнческаго *uss-gauja*, еще болѣе мнѣнческаго, какъ теперь оказывается, нежели нашъ изгой, я впрочемъ не принимаю на свой счетъ: это не мой хлопецъ, а принадлежать къ той статьѣ, которую я разбираю, (см. стр. 60, прим. 5), почему я и сопровождаю его по принадлежности къ Г. Калачеву. М. П.

*Объ историческомъ значеніи царствованія Бориса Годунова.
Сочиненіе П. Павлова. (Къ N 55; см. 8 книгу).*

Прежде нежели приступлю я къ окончанію моего разбора, я считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ вообще о Русской Исторіи и различныхъ взглядахъ на нее. Слова мои отнюдь не будутъ относиться въ особенности къ Г. Павлову: пусть примуть ихъ къ свѣдѣнію молодые изслѣдователи, настоящіе и будущіе, какъ выраженіе опыта многолѣтняго, — и воспользуются ими, кто какъ заблагоразсудитъ.

Ни въ какомъ народѣ нѣтъ такого отвращенія отъ формы, какъ въ Русскомъ; ни въ какой Исторіи нѣтъ такого отсутствія формы, какъ въ Русской; и въ этомъ отношеніи Русская Исторія представляетъ совершенную противоположность съ Западной: тамъ господствуетъ форма, и ей приносятся всякія жертвы; тамъ форма считается главнымъ условіемъ счастья гражданскаго и человѣческаго, и западные народы, Французскій въ особенности, ищутъ ее безъ памяти, отъ утра до вечера, и мучатся: сколько, напримѣръ, однѣхъ конституцій перемѣнили они съ 1789 г. Самые умные, самые добросовѣстные иногда люди трудятся надъ ними, напрягаютъ всѣ свои силы, — а нѣтъ, не выходитъ ничего, для самихъ, удовлетворительнаго, и послѣдняя, казалось, лучшая, подвергается на другой день послѣ обнародованія, еще бѣльшимъ нареканіямъ и пересудамъ, нежели прежняя, — и опять принимаются за работу несчастные иксіоны. (Въ наукахъ тѣ же явленія.)

Въ Русской Исторіи другая крайность: форма искони ставится ни во что: у насъ ничего не бывало положительнаго, опредѣленнаго, и вѣка проходили, въ продолженіе которыхъ не сыщешь въ лѣтописяхъ ни одной апогегмы, развѣ занесенной по вѣтру съ Запада. При всякомъ правилѣ у Русскаго человѣка бываетъ непреодолимое желаніе уклониться изъ-подъ него, а не сообразоваться съ нимъ, и онъ становится часто указаніями не того, что дѣлается, а

наоборотъ, чего не дѣлается. Съ другой стороны, многое происходитъ въ Русской Исторіи большею частію неожиданно, вопреки всѣмъ разсчетамъ иображеніямъ, дѣйствіемъ Русскаго Бога, который и живетъ въ народномъ сознаніи: пользу принесетъ иногда врагъ, а другъ насолить; зимою грянетъ громъ, а лѣтомъ завернетъ такая стужа, что надѣвай шубу. Стоитъ вспомнить только о нашествіи Монголовъ или о воинѣ 1812 года, — а чтобъ всего разительнѣе показать характеръ чудеснаго въ Русской Исторіи, о коемъ писалъ я еще въ 1833 году, то я спрошу: могли ли Царь Алексѣй Михайловичъ, даже призвавъ на совѣтъ тѣхъ своего отца Михаила Федоровича и дѣда Филарета Никитича, могли, говорю, Царь Алексѣй Михайловичъ, вмѣстѣ съ Царицей Натальей Кириловной, угадать и ожидать, чтобъ у него родился такой сынъ какъ Петръ I?

Прочтите Царскіе выходы, издавныя Строевымъ, да какой-нибудь томъ писемъ Петровыхъ или его Марсову книгу! Или разберите Вавилонское замѣшательство въ Русскомъ языкѣ времени Петрова, и угадайте по логикѣ, что законы этому языку принесетъ изъ Холмогоръ рыбацкій сынъ Ломоносовъ. Или объясните, какъ продолжить и привести въ исполненіе многія мысли Петра I могла Принцесса, родившаяся въ Ангальт-Цербстѣ?

И потому, чтобъ, при такомъ характерѣ Русской Исторіи, подводить происшествія, особенно, когда дойдетъ дѣло до подробностей, подъ симметрическія формулы, надо непременно укладывать ихъ на Прокурстово ложе, обрубать ихъ, вытягивать, инныя же и совсѣмъ изъ Исторіи вонъ. И что же получится вслѣдствіе всѣхъ сихъ истязаній, всѣхъ сихъ мучительныхъ пытокъ и отчаянныхъ операцій?

Мы переведемъ Русскую Исторію на Французскую, Нѣмецкую, Англійскую, вообще Западную, какъ переводить у насъ Французскіе водевили на Русскіе нравы. (Вотъ тогда-то можно будетъ сказать встати: *traduttore—traditore.*) Мы заставимъ нашихъ предковъ подражать заднимъ числомъ Западнымъ народамъ, тогда какъ подражатели-то собственно мы, а они, хорошо ли, дурно ли, шли своею дорогою, ни шатко, ни валко, ни на сторону.

Отыскивать этотъ путь, показывать его своеобразность, его прямоту и кривизну, — вотъ гдѣ задача для таланта, для ума, для мыслящаго Русскаго историка. Какая прекрасная, Европейская задача! По шагу объяснить этотъ путь — и тутъ уже есть достоинство, заслуга, честь.

Но нѣтъ! Мы хотимъ полной системы, полной теоріи; теорія, система, обольстительны для молодаго человека, для молодаго ученаго, — и вотъ являются ретивые юноши, которые, съ плеча, начинаютъ рубить и косить, не помня, что для теоріи и системы даже не приготовлены еще, не очищены, не обработаны критикою необходимые матеріалы.

Бывалъ я на своемъ вѣку свидѣтелемъ подобныхъ зажѣшательствъ. Пусть вспомнятъ читатели школу Скептическую, школу Славянскую и прочія, съ коими я ратовалъ. Самъ даже я подаль поводъ къ двумъ явленіямъ этого рода, кои считаю двумя своими смертными учеными грѣхами, и искупить долженъ, по наложенной на себя эпитиміи, по крайней мѣрѣ двумя лишними томами Исследованій.

Все это говорилъ я вообще, какъ вступленіе къ своимъ разборамъ историческихъ книгъ, которыхъ вдругъ явилось много, безъ сравненія съ прежними годами. Теперь обращаюсь къ книгѣ Г. Павлова.

Чтобъ уразумѣть вполнѣ значеніе Бориса Годунова въ Русской Исторіи, Г. Павловъ полагаетъ:

«Сообразнымъ съ существомъ предмета указать на связь съ предшествовавшимъ и послѣдующимъ развитіемъ Руси московской:

- Во 1-хъ учрежденія патріаршества.
- Во 2-хъ уничтоженія юрьевскаго выхода.
- Во 3-хъ распоряженій касательно торговой промышленности.
- Во 4-хъ распоряженій касательно образованія умственнаго.
- Во 5-хъ распоряженій касательно образованія нравственнаго.
- Во 6-хъ дипломатическихъ сношеній.

1. Историческій характеръ Годунова по отношенію къ духовенству опредѣляетъ великое событіе учрежденіе патріаршества.»

С. 90. «Устанавливая патріаршество въ своемъ интересѣ, который такъ хорошо умѣлъ сдѣлать государственнымъ, Годуновъ въ этомъ случаѣ выполнялъ историческое предопредѣленіе.... Патріархъ, какъ представитель начала самостоятельности церковной въ Государствѣ Московскомъ въ образѣ Ни-

кова, сознавъ вполне и осуществивъ въ дѣйствительности свое призваніе очистить по образцу, начертанному Апостолами, св. Отцами и соборами, обрядъ и писанное слово Церкви, искаженные невѣжествомъ древней Руси, которое было слѣдствіемъ господства въ жизни общественной исключительнаго юридическаго родоваго быта, продолжительнаго присутствія въ сознаніи народномъ остатковъ языческихъ вѣрованій, прерванія сношеній съ Византією и невѣдѣнія книгопечатанія.»

О значеніи Патріаршества, необходимости или излишности, вредъ или польза его, здѣсь говорить не мѣсто. Мы должны сказать о немъ только въ отношеніи къ сочиненію Г. Павлова. Авторъ упустилъ изъ вниманія *время*. Онъ не сообразилъ, что не больше какъ черезъ 50 лѣтъ послѣ Иова былъ Никонъ! Что же это за историческое предопредѣленіе, которое черезъ 50 лѣтъ оказывается несостоятельнымъ, противоположнымъ идеѣ государства по Г. Павлову, а послѣ и вовсе уничтожается. Историческое предопредѣленіе — это шутка сказать!

Въ чемъ же состоитъ задача Патріаршества, по мнѣнію Г. Павлова? Въ исправленіи книгъ. Развѣ прежніе Митрополиты и соборы не могли предпринять исправленія! Да оно даже и предпринималось. Развѣ исправленіе Патріаршества оказалось дѣйствительнѣе? Всѣ эти утвержденія произвольныя и безъ основанія.

Какъва связь между государственнымъ началомъ, учрежденіемъ Патріаршества вопреки ему, и исправленіемъ книгъ! Г. Павловъ забылъ здѣсь раскольниковъ, происшедшихъ въ слѣдствіе исправленія книгъ, которыми совершенно уничтожается мудрованіе о началѣ, идеѣ и задачѣ. Въ первомъ случаѣ онъ позабылъ время, а въ послѣднемъ самое важное слѣдствіе. Подождите рѣшать большіе историческіе вопросы и не опасайтесь, чтобъ Г. Н или М. или С. рѣшили ихъ прежде васъ всѣ....

Были ошибки, описки, разницы, — это не есть невѣжество. Авторъ не обращаетъ вниманія, кажется, на то, въ чемъ именно были и ошибки. Онъ забываетъ и то, что Никону больше всѣхъ досталось поправлять Іосифа, то есть своего предшественника, Патріарха же.

А каково это утверждение, брошенное мимоходом, что невежество древней Руси было слѣдствиемъ господства въ жизни общественной исключительнаго юридическаго родоваго быта, и проч.

Разбирать порознь каждое изъ положеній заняло бы много мѣста; нельзя однакожь не присоединить хоть нѣсколько замѣчаній.

Если такія сочиненія, какъ Исаакъ Сиринъ, Афанасій Александрійскій, Василиій Великій, распространены были въ народѣ въ тысячахъ экземплярахъ, то этого народа нельзя обвинять въ невежествѣ.

Если этотъ народъ имѣлъ такія пѣсни, подѣ коимъ съ великимъ трудомъ только можетъ поддѣлаться нынѣшнее искусство, то нельзя обвинить его въ варварствѣ.

А какое отношеніе имѣетъ юридическій родовой бытъ къ искаженію писаннаго слова Церкви и невѣднію (неоткрытаго еще) книгопечатанія, (открытое, оно оставалось неизвѣстнымъ для Славянъ, даже и Русскихъ немного болѣе 50 лѣтъ!) предоставляемъ объяснять новымъ нашимъ мудрецамъ.

Потомъ авторъ переходитъ къ Юрьевскому выходу.

С. 91. «Оцѣнивая безпристрастно уничтоженіе юрьевскаго выхода въ строгой связи со всѣмъ общественнымъ развитіемъ Руси московской, возвысаясь надъ временнымъ, преходящимъ, мы увидимъ, что это явленіе непременно должно было совершиться.

«Начиная съ XI столѣтія передъ нашествіемъ Монголовъ и возвышеніемъ Москвы, изъ естественныхъ родовыхъ отношеній, силою самаго хода вещей образовались постепенно родовыя отношенія юридическія, сооставленныя въ дѣйствительности другъ подлѣ друга и развивавшіяся на счетъ другихъ: княжескія, вѣчевыя, боярскія, общинныя.

«Начиная съ XI столѣтія, передъ нашествіемъ Монголовъ и возвышеніемъ Москвы»... Можно сказать также какъ: начиная съ понедѣльника, передъ серединою и четвергомъ. Авторъ пропустилъ вторникъ или XII столѣтіе, и забылъ, что нашествіе Монголовъ было чрезъ 224 года послѣ начавшагося XI столѣтія. Если же это XII столѣтіе

онъ считаетъ періодомъ образованія своихъ юридическихъ отношеній, то онъ выразился очень неясно.

Отвѣчаемъ: никакихъ юридическихъ родовыхъ отношеній въ XI вѣкѣ не видать; вѣчевыя отношенія были и прежде; боярскія еще болѣе; общинныхъ отъ вѣчевыхъ отдѣлить нельзя. Всѣ эти слова безъ основанія, неопредѣленные.

Здѣсь авторъ начинаетъ систематизировать. Предложимъ его положенія.

Въ началѣ бѣ родовой бытъ.

Изъ родоваго быта образовались родовыя отношенія,

Сперва естественныя,

Потомъ юридическія,

Княжескія,

Вѣчевыя,

Боярскія,

Общинныя,

Сопоставленныя въ дѣйствительности другъ подлѣ друга, и развивавшіяся однѣ на счетъ другихъ. (Слышите—однѣ на счетъ другихъ, а убыли не было ни въ однихъ, всѣ развились, слѣд. казалось бы, скорѣе однѣ помощію другихъ! Это все дѣла родоваго быта.)

Юридическія отношенія родовыя незамѣтно стали переработываться въ государственныя.

При Иванѣ III и Василіѣ — Княжескія и вѣчевыя.

При Грозномъ — боярскія.

При Годуновѣ — городскія и сельскія.

А въ смутномъ періодѣ онѣ всѣ покусились было возвратиться къ первобытному состоянію:

Княжескія въ лицѣ Шуйскихъ.

Боярскія въ лицѣ Шаховскаго и проч.

Городскія въ лицѣ Новагорода, Пскова.

Вѣчевыя въ лицѣ Казани, Астрахани.

Сельскія въ лицѣ Хлопка, Косолапа и проч.

Не правда ли, что симметрия эффектна. Это декорации Гонзаги, если смотреть издали, а всмотримся, и очарование пропадет: на стѣнку повѣсить картинокъ нельзя; а именно:

При Иванѣ III и Василіѣ Князѣ уже перевелись и отношеній быть не могло физически ни какихъ; у того и другого были только родные братья, и характеръ ихъ отношеній съ самаго начала послѣ отцевъ былъ уже иной.

Вѣчевыя такъ называемыя общины, Новгородъ и Псковъ, были совершенно отдѣльныя цѣлыя, и принимать ихъ въ расчетъ такъ нельзя.

При Грозномъ боярскія отношенія оставались во всей силѣ, и авторъ позабылъ здѣсь бездѣлицу — мѣстничество, точно также, какъ позабылъ его и выше, приписывая боярамъ только право быть думцами и право отъѣзда.

При Годуновѣ было только возобновленіе запрещенія о переходѣ крестьянъ.

Авторъ говоритъ, с. 92, что Борисъ «окончилъ рѣшеніе задачи, смутно возникшей въ умѣ Ивана Калиты и съ большею ясностію въ головѣ Ивана III.» Онъ долженъ былъ бы указать это смутное возникновеніе и уясненіе. Такія указанія для знающихъ были бы *дороже* всякихъ умствованій.

Объ отношеніяхъ Годунова къ прочимъ государственнымъ учрежденіямъ, какъ частнымъ, я приложу только нѣсколько замѣчаній.

С. 97. «При Иванѣ IV торговая промышленность изъ дѣла частнаго становится государственнымъ.»

А какъ назоветъ онъ собранія всѣхъ Князей, на примѣръ, въ 12 стол., предводящимъ Ростиславу Мстиславичу или Мстиславу Изяславичу, для охраненія Русскихъ купцевъ, торговавшихъ въ Греціи.

С. 98. «Сколько въ прежнія времена поддерживаютъ туземную торговлю, столько теперь ее стѣсняютъ для усиленія внутренней, туземной.»

Совѣтъ нѣтъ! Объ усиленіи внутренней торговли не думали не только тогда, но и гораздо послѣ, а установленіе пошлинъ имѣло цѣлю умноженіе дохода.

С. 99. «Главная среда, въ которой древній Русскій человекъ могъ отрѣшиться отъ ограниченнаго опредѣленія родового быта, естественнаго и юридическаго, была церковь православная.»

По мнѣнію автора, опять вслѣдъ за Г. Соловьевымъ, выходитъ, что только «дѣлаясь членомъ духовенства, особенно чернаго, древній Русскій человекъ, долженъ былъ отказаться отъ стремленій мірскихъ, слѣдовательно и отъ предрассудковъ родового быта, мѣшавшихъ въ развитіи.» (!!!)

Не стану возражать. Возраженіе встрѣтится всякому читателю.

Замѣчу только: ограничивать духовенствомъ, и въ особенности чернымъ, вліяніе Церкви, есть совершенная несправедливость; хоть бы подумалъ авторъ, что у насъ не было тогда особаго сословія духовнаго.

С. 101. «Какъ Годуновъ, по отношенію къ умственному образованію Русскаго народа, былъ ученикомъ и достойнымъ преемникомъ предшествовавшихъ Государей, особенно Грознаго....»

Не Грозный, а только Сильвестръ думалъ объ умственномъ образованіи. А прочіе предшественники кто?

Въ разсужденіи о нравственности опять является изгой:

С. 102. «Исключенникъ изъ рода, изгой былъ во всеобщемъ презрѣніи и небреженіи у родичей.»

Да гдѣ вы взяли опять этого молодца? Какіе были исключенники? Въ какомъ актѣ, грамотѣ, они названы? Кто бы ни былъ изгой, онъ давно уже пропалъ.

С. 103. «Во второй половинѣ XII столѣтія, родъ Княжескій, господствовавшій надъ Русью, какъ надъ однимъ общимъ достоинствомъ, силою организческаго движенія, разложился на семь, основавшихся, каждая съ своею особой отчиной.»

Не въ XII ст., а въ X еще начались отдѣльныя отчины (Полоцкое княжество), а въ XI мы видимъ уже большую часть.

«Правда, и князья-отчинники, смѣнявшіе Князей-родичей, еще руководствовались, каждый въ границахъ своего владѣнія, правилами завѣщанными имъ родовымъ бытомъ, тѣмъ не менѣе сдѣланъ былъ шагъ къ отрѣшенію личности кровныхъ узъ. Князья-отчинники въ семейномъ интересѣ стремились при первой возможности, увеличить свою отчину на счетъ другихъ отчинъ, усилить себя на счетъ своихъ сродниковъ.»

Помилуйте, да развѣ Князья-родичи ваши дѣйствовали иначе, въ X столѣтіи? развѣ Ярополкъ не хотѣлъ отнять волости Олеговой? А въ XI это сплошь и рядомъ.

Слѣдующее я выпишу уже безъ замѣчаній, ибо оно говорить за себя ясно.

С. 104. «По мѣрѣ того, какъ государственное начало сокрушаетъ въ жизни Русской юридическія отношенія родовыя, вѣчевыя, боярскія, общинныя, личность начинаетъ предъявлять свое нравственное достоинство и въ кругу общественномъ.

«Сперва большинство вовсе не знало, къ чему ему стремиться, чего искать, а между тѣмъ неудержимо, силою историческаго движенія, пытаюсь отречься отъ родового быта, какъ бы предчувствуя нѣчто лучшее. — Не имѣя передъ глазами ни какой положительной цѣли, когда пришла пора, большая часть людей XVI вѣка предъявила свое нравственное достоинство, отрицательно. Почти все общество искажилось нравственно. Но то все была не нравственная порча, а стремленіе пересоздать родовой бытъ во что-то другое. Правительство въ XVI столѣтіи приняло стремленіе общества за развратъ.

«Въ исходѣ XVI вѣка полагали открыть развращеніе нравовъ и въ другихъ классахъ общественныхъ, особенно высшемъ. Строгія распоряженія Годунова, по отношенію къ нравственности, вызваны были именно этою мыслию. Но могли ли эти мѣры остановить стремленіе цѣлаго общества нравственно пересоздаться?

«Предки ваши, отрицавъ прежнія нравственныя понятія, не создавая живо новыхъ, казалось, должны были совершенно исказиться духовно и тѣмъ доказать необходимость явленія Петра. Описание нравовъ большинства Русскаго народонаселенія конца XVII вѣка, сдѣланное Кошыхинымъ, Желябужскимъ, приводитъ въ содроганіе. Что за люди. Что дѣйствительность! Что за разстѣпавшая жизнь воскресаетъ передъ читателемъ подъ перомъ ихъ!»

Все это односторонно, близоруко, неполно, и, употребимъ сравненіе, предлагаемое минутою: авторъ слышитъ звонъ, да не знаетъ гдѣ.

Заключимъ нашу рецензію повтореніемъ прежнихъ словъ: авторъ на пути мыслей, онъ можетъ возстановиться, исправиться. Когда онъ въ первый разъ по пріѣздѣ своемъ изъ Кіева былъ у меня, передалъ мнѣ нѣсколько своихъ мыслей, я обрадовался, увидѣвъ въ немъ благонадежнаго дѣлателя.... за лѣтописи, за работу — и я усердно желаю ему успѣха. Залогомъ этого успѣха служатъ для меня многія мѣста, даже и въ литературномъ отношеніи, напримѣръ:

С. 94. «Вѣчная вамъ слава, Скопинъ-Шуйскій, Шенъ, Голицынъ, Полтевъ, Ляпуновъ, Пожарскій, Мининъ, Гермогенъ, Діонисій, Палыцынъ, Филаретъ. Вы возбудили горячее сочувствіе къ идеѣ порядка и мира въ духовенствѣ, сѣверо-восточныхъ промышленныхъ общинахъ, служивыхъ людяхъ. Преимущественно вспомоществуемые ими, вы вывели ввели отчуждену въ мѣрѣ новый, лучший: укротили крамолу, содѣйствовали восшествію на престолъ Царей Московскихъ благоцвѣтущей отрасли благороднаго корени Ро-

мановыхъ. Неаглядныя тѣни минушаго, предвѣстницы Петровскаго преобразованія!.... Почтимъ ихъ память благоговѣнно!

С. 49. «Въ пору закрѣпленія всѣмъ казалось, что промышленникъ терять только возможность переходить съ мѣста на мѣсто, не болѣе.

С. 62. «Исторія, овладѣвъ личною мыслію Годунова, вознесла его въ необходимое условіе, дальнѣйшаго общественнаго развитія.

С. 90. «Изрядный правитель, самъ того не зная, давалъ несмыслу, изъ которой Никому возможно было извлечь слѣдствіемъ неестественное возмущеніе, въ своемъ лицѣ, власти патріаршей.

С. 100. «Съ древнѣйшихъ временъ, почти въ каждое государстваніе выѣзжало съ запада множество иноземныхъ благородныхъ родовъ въ Москву на службу, съ своимъ взглядомъ на вещи, своими привычками. Правда, эти выходцы и ихъ потомки скоро русьля, тѣмъ не менѣе ихъ иностранній типъ, внутренній и внѣшній, долженъ былъ непремѣнно вліять на нашихъ перестепенныхъ людей служилыхъ, особенно, если примемъ въ соображеніе, что выѣзды въ Москву иноземныхъ благородныхъ родовъ продолжались, втеченіе вѣковъ, безпрерывно.

С. 109. «Душный гробъ, сложившійся изъ досокъ многолѣтняго родоваго дерева, разверзся; Русское общество, мнимо умершее, воскресло къ новой нравственной жизни....

«Вообще, когда въ обществахъ обнаруживается потребность нравственнаго возрожденія, можетъ въ нихъ возникнуть двойное чашіе, двойная надежда. — Являются въ обществѣ люди, начинающіе совѣтовать по старинѣ: имъ кажется, что было лучше, что его можно воротить. Они забываютъ или не понимаютъ весьма простой истины, что общество, подобно отдѣльному недѣльному, не въ состояніи сдѣлать ни одного шага назадъ на пути своего развитія, что прожитый возрастъ не воскресаетъ на лицѣ, ни для народа. Подлѣ поборниковъ старины возвышаются свой голось люди совершенно противоположнаго образа мыслей, болѣе вѣрующіе въ будущее, нежели въ минушее.

«Въ исходѣ XVI столѣтія были на Руси представители обоихъ направленій. Иначе и быть не могло, потому что оба способа пониманія общественнаго преобразованія имѣютъ корень въ глубинѣ природы человѣческой»

М. Погодинъ.

ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

ИСТОРИЯ АНГЛИИ ЛИНГАРДА. (3-е изданіе, значительно дополненное и обработанное, въ 10 томахъ.) Исторія Лингарда доходитъ до восшествія на престолъ Вильгельма Оранскаго въ 1688 г. Касательно оцѣнки внутреннихъ основаній и нравственнаго суда Англійской революціи, равно какъ характера Якова I, католическій и протестантскій взглядъ, слѣдовательно взглядъ Лингарда и Меколея, діаметрально противоположны. Тѣмъ страннѣе кажется, что Лингардъ ни разу не упоминаетъ о своемъ знаменитомъ противникѣ, хотя въ предисловіи много распространяется вообще объ историкахъ философахъ и теоретикахъ.

DAS HELDENBUCH. *Карла Зимрока. 6 томъ. Amelungenlied, третья часть.* Нѣмецкія героическія преданія можно раздѣлить на три группы, всего лучше обозначаемыя именами героевъ: Зигфрида, Дитриха и Гудруна. Преданія о Зигфридѣ и Гудрунѣ хранятся въ двухъ стихотвореніяхъ: *Nibelungenlied* и *Gudrunlied*. Но о Зигфридѣ, сверхъ того, много другихъ преданій, Датскихъ и сѣверо-Нѣмецкихъ. Многое сохранилось только въ литературныхъ передѣлкахъ — и разумѣется, обезображено. Это особенно касается третьяго отдѣла, въ которомъ Дитрихъ есть главное лице. Матеріалы, сюда относящіяся, сохранившіеся въ видѣ намековъ, указаній, рассказовъ въ прозѣ, передѣлокъ въ стихахъ, составляютъ что-то безобразное.... Зимрокъ

предпринялъ собрать всѣ преданія, несодержащіяся въ Нибелунгахъ и Гудрунъ, и представить въ одномъ большомъ стихотвореніи, напередъ очистивши, обобщивши и разработавши ихъ критически. Послѣ двадцатилѣтняго труда это предпріятіе наконецъ исполнено, и по увѣренію Нѣмецкихъ критиковъ, счастливо. Зимрокъ, въ Нибелунгахъ и Гудрунъ бывший только счастливымъ переводчикомъ, здѣсь явился вполне самобытнымъ поэтомъ. Восхищаются величіемъ, простотою эпическихъ картинъ, полнотой, стройностію содержанія и цѣлостію характеровъ, даже размѣрами стиховъ, вполне соответствующими древнему размѣру Нибелунговъ.

Шестой томъ *Heldenbuch* содержитъ три пѣсни подъ названіемъ: «Die beiden Dieteriche», «Die Rabenschlacht», и «Die Heimkehr.»

Поэтъ приложилъ къ послѣднему тому отчетъ въ своемъ двадцати-лѣтнемъ трудѣ, что особенно важно для произведеній подобнаго рода.

КРИТИКА И БИБЛОГРАФІЯ.

69. *Кієвлянинъ (на 1850 годъ), издаваемый Михаиломъ Максимовичемъ. М. въ 8-ку, 218 с. въ Унив. тип. съ 6 рисунк.**

Прекрасный, дѣльный сборникъ статей историческаго содержанія, съ присовокупленіемъ нѣсколькихъ отличныхъ стихотвореній. И друзья Исторіи, и друзья Поэзіи, должны быть очень благодарны издателю. Много пріятныхъ минутъ доставить его чтеніе.

Первое сказаніе посвящено старому Переяславлю.

«Верстахъ въ 80-ти ниже Кіева, на правомъ берегу Трубежа, тамъ гдѣ сливается съ нимъ тихая Альта, лежитъ городъ Переяславъ. Славенъ былъ этотъ городъ и въ древней Княжеской Украинѣ, и въ Украинѣ Козацкой. Но теперь его слава звучитъ только въ его имени. Глядя на него теперь, и не подумаешь бы, что онъ считался нѣкогда третьимъ городомъ въ ряду городовъ Русскихъ.»

---

* М. А. Максимовичъ послѣ шестнадцати лѣтъ отсутствія посѣтилъ Москву, чтобъ увидѣться съ старыми своими друзьями и товарищами. Онъ нашелъ въ моемъ книгохранилищѣ нѣсколько важныхъ и новыхъ документовъ для своей стороны, и авторская кровь въ немъ заговорила. На счастье попала въ руки почти при немъ книжка съ Кіевскими драгоценностями, а именно вришами на смерть Сагайдачнаго, и памятниками Петра Могилы. Хотя мнѣ пріятно было самому извѣстить публику объ ихъ любопытномъ содержаніи, но я счелъ долгомъ уступить эту честь и удовольствіе законному судѣ по части Малороссійскихъ Древностей, — и Г. Максимовичъ рѣшился издать *Кіевлянина въ Москвѣ*, который паша поэты украсили цѣтами своей фантазіи, въ честь любезнаго гостя. М. П.

Едва ли былъ такой точный счетъ: нѣсколько разъ Переяславль упоминается на третьемъ мѣстѣ послѣ Кіева и Чернигова, но этого мало, для того, чтобъ считать его именно третьимъ.

Изъ всѣхъ Переяславцевъ 10 вѣка лѣтописанье Русское, говоритъ авторъ, «славить только одного могучаго отрока, который, сломивъ Печенѣжскаго великана, рѣшилъ Владимирову побѣду,» и авторъ передаетъ намъ вѣрно разсказъ Несторомъ.

«Въ преданіяхъ Переяславскаго народа забыть уже этотъ могучій отрокъ, заслужившій у Князя Владимира себя и отцу своему великую почесть, а своему городу новый *пригородъ*. Не помнать они и о прочихъ богатыряхъ Владимировыхъ, по нынѣ славимыхъ въ сказаніяхъ и пѣсняхъ Великорусскихъ. Отъ нынѣшнихъ Переяславцевъ услышите разсказы о *веледняхъ* (т. е. великанахъ), когда-то жившихъ въ здѣшней сторонѣ, въ томъ числѣ и о могучемъ Переяславцѣ *Свидѣ*. Вамъ укажутъ и *могилу Свидолу* подъ Переяславомъ, на лѣвой сторонѣ Трубежа. Но изъ Никоневской лѣтописи можно усмотрѣть, что нашего Переяславскаго ратоборца съ Печенѣжиномъ звали *Янъ Усмошвецъ* (по нынѣшнему сказать: *Иванъ Кожевникъ*); что онъ подвизался противъ Печенѣговъ еще и въ 1001 и въ 1004 годахъ, вмѣстѣ съ другимъ извѣстнымъ богатыремъ, Александромъ, или Алешою Поповичемъ.»

Здѣсь авторъ новымъ образомъ объясняетъ одно противорѣчіе: Несторъ говоритъ, что Владимиръ далъ названіе Переяславля заложенному имъ городу, «зане перея славу отрокъ-отъ», а между тѣмъ имя Переяславля встрѣчается еще въ договорахъ Олега и Игоря, гораздо прежде. Г. Максимовичъ думаетъ, что Володимиромъ основанъ пригородъ и названъ также Переяславлемъ. Это мудрено: одинъ Переяславль назывался такъ по неизвѣстной причинѣ, а другой зане перея славу отрокъ. Нѣтъ, я думаю, что объясненіе Несторова составилось при немъ или передъ нимъ въ преданіи, игрою слова, а Володимиръ построилъ только городъ въ Переяславль, т. е. укрѣпленіе, не давая ему никакого новаго имени, потому что было уже имя Переяславля. А судя по Радзивилловскому и Троицкому спискамъ, можетъ быть отрока самого назвалъ Володимиръ Переяславомъ! Такъ объяснились бы всѣ противорѣчія.

Почему Митрополія прежде Кіева была въ Переяславѣ, или почему была въ Кіевѣ и Переяславѣ, — для меня это еще вопросъ.

«Ко временамъ Владимировымъ относится еще построение въ Переяславѣ каменной Воздвиженской церкви, и, по всей вѣроятности, монастыря Іоанновскаго, въ которомъ былъ заключенъ въ порубъ и постриженъ въ монахи Князь Игорь Ольговичъ въ 1146 году.»

Можетъ быть такъ, и можетъ быть нѣтъ. Лучше бы ограничиться извѣстіемъ, что подъ такимъ-то годомъ встрѣчается въ первый разъ извѣстіе объ Іоанновскомъ монастырѣ въ Переяславѣ.

Сравненіе древняго Переяслава съ новымъ очень любопытно, хотя и слишкомъ кратко; но мы не понимаемъ, почему авторъ не хочетъ говорить о Митрополитѣ Ефремѣ, томъ Митрополитѣ Ефремѣ, который 1089 г.

«Докончавъ церковь Святаго Михаила, заложилъ церковь на воротѣхъ городскихъ во имя Св. мученика Феодора и посемъ Св. Андрѣя, у церкви отъ воротъ, и строенье банное, сего же не бысть прежде въ Руси; и градъ бѣ заложилъ каменъ, отъ церкви Св. мученика Феодора и украсилъ городъ Переяславскій зданіи церковными и прочими зданіи.»

О Михайловской церкви еще сказано: «уже бѣ создалъ велику сущю, (бѣ бо прежде въ Переяслави митрополія), и пристроилъ великою пристроено, украсивъ ю всякою красотою, церковными съсуды.»

Въ Никоновскомъ сборникѣ есть извѣстіе, что Ефремъ учредилъ больницу.

Наконецъ Ефремъ знаменитъ въ нашей литературѣ, давши поводъ къ спорамъ о *банномъ строеніи*, которые продолжались не одинъ годъ у Каченовскаго, передъ Французами и послѣ Французовъ, и порѣшены Карамзинымъ въ примѣчаніи 160 къ II тому: «невѣжды думали», говорить Карамзинъ, «что Митрополитъ строилъ народныя или торговыя бани. Не говорю о новомъ толкованіи, предложенномъ въ особенной книжкѣ: неизвѣстный ея сочинитель ѣздилъ въ Кіевъ; узналъ, что въ Малороссіи называется *банею глава церковнал*, и смѣло утверждаетъ, что Митрополитъ Ефремъ началъ первый строить у насъ церкви»

съ главами! Два Собора Софійскіе, въ Кіевѣ и въ Новгородѣ, построенные еще до временъ Ефремовыхъ и до нынѣ цѣлыя, свидѣтельствуютъ противное. Мы, не задивъ въ Кіевѣ, знали, что Польское слово *bania* знаменуетъ какъ главу, такъ и всякое *круглое зданіе* (съ круглою кровлею).

Баннымъ строеніемъ называется особенное зданіе, гдѣ ставили купѣль для крещенія взрослыхъ людей.»

Споръ о банномъ строеніи постоилъ нынѣшнихъ толковъ объ изгояхъ!

Какъ бы то ни было, Ефремъ есть самое примѣчательное лице въ исторіи древняго Переяславля!

Второе сказаніе *М. А. Максимовича*—о праздникѣ св. Бориса подъ Переяславомъ еще полнѣе и удовлетворительнѣе. Читатели найдутъ себѣ много любопытныхъ свѣдѣній.

Третья статья, *Г. Дешко* о Карпатской Руси

«Отъ границы Молдаво-Трансильванской, населенной Волохами, тянутся по Карпатскимъ горамъ и ихъ долинамъ черезъ 7 столицъ (комитатовъ) королевства Венгерскаго населенія народа Русскаго. Откуда и когда здѣсь ваялся этотъ народъ? вопросъ объ этомъ еще не рѣшенъ. По увѣренію Угровъ здѣшняя Русь пришла вмѣстѣ съ ними въ Паннонію и съ ними за одну отвоєвала ее у Словаковъ. Но мы Русины думаемъ, что наши праотцы были вызваны въ 13 вѣкѣ Венгерскимъ Королемъ изъ Подолія вмѣстѣ съ ихъ Княземъ Каріатовичемъ, дабы заселить горы и долины, опустошенные песьяголовцами Татарами.»

А мы думаемъ, что эти страны были колыбелью нынѣшнихъ Малороссіянъ, которые оттуда распространились уже и въ нашу сторону; но объ этомъ послѣ.

Не станемъ выписывать изъ этой любопытной статьи. Читатели наши пускай запасаются Кіевляниномъ.

Запись Анны Гойской на монастырь Почаевскій, 1597 года, свидѣтельствуетъ, какъ нельзя лучше, о старой принадлежности его къ нашему Греко-Православному Россійскому исповѣданію:

«Умыслила есмь монастырь збудовати и его фундувати тѣмъ обичаемъ, а бы у томъ монастыри чернецовъ людей добрыхъ, побожняго живота, ни якого иного закоу только Грекскаго востогной церкви послушенства, и проч.

Одинъ такой документъ посильнѣе всякихъ разсужденій. Жаль, что издатель не приложилъ хоть малаго комментарія къ записи.

Изъ статьи о Кременцѣ покойнаго *Домбровскаго*, котораго наука лишилась къ сожалѣнію такъ рано, выпишемъ слѣдующее мѣсто объ устройствѣ замковъ въ тамошней сторонѣ:

С. 41. «Два деревянныхъ моста, дѣлавшіеся на городни, или звеня, составляли единственный проѣздъ въ замокъ и оканчивались предвѣздною башнею, въ которой помѣщалась стража. Самый вѣздъ состоялъ изъ подъемнаго моста и воротъ, проходившихъ подъ другою великою башнею, внизу которой находились погреба, а сверху покои со сводами, сдѣланными наподобіе колпака. Третья башня, называемая червленною, стояла съ лѣвой стороны этого вѣзда, и показывала слѣды прежняго, въ то время уже уничтоженнаго. Внутри обводной стѣны, довольно толстой и сложеной изъ камня, но покрытой деревяннымъ навісомъ, стояли два дома, построенные изъ крѣпкаго дерева. Одинъ изъ нихъ, назначенный для жилья, посредствомъ сходовъ, имѣлъ сообщеніе съ большею подъездною башнею; а въ другомъ, отдѣльномъ, помѣщались, въ трехъ каменныхъ погребахъ селитра и порохъ. Вверху надъ погребами были жилые покои; а на самомъ верху бойница, съ которой можно было защищать на три стороны и замокъ и городъ. Далѣе находились девять кладовыхъ для състныхъ припасовъ, съ девятью отдѣльными кровлями. Водотоки этихъ кровель собиравли дождевую воду, и посредствомъ трубъ передавали въ нарочно для того устроенный водоемъ, котораго каменные стѣны были обложены деревомъ и облиты смолою. Такая мѣра была необходима въ замкѣ совершенно безводномъ; ибо всѣ покушенія устроить колодезь остались безуспѣшными, по причинѣ необыкновенной твердости горной скалы. Позади кладовыхъ находилась кухня, а на самой серединѣ горы и обводной стѣны была устроена пороховая толчея съ шестью пестами по Нѣмецкому способу, такъ что одинъ могъ легко приводить ее въ движеніе, и посредствомъ колеса производить успѣшно работу. На всѣхъ постройкахъ и на обводной стѣнѣ замка, были разставлены пушки числомъ двадцать девять, а именно: четыре сокола, двѣ мортиры, двадцать два фальконета и одинъ пищикъ. Сверхъ того въ замкѣ было и ручное оружіе: десять гаковницъ и тридцать три ручницы съ надлежащимъ приборомъ. Запасъ пороху, пуля, свинца, стры и угля былъ такъ великъ, что въ этомъ отношеніи не только замки Луцкій и Владимирскій, но и десять другихъ не могли бы равняться съ Кременецкимъ. Такъ описанъ

Кременецкій замокъ, свидѣтельствовавшимъ его дьякомъ (секретаремъ) Короля Жигимонта I го Львомъ Паткевичемъ Тышковичемъ въ 1542 году.»

Статья *М. А. Максимовича* о городѣ Степанѣ и новооткрытомъ тамъ монастырѣ — драгоценна.

«Для Исторіи ново и важно здѣсь то, что въ Степаньскомъ монастырѣ имѣли свое пребываніе Задунайскіе митрополиты и Закарпатскіе епископы въ ту именно пору, когда православная митрополія Киевская была безъ своего митрополита, а за смертью Гедона Балабана Львовскаго (въ 1607 году) и Михаила Копыстенскаго Перемышльскаго (въ 1612 году), осталась безъ епископовъ. Такимъ образомъ, въ ту печальную годину, православная паства южной Руси не совсѣмъ еще была безъ пастырей, благодаря попечительности святопамятнаго Князя Острожскаго; его Степаньская обитель была надежнымъ мѣстомъ, откуда Южно-Русскія православныя церкви могли получать своихъ служителей.»

Для Исторіи Уніи здѣсь много весьма важныхъ данныхъ.

О статьѣ *Г. Соловьева* В. К. Ольга я долженъ сказать то же, что говорилъ и о другихъ его статьяхъ: утвержденія безъ основаній, и въ противорѣчій съ историческими свидѣтельствами.

О родѣ Ольги Несторъ молчитъ.

Въ Степенной книгѣ, въ Макаріевыхъ минеяхъ, въ другихъ житіяхъ особыхъ и прологахъ, ей приписано Варяжское происхожденіе. Источники этихъ свидѣтельствъ авторъ *уравниваетъ* источникамъ ядра Русской Исторіи, сочиненнаго С. Н. Глинкою, 18 столѣтія, и Іоакимовой лѣтописи, которая вообще у насъ отвергнута, или по крайней мѣрѣ не изслѣдована.

«Самая Псковская лѣтопись ничего не знаетъ о происхожденіи».

Собственная Псковская лѣтопись начинается *лѣтъ чрезъ триста послѣ Ольги*, такъ не мудрено ей ничего не знать о происхожденіи Ольги, наравнѣ съ прочими.

А Варяжское происхожденіе кромѣ свидѣтельствъ подтверждается ея Варяжскимъ именемъ.

Но имя это можетъ быть позднѣйшее прозваніе, говорить авторъ.

Какъ — позднѣйшее прозваніе? Самъ ея воспріемникъ Императоръ Константинъ Багрянородный называетъ ее Елгою, передъ св. крещеніемъ. У Нестора нѣтъ другаго имени кромѣ Ольги. (Татищевъ, приведенный Карамзиннымъ думалъ, что это имя Ольга приняла она въ знакъ дружбы его къ сей достойной Княгинѣ, или въ знакъ Игоревой къ нему любви. Опровергать такія любезности въ 10 столѣтіи не стоитъ труда!)

Дѣйствія Ольги, совершенно не въ Славянскомъ характерѣ, обличаютъ ея Варяжское происхожденіе, также какъ имя!

А вотъ это замѣчаніе хорошо, даже очень хорошо, и я обрадовался ему, какъ неожиданной находкѣ:

«Каково бы ни было происхожденіе Ольги, для насъ важно то, подтвержденное всѣми источниками, обстоятельство, что она приведена была въ Кіевъ съ сѣвера; ибо это указываетъ на тѣсную связь, которая существовала въ то время между сѣверными и южными Русскими владѣніями.»

А потомъ слѣдуетъ развитіе теоріи о родовомъ бытѣ съ сравненіями изъ Гомера: я могъ пошутить надъ нимъ однажды, а больше — скучно! Вотъ одно только забавное угодобленіе:

«Ольга, страшно мстящая за смерть мужа, имѣетъ въ нашемъ преданіи то же самое значеніе, какое имѣетъ въ Греческомъ преданіи Антигона, покрывающая землею трупъ брата, подъ страхомъ неизбѣжной смерти: и здѣсь и тамъ дѣйствуетъ одно и то же семейно религиозное благочестіе, столь сильное всегда въ женщинѣ.»

Далѣе — найдена кладовая Ольги въ Вышгородѣ, и опредѣлена дань для нея — въ мѣхахъ и медѣ: авторъ такъ объясняетъ выраженіе Нестора, что двѣ части «дани идета Кіеву, а третья Вышегороду къ Ольгѣ».

Намъ кажется, что дань шла на Вышгородъ, какъ въ договорахъ на Переяславль или Черниговъ.

Объясняя, почему Ольга сдѣлала свои распоряженія по Лугѣ и Мстѣ, авторъ говоритъ: (с. 59) *вспомнимъ*, что верховье Мсты и слѣдующій за нимъ волокъ, отдѣлявшій озерную область отъ области верхней Волги, было по этому самому *границею Новгородской и Ростовской областей*,

предельномъ Новгородскихъ областей... Нѣтъ, верховье Мсты съ своимъ волокомъ не было границею Новгородскихъ владѣній. Лучше *мы забудемъ это*, а вспомнимъ то, что Торжекъ, Бѣжецкъ и Волокъламскій принадлежали Новгороду, далеко за Мстою. И слѣд. Мста была не на границѣ, а въ серединѣ Новгородскихъ владѣній, съ этой стороны.

С. 58. Авторъ приписываетъ Константину Багрянородному слова: «Князья съ Ноября мѣсяца отправлялись съ дружинами своими къ разнымъ Славянскимъ племенамъ, и кормились у нихъ зиму.

Константинъ Багрянородный никогда не говорилъ этихъ словъ о кормѣ, кои у насъ имѣютъ особое значеніе.

Погосты авторъ производитъ отъ гощенія :

«Естественно, что для большаго удобства мѣста княжеской стоянки, гощенія, (мѣста, гдѣ Князья останавливались во время своихъ объѣздовъ), эти погосты могли быть опредѣлены на всегда; могли быть построены небольшие дворы, гдѣ могли быть оставлены Княжіе тѣны, и такимъ образомъ эти погосты легко могли получить значеніе небольшихъ правительственныхъ центровъ», и проч.

Нѣтъ, *погостъ* производитъ отъ *гостить* очень далеко и неестественно; слово погостъ принадлежитъ кажется, къ древнѣйшему нашему дѣленію. Подъ 1179 г. есть извѣстіе въ Киевской лѣтописи, что Мстиславъ храбрый хотѣлъ воевать Полоцкое княжество за то, что Брячиславъ, въ началѣ 11 столѣтія, *завелъ одинъ погостъ Новгородскій за Полоцкъ!*

С. 64. Преданіе провожаетъ мудрую княгиню и домой, въ Киевъ, заставляетъ ее и здѣсь постыдить Греческаго Императора, охотника до даровъ и (!) вспомогательнаго войска, и отмстить ему за то униженіе, которому подвергались Руссы въ Константинопольской гавани, и которое, какъ видно, лежало у нихъ на душѣ. Мы знаемъ изъ Игорева договора, что Греки, опасаясь убійства (!?) Русскихъ и воинскихъ хитростей съ ихъ стороны, выговорили себѣ право не впускать ихъ въ городъ до тѣхъ поръ, пока въ точности не узнаютъ характера ново-прибывшихъ, имена которыхъ должны были находиться на княжескомъ листѣ; эти мѣры раздражали. Русскихъ, и вотъ въ преданіи Ольга мститъ за нихъ Императору.»

Нѣтъ! Греки впускали Русскихъ также, какъ и другихъ иноплеменниковъ, принимая мѣры осторожности, кои записывались въ договорахъ. Сердиться и мстить тутъ было не за что. А Ольга сердилась за неудовольствіе, *можно* ей нанесенное: если Императоръ постоитъ у меня въ Почайнѣ, сколько я стояла у него въ гавани, говоритъ она, то я пришлю ему дары.

Извѣстіемъ о построеніи и освященіи Кіевской церкви Св. Георгіи, *М. А. Максимовича*, можно воспользоваться во многихъ отношеніяхъ.

О Русской торговлѣ въ удѣльномъ періодѣ, мое изслѣдованіе. Представляемъ выводы:

«Русская торговля въ продолженіи Норманскаго періода, т. е. въ 9-мъ, 10 и началъ 11 столѣтія была очень обширна, производясь между странами отдаленными — Самаркандомъ, Бухарою, Бактрою, Каспійскимъ моремъ, Волгою, Уральскими горами, Скандинавіей, Германіей и Греціей. Русскіе торговали съ Арабами, Козарами, Болгарами, Везью, Югрою, Норманнами, Пѣмцами, Греками.

«Во второй половинѣ, 11 столѣтія, въ 12-мъ п въ началѣ 13-го то есть въ продолженіи періода удѣльнаго, до нашествія Татаръ, торговля Русская стѣснилась нѣсколько въ своихъ предѣлахъ, потому что Арабы перестали къ намъ ѣздить вслѣдствіе какихъ-то неизвѣстныхъ переворотовъ на ихъ Востоку, Козары въ устьяхъ Волги были совершенно поражены, Болгаре ослабли; но она была еще очень значительна, увеличась внутри, а также и на Сѣверѣ со вновь образовавшейся Ганзою. Живое торговое движеніе ясно примѣчается въ лѣтописяхъ, какъ ни разбросаны мелкія извѣстія: Кіевскіе купцы ѣздили въ Грецію и Константинополь, къ Половцамъ и въ страну залѣскую или Суздальскую. Новгородскіе плавали по Балтійскому морю, торговали въ Дании и Готландѣ, ходили за Уралъ и разсыпались по всей Русской землѣ, въ Кіевѣ и Смоленскѣ, Черниговѣ, Переяславлѣ и Волгдимирѣ. Смольяне, Полочане, Видляне, торговали съ Ригою и Пѣмцами. Латины приходили въ Кіевъ, Володимиръ, въ землю Болгарскую. Жидаы принимали дѣятельное участіе въ этой торговлѣ, живя въ Кіевѣ и вѣроятно въ другихъ городахъ. Нѣмцы пріѣзжали изъ внутренней Германіи, Галичане съ солью отъ Карпатскихъ горъ, Дунайскіе Болгаре сообщались между собою и Русью, Норманцы не забывали еще своего *Austingvi*, Константинополя, и древней Біарми, которую ограбили особенно въ 1222 году. Средоточіемъ Греческой торговли былъ Кіевъ, средоточіемъ Ганзейской торговли былъ Новгородъ».

Статья И. Д. Бяллева: Князь Михаилъ Черниговскій, заключаетъ полную біографію этого примѣчательнаго Князя, родоначальника большей части Княжескихъ нынѣшнихъ фамили. Въ началѣ ея только напрасно говоритъ авторъ, что Ольговичи преимущественно предъ прочими Рускими Князми отличались удалствомъ и храбростію. Въ летописяхъ эти свойства приписываются роду Ростислава Смоленскаго, (который прославили особенно два Мстислава), а изъ Ольговичей прославляется такъ одинъ Всеволодъ Курскій.

«Михаилу Всеволодовичу достойному, потомку доблестныхъ предковъ,» (такія похвалы имъ не слѣдуютъ, а въ народѣ Ольговичи искони были ненавистны), довелось жить и дѣйствовать именно въ то время, когда Ольговичи близки были къ тому, чтобъ сдѣлаться господствующимъ Княжескимъ племенемъ въ при-Днѣпровской странѣ.» Это слова произвольныя: отецъ Михаилъ, Черный, былъ гораздо въ лучшихъ обстоятельствахъ; дѣдъ Святославъ еще въ лучшихъ; прадѣдъ Всеволодъ въ лучшихъ, чѣмъ Святославъ: вотъ почему я говорю безпрестанно, что Г. Бялеву лучше пребывать въ царскомъ періодѣ, гдѣ онъ хозяинъ, а въ прочихъ періодахъ нельзя вѣдъ говорить ни объ одномъ лицѣ безъ многосторонняго соображенія со всею Исторіей предыдущей и послѣдующей.

Далѣе авторъ говоритъ о высотности души и благородствѣ характера — эти слова принадлежать къ языку старыхъ нашихъ Исторій, какъ и многія другія; намъ должно быть разборчивѣе.

Біографія читается очень легко, занимательность подерживается до конца, и мы выпишемъ заключительное замѣчаніе, весьма хорошее и въ историческомъ смыслѣ.

«Страданіе и смерть, понесенныя Михаилъ въ Ордѣ, имѣли самое высокое значеніе, для тогдашней Руси. Михаилъ, оставшись непобѣдимымъ христіаниномъ среди страданій и смерти, указалъ побѣжденной Руси высокую обязанность защищать вѣру праотцевъ и стараться быть непобѣдимыми въ христіанствѣ; онъ своею смертію какъ бы завѣщалъ современникамъ и потомству среди несчастій, угнетавшихъ родину, искать утѣшенія и спасенія въ Богѣ и церкви.»

Прервемъ здѣсь разборъ любопытныхъ и дѣльныхъ статей Кіевлянина, исчисленіемъ остальныхъ: Книжная старина южно-Русская, *М. А. Максимовича*, со многими новыми свѣдѣніями; О двухъ древнѣйшихъ святыняхъ Кіева: мощахъ Св. Климента и крестѣ В. К. Ольги, *Князя М. А. Оболенскаго*, съ извѣстіемъ о вновь открытомъ драгоценномъ древнемъ словѣ, къ сожалѣнію не вполне приложенномъ; Сказаніе о Гетманѣ Петрѣ Сагайдачномъ, *М. А. Максимовича* — статья очень важная. Предложу только одно замѣчаніе: осада Москвы поручена было Королевичемъ Владиславомъ Гетману Сагайдачному въ 1618 году.

«Судьба ея была въ опасности; ибо войско въ ней было малочисленно. Къ полуночи Сагайдачный со всѣмъ своимъ войскомъ былъ уже у Арбатскихъ воротъ и уже выломаны были петардою ворота Острожныя. Но при первой стычкѣ съ Москвитянами гетманъ прекратилъ осаду.... Отъ чего же? Отъ того, я думаю, что осада Москвы была ему не по мысли; въ противномъ случаѣ, какъ ни любилъ онъ сберегать своихъ казаковъ и какъ ни силенъ могъ быть первый отпоръ ему отъ Москвитянъ, но привыкшій къ побѣдамъ и взятію городовъ, имѣя у себя подъ рукою надежное и многочисленное войско, грозный гетманъ не покниулъ бы такъ скоро начатаго дѣла. Его козацкое сердце могло смутиться отъ той мысли, что онъ началъ крушить единовѣрную ему Русскую столицу для того, чтобъ отдать ее въ руки иновѣрца. И можетъ быть, такое раздумье пришло къ нему въ тотъ самый часъ, когда Москва, звономъ колоколовъ своихъ позвала православный народъ къ заутрени на праздникъ Покрова, и руки осаждавшихъ ея козаковъ неволью поднялись на крестное знаменіе. Въ тотъ часъ благочестивый гетманъ, уже исполнивъ свой подданичскій долгъ взятіемъ меньшихъ городовъ и приступомъ къ самой столицѣ, могъ безукоризненно отойти отъ молящейся Москвы. Впрочемъ это мое личное мнѣніе.»

Нѣтъ, я никакъ не согласенъ съ этимъ мнѣніемъ, хотя оно очень остроумно и исполнено поэзіи: я никакъ не могу приписать Петру Кононовичу подобной нѣжности въ чувствѣхъ и деликатности въ дѣйствіи, а просто принимаю сказаніе нашихъ лѣтописей, которыя говорятъ о приступѣ Сагайдачнаго и объ отраженіи Москвитянами, что приводится отчасти и авторомъ :

«Саадашный перешедъ Оку рѣку съ Черкасы и подъ Коломну не пошелъ, а пошелъ Коширскою дорогою, приде на Котлы

а передовые его люди приидоша ко Пречистой Девской, и ставъ на коняхъ кони оташа пропущати. Болре съ Москвы выйдоша со всею ратию. Грѣхъ ради нашихъ ужастъ ихъ взя, и они бою съ ними не поставиша, и прошли мимо Москвы къ королевичу въ таборы.

«О приступѣ Московскомъ. Приѣхаша къ Москвѣ перебѣзчики Французскіе Нѣмцы два петаршика и сказаша, что вынѣшней ночи будетъ приступъ къ Москвѣ. Государь же и болре сперва тому не повѣрили; и посла Государь по воротамъ Болре, повелѣвъ имъ крѣпости учинити. Въ половину же ночи приде Гетманъ со всѣми людьми къ Арбатскимъ воротамъ и къ Острожнымъ воротамъ приставиша петарту, и ворота Острожныя выломаша, и въ острогъ многіе люди быша, едва Богъ сохранилъ царствующій градъ Москву; помощію же Пречистыя Дѣвы, славнаго ея Пророка, тѣхъ Литовскихъ людей отъ града отбиша и многихъ людей у нихъ побиша, Гетманъ же отыде прочь и ста опять въ таборахъ. Государь же тѣхъ петаршиковъ пожаловалъ своимъ Государевымъ великимъ жалованіемъ; а конхъ тутъ въ острогъ побиша, то у женъ и у дѣтей Русскихъ людей и у Нѣмецъ ни помѣстій, ни вотчинъ, Государь не велѣлъ взять на себя. Государь же поставилъ храмъ каменный, по обѣту своему во имя Пречистой Богородицы, въ дворцовомъ селѣ Рыбцовѣ.»

Я не вижу никакой причины не вѣрить здѣсь лѣтописи, которая такъ искренно говоритъ здѣсь сначала о робости Москвитянь, а потомъ объ ихъ успѣшномъ отраженіи. Если есть извѣстіе положительное, то за чѣмъ же прибѣгать къ догадкамъ.

Наконецъ въ Кіевлянинѣ помѣщена доставленная Г. *Заблдинымъ* память о подаркахъ царскихъ сыну Гетмана Самойловича, и извѣстія о лубочныхъ изображеніяхъ Малороссійскихъ городовъ, доставленныхъ *И. М. Снегиревымъ*, который, первый изъ нашихъ ученыхъ, обратилъ вниманіе на этотъ любопытный предметъ, равно какъ и на многіе другіе въ кругу отечественныхъ древностей, съ безсомнѣнною пользою для науки. Но оставимъ Исторію и ея огороды, гдѣ благородные труженики въ потѣ лица воздѣлываютъ родную землю, и сѣютъ сѣмена для будущихъ жатвъ часто безъ слова сладкаго, какъ и безъ хлѣба мягкаго, — отдохнемъ скорѣе умомъ и сердцемъ въ благоуханныхъ

дѣтникахъ поэзіи... Мы не знаемъ, какому стихотворенію въ Кіевлянинѣ отдать преимущество? Вотъ *И. С. Аксакова*: Поэту.

Блаженъ, кому въ удѣлъ служенье
Искусству — дали небеса;
Кому, чрезъ трудъ и откровенье,
Его доступны чудеса!
Весь міръ въ немъ ясно отразился,
И все, чѣмъ душу міръ проникъ,
Въ огнь души преобразится
И обрѣтетъ себѣ языкъ!

Трудись, поэтъ! трудись келейно,
Исполниись вѣры и любви,
И совершай благоговѣйно
Священнодѣйствія свои!

И день придетъ, еще далекій,
Когда они благословятъ
Досуговъ праздныхъ длинный рядъ,
Твой тихій трудъ и одинокій,
И трезвость душъ, и чистоту
Твоихъ возвышенныхъ созданій,
И благодать твоихъ страданій
И бурь душевныхъ красоту!

Москвитянинъ привѣтствовалъ молодого поэта кажется при разборѣ сборника *В. А. Панова*; прошло больше пяти лѣтъ, и мы нигдѣ больше не встрѣчали его имени. Это жаль! Печатаніе, оглашеніе, необходимо для писателя, особенно въ извѣстныхъ лѣта: оно служитъ нѣкотораго рода побужденіемъ, если не даетъ новой силы, и на необитаемомъ острову могъ сочинять пѣсни развѣ только *Виландъ*, и то для краснаго словца.

Выпишемъ еще два стихотворенія *К. К. Памовой*:

Т Р И Д У Ш И Н ъ .

Но грустно думать, что напрасно
Была вамъ молодость дана.

Пушкинъ.

Въ нашъ вѣкъ томительнаго знанья,
Корыстныхъ дѣлъ,
Шли три души на испытанья
Въ земной предѣлъ.

И имъ рекла Господня воля:
«Въ чужбинѣ той
Иная каждой будетъ доля,
И судъ иной.

Мощь вдохновенія святаго
Даю я вамъ,
Восторгамъ вашимъ будетъ слово
И власть мечтамъ.

Младую грудь наполню каждой,
Въ краю земномъ,
Понатѣмъ правды, чистой жаждой,
Живымъ лучемъ.

И если духъ падеть лживый
Въ мірскомъ бою,
Да не винить вашъ ропотъ лживый
Любовь мою!»

И на заветное призванье
Тогда сошли
Три женскія души, въ изгнанье
На путь земли.

* Эти стихотворенія относятся къ тремъ женщинамъ-поэтамъ, родившимся въ одну и тотъ же годъ.

Одной изъ нихъ судило Провидѣнье
 Впервые тамъ увидѣть долгаѣй міръ,
 Гдѣ воцаряся, земное просвѣщенье
 Устроило свой Валтазарскій ширъ.
 Ей палъ удѣлъ : познать неволи свѣтской
 Всю лютую и пагубную власть,
 Ей съ первыхъ лѣтъ вѣляли стихъ свой дѣтскій
 Къ ногамъ толпы смиренной данью класть,
 Свои нести моленія и пени
 Въ житейскій гуль, на площадь людныхъ залъ,
 Потѣхою служить холодной лѣни,
 Быть жертвою безсмысленныхъ похвалъ.
 И съ пошлостью привычной, безотлучной,
 Сроднилась и ужилась она.
 Заветный даръ ей сталъ гремушкой звучной,
 Заглохли въ ней святыя сѣмена ;
 О дняхъ благихъ , о прежней ясной думѣ
 Она теперь не помнить и во снѣ,
 И тратить жизнь въ безумномъ свѣтскомъ шумѣ,
 Своей судьбой довольная вполне !

Другую бросилъ Богъ далеко,
 Въ Американскіе лѣса ;
 Вѣлѣлъ ей слушать одиноко
 Пустынь святаго голоса.
 Вѣлѣлъ бороться ей съ нуждою,
 Противодѣйствовать судьбѣ;
 Все отгадать самой собою,
 Все заключить въ самой себя;
 Въ груди, испытанной страданьемъ,
 Хранить восторга эниміамъ ;
 Быть вѣрной тщетнымъ упованьямъ
 И неисполненнымъ мечтамъ.
 И съ даннымъ ей тяжельнымъ благомъ
 Она пошла, какъ Богъ судилъ,
 Безстрашной волей, твердымъ шагомъ,
 Да истощенья юныхъ силъ.

И съ высоты, какъ ангелъ вѣры,
Сіяеть въ сумракъ ночномъ
Звѣзда не нашей полу-сѣеры
Надъ гробовымъ ея крестомъ.

Третья — благодію Бога
Ей указанъ мирный путь,
Свѣтлыхъ думъ ей было много
Вложено въ младую грудь.
Сны въ ней гордые лснѣли,
Пѣлись пѣсни безъ числа ;
И любовь ей съ колыбели
Стражей вѣрною была.
Всѣ даны ей упоенья,
Блага всѣ даны споина.
Жизни внутренней движенья,
Жизни внѣшней тишина.
И въ душѣ, созрѣлой нынѣ,
Грустный слышится вопросъ :
Въ лучшей вѣка половинѣ,
Что ей въ міръ удалось ?
Что смогла восторга сила ?
Что сказала души лвыкъ ?
Что любовь ея свершила,
И порывъ чего достигъ ?....
Съ прошлостью, погибшей даромъ,
Съ грозной тайной впереди,
Съ бесполезнымъ сердца жаромъ,
Съ волей праздною въ груди,
Съ грезой тщетной и упорной,
Можеть, лучше было ей
Обезумѣть въ жизни вздорной,
Иль угаснуть средь степей....

Второе стихотвореніе :

къ немпейской лампадкѣ.

Отъ грозныхъ бурь, отъ бѣдствій края,
Отъ безпощадности вѣковъ,
Тебя, лампадочка простая,
Сберегъ твой пепельный покровъ.

Стоишь, кладъ скромный и завѣтный,
Краснорѣчиво предо мной,
Ты, странный, двадцатисотлѣтний
Свидѣтель бренности земной!

Свѣтилъ въ Помпей лучъ твой блѣдный
Съ уютной полки, въ тихій часъ,
И надъ язычницею блѣдой
Сіялъ, быть можетъ, онъ не разъ —

Когда одна, съ улыбкой нѣжной,
Съ слезой сердечной полноты,
Она души своей мятежной
Ласкала тайныя мечты.

И въ пзмѣнившейся вселенной,
Въ перерожденьѣ всѣхъ началъ,
Однѣ лишь съ силой неизмѣнной
Законъ безсмертный устоялъ.

И можешь ты, остатокъ хлипкой,
Былыхъ временъ, теперь опять
Сіять надъ тою же улыбкой,
И тѣ же слезы озарять.

Читатели найдутъ въ Кіевлянинѣ еще множество прекрасныхъ стихотвореній: *Графини Е. П. Ростопчиной*: Сказку и Осеннее ненастье; *И. С. Аксакова*: Отдыхъ и Пошлавіе; *Ф. Н. Глинки*: Чего просить, и Ангелу; *А. П. Глинки*: Благодареніе и Къ звѣздъ; *К. К. Павловой*: начало 4 пѣсни изъ Чайльдъ-Гарольда, и Дума; *М. И. Лихонина*: Жизнь; *С. Е. Раича* Александрійскія ночи, и проч. Въ концѣ напечатано стихотвореніе *Дзыкова* на громовыя колодцы въ Мытищахъ.

Отобѣдавъ сытной пищей,
Градъ Москва — водою внѣшней,
Знойной жаждой былъ томимъ*
Боги сжалились надъ нимъ:
Надъ долиной, гдѣ Мытищы,**

* Я помню этотъ стихъ иначе: знойной жаждою томимъ.

** Надъ долиною Мытища.

Смеркла неба синева ;
 Вдругъ ударъ громовой тучи
 Грануль въ доль — и каючь кипучій
 Поватился.... Пей Москва !

Объ этомъ стихотвореніи я могу сообщить и біографическое извѣстіе : мы ходили всѣ вмѣстѣ пѣшкомъ къ Троицѣ въ 1830 г. (Елагины, Кирѣевскіе, Языковъ, и проч.). Языковъ на каждой станціи оставилъ по стихотворенію; въ Алексѣевскомъ онъ сказалъ здѣсь, сколько я помню:

Въ древни годы Царь премудрой
 Здѣсь судилъ народъ свой Алексѣй;
 Онъ Русской былъ, онъ жилъ безъ пудры....

Послѣдняго стиха, очень удачно объясненнаго Пушкинымъ, я не помню.

Въ Мытищахъ стихотвореніе было посвящено кормилицѣ Его Высочества Цесаревича, гдѣ былъ одинъ прекрасный стихъ о бѣлыхъ рукахъ жены; въ Воздвиженскомъ воспоминаніе о казни Хованскихъ, во время Стрѣлецкихъ мятежей, которые погибли двойною смертію, еще въ нелѣпой трагедіи Рауфа. Но довольно. Москвитянинъ представляетъ Кіевлянина (хотя и сердить на него за холодное и недостаточное поминованіе объ его древлехранилицѣ), своимъ читателямъ. Первыя двѣ книги его были разхвачаны. Вѣрно и третьей скоро не останется въ продажѣ: столько въ ней новаго, любопытнаго, прекраснаго! *М. Погодинъ.*

70. *Пользка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Вакаціонные дни Профессора С. Шевырева, въ двухъ частяхъ, съ 25-ю литографированными рисунками. М. въ Унив. Типогр. 1850 г. Въ большую 8-ку, стр. 154 и 134.*

Далеко ушла бы Русская наука, еслибъ всѣ наши ученые работали такъ, какъ Г. Шевыревъ отдыхаетъ. Онъ похваля прогуляться послѣ трудовъ, да и открылъ происхождение Святославова Сборника, надъ которымъ столь многіе ломали голову, нашелъ новое слово Серапіоново, памятникъ древне-Русской Словесности, открылъ примѣчательный образъ въ Переяславлѣ, съ изображеніемъ таинства брака, познакомилъ публику съ житіями СС. Кирилло-Бѣлозер-

скаго, Кирилль-Новоезерскаго, Корнилія Комельскаго Никиты Переяславскаго, Нила Сорскаго, описаль подробно примѣчательности Александрова Переяслава; Ростова, Ярославля, Вологды, Кириллова-Бѣлозерска, Углича; доставиль свѣдѣнія любопытныя о монастыряхъ, о многихъ примѣчательныхъ мѣстностяхъ, обрядахъ, образѣ жизни, собралъ множество замѣчаній филологическихъ, наконецъ представиль новое доказательство, что человекъ образованный, безпристрастный, хорошо приготовленный, можетъ путешествовать по Россіи съ большою пользою и удовольствіемъ какъ для себя, такъ и для другихъ; что на каждомъ шагу у насъ можно еще находить новое и занимательное, и что, если кому бываетъ скучно, такъ вина таится больше въ немъ, чѣмъ въ предметахъ его окружающихъ. Мы не входимъ въ подробный разборъ этой любопытнѣйшей книги, потому что наши читатели хорошо знакомы съ нею по нѣкоторымъ отрывкамъ, напечатаннымъ въ Москвитинѣ въ прошлыхъ годахъ. Исторія, Словесность, филологія, церковныя древности, получили здѣсь прекрасные запасы. А охотники до чтенія — пріятное и полезное чтеніе. Всякому Русскому человеку она принесетъ истинное удовольствіе, а кто морщится отъ ладона, тому лучше и не читать ея. Рисунки очень занимательны, и многіе сдѣланы очень хорошо. Книга начинается очень кстати изображеніемъ Св. Кирилла, которое оставлено Св. Діонисіемъ Глушицкимъ, слѣдов. можетъ считаться портретомъ. Желаетъ, чтобъ примѣръ Г. Шевырева возбудилъ подражателей, и чтобъ наша литература пріобрѣтала больше и больше подобныхъ описаній. Чѣмъ короче будемъ мы знать отечество, тѣмъ горячѣе будемъ любить его, ибо любишь только то, что знаешь. М. П.

71. Практическія наставленія въ пчеловодство. Соч. Конопскаго 3-й гильдіи купца С. Пономарева. Кіевъ 1849. Стр. XIX и 325 въ 8 д. л.

Двадцатипятилѣтнія занятія пчеловодствомъ даютъ Г. Пономареву полное право назвать свои наставленія практическими, а собственная его пасѣка, доведенная до отлич-

ной степени совершенства, и дающая не менѣе 2,000 руб. сер. ежегоднаго дохода, ручается за пользу этихъ наставленій. Долговременныя наблюденія свои авторъ записывалъ собственно для себя, и только по просьбѣ многихъ пчеловодовъ рѣшился напечатать ихъ. »Почему бы, говоритъ онъ въ предисловіи, старому, зубы на пчеловодствѣ источившему, пасѣчнику не вольно было подѣлиться тѣми правилами пчеловодства, которыя доставляли ему такъ много радостей и удовольствій, которыя надѣлили его многими благами въ жизни, которымъ онъ рѣшился слѣдовать въ своей пасѣкѣ дотолѣ, доколѣ не опустятъ его грѣшнаго тѣла въ могилу; почему бы, повторяю, такими полезными правилами не дозволено было ему подѣлиться съ милыми его сердцу соотчичами? На закатѣ дней старику кажется, что онъ не наслѣдуетъ обѣтованной земли, медомъ кипящей, если онъ той землѣ, на которой насыщался медомъ, не завѣщаетъ тѣхъ своихъ наблюденій, по которымъ онъ добывалъ себѣ медъ. Я спокойно и съ благою вѣрою, надеждою и любовію, сойду въ мою могилу, если суждено мнѣ будетъ услышать, что правила мои содѣйствовали къ исполненію воскомъ и медомъ благодатной Россіи нашей Изъ того воска, который добудутъ по моимъ наставленіямъ Русскіе пасѣчники, будутъ быть можетъ горѣть и на моемъ гробѣ и на моей могилѣ заупокойныя свѣчи!...» Слѣдовательно Г. Пономоревъ сколько знаетъ, столько же и любить пчеловодство, что, конечно придаетъ его труду особую цѣну.

»Практическія наставленія» состоятъ изъ 33 статей, заключающихъ въ себѣ все, что нужно знать пчеловоду въ *практическомъ* отношеніи, начиная съ выставки пчелъ весною изъ омшанника до способовъ предотвращать и уничтожать у нихъ разныя болѣзни. Что же касается до замѣчаній автора, относящихся къ естественной исторіи пчелы, то многія изъ нихъ подлежатъ сомнѣнію, ибо противорѣчатъ извѣстнымъ доселѣ наблюденіямъ естествоиспытателей. — Большая часть практическихъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Г. Пономаревымъ, уже извѣстны пчеловодамъ изъ сочиненій Гг. Великдана, Витвицкаго и особливо Промо-

повича: но собранныя въ видѣ полнаго руководства и изложенныя удобопонятнымъ образомъ, онѣ имѣютъ свое достоинство независимо отъ новизны. Изъ тѣхъ, которыя принадлежать собственно Г. Пономареву, особенно любопытны «средства уничтожить гнилецъ у пчелы и въ ея носсахъ,» и объ ульѣ, изобрѣтенномъ авторомъ. Противъ гнильца, этой моровой язвы пчелъ, Г. Пономаревъ съ постояннымъ успѣхомъ употребляетъ слѣд. средство:

«Перегнавъ изъ гнильцеваго улья муху въ сборню, я вырѣзываю въ этомъ ульѣ всю какъ зараженную, такъ и незараженную гнильцемъ дѣтку. Вырѣзку дѣтки произвожу я внѣ пастѣки и въ скрытномъ мѣстѣ, изъ опасенія, чтобы пчела изъ здоровыхъ мѣхъ ульевъ не бросилась или на медъ, или на вырѣзанную дѣтку. Окъ нчивъ вырѣзку дѣтки, заткнувъ плотно клѣтку и замѣшивъ замазкою всѣ щели въ гнильцевомъ ульѣ, я выкапываю ямку глубиною въ пять или шесть вершковъ, а шириною немного поуже гнильцеваго улья; сильно напиткиваю распущенною сѣрою кусокъ тряпки вершка въ три, вкладываю этотъ кусокъ въ одинъ расколотый конецъ прутника или палочки, а другимъ концемъ втыкаю эту палочку на срединѣ приготовленной ямки; вмѣстѣ съ тѣмъ какъ зажигается этотъ сѣрникъ, наставляется у меня на ямку и улей съ гнильцевымъ медомъ и края этого улья обсыпаются землею. Ясно, что сѣрному дыму некуда выходить изъ поставленнаго на ямкѣ улья, и что потому весь онъ остался внутри этого улья. Не снимая съ ямки зараженнаго гнильцемъ улья въ теченіе не менѣе двухъ сутокъ, я въ каждые сутки замѣняю три или четыре раза сгорѣвшіе подъ нимъ сѣрники новыми такими же сѣрниками, и при каждой перемѣнѣ или при каждой подстилкѣ подъ улей новаго сѣрника, тщательно наблюдаю, чтобы сѣрный дымъ оставался, ежели возможно, весь въ ульѣ, или чтобы, по крайней мѣрѣ, его какъ можно менѣе улетало. За тѣмъ, прокуренный сѣрнымъ дымомъ улей снимаю съ ямки, и, поставивъ его на свободномъ воздухѣ вверхъ ногами, даю въ теченіе шести часовъ вылетѣть изъ него сильному сѣрному запаху, и наконецъ въ провѣтрившійся за шесть часовъ улей сажаю пчелъ, какихъ мнѣ угодно, т. е. или тѣхъ, которыя были зачумлены гнильцемъ и очищены отъ него вышеописаннымъ способомъ, или тѣхъ, кои гнильцу не подвергались и пользовались добрымъ здоровьемъ.»

Изобрѣтенный Г. Пономаревымъ улей былъ представленъ на Роменскую выставку сельскихъ произведеній (1846 г.), и доставилъ изобрѣтателю большую серебряную

медаль. Главная выгода его заключается въ томъ, что при ломаніи изъ него меда, не нужно убивать пчелъ, какъ дѣлается это обыкновенно. Но, съ другой стороны, неудобство подрѣзки сотовъ, пересадки роевъ и проч., уменьшаютъ его пользу, и втулочный улей Прокоповича справедливо предпочитается ему пчеловедами*.

Въ предисловіи Г. Пономаревъ говоритъ, что онъ учился Русской грамотѣ запросто, и слѣдов. въ его сочиненіи могутъ встрѣтиться разные книжные грѣхи; но, сколько мы могли замѣтить, »Практическія наставленія« написаны правильнымъ языкомъ, и автору не въ чемъ просить извиненія у »просвѣщенныхъ науками читателей.« Но за неумѣренную цѣну книги (*три р. с.*) они едва ли скажутъ ему спасибо, потому что въ хозяйствѣ не принято держаться пословицы: »у денегъ глазъ нѣтъ.« Это обстоятельство тѣмъ болѣе неприятно, что оно можетъ повредить распространенію »Практическихъ наставленій«, которыя, по недостатку у насъ подобныхъ руководствъ, должны бы сдѣлаться настольною книгою всякаго пчеловеда.

72. *Случайности жизни. Разказы, составленные для юношества. Пер. съ Нѣм. А. Лаврентьева. Спб. 1850.*

Стр. 261 въ 12 д. л.

Авторъ этой книжки, Нѣмецкій Профессоръ Дилитцъ назвалъ «случайностями жизни» нѣсколько любопытныхъ разказовъ о необыкновенныхъ явленіяхъ природы, нравахъ и обычаяхъ разныхъ народовъ, о замѣчательныхъ мѣстностяхъ и т. п. Г. Лаврентьевъ хорошо перевелъ «Случайности жизни» на Русскій языкъ, красиво издалъ, съ

---

* Въ одномъ спеціальному журналѣ замѣчено было, что улей Г. Пономарева есть только извѣстная деревянная копія соломеннаго улья Ломбара, извѣстнаго подъ названіемъ *ruche villageoise*: очень можетъ быть, но это нисколько не должно уменьшать заслуги Русскаго изобрѣтателя, который навѣрно и не слыхивалъ о Г. Ломбарѣ.

картинками и книга вполне заслуживаетъ названіе «пріятнаго подарка для дѣтей». Но при чтеніи ея, какъ и при десяткахъ подобныхъ книгъ, мы въ сотый разъ старались разрѣшить слѣдующій вопросъ: здѣсь болѣею частію, собраны рассказы, относящіеся къ Америкѣ и Азіи; предметы выбраны занимательные, возбуждающіе въ дѣтяхъ охоту къ чтенію и любознательность; почему же никто изъ нашихъ писателей не составитъ подобной дѣтской книги, которая относилась бы къ Россіи? Развѣ, напримѣръ очерки Крыма будутъ менѣе любопытны, чѣмъ «очерки Америки»? Рассказъ о славномъ подвигѣ незабвеннаго Козарскаго менѣе ли заставитъ биться дѣтское сердце, нежели «морское сраженіе съ Индійцами»? Путешествіе по Уралу неужели уступитъ занимательностію «путешествію по Альпамъ»,—а описаніе лѣснаго пожара въ Сѣверной Америкѣ превзойдетъ чудную картину пожара Сибирскихъ лѣсовъ?... И такихъ сравненій «Случайности жизни» представили намъ сотни.... А отвѣта мы все-таки не нашли; или, сказать правду, и нашли, да какъ покажется онъ нашимъ писателямъ дѣтскихъ книгъ....

73. *Стряпуха, или опытная кухарка, соч. К. А. певой.*

Спб. 1850. Стр. 174 въ 16 д. л.

Говорить о кухнѣ и о кухонной литературѣ надобно или много, или ничего: середины тутъ не можетъ быть. Кухня—предметъ важности первостепенной для блага чело-вѣчества, занимавшій и занимающій собою многіе отличные умы; литература ея предметъ специальный, требующій глубокихъ теоретическихъ и практическихъ познаній. Не находя въ себѣ ни тѣхъ, ни другихъ, мы обходимъ почти-тельнымъ молчаніемъ новую «Стряпуху» и ея гастрономическое искусство. Но объ одномъ чисто литературномъ обстоятельстве, которое и заставило насъ ввести эту книгу въ лѣтопись библиографіи, позвольте сказать пару словъ. Что значать эти таинственные слова: соч. А. певой, вы-

ставленныя въ заглавіи «Стряпухи»? Слышали мы, что въ Русской кухонной литературѣ приобрѣла большую извѣстность Г-жа Авдѣева, по наставленіямъ которой можно ѣсть дешево и хорошо : вѣроятно, это новый ея трудъ, предпринятый на пользу общую, сокращеніе прежнихъ обширныхъ руководствъ. Но въ такомъ случаѣ, къ чему же точки, за чѣмъ такая скромность, не совсѣмъ выгодная для книги? Что-нибудь не такъ. Ба! да вотъ настоящая Г-жа Авдѣева, съ *полнымъ* означеніемъ фамиліи на «Карманной поваренной книгѣ», дожившей до третьяго изданія. Откуда же взялась таинственная двойница? Разумѣется, изъ мастерской бумагопрядильной литературы. Оригиналъ идетъ шибко, ну и копія побѣжитъ рысцей. Форматъ, объемъ, фамилія — все пригнано какъ слѣдуетъ, въ двѣ капли воды. Въ старые годы шель же Н. Г—ль за Гоголя, А. М—ій за Марлинскаго, Бrameусъ, за Брамбеуса.... Теперь публика спрашиваетъ «Кухарокъ» и «Хозяекъ»: давай поддѣлаемъ и «кухарку» и «хозяйку».

Аббатъ Сугерій. Историческое изслѣдованіе Т. Грановскаго,
Москва. 1849 г.

(См. № 1 Москвитянина, въ отдѣлѣ критики, подъ № 2.)

Всѣ критическіе вопросы относительно значенія того или другаго ученаго произведенія могутъ быть окончательно приведены къ двумъ главнымъ, основнымъ вопросамъ: 1) въ какой степени ученый авторъ удовлетворилъ *общепринятымъ* требованіямъ науки, и 2) остался ли онъ вѣренъ тѣмъ требованіямъ, которыя, *по его личному убѣжденію*, дѣлаетъ наука каждому ученому произведенію? Последний вопросъ не представляетъ никакихъ особыхъ трудностей: стоитъ прослѣдить все произведеніе и свѣрить его результаты съ высказанными основными убѣжденіями автора, и вопросъ рѣшится самъ собою. Конечно, подобнаго рода критика ограничивается почти одними исчисленіями промаховъ, недостатковъ, неизбежныхъ во всякомъ произведеніи, и потому отъ количества ихъ заключаетъ и о достоинствѣ самаго труда. Но при такомъ исключительномъ направленіи критики, разборъ обыкновенно превращается или въ напыщенный панегирикъ, или въ ожесточенную филиппику. Но есть еще и другаго рода критика, которая старается судить съ общей точки зрѣнія на науку. Главная трудность такого рода критики состоитъ именно въ томъ, что она не имѣетъ общаго мѣрила, и потому не рѣдко рецензентъ выставляетъ свои личныя убѣжденія за общія, и потому произноситъ приговоръ, на основаніи этого лично-общаго масштаба. Потому, намъ кажется, добро-совѣстная критика должна всегда ограничиваться однимъ

указаніемъ и объясненіемъ своей точки зрѣнія, безъ всякой претензіи на ея общность. Такимъ образомъ вовсе не похвала или порицаніе составляютъ задачу ученой критики: ея дѣло противопоставить свое личное убѣжденіе чужому убѣжденію, а произнесеніе окончательнаго приговора должно быть всегда предоставляемо неподкупнымъ и непреложнымъ судьямъ — логикѣ и времени. Исходя изъ этой точки зрѣнія на критику, мы надѣемся начать и окончить предпринятый нами разборъ историческаго изслѣдованія Г. Грановскаго *sine ira et studio*. Конечно, самое уваженіе къ трудамъ нашего ученаго автора требуетъ отъ насъ употребить все вниманіе и усиліе, чтобы быть возможно строгими при разборѣ. При этомъ мы совершенно раздѣляемъ мнѣніе Г. Грановскаго (стр. IV): «чѣмъ значительнѣе начитанность, обнаруженная въ трудѣ, тѣмъ строже долженъ быть падающій на него приговоръ.» И такъ мы просимъ смотрѣть на всѣ наши требованія, которыя будутъ дѣланы нами на разсужденіе Г. Грановскаго, какъ на знакъ того, что мы считали себя въ правѣ требовать многого отъ такого ученаго, какимъ желательно было бы всегда видѣть Г. Грановскаго.

Къ чему служатъ монографіи въ наукѣ исторіи вообще и въ особенности въ исторической литературѣ нашего отечества? Вотъ первый вопросъ, который представился намъ, и который задаетъ себѣ и самъ авторъ жизнеописанія аббата Сугерія въ своемъ введеніи къ разсужденію. Мы твердо убѣждены, что этотъ вопросъ гораздо важнѣе, нежели какъ онъ кажется съ перваго взгляда; ибо, какъ мы увидимъ, отъ способа его рѣшенія зависитъ вполне судьба азмятій каждаго ученаго. »Сухое, не приложенное къ пользѣ общества, знаніе въ наше время не высоко цѣнится, говоритъ Г. Грановскій (с. IV), — со-временниковъ Гримма, Неандра, Шлоссера трудно удивить «одною ученостью.» Въ этихъ немногихъ, но ясно выказанныхъ словахъ мы видимъ рѣшеніе первой части предложеннаго нами вопроса о значеніи монографій вообще въ наукѣ исторіи. Очевидно, *занимательность и прикладность къ практической жизни*, или, однимъ словомъ, *польза*

составляютъ главное условіе монографіи, отъ исполненія котораго зависитъ ея мѣсто въ наукѣ. Мы не будемъ дѣлать никакихъ восклицаній или укоризанъ, какъ это сдѣлали бы многіе, видя, что въ ученomъ разсужденіи стали руководиться занимательностію и примѣняемостію предмета. Нѣтъ, мы лучше покажемъ тѣ основанія, на которыхъ намъ кажутся подобные расчеты не только не сообразными съ наукою, но даже и бесполезными. Съ нами, конечно, не согласится тотъ, кто имѣетъ совершенно особенный взглядъ на сущность науки.

Безъ сомнѣнія, занимательность всегда составляетъ одно изъ важнѣйшихъ достоинствъ каждаго предмета. Но долженъ ли всякій предметъ имѣть всеобщую занимательность, это такой вопросъ, на который едва ли кто рѣшится отвѣтить положительно. Не только въ области науки, но и въ практической жизни все имѣетъ свой опредѣленный кругъ въ отношеніи занимательности; и если никто не захочетъ, не сдѣлавшись смѣшнымъ, требовать отъ другихъ, чтобы они восхищались тѣмъ, что его восхищаетъ; то отъ чего же отсюда исключать науку, и не позволять ей имѣть своего особеннаго круга, гдѣ она всегда останется занимательною. Мнѣ кажется, не наука должна спускаться съ своей высоты, чтобы доставить занимательность возможно ббльшей массѣ общества, а скорѣе само общество должно стараться о своемъ возвышеніи, чтобы умѣть понимать занимательность науки. И наконецъ, къ чему бы послужило такое униженіе науки для занимательности? Сдѣлавшись занимательною, она утратила бы свой характеръ, и слѣдов. перестала бы быть наукой. Не должно потому смѣшивать науку и образованіе: наука во все не имѣетъ цѣлью образовывать, а образованіе есть только необходимое ея условіе. Безъ образованія конечно невозможна наука, но образованіе можетъ существовать и дѣйствительно часто существуетъ безъ науки. Для образованія достаточно развитія умственнаго; наука есть плодъ разума. Потому мы смѣемъ утверждать, что если наука и должна быть занимательна, то только для немногихъ, какъ и всѣ другіе предметы имѣютъ каждый свою заниматель-

вость. Ученый, заботящийся о всеобщей значительности своих ученых трудов, подвергается опасности изжить наукъ и впасть въ беллетристику.

Еще менѣе должна, кажется, наука заботиться о пользѣ, или, какъ выразился точнѣе нашъ ученый авторъ, о приложимости своего знанія къ пользамъ общества. Справедливость нашего положенія оправдывается самымъ происхожденіемъ какъ науки, такъ и вообще всякаго знанія. Наука, какъ и все то, что произведено человѣческимъ духомъ, родилась въ слѣдствіе стремленія его удовлетворить какой-то внутренней, природной, и потому необъяснимой потребности знанія. Кто изъ насъ, бывъ еще дитятемъ, при познаніи того или другаго предмета имѣлъ въ виду пользу? Не старались ли мы тогда съ жадностью увеличивать наши познанія, сами не зная того, какую мы можемъ извлечь изъ нихъ пользу? Если же такъ безкорыстенъ источникъ познанія въ ребенкѣ, то неужели наука должна ему уступить въ своей безкорыстности? Намъ кажется, всего полезнѣе въ наукѣ, менѣе всего заботиться о пользѣ. Къ наукѣ лучше всего можно примѣнить извѣстное выраженіе: *fiat justitia, pereat mundus*. Притомъ мы совершенно понимаемъ, откуда является упрекъ истинно научнымъ занятіямъ въ ихъ бесплодности и бесполезности. Все происходитъ отъ того односторонняго, матеріальнаго понятія о пользѣ, которое можно назвать даже меркантилизмомъ: одно наглядное, такъ сказать, насущное считается полезнымъ, а польза вѣковая, которую можно обозрѣть въ ея цѣлости не иначе, какъ съ извѣстной высоты, и которая, по своей необъятности, не подлежитъ ограниченному чувству, остается весьма для многихъ незамѣченною. Впрочемъ, подобное явленіе встрѣчается не только въ наукѣ, но и въ другихъ областяхъ человѣческой дѣятельности: ничтожное паденіе камня мы замѣчаемъ легко, а гигантское движеніе земнаго шара оставалось долгое время тайною для человѣка. Точно такъ и въ наукѣ: мы движемся ею, и вмѣстѣ съ нею впередъ, и спрашиваемъ: какаѣ пользы науки? не должно ли заботиться о томъ, чтобы науку сдѣлать полезнѣе? Мы имѣемъ на

своей сторонѣ всю исторію наукъ: не далѣе какъ въ прошедшемъ столѣтїи энциклопедисты поставили себѣ задачей сдѣлать науку примѣняемою къ практической жизни. Всякій знаетъ, къ чему это повело. О наукѣ потому справедливо можно сказать: имѣй въ виду въ наукѣ науку, а остальная приложатся. Смотри съ своей точки зрѣнія на науку и на значеніе въ ней монографій, Г. Грановскій долженъ былъ оправдываться въ выборѣ своего предмета и сказать (стр. III): «историческое сочиненіе должно оправдать свое появленіе *важностью* своего содержанія.» Конечно такое оправданіе весьма послѣдовательно, ибо чѣмъ предметъ важнѣе, тѣмъ онъ въ практической жизни полезнѣе. Но вотъ вопросъ: раздѣляются ли для науки предметы на важные и неважные? Намъ кажется, въ наукѣ важно каждое явленіе, какъ бы оно ни казалось ничтожнымъ въ практической жизни. Понятна причина: наука обнимаетъ собою все существующее, какъ одно цѣлое, и потому въ ней можетъ ли быть что-нибудь не важно, когда часто неважнымъ обусловливается существованіе того, что съ нашей практической точки зрѣнія кажется весьма важнымъ.

Другая сторона вопроса, предложеннаго нами вмѣстѣ съ ученымъ авторомъ состоитъ въ слѣдующемъ: какое значеніе могутъ имѣть монографіи въ исторической литературѣ нашего отечества? Г. Грановскій отвергаетъ необходимость монографій у насъ и считаетъ ихъ «ученою роскошью» (стр. I). Одна Германія, по мнѣнію автора, можетъ *справедливо* гордиться отдѣломъ своей литературы, доступнымъ однимъ спеціальнымъ ученымъ, безчисленными монографіями, въ которыхъ разобраны мельчайшія подробности каждой науки. Мы согласны, что у насъ нѣтъ такого богатства монографій, но отъ чего же мы не должны стараться достигнуть такого богатства? Отъ того, отвѣчаетъ намъ авторъ, что «у насъ нѣтъ не только хорошихъ оригинальныхъ, но даже и переводныхъ книгъ объ исторіи главныхъ народовъ древняго и новаго міра; нѣтъ значительныхъ произведеній, къ которымъ могли бы прикнудить частныя изслѣдованія» (стр. I). Но развѣ таковы

логическій путь, которымъ идетъ наука и вообще всякое человѣческое познаніе? развѣ мы отъ общаго доходимъ до частнаго? не изъ частнаго ли слагается каждое общее, а потому значеніе и судьба общаго не обуславливается ли правильностію частныхъ наблюденій? Притомъ, упрекъ, сдѣланный Русскою историческою литературѣ совершенно несправедливъ: укажите намъ на одно, по крайней мѣрѣ, иностранное сочиненіе по всеобщей исторіи, которое, не говоримъ, относилось бы къ большимъ отдѣламъ всеобщей исторіи, а объяснило бы вполнѣ цѣлую исторію какого-нибудь народа. Если и стали въ послѣднее время появляться историческія сочиненія, которыя успѣвали соединять достоинство съ болѣе обширнымъ объемомъ, то конечно они обязаны своимъ существованіемъ частнымъ монографіямъ, и отъ нихъ же ожидаютъ своихъ пополненій и исправленій. И такъ, по нашему убѣжденію, общее сочиненіе никогда не можетъ имѣть такого вліянія на монографію, какъ монографія на него, и потому несправедливо, судя по закону логическаго развитія нашего познанія, что монографіи не могутъ имѣть большаго значенія въ нашей исторической литературѣ. Наука вездѣ останется наукой, и ея характеръ не опредѣляется никакими мѣстностями: что авторъ признаетъ необходимымъ для науки въ Германіи, то необходимо для нея повсюду.

Если бы и было нужно при выборѣ предмета для разсужденія руководствоваться чѣмъ-нибудь, то конечно не занимательностію и пользою, которую можетъ извлечь изъ него общество, а скорѣе тѣмъ положеніемъ науки, въ которомъ мы ее застаемъ въ настоящее время, и тѣми требаваніями, которыя она дѣлаетъ на ученаго при своемъ положеніи. Теперь никто не сомнѣвается, что критическій путь есть единственно возможный для науки исторіи. Безъ критики исторія всегда оставалась бы въ области фантазій. Въ чемъ же состоитъ историческая критика? Она состоитъ въ предварительномъ и всестороннемъ изслѣдованіи и разборѣ источниковъ. Этотъ разборъ относится къ двумъ сторонамъ: къ самому тексту источника и къ лицу его автора. Первое составляетъ предметъ чисто филологіи,

второе принадлежит философии. Потому эти двѣ науки составляютъ необходимое условіе каждаго историческаго занятія. Дѣло филолога доказать законность или подлинность текста, и ручаться за его непреложность въ томъ видѣ, какъ онъ до насъ дошелъ. Послѣ этого философу остается показать отношеніе автора къ своему произведенію, и на основаніи анализа его умственныхъ способностей, нравственныхъ, и политическихъ убѣжденій, объяснить истинное значеніе всего переданнаго имъ въ своемъ произведеніи. Только послѣ всѣхъ этихъ предварительныхъ трудовъ можетъ историкъ приступить къ своей работѣ, и, увѣрившись въ текстъ источника и въ намѣреніи, съ которыми онъ составленъ, оцѣнить событіе и поставить его на своемъ мѣстѣ. Но на всемъ ли своемъ пространствѣ исторія имѣетъ такую предварительную обработку? До сихъ поръ только одна наука исторіи древняго міра можетъ гордиться прочностью своею основанія. Начиная съ такъ называемой эпохи «возрожденія», т. е. съ XV ст., вся дѣятельность ученыхъ была направлена исключительно къ изданію и комментированію древнихъ авторовъ. Эта работа продолжалась непрерывно до конца прошедшаго столѣтія, а потому настоящія историческія занятія могли начаться только въ послѣднее время. Когда было все приготовлено, разобрано, очищено и приведено въ порядокъ, только тогда могъ появиться и Нибуръ. Совершенно другое представляетъ намъ положеніе нашей науки въ исторіи новаго міра. Если мы сравнимъ источники ея съ источниками исторіи древняго міра, то въ отношеніи порядка и точности, первые должны представить совершенный хаосъ. Какая лѣтопись среднихъ вѣковъ можетъ сравниться по своей ясности, точности и богатству критическихъ объясненій, напр., съ исторіею Иродота, Фукидида и др.? Такое положеніе исторіи новаго міра ясно указываетъ тотъ путь, которому должны слѣдовать историки, посвящающіе себя изученію этого времени. Они должны посвятить свой трудъ преимущественно на изученіе современныхъ лѣтописей и ихъ составителей, на приведеніе въ порядокъ источниковъ, на ихъ объясненіе со стороны филологической и фило-

софской, и на ихъ доступность чрезъ возможно дешевѣйшія изданія. Это послѣднее экономическое условіе имѣетъ также весьма огромное вліяніе на успѣхъ науки: стереотипныя изданія древнихъ писателей, сдѣлавъ источники доступными по ихъ дешевизнѣ для большинства, не мало чрезъ то содѣйствовали успѣхамъ древней исторіи. Всякій знаетъ, какъ трудно приобрѣсть источники исторіи новаго міра, и только по ихъ ужасной дороговизнѣ и рѣдкости. Самъ Г. Грановскій на опытѣ испыталъ все неудобство и почти невозможность чисто ученыхъ историческихъ занятій среднею исторіею, и такъ сказать, ихъ несвоевременность. Онъ часто долженъ былъ основываться въ своихъ критическихъ изысканіяхъ на переводахъ, а каждому извѣстно, сколько теряетъ отъ такого недостатка самъ ученый трудъ. Такъ между главными источниками для исторіи времени аббата Сугерія, кромѣ его же »жизнеописанія Лудовика Толстаго,« считается церковная исторія Ордера Виталія, который пополняетъ многое, опущенное Сугеріемъ. Г. Грановскій (стр. 47, пр. 73) отдаетъ преимущество Сугерію, но его сравненіе этихъ двухъ писателей основано *на переводѣ* церковной исторіи Ордера Виталія, напечатанномъ Гизо въ Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France. Какъ бы ни былъ хорошъ переводъ и полонъ, но вѣроятно нашъ ученый авторъ по опыту знаетъ преимущество оригинала: переводъ можетъ увлекать, и на самомъ дѣлѣ часто увлекаетъ къ ложнымъ выводамъ. Даже тѣмъ талантливѣе переводчикъ, тѣмъ онъ болѣе придаетъ переводу своей личности, и слѣдов. тѣмъ менѣе годится для основательныхъ ученыхъ разысканій. Жизнеописанія Св. Бернарда, составленныя его учениками и современниками, и помѣщенныя въ Мабильоновомъ изданіи твореній Св. Бернарда, были доступны Г. Грановскому также *съ переводомъ* (стр. 97, прим. 157). Между тѣмъ все касающееся Бернарда, имѣетъ чрезвычайную важность для того, кто изучаетъ жизнь Сугерія и преимущественно въ политическомъ отношеніи: Бернардъ былъ его политическимъ противникомъ, и точно также ревностно защищалъ феодализмъ духовенства, какъ ихъ жертвовалъ Сугерій въ пользу обществен-

наго порядка, котораго онъ думалъ достигнуть утвержденіемъ монархической власти. Послѣ удаленія Лудовика Седьмаго въ второй крестовый походъ, управление государствомъ было предоставлено Сугерію, но объ этомъ событіи, весьма важномъ въ жизни аббата Св. Діонисія, упоминается въ подробности въ исторіи крестоваго похода Лудовика Седьмаго, написанной Одономъ Дѣльскимъ (de Digilo). Это сочиненіе напечатано въ весьма рѣдкомъ сочиненіи Шифле (Schiffli tii S. Bernardi Claraeval. genus illustre assertum); Бенедиктинцы перепечатали изъ него небольшіе отрывки, и потому Г. Грановскій долженъ былъ и въ этомъ случаѣ ссылаться хотя *на полный переводъ* Гизо, но тѣмъ не менѣе переводъ (стр. 120, прим. 113). Даже второстепенные источники средней исторіи мало доступны по своей рѣдкости: такъ сочиненіе Жервеза, Vie de Suger, Г. Грановскій долженъ былъ цитовать по ссылкамъ Карне и Histoire littéraire de la France (стр. 56, ссыл. 85); и притомъ Карне, по мнѣнію нашего автора (стр. 56 и 77), во многомъ показываетъ недостаточное знакомство съ фактами и выдаетъ часто свои догадки за факты. Но мы вовсе не думаемъ упрекать Г. Грановскаго въ томъ, что онъ не вездѣ опирается на непосредственные, оригинальные источники: причина того заключается въ самомъ положеніи исторической науки о новомъ времени. Конечно, отъ воли автора всегда зависитъ возможность избѣгнуть всѣхъ этихъ неудобствъ: стоитъ приложить путь изученія исторіи древняго міра къ изученію новаго, т. е. обратиться къ критикѣ источниковъ. Наука, кажется, выиграла бы болѣе, если бъ, на примѣръ, вмѣсто жизнеописанія аб. Сугерія мы получили бы сперва хорошо комментированное, съ критическими объясненіями, изданіе сочиненій этого аббата, или кого-нибудь другаго изъ его современныхъ писателей. Кромѣ того, такой трудъ сдѣлалъ бы въ послѣдствіи возможнымъ приступить и къ самой исторіи этого времени. Но при всемъ томъ мы должны отдать полную справедливость Г. Грановскому, и признать всю важность его сочиненія въ нашей исторической литературѣ. Всякій другой ученый, приступая къ изученію исторіи новаго міра, будетъ теперь видѣть, по чужому

опыту, всю невозможность исторических занятій безъ предварительнаго ближайшаго и непосредственнаго знакомства съ источниками, и начнетъ потому свою работу съ начала.

Изъ всего сказаннаго нами объ историческихъ занятіяхъ ясно видна причина, по которой большая часть лучшихъ новѣйшихъ историковъ обращаютъ свое вниманіе преимущественно на исторію древняго міра. Вовсе не величіе Грековъ и Римлянъ обращаетъ на себя ихъ вниманіе, а возможность трудиться сообразно съ требованіями науки: въ древней исторіи для нихъ все приготовлено. Не рѣдко потому можно слышать возраженіе отъ людей, понимающихъ совершенно иначе дѣло: »въ исторіи Греціи и Рима такъ много сдѣлано Германскими учеными, что болѣе ничего не остается, какъ повторять ими сказанное.« Мы бы сказали это совершенно иначе: »для исторіи Греціи и Рима такъ много сдѣлано Германскими учеными, что наконецъ можно заняться и самою ихъ исторіею.«

Высказавъ свое убѣжденіе относительно характера научныхъ занятій, мы оставимъ пока въ сторонѣ споръ о томъ, долженъ ли ученый въ своихъ изслѣдованіяхъ руководиться примѣняемостью ихъ къ практической жизни, и обратимся къ самому изложенію и содержанію разбираемаго нами разсужденія, независимо отъ нашихъ убѣжденій и взглядовъ на науку. Быть можетъ, они найдутъ себѣ новое оправданіе въ самомъ разсужденіи Г. Грановскаго.

Въ самомъ началѣ (стр. 1—10) авторъ представляетъ намъ картину государственнаго устройства Франціи при первыхъ Капетингахъ. По его мнѣнію, оно никакъ не можетъ быть сравниваемо съ положеніемъ Франціи при послѣднихъ Карловингахъ. »Потомки Карла V., говоритъ Г. Грановскій (стр. 1), пали не въ слѣдствіе личныхъ ошибокъ или недостатковъ, но подъ бременемъ тяжелаго наслѣдія, завѣщаннаго имъ предкомъ. Это наслѣдіе заключалось въ идеяхъ государственнаго единства и порядка, взятаго у Римскаго міра и неприложимаго къ обществу, которое разлагалось на самыя дробныя части свои. Феодализмъ одолевъ, потому что другой политической формы не могли вынести тогдашніе народы Западной Европы;

«но падение Карловинговъ не было постыдно.» Эта мысль совершенно оригинальная, но, по нашему мнѣнію не совершенно основательная и притиворѣчающая понятію современниковъ Карловингской династіи. Всякій спросить: если причина паденія Карловинговъ заключалась въ ихъ стремленіи къ поддержанію единства, то отъ чего же это самое стремленіе не погубило въ послѣдствіи Капетинговъ? Отъ чего современники заклеили послѣднихъ Карловинговъ прозваніемъ «Тунейдцевъ»? Мы хорошо понимаемъ цѣль автора: ему было нужно представить первыхъ Капетинговъ ничтожными, чтобы тѣмъ въ болѣешемъ блескѣ выставить заслуги Сугерія*. Но несправедливо то, что послѣдніе Карловинги пали отъ невозможности противостоять всеобщему стремленію феодализма. Развѣ феодализмъ существовалъ до Карла V.? До Карла V. въ новыхъ Германскихъ государствахъ было особеннаго рода устройство, аллодіальное, которое было чисто Германскимъ, и котораго не должно смѣшивать съ феодальнымъ. Германскіе Короли, познакомившись съ Римскимъ правомъ, стали мало по малу уничтожать раздробленность аллодіальной системы, и въ первый разъ Карлу V. удалось соединить обѣ эти противоположности — Германскую и Римскую — въ одно цѣлое. Это новое государственное устройство и называется феодальной системой, гдѣ было вмѣстѣ и единство и раздробленіе: единство состояло въ томъ, что на всемъ пространствѣ государства управляла одна власть сузерена; но притомъ государство было раздѣлено на графства, хотя графы Карла V. были не что иное, какъ чиновники сузерена. Очевидно, прочность и непоколебимость такой системы опиралась на личности сузерена, а какъ поступали преемники Карла V.? Карлъ Лысый сдѣлалъ лены наследственными — окончательный шагъ къ независимости вассаловъ. Его преемники для поддержанія себя старались приобрести расположеніе вассаловъ раздачею коронныхъ земель, и кончилось тѣмъ, что во владѣніи Карловинговъ остался одинъ городъ Ланъ (Laon). Покажите намъ хотя

* Никакъ не хотимъ предполагать такую цѣль, противную наукѣ и истинѣ. М. П.

одинъ фактъ, гдѣ бы мы могли увидѣть, что Карловинги сопротивлялись феодализму; а мы представили уже нѣсколько примѣровъ поощренія феодализму съ ихъ стороны. Если къ этому присоединить отношеніе Карловинговъ къ Норманнамъ, то кто послѣ этого станетъ утверждать, что паденіе Карловинговъ не было для нихъ постыднымъ?

Съ той же самой точки зрѣнія смотритъ Г. Грановскій и на причины возвышенія Капетинговъ. Предубѣжденный противъ нихъ, онъ (стр. 2) утверждаетъ, что «дѣло возвышенія Капетинговъ было не трудное. Кромѣ слабого «Жарла Лотарингскаго, дяди Лудвига, у Гугона не было «соперниковъ. Изъ другихъ вассаловъ *Французскаго* Короля, (анахронизмъ: до Капетинговъ не было общаго названія Франція; они, какъ герцоги Французскіе, вступивъ на престолъ, передали свое родовое названіе цѣлому государству; Карловинги были Королями Франкскими), никто не искалъ безплодной «чести быть первымъ между равными.» Такое объясненіе причинъ перемены династіи, быть можетъ, покажется страннымъ въ наукѣ: неужели Капетинги вступили на престолъ Франскій только потому, что некому было вступить? Во всякомъ случаѣ такое явленіе было бы еще понятнымъ, еслибъ предшествующая династія совершенно прекратилась; но къ чему Гуговъ для «достиженія безплодной чести» низвергъ послѣдняго Карловинга? Мнѣніе Г. Грановскаго намъ кажется тѣмъ болѣе страннымъ, что въ другомъ мѣстѣ онъ высказываетъ, хотя и не совсемъ ясно, настоящую причину возвышенія Капетинговъ: «новая династія была ровесницею новому обществу» (стр. 2). Это совершенно справедливо и вотъ что должно значить. Съ Капетингами повторилось тоже самое, что случилось съ первыми представителями Карловинговъ. Когда начали сливаться между собою Римляне и Германцы, побѣжденные и побѣдители, то Меровингская династія, какъ чисто Германская, должна была пасть и уступить свое мѣсто той династіи, которая собою выражала подобное соединеніе: такою династіею и были Карловинги. Они происходили по мужской линіи отъ Германской фамиліи Пепина Ланденскаго, а по женской отъ Рихской фамиліи Томандіи

Ферреоли. Но послѣ Карла V. стали образовываться въ первый разъ Европейскія національности, и потому то, что возвысило Карловинговъ, теперь послужило къ ихъ паденію. Каждая новая нація стремилась выразить свою самостоятельность избраніемъ на престолъ чисто національной династіи. Такою династіею были Капетинги, которые осуществили собою имъ современное стремленіе и положили основаніе Французской національности. Конечно, во всемъ этомъ заключается только общая причина возвышенія Капетинговъ; но почему именно въ нихъ выразилось это стремленіе къ національности, но не въ комъ-нибудь изъ другихъ Франкскихъ вассаловъ? Мы знаемъ уже отвѣтъ Г. Грановскаго. Онъ полагаетъ, что у Гугона не было другихъ соперниковъ, кромѣ Карла Лотарингскаго; но это совершенно несправедливо. Гораздо опаснѣе для Гугона были его дѣти, Лудовикъ и Карлъ, которыхъ принялъ подъ свое покровительство Германскій Императоръ. Если другіе вассалы не искали престола, то конечно потому, что никто не могъ равняться ни въ какомъ отношеніи съ Капетингами. Они оказали большія услуги государству: въ то время, когда Каролинги откупались золотомъ отъ Норманновъ, дѣдъ Капета, Робертъ отражалъ ихъ оружіемъ и спасъ государство. Та же внѣшняя причина возвысила нѣкогда и Карловинговъ: побѣды Карла Мартеля надъ Аравитянами возвысили его династію въ глазахъ народа. Кромѣ того, ни одинъ вассалъ не могъ равняться по своему могуществу съ Капетингами: они владѣли большими ленами. Если къ этому присоединить родство ихъ съ Греческими Императорами, то нисколько не будетъ удивительно, почему именно Капетинги, а не другой какой-либо вассалъ, достигли королевскаго званія.

Если такимъ образомъ, Капетинги были обязаны своимъ возвышеніемъ уваженію, которымъ они пользовались въ общественномъ мнѣніи, и богатству своихъ владѣній, то рождается вопросъ, откуда происходила та недѣятельность, которою отличались первые Капетинги? Г. Грановскій въ рѣшеніи этого вопроса держится стараго мнѣнія, давно уже опровергнутаго, но которое болѣе годится для его

главной цѣли возвышенія заслугъ Сугерія. По мнѣнію нашего автора (стр. 5), нравственное безсиліе было главною причиною недѣятельности первыхъ Капетинговъ. Въ чѣмъ же, напримѣръ, выразилось это нравственное безсиліе? »Гейнрихъ IV началъ великую борьбу Императоровъ съ папствомъ; Французскій вассаль завоевалъ Англію; начались крестовые походы, а Французскій Король не двигался (стр. 5). Но, какъ мы сейчасъ увидимъ, по мнѣнію же самого Г. Грановскаго, въ этой недѣятельности, или въ этомъ нравственномъ безсиліи, и заключалось все величіе первыхъ Капетинговъ. На стр. 121 мы читаемъ: »проницательный, предвидѣвшій грядущее, Сугерій не только не внушалъ Королю (Лудовику VII) ничего подобнаго (дѣло идетъ о предпріятіи крестоваго похода), но даже не далъ своего одобренія предпріятію, когда услышалъ о немъ.« Очевидно, что Сугерій, хорошо понимая современное положеніе дѣлъ и политическое значеніе крестовыхъ походовъ, какъ средства къ возвышенію монархической власти, долженъ былъ удерживать Лудовика VII отъ подобнаго предпріятія, которымъ Король долженъ былъ пользоваться для увеличенія своей власти, оставаясь дома, и присоединяя къ своимъ владѣніямъ земли удалившихся вассаловъ. Какъ же послѣ этого можно упрекать Филиппа I, какъ, это мы видѣли, дѣлаетъ Г. Грановскій, въ томъ, что онъ не принималъ участія въ общемъ движеніи по поводу крестовыхъ походовъ, и вмѣнять ему въ нравственное безсиліе то, что въ Сугеріѣ принимается за глубокой политической умъ? Несправедливо также и то, что Филиппъ I не обращалъ никакого вниманія на завоеваніе Англіи однимъ изъ сильнѣйшихъ своихъ вассаловъ: извѣстно, что онъ, предъ отправленіемъ Вильгельма Норманнскаго въ Англію, заключалъ съ нимъ договоръ, по которому тотъ обѣщался не соединять Англіи съ Нормандіею, а въ случаѣ покоренія Англіи, долженъ былъ уступить Нормандію сыну, Роберту. Кто содѣйствовалъ Роберту къ возстанію противъ отца, когда онъ не хотѣлъ ему уступить Нормандію? Опять Филиппъ I. Въ отношеніи къ Папѣ Филиппъ I также не оставался недѣятельнымъ, какъ это утверждаетъ Г. Грановскій.

Григорій VII вступилъ съ нимъ въ споръ за продажу духовныхъ мѣстъ, и не смотря на все могущество Гильдебранда, дѣло было рѣшено въ пользу Короля. И такъ, очевидно, недѣятельность первыхъ Капетинговъ вовсе не была результатомъ ихъ нравственнаго безсилія, а скорѣе дѣломъ политическаго разсчета. Беззаконный и насильственный поступокъ могъ бы соединить всѣхъ вассаловъ противъ нихъ, и тогда Капетинги, при всемъ своемъ могуществѣ въ борьбѣ съ отдѣльнымъ вассаломъ, должны были бы уступить ихъ соединеннымъ силамъ. На самомъ дѣлѣ, изъ 86 департаментовъ нынѣшней Франціи, тридцать лежало на югъ отъ Луары, и слѣдов. входило въ составъ г. Аквитанскаго, которое въ то время по своей отдаленности менѣе всѣхъ могло зависть отъ Короля. Даже на сѣверѣ, гдѣ были родовыя владѣнія Капетинговъ, ихъ окружали сильные вассалы: Нормандскій, Фландрскій, Шампанскій и Анжуйскій. Г. Грановскій (стр. 7) причисляетъ сюда и герцогство Бургундское, но оно составляло родовыя владѣнія Капетинговъ, и потому не можетъ быть помѣщаемо въ число владѣній, враждебныхъ дому Гугона. Робертъ, сынъ Гугона, былъ женатъ на Бергѣ, сестрѣ Рудольфа III, послѣдняго Арелатскаго Короля, и потому по смерти его, удержалъ за собою сѣверную часть королевства, составивъ изъ нея новое герцогство Бургундское. По мнѣнію Г. Грановскаго (стр. 6), усиленію Капетинговъ препятствовало и то обстоятельство, что «изъ 86 департаментовъ нынѣшней Франціи около двадцати принадлежало къ совершенно другой политической системѣ. Изъ нихъ образовались герцогства Лотарингскія, графство Бургундское (вѣроятно авторъ имѣлъ въ виду гр. Прованское, ибо Бургундскія владѣнія въ это время были соединены въ одно кор. Арелатское) и королевство Арелатское, которыя входили въ составъ Германской имперіи.» Скорѣе это обстоятельство могло облегчить усиленіе Капетинговъ, ибо сильнѣйшіе изъ вассаловъ, войдя въ составъ Германской имперіи, избавляли тѣмъ Капетинговъ отъ соперничества. Весьма жаль, что Г. Грановскій, сознавая (прим. 8), что «вообще составленіе географическихъ картъ для средневѣковой Франціи сопряжено съ величайшими труд-

»ностями,« не обратилъ вниманія на этотъ предметъ и не составилъ спеціальной карты для избранной имъ эпохи.

Показавъ въ общихъ чертахъ положеніе Франціи при первыхъ Капетингахъ, Г. Грановскій переходитъ къ главному своему предмету—жизнеописанію аб. Сугерія. Основное убъжденіе автора о Сугеріѣ высказано имъ было еще въ введеніи (стр. V): «Сугерій положилъ первый камень политическаго зданія, достроеннаго Лудовикомъ XIV, т. е. Французской монархіи.» Мы уже видѣли, что для оправданія этой мысли, описаніе положенія Франціи при первыхъ Капетингахъ было сдѣлано не совсѣмъ основательно и даже отчасти пристрастно: наслѣдники Гугона понимали хорошо свое положеніе и потому представлялись недвѣтельными. Но однако тѣмъ не менѣе будетъ для каждаго весьма любопытно, какимъ образомъ нашему автору удастся на дѣлѣ, въ самомъ разсужденіи, доказать свою основную мысль, что Сугерій положилъ первое основаніе монархіи въ Франціи. Не было ли до Сугерія сдѣлано уже многое для утвержденія монархіи, и если не было, то что именно предпринялъ Сугерій для этой цѣли, столь важное, чтобы его можно было назвать первымъ основателемъ монархіи во Франціи? Всѣ эти вопросы относятся прямо къ сущности разсужденія Г. Грановскаго, а потому мы обратимъ исключительное вниманіе на то, въ какой степени оно разрѣшаетъ ихъ и подтверждаетъ тѣмъ основную мысль автора. Мы не будемъ высказывать своихъ убъжденій относительно значенія Сугерія въ исторіи Франціи, но только укажемъ доказательства автора въ пользу своего основнаго положенія, для котораго предпринять былъ весь трудъ: именно, что Сугерій положилъ первый камень къ созданію Французской монархіи.

О происхожденіи Сугерія и его дѣтствѣ до 14-лѣтняго возраста, когда онъ въ 1095 г. возвратился въ монастырь Св. Діонисія, сказано весьма кратко (стр. 10—12). Двумя страницами ограничиваетъ авторъ свои изслѣдованія о молодости Сугерія. Слѣдующія за тѣмъ 10 страницъ (12—21) представляютъ намъ воспитаніе Лудовика VI и его военныя дѣйствія при жизни отца, Филиппа I. Война съ Виль-

гельмомъ Рыжикъ, Королема Англійскимъ, за гр. Вексинское была ведена счастливо. Вторая война противъ Монморанси, вассала Св. Діонисія, была окончена также Лудовикомъ. Не менѣе счастливы были и другія его войны съ возмущавшимися вассалами. Филиппъ I не участвовалъ въ первомъ крестовомъ походѣ, и весьма удачно воспользовался несчастіемъ крестоносныхъ вассаловъ (стр. 24 и сл.): такъ замокъ Монлери (между Парижемъ и Орлеаномъ) разрѣзывалъ владѣнія Капетинговъ; Гвидонъ Труссель, его владѣтель, потерявъ свои богатства, долженъ былъ выдать свою дочь за сына Филиппа I и Бертрады, Филиппа, а замокъ Монлери былъ уступленъ наслѣднику, Лудовику. Филиппъ I такъ хорошо понималъ всю важность такого рода приобрѣтенія, что, по свидѣтельству Сугерія (*Vita Lud. St. 16*), сказалъ въ восторгъ, что у него вынули соломенку изъ глаза, и совѣтовалъ сыну беречь особенно эту башню. Еще опаснѣе былъ Гвидонъ Рошфорскій, но возвратившись изъ крестоваго похода, онъ помолвилъ свою дочь за самого наслѣдника, и послѣ былъ два года вѣрнымъ слугою Филиппа I. Прочтя такое описаніе дѣятельности Гугонова внука въ разсужденіи Г. Грановскаго, намъ показалось страннымъ мнѣніе, будто Сугерій первый положилъ основаніе монархіи во Франціи. Отъ чего же благоразумная политика Филиппа I, который, уклонившись отъ крестовыхъ походовъ и даже обративъ ихъ неудачу въ свою пользу, велъ дѣятельную борьбу съ окружающими вассалами,—отъ чего такая политика не можетъ быть принята за первое основаніе монархіи во Франціи? Но, быть можетъ, Сугерій ввелъ какую-нибудь новую систему, слѣдующую которой, Капетинги могли бы прочтѣе основать свою власть? Въ самомъ дѣлѣ, еще въ введеніи (стр. VI) Г. Грановскій обѣщаетъ доказать, что съ Сугерія «явилась новая теорія монархической власти. Государямъ Капетингской династіи была указана новая цѣль, новая дѣятельность.» И такъ положеніе Г. Грановскаго: «Сугерій положилъ *первый* камень аданія Французской монархіи,» ввроятно должно быть понимаемо не въ отношеніи къ времени, а въ отношеніи къ важности и новизнѣ основаній,

отысканныхъ Сугеріемъ. Потому намъ остается слѣдять далѣе за изслѣдованіями Г. Грановскаго.

По мнѣнію автора (стр. 26), во время послѣднихъ двухъ, упомянутыхъ уже нами, событій, т. е. приобрѣтенія Монлери и помолвки Лудовика VI, Сугерій жилъ уже при Дворѣ. Конечно, это обстоятельство при своей справедливости было бы чрезвычайно важно, давая поводъ думать, что Сугерій могъ участвовать и даже содѣйствовать приобрѣтенію Монлери и помолвкѣ Лудовика VI. Но мнѣніе Г. Грановскаго основывается на странно понятыхъ словахъ Сугерія: *nobis audientibus*, изъ которыхъ видно, что онъ «былъ свидѣтелемъ» описанныхъ имъ въ гл. VIII событій. Обыкновенно называютъ свидѣтелемъ того, кто видитъ, какъ показываетъ то самая этимологія слова; а Сугерій только *слышалъ* (*audientibus*) о всѣхъ этихъ происшествіяхъ, и слѣдов. тѣмъ самымъ даже показалъ, что онъ ни въ какомъ случаѣ не былъ свидѣтелемъ. И такъ въ 1103 г., когда былъ присоединенъ з. Монлери, Сугерій жилъ по прежнему въ монастырѣ и не являлся ко Двору. Собственно въ первый разъ мы видимъ Сугерія на политическомъ поприщѣ въ 1106 г., на соборѣ въ Пуатье, для обсужденія мѣръ къ поддержанію новаго королевства Іерусалимскаго (стр. 26 и слѣд.). Въ слѣдующемъ году прибылъ самъ Папа, Пасхалій II, въ то время, когда Парижскій Архіепископъ, Галонъ, оспаривалъ права у монастыря Св. Діонисія. Монастырь поручилъ свое защищеніе Сугерію, и каноническій приговоръ состоялся въ пользу молодого инока. Изъ этого обстоятельства, по нашему мнѣнію, можно заключить, что въ молодости, при началѣ своей политической дѣятельности, Сугерій былъ на сторонѣ феодализма. Прибытіе Пасхалія II во Францію замѣчательно также и въ томъ отношеніи, что Папа на соборѣ въ Труа объявилъ недействительнымъ брачное обѣщаніе, данное Филиппомъ I владѣтелю Рошфора. Это обстоятельство было причиною войны, во время которой скончался Филиппъ I, и Лудовикъ вступилъ на престолъ подъ именемъ «Шестаго.» Партія мачихи его, Бертрады (стр. 29), желавшей возвести на престолъ своего сына, Филиппа, возстала пор-

твѣ молодого Короля. Опасность была велика: вступленіемъ на престолъ Филиппа могла бы уничтожиться преимущество и вмѣстѣ съ нею прочность монархіи. Но то и другое было спасено (стр. 30) совѣтомъ Ивона Шартрскаго поспѣшить коронованіемъ. Такимъ образомъ мы опять не видимъ Сугерія основателемъ монархической власти; даже, какъ прибавляетъ Г. Грановскій (стр. 53), »Сугерій рѣдко бывалъ при Дворѣ въ первые годы правленія Лудовика.« Во все это время онъ занималъ должность превода въ вассальныхъ владѣніяхъ монастыря, въ Нормандіи и Тури. Споры съ сосѣдями заставляли Сугерія не рѣдко вести съ ними войну, изъ которыхъ былъ особенно замѣчательнъ Гугонь Красивый, владѣлецъ замка Пюизе въ Тури. Сугерій склонилъ на свою сторону гр. Шартрскаго, и это убѣдило наконецъ Лудовика VI на Мелюнскомъ собраніи усмирить Пюизе. Г. Грановскій полагаетъ (стр. 38), что современники смотрѣли на такое вмѣшательство со стороны Короля, какъ на *первобытное* право; на словъ »первобытное« сдѣлано особое удареніе, ибо авторъ вѣроятно въ этомъ полагалъ, что уже современники видѣли въ стремленіи Капетинговъ желаніе возобновить власть Карла V.; но въ подлинникѣ сказано: *officium iure votivo*. Но слово »*votivum*« не имѣетъ въ себѣ никакого значенія первобытности. Осада Пюизе происходила въ 1111 г.; до этого времени Сугерій не представляется намъ вовсе основателемъ монархической власти въ Франціи, хотя авторъ и оканчиваетъ описаніе осады Пюизе словами (стр. 39): »мы видѣли, что Сугерій участвовалъ въ послѣднемъ событіи не однимъ совѣтомъ.« Но должно сознаться, что мы до сихъ поръ не видѣли и одного случая, гдѣ бы Сугерій участвовалъ по крайней мѣрѣ хоть совѣтомъ.

Въ 1112 г. (стр. 39) Сугерій былъ въ Римѣ, на томъ соборѣ, который произнесъ проклятіе надъ Генрихомъ V. По опредѣленію и по совѣту Лудовика (*Ludovici suffragii et consilio. V. Lud. Gr. 22*), но опять не Сугерія, Франція признала это проклятіе.

Въ 1118 г. (стр. 43) Геласій II, изгнанный изъ Рима императорскою партією, явился во Францію, и Сугерій былъ

высланъ къ нему на встрѣчу. Но Папа скончался на пути, и во Франціи избрали новаго, Каликста II, который въ угожденіе Лудовику VI собралъ соборъ въ Рейксъ, какъ для рѣшенія собственнаго спора съ Императоромъ, такъ и для рѣшенія спора Лудовика VI съ Генрихомъ I, Королемъ Англійскимъ. По этому случаю, авторъ оставляетъ надолго свой главный предметъ, такъ что слѣдующія 12 страницъ (44—56) представляютъ намъ объясненіе извѣстныхъ изъ каждаго историческаго руководства причинъ вражды Лудовика VI съ Генрихомъ I, и которыя потому не помѣщаются обыкновенно въ спеціальныхъ сочиненіяхъ. Для нашей цѣли достаточно теперь упомянуть, что въ сраженіи при Бреннмюль Генрихъ I разбилъ Короля Французскаго. Это сраженіе считалось важнѣйшимъ въ XII ст., хотя въ немъ побѣдители взяли 140 рыцарей въ плѣнъ, и убитыхъ съ обѣихъ сторонъ было трое! Замѣчательно, что, долгое время, какъ войны феодальныя на западѣ, такъ и наши удѣльныя, всегда представлялись историками, какъ ужасныя кровопролитія. Чибраріо, въ своей политической экономіи среднихъ вѣковъ, первый показалъ, какъ неосновательно было такое мнѣніе; и въ битвѣ Бреннмюльской мы видимъ тоже. Не далѣе, какъ въ Февралѣ нынѣшняго года Г. Погодинъ (Ж. М. Н. П., Февр. 1850) сдѣлалъ подобное же изслѣдованіе о битвахъ удѣльныхъ, и также замѣтилъ, что по большей части убитыхъ бывало немного, иногда не болѣе, какъ двое, трое, четверо; иногда сраженіе оканчивалось однѣми ранами. Причиною такого обстоятельства, какъ это объяснилъ Г. Погодинъ, было то, что и у насъ, какъ и на западѣ, война, составляла исключительное право господствующаго племени, вовсе не касалась многочисленнаго сословія подчиненныхъ. Тоже самое мы видимъ въ исторіи Греціи и Рима, гдѣ войска были такъ ничтожны и битвы мало кровопролитны вовсе не по малочисленности населенія древнихъ государствъ, но по ихъ устройству, ибо право вступать въ военную службу у нихъ составляло преимущество высшаго сословія, образовавшагося изъ племени побѣдителей. Но обратимся къ Бреннмюльскому сраженію. Оно имѣло огромное вліяніе

на дѣло Лудовика VI: большая часть его вассаловъ была въ пѣвну, другіе перешли на сторону побѣдителя. Лудовикъ VI долженъ былъ оставить Нормандію и бѣжать въ Парижъ. Въ эту рѣшительную минуту, когда Капетинги могли потерять и самое государство, Лудовика VI спасъ Амаалрихъ Монфоръ своимъ геніальнымъ совѣтомъ, который, по выраженію Г. Грановскаго (стр. 54), »не уступалъ по своему историческому значенію битвамъ, выиграннымъ него потомками. У васъ мало рыцарей, сказалъ онъ, обратитесь къ простому народу. Пусть священники ведутъ на помощь вамъ противъ общаго врага прихожанъ своихъ.«
 »Можно смѣло сказать, прибавляетъ Г. Грановскій (стр. 54), что въ этихъ немногихъ словахъ Ордерика Виталия »рассказано *главное* событіе Лудовикова царствованія.« И такъ мы опять не видимъ Сугерія первымъ основателемъ, и главнымъ, Французской монархіи. Совѣтъ, спасшій Капетинговъ, а вмѣстѣ съ ними и монархію, составляетъ, и по мнѣнію самого Г. Грановскаго, главное основаніе, на которое теперь оперлась монархическая власть, а между тѣмъ этотъ совѣтъ не принадлежитъ также Сугерію, а Амаалриху Монфору.

Эти-то споры Лудовика VI съ Генрихомъ I и были разсматриваемы на соборѣ въ Реймсѣ. Каликстъ II имѣлъ свиданіе съ Генрихомъ I въ Жизорѣ, и въ 1120 г. Лудовикъ VI примирился съ Англіею.

Въ 1121 г. (стр. 58) Сугерій былъ отправленъ Лудовикомъ VI къ Папѣ съ неизвѣстнымъ порученіемъ. Каликстъ II принялъ пословъ съ почестями, и, какъ объясняетъ Г. Грановскій слова источника, »выразилъ желаніе *удержать при себѣ* Сугерія.« Но въ подлинникѣ сказано (V. Lud. Gr. 47): *et diutius retinere vellet*, что значить: »и Папа хотѣлъ было долѣе задержать Сугерія, а вовсе не то, чтобы онъ хотѣлъ удержать при себѣ Сугерія. Во время этого послѣдняго посольства скончался аббатъ Св. Діонисія, и монахи вмѣстѣ съ ленниками монастыря избрали ему въ преемники Сугерія. Но Лудовикъ посадилъ ихъ въ Орлеанскій замокъ; причину такого страннаго поступка Короля Г. Грановскій объясняетъ тѣмъ, что Лудовикъ былъ

оскорбленъ »не лицомъ избраннаго, а формою избраніа» (стр. 59). Но мы видѣли, что монахи просили Короля объ утвержденіи, и потому, кажется, была соблюдена и форма. Этотъ фактъ заслуживаетъ особеннаго вниманія изслѣдователя, и оттого при разборѣ его не должно бы было ограничиваться собственными предположеніями. Впрочемъ, Лудовикъ VI въ послѣдствіи переѣхалъ свое мѣсто и утвердилъ Сугерія аббатомъ Св. Діонисія.

Въ 1123 г. (стр. 59) Сугерій еще разъ ѣздилъ въ Римъ, и, проживъ тамъ полгода, участвовалъ на Латеранскомъ соборѣ, подтвердившемъ Вормсскій Конкордатъ. Генрихъ V, Германскій Императоръ, примирившись такимъ образомъ съ Папою, могъ теперь отмстить Лудовику за его привязанность къ Риму, и въ самомъ дѣлѣ, соединившись съ своимъ тестемъ, Генрихомъ I, Англійскимъ, напалъ съ двухъ сторонъ на Францію. Совѣтъ Амальриха Монфорскаго пригодился теперь Лудовику VI, какъ нельзя лучше. Вся Франція возстала теперь въ первый разъ за своего Короля, и устрешенный Императоръ безъ всякаго успѣха удалился въ отечество. Лудовикъ VI наградилъ монастырь Св. Діонисія, изъ чего можно заключить, что аб. Сугерій много содѣйствовалъ Королю въ этой войнѣ, какъ войскомъ, такъ и деньгами. Послѣ окончанія войны Лудовика съ Императоромъ, Сугерій снова отправился въ Римъ, гдѣ его, вѣроятно, ожидало кардинальство (стр. 63). Но въ Луккѣ еще узнавъ о смерти Папы, Сугерій воротился чрезъ Майнцъ, гдѣ подписалъ вмѣстѣ съ другими избраніе Лотаря Саксонскаго въ Императоры. Прибывъ во Францію, Сугерій имѣлъ еще разъ случай оказать услугу Лудовику въ войнѣ его съ Вильгельмомъ Овернскимъ, который поссорился съ Клермонскимъ епископомъ. Эта война имѣла результатомъ подчиненіе южной Франціи вліянію Капетинговъ. Въ послѣднихъ двухъ событіяхъ, въ войнѣ Лудовика VI съ Императоромъ и въ вмѣшательствѣ его въ дѣла Франціи за Луарою, мы видимъ участіе Сугерія. Конечно, это показываетъ, что аббатъ содѣйствовалъ Королю въ приведеніи къ исполненію его плановъ; но можно ли за одно только это содѣйствіе, которое Сугерій, конечно, раздѣлялъ

вмѣстѣ съ другими королевскими вассалами, защищавшими дѣло Лудовика, назвать исключительно Сугерія первымъ основателемъ монархической власти во Франціи, какъ это принимаетъ на себя доказать Г. Грановскій въ самомъ началѣ своего разсужденія?

Но Г. Грановскій не только не оправдываетъ своего положенія относительно вліянія Сугерія на утвержденіе монархіи, но даже отнимаетъ у него и то, что до сихъ поръ другими приписывалось Сугерію и могло бы, по справедливости, оправдать его титулъ основателя монархической власти. Большая часть новѣйшихъ ученыхъ, какъ Мишле, справедливо полагаютъ основаніе общинъ главною опорою монархій. Король, освобождая города отъ вассаловъ, находилъ въ первыхъ союзниковъ противъ послѣднихъ. Съ этимъ положеніемъ новѣйшихъ ученыхъ совершенно соглашается и Г. Грановскій (стр. 68). До сихъ поръ полагали, что Сугерій былъ именно тѣмъ государственнымъ мужемъ, который всѣми мѣрами поддерживалъ общины противъ вассаловъ, и побуждалъ къ этому самого Короля. Г. Грановскій отнимаетъ честь этого геніальнаго плана у Сугерія, и говоритъ (стр. 76): «изъ жизни Лудовика Толстаго видно, что авторъ (Сугерій) *не любитъ* общинъ и какъ бы не считаетъ нужнымъ говорить о нихъ.» Къ сожалѣнію, Г. Грановскій не цитуетъ ни одного мѣста изъ словъ Сугерія, которое бы прямо подтверждало вышесказанное мнѣніе. Спрашивается: почему Сугерій не любилъ общинъ? «Понятно, отвѣчаетъ Г. Грановскій (стр. 77), аббатъ Св. «Діонисія не благоволилъ къ общинѣ: онъ былъ по преимуществу мужъ порядка, строгій блюститель государственнаго единства.» Въ этомъ произвольномъ объясненіи причинъ ненависти Сугерія къ общинамъ нашъ авторъ противорѣчитъ даже самому себѣ: принимая теперь общины, какъ за нѣчто враждебное единству государства, а слѣд. и монархіи, выше (стр. 69), онъ признаетъ справедливость Мишле и его мнѣнія, что во Франціи общины основали монархію. Если Г. Грановскій послѣднее принимаетъ за истину, то какъ, не противорѣча себѣ, онъ можетъ думать, что общины вредили монархіи? Или, быть можетъ, Су-

герій не понималъ значенія общинъ? Въ такомъ случаѣ, напрасно утверждаетъ Г. Грановскій (стр. 139), что, «особенность Сугеріева ума и характера заключалась въ необычайной простотѣ и ясности. Онъ принадлежалъ къ числу рѣдкихъ людей, которые *знаютъ хорошо, чего хотятъ*, которые отдали себѣ полный отчетъ въ своихъ вѣдѣніяхъ и намѣреніяхъ. Благо тому, кто соединилъ въ себѣ такую ясность пониманія съ высокимъ нравственнымъ убѣжденіемъ, безъ котораго нѣтъ прочной исторической заслуги.» Но, быть можетъ, Сугерій хорошо понималъ значеніе общинъ, какъ опору монархіи, но только не хотѣлъ содѣйствовать послѣдней? Этимъ не можетъ никакъ защищаться тотъ, кто принялъ за точку исхода, что Сугерій былъ истиннымъ основателемъ монархической власти во Франціи. Впрочемъ Г. Грановскій, повидимому, самъ не вполне убѣжденъ въ томъ, что Сугерій не поддерживалъ общинъ, и мы на стр. 78 читаемъ: «изъ этого (нелюбви городовъ) не слѣдуетъ, что Сугерій былъ врагъ городовъ вообще.» Конечно, тотъ, кто надѣется въ разсужденіи Г. Грановскаго найти рѣшеніе вопроса объ отношеніяхъ Сугерія къ общинамъ, придетъ въ большое затрудненіе, прочтя два мнѣнія одного и того же автора, но совершенно различныя: «Сугерій не любилъ общинъ», и «Сугерій не былъ врагомъ ихъ вообще.» Между тѣмъ Г. Грановскій въ этомъ же разсужденіи, только ниже (стр. 123), самъ приводитъ доказательства противъ себя, и убѣждаетъ насъ въ томъ, что Сугерій не хуже Лудовика VI понималъ значеніе общинъ и содѣйствовалъ имъ. Во время отсутствія Лудовика VII въ крестовомъ походѣ управленіе государствомъ было поручено Сугерію; по свидѣтельству Вильгельма (Willh. V. Sug. 108 и 109), «жители отдаленныхъ областей королевства: Лимузина, Берри, Пуату и Гасконіи въ нуждахъ своихъ прибѣгали къ Сугерію за пособіемъ. Онъ помогалъ имъ иногда дѣломъ, иногда совѣтомъ, не менше сего Доралл.» Изъ предъидущихъ словъ Вильгельма видно, что эти «нужды» происходили отъ притѣсненія городовъ сильными вассалами. Такъ какъ Г. Грановскій не рѣшаетъ вопроса объ отношеніи Сугерія къ общинамъ, то мы

и позволяемъ себѣ остаться при старомъ мнѣніи, что Сугерій имѣ всегда покровительствовалъ, и что въ этомъ состоитъ главная его услуга монархіи.

Слѣдующія 16 страницъ (78—94) представляютъ намъ большой эпизодъ царствованія Лудовика VI, гдѣ описывается его дѣло во Фландріи, по поводу умерщвленія Фландрскаго Графа, Карла Добраго. Лудовикъ VI хотѣлъ теперь возвести на престолъ Вильгельма Клинтонна, племянника и соперника Генриха I, Англійскаго. Хотя Вильгельмъ и получилъ графство, но война Лудовика съ Генрихомъ, который понималъ политику Французскаго Короля, дала возможность Фландріи возстать, и Вильгельмъ бѣжалъ къ Лудовику. Въ новой войнѣ Вильгельмъ былъ убитъ, и Генрихъ I овладѣлъ Фландріею. Впрочемъ это Фландрское дѣло такъ общеизвѣстно изъ историческихъ руководствъ, что повторять его съ подробностями на 16 страницахъ, въ сочиненіи спеціальному, можетъ многимъ показаться совершенно излишнимъ.

Если мы до сихъ поръ нигдѣ не видѣли Сугерія главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, даже рѣдко и второстепеннымъ, на поприщѣ утвержденія монархической власти во Франціи, какъ это обещался намъ доказать Г. Грановскій въ своемъ введеніи, то слѣдующія обстоятельства, изложенныя въ разсужденіи, даже покажутъ намъ, что Сугерій видѣсто того, чтобы понять всю важность своего значенія, по званію аббата знаменитѣйшаго изъ монастырей, предался роскоши и разсѣянной жизни. «Аббатъ, говоритъ Г. Грановскій (стр. 94), любилъ великолѣпіе, держалъ княжескую свиту и не чуждался мірскихъ забавъ. Въ сопровожденіи Амальриха Монфорскаго и другихъ знатныхъ сосѣдей, онъ проводилъ цѣлыя недѣли на охотѣ, которой добыча дѣлилась между больными братьями, бѣдными и ленниками монастырскими. Озирая съ вершины своего могущества путь, пройденный имъ со дня, когда отецъ его, Гелинандъ, принесъ его бѣднаго и хилаго ребенка въ даръ Св. Діонисію, Сугерій вѣроятно не разъ увлекся естественнымъ чувствомъ гордости и заслужилъ не одинъ справедливыи упрекъ.» Въ это время является новое дѣйстви-

ющее лице, которое заняло первое мѣсто не только въ дѣлахъ Франціи, но и на всемъ западѣ Европы. Это былъ Св. Бернардъ Клервальскій. »Онъ не занималъ высокихъ должностей, говоритъ Г. Грановскій, не хотѣлъ быть ни епископомъ, ни кардиналомъ, но никто не имѣлъ такого вліянія на дѣла западной Церкви и не говорилъ такимъ языкомъ съ Папами и Государями« (стр. 99). Различіе между Бернардомъ и Сугеріемъ доходило до противоположности: они расходились, какъ по образу жизни, такъ и по политикѣ. Св. Бернардъ съ строгою и суровою жизнью соединялъ привязанность къ феодализму. Въ слѣдствіе такой противоположности, аббатъ Клервальскій, по словамъ Г. Грановскаго (стр. 100), не могъ высоко цѣнить политическую дѣятельность Сугерія, хотя питалъ къ нему личное уваженіе и пріязнь. Не показано, откуда авторъ заключаетъ въ особенности о послѣднемъ. Повидимому, Бернардъ всего менѣе могъ имѣть личнаго уваженія къ Сугерію, различаясь съ нимъ образомъ жизни; въ самомъ дѣлѣ, въ письмѣ Бернарда къ Сугерію, которое приводится Г. Грановскимъ, ясно показано все неуваженіе Бернарда къ лицу Сугерія: »хотя я желалъ отъ тебя объ этомъ услышать (о перемѣнѣ жизни), но, сознаюсь, не надѣялся (non tamen sperabam). Ер. 78.

Въ 1129 г. (стр. 105) Лудовикъ VI, по обычаю предшественниковъ, вѣнчалъ на царство своего сына Филиппа, но этотъ умеръ отъ ушиба по паденіи съ лошади. »Сугерій« (стр. 107) посовѣтовалъ теперь Лудовику почти тоже, что въ 1108 при сходныхъ обстоятельствахъ совѣтовалъ Ивоу »Шартрскій.« Лудовикъ VII былъ немедленно коронованъ Иннокентіемъ. Лудовикъ VI думалъ даже постричься въ монастырь, но два весьма важныхъ обстоятельства удержали его отъ такого намѣренія. Въ это время скончался Генрихъ I, постоянный соперникъ Лудовика VI, и два претендента, Стефанъ Блуасскій и Генрихъ Авжуйскій, какъ родственники, объявили свои права на престолъ Англіи. Лудовикъ VI поддерживалъ Стефана. Кромѣ того теперь скончался Вильгельмъ Аквитанскій, и Лудовикъ VI, женивъ своего сына на Элеонорѣ, его дочери, подчинилъ еще бѣль-

шему влиянію Капетинговъ всю южную Францію. Вильгельмъ, умирая, оставилъ завѣщаніе, въ которомъ опредѣлялось, съ согласія бароновъ, выдать замужъ Элеонору за наследника Французскаго престола. Такимъ образомъ и это важное событіе, имѣвшее рѣшительное влияніе на судьбу всей Франціи, вышло опять не отъ Сугерія. При этомъ случаѣ замѣтимъ странное противорѣчіе, въ которое впадаетъ нашъ авторъ, говоря объ этомъ завѣщаніи. На стр. 108, внизу, мы читаемъ: »не смотря на свидѣтельство *Сугерія и другихъ лѣтописцевъ*, можно усомниться въ подлинности этого духовнаго завѣщанія;» а на слѣдующей страницѣ, въ прим. 188, сказано: »*ми Сугерій, ми другіе лѣтописцы*, говорящіе о бракѣ Лудовика VII, не упоминаютъ о писанномъ завѣщаніи.« Во время заключенія этого брака Лудовикъ VI скончался 1-го Августа 1137 г., и съ его смертію оканчивается и сочиненіе Сугерія, важнѣйшій источникъ для исторіи этого времени.

До сихъ поръ въ разбираемомъ нами разсужденіи мы не видѣли оправданія той мысли автора, что Сугерія должно считать основателемъ, и притомъ первымъ, монархической власти во Франціи. Слѣдя за изложеніемъ всего историческаго изслѣдованія Г. Грановскаго, мы нашли, что въ послѣднее время царствованія Филиппа I, Сугерій вовсе и не былъ при Дворѣ, между тѣмъ Филиппъ I своею недѣлательностью въ отношеніи крестовыхъ походовъ показалъ ясно, что онъ уже до Сугерія ясно понималъ настоящее положеніе своей власти, и предпочиталъ громкимъ крестовымъ походамъ мелкія, повидимому, войны съ непокорными вассалами. Даже мы видѣли и то, какъ онъ удачно воспользовался несчастіями первыхъ крестоносцевъ. Ивонъ Шартрскій первый подаль мысль о необходимости короновать наследника при жизни отца, слѣдовательно и въ этомъ отношеніи Сугерій не является намъ основателемъ монархической власти во Франціи. Въ первое время правленія Лудовика VI Сугерій по прежнему не являлся ко Двору, и мысль о собраніи національнаго войска изъ простаго народа (т. е. не-феодалнаго), которое спасло монархическую власть, и потому составляетъ и по мнѣнію Г. Грановскаго,

какъ мы уже видѣли, важнѣйшее событіе въ исторіи образованія монархической власти во Франціи, — эта мысль также не принадлежала Сугерію: ее подалъ Амалрихъ Монфорскій. Далѣе, учрежденіе общинъ, которое по справедливости считается однимъ изъ прочнѣйшихъ основаній Французской монархіи, по мнѣнію Г. Грановскаго, не нашло себѣ покровителя въ Сугеріѣ. Въ послѣдніе годы царствованія Лудовика VI Сугерій предался жизни роскошной, мало заботясь о важности своего званія, и далеко уступалъ по своему вліянію на политику Бернарду Клервальскому, защитнику феодализма.

Теперь умираетъ Лудовикъ VI, и мы ожидаемъ, что вотъ наконецъ Сугерій займетъ первое мѣсто при своемъ воспитаникѣ, и положить то прочное основаніе монархической власти, какъ это было выставлено Г. Грановскимъ въ введеніи. Но вмѣсто всего этого мы читаемъ въ дальнѣйшихъ розысканіяхъ нашего автора совершенно противное: (стр. 111) «ходъ, принятый событіями, (при Лудовикѣ VII) показываетъ, что дѣйствительное вліяніе Сугерія на дѣла было далеко не такъ значительно, какъ прежде» (хотя впрочемъ мы должны сознаться, что пока нигдѣ не видали этого прежняго значенія Сугерія), и обнаруживалось только въ немногихъ случаяхъ.»

Дѣйствительно, все царствованіе Лудовика VII служитъ подтвержденіемъ этихъ словъ. Дѣло съ Иннокентіемъ II (стр. 112), гдѣ Лудовикъ VII одинъ разъ оставался вѣрнымъ политикѣ отца и поддерживалъ права монарха противъ притязаній духовенства, вовсе не происходило отъ Сугерія; самъ Г. Грановскій соглашается (стр. 114), что «изъ словъ Бернарда можно заключить, что не аббатъ Св. Діонисія пользовался главнымъ вліяніемъ на Короля, и что «правление государствомъ перешло въ другія руки.» Далѣе прибавляетъ намъ авторъ: «многочисленные и разнообразныя труды, совершенныя Сугеріемъ въ первые годы царствованія Лудовика VII, показываютъ въ свою очередь, что у него (т. е. у Сугерія) было много свободнаго времени, и что государственныя дѣла перестали быть его главною заботою.» Впрочемъ мы опять замѣтимъ, что мы пока

не видали, когда государственными дѣлами были главною заботою Сугерія.

Крестовый походъ, предпринятый Лудовикомъ VII, по настоянію Бернарда (стр. 117) и противъ убѣжденія Сугерія (стр. 121), ясно показываетъ всю незначительность вліянія послѣдняго. То обстоятельство, что Бернардъ (стр. 119) указываетъ на Сугерія, какъ на лучшаго намѣстника во время отсутствія Короля, можетъ даже подать поводъ думать, что Бернардъ успѣлъ измѣнить политическія убѣжденія Сугерія, какъ онъ прежде измѣнилъ нравственныя. Въ самомъ дѣлѣ, въ концѣ своей жизни (стр. 136), Сугерій не только не возставалъ противъ крестовыхъ походовъ, но даже самъ начиналъ ихъ проповѣдывать, и ревность его дошла до того, что онъ имѣлъ даже намѣреніе принять въ немъ личное участіе. Въ дѣлѣ развода Короля съ Элеонорою, мы видимъ опять отсутствіе всякаго вліянія со стороны Сугерія: (стр. 132) «по совѣту Бернарда, аббата Клервальскаго, Король, Лудовикъ, развелся съ супругою своею «Элеонорою,» говоритъ древній памятникъ, приведенный Д. Мартеномъ.

«Съ возвращеніемъ Лудовика VII, по словамъ Г. Грановскаго (стр. 133), оканчивается «собственно политическая» дѣятельность Сугерія.»

Онъ умеръ 13 Января 1152 года.

Послѣ сдѣланнаго нами подробнаго разбора всего разсужденія Г. Грановскаго, мы будемъ въ состояніи указать на истинное его значеніе въ нашей исторической литературѣ, не прибѣгая въ этомъ случаѣ ни къ порицанію, ни къ похвалѣ, какъ это обыкновенно дѣлается. Наше дѣло было разобрать разсужденіе, т. е. отыскать его основную мысль и отдать отчетъ въ томъ, какъ эта основная мысль осуществляется всѣмъ разсужденіемъ автора. Послѣ этого каждый читатель, имѣя свою точку зрѣнія на науку, можетъ легко судить по своему о разобранномъ нами разсужденіи. Что касается до насъ, то мы въ разсужденіи Г. Грановскаго видимъ на примѣръ подтвержденіе высказанныхъ уже нами убѣжденій о научныхъ занятіяхъ. Заботясь о томъ, чтобы разсужденіе принесло какъ можно болѣе

непосредственной пользы обществу, авторъ справедливо боялся специальности, столь необходимой въ ученыхъ изслѣдованіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ; въ разсужденіи Г. Грановскаго специально одно только заглавіе; но само разсужденіе представляетъ намъ собою полный и прекрасно изложенный, въ отношеніи литературномъ, отрывокъ изъ исторіи Франціи при первыхъ Капетингахъ. Изъ 140 страницъ всего разсужденія едва ли 40 относятся лично къ Сугерію. Нельзя не предвидѣть, какое должно было выйдти слѣдствіе изъ стремленія автора сохранить вмѣстѣ и характеръ ученяго, и сдѣлать свое разсужденіе общедоступнымъ. Положивъ себѣ цѣлью опредѣлить отношенія Сугерія къ основанію монархической власти во Франціи и показать, что Сугерій былъ первымъ ея основателемъ, авторъ, потерявъ характеръ специальности, никакъ не могъ достигнуть своей цѣли, и даже всѣмъ своимъ разсужденіемъ постоянно опровергалъ свои основныя положенія. Такія цѣли могли быть достигнуты въ истинно ученомъ, критическомъ, специальномъ сочиненіи. Такимъ образомъ, вотъ краткое заключеніе о разобранномъ нами сочиненіи Г. Грановскаго: если не имѣть въ виду тѣхъ требованій, которыя дѣлаетъ наука на специальныя, ученыя сочиненія, и не обращать вниманія на то, что авторъ своимъ разсужденіемъ имѣетъ въ виду доказать, что Сугерій былъ первымъ основателемъ монархіи во Франціи, а на самомъ дѣлѣ этого не доказываетъ, а пишетъ только исторію Франціи при первыхъ Капетингахъ: то, безъ сомнѣнія, разсужденіе Г. Грановскаго займетъ одно изъ почетныхъ мѣстъ въ нашей повѣствовательной литературѣ, тѣмъ болѣе, что оно и само имѣло цѣлью (стр. IV) «быть предложено на судъ Русскихъ читателей», а не однихъ ученыхъ.

Машстръ освободивъ исторію

М. Стасюлевичъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

7. *О состояніи женщинъ въ Россіи до Петра Великаго, историческое изслѣдованіе Виталія Шульгина.* - Кіевъ. Въ типографіи Вальнера. 1850, въ 8-ку, с. XXVII, и 166 с.

Прекрасная книга, на которую смѣло обращаемъ вниманіе читателей Москвитянина.

Въ предисловіи, очень умно, складно и красиво написанномъ, авторъ разсуждаетъ о женщинѣ вообще, ея семейномъ и общественномъ значеніи въ жизни человѣческихъ обществъ, обозрѣваетъ кратко исторію съ этой стороны до послѣдняго времени, и наконецъ переходитъ къ женщинѣ Русской. Вопросъ свой опредѣляетъ онъ такъ: прослѣдить подробно во всѣ періоды семейное и общественное положеніе женщины, ея права, обязанности, значеніе въ семействѣ и обществѣ, ея вліяніе на современниковъ. За симъ обозрѣваетъ онъ наши источники, (лѣтописи, записки, пѣсни, сказанія иностранцевъ, памятники законодательства), жалуюсь на ихъ скудость.

Эти жалобы стали у насъ уже общими мѣстами, и ихъ пора прекратить. Какъ источники ни скудны, но труда, остроумію, чутью, пріобрѣтенному временемъ, можно получить достаточное понятіе обо всѣхъ вопросахъ историческаго любопытства.

Въ числѣ источниковъ авторъ напрасно обращаетъ мало вниманія на житія: смѣло скажемъ, что это главный источникъ для его предмета, или по крайней мѣрѣ одинъ изъ главныхъ.

Предложенное начало своего труда авторъ ограничиваетъ св. Ольгою, и потому мы не станемъ говорить о главныхъ видоизмѣненіяхъ женской судьбы въ продолженіи нашей исторіи, кои представилъ онъ на концѣ предисловія, не станемъ говорить потому, что онъ самъ, войдя въ подробности, можетъ быть измѣнить свое мнѣніе, а ограничимся періодомъ того времени, которое онъ изслѣдуетъ подробно.

Прежде нежели приступимъ къ рецензій, скажемъ нѣсколько словъ вообще объ этомъ періодѣ, о которомъ у большинства все еще не уяснились понятія, хотя и уяснились въ наукѣ.

Въ этомъ періодѣ жило у насъ два племени: туземцы, Славяне, и пришельцы, Норманны или Русь.

Эти племена были совершенно различны по языку, вѣрованіямъ, понятіямъ о правѣ, образу жизни, характеру.

Они дѣйствовали порознь, и сферы дѣйствія были совершенно различныя.

Это Ока и Волга, кои, по соединеніи, текутъ еще долго только рядомъ, не сливая своихъ водъ.

Черезъ много времени два племени, Славяне и Норманны, составили одинъ народъ — лѣтъ черезъ двѣсти и болѣе. Долговременное общеніе, смѣшеніе крови, относительное количество, а всего болѣе Христіанство, принятое обѣими племенами, содѣйствовало происхожденію одного народа изъ двухъ племенъ.

Соединять эти два племени въ первомъ періодѣ, пока это соединеніе не произошло въ природѣ, говорить объ нихъ безъ строгаго различенія — подаетъ поводъ ко многимъ заблужденіямъ, ошибкамъ, недоразуменіямъ, затрудненіямъ, — а у насъ все таки смѣшиваются они и Мифологами, и Юристами!

О женщинахъ однѣ свидѣтельства принадлежать Славянамъ, другія Руси или Норманнамъ. Несторово свидѣтельство принадлежитъ *Славянскимъ* женщинамъ.

Свидѣтельство Ибн-фоцлана, исторія Ольги, Рогнѣды, Ингигерды, принадлежать къ женщинамъ *Русскимъ*, Норманскимъ.

Ихъ надо исследовать *совершенно* порознь; а въ чемъ онѣ сходятся, (какъ сходятся у Норманновъ и Славянъ нѣкоторыя понятія о вѣрѣ и правѣ), то надо показать въ дополненіяхъ или заключеніяхъ.

Обращаемся къ почтенному труду Г. Шульгина.

Въ главѣ 1, о состояніи женщинъ въ языческой Руси, авторъ предлагаетъ свидѣтельство Нестора, и сравнивая подробно «не многія слова его съ свидѣтельствами Козьмы о Чехахъ, Бонифація, св. Оттона и Гельмольда о Поморанахъ, Мартина Галла, Дитмара и Адама Бременскаго о Полякахъ, — сравнивая ихъ съ дошедшими до насъ отрывками древнихъ юридическихъ памятниковъ о Болгарахъ и Моравлахъ, заключаетъ, «что нельзя не замѣтить обще-Славянскаго типа въ характерѣ всѣхъ этихъ народовъ.» Все это основательно, занимательно, прекрасно.

С. 4. Древнѣйшею формою брачнаго союза, которую смотря съ нашей точки зрѣнія, можно пожалуй назвать отсутствіемъ брака, было общеніе женъ (*coniubia communia*, брака у нихъ не бываше); при которомъ можно было по словамъ пѣсни: «въ чистомъ полѣ жениться, вокругъ ряктова куста вѣчаться,» и которое соединяло было съ религиозными празднествами. Впослѣдствіи, когда явственно, опредѣлить нельзя, но вѣроятно не у всѣхъ Славянскихъ коленъ и народовъ одновременно, развились двѣ другія формы брака: многоженство и послѣдовательно смѣнявшіяся, временныя супружества; первое было господствующимъ у родовъ владѣтельныхъ, — вторыя въ простомъ народѣ не имѣвшемъ матеріальныхъ средствъ содержать нѣсколько женъ.

Объяснивъ очень хорошо и критически-остроумно отлечіе Полянъ, восхваленныхъ Несторомъ, авторъ говоритъ:

Норманскіе владыки въ ихъ дружинники, многоженцы у себя на родинѣ, удержали ту же форму брачнаго союза и при сліянніи съ Славянами въ одинъ народъ Русскій. Кромѣ женъ, которыхъ число было ограничено они содержали наложницъ.

И объясняетъ сказаніе Ибн-Фоцлана, примѣрами Святослава (у автора опечатка: Ярослав) Ярополка и Владимира. *Нѣтъ. Норманны не удержали обычая Славянскаго, а жили по своему, какъ и Славяне по своему, но сходно.*

Разобравъ положительныя свидѣтельства авторъ переходитъ къ обрядамъ, и благообразно, основательно, говоритъ:

С. 9. 1. Мы можемъ пользоваться только обрядами, посвященными и подтверждающими извѣстія древнихъ памятниковъ, историческая подлинность которыхъ болѣе или менѣе доказана. 2. Изъ этихъ обрядовъ и нѣсень мы можемъ объяснить духъ, характеръ древней народной жизни, но брать изъ нихъ обычаи, какъ положительные факты и данныя, безусловнаго права не имѣемъ; наконецъ 3. мы согласны тѣ современные обычаи признать за стародавніе, которымъ по крайней мѣрѣ, не противорѣчатъ памятники волежительно древніе, хотя объ нихъ и не упоминаютъ.

Вотъ изслѣдователь умный, осторожный! Ясно, что дѣло свое обдумывалъ, а не передаетъ первое впечатлѣніе, первое понятіе.

На этомъ основаніи онъ представляетъ комментарий къ Несторову вышеспредложенному свидѣтельству изъ обрядовъ, который мы выпишемъ, чтобъ познакомить кстати и съ образомъ изложенія Г. Шульгина:

Несторъ въ своемъ сказаніи о брачныхъ обычаяхъ различаетъ два образа заключенія браковъ: образъ веденія женъ, или привода невесты къ жениху у Полянъ, и умычку женъ на бѣсовскихъ игрищахъ, или похищеніе дѣвушекъ, проходившее во время какихъ-то языческихъ празднествъ у прочихъ колѣнъ Славянскихъ. Уже одно относительное несовершенство этихъ способовъ заключенія брачнаго союза можетъ аргію убѣдить насъ въ томъ, что умычка гораздо древнѣе веденія женъ. Самъ Несторъ, называя веденіе женъ бракомъ, а умычку отсутствіемъ брачныхъ обычаевъ и не упоминая объ умычкѣ въ дальнѣйшихъ разсказахъ, а всадѣ, при заключеніи браковъ, употребляя терминъ *вести жсмю*, тѣмъ самымъ указываетъ на относительную древность этихъ фактовъ. Независимо отъ этого разсмотрѣте всѣ древнѣйшіе памятники суда церковнаго, и увидите въ нихъ умычку въ числѣ главнѣйшихъ языческихъ обычаевъ, которые старалась искоренить Христіанская церковь; прочитайте дошедшія до насъ посланія митрополитовъ Іоанна, Фотія, Симона, Макарія и игумена Элеазарова монастыря противъ остатковъ поганства въ народѣ, и вы убѣдитесь, какъ трудно было духовенству, даже въ XVI вѣкѣ, истребить этотъ укорененный вѣками общенародный обычай дѣвохищенія, который всегда яляется въ соединеніи съ остатками языческихъ празднествъ и которымъ Снегиревъ объясняетъ донынѣ сохранившееся выраженіе *красть свадьбу*. Его мы встрѣчаемъ и въ XVII вѣкѣ: Бопланъ описываетъ похищеніе дѣвушекъ, какъ одинъ изъ брачныхъ обычаевъ, господствовавшихъ на Украйнѣ еще въ его время. Наконецъ еще недавно въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Витобской губерніи (земли древнихъ Кривичей) а именно въ Люцинскомъ, Дивбургскомъ и Рѣжницкомъ, такое похищеніе было въ употребленіи между

раскольниками. Здѣсь молодой парень во время масляницы, условившись съ дѣвушкою (съ ней же кто свѣщася), уходилъ съ нею съ ярмаша, сажалъ ее на сани и отправлялся въ лѣсъ, объѣзжалъ тамъ три раза около заветнаго дуба, или священнаго озера (въ Люцинскомъ уѣздѣ), и тѣмъ оканчивалось совершеніе брака. Мужъ жилъ съ похищеною неопредѣленное время и могъ въ одинъ годъ жениться нѣсколько разъ. Живые отголоски похищенія невѣсты сохранились въ нашихъ свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ: они подтверждаютъ и объясняютъ слова лѣтописца. Вотъ на примѣръ хороводная пѣсня, которая поется въ Семикѣ, и въ которой нельзя не замѣтить слѣдовъ Несторовой умычки и свѣщанія:

Стояло тутъ косово дерево,
 Лели, лели, лели!
 Въ томъ деревцѣ тыночкѣ стоитъ,
 Лели, лели, лели!
 Въ томъ тыночкѣ бесѣда сидитъ,
 Лели, лели, лели!
 Въ той бесѣдѣ пляшутъ дѣвицы,
 Лели, лели, лели!
 Мимо тутъ ѣхалъ удалъ молодецъ;
 Лели, лели, лели!
 Снявши шапочку, онъ дѣвкѣ челомъ;
 Лели, лели, лели!
 Слезши съ коня, онъ руку подаетъ.
 Лели, лели, лели!
 Дѣвка ему поклонилась,
 Лели, лели, лели!
 Красна ему руку подала.
 Лели, лели, лели!
 Взавши съ тыночка, за руку повелъ,
 Лели, лели, лели!
 За руку повелъ подъ златъ вѣнецъ
 Лели, лели, лели!

Совершенно въ томъ же духѣ рассказываетъ былина о бракѣ Добрыни съ Маринкою:

Они въ чистомъ полѣ женилися,
 Вкругъ ракитова куста вѣнчалися.

Въ Олонецкой губерніи, по совершеніи вѣнчанія, провождаютъ ново-бракную къ жениху. Невѣсту моютъ, иногда бѣлятъ и румянятъ, за тѣмъ передѣваютъ ее въ платье молодницы и выводятъ съ покрытою фатою. Свять, ударивъ три раза накрестъ по столу новой плетью, чтобы отогнать всякія чары, говоритъ: какова-то наша добыча? и концемъ кнутовища сбрасываетъ съ невѣсты фату. Всѣ кричатъ; молода и хороша! Не упомывая о множествѣ другихъ пѣсней и обрядовъ, въ которыхъ чувствуется тотъ же отголосокъ Несторовыхъ словъ объ умычкѣ, мы можемъ видѣть слѣды ея въ тѣхъ симво-

лическихъ обрядахъ, въ которыхъ родные невѣсты словно защищаютъ свой домъ отъ вторженіе родныхъ, сватовъ и поѣзжанъ жениха. Обряды эти употребляются или предъ поѣздомъ въ церковь, или предъ веденіемъ молодыхъ въ опочивальню.»

За симъ авторъ обозрѣваетъ прочія Славянскія племена, и приводитъ отъ нихъ примѣры похищенія невѣстъ, и заключаетъ (с. 15):

«Все это убѣждаетъ насъ, что умычка была первымъ общеславянскимъ способомъ заключенія браковъ. Самъ по себѣ въ высшей степени грубый и несовершеннобразный бракъ посредствомъ умычки былъ, быть можетъ, естественнымъ переходнымъ шагомъ отъ общенія жень, совершавшагося въ видѣ вакхавалій на религиозныхъ языческихъ празднествахъ, къ нѣсколько опредѣленному браку.

«Болѣе совершенный обычай веденія жень мы встрѣчаемъ только у Полянъ, колѣна особенно любимаго Несторомъ, который и на прошлую жизнь его смотреть глазами своего времени и потому въ глубокой древности видимъ у него образъ бракосочетанія, который могъ перейти изъ Греціи вмѣстѣ съ водвореніемъ Христіанства. Но это веденіе жень, перейдя, въ сдѣлствіе особенныхъ благоприятныхъ обстоятельствъ, къ Полянамъ равнѣе, чѣмъ къ прочимъ Славянскимъ колѣнамъ, сначала было образомъ совершенія браковъ у Князей, бояръ и дружинниковъ, а потомъ сдѣлалось господствующимъ вездѣ и вытѣснило древнѣйшій бракъ посредствомъ похищенія. Впрочемъ умычка, какъ коренной общеславянскій обычай, долго еще хранилась въ нравахъ народа, сначала какъ дѣйствительность, какъ фактъ, а потомъ какъ обрядъ, форма безъ дѣйствительнаго содержанія. Въ такомъ видѣ онъ сохранился и до нынѣ. Замѣчательно, что, хотя въ основаніи нашихъ теперешнихъ свадебныхъ обрядовъ преобладаетъ обычай веденія жень; но обстановки свадебныхъ поѣздовъ все еще напоминаютъ умычку.

«Въ изслѣдованіи о значеніи женщины безусловно важенъ вопросъ о томъ, заключается ли брачный союзъ посредствомъ торга, т. е. продажи невѣсты отцомъ и покупка ея женихомъ, или же напротивъ посредствомъ приданнаго, даваемого отцомъ за дочерью, при переходѣ ея въ семейство мужа? Продажа и покупка жены уничтожаетъ личность женщины, обращая ее въ предметъ торга, въ простую вещь; приданное напротивъ возвышаетъ женщину: оно даетъ ей, какъ лицу, право владѣть вещью, становится личностію женщины, выраженною во вѣншемъ мірѣ:

«Могла ли существовать покупка и приданное при похищеніи женщины? Отвѣтъ на это очевиденъ: и покупка и приданное предполагаютъ во всякомъ случаѣ договоръ жениха съ родителями и родственниками невѣсты; а похищеніе, какъ дѣйствіе насилія, пока оно было не простымъ обрядомъ, а дѣйствительностію, исключаетъ всякій договоръ съ тѣми, во владѣніи которыхъ, или подъ властію которыхъ была дѣвушка. Но съ другой сторо-

ны, если при обычаѣ умычки, родители были лицами пассивными, то имѣло ли похищеніе характеръ насилія, навязаннаго отъ похитателя похищаемой, или происходило добровольно съ ея согласіемъ? — На этотъ вопросъ даетъ намъ гѣтописецъ ясный отвѣтъ: умыкаху жены себѣ *се мѡю же кто свѣщаеша*. Въ этихъ словахъ Нестора довольно положительно высказывается взаимное соглашеніе умыкателя съ умыкаемою. Карамзинъ очень вѣрно объясняетъ изъ нихъ слово: свадьба (совѣщаніе).»

Потомъ авторъ приступаетъ къ рѣшенію вопроса: существовала ли на Руси покупка невѣсть, когда бракъ совершался въ формѣ веденія женъ, или это веденіе сопровождалось приданымъ?

Здѣсь онъ смѣшиваетъ свидѣтельство Нестора о Славянахъ и Руси.

Нехожаше женихъ по невѣсту, но приводяху вечеръ, а завтра приношаху, что поней вѣдуче, — т. е. приданое по его мнѣнію, — это было у *Славнѣ*.

А Владимиръ (женясь на Аннѣ) вѣдсть за вѣно Грекомъ Корсунъ царицы дѣля, а Казимиръ, женясь на сестрѣ Ярославовой, вѣдсть за вѣно людіе 800 — это по моему *Норманскій* обычай, (и объ нихъ *только* и было *говорено* въ моихъ Исслѣдованіяхъ, а потому напрасно авторъ причисляетъ меня къ тѣмъ, которые слыхали, *объясняли* эти обычай (Славянскій) одинъ другимъ (Норманскимъ).

Совершенно согласно съ моимъ мнѣніемъ самъ авторъ говорить:

С 19. Приданое и вѣно отличаютъ бракъ Славянскій отъ брака по праву Скандинавскому, въ которомъ *shudr*, или плата за жену была необходима для дѣйствительности брака, и въ которомъ съ мелочною подробностію опредѣлена даже цѣна женщины: самая низшая въ одну марку; дѣти, родившіяся отъ матери, за которую заплачено менѣе одной марки, не имѣли права наслѣдства. Такія понятія о бракѣ могли перейти отчасти и къ намъ съ Норманами; ими можно объяснить и вѣно, заплаченное Владимиромъ, и вѣно, принятое Ярославомъ.

Эти обычай не перешли къ намъ, а исполнялись у насъ самими приходшими Норманнами.

«Но, съ другой стороны, продолжаетъ авторъ, единствомъ всѣхъ слѣдовъ покупки видны въ свадебныхъ обрядахъ и вѣсяхъ престолародья: мы видимъ въ нихъ, что браки совершаются со всѣми формальностями дупли и

продажи; покупателями являются родственники жениха, или онъ самъ, продавцами невѣсты ея родители или родственники; видимо, что невѣста по-стоянно называется товаромъ, женихъ — купцемъ; невѣсты прежде заключенія брачнаго договора подвергаются смотринамъ, а женихи глядянамъ, при чемъ родители или сваты играютъ роль настоящихъ оцѣнщиковъ; далѣе видимъ рукобятъе, обрученъе, при чемъ отецъ обвертываетъ свою руку бѣлою ширинкою, беретъ за руку дочь и передаетъ ее жениху, который также принимаетъ ее рукою, обвернутою въ ширинку; наконецъ еще далѣе слѣды покупки открываемъ въ обрядахъ выкупа невѣстиной постели, выкупа мѣста подлѣ невѣсты у ея брата или родственника, выкупа и продаванья дѣвичьей косы.»

О обрядахъ авторъ разсуждаетъ вотъ какъ, согласно съ Г. Кавелинымъ: «Они представляютъ такой агрегатъ самыхъ разнородныхъ, разномѣстныхъ и разновременныхъ обычаевъ, что не только покупку невѣсты, но и какой угодно обычай можемъ мы подтвердить ими, если только забудемъ, что эти обычай и о бряды (современнаго простонародья) нужно сперва разобрать на группы и потомъ уже пользоваться ими для историческихъ изслѣдованій.»

И мы совершенно согласны съ нимъ, что должно съ большою осторожностію употреблять въ историческое дѣло эти источники.

Сообразя все, авторъ заключаетъ:

«Приданое является необходимою принадлежностію древне-Славянскихъ браковъ. Исконнымъ закономъ, обычаемъ, преданіемъ отцовскимъ поставилось въ необходимую обязанность рода и семья снабжать дѣвушку приданымъ, при выдачѣ ея въ чужую семью: оно было знакомъ, связывающимъ ее съ роднымъ домомъ. Но 2, приданое отнюдь не исключаетъ ни вознагражденія, даваемого женихомъ родственникамъ невѣсты, ни вѣна. Смотри на жену почти какъ на работницу, мужъ, особенно въ то время, время неравнѣвшей гражданственности, не увольнялся отъ обязанности вознаградить за пріобрѣтеніе работницы тому дому, который, съ выходомъ дѣвушки замужъ, терялъ въ ней также одного изъ домочадцевъ, раздѣлявшихъ трудъ семейный.»

Кончивъ изслѣдованіе, авторъ развертываетъ картину древняго Славянскаго быта, и для сравненія предлагаетъ выписку изъ новаго путешественника Мармье, который представилъ изображеніе нымѣшней Сербской жизни. Здѣсь мимоходомъ произноситъ онъ сужденіе, очень замѣчательное, которое мы и выпишемъ:

С. 36 Ошибаются тѣ изслѣдователи, которые, опираясь на родовомъ устройствѣ древнеславянскихъ колѣвъ, заключаютъ отсюда о какой-то маг-

ности, гуманности ихъ семейныхъ отношеній и представляютъ быть древнихъ Славянъ какимъ-то идеаломъ мирной, патриархальной жизни, проникнутымъ насквозь пасторальными добродѣтелями и чувствами семейной любви и уваженія.»

Это справедливо и нѣтъ: характеръ Славянскій, даже теперь, очевидно тихій и смиренный, даетъ намъ право заключать и о древности, что касается до главныхъ чертъ, а противорѣчащая жизнь нѣкоторыхъ племенъ на югѣ и западѣ достаточно объясняется ихъ мѣстными обстоятельствами, необходимостію безпрестанно защищаться или нападать. Не надо забывать, что нашъ обитатель равнины и Черногорецъ естественно должны отличаться между собой.

«Опредѣливъ характеръ брака въ языческой Руси, продолжаетъ авторъ, опредѣливъ характеръ того общества, въ которомъ поставлена была женщина, мы постараемся изобразить значеніе ея въ періодъ до-христіанскій,» — но мы оставимъ здѣсь рецензію, на самомъ замѣчательномъ мѣстѣ книги, и пригласимъ нашихъ читателей познакомиться съ нею, въ подлинникъ; она, повторяемъ, доставитъ имъ много и пользы и удовольствія. Это истинное обогащеніе литературы.

На оберткѣ, (коею Кіевъ перещеголялъ Москву) сказано: «все сочиненіе уже приготовлено къ печати, но, по независящимъ отъ автора обстоятельствамъ, будетъ выходить въ свѣтъ выпусками.» Искренно желаемъ, чтобъ новыя обстоятельства (успѣхъ книги) помогли или побудили автора — издать свое прекрасное сочиненіе вполнѣ, и какъ можно скорѣе, для истиннаго удовольствія друзей Исторіи.

Прибавимъ еще, что въ книгѣ раза два, не болѣе, употреблено выраженіе: родовой бытъ, — а рѣчь между тѣмъ шла о семействѣ и родѣ исключительно. Значитъ — можно объяснить Исторію, не прибѣгая безпрестанно, черезъ чась по ложкѣ, къ родовому быту. Однимъ словомъ — родовой бытъ у автора въ предѣлахъ, въ предѣлахъ здравой критики, въ тѣхъ предѣлахъ, какъ былъ у Карамзина и даже у Эверса.

М. Погодинъ.

75. *Путешествіе по Нижнему Египту и внутреннимъ областямъ Дельты. А. Рафаловича. Съ картою и планами. Спб. 1850. Стр. XII. и 433 въ 8 д. л.*

Настоящій годъ безпрестанно даритъ насъ замѣчательными путешествіями. Едва прочли мы письма Святогорца объ Аѳонской горѣ, какъ получили путешествіе по Дагестану и Закавказью, Березина; только что разстались съ этимъ преддверіемъ Востока, какъ Г. Уманецъ пригласилъ насъ сопутствовать ему въ поѣздкѣ на Синай; почти въ одно время съ нимъ послѣдовалъ дорогѣй для Русскаго сердца призывъ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, — и еще не успѣли мы вполне насладиться «вакаціонными днями,» какъ является Г. Рафаловичъ и зоветъ, для почину своихъ путешествій по Востоку, въ Египетъ, а съ другой стороны манитъ наше любопытство Г. Небольсинъ разсказами о золотосной Сибири... Дѣлать нечего, поѣдемъ въ Египетъ; авось не будемъ расказываться. Г. Рафаловичъ, кромѣ Египта, посѣтилъ Турцію, Сирію, Палестину, Алжиръ и Тунисъ; но, общая знакомитъ насъ съ этими странами въ послѣдствіи, онъ начинаетъ свое путешествіе по Востоку съ Египта на основаніи слѣдующихъ причинъ:

«Если я не начинаю съ описанія Константинополя и Смирны, какъ слѣдовало бы по хронологическому порядку моихъ странствованій, такъ это потому, что въ настоящее время Египетъ, преимущественно Нижній, заслуживаетъ особеннаго вниманія Европы. Много было писано путешественниками всѣхъ націй, еще болѣе было говорено и повторено въ газетахъ — о блестящихъ учрежденіяхъ Мехмета-Али на берегахъ Нила, о челолюбививыхъ его мѣрахъ къ улучшенію быта феллаховъ и устраненію вредныхъ мѣстныхъ вліяній, производящихъ чуму, и т. п. На основаніи этихъ данныхъ Австрія и Франція уничтожили въ Триестѣ и Марселѣ всякія карантинныя дѣйствія и предосторожности противъ судовъ, людей и товаровъ, прибывающихъ изъ Египта; другія приморскія государства значительно сократили прежніе свои сроки. Спрашивается, въ какой степени оправдано это довѣріе христіанскихъ державъ къ успѣху новыхъ Египетскихъ учреждений и постановленій? и дѣйствительно ли Нижній Египетъ изслѣдованъ съ надлежащею точностью и тщательностью, относительно соединенныхъ въ немъ вредныхъ для общественнаго здоровья условий?»

«Въ слѣдующихъ страницахъ поставилъ я себѣ главную задачу, изобразить безпристрастно, самостоятельно и, по возможности, съ объективной точки зрѣнія, настоящее положеніе селеній и обитателей ихъ, феллаховъ, въ Нижнемъ Египтѣ и въ Дельтѣ, чтобы показать, какія изъ нововведеній знаменитаго Паши въ самомъ дѣлѣ осуществились, и какимъ увѣнчиваются они успѣхомъ. Описанія мои не всегда сходствуютъ съ блестящею картиною Египта, находимую въ книгахъ другихъ писателей: такое противорѣчіе зависить, можетъ быть, отъ разлпчнаго способа путешествовать по этому краю. Обыкновенно западные туристы останавливаются на нѣсколько времени только въ Александріи и Каирѣ, гдѣ живутъ въ хорошихъ гостиницахъ, содержимыхъ Европейцами; изъ деревень они видятъ лишь однѣ прибрежныя, и то чаще всего съ палубы своей барки или быстрого парохода; памятники древности, развалины и муміи занимаютъ ихъ гораздо болѣе, чѣмъ феллахи живые и нынѣшнія селенія; разспканія свои они дѣлаютъ чрезъ посредство драгомана, и наконецъ сужденія о состояніи края и его жителей основываютъ на оффиціальныхъ донесеніяхъ мѣстныхъ властей; очевидно, что это не есть наивѣрнѣйшій способъ къ изученію страны. Путешествуя иначе, слѣдуя другому плану, руководствуясь другою методою и другими пособіями, можно получить, и получается результатъ различный: дѣло читателя сравнивать и взвѣшивать достоверность свѣдѣній, доставляемыхъ ему тѣмъ и другимъ путемъ.»

Такой взглядъ нельзя не признать основательнымъ, и мы тѣмъ охотнѣе послѣдуемъ за нашимъ путешественникомъ.

Проживъ два мѣсяца въ Каирѣ, который Египтяне называютъ «матерью вселенной» или «благоостерегаемымъ градомъ» (въ оффиціальномъ слогѣ), Г. Рафаловичъ рѣшился воспользоваться прохладнымъ временемъ (Январемъ мѣсяцемъ, 1847), чтобы посѣтить Нижній Египетъ. Цѣль его, кромѣ простой любознательности, была ученая, специальная, съ которой онъ и путешествовалъ по Востоку, именно: изученіе чумы и особенно мѣстныхъ условій, при которыхъ она возникаетъ и распространяется; но назначая свое путешествіе для большинства читателей, и отлагая всѣ чисто-врачебныя подробности для особаго отдѣла, онъ говорить здѣсь объ ней только вскользь, на столько, сколько можетъ занимать она и не-врача. Здѣсь, въ дневникѣ пу-

тешестія, его вниманіе преимущественно обращено на предметы, равно любопытные для всѣхъ, и предметы эти такъ разнообразны и смѣняють другъ друга такъ быстро, что путешественнику надобно вполнѣ владѣть даромъ разсказа, чтобы сосредоточить вниманіе читателя на каждомъ изъ нихъ. Постараемся не заблудиться и не пропустить чего-нибудь важнаго.

Если рѣчь идетъ о Египтѣ, то ужъ непременно она должна начаться или съ Мехмета-Али или съ Нила. Старый Паша умеръ, Нилъ по прежнему катитъ свои мутныя волны, — и вотъ онъ предъ нами, или, точнѣе, съ нами потому что мы плывемъ по его зыби. Прежде всего обратитъ на себя вниманіе огромная запруда (барражъ) Нила для уравновѣшиванія его наводненій: предпріятіе, на которое не рѣшались ни Греки, ни Римляне, а задумала смѣлость Европейскаго искусства, и которое, поглотивъ множество денегъ у Мехмета-Али, истощивъ все земледѣльческое народонаселеніе, все-таки не принесло ожидаемыхъ выгодъ, и при настоящемъ преемникѣ Паша чуть ли не запущено, вмѣстѣ съ тысячею другихъ его назначеній.... Но въ ту пору, какъ мы ѣдемъ, работа кипитъ. Тысячи феллаховъ копаются въ землѣ, точно муравьи; женщины и дѣти пополняютъ недостающее число работниковъ, которыхъ должна выставлять каждая деревня въ опредѣленномъ количествѣ; *турбаши* зрителей (хлыстъ изъ кожи гиппопотама) безпрестанно вытягиваетъ послѣднія силы изъ изнуренныхъ феллаховъ.... Нѣтъ, лучше отворотимся отъ этой грустной картины, и будемъ смотрѣть.... хотя на Нильскую воду. Она обыкновенно мутна, цвѣта кофе съ молокомъ, но по очищеніи дѣлается прозрачною, какъ хрусталь, а вкуса такого, что если бы Мухаммедъ одинъ разъ напился ее, то попросилъ бы у Аллаха безсмертія, чтобы вѣчно наслаждаться ею; а чужестранецъ, однажды напившись этой воды, непременно воротится въ Египетъ, чтобы пить ее въ другой разъ. Такъ говорятъ туземцы, и вода дѣйствительно хороша; по выраженію одного путешественника, къ водамъ другихъ рѣкъ она относится какъ шампанское къ прочимъ винамъ.

Осмотрѣвъ шлюзы канала Махмудіѣ, стоившаго до двухъ милліоновъ руб. сер., и безъ котораго Александріѣ не могла бы существовать, сойдемъ на берегъ, въ одну изъ образцовыхъ деревень, что затѣялъ было строить Мехметъ-Али, по совѣту Европейцевъ, для уменьшенія причинъ, заражающихъ чуму. Деревни на видъ изрядныя; но какъ назвать ихъ относительно всего Нижняго Египта, этого гнѣзда страшной язвы? каплею въ моръ, выѣскою игрушечника при входѣ на кладбище.... Бокъ-о-бокъ съ этими *фермами здоровья*, которыхъ, кажется, всего три, лежатъ обыкновенныя селенія феллаховъ, печальныя на видъ, страшныя внутри. Назвать ихъ кучею лачужекъ, слышенныхъ изъ грязи, въ которыхъ извнѣ и внутри нечистота неизобразимая, сказать, что изнуряемые тяжелыми работами, живя подъ гнетомъ всевозможныхъ притѣсненій со стороны мѣстныхъ властей, довольствуясь самою скудною пищею, феллахи соединяютъ кругъ себя всѣ пагубныя условія для зарожденія чумы — представить все это еще недостаточно, чтобы дать понятіе о мѣстныхъ селеніяхъ. «Привычка, говоритъ Г. Рафаловичъ, жить въ норахъ, въ мазанкахъ, куда влѣзаешь на четверенкахъ, или сгибаясь въ крюкъ, до того вкоренилась у Египетскаго феллаха, что если въ деревнѣ встрѣтите вы домъ или избу порядочной наружности, то не давайте обмануть себя этимъ внѣшнимъ видомъ: войдите на дворъ, и вы всегда увидите его застроеннымъ страшными хижинками, изъ которыхъ ползкомъ выползаетъ населеніе, запачканное навозомъ и какъ будто закопченное, покрытое лохмотьями и самыми отвратительными насккомыи.» Слѣдующій анекдотъ какъ нельзя лучше показываетъ силу этой привычки. Богатый Греческій консулъ недавно выстроилъ для себя въ Александріѣ великолѣпный домъ, у воротъ котораго находилась большая комната для *буаба* (привратника) изъ Египтянъ. Но не измѣняя привычкамъ своихъ единоплеменниковъ, буабъ нашель, что ему въ этой комнатѣ слишкомъ просторно, и потому какъ-то неловко и неудобно: онъ устроилъ въ одномъ углу ея, изъ пустыхъ ящичковъ, родъ ко-

нурки, куда вѣзаль съ трудомъ и гдѣ цѣлый день лежалъ на полу на старой цыновкѣ!....

Но оставимъ пока жалкихъ феллаховъ, и обратимся къ тому, что составляетъ мнимую поэзію Востока. Вотъ прославленные путешественниками плясавицы, которыя такъ соблазнительно-хороши, перенесенныя на сцену Европейскаго балета, а въ дѣйствительности являются совершенно въ другомъ видѣ.

«Египетскія баядерки, *альма* (во множественномъ числѣ — *ауалямъ*) теперь вообще выводятся, по причинѣ притѣсненій и преслѣдованій, которыми подвергаются со стороны полиціи. Онѣ раздѣляются на два класса, оба преимущественно занимающіеся пляскою и пѣніемъ. Высшій классъ, или собственно альма, ведутъ себя довольно скромно, и призываются обыкновенно на вечера и семейные праздники въ богатые дома, гдѣ ихъ щедро вознаграждаютъ: *Уста-Сакиъ*, лучшая Каирская альма, которую Европейцы прозвали Египетскою Малпбранъ, и которую я имѣлъ случай слышать тамъ въ одномъ Левантійскомъ семействѣ, получала за вечеръ отъ хозяина дома по 500 піастровъ, и сверхъ того собирала почти столько же съ гостей, къ которымъ въ разное время подходила съ тамбуриномъ. Артистки низшаго разряда, промышляющія не однимъ только голосомъ, называются обыкновенно *гауази*. Онѣ прежде составляли особое, весьма многочисленное сословіе въ Египтѣ, и состояли подъ управленіемъ откупщика, который бралъ съ нихъ оброкъ и вносилъ ежегодно въ казну значительную сумму за исключительное право содержать ихъ. Послѣдній откупщикъ этихъ гауази, нѣкто маалымъ Антуниось Тума, Кобтъ, лѣтъ двадцать тому назадъ, обязался платить Вице-королю до шести тысячъ кошельковъ (около 190 тысячъ руб. сер.) въ годъ; чтобы выручить изъ доходовъ откупа эту сумму, онъ позволялъ себѣ величайшія злоупотребленія: на улицахъ ловилъ женщинъ замужнихъ, богатыхъ и честныхъ, подъ предлогомъ, что онѣ занимаются развратомъ и слѣдовательно должны быть записаны у него и платить ему оброкъ; посылалъ своихъ шпионовъ въ частные дома и т. п. Наконецъ дошло до того, что духовенство (*ульма*) обратилось къ Мехмету-Али съ настоятельною просьбою уничтожить этотъ безнравственный источникъ доходовъ, и предложило ему увеличить платимый Египтянами подушный окладъ (*фырда*), сумму, вносимую ежегодно откупщикомъ танцовщицъ. Паша на это согласился: набавилъ нѣсколько процентовъ на *фырда*, а

гауази велѣлъ ссылать въ Верхній Египетъ, въ городъ Эснѣ. Впрочемъ понынѣ остается ихъ не мало въ другихъ мѣстахъ, но въ Каирѣ и Александріи полиція строго преслѣдуетъ ихъ, и поймавъ, тотчасъ отправляетъ въ Эснѣ. Пляска альмѣ и гауази, между которыми попадаются иногда лица весьма недурныя, въ высшей степени неблагопристойна, и состоитъ преимущественно въ весьма выразительной пантомимѣ, сопровождаемой дрожащимъ движеніемъ нижней части туловища, при чемъ ноги вовсе не удаляются отъ пола. Европейцамъ эта пляска нравиться не можетъ; она только поражаетъ ихъ цинизмомъ и странностью своею. Однѣ лишь претупленные чувства жителей Востока могутъ находить удовольствіе въ этихъ неэстетическихъ коверканьяхъ, которыя, судя по нѣкоторымъ мѣстамъ у Ювенала, Марціала, Горация и др., не были неизвѣстны и древнимъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на площади Эзбѣкѣ въ Каирѣ встрѣчаю старика-Кобта, просившаго милостыню у проходящихъ Франковъ: это былъ малымъ Антуаносъ, послѣдній откупщикъ исчезающаго сословія альмѣ!....»

Какъ видите, эта поэзія возмущаетъ душу.... Не найдемъ ли чего поуспокоительнѣе въ Египетскихъ кофейняхъ и баняхъ. — Первыхъ въ Египтѣ многое множество; не говоря уже о городахъ, почти въ каждой деревнѣ найдется кофейня. Городскія много уступаютъ кофейнямъ прочихъ странъ Востока, а деревенскія какъ разъ подъ стать своимъ посѣтителямъ. Земляная изба или шалашъ изъ камыня; нѣсколько табуретовъ; длинная, низкая скамья, покрытая цыновкою; одинъ или два мѣдныхъ кофейника; дюжина чашекъ; мѣшокъ съ толченымъ кофе; пары двѣ камышевыхъ чубуковъ и наргилѣ; фунта два крѣпкаго табаку, да корзинка съ углемъ — вотъ и кофейня, такъ что помещеніе и обзаведеніе ея стоятъ не болѣе 10—15 цѣлковыхъ. Въ большихъ деревняхъ эти заведенія содержатся иногда женщинами, и тогда къ продажѣ кофе присоединяется другой промыселъ.... Бани восточныя были уже описаны тысячу разъ, и о Египетскихъ должно сказать только то, что въ нихъ много всякихъ удобствъ, кромѣ чистоты; туземные парильщики впрочемъ моютъ и «моютъ» очень хорошо.

Спустимся опять къ существенности, гдѣ нечего ждать очарованій. На пути нащемъ много деревень и городовъ,

въ которыхъ все населеніе состоитъ изъ стариковъ и дѣтей: куда же дѣвались взрослые? Кто выгнанъ на работу, кто бѣжалъ, чтобы не попасть въ фабричныя. Мехметъ-Али завелъ множество разныхъ фабрикъ, на которыя вербовали рабочихъ, дѣла давали имъ по горло, а задѣльную плату такую, чтобы только не умереть съ голода; такимъ образомъ промышленность, вмѣсто пользы, приносила мѣстнымъ жителямъ нищету и разореніе.... «Какъ будто не надѣясь на будущность, замѣчаетъ Г. Рафаловичъ, Турки считаютъ Египетъ точно имѣніемъ, взятымъ въ аренду, изъ котораго торопятся извлечь послѣднюю фадду*, выжать послѣдніе соки, чтобы передать преемникамъ своимъ однихъ только голыхъ феллаховъ, разоренные города, опустѣвшія деревни».... Вообще, нашъ путешественникъ не очень благосклонно отзывается о бѣльшей части такъ называемыхъ преобразованій Мехмета-Али, которымъ другіе Европейскіе путешественники, особенно Французы, не могли найти достаточно похвалъ. Всѣ эти преобразованія, стоившія огромныхъ суммъ и истощившія страну, принесли мало пользы, потому что исполнители воли Паши, и подъ чьимъ вліяніемъ онъ дѣйствовалъ, нисколько не сообразовались съ нравами и характеромъ Египтянъ. Они думали, будто возможно вдругъ привить Арабу Французскую или Англійскую цивилизацію, и что нѣтъ ничего легче, какъ преобразовывать мусульманъ фирманами и хаттишерифами.... Впрочемъ, подобныя явленія были и бывають не въ одномъ Египтѣ....

Но, довольно о преобразованіяхъ Мехмета-Али, потому что говоря о темной ихъ сторонѣ, надобно сказать и о свѣтлой, а этого нельзя сдѣлать въ нѣсколькихъ словахъ.

Изъ городовъ Нижняго Египта, посѣщенныхъ Г. Рафаловичемъ, мы побываемъ въ Розеттѣ и Дамьятѣ. Первый основанъ въ 860 году, а второй еще древнѣе его, и

---

* Самая мелкая монета.

въ старыя времена они знали лучшую участь, чѣмъ нынѣ. Розетъ долго былъ въ торговомъ отношеніи для Египта тѣмъ же, чѣмъ стала теперь Александрія; населеніе Дамьята даже во время Французской экспедиціи было втрое болѣе настоящаго (60 и 20 т.). Теперь обоимъ городамъ остались воспоминанія о минувшемъ богатствѣ о которомъ свидѣтельствуютъ множество красивыхъ зданій, да торговля рисомъ. Не смотря на красивую наружность, въ обоихъ городахъ довольно скучно; совершенно мусульманскій характеръ на всемъ. Въ Розетѣ живетъ нѣсколько сотъ Кобтовъ, и Г. Рафаловичу случилось быть на Кобтской свадьбѣ, которая торжествовалась съ чрезвычайною пышностью, при блескѣ огней, въ сопровожденіи огромной толпы народа. Мы посмотримъ на самый обрядъ бракосочетанія.

«Въ третьемъ часу по полудни очутились мы наконецъ у дверей Кобтской церкви, строенія довольно новаго и ничѣмъ не отличающагося отъ сосѣднихъ домовъ. Вошли въ длинную, темную галерею со сводомъ, въ которой нѣсколько минутъ ожидали прибытія отставшей отъ насъ невесты...» Потомъ «вошли мы въ другой темный корридоръ, и оттуда вышли на четверугольный дворъ, окруженный портиками и обсаженный деревьями. Здѣсь только открывается входъ собственно въ церковь, и цѣль этого устройства — чтобы проходящіе по улицѣ не могли слышать, что совершается въ храмѣ во время богослуженія, изъ опасенія фанатизма и поруганія мусульманъ.

«На паперти вышелъ намъ на встрѣчу старый священникъ, высокаго роста и довольно дородный, въ обыкновенной одеждѣ Кобтовъ-мірянъ, и съ нимъ два мальчика, обрваннаго и грязнаго. Священникъ пѣлъ, стуча въ большія мѣдныя тарелки; у мальчиковъ было въ рукахъ по большому, весьма тонкому колоколу, въ который били снаружи желѣзными прутиками. Женщъ и невеста стали другъ подлѣ друга, послѣдняя справа, и мы всѣ вошли въ церковь вслѣдъ за священникомъ. Внутренность церкви, въ которую вели двое дверей, представляла продолговатый четверугольникъ; четыре кирпичные столба поддерживали боковыя галереи, закрытыя частою деревянною рѣшеткою и идущія отъ дверей до самаго алтаря. Послѣдній отдѣлялся, какъ у насъ, отъ остальной церкви иконостасомъ, который украшенъ четырьмя образами на золотомъ грунтѣ, съ длинными винау. Арабскими подписями, черными на беломъ полѣ. Одна изъ этихъ иконъ

изображала св. Богородицу, держащую на руках Спасителя-младенца; къ головамъ, писаннымъ въ Византійскомъ вкусѣ, придѣланы сваружн позолоченныя вѣнцы, но цѣльныхъ металлическихъ ризъ на образахъ, въ родѣ употребленныхъ у насъ, я у Кобтовъ не видалъ. Другая икона представляла св. Георгія на конѣ, коего изображеніе постоянно встрѣчается во всѣхъ Кобтскихъ церквахъ. Завѣса царскихъ дверей находилась снаружн, а не внутри алтаря, въ которомъ нѣтъ никакихъ украшеній, ни иконъ, ни даже креста; на престолѣ, покрытомъ краснымъ покровомъ, стояла простая деревянная коробочка, заключавшая въ себѣ Св. Дары. Справа и слѣва отъ алтаря, по небольшой комнатѣ съ особыми выходами въ церковь; въ самой церкви, на лѣвой сторонѣ близъ дверей, невысокая и простая кафедра безъ балдахина, для проповѣдника; къ ней спереди прикрѣпленъ рѣзной деревянный голубь, а на стѣну сверху повѣшено изображеніе Св. Вечери, живописи весьма посредственной.

«Въ Кобтскихъ церквахъ нѣтъ скамеекъ, и литургію совершаютъ стоя, но для жениха и невѣсты приготовлена была скамья, въ промежуткѣ между обѣихъ дверей стѣны, насупротивъ алтаря находящейся. Невѣста села сирава, оставаясь совершенно закутанною въ покрывало; подлѣ нея стали обѣ провожавшія ее женщины. Нѣсколько молодыхъ мальчиковъ и дѣвочекъ, съ толстыми зажженными свѣчами изъ желтаго воска, устались въ два ряда на полу передъ скамьей; немного дальше, почти въ срединѣ церкви, вообще весьма небольшой, стоялъ столъ изъ простаго дерева, и на немъ лежало Евангеліе на Кобтскомъ языкѣ, въ серебряномъ футлярѣ, мѣдное распятіе, два круглыя и плоскія серебряныя блюда, украшенныя выпуклыми изображеніями херувимовъ, и мѣдныя кадильницы гораздо больше и шире нашихъ, но безъ крышекъ и съ цѣплями довольно короткими. Священникъ, встрѣтившій насъ на паперти, ж другой по-старше, небольшого роста, начали пѣть молитвы, сопровождая пѣніе звуками мѣдныхъ тарелокъ, а оба мальчика съ колоколами, сѣвши на полу, звонили въ нихъ прутниками. Я долженъ сказать, что кромѣ меня, слѣдившаго съ жаднымъ любопытствомъ за ходомъ совершавшихся обрядовъ, все остальное собраніе вовсе не слушало службы. Кобты достади откуда-то стулья, сѣли спиною къ алтарю и священникамъ, громко разговаривали между собою, зѣвали, безпрестанно пили воду изъ принесенныхъ слугами глиняныхъ кувшиновъ и т. п. *Жасисы* (священники) часто останавливались, какъ будто не зная хорошо порядка службы; спорили между собою о чемъ-то, бранили дѣтей, державшихъ зажженныя свѣчи передъ женихомъ и невѣстою, и я напрасно

искалъ того стройнаго чина въ священно-дѣйствовавшихи, и того глубокаго благоговѣнія со стороны мірянъ, которые подобають храму Божию и къ которымъ мы привыкли въ нашихъ церквахъ!

«Вскорѣ женихъ, долго уже борвшійся съ утомленіемъ и сномъ, не могъ преодолѣть послѣдняго; онъ закрылъ глаза, опустилъ голову на грудь и заснулъ, не смотря на всѣ усилія оставаться бодрымъ; невѣста, казалось, съ своей стороны также дремала, но никто на это и не обратилъ вниманія. Женихъ на-силу открылъ глаза, когда священникъ, раскупоривъ большую, простую бутылку, подошелъ къ нему и указательнымъ пальцемъ начертилъ Св. Мвромъ знаменіе креста на лбу и на ладоняхъ; тоже сдѣлалъ онъ на лбу невѣсты, открывъ его съ осторожностью, но ладоней ея не коснулся. Потомъ на голову обоимъ надѣли по узенькому мѣдному обручику, въ родѣ діадемы. Другой священникъ въ это время продолжалъ чтеніе изъ книги въ два столбца, писанной на Арабскомъ и Кобтскомъ языкахъ, и часто повторялъ: *Kirie eleysonъ*, принятое и въ богослуженіи Кобтовъ^{*}. Все это продолжалось около двухъ съ четвертью часовъ. Затѣмъ старшій касисъ вошелъ въ алтарь, надѣлъ бѣлую, потемнѣвшую отъ времени шелковую ризу съ короткими рукавами, похожую на облаченіе католическаго духовенства, и шитую разноцвѣтными шелками; снялъ чалму и вмѣсто ея покрылъ бритую свою голову длиннымъ узкимъ платкомъ изъ бѣлаго шелка, послѣ чего тихимъ голосомъ одинъ отслужилъ въ алтарѣ раннюю обѣдню. Отецъ жениха и отецъ невѣсты стали по сторонамъ открытыхъ царскихъ дверей, и около четверти часа молились тихимъ голосомъ, а мальчикъ воухъ читалъ Евангеліе на Арабскомъ языкѣ: этотъ моментъ показался мнѣ истинно торжественнымъ и трогательнымъ. По окончаніи литургіи старикъ-священникъ пріобщился Св. Тайнъ; потомъ ввели въ алтарь жениха, который, обошедъ три раза вокругъ престола, тоже пріобщился, а за тѣмъ и невѣста; послѣдняя, опираясь на двухъ женщинъ, вошла въ отдѣленіе направо отъ алтаря и остановилась у боковыхъ дверей; чтобы причастить ее, касисъ съ величайшею осторожностью открылъ у ней нижнюю часть лица.

* Кобты приняли христіанство въ первыя столѣтія нашей эры, но скорѣ увлеклись въ заблужденія Монофизитизма и Моноелизма, почему какъ Восточная, такъ и Западная Церковь считаютъ ихъ еретиками. Въ новѣйшія времена Римскіе миссіонеры уговорили небольшое число Кобтовъ признавать владычество Папы. Кобтскій Патріархъ живетъ въ Каирѣ, но называется Александрійскимъ; онъ посвящаетъ Абиссинскаго Патріарха, пріѣзжающаго для этого изъ Гондара въ Каиръ.

Хлѣбъ для причащенія Кобгы употребляютъ квасной и вино такое же какъ у насъ: священникъ послѣ причащенія тщательно собралъ всѣ оставшіяся на стеклянномъ блюдечкѣ частицы хлѣба и потребилъ ихъ; потомъ женихъ налилъ ему троекратно воды на руки, касавшіяся сосудовъ съ Св. Дарами; умывшись этой водою, священникъ выпилъ ее, давъ выпить немного и жениху. Всѣ потомъ изъ алтаря возвратились въ церковь; новобрачные обошли ее кругомъ три раза, предшествуемые обонми касисами и дѣтьми, несшими зажженные свѣчи; позади ихъ несены были хоругви и шли родственники. Женщина вела съ правой стороны жениха молодую, которая едва держалась на ногахъ. На плеча жениху надѣли коротенькую по поясъ мантию изъ серебряной парчи, съ вышитыми на ней Арабскими и Кобгскими надписями; въ обѣихъ рукахъ держалъ онъ лежавшее прежде на столѣ Евангеліе, завернувъ въ кисейный платокъ, который находился у него за пазухю. Всѣ прочія женщины, оставшіяся у дверей церкви, между которыми замѣтилъ я нѣсколько Негритацокъ, часто повторяли въ это время крики радости.»

Въ Дамьятѣ замѣчательнѣе всего мечеть Султана Абулата. Въ ней находится колонна изъ бѣлаго мрамора, которой вся нижняя половина гораздо тоньше верхней, неровна, бугриста, какъ будто обгрызли ее зубами; мѣстами на ней видны слѣды свѣжей крови, ибо, по здѣшнему повѣрью, больные одержимые желтухою, лизутъ эту колонну языкомъ до тѣхъ поръ, пока не выступитъ на немъ кровь; судя по значительному убавленію объема колонны, число облизовавшихъ ее пациентовъ должно быть весьма велико. Кромѣ этой достопримѣчательности мечеть обладаетъ другою — «дверями рая.» У входа въ нее одна изъ арокъ покоится на двухъ колоннахъ лежащихъ такъ близко, что промежутокъ между ними чрезвычайно малъ и узокъ. Арабы увѣряютъ, что кто можетъ пройти чрезъ этотъ промежутокъ, тотъ долженъ быть человекъ безъ грѣховъ, которому свободно открыты врата Мухаммедова рая. «Это повѣрье, рассказываетъ Г. Рафаловичъ, совершенно въ пользу людей худощавыхъ, и изъ бывшихъ тутъ со мною особъ, одинъ я, снявъ съ себя сюртукъ, могъ безъ труда совершить этотъ заманчивый опытъ, который впрочемъ прежде также точно удался мнѣ въ мечети Амру, въ старомъ Каирѣ, гдѣ находятся двѣ подобныя колонны, ода-

ренныя тѣмъ же преимуществомъ.» Любопытно бы видѣть, какъ скорчились лица правовѣрныхъ, когда гдуръ, на котораго по деревьямъ мальчишки кричатъ: *Нусрани, калбъ, авани!* (Назарянинъ, собака, лай на меня!), когда такой нечестивецъ пробрался въ рай, обѣщанный однимъ сынамъ Ислама!

Вѣроятно, едва ли кому изъ Русскихъ придетъ въ голову, что въ Египтѣ у него найдутся земляки, разумѣется кромѣ тѣхъ, кого заносить туда судьба или любопытство. А земляковъ тамъ много, именно Турецкіе чиновники — прежніе мамлюки Паши, привезенные изъ Грузіи и съ Кавказа. При встрѣчѣ съ Русскими они непременно разспрашиваютъ про свою родину. Въ Египтѣ и Сириі Г. Рафаловичъ часто встрѣчалъ Турецкихъ офицеровъ, которые, узнавъ, кто онъ, рекомендовали себя словами: *ана каманъ мускубы*, я тоже Русскій, — разумѣя подъ этимъ, что они родились въ нашихъ Кавказскихъ и Закавказскихъ владѣніяхъ.

Земляки, безъ сомнѣнія, позволяютъ намъ осмотрѣть внутреннее устройство своихъ жилищъ, которое почти одинаково у всѣхъ зажиточныхъ людей въ Египтѣ.

«Особенности восточныхъ нравовъ, совершенное отдѣленіе женщинъ отъ общества постороннихъ мужчинъ, самый характеръ мусульманъ п т. п., имѣли значительное вліяніе на архитектурныя условія ихъ жилищъ. Дома обыкновенно двухъ или трехъ-ярусныя, и почти всегда выстроены изъ краснаго кирпича; въ Каирѣ также нерѣдко строятся они и изъ кирпича сыраго, который снаружи одѣваютъ тонкими квадратными плитами изъ желтоватаго известняка, такъ что по первому взгляду новые дома кажутся весьма крѣпкими и выстроенными изъ цѣльнаго тесанаго камня. Черезъ нѣкоторое время однакожъ эти плитки, довольно плохо соединенныя цементомъ изъ извести, песку или земли и небольшого количества банной золы, отстаютъ отъ стѣны и образуютъ выпуклые бугры, въ послѣдствіи обваливающіеся. Вообще всѣ строенія расположены вокругъ четвероугольнаго двора (*хошъ*), такъ что двери и окна комнатъ выходятъ на галлерей, окружающія этотъ дворъ. По фасаду, обращенному на улицу, весьма немного оконъ и два-три крытые балкона (*мушарабіи*), защищенные частою рѣшеткою; въ нихъ стоитъ софа, и женщины, на Востокъ обыкновенно ни чѣмъ не занимающіяся,

сидять тутъ цѣлый день и разсматриваютъ проходящихъ на улицѣ, не подвергаясь сами нескромнымъ взорамъ. Лѣстница (*сэлалямъ*), ведущая въ верхніе этажи, въ Капрѣ всегда каменная, часто впамя, и отличается необыкновенною легкостью при значительной прочности. Крыша (*эль-соватухъ*) плоска, устроена террасою, гладко выштукатурена красноватымъ цементомъ и окружена по краямъ стѣнкою, чтобы изъ сосѣднихъ домовъ нельзя было смотрѣть на женщинъ, сидящихъ вечеромъ на этихъ террасахъ, гдѣ многія семейства и спятъ ночью въ жаркіе мѣсяцы. Тамъ, гдѣ лѣстница выходитъ черезъ четвероугольное отверстіе или трапъ на террасу, устроенъ родъ навѣса (*мелкабъ*) изъ досокъ: онъ открывается всегда къ сѣверу и служитъ къ поддержанію сквознаго вѣтра и возобновленію воздуха внутри лѣстницы и самихъ покоевъ.

«Передъ домомъ съ улицы каменная скамья (*мастабъ*), на которой сидятъ слуги и садятся люди простаго званія, имѣющіе надобность въ домѣ. Наружныя двери невысоки, обыкновенно окованы толстыми гвоздями и заперты изнутри деревянною задвижкою; снаружи къ нимъ прибито желѣзное кольцо или родъ молотка, которымъ приходящіе стучать въ дверь; тогда привратникъ (*буабъ*), почти всегда изъ Нубійцевъ, отпрасть, справившись предварительно о личности стучащаго, вопросомъ *минъ?* (кто?). Для приѣма людей, которыхъ не хотятъ ввести во внутренніе покои, назначена комната (*мандара*) въ нижнемъ ярусѣ, весьма просто убранная; лѣтомъ хозяинъ принимаетъ также въ открытой галлерей (*тохтабуишъ*) на дворѣ, часто остнлемомъ деревьями. Жилыхъ помѣщеній въ нижнемъ ярусѣ обыкновенно не бываетъ; тамъ находятся только кладовыя, сарап, конюшня, иногда также колодезь или цистерна. Почетныхъ посѣтителей ведутъ въ *эль-диуанъ*, приемную, окруженную софами, въ бель-этажѣ; зала, въ которой собирается семейство, и въ которую посторонній рѣдко впускается, называется *эль-каа*: она украшена диванами изъ шелковыхъ матерій, цвѣтми, фонтаномъ, разноцвѣтными стеклами въ окнахъ; полъ устланъ персидскими коврами; стѣны или просто выбѣлены известью, или расписаны; потолокъ рѣзанный, иногда съ позолотою; деревянные, пестро раскрашенныя панели одѣвають часть стѣнъ, и позади ихъ устроены шкапки для храненія вещей. Съ одной стороны залы, аршина на полтора выше пола, находится родъ широкаго мраморнаго карниза (*эль-суффа*), на которомъ стоятъ чашки для кофе, тышты и ибрыкъ для умыванія, наргиле и т. п. Мебели дорогой и громоздкой, какъ у насъ въ Европѣ: коммодовъ, столовъ, кресель и стульевъ, зеркаль и т. п., туземцы вовсе не употребляютъ; кромѣ дивановъ, вся мебель ихъ заключается въ одномъ или двухъ

круглыхъ табуретахъ (*лурси*), на которыхъ во время обѣда ставятъ подносъ (*саннйъ*) съ блюдами, и вокругъ которыхъ садятся на полу. Эль-каа часто проходитъ черезъ два этажа, и его сверху окружаетъ галлерей, закрытая деревянною частою рашеткою, откуда женщины, не показываясь, могутъ участвовать въ забавахъ и разговорѣ гостей-мужчинъ; туда также выпускаютъ альма, призываемыхъ въ мужское общество; особая лѣстница ведетъ изъ сѣней на эту галлерей. Во всехъ покояхъ полъ у дверей на нѣсколько вершковъ ниже, чѣмъ въ остальной части комнаты; тамъ приходящіе скидаютъ и оставляютъ ту-чли, въ которыхъ восточная вѣжливость не позволяетъ ступать на покрытый коврами или циновками и нѣсколько возвышенный полъ (*лиманъ*) въ прочей части покоевъ; это мѣсто у дверей называется *дуркэ*. Европейцевъ, которыхъ обувь не легко скидается, поэтому весьма неохотно принимаютъ въ парадныхъ покояхъ. Гдѣ много комнатъ, тамъ въ смежныхъ полъ никогда не бываетъ въ одинъ уровень: въ одной онъ ниже, въ другой выше, такъ что у дверей приходится то подниматься на одну или двѣ ступеньки, то спускаться, и поэтому чужой человекъ долженъ ступать съ осторожностью. Вмѣсто дверей, во внутреннихъ покояхъ всегда находятъ тяжелыя «портьеры», войлочные, обшитыя сукномъ, обыкновенно яблочнаго цвѣта, или толстыя холстомъ; невольникъ подымаетъ ихъ для проходящихъ. Въ спальняхъ кровати нѣтъ; восточные люди спятъ на полу на тюфякахъ, набитыхъ хлопчатого бумагомъ, которые поутру свертываются и уносятся; гдѣ семейство большое или домъ необширенъ, тамъ спать во всехъ комнатахъ, въ которыхъ отъ того обыкновенно весьма много разныхъ неприятныхъ наскомыхъ, даже и въ лучшихъ домахъ. Мужчины и женщины всегда ложатся въ постель совершенно одѣтые; люди богатые употребляютъ для этого особое платье, ночное, другіе остаются въ ежедневной одеждѣ. Этотъ обычай, который для насъ былъ бы невыносимъ, дѣйствительно весьма вреденъ, не только потому, что онъ поддерживаетъ неопрятность, но еще въ особенности и потому, что въ случаѣ горячекъ и другихъ тяжкихъ недуговъ, платье, находящееся на больномъ, нашивается его поварами, потомъ и т. п., и въ случаѣ смерти неочищенное поступаетъ въ продажу или отдается прислугѣ.

«Въ большихъ домахъ покои, занимаемые женщинами (мы прозвали ихъ *харемъ*, хотя Арабы этого выраженія въ нашемъ смыслѣ не употребляютъ: у нихъ слово *харимъ* означаетъ са-

* Корень этого слова происходитъ отъ *харамъ* — «запрещенный».

мих «женщинъ»), часто находятся въ отдѣльномъ корпусѣ, по внутреннему расположенію не отличаются отъ описанныхъ выше. Для слугъ, невольницъ, евнуховъ, устроены небольшія комнаты, обыкновенно съ солнечной стороны; сѣверная, болѣе прохладная, назначена для господскихъ покоевъ. Въ каждомъ домѣ наконецъ, и даже въ хижинахъ феллаховъ, непременно находится мѣсто, въ которомъ хозяева прячутъ деньги, драгоценности и т. п. Это секретное мѣсто (*мажба*) служить недоверчивому Арабу лучше нашихъ желѣзныхъ сундуковъ, и употребленіе мажбы оправдывается необезпеченнымъ на Востокъ состояніемъ частной собственности, подверженной любостыжательному произволу хищныхъ властей.»

Если Европейцу случится быть на пиру у какого богатаго туземнаго вельможи, знакомаго нѣсколько съ утонченностями образованной жизни, то онъ найдетъ и серебряный приборъ для себя, и «запрещенные» напитки для всей честной компаніи. Правовѣрные усердно потягиваютъ хересь, коньякъ и другіе напитки, не упоминаемые въ Коранѣ, но всему предпочитаютъ шампанское: «это лучшая франкская работа (*шугель-афрани*), говорятъ они, забавляясь хлопаньемъ пробокъ и глотая искрометную влагу. Но, почтеніемъ къ вину да сознаніемъ превосходства въ разныхъ знаніяхъ и ограничивается чувство зависти, какое могъ бы питать мусульманинъ къ намъ, и неизмѣнно въря въ предопредѣленіе, онъ готовъ сказать: «Суетитесь вы, невѣрные Франки, бьетесь Аллахъ въсть изъ чего! Ну, пусть ваша беретъ здѣсь на землѣ, но за то тамъ, въ жизни лучшей, безсмертной, не состязаться вамъ съ нами!»

Видѣть пародію на Европейскій пиръ любопытно, но еще любопытнѣе встрѣтить въ Египтѣ слѣды древняго патріархальнаго гостепримства, которое, къ сожалѣнію, болѣе и болѣе исчезаетъ даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ оно считалось когда-то добродѣтелью. Послушайте.

«Мы навѣстили шейха эль-беаде, у котораго нашли человѣкъ двадцать гостей, довольно чисто одѣтыхъ, сидѣвшихъ во дворѣ подъ навѣсомъ. Хозяинъ принялъ насъ весьма вѣжливо, и повелъ въ большую комнату безъ оконныхъ отверстій, получавшую свѣтъ только черезъ открытыя двери; для насъ постлали на полу коврикъ, и шейхъ, молодой человѣкъ пріятной наруж-

ности, пригласилъ насъ къ обѣду, который тутъ же стали подавать, но отъ котораго мы отказались, позавтракавъ недавно передъ тѣмъ на баркѣ. Слуга принесъ на головѣ толстую, круглую цыновку, наполненную сотнею и больше крошечныхъ горячихъ хлѣбовъ изъ кукурузной муки. Они, кажется, называются *бутау*, выпечены дурно и продаются на деревенскихъ базарахъ по фадѣ (около $\frac{1}{2}$ коп. сер) каждый, что, при малости ихъ вовсе, не дешево; было также съ двадцать большихъ лепешекъ пшеничныхъ. Хлѣбъ этотъ расположили на краю цыновки, а въ средину ея поставили огромный подносъ изъ луженой мѣди; на немъ были тарелки и блюдечки съ кислымъ молокомъ, вареными сливками, лимонами, сыромъ, разными сладостями и т.п. Другой слуга принесъ пять большихъ пироговъ съ мясомъ, на видъ довольно аппетитныхъ, и нѣсколько небольшихъ глиняныхъ кувшиновъ (*эль-кулла*) съ непрофиженною Нильскою водою; ее пьютъ безъ стакановъ, прямо изъ горлышка, и въ деревняхъ другаго напитка за столомъ не употребляютъ. Общество немедленно усѣлось на корточкахъ вокругъ подноса на полу, и всякій сталъ совать пальцы правой своей руки то въ блюда, то въ пироги, какъ попадется; лѣвую, употребляемую при омовеніяхъ, мусульмане считаютъ нечистою, и смотрять не безъ отвращенія на Европейцевъ, когда они ѣдятъ обѣими руками безъ различія. Всѣ чужіе люди, проходящіе черезъ деревню въ обѣденную пору, имѣютъ право садиться за столъ у шейха-эль-баладъ, безъ приглашенія и особеннаго привѣтствія, призывая только имя Аллаха (*бисмыллахи*). Шехи за такую возложенную на нихъ обязанность безмезднаго угощенія странствующихъ, получаютъ отъ казны особый участокъ земли, освобожденный отъ повинностей. Между гостями я замѣтилъ солдата, двухъ писцовъ-Кобтовъ и одного Араба слѣпаго; всѣ прочіе были зажиточные обыватели, судя по шелковымъ ихъ кафтанамъ и близинѣ кисейныхъ шадей на чалмахъ. На Востокѣ блюда подаются всѣ вмѣстѣ, а не одно за другимъ, какъ у насъ; поэтому разговора тамъ за столомъ не бываетъ; всякій молча ѣсть что и сколько ему угодно, и насытившись встаетъ безъ дальнѣйшихъ комплиментовъ, произнося: *ани шабанъ* (я сытъ), или *эль-хамды-лыллахъ* (хвала Аллаху), и уходитъ. Послѣ гостей, за ту же трапезу съли слуги ихъ а наконецъ ожидавшіе у воротъ бѣдные; хозяинъ не вставалъ съ своего мѣста, пока и эти послѣдніе не отоѣдали. Такой обычай открытаго, широкаго гостепріимства, напоминающій патріархальныя, библейскія времена, показался мнѣ истинно-трогательнымъ и прекраснымъ.»

Съ небольшимъ черезъ годъ (въ Мартѣ 1848) Г. Рафаловичъ предпринималъ вторую поѣздку, сухимъ путемъ, изъ

Каира въ Александрію чрезъ внутреннія области Дельты, посѣтилъ много новыхъ мѣстъ, собралъ богатые данныя для своей ученой задачи и внимательныя подробности о состояніи страны, которую старался изучить не только какъ врачъ. Особенно любопытны историческія свѣдѣнія о частной собственности въ Египтъ о раздѣленіи земель на разряды, о владѣніяхъ мечетей; описаніе современнаго муниципальнаго устройства деревень и городовъ, сбора податей, системы монополій, раздачи Мехметомъ-Али деревень своимъ родственникамъ и сановникамъ. Мы бы выписали цѣлкомъ всѣ эти свѣдѣнія, превосходно знакомящія съ финансовою системою покойнаго Паши, еслибъ не боились перейти за предѣлы библиографическаго разбора. Удольствуемся разсказомъ объ одномъ приключеніи, которое авторъ испыталъ въ городѣ Тантѣ, знаменитомъ двумя своими ярмарками, на которыя стекается до 100 тысячъ человѣкъ, и могилою одного мусульманскаго святаго, славящагося свойствомъ давать потомство усерднымъ поклонникамъ, лишеннымъ этого счастья. — Попавъ въ городъ во время ярмарки (только не главнѣй), Г. Рафаловичъ съ трудомъ нашелъ себѣ квартиру, очень незавидную. Отыскавъ потомъ другую, нѣсколько получше, онъ переселился въ нее. Хозяйки квартиръ поссорились между собою за постояльца, да такъ, что

«Шейхъ-эль-харэ» (начальникъ квартала) долженъ былъ наконецъ вмѣшаться въ дѣло, чтобы унять разъяренныхъ бабъ. Первая хозяйка увѣрила было его, что ни у меня, ни у людей моихъ не было *тэзкарэ* (паспортовъ), а какъ употребленіе ихъ, недавно введенное, тогда требовалось еще довольно строго, то шенхъ съ нѣкоторою важностью явился ко мнѣ справиться о томъ; важность его еще увеличилась, когда я весьма вѣжливо посадилъ себя на полу, попотчивалъ кофеемъ и сигарою, и кроткимъ обращеніемъ усилилъ въ немъ подозрѣніе, что я точно человѣкъ безъ виду. Онъ началъ заговаривать «о строгости пашиныхъ приказаній на счетъ *тэзкарэ*: я молчалъ; «объ отвѣтственности, падающей на мѣстныя начальства за несоблюденіе этихъ приказаній» — я предложилъ ему вторую чашку кофе, въ которую самъ положилъ сахаръ, и потомъ медленно опустилъ руку въ карманъ пальто; шенхъ лукаво посмотрѣлъ мнѣ въ глаза, а я,

сохраняя прежнее выраженіе скромности, вынулъ — не кошель, но *букорулды*, полученный отъ Аббасъ-паша въ Канръ, и развернулъ его на когъняхъ передъ шейхомъ, у котораго при видѣ этого большаго листа, курчавыхъ на немъ письменъ и пашинской печати, начатая фраза замерла на поблѣднѣвшихъ устахъ; онъ поспѣшно всталъ, не допивъ чашки. «Вотъ и наши четыре тѣкере!» прибавилъ я; слуга мой при этомъ шепнулъ ему, что я *бей мускуби*, «московский бей,» и тѣмъ довершилъ смущеніе его. «О бей, сказала шейхъ: развѣ знатымъ Франкамъ, какъ ты, нужны паспорта? Вѣдь *эфендина*, великій паша, принимаетъ и любитъ васъ какъ пріятелей и братьевъ: на что же вамъ тѣкере?».... Послѣ этой комической сцены онъ почтительно удалился, разогнавъ чернь, ожидавшую передъ домою, и тишина наконецъ воцарилась въ уллицѣ.»

Изъ этого краткаго обзора Путешествія Г. Рафаловича читатели наши могутъ видѣть, какъ занимательно оно, и сколько удовольствія ожидаетъ тогс, кто прочтетъ его вполне. Появленіе слѣдующихъ частей Путешествія зависитъ отъ возстановленія здоровья автора, разстроеннаго на Востокъ: пожелаемъ же усердно, чтобъ это было какъ можно скорѣе. Муравьевъ, Норовъ, Ковалевскій, Уманецъ, Святогорецъ, и наконецъ теперь Г. Рафаловичъ — вотъ цѣлое общество почтенныхъ литераторовъ и ученыхъ, которые познакомили насъ хорошо съ Сиріей, Европейскою Турціей и Египтомъ.*

76. Сказаніе о иконѣ Божіей Матери, именуемой Абалацкою. М. 1849. Стр. 18 въ 8-ю д. л.

77. Жизнь Іоанна Максимовича, Митрополита Тобольскаго и всея Сибири. М. 1849. Стр. 16 въ 8-ю д. л.

Икона Абалацкой Божіей Матери принадлежитъ къ числу наиболее чтимыхъ святынь Сибири. Она находится въ Абалацкомъ третье-классномъ мужскомъ монастырѣ, въ 25 верстахъ отъ Тобольска. Написанная въ 1637 г., при третьемъ Тобольскомъ Архіепископѣ Нектаріѣ, вслѣдствіе видѣній, являвшихся одной благочестивой вдовѣ, икона

* Вѣроятно, къ этому обществу скоро присоединится и Г. Ценковский, молодой ученый, путешествовавшій при содѣйствіи Географическаго Общества, въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій коего онъ читалъ этнографическіе очерки Египта.

Абалацкой Божіей Матери прославлена многими чудесами, и привлекаетъ тысячи богомольцевъ со всей Сибири, особенно въ Іюнь и началъ Іюля мѣсяцевъ, передъ тѣмъ, какъ съ иконою совершается крестный ходъ въ Тобольскъ, гдѣ она и пребываетъ двѣ недѣли (съ 8 по 23 Іюля.)

Іоаннъ Максимовичъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ іерарховъ Сибири, родился 1651 г., въ Малороссіи, въ городѣ Нѣжинѣ, который, кромѣ его, далъ Русской Церкви трехъ знаменитыхъ іерарховъ: Стефана Яворскаго, мѣстоблюстителя Патріаршаго престола, Амвросія Зертись-Каменскаго, убитаго въ Москвѣ во время моровой язвы, и Георгія Конисскаго, автора «Исторіи Малороссовъ». — По окончаніи курса въ Кіевской Академіи, онъ поступилъ въ монашество; въ 1695 г., былъ произведенъ въ Архимандрита Елецкаго Черниговскаго монастыря, черезъ два года, по представленію Малороссійскаго Гетмана Ивана Мазепы, хиротонисанъ въ Епископа, а вскорѣ пожалованъ въ Архіепископа Черниговской паствы, которою и управлялъ болѣе 14 лѣтъ. Благочестивая жизнь Іоанна Максимовича служила примѣромъ для всей паствы, а постоянная заботливость о нуждахъ епархіи снискала ему общую любовь. — Въ 1711 году, съ отреченіемъ Филовея Лещинскаго, сдѣлалась праздною Сибирская митрополія, и Іоаннъ Максимовичъ, не смотря на свои преклонныя лѣта, посвященъ былъ въ Митрополита Тобольскаго и всея Сибири. Въ этомъ назначеніи его дѣятельности предстояло обширное поприще. Тобольская епархія простиралась въ то время отъ Уральскихъ горъ до Камчатки и отъ Бухтармы и Кяхты до Обдорска и Колымы. Совершенный недостатокъ образованнаго духовенства; народонаселеніе, состоявшее болѣе нежели на половину изъ инородцевъ и раскольниковъ, которые, въ царствованіе Петра I, толпами бѣжали въ Сибирь, увлекая множество простодушныхъ въ свои заблужденія, и сожигались сотнями, — вотъ какія затрудненія предстояло преодолѣть новому пастырю. По кратковременности своего управленія митрополіею (менѣе 4 лѣтъ) онъ не могъ сдѣлать многого, но его ревностное усердіе все-таки успѣло принести достаточные плоды, особенно по обращенію идолопоклонниковъ въ христіанство. Сюда же надо отнести и

те, что въ 1714 г. Преосв. Іоаннъ, согласно волѣ Петра I, отарылъ въ Пекинъ православную духовную миссію. — Поживъ съ миромъ 63½ года, Іоаннъ Максимовичъ съ миромъ отошелъ и въ вѣчность. «10 Іюня 1715 г., послѣ литургии онъ угощалъ столомъ градское духовенство и нищихъ, при чемъ симъ послѣднимъ самъ прислуживалъ; послѣ стола простился съ духовенствомъ, но удержалъ на нѣкоторое время двоихъ, болѣ любимыхъ имъ, священниковъ. Что говорилъ съ ними, не извѣстно, только отпустивъ ихъ, онъ заперся въ своихъ внутреннихъ покояхъ. Вечеромъ жители Тобольска, вѣроятно, приведенные въ недоумѣніе еще разсказами о прощаніи Преосвященнаго съ духовенствомъ, сильно обезпокоились тѣмъ, что во всемъ городѣ не было благовѣста къ вечернямъ, много и долго спустя послѣ обыкновеннаго срока. Тѣ, на коихъ лежала обязанность испрашивать благословеніе, равно какъ и служащіе при Архіерейскомъ домѣ, ужь много разъ приходили къ кельѣ Преосвященнаго, стучались и звали его; но ни двери не отворялись, ни голоса не было подаваемо. Наконецъ пріѣхалъ въ Архіерейскій домъ Губернаторъ, которымъ въ то время былъ Князь Гагаринъ, въ послѣдствіи такъ бѣдственно кончившій жизнь свою. Послѣ новыхъ, но и опять тщетныхъ попытокъ вызвать Преосвященнаго, Князь принимая отвѣтственность предъ нимъ на себя, приказалъ ломать двери. Что же представилось, когда двери были отворены? — Митрополитъ, въ молитвенномъ положеніи, на колѣнахъ, стоялъ предъ иконою Спасителя и давно уже мертвый.» — Попечительный о'нуждахъ своей паствы, сострадательный къ бѣднымъ, Іоаннъ Максимовичъ оставилъ по себѣ въ Сибири добрую и долгую память: мѣстные жители до сихъ поръ служатъ на гробъ его панихиды; во многихъ домахъ по Сибири можно видѣть его изображенія.

Іоаннъ Максимовичъ извѣстенъ многими назидательными сочиненіями. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ: «Театръ нравоучительный, или нравоучительное зеркало для царей, князей и деспотовъ», «Царскій путь креста Господня, вво-

* Въ тѣ времена безъ благословенія Архіерейскаго не звали ни къ какому богослуженію.

дацій въ животъ вѣчный»; «Осмь блаженствъ евангельскихъ, изъясненныя,» и проч., и проч. Ихъ должно еще разсмотрѣть и объяснить по нимъ его богословію и философію.

Авторъ разсмотрѣнныхъ нами брошюръ — законоучитель Сибирскаго Кадетскаго Корпуса, Священникъ А. Сулоцкий, дѣятельно собирающій матеріалы, относящіяся къ церковной исторіи Сибири, и котораго нѣсколько статей по этому предмету читатели наши видѣли въ прошедшемъ году Москвитянина, обязаннаго ему, вмѣстѣ со всѣми любителями Исторіи, истинной благодарностію.

78. Слова и рѣчи на разные случаи, говоренныя Московскаго Богоявленскаго монастыря настоятелемъ Архимандритомъ Митрофаномъ. Москва. 1850. Стр. 115.

Въ этомъ собраніи помѣщены слова и рѣчи, особенно замѣчательныя по случаямъ, при которыхъ онѣ произнесены. Всѣ онѣ говорены при большихъ собраніяхъ народа и большею частію при погребеніяхъ. Всѣхъ содержащихся здѣсь словъ и рѣчей числомъ 13.

Вотъ перечень словъ: Слово на день Тезоименитства Государя Наслѣдника Престола, — при освященіи храма Софій въ церкви Іоанна Предтечи за Прѣсною; при погребеніяхъ: Епископа Діонисія, 1846 г., — Протопресвитера Іакова Дмитриевича Никольскаго, 1859 г., — Протоіерея Терентія Соколова, 1848 г., — Тайнаго Совѣтника Акинфіева, 1848 г., — Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Антона Антоновича Прокоповича-Антонскаго, 1848 г., — Вѣры Θεодоровны Скалонъ, — Почетнаго Гражданина В. И. Третьякова; — Слово въ воспоминаніе о Димитрѣ Петровичѣ Горихвостовѣ. Рѣчи: при открытіи Срѣтенской и Полянской школъ Московскаго Благотворительнаго Общества въ 1843 и въ 1845 годахъ, и при закрытіи Жолерной больницы въ 1847 году.

Архимандритъ Митрофанъ пользуется въ здѣшней Столицѣ давнишнею и заслуженною славою церковнаго проповѣдника, и конечно, очень многіе изъ читателей его проповѣдей часто были и слушателями живой его проповѣди,

и знаютъ его, какъ отличнаго оратора. И самыя слова его заключаютъ въ себѣ много внутреннихъ достоинствъ. Они отличаются правильнымъ построениемъ, ясностію мысли, хорошимъ знаніемъ и приличнымъ употребленіемъ Св. Писанія, многими удачными примѣненіями и оборотами. Слова погребальныя заключаютъ въ себѣ много трудностей для проповѣдника. Часто нужно бываетъ обозрѣвать въ нихъ гражданскую и семейную жизнь умершаго, но обозрѣвать взглядомъ духовнымъ, не опуская ничего, что можетъ возбудить христіанское сочувствіе, и съ другой стороны, не пускаясь въ житейскія подробности, неумѣстныя на церковной кафедрѣ.* Архимандритъ Митрофанъ умѣетъ часто совмѣстить въ словахъ своихъ все важное и нужное, что представляетъ жизнь умершаго, и на все бросить взглядъ приличный служителю вѣры. *Д. К.*

79. *Статейный списокъ Столышка Василія Тяпкина и Дьяка Никиты Зотова, посольства въ Крымъ въ 1680 г., для заключенія Бакчисарайскаго договора. Одесса. 1850. Стр. VI и 284 въ 12 д. л.*

Изданіемъ этого статейнаго списка Русская Исторія обязана просвѣщенному содѣйствію Князя М. С. Воронцова, въ библіотекѣ котораго находится подлинникъ его, и неутомимому трудолюбію Профессора Н. М. Мурзакевича. Для исторіи древней нашей дипломатіи это очень полезный матеріалъ. Это уже третій списокъ въ послѣднее время изданный, первый—А. Д. Чертковымъ о посольствѣ во Флоренцію, второй С. К. Смирновымъ о посольствѣ Милославскаго. Это посольство отправлено было Царемъ Θεодоромъ Алексѣвичемъ къ Крымскому Хану Муратъ-Гирею для заключенія договора о границѣ между обоими государствами, которою и назначены были: рѣка Днѣпръ и городъ Кіевъ, съ принадлежащими къ нему городками Васильковымъ, Трипольемъ и Стайками. Кромѣ подробностей о посольскихъ переговорахъ, *Статейный списокъ* содержитъ въ

* Сознаемся, что въ этомъ отношеніи едва ли мы можемъ указать на одного проповѣдника, который бы умѣлъ воздержаться отъ папегиризма. *Ред.*

себѣ любопытныя замѣтки о пути, которымъ ходили въ Крымъ, о наружности Хана и характерѣ его повѣренныхъ, и проч. Авторъ Статейнаго списка есть Дьякъ Посольскаго Приказа (по нынѣшнему Министерства Иностранныхъ Дѣлъ секретарь) Никита Моисеевичъ Зотовъ, знаменитый въ послѣдствіи тѣмъ, что состоялъ «охранителемъ здравія» и первымъ наставникомъ Царевича Петра Алексѣевича. Для своего времени онъ былъ дипломатъ довольно искусный. Представляемъ нѣсколько мѣстъ изъ описанія посольства.

Дорогою и въ Крыму послы часто подвергались опасностямъ и лишеніямъ. Напримѣръ, вотъ какой былъ посольской дворъ. «А строенія на посольскомъ дворѣ по Аталыкову мирному договору учинено при посланникѣ Царскаго Величества, при Васильѣ Ылчинѣ, четыре пунишки складены изъ дикого не тесоного камня, смазаны скареднымъ навозомъ, безъ потолоковъ и безъ мосту и безъ лавокъ и безъ дверей, а для свѣту учинено по одному окошку. И воистинну объявляемъ о томъ строеніи, яко псомъ и свиніямъ въ Московскомъ государствѣ далеко покойнѣе и теплѣе, нежели тамъ намъ посланникомъ Царскаго Величества. А лошадямъ не только какихъ конюшенъ учинено и привязать ихъ было незачто; и кормовъ намъ и лошадямъ нашимъ ничего не давали, и купить съ великою нуждою хлѣба и ячмени и соломы на силу добывали, и то самою высокою цѣною.»

Предъ первую аудіенцію послы выхлопотали себѣ важную уступку со стороны мусульманскаго этикета: «въ то время, когда будемъ предъ Хановымъ В—вомъ на посольствѣ и станемъ ему по чину честь и поклонъ отдавать, чтобъ насъ за шею не брали и силою до земли не нагибали, и тѣмъ насъ не безчестили; мы и сами поклонимся по надлежащему чину. И Ахметъ-ага сказалъ: для добродѣе вашего посольства нагибать силою васъ не велитъ, буде вы сами до земли поклонитесь, также бы-де и Царское В—во изволилъ Крымскимъ посланникамъ и гонцомъ въ нагибаніи поклоновъ повольность учинить.» — Аудіенція прошла довольно благополучно.... «Не доѣзжая до воротъ Ханскаго двора, самень за 30, всѣхъ насъ остановили копычей и семейни и велѣли съѣсть съ коней и итить пѣ-

шить. И мы о томъ съ приставомъ и съ конячелки споривались много и хотѣли ѣхать до самыхъ воротъ, и они насъ задержали, и лошадей подъ нами остановили, и далѣ ѣхать не пустили. И мы съѣдчи съ лошадей шли до Ханскаго двора, и дворомъ, и въ хоромы къ Хану вошли въ шапкахъ, тѣмъ же посольскимъ порядкомъ, и вшедши стали посреди полаты, и увидѣвъ Ханово Величество шапки сняли и поклонились ему до земли, собою безъ всякіе неволи за договоромъ вышеупомянутымъ съ ближнимъ человекомъ. Ханъ сидѣлъ въ правой сторонѣ палаты, въ углу, на бархатномъ червчатомъ коврѣ, опершися о подушки золотныя. Онъ особою своею строенъ и дороденъ, лица красного, взоромъ свѣтелъ и веселообразенъ, среднего вѣку, волосомъ черенъ съ сѣдиною, бороду красить. Платье на немъ, портище суконное муромъ зеленое на соболяхъ, Турецкимъ строемъ, подъ исподомъ кафтанъ тафтяной алой цвѣтъ; шапка — сукно красное съ соболемъ — Татарская. Въ полатъ по стѣнамъ обитья никакова не было, только надъ нимъ Ханомъ висѣлъ на гвоздѣ сладакъ ево и сабля и пиногоръ бархатной. Ближніе люди стояли по обѣ стороны подлѣ стѣнъ въ рядъ, въ одинъ человекъ. Платье на нихъ Турецкимъ и Татарскимъ строемъ, въ челмахъ и шапкахъ.»

Когда дошло до переговоровъ о границѣ, вдругъ возникли большія затрудненія для нашихъ пословъ. Ханъ и особенно ближніе его люди и слышать не хотѣли даже о малѣйшей уступкѣ; дипломатическія уловки, обещанья подарковъ, краснорѣчивыя объясненія спорнаго дѣла — мало дѣйствовали, — и Крымцы, видя настойчивость пословъ, употребили противъ нихъ очень незаконныя мѣры. Дьякъ Зотовъ говорить: «и за то насъ Ханъ велѣлъ задержать до указа Салтана Турскаго въ великой тѣснотѣ и въ голодной скудости и на стужѣ, въ землянной ямѣ, гдѣ ни печи, ни лавокъ, ни потолка, ни окошекъ не было, только дверцы съ окошечкомъ маленькимъ, въ который входили и исходили, да сверху накрыто хворостомъ и наметано землю и тамъ животь свой мучили.» А въ другой разъ: «бей приказалъ посольскаго двора сторожу не велѣлъ къ намъ ни какихъ народовъ людей съ харчами и конскимъ кормомъ

и съ дровы припущать, и для покушнн всякихъ кормовъ съ посольскаго двора людей нашихъ въ Бакчисарай и по деревнямъ, спускать не велѣлъ.» Послы должны были уступить, тѣмъ болѣе, что «Ханъ велѣлъ влиять по всѣмъ Крымскимъ портамъ и по Нагайскимъ улусамъ, чтобъ готовились въ войну, по Государевы Украинскіе города, на весну»... За уступкою требованій касательно границы, въ прочихъ статьяхъ договора условились безъ затрудненій, — и мирный договоръ былъ заключенъ 3 го Января 1681 г. Ханъ закрѣпилъ свои обѣщанія шертною грамотою. Начало ея особенно любопытно по громкому титулу, какой давали себѣ владѣтели Крыма. «Божіею милостію Великіе Орды, Великого Юрта Крымскаго престола, Кипчацкіе отени многихъ Татаровъ и безчетныхъ Нагаевъ, правой и лѣвой отраны несчетныхъ темъ Татовъ и Тевкъсовъ и междугорскихъ Черкесовъ Государь, высокоимянитый Ханъ, благодатный, славнѣйшій, сильнѣйшій и дерзновеннѣйшій, мы великій Муратъ-Гирей-Ханъ, сынъ въ благодати въ настоящихъ временахъ....»

80. Аѳинская Игемонія. Разсужденіе Михаила Стасюлевича, представленное въ 1-ое отд. Фил. Факультета С. Петербургскаго Университета для полученія степени магистра Всеобщей Исторіи. Спб. 1849. 90 стр. въ 8-ю д. л.

Обязанность рецензента, особенно въ нашей, еще довольно юной литературѣ, состоитъ, намъ кажется, въ томъ, чтобы, мягко и правдиво указывая на недостатки каждаго сочиненія, выставяя съ участіемъ хорошія его стороны, ободрять и поддерживать автора на томъ пути, который ему особенно свойственъ, и доброжелательнымъ сужденіемъ способствовать ему употреблять свои силы на такія работы, въ которыхъ его трудъ можетъ быть наиболѣе производителенъ. Еще болѣе доброжелательности и осторожности долженъ показывать рецензентъ, когда имѣеть дѣло съ первыми учеными или литературными опытами. Слишкомъ строгій отзывъ можетъ привести въ отчаяніе и отбить охоту, слишкомъ снисходительный возбудить ошибоч-

ныя понятія объ успѣхѣ : и въ томъ и въ другомъ случаѣ, рецензія не будетъ имѣть добрыхъ послѣдствій, скорѣе ослабитъ энергію автора или приведетъ его въ болѣзненную раздражительность, нежели направитъ его силы. По этому-то, когда еще вскорѣ послѣ выхода диссертациі Г. Стасюлевича, мы прочли ее и увидѣли, что отыскивать въ ней хорошія стороны стоитъ гораздо большаго труда, нежели указать на недостатки, мы отложили намѣреніе писать на нее рецензію, и остались бы при томъ, даже послѣ того какъ эта диссертациія была совершенно не по достоинству расхвалена рецензентомъ одного Петербургскаго журнала, очевидно нисколько незнакомымъ съ ея предметомъ. Приглашенные недавно редакціею Мосвитянина, мы были въ затрудненіи и вѣроятно, не иначе сказали бы наше мнѣніе о диссертациі Г. Стасюлевича, какъ при отчетѣ о какой-нибудь другой книгѣ, занимающейся родственнымъ предметомъ. Но теперь авторъ значительно облегчилъ наше дѣло, выступилъ самъ рецензентомъ, тѣмъ болѣе, что книга, имъ рецензирванная, есть также ученая диссертациія. По этому-то, при ея рецензіи, Г. Стасюлевичъ имѣлъ случай высказать нѣсколько мыслей и требованій относительно ученыхъ диссертациій вообще, — и намъ остается только легкій трудъ приложить его требованіе къ его собственному произведенію. При этомъ дѣлѣ мы совершенно свободны отъ опасенія быть несправедливыми : мы будемъ его судить по его собственной формулѣ; если мы возьмемъ на себя обязанность судьи, то на его сторонѣ будетъ та выгода, что онъ будетъ и подсудимымъ и преторомъ. Произнесеніе приговора мы также предоставимъ ему самому. Сужденіемъ нашимъ онъ, конечно, не оскорбится, какъ оно ни будетъ невыгодно : какъ писатель не начинающій, а уже судящій и рядящій въ литературѣ, онъ, навѣрное, не потребуеетъ отъ насъ снисходительности. Мы же кромѣ того будемъ благонамѣренны, будемъ говорить прямо и *безъ заднихъ мыслей*.

Нашею исходною точкою будутъ замѣчанія, высказанныя имъ самимъ въ вышеупомянутой рецензіи. Мы признаемся, что воспользуемся не всѣми ими. Причина та, что нѣ-

которыя изъ нихъ намъ не по силамъ. Сюда относятся наврѣянія, подобныя тому, будто бы «наука, какъ и все то, что произведено человѣческимъ духомъ, родилась вслѣдствіе какой-то прирожденной и потому (!) необъяснимой потребности знанія, или «будто бы разборъ источниковъ относится къ двумъ сторонамъ: къ самому тексту источника и къ лицу его автора, изъ которыхъ первая составляетъ предметъ филологіи, а вторая философіи,» не говоря объ удивившемъ насъ отождествленіи науки въ одномъ мѣстѣ съ ученостью, а въ другомъ съ односторонними и произвольными теоріями. Оставляя въ сторонѣ подобныя вещи, мы воспользуемся только тѣмъ, что мы въ состояніи понять и повторить.

Начнемъ съ замѣчанія, вполне справедливаго, что изъ историческихъ наукъ «до сихъ поръ только одна наука исторіи древняго (надобно прибавить: классическаго) міра можемъ гордиться прочностью своего основанія.» Дѣйствительно, «какая лѣтопись среднихъ вѣковъ можетъ сравниться по своей (?) ясности, точности и богатству критическихъ объясненій, напр., съ исторіею Геродота, Фукидида и др.?» Но что же слѣдуетъ для насъ изъ того, что «начиная съ такъ называемой эпохи «возрожденія», т. е. съ XV ст., вся (?) дѣятельность ученыхъ была направлена исключительно къ изданію и комментированію древнихъ авторовъ? Изъ этого конечно слѣдуетъ, что въ сочиненіяхъ по части Греческой и Римской исторіи гораздо менѣе извинительны, нежели въ сочиненіяхъ объ исторіи другихъ народовъ, ошибки, проистекающія или изъ непониманія словеснаго смысла источниковъ, такъ хорошо объясненныхъ учеными, или изъ непониманія изслѣдованій новыхъ ученыхъ, которыя такъ обширны и полезна, но, само собою разумѣется, только для людей, ихъ понимающихъ, или изъ неопытности и неловкости въ тѣхъ приемахъ которые доведены до такого совершенства людьми, разработывавшими источники Греческой и Римской исторіи.

Въ диссертациі Г. Стасюлевича мы нашли въ очень большомъ числѣ ошибки всѣхъ этихъ родовъ. Вполнѣ

исчислять ихъ мы не станемъ, не будучи расположены утомлять ни себя, ни читателя, а приведемъ только по нѣскольку обращеній, оставляя остальные замѣтки на случай, ежели нашъ преторъ задумаетъ ихъ отъ насъ потребовать. Мы особенно настаиваемъ на томъ, что, для краткости, выбираемъ только по два или по три примѣра, хотя могли бы привести гораздо болѣе. Поэтому наши замѣтки отнюдь не придирки.

И такъ, во-первыхъ, непониманіе словеснаго смысла доказательныхъ мѣстъ. Начнемъ съ великаго искусства дѣлать конструкцію. Стр. 12: *Αἰγῖνῆται Ἐπίδαυρίων ἤκουον τὰ τε ἄλλα καὶ δίκας, διαβαίνοντες ἐς Ἐπίδαυρον, ἐβίδωσαν.* Это мѣсто Геродота (V, 83) Г. Стасюлевичъ переводитъ: «Эгинцы повиновались Епидаврійцамъ и какъ все прочее, такъ и судъ, имѣли въ Епидаврѣ.» Слѣдовало перевести: какъ вообще повиновались Епидаврійцамъ, такъ и судъ имѣлъ въ Епидаврѣ;» стр. 42: *χρῆ γὰρ τοὺς ἡγεμόνας—τὰ κοινὰ προκοπεῖν, ὅσπερ καὶ ἐν ἄλλοις ἐκ πάντων προτιμῶνται.* Г. I, 120. по переводу Г. Стасюлевича: «Игемону нужно надзирать за общественными дѣлами;» по правильному переводу: «Гегемону нужно заботиться объ общихъ, (т. е. союзныхъ) дѣлахъ.» Эта ошибка тѣмъ была вреднѣе, что повела къ заключенію о судебной зависимости городовъ отъ гегемона, тогда какъ въ Фукидидовомъ мѣстѣ говорится только о предпочтительной (и то, не-исключительной) обязанности гегемона заботиться о благѣ союза. Вообще Г. Стасюлевичъ имѣетъ о судѣ ложное понятіе и никакъ не можетъ отличить суда отъ вещей вообще на него непохожихъ. Такъ напр. слово *βουλευτήριον*, означающее совѣтъ, онъ во многихъ мѣстахъ передаетъ словомъ «судъ», и на этомъ ложномъ переводѣ строитъ свое оригинальное мнѣніе о судебной зависимости автономическихъ городовъ отъ гегемона, см. стр. 43, 45 и др.

Во-вторыхъ, непониманіе объясненій предложенныхъ новѣйшими учеными, составляетъ общій недостатокъ разбираемаго разсужденія. «Разсматривая обще принятыя опредѣленія игемоніи Аѣинъ», такъ начинается авторъ свое разсужденіе, «мы увидимъ, что ее обыкновенно считаютъ то сою-

зою, то какимъ-то особеннымъ военнымъ учрежденіемъ. Мы, напротивъ, не считаемъ ни того, ни другаго опредѣленія *обыкновеннымъ* ни относительно гегемоніи вообще, ни относительно гегемоніи Аѳинъ, и указываемъ, въ подтвержденіе нашего сомнѣнія, на лексиконъ Пассова, въ которомъ, конечно, никто не станетъ искать необыкновенныхъ объясненій. Тамъ слово *ἡγεμονία* переводится просто словомъ *Vorgang* (Въ Лексиконъ Коссовича: «предводительство, верховная власть, а не одна команда»). Если этого мало, посмотримъ въ обыкновенные учебники и найдемъ, что Шеманнъ употребляетъ по-Латини вмѣсто сказаннаго Греческаго слова — *principatus Graeciae*, а Германнъ — *Bundeshauptmannschaft*. Обыкновеннымъ и истиннымъ опредѣленіемъ гегемоніи Аѳинъ остается слѣдующее: она была стратегическимъ и политическимъ предводительствомъ въ союзъ, образовавшемся послѣ Микальской побѣды изъ освободившихся отъ Персовъ Мало-Азіатскихъ колоній, какъ Іонійскихъ, такъ Эолійскихъ и Дорійскихъ, и другихъ приморскихъ городовъ и острововъ. Полемика Г. Стасюлевича не поколебала въ немъ ни одной іоты. «Автономія городовъ» говоритъ далѣе Г. Стасюлевичъ съ намѣреніемъ полемизировать, «принималась за независимость ихъ». Это также для насъ ново. Для насъ въ этомъ вопросѣ представителемъ современнаго состоянія науки служить Бѣкъ, а у него независимость приписывается союзникамъ Аѳинскимъ только въ первые времена (*Staatsb.* 1,428), о послѣдовавшемъ же времени говорится, что всѣ *постоянные союзники раздѣлились на самостоятельныхъ и подчиненныхъ* (*ib.* 433). Не выкинувъ въ смыслъ этого мѣста, авторъ во-первыхъ смѣшалъ два Нѣмецкія слова: *selbständig* и *unabhängig*, а во-вторыхъ слово *unterwürfig* перевелъ *повинный* вмѣсто *подчиненный*, погрѣшивъ и противъ ученыхъ, которыхъ мнѣнія онъ передавалъ, чтобы опровергать ихъ, и противъ Греческаго языка, на которомъ *повинный* значитъ *ὑποτακτός*, а не *ὑπήκοος*. Но посмотримъ, какъ онъ опровергаетъ созданное имъ самимъ «обыкновенное» мнѣніе ученыхъ. Сначала онъ хочетъ показать, что Аѳинская гегемонія была не союзомъ, а чѣмъ-то другимъ. Что дѣло идетъ объ Аѳинской гегемоніи, видно изъ двухъ мѣстъ первой страницы, и приведен-

ное тамъ въ нѣкоторомъ искаженіи «обыкновенное» опредѣленіе относится только къ Аѣинской гегемоніи. На страницѣ же 2-ой, въ опроверженіе его приводится мѣсто Фукидида (въ примѣчаніи, сказать мимоходомъ, не совсѣмъ точно переведенное), въ которомъ нѣтъ ни слова объ Аѣинской гегемоніи, а говорится о гегемоническомъ притязаніи Коринѣа относительно Керкиры, основывавшемся дѣйствительно не на союзѣ, а на правѣ метрополіи. Опроверженіе, основанное на этомъ мѣстѣ, имѣетъ такую же силу, какъ ежели бы мы стали опровергать всѣ существующія мнѣнія объ Аѣинской гегемоніи, опираясь или на Ксен. Анаб. 4, 7, 8, гдѣ *ἡ*у. значить, команду отрядомъ войска, или на ораторовъ, у которыхъ *ἡ*у. иногда значить компетенцію суда, или на Плут. Мар. 36, гдѣ *ἡ*у. означаетъ даже Римское консульство. Говоря объ Аѣинской гегемоніи, надобно опираться на мѣста, относящіяся къ Аѣинской гегемоніи. На стр. 3 авторъ споритъ противъ отождествленія автономіи и независимости, и ссылается на Фукидида, который (VI. 85), какъ говоритъ авторъ, «раздѣляетъ союзниковъ Аѣинскихъ на автономическихъ и независимыхъ», или, какъ сказали бы мы, отличаетъ отъ подчиненныхъ союзниковъ, во-первыхъ, постоянныхъ союзниковъ автономическихъ и, во-вторыхъ, такихъ союзниковъ, которые совершенно добровольно и временно участвуютъ въ союзѣ (переводъ этого мѣста у автора тоже неточенъ). Это Фукидидово различеніе отъ слова до слова соответствуетъ различенію сдѣланному Бѣкомъ (стр. 433); слѣдовательно Г. Стасюлевичъ приводитъ въ опроверженіе ученыхъ мѣста, которыми ученые воспользовались съ бѣльшимъ точностью, нежели онъ. Мѣсто Фукидида всѣмъ извѣстно и приводитъ его было нечего, развѣ только для подтвержденія другой стороны *обыкновеннаго* мнѣнія ученыхъ, отвергаемаго Г. Стасюлевичемъ. Мы говоримъ о положеніи, что Аѣиняне въ отношеніи союзниковъ своихъ руководствовались болѣе выгодною нежели правомъ. Въ приведенномъ имъ самимъ мѣстѣ Фукидида, нѣсколько выше, Г. Стасюлевичъ могъ бы прочесть, что Аѣиняне въ отношеніи къ союзникамъ слѣдуютъ всегда своей выгодѣ, и, нѣсколько ниже, нашель бы онъ собственными слова Аѣинянь къ жителямъ Кама-

рины: «намъ выгодно, чтобы Халкида платила подать, поэтому она и платитъ; но въ то же время намъ выгодно, чтобы вы были автономическимъ городомъ; по этому самъ нечего насъ опасаться.» Не ясно ли видно изъ этого признанія, что въ отношеніяхъ въ союзникахъ Афиняне не руководились справедливостью, а пользовались превосходствомъ своихъ силъ? А Г. Стасюлевичъ возражаетъ противъ этого мнѣнія. Далѣе, на той же третьей страницѣ, онъ говоритъ уже съ нѣкоторымъ презрѣніемъ о «прежняемъ взглядѣ на гегемонію и полагаетъ, что его еще труднѣе соединить съ тѣмъ мнѣніемъ Фукидида, гдѣ сказано, что повинные города (города, пострадавшіе, какъ это принимается, отъ Афинъ) всегда являются привязанными къ своимъ притѣснителямъ. Въ выноскѣ приводятся два мѣста Фукидида: III, 27 и IV, 130. Но въ обоихъ приведенныхъ мѣстахъ о привязанности нѣтъ ни слова; и какая, въ самомъ дѣлѣ, могла быть привязанность у людей, потерявшихъ даже право собственности на своей землѣ и платившихъ оброкъ Афинскимъ клерухамъ (Фук. III, 50)? По приведеніи этихъ (и только этихъ) опроверженій, авторъ говоритъ слѣдующее: «кажется, должно уже быть достаточно *всего* этого, на что мы теперь указали только вкратцѣ, чтобы по крайней мѣрѣ на первый разъ усомниться въ достаточности приводимыхъ до сихъ поръ опредѣленій Игемоніи и объясненій ея устройства.» Все это находится на *первыхъ трехъ* страницахъ. Объ опрометчивости всего этого мы не скажемъ ни одного слова и только прибавимъ, какъ выводъ изъ внимательнаго прочтенія диссертации Г. Стасюлевича, что другія основанія его полемики противъ «обыкновеннаго» опредѣленія гегемоніи также мало основательны, какъ и эти, представленныя на первый разъ на первыхъ трехъ страницахъ. Разбирать же все разсужденіе, какъ мы разбирали первые три страницы, значило бы написать на книгу Г. Стасюлевича другую книгу, а этого требовать отъ насъ невозможно.

Теперь посмотримъ, въ-третьихъ, *до какой степени онъ усвоилъ себѣ тѣ необыкновенно точныя пріемы*, которыми, по справедливости, гордится древняя классическая

филологія. Одинъ обращенъ мы уже имѣли въ приведенныхъ нехстати мѣстахъ Эукидида и въ произвольномъ выводѣ изъ двухъ изъ нихъ того, что изъ нихъ вовсе не слѣдуетъ. Подобная же неточность встрѣчается во многихъ другихъ не менѣ важныхъ мѣстахъ разсужденія. Такъ напр. авторъ на стр. 12 дѣлаетъ обзоръ отношеній метрополи къ поселеніямъ. Для его цѣли это очень важно, потому что, по его мнѣнію, все гегемоническое устройство произошло изъ метропольныхъ отношеній. Но его обзоръ сдѣланъ такъ, что его можно было бы удовлетворительно сдѣлать по однимъ учебникамъ. Между прочимъ авторъ принимаетъ тѣсную зависимость поселеній отъ метрополи въ дѣлахъ религіозныхъ и говоритъ, что жрецы «обыкновенно избирались въ поселеніяхъ изъ метрополи.» Основывается онъ на мѣстѣ Эукидида, толкуемомъ различно; онъ, повидимому, слѣдуетъ толкованію Поппо, но критическому изслѣдователю не слѣдовало бы обходить молчаніемъ другихъ толкованій, совершенно противоположныхъ, изъ которыхъ одно должно быть ему извѣстно изъ Шеманнова учебника древностей. Въ примѣчаніи онъ приводитъ слова схолиаста, какъ бы не зная, какой это недостаточный источникъ, и цитуетъ мѣсто Тацита, Аппол. II, 54. Но у Тацита только говорится, что жрецемъ-предсказателемъ въ оракулѣ Кларійскаго Аполлона близъ Колофона бывалъ Милетининъ, а изъ этого ровно ничего не слѣдуетъ: Кларійскій оракулъ былъ совершенно-самостоятельнымъ, а не Колофонскимъ городскимъ святилищемъ, и кромѣ того Колофонъ едва ли былъ колоніей Милета. Авторъ долженъ былъ знать, что происхождение Колофона отъ Милета не фактъ, а предположеніе Рауль-Рошетта (*Histoire critique etc.* III, 60), основанное на томъ же самомъ мѣстѣ Тацита, сравненномъ съ тѣмъ же самымъ мѣстомъ Эукидидова схолиаста.

Примѣровъ подобнаго неточнаго обращенія съ источниками на поляхъ нашего экземпляра отмѣчено очень много. Мы ихъ не выписываемъ, чтобы растянutoю рецензією не утомить читателя, а намъ самимъ, — мы въ этомъ соображаемся передъ авторомъ, — процессъ писанія не доставляетъ удовольствія, какъ другимъ рецензентамъ.

Г. Стасюлевичъ въ своей рецензии не разделяетъ мнѣнія Г. Грановскаго, что монографіи у насъ менѣе необходимы, нежели значительныя произведенія, къ которымъ могли бы прикнудить частныя изслѣдованія. Но, стоя за монографіи, онъ очевидно не можетъ не требовать, чтобы въ монографіяхъ не было замѣтно слѣдовъ недостатка общихъ сочиненій въ нашей ученой литературѣ. Сказать, что мы, ученые, движемся наукою и вмѣстѣ съ нею впередъ, онъ очевидно тѣмъ самымъ высказалъ и требованіе, чтобы ученая монографія соответствовала современному состоянію науки, и чтобы ученый монографъ былъ знакомъ съ современнымъ рѣшеніемъ вопросовъ, сопредѣльныхъ его вопросу. Если же это такъ, то что надобно сказать о такихъ монографіяхъ, гдѣ встрѣчаются не только промахи противъ той науки, къ которой относятся, но и нетвердость въ фактахъ? Напримѣръ, въ монографіи Г. Стасюлевича, Спарта считается метрополіей Дорическихкихъ колоній (стр. 17), или говорится, что Аѳиняне напали при первомъ удобномъ случаѣ оскорбленія Персамъ (стр. 18), тогда какъ Аѳиняне просили помощи у Персовъ противъ Клеомена и посылали пословъ къ Персамъ съ просьбою не вѣрить Гиппію? Приверженцами же Персовъ, по Г. Стасюлевичу, должны быть съ самаго начала Спартанцы, о которыхъ намъ рассказываетъ Геродотъ, что они бросили въ колодець пословъ Дарія и еще прежде запрещали Кирю покорять Греческія колоніи. На стр. 22 и 23 также смѣшаны факты, происходившіе слѣдующимъ образомъ. Когда союзники не хотѣли повиноваться Доркису, то вся его экспедиція возвратилась въ Спарту и другихъ экспедицій съ тѣхъ поръ Спартанцы отъ себя не выслали. Съ тѣхъ поръ Спартанцы въ войнѣ съ Персами не участвовали и союзниками Аѳинянъ быть не могли, а ежели говорится, что Греки раздѣлились нѣсколько послѣ, то изъ этого только слѣдуетъ, что Аѳиняне продолжали признавать себя союзниками Спарты, а Спарту своимъ гегемономъ. Союзъ, заключенный противъ Персовъ, въ главѣ котораго стояла Спарта, былъ разорванъ въ третью Мессенскую войну, но дѣйствительное предводительство на морѣ оставлено Спартанцами со времени возвращенія Дор-

писа. У Р. Стасюлевича эти факты нѣсколько спутаны, чего бы не случилось, если бы его диссертация могла прийтись къ какому-нибудь дѣльному большому труду. Равнымъ образомъ Г. Стасюлевичъ не впалъ бы тогда въ ошибку, по нашему мнѣнію, важную, не согласившись на стр. 42 съ Бѣкомъ, Составляя теорію происхожденія Аѳинской гегемоніи, онъ не оставилъ бы безъ упоминанія происхожденія Спартанской гегемоніи, которая не могла не послужить въ нѣкоторомъ отношеніи образцемъ для гегемоніи Аѳинской.

Послѣ всего сказаннаго о томъ, какъ Г. Стасюлевичъ пользуется теперешнимъ очень высокимъ состояніемъ классической филологіи, кажется, время выписать слѣдующія его слова: «Изъ всего сказаннаго нами объ историческихъ занятіяхъ ясно видна причина, по которой большая часть лучшихъ новѣйшихъ историковъ обращаютъ свое вниманіе преимущественно на исторію древняго міра. Совсе не величіе Грековъ и Римлянъ обращаетъ на себя ихъ вниманіе, а возможность трудиться сообразно съ требованіями науки исторіи: для нихъ все приготовлено.»

Г. Стасюлевичъ могъ хорошо воспользоваться тѣмъ, что для него все было приготовлено, и могъ легко трудиться сообразно съ требованіями науки. Это его собственныя слова.

Для Г. Стасюлевича, какъ кажется, совершенно не ясно значеніе термина *родовое нагало* (ф. стр. 23) и понятіе *государство*, (иначе онъ не назвалъ бы (на стр. 11) колоній частью государства, колоній, которыя у Грековъ не находились даже, безъ особыхъ договоровъ, въ отношеніи взаимнаго гражданства или исополитіи) и что онъ въ своемъ разсужденіи нѣсколько разъ смѣшиваетъ:

1. Судъ въ тяжбахъ города съ городомъ съ судомъ въ тяжбахъ отдѣльныхъ горожанъ и

2. Общія дѣла союза съ общественными городскими дѣлами его членовъ и съ частными дѣлами гражданъ тѣхъ городовъ, которые находятся въ союзѣ.

Но пора прекратить эти замѣчанія. Надѣясь при другомъ случаѣ поговорить о сущности весьма важнаго вопроса

объ гегемоніи въ Греціи, мы теперь только замѣтимъ, что, по нашему мнѣнію, ее никакъ нельзя производить исключительно отъ метропольныхъ отношеній, какъ дѣлаетъ Г. Стасюлевичъ, и что надобно строго различать ея различные виды, начиная отъ гегемоніи метрополій до гегемоніи Македоніи. Лучшимъ пособіемъ, чтобы познакомиться съ Аѳинской гегемоніей, мы считаемъ и теперь, послѣ диссертациі Г. Стасюлевича, превосходный отдѣлъ у Бѣка (*Staatshaush. I, 427—465*), и сомнѣваемся, чтобы наука изъ труда нашего автора могла воспользоваться многимъ, кромѣ раздѣленія Аѳинскихъ Клерухій на два разряда, хотя наименованіе полныхъ Клерухій гегемоническими, тоже, по нашему мнѣнію, неудачно. Впрочемъ мы видимъ въ его диссертациі похвальное желаніе работать по источникамъ и самостоятельно ихъ обсуживать, и ни какъ не скажемъ, что у него нѣтъ органа для историческихъ изслѣдованій. Напротивъ, мы думаемъ, что онъ легко можетъ освободиться отъ парадоксальности и другихъ недостатковъ, нами указанныхъ.* *II. Леопольдъ.*

84. Poésies de Marie Hlopoff. Moscou 1850 (Стихотворенія Мари Хлоповой (?)). Москва 1850.)

Нашъ вѣкъ такъ всестороненъ, такъ уменъ, что онъ даже заботится о тѣхъ людяхъ, которые сами не хотятъ заботиться о себѣ. Вы рѣшились ничего не дѣлать, или вамъ предписано разсѣяніе, развлеченія,—для васъ готовы клубы, преферансъ, гимнастика, разнаго рода спортъ, если вы мужчина; — шляпки, ленты, польки, редовы, готовые вязанья и вышиванья, если вы женщина. Чего же бы, кажется, еще? И все это нынче такъ дешево, такъ удобно, такъ приспособлено ко всякому вкусу, ко всякому карману. Такъ нѣтъ же воть. Есть люди вѣчно недовольные всѣмъ,

* Вѣрные правилу о свободѣ ученыхъ и литературныхъ мнѣній, подъ кѣмъ подписывается имя, мы помѣщаемъ эту рецензію, хотя почитаемъ ее слишкомъ строгою. Критикъ опустилъ изъ виду различіе между диссертациею ученою, литературною и диссертациею обязанною. Эта рецензія вызвала, кажется, рецензіей самого Г. Стасюлевича, которую мы помѣстили въ послѣднемъ номерѣ, также во исполненіе нашего права. Гораздо лучше, еслибъ сія послѣдняя была опровергнута положительно. Само собою разумѣется, что мы готовы помѣщать такіе отвѣты. *Ред.*

есть дамы, напрімѣръ, которыя не удовлетворяются танцами и «работами»: имъ этого мало. И давай, отъ нечего дѣлать, писать стихи. Но какъ писать? Писать Русскіе стихи не легко: лучшее доказательство опытъ. Кто у насъ были и есть женщины поэты? Много ли ихъ? А Французскій-то языкъ на что? Мы знаемъ его не хуже, а, чего добраго, и лучше Русскаго. Насъ прежде заставили выучить наизусть басню Лафонтена, а потомъ басню Крылова; намъ съ дѣтства твердили: *mais parlez donc français!* Какъ же было не изощриться, въ самомъ дѣлѣ? Давайте же писать. Вотъ хоть бы Госпожа Марія Хлопова! (мы произносимъ Хлопова, хотя, по Французскому правописанію, слѣдовало бы произносить иначе, почему, вѣроятно, нужно было напечатать *Kloroff*, какъ *Kharcoff*, *Khan*, что, по нашему, все-таки выходитъ Клоповъ, Карьковъ, Кѣнь, но что же прикажете дѣлать съ прекраснымъ Французскимъ языкомъ?) Госпожа Хлопова не первая у насъ въ Россіи дѣйствуетъ на поприщѣ Французской поэзіи: ей предшествовали Г-жа Улыбышева, Князь Голицынъ и Менцерскій, Г. Цуриковъ и другіе. Всѣмъ этимъ жрецамъ благороднаго искусства въ свое время, была воздана должная честь. Теперь очередь за Госпожею Хлоповой. Мы не рѣшаемся оставить ее безъ вниманія, изъ опасенія, что подвергнемся ея гнѣву. Но что же сказать о стихотвореніяхъ Госпожи Хлоповой?

Мы вообще не любимъ Французскихъ стиховъ. Было время, можно было читать такіе стихи:

Eh bien! je le voulais. J'aurais bien dû me croire!
 Tant de fois à ses torts je cédaï la victoire!
 Je devais une fois du moins, pour la punir,
 Tranquillement l'attendre et la laisser venir.
 Non. Oubliant quels cris, quelle aigre impatience
 Hiersureut me contraindre à la fuite, au silence.
 Ce matin, de mon coeur trop facile bonté!
 Je veux la ramener sans blesser sa fierté.. и т. д.

Съ того времени было напечатано множество Французскихъ стиховъ, но мы, до сихъ поръ, не могли пріучить себя сочувствовать ни однимъ изъ читанныхъ нами, между которыми иные принадлежали, даже, самому Господину Гюго, самому Господину де-Мюссе, самому Господину Ламартину. Что мы сказали? Господину Ламартину.

Вотъ она, неосторожность, вотъ спѣшность рецензентовъ! Какъ разъ попадешь съ ними въ просакъ. Господинъ Ламартинъ главный учитель Госпожи Хлоповой; *ce fut le crucifix de Lamartine qui me rendit poète*, говоритъ она, въ своемъ предисловіи; Ламартинъ первый вдохновлялъ ее; если бы не Ламартинъ, мы, пожалуй, не имѣли бы удовольствія бесѣдовать теперь съ вами о Г-жѣ Хлоповой; Ламартину посвящено ею цѣлое стихотвореніе, гдѣ онъ названъ *новымъ Давидомъ*, а мы было, едва-едва не сказали, что стихи Ламартина хуже тѣхъ, которые на удачу привели для васъ. Теперь мы этого, разумѣется, не скажемъ. Учитель вамъ извѣстенъ, — надо познакомиться съ ученицей. Г-жа Хлопова много путешествовала, о чемъ мы заключаемъ изъ подписей подъ нѣкоторыми ея стихотвореніями: Rome, Bâle, Città-Vecchia, или изъ надписей: *en Irlande*, и т. д.; у Г-жи Хлоповой есть враги что мы выводимъ изъ ея посланія «*A mes ennemis*»; Г-жа Хлопова знаетъ по-Англійски и по-Италіански, о чемъ свидѣлствуютъ нѣкоторыя надписи и эпиграфы, какъ-то: *Her eye was large and dark!* и «*Tempo passato*»; Г-жѣ Хлоповой не чуждо сочувствіе восточной жизни и восточной поэзіи, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ стихотвореніе: *Une Orientale*, гдѣ рѣчь идетъ и о гуріяхъ, и о Магометѣ, и объ Арабскихъ лошадяхъ, и о гаремахъ, и о прочихъ принадлежностяхъ счастливой Аравіи; Г-жа Хлопова думаетъ о томъ, что съ ней будетъ, почему она и написала стихотвореніе: *Ce que je deviendrai!*; у Г-жи Хлоповой есть такія рѣзны какъ *passé-fiancé*, *pensée-aimée*, которыхъ мы не встрѣчали у ея учителя, — такіе куплеты какъ:

O mon coeur ,
O ma fleur ,
O mon âme ,
O ma flamme ,
O mon bien ,
O mon lien ,
O ma vie ,

Mon envie ,
O mes jours ,
Mes amours ,
O mon ange ,
Ma louange ,
Je t'attends ,
Il est tems! (с. 79.)

До такой степени, если память не обманываетъ насъ, не *разохивался* ни разу достойный учитель; — у Г-жи Хлоповой есть выходочки въ родѣ слѣдующей:

Mon coeur depuis longtems dans ce pays de glaces ,
Cherchait quelque rayon, en beauté ou en grâces ,
En attraits naturels, fiers ennemis du fard , и т. д. (с. 60.)

Буквально переводить этихъ стиховъ не для чего, но ихъ смыслъ мало говоритъ въ пользу съвера *бѣднаго, угерюмаго, холоднаго* (читатели знаютъ, какъ всѣ эти эпитеты любимы вдохновенными мечтателями и мечтательницами). Москву, въ сравненіи съ Ирландіей, Г-жа Хлопова называетъ: *la ville aux jours glacés et ténébreux* (стр. 95); наконецъ вы узнаете что у Г-жи Хлоповой, въ ея (какъ бы это сказать на нашемъ бѣдномъ Русскомъ языкѣ?) *réduit*, всегда собраны ея друзья повѣренные ея любимыхъ думъ: Викторъ Гюго, Ламартинъ, великій Корнель, Расинъ, Шатобрианъ съ Боало, (чуть ли не въ одномъ переплетѣ), Декартъ, оба Руссо, Байронъ, Мильтонъ и Шекспиръ, — альбомъ, перья, которыя она называетъ оружіемъ своей музыки, наконецъ то, изъ чего составлены ея счастье, надежды, любовь, нить ея жизни, все, все ея богатство, — словомъ, ея поэзія! (с. 24.) — Вотъ данныя, на основаніи которыхъ читатель пусть судитъ самъ о Г-жѣ Хлоповой и книжкѣ ея стихотвореній. Мы, съ своей стороны, вывели слѣдующія заключенія: 1) что Г-жа Хлопова много путешествовала — это должно ей дѣлать удовольствіе; 2) что она знаетъ по-Англійски и по-Италіянски — это дѣлаетъ ей честь; 3) напрасно не воспользовалась она всѣми уроками почтеннаго учителя; 4) жалко, что она допускаетъ въ себѣ странныя и необъяснимыя для насъ пристрастія, черезъ-чуръ индивидуальныя; 5) мы думаемъ, если бы Г-жа, Хлопова болѣе, напр. читала Шекспира, оставивъ въ сторонѣ Виктора Гюго, и самого Ламартина, она ничего бы не потеряла, а мы, можетъ быть, съ большимъ бы удовольствіемъ прочли ея произведенія или, даже, получили бы стихотворенія Русскія; 6) наконецъ мы должны замѣтить Г-жѣ Хлоповой, что она, за незнаніе Французскаго языка и несоблюденіе его правилъ, въ многихъ случаяхъ, можетъ подвергнуться нареканію отъ ея восторженныхъ почитателей и почитательницъ которыхъ, вѣроятно, ограничится кругъ ея читателей и читательницъ.

Если же мы ошибаемся, принимая Г-жу Хлопову за Русскую и *Marie Horoff* псевдонимъ, скрывающій Француженку, то готовы просить извиненія за все нами сказанное. Въ такомъ случаѣ, мы охотно уступаемъ всѣ эти *Poésies* Риму, Базелю, Средиземному морю, Чивита-Векіѣ и даже самому Парижу. И тогда пишите, пишите сколько вамъ угодно: *e sempre bene!*

АНТИКРИТИКА.

Нѣсколько словъ объ историческихъ замѣчаніяхъ Г. Погодина на книгу: «Дмитріевскій Соборъ во Владимирѣ на Клязьмѣ¹.»

Въ 9 номерѣ Москвитянина, въ разборѣ описанія Дмитріевскаго собора, помѣщены Г. Погодинымъ историческія поправки, которыя, по его мнѣнію, столь важны, что онъ совѣтуетъ автору перепечатать первую страницу сочиненія.

Нельзя было не полюбопытствовать — провѣрить и слова текста сочиненія, и слова Г. Погодина.

Въ текстѣ сказано: «Внукъ Мономаха, Князь Андрей Георгіевичъ, *недовольный жизнію Кіевскою*, удаляясь въ Суздальскую землю, менѣе образованную, но гораздо спокойнѣйшую другихъ, взялъ съ собою, привезенный нѣкогда изъ Царяграда, чудотворный образъ Богоматери....»

Эти слова взаты изъ Карамзина, какъ единственнаго по сіе время авторитета для общихъ положеній Исторіи. Онъ говоритъ:

«Еще при жизни Георгія Долгорукаго, сынъ его Андрей, въ 1155 году, уѣхалъ изъ Вышегорода, не предувѣдомивъ отца о своемъ намѣреніи. Феатръ алчнаго властолюбія, злодѣйствъ, грабительствъ, междуусобнаго кровопро-

---

¹ Открывая въ Москвитянинѣ особое отдѣленіе *Антикритики*, для помѣщенія возраженій на его статьи, отъ кого бы то ни было, и въ какомъ бы тонѣ онѣ ни были писаны, лишь бы заключали дѣло, я очень радъ начать это новое отдѣленіе статью противъ себя. *М. П.*

літія, Россія южная, въ теченіе двухъ вѣковъ опустошаемая огнемъ и мечемъ, иноплемениками и своими, казалась ему обителію скорби и предметомъ гнѣва небеснаго. *Недовольный*, можетъ быть, правленіемъ Георгія, и съ горестію видя народную въ нему ненависть, Андрей, по совѣту шурьевъ своихъ, Кучковичей, *удалился* въ землю Суздальскую, менѣе образованную, но гораздо спокойнѣйшую другихъ.... Сей Князь набожный, вмѣсто иныхъ сокровищъ взялъ съ собою Греческій образъ Маріи....»

Положенію Карамзина въ подобномъ случаѣ можно было вѣрить на слово, и предположить, что отъѣздъ Андрея въ Суздальскую землю, противъ воли отца, былъ безъ сомнѣнія слѣдствіемъ недовольствій, отъ которыхъ онъ пожелалъ *удалиться*.²

Но Г. Погодинъ возражаетъ: «Андрей въ Кіевѣ собственно не живалъ, слѣдовательно нельзя ему было быть ни *довольку*, ни *недовольку* Кіевскою жизнію (?). Онъ бывалъ тамъ только наѣздомъ, обязанный принимать участіе въ отцовыхъ походахъ. (?) Въ Суздальскую землю онъ «не удалялся,» а *возвращался*, пробывъ годъ, или менѣе въ Вышгородѣ.»

Въ этихъ словахъ Г. Погодина столько произвольныхъ толкованій, что слова Карамзина и текста сочиненія, не теряютъ своего вѣса. Выраженіе: *недовольный Кіевскою жизнію* Г. Погодинъ понялъ по своему, принявъ общее за частное, сферу за центръ.³

² Карамзинъ писалъ объ Андрѣ Боголюбскомъ почти *плтьде слтъ лтъ* тому назадъ. Впродолженіе этого времени изданы многія лѣтописи и открылись новые источники. Вѣрить на слово свидѣтелю, когда есть возможность найти ее въ самомъ источникѣ, нѣтъ никакой нужды. Предполагать неудовольствія — нѣтъ ни малѣйшаго повода по лѣтописямъ. Андрей уѣхалъ безъ вѣдома отца, потому что отецъ не пускалъ его отъ себя, какъ не пускалъ его и за четыре года предъ тѣмъ, что кажется неизвѣстно антикритику. (См. ниже).

³ Антикритику неизвѣстны, кажется, никакія новыя изслѣдованія, изъ коихъ онъ могъ бы увидѣть «что здѣсь нѣтъ *ни одного* произвольнаго толкованія, а напротивъ, положительныхъ извѣстій, а именно:

Въ текстѣ сказано «на пути-изъ Володимира въ Суздаль, онъ остановился на мѣстѣ, указанномъ ему чуднымъ явле-

Андрей жилъ, 1140 года (начнемъ хоть съ этого года) въ Володимирѣ,

1141 года въ Володимирѣ,

1142 года въ Володимирѣ,

1143 года въ Володимирѣ,

1144 года въ Володимирѣ,

1145 года въ Володимирѣ,

1146 года въ Володимирѣ,

1147 года въ Володимирѣ,

1148 года въ Володимирѣ,

1149 года изъ Володимира сопутствовалъ отцу въ Кіевскій походъ, и по взятіи Кіева получилъ отъ него Вышгородъ.

1150 года война съ Изяславомъ.

1151 года, слѣдовательно за ЧЕТЫРЕ года до нѣмыхъ «неудовольствій» антикритика, по положительному извѣстію Лѣтописи, Андрей *воротился* къ себѣ *домой*, въ Володимирѣ, не смотря на *возраженіе отца*. Какъ воротился въ 1151 году, такъ воротился и въ 1155 году. Извольте выслушать Лѣтопись Суздальскую.» Андрей оттолкъ иде отъ отца своего Суздаля, а отцю же встѣгавшию его много, Андрей же рече: на томъ есмь цѣловали крестъ, ако понти ны Суздаю, и иде съ свою волость *Володимерю*.

1152 года изъ Володимира онъ пошелъ съ отцемъ въ походъ на Изяслава, и опять воротился домой.

1153 года онъ оставался дома.

1154 года онъ пошелъ съ отцемъ изъ дома, и воротился съ дороги, а потомъ въ другой разъ, получивъ извѣстіе о смерти Вячеслава, Юрій пустился въ путь, занялъ Кіевъ и тогда только далъ Вышгородъ Андрею.

1155 года Андрей оставилъ Вышгородъ и отправился въ *Володимеръ*.

Ясно ли?

Видите ли, любезный мой антикритикъ, произвольно ли я тслюю, какъ вамъ угодно обвинять меня? Вы говорите, что я принялъ общее за частное — наоборотъ: вы приняли частное за общее, и не я смѣшалъ сферу съ центромъ, а вы смѣшались на точкѣ, и ни въ центръ, ни въ Володимеръ ни пошли. Зачѣмъ же вы пустилися по такому скользкому пути? По землѣ прямо ходитъ мудренѣе, чѣмъ летать по воздуху!

ніемъ, положилъ основаніе двумъ каменнымъ церквамъ, Княжому двору и, оставя тутъ чудотворную икону, назвалъ мѣсто Боголюбимымъ.»

— Нѣтъ! — возражаетъ Г. Погодинъ, — не изъ Владимира въ Суздаль ѣхалъ Андрей, а изъ Суздаля, или лучше чрезъ Суздаль (!!) во Владимиръ.» Почему жь : нѣтъ? Какія привелъ Г. Погодинъ доказательства?

Вотъ какія:

По его убѣжденію Андрей не могъ ѣхать въ Суздаль, потому что Суздаль принадлежалъ его отцу; а ѣхалъ Андрей въ Володимиръ *чрезъ Суздаль*, потому что дорога изъ Кіева, то есть изъ Руси, во Владимиръ шла въ древности *не такъ какъ теперь*: нынѣшняя дорога есть дорога позднѣйшая, а въ древности шла она черезъ Суздаль.

Почему же?

Во-первыхъ, «потому, говоритъ Г. Погодинъ, что Суздаль городъ древнѣйшій, а Владимиръ основанъ гораздо послѣ его.» Но изъ этого перваго доказательства слѣдуетъ, что Владимиръ, какъ позднѣйшій городъ, не могъ или, лучше сказать, не смѣлъ лежать на дорогѣ изъ Москвы въ Суздаль.

Во-вторыхъ, продолжаетъ Г. Погодинъ, *потому что городу Володимеру въ нашу сторону не съ кѣмъ и не съ чѣмъ было сообщаться; одно сообщеніе его было съ Суздалемъ.*

Изъ этого втораго доказательства слѣдуетъ, что если не въ древности В. К. Владимиромъ, то по крайней мѣрѣ положеніемъ Г. Погодина Владимиръ поставленъ въ тупикъ.⁴

---

⁴ Прежде нежели стану отвѣчать на выводы моего добраго антикритика, замѣчу ему, за чѣмъ же онъ ПРОПУСТИЛЪ доказательства мои, что Андрей возвращался въ Володимиръ, а не въ Суздаль. Вѣдь вотъ гдѣ главный узелъ вопроса и его рѣшеній. Пропускать доказательства противника, съ коими сладить нѣтъ силы, — не годится. Зачѣмъ добрый антикритикъ не обратилъ вниманія на то, что Андрей основалъ Соборъ во Владимирѣ а не въ Суздали, и даже принесенную съ собою драгоценную икону Божіей Матери поставилъ во Владимирѣ, а не въ Суздали, и проч. Антикритикъ: выводитъ изъ моихъ словъ, что Владимиръ не смѣлъ лежать на дорогѣ изъ Москвы

Посмотримъ подтверждають ли лѣтописи такое странное *положеніе*, и не существовала ли изъ Москвы въ Володимирь прямая дорога, *такъ какъ теперь*, не на Суздаль.

Событіе подъ 1175 годомъ (по Кенигсб. (!) списку) намъ лучше всего это объяснить:

По смерти Андрея, Ростиславичи Мстиславъ и Ярополкъ, были призваны Ростовцами и Суздальцами на княженіе, вопреки желанію Владимирцовъ и крестному цѣлованію къ Георгію на меньшихъ дѣтей его, Михалка и Всеволода. Владимирцы сносили притѣсненія до тѣхъ поръ, покуда Ростиславичи не посягнули на богатство и имѣнія церкви Владимирской Божіей матери, которые даровалъ ей В. К. Андрей. Пославъ къ Ростовцамъ и Суздальцамъ жалобу на обиду свою и не найдя въ нихъ защиты (Ростовцы и Суздальцы словомъ суще по нимъ, а дѣломъ быша далече), Владимирцы «укрѣпившесь послаша къ Чернигову по Михалка и по брата его Всеволода, рекуще: ты старѣй еси въ братья своей, *пойди къ Володимерю*; аще что замыслятъ на насъ Ростовцы и Суздальцы притя, то како намъ съ ними Богъ дастъ и святая Богородица.» Пришедшу же Михалку съ братомъ Всеволодомъ и съ Володимеромъ Святославичемъ изъ Чернигова *къ Москву*, Володимирцы выѣхаша противу (на встрѣчу). Слышавше же Мстиславъ и Ярополкъ и задумавше со дружиною своею, повѣлѣша Ярополку ити противу съ полкомъ своимъ и устрѣсте битись съ нимъ, и не пустити къ Володимерю; но Божіимъ промысломъ минустася къ лѣсѣхъ. *Михалку съ Москвы поѣхалъ съ братомъ Всеволодомъ къ Володимирю, а Ярополкъ инымъ путемъ ѣха на Москву.* И прииде

въ Суздаль, и потому что этотъ городъ если не В. К. Владимиромъ, то мною поставленъ въ тупикъ. Это очень мило и остро, и я очень люблю такія шутки въ рецензіяхъ, но любезный мой антикритикъ долженъ сознаться, что за неизмѣнимъ только тяжелыхъ орудій можно прибѣгать къ этому легкому оружію: оно вѣдь не надежно. Мы предоставимъ впрочемъ читателямъ рѣшить, кто поставленъ въ тупикъ — Владимиръ, или.... или....

ко Мстиславу вѣсть отъ Ярополка: «Михалко есть немощенъ, несуть его на носилѣхъ, а съ нимъ дружины мало; и азъ по немъ иду, емля задъ дружины его; а поиди сборзъ, братъ, противу ему, атъ не увидеть съ Володимиръ. Сія вѣсть принде ему въ субботу, и яви дружинъ заутра и поѣха съ Суздаля борзо, дружинъ постигающей его; а Михалку не доѣхавшу Володимира со братомъ Всеволодомъ за 5 верстъ, срѣтеть со Мстиславомъ и со всею дружиною изнезапу и выступи полкъ изъ Загорія, вси во броняхъ и подьяша стягъ....» и т. д.

Кажется, дѣло рѣшается ясно: дорога изъ Москвы въ Володимиръ и въ старину шла, какъ теперь, а не черезъ Суздаля,⁶ и слѣдовательно, чтобъ прибыть на мѣсто

⁶ А мнѣ ясно только то, что любезный мой антикритикъ не служилъ никогда въ военной службѣ: онъ заставляетъ меня, вслѣдъ за Г. Тьеромъ, объяснять его недоразумѣнне, по правиламъ стратегіи или тактики. «Михалко пришелъ въ Москву. изъ Чернигова, Владимирцы вышли къ нему на встрѣчу.» Это совершенно справедливо, но вотъ только на что не обратилъ вниманія антикритикъ: Суздаля былъ противъ Володимирцевъ, и въ Суздаля княжилъ врагъ Михалковъ; какъ же онъ хочетъ, чтобъ Владимирцы, чрезъ непріятельскій городъ, Суздаля, подали помощь Михалку. Что скажетъ Г. Невловъ о такомъ стратегическомъ совѣтѣ! Впрочемъ, не прибѣгая къ военнымъ ученымъ можно утвердительно сказать, что Володимирцы пошли на встрѣчу къ Михалку по другой, не обыкновенной дорогѣ, не чрезъ Суздаля; потому-то и *мимоаля* съ ними Ярополкъ, пошедшій видно по дорогѣ общей. «Онъ ѣха нѣмъ путемъ на Москву,» чѣмъ Михалко ѣхалъ изъ Москвы. Иначе какъ могли бы двѣ рати, (не очень малочисленные, ибо однихъ Владимирцевъ съ Михалкомъ было полторы тысячи) миновать одна другую. Ясно ли, любезный мой антикритикъ?

Такъ точно и Мстиславъ изъ Суздаля, чтобъ встрѣтить Михалка, долженъ былъ непременно обойти враждебный Володимиръ и перенять избранную Михалкомъ дорогу туда, — что онъ и сдѣлалъ, встрѣтивъ его въ пяти верстахъ отъ Владимира? Ясно ли, любезный мой антикритикъ?

Противники обходили одинъ другаго, и изъ обходовъ ихъ ничего объ относительной древности дорогъ заключить нельзя. Впрочемъ главный вопросъ въ этомъ дѣлѣ не объ до-

Боголюбова, ѣхавъ изъ Руси, чрезъ Москву, Андрею надо было проѣзжать чрезъ Владимиръ въ Суздаль, а не чрезъ Суздаль въ Володимиръ.

Что и нужно было доказать,⁶ вопреки излишней самоувѣренности и наклонности къ опрометчивымъ приговорамъ Г. Историка.⁷ В.

рогъ, а объ томъ, куда ѣхалъ Андрей — во Владимиръ или Суздаль. Исторія отвѣчаетъ: въ Владимиръ. Какъ же онъ могъ остановиться за Владимиромъ? Отсюда *необходимость* предположить другую дорогу во Владимиръ, не нынѣшнюю, а другая не могла быть иначе, какъ чрезъ Суздаль. Откройте исходъ спасенія, и я готовъ пожертвовать вамъ Суздальской дорогою.

⁶ Но что вовсе не доказано, а скорѣе отвергнуто, въ пользу моего мнѣнія.

⁷ Это уже обвиненіе не шуточное. Я могъ бы подать также нѣсколько совѣтовъ, и не безъ *основаній*, антикритику, но, уважалъ правила гостепрѣимства, удержусь отъ нихъ, и, хотя хозяинъ, во не буду подражать гостю. Сколько въ приговорѣ есть справедливаго, предоставляю судить читателямъ. Удивляюсь только, что антикритикъ, произнося такой жестокой приговоръ, скрылъ свое имя. Бросать камень изъ-за угла не годится.

М. Погдинъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

82. Дворцовые разряды, по Высочайшему повелѣнію изданіе II Отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Томъ первый, 1612—1628 г. Спб. 1850 года. Столбцовъ 1222, XXXVI, и XI въ большую 8-ку.

Нынѣшнее царствованіе останется во вѣки незабвеннымъ въ лѣтописяхъ Русской Исторіи. Никогда не было издано столько матеріаловъ, необходимыхъ для возведенія ея на степенъ науки, какъ нынѣ. Скажемъ болѣе: ни одно Европейское Правительство не оказало такихъ многообразныхъ и важныхъ услугъ своей Исторіи, какъ наше. Дѣла на лице:

Собраніе законовъ Россійской Имперіи, подъ первоначальнымъ надзоромъ Графа Сперанскаго.

Собраніе Русскихъ лѣтописей и грамотъ, подъ первоначальнымъ надзоромъ Графа Уварова, а нынѣ Князя Ширинскаго-Шихматова.

Древности Русскаго Государства, по рисункамъ Г. Солнцева, подъ надзоромъ Графа Строганова.

Къ этимъ знаменитымъ изданіямъ присоединяется теперь изданіе Дворцовыхъ разрядовъ и Статейныхъ списковъ, подъ надзоромъ Графа Блудова.

О достоинствѣ и важности изданія распространяться много не нужно: сколько важны лѣтописи для перваго періода Русской Исторіи, грамоты для втораго, столько для третьяго Разряды и Статейные списки что касается до Исторіи официальной, вѣшней, такъ называемой государственной. Здѣсь ея фундаментъ твердый, непоколебимый.

Выразить ли еще наши *pia desideria*?

Выразимъ. Исчисленные нами кодексы, *thesauri*, ожидаютъ себя дополненія въ

Собраніи памятниковъ древней Славяно-Русской Словесности, и

Собраніи памятниковъ церковной Исторіи, преимущественно Житій.

И есть множество людей въ нашихъ духовныхъ Академіяхъ, Университетахъ, Семинаріяхъ, которые могутъ приняться за эти славныя дѣла: укажемъ для примѣра на Архимандрита Макарія, Нижегородскаго Иеремонаха Макарія, Горскаго, Казанскаго, Смирнова, — Шевырева, Срезневскаго, — Биларскаго, Кубарева, Дубенскаго, Ундольскаго, Буслаева, Каткова.... Сколько достойныхъ служителей науки, и, замѣтите, специалистовъ, которые доказали уже свою любовь, свое искусство, свои познанія по части отечественной филологіи. Вотъ это прогрессъ, и ему нельзя не радоваться!

Въ ожиданіи открытія изъ-подъ снуда, новыхъ смлъ Русской Исторіи, мы извѣстимъ нашихъ читателей объ изданномъ томѣ Дворцовыхъ Разрядовъ.

Сперва о наружномъ видѣ, объ удобствахъ пользованія, — и мы должны отдать полную честь издателямъ: изданіе превосходно во всѣхъ сихъ отношеніяхъ. Опытъ—лучшій учитель: первое изданіе Граматъ, Графа Румянцева, въ огромный листъ, было самое неудобное; второе изданіе Летописей Археографическою Коммиссіею было его лучше, но представляло все еще много неудобствъ длинными своими строками, въ коихъ, съ великимъ напряженіемъ глазъ, должно дѣлать путешествіе изъ одной строки въ другую, а варианты просто невыносимы для арвія, отыскиваемые съ несноснымъ трудомъ; нынѣшнее третье изданіе, Разрядовъ, въ большую осьмушку, на два столбца, съ короткими строками, безудкоризненно! Частъ и хвала издателямъ, которые обратили вниманіе не только на самое дѣло, какъ Археограф. Коммиссія, но и на тѣхъ несчастныхъ тружениковъ, которые будутъ имъ пользоваться, а глаза для нихъ нужнѣе, нежели для кого-нибудь.

Теперь обратимся къ изданію Дворцовыхъ разрядовъ.

Въ предисловіи объяснено происхожденіе Разрядныхъ книгъ, разобранъ актъ Царя Θεодора Алексѣевича объ уничтоженіи Мѣстничества, сообщены свѣдѣнія о дошедшихъ до насъ Разрядныхъ книгахъ, показано различіе между ими по ихъ содержанію, сообщены подробности о Разрядномъ Приказѣ, гдѣ онѣ сочинялись и хранились, наконецъ описаны рукописи, съ коихъ сдѣлано настоящее изданіе, и изложены правила, коимъ слѣдовали издатели.

Замѣтимъ здѣсь основательную причину, по коей нельзя принимать со многими изслѣдователями (но не со всѣми), чтобъ Разрядныя книги были тогда всѣ сожжены.

«На основаніи точныхъ словъ Царя, въ ономъ вторенныхъ, преданы огню только *прошенія о случаяхъ и о мѣстахъ записки*, изъ коихъ состояли именно дѣла мѣстническія. Слово «книги», употребленное въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣяній, не даетъ повода предполагать, что бы здѣсь подразумѣвались оффиціальныя разрядныя книги, въ которыхъ означались не одни только дѣла по мѣстничеству. Сіи дѣла конечно входили иногда въ составъ Разрядныхъ книгъ но большею частію лишь въ краткомъ изложеніи, безъ подлинныхъ прошеній, или документовъ, а какъ случайное дополненіе къ существенному ихъ содержанію, то есть къ означенію распоряженій Правительства по службѣ, наказовъ воеводамъ и другимъ чинамъ и ихъ донесеній или отписокъ къ Царю. Въ Разрядныхъ книгахъ, какъ мы замѣтили выше, заключается, въ нѣкоторомъ смыслѣ, полная оффиціальная исторія государственной службы и дѣйствій Правительства въ продолженіе почти всего Московскаго періода нашей Исторіи: онѣ не могли быть сожжены, какъ важныя документы и указанія, необходимыя для дальнѣйшихъ распоряженій по управленію. Новымъ доказательствомъ сего должно служить и то, что сіи книги, Записныя и Разрядныя, продолжались и послѣ 1682 года въ томъ самомъ видѣ, какъ прежде.

«Разряды оффиціально могутъ быть подраздѣлены на три рода :

1) Собственно такъ называемыя Разрядныя книги, заключающія въ себѣ большею частію распоряженія по службѣ гражданской и военной.

2) Книги Записныя, въ которыхъ мы находимъ сверхъ того и распоряженія по службѣ придворной.

3) Наконецъ книги, относящіяся почти исключительно къ распоряженіямъ по придворной службѣ и вообще къ дѣйствіямъ Царскаго двора.»

Какъ ни тщательно и осторожно написано предисловіе, чему нельзя не отдать похвалы по достоинству, но нѣкоторые выраженія ускользнули, кажется, отъ вниманія Редактора, напр.

«Для точнѣйшаго опредѣленія сего значенія по службѣ ведены были постоянно, съ большею или меньшею подробностію, записки о всѣхъ относящихся къ оной (службѣ) распоряженіяхъ, какъ Правительствомъ, такъ и частными лицами».

Итъ: «значеніе по службѣ» основывалось на случаяхъ, записанныхъ въ Разрядныхъ книгахъ, а у Разрядныхъ книгъ была своя собственная цѣль — это были, такъ сказать, протоколы Правительстѣа, толковые адресъ-календари, память о распоряженіяхъ, необходимая для справокъ всякаго рода, и *между прочимъ* для справокъ по мѣстничеству.

Дворцовые Разряды начинаются, по странному, но замѣчательному случаю, въ трехъ главныхъ рукописяхъ краткимъ лѣтописнымъ повѣствованіемъ о подвигахъ Князя Пожарскаго и Минина и объ освобожденіи Москвы отъ Поляковъ. Перепечатаемъ это повѣствованіе, какъ начало и основаніе всѣхъ дворцовыхъ разрядовъ: освобожденіе Москвы отъ Поляковъ и избраніе на царство благословеннаго Михаила Федоровича Романова — происшествія нераздѣльныя.

«Лѣта (Д. 1721) году, стояли подъ Москвою воеводы бояринъ Князь Дмитрій Тимоѣевичъ Трубецкой, да Иванъ Заруцкой и иные многіе воеводы.

«Того же году, въ Нижнемъ Новѣгородѣ, мужъ нѣкій, убогую куплею питаяся, сирѣчь продавецъ мясу, именемъ Козьма Мининъ, той же Козьма свое дѣло и воспріемлетъ велемудрое разумѣніе и смыслъ, и на всѣхъ людяхъ страны тоя силу и власть воспріемлетъ, и многіе поборы дснежные собираетъ, и изыскаетъ во градѣхъ вѣнскихъ людей, которые избыша отъ посѣченія иноплеменныхъ, и живутъ въ великихъ бѣдностяхъ отъ мно-

гаго розоренья. И изыскуеть, и жаждущая сердца ихъ утоляетъ, и скудости ихъ исполняетъ, и сими дѣлы собираетъ многое воинство. Въ то же время случися быти стольнику Князю Дмитрею Михайловичю Пожарскому въ Нижегородскомъ уздѣ, въ своей вотчинѣ; той же Козьма Мивинь, слышавъ о немъ, и посылаетъ къ нему, чтобъ онъ ѣхалъ въ Великій Нижній Новгородъ, и поручаетъ ему все собранное воинство. И стольникъ Князь Дмитрей Пожарской прошеніе ихъ радостно воспріемлетъ, и придоша въ Нижній Новгородъ и воинство многое собирается.»

За пятнадцатью годами Дворцовыхъ разрядовъ помѣщено въ приложеніяхъ 67 грамотъ и отписокъ, относящихся къ избранію и приглашенію Царя Михаила изъ Костромы въ Москву, равно и распоряженіямъ Земскаго совѣта по управленію государствомъ въ это время. Распространяться о важности сихъ документовъ нѣтъ нужды: она очевидна.

Сообщивъ это вѣсткое извѣстіе объ изданіи драгоценныхъ памятниковъ, мы оставляемъ подробное разсужденіе о новыхъ данныхъ для Исторіи, кои въ нихъ заключаются, впредь до другаго случая, а теперь повторимъ только издателямъ, отъ лица всѣхъ друзей Исторіи, полную ихъ благодарность за начало труда тяжелаго, который подвигать посчастливилось имъ съ такимъ успѣхомъ. *М. П.*

83. Геологическое описаніе Европейской Россіи и хребта Уральскаго. На основаніи наб.поденій, произведенныхъ Р. И. Мурчисономъ, Э. Вернейлемъ и Графомъ А. Кейзерлингомъ. Перев. съ Англійск. съ примѣчаніями и дополненіями Корп. Горн. Ниж. Полк. Алек. Озерскимъ. Ч. I. и II. Спб. 1849.

84. Опытъ прикладной Геологіи преимущественно сѣвернаго бассейна Европейской Россіи. Барона А. Мейендорфа. Спб. 1849 г.

На Русскомъ языкѣ два сочиненія по части геологіи — явленіе рѣдкое и утѣшительное въ нашей литературѣ, вообще весьма небогатой учеными произведеніями, особенно касающимися Россіи. При такой бѣдности всякое произведеніе по отечественной геологіи заслуживаетъ вниманіе и благодарность, тѣмъ болѣе такіа произведенія, которыя могутъ

быть украшеніемъ любой литературы и къ которымъ по всей справедливости относятся означенныя сочиненія, Мурчисона и Барона Мейендорфа. Дѣйствительно, это важное приобритеніе для науки и для Россіи. Я преимущественно остановлюсь на сочиненіи Мурчисона; оно заслуживаетъ это преимущество и по времени появленія, и по обширности матеріаловъ, и по важности результатовъ, и наконецъ потому, что оно служило основой, канвою для сочиненія Барона Мейендорфа; послѣднее произведеніе было уже необходимымъ слѣдствіемъ перваго.

Россія съ давняго времени, отъ Палласа и Германа до Гумбольдта и Розе, была изучаема въ отношеніи физической географіи, естественной исторіи и горнаго дѣла; но геологическое ея строеніе, особенно въ плоскихъ и обширныхъ губерніяхъ Европейской Россіи, долго оставалось безъ вниманія, и только въ три послѣднія десятилѣтія начали появляться собственно геологическія изслѣдованія. *Страневейсъ, Эйхвальдъ, Пандеръ, Фишеръ...* вотъ имена тѣхъ немногихъ изслѣдователей, которые прежде другихъ старались разъяснить внутреннее строеніе Россіи и показать соотношеніе нашихъ формацій съ Западно-европейскими. Московское Общество Испытателей Природы вмѣстѣ съ своимъ основателемъ было однимъ изъ главныхъ органовъ отечественной геологіи; въ послѣдствіи присоединилось къ нему Минералогическое Общество въ Петербургѣ. Но болѣе всего распространенію геологическихъ свѣдѣній объ Россіи содѣйствовали питомцы Петербургскаго Горнаго Института. Разъявныя по всему обширному Русскому царству и постоянно занятые развѣдываніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ только являлась надежда открыть какиа-либо подаемныя сокровища, они никогда не теряли изъ виду и геологическаго образованія этихъ мѣстъ. Горный журналъ, издаваемый съ 1825 года, весь наполненъ изслѣдованіями подобнаго рода. Конечно, изслѣдованія эти болшею частію носятъ на себѣ печать прежняго, нѣсколько запоздалаго понятія о геологіи, чаще это матеріаль, не совсемъ очищенный критикою, но тѣмъ не менѣе чрезвычайно богатый матеріаль. Иначе и быть не могло. Обширныя осадочныя толщи, залегающія въ Европейской Россіи,

чрезвычайно трудны для изслѣдованія, даже при нынѣшнемъ состояніи науки. Одна современная геологія могла прояснить тѣ запутанные вопросы, которые оставались нерѣшенными для Русскихъ геологовъ. Вопросы эти и не могли быть рѣшены до тѣхъ поръ, пока въ наукѣ не установилось болѣе точное распредѣленіе формацій, особенно самыхъ древнихъ или палеозоическихъ, которыя почитаются болѣе запутанными и которыя покрываютъ наибольшую часть Россіи. Долгое время въ различеніи формацій не только Русскіе, но и всѣ Европейскіе геологи руководились почти единственно относительнымъ положеніемъ пластовъ и литологическими ихъ свойствами, и только въ послѣдствіи, послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ наконецъ убѣдились, что этихъ признаковъ недостаточно. Дѣйствительно, при опредѣленіи формацій геологи теряли изъ виду самые главные признаки—органическіе или палеонтологическіе, признаки, основанные на размѣщеніи и послѣдовательности ископаемыхъ растений и животныхъ; другими словами: геологіи не доставало пособія палеонтологіи; но когда объ эти науки соединились и пошли рука объ руку, оказывая другъ другу взаимную помощь, тогда въ короткое время онѣ сдѣлали необыкновенные успѣхи. Благодѣтельное вліяніе такого тѣснаго, дружнаго союза геологіи съ палеонтологіею, особенно выразилось на точномъ распредѣленіи формацій.

Сочиненіе, пролившее наиболѣе яркій свѣтъ на этотъ предметъ, принадлежитъ Мурчисону. Его *Silurian System* (1839 г.), по общему приговору, составляетъ эпоху въ исторіи геологіи. Этому успѣху Мурчисонъ отчасти обязанъ геологическому образованію своей страны. Надобно было случиться, что въ странѣ такого просвѣщеннаго и пытливаго народа, каковы Англичане, почти всѣ формаціи находятся въ самомъ полномъ, типическомъ развитіи, и въ самомъ счастливомъ положеніи для изслѣдованія. Великобританія почитается, такъ сказать, классическою странкою для изученія формацій. Вотъ почему геологія въ Англии болѣе нежели гдѣ-либо сдѣлалась почти общенародною наукою, вотъ почему при геологическомъ описаніи какой-либо страны мы беремъ за образецъ Англію;

самыя названія формаций, усвоенныя наукою, большею частью принадлежать той же странѣ.

Ангійскіе геологи, извѣдавъ свою страну вдоль и поперекъ, и установивъ по ней распредѣленіе формаций, весьма естественно желали повѣрить себѣ, и потому въ послѣднее время начали предпринимать геологическія путешествія въ другія страны, по Европѣ и въ Сѣверную Америку. Такъ поступилъ и Мурчисонъ. Какъ главный участникъ въ опредѣленіи палеозоическихъ осадковъ Англіи, для повѣрки своихъ началъ онъ совершилъ нѣсколько путешествій во Францію, Германію, Швецію, Норвегію и Россію. Плодомъ послѣдняго путешествія было разсматриваемое мною сочиненіе. Любопытно прослѣдить съ нѣкоторою подробностію всѣ обстоятельства этаго замѣчательнаго предпріятія.

Русское Правительство, всегда готовое на помощь наукѣ, приняло Мурчисона съ обычнымъ радушіемъ и дало ему всѣ средства для выполненія его цѣли. Мурчисонъ пригласилъ съ собою въ Россію Парижскаго ученаго, извѣстнаго палеонтолога Вернейля. Въ началѣ весны 1840 г. они прибыли въ С.-Петербургъ. Баронъ Мейендорфъ, занятый въ то время порученіемъ изучить состояніе мануфактурной промышленности и торговли внутреннихъ губерній, изъявилъ желаніе способствовать успѣху путешественниковъ, и просилъ ихъ присоединиться къ нему; къ той же экспедиціи, по приглашенію Барона Мейендорфа, присоединился и Брауншвейгскій Профессоръ Блазиусъ. Но такимъ большимъ обществомъ наблюденія были произведены ими только въ окрестностяхъ Петербурга; вскорѣ оказалось, что геологи, имѣвшіе одну цѣль, не могли дѣйствовать вмѣстѣ съ экспедиціею, предназначенною совсѣмъ для другой цѣли. Для сопутствованія иностраннымъ геологамъ былъ назначенъ Горный Инженеръ, Поручикъ Кокшаровъ. Въ Вытегрѣ Мурчисонъ и Вернейль разстались съ экспедиціею Барона Мейендорфа, и направились къ Архангельску, посѣтили берега Бѣлаго моря, Пинегу, потомъ проѣхали сухимъ путемъ вдоль Сѣверной Двины до Устья Великаго, въ самую средину Вологодской губерніи. Далѣе отправились въ Кострому; тутъ обѣ экспедиціи встрѣтились, и спустились вмѣстѣ по Волгѣ до Юрьевца. Послѣ того Мурчисонъ и Вернейль посѣтили Ниж-

ній Новгородъ, Муромъ, Елатьму, Касимовъ, Рязань и Колодну. Возвращаясь на сѣверъ черезъ Москву, они осмотрѣли окрестности нашей столицы, Валдайскія возвышенности, берега озера Ильменя, окрестности Пскова и Дерпта. Этимъ заключилось первое путешествіе.

По возвращеніи въ отечество, Мурчисонъ составилъ геологическую карту изслѣдованныхъ имъ странъ и прочелъ объ нихъ въ Лондонскомъ Геологическомъ Обществѣ отъ своего имени и отъ имени Вернейль выведенныя ими заключенія. Почти въ то же время Академикъ Эйхвальдъ обнародовалъ свой замѣчательный трудъ о *Силурійской системѣ пластовъ въ Эстляндіи* (1840 г.). Въ слѣдъ за тѣмъ Полковникъ Гельмерсенъ, основываясь на всѣхъ прежнихъ изслѣдованіяхъ, составилъ другую геологическую карту Европейской Россіи, особо отъ Мурчисона. Въ то же время готовились къ печати два сочиненія, не безъизвѣстныя Мурчисону: 2-я часть Путешествія Густава Розе (*Reise nach dem Ural, Altai etc.*)*, и Путешествіе Демидовской Экспедиціи (*Voyage dans la Russie méridionale et la Crimée, exécuté sous la direction de M. Anatole de Demidoff*). Сверхъ того припомнимъ, что еще прежде, задолго до путешествія Мурчисона, Кавказъ, Крымъ, Волынія и Подолія были описаны Французскимъ ученымъ Дюбуа де Монперре и Академикомъ Эйхвальдомъ. Не смотря на все это, не смотря на другія частныя изслѣдованія, Мурчисонъ не находилъ возможнымъ приступить къ классификаціи Русскихъ формацій. Открылась необходимость въ болѣе обширныхъ наблюденіяхъ.

Графъ Канкринъ, принявшій экспедицію Мурчисона подъ свое особенное распоряженіе, представилъ на Высочайшее воззрѣніе проектъ о пользѣ дополнительнаго геологическаго изслѣдованія. Государь Императоръ всемилостивѣйше соблаговолилъ одобрить это предположеніе. Удостоенные Высочайшаго покровительства, Мурчисонъ и Вернейль весною 1841 г. снова приступили къ выполненію своего предпріятія. Графъ Кейзерлингъ былъ официально назначенъ членомъ геологической экспедиціи, Поручику Кокшарову вновь предписано состоять при ней. Для дальнѣйшихъ дѣйствій экспедиціи предварительно былъ

* Первая часть вышла гораздо прежде 1837 г.

составленъ общій планъ, при участіи Гг. Горныхъ Инженеровъ и Начальника Штаба Генераль-Маіора (нынѣ Генераль Лейтенанта и Сенатора) Чевкина. По этому плану, кромѣ тѣхъ мѣстъ, которыя были осмотрѣны въ прошломъ году, предположено было изслѣдовать Уральскій хребтъ и южныя губерніи Россіи, преимущественно Донецкій каменноугольный край.

Не буду подробно описывать всѣхъ дѣйствій экспедиціи, скажу только, что для достиженія ея цѣли, по собственнымъ словамъ Англійскаго геолога, все содѣйствовало: и радушія распоряженія Правительства, и удивительная готовность Русскихъ ученыхъ дѣлиться своими свѣдѣніями. Собраннымъ такимъ образомъ обильную жатву наблюденій, Мурчисонъ, по возвращеніи въ Англію, вмѣстѣ съ Вервейлемъ и Графомъ Кейзерлингомъ приступили къ изготовленію настоящаго труда. Но по мѣрѣ обработыванія его, Мурчисонъ болѣе и болѣе убѣждался, что для указанія дѣйствительныхъ соотношеній между палеозоическими осадками Россіи и западной Европы, особенно Великобританіи, собранныхъ наблюденій недостаточно. Въ 1843 г. онъ вновь отправляется въ Германію и Польшу для обозрѣнія тѣхъ палеозоическихъ осадковъ, которые не удалось ему прежде обозрѣть лично. Въ томъ же году Графъ Кейзерлингъ вмѣстѣ съ Капитанъ-Лейтенантомъ Крузенштерномъ предпринимаетъ поѣздку въ сѣверо-восточную часть Россіи, орошаемую рѣкою Печорою и до того времени весьма мало извѣстную. Поѣздка эта увѣнчалась, какъ увидимъ послѣ, чрезвычайно важными результатами, и геологическими и географическими.

Протекъ еще годъ, трудъ Мурчисона значительно продвинулся впередъ, но все еще не обшчалъ ему желаемаго совершенства и полноты. Для болѣе вѣрныхъ соотношеній между формациями оказалась надобность осмотрѣть Швецію и Норвегію, составляющія сѣверо-западную окранию Россіи, и въ геологическомъ смыслѣ представляющія съ нею одно цѣлое. Поѣздка эта, продолжавшаяся цѣлое лѣто (1844 г.), при содѣйствіи тамошнихъ ученыхъ (Барона Берцелиуса, Профессоровъ Кейлгау, Лёвена и др.) принесла, Мурчисону большую пользу, точнѣе сказать, превзошла

его ожиданія и вполнѣ оправдала въ его предположенія касательно Россіи.

Между тѣмъ Русскіе, заинтересованные геологическою экспедиціею, болѣе прежняго стали обращать вниманіе на свою собственную страну, и плоды своихъ изысканій сообщали Мурчисону, то пересылая ему вновь открытыя ископаемыя, то съ большею подробностію описывая мѣста, прежде вскользь осмотрѣнные, и т. д.

Вотъ съ какимъ трудомъ и съ какими средствами создавалось геологическое описаніе Европейской Россіи и хребта Уральскаго! Можно сказать, вся Россія, все сословія принимали участіе въ экспедиціи Мурчисона. «Если встрѣчался сломанный мостъ, говорить онъ, являлся вмѣсто его новый, какъ будто чародѣйствомъ выстроенный; было ли ложе какого-либо потока мелководно, онъ превращался чудомъ въ судоходную рѣку^а. На мѣстахъ мелководныхъ перетаскивали крестьяне лодки волокомъ, ожегляя тяжкій трудъ громкими пѣснями; стояла ли погода сухая или мокрая, знойная или холодная, никогда не было ропота; *мужи*—было единственнымъ отвѣтомъ этихъ необыкновенныхъ людей».

Этого мало. Мурчисонъ для совершенія своего труда призвалъ на помощь всѣхъ первоклассныхъ Европейскихъ ученыхъ. Въ настоящее время область геологіи, по сродству ея съ палеонтологію, такъ обширна, что не можетъ быть предметомъ изученія одного человека. Почти каждый классъ ископаемыхъ животныхъ, играющихъ такую важную роль въ геологіи, требуетъ особаго изслѣдователя. Въ сочиненіи Мурчисона палеонтологическое описаніе предоставлено было знатокамъ своего дѣла: такъ рыбы дельтовской системы описаны *Агасисомъ*, ископаемыя юрскія и мѣловыя—*Д'Орбиньи*, криноиды, моллюски и ракообразныя жл. палеозоическихъ осадковъ—*Врнейлемъ*, третичные моллю-

^а При обозрѣніи Уральскаго хребта Мурчисону пужно было проплыть по р. Серебрянкѣ до впаденія ея въ Чусовую, въ то время, когда рѣка эта почти совершенно обмѣла. Дабы пособить намѣренію Мурчисона и поднять воду въ Серебрянкѣ, велѣно было спустить значительное количество воды изъ верхнихъ запасныхъ прудовъ, которыми дѣйствуетъ заводъ; въ слѣдствіе этого рѣка поднялась, и въ состояніи была шести мелкихъ и большія лодки.

сви — *Деве, Мурчисонъ, Лэйслемъ, Смитомъ, Беконъ и Саурби*; кораллы — *Донсделемъ*, строение зубовъ у девонскихъ рыбъ и ящеричныхъ жж. пермской системы — *Оусъ*; ископаемая пермскія растенія — *Адол. Броньлромъ*, растенія юрскія и третичныя — *Гейпертомъ* и отчасти *Диндлсемъ*.

Очевидно, на сочиненіе Мурчисона надобно смотрѣть какъ на выраженіе самаго современнаго состоянія науки; слажу болѣе: наука обязана изслѣдованію Россіи разрѣшеніемъ многихъ такихъ вопросовъ, которые до того времени оставались въ ней проблематическими.

Въ полномъ видѣ сочиненіе это состоитъ изъ трехъ большихъ томовъ. Первый, заключающій собственно геологію Россіи, и обработанный самимъ Мурчисономъ, вышелъ въ Лондонѣ (*The Geology of Russia in Europe and the Ural Mountains. Vol. I. Geology. London. 1845*). Второй томъ, обработанный многими лицами, включаетъ описаніе органическихъ остатковъ или палеонтологію, и напечатанъ въ Парижѣ (*Géologie de la Russie d'Europe et des Montagnes de l'Ural. Vol. II. Paleontologie. Paris 1846*) Третій томъ, напечатанный въ Петербургѣ, годомъ позднѣе, принадлежитъ Графу Кейзерлингу и содержитъ наблюденія его въ странѣ, орошаемой р. Печорою (*Wissenschaftliche Beobachtungen auf einer Reise in das Petschora-Land in Jahre 1843. St.-Peterb. 1846*).^{*} Всѣ три тома, обогащенные великолѣпными картами, гравюрами, геогностическими чертежами и множествомъ рисунковъ ископаемыхъ животныхъ и растеній, изданы пособіемъ Русскаго Правительства.

Два послѣдніе тома, написанные одинъ на Французскомъ, другой на Нѣмецкомъ языкахъ, доступны болѣе или менѣе для каждаго; но первый, написанный на Англійскомъ языкѣ, до самаго послѣдняго времени большей части Русскихъ геологовъ былъ извѣстенъ изъ Нѣмецкаго не совсѣмъ полнаго перевода (*Geologie des eurcpaischen Russlands und des Urals von R. Murchison etc., bearbeitet von G. Leonhard. Stuttgart. 1847—48*). Ученый Комитетъ Корпуса Горныхъ Инжене-

* Географія, гидрографія и астрономическое опредѣленіе мѣстъ въ этомъ сочиненіи обработаны Капитанъ-Лейтенантомъ П. Крузенштерномъ, описаніе же самаго путешествія и вся геологическая часть принадлежатъ Графу Кейзерлингу.

ровъ, желая познакомить Россію съ этою первою собственно геологическою частію, поручилъ Полковнику Озерскому перевести ее на Русскій языкъ и извѣстилъ объ этомъ автора. Мурчисонъ не замедлилъ доставить переводчику свои замѣчанія и поправки. Главнѣйшія изъ нихъ относятся: 1) ко II главѣ, о силурской системѣ Скандинавіи; она дополнена наблюденіями Мурчисона, изложенными въ статьѣ: On the Palaeozoic Deposits of Scandinavia and the Baltic-Provinces of Russia and their relations to Azoic or mere ancient crystalline Rocks. (См. Quarterly Journal of the Geological Society, vol. I. 1845). 2) Къ XXI главѣ, о переносномъ щебнѣ и эрратическихъ валунахъ Скандинавіи; она дополнена всѣми новѣйшими выводами изъ статьи Мурчисона: On the saepe sicile Derritus of Sweden etc. (См. Proceedings of the Geol. Soc. vol. II. 1846).

Въ самомъ текстѣ сдѣланы переводчикомъ значительныя измѣненія и дополненія, съ согласія или по желанію автора. Эти измѣненія и дополненія вынуждены послѣдующими открытіями, либо извлечены изъ втораго и третьяго томовъ. Но самое главное, за что мы Русскіе, должны быть особенно благодарны Г. Озерскому, состоитъ въ томъ, что онъ послѣ каждой статьи, въ видѣ прибавленія, подробно изложилъ открытія и наблюденія Русскихъ геологовъ, которые предшествовали Мурчисону, и которые ему, какъ иностранцу, не были извѣстны. Это въ моихъ глазахъ драгоцѣнное дополненіе; оно знакомитъ Русскихъ съ собственными силами и доказываетъ, что мы и въ дѣлѣ науки спромные труженики, даже слишкомъ скромные, вовсе не обзѣняющіе своихъ собственныхъ трудовъ.

Очевидно, сочиненіе Мурчисона на Русскомъ языкѣ не есть просто переводъ, а *второе изданіе* Мурчисона, значительно измѣненное и дополненное.

Читателямъ Москвитянина, конечно, любопытно узнать, хоть въ легкомъ очеркѣ, до какихъ же результатовъ достигли геологи съ такимъ трудомъ и съ такими пожертваніями со стороны нашего Правительства? Въ слѣдующихъ номерахъ я изложу главнѣйшіе выводы.

Г. Щуровскій.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

85. *Москва и Москвичи. Записки Богдана Ильича Бвльскаго, издав. М. Н. Загоскинымъ. Выходъ четвертый. М. 1850.*

Стр. 283 въ 12 д. л.

Знакомыя всему читающему міру, записки Богдана Ильича Бвльскаго, начиная съ этого выхода, будутъ посвящены не одной только Москвѣ и ея жителямъ, — и вотъ почему. »Многіе изъ моихъ читателей, говоритъ авторъ, полагаютъ, что въ книгѣ, которая называется Москва и Москвичи, должно говорить объ одной Москвѣ и ея жителяхъ. Основываясь на этомъ, довольно логическомъ, выводѣ, они осуждаютъ меня за то, что я, нерѣдко, вопреки названію моей книги, говорю обо всемъ, что придетъ мнѣ въ голову. Другіе замѣчаютъ, и можетъ быть также справедливо, что мои записки, какъ произведеніе чисто литературное, не должны походить на статистическое или топографическое описаніе Москвы, что Москвичи вовсе не составляютъ какой-нибудь отдѣльной касты, что они точно такіе же Русскіе, какъ и всѣ, которые живутъ на Святой Руси, и что, ограничиваясь описаніемъ этихъ едва замѣтныхъ особенностей, которыми Москва отличается отъ другихъ Русскихъ городовъ, и непремѣнно сдѣлаюсь единообразнымъ, мелочнымъ, или, что хуже и того, буду не описывать, а сочинять, т. е. взводить на бѣдныхъ Москвичей тяжкіе грѣхи, которыми они вовсе непричастны, выдумывать небывалые обычаи, нелѣпыя повѣрья и разныя другія, болѣе или менѣе забавныя, клеветы, въ родѣ тѣхъ, которыми такъ щедро осыпаютъ насъ иностранные туристы.« Съ этимъ можно бы и поспорить; но какъ вы будете спорить, когда у Богдана Ильича отыскался одинъ пріятель, Иванъ Андреевичъ Барсуковъ, а у этого пріятеля, среди разнаго книжнаго хлама, нашлась рукопись, подъ заглавіемъ: »Осенніе вечера моего дѣдушки,« которые Богданъ Ильичъ и рѣшился издавать по частямъ при »Москвѣ и Москвичахъ.« Дѣйствию Осеннихъ вечеровъ происходитъ не въ одной Москвѣ, а во всей Россіи, даже иногда переносится за границу; слѣдов. чтеніе ихъ должно доставить несомнѣнное удовольствіе и не-Москвичамъ. Говоримъ:

несомнѣнное, потому что Богданъ Ильичъ (это известно всѣмъ) владѣеть тайною отыскивать удивительныя рукописи. Изъ послѣдней его находки, съ эпиграфомъ: «Не раскусивъ орѣха, о зернѣ не толкуй,» — мы раскусили только частичку — одинъ вечеръ, и до сихъ поръ еще чувствуемъ пріятный вкусъ, оставленный въ насъ подаркомъ Богдана Ильича. Живой очеркъ дѣдушки съ его сосѣдями-сосебѣдниками и четыре милыхъ разсказа: Эмигрантъ; Благодарный воръ; Лекарскій дипломъ; Предсказаніе — вотъ что содержитъ первый «Осенній вечеръ,» которымъ можно скоротать скуку не только осени, но какого угодно времени.

Собственно Москвѣ Богданъ Ильичъ Бѣльскій посвящаетъ три разсказа: Купеческая свадьба, одна изъ тѣхъ, по его словамъ, какія бывали въ Москвѣ лѣтъ за 50, а теперь могутъ случиться въ глубинѣ Замоскворѣчья или за Таганскимъ рынкомъ (съ этимъ мы не согласны); потомъ описаніе Нескучнаго, напечатанное нѣкогда въ Утренней Зарѣ, съ именемъ М. Н. Загоскина (вѣроятно, по дружбѣ его къ Богдану Ильичу), — и наконецъ Московскіе сводчики, съ которыми мы познакомимъ нашихъ читателей.

МОСКОВСКІЕ СВОДЧИКИ.

Сводчикъ, а. с. м. посредникъ при покупкахъ, продажахъ и разныхъ сдѣлкахъ.

Академическій словарь, изд. въ 1848 году.

Въ Москвѣ не много справочныхъ конторъ, но за то вовсе нѣтъ недостатка въ этихъ *вольнопрактикующихъ* посредникахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ сводчиковъ. Это почтенное сословіе рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ тѣмъ, что не составляетъ никакого отдѣльнаго общества. Когда мы говоримъ: «дворянское сословіе, купеческое сословіе, мѣщанское общество, ремесленный цехъ,» то разумѣемъ подъ этимъ отдѣльныя общества, составленныя изъ однихъ дворянъ, купцовъ, мѣщанъ и ремесленниковъ, а между сводчиковъ вы найдете людей всѣхъ состояній, и хотя ихъ занятія совершенно одинаковы, но каждый изъ нихъ за бо-

тятся только о себѣ и старается всячески вредить своимъ товарищамъ. Есть сводчики, которые одѣваются по послѣдней модѣ, носятъ бѣлыя лайковыя перчатки и раздѣзжаютъ въ своихъ собственныхъ экипажахъ; есть и такіе, которые очень напоминаютъ оборванныхъ Польскихъ факторовъ: та же неутомимая дѣятельность, та же краснорѣчіе и та же самая добросовѣстность; однимъ словомъ: имъ не достааетъ только однихъ песиковъ и засаленныхъ ермолокъ, чтобъ совершенно походить на этихъ *честныхъ* Евреевъ, отъ которыхъ нѣтъ отбоя во всѣхъ мѣстечкахъ и городахъ Западной Россіи. Я всегда дивился необычайному краснорѣчію нашихъ Московскихъ сводчиковъ; каждое имѣнье, которое они предлагаютъ вамъ купить, бываетъ обыкновенно или настоящимъ земнымъ раемъ по своему чудному мѣстоположенію, или *золотымъ доломъ* по своему неслыханному плодородію, или истиннымъ кладомъ по своимъ береженнымъ лѣсамъ, сѣнокосамъ и разнымъ водянымъ угодьямъ. Для нихъ рѣшительно ничего не значитъ назвать дровяной лѣсъ строевымъ, едва замѣтный протокъ рѣчкою, грязный прудъ сзеромъ и ни на что негодныя болота поемными лугами. »Но для чего же они это дѣлаютъ?« спросите вы. »Вѣдь заочно имѣнье никто не покупаетъ, всякой поѣдетъ прежде посмотреть.« Да этого-то они добиваются! Неужели вы никогда не слыхали о заграничныхъ вывѣскахъ, которыя такъ обольстительны для всѣхъ новичковъ? На одной вы прочтете, что тутъ не продаютъ, а почти даромъ отдаютъ разные товары; другая приглашаетъ васъ войти въ лавку — какъ вы думаете для чего? Единственно для того, чтобъ вы обогатились — *Faites votre fortune, messieurs!* — Разумѣется, это ложь; однакожъ вы зайдете въ лавку и, можетъ быть, купите что-нибудь. Говорятъ, что эти торговыя припанки, извѣстныя подъ названіемъ *пуфбовъ*, доведены до совершенства Англичанами, можетъ быть; только врядъ ли имъ уступать въ этомъ наши Московскіе сводчики. Мнѣ самому случилось однажды попасть въ ловушку къ этимъ господамъ; впрочемъ, я отдѣлался такъ дешево, что вовсе объ этомъ не жалею. Я расскажу вамъ это происшествіе, совершенно справедливое во всѣхъ его подробностяхъ, за это я ручаюсь вамъ своею честію.

Года четыре тому назадъ, пришла мнѣ охота купить небольшую подмосковную. Я напечаталъ объ этомъ въ газетахъ, и на другой день явились ко мнѣ два сводчика. Первый, котораго

и принялъ къ себѣ въ кабинетъ, былъ человекъ пожилой, одѣтый довольно опрятно, съ большими седыми бакенбардами и съ важнымъ, даже нѣсколько угрюмымъ лицомъ.

— Вы изволили объявить въ Московскихъ вѣдомостяхъ, — сказалъ онъ, — что желаете купить имѣнье?

— Да! отвѣчалъ я. — Мнѣ хотѣлось бы найти небольшую деревеньку, но только непременно въ близкомъ разстояніи отъ Москвы.

— Такъ-съ! А позвольте узнать, въ какую цѣну? —

— Отъ сорока до пятидесяти тысячъ ассигнаціями.

— Такъ-съ!... Прежде всего я долженъ вамъ доложить, что никогда не беру менѣе двухъ процентовъ за комиссію.

— Съ того, кто продаетъ?

— И съ того, кто покупаетъ.

— То есть четыре процента? Ну это довольно! Впрочемъ, если вы найдете мнѣ выгодное имѣніе....

— Выгодное? то есть доходное?

— Ну хоть и не очень доходное, но я желаю бы, чтобы оно давало мнѣ хотя пять процентовъ.

— Такъ-съ!... А мѣстоположеніе?...

— Непременно красивое: безъ этого я не куплю; чистенькой домишко, роща, рѣчка.

— И рѣчка-съ?... Это, оударь, найти не легко!... Подмосковныя имѣнья на видныхъ мѣстахъ и съ живыми урочищами не дешево стоятъ — заплатите тысячи по двѣ за душу.

— Ну если у васъ нѣтъ такого имѣнья....

— Позвольте, позвольте!... Я могу вамъ рекомендовать имѣнье — не то что подмосковное, а близко, очень близко отъ Москвы... Просьтъ за него пятьдесятъ пять тысячъ ассигнаціями, а можетъ быть и за пятьдесятъ уступать. Имѣнье отличное, устроенное самымъ хозяйственнымъ образомъ; стоитъ только руки приложить, такъ оно дастъ вамъ процентовъ до десяти. Земля самая плодородная.... не то что черноземъ, а знаете ли такая сѣрая.... чудная земля!... И мѣсто красивое, передъ барскимъ домомъ рѣчка.... можно мельницу построить; воды весьма достаточно, — будетъ за глаза на три постава.

— А по какой дорогѣ это имѣнье?

— По Можайскъ.

— То есть по Смоленской? Ну, это хорошо: застава от меня близехонько.

— А это, сударь, не бездѣлица. Иное имѣніе кажется и близко отъ Москвы, а какъ придется ѣхать городомъ верстъ двадцать....

— Ужъ и двадцать!.... Что вы!

— Да не много поменьше.

— Что жъ, это имѣнье не далеко отъ города?

— И десяти верстъ не будетъ.

— Отъ Москвы?

— Нѣтъ, сударь: отъ города Вязьмы.

— Такъ это въ Смоленской губерніи?

— Такъ что же, сударь? Вѣдь Смоленская-то губернія граничитъ съ Московскою.

— Покорнѣйше васъ благодарю! Я нищу имѣнья не далѣе тридцати верстъ отъ Москвы.

— Позвольте вамъ доложить: да что толку-то въ этихъ близкихъ имѣніяхъ? Вѣдь известное дѣло, подмосковные крестьяне или плуты или нищіе, безпрестанно въ Москву таскаются, вотъ пьяницы; да вы, сударь, съ ними наплачетесь!

— Это ужъ мое дѣло.

— И что за даль такая: съ небольшимъ двѣсти верстъ! Дорога какъ скатерть, лучше всякаго шоссе, и гладко и мягко! ѣдешь въ телѣгѣ, а точно какъ на лежачихъ ресорахъ. А имѣнье-то какое! Отъ нужды, сударь, продаютъ.... Вотъ кабы вы сами изволили взглянуть.... Да не угодно ли? со мною есть опись и приказъ....

— Нѣтъ ужъ увольте!

— Такъ позвольте вамъ предложить другое имѣнье, поближе этого....

— Также въ Смоленской губерніи?

— Нѣтъ, сударь, въ Рязанской, на самой Московской границѣ.

— Я ужъ вамъ сказалъ, что хочу купить подмосковную.

— Въ такую цѣну у меня подмосковныхъ нѣтъ. Вотъ тысячь во сто....

— Такъ намъ и говорить нечего. Прощайте, батюшка! тамъ у меня дожидается другой слодчикъ.

— Видѣль, сударь, видѣль!... Я совѣтовать вамъ не смѣю, а грѣшно не сказать. Поберегитесь, батюшка. Я этого молодца знаю: Григорій Кулаковъ; два раза, сударь, изъ Москвы выгоняли, всю прошлую зиму въ тюрьмѣ просидѣлъ.... И какой онъ сводчикъ! такъ.... шмольникъ — дрянъ! Изъ полтины пробѣгаетъ цѣлый день, а за цѣлковый дастъ себя выпоротъ.... А ужъ красной какой!... наговорить вамъ съ три короба; да вы не извольте ему вѣрить: мошенникъ преестественный! Прощайте, сударь!... Рекомендую себя на будущее время: Степанъ Прокорьевичъ Кривоплясовъ, собственный домъ въ Садовой на Живодеркѣ, второй отъ угла.

— Хорошо, хорошо! Если вы мнѣ понадобитсяъ, я за вами пришло.

Когда первый сводчикъ вышелъ, я приказалъ позвать второго. Наружность его мнѣ очень не понравилась. На немъ былъ долгополый сюртукъ, довольно уже поношенный; самъ онъ былъ росту небольшого, худощавъ, съ продолговатой жиденькой бородкою и сѣрыми плутовскими глазами, которые не обѣщали ничего добраго.

— Что, сударь, сказалъ онъ, вы не изволили ни чѣмъ по рѣшить съ господиномъ Кривоплясовымъ?

— Нѣтъ! отвѣчалъ я: мнѣ не то надобно, что у него есть.

— Чай навязывалъ вамъ Смоленское или Рязанское имѣнье? Вотъ ужъ третій мѣсяцъ, какъ онъ съ ними нянчится.

— А что, это хорошія имѣнья?

— Помилуйте! да еслибъ мнѣ стали эти деревнишки даромъ отдавать, такъ я бы придачи попросилъ!... А туда жъ два процента!... Вотъ я, сударь, изъ одного процентика готовъ вамъ послужить. Да вѣдь мы люди простые, а онъ большой баринъ, офицію носить!

— Такъ онъ чиновникъ?

— Да, сударь, служилъ въ надворномъ, да видно не выслужился.... попросили вонъ! Небось, тогда не чванился; стоитъ, бывало, цѣлое утро съ перышкомъ у присутственныхъ мѣсть, не найметъ ли кто въ свидѣтели, а теперь, какъ удалось ему двухъ-трехъ господъ обмануть, такъ и въ люди пошелъ! Чего добраго — контору завести!

— Ну! подумалъ я, какъ эти господа другъ друга рекомендуютъ!

— Вамъ, сударь, продолжалъ сводчикъ, желательнo купить подмосковную?

— Да, отвѣчалъ я; только поближе къ Москвѣ.

— Найдёмъ, сударь! Кабы вотъ этакъ недѣльки три тому назадъ, такъ я бы вамъ рекомендовалъ съ полдюжины подмосковныхъ, а теперъ одна только и есть въ виду; да за то ужъ и подмосковная! Какъ посмотрите, такъ не разстанетесь! Душъ не много — всего пятьдесятъ, а земли чetyреста десятинъ: триста въ окружной межѣ, да въ двухъ верстахъ отхожалъ пустошь. Лѣсу было слишкомъ сто десятинъ отличнаго! Теперъ конечно лѣсокъ не крупный, однакожъ и не зарость: въ оглоблю будетъ Барской домикъ игрушка, и не то что старый домъ: послѣ Французовъ строенъ; а что за крылечко такое! съ выступомъ, на подобіе террасы — удивительно!... Садъ на пяти десятинахъ, аранжерей, грунтовый сарай, службы.... оно, конечно, не много позанущено: господа давно не живутъ, присмотрѣть некому, и если правду сказать, такъ на взглядъ строеніе покажется вамъ ветхимъ, а въ самомъ-то дѣлѣ вѣку не будетъ! Стоитъ только кой-гдѣ подкрасить, кой-что перетряхнуть — тутъ тесницу — другую переменить, тамъ новое звѣно подвести, такъ усадьба будетъ щегольская!

— А рѣчка есть?

— Есть, сударь, этакъ съ полверсты отъ дома, и рѣчка-то кака! веселенка, игривая, словно змѣйка, такъ и вьется по лугу!

— Можно въ ней купаться?

— Можно, сударь. Крестьянскіе ребятишки все лѣто въ нее не выходятъ. Въ иномъ мѣстѣ по полямъ будетъ....

— То есть ребятишкамъ, а большимъ по колено?

— Да вы объ этомъ не извольте беспокоиться, за купаньемъ дѣло не станетъ: передъ домомъ преогромный прудъ, не грѣшно озеромъ назвать.

— И вѣрно въ немъ водятся лягушки?

— Какъ же, сударь! привозныя, съ отличными голосами! Я засмѣялся.

— Чему же вы изводите смѣяться? сказалъ сводчикъ. Можетъ статья, теперъ этимъ не занимаются, а прежде всѣ подмосковные бояре любили, чтобъ у нихъ въ прудахъ были лягушки голосистыя. Они этимъ щеголяли, сударь.

— Правда, правда, любезный! Теперь и я вспомнил: была такая мода; только я до этой музыки не охотник, а люблю, чтоб пруды были съ рыбкою.

— И этого довольно, сударь; въ саду есть два пруда съ карасями, да караси-то какіе — аршинные!

— Ужь и аршинные!

— Доподлинно сказать вамъ не могу, я не мѣрлялъ, а только прекрушные.

— Что жъ эта деревня по какой дорогѣ?

— По Звенигородкѣ.

— По Звенигородской дорогѣ? Мѣста знакомыя. А на какой верстѣ?

— На двадцать шестой.

— На двадцать шестой?... Поворотъ налѣво? Мимо вѣтренной мельницы?

— Точно такъ-съ.

— А тамъ двѣ версты лѣсомъ?

— Не будетъ, сударь; версты полторы не больше.

— Такъ это деревня Андрея Степановича Вязникова.

— Да-съ! его высокородія Андрея Степановича Вязникова.

— Спасибо, любезный!

— А что, сударь?

— Да я ужъ хуже ни чего не знаю. Мужики бѣдные, избенки всѣ на боку, а барской домъ и на дрова никто не купить.

— Помилуйте, сударь! Конечно, домъ покривился, да это отъ того, что его мезонинъ давить; прикажите его снять....

— Да новый домъ поставить? службы перестроить, всѣ избы новыя срубить? Покорнѣйше благодарю!....

— Какъ вамъ угодно, а, право, имѣньице хорошее и за безцѣнокъ отдають.

— Нѣтъ, ужъ я лучше поищу другую подмосковную.

— Позвольте! у меня есть въ виду еще одно имѣнье — чудо!... За отъѣздомъ продають, завтра опись получу. Ну ужъ это подмосковная! На Клязми, все мѣста гористыя, березовый лѣсъ, липовая роща... пообождите только до завтрашняго дня.

— Хорошо, хорошо, любезный! Прощай!

— Счастливо оставаться! Сейчасъ побѣгу къ господамъ за описью и приказомъ.

Не прошло получаса, какъ мнѣ доложили, что пришелъ еще сводчикъ. Я велѣлъ его позвать.... Ну, вотъ вовсе не подходилъ на двухъ прежнихъ! Это былъ пожилой человекъ лѣтъ шестидесяти, въ свѣромъ опрятномъ пальто, съ лысой головою, краснощекимы, благообразнымъ лицомъ и свѣтлыми голубыми глазами, исполненными такого простодушія и такой доброты, какихъ я давно не видывалъ. Вся наружность его напоминала этихъ патріархальныхъ старинныхъ слугъ, не всегда трезвыхъ, но честныхъ, вѣрныхъ и всегда готовыхъ не только подражаться, но даже умереть за каждую барскую копѣйку. Войдя въ кабинетъ, онъ помолился на образъ, потомъ, обратясь ко мнѣ, поклонился по старому Русскому обычаю въ полъ,

— Что скажешь, любезный? спросилъ я.

— Вы ли, батюшка, Богданъ Ильичъ Бѣльской?

— Я, мой другъ.

— Ну слава тебѣ Господи! Ужъ я васъ искалъ, искалъ!...

Не угодно ли вамъ, батюшка, купить подмосковное имѣнье въ двадцати верстахъ отъ города?

— По чему не купить, если имѣнье хорошее и будетъ мнѣ по деньгамъ.

— Будеть, сударь, будетъ! Да вотъ извольте потрудиться — прочтите опись.

Сводчикъ подалъ мнѣ исписанный листъ бумаги и я прочелъ слѣдующее:

»Сельцо Былино въ двадцати верстахъ отъ Москвы, по Серпуховской дорогѣ, на рѣчкѣ Афонасьевкѣ. Крестьянъ, по ревизскимъ сказкамъ, семьдесятъ одна душа, а съ прибылыми послѣ ревизіи осемьдесятъ пять душъ. Изъ крестьянъ многіе занимаются столярнымъ ремесломъ и платятъ оброку съ тягла по сту рублей ассигнаціями, остальные крестьяне на пашнѣ. Земля вся особнякъ, осемь сотъ шестьдесятъ десятинъ, изъ которыхъ сорокъ пять подъ господской усадьбою и крестьянскими избами. Барской домъ каменный о двухъ жильяхъ: въ немъ вся мебель краснаго дерева, три каменные флпгеля, баня, сушильня, конюшни, сараи, погреба деревянные, не требующіе никакой починки; все господское строеніе крыто желѣзомъ. Видъ изъ дома наотличнѣйшій; одинъ садъ фруктовой, другой для гулянья, съ разными потѣшными строеніями; двѣ аранжерей, одна персиковая, другая виноградная, грунтовой сарай преобширнѣйшій....

— Э, любезный! сказалъ я, остановясь читать, — да это имѣнье и за сто тысячъ не купишь.

— Извольте читать, сударь! перервалъ сводчикъ.

Я началъ опять читать опись.

»По рѣчкѣ Афонасьевкѣ заливныхъ луговъ до шестидесяти десятинъ. Противъ барскаго дома каменная плотина съ мельницей о двухъ поставахъ. Прошлогоднишняго необмолоченнаго хлѣба на барскомъ гумнѣ семь большихъ одоньевъ. Лѣсу крупнаго, береженаго, по большей части березоваго, четыреста тридцать шесть десятинъ. Последняя цѣна имѣнью девяносто тысячъ ассигнаціями.

— Что жъ это за вздоръ! сказалъ я. — Да тутъ одного лѣсу слишкомъ на двѣсти тысячъ рублей.

— Будеть, сударь.

— Такъ воля твоя; любезный: или ты меня обманываешь или тутъ есть какая-нибудь ошибка.

— Нѣтъ, сударь, я васъ не обманываю и ошибки тутъ никакой нѣтъ. Извольте только меня выслушать. Прежній помѣщикъ сельца Былина, Антонъ Федоровичъ Вертлюгинъ, скончался прошлой зимою, и все имѣнье покойнаго перешло по наследству къ племяннику его, Ивану Тихоновичу Башлыкову; а онъ въ этой деревнѣ никогда не бывалъ, и служить въ какомъ-то гусарскомъ полку, который стоитъ въ Польшѣ. Говорятъ; что этотъ Иванъ Тихоновичъ Башлыковъ такой гуляка и картежникъ, что ужъ два наследства спустилъ. Видно ему и теперь не повеселилось, такъ онъ и написалъ къ Былинскимъ крестьянамъ, что продаетъ ихъ за девяносто тысячъ ассигнаціями, и чтобы они искали себѣ покупателя. Я, сударь, самъ родомъ изъ Былина, отпущеникъ стараго барина. Вотъ мужички и попросили меня прискаты имъ хорошаго помѣщика. Дѣло, сударь, не шуточное, тутъ спѣшить нечего, и я ужъ недѣлю двѣ по Москвѣ шатаюсь. Спрошу объ одномъ: хорошъ, дискать, баринъ, только барыня-то у него такая нравная, что не приведи Господи! Спрошу о другомъ. И этотъ также человекъ добрый, да все папшю заводитъ на нѣмецкой манеръ; тотъ крутенекъ, этотъ съ придурью, а вотъ, дискать, есть баринъ, Богданъ Ильичъ Вѣльской, такъ ужъ нечего сказать — отецъ! У него и дворовымъ и крестьянамъ такое житье, что и волюшки не надо! — Я повхалъ да Былинскимъ это и пересказалъ, а они,

сударь, прислали меня къ вамъ. Ужь одѣлайте милость, батюшка, заставьте за себя Бога молить, — купите ихъ!

— Какъ не купить, любезный! Да гдѣ жъ я возьму девяносто тысячъ?

— Деньги готовы, сударь.

— Какъ готовы?

— А вотъ позвольте видѣть: не слыхали ли вы когда-нибудь объ Иванѣ Федоровичѣ Выхинѣ?

— Не помню, любезный; кажется не слыхалъ.

— Здѣшній купецъ первой гильдіи; торгуетъ лѣсомъ. Онъ ѣздилъ со мною на прошлой недѣлѣ въ Былино, и мы съ нимъ порѣшили; господинъ Выхинъ покупаетъ двѣсти десятинъ лѣсу по пяти сотъ рублей ассигнаціями за десятину. Оно конечно дешево, сударь; коли онъ и рубить лѣсу не станеть, а на корнѣ продать, такъ все возьметъ рубль на рубль барыша.... ну да Богъ съ нимъ! За то человекъ-то вѣрный и всѣ деньги впередъ даетъ.

Признаюсь, я сначала обрадовался, а потомъ мнѣ стало какъ будто бы совѣстно.

— Послушай, любезный! сказалъ я. — Да что жъ это, въ самомъ дѣлѣ, крестьяне-то? Имъ бы написать барину, что у него одного лѣсу больше чѣмъ на двѣсти тысячъ, а онъ все имѣнье продаетъ за девяносто?

— Что вы, сударь! сохрани Господи! Если баринъ объ этомъ узнаеть, да онъ тогда вовсе своихъ мужичковъ обездомитъ: продастъ весь лѣсъ за безцѣнокъ, денежки спустить, а тамъ опять деревню-то по боку! Только ужъ тогда, батюшка, покушниковъ не много будетъ. Да вы первые не купите безцѣсныхъ имѣнье — что въ немъ толку? Анъ и выдѣть, что мужички-то достанутся Богъ вѣсть кому.

— А что, подумалъ я, вѣдь онъ дѣло говоритъ.

— Эхъ батюшка, ваше высокоблагородіе! продолжалъ сводчикъ: — ну что вы изводите заботиться объ этомъ мотыгѣ? Вѣдь глушому омыну не въ помощь богатство. Вы подумайте-ка лучше о бѣдныхъ мужичкахъ; чѣмъ они, сердечные, виноваты, то у нихъ баринъ картежникъ?

— Правда, правда, любезный! сказалъ я.

— Ну что, сударь, ваши ли они?

— Если ты говоришь правду....

— Да изъ чего жъ мнѣ лгать, сударь? Помышлите!

— До сихъ поръ кажется не изъ чего.

— Такъ вы покупаете?

— Покупаю.

— Батюшка Богданъ Ильичъ! — сказала сводчикъ, повалась мнѣ въ ноги: — коли это дѣло кончено, такъ дозвоьте мнѣ и за себя слово вымолвить!

— Что такое?

— Въ Былинѣ есть у меня родной братъ краснодеревецъ — за всѣ мои хлопоты и труды отпустите его на волю! Я ничего больше не прошу.

— Съ большимъ удовольствіемъ.

— Да вы не извольте о немъ жалѣть, батюшка! У васъ еще останутся трое краснодеревцевъ.

— А нѣтъ ли у тебя въ Былинѣ еще родныхъ?

— Есть, батюшка, племянникъ; да я ужъ не смѣю о немъ и говорить....

— Изволь, любезный, я и племянника твоего отпущу на волю. Сводчикъ заплакалъ.

— Покорнѣйше васъ благодарю, батюшка! сказалъ онъ. — Пожалуйста ручку!... Дай Богъ вамъ много лѣтъ здравствовать!

— Да это что!... если только ты меня не обманываешь....

— Ахъ Господи Боже мой!... Вы все изволите сомнѣваться!... Ну жаль, что Ивана Федоровича здѣсь нѣтъ!....

— Какого Ивана Федоровича?

— Да вотъ лѣсника, что Былинской лѣсъ покупаетъ. Я бы вмѣстѣ съ нимъ къ вамъ пришелъ, авось ли бы вы тогда повѣрили.

— Гдѣ жъ онъ теперь?

— Ухалъ въ рощу. Деньжонокъ-то со мною мало, а то бы я за нимъ скаталъ.

— А далеко ли?

— Да не близко, верстъ за тридцать. Меньше трехъ цѣлковыхъ не возьмутъ.

— Вотъ тебѣ пять рублей серебромъ, сказала я, подавая ему ассигнацію. — Съѣди за лѣсникомъ.

— Слушаю, сударь. Оно и лучше, батюшка! Извольте сами съ нимъ переговорить.

— Вѣдь завтра ты вернешься?

— Какъ же, сударь. Если ему завтра нельзя будетъ къ вамъ прїѣхать, такъ я письмо отъ него привезу. Да онъ вѣрно самъ прискачетъ. Вѣдь дѣло-то не бездѣльное: рубль на рубль барыша. Прощайте, батюшка! Сейчасъ на постоялый дворъ, найму лошадей, да и въ путь.

Сводчикъ вышелъ изъ комнаты, потомъ черезъ полминуты воротился назадъ.

— Что ты, любезный? спросилъ я.

— Виноватъ, сударь! Забылъ вамъ сказать: Иванъ Федоровичъ Выхнинъ очень варится на березовую рощу, которая подошла къ самому саду, да вы не извольте ее продавать. Березы-то сажены еще дѣдушкой покойнаго барина — каждая обхвата въ два будетъ.

— А если онъ заупрямится?

— Такъ извольте ему сказать, что вы и деревню-то за тѣмъ покупаете, что вамъ эта роща нравится. Въ ней же всего на все десятины пять или шесть — не потянется, сударь!

— Ну, хорошо.... А, кстати! какъ тебя зовутъ, любезный?

— Савелій Прокофьевъ. Прощайте, батюшка!

Разумѣется, я провелъ весь этотъ день въ самыхъ прїятныхъ мечтахъ: то мысленно удилъ рыбу въ моей рѣчкѣ Афонасьевкѣ, то гулялъ въ столѣтней березовой рощѣ, или въ собственнй свой виноградъ, свои доморощенные персики-венусы!... Доходное имѣнье въ двадцати верстахъ отъ Москвы, прекрасная усадьба съ такими барскими затѣями, и все это достается мнѣ не только даромъ, но даже съ придачею!.. »Не можетъ быть,« думалъ я, «чтобъ этотъ старикъ меня обманывалъ: онъ вовсе не похожъ на обманщика. Да изъ чего бы онъ сталъ это дѣлать? — Если онъ хлопоталъ изъ того только, чтобъ выманить у меня нѣсколько рублей серебромъ, такъ за чѣмъ же, получивъ деньги, воротился говорить со мною о березовой рощѣ? Это уже было бы слишкомъ хитро, да и вовсе для него бесполезно.... Нѣтъ! видно на этотъ разъ мнѣ посчастливилось!....»

Часу въ девятомъ вечера прїѣхалъ ко мнѣ старинный мой прїятель, Андрей Даниловичъ Еруслановъ. Въ первомъ выходѣ моихъ записокъ я познакомилъ васъ съ этимъ ненавистникомъ дилижансовъ и страстнымъ любителемъ нашей Русской толѣжной яды.

— Здравотвуй Богданъ Ильичъ! сказалъ онъ. Я прїѣхалъ съ тобой повидаться и поговорить съ тобой кой о чемъ. А нечего сказать, далеконько ты живешь!

— Да, любезный друг! Я живу на Иртышских прудах, а ты на Чистых.... вероты четыре будетъ.

— Тебя, кажется, о здоровьѣ спрашивать нѣчего, продолжалъ Еруслановъ, опускаясь въ кресла: ты смотришь такъ весело....

— Да и ты, кажется, вовсе не хмуришься.

— Нѣтъ, другъ сердечный, я веселъ, очень веселъ! Богъ милость мнѣ даетъ.

— Право! Что жъ такое?

— Да такъ!.. Вотъ, братецъ, говорятъ, что добрымъ людямъ не житье на этомъ свѣтѣ — неправда!.. Хорошо быть добрымъ человекомъ! Добрая слава лучше всякаго богатства, любезный!

— Конечно лучше; да къ чему ты это говоришь?

— А вотъ къ чему. Я, Богданъ Ильичъ, покупаю отличное имѣнье, или лучше сказать, мнѣ дарятъ это имѣнье, за то, что я добрый человекъ.

— Какъ такъ?

— Да имѣнье-то какое! Барское, сударь! въ двадцати верстахъ отъ Москвы.

— Въ двадцати верстахъ?...

— Да, Богданъ Ильичъ, по Серпуховской дорогѣ.

— Ой, ой, ой! подумалъ я: это что-то не хорошо.

— Помощникъ этого имѣнья — продолжалъ Еруслановъ — не бывалъ въ немъ никогда. Оно, изволишь видѣть, досталось ему по наслѣдству. Видно, ему денежки понадобились, такъ онъ и написалъ крестьянамъ, чтобъ они искали себѣ покупателя, а мужички-то — голубчики мои! знать ужъ обо мнѣ понаслышались, любезный! — и просить, чтобъ я ихъ купилъ; да вѣдь даромъ, братецъ, даромъ!

— Ой худо! прошепталъ я.

— Представь себѣ, Богданъ Ильичъ: за имѣние просить девяносто тысячъ ассигнаціями, а одного лѣсу на двѣсти! Каменный домъ, аранжереи, мукомольная мельница...

— На рѣчкѣ Афонасьевкѣ? перервалъ я.

— Да, да! на рѣчкѣ Афонасьевкѣ.

— Сельцо Былино?

— Точно такъ! А ты его знаешь?

— Какъ не знать! А что, къ тебѣ сами крестьяне приходили?

— Нѣтъ, они прислали ко мнѣ отъ всего міру....

— И вѣрно лысаго старика, въ сѣромъ пальто, съ такимъ честнымъ, добрымъ лицомъ...

— Э, любезный! такъ ты и его знаешь?

— Какъ же! Прокофій Савельевъ....

— Нѣтъ, кажется Савелій Прокофьевъ.

— Все равно, любезный другъ! Ты вѣрно далъ ему что-нибудь!

— Бездѣлицу: десять рублей серебромъ.

— А когда онъ у тебя былъ?

— Сегодня часу во второмъ.

— Во второмъ! Экой проворный, подумаешь! Такъ онъ прямо отъ меня прошель къ тебѣ.

— Отъ тебѣ?

— Да, онъ былъ у меня ровно въ двѣнадцать часовъ. Ну, другъ сердечный, не прогнѣвайся — своя рубашка къ тѣлу ближе: вѣдь я ужъ это имѣние купилъ.

— Какъ купилъ? сказалъ Андрей Даниловичъ, вскочивъ съ кресель.

— Да, мой другъ, купилъ и гораздо дешевле твоего: ты заплатилъ за него десять рублей серебромъ, а я только пять.

— Что жъ это значить?

— А это значить, Андрей Даниловичъ, что на то и штука въ морѣ, чтобъ карась не дремалъ.

— Что ты говоришь? Да неужели этотъ старикъ....

— Отличный паутъ, а ужъ актеръ такой, какихъ я и не видывалъ.

— Да нѣтъ, это не можетъ быть!

— Не просилъ ли онъ тебя отпустить на волю его роднаго брата, краснодеревца?

— Просилъ.

— Что жъ, ты общался отпустить?

— Разумеется.

— И онъ заплакалъ?

— Такъ и заревѣлъ, братецъ!

— Фу, какой артистъ! Жаль только, что онъ немножко однообразенъ. Не взялъ ли онъ у тебя денегъ, чтобъ манять лошадей и вѣхать за лѣсникомъ...

— Какъ же, Богданъ Ильичъ! Онъ просилъ у меня пять рублей, а я далъ ему десять.

— Ну вотъ видишь ли! Отъ меня онъ зашелъ къ тебѣ на перекупъ, а можетъ быть отъ тебя завернетъ еще къ кому-нибудь — такъ этакъ, глядишь, въ иной день перепадетъ ему рубликовъ двадцать пять серебромъ. Ремесло хорошее!

— Вотъ тебѣ и рѣчка Афонасьевка! вскричалъ Еруслановъ. — А я ужъ собирался на ней купальню поставить.... Ахъ онъ мошенникъ, разбойникъ этакой!

— Да что жъ ты на него такъ гнѣваешься? сказалъ я. — Развѣ я сержусь? а вѣдь онъ и меня также обманулъ — вѣдь и я также какъ ты, думалъ про себя: хорошо быть добрымъ человѣкомъ!

Еруслановъ засмѣялся.

— Ну! молвилъ онъ, много я видалъ лаутовъ на моемъ вѣку, а ужъ такого мастера не встрѣчалъ!... Да нѣтъ, Богданъ Ильичъ, ты какъ хочешь, а я этого такъ не оставлю!....

— А что жъ ты сдѣлаешь?

— Я отыщу его.

— Въ самомъ дѣлѣ: съзвяди-ка въ селъцо Былино, авось онъ тамъ.

— Нѣтъ, любезный, этотъ Ванька Канинъ долженъ быть здѣсь въ Москвѣ. Я по всемъ съзвжкамъ буду справляться, гдѣ живетъ ищанинъ Прокофій Савельевъ, или Савелій Прокофьевъ — найду его....

— А тамъ что?

— А тамъ что?.. Да дамъ ему еще цѣлковый за то, что онъ молодецки насъ обманулъ.

— Такъ ужъ дай и отъ меня, — сказалъ я, но только не за это.

— За что же?

— За то, что я по милости его былъ цѣлый день доволенъ, веселъ и даже счастливъ.

— А что, вѣдь ты правду говоришь! — перервалъ Андрей Даниловичъ. — Купить себѣ на цѣлый день счастья за пять рублей серебромъ — да развѣ это не дешево? Эхъ жаль, что я къ тебѣ завхалъ! Сиди я дома, такъ мы бы съ тобой за наши денежки вдоволь понатѣшились!

86. *Описаніе военныхъ дѣйствій 1839 года въ Сѣверномъ Дагестанѣ. Соч. Полковника Милютина. Съ планами. Спб. 1850. Стр. 144 въ 8 д. л.*

Съ 1830 года Русское Правительство вынуждено было обратить особенное вниманіе на положеніе дѣлъ въ Дагестанѣ и на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи. Религіозное ученіе (*мюридизмъ*), возникшее въ этомъ краѣ, подало поводъ къ волненіямъ и кровопролитной войнѣ. Необходимо было принять самыя дѣйствительныя мѣры противъ усиленія въ горахъ враждебной намъ власти, которая сдѣлалась особенно опасною, когда главою фанатическихъ мюридовъ явился Шамиль. Къ несчастію, стеченіе разныхъ обстоятельствъ нѣсколько лѣтъ сряду не позволяло обратить противъ него достаточныя силы для какого-либо предпріятія рѣшительнаго, — и обстоятельства эти имѣли самое невыгодное для насъ вліяніе: горцы еще болѣе ободрились; Шамиль пріобрѣлъ еще большее вниманіе на легковѣрные умы. Онъ увѣрялъ, что Русскіе не въ состояніи ничего предпринять противъ него; между тѣмъ продолжалъ укрѣпляться. Наконецъ въ 1839 г. назначено было предпринять рѣшительную экспедицію въ Сѣверный Дагестанѣ. Военныя дѣйствія должны были производиться въ трехъ разныхъ частяхъ Кавказскаго края и тремя отдѣльными отрядами. Первый, десантный, подъ командою Генералъ-Лейтенанта Раевского, назначенъ былъ для занятія трехъ новыхъ пунктовъ на восточномъ берегу Чернаго моря и для построенія тамъ укрѣпленій. Другой, Дагестанскій, подъ начальствомъ самаго Корпуснаго Командира, Генералъ-Лейтенанта Головина, долженъ былъ окончательно покорить верхнія Самурскія общества и прочно утвердиться въ верховьяхъ Самура, построениемъ укрѣпленія у селенія Ахты. Наконецъ, третій, подъ названіемъ Чеченскаго, вѣранный Генералъ-Лейтенанту Граббе, назначенъ былъ для дѣйствій противъ Шамиля въ Сѣверномъ Дагестанѣ и Чечнѣ. Описанію дѣйствій этого послѣдняго отряда и посвящена книга Г. Милютина.

«Дѣйствія эти, говоритъ авторъ, заслуживаютъ особеннаго вниманія: они происходили въ такихъ частяхъ края, куда до того времени еще никогда Русское оружіе не проникало; они сопряжены были съ такими затрудненіями естественными и съ такимъ упорнымъ сопротивленіемъ со стороны непріятеля, какія прежде едва ли встрѣчались; а потому и успѣхи Русскихъ войскъ никогда, быть можетъ, не стоили прежде столькихъ пожертвованій.

«Но тѣмъ болѣе чести приносить эти успѣхи войскамъ, которыя, въ продолженіе болѣе четырехъ мѣсяцевъ, съ истиннымъ мужествомъ и непоколебимою твердостью переносили всѣ тягости и лишенія труднаго похода въ скалистыхъ и бесплодныхъ горахъ, преодолевали затрудненія, на каждомъ шагу имъ встрѣчавшіяся, и вездѣ геройски дрались, гдѣ только непріятель осмѣливался оказать сопротивленіе. Ни многочисленность горцевъ, ни воинственность ихъ, возбужденная фанатизмомъ религіознымъ, ни самая неприступность укрѣпленныхъ позицій, — ничто не въ силахъ было остановить успѣха Русскаго отряда на пути, ему предначертанномъ. Положительно можно сказать, что никогда въ теченіе одной кампаніи не приходилось однимъ и тѣмъ же войскамъ столько разъ испытывать счастье отважныхъ штурмовъ на сильныя позиціи непріятельскія. Для Кавказскихъ войскъ, казалось, не было ничего невозможнаго.

«Такимъ образомъ дѣйствія 1839 года въ Сѣверномъ Дагестанѣ замѣчательны уже потому, что представляютъ цѣлый рядъ такихъ подвиговъ воинскихъ, которые грѣшно было бы оставить въ забвеніи. Мнѣнія могутъ быть различны въ томъ, какое значеніе экспедиція эта будетъ имѣть вообще въ *исторіи Кавказскаго края*; но безъ сомнѣнія всѣ, принимавшіе въ ней участіе, единогласно признаютъ, что собственно въ *исторіи Русскаго войска* она составитъ одну изъ блистательныхъ страницъ.»

По первоначальному плану Чеченскій отрядъ долженъ былъ начать дѣйствія движеніемъ въ Дагестанъ противъ Шамиля, разрушить тамъ неприступное убѣжище его Ахульго, а потомъ уже, осенью, обратиться въ Чечню. Соображеніе это основано было на томъ, что лѣто есть самое невыгодное время для дѣйствій въ лѣсистой Чечнѣ, тогда какъ, напротивъ того, въ Дагестанѣ дѣйствовать невозможно въ позднее время года. Однакожъ, съ перваго же шага оказалось нужнымъ отступить отъ этого плана, и двинуться въ землю Ичкеринцевъ, для разрушенія укрѣпленій, въ которыхъ засѣли было горцы, съ цѣлю угрожать нашему тылу. Походъ этотъ исполненъ съ совершеннымъ

успѣхомъ, и по окончаніи его Генераль Граббе могъ уже безъ опасенія двинуться въ Сѣверный Дагестанъ.

Достигнуть Ахульго можно было двумя путями: одинъ, черезъ Аварію и Койсубу, представлялъ большія удобства; другой, черезъ Салатау и Гумбетъ, несравненно длиннѣе, продегалъ по землѣ племенъ враждебныхъ и мѣстностию самую трудную для наступательнаго движенія, самую благоприятною для упорной обороны со стороны горцевъ. Однако этотъ послѣдній путь и избранъ былъ Генераломъ Граббе, на основаніи слѣд. весьма важныхъ соображеній:

«Взятіе Ахульго могло быть только послѣднимъ, конечнымъ ударомъ владычеству Шамиля; но чтобы достигнуть этой окончательной побѣды — необходимо было, такъ сказать, подготовить и облегчить ее нанесеніемъ пораженія горцамъ вездѣ, гдѣ только можно было встрѣтить ихъ скопища. Какъ бы ни были, по всемъ вѣроятіямъ, кровопролитны эти встрѣчи, какъ бы ни дорого обошлись онѣ нашимъ войскамъ, — только подобными успѣхами и можно было произвести нравственное вліяніе на умы горцевъ, поколебать довѣріе ихъ къ силѣ и непобѣдимости Шамиля, и тѣмъ разрушить основанія его могущества въ горахъ»

Двинувшись съ тѣмъ, чтобы искать встрѣчи съ горцами, нашъ отрядъ, черезъ три дня по выступленіи, имѣлъ удачное дѣло съ Шамилемъ при Теренгулѣ, а спустя еще недѣлю долженъ былъ брать штурмомъ укрѣпленное селеніе Аргуани. Полагаясь на неприступное положеніе этого пункта, Шамиль собралъ здѣсь до 16,000 Лезгинъ. Силы нашего отряда были почти вдвое менше. Не смотря на неприступную мѣстность, на отчаянную защиту мюридовъ, войска наши овладѣли Аргуани, послѣ упорнаго боя, продолжавшагося почти полуторы сутки. Потеря съ нашей стороны не превышала до 150 убитыхъ и 500 раненныхъ — потеря не весьма значительная, если сообразить всѣ трудности, какія должны были преодолѣвать наши солдаты, особенно когда, ворвавшись въ Аргуани, приходилось брать приступомъ почти каждую саклю. Потеря же горцевъ простиралась до 2,000 человекъ убитыхъ и раненныхъ, такъ что изъ иныхъ селеній ни одинъ человекъ не вернулся домой. Это блистательное дѣло открыло Русскому отряду свободный путь во всѣ стороны. Скопище Шамиля было разсѣяно, а самъ онъ заперся въ Ахульго.

Съ 12-го Іюня началась осада этого гнѣзда фанатиковъ.

Старое и новое Ахульго занимали два огромныхъ утеса, раздѣленныхъ между собою глубокимъ ущельемъ рѣчки Ашильты; оба вмѣстѣ они составляли полуостровъ, обгнбаемый съ трехъ сторонъ рѣкою Койсу. Вся мѣстность вокругъ обоихъ Ахульго чрезвычайно сурова и дика; горы каменистыя, неплодныя, какъ будто всѣ въ трещинахъ. Горные потоки во многихъ мѣстахъ низвергаются въ пропасти съ отвѣсныхъ уступовъ.... Не довольствуясь естественною неприступностію такого мѣстоположенія, Шамиль укрѣпилъ свое убѣжище еще искусственными средствами, весьма хорошо придуманными. Въ своихъ подземныхъ сакляхъ, траншеяхъ, завалахъ, пещерахъ и за утесами непріятель былъ совершенно скрытъ отъ нашихъ глазъ и выстрѣловъ; окружающая мѣстность почти нигдѣ не позволяла выгодно расположить значительныя батареи. Напротивъ того, наши войска на всѣхъ пунктахъ подвергались сосредоточеннымъ выстрѣламъ изъ множества непріятельскихъ ложементовъ открытыхъ и скрытыхъ; на всѣ подступы къ обоимъ Ахульго были направлены сотни перекрестныхъ выстрѣловъ.

Шамиль заперся въ Ахульго со всѣми своими приверженцами, съ заложниками отъ покорныхъ ему племенъ, съ награбленною имъ добычею. Больше 4000 душъ обоего пола заключено было на голомъ раскаленномъ утесѣ; вооруженныхъ было свыше 1000; изъ нихъ человекъ сто самыхъ отчаянныхъ мюридовъ заперлись въ Сурхаевой башнѣ — укрѣпленіи на остроконечной горѣ впереди новаго Ахульго. Сверхъ того Шамиль послалъ по Дигестану собирать новыя скопища.

О штурмѣ Ахульго открытою силой нельзя было и думать; а для совершенной блокады съ обѣихъ сторонъ рѣчки, силы отряда оказались недостаточными (до 6 т. чел.); для предпріятія систематическихъ осадныхъ работъ, отъ которыхъ можно было бы ожидать скораго результата, не было ни достаточнаго числа орудій надлежащаго калибра, ни довольно саперъ, ни нужныхъ матеріаловъ, ни инстру-

ментовъ. Устроенныя батареи наносили мало вреда неприятелю. Мѣстность окрестная такъ разнообразна и пересѣчена, что войска долго не могли ознакомиться съ нею, а потому дѣйствовали, такъ сказать, оцупью. Каждая попытка къ постепенному стѣсненію блокады сопряжена была съ большою или меньшею потерею. Въ началѣ войска не умѣли даже пользоваться мѣстными преградами для прикрытія себя отъ выстрѣловъ; неприятель, сидя скрыто въ своихъ завалахъ, по цѣлымъ днямъ подстерегалъ неосторожныхъ, выказывавшихся изъ-за туровъ. Въ особенности вредила блокирующимъ войскамъ Сурхаева башня, которая командовала всею окрестною мѣстностію.

Между тѣмъ въ то время, какъ принимались мѣры на случай продолжительнаго пребыванія отряда подъ Ахульго, толпа мюридовъ, собранная происками довѣренныхъ лицъ Шамиля, внезапно напала на отрядъ, и самъ Шамиль сдѣлалъ сильную вылазку изъ Ахульго; но оба эти нападенія были отражены съ урономъ для врага.

Осада подвигалась, хотя медленно и съ большими препятствіями: всѣ работы производились въ камнѣ, только по ночамъ, часто на разстояніи пистолетнаго выстрѣла отъ неприятельскихъ укрѣпленій; туры наполнялись, вмѣсто земли, камнями, приносимыми издалека. Линія передовыхъ постовъ подвигалась, однако, постепенно впередъ, и важный неприятельскій постъ — Сурхаева башня — былъ окруженъ наконецъ со всѣхъ сторонъ. Прежде чѣмъ предпринять что-либо рѣшительное противъ главныхъ укрѣпленій, необходимо было овладѣть ею, и начальникъ отряда назначилъ штурмъ. Но, не смотря на безстрашную отвагу и стойкость нашихъ храбрецовъ, первая попытка оказалась неудачною.... Спустя нѣсколько дней, съ прибытіемъ орудій большаго калибра, положено было бомбардировать Сурхаеву башню, и удачное дѣйствіе артиллеріи помогло нашимъ солдатамъ ворваться въ неприступную твердыню. Успѣхъ этотъ въ оба штурма стоилъ намъ не маловажной потери (до 50 убит. и около 375 ранен.); но и отчаянные защитники башни погибли почти всѣ.

Взятіе Сурхаевой башни было важнымъ шагомъ въ ходѣ блокады: съ этого времени уже можно было обра-

тить осадныя работы прямо противъ новаго Ахульго, какъ главной части непріятельской позиціи; значительно стѣснить линію блокады; устроить новыя батареи на такомъ близкомъ разстояніи отъ непріятельскихъ укрѣпленій, что могли разбивать ихъ даже горныя орудія. Осадныя работы, казалось, доведены были наконецъ до того періода, когда остается прибѣгнуть къ послѣднему, крайнему средству — къ открытому штурму. Получивъ новыя подкрѣпленія, увеличившія численную силу отряда до 8,400 чел. (кромя милицій), Генераль Граббе рѣшился на штурмъ. За успѣхъ ручаться было нельзя; но войска, утомленные однообразною блокадою и тяжелыми работами, жаждали покончить дѣло рѣшительнымъ боемъ.... 16 Іюля три колонны двинулись на приступъ.

«Главная колонна смѣло вачала спускаться съ нижняго гребня, по лѣстницамъ, подъ сильнѣйшимъ непріятельскимъ огнемъ. Хотя войска должны были сходить по одиночкѣ, однакожъ они исполнили это такъ стремительно, такъ смѣло, что въ нѣсколько минутъ были уже на днѣ самаго рва и даже взобрались уже на передовое укрѣпленіе. Въ одно мгновеніе непріятель сбить штыками, и съ крикомъ ура! занята вся передняя площадка.... Но тутъ встрѣчено препятствіе неожиданное: за площадкою былъ еще второй, глубокій перекопъ, обстрѣливаемый перекрестнымъ огнемъ изъ двухъ скрытыхъ блокгаузовъ или капонировъ.

«Выстрѣлы изъ множества бойницъ и съ заваловъ сосредоточены были на тѣсную площадку, на которой столпилось болѣе шестисотъ человекъ. Всѣ покушенія нѣкоторыхъ храбрецовъ проникнуть далѣе остались безуспѣшными. Спереди была непреодолимая преграда; сзади узкій путь заваленъ множествомъ раненныхъ; для устроенія ложементовъ на занятой части непріятельскихъ укрѣпленій саперы не имѣли возможности втащить ни одного тура. Притомъ въ это время не оставалось уже въ колоннѣ ни одного офицера: иные были ранены или убиты, другіе оброшены въ кручу. Войска оставались такимъ образомъ до самой ночи на передовой площадкѣ, подъ самымъ жестокииъ огнемъ.

«Другія двѣ колонны, предназначенныя собственно для отвлеченія вниманія непріятеля, вовсе и не могли ничего предпринять....»

Неудача эта стоила намъ весьма дорого: изъ строя выбыло болѣе 150 убитыхъ и слишкомъ 700 раненныхъ.

Горцы лишились только 150 чел., но и такая потеря для нихъ была весьма чувствительна, тѣмъ болѣе, что между ними почти всегда падали жертвами именно тѣ люди, которые по своей храбрости и фанатизму составляли главную опору мюридизма. Непрiятель защищался въ Ахульго съ крайнимъ упорствомъ. Въ одно мгновенiе, когда Русскiя войска ворвались въ передовую часть укрѣпленiй, мюриды, потерявъ голову, уже готовы были бѣжать; но тогда женщины съ малолѣтними дѣтьми бросились впередъ и остановили бѣжавшихъ. Многiя изъ этихъ героинь, переодѣтыя въ мужскiя платья, сами упорно дрались въ передовыхъ укрѣпленiяхъ.

Какъ ни тягостно было положенiе непрiятеля въ Ахульго, однакожъ Шамиль могъ постоянно возобновлять свои силы и средства, пока имѣлъ сообщенiе съ лѣвымъ берегомъ рѣки Койсу. Больныхъ и раненныхъ, обращавшихся ему въ тягость, онъ высылалъ изъ Ахульго, а въ замѣнъ ихъ новыя партii приходили къ нему на помощь. По показанiямъ лазутчиковъ въ Ахульго было до 1800 человекъ вооруженныхъ мюридовъ. Слѣдовало прежде всего лишить Шамиля сообщенiя съ лѣвымъ берегомъ Койсу; предпрiятiе это въ нѣсколько дней было исполнено съ отличнымъ успѣхомъ. Ахульго было обложено со всѣхъ сторонъ, и осадныя работы, въ которыхъ наши саперы оказывали чудеса искусства и храбрости, значительно подвинулись впередъ, не смотря на верѣдкiя вылазки со стороны осажденныхъ.

Такъ прошелъ цѣлый мѣсяцъ (съ 16 Юля по 16 Авгус). Мелкiя перестрѣлки въ продолженiе этого времени стоили отряду 100 чел. убитыхъ и раненныхъ. Кромѣ того, отъ продолжительности стоянки на одномъ мѣстѣ, отъ самаго воздуха, зараженнаго трупами, отъ удушливаго зноя на раскаленныхъ утесахъ, въ войскахъ усилились болѣзни. Конницу нельзя было держать при отрядѣ, по совершенному истребленiю подножнаго корма въ окрестностяхъ. Между тѣмъ Шамиль, поставленный въ крайнее положенiе, и видя настоячивость, съ которою продолжалась осада уже болѣе двухъ мѣсяцевъ, старался разными путями войти

въ переговоры. Они начинались нѣсколько разъ, но всегда безуспѣшно; видно было, что предводителю мюридовъ только хотѣлось выиграть ими время. Наконецъ, 16 числа ему было объявлено, что если онъ до наступленія ночи не выдастъ своего сына аманатомъ, то на другой же день будетъ штурмъ. Шамиль медлилъ, и 17 Авг., съ первымъ лучемъ солнца артиллерія наша открыла сильнѣйшій огонь по укрѣпленіямъ Ахульго. Войска съ отвагою двинулись на приступъ, быстро заняли часть новаго Ахульго, и стойко выдержали огонь непріятеля. Но въ это время Шамиль успѣшилъ выставить бѣлый флагъ въ знакъ перемирія, и выслалъ немедленно своего сына въ аманаты. Снова начались переговоры, и для ускоренія ихъ рѣшено было, что исправлявшій въ отрядѣ должность начальника штаба, Генераль-Маіоръ Пулло будетъ имѣть личное свиданіе съ Шамилемъ среди самаго Ахульго, то есть впереди расположенія Русскихъ войскъ. Но и это свиданіе не принесло ожидаемой пользы, потому что Шамиль не только не уступалъ, но постепенно усиливалъ свои требованія. Снова надобно было взяться за оружіе. Осада Ахульго, стоившая уже столько крови, должна была имѣть и развязку кровавую.

21 Августа штурмъ былъ возобновленъ, и опять наши храбрецы встрѣтили тѣ же самыя препятствія, какія останавливали ихъ уже два раза: глубокій перекопъ, раздѣлявшій новое Ахульго и обстрѣливаемый мюридами изъ скрытаго капонира. Пробовали бросать на дно рва ручныя гранаты, заваливать фашинами и турами, но всѣ усилія оставались тщетными. Мюриды держались цѣлый день: ночью же саперы прибѣгли къ послѣдному средству: они начали устраивать мину, выскывая галлереею въ сплошномъ камнѣ. Однакожъ въ ту же ночь Шамиль, видя гибель главныхъ своихъ приверженцевъ и упадокъ духа всей оставшейся толпы, рѣшился самъ оставить новое Ахульго, и скрылся въ одну изъ пещеръ надъ рѣкою Койсу, и всѣмъ горцамъ приказалъ переходить въ старое Ахульго. На слѣдующій день

---

* Того самого, который поступилъ потомъ на воспитаніе въ 1-й Кадетскій Корпусъ.

часть отряда заняла все новое Ахульго, и такъ какъ горцы въ торопяхъ не успѣли еще принять никакихъ оборонительныхъ мѣръ для защиты стараго, то и это послѣднее вскорѣ было занято, хотя разумѣется не безъ потери съ нашей стороны. Въ этомъ бою, продолжавшемся около полутора сутокъ, у насъ выбыло изъ строя до 150 убитыхъ и около 500 раненыхъ. Но хотя оба Ахульго были заняты, однакожъ дѣло не совсѣмъ еще было кончено....

«Тутъ только начался упорный, одиночный бой, продолжавшійся цѣлую недѣлю, съ 22-го по 29-е число. Каждую скалу, каждую пещеру войска должны были брать оружіемъ. Горцы, не смотря на неминуемую гибель, ни за что не хотѣли сдаваться и защищались съ изступленіемъ: женщины и дѣти, съ каменьями или кинжалами въ рукахъ, бросались на штыки или въ отчаяніи кидались въ пропасть, на вѣрную смерть. Трудно изобразить всѣ сцены этого ужаснаго, фанатическаго боя: матери своими собственными руками убивали дѣтей, чтобы только не доставались они Русскимъ; цѣлыя семейства погибали подъ развалинами саклей. Нѣкоторые изъ мюридовъ, изнемогая отъ ранъ, и тутъ еще хотѣли дорого продать свою жизнь: отдавая уже оружія, они коварно наносили смерть тому, кто хотѣлъ принять его. Неймовѣрныхъ трудовъ стоило выгнать неприятеля изъ пещеръ, находившихся въ отвѣсномъ обрывѣ надъ берегомъ Койсу. Приходилось спускать туда солдатъ на веревкахъ. Не менѣе тѣсно было для войскъ переносить смрадъ, наполнявшій воздухъ, стѣ множества мертвыхъ тѣлъ. Въ тѣсномъ ущелии между обоями Ахульго, войска не могли оставаться безъ снѣны болѣе нѣсколькихъ часовъ. Насчитано было свыше 1000 неприятельскихъ труповъ; большое число ихъ несло въ рѣкѣ. Въ пѣнѣ взято было до 900 человекъ, болѣею частію женщинъ, дѣтей и стариковъ; и тѣ, не смотря на свое изнуреніе и раны, еще въ пѣну покушались на самыя отчаянныя предпріятія. Нѣкоторые изъ нихъ, собравъ послѣднія силы свои, выхватывали штыки у часовыхъ и бросались на нихъ, предпочитая смерть унижительному пѣну. Эти порывы изступленія составляли рѣзкую противоположность съ твердостью стояческою нѣкоторыхъ другихъ мюридовъ; плачь и стонъ дѣтей, страданія физическія больныхъ и раненыхъ, дополняли печальную сцену.

«Съ каждымъ днемъ приводили изъ Ахульго новыхъ пѣнныхъ, находимыхъ въ подземельяхъ и пещерахъ. Пока одніе войска осматривали и очищали эти послѣднія убѣжища, другіе заняты были разрушеніемъ взятыхъ укрѣпленій. Нѣкоторыя части ихъ, въ томъ числѣ и Сурхаева башня, были взорваны

порохомъ. Не малаго труда стоило также свезти всѣ орудія съ батарей и поднять тяжести на гору. Все это было окончено только къ 29 числу. Въ Ахульго не оставалось уже ни одного Лезгина; но самого Шамиля нигдѣ не нашли. Вскорѣ отъ лазутчиковъ получены были свѣдѣнія о томъ, какъ удалось ему спастись.

«Шамиль, какъ уже было сказано, скрылся ночью съ 21-го на 22-е число въ одну изъ пещеръ, съ намѣреніемъ прорваться съ небольшимъ числомъ людей чрезъ линію блокирующихъ войскъ. Предпріятіе было смѣлое, можно сказать отчаянное; однакожъ основанное на вѣрномъ расчетѣ. Посты блокирующихъ войскъ были расположены на мѣстности столь пересѣченной и закрытой, что неизбѣжно между ними должны были оставаться промежутки, а въ большей части пунктовъ передовые наблюдательные пикеты не могли получить скорого подкрѣпленія отъ резервовъ, особенно въ ночное время. Не довольствуясь этимъ, Шамиль для большей еще вѣрности успѣха, употребилъ хитрость: около полуночи съ 22-го на 23-е Августа пустилъ онъ по Койсу плотъ, чтобы привлечь къ берегу рѣки вниманіе Русскихъ постовъ, по близости расположенныхъ; а самъ между тѣмъ рѣшился пробраться по скаламъ, къ сторонѣ Гимровъ. Онъ взялъ съ собою, кромѣ семейства, только нѣсколько самыхъ надежныхъ мюридовъ. Плотъ дѣйствительно замѣченъ былъ постомъ, находившимся у берега рѣки, и пронесся мимо его подъ градомъ пуль; но и самъ Шамиль наткнулся также на другой небольшой постъ, расположенный нѣсколько назади въ ущельи. Завязалась жаркая перестрѣлка; самъ ротный командиръ былъ тутъ убитъ; но Шамилю удалось съ семействомъ пробраться стороною, не встрѣтивъ уже другихъ войскъ.

«При этомъ однакожъ онъ самъ былъ раненъ, также какъ одинъ изъ его родственниковъ и малолѣтній сынъ, котораго мать несла на спинѣ. Прорвавшись сквозь линію постовъ, Шамиль до разсвѣта еще достигъ того мѣста, гдѣ Андійское Койсу сливается съ Аварскимъ, и гдѣ берега весьма близко сходятся между собою: перебросивъ тутъ бревно, бѣглецы перебрались на лѣвый берегъ и кинулись въ лѣсистыя горы Салатау, откуда безопасно уже могли бѣжать далѣе въ Чечню.»

Блокада и осада Ахульго въ продолженіе 80 дней, съ 12 Іюня по 30 Августа, стоила довольно дорого войскамъ. Кромѣ убылей отъ болѣзней и другихъ причинъ, отрядъ лишился до 500 чел. убитыхъ и слишкомъ 2,400 раненныхъ и контуженныхъ.

«Но потеря эта несколько не покажется удивительною для того, кто внимательно слѣдилъ за всеми затрудненіями, которыя войска должны были преодолевать на каждомъ шагѣ, чтобы наконецъ овладѣть неприступнымъ убжищемъ Шамиля. Съ другой стороны, самая цѣль и результаты оправдываютъ значительность пожертвованія.

«Соображенія, побудившія предпринять экспедицію въ самыя недоступныя части Дагестана, были уже неложны.... Разрушеніе крѣпкаго убжища Шамилева представлялось цѣлью довольно важною для такого предпріятія. Когда же предпріятіе это было рѣшено, и отрядъ, послѣ успѣшнаго, можно сказать, блистательнаго движенія черезъ Салатау и Гумбетъ, явился наконецъ предъ главнымъ предметомъ дѣйствій, — тогда никакія затрудненія, никакія пожертвованія уже не должны были отклонить отъ предназначенной цѣли. Необходимо было достигнуть ее, во что бы то ни стало. Отступленіе отъ Ахульго безъ успѣха — было бы не только опасно для самаго отряда, но гибельно для цѣлаго края: оно неизбѣжно повело бы за собою непосредственно общее возстаніе всѣхъ племенъ Лезгинскихъ и Чеченскихъ, — и тогда власть Шамиля упрочилась бы надолго. Въ послѣдствіи всякое новое предпріятіе противъ него было бы уже сопряжено съ препятствіями еще несравненно большими.

«Генералъ Граббе не могъ допустить и помышленія объ отступленіи изъ-подъ Ахульго, до такой степени, что передъ послѣднимъ штурмомъ уже рѣшено было, въ случаѣ неудачи, продолжать тѣсную блокаду хотя бы въ теченіе *цѣлой зимы*. Настойчивость начальника и испытанное мужество предводимыхъ имъ войскъ — наконецъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Какъ бы ни велики были пожертвованія, они должны забываться въ виду тѣхъ неисчислимыхъ несчастій, которыя ими были отвращены.

«Успѣхъ предпринятой экспедиціи для многихъ казался полнымъ, даже сомнительнымъ, потому только, что самому Шамилю удалось спастись. Но смерть или плѣнъ Шамиля были такими случайностями, которые не могли никакъ и входить въ расчеты. Существенная цѣль осады Ахульго заключалась въ томъ, чтобы уничтожить власть и вліяніе Шамиля на горскія племена — и цѣль эта была достигнута.

«Извѣстіе о паденіи Ахульго, истребленіи всей партіи мюридовъ, бѣгствѣ самого Шамиля — мгновенно распространилось въ горахъ и произвело глубокое впечатлѣніе на умы горцевъ. Не только окрестныя, но и многія отдаленныя общества Дагестана изъявили готовность покориться Русскому Правительству и прислали въ лагерь депутаціи.»

Славная осада Ахульго увѣковѣчена была медалью для героевъ, покорившихъ эту твердыню. Теперь Г. Милютинъ является достойнымъ повѣствователемъ подвиговъ мужества, оказанныхъ во время ея, и увѣковѣчиваетъ ее для потомства. Исторія Кавказской войны представляетъ множество блистательныхъ эпизодовъ, и почти всѣ они еще ожидаютъ своихъ историковъ. Между тѣмъ многія обстоятельства забываются съ теченіемъ времени, и сѣмю памятное всѣмъ становится лѣтъ черезъ десять «преданьемъ» — если не старины глубокой, то все-таки «временъ Очаковскихъ и покоренія Крыма....» Такое равнодушіе къ собственной славіи не дѣлаетъ намъ чести, тѣмъ болѣе, что здѣсь дѣйствуетъ не столько скромность, сколько безопасность.... Не далѣе какъ въ прошломъ году, въ иностранныхъ газетахъ напечатано было извѣстіе о блокадѣ Ахульго,

---

• Превосходное это сочиненіе напечатано было первоначально въ *Военномъ журналѣ*, о которомъ повтому скажемъ здѣсь нѣсколько словъ. Издаваемый съ Высочайшаго соизволенія Отдѣленіемъ Генеральнаго Штаба Военно-Ученаго Комитета, *Военный журналъ* есть единственное специальное изданіе въ Россіи, посвященное военнымъ знаніямъ, и по программѣ своей обънимаетъ всѣ отрасли ихъ. Съ 1846 года онъ подвергся совершенному преобразованію, и помѣщаетъ на своихъ страницахъ, съ самымъ строгимъ выборомъ, труды какъ отечественныхъ военныхъ писателей, такъ и статьи, заимствованныя изъ иностранныхъ періодическихъ изданій и книгъ. Необходимая настольная книга для военныхъ людей, онъ столько же любопытенъ для каждаго образованнаго человека, представляя чтеніе поучительное и занимательное. Умѣренная цѣна — *три руб. сер.* дѣлаетъ его доступнымъ для всякаго, и за эту сумму вы получаете въ годъ шесть книжекъ, величиною каждая не менѣе 10 печ. листовъ, съ планами и картами. Вотъ содержаніе вышедшей первой книжки настоящаго года: *Военная исторія*. Описаніе военныхъ дѣйствій 1839 года въ Сѣверномъ Дагестанѣ (статья Полковника Милютина). *Статистика*. Военно-статистическія свѣдѣнія о Турецкой Имперіи (извлеченіе изъ незаданнаго путешествія П. Чихачева). — *Библиографія*. Очерки военныхъ дѣйствій въ Испаніи съ 1835 по 1838 годъ. Соч. Штутергейма. — *Смѣсь*. Мортара и Новара.

какъ о событіи только что случившимся: иностранцамъ извинительно не знать нашей исторіи, и вслѣдствіе какого-нибудь недоразумѣнія, выдавать за новость случившееся десять лѣтъ тому назадъ; но не радостно было видѣть, что многіе изъ нашихъ соотечественниковъ, читая искаженное извѣстіе о взятіи Ахульго, спрашивали себя и другихъ: да когда же это было?... Надѣмся, что это не повторится болѣе, благодаря книгѣ Г. Милютяна, которой мы желаемъ столько читателей, сколько есть въ Руси людей, принимающихъ близко къ сердцу родную славу....

87. Избранныя мѣста изъ Св. Исторіи Ветхаго и Новаго Завета съ назидательными размышленіями и 50 рисунками, хромофотографированными съ картинъ великихъ художниковъ. М. 1850. Выпуски 1, 2 и 3.

Громкія объявленія объ этомъ изданіи заставили насъ ожидать отъ него многого. Мы не нашли всего, что предполагали, однако можемъ сказать, что хромофотографія Г. Ропполя исполнила свое дѣло довольно удовлетворительно, особенно если принять въ соображеніе, что печатаніе красками искусство еще новое. Говоримъ это о художественной части изданія; что же касается до текста, составленнаго по сочиненію аббата Гильяу: *Beautés de la sainte Bible*, то мы держимся инаго мнѣнія о переложеніяхъ изъ Св. Писанія.... Языкъ «Избранныхъ мѣстъ» довольно правиленъ.

Къ первымъ тремъ выпускамъ приложены рисунки съ картинъ: Убіеніе Авеля, Вандерверфа; Жертвоприношеніи Ноя, Пуссена; Авраамъ и три странника, Мурильо. Всѣхъ выпусковъ предполагается 50, и цѣна назначена нѣтъ очень умѣренная (по 25 к. сер., за каждый), что, вѣроятно, обезпечитъ издателю успѣхъ его предпріятія.

88. Справочная книжка Архангельской губерніи на 1850 годъ. Составлена Губернскимъ Статистическимъ Комитетомъ. Архангельскъ. 1850. Стр. 269 въ 8-ю д. л.

Мы уже говорили о необходимости губернскихъ справочныхъ книжекъ и пользѣ, какую могутъ принести онѣ,

съ одной стороны, для мѣстныхъ жителей, съ другой — для статистики и географіи нашего отечества. Вслѣдъ за Новороссійскимъ краемъ и Кавказомъ, первую является страна, давшая намъ Ломоносова: конечно, это случай, но да позволено будетъ видѣть въ немъ доброе предназначеніе.

Архангельская справочная книжка состоитъ изъ четырехъ отдѣленій. Въ первомъ заключаются свидѣнія календарныя и почтовые; во второмъ матеріалы для статистики губерніи; въ третьемъ положенія объ общественномъ банкѣ въ Архангельскѣ, уставы тамошнихъ сберегательной кассы, страховой компаніи и двичьяго училища, врачебное описаніе водъ Бѣлаго моря, и наставленіе, какъ спасти жизнь людямъ, впавшимъ внезапно въ смертные случаи; наконецъ, въ четвертомъ адресъ-календарь губерніи. Второе отдѣленіе представляетъ для насъ бѣольшую занимательность, нежели прочія, и мы извлечемъ изъ него нѣсколько данныхъ.

Пространство Архангельской губ. опредѣляется слишкомъ въ 78 милліоновъ семьсотъ тысячъ десятинъ (757 т. кв. верстъ); изъ этого числа одни лѣса занимаютъ почти 30 милл. десятинъ; пашни и сѣнокосы не много болѣе 200 т. дес., а остальное пространство лежитъ подъ рѣками, озерами, дорогами, тундрами и болотами. По народонаселенію Архангельская губ. занимаетъ послѣднее мѣсто между нашими губерніями, ибо въ ней на каждую квадратную милю приходится только по 15 душъ обоего пола (всего до 242,000). Изъ иноплеменцевъ въ губерніи находится: Зырянъ до 8 т., Кореловъ болѣе 11, Лопарей слишкомъ 2300 и Самодовъ 5750. Изъ уѣздомъ самый населенный Шенкурскій, въ коемъ приходится по 127 жителей на квадрат. милю, а самый бѣдный Кольскій, гдѣ на томъ же пространствѣ живутъ только двое.

Фабрикъ и заводовъ въ губерніи считалось въ 1848 г. болѣе 200; но цѣнность издѣлій, выработанныхъ на нихъ, не превышала 500 т. р. с. — Внутреннее судоходство занимало въ 1848 г. болѣе 3½ т. судовъ и плотовъ почти съ 12½ т. чел. рабочихъ и около 2,800,000 р. с. груза. Вышнее судоходство въ то же время находилось въ слѣдующемъ

положеніи. Кораблей въ приходѣ болѣе 220, поморскихъ судовъ болѣе 1200, въ отходѣ первыхъ почти всѣ, послѣднихъ слишкомъ 1100; привезено товаровъ съ небольшимъ на 300 т. р. с., отпущено слишкомъ на 1,680,000. Разумѣется, эти цифры не могутъ служить мѣриломъ торговой дѣятельности Архангельской губ.; такъ напримѣръ 1847 годъ составлялъ чрезвычайное исключеніе изъ всѣхъ: отпущъ товаровъ въ продолженіе его простирался почти до $7\frac{1}{2}$ милл. р. с. Въ Архангельской справочной книжкѣ напечатана сравнительная таблица вѣшняго судоходства за цѣлое столѣтіе (1724—1824), а отъ этого послѣдняго года движеніе торговли представлено въ «Видахъ торговли», издаваемыхъ Департаментомъ Вѣшной Торговли.

Изъ таблицы, подѣ рубрикою: «Народное образованіе», видно, что въ Архангельской губ. въ 1848 г. находилось 61 учебное заведеніе съ болѣе нежели 3300 чел. учащихся обоюгаго пола, что даетъ отношеніе учащихся къ числу всѣхъ жителей какъ 1: 73. — Въ 17 библиотекахъ, существующихъ въ губерніи; считалось слишкомъ 17 т. томовъ, въ томъ числѣ, въ Публичной Архангельской до 3 т. Послѣдняя отпускаетъ желающимъ книги для чтенія на дому; но, не смотря на умѣренную плату (5 р. с. въ годъ), охотниковъ является очень мало: въ 1848 г. получали книги только 17 человекъ — число ничтожное для города, имѣющаго до 20 тысячъ жителей. Но за то въ Архангельскѣ *два* типографіи: одна казенная при Губернскомъ Правленіи, другая — частная.

Въ числѣ достопримѣчательностей губерніи, о коихъ говорится въ «Справочной книжкѣ», упомянемъ о *минеральныхъ* водахъ. Кромѣ морскихъ водъ, извѣстныхъ своею цѣлительностію, особенно около селенія Сюзьмы, лежащаго въ 85 верстахъ отъ Архангельска, въ губерніи есть еще два минеральныхъ источника (въ Холмогорскомъ и Мезенскомъ уѣзд.); но ими никто не пользуется.

Надѣмся, что изданіе Архангельской справочной книжки не кончится однимъ годомъ, и что издатели ея постоянно будутъ сообщать намъ любопытныя свѣдѣнія о своемъ родномъ краѣ.

89. *Трактатъ о подсыдахъ и мокрецахъ лошадей и о правильныхъ способахъ леченія ихъ.* Соч. О. Пашкевича. Спб. 1850 Стр. 30 въ 8-ю д. л.

Изъ всѣхъ наружныхъ болѣзней лошади чаще подвергаются подсыдамъ и мокрецамъ. Отъ нихъ особенно терпятъ упряжныя породистыя лошади, содержимыя въ теплыхъ, душныхъ конюшняхъ, и причиною болѣзни всегда бываетъ нечистота и небрежное обращеніе съ ногами послѣ выѣздовъ. Лошади простой породы рѣдко страдаютъ отъ этихъ болѣзней по привычкѣ переносить всякія атмосферныя перемѣны. Ложный взглядъ многихъ хозяевъ на сущность подсыда и мокреца и на способъ леченія ихъ побудилъ Г. Пашкевича, уже извѣстнаго въ нашей медицинской литературѣ многими сочиненіями по части ветеринаріи, издать трактатъ о этихъ болѣзняхъ. Многіе хозяева, говоритъ онъ: увлекаясь своимъ знаніемъ природы сего животнаго (лошади), трактуютъ о подсыдахъ и мокрецахъ, какъ о самыхъ маловажныхъ болѣзняхъ, и потому хотятъ лечить ихъ скоро и притомъ такими средствами, какія попадаютъ имъ подъ руку. Но они часто въ томъ весьма ошибаются, и конечно, въ послѣдствіи дорого оплачиваются за свою ошибку, потому что подсыдъ или мокрець — болѣзни серьезныя, носящія весь характеръ болѣзни рожи человека, и потому требующія для леченія ихъ фундаментальнаго знанія физиологіи и патологіи кожи, а къ этому и такого же знанія хирургической терапіи, и фармакологіи. Ученый авторъ владѣетъ этими знаніями, и его «Трактатъ» предлагаетъ радикальныя средства противъ опасныхъ болѣзней, — хотя самое лучшее, по его совѣту, предотвращать болѣзни, что достигается очень легко: прилежный уходъ за лошадьми и тщательная чистка ихъ (не для одной красы) должны служить вѣрнѣйшею защитою отъ подсыда и мокреца.

Жаль, что этой полезной книжечкѣ назначена цѣна далеко несоразмѣрная съ ея величиною: *рубль серебромъ*. Намъ кажется, что чѣмъ большее число читателей предполагаетъ книга, тѣмъ дешевле должна продаваться она, и «Трактатъ» очень могъ бы удовлетворяться пятою частью своей стоимости.

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА. (*Изъ письма къ Редактору*). Г. Бѣляевъ не воспользовался переводами ярлыковъ Гаммера (въ *Mines de l'Orient*, Т. VI) и Ярцова. Вотъ почему я просилъ бы передать чрезъ Москвитянинъ мое объясненіе словъ: *пардусникъ* и *бураложникъ*. Первое есть тюркское: «барсчи», барсникъ (смотритель охоты за барсами), и второе тюркское: «бурудукъ», волчарникъ (смотритель охоты за волками). Последний чинъ не встрѣчается въ подлинникахъ ярлыковъ, а только въ Русскихъ старинныхъ переводахъ. *И. Березинъ*.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВЕЛИКОДУШЕ ЛАПЛАСА.*

Февраля 5 (нов. шт.) 1850 г., въ частномъ засѣданіи Парижской Академіи Наукъ, Біо разсказалъ слѣдующее замѣчательное происшествіе изъ своей жизни.

«Когда честный человѣкъ собирается въ дальнее путешествіе, тогда онъ приводитъ въ порядокъ дѣла свои, и особенно старается заплатить долги: по этому я хочу разсказать, какимъ образомъ, за пятьдесятъ лѣтъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ нашихъ ученыхъ одобрилъ и открылъ поприще молодому дебютанту, показавшему ему первые свои опыты. Этотъ дебютантъ былъ я, и происшествіе случилось въ брюмеръ VIII года Французской республики *перваго изданія*. Извините за такое странное, но справедливое выраженіе. Тогда я былъ незначительнымъ профессоромъ въ центральной школѣ въ Бове, и еще никто не зналъ ученика, только что выпущеннаго изъ школы Политехнической. Я любилъ науки, но имѣлъ мало знаній: тогда требовали отъ молодыхъ людей одной только жаркой любви къ труду. Кромѣ Математики, я страстно занимался многими другими предметами, и случай, а не благоразуміе, предохранилъ меня отъ несчастія растеряться въ разнообразныхъ занятіяхъ. Вскорѣ по вступленіи въ должность, я сдѣлался

---

* Мы обязаны этою занимательною статьею благословности заслуженнаго нашего ученика Лапласа, Д. М. Перевощикова, въ которомъ любовь къ наукѣ не стынеть, и который, принимая живое участіе во всѣхъ ея явленіяхъ, сообщаетъ часто Москвитяну любопытныя извѣстія. Ред.

членомъ почтеннаго семейства, которое, принявъ меня, обезпечило мое существованіе и дало средство заниматься науками не по должности, но по моимъ природнымъ склонностямъ. Болѣе всего я желалъ проникнуть въ ту высшую область Математики, гдѣ открываютъ законы движенія тѣлъ небесныхъ. Это стремленіе превосходило мои силы, потому что тогда великія теоріи, разсѣяныя по академическимъ изданіямъ, были доступны для малаго числа высшихъ ученыхъ, творцевъ этихъ теорій. Броситься въ такую пучину безъ руководства значило блуждать долгое время во тьмѣ и безъ надежды попасть на истинную дорогу. Я зналъ, что Лапласъ трудился надъ великолѣпнымъ и систематическимъ собраніемъ открытій, которое по справедливости онъ называлъ *Небесной механикою*. Первый томъ этого творенія былъ въ печати. Сгарая нетерпѣніемъ, я рѣшился на дерзкій поступокъ, открывшій мнѣ входъ въ святилище генія: я осмѣлился прямо писать къ знаменитому автору и просить, чтобъ книгопродавцу, издателю его книги, приказалъ онъ присылать ко мнѣ корректурные листы. Лапласъ удостоилъ меня вѣжливымъ отвѣтомъ, какъ будто я былъ не ученикъ, но истинный ученый, и отказалъ въ моей просьбѣ по той причинѣ, что онъ желалъ, чтобъ его твореніе явилось въ свѣтъ вполнѣ, и чтобъ ученые могли судить объ его достоинствахъ не по частямъ, но по цѣлому сочиненію. Хотя вѣжливый отказъ не оскорблялъ моего самолюбія, однако жъ удалялъ меня отъ цѣли. Я рѣшился сдѣлать возраженіе и нависалъ къ Лапласу другое только письмо, стараясь объяснить, что я не заслужилъ и не искалъ той чести, которую онъ оказалъ мнѣ своимъ отвѣтомъ. Я увѣрилъ его, что я принадлежу не къ судьямъ, но къ ученикамъ, и что изучая его твореніе, я долженъ заняться полнымъ выводомъ формулъ, передѣлать всѣ вычисленія, и потому я могъ открыть возможныя погрѣшности печатанія. Моя почтительная настойчивость побѣдила его осторожность: онъ прислалъ ко мнѣ всѣ напечатанные листы при письмѣ, исполненномъ самыми радушными и драгоценными для меня одобреніями моихъ наставленій. Не имѣю надобности говорить, съ какимъ жаромъ я принялся за полученное мной сокровище; ко мнѣ можно было приложить правило: *no-*

lenti rapiunt illud. Съ того времени, я началъ ѣздить въ Парижъ, и всякій разъ привозилъ съ собою пересмотрѣнные листы. Лапласъ всегда принималъ меня благосклонно, разсматривалъ мои труды и разсуждалъ объ нихъ. Въ этихъ бесѣдахъ, я имѣлъ случаи объяснять ему встрѣчаемыя мною затрудненія, по недостатку моихъ знаній. Тутъ его снисходительность не имѣла предѣловъ; потому что мои вопросы весьма часто останавливали его, а иногда требовали продолжительнаго вниманія съ его стороны, особенно въ тѣхъ мѣстахъ книги, гдѣ онъ опускалъ подробности вычисленій, замѣняя ихъ выраженіемъ: *изъ этого легко видѣть.* Но выпущенныя вычисленія не рѣдко представляли затрудненія не только для меня, но и для него самого; такъ что не вдругъ нападалъ онъ на ту нить размышленій, которая вела его къ разрѣшенію вопросовъ, и которая скрывалась подъ общимъ выраженіемъ: *легко видѣть.* Вы можете представить себѣ, какую великую пользу приносили мнѣ объясненія Лапласа, когда онъ возобновлялъ въ своей памяти употребленные имъ способы при его глубокихъ изысканіяхъ. Впрочемъ надобно замѣтить, что эти пропуски, затрудняющіе неопытныхъ читателей, были необходимы: если бы онъ не выпустилъ нѣкоторыхъ подробностей, то его твореніе состояло бы не изъ пяти, но изъ десяти томовъ, и можетъ быть, онъ не окончилъ бы своей книги во всю жизнь. Я вполне цѣнилъ — такъ сказать — семейныя и задушевныя бесѣды съ обширнымъ и могучимъ гениемъ, который удостоивалъ молодаго человека истинно отеческой любви. Отъ разсказа объ этихъ драгоценныхъ бесѣдахъ, я перехожу къ разсказу о происшествіи, которое было ихъ слѣдствіемъ, и которое представляетъ рѣдкій примѣръ великодушія.

«Вскорѣ послѣ того, какъ я сблизился съ Лапласомъ, мнѣ посчастливилось сдѣлать, по моему мнѣнію, новый и непредвидимый шагъ въ той части Математики, которая тогда едва была начата. Въ запискахъ Петербургской Академіи Наукъ, я усмотрѣлъ геометрическіе вопросы особеннаго рода; ихъ разрѣшилъ Эйлеръ непрямыми способами въ разсужденіи: *De insigni promotione methodi tangentium inversa.* Онъ также предложилъ другой труднѣйшій вопросъ того же ро-

да, и нѣсколько разъ возвращался къ нему въ *Acta eruditorum*, разрѣшая его различными, но всегда косвенными способами. Особенность этого рода задачъ состояла въ томъ, что надобно было отарыть свойства кривой линіи по даннымъ геометрическимъ требованіямъ, которыя выражались различными условіями: по однимъ изъ нихъ надобно было опредѣлить связь точекъ, безконечно сближенныхъ, а по другимъ — связь точекъ, раздѣленныхъ опредѣленными расстояніями. Первый родъ условій, разсматриваемый отдѣльно, зависитъ отъ обыкновеннаго Дифференціальнаго исчисленія; второй же требовалъ особенныхъ способовъ, — вычисленія опредѣленныхъ разностей. Мнѣ пришло на умъ, что прежде всего надобно выразить вопросъ общими *аналитическимъ языкомъ*, употребивъ для каждаго условія приличные знаки. Этотъ способъ привелъ къ особеннымъ выраженіямъ, которыя извѣстны нынѣ подъ именемъ *уравненій съ разностями*, и которыми въ то время почти никто не занимался. Исполненіе этой мысли, превзошло мои ожиданія. Всѣ вопросы, разрѣшаемые тогда частными и непрямими способами, будучи выражены общими знаками, не представляли уже никакихъ затрудненій. Нашедши такимъ образомъ ключъ къ рѣшенію вопросовъ, съ трудомъ разрѣшаемыхъ самимъ Эйлеромъ, я пріѣхалъ въ Парижъ и дѣлся съ своимъ рассужденіемъ къ Лапласу. Онъ слушалъ меня со вниманіемъ и съ видимымъ удивленіемъ, расспрашивалъ о моемъ способѣ и подробностяхъ вычисленій. Окончивъ полный экзамень, онъ сказалъ: «вашъ трудъ весьма хорошъ; завтра утромъ принесите вашу записку; я буду имѣть свободу прочесть ее.» Понятно, что я въ точности исполнилъ его приглашеніе. Онъ вникательно пересмотрѣлъ въ моемъ сочиненіи и способъ вычисленій, и его приложенія, и дополнительныя замѣчанія; потомъ сказалъ: «Вотъ прекрасный трудъ; вы избрали настоящій путь къ рѣшенію разсматриваемыхъ вопросовъ; но дополнительныя замѣчанія весьма неопредѣленны: нельзя идти далѣе полученныхъ вами рѣшеній; вы вѣроятно встрѣтите неожиданныя затрудненія, которыя побѣдитъ вы не найдете средствъ въ настоящемъ состояніи анализа.» Я нѣсколько времени противорѣчилъ, потому что Лапласъ позво-

лалъ молодымъ людямъ дѣлать возраженія; но наконецъ я согласился исключить мои дополнительные замѣчанія. «Теперь — сказалъ онъ — все хорошо; завтра представьте вашу записку въ Классъ (такъ называлась тогда Академія «Наукъ»), и послѣ засѣданія мы вмѣстѣ пообедаемъ; теперь же пойдемте завтракать.» При этомъ случаѣ, не могу не описать домашней жизни Лапласа, который обращался съ молодыми людьми съ необыкновенною простотою и какъ бы съ равными себѣ; за то молодые люди, пользовавшіеся его дружескими бесѣдами, возмужавъ, не оставляли его и бы-ли покорными его спутниками на продолжительномъ и славномъ его пути; они принадлежали къ его семейству. Лапласъ принималъ насъ всегда во время завтрака послѣ утренней работы. Завтраки были просты, какъ у Пифагорейцевъ, и состояли изъ молока, кофе и плодовъ. Завтракали всегда въ комнатахъ его молодой и прекрасной супруги, которая принимала всѣхъ насъ съ одинаковою внимательностію, съ нѣжно-стію матери, хотя по молодости своей могла быть только нашей сестрой. Здѣсь можно было свободно бесѣдовать о наукахъ. Лапласъ нечувствительно направлялъ разговоръ къ предметамъ нашихъ занятій, принималъ участіе въ начатыхъ и ми трудахъ, снисходительно выслушивалъ рассказы о нашихъ намѣреніяхъ, занимался нашей будущностію, подбавлялъ совѣты о побѣжденіи препятствій и многое бралъ на свое попеченіе, оставляя на нашу долю однѣ ученія занятія, одну любовь къ труду. Но возвращаюсь къ своему главному разсказу.

«На другой день послѣ того утра, въ которое мое разсужденіе удостоилось одобренія Лапласа, я рано пришелъ въ Академію, и, съ позволенія Президента, начертилъ на черной доскѣ фигуры и написалъ формулы, которыя я долженъ былъ объяснять. Монжъ явился первый; подошелъ ко мнѣ и началъ разговоръ о моемъ трудѣ: я понималъ, что Лапласъ предупредилъ его. Въ Политехнической школѣ, я былъ одинъ изъ тѣхъ воспитанниковъ, которые пользовались вниманіемъ Монжа; нельзя было не замѣтить, что ожидаемый мною успѣхъ приносилъ ему удовольствіе. Счастливы тѣ, которые имѣли подобныхъ учителей! —

Когда я получилъ позволеніе говорить, тогда, по принятому обычаю, всѣ геометры сѣли подлѣ доски. Генераль Бонапарте, только что возвратившійся изъ Египта, также присутствовалъ въ засѣданіи, какъ членъ Академіи по классу Механики. Онъ подошелъ къ доскѣ съ прочими своими товарищами или по собственному желанію, какъ знатокъ Математики, или вѣрнѣе, по приглашенію Монжа, который хотѣлъ показать ему плоды ученія въ любезной ему Политехнической школѣ; потому что Бонапарте сказалъ Монжу: «я вижу это по чертежамъ.» Я подумалъ, что онъ очень силенъ въ Математикѣ, когда понялъ смыслъ фигуры, извѣстныхъ только одному Лапласу; но я не оробѣлъ ни предъ его ученостью, ни предъ его военной славой и политической важностью; я боялся одного Лагранжа и не смутился только по тому, что обезпеченъ былъ предварительнымъ одобреніемъ Лапласа. Я говорилъ свободно, и думаю, что изложилъ ясно предметъ и результаты моихъ изслѣдованій. Всѣ признали оригинальность моего труда, и для его разсмотрѣнія составили комиссію, назначивъ ея членами *гражданъ* Лапласа, Бонапарте и Лакруа. По окончаніи засѣданія, я пошелъ съ Лапласомъ въ его квартиру. Дорогой, онъ изъявилъ мнѣ свое удовольствіе за ясность изложенія моихъ доказательствъ и за вниманіе въ его совѣту ограничиться только тѣмъ, что сдѣлано. Пришедши къ Лапласу, я едва успѣлъ засвидѣтельствовать почтеніе его супругѣ, какъ онъ сказалъ мнѣ: «Пойдите на минуту въ мой кабинетъ; я хочу показать вамъ кое-что» Взошедши, я сѣлъ и приготовился его слушать. Но онъ вынулъ ключъ изъ кармана и отперъ небольшой ящикъ, стоявшій по правую сторону камина; въ ящикѣ онъ нашелъ тетрадь, пожелтѣвшую отъ времени; въ этой тетрадѣ онъ показалъ мнѣ всѣ мои задачи, всѣ задачи Эйлера, разрѣшенныя тѣмъ самымъ способомъ, который я считалъ своимъ открытіемъ. Лапласъ давно уже избрѣлъ этотъ способъ, и былъ остановленъ въ своихъ изысканіяхъ тѣми препятствіями, о которыхъ предупреждалъ меня. Надѣясь преодолѣть ихъ, онъ никому не сказывалъ о своемъ открытіи, даже утаилъ это отъ меня, когда я принесъ къ

нему мой трудъ, какъ совершенную новость. Не могу сказать, что я тогда чувствовалъ. Я радовался, что встрѣтился съ великимъ гѣніемъ, и вмѣстѣ огорчался, что былъ имъ предупрежденъ; но болѣе всего я былъ проникнутъ глубокою и безконечною признательностью къ его благородному поступку. Мой первый успѣхъ составлялъ для меня все. Хотя подобное открытіе не могло увеличить славы Лапласа, однако въ наукахъ трудно отказываться отъ самыхъ мелкихъ замѣчаній, когда они новы. Судите же о великодушій Лапласа, который сохранилъ мою тайну до минуты, возвысившей меня въ глазахъ знаменитыхъ ученыхъ; онъ молчалъ и самъ способствовалъ моему успѣху, и даже предостерегъ отъ ошибки, которая обнаружила бы мою неопытность! — Если бы онъ показалъ мнѣ тетрадь прежде засѣданія, то я не могъ бы представить своего сочиненія въ Академію; мнѣ слѣдовало бы замолчать. И въ какомъ былъ бы я замѣшательствѣ, когда бы онъ, обѣщаясь хранить тайну, позволилъ мнѣ прочесть мое сочиненіе предъ лицомъ его товарищей! — Его скромность и великодушіе сообщили полную силу его одобренію. Съ другой стороны, какое живое и благородное наслажденіе чувствовалъ онъ, когда видѣлъ, что я смѣло излагаю открытіе, которое казалось моею исключительною собственностью, и которое онъ могъ отнять у меня однимъ словомъ! — Какъ бы поступилъ онъ съ равнымъ себѣ соперникомъ? оказалъ ли бы такое же великодушіе и такую же справедливость? — Не знаю, и не хочу разрѣшать этихъ вопросовъ. Знаю только, что онъ сдѣлалъ это для меня, и сдѣлалъ бы тоже для всѣхъ, начинающихъ поприще.

«Вліяніе Лапласа на движеніе физическихъ и математическихъ наукъ безмѣрно. Въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, всѣ мы учились по его твореніямъ; его открытіямъ всѣ мы обязаны нашими успѣхами. Но немного уже осталось людей, пользовавшихся его дружбою, и которые могутъ передать потомкамъ его задушевные мысли и совѣты, вспоминая съ признательностью его доброту и снисходительность. Лапласъ былъ вашимъ товарищемъ; вы знаете и можете оцѣнить его великій гѣній; вы знаете его какъ писателя; но не знали какъ человѣка, обладающаго

рѣдкими душевными качествами. Вотъ почему я почелъ обязанностью принести эту дань его памяти, не смотря на то, что онъ взялъ съ меня честное слово молчать объ его благородномъ поступкѣ. Въ его донесеніи о моемъ сочиненіи не найдете никакого слѣда о случившемся между нами. Но полѣвка разрѣшаетъ всѣ обязанности; я увѣренъ, что вы не будете осуждать меня за нескромность, которой я заплатилъ долгъ признательности.

«Донесеніе о моемъ сочиненіи, составленное Лапласомъ отъ имени Коммиссии, было читано въ Академіи 21 брюмера, чрезъ три дня послѣ великой политической перемены, возведшей Бонапарте на степень Перваго консула. Онъ былъ также и въ этомъ засѣданіи, и присутствовалъ также спокойно, какъ бы голова его была занята только дѣломъ науки. Оригиналъ донесенія хранится въ архивахъ Академіи, съ подписью Бонапарте и прочихъ двухъ членовъ Коммиссии, Лапласа и Лакруа.»

(L'Institut, N 847).

СУДЕБНОЕ ДѢЛО

О СМЕРТИ ГРАФИННИ Ф. ГЕРЛІЦЪ.

II.

Показанія свидѣтелей.

Въ первомъ засѣданіи суда прочитанъ обвинительный актъ и выслушана краткая рѣчь Государственнаго Прокурора Ф. Зиберта. Со втораго засѣданія началось слушаніе свидѣтелей. Такъ какъ показанія ихъ суть болѣею частью повтореніе содержанія обвинительнаго акта, то мы укажемъ только на немногія обстоятельства, не вошедшія въ составъ этого документа.

На другой день смерти Графини прибыли въ домъ слѣдственные судьи и съ ними докторъ Граффъ, Велико-Герцогскій Медицины Директоръ и первый Физикъ. Графъ принималъ ихъ въ нижнемъ этажѣ и самъ проводилъ въ комнаты жены. Показывая на сгорѣвшее бюро, онъ замѣтилъ, что здѣсь должно быть на 20,000 гульденовъ въ драго-

цѣнныхъ камняхъ. Онъ объявилъ дальше, что онъ не позволитъ вскрытія трупа. Въ слѣдующій день онъ настоятельно требовалъ выдачи позволенія похоронить трупъ, и за этимъ трижды пріѣзжалъ къ доктору. Черезъ четырнадцать мѣсяцевъ трупъ былъ вырытъ и вскрытъ. Передъ началомъ вскрытія, Графъ, пріѣхавшій на кладбище, обратился къ доктору Граффу съ вопросомъ: «къ чему это?» На что врачъ отвѣчалъ: «это къ тому, чтобы уснобонить Графиню въ могилѣ и доставить побѣду истинѣ.» Все это дѣло было непріятно Графу и онъ уѣхалъ съ кладбища.

При вскрытіи голова была отдѣлена отъ туловища, и тутъ въ первый разъ замѣчена упомянутая въ обвинительномъ актѣ трещинка. Вслѣдствіе чего черепъ былъ сохраненъ и теперь представленъ суду. Штауффъ въ продолженіе вскрытія не обнаружилъ ничего особеннаго.

Разборъ остатковъ сгорѣвшаго бюро начали на другой день въ присутствіи доктора Мерка. Найдено много алмазовъ, сильно поврежденных (?), расплавленного золота и обгорѣлаго жемчуга. *Найденъ ключъ отъ комнаты Графини* (въ обвинительномъ актѣ сказано, что его не могли найти). По показанію Графа найдены и тѣ вещи, которыя оказались послѣ у Штауффа, — обстоятельство странное, потому что эти вещи не испортились отъ огня и копоти, тогда какъ другія однихъ свойствъ разрушены совершенно. Впрочемъ, припомнить надобно, что бюро не совсѣмъ сгорѣло, и именно успѣли потушить верхніе ящики. Касательно окровавленнаго лоскутка шелковой матеріи, Гг. Меркъ и Гогеншильдъ говорятъ утвердительно, что подъ микроскопомъ пятна оказались кровавыми, но оба замѣчаютъ, что эта кровь могла произойти отъ частицъ крови въ ямѣ.

Графъ Іѣрлицъ свое сопротивленіе вскрытію трупа объясняетъ тѣмъ, что покойная Графиня имѣла сильное отвращеніе отъ операцій этого рода, и онъ далъ ей торжественное обѣщаніе не допускать трупосвѣченія, въ случаѣ, еслибъ она умерла прежде его. Это обстоятельство подтверждаютъ и другіе свидѣтели.

Такъ какъ ключъ нашелся между остатками бюро, а двери безспорно были заперты, то очевидно было, что убійца имѣлъ другой ключъ. Изъ ключей, бывшихъ въ домѣ, ни одинъ не подходилъ къ замку комнатъ Графини, и Графъ на вопросъ одного присяжнаго отвѣчалъ, что у него другого ключа никогда не было.

Впрочемъ для яснѣйшаго представленія мѣстности и обстоятельствъ приняты Президентомъ нужныя мѣры. Сдѣлана точная модель всего дома Графа, и особенно комнатъ Графини, сдѣлано точно такое бюро изъ того же дерева, представлены къ дѣлу замки и пр. и пр.

Платье Графини было сожжено по приказанію Графа, стулья подарены Графомъ кучеру Шембсу, и теперь матерія, которою были они обиты, представлена къ дѣлу, — по требованію Г. Бишофа.

Касательно мѣста сожженія трупа, остроумная догадка Прокурора, что онъ сожженъ въ комнатѣ, свидѣтелями опровергнута. Всѣ каминны на другой день были осматриваемы трубочистами и нигдѣ не найдено никакихъ слѣдовъ недавняго огня. Кажется, самъ Г. Зибертъ рѣшился не поддерживать болѣе своего предположенія.

Одинъ изъ свидѣтелей, Ридлингеръ, утверждаетъ, что вынеся трупу въ другую комнату, онъ замѣтилъ тамъ салфетку съ двумя кровавыми пятнами.

Графъ по завѣщанію — наследникъ Графини. Свидѣтель Шиллеръ показываетъ, что вскорѣ послѣ погребенія Графини, онъ, Шиллеръ, нашелъ неконченное дополненіе къ завѣщанію, которое и передалъ Графу. По требованію Президента это бумага представлена суду. Графиня пишетъ, что прежде всего она желала бы, чтобы тѣло ея не было вскрыто, и потомъ толкуеть о погребеніи. Вообще показанія *домашнихъ* свидѣтелей согласны съ обвинительнымъ актомъ: изъ нихъ видно, что всѣ лица, принадлежащія въ домашней прислугѣ, со смерти Графини были убѣждены, что Штауффъ виноватъ.

Что касается до Графа, онъ не подозрѣвалъ Штауффа до 2 Ноября, когда началось слѣдствіе и когда Штауффъ

будто бы сдѣлалъ попытку отравить его ярью. Штауффъ съ своей стороны держится прежнихъ показаній и надеется опровергнуть свидѣтелей, какъ подкупленныхъ или подговоренныхъ.

Относительно попытки отравленія Графа оказывается, что ярь найдена у Штауффа кучеромъ Шембсомъ въ стеклянкѣ. Г. Меркъ замѣчаетъ при этомъ случаѣ, что ярь изъ аптекъ обыкновенно отпускается не въ стеклянкахъ, а въ пакетахъ или коробкахъ.

Въ день смерти Графини, около 7 часовъ, Штауффъ ужиналъ въ трактиръ Линна. Содержатель не замѣтилъ ни тогда, ни послѣ ничего особенно важнаго.

Свидѣтели, призванные по дѣлу Генриха Штауффа, единогласно утверждаютъ, что онъ всегда былъ честнымъ ремесленникомъ, и никто изъ нихъ не подозреваетъ его въ безчестномъ приобрѣтеніи найденныхъ у него вещей.

Въ засѣданіи 21 Марта читаны наконецъ :

1) Мнѣніе Г. Граффа (отъ 14 Іюня 1847), допускающаго самоозгараніе, если не найдется другихъ причинъ смерти.

2) Мнѣніе д-ра Штегмейера отъ 27 Декабря того же года, по поводу вопроса: знаетъ ли какіе-нибудь причины или поводы въ личныхъ и домашнихъ отношеніяхъ Графини къ самоозгаранію? Докторъ отрицаетъ это, но было ли самоозгараніе, не говоритъ ничего опредѣленнаго.

3) Мнѣніе г. Зибольда отъ 11 Апр. 1848. Онъ принимаетъ рѣшительно самоозгараніе.

4) Протоколъ химическаго изслѣдованія зеркала г. Мерка. Зеркало покрыто было веществомъ, содержащимъ аммоніакъ, происшедшій отъ сожиганія животныхъ веществъ.

5) Мнѣніе Медиц. коллегіи отъ 21 Іюля 1848. Противъ самоозгаранія. Убіеніе совершено изъ корысти.

6) Протоколъ о съченіи трупа отъ 11 Авг. 1848.

Въ утреннемъ засѣданіи 22 Марта продолжалось чтеніе документовъ, именно:

7. Мнѣніе Физиката о результатахъ трупосъченія отъ 15 Авг. 1848.

8. Мнѣніе Медицинской коллегіи отъ 1 Сент. 1848 годъ. Въ трупосъщеніи коллегія находить подтвержденіе своего прежняго мнѣнія, что здѣсь не было самовозгоранія, что скорѣе Графиня удавлена и трупъ сожженъ для сокрытія этого преступленія.

9. Мнѣніе ф. Зибольда отъ 20 Января 1850 года, данное по требованію защитника Г. Эммерлинга. Здѣсь подтверждается многими доводами, что смерть Графини произошла отъ самовозгоранія. Совсѣмъ противны этому

10. Замѣтки доктора Граффа отъ 25 Февраля 1850 г. Оба противника въ своихъ бумагахъ употребляютъ столь рѣзкія выраженія, что Президентъ долженъ былъ замѣтить: «этотъ бой, какъ бы остро ни было орудіе, долженъ имѣть послѣднюю цѣлью истину.»

11. Протоколы и 3 12 Ноября 1847 г. и основанное на нихъ мнѣніе Г. Мерка. Здѣсь утверждается, что въ соусѣ было 15½ гран. яри, что на лоскутѣ шелковой матеріи были кровавыя пятна, и что наконецъ во многихъ стѣянкахъ у Штауффа былъ *balsamum copivivae*.

Наконецъ Президентъ потребовалъ Г. Бишоффа, Профессора изъ Гиссена, не какъ эксперта, а какъ свидѣтеля. Г. Бишоффъ сдѣлалъ весьма интересные опыты сжиганія трупа въ анатомическомъ театрѣ въ Гиссенѣ.

Въ погребѣ анатомическаго театра отдѣлено кирпичными стѣнками пространство, равное сгорѣвшему бюро. Съ одной стороны это пространство имѣло предѣломъ стѣну погреба, съ другой кирпичи. Внутри насыпано песку на кирпичи толщиной. На этотъ песокъ положенъ слой деревянныхъ щепъ, въ 6 или 7 дюймовъ толщины. Тутъ лежала доска, надъ которой оставалось пространство для незначительнаго количества горящихъ углей. За тѣмъ опять слѣдовалъ слой щепъ и потомъ двѣ доски, изъ которыхъ верхняя равнялась величиной крышкѣ бюро. Она была бумажная и прикрѣплялась къ стѣнѣ проволокой.

Передъ отверстіемъ этого пространства положенъ былъ трупъ мужчины, отъ котораго напередъ были отняты руки для другой цѣли. Онъ лежалъ на щепкахъ. Положеніе со-

отвѣтствовало положенію тѣла Графини, и разстояніе отъ горна было также два фута. Трупъ былъ одѣтъ въ сорочкѣ и въ два женскія платья. Тогда бросили лопату горящихъ угольевъ въ горнъ и затворили плотно двери. Показался столь сильный дымъ, что онъ сквозъ щепы и рѣшетку проникъ въ каналъ, находящійся подъ погребомъ, а чрезъ нѣсколько минутъ, сквозъ дверь проникъ сильный запахъ жаренія и жженія трупа. По истеченіи четверти часа дверь отворили. Войти было невозможно, однакожъ замѣтили естественное пламя около головы трупа. Отворили другую дверь. Токъ воздуха раздулъ пламя, и трупъ запылалъ сильно. Горѣніе продолжалось и тогда, когда платье было уже потушено мокрыми метлами. Съ пламенемъ дерева онъ не имѣлъ вовсе сообщенія, значитъ воспламененіе произошло единственно отъ лучей.

На днѣ горна лежало много углей. Для потушенія ихъ нужно было четыре ведра воды. Платье сгорѣло только на томъ пространствѣ, на которомъ и трупъ. Нижняя часть не была повреждена. На щепахъ, подъ трупомъ, не оказалось никакихъ слѣдовъ огня. Лѣвая сторона головы была сожжена сильнѣе правой. Мягкія части были черны и обуглены. Покровы черепа отстали и надкостная плева снаружи сгорѣла и отдѣлялась при малѣйшемъ прикосновеніи. Кости оставались въ связи. Черты лица нельзя было разсмотрѣть, ротъ былъ широко раскрытъ, но зубы стиснуты.

Экспериментаторъ видѣлъ, что тѣло Графини сгорѣло гораздо болѣе, и продолжалъ опытъ. Онъ подложилъ новыя щепы, положилъ трупъ на разстояніи трехъ футовъ, и разжегши значительно огонь, затворилъ двери и вошелъ черезъ два часа. Горѣніе мало подвинулось впередъ, очевидно потому, что разстояніе было слишкомъ велико. Онъ сдѣлалъ опытъ въ третій разъ въ присутствіи Профессора Либиха. Положены были новыя щепы и доски, и трупъ опять уложенъ на разстояніи двухъ футовъ. По истеченіи двухъ часовъ нашли, что горѣніе много усилилось. Огонь распространился и на правую сторону. Кости были большею частію пережжены до-бѣла; повсюду въ черепѣ видны были щели и скважины. Вся голова была такъ рыхла, что едва держалась въ связи.

Бишоффъ представилъ черепъ суду. Свидѣтели и врачъ, видѣвшіе трупъ Графини, призваны были къ сличенію. Они объявили почти единогласно, что представленная голова гораздо объемистѣе и больше сохранилась; она имѣла еще форму головы; кости пережжены, зубы крѣпко стиснуты и т. д.

Верхняя доска въ третьемъ опытѣ совершенно сгорѣла. Отъ ней остался только пепелъ. Употребленный горючій матеріалъ для каждаго опыта состоялъ изъ семи кубич. футовъ еловаго дерева. На оконной рамѣ оказался желтый осадокъ, подобно бывшему на зеркалѣ. Запахъ не былъ невыносимъ, однакожь былъ гораздо сильнѣе, чѣмъ при простомъ горѣніи дерева.

Докторъ Граффъ сдѣлалъ нѣсколько подобныхъ опытовъ въ госпиталѣ, въ Дармштадтѣ. Онъ предложилъ себѣ задачу: во сколько времени можно, не выходя изъ комнаты, сжечь трупъ до того состоянія, въ какомъ былъ найденъ трупъ Графини. Горѣлъ онъ очевидно съ верху къ низу, и убійца долженъ былъ держать его головою внизъ. На столѣ залы трупосжеченія Граффъ подобнымъ образомъ положилъ женскій трупъ. Голова висѣла, шея лежала на краю стола. Подъ головой поставлено блюдо съ зажженнымъ виннымъ спиртомъ. Волосы сгорѣли тотчасъ. Явился удушливый запахъ, который однакожь прошелъ черезъ нѣсколько минутъ. Скоро горѣніе усилилось. Въ спиртѣ истекло много жиру, отчего пламя сдѣлалось ярче. Жаръ увеличился, и мягкія части начали быстро обугливаться. Черезъ часъ съ четвертью спиртъ вышелъ; подложили нѣсколько дерева, но скоро потушили. Голова трупа сгорѣла больше, чѣмъ голова Графини. И здѣсь также сгорѣла болѣе лѣвая сторона. Черепа совсѣмъ не было (?). Мозгъ сплавился до $\frac{1}{4}$ своего объема. Глаза, носъ и ротъ были совершенно обуглены. *Дзыкъ лежалъ глубоко во рту.*

Г. Граффъ выводитъ заключеніе, что трупъ можетъ въ продолженіе часа съ четвертью быть сожженъ до того состоянія, въ какомъ найденъ трупъ Графини, и сожигателю

нѣтъ необходимости выходить изъ комнаты. Запахъ тяжелъ, но не несносенъ. Подобные результаты получены отъ сжиганія бараньей головы.

Въ засѣданіи 23 Марта Президентъ сдѣлалъ краткій обзоръ дѣла, сколько собрано свидѣній до сихъ поръ. Онъ имѣлъ двоякую цѣль: съ одной стороны нужно было дать, такъ сказать, инструкцію экспертамъ, съ другой, представить присяжнымъ собранные факты возможно полно и послѣдовательно. Въ заключеніе онъ прочелъ вопросы, предлагаемые экспертамъ. Вотъ они:

«По собраннымъ свидѣніямъ, возможно ли, вѣроятно ли, или ясно

1. Что Графиня Гёрлицъ умерла вслѣдствіе такъ называемаго самовозгаранія?

2. Что Графиня Гёрлицъ умерщвлена дѣйствіемъ внѣшняго огня и что дѣйствіе огня произошло отъ несчастнаго случая, или намѣренно, огонь зажженъ ея собственною, или чужою рукой?

3. Что Графиня Гёрлицъ подвергалась дѣйствію огня только послѣ смерти и въ этомъ случаѣ погибла ли она а) черезъ самоубійство, или б) отъ руки сторонняго лица, посредствомъ раздробленія черепа или удавленія, или наконецъ с) отъ болѣзни или несчастнаго случая?

4. Что видимая причина пожара бюро единственно произвела сожженіе Графини, или дѣйствовали другія, отдаленныя причины?»

Пятый вопросъ предложенъ по требованію Государственнаго Прокурора.

«Должно ли ярь считать ядомъ, и до какой степени можно принять, что употребленіе соуса или части соуса съ ярью повредило бы жизни или здоровью употребившаго?»

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА — въ настоящемъ составѣ своемъ, сверхъ нѣкоторыхъ предметовъ художественныхъ и этнографическихъ, содержитъ въ себѣ: 1) *печатныхъ книгъ* свыше 450,000; но какъ многія сочиненія, совершенно отдѣльныя, находятся въ одномъ переплетѣ, то книгъ должно полагать до 600,000 — количество, уступающее во всемъ мѣрѣ только библіотекамъ Парижской и Мюнхенской. 2) *Рукописей*, со включеніемъ коллекціи *автографовъ*, болѣе 21,000 переплетовъ, въ числѣ коихъ подлинникъ знаменитаго Остромирова Евангелія, 1056 года, Евангеліе Греческое на пурпуровомъ пергаментѣ, писанное золотомъ, въ VI столѣтіи, по преданію, Императрицею Теодорою, и другое IX стол., на такомъ же пергаментѣ — серебромъ, Библии, молитвенники, хроники, рукописи церковныя и гражданскія, восходящія до самыхъ отдаленныхъ временъ. Сверхъ всѣхъ языковъ и нарѣчій Европы и извѣстныхъ восточныхъ, тутъ находятся манускрипты Эѳіопскіе, Коптскіе, Тамульскіе, Цингальскіе, Орисскіе, Мадагаскарскіе, Камбойскіе и пр., всего на 41 языкѣ. 3) *Эстамповъ и литографій*, не упоминая объ иллюстрированныхъ изданіяхъ, до 50,000; въ числѣ ихъ до 12,000 портретовъ.— Всѣ эти богатства размѣщены въ 24 залахъ, и раздѣлены на извѣстное число отдѣленій по библіографической системѣ. Каталогъ рукописей, возросшій до 21 тома in-folio, уже конченъ; какъ равно кончена подробная опись эстамповъ, и весьма близокъ также къ концу каталогъ историческаго отдѣленія, обнимающаго собою не только собственно Исторію, но и всѣ вспомогательныя науки; къ составленію

другихъ каталоговъ также приступлено съ особою дѣятельностію. — Для посѣтителей Библіотеки чрезвычайно важно то, что доступъ въ нее открытъ ежедневно, не исключая и праздниковъ,

Кстати упомянемъ здѣсь о замѣчательномъ примѣрѣ сочувствія къ Публичной Библіотекѣ. Недавно получила она въ даръ 25 руб., сер., — откуда же! изъ Томской губерніи, — и отъ кого? отъ крестьянина, причисленнаго къ Колывано-Воскресенскимъ заводамъ, Ивана Алексѣева Абрамова.... Русское спасибо доброму мужичку, который знаетъ, что: *ученье свѣтъ, а неученье тьма.*

КАРТИНЫ АЙВАЗОВСКАГО ВЪ ОЕОДОСИИ. — Въ Одесскомъ Вѣстникѣ помѣщено извѣстіе о новыхъ произведеніяхъ нашего славнаго художника. Картины эти, которыми любитъ теперь родина Айвазовскаго, Оеодосія, представляютъ слѣдующіе виды.

Видъ С.-Петербурга. Онъ снятъ со стороны Морскаго Кадетскаго Корпуса. Картина представляетъ прекрасный майскій вечеръ. Три фрегата, принадлежащихъ Корпусу, стоятъ на якорѣ. Вотъ Академія Художествъ, новый гигантскій каменный мостъ Невы, Зимній Дворецъ, Адмиралтейство съ своимъ блестящимъ шпилемъ; вотъ Англійская набережная съ своими чистыми, красивыми домами; Исаакіевскій соборъ съ гранитными колоннами, церковь Конной Гвардіи съ своими куполами.... Пароходы и купеческія суда бороздятъ тихія, прозрачныя воды Невы. Трое крестьянъ ужинаютъ на баркѣ; одинъ изъ нихъ крестится, и сколько въ его движеніи вѣры и надежды.... Луна восходитъ за Исаакіевскимъ соборомъ, и свѣтъ ея сливается съ мерцаніемъ сумерокъ. Сіяющія облака разливаютъ тихую ясность на Англійскую набережную, на дремлющую рѣку, на теплую атмосферу, на всю картину....

Весна, или восхожденіе солнца въ Отузь, близъ Оеодосіи. Въ глубинѣ картины виднѣтся живописная гора Карадагъ (Черная гора). Берега моря покрыты густою растительностію, среди которой виднѣются высокія красивые тополи. Море спокойно. Корабль, только что бросив-

шій якорь, растянулъ свои паруса. На первомъ планѣ картины холмъ, покрытый травою и цвѣтами. На холмѣ пасутся, оберегаемыя пастухомъ и собакою, овцы съ молодыми ягнятами. Здѣсь также видна группа тополей.

Осень, или захожденіе солнца въ Судахъ. Въ этой картинѣ представлена замѣчательнѣйшая часть прекрасной Судацкой долины; въ глубинѣ видны высокія горы и скалы, увѣнчанныя Генуэзскими развалинами. Подошвы горъ и скалъ омываются лазурнымъ неподвижнымъ моремъ. Корабль стоитъ на якорѣ. На первомъ планѣ видѣнъ хорошенькій домикъ посреди виноградника. Татары дѣлаютъ вино; женщина несетъ на головѣ корзину съ виноградомъ; у тополей виноградные тиски, на которыхъ Татаринъ выдѣлываетъ вино по своей методѣ, т. е. ногами. Внизу у тисковъ Татарка съ ребенкомъ собираютъ вино въ чанъ. Группа тополей перерѣзываетъ линію горъ.

Весна и Осень блещутъ вѣрнымъ изображеніемъ природы, свѣжестію и гармоніею колорита, тайна которыхъ извѣстна только кисти Айвазовскаго.

Послѣдняя картина представляетъ *Млѣчную нощъ на Южномъ берегу*, съ мыса Айтадора. Плѣнительный свѣтъ, охватывающій мысъ и разливающійся по Аюдагу, погружаетъ зрителя въ глубокую мечтательность....

СВЕКЛОСАХАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ВЪ РОССІИ — распространилось по 23 губерніямъ, въ которыхъ въ 1848—49 г. было въ дѣйствіи 307 заводовъ. Подъ посѣвъ свекловицы употреблялось, среднимъ числомъ, до 35 тысячъ десятинъ, и сборъ ея простирался, также сред. ч., до 2,100,000 берковцевъ; сверхъ того, на эти заводы покупалось около 385 т. берк. Сахара добыто на заводахъ до *осьми-зотъ тысячъ пудовъ*, и почти половина этого количества принадлежитъ Кіевской губерніи. На топливо заводы употребили болѣе 140 тыс. сажень дровъ, кромѣ хвороста, торфа, кизяка, и проч. Для работъ на заводахъ постоянно употребляется болѣе 4½ тыс. человекъ, а во время самаго производства число это удесетеряется.

СУДОХОДСТВО ВЪ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ. — Мореходныхъ судовъ, принадлежащихъ жителямъ Архангельской г., считается до 750; всѣ они могутъ поднять груза около 1,425,000 пудовъ. Почти половина означеннаго числа судовъ принадлежитъ Кемскому уѣзду; купеческое судостроеніе развито наиболѣе также въ этомъ уѣздѣ. Число экипажа на всѣхъ судахъ простирается до 2,900 челов., что составляетъ круглымъ числомъ по 4 человѣка на судно. Самый старшій изъ шкиперовъ крестьянинъ Кемскаго у. Михайло Андреевъ Постниковъ, который ходилъ въ море 60 лѣтъ, съ девятилѣтняго возраста, и только однажды потерпѣлъ крушеніе. — Изъ числа 750 судовъ 11 ходятъ по всѣмъ морямъ и въ иностранные порты; прочіе же ограничиваются ближайшими Норвежскими портами, Мурманскимъ Русскимъ берегомъ и Бѣлымъ моремъ.

РОСТОВЪ НА ДОНУ. — Къ числу новыхъ рынковъ, открытыхъ для отечественной торговли, принадлежитъ городъ, котораго существованія до 1830 годовъ никто не подозрѣвалъ, именно *Ростовъ на Дону*. Это собственно форшгать крѣпостцы Св. Димитрія на Дону, основанной въ 1761 г., которая по своему мѣстоположенію на устьяхъ (гирлахъ) Дона, естественно, должна была сдѣлаться торговымъ рынкомъ для Казачьихъ земель. Теперь, благодаря счастливому развитію Азовской торговли, Ростовъ служитъ пристанью для всей юго-восточной Россіи, и обѣщаетъ въ будущемъ еще значительнѣйшее развитіе. Онъ основанъ такъ называемыми «бурлаками», зашедшими въ этотъ край болѣе столѣтія тому назадъ. Въ 1823 г., вся его торговля не превышала 150 т. р. сер., и состояла изъ одного желѣза да коровьяго масла. Въ 1834 г. Графъ Воронцовъ, видя сношенія нѣкоторыхъ Одесскихъ торговыхъ домовъ съ этимъ пунктомъ, удостовѣрился въ способности Ростова къ торговлѣ, и испросилъ Высочайшее соизволеніе сперва на прочистку устьевъ Дуная, а потомъ и на учрежденіе въ городѣ таможенной заставы для свободнаго отпуска Русскихъ произведеній прямо въ тамошнюю пристань, не завозя ихъ въ Таганрогъ. Это имѣло столь важныя послѣдствія, что

отпускная торговля Ростова отъ 150 т. достигла въ 1836 г., до 342 т., а въ слѣдующее десятилѣтіе (1846) до 2,836,000 р. с., то есть увеличилась почти въ двадцать разъ. Судоходство каботажное какъ по Дону къ Ростову, такъ и изъ Ростова въ море по устьямъ Дона, въ то же время усилилось чрезвычайнымъ образомъ: въ 1823 г. не было и 120 кораблей, отправлявшихся въ море, а барокъ и плотовъ спукалось по Дону въ Ростовъ около 600; въ 1846 г., первыхъ было до 1600, вторыхъ болѣе 2000. Главную статью торговли составляетъ льняное сѣмя, потомъ шерсть и сало. Развитіе дѣятельности Ростова на Дону производить благодѣтельное вліяніе на Казачьи земли, Кавказъ, губерніи Екатеринославскую и Саратовскую, произведеніямъ которыхъ онъ представляетъ вѣрный и выгодный сбытъ.

ГОДОВЫЕ ЧАСЫ. — Въ засѣданіи 8 Апрѣля представлены были Императорскому Вольному Экономическому Обществу Г. Флоріаномъ столовые часы новаго устройства, которые заводятся одинъ разъ въ годъ. Часы эти были испытываемы на Пулковской Обсерваторіи, и по удостовѣренію Директора ея, Г. Струве, оказались довольно вѣрными, ибо въ сутки разность составляетъ только *четыре секунды*. Внутреннее устройство годовыхъ часовъ отличается, между прочимъ, отъ обыкновеннаго часоваго механизма тѣмъ, что вмѣсто колеса дѣйствуютъ въ немъ два рычага.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЛѢТОПИСЬ ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ.

ДѢЙСТВІЕ МАГНЕТИЗМА НА ВСѢ ТѢЛА. — *Опыты Эдмонда Беккерелл.* Года два назадъ, недовольный существующими доселѣ теоріями магнетизма, электричества и электромагнетизма, я предложилъ свою теорію, по которой, а) магнетизмъ и электричество не суть ни жидкости непѣсомыя, ни невещественныя силы природы, а только особое расположеніе частицъ вещества; б) такое расположеніе въ нѣкоторыхъ тѣлахъ можетъ быть постояннымъ, нормальнымъ и зависитъ отъ ихъ химическаго состава; въ другихъ напротивъ оно бываетъ временное, преходящее и зависитъ отъ дѣйствія окружающихъ тѣлъ. Таково отношеніе между магнитомъ и электро-магнитомъ; в) причина магнитной полярности и особенно постоянного направленія магнитной стрѣлки заключается въ постоянномъ правильномъ направленіи частицъ окружающей среды, особенно воздуха; частицы же воздуха суть эллипсоиды вращенія, приводимые въ движеніе солнечнымъ свѣтомъ. Притомъ лучъ свѣта постоянно соотвѣтствуетъ среднему діаметру ихъ наибольшаго сѣченія, а направленіе стрѣлки-оси вращенія; д) намагничиваніе черезъ вліяніе производится не иначе, какъ черезъ предварительное измѣненіе направленія частицъ посредствующей среды, напр. воздуха и т. д.

По этому мнѣ особенно пріятно извѣстить читателей объ опытахъ и наблюденіяхъ г. Беккереля (сына), кото-

рые въ сущности подтверждаютъ мою теорію, хотя авторъ и не рѣшился еще окончательно отвергнуть гипотезу магнитныхъ жидкостей. Опыты были произведены посредствомъ огромныхъ электромагнитовъ и болѣе или менѣе сильныхъ батарей, устроенныхъ по идеѣ Беккереля отца (pile cloisonnée). Для измѣренія силы тока служилъ гальванометръ Пулье (boussole à aigu). Вообще расположеніе снарядовъ придумано очень остроумно и точно. Вышло, что:

а) Всѣ вещества могутъ намагничиваться подѣ влияніемъ магнитовъ, подобно желѣзу, но въ различной степени. Притомъ одни притягиваются, другія отталкиваются магнитомъ.

б) Сила притяженія и отторженія много зависитъ отъ окружающей среды, именно:

в) Вещество, погруженное въ жидкость или газъ, притягивается магнитомъ пропорціонально разности магнитнаго дѣйствія на это вещество и вытѣсненную имъ среду.

Очевидно, что если дѣйствіе магнита на испытуемое тѣло и на вытѣсненную имъ среду будетъ равное, то тѣло останется въ покоѣ, т. е. не будетъ ни притягиваться, ни отталкиваться.

Если дѣйствіе магнита на испытуемое тѣло будетъ сильнѣе, чѣмъ на вытѣсненную имъ среду, то тѣло будетъ притягиваться.

Если наоборотъ дѣйствіе магнита на вытѣсненную среду будетъ сильнѣе, чѣмъ на испытуемое тѣло, то послѣднее будетъ отталкиваться.

Очевидно, что этотъ законъ соответствуетъ Архимедову началу, по которому тѣло или тонетъ въ жидкости, или остается въ ней погруженнымъ, но въ равновѣсїи, или всплываетъ наверхъ, смотря потому, будетъ ли его вѣсъ больше, равенъ или меньше вѣса вытѣсняемой жидкости.

Изъ таблицъ, приложенныхъ къ статьѣ г. Беккереля, видно, что цилиндръ сѣры, въ 25 миллиметровъ длины и въ 840 миллиграммовъ вѣса, былъ повѣшенъ на серебряной проволоцѣ и подвергнутъ дѣйствію электромагнита въ вое-

духъ, въ водѣ, въ растворѣ хлористаго магнія, въ растворѣ сѣрнокислаго никкеля. Оказалось :

а) что въ воздухѣ онъ отталкивался на 36° , въ водѣ на 4° , въ растворѣ сѣрнокислаго никкеля на 41 , въ растворѣ хлористаго желѣза на 1851 , т. е. въ послѣднемъ случаѣ онъ дѣлалъ пять круговращеній;

б) наоборотъ въ растворѣ хлористаго магнія также цилиндръ притягивался магнитомъ на $2,5^{\circ}$

Цилиндръ изъ бѣлаго воска, такой же длины въ воздухѣ отталкивался на 13° , въ растворѣ сѣрнокислаго никкеля на 54° , въ водѣ притягивался на 10° , а въ растворѣ хлористаго магнія на 13° .

Изъ этого слѣдуетъ, что дѣйствіе магнита на сѣру несравненно слабѣе, чѣмъ дѣйствіе его на хлористое желѣзо (какъ и слѣдовало ожидать), много слабѣе, чѣмъ дѣйствіе на сѣрнокислый никкель и воздухъ, нѣсколько слабѣе, чѣмъ дѣйствіе на воду, и нѣсколько сильнѣе, чѣмъ дѣйствіе на растворѣ хлористаго магнія. Этотъ результатъ оказался постояннымъ.

Многія другія вещества также подвергнуты испытанію. Законъ остался тотъ же, но отношеніе къ разнымъ веществамъ различно. Такъ мы находимъ, что селеній въ воздухѣ отталкивается слабѣе, въ водѣ сильнѣе, чѣмъ сѣра; фосфоръ и свинецъ также.

Стекло притягивается въ безвоздушномъ пространствѣ, въ воздухѣ и даже кислородѣ. Но стеклянная трубка, налитая бѣлымъ воскомъ, отталкивается.

Въ безвоздушномъ пространствѣ притяженіе вообще сильнѣе, стало быть отторженіе слабѣе, чѣмъ въ воздухѣ или кислородѣ. Для объясненія возможности отторженія надобно припомнить, что собственно безвоздушное пространство не существуетъ, а существуетъ только разреженный воздухъ или газъ.

Для испытанія дѣйствія магнита на газы г. Беккерель придумалъ особый способъ, поразительный по своей простотѣ. Извѣстно, что скважистыя тѣла вообще, и въ особенности древесный уголь, сгущаютъ въ себѣ газы. И

такъ прежде всего онъ подвергаетъ цилиндръ угля дѣйствию магнита въ безвоздушномъ пространствѣ. Уголь отталкивается. Впускаетъ въ сосудъ кислородъ, который сгущается въ скважинахъ угля. Теперь уголь сильно притягивается.

Уголь сгущаетъ въ себѣ около 9 объемовъ кислорода. Одинъ объемъ имъ вытѣсненъ. Стало быть притяженіе угля происходитъ здѣсь оттого, что сгущенный кислородъ притягивается сильнѣе, чѣмъ кислородъ при обыкновенномъ давленіи.

Въ воздухѣ уголь также притягивается, только гораздо слабѣе. Водородъ и азотъ не оказали никакого дѣйствія. Угольная кислота и закисль азота усиливаютъ отторженіе.

Сравнивая магнитную силу разныхъ веществъ, г. Беккерель находитъ при равномъ вѣсѣ

Въ желѣзѣ = 1000000.

Въ кислородѣ = 377.

Въ хлорист. желѣзѣ 140.

Въ воздухѣ 88.

Въ водѣ 3.

А изъ этого сравненія выходитъ, что воздухъ во всей своей массѣ долженъ дѣйствовать на магнитъ такъ точно, какъ слой желѣза толщиною въ $\frac{1}{12}$ миллиметра, который покрылъ бы весь земной шаръ.

Очевидно, что теорія *земнаго магнетизма*, господствовавшая нѣсколько вѣковъ, разрушена въ основаніи.

Мы жалѣемъ, что не могли передать въ высшей степени любопытнаго изслѣдованія г. Беккереля въ полномъ объемѣ. Желающіе прочтутъ его въ Мартовской книжкѣ *Annales de Chimie et de Physique*.

РАСПРОСТРАНЕНІЕ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА ВЪ НЕПРОВОДИКАХЪ ТВЕРДЫХЪ И ГАЗООБРАЗНЫХЪ. — *Опыты г. Маттеуцци.* Изъ множества опытовъ касательно этого вопроса, произведенныхъ большею частію посредствомъ электрическихъ вѣсковъ Куломба, экспериментаторъ выводитъ слѣдующія заключенія:

1. Потеря электричества отъ соприкосновенія съ воздухомъ не увеличивается движеніемъ самого воздуха; напротивъ потеря въ движущемся воздухѣ оказалась менѣе, чѣмъ въ спокойномъ, и притомъ пропорціональна быстротѣ движенія воздуха около наэлектризованнаго тѣла и величинѣ этой потери въ единицу времени.

2. Потеря электричества отъ соприкосновенія съ воздухомъ измѣняется по свойству электричества сосѣднихъ тѣлъ. Въ присутствіи тѣла, противоположно наэлектризованнаго въ данное время, эта потеря всего менѣе; она гораздо значительнѣе, когда тѣло остается одно или вмѣстѣ съ другимъ, одинаково наэлектризованнымъ.

3. Въ воздухѣ и въ газахъ, по возможности чистыхъ и не содержащихъ водяныхъ паровъ, потеря электричества не слѣдуетъ закону, выведенному Кулобомъ изъ опытовъ, произведенныхъ въ воздухѣ болѣе или менѣе влажномъ. Для количествъ электричества, заключающихся въ извѣстныхъ предѣлахъ, потеря независима отъ напряженности электричества. Эта потеря постоянна, и стало быть отношеніе потеряннаго электричества къ цѣлой суммѣ непостоянно.

Примѣч. Для осушенія воздуха г. Маттеуччи употребляетъ безводную фосфорную кислоту.

4. Потеря электричества при одинаковой температурѣ и давленіи одинакова въ воздухѣ, въ водородѣ и въ угольной кислотѣ.

5. Свойство электрическаго тѣла не имѣетъ вліянія на потерю электричества и на законъ этой потери въ воздухѣ и сухихъ газахъ.

6. Абсолютная потеря и законъ потери въ воздухѣ и газахъ сухихъ и чистыхъ одинаковы для обоихъ электричествъ; но при слишкомъ сильныхъ зарядахъ электричество отрицательное теряется скорѣе.

7. Въ сухомъ воздухѣ потеря усиливается по мѣрѣ возвышенія температуры.

8. Количество электричества, удерживающееся на поверхности разобщеннаго проводника измѣняется съ измѣ-

неніемъ густоты окружающаго воздуха. Въ совершенно безвоздушномъ пространствѣ (?) электричество не можетъ удержаться ни на одномъ проводникѣ. Медленная потеря электричества въ сухомъ воздухѣ уменьшается съ уменьшеніемъ густоты воздуха.

9. Въ воздухѣ при постоянной температурѣ и давленіи потеря электричества увеличивается при увеличеніи количества водяныхъ паровъ. Но это увеличеніе не слѣдуетъ простому закону, выведенному Кулобомъ изъ небольшого числа опытовъ именно, что потеря увеличивается пропорціонально кубамъ вѣса воды, содержащейся въ воздухѣ.

Скажемъ спасибо и за опыты, и за выводы (итоги) изъ опытовъ. Но нельзя не замѣтить, что господствующая теорія часто сбиваетъ экспериментатора съ толку. Это тѣмъ болѣе досадно, что самая теорія въ настоящее время держится только въ словахъ, и никто уже, думаемъ, не вѣритъ дѣйствительному существованію невѣсомыхъ жидкостей.

По нашему, электричество, также какъ магнетизмъ, теплота, свѣтъ, суть явленія, производимыя измѣненіемъ самаго вещества, и состоятъ въ особенномъ расположеніи его частицъ. Въ обыкновенномъ состояніи вещество не дѣятельно, здѣсь оно становится дѣятельнымъ, *напрягается*. Но эта дѣятельность, это напряженіе возможны только при дѣйствіи другаго тѣла. Не будь другаго тѣла, — они прекращаются. Разумѣется, это другое тѣло можетъ дѣйствовать сильнѣе или слабѣе, а потому и возбужденіе, *раздраженіе* перваго тѣла будетъ различно.

Наэлектризованное стекло сильно возбуждаетъ кондукторъ. Представимъ теперь, что вещество кондуктора не находится въ соприкосновеніи ни съ чѣмъ. Разумѣется, оно мгновенно станетъ не дѣятельнымъ. Но кондукторъ окруженъ воздухомъ, веществомъ дѣятельнымъ, постоянно напряженнымъ до нѣкоторой степени. Возбужденіе продолжается, а оттого кондукторъ, который сдѣлался бы безъ воздуха не дѣятельнымъ мгновенно, теперь *разряжаетъ*

ся медленно. Притомъ очевидно , въ воздухѣ движущемся напряженіе будетъ сильнѣе, чѣмъ въ неподвижномъ, и стало быть разряженіе будетъ медленнѣе. Воздухъ по отношенію къ кондуктору есть тоже самое, что кошачій мѣхъ или подобное вещество по отношенію къ смолѣ электрофора.

Разумѣется, чѣмъ способнѣе самый воздухъ къ электрическому напряженію, тѣмъ сильнѣе онъ будетъ дѣйствовать на кондукторъ. Примѣсь вещества недѣятельнаго, каковъ водяной паръ, уменьшаетъ его способность и слѣдовательно уменьшаетъ напряженіе кондуктора.

Изъ этой теоріи, изложенной нами въ подробности прежде, можно было вывести а ріогі положенія г. Матеучи. Но признаемся, для насъ неожиданны два вывода, именно: что потеря электричества одинакова въ воздухѣ, водородѣ и угольной кислотѣ и что потеря замедляется разряженіемъ воздуха. Последнему выводу даже плохо вѣрится.

Мы понимаемъ огромное, хотя по нашему мнѣнію преходящее, значеніе электричества въ естествознаніи, а потому будемъ обращать вниманіе на изслѣдованія, сюда относящіяся. И на первый разъ очень кстати подоспѣло:

ИЗСЛѢДОВАНИЕ Г. СЕНАРМОНА ОВЪ ЭЛЕКТРОПРОВОДНОСТИ КРИСТАЛЛОВЪ. — Г. Сенармонъ предложилъ себѣ вопросъ: имѣетъ ли кристаллическая форма тѣль какое-нибудь вліяніе на ихъ электропроводность. Сначала онъ хотѣлъ работать съ Вольтовымъ столбомъ, но это оказалось неудобнымъ. Кристаллы въ большей части случаевъ совершенно перерываютъ токъ и притомъ происходятъ разныя химическія явленія. И такъ онъ рѣшился остановиться на лейденской банкѣ.

Испытуемый кристаллъ покрывается со всѣхъ сторонъ листочкомъ олова, на которомъ съ одной стороны, соотвѣтствующей той или другой поверхности кристалла, прорѣзано круглое отверстіе, различнаго діаметра, смотря по величинѣ кристалла. Въ самый центръ отверстія проводится остріе отъ банки. Электричество должно отъ цен-

тра пройдетъ къ окружности отверстія по поверхности кристалла. Обкладка кристалла сообщается съ землей.

Въ воздухѣ при обыкновенномъ давленіи на кристаллахъ отъ этого прохода остаются ясные и довольно глубокіе слѣды.

Въ разрывномъ воздухѣ явленіе измѣняется. Въ кристаллахъ тессулярной (регулярной) системы электричество при проходѣ освѣщаетъ *весь кружокъ*, въ кристаллахъ другихъ системъ свѣтъ принимаетъ направленіе діаметра, расходясь нѣсколько къ окружности. При отверстіи эллиптическомъ, направленіе измѣняется и становится среднимъ между большею и меньшею осью.

Фактъ любопытенъ, хотя покуда нельзя сдѣлать изъ него никакого вывода.

А. Студитскій.

ВНУТРЕННЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВЕРВНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ ВЪ ХЕРСОНѢ. — Тогда какъ жители нашей древней Столицы встрѣчаютъ вербное Воскресенье первымъ вешнимъ гуляньемъ, за которымъ слѣдуетъ цѣлый рядъ ихъ въ теченіе лѣта, — въ Херсонѣ (то же, кажется, и во всемъ Новороссійскомъ краю) освященіе вербы бываетъ особое, торжественное, нѣсколько отличное отъ принятаго у насъ въ Великороссіи. Это освященіе совершается наканунѣ въ Лазареву субботу такъ: передъ вечернею, на большой площади, между крѣпостью и городомъ раскладываются заблаговременно вербы большимъ четверугольникомъ, который окаймляется густою толпою народа изъ города и предмѣстій; за этою сплошною массою уставляются ряды каретъ, дрожекъ — съ семействами, дѣтьми, чтобы посматрѣть на церемонію. — Въ это время изъ всѣхъ церквей, предшествуемое хоругвями и святыми иконами, сходитъ духовенство; хоругви и иконы размѣщаются по всему протяженію разложенныхъ вербъ; за тѣмъ верба освящается и окропляется святою водою. Когда освященіе кончится, въ одно мгновеніе вѣтви очутятся въ рукахъ народа и представятъ движущуюся рошу. — Духовенство, съ прихожанами, возвращается въ свои церкви, начинается вечерня и потомъ всенощная.

Лучшая въ Херсонѣ по архитектурѣ церковь св. Великомученицы Екатерины, въ крѣпости, съ иконостасомъ искусной Италіанской живописи. Это памятникъ славной Императрицы. Надъ западнымъ входомъ ея блеститъ бронзовая надпись: «Спасителю рода человѣческаго Екатерина II посвящаетъ.» — Соборъ Успенія Пресв. Богородицы, въ городѣ, обширнѣе прочихъ церквей.

Ф. Л.

Одесса.

ИЗЪ ОДЕССЫ.

До сихъ поръ вы получали только ученые извѣстія изъ Одессы. Пора сообщить что-нибудь и объ обществѣ.

Первымъ, главнѣйшимъ обстоятельствомъ нашей высшей, свѣтско-общественной жизни служить пребываніе у насъ двухъ Московскихъ семействъ лучшаго тона. Наши сѣверныя дамы и дѣвицы рѣшительно дали новую жизнь здѣшнему обществу, вскружили головы молодымъ людямъ и привлекли всѣхъ умомъ, образованностію, любезностію и наконецъ легкостію и прелестью въ танцахъ. Въ послѣдній день масляной молодые люди сложились и дали въ биржевой залѣ, — которая конечно, кромѣ нѣсколькихъ Петербургскихъ и Московскихъ, не уступить никакой другой у насъ въ великолѣпіи и изяществѣ, — *une journée dansante*. Пригласительныхъ билетовъ разослано было болѣе 300. Собрались около 3 часовъ, пообедали à la fourchette, хотя и солидно, и ну танцовать. Танцовали съ 5 часовъ до 2, и между тѣмъ, разумѣется, пили чай и ужинали. Веселились хоть куда! Надо было посмотрѣть, какъ восхитили тутъ всѣхъ наши сѣверныя гости, M-mes Н. и М. и M-elles У. и Д. Это новое покореніе здѣшняго края родной нашей Русью, и уже покореніе не силой оружія, а нравственное. Вообще это послѣднее дѣлаетъ здѣсь большіе успѣхи.

Вторая новость, которую сообщу я вамъ изъ Одессы, есть совершенное преобразование здѣшняго театра. Въ этомъ году, въ первый разъ антрепренеръ его изъ Русскихъ. Это г. Андросовъ. Внутри театръ отдѣлали вновь, отчасти по образцу Большаго театра въ Петербургѣ. По крайней мѣрѣ это относится къ кресламъ, которыя занимаютъ теперь весь партеръ, и къ галлерей, которая, какъ и въ этомъ театрѣ, находится надъ ложами. Это переселеніе извѣстной части публики на верхъ сдѣлаетъ выраженія партера не столь шумными. Оба яруса ложъ, какъ говорятъ, постоянно будутъ освѣщаемы свѣчами. Это было въ два первыхъ представленія, вѣроятно будетъ и впредь, потому что лампа не велика. Все, разумѣется, обновлено и выкрашено. Устарѣвшая занавѣсъ, на которой изображенъ былъ домъ Князя М. С. Воронцова, и въ подражаніе которой на Николаев-

скомъ театрѣ нарисовали тамошнюю площадь съ Соборной церковью, также замѣнена новая. Буфеть отдѣланъ лучше прежняго. Есть при немъ и особое небольшое фойе. Снаружи театръ остался безъ перемѣны. Зато составъ Итальянской труппы намѣнился совершенно. Къ сомалінію, остались только гг. Вольта и Берлендизъ, которыми, конечно, могли любоваться наши отцы и дѣды, но которые для насъ немного поустарѣли. За то новая примадонна г-жа Басседміо и теноръ Віани прелесть! Прочіихъ вновь прибавившихъ изъ Италіи пѣвцовъ и пѣвицъ мы еще не слышали. Давали только для двухъ абонементовъ по разу оперу Верди *Lombardi alla prima Scosata*. Сегодня даютъ Севильскаго цирюльника. Въ Русскомъ театрѣ произошла одна важная перемѣна. Г. Шумскій, Одесскій Мартыновъ, уѣхалъ въ Москву. Мѣсто его занялъ Г. Соляникъ, известный въ провинціяхъ.

Здѣсь стоятъ большіе, для этого времени, холода. Во многихъ домахъ, у самого меня, между прочимъ, топятъ. Это вещь здѣсь не бывалая. Акаціи все еще не распустились.

Изъ Константинополя пришло извѣстіе, что Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій намѣренъ отправиться въ Іерусалимъ.

СПРАВОЧНЫЯ ГУБЕРНСКІЯ КНИЖКИ. — Календарь, издаваемый Академіею Наукъ, расходуется по Россіи въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ. Но, содержа въ себѣ множество справочныхъ свѣдѣній, необходимыхъ почти всякому, онъ не можетъ удовлетворять вполне мѣстнымъ потребностямъ всѣхъ частей обширнаго нашего отечества. Отсюда возникаетъ необходимость отдѣльнаго изданія справочныхъ книжекъ для тѣхъ губерній, которыя, по своей значительности или своимъ особенностямъ, имѣютъ нужду въ мѣстныхъ указателяхъ. Петербургъ и Москва давно имѣютъ такія справочныя книжки; календари Новоросійскій и Кавказскій пользуются заслуженною извѣстностію. Въ настоящемъ году изданы справочныя книжки для губерній Архангельской и Псковской, которыя, вѣроятно, принесутъ мѣстнымъ жителямъ ожидаемому отъ нихъ пользу, и послужатъ примѣромъ для другихъ губерній.

ИРКУТСКАЯ ЯРМАРКА. — Въ текущемъ году Иркутская ярмарка была открыта 1 Февраля, и продолжалась по 1 Марта. Послѣдствія такого измѣненія сроковъ оказались благоприятны для купечества внутренней Россіи и Сибири во всѣхъ отношеніяхъ, преимущественно же по удобству привоза и отправки товаровъ по зимнему неповрежденному пути. Сбытъ Русскихъ произведеній въ нынѣшнюю ярмарку, сравнительно съ прошлогоднею, былъ менѣе, а потому вся оптовая торговля производилась медленнѣе обыкновеннаго, и самая уплата дѣлалась не полнымъ количествомъ наличныхъ денегъ, а съ разсрочкою. Не смотря однако же на эти причины, привозъ на нынѣшнюю ярмарку всѣхъ вообще товаровъ былъ слишкомъ на 35,860,000 р. с., а продажа почти на 25,260,000 р. с. Мягкая рухлядь, или необдѣланный пушной товаръ, привезенный изъ Сибири преимущественно Иркутскими купцами, изъ первыхъ рукъ былъ проданъ оптомъ, необыкновенно быстро и по высокимъ цѣнамъ.

НЕКРОЛОГЪ. П. И. ПРОКОПОВИЧЪ. — 22 Марта этого года скончался, на 76 г. отъ роду, извѣстный во всей Россіи пчеловодъ, Петръ Ивановичъ *Прокоповичъ*. Онъ, можно сказать, первый положилъ у насъ основаніе пчеловодству, какъ наукѣ, и занимаясь имъ почти 50 лѣтъ, усердно содѣйствовалъ распространенію его своими сочиненіями и основанною имъ школою, которая образовала множество опытныхъ пчеловодовъ. Существова болѣе двадцати лѣтъ, школа Прокоповича, вѣроятно, не перестанетъ служить на общую пользу и въ будущемъ: за это ручается имя бывшаго помощника основателя ея, Почетнаго гражданина Великадана, подъ чье управленіе перешла она теперь.

---

* Черниговской губ., въ сел. Пальчихахъ, близъ Батурина.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

СУДЕБНОЕ ДѢЛО

О СМЕРТИ ГРАФИНИ Ф. ГЕРЛИЦЪ.

III.

Отвѣты экспертовъ.

Въ засѣданіи 30 Марта Профессоръ Бишофъ отвѣчалъ на первый вопросъ Президента *о самовозгорніи.*

«Самовозгараніе какъ въ настоящемъ случаѣ, такъ и вообще, есть невозможность».

Этотъ отвѣтъ совершенно противорѣчитъ мнѣнію фонъ Зибольдта и отчасти мнѣнію Граффа, который допускаетъ возможность самовозгаранія, но не въ настоящемъ случаѣ.

«Послѣдователи мнѣнія о возможности самовозгаранія основываются на 40 или 50 случаяхъ, сдѣлавшихся извѣстными наукѣ, въ которыхъ люди найдены сгорѣвшими и части ихъ тѣлъ превращенными въ пепель, между тѣмъ въ тѣла не найдено горючихъ матеріаловъ, которыми можно бѣ было объяснить сожиганіе. Но историческія основанія этихъ случаевъ недостаточны и шатки. Ораторъ не оспариваетъ важности исторіи для науки; онъ соглашается, что отдѣльное лицо не можетъ обнять массы матеріаловъ и разрѣшить великихъ проблеммъ науки безъ помощи данныхъ минувшаго времени. Въ особенности факты, подающіе поводъ къ судебному изслѣдованію, повторяются не такъ часто, чтобы каждый могъ ихъ видѣть и наблюдать. Съ другой стороны вѣрно, что историческое повѣствованіе никогда не должно быть принимаемо безъ критики.

При каждомъ фактѣ надобно спросить: достоверно ли повѣствованіе объ немъ? Люди повѣствующіе хотятъ ли и способны ли сообщить истину? Можетъ ли повѣстующее быть соглашено съ общими законами природы и съ истинами уже дознанными? Здѣсь ничего этого нѣтъ, и прежде всего нѣтъ историческаго основанія въ представленныхъ случаяхъ самовозгаранія. Около 150 лѣтъ назадъ упоминается въ первый разъ объ этомъ явленіи. Его приняли, какъ оно передано, и внесли въ науку, какъ особую форму болѣзни. Между тѣмъ не знали, каковъ самый процессъ болѣзни.

Такимъ образомъ теорія самовозгаранія постепенно росла не какъ слѣдствіе ученаго изслѣдованія, но какъ слѣдствіе неизвѣстности. Если мы будемъ разсматривать ближе случаи такъ называемаго полнаго самосгаранія, то мы найдемъ, что ни одинъ человѣкъ, имѣющій значеніе въ наукѣ, самъ не наблюдалъ горящаго человѣка, даже изъ неученыхъ никто не видалъ его за исключеніемъ двухъ случаевъ: въ одномъ это было горничная дѣвушка, въ другомъ неизвѣстное лице. Изъ случаевъ такъ называемаго частнаго самосгаранія упоминается о четырехъ, которые будто бы были наблюдаемы сторонними лицами. Но эти случаи частью не оправдываются передъ судомъ критики. Нѣкоторые случаи однакожъ изслѣдованы, но такъ неточно и поверхностно, что никоимъ образомъ не могли быть допущены въ науку. Объ этомъ можно судить по одному недавнему случаю. Нѣсколько недѣль назадъ въ *Gazette des tribunaux* явилось слѣдующее поразительное повѣствованіе: одинъ ремесленникъ въ Парижѣ, слишкомъ часто приносившій возліянія Вакху, поспорилъ съ своимъ пріятелемъ, что онъ проглотитъ зажженную свѣчу. Онъ положилъ ее въ ротъ. Тотчасъ замѣтили синеватое пламя на губахъ, и подошедши ближе, къ ужасу увидѣли, что пожаръ внутри. Послали тотчасъ за врачомъ, но когда онъ пришелъ, голова и грудь несчастнаго были уже обуглены. Въ этомъ разсказѣ сгорѣвшій названъ по имени, равно какъ и харчевня, въ которой совершилось это чудо. Представлены живые свидѣтели. Профессоръ Либахъ тотчасъ обратился къ нѣсколькимъ извѣстнымъ лицамъ въ Парижѣ, чтобы получить отъ

нихъ свѣдѣнія объ этомъ столь же важномъ, какъ и рѣдкомъ событіи. Отвѣтъ уже полученъ. Знаменитые химики Реньё и Пелузъ объявили, что повѣствованіе, сообщенное столь извѣстной газетою, есть чистая выдумка; Пелузъ прибавляетъ, что ни одинъ врачъ въ Парижѣ ни одной минуты не считалъ его за истину. Префектъ полиціи Карліе пишетъ, что по произведенному тщательному изслѣдованію оказалось, что весь разсказъ чистая выдумка!....

.... «Впрочемъ теорія самовозгаранія имѣетъ защитниковъ, съ авторитетомъ, Рудольфи, Тревирана, Нассе и Коппа. Всѣ эти ученые однакожъ стараются объяснить факты какъ данные: ни одинъ изъ нихъ не попытался узнать, вѣрны ли самые факты? Ни одинъ опытъ, сдѣланный ими, не объяснилъ предмета.

«Важнѣ всего то, что *самовозгараніе прямо противорѣчитъ положительно дознаннымъ законамъ природы.* Правда, мы окружены чудесами, и многое необъяснимо для человѣческаго духа, и однакожъ существуетъ. Но ничто противорѣчащее законамъ природы не можетъ ни существовать, ни быть принято мыслию. Самовозгараніе же противорѣчитъ несомнѣннымъ истинамъ физики, химіи, фізіологіи. Вода не горитъ — это очень просто; неоспоримо истинно и то, что тѣло, содержащее въ своемъ составѣ 75 процентовъ воды, не можетъ загорѣться, и во всякомъ случаѣ горѣніе его не можетъ продолжаться. А человѣческое тѣло безъ этого количества воды не можетъ существовать въ нормальномъ состояніи. Съ этимъ связаны важнѣйшія жизненные его отправленія, именно процессы кроветворенія и питанія, равно какъ подвижность тѣла, составляющая первое проявленіе его жизни. Потеря нѣсколькихъ процентовъ воды съ продолженіемъ жизни несовмѣстна; у умирающихъ отъ жажды количество воды уменьшается только на нѣсколько процентовъ.

«Представляютъ два возраженія противъ этихъ положеній. Первое состоитъ въ томъ, что въ тѣлѣ человѣка есть многое, чего химія объяснить не можетъ, и многіе предметы въ соединеніи съ тѣломъ получаютъ особенныя свойства.

Это возраженіе не совѣмъ понятно. Особенной химической истины нѣтъ: это скорѣе столь же рѣшительная истина, какъ въ ариметикѣ дважды два четыре. Очень можетъ быть, что изъ химическихъ истинъ не объяснятся многія явленія въ органическомъ тѣлѣ, но отъ этого химическая истина въ приложеніи къ организму ничуть не перестаетъ быть истинною. Говорятъ во-вторыхъ: въ болѣзненномъ состояніи тѣла многое измѣняется: поэтому можно представить, что и усиленная горючесть тѣла есть форма болѣзни. Если теперь это счесть возможнымъ, то послѣ надобно будетъ счесть возможнымъ все. Аристотель думалъ, что угорь родится самъ собою; въ новѣйшее время думали, что желѣзо образуется въ тѣлѣ человѣка, — но не знали, какъ это дѣлается. А наука доказала, что вещество человеческого тѣла не исчезаетъ; оно приходитъ извнѣ и выводится вонъ. Здѣсь нѣтъ больше творенія: твореніе совершилось, происходитъ только измѣненіе. Наука доказала далѣе, что болѣзненное состояніе тѣла есть незначительное отклоненіе отъ обыкновенныхъ законовъ, совершающееся тоже по законамъ; никогда оно не уничтожаетъ законовъ. Количество воды въ водянкѣ можетъ дойти до 85 процентовъ, въ холерѣ до 45; но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ тѣло не горитъ.

«Но говорятъ: при болѣзненномъ содержаніи виннаго спирта въ тѣлѣ человѣка самосгараніе можетъ сдѣлаться возможнымъ. И это не такъ: процессъ животнаго химизма этому противорѣчитъ. Спиртъ соединяется въ желудкѣ съ большимъ количествомъ составныхъ началъ тѣла, въ жилахъ съ кровью только въ маломъ. Съ кровью онъ приходитъ въ легкія. Здѣсь дѣйствуетъ на него атмосферный воздухъ, съ кислородомъ котораго онъ разлагается на воду и углекислоту. Стало быть, онъ удаляется изъ тѣла. Положимъ однако жъ, что онъ принятъ въ излишнемъ количествѣ: все-таки онъ находится исключительно въ крови, а не другихъ частяхъ тѣла. Въ послѣднемъ случаѣ жизнь не могла бы продолжаться ни минуты.

«Конечно, не разъ случалось слышать, что будто бы у пьяныхъ видали пламя около шеи. Это дѣтская сказка, въ сочиненіи которой принимала большое участіе этимологія.

Горѣлка есть горѣлое вино (*Branntwein ist gebranntes Wein*); говорятъ: меня жжетъ, его жжетъ, онъ горитъ, потому что онъ выпилъ много водки. Такимъ образомъ перемѣшались понятія: стали говорить: онъ сгорѣлъ, потому что вышилъ много водки. Спросите кого угодно: видалъли онъ этотъ огонь? вамъ отвѣтятъ: я не видалъ, а мой товарищъ видѣлъ. А товарищъ скажетъ, что онъ видѣлъ бѣлый паръ, выходившій у пьянаго изъ роту, когда этотъ пьяный лежитъ зимой на улицѣ. Винный спиртъ въ роту можно зажечь также, какъ въ кострюль: но пары виннаго спирта, выходящія изъ легкихъ, никогда. Въ жилы собаки влили большое количество спирта: не удалось воспламенить выдыхаемаго воздуха. Эфиръ воспламеняется, но тотчасъ тухнетъ. И такъ и пьянство не объясняетъ возможности самовозгаранія.

На второй вопросъ отвѣтъ заключается въ немногихъ словахъ. Сгорѣть отъ несчастнаго случая вообще можно только тогда, когда человекъ или упадетъ въ огонь, или кругомъ пожаръ такъ распространится, что всякій выходъ будетъ прегражденъ, или наконецъ когда платье загорится быстро и снизу. Ничего этого здѣсь нѣтъ, притомъ выходъ былъ совершенно возможенъ. Самоубійства посредствомъ сожиганія нельзя представить, потому что, психологически судя, никто не захочетъ подвергнуться долговременнымъ мукамъ такой смерти. Наконецъ физически невозможно, чтобы сторонній человекъ умертвилъ человека единственно посредствомъ сожиганія. Сверхъ того въ тѣлѣ Графини нѣтъ слѣдовъ того, чтобы смерть произошла прямо отъ огня. Обжоги, замѣченные одной свидетельницей на бедрахъ, недостаточно подтверждены; притомъ пузыри могли произойти послѣ смерти отъ дѣйствія на кожу горящихъ угольевъ, спирта и пр. Опыты, произведенные для объясненія этого, показали, что при приближенія огня къ мертвому тѣлу кожа вздувается въ пузыри, потомъ эти пузыри лопаются и содержащаяся въ нихъ жидкость испаряется. Совсѣмъ иное представляютъ пузыри, происходящія отъ обжогъ въ живомъ тѣлѣ.

На третій вопросъ эксперты отвѣчаютъ: несомнѣнно, что тѣло Графини подверглось дѣйствию огня послѣ смерти.

Но какъ она сожжена, для этого, по недостаточности данныхъ, нельзя отвѣчать совершенно положительно. Можно добраться только до большей или меньшей вѣроятности.

1) Нельзя допустить самоубійства. Конечно, можно бы подумать, что Графиня приняла ядъ и зажгла огонь, чтобъ уничтожить слѣды этого дѣла. Но съ этимъ нельзя связать положенія трупа, недостатка ключей, оборваннаго шнура колокольчика и дыма надъ свѣрной трубой зданія. И личныя отношенія этому противорѣчатъ. Снова изслѣдовать трупъ будетъ бесполезно, потому что по истеченіи столь долгаго времени можно отыскать слѣды только металлическихъ ядовъ, но эти яды дѣйствуютъ такъ медленно, что невѣроятно, чтобы они были употреблены въ настоящемъ случаѣ.

2) Невѣроятно, чтобъ здѣсь было болѣзненное состояніе или несчастный случай. Здѣсь можно бы было предположить только обморокъ, ударъ или внезапное оцѣпенѣніе. Но изъ всего дѣла видно, что Графиня при возвращеніи мужа изъ дворца была уже мертва; стало быть Графиня не могла зажечь огня, потому что загорѣлось, безъ сомнѣнія, послѣ семи часовъ. Въ противномъ случаѣ ранѣ замѣчены бы были признаки пожара. Притомъ не найдено ни свѣчь, ни другаго тѣла, могущаго произвестъ воспламененіе, близъ трупа. Тогда должна бы была сгорѣть верхняя, а не нижняя часть бюро, потому что свѣча, упавшая сверху, не могла попасть на нижнюю доску (дно) бюро. Но положимъ, что эта доска загорѣлась, все-таки Графиня прежде пожара должна была упасть со стула, потому что сгорѣла не нижняя а верхняя часть тѣла. Противъ удара говоритъ сложеніе Графини, которое никакъ нельзя назвать апоплектическимъ. Предположеніе обморока или внезапнаго оцѣпенѣнія также не объясняетъ ничего. Отъ горѣнія бюро должно было произойти столько ѣдкаго дыма, что такое состояніе не могло продолжаться. Сверхъ того съ этимъ предположеніемъ несогласны отсутствіе ключей, пожаръ дивана и софы, оборванный шнурокъ и дымъ надъ трубой. Стало быть:

3) Вѣроятно, что Графиня лишилась жизни отъ руки сторовнаго лица. Положительныхъ доказательствъ на это

нѣтъ. Возможны разные способы убійства. Высунутый языкъ указываетъ на удушеніе. Трещина въ черепѣ могла произойти и отъ удара въ голову и отъ огня. Изъ лоскутка шелковой матеріи ничего нельзя вывести, потому что ни химическія изслѣдованія, ни микроскопъ не обнаружили въ немъ кровавыхъ пятенъ. И однакожь убійство вѣроятно, хотя и нельзя предположить, чтобы человѣкъ слабый, каковъ обвиняемый, могъ удушить сильную женщину, какова была Графиня, безъ сопротивленія. Скорѣе надобно думать, что она сперва оглушена ударомъ въ голову, потомъ удушена.

На четвертый вопросъ отвѣтъ экспертовъ двойкій: меньшинство полагаетъ, что бюро зажжено не для того собственно, чтобы сжечь трупъ, хотя это само по себѣ и возможно. Этому противорѣчатъ знаки горѣнія въ самомъ трупѣ. Горѣніе было сильнѣе на лѣвой, чѣмъ на правой сторонѣ тѣла, и только верхнія ея части обуглены, тогда какъ нижнія части должны бы болѣе подвергнуться огню. На мѣстѣ трупа могло не быть слѣдовъ огня: но по крайней мѣрѣ должны оказаться слѣды вытопившагося жира. Потому нельзя объяснить пламени надъ диваномъ, потому что онъ былъ набитъ слоемъ лошадиного волоса въ 2 дюйма толщины, и безъ посторонняго горючаго матеріала не легко могъ бы загорѣться; также безъ посторонняго горючаго матеріала пламя не могло бы подняться на два фута вышины. Поэтому надобно принять, что сначала трупъ горѣлъ на диванѣ, а потомъ перенесенъ къ бюро, гдѣ конечно горѣніе могло продолжаться.

Большинство думаетъ, что трупъ сгорѣлъ именно отъ горѣнія бюро. Температура воздуха и происшедшее отъ горѣнія бюро количество теплоты были достаточны для сожженія трупа на разстояніи двухъ футовъ. Сгорѣло 66 фунтовъ дерева: отъ нихъ произойдетъ 184,800 градусовъ теплоты. Золото, серебро и желѣзо найдены расплавленными, что предполагаетъ по меньшей мѣрѣ 1000° теплоты. Нѣсколько стеариновыхъ свѣчъ обгорѣли на разстояніи 9 футовъ отъ бюро. Оконныя занавѣски истлѣли и распались при малѣйшемъ прикосновеніи. Оклѣйка рамъ зеркала на разстояніи 16 футовъ отстала отъ жару. Все это объясняется и продолжительностію пожара. По всей вѣроят-

ности онъ начался около 8 часовъ и продолжался до 11. Далѣе горѣнію благопріятствовало положеніе трупа. Верхняя часть его отстояла отъ бюро на два фута, нижняя нѣсколько далѣе. Лучистая теплота особенно сосредоточивалась на трупѣ опущенною крышкою бюро. Наконецъ и форма горѣнія подтверждаетъ это мнѣніе. Грудь и голова, лежавшія ближе къ бюро, обуглены: нижняя часть платя такъ сохла, что мѣстами распадалась отъ прикосновенія. Спина обожжена только съ поверхности.

Къ этому большинство прибавляетъ, что сожженіе трупа внѣ комнатъ Графини не доказывается ничѣмъ, кромѣ дыма изъ сѣверной трубы, соединенной съ печью служительской комнаты. Но перенести трупъ въ эту комнату было невозможно. Въ каминѣ передней все оставалось на мѣстѣ. Сожженіе трупа посредствомъ виннаго спирта или подобнаго вещества невѣроятно. Для этого нужны дѣйствія рукъ (манипуляціи), которымъ трудно повѣрить; невозможно далѣе человѣку оставаться въ комнатѣ, гдѣ происходитъ такое сожиганіе, когда двери и окна заперты, Оставить на время комнату тоже нельзя, потому что нельзя было войти послѣ. Притомъ оказался бы запахъ на волосахъ и платѣ сожигателя. Наконецъ самое время говорить противъ сожиганія: нужно было для него по крайней мѣрѣ часъ. Наконецъ психологически невѣроятно, чтобы человѣкъ, совѣсть котораго обременена страшнымъ убійствомъ, могъ исполнить утонченное сожиганіе трупа. Скорѣе можно представить, что убійца сдѣлалъ поджегъ, чтобы скрыть слѣды преступленія, и быстро удалился изъ комнаты. Для тойже цѣли вѣроятно зажженъ и диванъ. Нѣтъ доказательствъ, чтобы онъ былъ зажженъ для истребленія кровавыхъ пятенъ. Невѣроятно напротивъ, чтобы трупъ сперва былъ сожигаемъ на диванѣ, потому что въ такомъ случаѣ замѣтили бы изъ сосѣдняго дома не одно пламя, но и тѣнь человѣка. Притомъ пламя виннаго спирта не ярко и не можетъ быть видно на такомъ разстояніи.

Общее заключеніе экспертовъ состоитъ въ слѣдующемъ: «Графиня Герлицъ умерла и сгорѣла не отъ самовозгаранія. Невѣроятно, чтобы она лишилась жизни чрезъ самоубійство, или отъ болѣзни, или отъ несчастнаго слу-

чал, и сама какимъ бы то ни было образомъ произвела пожаръ, до такой степени разрушившій ея тѣло. Напротивъ, возможно и вѣроятно, что она погибла какимъ бы то ни было образомъ отъ руки другаго лица, которое потомъ зажгло бюро и диванъ, а отъ усиленія горѣнія бюро сгорѣлъ трупъ Графини.»

Въ засѣданіи 2-го Апрѣля снова начался допросъ свидѣтелей. Любопытнѣе всего показаніе аптекаря, доктора Винклера. «Въ одинъ осенній день 1847 года, приходилъ въ аптеку солдатъ, безъ бакенбардъ и усовъ, и спрашивалъ яри для служителя Графа Гёрлицъ. Аптекарь отказалъ на основаніи закона. Послѣ полудня въ тотъ же или въ слѣдующій день пришелъ въ аптеку кучеръ Шембса, разсказалъ, что онъ сейчасъ изъ полиціи, и спрашивалъ, не продавали ли на этихъ дняхъ яри изъ аптеки.» Якобъ Штауффъ отрекся.

Въ засѣданіи 3-го Апрѣля начался окончательный допросъ подсудимыхъ. Якобъ и Генрихъ Штауффъ повторили свои прежнія показанія. Генрихъ Штауффъ жаловался между прочимъ, что въ продолженіе слѣдствія съ нимъ поступали жестоко и держали его въ цѣняхъ. Это было дѣйствительно, какъ видно изъ протокола. За упорное заперательство, сперва въ продолженіе 8 дней ему не давали горячей пищи, потомъ на столько же дней ему надѣли оковы, и потомъ опять повторено первое наказаніе на четыре недѣли. Особенно важно одно обстоятельство. У подсудимаго оказалось кольцо, которое Графъ призналъ принадлежавшимъ его женѣ. По словамъ же подсудимаго оно принадлежало покойной женѣ его, подсудимаго, дочери матроса, на которой женился онъ въ 1815 г. Кольцо было платиновое, а платина въ то время не обрабатывалась на подобныя издѣлія.

За тѣмъ слѣдовалъ допросъ Иоганна Штауффа. Вотъ содержаніе его отвѣтовъ: до полудня 13-го Іюня я, исправивши свои обыкновенныя работы, ходилъ въ церковь и въ полдень обѣдалъ въ гостинницѣ. Оттуда я пошелъ домой. Около $\frac{3}{4}$ третьяго Фридрихъ Шиллеръ сказалъ мнѣ, что онъ хочетъ съ сыномъ сдѣлать прогулку до Эбершштадта. Около $3\frac{1}{4}$ часовъ пошелъ я во дворецъ, и возвра-

тился оттуда черезъ четверть часа. Шиллеръ скоро ушелъ. Около 4 часовъ купилъ я въ лавкѣ Штифбольда сыру и съѣлъ его въ служительской комнатѣ. Потомъ пошелъ вверхъ, чтобы взять салфетку. Сошедши оттуда, передъ своей комнатой нашелъ я жену Шиллера, которая спрашивала меня о мужѣ. Я сказалъ ей, что онъ пошелъ въ Эберштадтъ. Это ей было неприятно и она ушла. Я сѣлъ къ столу и читалъ до 5 часовъ. Въ это время меня позвала Графиня. Она входила въ одну изъ комнатъ верхняго этажа. По обыкновенію я дождался ея выхода и получилъ отъ ней разныя порученія. Я долженъ былъ сходить къ мяснику за мясомъ, позвать къ ней полицейскаго служителя Жильберта, и во вторникъ, или въ среду, провожать ее на могилу матери. Въ тоже время приказала она мнѣ запереть двери внизу, потому что никого не было дома. Я пошелъ потомъ во дворецъ и пришелъ туда около 20 минутъ шестаго. Обѣдъ кончился около половины седьмаго. Пришедши домой, я помогъ Графу раздѣться. Онъ послѣдовалъ тогда въ комнаты Графини, чтобы отдать ей конфекты, но нашелъ дверь передней запертою. На мое замѣчаніе, что Графиня вѣроятно занимается въ верхнемъ этажѣ, онъ отвѣчалъ, что онъ не пойдетъ туда, потому что Графиня не любитъ, чтобы ее беспокоили. Я пошелъ въ свою комнату и сталъ писать письма. Около половины осьмаго слышалъ я, что въ среднемъ этажѣ дважды отворилась дверь. Графъ послѣ объяснялъ, что это отворялась дверь отхожаго мѣста. Скоро потомъ онъ ушелъ. Я убралъ его комнату и подошелъ къ двери дома, куда почталіонъ принесъ газету. Пока я читалъ ее, пришелъ Фр. Шиллеръ изъ Эберштадта, въ разгулѣ, и сказалъ, что я могу идти ужинать. Около 9 часовъ я возвратился опять и вошелъ вмѣстѣ съ Графомъ и женой Шиллера. Послѣдняя увела съ собою мужа и я долженъ былъ раздѣвать Графа. Послѣ этого Графъ спросилъ свой ужинъ, который всегда готовила ему сама Графиня. Я вошелъ вверхъ и стучался у разныхъ комнатъ втораго и третьяго этажа, но нигдѣ не нашелъ Графини. Я сообщилъ это Графу, и онъ побезпокоился самъ поискать жены. Онъ отворилъ своимъ ключемъ ея спальню и гардеробъ: въ послѣднемъ лежали всѣ

шляпы Графини, но ея не было и слѣда. Графъ послалъ меня въ домъ Витгенштейна и Штома узнать, не тамъ ли Графиня. Первый былъ запертъ, въ послѣднемъ Графини не было. Я бѣгомъ возвратился, и Графъ тогда приказалъ мнѣ позвать кучера Шембса, камердинера Шиллера и слѣсаря Форраша. Я побѣжалъ и въ особенности сказалъ Форрашу, что Графини нигдѣ не находится и что онъ тотчасъ долженъ придти и отпереть дверь. Но онъ отозвался болѣзнію. Шембсъ бросился искать другаго слѣсаря. Въ это время на нижней лѣстницѣ оказался дымъ, выходящій изъ камина нижняго этажа, и это послужило поводомъ къ открытію дыма въ передней Графини. Шиллеръ хотѣлъ тотчасъ выбить стекла двери, но Графъ не позволилъ. Я побѣжалъ къ далеко жившему трубочисту, и когда я возвратился, передняя была уже отворена и выломана половинка двери въ жилую комнату. Я вылилъ черезъ эту половинку ведро воды и побѣжалъ на дворъ почерпнуть снова. Когда я возвратился, и эта дверь была отворена и трупъ былъ видѣнъ. Я принесъ еще нѣсколько ведеръ воды и помогалъ вынести диванъ изъ кабинета. Отъ сильной работы мнѣ сдѣлалось дурно, и я ушелъ на короткое время въ служительскую комнату, гдѣ легъ на постель. Жена Шиллера пришла туда и подала мнѣ стаканъ воды для подкрѣпленія. Отдохнувши, я опять пришелъ въ переднюю, и здѣсь Шиллеръ просилъ меня проводить домой жену, которая была въ концѣ беременности, и ночевать у нихъ. Я согласился. Утромъ я всталъ около 4 часовъ, пошелъ въ графскій домъ и отпустилъ кучера Шембса, сторожившаго дверь вмѣстѣ съ полицейскими солдатами. Все время до обѣда я оставался потомъ въ передней. Въ слѣдующій день съ г. Меркомъ и золотыхъ дѣлъ мастеромъ Шмидтомъ выбиралъ я изъ углей украшенія Графини. Въ четвергъ было погребеніе, при которомъ я присутствовалъ. 20-го Іюня Графъ пришелъ ко мнѣ въ комнату и подаль мнѣ пакетъ: въ немъ были золото и камни, которые онъ мнѣ хотѣлъ подарить. Я возразилъ, что я не могу изъ нихъ сдѣлать никакого употребленія; но Графъ отвѣчалъ, что эти вещи завѣщаны другимъ, что я долженъ отдать ихъ отцу, а онъ можетъ продать. При этомъ онъ

велѣлъ мнѣ хранить глубокое молчаніе. Осемь дней спустя, узнавши, что вещи у меня въ домѣ, Графъ велѣлъ вынести изъ дому. Я завернулъ ихъ въ бумагу и спряталъ въ кустарникъ. 7-го Іюля мой отецъ пріѣхалъ въ Дармштадтъ, по моему письму отъ 21-го Іюня, и остановился въ гостиницѣ, гдѣ я нанялъ ему комнату; въ этой комнатѣ было еще четыре постели. Вечеромъ 7-го Іюля отецъ мой приходилъ въ графскій домъ и я далъ ему разное платье для путешествія въ Оденвальдъ. Изъ этой поѣздки я возвратился черезъ два дни. Когда явилась извѣстная статья въ *Deutsche Zeitung*, меня осыпали множествомъ вопросовъ; но я старался вездѣ защищать Графа, какъ слѣдуетъ служителю. Въ концѣ Октября сообщилъ мнѣ одинъ знакомый солдатъ, что меня скоро позовутъ къ допросу, что слѣдствіе началось. Я рассказалъ это Графу и онъ отвѣчалъ: да, Надворный судъ производитъ слѣдствіе. Еще прежде, около 12-го или 14-го Октября, любовница моего брата Якоба писала къ нему, что мой отецъ арестованъ въ Кассель. Я показалъ это письмо Графу, но онъ отвѣчалъ, чтобъ я былъ спокоенъ. Второго Ноября до полудня уголовный судья Гофманъ извѣстилъ, что на слѣдующій день онъ будетъ осматривать домъ. Послѣ полудня полицейскій солдатъ позвалъ меня въ полицію, и оттуда я былъ отправленъ въ тюрьму подъ стражею. На другой день я былъ приведенъ къ слѣдователю г. Гофману и онъ объявилъ мнѣ, что я состою подъ слѣдствіемъ въ покушеніи на отравленіе и въ смерти Графини.»

Касательно покушенія на отравленіе онъ держится прежняго показанія. На вопросъ президента, не знаетъ ли онъ чего еще о смерти Графини, онъ отвѣчалъ: нѣтъ, я оставилъ ее здоровою, а нашелъ мертвою.

Въ утреннемъ засѣданіи 4 го Апрѣля производились очныя ставки обвиняемаго съ нѣкоторыми свидѣтелями. Онъ постоянно держался своихъ показаній. Вдругъ президентъ перервалъ допросъ и сказалъ, что онъ получилъ *спышное* письмо съ клеймомъ «*Augsburey, 2-го Апрель*», и долженъ прочесть его. Подписи нѣтъ. Сочинитель говорить: «Изъ газетъ узналъ я, что въ текущемъ процессѣ

есть еще много пробѣловъ. Я видѣлъ Графиню 13-го Іюня около 5½ часовъ вечера. Она запечатывала письмо, и при этомъ случаѣ я получилъ отъ ней подарокъ. Уходя, я оставилъ дверь не запертою. Ни Графъ, ни Штауффъ по моему невиноваты; смерть произошла отъ несчастнаго случая. Графъ узнаетъ мой почеркъ.» Но ни Графъ, ни Штауффъ не узнали ни почерка, ни печати. Допросъ Штауффа продолжался. Но изъ него не открылось ничего новаго.

Въ послѣобъденномъ засѣданіи начались рѣчи, именно рѣчь обвинителя г. Зиберта.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВѢСТИ ИЗЪ ПАРИЖА. — Въ Парижѣ, въ слѣдствіе стеченія множества неблагопріятныхъ обстоятельствъ, занятіе науками и литературою весьма ослабѣло. Яснѣ всего обнаружился это въ послѣднее время. Институтъ ежегодно присуждаетъ премію въ 10,000 франковъ за сочиненіе, которое содержало бы въ себѣ лучшія и основательнѣйшія изслѣдованія по части Французской исторіи. Когда Б. Жоберъ учредилъ эту премію, она нашла порицателей, утверждавшихъ, что она подастъ поводъ къ появленію въ свѣтъ многихъ незрѣлыхъ и наскоро написанныхъ сочиненій; это опасеніе было не совсѣмъ неосновательно, хотя при слабыхъ сочиненіяхъ на предложенную тему явилось не мало и дѣльныхъ. Въ послѣдніе же два года почти не было соискателей на премію. Въ нынѣшнемъ году обычный срокъ миновалъ, прошло двѣ недѣли послѣ срока, а въ Институтъ представлено только три сочиненія, изъ коихъ ни одно не написано на предметъ, назначенный для соисканія преміи. Эти три, представленные на конкурсъ, сочиненія суть: 1) Фрежье (Frégier, Histoire de la police de Paris) Исторія Парижской полиціи. Книга весьма любопытная, но она содержитъ въ себѣ не ученыл историческія розысканія, а административныя свѣдѣнія и анекдоты. 2) Жаль (Jal, Dictionnaire historique des termes de marine) Историческій словарь морскихъ терминовъ, употребляемыхъ у разныхъ народовъ, по части мореплаванія. 3) Третье сочиненіе есть собраніе депешъ Французскихъ

пословъ въ Константинополь, извлеченное изъ Французскаго архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и изданное Шарьеромъ. Все это книги важныя и чрезвычайно-дѣльныя, но въ нихъ нѣтъ ученыхъ изслѣдованій объ исторіи Франціи. — Огромное и монументальное сочиненіе Ботта: «*Monuments de Ninive*» — теперь окончено; оно состоитъ изъ 5 томовъ, въ листъ большаго формата. Первый томъ содержитъ текстъ описанія и нѣсколько изслѣдованій Ботта; два тома — изображенія статуй и другихъ предметовъ, найденныхъ въ развалинахъ Ниневіи; два послѣднихъ снимки съ надписей. Изданіе великолѣпно, что, въ настоящее время, большая рѣдкость во Франціи. Нынѣшнее правительство, ея, дѣйствуя въ духѣ противорѣчія Людовику-Филиппу, употребившему, особенно въ послѣдніе годы своего царствованія, огромныя суммы на литературныя предпріятія, отказывается въ средствахъ для исполненія самыхъ полезныхъ начинаній. Министръ Народнаго Просвѣщенія предположилъ было заняться распоряженіями о путешествіяхъ, предпринимаемыхъ съ ученою цѣлью, но Народное Собраніе отказало въ деньгахъ для этихъ путешествій. Тѣмъ не менѣе Министръ началъ издавать журналъ подъ заглавіемъ: *Archives des missions scientifiques*; цѣль его — представить наставленія и свѣдѣнія, могущія содѣйствовать успѣху и пользѣ ученыхъ путешествій, которыя будутъ предприняты при первыхъ средствахъ. Этотъ журналъ будетъ заключать въ себѣ инструкціи прежнимъ путешественникамъ отъ Института, и ихъ донесенія правительству объ успѣхѣ возложенныхъ на нихъ порученій; что такое изданіе будетъ полезно для и образованія путешественниковъ, и для распространенія въ читающемъ мірѣ собранныхъ ими свѣдѣній, — объяснять не нужно. Первая книжка содержитъ: описаніе Аѳинскихъ пропшлей, Эмиля Бюрнуфа (не знаменитаго ориенталиста, а его племянника); извѣстіе о бумагахъ Вольтера, находящихся въ Петербургскомъ Эрмитажѣ, Леузонъ Ледюка, и инструкціи, данныя Институтомъ гг. Дарембергу и Ренану, отправленнымъ въ Италію для розысканій въ тамошнихъ бібліотекахъ. Этого изданія будетъ выходить въ годъ 12 книжекъ, которыя стоятъ 12 франковъ.

Замѣчательнѣйшее и почти единственное извѣстіе по части классической литературы есть слѣдующее: Мюллеръ, библиотечарь Парижской публичной библиотеки, открылъ въ Испаніи доселѣ нигдѣ не напечатанное сочиненіе Оригена противъ гностиковъ, и печатаетъ его теперь въ Лондонѣ. Почему же не въ Парижѣ? — спросите вы; а потому, что при всеобщемъ нерасположеніи къ классической литературѣ, не нашлось здѣсь ни одного книгопродавца, который бы взялъ на себя изданіе этой книги. Не прискорбно ли слышать, что во Франціи занятіе классическими произведеніями разныхъ литературъ ослабѣваетъ день ото дня. — Вы спросите: что за причина всеобщаго упадка во Франціи занятій классическими древностями и вообще упадка умственной дѣятельности? Мы знаемъ три причины: первая и главная — безпрестанныя народныя волненія, заставляющія всякаго мирнаго гражданина заботиться о сохраненіи личной безопасности, о спокойствіи, семействѣ и цѣлости имущества — и неоставляющія ему свободнаго времени, необходимаго для занятія науками; вторая причина — дурное устройство университетовъ; третья столичная монополизациа, отнимающая у таланта всякую возможность развиваться въ провинціи и сдѣлаться извѣстнымъ, и тѣмъ осуждающая на бездѣйствіе множество дарованій, не имѣющихъ средствъ дѣйствовать въ столицѣ. Впрочемъ, и эти три причины все-таки еще недостаточно объясняютъ столь прискорбное явленіе охлажденія къ наукѣ и литературѣ одного изъ просвѣщеннѣйшихъ народовъ новаго времени.

НОВѢЙШІЯ ИЗВѢСТІЯ ОВЪ ОБИТАТЕЛЯХЪ И ДРЕВНОСТЯХЪ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ. — Скуейръ (Squier), отправленный правительствомъ Северо-Американскихъ Штатовъ въ центральную Америку съ дипломатическими порученіями, въ письмѣ своемъ оттуда «Американскому Этнологическому Обществу», сообщаетъ слѣдующія занимательныя подробности о жителяхъ и древностяхъ центральной Америки:

«Хотя мои должностныя занятія и оставляли мнѣ мало досуга, я всячески старался посвятить розысканіямъ

о древностяхъ страны всѣ свободныя минуты, которыми могъ располагать, какъ во время самаго хода переговоровъ, такъ и по окончаніи ихъ. Мнѣ удалось пріобрѣсти въ высшей степени довѣріе Индійской части туземнаго народонаселенія: я составилъ словари нѣкоторыхъ его нарѣчій, а Индійское народонаселеніе (pueblo) Субтіавы поднесло мнѣ формальный *адресъ* на первоначальномъ языкѣ своего племени, и, по первому моему знаку, готово было взяться за оружіе. Одинъ изъ членовъ депутаціи, представившей мнѣ адресъ, воскликнулъ съ страшной энергіей: «Долго, слишкомъ долго пята гордаго Испанца стояла на шеѣ бѣднаго Индійца! Сыны Вашингтона! освободите насъ: вся наша надежда на васъ; мы ненавидимъ Испанцевъ!» Да не покажется страннымъ, что Индїецъ говоритъ о Вашингтонѣ; имя этого просвѣтителя и освободителя Америки извѣстно на всемъ ея пространствѣ: *«Боже да помилуетъ сыновъ Вашингтона!»* обыкновенное привѣтствіе Индїйца жителю Северо-Американскихъ Штатовъ. Жители Субтіавы вырыли для меня изъ земли значительное число находившихся тамъ идоловъ, и въ настоящее время, отрываютъ ихъ все болѣе и болѣе; но исполняютъ это подѣ тѣмъ условіемъ, чтобы я, посѣщая ихъ, не имѣлъ при себѣ ни одного Испанца, и чтобы, по возможности, скрывалъ отъ Испанцевъ тѣ мѣста, гдѣ они зарывали памятники своего прежняго богослуженія. Идолы, найденные въ Субтіавѣ, относительно работы и отдѣлки, очень походятъ на открытые недавно въ Копанѣ, но менѣе тѣхъ величиною; назначеніе же имѣли, по всей вѣроятности, одинаковое съ ними или, по крайней мѣрѣ, подобное. У меня есть теперь осемь идоловъ различной величины, отъ $5\frac{1}{2}$ и до 8 футовъ въ вышину, и отъ 4 до 5 футовъ въ окружности. У всѣхъ почти идоловъ лица изуродованы; въ этомъ явленіи я нахожу одно изъ доказательствъ фанатизма Испанцевъ, которые старались распространить святое ученіе Христа не убѣжденіемъ, а силою: слѣдствіемъ такого образа дѣйствій было то, что Индїйцы, сдѣлавшись христіанами по наружности, въ глубинѣ сердца остались вѣрны заблужденіямъ своихъ предковъ. И нынѣ, когда звонъ колоколовъ съываетъ въ храмы христіанъ, не одинъ

суевѣрный Индѣецъ спѣшитъ помолиться богамъ полей о счастливой жатвѣ, принести имъ въ жертву *тисту* (смѣсь печеной кукурузы, сахарнаго тростника и воды), или, тайкомъ, сжечь немного древесной смолы передъ истуканомъ, сдѣланнымъ изъ глины или обтесаннаго камня, и тщательно скрывааемымъ отъ католическаго священника въ самомъ отдаленномъ углу хижины. Индѣйцы Центральной Америки превосходятъ недовѣрчивостію и скрытностію своихъ сѣверныхъ единоплеменниковъ: причиною тому постоянныя преслѣдованія католическаго духовенства. Нѣкоторые изъ собранныхъ мною идоловъ украшены довольно искусно сдѣланнымъ головнымъ уборомъ, находимымъ и на Копанскихъ; у одного идола на рукѣ щитъ, другой подпоясанъ и на поясѣ виситъ голова; на головѣ третьяго идола—челюсти ааллигатора. Вообще всѣ эти идолы весьма древни; преданіе о мѣстахъ, гдѣ они зарыты, переходитъ между Индѣйцами отъ одного поколѣнія къ другому; въ одномъ урочищѣ, не подалеку отъ Леона, земля покрыта обломками идоловъ; отсюда можно заключить, какъ много было ихъ некогда въ этомъ мѣстѣ. Какъ важные пункты Индѣйскаго богочитанія, заслуживаютъ еще особеннаго вниманія острова Ометепе, на озерѣ Никарагуа, и всего, болѣе Момотомбита, на озерѣ Монагуа. Въ началѣ Іюля 1849 года, я отправился на островъ Момотомбиту; когда я приближался къ нему, уже наружный видъ его поразилъ меня: представьте себѣ массу земли, вулканическимъ изверженіемъ выдвинутую изъ-подъ поверхности водъ въ формѣ кегля, или почти правильнаго конуса. Рядомъ съ этимъ островомъ высится исполинскій великанъ Момотомбо; его обнаженная и почернѣвшая почва постоянно курится отъ дѣйствія подземнаго огня. Наружность острова Момотомбиты свидѣтельствуетъ о томъ, что здѣсь некогда было одно изъ главныхъ капищъ мрачнаго, грубаго и кровожаднаго идолослуженія Индѣйцевъ; и еще нынѣ въ дремучихъ лѣсахъ, покрывающихъ Момотомбиту, находятъ много чудовищныхъ и уродливыхъ кумировъ, совершенно соответствующихъ суевѣрному характеру ихъ первобытнаго богослуженія. Значительное число идоловъ разбито, и

обломки ихъ покрываютъ землю; иные были увезены, но и до нынѣ ихъ осталось еще много. Одинъ изъ нихъ, превосходящій величиною всѣ прочіе, мнѣ удалось сдвинуть съ мѣста, съ неимоверными трудами перенести на лодку, и, послѣ весьма опаснаго плаванія въ темную ночь и сильную бурю, переправить черезъ озеро, шириною въ 15 Англ. миль, въ ботъ, едва бывшемъ въ состояніи вынести такую тяжесть. Двѣнадцать человекъ съ большимъ трудомъ сдвинули съ мѣста эту статую, и протаскивъ ее чрезъ небольшое пространство, выбились изъ силъ. Индійцы, служившіе мнѣ гребцами, увидя, что я прибылъ къ нимъ съ такимъ грузомъ, пришли въ ужасъ, и то набожно крестились, то громко посылали обѣты всѣмъ духамъ-покровителямъ озера. Благополучно переправивъ мою находку по водѣ, я едва нашелъ повозку довольно крѣпкую, чтобы перевезти ее въ городъ. Нѣсколько повозокъ сломалось прежде. Теперь я предполагаю и этого идола, и еще 10 или 12 другихъ отправить въ Вашингтонъ, черезъ Реалею и Канъ-Горнъ.

Возвращаясь къ острову Момотомбитъ. По моимъ наблюденіямъ я заключаю, что здѣсь, первоначально, было собраніе идоловъ различной величины, числомъ отъ 30 до 40, и что они были поставлены въ видѣ правильнаго четверугольника и лицами къ срединѣ острова; работа этихъ идоловъ не одинакова: одна искуснѣе, другая грубѣе. Какъ великъ былъ четверугольникъ, съ достовѣрностью опредѣлить невозможно; но немногочисленные, еще уцѣлѣвшія на его мѣстѣ статуи и ихъ обломки говорятъ въ пользу нашей главной догадки. Какъ новое свидѣтельство того, что въ Индійскомъ богопочитаіи господствовало вѣрованіе въ два противоположныя начала (активное или дѣятельное и пассивное или страдательное), любопытно то обстоятельство, что изъ находимыхъ здѣсь идоловъ одинъ мужскій, другой, непременно, женскій, потомъ опять мужской, за нимъ женскій и т. д. — Индійцы, живущіе въ Гондурасѣ, пишутъ Геррера, поклоняются двумъ идоламъ, одному мужскому, а другому женскому: перваго они называютъ *великимъ отцомъ*, втораго *великою матерью*. Далѣе тотъ

же писатель говоритъ, что Индійцы поклонялись солнцу и лунѣ, какъ представителямъ, первому мужскаго начала, а второму женскаго. Индійцы сообщили мнѣ свѣдѣнія и о другихъ мѣстностяхъ, гдѣ находятся памятники ихъ первобытнаго богопочитанія; предполагаю осмотрѣть ихъ самъ, и не буду покуда сообщать здѣсь слышаннаго мною. Но считаю обязанностью упомянуть, что, въ самое недавнее время, въ области Вера-Пацъ (въ 150 миляхъ на сѣверъ отъ Гватемалы), среди дремучаго лѣса и вдали отъ всякаго жилья, найдены развалины обширнаго города. Если вѣрить очевидцамъ, эти развалины, и величиною, и изяществомъ, далеко превосходятъ древности Копана и Паленке, и до такой степени носятъ на себѣ печать высокаго архитектурнаго достоинства, что оставляютъ за собою все лучшее, что, въ этомъ отношеніи, представляетъ Юкатанъ. Правительство Гватемалы отправило было комиссію для разсмотрѣнія и описанія этихъ развалинъ; но внутреннія смуты, непрерывно волнующія эту несчастную страну, прервали занятія комиссіи въ самомъ ихъ началѣ, и она возвратилась въ Гватемалу съ весьма немногими, далеко несовершенными рисунками и маловажными древностями. Лишь только занятія мои по службѣ дадутъ мнѣ время, я отправлюсь въ Вера-Пацъ, и осмотрю какъ недавно найденныя развалины, такъ и другіе, весьма замѣчательные, памятники древностей, находящіеся по близости отъ Вера-Паца, т. е. въ Гондурасъ и Сан-Сальвадоръ, — памятники, доселѣ никѣмъ еще не описанные».

ВНУТРЕННЯЯ ИЗВѢСТІЯ.

САБАНЪ И ДЖИНЪ,

НАРОДНЫЕ ТАТАРСКИЕ ПРАЗДНИКИ.

(Изъ записокъ о Казанской губерніи.)

У Казанскихъ Татаръ всего четыре праздника: Сабанъ, Джинъ или Зинъ, Рамаданъ и Курбанъ. Два первые — гражданскіе или народныя; остальные два чисто религиозныя, свойственныя всѣмъ мусульманамъ. Я хочу рассказать только о двухъ первыхъ, какъ болѣе интересныхъ и принадлежащихъ, кажется, одному здѣшнему краю.

Сабанъ — празднуется предъ наступленіемъ полевыхъ работъ, на что указываетъ нѣкоторымъ образомъ и самое его названіе, потому что слово *Сабанъ* на Татарскомъ языкѣ означаетъ *соху* или *плугъ*. Впрочемъ не вездѣ отправляется онъ въ одно и то же время: въ одномъ мѣстѣ и въ иной годъ раньше, а въ другомъ позже, смотря по благопріятности погоды. Въ деревняхъ празднуется Сабанъ вскорѣ послѣ того, какъ сойдетъ съ полей снѣгъ; въ самой же Казани гораздо поздне, между 15 Мая и 15 Юня, въ особенности потому, что долина, на которой обыкновенно происходятъ игры, только къ этому времени освобождается совершенно отъ разлива весенней Волжской воды.

Когда наступитъ время совершенія Сабана, по улицамъ Казани, особенно тѣмъ, которыя прилегаютъ къ Татарскимъ слободамъ, появляются глашатае. Они бѣгаютъ, махая платками (большею частію красными), привязанными къ палкѣ, и кричатъ: «Сабанъ! Сабанъ!» Такимъ образомъ приглашаются на праздникъ правовѣрные и самые Русскіе.

Мѣсто, гдѣ обыкновенно происходитъ торжество Казанскихъ Татаръ, лежитъ верстахъ въ четырехъ отъ города, за Ново-татарскою слободою, въ довольно красивой равнинѣ, окаймленной холмами, кустарниками и небольшими деревьями. Сюда ежедневно въ продолженіе Сабана, (а надобно замѣтить, Сабанъ продолжается цѣлую недѣлю, отъ пятницы и до пятницы) съ полудня или часовъ съ двухъ съѣзжаются и сходятся Татары; иные привѣзжаютъ изъ окрестныхъ селеній, хотя и тамъ также, какъ сказано, отправляется этотъ праздникъ. Увеселенія преимущественно состоятъ въ борьбѣ и скачкѣ на лошадахъ. Для ратоборства борцовъ устраивается арена, обозначаемая веревкою, укрѣпленною на кольяхъ; для наблюденія за порядкомъ избираются особыя лица, которыхъ называютъ—увы! перековерканнымъ Нѣмецкимъ словомъ — «бурмистрами;» они же разбираютъ недоумѣнія или споры, возникшіе между борцами или скакунами.

Борьба происходитъ такимъ образомъ: двое борцовъ, легко одѣтые и всегда подпоясанные кушаками, выходятъ на арену, берутъ другъ друга за кушаки, изгибаются и употребляютъ всѣ усилія и все искусство повалить одинъ другаго. Кружокъ любопытныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ нелицепріятныхъ судей, обступаетъ ихъ со всѣхъ сторонъ и поощряетъ восклицаніями. Громкій смѣхъ многочисленной толпы зрителей приводитъ въ стыдъ побѣжденнаго; денежная награда или кусокъ китайки, платокъ — достаются побѣдителю. Эти призы собираются заранее и бываютъ иногда довольно значительны.

Скачка обыкновенно служитъ заключительнымъ увеселеніемъ: нѣсколько молодыхъ Татаръ, иногда даже мальчиковъ, готовыхъ вступить въ состязаніе, выстраиваются въ ряды, потомъ отъѣзжаютъ отъ мѣста игръ версты на двѣ или болѣе, между тѣмъ какъ въ это время къ длинному шесту привязываютъ призовые вещи: бѣлую миткалевую рубашку, кусокъ китайки, платокъ и т. под. Вещи эти, какъ увѣряютъ, собираются съ тѣхъ, кто вступилъ въ настоящемъ году въ супружество.—Съ гиканьемъ обратно пускаются отъѣхавшіе всадники; удары нагаекъ сыплются на маленькихъ и невидныхъ лошадей, а крики пред-

стоящихъ еще болѣе побуждаютъ этихъ животныхъ скакать во всю мочь. И вотъ, опередившій всѣхъ прискакалъ уже къ мѣтѣ, — быстро и ловко сдерживаетъ онъ разъярившагося коня, — и, самодовольный, поджидаетъ отставшихъ товарищей. Ему достается богатѣйшій призъ — рубашка, второму — кусокъ китайки, и т. д.

Интересна игра слѣдующая: человѣкъ двадцать, или болѣе, или менѣе, смотря по числу охотниковъ и ловкихъ въ этой игрѣ, — потому что она вся основана на ловкости и проворствѣ играющихъ, — садятся по-Турецки въ кружокъ, на разстояніи другъ отъ друга аршина на два или на сажень. Одинъ изъ играющихъ, по жребію или по собственному вызову, выходитъ изъ круга и становится шагахъ въ трехъ отъ сидящихъ. Между тѣмъ сидящіе дѣлаютъ круглый и туго связанный узелъ изъ снятыхъ верхнихъ одеждъ и начинаютъ перебрасывать его изъ рукъ въ руки. Вышедшій изъ круга обязанъ поймать этотъ узелъ и непременно въ то время, когда играющій не успѣлъ еще выбросить его изъ рукъ; подхватывать на лету не позволено. Сидящіе обязаны бросать узелъ не иначе, какъ по порядку; но позволено давать ему и обратное движеніе. У кого узелъ будетъ пойманъ, тотъ выходитъ изъ круга, а ловившій садится на его мѣсто. — Условія игры нарушаются, если ловящій хвастается своею ловкостію: тогда всѣ сидящіе привстаютъ на колѣна, и узелъ летитъ уже не по порядку, а черезъ человѣка, черезъ двухъ, даже чрезъ весь кругъ, на противную сторону, то вправо, то влево: измученный ловецъ мечется во всѣ стороны, хоть и остроты оглушаютъ его.... ему даютъ вздохнуть, роняютъ узелъ.... въ это время онъ долженъ снова отойти отъ круга на три шага, и едва отошелъ, какъ узелъ снова начинаетъ быстро летать отъ одного къ другому....

Не смотря на всю шумность подобныхъ увеселеній, случаевъ неблагопріятныхъ не бываетъ: ссоры и драки не происходятъ, хотя нынѣ послѣдователи Алкорана и частенько преступаютъ заповѣдь своего пророка. Женщины хотя и присутствуютъ на Сабанѣ, но не принимаютъ общаго участія въ этихъ веселостяхъ, а помѣщаются вдали отъ всѣхъ играющихъ и бояливо посматриваютъ изъ ки-

битокъ или палатокъ, раскинутыхъ подъ кустами, гдѣ не рѣдко увидишь курящійся самоваръ, необходимую утварь почти каждаго Татарскаго дома.

Кромѣ описанныхъ забавъ въ прежніе годы на Сабанѣ происходила еще слѣдующая игра, нынѣ почти совсѣмъ оставленная. Четверо или пятеро Татаръ ложатся на землю ницъ лицомъ, плотно прижимаясь другъ къ другу. Ихъ накрываютъ кожею. Одинъ изъ Татаръ, начальникъ въ этой игрѣ, долженъ бываетъ защищать лежащихъ отъ нападеній другой партіи, которая наступаетъ со всѣхъ сторонъ и бьетъ лежащихъ жгутами, свитыми изъ кушаковъ. Начальникъ, съ своей стороны, всячески изыскиваетъ случай ударить котораго-нибудь изъ атакующихъ ногою. Съ большимъ трудомъ удается ему сдѣлать это, потому что, будучи привязанъ за руку веревкою, которую держатъ лежащіе Татары, онъ не можетъ далеко преслѣдовать нападающихъ. Послѣ удачнаго удара партія смѣняется и лежавшіе заступаютъ мѣсто нападавшихъ, а тѣ ложатся. — Нынѣ, какъ я сказалъ, игра эта рѣдко повторяется, и вообще Сабанъ уже много потерялъ своей пышности и великолѣпія, какими отличался въ былые годы. Тогда для празднованія Сабана Татары собирались на историческое Арское поле (теперь почти совсѣмъ застроенное), и нерѣдко богатый купецъ угощалъ своихъ единовѣрцевъ роскошною (въ восточномъ вкусѣ) трапезою.... Это называлось *Туй*. Теперь этого не встрѣтишь.

Оставляя нынѣшній Сабанъ, перенесемся въ прошедшее и поищемъ тамъ происхожденія этого праздника, попытаемся открыть, откуда взялись эти скачки, этотъ обычай бороться, не слишкомъ согласные съ лѣтними нравами жителей восточныхъ городовъ. Вспомните только нѣсколько фактовъ изъ первыхъ временъ Каванскаго цар-

---

* *Туй* — собственно угощеніе, пиръ, — нынѣ соблюдается только у кочевыхъ Киргизовъ и Башкировъ. Небывротныя количества мяса всѣхъ сортовъ, кумыса и Азіатскихъ сластей востребляются на этихъ Туяхъ. Но въѣкъ XIX распространилъ экономію повсюду, и нынѣ *Туй* даже у Киргизовъ становится анахронизмомъ, непозволительною роскошью. — См. «*Киргизскій Туй*» въ Журналѣ Мин. Вн. Дѣлъ 1849 г.

ства: вспомните, какъ Батыевы Монголы разорили Болгарь и раскинули свои шатры вокругъ ихъ развалинъ, а побѣжденные стали передавать свои обычаи побѣдителямъ, и наоборотъ. Здѣсь-то надобно испать начала воинственныхъ привычекъ, которыхъ слѣды мы видимъ на Сабанѣ; скачка—слѣдствіе обычая щеголять и хвастать лошадьми, борьба — признакъ уваженія къ тѣлесной силѣ, напоминаютъ обычаи Монголовъ древнихъ и нынѣшнихъ. И такъ начало Сабана, по всей вѣроятности, надобно отнести къ эпохѣ соединенія Болгарь съ Монголами, къ соединенію мирныхъ обычаевъ побѣжденныхъ съ воинственными цотъхами побѣдителей. Конечно, этому, повидимому, противорѣчить названіе самаго праздника — *Сабань*, которое, по значенію своему, какъ мы знаемъ, указываетъ на принадлежность его народу земледѣльческому. Но какъ бы то ни было, у Монголовъ существовалъ издревле и существуетъ нынѣ праздникъ, почти совершенно сходный съ Сабаномъ.

Живое, радостное чувство, производимое обновленіемъ природы, при наступленіи весны, доступно всѣмъ народамъ, не исключая дикихъ и кочевыхъ. Народы въ различныхъ странахъ различно выражали это чувство, которое Калмыки и Татары-азычники изливаютъ и нынѣ на праздникѣ *Урусъ-сара* = мѣсяць Урусъ = мѣсяць перваго молока. Время, въ которое онъ происходилъ и происходитъ, такъ близко совпадающее съ временемъ *Сабана*, и самое сходство обрядовъ, указываютъ на одинаковость значенія обоихъ праздниковъ. Это тотъ самый праздникъ, о которомъ упоминаетъ въ своемъ путешествіи Рубруквисъ*.

Вотъ краткій очеркъ того, какъ Монголы празднуютъ этотъ полевой праздникъ. Кочевые народы не имѣютъ нашихъ великолѣпныхъ храмовъ; собираются они для богослуженія при ортаряхъ, приготовленныхъ самою при-

* См. *Voyages et observations...* par Bergeron, Ch. XL, 11. — См. также *Дорджи-Банзарова*, Черная Вѣра или шаманство у Монголовъ. Казань 1846 г., стр. 57-я. Вообще свѣдѣніями объ этомъ праздникѣ, какъ онъ совершается въ древности и какъ совершается у Монголовъ нынѣ, обязанъ тому же ученѣйшему Монголу Дорджи-Банзарову, Кандидату Казанскаго Университета, нынѣ чиновнику особыхъ порученій при Г. Генералъ-Губернаторѣ Восточной Сибіри.

родю: около холмовъ и горъ, на которыхъ дѣлали (и нынѣ дѣлаютъ) небольшія насыпи, — это *Обоны*, посвященныя божествамъ мѣста. Въ древности народъ собирался туда, предводимый шаманами. Приносили съ собою вина, мяса, кумыса и прочаго. Малая часть этихъ припасовъ употреблялась на жертву богамъ, которыхъ шаманъ призывалъ въ особыхъ гимнахъ: онъ молилъ ихъ даровать народу здравіе, плодородное лѣто, обиліе травъ и умноженіе стадъ. Въ заключеніе происходили игры, о которыхъ скажемъ ниже. Такъ было въ Монголіи до внесенія въ нее Буддизма.

Но *Обоны* пережили самую вѣру шамановъ и сохранились до нынѣ, перемѣнивъ лишь нѣсколько свое старинное назначеніе, потому что новая вѣра требовала того. Наружный видъ нынѣшнихъ *Обонъ* не многимъ отличается отъ древнихъ; за то обряды перемѣнились: вмѣсто шамановъ и ихъ кровавыхъ жертвъ, являются ламы съ приношеніемъ земныхъ плодовъ и произведеній скотоводства. Народъ собирается къ *Обонамъ* также охотно, какъ и въ старину, одѣтый по праздничному и красуясь на лучшихъ коняхъ, и никто изъ среды его не почтетъ тягостью пожертвовать для общественнаго угощенія извѣстнымъ количествомъ вина и съѣстныхъ припасовъ.

Но дѣло здѣсь не кончается однимъ только пиrowаніемъ: ему предшествуютъ борьба и скачка. Хозяева задолго до назначеннаго дня приготавливаютъ своихъ лошадей къ бѣгу, кормятъ ихъ легкимъ кормомъ, дѣлаютъ имъ репетиціи и проч.; однимъ словомъ, на это, т. е. на успѣхъ своихъ лошадей, смотрятъ, какъ на весьма важное дѣло. Въ то время, какъ народъ собирается около *Обона* для совершенія обрядовъ, бѣгуны дѣляются туда же, вычищенные и убранные, т. е. хохлы и хвосты ихъ перевязаны тоненькими ремешками, и при нихъ уже мальчики, которые будутъ управлять ими. Они не одѣваются ни во что, кромѣ рубашекъ и другихъ необходимыхъ нарядовъ, и садятся на лошадей безъ сѣделъ. Когда соберутся всѣ бѣгуны (иногда бываетъ болѣе сотни, а иногда и двѣ), то опредѣляется, сколько лошадей, разумѣется начиная съ первой, обогнавшей всѣхъ прочихъ, должны получить награды и быть вос-

иты предъ народомъ. Послѣ того бѣгуновъ отвздать отъ Обона версть на десять или больше и пускають по командѣ. Между тѣмъ коленіе пощилось, народъ идетъ къ мѣсту, гдѣ находится мѣта для бѣгуновъ, всѣ глаза устремлены въ ту сторону, откуда должны причяться они. Наконецъ, къ удовольствію народа, поднимается пыль и слышимъ голоса... и вотъ прибѣгаетъ счастливый побѣдитель; громогласныя восклицанія приветствуютъ его. — Пестрая масса народа волнуется и подвигается къ верховымъ лошадямъ своимъ, всѣ садятся на коней и отправляются куда-нибудь къ юртѣ. Здѣсь всѣ садятся на войлокахъ, подъ открытымъ небомъ, образуя два параллельные полукруга; въ срединѣ сидятъ почетнѣйшія лица, на одномъ концѣ женщины, на другомъ всѣ прочіе. Вдругъ голоса умолкають, и къ центру полукруга подѣзжаетъ верхомъ молодой человекъ, хорошо одѣтый, вѣдъ за собой перваго бѣгуна, обращается къ первенствующему лицу собранія, пронанося всѣ его титулы, и стихами (готовыми или импровизированными) начинаетъ выхвалять достоинства коня, не забывая и счастливаго хозяина. Эта сцена повторяется столько разъ, сколько лошадей назначены награды. Впрочемъ, къ чести степныхъ поэтовъ, надобно сказать, что стихи, произносимые ими въ честь коней, не однообразны и не лишены поэтическихъ красотъ.

За тѣмъ начинается борьба. Борцевъ покрываютъ халатами, подводятъ каждаго изъ нихъ къ почетному лицу, которое считается его покровителемъ. Послѣ поклона предъ нимъ, атлетъ получаетъ отъ него родъ благословенія, и его вѣдутъ на арену, т. е. въ средину полукруга. Здѣсь водятъ соперниковъ кругомъ, все еще покрытыхъ: вдругъ отнимають покрывало; борцы являются нагіе, прикрытые самымъ необходимымъ только платьемъ, и грозно ходятъ другъ за другомъ, стараясь уловить соперника. Наконецъ одинъ пользуется счастливою минутою, хватаетъ соперника, и ловкимъ ударомъ въ ногу, или гибкимъ изворотомъ тѣла, валитъ его на землю. Его въ мигъ накрываютъ халатомъ, при крикахъ торжествующей стороны, потому что для большаго интереса, при борьбѣ, зрители дѣлятся

на двѣ партіи и каждая партія беретъ исключительное участіе въ одномъ только борцѣ.

Изъ этого разительнаго сходства между Обономъ и Сабаномъ можно заключить и объ ихъ первоначальномъ родствѣ. Дѣло въ томъ, что Булгары, какъ народъ промышленный и земледѣльческій, праздновали ежегодно начало земледѣлія подъ именемъ Сабана (плугъ), и Монголы, покоривъ Булгаръ, прибавили къ Сабану скачку и борьбу и тѣшились на Сабанѣ, какъ на родинѣ своей, Монголіи, при Обонахъ.

Теперь перейдемъ къ Джинну.

Вскорѣ послѣ Сабана слѣдуетъ другой Татарскій праздникъ *Джинъ*, или *Зинъ*, носящій два эти названія по свойству Татарскаго языка измѣнять звуки *дж* въ *з*, или простое *и* въ *джи**. Слово Джинъ или Зинъ значитъ по-Русски *собраніе*; *сборище*, или, по объясненію одного мнѣ знакомаго халатника-Татарина : *балъ*, *клубъ*!!!

Праздникъ этотъ принадлежитъ собственно жителямъ деревень, а въ городахъ не отправляется. Онъ продолжается въ теченіе семи недѣль каждую пятницу (*чжума*), которая, какъ извѣстно, считается у мусульманъ начальнымъ днемъ недѣли, какъ у насъ воскресенье. При томъ должно замѣтить, что Зинъ не празднуется въ одной и той же деревнѣ во всѣ семь пятницъ, но переносится изъ одного мѣста въ другое, и даже въ этихъ случаяхъ получаетъ новыя названія, чаще по имени деревень, въ которыхъ совершается. Праздникъ этотъ сдѣлался народнымъ или общественнымъ изъ семейнаго, какъ объясняютъ сами Татары, потому, что каждый семьянинъ, особенно зажиточный, желаетъ отправить его для своихъ знакомыхъ и даже считаетъ это обязанностію; но какъ для всѣхъ въ такомъ случаѣ не могло бы достать времени, то жители

* На примѣръ: *иммуртко* — *джимуртко* — лицо, *юкъ* — *чюкъ* — нѣтъ, и т. п. — Такая разница въ произношеніи многихъ словъ слышится въ разныхъ мѣстахъ Казанской губерніи, но опредѣлить, гдѣ оканчивается одно произношеніе, и гдѣ начинается другое, съ точностью невозможно.

нѣсколькихъ деревень сѣзжаются съ своими семействами въ одно какое-нибудь мѣсто, гдѣ на ту пору открывается настоящая ярмарка, отпразднуютъ день и потомъ къ слѣдующей пятницѣ переѣзжаютъ въ другую деревню, въ которой назначено быть Зіну.

Происхожденіе этого праздника объясняетъ одна Татарская легенда слѣдующимъ образомъ. Въ старину, такую, которой не запомнить ни одинъ старикъ, жидъ-былъ одинъ богатый Татаринъ. У него было семь дочерей, и красныя были онѣ, какъ тихія звѣзды вечернія, и привлекательны, какъ лоснитый соболь или остистый бобръ, и богатое приданое назначилъ за ними отецъ, да все какъ-то не сходило онѣ съ рукъ, все оставались на отцовскомъ хлѣбѣ. Боялись ли женихи, что отецъ потребуетъ съ нихъ за дочерей чрезмѣрный калымъ, или боялись, что вмѣсто ожидаемыхъ красавицъ получатъ себѣ въ жены уродовъ, — неизвѣстно, только ни одинъ не осмѣливался или не хотѣлъ присвататься. Горевалъ богатый отецъ, скучали его красавицы-дочки, а женихи все не являлись. Вотъ наконецъ, послѣ разныхъ уловокъ, какъ бы сбить товаръ, который, пожалуй, залежится да и совсѣмъ не пойдетъ съ рукъ, отецъ придумалъ новое средство. Была чжума (пятница): старикъ ходилъ въ мечеть, помолился и пригласилъ къ себѣ всѣхъ почетнѣйшихъ жителей деревни. Отъ угощенья, извѣстное дѣло, отказываться не любятъ, и потому къ радушному хозяину собрались гости, и ихъ такъ было много, что пиръ данъ былъ въ полѣ. Законъ мусульманскій не позволяетъ женщинамъ показывать лицо свое предъ незнакомыми мужчинами; но на этотъ разъ хозяинъ позволилъ себѣ отступить отъ правила и велѣлъ своимъ дочерямъ съ открытыми лицами угощать посѣтителей. Тутъ-то всѣ увидали, какъ хороши онѣ, и узнали, что отецъ не прочь отъ жениховъ, лишь бы они выискались. За этимъ дѣло не стало, и въ то же время отецъ просваталъ дочерей и потомъ праздновалъ ихъ свадьбы въ теченіе семи недѣль. Съ тѣхъ поръ и другіе отцы, у которыхъ также засиживались дочери, начали прибѣгать къ подобному средству, и мало по малу это обыкновеніе обратилось въ народный праздникъ.

Не будемъ доказывать справедливость этого преданія, не будемъ и сомнѣваться въ немъ; но нельзя не замѣтить, что Зинь отличается отъ прочихъ Татарскихъ праздниковъ именно тѣмъ, что онъ преимущественно принадлежитъ женщинамъ. Кажется, онъ имѣетъ цѣлю, хоть на короткое время, дать возможность сблизиться и ознакомиться женщинамъ съ мужчинами, потому что онъ, кромѣ этого случая, постоянно живутъ затворницами и если бывають на Сабань, то въ удаленіи отъ мужчинъ, боязливыми, закутанными съ головы до ногъ. Здѣсь же, напротивъ, онъ принимаютъ участіе въ играхъ, не дичатся мужчинъ и вступаютъ съ ними въ разговоры.

Зинь празднуется такимъ образомъ. Въ назначенную для отправленія праздника деревню съѣзжаются въ кибиткахъ Татары; за ними слѣдуютъ и торгоши съ пряниками орѣхами и тому подобными лакомствами. Утромъ въ пятницу, ходятъ всѣ въ баню, и притомъ мужчины прежде женщинъ. Въ полдень начинается моленіе, и всѣ мужчины отправляются въ мечеть (женщины ходятъ въ мечеть не имѣють права). По окончаніи службы обѣдаютъ. Въ обѣдѣ главную роль играютъ пельмени, называемые по-Татарски *казань-бюкмязи*, похлебка изъ вареныхъ въ молокѣ грибовъ съ лукомъ (*сумбаша*), маленькіе печеные пирожки (*кимажъ*), сливки съ каймакомъ и ячница. Часа въ четыре по полудни всѣ собираются на поле, и тутъ начинается игрище. Музыканты-самоучки (*мурайги*) играютъ въ разныхъ мѣстахъ на самодѣльныхъ скрипкахъ различными плясовыя Русскія пѣсни, а часто и балныя пьесы—Французскія кадрили, мазурки, вальсы, а нынѣ даже и польку: надобно замѣтить, Татары вообще одарены музыкальнымъ слухомъ. Вокругъ музыкантовъ собираются плясуны и отхватываютъ козачка. Женщины впрочемъ не участвуютъ въ пляскѣ. Одѣтыя въ лучшія свои платья, густо набѣленные и нарумяненные, съ мушками, съ насурменными бровями, рѣсницами и зубами, съ выкрашенными шафраномъ ног-

* *Пельмени* или правильнѣе *пельмени* (по-Пермякски—медвѣжье ухо)—маленькіе пирожки съ мясомъ, вареные въ водѣ. Блюдо это самое любимое въ Перми; отсюда распространилось оно и въ окрестныя губерніи, и съ достоинствомъ поддерживаетъ вездѣ свою заслуженную извѣстность.

тими, — однимъ словомъ, во всемъ блескѣ роскоши по Татарскому вкусу, молодыя Татарки сидятъ въ вибиткахъ, смотрятъ на пляски, слушаютъ музыку и пѣсни, затягиваютъ сами жалобно-гнусливыми голосами какую-нибудь пѣсню, грызутъ орѣхи, жуютъ пряники. Молодежь уивается около кибитокъ; чтобы заинтересовать зрительницъ, стрѣляютъ изъ ружей и пистолетовъ, выдѣлываютъ какія-нибудь премудренныя жолѣна въ пляскѣ, импровизируютъ мадригалы, въ которыхъ сравниваютъ дѣвицъ и съ звѣздами, и съ солнцемъ и луною, волосы ихъ уподобляютъ волнистому ковылю, рѣчи пѣсни соловья и проч. Между тѣмъ пожилые и старики сидятъ за самоварами и любятъ на молодежь.

Картина такого праздника — оригинальна, и впечатлѣнія, производимыя ею на зрителя-Европейца, странны: шумъ, гамъ, пѣсни, музыка, выстрѣлы, ржаніе лошадей — все сливается въ какой-то гулъ... Пиръ продолжается иногда далеко ночью.

На слѣдующій день гости длинными обозами разъѣзжаются во всѣ стороны, и далеко слышится по дорогѣ звонъ бубенчиковъ, которыми увѣшаны Татарскіе хомуты....

Ал. Артемьевъ.

Казань.

ДВѢ НОВЫЯ ЗАДАЧИ ОТЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА. — Для сомсканія преміи, назначенной И. Т. Яковлевымъ, Общество предлагаетъ задачу: *Описаніе Русскихъ народныхъ одеждъ до конца XVII вѣка.* Отъ сочинителя требуется: 1) Критическое обозрѣніе Русскихъ и иностран-

* Приведу для примѣра одну изъ такихъ пѣсень, слышанную мною, въ 1846 году, въ одной изъ деревень Лашшевскаго уѣзда. По-Татарски она начинается такъ: *суйлюбъ, суйлюбъ калласъ...* и проч. Въ переводѣ будетъ слѣдующее: «любилъ, любилъ, да полюбилъ и уѣхалъ въ далекий край: много здѣсь золота, да что! роднее серебро лучше его; много здѣсь вина, да что! родной медъ слаще его; много здѣсь дѣвушекъ, да что! тамъ моя миленькая лучше ихъ.» Не правда ли, что эта пѣсня очень граціозна и дѣлаетъ честь поэтическому чувству нынѣшнихъ Татаръ. Можно еще видѣть подобныя же пѣсни въ сочиненіи К. Ф. Фурса: «Казанскіе Татары въ статистическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ.» Казань. 1844. in 8-о. стр. 111 и 112.

ныхъ источниковъ о Русскихъ народныхъ одеждахъ, съ опредѣленіемъ ихъ исторической достовѣрности; 2) историческое изслѣдованіе о существовавшихъ одеждахъ съ XVI вѣка и о введеніи въ послѣднихъ столѣтіяхъ чужеземныхъ одеждъ: Греческой, Татарской, Нѣмецкой и Польской; 3) описаніе мужскихъ и женскихъ одеждъ, уборовъ и нарядовъ царскихъ, боярскихъ, посадскихъ и деревенскихъ, съ указаніемъ, какія изъ нихъ нынѣ уже не существуютъ и какія сохранились, или въ своемъ первобытномъ видѣ, или съ измѣненіями; 4) обзоръ матерій, изъ которыхъ шилия Русскія народныя одежды, съ объясненіемъ ихъ названій, узоровъ и цвѣтовъ, съ указаніемъ, какія изъ нихъ были въ употребленіи Русскаго народа въ разныя времена. Изъ Русскихъ народныхъ одеждъ Общество предлагаетъ описать: а) *мужскіе и женскіе голозные уборы*: ватола, ваптуръ, кика, клобукъ, кокошникъ, колпакъ, корабликъ, кучма, малобникъ, наурузы, перепелъ кичный, повязка, подзатылень, подкапокъ, полочка, сборникъ, сорока, тафья, треухъ, убрусь, фата, чело, шапка, шляпа; б) *мужскія и женскія одежды*: азамъ, армякъ, бугай, варьги, голицы, душегрѣйка, епанча, епанечка, зипунъ, исподница, кабатъ, нафтанъ, кебенякъ, дожухъ, корзно, кофта, коць, лѣтникъ, ментель, однорядка, опамень, окабень, платно, понева, поддѣвка, порты, полукафтамы, приволока, распашница, растегай, рубашка, рукавицы, ряса, сарафанъ, тегилай, терликъ, тѣлогрѣя, тулупъ, ферязь, фуфайка, холодникъ, чюга, шуба, шубейка, шушунъ, юбка; в) *мужскую и женскую обувь*: башмаки, босовики, валенки, ичетыги, коты, лапти, онучи, подвязки, сапоги, чеботы, черевики, чулки; г) *мужскіе и женскіе наряды*: агамъ, бахрама, ворборка, запястье, завѣска, зарукавье, косоплетина, кушакъ, муфта, нагрудникъ, наручки, нашивка, ожерелье, платокъ, подпояска, поясъ, провизъ, пузыри, тесма, фартукъ, ширинка; д) *убранства палатное и комнатное*: взголовье, грива, завѣсъ, занавѣска, коверъ, лентій, наволока, настольникъ, небо, одѣяло, пелена, перина, подзоръ, подпростынякъ, подушка, подножіе, покрывало, полавочникъ, пологъ, полотенце, постеля, простыня, скатерть, столъникъ, утиральникъ.

Вторая задача: *Написать исторію Русскихъ школъ иконописанія до конца XVII вѣка.* Здѣсь предлагается описать школы: Кіевскую, Новгородскую, Московскую, Устюжскую, Строгановскую и Фряжскую. Отъ сочиненія требуется: 1) Критическое изслѣдованіе происхожденія и развитія каждой Русской школы, съ объясненіемъ ихъ пошибовъ (стиля) и различій между собою по кореннымъ признакамъ; 2) описаніе сохранившихся произведеній Русскихъ иконописцевъ, съ указаніемъ, въ какихъ мѣстахъ Россіи находятся они нынѣ, съ объясненіемъ: въ своемъ ли первобытномъ видѣ сохранились эти памятники иконописнаго художества, или возобновлены; 3) исчисленіе Русскихъ иконописцевъ каждой школы, съ краткими извѣстіями о нихъ, заимствованными изъ лѣтописей, актовъ, житій Русскихъ святыхъ, надписей и старыхъ описей церковныхъ имуществъ; 4) объясненіе техническаго производства, существовавшаго въ старинныхъ Русскихъ школахъ иконописанія.

Сочиненія должны быть написаны на Русскомъ языкѣ. Общество желаетъ, чтобы они были снабжены рисунками, но не поставляетъ этого требованія въ непремѣнную обязанность. За лучшее сочиненіе по предмету каждой задачи выдается премія въ *четыреста руб. сереб.* Срокъ для представленія сочиненій назначается двухъ-годовой: съ 1 Мая 1850 г. по 1 Мая 1852. Увѣчанное сочиненіе печатается въ Запискахъ Общества, но авторъ имѣетъ право печатать его и другими изданіями.

НАГРАДА О. А. СЕМЕНОВУ. — Съ чувствомъ живѣйшей радости вносимъ въ нашу лѣтопись слѣдующія строки: «Высочайшимъ Указомъ, за собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ, даннымъ Правительствующему Сенату, во вниманіе къ особымъ ученымъ трудамъ Курскаго мѣщанина Федора Семенова и обширнымъ познаніямъ его по части Астрономіи, Всемилостивѣйше пожалованъ онъ, съ семействомъ, въ званіе потомственнаго почетнаго гражданства.»

МОСКОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

БОЛЬНИЦА ДЛЯ ПРИХОДЯЩИХЪ ВЪ МОСКВѢ.

Объявленіе объ открытіи, цѣли и средствахъ Лечебницы, основанной Высочайше утвержденнымъ Обществомъ посѣщенія бѣдныхъ, въ Петербургѣ, напечатанное въ 74 N Сѣверной Пчелы, навело меня на мысль сказать нѣсколько словъ о подобномъ же учрежденіи въ Москвѣ, учрежденіи, кажется, мало-извѣстномъ читающей публикѣ, но за то очень знакомомъ большей части нечитающаго, простаго, бѣднаго класса Московскаго народонаселенія.

Лѣтомъ, въ прошломъ году, раннимъ утромъ какъ-то пробираясь тихонько на ванькѣ въ Кадетскій корпусъ мимо дома, бывшаго Графа Разумовскаго, случайно увидѣлъ я на воротахъ надпись: «здѣсь подается помощь больнымъ безъ платы», надпись по содержанію, какъ видите, не новая; встрѣчалъ я подобныя на входахъ у нѣкоторыхъ врачей филантроповъ, да не встрѣчалъ того, что здѣсь увидѣлъ: человекъ шестьдесятъ, если не больше, разнаго пола, разслабленныхъ, бѣдныхъ, ходило, сидѣло на дворѣ, около крыльца: «А что, братъ, какъ тебя зовутъ, обратился я къ моему возницѣ, больница это, что ли? — Больница, батюшка, больница! — И народу много пришло.— Да какъ же, батюшка, народу-то не ходитъ, коли боленъ кто, тута вѣдь всякому скорую помощь даютъ. Вотъ объ веснѣ, кормилецъ, напала на меня немочь, отъ простуды что ли, я сюда,— что же? — въ двѣ недѣли, батюшка баринъ, какъ рукой сняли. Дай Богъ имъ здоровья! Я пустился распрашивать извозчика, что, какъ, кто въ этой больницѣ, но онъ мнѣ ничего не могъ сказать толкомъ, только и твердилъ одно

«жизнь, батюшка, просто тебѣ жизнь даютъ кормильцы. Такой отзывъ простолюдина возбудилъ во мнѣ непреодолимое желаніе ознакомиться съ этой больницей покороче. На другой день, былъ какой-то праздникъ, отправился я часовъ въ восемь на предположенную рекогносцировку. На дворъ больницы нашель я также, какъ и наканунѣ, много болящаго народу; распросивъ, гдѣ войти, пробрался чрезъ длинную переднюю въ самую больницу. Въ первой приѣмной комнатѣ народу было столько же, сколько и на дворъ, всѣхъ, я думаю, далеко за сто. Два молодыхъ парня, въ форменныхъ сюртукахъ, подзывали по очереди больныхъ и записывали имена, прозвища и лѣта пациентовъ. Я усѣлся на лавочкѣ въ надеждѣ распросить обо-всѣмъ одного изъ этихъ молодыхъ людей по окончаніи записыванья именъ, и пока отъ нечего дѣлать сталъ разсматривать лица окружавшихъ меня больныхъ: много скорби на иномъ, много горя безвыходнаго, холоднаго на другомъ увидѣлъ я, и грусть тяжелымъ камнемъ навалилась мнѣ на сердце. Ровно въ девять часовъ пріѣхалъ докторъ, потомъ явился другой и дѣло закипѣло. Человѣкъ по двадцати въ порядкѣ именъ составленнаго списка переходило изъ приѣмной комнаты дальше; я пошелъ за ними: въ слѣдующей комнатѣ аптека, — аптекарь старикъ и человѣкъ двѣнадцать учениковъ въ форменныхъ сюртукахъ хлопотали около банокъ, вѣсовъ, пузырьковъ, составляя разныя снадобья по рецептамъ, подаваемымъ больными, выходявшими изъ третьей комнаты. Я пустился туда за вызванными изъ первой комнаты больными. Тутъ производился осмотръ пациентовъ и пациентокъ докторомъ, смотря по роду болѣзни, при всѣхъ, или за ширмами; по осмотрѣ докторъ въ именной книгѣ, составленной, какъ я сказалъ, до его пріѣзда, прописывалъ рецептъ, а одинъ изъ учениковъ записывалъ его, со словъ врача, на приготовленныхъ лоскуткахъ бумаги, и отдавая рецептъ прямо больному, говорилъ: «въ аптеку». Долго стоялъ я, лобуясь заведеннымъ порядкомъ, и наконецъ, улучивъ минуту, когда докторъ, уставшій отъ непрерывнаго занятія своего, сталъ къ окну, гдѣ по его приказанію пускали какой-то женщиной изъ руки кровь, я поспѣшно отправился къ нему. Извиняясь какъ могъ, въ

своемъ любознѣствѣ, я предложилъ врачу нѣсколько вопросовъ касательно самой больницы, и вотъ что я узналъ отъ него: больница эта находится при фельдшерской Школѣ Московскаго Воспитательнаго Дома, существующей съ 1845 года, и открыта, по ходатайству почетнаго Опекуна Князя А. П. Оболенскаго, для практическаго образованія питомцевъ Школы, съ 1-го Января 1848 года. Въ ней ученики, воспитанники Воспитательнаго Дома, кромѣ фельдшерскихъ пособій, пріучаются, согласно съ назначеніемъ своимъ, подавать помощь больнымъ простыми средствами, назначеніе же ихъ — въ Государственныя селенія, гдѣ они часто обязаны будутъ по немѣннѣю всегда въ близости доктора, въ первой порѣ болѣзни, оказать больному первоначальную помощь. Больница эта открыта для всѣхъ рѣшительно, безъ различія пола, возраста, состоянія; овины и самыя лекарства подаются безденежно каждый день съ 8 утра до часу и позже, если много больныхъ. Для экстренныхъ случаевъ, какъ-то, для вывиховъ, переломовъ и проч. больница открыта во всякое время дня и ночи, и для такихъ случаевъ имѣется десять кроватей, гдѣ больные могутъ пребыть на полномъ содержаніи школы до самаго выздоровленія. При больницѣ находятся два врача, одинъ аптекарь, десять старшихъ фельдшеровъ изъ своихъ же питомцевъ, окончившихъ полный курсъ въ школѣ, и человѣкъ до сорока учениковъ изъ высшаго класса. Медикаменты пока покупаются школой, но на будущее время медикаменты изъ царства растительнаго будутъ добываться самими питомцами въ ботаническомъ саду, заводимомъ при школѣ. Въ прошломъ 1848 году число больныхъ простиралось до 8 тысячъ, въ 1849 же, мѣсяць отъ мѣсяца больше и больше прибѣгаетъ за помощію; по праздникамъ, когда простой, рабочій народъ свободенъ отъ обычныхъ занятій своихъ, число больныхъ часто простиралось за сто, въ будничные дни до сорока и болѣе. Поблагодаривъ доктора за его любезность и распрощавшись съ нимъ, побрелъ я домой и долго дивился, отъ чего объ этомъ благотворительномъ учрежденіи не приходилось мнѣ нигдѣ читать. Посудите же, каково было мое удивленіе, какъ двѣи шесть тому назадъ одинъ мой знакомый, агентъ

благотворительнаго общества, прочитавъ при мнѣ въ Сѣверной Пчелѣ вышеупомянутое мною объявленіе объ открытіи Лечебницы, сказалъ: вотъ въ Москвѣ не устроишь такой! Въ отвѣтъ на это, я, какъ зналъ, рассказалъ ему о больницѣ Фельдшерской Школы, о которой онъ и понятія никакого не имѣлъ, и вмѣстѣ съ нимъ отправился вторично взглянуть на Московскую Лечебницу бѣдныхъ больныхъ. Тутъ я нашелъ тѣ же старанія наставника обогатить практическимъ знаніемъ своего питомца и тѣже, вмѣстѣ съ тѣмъ, сердечныя заботы о страждущемъ человѣкѣ. Обязательный, прошлогодній знакомецъ мой, докторъ, рассказалъ мнѣ, что въ 1849 году, число больныхъ простиралось, какъ значитъ въ больничныхъ книгахъ, далеко за 20,000, что для нихъ выдано лекарствъ по 18,000 рецептовъ, что въ текущемъ году все больше и больше прибѣгаютъ за помощію и годовая цифра 1850 г. непременно превзойдетъ цифру прошлаго года, что школа, съ расширеніемъ своей дѣятельности, увеличиваетъ и средства къ тому: въ нынѣшнемъ году начнется по Высочайшему соизволенію пристройка къ главному зданію новаго корпуса, въ нижнемъ этажѣ, котораго будутъ отдѣлены двѣ большія палаты для приходящихъ больныхъ: значить не даромъ прошли для больницы эти два года ежедневныхъ заботъ и трудовъ: простой, рабочій народъ разувѣрился въ знахаряхъ своихъ, дарить большею довѣренностію науку и просвѣщенное знаніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ благодарно пользуется тою благотворительностію, которая старается помочь бѣдняку въ болѣзни, лишаящей несчастнаго дюжихъ рукъ, единственнаго источника его богатства. Дай Богъ самаго полнаго успѣха этому доброму дѣлу!

Илья Муромцевъ.

Мая 3.

1850.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

СУДЕВНОЕ ДѢЛО

• СМЕРТИ ГРАФИНИ Ф. ГЕРЛИЦЪ.

IV.

Рѣчь Государственнаго прокурора доктора Зиберта не представляетъ ничего существенно новаго. Это есть повтореніе обвинительнаго акта съ истолкованіемъ противъ подсудимаго всѣхъ обстоятельствъ, раскрытыхъ свидѣтелями, равно какъ и мнѣній экспертовъ.

Сущность рѣчи г. Эммерлинга, адвоката Юганна Штауффа состоитъ въ томъ, что онъ старается доказать если не невинность подсудимаго, то по крайней мѣрѣ невозможность юридическаго признанія его виновности. Защитникъ указываетъ на недостаточность перваго розыска, на сожженіе платья Графомъ Гёрлицомъ безъ розысканія ключей, на противное подсудимому убѣжденіе слѣдователя, и происшедшее изъ этого враждебное для него направленіе слѣдствія съ самаго начала. Нѣкоторые свидѣтели, съ которыми будто бы говорилъ подсудимый 13 Юня пополудни, не были спрошены; потомъ подсудимый забылъ, кто они были.

Въ разборѣ мнѣній экспертовъ защитникъ указываетъ на противорѣчіе въ отношеніи къ мѣсту сожженія трупа, а главнымъ образомъ на то, что всѣ мнѣнія доказываютъ только возможность и вѣроятность.

Изъ доказательствъ, приводимыхъ противъ Штауффа, нѣкоторыя едва ли стоятъ опроверженія. Таковы потъ ночью, дикій взглядъ, отвращеніе или ужасъ при видѣ

трупа, слова Штауффа, что онъ желалъ бы видѣть Графиню сгорѣвшею.

Гораздо важнѣе способъ полученія драгоценностей. Воля присяжныхъ вѣрить или нѣтъ показанію Штауффа, что онъ получилъ эти вещи отъ Графа. Но все-таки покража ихъ не доказана и особенно покража съ убійствомъ. Эти вещи могли попасть къ Штауффу и прежде и послѣ смерти Графини. Бюро запиралось, но можно было открыть его поддѣльными ключами. Можно было украсть вещи и въ ночь съ 13 Іюня, потому что, по показанію полицейскихъ солдатъ, прислуга имѣла свободный входъ въ комнату. Штауффъ оставался одинъ нѣсколько времени при разборѣ углей. Цѣлость этихъ вещей могла зависѣть отъ того, что онъ хранились въ футлярахъ или послѣ хоть и обгорѣли, но были вычищены.

Что касается до покушенія на отравленіе, защитникъ не видитъ связи между нимъ и убійствомъ. Оно могло имѣть цѣлю сокрытіе воровства. Далѣе оно не доказано. Соусъ былъ изслѣдованъ однимъ г. Меркомъ, а г. Меркъ также точно могъ ошибиться здѣсь, какъ ошибся въ кровавыхъ пятнахъ на шелковомъ лоскуткѣ. Далѣе одна Маргарита Эйрихъ свидѣтельствуетъ, что ярь положена Штауффомъ. Это женщина очень ограниченная и неспособная правильно наблюдать. Ея показанія наполнены противорѣчіями. Штауффъ до этого времени былъ въ саду съ женой Шиллера и ея сыномъ и вошелъ въ домъ по звонку, а не по собственной волѣ. Онъ зналъ, что отравивъ Графа, онъ отравитъ и сына Шиллера, котораго онъ очень любилъ. Далѣе онъ лучше могъ бы отравить въ шею лодъ который самъ готовилъ. Ярь не продается въ стекляшкахъ, по замѣчанію г. Мерка. Наконецъ, не доказано, что у него была ярь. Да если онъ и покушался на отравленіе, то это еще не значитъ, что онъ убійца.

Защитникъ не видитъ доказательствъ виновности Штауффа въ его характеръ. Болтливые люди рѣдко способны къ тяжкимъ преступленіямъ. Наклонность лгать не ругается за наклонность къ чему другому. Далѣе для Штауффа не было причинъ убивать Графиню. Онъ зналъ, что денегъ у ней не было, — онъ были у Графа. Обокрасть или

убить Графа было нетрудно, а представить, что онъ рѣшился на убійство, чтобы украсть вещей на 400—500 флоринновъ, кажется шельпо.

Защитникъ надѣется, что присяжные объявятъ его кліента невиннымъ.

Г. Мецъ, защитникъ Генриха и Якоба Штауффа, началъ свою рѣчь тѣмъ, что — его кліенты обвиняются въ потворствѣ (*Begünstigung*) преступленіямъ, кромѣ покушенія на отравленіе. Стало быть, первый вопросъ въ томъ, *дѣйствительно ли эти преступленія совершены*. И во-первыхъ убита ли Графиня? Адвокатъ объясняетъ ея смерть самоубійствомъ и причину самоубійства видитъ въ ея нервной настроенности. На это указываютъ по его мнѣнію и недостатокъ ключей, и прибавленіе къ завѣщанію, и дымъ надъ сѣверной трубой, который могъ произойти отъ того, что Графиня сожгла нѣкоторыя бумаги, и зажженіе бюро и дивана. Что касается до звонка, показанія свидѣтелей противорѣчатъ первымъ наслѣдованіямъ. Снурокъ звонка не оборванъ, а сгорѣлъ. Слухъ о первомъ покушеніи на самоубійство опровергается только такими свидѣтелями, которые слышали опроверженіе его изъ устъ самой Графини. Кто жъ не сталъ бы опровергать подобный слухъ, хотя бы онъ и былъ истиненъ?

Если Графиня дѣйствительно убита, то кто убійца? Изъ всѣхъ обвиненій противъ Штауффа важны только два: *онъ одинъ былъ съ домъ и у него нашлись вещи, принадлежавшія Графини*. Но противъ перваго обвиненія нужно замѣтить, что можно было и въ присутствіи Штауффа, стороннему лицу пробраться къ домъ заднею дверью изъ сада или черезъ окно, тѣмъ болѣе, что передняя дверь была заперта и убійца могъ думать, что въ домъ нѣтъ никого, кромѣ Графини. Въ Декабрѣ 1847 года сдѣлалась покража въ домъ и никто изъ служителей ея не замѣтилъ. Что касается до вещей, онъ могли быть дѣйствительно подарены Графомъ. Графъ отрицается, но онъ отперся прежде, когда на него изводили было подозрѣніе въ убійствѣ, которое усилилось бы въ случаѣ признанія въ подарѣхъ. Положимъ однакожъ, что вещи попали къ Штауффу противозаконно: все-таки вѣрно, что онъ попалъ нѣсколько времени спустя

послѣ смерти Графини, потому что послѣ этого времени Графъ при Гг. ф. Рикю и агентахъ Ахенско-Мюнхенскаго страховаго общества рѣшительно объявилъ, что ничего дорогаго не покрадено и о пропажѣ заговорили только послѣ покушенія на отравленіе.

Въ отношеніи къ этому послѣднему преступленію защитникъ находитъ невѣроятнымъ, чтобы Штауффъ, оказавши столько тонкости въ убійствѣ, выбралъ для отравленія ярь, которою отравить было невозможно. Онъ не всыпалъ бы яда въ присутствіи сторонняго лица, и не оставилъ бы въ покое соуса послѣ открытія его преступленія. Онъ не потребовалъ бы яри изъ аптеки для служителя Графа Гёрлица, не выбралъ бы такого вещества, которое никакъ не могло быть выбрано съ цѣлю самоубійства. Въ самомъ дѣлѣ никто не повѣрилъ бы, чтобы Графъ для самоубійства выбралъ кушанье, которое долженъ былъ ѣсть съ нимъ сынокъ Шиллера и двѣ женщины. Защитникъ указываетъ далѣе на противорѣчія и невѣроятности въ показаніи Маргариты Эйрихъ.

Ораторъ указываетъ далѣе на рѣшительное отсутствіе побужденій къ убійству по малоцѣнности пропавшихъ предметовъ. Потомъ онъ говоритъ, что Штауффъ не могъ же знать, что трупъ можетъ сгорѣть на разстояніи двухъ футовъ отъ горячаго матеріала, на что нужны были познанія цѣлаго факультета, — и конечно, если бѣ хотѣлъ сжечь трупъ, то положилъ бы его ближе къ огню.

Но если Штауффъ дѣйствительно совершилъ убійство, то конечно не преднамѣренно. Онъ могъ только пробраться въ комнату для кражи, былъ замѣченъ и убитъ въ изступленіи.

Если жѣ невиненъ Іоганнъ Штауффъ, то тѣмъ самымъ опровергается виновность Генриха и Якоба. Даже если и виновенъ, все-таки они не знали объ его винѣ. Ни что не указываетъ на ихъ знаніе, кромѣ вещей. Положимъ, что онѣ не подарены Графомъ; но все-таки Іоганнъ Штауффъ сказалъ отцу, что онѣ пріобрѣтены честно. Генрихъ Штауффъ не имѣлъ причинъ въ этомъ сомнѣваться. Противорѣчія и невѣроятности въ показаніяхъ подсудимыхъ объясна-

ются тѣмъ, что они не хотѣли вредить Іоганну Штауффу, понимая, что изъ обвиненія въ кражѣ можетъ выйдти обвиненіе въ убійствѣ. Любовь родственная боролась здѣсь съ любовью къ истинѣ и съ преданностію къ верховной власти. Это допускають и извиняють самые законы, не наказывающіе родственниковъ, укрывающихъ преступника. Наконецъ еслибъ Генрихъ и Якобъ Штауффы знали и благопріятствовали кражѣ, все-таки ничто не доказываетъ, чтобы они знали о убійствѣ, грабежѣ и поджигательствѣ.

За тѣмъ слѣдовала *реплика* Прокурора и отвѣтъ г. Меца, несодержащія въ сущности ничего новаго.

Въ засѣданіи 10 Апрѣля Президентъ предложилъ Штауффу вопросъ: не можетъ ли онъ прибавить, что-нибудь для своего оправданія. Штауффы произнесъ довольно длинную рѣчь къ присяжнымъ, въ которой между прочимъ замѣтилъ, что на стѣнѣ подъ окномъ кабинета Графа Гёрлица замѣтны слѣды, что кто то влѣзалъ въ окно, и что къ Графу послѣ приходили нѣкоторые подозрительные люди. По требованію защитниковъ оба обстоятельства изслѣдованы и подтверждены. Изъ посѣтителей Графа одинъ по имени Бюхнеръ былъ прежде нѣсколько разъ наказанъ за противузаконные поступки.

За тѣмъ Президентъ читаетъ второе безыменное письмо съ штемпелемъ «Алцей» (Вел. Герц. Гессенское), писанное повидимому тѣмъ же лицомъ, которымъ писано и первое письмо или Аугсбурга. Сочинитель письма говоритъ: «свѣсть моя заставляетъ меня открыть истину. Я убійца Графини и убилъ ее изъ желанія наслѣдовать ей и Графу». Но Графъ не знаетъ ни одного наслѣдника мужескаго пола.

Президентъ оканчиваетъ прѣвіе длиннымъ *Resumé*, къ сожалѣнію далеко небезпристрастнымъ.

Вопросы, предложенные присяжнымъ, состоятъ въ слѣдующемъ:

А. Виновенъ ли обвиняемый Іоганнъ Штауффы 1) Въ томъ, что онъ 13 Іюня 1847 г., преднамѣренно и противузаконно учинилъ насиліе и тѣлесное поврежденіе противъ особы Графини ф. Гёрлицъ, которое и было причиною ея

смерти, и рѣшился на нихъ для того, чтобы овладѣть нѣкоторыми вещами изъ движимаго имущества Графини? 2) Въ томъ, что того же числа онъ намѣренно поджегъ домъ Графа Гёрлица и именно нѣкоторые предметы въ комнатахъ Графини, могшіе сообщить огонь самымъ комнатамъ? 3) Въ томъ, что онъ, въ продолженіе 1847 г., находясь въ услуженіи Графа Гёрлица, безъ позволенія хозяина, хотя и безъ насилія, овладѣлъ многими золотыми и туалетными вещами, принадлежавшими его женѣ, именно золотой браслетой, золотой брошкой, кольцомъ изъ золота и платины, браслетой изъ желтаго металла, нитью жемчугу и пр. 4) Въ томъ, что онъ, преднамѣренно и противузаконно, составилъ планъ лишить жизни Графа Гёрлица, и для этого 2 Ноября 1847 г. всыпалъ въ соусъ Графа ярь, которая могла бы въ самомъ дѣлѣ или по его мнѣнію причинить смерть? Въ случаѣ отрицанія этого 5) Въ томъ, что онъ преднамѣренно и противузаконно, хотя не желая лишить жизни, составилъ планъ повредить здоровью Графа Гёрлица и для этого всыпалъ ярь.

В. Виновенъ ли Генрихъ Штауффъ въ томъ, что онъ, по совершеніи преступленій его сыномъ, оказалъ ему пособіе особенно тѣмъ, что завѣдомо принялъ подъ сохраненіе добытыя преступленіемъ вещи, скрылъ ихъ и передалъ другимъ, чтобы намѣренно доставить сыну способы къ сокрытію слѣдовъ преступленія, заперался въ этомъ и извлекъ изъ преступленія сына выгоды для себя?

С. Виновенъ ли Якобъ Штауффъ въ томъ, что онъ по совершеніи преступленія его братомъ, оказалъ ему пособіе тѣмъ, что скрылъ приобрѣтенныя чрезъ преступленіе вещи и потомъ передалъ ихъ своему отцу, Генриху Штауффу?

Присяжные единогласно отвѣчали, что Іоганнъ Штауффъ виновенъ въ убійствѣ, грабежѣ, поджегѣ, и въ покушеніи на отравленіе, но не въ кражѣ (вопросъ 3). Генрихъ Штауффъ виновенъ въ томъ, что онъ зналъ и укрывалъ кражу, но не доказано, чтобы онъ зналъ объ убійствѣ и поджегѣ, равно какъ и Якобъ Штауффъ.

Іоганнъ Штауффъ осуждается на пожизненное заключеніе въ смирительный домъ, и на уплату $\frac{1}{2}$ издержекъ про-

песса, что составляетъ 2135 флориновъ; Генрихъ Штауфферъ осуждается на заключеніе въ исправительный домъ на шесть, а Якобъ Штауфферъ на три мѣсяца. На нихъ обоихъ вмѣстѣ падаетъ $\frac{1}{8}$ издержекъ процесса. Впрочемъ наказаніе изъ замѣняется содержаніемъ подъ арестомъ въ продолженіи слѣдствія:

Г. Мецъ замѣтилъ только, что по приговору присяжныхъ его кліенты виновны въ знаніи и потворствѣ *воровству*; а Юганъ Штауфферъ *отъ воровства* объявленъ невиновнымъ.

Мы посвятимъ особую статью критическому разсмотрѣнію процесса.

ПОМНИКИ ВЪ АНГЛІИ ПО ШЕКСПИРЪ.

День рожденія Шекспира, 23 Апрѣля, постоянно празднуется съ большою торжественностію въ его родномъ городѣ, Стратфордѣ на Авонѣ. И въ нынѣшнемъ году этотъ день былъ празднуемъ какъ и всегда. Домъ, гдѣ по преданію родился Шекспиръ (строгая критика на этотъ счетъ обнаруживаетъ сомнѣнія), и церковь, гдѣ лежитъ его прахъ, были красиво убраны. Этотъ домъ опредѣлено было купить какъ національную собственность, но подписка, для сего открытая, еще не доставила всей нужной суммы.— 26-го Апрѣля, въ Лондонѣ, общество почитателей Шекспирова таланта (Shakspear-Society) праздновало девятую годовщину со времени своего основанія, подъ предсѣдательствомъ своего директора, ученаго знатока драмъ Шекспира, Сэръ Пейна Коллера. Это общество поставило себѣ главною цѣлью издавать еще ненапечатанныя сочиненія о Шекспирѣ и его вѣкѣ, и предпринимать новыя изданія тѣхъ сочиненій о томъ же предметѣ, которыя сдѣлались рѣдкими. И оно уже принесло не мало пользы. Въ прошедшемъ году общество сдѣлало гравюры съ извѣстнаго портрета Шекспирова, называемаго Chandraportrait (вѣрность этого портрета, какъ и всѣхъ сообще портретовъ Шекспира, подвержена большому сомнѣнію). Гравюры сняты 750 оттисковъ, затѣмъ доска была разбита.

НѢСКОЛЬКО ЦИФРЪ ИЗЪ ТАМОЖЕННЫХЪ ТАВЛИЦЪ АНГЛІИ.
 По официальнымъ показаніямъ пошлинный сборъ съ мануфактурныхъ товаровъ, привезенныхъ въ 1849 г. въ Англію составилъ болѣе около полумил. ф. стер. (слишкомъ 3 мил. р. сер.), и съ земледѣльческихъ произведеній простирался болѣе мил. ф. стер. (около 7 мил. р. с.); въ числѣ этой суммы пошлина съ зерноваго хлѣба дала около 700 тыс. ф. стер. (болѣе 4, мил. р. сер.), — остальное получено съ другихъ статей. Такъ какъ по количеству таможенного сбора съ того или другаго отдѣленія товаровъ можно судить о степени покровительства, оказываемаго нынѣшнимъ тарифомъ, то изъ представленныхъ показаній можно видѣть, что земледѣліе въ Англіи сильнѣе защищено отъ соперничества другихъ народовъ, чѣмъ мануфактурная промышленность.

Въ продолженіе четырехъ дней съ 9 по 13 Апрѣля 1849 г. привезено было въ Лондонъ до 17 т. четвертей пшеницы, 12, т. четв. ячменя, и 33, т. четв. овса; въ нынѣшнемъ году, въ теченіе того же времени, доставлено тудаже около 35 т. четв. пшеницы, 22 т. четв. ячменя и 75 т. четв. овса; цѣнность избытка привоза противъ прошлаго года составляетъ около полумилліона руб. сер.

ПОТРЕБЛЕНІЕ ТАБАКУ ВЪ ИСПАНІИ. — Изъ вычисленія и отчетовъ, сдѣланныхъ въ началѣ нынѣшняго года, явствуетъ что число потребителей табаку въ Испаніи и прилежащихъ къ ней островахъ простирается до 3 милліоновъ. Вычислено сверхъ того, что на пространствѣ полуострова вмѣстѣ съ островами, выкуривается ежегодно 15,000 сигаръ гаванскихъ и съ 0-въ Филиппинскихъ, 2,850,000 сигаръ изъ другихъ табаконъ, и что каждый изъ всего числа потребителей омигаетъ кругомъ около 25 ф. табаку въ годъ, что все вмѣстѣ доставляетъ казнѣ пошлинъ на сумму 4,750,000 реаловъ.

ВНУТРЕННЯЯ ИЗВѢСТІЯ.

ПОЖЕРТВОВАНІЕ КНЯЗЯ ЮСУПОВА. — Студентъ С.-Петербургскаго Университета, Князь Николай Юсуповъ, желая почтить память умершаго отца своего, Князя Бориса Юсупова, и оставить воспоминаніе о времени пребыванія своего въ Университетѣ, просилъ принять отъ него *десять тысячъ рублей серебромъ* для учрежденія на счетъ процентовъ съ сей суммы двухъ стипендій для бѣднѣйшихъ студентовъ Петербургскаго Университета, кои по вступительномъ испытаніи получаютъ высшіе балы по предметамъ Русской Словесности и Русской Исторіи. Разрѣшивъ принять это пожертвованіе, Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія доводилъ объ ономъ до Высочайшаго свѣдѣнія, и Его Императорскому Величеству благоугодно было на всеподданнѣйшей докладной запискѣ по сему предмету собственноручно написать: *«благородно.»*

ПРІУТЫ ДЛЯ СТРАННИКОВЪ. — Русская благотворительность проявляется во всѣхъ концахъ необозримаго нашего отечества. Насъ увѣдомляютъ изъ Херсона, что тамъ въ двухъ семействахъ которыхъ мы, изъ скромности, не называемъ, открыты всегдашній пріютъ, съ содержаніемъ отъ хозяевъ, всѣмъ немощимъ странникамъ и прохожимъ богомольцамъ. Прекрасная черта, которой нельзя не пожелать подражанія.

НЕКРОЛОГЪ.

Скончавшійся недавно въ С.-Петербургѣ, Іаковъ, Архіепископъ Нижегородскій и Арзамасскій, (по фамилии Венерковъ) былъ родомъ изъ Курской Епархіи и обучался съ 1804 года въ Курской Семинаріи. По окончаніи семинарскаго курса, въ 1814 году опредѣленъ былъ учителемъ тойже Семинаріи, а въ 1816 году поступилъ въ С.-Петербургскую Духовную Академію. Въ 1819 году возведенъ на степень старшаго кандидата, съ правомъ полученія степени

Магистра, и опредѣленъ въ Орловскую Семинарію наставникомъ и вмѣстѣ Инспекторомъ. Въ томъ же 1819 году 22 Августа постриженъ въ монашество и назначенъ Ректоромъ Сѣвскихъ Духовныхъ Училищъ а въ 1820 году, присутствующимъ Сѣвскаго Духовнаго Правленія. Въ 1822 году возведенъ на степень Магистра въ 1823 году переименъ Ректоромъ же, въ Екатеринославскую Семинарію, съ званіями: Богословскихъ наукъ Профессора и Члена Духовной Консисторіи. Въ 1827 году 15 Февраля сдѣланъ настоятелемъ второкласснаго Григорьевскаго Бизюкова монастыря, и 1 Ноября того же года произведенъ въ Архимандриты. Въ 1829 году 26 Января сопричисленъ къ ордену Св. Анны 2-й степени. Въ 1832 году 27 Марта хиротонисанъ въ Епископа Саратовскаго и Царицынскаго, и, во время управления Саратовскою Епархію, сопричисленъ къ ордену Св. Анны 1-й степени. Въ 1847 году 13 Января переименъ въ Епархію Нижегородскую, гдѣ того же года предоставленъ ему въ управленіе Нижегородскій первоклассный Печерскій монастырь. Въ 1849 году 3 Апрѣля возведенъ въ санъ Архіепископа Нижегородскаго и Арзамасскаго. Въ томъ же году 19 Ноября вызванъ изъ Нижняго Новгорода для присутствованія въ Св. Синодѣ, въ С.-Петербургѣ, гдѣ, 20 Мая нынѣшняго года, отъ горловой чахотки, скончался, а 23 числа погребенъ въ Александро-Невской Лаврѣ. Оставляя до времени описаніе трудовъ Преосвященнаго Иакова, мы обязаны сказать здѣсь, что неутомимая его дѣятельность кромѣ проповѣданія Слова Божія, обращенія къ православію заблудшихъ сыновъ Церкви и занятій Епархіальными дѣлами, выражалась постояннымъ участіемъ въ распространеніи историческихъ, археологическихъ, статистическихъ и этнографическихъ свѣдѣній о нашемъ отечествѣ. Церковь лишилась въ немъ усерднаго наставника православія; учебныя заведенія и ученныя Общества ревностнаго споспѣшника; люди благочестивые — примѣрнаго подвижника, добраго содѣльника и собесѣдника. Миръ праху Архипастыря! Его наставленія не останутся безъ плода и труды незабвенны будутъ ни предъ людьми, ни предъ Богомъ!

СМѢСЬ.

ЛЕДЪ ИДЕТЬ! РѢКА ТРОНУЛАСЬ!

Чего, кажется, проще, какъ появленіе весны, таяніе снѣга, вскрытіе рѣки, а сколько, всякій разъ, объ этомъ толковъ и разговоровъ, сколько народа занимается этимъ предметомъ цѣлые дни. Особенно любятъ толковать объ рѣкѣ. Недѣли за двѣ до вскрытія начинаются разсужденія: что? какъ? рано-ли-то нынче тронется? велика ли будетъ вода? — И почти всегда кто-нибудь прибавитъ: должно быть, велика.... Толпы любопытныхъ сходятся на берегу, на мостахъ, смотрять на рѣку, растабарываютъ и ждуть....

Нынѣшній годъ вскрытіе Москвы-рѣки было немного поздно. Спусти три дня послѣ того, въ который исполнилось дню четырнадцать часовъ, рѣка тронулась, но не вся: ледъ прошелъ отъ Крымскаго Брода и ниже, такъ что отъ Нескучнаго сада до Москворѣцкаго моста можно было ѣздить на лодкахъ, и ловить сачками рыбу, тогда какъ подъ Воробьевыми горами ледъ еще стоялъ, не трогаясь нисколько, а въ Хорошовѣ ходили еще по немъ. Между тѣмъ въ городѣ распространились слухи, что рѣка пошла и даже прошла. Это было такимъ или почти такимъ образомъ: одинъ мальчишка изъ береговаго трактира понесъ кушанье въ улицу поближе къ центру города, и, по дорогѣ, разсказалъ пріятелю своему лакею, сидѣвшему у воротъ на столбѣ, что рѣка-де пошла. Лакей не преминулъ сказать: врешь! и съ этимъ словомъ поднялся со столба, и, не слушая возраженій, отправился на рѣку. Вслѣдъ за нимъ отправился и кучеръ, стоявшій въ воротахъ и одѣтый по весеннему, въ красной рубахѣ, въ плисовыхъ шароварахъ и въ синемъ суконномъ жилетѣ.

Онъ пошелъ неспѣшно, какъ вообще ходять кучера, и осмотрѣвъ сперва свои плюсовые шаровары. За кучеромъ тронулся дворникъ, который, передъ тѣмъ, счищаль грязь съ тротуара: «пойдемъ и мы Москва-рѣку смотрѣть!» Въ это время проходилъ по улицѣ чиновникъ, направлявшій стопы къ присутственнымъ мѣстамъ, вслушавшася, про что говорили, и тоже пожелалъ видѣть рѣку. Какая-то старуха остановилась на противоположномъ тротуарѣ, долго прислушивалась и старалась разгадать, въ чемъ дѣло; наконецъ поняла, и тоже двинулась къ рѣкѣ. Эта старуха — неизбежно лице при всѣхъ необыкновенныхъ и обыкновенныхъ происшествіяхъ города: ее увидишь и на похоронахъ, и на сватъбѣ, и если на улицѣ подерутся, или такъ по чему-нибудь соберется толпа: ужъ старуха тутъ, рѣшительно неизвѣстно откуда явится, смотреть, толкуеть, спрашиваетъ, какъ и что? вздыхаетъ, иногда и поплачетъ, если событіе очень горестно, и потомъ, гдѣ-нибудь на краю города, рассказываетъ обо всемъ случившемся съ приличною важностію и съ большимъ участіемъ. «Ухъ, матушка моя, обревѣлась я, совсѣмъ обревѣлась?» — Что же ты обревѣлась? — спрашиваютъ ее. «Да какъ же, матушка? жалости подобно: лежить, голубушка моя, въ гробу, блѣдная такая, худая!» и старуха опять готова обревѣться. Костюмъ этой старухи — никогда неснимаемый салопъ, лѣтомъ и зимой одинъ и тотъ же, и на головѣ платокъ; никто ея не видывалъ безъ этого салопа и неизвѣстно, что подъ нимъ находится: она раздѣвается только дома. И вотъ весь этотъ народъ спѣшитъ къ Каменному мосту, и видятъ, что рѣка, въ самомъ дѣлѣ, идетъ, огромныя льдины ворочаются, трещать и лѣзуть на быки.... Всякій, кто можетъ, остается досмагривать это зрѣлище, но чиновникъ, связанный службой, отправляется къ своимъ бумагамъ, и пришедъ, рассказываетъ о событіи своимъ товарищамъ; — и всѣ начинаютъ толковать, что рѣка пошла, а одинъ очень любопытный, но робкій, чиновникъ робко подходитъ къ начальнику ранше конца присутствія и просится, говоря, что ему нужно куда-то съѣздить по одному очень важному дѣлу. «Небось рѣку пойдете смотрѣть?» улыбаясь говорить начальникъ, но, какъ человѣкъ добрый и снисходительный, отпускаетъ молодого человека, прибавляя: «ужъ и мнѣ, видно, сходить, посмотрѣть!... да пора и кончать!» говоритъ онъ потомъ, взглядывая на часы, и вотъ они оба идутъ на рѣку. Къ нимъ присоединяются еще и

другіе. По увѣ! смотрѣть нечего: ледъ между Каменнымъ и Москворѣцкимъ мостомъ прошелъ, и тамъ ужъ кое-гдѣ шмыгають лодки; мѣстами бабы полощуть бѣлье и по рѣкѣ далеко раздастся перекатное щелканье вальковъ.... Но у Каменнаго моста стоитъ ледъ, упершись въ быки, и не думаетъ двигаться. Чиновники свѣсились, поглядѣли внизъ и долго потомъ напрасно дожидались, что ледъ тронется. Имъ ужъ и казалось, что онъ трещить, но въ самомъ-то дѣлѣ онъ стоялъ неподвижно; только, кое-гдѣ между трещинъ, свистѣла и урчала вода и прыгала на берегъ....

«Вотъ къ ночи, гляди, пойдетъ!» сказалъ кто-то въ толпѣ.

— Къ ночи пойдетъ! — повторилъ еще кто-то рядомъ: дай маненько вѣтру разыгаться и пойдетъ!

«Вотъ и Ванькина дорога поплыветъ!» замѣтилъ третій, смотря на длинную полосу, протянувшуюся по льду и обозначающую мѣсто бывшей дороги. «Ванька, вотъ и твоя дорога поплыветъ!» повторилъ онъ, взглянувъ на Ваньку, мужика въ полушубкѣ, который часто важивалъ по рѣкѣ соль, рыбу и тому подобные продукты. На это Ванька не разсудилъ отвѣтить ничего и продолжалъ смотрѣть на ледъ.

Послѣ этого чиновники, не выдавъ почти ничего, отправились домой, и очень любопытный, вставши на другой день поутру, наказывалъ своему человѣку: «ты, Иванъ, смотри, какъ уберешься, сходи на рѣку и узнай, что тамъ!»

Иванъ, какъ убрался, отправился на рѣку: но ледъ все еще не трогался. На другой день та же исторія. Народъ однако стоялъ на мосту и ждалъ чего-то. По берегамъ толпились мальчишки съ баграми, приготовляясь ловить подлѣнья, бревешки, и тому подобное, если тронется ледъ. Они переходили съ мѣста на мѣсто, пробовали баграми ледъ и толковали о разныхъ предметахъ по своему.

Подойдемъ къ одной кучкѣ. Посреди мальчишекъ разнаго возраста и вида, одинъ, довольно въ легкой одеждѣ, состоящей изъ пестрадиныхъ брюкъ и какого-то желтаго нанчетаго балахона, сидитъ на берегу и долбитъ багромъ льдину, которая вспозала на берегъ.

«Ванька, Ванька! — говорить онъ другому: глядика-сь — ледъ-ать, ледъ-ать! эка! въ аршинъ будетъ!»

И онъ опять начинаетъ долбить.

— Чего балуешь! — кричитъ ему буточникъ, идущій тихими шагами на берегъ изъ будки, которая стоитъ неподалеку: не балуй, говорятъ!

«Да чего, я ничего!» возражаетъ мальчишка, и все-таки продолжаетъ долбить ледъ. «А ты вотъ пусти-ка меня за плетюхами!»

— И за плетюхами не пущу! — возражаетъ буточникъ и начинаетъ задумчиво поглядывать кругомъ, взглядываетъ и на плетюхи, то есть плетенныя корзины, которыя стоятъ по срединѣ рѣки, на льду, вѣроятно занесенныя изъ какой-нибудь ближней деревни; подлѣ нихъ лежитъ нѣсколько полнѣеви дровъ. «Вотъ кому бы взять!» думаетъ буточникъ, но сейчасъ же забываетъ о томъ, какъ о совершенно невозможномъ, и снова начинаетъ спокойно обозрѣвать ледяное пространство, которое такъ знакомо его взору.

«Эй, пусти, служивый, за плетюхами!» просится опять мальчишка, но буточникъ молчитъ и смотритъ на ледяное пространство, и самъ холоденъ какъ ледъ на всякія просьбы.

«Эй, пусти!.... говоритъ въ третій разъ мальчикъ и, не договоривъ до конца, обращается къ товарищу: «что засмотрѣлся! а вотъ я тебя спихну!»

— Спихнешь! ха, ха!.... ахъ ты Пахомка! — возражаетъ тотъ, хотя мальчишка съ багромъ вовсе не Пахомка.

Въ это время подходитъ къ берегу баба съ бѣльемъ въ уагъ и смѣло спускается на ледъ, направляясь къ ближайшей трещинѣ, гдѣ урчитъ вода. Буточникъ, спокойно смотрѣвшій на ледяное пространство, сейчасъ замѣчаетъ бабу и кричитъ: «Куда? не ходи! не велѣно!»

— Э, служивый, полно! да я сейчасъ!

«Да не ходи, говорятъ! не велѣно!» шумитъ опять буточникъ и дѣлаетъ движеніе алебардой.

— Да я сейчасъ! какъ будто вотъ онъ такъ ужъ и пошелъ! — И баба идетъ-таки по льдинѣ, и подойдя къ первой трещинѣ, начинаетъ опускать въ воду какія-то тряпки и бить ихъ валькомъ.

Пахомка, сидѣвшій на берегу, не вытерпѣлъ и замѣтилъ буточнику : «Вотъ ты еепустилъ.... эдакой Августинъ ! а меня не пускаешь !.... А вотъ и я пойду! А? Али пойти? Али не пойти?»

Буточникъ молчить и не хочетъ изъ пустаго терять своихъ словъ, а Пахомка между тѣмъ, говоря : « а вотъ пойду ! а вотъ не пойду » приподнимается съ берега, и все поглядывая на буточника, тихо и торопко слѣзаетъ на льдину, дальше, дальше — со льдины на льдину, достигаетъ наконецъ плетюхъ, беретъ ихъ и приносить на берегъ. Всѣ завидуютъ смѣлому Пахомкѣ, а одинъ, чтобы сказать что-нибудь въ отвѣстку, кричить :

«Эй, смотри, смотри, гуси летать!»

Но плутоватый Пахомка зналъ, что гусей никакихъ нѣтъ, отвѣчаетъ остра: «это не гуси—галки подмосковныя!»

За симъ начинается разглядываніе плетюхъ.

Подобныя путешествія по льду за какимъ-нибудь полѣномъ, или бревномъ, или плетюхой, бывають часто, но не всегда удачно сходятъ съ рукъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во время хода рѣки, несло на льдинѣ человека, и онъ напрасно кричалъ и простиралъ руки къ стоявшему по берегамъ народу: подать помощи было не возможно. Къ счастью льдина не попала на быки ни у Каменнаго, ни у Москворѣцкаго моста — и неслась далѣе. Когда она подплывала къ Симонову монастырю, одинъ изъ береговыхъ жителей замѣтилъ сидѣвшаго на ней и, какъ Русскій человекъ, всегда готовый на помощь ближнему и притомъ расторопный и находчивый, снялъ ворота (ибо лодки близко не случилось), и огребаясь тѣмъ попало, подплылъ къ льдинѣ и спасъ своего брата, уже лишившагося всякой надежды. Въ другой разъ — это случилось нѣсколько прежде — замѣтили съ берега двухъ маленькихъ дѣтей, которыхъ несло на льдинѣ. Они были неподвижны отъ страха, и упершись рученками въ ледъ, безмысленно смотрѣли на воду. Лодокъ спустить было нельзя. Всѣ ждали, что дѣти погибнуть, налетѣвъ на быкъ со своей льдиной, но къ счастью, она пронеслась въ ворота; не зацѣпилась и на Москворѣцкомъ мосту и летѣла далѣе. Также у Симонова монастыря, гдѣ ледъ шелъ разбитый и разрѣдѣвшій, спустили лодки и такимъ образомъ дѣти были спасены. Это мнѣ рассказывала старуха въ салонѣ, которая была свидѣтельницею самаго происшествія. «Господи! прибавляла она

умиленно: вотъ что значить душечки-то ангельскія: не попустилъ же имъ Господь погибнуть! Ручичками эдакъ сидятъ, уперлись и глазочками смотреть!» и при этомъ она показывала, какъ они уперлись ручичками и какъ смотреть глазочками. Потомъ она рассказала мнѣ еще исторію, какъ однажды — видѣла она — плыла на льдинѣ женщина, лежавшая безъ всякаго движенія и раскинувши косу. Последнее было особенно замысловато и напомнило мнѣ Лермонтова:

Замолчалъ потокъ сердитый,
И надъ нимъ, какъ снѣгъ была,
Голова съ косою размытой,
Колыхая всплыла....

Дальше я немного передѣлалъ, примѣняясь къ обстоятельствамъ:

По красоткѣ-молодицѣ
Тосковали ль надъ рѣкой ?

Да, тосковали ль въ то время, какъ она неслась между играми льда, прямо на быки?....

Участь этой несчастной неизвѣстна, и всезнающая старуха не могла ничего узнать объ этомъ.

Но прочь всѣ старухи, всѣ молодицы, всѣ мечты и стихи! — трескъ и гулъ пошелъ по рѣкѣ, тысячи ушей его услышали, и тысячи глазъ взглянули на ледъ: что будетъ? и вотъ его закачало вдуло, взломало, приперло къ мосту — еще мгновение — и ледъ пошелъ, шипя, треща и дробясь на множество кусковъ; икры поползли на икры, становились копромъ, набѣгали на берегъ и взрывали мокрую землю.... зрѣлище было удивительное! голова кружилась, когда смотрѣлъ на бушующій, вертящійся ледъ, на прыгающія и покрытыя пѣною волны.... Русскій человекъ вообще любить посмотреть, гдѣ что-нибудь ломается, падаетъ, трещать, гдѣ много силы и борьбы; онъ равнодушно смотритъ и еще смѣется, когда ловко разобьютъ кому-нибудь носъ или кого-нибудь приложить объ земь, такъ что тотъ долго не встанетъ. «Ничего, малый, до сватъбы заживетъ!» и чего не заживетъ у Русскаго человека!.... Но мы опять въ сторону! какъ бы не пошелъ ледъ! Пойдемъ, поглядимъ! Народу видимо-невидимо на мосту, всякихъ возрастовъ, чиновъ и званій. Когда взглянешь вдругъ, то увидишь рядъ вмѣстѣ-сплоченныхъ спиць

различнаго вида, цвѣта и ширины; есть очень узенькія, но есть и такія, что можно поставить карету съ четверней лошадей, и останется еще мѣсто, гдѣ этой каретѣ прокатиться. Больше спинъ, принадлежащихъ мѣщанамъ и купцамъ; кое-гдѣ мелькаетъ и тулупъ; а вотъ и баринъ пробирается въ толпу.... вотъ какой-то франтикъ въ модномъ пальто гороховаго цвѣта, смотритъ черезъ головы вдаль, но не можетъ порядочно поворотить своей головы, по причинѣ особаго устройства воротничковъ, которые торчатъ какъ острыя пики....

Съ этимъ господиномъ встрѣтился другой, почти такой же.

«А, здравствуй!»

— Здравствуй!

Они немного поговорили и Гороховый спросилъ:

«Что, ты не замѣчаешь у меня ничего особеннаго въ шляпѣ?»

— Ничего! — а что?

«Да такъ, ничего не замѣчаешь? ты взглядишь — не уехали незамѣтно никакой перемѣны? ты посмотри нарочно!»

Тотъ посмотрѣлъ и все-таки ничего не замѣтилъ.

«Экой ты какой, ничего не видишь: у меня полѣ были такъ, а я вотъ велѣлъ ихъ загнуть эдакъ — понимаешь? загнуть немного сюда!»

— Да, вотъ теперь вижу.... По знаешь ли, меня совершенно смущаютъ твои рубашки.... Кто тебѣ шьетъ?

— Шьетъ мнѣ одна знакомая.... А вотъ тутъ, то есть воротъ, я выкраиваю самъ.

«Нѣтъ, не можетъ быть!»

— Чего не можетъ, выкраиваю самъ, да и конецъ!

И они отправились далѣе....

Вонъ бабенка въ красномъ платочкѣ и въ синемъ капотѣ съ пестрыми цвѣтами, похожими на какія-то лепешки; но капоть ея сшить не капотомъ, а на подобіе пальта.... Вотъ офицеръ въ каскѣ съ выразительной фizioноміей.... Какія-то барыни ѣхали мимо въ коляскѣ, велѣли остановить лошадей и смотреть на воду; шляпки ихъ задернуты вуалами, но

Ихъ чудныя ручки порой подымали

И черныя очи оттуда сверкали....

Вотъ гувернеръ со своимъ питомцемъ, также довольно неизбѣжный при подобныхъ обстоятельствахъ ... Вотъ господинъ, который всегда какъ будто чего-то ищетъ.... За нимъ идетъ барыня изъ простыхъ, съ нянькой и съ дитятей. У дитяти замѣтъ носикъ, и барыня, остановившись на мосту и укутывая ребенка, толкуетъ нянькѣ, зачѣмъ она не надѣла на него шубки.

«Ни объ чемъ нѣтъ заботы! вотъ, какъ мѣсяцъ на исходѣ, такъ подай вамъ жалованье сію минуту, одыху не дадите, а тутъ нѣтъ, чтобы за ребенкомъ присмотрѣть, точно не выше дѣло!»

И барыня изъ простыхъ разшумѣлась точно дома, забывал, что она на мосту и народъ толпится кругомъ....

«Постой, душенька, постой, я тебя укутаю.... да ну же, постой! У, какой! не дасть ничего сдѣлать!.... Вотъ такъ!»

И барыня изъ простыхъ опять пошла и потерялась въ толпѣ вмѣстѣ съ нянькой и съ дитятей ... Вонъ мелькаетъ вдали шляпа студента.... Вотъ мужикъ съ кренделями.... Вотъ охотникъ, которому вскрытіе рѣки предвѣщаетъ близкое тепло и прилетѣть вальдшнеповъ: онъ чувствуетъ ихъ и какъ будто слышать ихъ крехтъ на тягѣ.... сердце его замираетъ; въ ушахъ его трещитъ взводимый два раза курокъ, котораго сладкій звонъ для охотника восхитительнѣе Итальянской оперы.... чу! раздался выстрѣлъ—бафъ-бафъ! Драма начинается! Охотникъ забылъ, гдѣ онъ, что онъ; взоры его, устремленные вдали, ничего не видятъ, уши ничего не слышатъ, и даже бухающій въ стѣны моста ледъ не можетъ разбудить его отъ сладостнаго сна.... но подлѣ него, совершенная ему противоположность, рѣшительно никогда незаносищася мечтами, старуха въ салонѣ смотритъ внимательно на ледъ и очень серьезно въ него взглядывается ... Сзади ихъ ужъ пригородились лотки съ пряниками и съ мороженными яблочками—рязанью, и важно расхаживаетъ съ нагайкой казакъ, неизбѣжно являющійся, какъ и старуха въ салонѣ, при большихъ и малыхъ сходбищахъ «Ты проезжай, проезжай!» кричатъ онъ зазѣвавшемуся извозчику, — и извозчикъ отъѣзжаетъ въ сторону.... А вонъ, кажется, и Пахомка съ берегу! нѣтъ. это какъ такъ показалось: Пахомка съ берегу не пойдетъ — тамъ ему теперь настоящее раздолье; другое дѣло Ванька, котораго дорога ужъ поплыла, вотъ здѣсь.... Здѣсь еще и Андрюшка, ко-

тораго рѣшительный видъ показываетъ, что онъ надолго пришелъ сюда и намѣренъ вдоволь насмотрѣться на рѣку. Онъ разлегся на оградѣ и знать никого не хочетъ. Смотритъ внизъ и поплевываетъ, хотя православный человекъ считаетъ грѣхомъ плевать въ рѣку, да Андрюшкѣ лѣнь повернуться для этого.... «Нечего дѣлать, пусть ужъ грѣхъ будетъ! а ужъ я не поворочусь!» думаетъ Андрюшка. «Что плюешь въ воду!» — замѣчаетъ кто то подлѣ: знаешь, это матери въ глаза!» — Да я не въ воду, а на ледъ! — отвѣчаетъ Андрюшка и еще шире разлегается на оградѣ. Вдругъ къ нему подходитъ баба, не такъ чтобы старая и не такъ чтобы молодая, съ черными быстрыми глазами, по которымъ сей-часъ можно видѣть, а также и по движеніямъ ея, что это баба развухабистая.

«Я къ тебѣ нарочно подошла, Андрюшка!» говоритъ она сладенькимъ голоскомъ, прищуриваясь и нѣсколько припадая къ парню: «Я нарочно хотѣла съ собой поздороваться! Ну что, навѣдалъ?»

«Кого? спрашиваетъ Андрюшка, неохотно отрываясь отъ пріятнаго зрѣлища: онъ выжидалъ, куда пойдетъ огромная льдина, которую онъ ужъ давно запримѣтилъ: въ ворота льд, или налѣзеть на быкъ и доставитъ ему удовольствіе.

— Кого? извѣстно кого! — отвѣчаетъ неугомонная баба, но Андрюшка рѣшительно не слышитъ и дожидается льдины.

«Ты вотъ смотри-ка сюда, какъ льдина-то пойдетъ!» говоритъ онъ бабѣ, и та, забывъ, о чемъ хотѣла еще у него спросить, приподнимается также и смотритъ внизъ на рѣку: льдина идетъ и — о радость! — прямо на быкъ! не только Андрюшка, но и всѣ, стоящіе около, съ любопытствомъ устремляютъ глаза на льдину: всѣмъ будетъ потѣха! Всѣ ожидаютъ чего-то необыкновеннаго.... и вотъ льдина летитъ, летитъ встрѣчается съ быкомъ, — кракъ! и вся она треснула вдоль и поперекъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, остановилась и казалось: быкъ, съ мостомъ, съ Андрюшкой, съ бабой и со всѣмъ, на немъ находящимся, пошелъ въ льдину, разрывая ее болѣе и болѣе; вода зашипѣла вокругъ и снѣгъ и глыбы льду посыпались во всѣ стороны, а иные остались торчать на нѣсколько мгновеній по бокамъ гранита.... множество различныхъ возгласовъ и краткихъ замѣчаній полетѣло отовсюду: «Ухъ какал!» — Эна! эна-эна! и потомъ кто-то протянулъ: э-ге-на! — «Ну, на этой уйдешь! замѣчалъ другой — далеко!

прибавлялъ онъ немного погода: машина какая! съ четверть версты будетъ!»

— Какъ она быка-то не своротила? — говорилъ третій.

«Не своротить! серьезно возражаетъ четвертый: пшь-ты вѣдь онъ какъ сдѣланъ-то» — и всѣ взглядывають на быка — «пшь желѣза что! поди свороти!»

— Это не желѣзо, возражаетъ кто-то въ толпѣ: это чугуны!

«Чугунъ! ха—а! откуда онъ чугуны—отъ! — ты почему знаешь: самъ что ли дѣлалъ? — раздается изъ толпы: чугуны! Хе—е!.... самъ ты чугуны!»

И невѣстиво до чего бы дошелъ этотъ споръ, если бы толпу не заняла другая огромная льдина. Всѣ молча устремили на нее глаза; только иногда раздавалось:

«Пройдетъ! — нѣтъ, не пройдетъ!.... Ка-бы заѣла!.... кончикомъ развѣ!.... нѣтъ, пройдетъ!.... нѣтъ, заѣнетъ!»

И вотъ она близко быка — вотъ она готова съ нимъ поцѣловаться, но мимо ея шмыгнула другая, отодвинула ту вбокъ — и большая льдина, не доставивъ никому удовольствія, прошла въ ворота, только немного краемъ проѣхала по боку гранита, зашипѣла, синія иглы полѣзли вверхъ и льдина покатила далѣе....

Въ это время черноглазая баба стала опять приставать къ Авдюшкѣ:

«Да ты послушай меня, навѣдалъ что ли? Да ты поди сюда!» И Авдюшка лѣниво поворачивается къ ней и, почти не слушая, начинаетъ съ нею разговаривать себѣ подъ носъ; ничего нельзя слышать, кромѣ неясныхъ звуковъ, или краткихъ возгласовъ: «гм!.... да!.... во вторникъ!.... такъ что жъ!.... гм!.... пожалуй!» — и онъ опять воротилъ голову къ рѣкѣ, а баба юркнула въ толпу и пропала изъ виду.

Въ другой кучкѣ, неподалеку оттуда, слышалось ужасное бормотанье и растабарыванье: это говорила старуха въ салонѣ со своею товаркой и какъ всегда — о постороннемъ предметѣ.

«Ну что твой Пашка?» спрашивала другая.

— Что Пашка: растеть! нынче повсюдъ ее посылаю.... грѣхъ сказать, помощница мнѣ не малая: и дровъ натаскаетъ, и печь затопитъ; раздѣнетъ меня, какъ приду: день-то деньской мыкаюсь, сударыня ты моя, устану.... о—охъ! и то сказать,

неволя!.... книжку мнѣ почитаетъ.... что, ка-бы эту дѣвку учить-учить: и смышлена только!.... да и то сказать, чего она мнѣ стоить: пятьдесятъ рублей почитай на нее идетъ!.... А еще глупа, матушка, глупа: грѣхъ какой былъ — говѣла она, мать мол, на первой-то недѣлѣ, да вдругъ.... ахъ ты Господи! въ великій четвергъ вдругъ — плясать! Вѣдь пришла же эдакая блажь! Съ дѣвчонкой сосѣдской остались одни, да и ну!.... Ахъ ты, Господи! А я-то на ту пору уйди..... прихожу, матушка: дымъ коромыслемъ! Ахъ ты, сякая, эдакая! ты, молъ, это что?.... Что ты это выдумала? ахъ, азарница, азарница!.... вотъ грѣхъ-то какой! эдакъ оставлай ихъ однихъ-то!....

«А что Катя?» спрашиваетъ опять та.

— Да что: умираетъ совсѣмъ! муженекъ-то вѣдь у ней чаромъ такой, что Господи упаси!.... Вотъ я тебѣ, матушка, расскажу!....

Но старуха не успѣла кончить, какъ внезапно раздался ужасный крикъ и хохотъ на мосту: на одной льдинѣ, за которою народъ уже давно слѣдилъ глазами, несло что-то необыкновенное и замѣтно было движеніе. Когда льдина подплыла ближе, оказалось, что это была кошелка, съ курами и съ пѣтухомъ. Куры сидѣли спокойно, но пѣтухъ, взобравшись на верхъ, хлопалъ крыльями, весело разсматривалъ идущія мимо льдины и распѣвалъ во всю мочь. — Всѣ захохотали разомъ, но многіе тотчасъ стихли: имъ стало жаль веселаго забавника, который долженъ былъ погибнуть со своими подругами въ мутныхъ волнахъ, потому что льдина летѣла прямо на быкъ, а инымъ только этого и хотѣлось. Другіе же размышляли, какимъ бы манеромъ поймать куръ и пѣтуха, если ихъ пронесетъ благополучно въ ворота? Большая часть кричала:

«Ишь, куда влѣзъ! да нѣтъ, братъ, не уйдешь! кричи, не кричи, а вотъ сейчасъ тебѣ карачунъ будетъ!»

— Ха! ха! ха! раздавалось справа; ха! ха! ха! гремѣло слева; — весь мостъ и оба берега заняты были судьбой пѣтуха. Но вотъ льдина ближе и ближе — всѣ стихли — смотрятъ — льдина налетѣла на быкъ, треснула — и курятникъ съ пѣтухомъ и курами исчезъ подъ водою. Только его и видѣли! Почти всѣ были очень довольны произшествіемъ, и каждый по своему разсуждалъ объ немъ.

«Вотъ ка-бы немножко сюда пошла, замѣтилъ известный намъ Андрюшка, такъ не задѣла бы!»

— Не задѣла бы! — небрежно поддакнулъ Ванька, и потомъ, отъ нечего дѣлать, началъ глядѣть вдаль. Сперва ему кинулась въ глаза Городская больница, за ней Нескучный садъ, Мамоновскій замокъ, далѣе заснѣжились Воробьевы горы.... но Ванька не любилъ долго засматриваться, на что бы то ни было, и притомъ былъ характера безпокойнаго и требовавшаго постоянной перемѣны предметовъ — и потому опять быстро повернулъ свои глаза на рѣку и тотчасъ увидѣлъ на берегу парня, который ловилъ багромъ плывущія мимо чурки и поленья.

«Ишь ты: подъ носомъ плыветь, а не видитъ! что стоишь? лови!» командовалъ Ванька, хотя команды его никакъ нельзя было услышать съ берега. Потому, очень довольный собою и не находя больше предметовъ для развлечения, потому что большихъ льдинъ не было, а на маленькія не стоило смотрѣть, — онъ немного отодвинулся отъ борта и началъ разсматривать камни ограды: оказалось, что одинъ лопнулъ и кусокъ вывалился вонъ.

«Это кто-нибудь зубомъ выкусилъ!» началъ острить Ванька самъ съ собою и потомъ обратился къ сосѣду: «это ты видно зубомъ выкусилъ! а?.... а что, попробовать, выкусишь, али нѣтъ?» Но и этого разсужденія онъ не кончилъ и снова обратился къ рѣкѣ и сталъ смотрѣть на льдины. Новая и тоже довольно странная фантазія пришла въ голову Ванькѣ, но такъ какъ онъ любилъ свои фантазіи высказывать вслухъ, то высказалъ и эту.

«А что, коли туды скакнуть?»

— Что, известно что! — сказалъ кто-то рядомъ, но и этотъ не любилъ дорисовывать картинъ, и они оба съ Ванькой занялись тотчасъ же чѣмъ-то другимъ; это вызвало у нихъ новые толки и фантазіи, которые тутъ же и оборвались.... За то какой-то господинъ, подслушавшій ихъ разговоръ и предположеніе спрыгнуть въ воду, пустился сейчасъ дорисовывать въ умѣ своемъ эту картину. Это былъ мечтатель совсѣмъ другаго свойства: онъ любилъ произвести при случаѣ эффектъ.

«У, чортъ возьми! что, въ самомъ дѣлѣ спрыгнуть бы на ледъ? а?.... Со льдинки на льдинку.... шестикъ какой-нибудь въ руку.... всѣ кругомъ смотрять.... удивляются.... шумъ.... говоръ.... выг-

неніе!... Ему воображалась какая-то красавица, выглядывавшая изъ окна и дѣлающая ему одобрителный знакъ; и онъ несся въ мечтахъ по льдинамъ — все къ ней, все къ ней.... и неизвѣстно, куда бы еще занесся, если бы вдругъ, надъ самымъ его ухомъ, не раздался крикъ :

— Терешка! Терешка! Терешка! — Онъ оглянулся: это былъ пьяный мужикъ, у котораго голова какъ-то странно качалась то назадъ, то впередъ, а руки, съ раздвинутыми пальцами, описывали въ воздухѣ полукругія. Мужикъ мерещился какой-то Терешка и онъ, идя довольно скоро и натываясь на всѣхъ, кричалъ: Терешка! Терешка! Терешка! — Многіе повертели головы и посмотрѣли на мужика; но прежде всѣхъ казакъ, тоже было заглядѣвшійся на льдину, услышалъ крикъ Терешка! устремилъ въ ту сторону глаза, и ясно было, что онъ готовъ что-то предпринять, но голосъ и мужикъ исчезли довольно скоро, и успокоившійся казакъ опять повертилъ голову къ рѣкѣ....

Въ это время показались на мосту двое купцовъ и между ними шелъ сѣдующій разговоръ, или лучше сказать, отрывокъ разговора:

«Берите, говорить кредиторамъ, теперь, говорить, а то, говорить, ничего не получите!»

Это говорилъ одинъ, но другой какъ-то не разслушалъ, требовалъ повторенія, и первый началъ снова, немного варьируя:

«Вы, говорить, берите теперь! кредиторамъ-то сказалъ; а то ничего не получите! ничего, говорить, не получите! вотъ что!»

Тутъ подошелъ къ нимъ третій и послѣ взаимныхъ прикѣтствій, спѣшилъ сообщить имъ новость:

— Знали вы Самсонова?

«Захаръ Иваныча?»

— Захаръ Иваныча!

«А что?»

— Да померъ!

«Какъ? Захаръ Иванычъ? Что вы? Царство ему небесное!»

И всѣ трое принялись разсуждать о покойникѣ, и въ концѣ почти каждаго монолога, кто-нибудь прибавлялъ печальнымъ тономъ и смотря въ землю:

«Такъ вотъ что! померъ!».... Вообще разговоръ на мосту дѣлался разнообразнѣе и разнообразнѣе и переходилъ отъ рѣки

ко всевозможнымъ предметамъ. Охотникъ, наткнувшись на другаго охотника, началъ объяснять ему свои предположенія насчетъ предстоявшей палубы и между прочимъ завелъ рѣчь о тельжикѣ, которую только-что устроилъ.

«Ты думаешь, что мнѣ стала тельжка-то?»

— Что? цѣлковыхъ пятьдесятъ-шестьдесятъ!

«Да, почти! Все ужъ надо получше; вѣдь вотъ коробъ одинъ семь цѣлкашей; колесы совсѣмъ съ шинами — тридцать; оси штемлеванныя десять да въ: десять да семь, это семнадцать, это пятьдесятъ семь рублей, говорятъ! да тридцать! вотъ ужъ почти пятьдесятъ цѣлковыхъ!»

— Да ты зачѣмъ же оси-то желѣзныя? — перебилъ другой: ты бы деревянныя съ желѣзною прорѣзью, — прорѣзь желѣзная какъ есть во всё!....

«Ну да ужъ такъ! Все лучше! — отвѣчалъ снова первый: а потомъ оглобли тамъ, да подушка съ пружинами.... да....»

Но охотникъ не кончилъ: мимо ихъ проходила какая-то блондинка въ сѣренькомъ салопѣ.

«Ну что, видѣлъ?» спросилъ одинъ.

— Видѣлъ! такъ это-то твоя.... помнишь, ты мнѣ рассказывалъ....

«Эта! а что?»

— Да ничего особеннаго! Не знаю, что ты тутъ нашель?

«Вижу, что ты ничего не понимаешь! или просто не взглядылся.... она удивительно какъ мила!»

И онъ долго глядѣлъ ей во слѣдъ и перебиралъ всѣ складки на ея салопѣ и окидывалъ глазами сверкавшія изъ-подъ него уземькіе слѣдки.... потомъ оба охотника пошли съ мосту.

Скоро толпа стала рѣдѣть. Ледъ шелъ уже мелкими кирами и не могъ занимать наблюдателей. Весьма не многіе оставались на мосту, но къ вечеру разбрелись и тѣ. Послѣдній, кажется, ушелъ Андрюшка, а за нимъ ушелъ и казакъ, вида, что сходбища ужъ нѣтъ и ему больше нѣ за чѣмъ тутъ присутствовать.

Къ ночи у многихъ заложило носы и сдѣлался насморкъ, а кто былъ понѣжнѣе, и вовсе заболѣлъ. Также простудился и дятя у барыни изъ простыхъ, и она снова принялась за маньку, но дома разшумѣлась еще больше, чѣмъ на мосту, и нѣсколько разъ упоминала объ жалованьѣ.

На другой день поутру ледъ опять пошелъ сильнѣе, и Иванъ приходилъ будить любопытнаго чиновника:

«Не угодно ли посмотрѣть: говорятъ, ледъ опять пошелъ!»

Чиновникъ поворотился въ постели, искоса глянулъ на стучавшіе надъ нимъ Цыцарскіе часы: стрѣлка показывала только осемь; онъ перевернулся на другой бокъ и минутъ черезъ пять не слышалъ ужъ, какъ стучали часы....

Къ вечеру прошелъ и этотъ ледъ, и больше ужъ не было. Вода разлилась и поднялась очень высоко, какъ давно не бывало. Такъ простояла она два дня, а на третій нѣсколько опустилась. Теперь она опять, какъ бываетъ всегда, и говорятъ, скоро, навѣдутъ Крымскій мостъ.

Н. Березъ.

Апрѣль. 1850.

Москва.

АНГЛІЙСКІЙ ШЕРСТЯНОЙ СОЮЗЪ. — Англичанинъ и Северо-Американецъ (Янки) братья по крови, но живутъ совсѣмъ не по-братски. Оба не упустятъ случая насолить другъ другу, а по столкновенію общихъ выгодъ случаи эти встрѣчаются довольно часто. Въ настоящее время Англійскіе приверженцы ограниченной торговли (протекціонисты) хлопчуть о составленіи шерстянаго союза, члены котораго должны обязаться не употреблять ни въ какомъ видѣ хлопчатой бумаги, замѣняя ее шерстью. Безпрестанно собираются митинги, произносятся рѣчи, пишутся адреса, и союзъ пріобрѣтаетъ новыхъ приверженцевъ. Можно угадать напередъ, что онъ не достигнетъ предположенной цѣли; но одна мысль объ немъ достаточно характеризуетъ духъ народа, въ головѣ котораго родилась она. Недавно извѣстный протекціонистъ Г. Феррандъ изложилъ на митингѣ *логическій* планъ шерстянаго союза. «Въ пользу 600 мануфактуръ Ланкастерскаго графства, говорилъ онъ, должны разориться всѣ помѣщики и фермеры. Мы будемъ сопротивляться этому. Составимъ въ свою очередь союзъ противъ Американской хлопчатой бумаги, союзъ въ пользу шерсти старой Англій: дадимъ другъ другу честное слово не носить больше хлопчатой бумаги. Неужели она необходима для насъ? Наши бабушки не знали ея. Онъ носили платья изъ Англійской шерсти и Англійскаго льна. Всего 70 лѣтъ, какъ мы познакомились

съ этимъ проклятымъ произведеніемъ; теперь оно втерлось повсюду: бумага сверху, бумага снизу, бумага вездѣ. Низвергнем ее. Отчего не надѣяться намъ на успѣхъ? Вспомнимъ только то, что Герцогъ Бедфордскій уничтожилъ подать съ париковъ, уронивъ моду на нихъ. Запретимъ между собою употребленіе хлопчатой бумаги, и черезъ два года Ланкастерскіе мануфактуристы станутъ просить у насъ пощады....» Рѣчь рѣльнаго оратора была большой успѣхъ, и многіе изъ присутствовавшихъ въ собраніи объявили, что они лучше будутъ сморкаться въ пузыри, чѣмъ въ бумажные платки! А въ возможности исполненія этого общаго ручается то обстоятельство, что при началѣ споровъ объ освобожденіи негровъ, аболиціонисты (защитники ихъ) мѣсяца три имѣли твердость пить чай и кофе безъ сахара, лишь бы только доканать этимъ плантаторовъ колоній!

НЕОСТОРОЖНОСТЬ. (Страница изъ семейной жизни). — Дѣйствіе происходитъ въ Парижѣ, въ улицѣ де-л'Озель или въ улицѣ Копо, близъ извѣстнаго Сада растеній. Не угодно ли взглянуть на приготовленія къ званому вечеру?

Дочка, Нини, репетируетъ романсъ съ эффеками. Она принадлежитъ къ числу тѣхъ музыкантшъ, о которыхъ Гарѣ говорилъ: «что за forte въ ихъ игрѣ! и что за forte въ голосѣ!»

Маменька собственноручно, въ послѣдній разъ, съ особеннымъ тщаніемъ перетираетъ ламповыя сферическія стекла, чтобы красота Нини явилась въ настоящемъ свѣтѣ.

Папенька, не надѣвалъ фрака и бѣлаго галстука, недовольный искусствомъ полотера, вооружился щеткой и усердно лощитъ полъ, чтобы подать поводъ къ выгоднымъ заключеніямъ на счетъ приданаго.

Но нѣкоторые изъ званыхъ гостей, должно быть, какіе-нибудь чудаки отъ Верхнихъ Альпъ, являются до назначеннаго часа.

Отецъ семейства, котораго они застаютъ на четверенькахъ, отдѣливается отъ нихъ по примѣру Генриха IV, продолжавшаго играть въ лошадки съ сыномъ, не смотря на присутствіе вонедшаго неожиданно посла.

— Есть у васъ дочь невѣста? спрашиваетъ отецъ у гостя.

— Есть, отвѣчаетъ гость.

— Въ такомъ случаѣ, я обойду всю комнату.

.... Вечеръ конченъ. Гости разъѣхались. Нини, не кушавшая въ продолженіе всего дня, чтобы сохранить стройность талии, бросается на оставшіеся пирожки. Горничная исполняетъ приказаніе скорѣе гасить огонь въ каминѣ: она его заливаетъ. Матушка снимаетъ наколку и, вмѣстѣ съ батюшкой, въ видахъ экономическихъ, тушитъ свѣчки мѣхами.

Эта поспѣшность приводитъ не къ добру. Хозяева распорядители бала не замѣчаютъ, что одинъ изъ гостей, тотъ самый молодой человекъ, который два раза съ видимымъ удовольствіемъ полькировалъ съ Нини, — почему-то заждався въ прихожей. И чего онъ ждетъ? Но онъ сдѣлался свидѣтелемъ прожорливости Нини и экономическихъ распоряженій папеньки и маменьки. Что же онъ теперь подумаетъ о приданомъ и о воздержности? Еще одинъ вечеръ пропалъ ни за что! Бѣдная Нини! Придется разучивать новый романсъ съ эффектами: а сезонъ вечеровъ ужъ проходить! Неужели потеряны всѣ надежды?

Нини очень недовольна развязкой вечера.

Папенька, держа на рукѣ фракъ и бѣлый галстукъ, другою беретъ за руку маменьку, которая несетъ свою наколку, и скрывается съ нею въ задней комнатѣ, напѣвая романсъ, вѣроятно взятый съ Русскаго водевильнаго куплета:

Ахъ дочери! — мученье;
Спросите, кто имъ радъ?
Плати за ихъ ученье,
Плати — за ихъ нарядъ.
А подростутъ поболь,
Тогда отца и мать
Спросите вы — легко ли
Ихъ замужъ выдавать?

НИЗЪ И ЕВРІАЛЬ. — Гг. Леонъ Баттю и Эженъ Версіу дарятъ Парижскій театръ Variétés новой пьесой, подъ заглавіемъ: «Низъ и Евріаль.» Виргилій, конечно, не узналъ бы въ двухъ герояхъ Французской комедіи, любимыхъ имъ типовъ древней дружбы.

Низъ и Евріаль принадлежать временамъ гораздо новѣйшимъ. Не угоднo ли вамъ видѣть въ нихъ двухъ гусаръ старой Французской гвардіи, трубачуровъ, какъ водятся, покрытыхъ ранами, рубцами и лаврами, пожатыми ими отъ Итоламанды до Маренго.

Отд. VI.

2

Двадцать разъ, въ сраженіяхъ; Низъ спасать жизнь Евріалу; двадцать разъ Евріаль отбилъ ударъ пика или выстрѣлъ, готовившіеся отправить друга къ печальнымъ берегамъ Стикса и Ахерона.

Вы, стало быть, уже знаете, что они издавна покланялись другъ другу въ дружбѣ по гробъ. Оттуда и начало именъ Низа и Евріала, обратившихся въ нарицательныя издревле. Но, можетъ ли, въ подлунной, и дружба быть совершенной, безусловной?

Въ одинъ прекрасный вечеръ судьба приводитъ друзей въ Баварскую хижину. И надо же имъ, въ этой хижинѣ, наткнувшись на Француженку, прекрасную, какъ многія Француженки и не-Француженки въ 19 лѣтъ, и кокетку безъ мѣры. Между Низомъ и Евріаломъ загораются пламя войны. Кто побѣдитъ сердце неутомимой? Каждый изъ друзей порознь начинаетъ мудреный маневръ, одинъ старается провести другаго, они начинаютъ подозрѣвать другъ друга, — взаимно ненавидѣть другъ друга, и наконецъ, рѣшаются стрѣляться.

Но, къ счастью, въ ту же минуту, они вспоминаютъ о прежнихъ подвигахъ, подѣ сънью дружбы.

— Неужели мы будемъ стрѣляться за эту дѣвчонку? говорить Евріаль.

— Никогда, отвѣчаетъ Низъ.

Они обнимаются. Миръ. И рѣшено обратиться къ виновницѣ общаго несчастья и спросить у нее, кого она хочетъ сдѣлать счастливецемъ.

— Двухъ вмѣсто одного, отвѣчаетъ она. Меня сдѣлали полковой маркизаншей, и я буду третьимъ лицомъ вашего союза.

Авторы Французской пьесы, съ большимъ тактомъ, доказали, что древнія добродѣтели возможны и въ наше время.

ЧИСЛО ТЕАТРОВЪ И АКТЕРОВЪ ВЪ ГЕРМАНИИ. — Изъ оффиціальныхъ свѣдѣній видно, что въ 1849 г. было въ Германіи 123 театра перваго и втораго разрядовъ. Въ нихъ считаютъ 12,185 артистовъ, а именно: 3,378 актеровъ (1,982 мужчинъ и 1,416 женщинъ), 612 пѣвцовъ (350 мужчинъ и 282 женщины) 2,340 балетныхъ артистовъ (1,209 мужчинъ и 1,131 женщина) и 5,835 музыкантовъ оркестра; суф-флеровъ 143, изъ нихъ женщинъ 8; прочихъ театральныхъ чиновниковъ 2,070, что вмѣстѣ составляетъ цифру 14,398. — Въ числѣ драматическихъ артистовъ Германіи — одинъ графъ, два барона и тридцать шесть дворянъ.

ДОВОЛЫТНЫЙ ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТЪ. — Въ началѣ нынѣшняго года нѣкая Кейзеръ, кружевница въ Граммонъ (въ Бельгiи), благополучно разрѣшилась отъ бремени двадцать третьимъ ребенкомъ. Ребенокъ и мать остались живы и здравотвуютъ. Говорятъ, что если почтенная матрона подаритъ своего супруга 24-мъ ребенкомъ, — супругъ намѣренъ звать въ крестные отцы самого Короля.

ЗНАНИЕ ЛАТИНСКАГО ЯЗЫКА. — Въ половинѣ семнадцатаго вѣка одинъ изъ настоятелей Антверпенскаго епископства, чуть ли не Aubert le Mige, составилъ библиотечку духовныхъ сочиненiй на Латинскомъ языкѣ. Въ каталогѣ этой библиотекы есть, между прочимъ, книга подъ заглавiемъ «Pastor fido» (le Fidele Berger). Почтенный отецъ, вѣроятно, счелъ ее за трактатъ объ обязанностяхъ вѣрнаго пастыря.

ЧУДЕСА ИГОЛКИ. — Всѣмъ извѣстно, что въ слѣдующемъ году откроется въ Лондонѣ всемирная выставка промышленности. Вся страны представлятъ туда цвѣтъ своихъ издѣлiй, источники своего богатства.... Что пошлемъ мы, еще невозможные въ дѣлѣ промышленности? Сырыя ли свои произведенiя, или тѣ немногiя мануфактурныя издѣлiя, которыя, вслѣдствiе благопрiятныхъ обстоятельствъ, доведены у насъ до замѣчательной степени совершенства? До сихъ поръ объ этомъ можно говорить только гадательно. Но вотъ первое положительное извѣстiе: мы пошлемъ чудеса иголки, chef d'oeuvre швейнаго искусства. Прочтите слѣдующее объявленiе въ 91 N Москов. Полнц. Ведомостей: „Въ гостинницѣ Германiи, подъ N 10, можно видѣть *шитье подъ гравировку*, которое имѣетъ быть на всемирной выставкѣ, въ Лондонѣ; за входъ 1 руб. сер.» — прочтите и подумайте о глубокомъ смыслѣ его. А мы только скажемъ: да здравствуетъ иголка!

ПРОДОЛЖЕНiЕ СКАКОВЫХЪ ЗАКЛАДОВЪ. — На вызовъ Петербургскихъ приверженцевъ кровныхъ лошадей Г. Смагина, тропичникъ, отвѣчаетъ, въ Свѣ. Щель, между прочимъ, слѣдующее:

* См. 8 N Москвитянина.

„Для всѣхъ рабочихъ употреблений едва ли можетъ быть что-нибудь превосходить той неопредѣленной породы лошадей, которыми такъ богата Русская земля. Онѣ рождаются у насъ десятками тысячъ, а покупаются десятками рублей; онѣ служатъ и подъ молодцомъ-гусаромъ, и въ сохѣ крестьянина; ими прославлена быстрота нашихъ почтовыхъ сообщений и движеніе громадныхъ обозовъ; изъ нихъ проявляются рысаки, *которые бѣгутъ двадцать верстъ въ 41 минуту*, и онѣ же соперничаютъ въ безпощадныхъ бояхъ съ первымъ поколѣніемъ *Женераль-Шагсе*, соперничаютъ неутомимо, съ самоотверженіемъ, предъ которыми блѣднѣютъ *Бедуины* и *Малекъ-Адели*. Если только этой полезной и славной породѣ господъ, предлагающіе вызовъ, не удостоить приписывать *больше или меньше Анелійской скаковой крови*, и согласятся поубавить цѣнность заклада (который превышаетъ мои средства), то я сочту особенной честью соперничать съ ними, не только отъ С.-Петербурга до Орла, но ежели угодно, хоть до Ирбита, благодаря обширности Русскаго ипподрома.“

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПРИОБРѢТЕНІЕ. — Нѣсколько разъ собрался и начиналъ я писать хотя краткія извѣстія о своихъ археологическихъ приобрѣтеніяхъ; но вслѣдствіе разныхъ занятій прерывались эти извѣстія, между тѣмъ какъ въ нихъ можетъ встрѣчаться много любопытнаго для охотниковъ и знатоковъ, а отлагаемая, онѣ забываются и затериваются. На дняхъ получилъ я транспортъ съ рукописями изъ Казани, отъ стараго своего комиссіонера, Ивана Никонова Изергина, Вятскаго уроженца, а именно: Псалтырь, вѣка 16, рукопись чистая уставная, въ коей въ срединѣ попалась мнѣ слѣдующая важная приписка:

«Здѣ имаеть конецъ псалтыри. гирь. гевенъ. іенъ. ендеде-саатиръ хвала. лаоугъде. съ надписанія далмомъ. приведены на русьскія цыкъ изнемецкія псалтыри. вѣто. ъс осмаго. а влатыньской псалтыри написаніе однаки снашими срьсьскими слово в слово, а велѣлъ переводитъ архіепкпъ генаден новогороцкіи. а переводилъ митица малои. а преже того года за два переводилъ архіеп'пъ первыя власти и потомъ митя. а тѣже оутретья олат митя переводилъ.» *М. П.*

отъ редакціи. Л. А. Мей будетъ заведывать отдѣленіями Русской Словесности и Иностранной Словесности.

СМѢСЬ.

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ КОЕ-ЧТО ПО ПОВОДУ КАРТИНЪ И ЭСКИЗОВЪ Г. ФЕДОТОВА. — Къ какому разряду художественныхъ произведеній, къ какому направленію въ искусствѣ слѣдуетъ отнести картины и эскизы Г. Федотова, имѣвшіе столько успѣха и у Петербургской и у Московской публики? Что заставляло стоять передъ ними на выставкахъ такую большую толпу посѣтителей, что привлекало къ нимъ приходившихъ въ Ростовчинскую галерею и отводило глаза, повидимому незаконно, отъ многихъ превосходныхъ вещей, гораздо высшаго художественнаго достоинства, въ ней находящихся? Особенная ли острота, съ которою они задуманы, особенная ли художественность въ артистической обработкѣ, особенная ли виртуозность въ технической отдѣлкѣ? Или, болѣе нежели что другое, новость рода, меткость, съ которою художникъ попалъ именно на то направленіе, по которому, при данныхъ обстоятельствахъ, можно идти успѣшнѣе, нежели по другимъ, однимъ словомъ — оригинальность и вмѣстѣ современность въ оригинальности? — Вѣроятно и то, и другое вмѣстѣ, но, какъ кажется, второе нѣсколько болѣе нежели первое. Поэтому, конечно, очень многіе, послѣ разсматриванія произведеній Г. Федотова, старались себя уяснить, къ какому роду живописи, или вообще къ какому художественному направленію они относятся?

Иснѣ всего, что это живопись такъ называемая *du genre*.— родъ живописи, кажется, самый благодарный, съ тѣхъ поръ какъ живопись стала получать болѣе кабинетное, нежели монументальное назначеніе, и еще болѣе съ тѣхъ поръ, какъ высокое образованіе стало считаться вещью ненужною для художника, а богатство мыслями — даже качествомъ вреднымъ. Не говоря объ исключеніяхъ, которыя рѣдки, а объ общемъ характерѣ, что можетъ быть произведено великаго въ исторической живописи, когда мысли, которыхъ совокупность составляетъ то, что называется современною образованностію, и служитъ атмосферою, въ которой движутся люди вожагыя по разнымъ сферамъ чело-вѣческой дѣятельности, когда эти мысли, духовное богатство времени, почти совсѣмъ чужды художнику? Не такъ было во времена высокаго процвѣтанія художествъ, не такъ было во времена Рафаеля, Микель-Анджело, Винччи, чтобъ не говорить о времени Фидія. Тогда первые художники стояли во всѣхъ отношеніяхъ во главѣ своего времени. У нихъ все было общае съ представителями тогдашняго общества; всѣ интересы, всѣ увлеченія времени были имъ вѣдомы и служили пищею ихъ дарованіямъ. Мудрено ли, что и дарованія росли удивительнымъ образомъ и не ослабѣвали до самой глубокой старости? Теперь такое отношеніе художника къ современнымъ интересамъ, къ внутренней жизни общества, почти не въ порядкѣ вещей, — явленіе печальное, на которое можно указывать, только говоря о художникахъ, болѣе или менѣе свободныхъ отъ упрека, заслуживаемаго большею частію ихъ собратій.

При такомъ состояніи образованія большей части художниковъ, процвѣтаніе высокихъ родовъ живописи становится невозможнымъ, и потому мы дѣйствительно видимъ, что отчасти высокіе роды склоняются сами къ характеру болѣе низкихъ родовъ, отчасти даровитые художники оставляютъ ихъ и переходятъ къ послѣднимъ. Историческая живопись, не смотря на внѣшнія пособія и поощренія, которыми пользуется, уступаетъ все болѣе и болѣе мѣста ежедневному быту (*au genre*). * Это явленіе очень по-

---

* Читатели замѣтятъ, что авторъ затрудняется въ передачѣ этого техническаго слова. Пусть позаботится о томъ знатоки.

нятно. Последняя живопись не обращается за своими предметами въ высокія области: она беретъ ихъ изъ той вседневной жизни, которая окружаетъ всякаго, которую знаетъ всякій, какъ всякій знаетъ хлѣбъ, дрова, платье. Она доступна исторической; она всякому просится въ комнату; она всякому понятна. Съ тѣхъ поръ какъ люди раздѣлились на образованныхъ и необразованныхъ, она имѣетъ болѣе обширную публику, нежели живопись историческая. Къ тому же она можетъ процвѣтать во всякое время, какъ бы оно скудно ни было поводами къ положительному одушевленію. Этого рода живописи болѣе требуетъ мѣткой наблюдательности, нежели увлеченія, болѣе вѣрности природѣ, нежели высокаго изящества, болѣе даровитости и остроумія, нежели геніальнаго богатства мыслями и истинно-художественнаго, спокойно-восторженнаго міросозерцанія. Процвѣтають роды: портретный, житейскій. Къ нимъ относится большая часть удовлетворительныхъ художественныхъ произведеній подобнаго времени; занятія ими бывають пріятны художникамъ, потому что при нихъ легче удача; публика принимаетъ въ нихъ участіе по охотѣ, тогда какъ на историческія картины смотрятъ какъ бы по обязанности.

Этимъ отчасти объясняется успѣхъ живописи житейской и въ особенности успѣхъ Г. Фетотова, тѣмъ болѣе, что его родъ народный.

Но когда мы относимъ картины и эскизы Г. Фетотова къ нашему народному роду, то этимъ мы еще сказали очень мало. Чтобы ближе опредѣлить ихъ характеръ, мы позволимъ себѣ сблизить ихъ съ тѣми знаменитыми произведеніями живописи, которыя они собою наиболѣе напоминаютъ. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь рѣчь можетъ идти болѣе всего о Нидерландскихъ живописцахъ этого рода и о несравненномъ Гогартѣ. И такъ, чѣмъ напоминаетъ Г. Фетотовъ знаменитыхъ Нидерландцевъ, въ главѣ которыхъ стоятъ Теньеръ, Остадъ, Довъ? въ чемъ онъ приближается къ Гогарту?

Одно изъ замѣчательныхъ качествъ искусства Г. Фетотова, это — вѣрность действительности, иногда удивительная, равнительная вѣрность. У него вовсе нѣтъ заученыхъ, академическихъ позъ; его фигуры не въ положеніяхъ, а въ дѣйствіи; онъ все взяты изъ живаго міра, съ оригиналовъ, движущихся по собственной

волѣ или нуждѣ, а не по просьбѣ или приказанію художника. Если онъ просилъ Музъ, какъ рассказываютъ объ одномъ художникѣ, чтобы онѣ избавили его отъ академической модели, то вѣрно можно сказать, что его молитва была услышана Музами. Изъ живаго изученія живой дѣйствительности онъ вынесъ и то искусство, которое столько же легко и всѣми оцѣнивается, сколько трудно и не многими пріобрѣтается, — искусство колорита. Если исключить, можетъ быть, тѣло человеческое, эту самую трудную задачу для колориста, и искусство соглашать цвѣта, Г. Фодотовъ владѣетъ колоритомъ въ замѣчательной степени. Къ этимъ качествамъ присоединяется наконецъ превосходная отдѣлка, чтобы дополнить сближеніе съ Нидерландскими живописцами. Но того, что составляетъ ихъ душу, что проходить, какъ внутренняя нить, по всѣмъ ихъ замѣчательнѣйшимъ произведеніямъ, — ихъ важности, у Г. Фодотова нѣтъ, и этимъ онъ отъ нихъ отдѣляется. Въ той полуулыбкѣ, съ которою онъ смотритъ на сцены, имъ изображаемыя, — пусть онъ проститъ намъ это замѣчаніе, — есть немножко злаго. У него расположеніе духа совсѣмъ не то, что было у мирныхъ и спокойныхъ Нидерландцевъ. Онъ своихъ героев увѣковѣчиваетъ совсѣмъ не такъ, какъ они. Навязная привязанность къ изображаемымъ лицамъ у него уступала мѣсто сатирической насмѣшкѣ надъ ними, и въ комизмъ его сценъ есть много карикатурнаго.

Обыкновенно карикатуру считаютъ дѣломъ дурнаго вкуса; даютъ ей мѣсто за границею изящнаго. Но уже Дидротъ, если не ошибаюсь, въ своихъ остроумнѣйшихъ «Опытахъ о живописи», сказалъ, постоянно однакожъ нападая на карикатуру, что во всякомъ ребенкѣ и во всякомъ старикѣ есть что-то карикатурное. Продолживъ это замѣчаніе, можно утверждать, что во всемъ несообразномъ, во всемъ смѣшномъ есть что-то карикатурное, что въ строгомъ смыслѣ карикатурное неразлучно съ комическимъ. Подтверженіе этому мы видимъ въ народныхъ комедіяхъ у всѣхъ народовъ и болѣе всего въ созданіяхъ, по большей части фантастическихъ, неисчерпаемо-гениальнаго, и безъ сомнѣнія, въ высокой степени художественнаго Аристофана. Карикатуръ Пунша или Шаривари конечно нельзя дать другаго мѣста, какъ у воротъ изящнаго, но въ то же время карикатуры

Гогарта можно съ полною увѣренностью помѣстить внутри границы истиннаго искусства, хотя, конечно, у самой границы. Карикатура Гогарта отличается такою разительностью неожиданныхъ сближеній, такою выразительностью положеній и лицъ, что росоріи, какъ говорятъ, могло бы все испортить. Образы такъ наполнены выразительностью, такъ обременены ею, caricati, что когда на мнуну художественный тактъ оставляетъ мастера, искусство становится искаженіемъ дѣйствительности и начинаетъ болѣе смѣшивать, нежели нравиться.

Г. Фодотовъ въ этомъ отношеніи рѣдко переступаетъ границу позволительнаго. Въ двухъ-трехъ чертахъ упрекнуть его можно, напр. въ странномъ движеніи мужа Фиделькиной обладательницы, или въ нѣкоторыхъ позахъ эскиза: «Магазинъ.» Но что касается его «свѣжаго кавалера,» едва ли можно согласиться съ обвиняющими его въ чрезмѣрной карикатурности: преувеличеніе есть, только не чрезмѣрное. Гогартъ позволялъ себѣ иногда болѣе: свидѣтели тому Оксфордскіе ученые, или портретъ известнаго дѣятеля оппозиціи Уилькиса. И не основанъ ли комизмъ очень многихъ сценъ, неподражаемо изображенныхъ или описанныхъ нашимъ Гоголемъ, на нѣкоторомъ преувеличеніи? Смѣлость и своенравіе иногда идутъ къ художнику и нравятся въ немъ, лишь бы была сохранена мѣра: усѣхъ въ искусствѣ по большей части зависитъ не столько отъ того, что позволяетъ себѣ художникъ, сколько отъ того, до какой степени онъ себѣ это позволяетъ.

Въ своенравіи, въ юморѣ Г. Фодотовъ далеко не приближается къ Гогарту. Гогартъ особенно удивителенъ въ изобрѣтеніи; въ contretens онъ рѣшительно неисчерпаемъ. Его девизъ: весь міръ состоитъ изъ противорѣчій; иллюстраціи къ нему онъ подбираетъ, гдѣ только можетъ, но рѣдко удовлетворяется одними противорѣчіями, представляющимися ему въ дѣйствительности. Онъ воспользуется двусмысленною кофейною, пристроенною къ церкви, воспользуется закулиснымъ хаосомъ странствующей труппы актеровъ; но большую часть своихъ остроумныхъ сближеній онъ сдѣлаетъ самъ, вовсе не заботясь о томъ, обыкновенны ли они въ дѣйствительности, или нѣтъ, лишь бы они были вѣроятны и смѣшны, или колки. Впрочемъ его колкость рѣдко бы-

ваетъ извѣстна. Возьмите листъ: *Strolling Actresses dressing in a Van.* Сколько фантазій, какая неисчерпаемость таланта видна въ этомъ несмѣтномъ множествѣ подробностей, по которымъ всѣмъ проходить одна мысль, — начиная съ Діаны, такъ мало дѣвственной и такъ легко доступной, или чертвенать съ пивомъ на мраморномъ жертвенникѣ, до обезьяны, непристойно оскорбляющей рыцарскій шлемъ. Все это не относится къ истинному величію; все это относится только къ мишурнымъ декорациямъ бѣдной странствующей труппы; художникъ, выбравъ этотъ сюжетъ, не имѣлъ ничего особеннаго въ виду; онъ только обрадовался случаю дать просторъ своему остроумію, и, пользуясь сюжетомъ, дававшимъ такъ много свободы, создалъ произведеніе, въ которомъ никто не станетъ отрицать поэтическаго, творческаго характера.

Въ выставленныхъ картинахъ и эскизахъ Г. Фодотова преобладающій характеръ—прозаическій. Верная кисть Г. Фодотова передаетъ часто дѣйствительность съ точностью дагерротипа; она любитъ сцены болѣе натуральныя, болѣе обыкновенныя. Это не мѣшаетъ ей производить сильный эффектъ; только у Г. Фодотова эффектъ совсѣмъ другаго рода, нежели у Гогарта; Гогартовскаго размаха, Гогартовскаго смѣлаго творчества въ выставленныхъ произведеніяхъ Г. Фодотова не видно. Чтобы ближе опредѣлить различіе, воспользуемся тѣмъ, что намъ далъ самъ художникъ, какъ бы для облегченія нашего дѣла, въ эскизѣ: «бѣдной дѣвухкѣ краса смертная коса.» Эскизъ невольно напоминаетъ первый листъ Гогартовскаго *A Harlots Progress.* Но какое различіе! У Гогарта молодая дѣвухка, дочь пастора, пріѣхавшая въ Лондонъ съ отцемъ, имѣвшимъ рекомендательное письмо къ одному епископу, попадаетъ въ руки агентшѣ отвратительнѣйшаго изъ людей Чартерса. Стеченіе обстоятельствъ, совершенно неожиданное и необыкновенное, заставляющее улыбнуться всякаго зрителя, какъ бы ни негодовалъ онъ на стоящаго вдали и уже тающаго развратника, очевидно страдающаго не только ненасытностью, но и безсиліемъ. Такой облегчающей оригинальности нѣтъ въ эскизѣ у Г. Фодотова; у него изображена дѣйствительность, какъ она бываетъ. Въмѣсто отца пастора, верхомъ на старой лошаденкѣ, у него мать дѣвухки, кашляющая предъ

смертнымъ кашлемъ; вмѣсто изверга Чартерса у него молодой человекъ какихъ много, подкупающій дворника, какихъ также не мало, и пожилая особа съ нарядами у него безъ той столичной важности, которая у Гогарта ослѣпляетъ молодую дѣвушку. Облава идетъ у Г. Федотова проще, какъ вообще и лица, выбранныя имъ, болѣе обыкновенны. Но это не уменьшаетъ достоинства превосходнаго эскиза; натуральность изображенія заставляетъ насъ принять, можетъ быть, еще болѣе участіе въ этой дѣвушкѣ, которая скоро испортитъ и свое вышиванье и свою будущность, и попадетъ въ мышеловку, вѣроятно, въ одно время съ мышкой, и еще прежде чѣмъ умереть ея мать. Натуральность сцены оставляетъ нетронутымъ трагическое впечатлѣніе, производимое ею; мы отходимъ отъ нея съ впечатлѣніемъ болѣе сильнымъ, болѣе тяжелымъ, нежели отъ сцены Гогартовой. Сравнивая и ту и другую, мы приходимъ къ заключенію, что имѣемъ дѣло съ двумя направленіями въ искусствѣ, довольно различными.

Это замѣчаніе ведетъ насъ далѣе. У Гогарта, какъ извѣстно, безпрестанно встрѣчаются портреты современныхъ извѣстныхъ лицъ. Первый большой успѣхъ имѣлъ изъ всѣхъ его карикатуръ N 3, A Harlots Progress за необыкновенное сходство, съ которымъ онъ изобразилъ Гонсона. Карикатурный портретъ Уилькиса распространился въ 4000 экземплярахъ. Множество портретовъ, наполняющее его карикатуры, даетъ имъ особенный характеръ. Что въ нихъ есть язвительнаго, бываетъ направлено противъ отдѣльныхъ лицъ, а не вообще. Таково его отношеніе и къ Англійскому народу; онъ его любитъ, а поражаетъ только уродовъ Англійской семьи, и въ подтвержденіе того показываетъ ихъ лицомъ и подписываетъ собственноручно ихъ имя или иглою или чернилами. У Г. Федотова, напротивъ, портретовъ нѣтъ; нѣтъ по крайней мѣрѣ портретовъ въ значеніи портретовъ (о моделяхъ разнаго рода мы не говоримъ). Онъ позволилъ себѣ юмористическую выходку только прогнѣвъ самого себя на одномъ изъ эскизовъ. Другихъ онъ не трогаетъ: теперь другіе нравы. Нашъ художникъ даетъ намъ типы дѣйствительныхъ лицъ, типы изъ разныхъ слоевъ общества.

Только эта особенность измѣняетъ характеръ произведеній; относить ихъ уже къ другому роду, къ другому направленію, и можно сказать слово, назвать направленіе по имени,—къ направленію сатирическому, преобладающему и въ теперешней литературѣ. Условные термины, правда, еще мало значатъ, потому что одинъ понимаетъ подъ ними то, другой другое; но ясное различіе родовъ, ежели оно основано на изученіи образцовъ, чрезвычайно важно для эстетической критики. Можно даже сказать, что эстетическая критика тогда только и получаетъ серьезный характеръ, когда состоитъ не въ сужденіи, хорошо, или очень хорошо, или слабо, а въ указаніи данному художественному произведенію мѣста между другими художественными произведеніями. Потому, относя произведенія Г. Фодотова къ сатирическому направленію въ искусствѣ, намъ надобно ближе объяснить, что мы разумѣемъ подъ терминомъ сатирической. Тогда окажется, что уже одно отнесеніе ихъ къ сатирическому роду значительно ихъ характеризуетъ.

Опредѣленіе родовъ и направленій въ искусствѣ надобно брать изъ того времени въ исторіи искусства, когда существовало рѣзкое различіе между ними, когда въ искусствѣ господствовали тѣ genres tranchés, въ отступленіи отъ которыхъ Наполеонъ лично упрекалъ Гёте и еще прежде Французскіе классики упрекали Шекспира. Находимъ мы такую опредѣленность, особенность родовъ только въ античномъ искусствѣ, и потому именно въ немъ намъ естественно искать руководителя, чтобы спознаться при критическомъ опредѣленіи характера новыхъ произведеній, возникшихъ въ эпоху сближенія всѣхъ сторонъ жизни и всѣхъ родовъ и направленій въ искусствѣ. Изъ того, что представляетъ древній классическій міръ, мы хотимъ воспользоваться теперь только противоположностью ямба и сатиры. Всѣмъ извѣстна эта противоположность. Ямбъ существовалъ во время процвѣтанія Греческаго общества, почти можно сказать, прежде его процвѣтанія; ямбу соответствуютъ Итальянскіе народные стихи, носившіе разные названія, но одинъ и тотъ же характеръ. Сатира, въ томъ значеніи ея, которое было плодомъ ея окончательной выработки, является въ Римѣ во время разложенія Римскаго общества. По характеру, ямбъ и сатира различа-

ются тѣмъ , что либическій поэтъ нападаетъ на лица, по большей части на своихъ личныхъ непріятелей, сатирическій поэтъ клеймитъ недостатки цѣлаго общества, или по крайней мѣрѣ цѣлыхъ его классовъ. Путь, по которому идетъ первый, открыть повту всякаго времени; по пути втораго можно съ успѣхомъ идти только въ извѣстныхъ времена. Либъ не можетъ производить тяжелаго впечатлѣнія. Когда Архилохъ преслѣдовалъ Ликамба, Греки смѣялись и не въ шутку равняли Архилоха съ Гомеромъ. Готовы были бы смѣяться и мы, еслибъ осталось побольше отрывковъ: что намъ за дѣло до того, что Ликамбу не поздоровится? Почти также смѣемся мы или улыбаемся, читая сатиры Горация: мы не видимъ въ нихъ ни разочарованія, ни злобы на тогдашнее общество, ни даже злобы вообще на людей. Мы замѣчаемъ, что поэтъ болѣе имѣетъ дѣло съ своими личными обидчиками; мы вѣримъ ему, что стиль, которымъ онъ пишетъ на своихъ восковыхъ дощечкахъ,

Haud petet ultro

Quemquam animante.n....

Совсѣмъ другое у Ювенала: тутъ уже дѣло не до личностей, тутъ клопочетъ негодованіе на гораздо большее число людей; оно беспокоитъ поэта и принуждаетъ его писать, не смотря на отсутствіе повтической настроенности :

Si natura negat, facit indignatio versum.

Поэтому Ювеналу принадлежитъ дѣло выработки этого рода, того направленія, за которымъ съ его времени осталось имя сатирическаго. Въ Ювеналѣ улыбка дошла до того характера, съ которымъ она стала совершенно противоположна улыбкѣ Архилоха.

Возвратимся теперь къ нашимъ карикатурамъ. Здѣсь нельзя искать совершеннаго соотношенія съ тѣми двумя направленіями, которыя мы себѣ припомнили, но воспользоваться ими можно.

Рѣзкаго различія родовъ и направленій теперь нѣтъ и быть не можетъ; тѣмъ менѣе можетъ являться у насъ сатирическое направленіе во всей его безотрадной чистотѣ: въ христіанскомъ обществѣ для него нѣтъ мѣста. Но знакомство съ яркими разли-

чѣлми можетъ помочь намъ лучше замѣтить соответствующіе имъ болѣе тонкіе оттѣнки. Въ Гогартѣ, очевидно, ничего нѣтъ Ювеноваго, ничего нѣтъ сатирическаго въ строгомъ смыслѣ слова. Онъ или преслѣдуетъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ людей, нѣсколькихъ частныхъ лицъ, ему не нравящихся, или смѣется надъ странностями и несообразностями. Изображаетъ онъ сцены изъ современной ему жизни, но онѣ для него матеріалъ, а не содержаніе. Онъ ихъ изображаетъ, чтобы изобразить посредствомъ ихъ всегдашнюю человѣческую превратность и странную игру случая въ этомъ мірѣ. Онъ беретъ черты изъ своего времени не для того, чтобы изобразить свое время, а для того, чтобы въ нравахъ своего времени показать забавныя или горькія противорѣчія, вездѣ сопутствующія людямъ. Поэтому мы находимъ у него картины изъ Англійскаго общества 18-го столѣтія, а не картины этого общества; у него множество оригинальныхъ образовъ,—частію вымышленныхъ, частію портретовъ,—взятыхъ изъ тогдашней дѣйствительности, но нѣтъ типовъ, служащихъ представителями цѣлыхъ разрядовъ тогдашняго Англійскаго общества. Онъ вовсе не хотѣлъ изображать современные ему нравы; этого у него не было въ виду. Только потому, что безъ этого ему нельзя было обойтись, онъ какъ бы по неволѣ становится художникомъ нравоописательнымъ.

Совсѣмъ не то у Г. Фодотова: онъ нравописатель по волѣ; его стремленіе—вѣрность, правда, въ изображеніи современныхъ нравовъ; они для него цѣль, а не средство, содержаніе, а не матеріалъ. Онъ хочетъ только передавать полотно плоды своей наблюдательности. Другой мысли у него нѣтъ. Поэтому самая передача для него—дѣло; онъ не играетъ сценами или образами, которые избираетъ для художественной обработки. Не имѣя никакихъ заднихъ мыслей, онъ дѣйствуетъ притомъ добросовѣстно. Поэтому—то все, что ему особенно удастся, носить ясно современный, можно сказать, временный характеръ. Мы смѣло относимъ сюда всю фигуру «свѣжаго кавалера» и его кухарки, всю фигуру «майора», лице купчихи, лице барыни, обладательницы Фидельки, не приводя многихъ другихъ превосходныхъ лицъ, выразительныхъ движеній, живо-говорящихъ жестовъ. Все это образы типическіе и образы не всегдашніе, а временные. Тѣ сцены, въ которыхъ мало

временнаго, выходятъ у Г. Фодотова довольно сухи и блѣдны, конечно говоря относительно, сравнивая ихъ съ тѣмъ, что ему же особенно удалось. Его главная черта — мѣткая наблюдательность, удивительное умѣнье подмѣчать во всемъ окружающемъ *характерическія странности*, тогда какъ Гогарта привлекали тѣ странности, которыя наиболее необыкновенны и случайны. Съ этимъ различіемъ тѣсно связано и различіе въ расположеніи духа, которое художникъ передаетъ зрителю, потому что имѣеть его самъ. Къ характеристическимъ, типическимъ странностямъ даннаго времени и мѣста нельзя относиться такъ, какъ къ странностямъ переходящимъ, случайнымъ, или какъ къ отстранностямъ, всюду сопровождающимъ чловѣка. Улыбка, болѣе или менѣе злая, становится постоянною принадлежностью, входитъ почти во все міросозерцаніе такого художника, и передается зрителю съ тѣмъ болшею силою, чѣмъ сильнѣе талантъ художника: навязный хохотъ или беззаботный смѣхъ становятся невозможными.

Мы сравнивали выше Г-на Фодотова съ Нидерландскими живописцами этого рода и отдали справедливость его исполненію. Въ этомъ отношеніи онъ стоитъ выше Гогарта, у котораго колоритъ былъ блѣденъ и холоденъ, въ позднѣйшихъ произведеніяхъ — жестокъ. Но въ рисунокъ, въ сочетаніи линій Гогартъ стоитъ высоко. Известно, что Гогартъ считалъ себя даже изобрѣтателемъ теоріи изящной линіи и издалъ объ этомъ особое сочиненіе. Въ его композиціяхъ видна большая обдуманность и много вкуса въ этомъ отношеніи; потому на нихъ такъ пріятно и такъ легко смотрѣть. У Г. Фодотова напротивъ видно въ этой части искусства слишкомъ мало изученія. Успѣху его картинъ много вредитъ недостатокъ хорошей группировки, недостатокъ изученія въ постановкѣ фигуръ. Мало того, чтобы движеніе было естественно; надобно такъ поставить фигуру, чтобы она вся была оживлена, и чтобы притомъ ея очертаніе гармонировало съ очертаніями прочихъ фигуръ. Безъ этихъ условій картина не можетъ сдѣлать общаго пріятнаго впечатлѣнія. Ищите одной такъ называемой живописной композиціи, вы сдѣлаете картину естественную, академическую; но ищите одной върной композиціи, вы сдѣлаете картину, не удовлетворяющую справедливымъ художественнымъ требованіямъ. Это все тоже, что въ расположеніи драмы, требующемъ не только естественности, но и изученія.

Въ доказательство сказаннаго мы приведемъ сватовство майора. Въ картинѣ очевидно нѣтъ цѣлаго: она распадается. Лица связанныя тѣсно тѣмъ, что происходитъ, слишкомъ мало сгруппированы; линіи, ограничивающія ихъ фигуры, слишкомъ несогласны и нисколько не гармонируютъ между собою. Ежели разбирать строго, можно даже очень сомнѣваться въ томъ, хорошо ли поставлены онѣ и отдѣльно. Посмотрите на второстепенныя фигуры: на майора, на сваху, на сидѣльца, на старуху, и потомъ перейдите къ главнымъ лицамъ, не исключая даже самого купца: также ли живо они поставлены? Въ нѣкоторыхъ другихъ картинахъ и эскизахъ группировка тоже не совсемъ удачна, но нельзя не замѣтить, что тѣ оба эскиза, на которыхъ выставленъ позднѣйшій годъ (1848), замѣчательно отличаются въ этомъ отношеніи передъ прочими.

Но мы не станемъ продолжать этихъ критическихъ замѣчаній. Съ живымъ вниманіемъ разсматривавши превосходныя работы, которыми подарило Русскую публику замѣчательное дарованіе Г. Федотова, мы почувствовали потребность дать самимъ себѣ нѣсколько болѣе точный отчетъ въ ихъ отличительномъ характерѣ. Другаго притязанія у насъ нѣ было и при написаніи этихъ строкъ; обязанности сдѣлать полную оцѣнку мы на себя не брали, а взяли посмотрѣть на нихъ только съ одной стороны, и съ живѣйшимъ интересомъ будемъ ожидать удовольствія видѣть послѣдующія произведенія рѣдко-даровитаго художника. Мы твердо увѣрены, что именно этотъ родъ можетъ у насъ имѣть въ настоящее время особенный успѣхъ, и потому не можемъ заключить этихъ строкъ, не поздравивъ Московскую публику съ замѣчательнымъ талантомъ другаго Москвича, еще болѣе принадлежащаго нашему городу. Мы говоримъ объ ученикѣ здѣшняго Художественнаго класса, Г. Астраховѣ, котораго опыты въ чистомъ Нидерландскомъ родѣ, хорошо извѣстные публикѣ, посвящавшей выставку, возбуждаютъ самыя пріятныя надежды.

П. Л.

МЕРТВАЯ И ЖИВАЯ.

(Разсказъ).

17 Февраля, 1815 года, около вечера, два носильщика принесли на носилкахъ въ госпиталь родильницъ, въ улицѣ ла-Бурбъ, молодую женщину безъ чувствъ и которой часъ разрѣшенія былъ близокъ. Противъ обыкновенія ей не хотѣли было давать пристанища: въ это время ужасная болѣзнь наполняла залы больными и умирающими; справедливо боялись, принимая ее, что эпидемія сдѣлаетъ еще одной жертвой больше. Носильщики разсказали тогда, что эта женщина упала безъ чувствъ на Новомъ мосту. «Никто изъ окружавшихъ не зналъ ее,» сказали они. «Не знали куда ее вести; обыскали ея карманы и нашли паспортъ на имя Марьи-Франциски Вегль, жены Бернардина Вюнчмана, башмачнаго мастера въ деревнѣ Стюзеймъ, въ Нижне-Рейнскомъ департаментѣ. Докторъ, который случайно тамъ находился, видя, что эта женщина прохожая, велѣлъ намъ нести ее сюда. Смотрите за ней, потому что мы не понесемъ ее отсюда» Сказавши это, они положили бѣдную женщину на матрасъ, и взявши носилки, ушли. Въ ту же ночь, не приходя въ чувство, прохожая родила хорошенькую дѣвочку, крѣпкую и здоровую. Послѣ первыхъ страданій, Франциска, еще слабая и изнемогающая, пришла въ себя, но не могла отдать себѣ отчета въ томъ, что съ нею случилось. Она помнила о письмѣ, которое Магдалина, ея старшая сестра, вышедшая замужъ въ Фонтенебло, богатая и бездѣтная, писала ей: «у тебя уже двое дѣтей, скоро будетъ третій; для тебя это будетъ тяжелое бремя; пріѣзжай родить къ намъ, я буду матерью твоего дитяти, и мы воспитаемъ его, какъ свое собственное.» Франциска помнила еще свое нерасположеніе къ этому плану. Сначала она находила оотню возраженій противъ того, чтобъ оставитъ свой домъ такой чистенькій; своихъ убогихъ стариковъ, своего добраго мужа, который такъ любилъ, когда она ходитъ взадъ и впередъ мимо его; своихъ двухъ мальчиковъ, которые цѣлый день то висѣли у нея на фартукѣ, то сидѣли на колѣняхъ или на рукахъ. Въ ея отсутствіе, кто присмотритъ за этимъ милымъ домашкомъ? Кто сваритъ супъ по вкусу старикамъ? Кто

довольно намазать масла на хлѣбъ для дѣтей? Кто будетъ заботиться, чтобъ у Вюнчмана утромъ былъ табакъ, а вечеромъ кружка пива?

Всѣ эти *великія* дѣла надобно было устроить, и потому это новорожденное дитя останется въ Фонтенебло, надобно будетъ отдать его Магдалинѣ.... Да, но ребенокъ будетъ богатъ, — отвѣчалъ Вюнчманъ, вытягивая свои руки, уставшія отъ работы, — ему не нужно будетъ трудиться. На это возражать было нечего, и повѣдка было рѣшена.

Опечаленная Францискѣ откладывала какъ можно дальѣе минуту своего отъѣзда. Приѣхавъ на почтовой дворъ, она почувствовала себя очень дурно. Благоразуміе требовало нѣсколько отдохнуть, но она никого не знала въ Парижѣ и спѣшила увидѣться съ сестрой. Она просила указать себѣ дорогу въ улицу Дофинь, откуда отъѣзжали кареты въ Фонтенебло, и взявъ свой маленькій узелокъ, отправилась туда пѣшкомъ. День склонялся къ вечеру. Оглушенная шумомъ каретъ и движеніемъ пѣшеходовъ, испуганная, больная, она однако шла бодро, какъ вдругъ на Новомъ мосту, силы и чувства ея оставили. Она упала... Съ этого времени, она ничего не помнила.

— Гдѣ я? сказала она, приподнимаясь съ трудомъ, — что со мной случилось?

Слабый крикъ новорожденного отвѣтилъ ей! Она протянула руки и оцупала пеленки. Мгновенно она поняла все.... она была матерью!.... Съ восторгомъ схватила она милое, маленькое созданіе, и не заботясь болѣе ни о чемъ, положивъ дитя къ себѣ на грудь, заснула. Великое благодѣяніе Божіе сонъ, а невѣдѣніе будущаго еще большее благодѣяніе.

Былъ уже день, когда Франциска проснулась; она взглянула на дитя.

— Это дѣвочка: какъ Вюнчманъ будетъ радъ! дѣвочка, послѣ двухъ мальчиковъ, того-то намъ и надобно. Какъ она хороша и здорова! у ней уже длинные черные волосы, и большіе открытые глаза. Посмотрите на ея маленькій ротикъ, прелестныя розовыя щечки, и въ особенности на этотъ знакъ, удивительно хорошо помѣщенный на верхней губкѣ.... Ахъ, конечно: счастлива мать такой хорошенькой дѣвочки! Франциска, предаваясь радо-

сти отъ всего своего сердца, забыла все; она покрывала поцѣлуями свою дочь и не думала болѣе беспокоиться или огорчаться тѣмъ, что находилась въ такомъ мѣстѣ. Но мало по малу ею овладѣла какая-то тягость и она боролась со страданіями, не подозрѣвая ихъ важности. Въ обычный часъ, докторъ подошелъ къ кровати, и только что взглянулъ на измѣнившіяся черты Франциски, какъ узналъ симптомы эпидемической горячки. По его призыву подошла сидѣлка, и взявши дѣвочку изъ рукъ матери, сдѣлала ей обычный въ этомъ мѣстѣ вопросъ: «оставите вы ваше дитя у себя, чтобъ его кормить и воспитывать, или отнести его въ богадѣльню l'Enfant-Jésus?» Увы! слишкомъ хорошо вы знаете, что большей частію несчастныхъ женщинъ, которыя дѣлаются матерями въ домѣ улицы ла-Бурбъ недостаетъ средствъ, а иногда и твердости, чтобъ воспитывать свое дитя. Произвольно или принужденными обстоятельствами, онѣ покидаютъ его. Всякій день, на маленькія носилки, почти такія же, на какихъ носятъ маленькихъ покойниковъ на кладбище, кладутъ двухъ, трехъ или четырехъ живыхъ дѣтей, столько, сколько ихъ родилось въ этотъ день, или сколько могутъ сдержать носилки. Ихъ относятъ въ богадѣльню l'Enfant-Jésus; тамъ ихъ переписываютъ и каждому даютъ нумерокъ. Означаютъ мѣсто, день и подробности рожденія, съ точностію записываютъ его имя, чтобъ въ послѣдствіи мать могла его потребовать обратно, если захочетъ. Дитя уносятъ въ залы, и съ этой минуты оно становится найденышемъ. Съ первыхъ же дней его посылаютъ къ кормилицѣ, куда бы то ни было въ Пикардію, Бургундію, иногда и дальше. Если ему хорошо, тѣмъ лучше, если дурно, правительство, которое служить ему отцемъ, матерью, опекуномъ, — на всегда это знаетъ.

Ахъ, если бы Франциска поняла сдѣланный ей вопросъ, она вырвала бы свою дочь изъ рукъ сидѣлки; но она знала только языкъ своей страны и не поняла того, что ей говорили; она думала, что дочь ея берутъ отъ нея на одну минуту, на одинъ часъ, только чтобъ снести ее къ меру и окрестить.... Не подозрѣвая того, что случится, она улыбнулась сидѣлкѣ въ знакъ благодарности и произнесла, какъ могла лживеннѣе; но съ Нѣмецкимъ произношеніемъ, имена Маріи-Гертруды, которыя хотѣла дать своей дочери, прибавивъ еще имя Бюацмана, и когда это было сдѣлано, изнемогая отъ страданій, она поцѣловала въ послѣдній разъ свое

дита и подала рукой знакъ, которымъ хотѣла сказать: идите, несите ее.... И дитя исчезло.

Менѣе тѣмъ черезъ часъ, Франциска была уже въ бреду. Болѣзнь была опасна, но ея здоровье и сильное сложеніе, противъ всякой надежды, восторжествовали надъ этой опасностью. Между тѣмъ Магдалина, безпокоясь, что сестра ея долго не вѣдетъ, поспѣшила въ Парижъ; послѣ многихъ поисковъ, она нашла ее и тотчасъ же отправилась въ l'Enfant-Jésus, по данному номерку, вытребовать свою племянницу. Ей сказали, что ребенокъ умеръ чрезъ два дня послѣ рожденія. Какъ только Франциска могла говорить, первымъ словомъ ея былъ вопросъ о дочери. Магдалина не смѣла отвѣчать ей. Сколько надобно имѣть твердости, чтобъ объявить матери, что она лишилась своего ребенка, чтобъ сказать ей эти ужасныя слова: твое дитя умерло!

Когда наконецъ бѣдная мать поняла истину, она ни разу не вздохнула, не пролила ни одной слезы и не хотѣла ничему вѣрить: — «Нѣтъ, сказала она, съ энергіей, — нѣтъ, моя дочь не умерла. Дитя не умираетъ такъ, чтобъ мать этого не знала. Еслибъ моя дочь умерла, развѣ любовь моя не извѣстила бы меня объ этомъ?» — Какъ только она могла ходить, то велѣла проводить себя въ домъ l'Enfant-Jésus. — «Вы передъ Богомъ отвѣтите за мое дитя, сказала она сестрамъ, собравшимся около нея. Надобно, чтобъ дочь моя наплась; надобно отдать ее мнѣ.» Она обѣжала весь домъ, побывала во всѣхъ залахъ, обыскала всѣ колыбели....

Почти силой надобно было оторвать ее отъ этихъ отчаянныхъ поисковъ.

Въ тотъ же вечеръ печальная Магдалина отвезла ее къ себѣ въ Фонтенебло. Но ничто не могло разсвѣять Франциску. Она впала въ непреодолимую меланхолію. По истеченіи двухъ мѣсяцевъ, когда должно было оставить Фонтенебло, чтобъ возвратиться въ Стюзеймъ, она почувствовала, что горесть ея удвоилась, и не хотѣла было ѣхать. Безъ удовольствія увидѣла она свою деревню и свой домъ. Она плакала, обнимая Вюнчмана и своихъ малютокъ. Между тѣмъ всѣ были рады увидѣть ее снова, и встрѣтили съ радостными криками. Для нихъ потеря ребенка, котораго и не видали, была уже забытымъ несчастіемъ. Ничто для нихъ не перемѣнилось, ничто, кромѣ той, которая возвратилась къ нимъ. Это была уже не прежняя веселая Франциска, дѣ-

тельная и внимательная, пекущаяся обо всемъ, думающая о каждомъ и которая весело распѣвала, занимаясь своимъ хозяйствомъ: Теперь печальная, погруженная сама въ себя, она думала о своей покинутой, умершей дочери. Днемъ она видѣла ее вездѣ, на рукахъ у мужа, на колѣняхъ у старой матери, въ пустой люлькѣ, которую каждое утро убирала, какъ бы ждала, что принесутъ ея дочь. Ночью вдругъ вокакивала, какъ будто слышала, что она плачетъ. Сосѣдки не смѣли проходить съ дѣтьми мимо ея дверей, потому что тогда бѣдная мать плакала горько, а старики, глядя на нее, говорили между собою: «Разсудокъ Франциска улетѣлъ вмѣстѣ съ ея дочерью.»

Такъ прошелъ весьма печальныйъ годъ.

Но Богу, создавшему сердце матери, угоднo было лить милосердіе свое Францискѣ, даровавъ ей утѣшеніе въ горести. Она родила другую дочь.

Вообразите, если это возможно, какая радость овладѣла сердцемъ матери, при видѣ этой дѣвочки, которой лично, казалось, было портретомъ ея умершей сестры. Воображеніе Франциска было такъ сильно, что новорожденная въ ея глазахъ не была второй дочерью; это была первая, ея бѣдная, покинутая малютка, которую ей возвратили. Эту она назвала также Гертрудой, смѣшала ихъ въ своихъ мысляхъ, въ своей нѣжности, забыла свое роковое путешествіе. Она не вспоминала болѣе о своей печали, и веселость, радость, пѣсни возвратились въ ихъ жилище. Не удивляйтесь этому: вѣдь мы не можемъ страдать вѣчно; благое Провидѣніе милосердо устроило, чтобъ послѣ горести сѣдовало забвеніе.

Впредь все пошло хорошо въ Стюзеймъ. Тихо и безмятежно шли и проходили годы. Старики умерли; семья въ этомъ утѣшилась, говоря, что надобно же было этимъ кончить. Оба мальчика воспитались безъ особенныхъ приключеній; Франциска не сводила глазъ съ своей дочери, и не думая ни о чемъ кромѣ ея, смотрѣла какъ она росла. И въ одинъ день Гертрудѣ минуло семнадцать лѣтъ.

Она была очень хороша. Свѣжал, какъ весенняя роза, веселая какъ зябликъ на своей вѣткѣ, проворная, ласковая. любящая и наивная, она была смѣшлива съ своими подругами, внимательна къ старикамъ, кротка и добра съ несчастными. Когда она шла по деревнѣ, всякій издали кричалъ ей: «здравствуй, наша Гертруда!»

Удовольствіе отъ этого ласковаго привѣтствія, заставляющаго выступать краску на смуглыя, бархатныя щечки молодой дѣвушки, наполняло счастьемъ материнское сердце. Когда эта милая, возлюбленная дочь, подвая вѣжной попечительности, съ своей свѣжей улыбною, съ кроткимъ взоромъ своихъ блестящихъ черныхъ глазъ, прибѣгала къ своей матери, и когда граціозная и прекрасная, она обвивала руками ея шею, у счастливой матери было такъ весело на сердцѣ, какъ бы въ раю.

Увы, увy! часто бѣда поражаетъ насъ, когда мы какъ нельзя болѣе счастливы! Въ одинъ день все блаженство Франциска исчезло какъ сонъ.... На землѣ нѣтъ прочнаго счастья....

Это было въ 1832 году; холера приближалась къ Франціи. Уже она была въ Германіи, потомъ скоро въ Альзасъ и въ Стювеймъ. Ея смертоносная рука распростерлась надъ деревней и изъ всѣхъ жителей выбрала одну жертву. Она коснулась чела Гертруды своимъ ледянымъ перстомъ, и поблѣднѣвшая роза преклонилась на своемъ стеблѣ; веселый зябликъ, увлеченный смертельно, упалъ съ своей вѣтки; молодая дѣвушка, изъ объятій своей матери, опустилась въ гробъ.

Тогда въ деревнѣ раздалось восклицаніе: «Гертруда умерла!» а вскорѣ еще другое: «Франциска сошла съ ума!»

Когда спрашиваютъ, что такое сумасшествіе, то отвѣчаютъ: это разстройство въ мозгу, въ нервахъ и проч....

А одинъ только Богъ знаетъ, что такое сумасшествіе....

Оставаясь цѣлыя сутки, блѣдная, холодная, нечувствительная и безгласная, Франциска вдругъ встала, но не колеблющаяся и убитая, а спокойная и твердая; ко всеобщему удивленію она вышла изъ дому и пошла къ священнику. «Я очень счастлива, сказала она ему, — сейчасъ я видѣла мою дочь, мою Гертруду; она приходила ко мнѣ и сказала: мать, не огорчайся моимъ отсутствіемъ, не плачь обо мнѣ, потому что мое блаженство велико; иди въ Фонтенебло искать ту, которая была прежде меня, и ты найдешь меня и будешь утѣшена. — И такъ я иду батюшка; иду въ Фонтенебло искать мою дочь; благослови меня...» Священникъ плакалъ, слушая Франциску, но не имѣлъ духа разувѣрять ее.

Франциска, возвратясь домой, занялась приготовленіями къ путешествію. Ея бѣдный мужъ, блѣдный и разстроенный, не на-

шелъ ничего лучше, какъ самому послѣдовать за нею. Онъ скинулъ свой кожаный фартукъ, собралъ въ домъ и у своихъ должниковъ всѣ деньги, какія могъ только, заперъ дверь своего опустѣвшаго жилища, и пошелъ за Франциской, которая уже садилась въ дилижансъ, проѣзжавшій по дорогѣ. Они отправились. Путешествіе шло хорошо. Франциска не плакала и не говорила. Въ ней происходило что-то, извѣстное одному Богу. Господь совершаетъ въ душахъ непостижимыя тайны; у него есть безконечное милосердіе къ тѣмъ, кому онъ посылаетъ горести. Воспоминаніе давно забытаго прошедшаго предупредило ужасный ударъ, готовый разбить сердце Франциски; въ умѣ ея, надъ свѣжей могилой, какъ ночная звѣзда, возсталъ милый образъ нѣкогда потеряннаго дитяти, и подобно восточнымъ волхвамъ, по слову небесному и съ очами устремленными на эту звѣзду, блѣдная мать шла къ надеждѣ....

Ей сказали два раза, въ какое время и въ какомъ мѣстѣ она не знала, что дочь ея умерла; но она знала, она говорила мужу, что дочь ея жива, и что они скоро ее увидятъ.

Такъ Франциска, въ заблужденіи разума, посылаемаго ей Провидѣніемъ, смѣшивая двухъ своихъ дочерей въ одну, достигла конца своего путешествія и скоро была въ богадѣльнѣ l'Enfant-Jésus.

Не случалось ли вамъ, при видѣ мѣстъ, которыя вы нѣкогда посѣщали, не смотря на протекшее время, вдругъ снова находиться подъ могуществомъ впечатлѣній и чувствъ, уже прежде испытанныхъ? Тогда снова приходятъ прежнія мысли, прежнія ощущенія, и жизнь наша такъ обильна печалями, что всего чаще оживаютъ въ насъ горестныя воспоминанія.

Когда Франциска переступила черезъ порогъ богадѣльни, осьмнадцать лѣтъ счастья, которымъ она наслаждалась, вдругъ изгладилась изъ памяти. Для нея была только одна Гертруда, которую она приходила искать въ этомъ мѣстѣ, и которую ей не отдали. Она чувствовала то же безпокойство въ сердцѣ объ участи своей маленькой дочери, то же энергическое желаніе, ту же твердую рѣшимость найти ее. Идя по заламъ, при видѣ этихъ колыбелей, нѣкогда обыскиваемыхъ ею съ такой грустію и настойчивостію, она все вспомнила. Блѣдная, съ пылающими глазами, какъ во время горячки, отрывистымъ, но твердымъ голо-
омъ, она произнесла имя ребенка, день, мѣсто и самыя под-

робности рожденія. Она ничего не забыла. Директоръ Г-нъ Дено, выслушавъ ее съ участіемъ и благосклонностію, обратился къ Вюнчману, который, въ свою очередь, простоудушно рассказалъ всѣ прошедшія и настоящія ихъ несчастія. Г. Дено, не слишкомъ надѣясь, но по добротѣ, велѣлъ принести вѣдомость Феврала мѣсяца 1815 года, и длинный списокъ того дня былъ положенъ передъ глазами матери. Надобно было видѣть ея жадный, блуждающій, но исполненный любви и надежды взоръ, пробѣгающій всѣ эти дѣтскія имена.... Увы! Франциска и со всѣмъ своимъ разсудкомъ не нашла бы въ этомъ спискѣ милаго ей имени Маріи-Гертруды Вюнчманъ, потому что, странная вещь, оно не было вписано. И еще большая странность, другое имя, имя Маргариты Дюшемень было записано два раза и того же числа. Это обстоятельство показалось страннымъ Г. Дено. Одного имени не доставало, другое было повторено два раза.... Отъ чего это произошло? Была ли сдѣлана ошибка?

Намъ извѣстно, что въ то время, когда Франциска прибыла въ госпиталь, залы были наполнены матерями, пораженными болѣзнію и умершими. Всякая изъ нихъ оставляла сироту; развѣ нельзя было ошибиться, вписывая ихъ имена? Когда приносятъ вдругъ такое множество дѣтей, развѣ невозможно смѣшать ихъ? И не смотря на самыя мелочныя предосторожности, чтобъ избѣжать ошибки, развѣ трудно принять одно дитя за другое, забыть или повторить имя? Добрый Г. Дено размышлялъ.

— Дитя не имѣло ли какого наружнаго знака, который бы навелъ насъ на путь, чтобъ узнать его? спросилъ онъ у Вюнчмана.

— Кажется, у ней было маленькое черное пятнышко на губѣ, отвѣчалъ онъ, — но я въ этомъ не увѣренъ. Я всегда избѣгалъ говорить женѣ о дитяти, особливо съ тѣхъ поръ, какъ Богъ далъ намъ другое.

— Попробуемъ, сказалъ Г. Дено, — сердце матери бываетъ иногда вѣщимъ.

Онъ сталъ такъ, чтобъ ему можно было уловить малѣйшее душевное движеніе на лицѣ Франциски и сталъ читать слѣдующее: «Маргарита Дюшемень. Наружные знаки: слабая, болѣзненная, почти умирающая. На правой ногѣ у нея красное пятно, похожее на клубнику».

Франциска, казалось, не слыхала. Директоръ прочелъ еще и на этотъ разъ взволнованнымъ голосомъ:

«Маргарита Дюшемень, родившаяся въ госпиталѣ. Наружные знаки: здоровая, хорошо сложенная: Между верхней губой и правой ноздрей имѣеть знакъ....»

При этомъ словѣ Франциска вскочила съ своего мѣста. — Знакъ!.... знакъ!.... воскликнула она. Это она, это моя дочь! и лишилась чувствъ.

— Вотъ что ужасно, возразилъ директоръ, — бѣдная мать! эта вторая Маргарита Дюшемень умерла.

— Нѣтъ, вскричала Франциска, вдругъ возвратившаяся къ жизни, какъ мертвецъ, встающіе изъ гроба, чтобъ пророчествовать, — моя дочь жива, не умерла; она въ Фонтенебло....

Чудный инстинктъ матери! не гласъ ли ты Божій? Г-нъ Дено, конечно, вѣрилъ въ это.

— Возьмите вашу жену, сказалъ отъ Вюнчману, — пусть она идетъ куда хочетъ. Только я долженъ вамъ сказать, что дитя, имѣющее знакъ, не въ Фонтенебло, а въ Немуръ, отдано кормилицѣ.

Прибывъ въ Фонтенебло, Франциска не хотѣла вѣхать далѣе.

Вы конечно видали когда-нибудь этихъ несчастныхъ женщинъ, руководимыхъ однимъ только инстинктомъ, у которыхъ отняли ихъ малютокъ, вы видали, какъ онѣ, полныя тоски, съ грустію во взорѣ, вопрошали воздухъ, пространство, стенили, обращались ко всему съ нѣмою просьбою. Такъ Франциска, въ своемъ помѣшателствѣ, пустилась по городу, бѣгая за всеми женщинами, которыя несли на рукахъ маленькихъ дѣтей; ида и возвращаясь то въ лихорадочномъ волненіи, увлекавшемъ ее, то тихо останавливаемая Вюнчманомъ, который за ней слѣдовалъ.

Магдалина же отправилась въ Немуръ. Кормилица была жива.

«Да, отвѣчала она на вопросы Магдалины, — я выкормила ее, мою маленькую Маргариту Дюшемень, доказательство, что она всегда была прекраснымъ ребенкомъ, свѣженькая, здоровая; она также была очень добра, кротка, услужлива и веселила весь домъ».

— Дитя, которое я ищу, сказала трепещущая Магдалина — имѣло на тѣлѣ особенный знакъ. Подумай, вспомни и скажи мнѣ, былъ ли онъ на ногѣ, или на лицѣ.

«Ахъ, да, это правда.... У ней была маленькая ножка, словно у Герцогини какой, да на ней ничего не было; а вотъ на

лицъ, другое дѣло ; у нея было , — когда я говорию было , такъ это значить, оно и теперь есть , — направо, кажется, что направо между ртомъ и носомъ , маленькое черное пятнышко.... но ты побѣднѣла....»

— Ты не ошибаешься ? Ты увѣрена, точно у ней былъ знакъ ?

«Знакъ пожалуй ; круглое пятнышко, вотъ какъ на рукѣ ..»

— Гдѣ она ?

«Да тамъ, куда я сама отвезла ее, когда было надобно. Этакая оказія была везти ее отъ насъ.... дитя не хотѣло разставаться съ нами, вѣдь она любила свою мать-кормилицу ! Да развѣ ты ее мать, что меня такъ спрашиваешь ? Я надѣюсь, что это для ея пользы, а то....»

— Ахъ, да, для ея пользы. Но гдѣ она теперь ?

«Тамъ, гдѣ она была шесть мѣсяцовъ тому назадъ , когда прѣвѣжала сюда на праздникъ : у своей мастерицы Г-жи Урсулы, портнихи, въ улицѣ Саблонъ, въ Фонтенебло....»

— Въ Фонтенебло ! воскликнула Магдалина. — Ахъ бѣдная сестра ! Самъ Богъ сказалъ тебѣ это....

Магдалина желала , чтобъ какой-нибудь ангелъ донесъ ее на своихъ крыльяхъ , лишь бы скорѣй быть въ Фонтенебло. Она нашла Франциску блуждающую по городу.

— Пойдемъ, сказала она, обливая ее слезами, — мы найдемъ ее.... Ты сказала правду: сердце матери вѣщуетъ, оно пророчествуетъ... .

— Боже мой ! Сестра, сказалъ Вюнчманъ, весь дрожа, — стало быть, ты нашла дитя ?....

— Да; пойдете. И она увлекла ихъ. Они скоро пришли въ улицу Саблонъ, къ дѣвицѣ Урсулѣ. Франциска предстала, какъ тѣнь, среди молодыхъ работницъ. Всѣ онѣ содрогнулись подъ этимъ пылающимъ взоромъ несчастной матери , которая между ними искала свою дочь.

«Дѣйствительно, у меня нѣсколько лѣтъ жила Маргарита Дюшемень. Я съ охотою держала бы ее и долѣе, но ея здоровье требовало жизни болѣе дѣятельной, и я помѣстила ее въ услуженіе къ одной изъ моихъ покупательницъ».

— Адресъ ? спросила Магдалина.

«Здѣсь, недалеко, въ Парижской улицѣ, № 5.

Всѣ трое побѣжали туда. На усиленный звонъ колокольчика явилась старая служанка.

«Никого нѣтъ, сказала она, — господя въ деревнѣ».

— А Маргарита Дюшемень ?

«Ее ужъ нѣтъ здѣсь. Эта дѣвочка не привыкла къ работѣ; она сдѣлалась больна....»

— Больна! воскликнула Франциска, съ изступленіемъ. — Кто же мнѣ два раза сказалъ, что дочь моя больна ?...

— Она въ больницѣ, прибавила служанка, — идите по этой улицѣ направо, и придете туда.

— Въ больницѣ, повторила Магдалина, съ сердцемъ стѣсненнымъ внутреннимъ волненіемъ и безпокойствомъ. Господи! сжался надъ нами !....

Франциска все слышала и была уже далеко, оставивъ за собой Магдалину, которая, опасаясь несчастія, хотѣла бы удержать ее, но у ней подкашивались ноги, и Вюнчмана, который, утирая рукавомъ глаза полныя слезы, ускоралъ, какъ могъ, свою тяжелую походку.

Между тѣмъ Франциска уже пришла; ангелы глядѣли на нее и самъ Богъ указывалъ ей путь. Она пробѣгаетъ дворъ, входитъ въ дверь. Одна палата растворена, Франциска бросается въ нее, смотритъ.... взглядывается.... въ свѣжее лицо молодой дѣвочки, которое покоилось на изголовьи, узнаетъ и вскрикиваетъ: « вотъ она ! вотъ дочь моя ! » Въ одно мгновеніе она очутилась на кровати—и.... Пусть тѣ, которые испытали подобное счастье, рассказываютъ это.

Когда Магдалина и Вюнчманъ пришли, то сначала они не могли видѣть дѣвочку, которая какъ бы поглощена была въ объятіяхъ матери. Скоро однако жъ прелестное личико, удивленное, улыбающееся, съ смуглыми бархатными щеками, съ черными блестящими глазами, показалось надъ плечомъ Франциски. Тогда Вюнчманъ, поднявъ руки къ нему и измѣнившимся отъ удивленія и восторга голосомъ, воскликнулъ: « Это чудо Господне ! Это наше дитя, спешшее съ неба ! Это наша Стюзейская Гертруда, наша Гертруда, которая умерла и которая теперь жива ! »

Въ тотъ день, когда Франциска, успокоенная и торжествующая, привезла домой свою потерянную дочь, сосѣди, выбѣжавшіе

ей на встрѣчу, съ удивленіемъ крестились, когда мимо нихъ прошла молодая дѣвушка.

«Господи Иисусе! Матерь Божія!», говорили они: не ужель Гертруда воскресла?»

— И, нѣтъ, возразилъ деревенскій учитель: развѣ вы не видали, что у этой повыше губы есть маленькая родинка, которой у той не было....

Нѣсколько словъ о госпожѣ Зонтагъ. — Читатели наши, вѣроятно, уже знаютъ о томъ, что знаменитая пѣвица, стяжавшая столько похвалъ и вѣнковъ лѣтъ тому двадцать, опять возвратилась на сцену. И, вотъ уже около года, въ большей части Французскихъ и Англійскихъ журналовъ идутъ толки, пренія.... Поздравляютъ искусство, дилетанты радуются. И примѣръ Графини Росси, говорятъ, возбуждиль въ другихъ жрицахъ того же искусства, подобно ей, прежде ему служившихъ и, подобно ей же, его оставившихъ, — благородное соревнованіе. Дѣвица Таккани, которал, лѣтъ 10 тому назадъ, покинула Парижскую сцену и вышла за Графа Таска, уже дала нѣсколько публичныхъ концертовъ въ городахъ южной Франціи: теперь она должна быть въ Парижѣ. Госпожа Монбелли, нынѣ Графиня Гретта, оскучившись проводить зиму въ Венеціи, а лѣто въ замкѣ своемъ на берегахъ Бренты, оффициально объявила о появленіи своемъ на театрѣ la-Fenice, гдѣ хочетъ она попытать свои силы, прежде нежели возвратится въ Парижъ, подобно тому какъ Госпожа Зонтагъ, прошлымъ лѣтомъ, показалась сначала въ Лондонѣ, боясь вдругъ подвергнуться суду избалованныхъ Французскихъ меломановъ. Госпожа Паста покидаетъ для театра свой палаццо береговъ Комо, гдѣ до сихъ поръ отдыхала она по соседству съ Госпожею Таліони.... Этой, говорятъ, ужъ не воротиться на сцену. Танцовщицы не могутъ имѣть вторую молодость, какъ пѣвицы; крылья сальфидъ, упавши разъ, не поднимаются и не выростаютъ снова.... Дипломаты, графы, именитые богачи, сочетавшіеся съ пѣвицами, въ несказанномъ волненіи, по случаю всѣхъ этихъ происшествій, невиданныхъ и неслыханныхъ. Однимъ нравится примѣръ Госпожи Зонтагъ, и тѣ, вслѣски, возбуждаютъ въ супругахъ рвеніе къ искусству, у котораго они же ихъ и отняли; другіе, считая за поруганіе древнихъ гербовъ,

мысль видѣть свое или женщину имя напечатаннымъ на театраль-
ной афишѣ, объаты страхомъ, нѣтъ чего нивы жены вольчески из-
влекаютъ себя пользу, какъ да, разумѣется, по своему.... Такъ
напримѣръ, есть въ лучшемъ Парижскомъ кругу актриса одного
лирическаго театра, которая теперь замужемъ за дипломатомъ.
Она еще молода и хороша собою. Но свѣтъ не знаетъ семейной
тайны. Она же, со дня возвращенія на сцену Госпожи Зонтагъ,
вольчески старается извѣщать наклонность къ своему прежнему
поприщу. Мужъ бѣситъ. Жена поетъ все свое. Отъ этого про-
исходятъ презанимательныя семейныя сцены, которыя, обыкно-
венно, кончаются взаимными уступками: мужу эти сцены стоятъ
то новой омеблировки женщиной половины, то бриллиантоваго
убора, то какого-нибудь другаго значительнаго подарка....
Изъ уваженія къ Госпожѣ Зонтагъ нельзя не предполагать, что
она навѣрное не возвратилась бы на сцену, если бы могла пред-
видѣть, что сдѣлается причиною всѣхъ этихъ безпокойствъ и до-
машнихъ тревоженій.... Не худо, однакоже, — благо дѣло ко-
снулось Госпожи Зонтагъ, принять къ свѣдѣнью отрывокъ изъ
статьи о ней Госпожи Эжена Гиво, извѣстнаго Парижскаго
фельетониста :

«Госпожа Зонтагъ парижка вытѣшнаго музыкальнаго сезона.
Ея концерты всегда полны, и нѣтъ сомнѣнн, что расположеніе
любителей искусства не измѣнитъ ей до послѣднихъ вѣчеровъ,
ею обещанныхъ.... Мы слышали, что Госпожа Зонтагъ, въ пер-
вый разъ, явилась въ Парижѣ тому слишкомъ двадцать лѣтъ:
дилеттанты того времени помнятъ ея успѣхъ. Каково же было
удивленіе, въ особенности же со стороны прежнихъ дилеттантовъ,
когда вмѣсто пѣвицы уже созрѣвшей, которой ожидали всѣ,
явилась, вдругъ, женщина въ блескѣ и цвѣтѣ молодости, словомъ,
Госпожа Зонтагъ,—та же, какою была она во дни своихъ дебютовъ.
Та же грація, та же свѣжесть, таія такъ же стройна, взглядъ
такъ же прозраченъ; ни складки на прекрасномъ челѣ, ни однимъ
волосомъ меньше, и та же чистота, свѣжесть и гибкость въ го-
лосѣ. Женщины, цвѣтшія тому двадцать пять лѣтъ, всѣ сколько-
нибудь измѣнились: время коснулось каждой, которой кры-
ломъ, которой острыми когтями, почему же было Госпожѣ Зон-
тагъ избѣжать закона, для всѣхъ одинаковаго?.... Этотъ вопросъ
задавали себѣ не мы одни, какъ вдругъ одинъ ученый музы-
кантъ, съ тѣмъ вмѣстѣ извѣстный музыкальный писатель, Г.

Адѣвъ, вывелъ насъ изъ недоумѣнiя. Вотъ что, положительно, утверждаетъ даровитый композиторъ: — Вступивъ въ бракъ съ Графомъ Росси, Госпожа Зонтагъ испытала многія неудачи; счастье оставило ее, и, чтобы поправить разстроенныя обстоятельства, ей оставалось одно — прибѣгнуть къ прежнему источнику ея богатства, идти опять по стезѣ, гдѣ еще гремѣли для нея и слава, и любовь. Друзья ея, всѣ, совѣтовали ей избрать это средство, и она, повидимому, уже рѣшилась, но, въ ту минуту, когда Г. Лѣблей подалъ ей перо, для подписанiя контракта, присутствiе духа измѣнило ей. Не то чтобы Графиня Росси считала недостойнымъ себя выйти на сцену: нѣтъ, она осталась въ душѣ все той же артисткой, но ее мучила мысль, что она ляжетъ передъ судомъ публики не съ тѣми уже данными, которыя снискали ей общую извѣстность и восторженное сочувствiе. Напрасно уговаривали ее: страхъ одолевъ всѣ совѣты, всѣ пощренiя. Г. Лѣблей былъ въ отчаянiи. Но у Госпожи Зонтагъ была дочь, счастливая, въ полной мѣрѣ, преемница дарованiя своей матери, — которая сама вывѣдалась помочь семейному горю и вывести мать изъ затрудненiя. Г. Лѣблей согласился на замѣнъ, но съ тѣмъ, чтобы никто не зналъ о немъ. — Не думайте о томъ, что вы слишкомъ молоды и слишкомъ хороши, что голосъ вашъ слишкомъ свѣжъ и звонокъ, сказалъ онъ дочери; — невѣроятное, въ этомъ дѣлѣ, поможетъ успѣху. Всѣ будутъ въ восторгѣ отъ васъ, чего же больше? И какимъ тогда родиться сомнѣнiямъ! — Сказано, сдѣлано. На афишу было поставлено имя Госпожи Зонтагъ, а вышла на сцену ея дочь. Лондонъ прiянялъ ее съ оглушительными рукоплесканiями, а Парижъ вторитъ Лондону.»

ВРАЧНЫЙ ДОГОВОРЪ, ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЪ СВОЕМЪ РОДѢ. — Сравнивая прежнее время съ настоящимъ, — въ отношенiи къ нравамъ вообще и сценическимъ артистамъ, въ особенности, одинъ остроумный Французскiй писатель приводитъ, между прочими доказательствами въ пользу нынѣшняго порядка вещей передъ прошедшимъ, контрактъ между актрисой и Маркизомъ. Необходимо предупредить читателя, что дѣло идетъ о двѣицѣ Де-Френъ и господинѣ Флѣри, старомъ разорившемся модникѣ старой Францiи. Мы передаемъ этотъ контрактъ отъ слова до слова:

Условія, на которыхъ я, двѣица Дефрэнъ, согласна вступить въ бракъ съ Г. Маркизомъ Флери:

Статья 1-я. — Г. Маркизь Флери будетъ вѣнчаться со мною во вторникъ, 28-го числа этаго мѣсяца, въ церкви св. Роха, моей приходской. И такъ какъ мнѣ нѣтъ времени заниматься приготовленіемъ и публикаціей, то этимъ долженъ заняться Г. Маркизь, на что получить отъ меня 50 экю, по подписаніи имъ этихъ условій.

Отвѣтъ. Согласенъ на 28-е число. Если 50 экю доставить, я охотно займусь всѣмъ нужнымъ; но прошу Госпожу Дефрэнъ взять во вниманіе то, что я не могу выходить изъ дому, не имѣя ни парика, ни платья.

Статья 2-я. Г. Маркизь будетъ ждать меня, вышеписаннаго числа въ 4 часа утра, въ церкви св. Роха, при входѣ въ часовню Богоматери, съ однимъ изъ своихъ друзей, котораго бы я знала; и лишь только увидить меня, подасть мнѣ руку и поведетъ къ олтарю.

Отвѣтъ. Согласенъ на время и мѣсто, хотя и оскорбительно для меня, что я не повезу васъ изъ вашего дома. Что касается до свидѣтеля, не могу представить никого кромѣ моего башмачника, — одного, мнѣ не измѣниваго въ несчастіи; его, на всякій случай, приведу.

Статья 3-я. Непосредственно вслѣдъ за подписаніемъ акта о бракосочетаніи, я вручу Г. Маркизу 300 ливровъ, за первую четверть ежегодной, пожизненной пенсіи въ 1,200 ливровъ, которую я обеспечиваю контрактомъ со мною Маркиза Фимарконъ въ 24,000 ливровъ. Г. Маркизь долженъ принести съ собою подписанную имъ квитанцію въ полученіи 300 ливровъ.

Отвѣтъ. Согласенъ на 300 ливровъ, потому что они мнѣ крайне нужны; но обезпеченіемъ не доволенъ, развѣ поручится за Маркиза лицо достойное довѣрія, или пусть Г-жа Дефрэнъ дастъ на мѣсто контракта акціи на Остъ-Индскую Компанію или на Городъ; нельзя же и мнѣ имя свое дать даромъ.

Статья 4-я. Г. Маркизь обязанъ клятвеннымъ обѣщаніемъ удостовѣрить меня въ томъ, что онъ признаетъ мою дочь и моихъ трехъ сыновей, усыновляетъ ихъ и позволяетъ, и имъ и мнѣ, носить титулъ, имя, гербъ и ливрею рода Маркизовъ Флери.

Отвѣтъ. Согласенъ, потому что дѣлать нечего; но это значитъ признать себя отцомъ четырехъ дѣтей изъ-за куска хлѣба.

Статья 5-я. Г. Маркизъ, по выходѣ изъ церкви, возьметъ фіакръ и отправится съ своимъ свидѣтелемъ куда заблагоразсудитъ, и здѣсь же, письменно, общается никогда не являясь ко мнѣ, гдѣ бы я ни была.

Отвѣтъ. Согласенъ, отъ всей души. Я понимаю, что былъ бы вамъ бесполезенъ.

Статья 6-я и послѣдняя. Г. Маркизъ, каждые три мѣсяца, будетъ являться къ Ленбару, нотаріусу, на углу улицы де-л'Ешелль, который вручитъ ему 300 ливровъ въ обмѣнъ форменной квитанціи.

Отвѣтъ. Не премину. И такъ, быть по вашему.

Паражъ, 22-го Октября 1755 года.

Подписали: дворянъ Дефрентъ и Маркизъ Флери.

ИСПОЛНИВШЕЕСЯ ПРЕДСКАЗАНИЕ НАПОЛЕОНА. — Между Пруссаками, взятыми въ плѣнъ подъ Іеною, былъ молодой, 14-лѣтній подпрапорщикъ Штокгаузенъ, котораго, съ другими, привели прямо къ Наполеону. Императоръ, предложившій нѣсколько вопросовъ Штокгаузену, остался пораженъ находчивостію юноши, наполнивъ его изъ своего походнаго стакана и предложивъ ему отправить его во Францію, для воспитанія въ одной изъ высшихъ военныхъ школъ. Подпрапорщикъ отказался и объявилъ, что, родившись Нѣмцемъ, Нѣмцемъ и останется. Наполеонъ спросилъ у него, имѣетъ ли онъ родственниковъ, и на отвѣтъ Штокгаузена, что у него есть мать, въ Берлинѣ, любимецъ славы сказалъ: — хорошо, мнѣ теперь скоро надо быть въ Берлинѣ, и тамъ я возвращу тебя твоей матери. — Взавъ Берлинъ, Наполеонъ послалъ Штокгаузена въ его матери и велѣлъ своему адъютанту сказать ей, что у ней отличный сынъ, который непременно будетъ Генераломъ. Это предсказаніе исполнилось: подпрапорщикъ — нынѣ Генераль-Лейтенантъ и Военный Министръ Пруссіи. Генераль Штокгаузенъ издалъ въ свѣтъ біографію Императора Наполеона и нѣсколько сочиненій о войнахъ Франціи во времена Имперіи. Всѣ эти сочиненія проникнуты рѣдкимъ безпристрастіемъ.

НѢМЕЦКАЯ ЧЕРТА. — Во время дѣйствій покойнаго, хоть и безпокойнаго, Франкфуртскаго сейма, Профессоръ Раумеръ,

историкъ, посланъ былъ, какъ извѣстно, посломъ въ Парижъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ, Г. Бигедебенъ, опасаясь за своего импровизированнаго посла, совѣтовалъ ему на всякій случай запастися классическимъ, во время оно, Руководствомъ Мартенса. Раумеръ отказался; за то тотчасъ написалъ съ гордостію изъ Парижа къ своему Министру, величался своею предусмотрительностію: «я вамъ говорилъ, что Manuel Мартенса не послужилъ бы мнѣ ни къ чему; старая дипломатія не существуетъ!» Не правда ли, что эти Нѣмецкія черты характеристическія!

ПИСЬМО ВѢЧНАГО КАНДИДАТА ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМІИ. — Нѣкоторые изъ читателей Москвитанина, можетъ быть, слышали о Г. Гримо, вѣчномъ кандидатѣ Французской Академіи. Вотъ письмо, которое онъ, по случаю послѣдней вакансіи, посылаетъ каждому изъ 39 остальныхъ членовъ:

Милостивый Государь!

Въ четырнадцатый разъ имѣю я честь обратиться съ этими строками къ неполнымъ членамъ ученаго общества. Ревностно желаю я засѣдать между васъ. *Не говорю о моихъ достоинствахъ и правахъ на то*—человѣку, у котораго ихъ столько какъ у васъ, М. Г. Литературу въ сторону, — я фельдфебель моей роты, и, довольно часто, имѣю за обѣдомъ нѣсколькихъ пріятелей. *Сверхъ того*, я жилъ на одной лѣстницѣ съ Шарлемъ Нодье, передъ смертію его въ Арсеналѣ. Многіе изъ почтенныхъ сочленовъ вашихъ общали мнѣ свой голосъ. Но всѣхъ дороже для меня вашъ, М. Г.; не откажите мнѣ въ немъ на этотъ разъ, и благоволите принять увѣреніе въ моемъ уваженіи и преданности.

Грегоаръ Гримо.

ОТЪ ЧАСУ НЕ ЛЕГЧЕ. — Въ Парижѣ идутъ толки о приготовленіяхъ къ удивительному опыту, по части освѣщенія. Хотятъ, при посредствѣ воздушнаго шара, который поднимется отъ земли на 300 метровъ, съ помощію силъ еще не совсѣмъ объясненныхъ, устроить въ воздухѣ электрической маякъ, — подобіе маленькаго солнца. Въ тихую погоду надѣются освѣтить этимъ снарядомъ четверть всего Парижа, лежащаго по правому берегу Сены.... Луны значить не нужно. Погодите: скоро и солнцу придется подавать въ отставку. И то сказать, состарьюсь!

ЛЮБОПЫТНЫЕ ФАКТЫ Мадридской Масляницы. —

Одинъ Испанскій журналъ сообщаетъ, между другими происшествіями прошлой масляницы въ Мадридѣ, слѣдующія любопытныя данныя:

Купленныхъ паръ перчатокъ	11,000.
Семейныхъ ссоръ окончательныхъ.....	174.
Совершеныхъ браковъ.....	275.
Размолвокъ между супругами	6,500.
Ударовъ палками , ранъ.....	7,500.

ДВѢ ГЕРОИНИ НА НОВѢЙШЕЙ ЛАДѢ. — Вотъ что пишутъ въ одномъ Американскомъ журналѣ: «Недавно къ золотопромышленникамъ береговъ Сакраменто присоединились двѣ молодыя дѣвушки, рѣдкой красоты и замѣчательнаго ума. При нихъ для прислуги всего одинъ старый негръ. Одной изъ нихъ нѣтъ и двадцати лѣтъ. Обѣ онѣ рѣшились повѣрить на себѣ слухи о богатствѣ рудниковъ Калифорнійскихъ и попытать счастья. Онѣ сами работаютъ въ рудникахъ, и дали себѣ слово не отставать, прежде нежели наберутъ 100,000 долларовъ; 7,000 уже собрали онѣ. Обѣ родомъ изъ Флориды; младшая, для этой экспедиціи, бѣжала изъ пансіона.»

ОТКРЫТІЯ ИЗЪ ОБЛАСТИ ДРЕВНЯГО ИСКУССТВА. — Г. Маіоръ Лааръ сдѣлалъ въ Нимрудѣ, занимающемъ, по общимъ предположеніямъ, мѣсто прежней Ниневіи, нѣсколько драгоценныхъ находокъ. Работники, копавшіе траншею, встрѣтили въ землѣ три мѣдныя чумички огромнаго размѣра и нѣсколько грубыхъ, металлическихъ блюдовъ. Г. Лааръ самъ принялся вынимать землю изъ одной чумички и нашелъ большое количество украшеній изъ слоновой кости, разныхъ видовъ, клпнокъ топора и другіе любопытные предметы, которые еще не описавы въ подробности. Января 6-го работники нашли еще: болѣе тридцати металлическихъ сосудовъ, чашки и блюда, диковинно-изваянныя или отлитыя, щиты, сабли, отъ которыхъ остались только рукоятки, желѣзныя полосы, съѣденныя ржавчиной, и, наконецъ, небольшую мраморную вазу. Блюда и прочія украшенія сдѣланы изъ нанавѣстной композиціи; но всѣ эти предметы покрыты слоемъ мѣди, кристаллизовавшейся, и до того хрупки,

что Г. Лааръ, не отчищая ихъ, прямо отправляетъ ихъ въ Англію. Однимъ изъ любопытнѣйшихъ открытій можно считать нѣсколько сотъ украшеній изъ перламутра, имѣющихъ видъ рубашечныхъ пуговицъ.... Все это Г. Лааръ послалъ уже въ Англію, присоединивъ двухъ живыхъ львовъ такой величины и красоты, что никто и не запомнитъ подобныхъ.

— Въ то же время Парижъ, занятый очищеніемъ русла Сены, открываетъ въ немъ, каждый день, разные вещи, важныя для археологіи: это, большею частію, оружія всѣхъ родовъ и всѣхъ временъ, медали, вазы, предметы кузнечнаго и слесарнаго мастерства, рыцарскія шпоры, обломки полныхъ вооруженій.

ЭПИГРАФИЧЕСКОЕ ОТКРЫТИЕ. — Въ Севильской библіотекѣ найдена, тому назадъ нѣсколько мѣсяцевъ, весьма любопытная рукопись Графини Сиддонъ, супруги вице-роя Пѣру, того самаго, который около 1630 г. ввелъ въ Европу употребленіе хинина, первый открывъ его противолихорадочное свойство. Рукопись графини — мемуаръ, адресованный Королю Карлу II, объ управленіи и состояніи Испанскихъ колоній.

РУССКІЙ ЯЗЫКЪ ДЛЯ СЛАВЯНЪ.

Въ газетѣ Union, издаваемой на Нѣмецкомъ языкѣ въ Прагѣ напечатано: «Въ Юго-Славянской Газетѣ недавно очень искусно возставали противъ введенія Нѣмецкаго языка въ Кроаціи, о чемъ хлопочуть, къ крайнему удивленію, въ Аграмской Газетѣ, и сказали между прочимъ слѣдующее: «Обращаемъ вниманіе на слѣдующую статью Аграмской Газеты: «Доколѣ Славянское большинство въ Австрійской Монархіи не возвысится до единства въ языкѣ, да будетъ языкъ Нѣмецкій средствомъ соединенія всѣхъ провинцій Монархіи». Это признаніе гораздо важнѣе, нежели мы ожидали, и мы за обнаруженіе его искренно благодаримъ Аграмскую Газету. Если преобразование «Нѣмецкой» Австріи не находитъ другаго препятствія, кромѣ раздробленія Славянскаго языка на разные нарѣчія, то средство для удержанія Славянскаго превосходства уже найдено. Известно искусственное происхожденіе новаго Высокаго Нѣмецкаго языка. Кто, напримеръ, знаетъ Шваба и Мекленбургца, Австрійца и Трансильванскаго

Нѣмца по народному ихъ языку, отъ того не укроется, что народныя ихъ языки отдалены отъ новаго книжнаго Высокаго Нѣмецкаго языка, по крайней мѣрѣ, на столько же, какъ одно Славянское нарѣчіе отъ другаго, и что всѣ эти Нѣмцы, по меньшей мѣрѣ, съ такимъ же усиліемъ должны изучать книжный Нѣмецкій языкъ, съ какимъ Славянинъ изучаетъ другое Славянское нарѣчіе. Къ тому должно присовокупить, что даже у людей высшего образованія, въ изустной рѣчи, народный ихъ діалектъ всегда бываетъ замѣтенъ. Кто мнилъ случай быть при засѣданіяхъ Франкфуртскаго Парламента, тотъ могъ въ рѣчахъ этого, конечно, образованнаго сословія видѣть полный наборъ образчиковъ Нѣмецкой филологіи. Я не имѣю надобности приводить тому доказательства, ибо мы имѣемъ надежду отправить одного или нѣсколькихъ Кроатовъ депутатами въ новый Германскій Парламентъ, и они на дѣлѣ удостовѣрятся въ истинѣ моихъ словъ. — И такъ, если Нѣмцамъ дозволено было составить себѣ искусственный книжный языкъ, то и намъ въ томъ не воспретятствуютъ. Но, по счастью, мы не имѣемъ надобности въ такой фабрикаціи, ибо въ числѣ нарѣчій нашего Вавилонскаго смѣшенія есть одно, которое, какъ кажется, назначено самою природою быть средствомъ разумнѣя Славянъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ общимъ Славянскимъ книжнымъ языкомъ. Это языкъ Русскій. Языкъ этотъ, въ литературномъ отношеніи, достигъ высокаго совершенства, и будучи близнецомъ Древне-Славянскаго Церковнаго языка, по духовной литературѣ, доступенъ всѣмъ Славянамъ; вполне образованъ, какъ языкъ государственннй въ отношеніи юридическомъ и политическомъ, и будучи языкомъ преподаванія наукъ въ шести университетахъ, достаточно обогащенъ ученою терминологіею во всѣхъ факультетахъ, такъ что можетъ, въ огромнѣйшемъ государствѣ въ мѣрѣ, замѣнить всѣ другіе языки. Этотъ языкъ предлагаемъ для употребленія всѣмъ Славянамъ, какъ готовый и совершенно конченный. Если мы, вмѣсто того, чтобы цѣлые годы обучаться Нѣмецкому языку, употребимъ только одинъ годъ на изученіе Русскаго нарѣчія, то конечно научимся легче и лучше выражаться изустно и письменно на этомъ языкѣ, нежели на чуждомъ намъ и радикально противоположномъ нашему отечественному, языкѣ Нѣмецкомъ. Намъ льстятъ увѣреніями, что мы владѣемъ и Нѣмецкимъ языкомъ съ такимъ извѣстствомъ, съ котораго даже нѣкоторые Вѣнскіе журналы должны бѣ были брать

примѣръ Нѣмецкаго слога. Посему еще болѣе надѣяться можно, что мы такъ же хорошо и вѣроятно лучше выучимся говорить и писать по-Русски, какъ и по-Нѣмецки. Стоить испытать, а успѣхъ несомнителенъ. Если это единственная причина, по которой хотять насъ онѣмечить, то конечно всѣ южные Славяне, Чехи, Словаки и Поляки согласятся съ нами принять языкъ Русскій общимъ Славянскимъ книжнымъ языкомъ. Для освобожденія себя отъ опекуинства Нѣмецкаго образованія, можно бы было рѣшиться и на пожертвованія: какъ же не воспользуемся мы собственною нашею выгодною? (*Сѣверная Пчела*, 1850, N 75.)

Эта мысль принадлежитъ къ моимъ къ задушевымъ, лѣтъ уже двадцать, но я никогда не осмѣливался выражать ее даже близкимъ друзьямъ своимъ между Славянами, опасаясь оскорбить ихъ національное самолюбіе, коснуться чувствительнаго мѣста въ сердцахъ, — и вотъ она является теперь у самихъ Славянъ! Я очень увѣренъ, что она всѣмъ кажется дикою, странною, несбыточною, — но она явилась, но она есть. Пройдетъ еще пять, десять лѣтъ, и начнутъ мало по малу привыкать къ ней, чрезъ двадцать будутъ показываться у нихъ сочиненія на Русскомъ языкѣ, а чрезъ 50, если не ближе, она осуществится можетъ быть вполне. О Ломоносовъ, Карамзинъ, Пушкинъ! Какая будущность предъ Русскимъ языкомъ! чтò изъ него выйдетъ, обогащеннаго всѣми Славянскими нарѣчіями, когда и теперь, самъ по себѣ, онъ уже первый, богатѣйшій, сильнѣйшій между Европейскими! *М. П.*

ВОЗРАЖЕНІЕ СѢВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ. — Простительно было прежде какому-нибудь несчастному коми-вояжеру, развѣзшему прикащику, который, посланный, бывало, въ Москву отъ Петербургскихъ журналовъ, возвращался домой съ пустыми руками, простительно было этому неудачному ходебщику по журнальной части — передъ хозяиномъ, упрекавшимъ его за истраченные напрасно харчи и прогоны, оправдываться тѣмъ, что въ Москвѣ никто не пишетъ, не читаетъ и почти грамотъ не знаетъ, слѣдовательно достать ничего ему было невозможно, — это было давно, очень давно; но какимъ образомъ нынѣ, путешественникъ, а не *compte-voageur*, можетъ написать, что въ Москвѣ ли-

литературы не существуетъ, этого никакъ понять нельзя, между тѣмъ это напечатано въ № 62 Петербургскихъ Ведомостей. Чтобъ вывести читателей ихъ изъ заблужденія, Сѣверная Пчела помѣстила списокъ (за что Москвитяне и приносятъ ей свою благодарность) тѣхъ сочиненій, кои въ нынѣшнемъ году Московскими литераторами напечатаны, печатаются и готовятся къ печати. Мы не помѣщаемъ его, потому что большая часть этихъ сочиненій извѣстна, такъ или иначе, читателямъ Москвитянина. Изъ этого списка оказывается, наоборотъ, что въ нынѣшнемъ году Москва издала несравненно болѣе Петербурга.

РУССКОЕ ПРАВОПИСАНІЕ, ПРИВЕДЕННОЕ КЪ ОДНОМУ ПРАВИЛУ. — Въ одной старой Русской грамматикѣ, изданной 1802 года, на стран. 100-й, нашель я одно правило о правописаніи, которое замѣняетъ собою всѣ другія. Это правило можно назвать *единственнымъ*, потому что при немъ другія не нужны, и *драгоценнымъ*, потому что, узнавши его, въ одну минуту, въ одно мгновеніе она, сдѣлаешься совершеннымъ орфографомъ и сохранишь драгоценное время, которое потерялъ бы на ученіе! — Я не понимаю, какъ оно, будучи напечатано, слѣдственно обнародовано, могло не войти во всеобщее употребленіе, по крайней мѣрѣ во всеобщую извѣстность, и остаться въ забвеніи — до меня, развернувшаго книгу и сдѣлавшаго нынѣ это открытіе! — Найди этотъ кладъ, я остолбенѣлъ отъ удивленія, растаялъ отъ радости, и — винюсь въ эгоизмъ — хотѣлъ его присвоить себѣ! (Что дѣлать! рубашка къ тѣлу ближе!) Первая мысль пришла мнѣ самая корыстная: «не объявлю я этого правила! а объявлю въ газетахъ объ открытій мною новой методѣ въ одну минуту выучивать Россійскому правописанію, и буду брать за урокъ дорогую цѣну!» — Или еще лучше: напечатаю, что берусь въ мгновеніе ока выучивать правописанію на всѣхъ языкахъ міра; потому что эта метода можетъ служить равно для всѣхъ, это правило и единственное, и всеобщее! Однако совѣсть, честь и общая польза — возстали противъ эгоизма и корысти; и вотъ, я рѣшился объявить свое открытіе!

Радайтесь всѣ, живущіе не въ ладахъ съ капризною дамою буквою *ь*! Веселитесь всѣ, на которыхъ сердится иногда ста-

рушка *вита*, что вы ее совсѣмъ забыли; или пождала кокетка *жища*, которая хочетъ слыть то гласною, то согласною, то итти за *иже*, то за *вѣди*! Успокойтесь, труженники 14 класса, идущіе, со страхомъ и съ переписанной бумагой въ рукахъ, къ ученому студенту или кандидату, своему столоначальнику! Вотъ оно, это золотое правило, друзья мои! Вотъ оно, отцы и братія по Фемидѣ и по Аполлону! Читайте, насладитесь, и успокойтесь отнынѣ! — Вотъ оно, выписанное слово въ слово:

«Лексиконы, или собранія словъ, расположенныя по алфавиту, т. е. по порядку азбучныхъ словъ одного за другимъ, сверхъ главнаго изъ употребленія въ переводѣ на другіе языки, весьма много способствуютъ и къ правописанію: ибо въ нихъ всякое слово можно сыскать въ учрежденномъ мѣстѣ, и видѣть какими оно литерами пишется. Напримѣръ, ежели бы кто *сомнѣвался* — (замѣтьте: какая вѣжливость, какое *урбанство*, какая нѣжная *цивилизация* того времени: *сомнѣвался*! Въ наше время написали бы просто, грубо: «ежели бы кто *не зналъ*!» но тогда знали, да только не навѣрное, а сомнѣвались!) — Но буду продолжать выписку: «Ежели бы кто *сомнѣвался* чрезъ (л) ли ему, или чрезъ (е) написать должно слово *совѣтъ*, тотъ сможетъ его сыскать въ Россійскомъ лексиконѣ подъ литерою (с), «прошедши въ немъ склады *са, се, си, сі,* и проч. подъ складомъ (со), увидитъ, что *совѣтъ* чрезъ (л) писать должно.»

Изъ чего же мы мучимся и мучимъ дѣтей нашихъ надъ правописаніемъ?

А стоять только догадаться
За дѣло просто взяться!

Но кромѣ пользы грамматической, въ этомъ правилѣ открывается прекрасная нравственная сторона души самого грамматика! — Какая простота! Какое великодушіе! Какое, такъ сказать, *человѣколюбіе*! — Простота души видна въ самомъ открытіи такого правила; великодушіе — въ томъ, что онъ не утаивалъ его, не сберегъ для собственнаго употребленія; а *человѣколюбіе* — въ томъ, что вспомни страдальцевъ Россійской орографіи, немедленно поспѣшилъ приложить эту панацею къ ранамъ ихъ сердца, и можетъ быть, многихъ спасъ отъ укоризны! Притомъ какая скромность! — Это не есть собственно правило; оно не налагаетъ закона! — Это *добрый совѣтъ* какъ итти *въ писаніи* путемъ *правымъ*, безъ всякаго труда! Кто же его

не приметъ, кто не обратитъ въ правило!—И потому, объявляю, объявляю это золотое правило! — Не учитесь, друзья мои, правописанію; а справляйтесь всякій разъ въ лексиконъ!

Отставной учитель Россійскаго слова

Госонъ Дмитревъ.

Правило, предлагаемое почтеннымъ корреспондентомъ, очень благодѣтельно, но оно не можетъ служить къ рѣшенію всѣхъ грамматическихъ недоразумѣній, кои встрѣчаются въ обществѣ: на примѣръ, одинъ достойный человекъ спрашивалъ другаго — какъ надо писать *съ середу*? черезъ онту, или чрезъ фертъ, т. е. *съ середу* или *ѣъ середу*? Отвѣта въ лексиконъ онъ не нашелъ бы. *Ред.*

ЗАДАЧА ФИЛОЛОГАМЪ.

(Письмо къ Редактору Москвитянина).

М. Г. М. П. — Въ наше благословенное время, когда губительная страсть къ анализу, съ одной стороны, доходитъ до изступленія, съ другой, привела уже къ столькимъ полезнымъ открытіямъ, — и вы это знаете лучше всякаго, непростительно, я думаю, задаваться однимъ древностями, старался, на примѣръ, разгадать смыслъ какой-нибудь надгробной надписи, значеніе кургана, происхожденіе какой-нибудь окаменѣлости, мудреной на видъ. Есть, М. Г., и вокругъ насъ, въ живой современности, явленія, заслуживающія не только вниманія, но, по моему, и глубокаго изслѣдованія. На эти мысли, не первый разъ меня волнующія, сегодня навела меня одна вывѣска и я спѣшу передать вамъ мое овѣщее впечатлѣніе. На вывѣскѣ написано: *Парикмахеръ Григорьевъ, Coiffeur Michel*. Признаюсь, сколько ни знакомъ я съ нашей Бѣлокаменной Москвою, какъ ни приглядѣлся къ ней съ разныхъ сторонъ, (такія вещи какъ «Кондитерская Тасовлева» еще объяснимы), но это явленіе совершенно меня озадачило. И волячески старался я разгадать смыслъ этой драгоценной рѣчи, проникнуть мысль, руководившую художника, но до сихъ поръ, тщетно.... Можетъ быть другіе, болѣе меня свѣдущіе, будутъ счастливѣе меня. Вотъ почему я убѣдительноше прошу васъ, чрезъ Москвитянина, передать этотъ вопросъ любителямъ и знатокамъ дѣла. Пренебрегать имъ, во всякомъ случаѣ, было бы неумѣстно.

Имѣю честь, и пр.

Москва, 5-го Мая 1850.

С. К.—нн.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПРИОБРѢТЕНІЕ. — Въ послѣднемъ номерѣ я сообщалъ извѣстіе объ одной попавшейся мнѣ рукописи, изъ коей видно, что Геннадій Архіепископъ Новгородскій поручалъ переводить съ Латинскаго, что переводчикомъ былъ священникъ Митица Малый, и что самъ Архіепископъ принималъ участіе въ трудахъ. Нынѣ сообщу извѣстіе, что на дняхъ попался мнѣ Житейникъ, въ коемъ заключаются одни Вологодскіе святые; *Корнилій Комельскій*, *Арсеній Комельскій*, *Иенатій Прилуцкій*, (сынъ Андрея Васильевича Углицкаго, — сочиненіе Логина пнока), *Иннокентій* (изъ роду Охлябвиныхъ), *Герасимъ* Вологодскій, *Сергій* Обнорскій. Всѣ эти житія очень рѣдки, кромѣ Корниліева, которое попадаетъ часто, и у меня есть экземплярахъ въ десяти. Въ слѣдующемъ номерѣ я сообщу извѣстіе, если успѣю, о всѣхъ зимнихъ моихъ приобретеніяхъ. *М. П.*

ЕЩЕ ОВЪ ИЗГОЛЯХЪ. — Читателей, принимающихъ живое участіе въ судьбѣ *изгоевъ*, увѣдомляемъ, что по новому изслѣдованію они оказались *самоубійцами!* Не рѣшено только, когда мостили они улицы въ Новгородѣ, при Ярославѣ, совершивъ самоубійство, или прежде! Наконецъ судьба ихъ рѣшена! Туда имъ и дорога! Но вотъ что опасно: не сдѣлались ли бы они вампирами, не отпѣтые! Пожалуй — чего добраго ждать отъ нихъ! Это народъ *безпокойный!* Въ такомъ случаѣ посоветуемъ испытать надъ ними одно средство, извѣстное нашимъ новымъ ученымъ мнѣологамъ!

ПРОТЕСТЪ. — Нельзя ли поправить маленькую ошибку, вкрашуюся въ 6, 8 и 9 NN^о Москвитанина, въ извѣстіяхъ о закладахъ коннозаводчиковъ? Никогда не было никакого спора между *Петербуржскими* и *Московскими* охотниками, а былъ сперва споръ между охотниками кровныхъ скаковыхъ и рысистыхъ лошадей, а потомъ между скаковыми коннозаводчиками и такъ называемыми троечниками. Ошибка отъ того, что объявленіе было въ газетѣ Петербургской. Но одинъ изъ Гг. предлагателей заклада, *И. П. Петровскій*, владѣлецъ самаго большаго завода кровныхъ лошадей, имѣетъ постоянное жительство въ Москвѣ и есть одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Московскаго Скаковаго Общества. *С.*

ПИСЬМО Г. ХОТИНСКАГО КЪ РЕДАКТОРУ «МОСКВИТЯНИНА»

Въ Мартовской книжкѣ вашего.... журнала помѣщена библиографическая замѣтка о выходящемъ въ С.-Петербургѣ, подъ моею редакціею, изданіи: «Природа съ ея таинствами и богатствами». Не входя въ полемику съ моимъ рецензентомъ, я считаю однакожъ долгомъ исправить ошибки, вкравшіяся въ упомянутую замѣтку, и вполне увѣренъ, что вы, М. Г., изъ уваженія къ истинѣ, дадите этому письму мѣсто въ слѣдующей книжкѣ вашего благонамѣреннаго и безпристрастнаго журнала.

Вотъ въ чемъ дѣло.

Содержатель одной изъ лучшихъ Петербургскихъ типографій, Я. И. Трей, предпринялъ въ концѣ 1848 года изданіе энциклопедіи Физическихъ наукъ, подъ общимъ заглавіемъ «Природа съ ея таинствами и богатствами». Предположено было начать изданіе двумя отдѣльными науками, которыя должны были выходить попеременно выпусками, составляя каждая отдѣльный рядъ тетрадей. Согласно этому плану вышли: одна тетрадь *Астрономіи* и двѣ тетради *Физической Географіи*. Почему былъ принятъ такой планъ, я не знаю, потому что не былъ въ то время знакомъ ни съ издателемъ, ни съ редакторами, и не принималъ никакого участія въ этомъ изданіи.

По выходѣ въ свѣтъ упомянутыхъ трехъ тетрадей дѣло остановилось. Наконецъ, въ Мартѣ минушаго 1849 года, издатель Г. Трей пригласилъ меня — сперва написать *Астрономію* для его изданія, а потомъ, принять на себя главную редакцію энциклопедіи. Я согласился, но не иначе какъ съ условіемъ, чтобы изданныя первоначальною редакціею три тетради были уничтожены, а вмѣсто нихъ выдано подписчикамъ приличное вознагражденіе. Вслѣдъ за тѣмъ я положилъ правиломъ — не начинать втораго отдѣла изданія, не окончивъ первый, или, лучше сказать, начинать изданіе новой науки только по окончаніи старой.

И такъ собственно моя дѣятельность, по упомянутому изданію, началась съ ЧЕТВЕРТАГО выпуска, составляющаго *первую* тетрадь моей *Астрономіи*. По окончаніи перваго тома приложено было мною *предисловіе* или нѣсколько строкъ *вмѣсто предисловія*. Это предисловіе, принадлежащее собственно одной только издаваемой мною теперь *Астрономіи*, Г. рецензентъ «Москвитя-

нина» почелъ принадлежащимъ къ первымъ выпускамъ изданія «Природа» и пр. Отсюда возродился странный вопросъ — есть ли настоящій редакторъ *Мат. Степ. Хотинскій* тотъ самый *М. Хотинскій*, который написалъ первые три выпуска (одинъ *Астрономіи* и два *Физ. Географіи*)?

Сколько мнѣ извѣстно, изъ всѣхъ нынѣ дѣйствующихъ на поприщѣ науки и литературы, я одинъ подписываюсь *М. Хотинскій*, и мнѣ принадлежать тѣ статьи по Астрономіи, Физикѣ и Химіи, разбросанныя въ журналахъ, статьи, о которыхъ рецензентъ Москвитянина сдѣлалъ мнѣ честь выразиться весьма благосклонно. Первые же три выпуска «Природы» написаны вовсе не много, ниже какимъ-либо другимъ *М. Хотинскимъ*, а лицомъ, завѣдывавшимъ первоначальною редакціею изданія Г. Трея и скрывшимъ свое имя, почему и я не считаю себя въ правѣ разоблачать это *инкогнито*. Что же касается до собственнаго моего мнѣнія объ этихъ первыхъ выпускахъ, то оно довольно легко можетъ быть выведено изъ того обстоятельства, что я, принявъ изданіе въ свое распоряженіе, счелъ нужнымъ уничтожить упомянутые выпуски, какъ несоответственные настоящему состоянію наукъ.

Пояснивъ случайное недоразумѣніе и *откровенно невольную* ошибку моего рецензента, и отклонивъ отъ себя отвѣтственность за чужіе грѣхи, я вполне принимаю отвѣтственность за изданіе «Природы» съ 4 выпуска, которымъ началась моя «Астрономія для всѣхъ образованныхъ читателей». Къ этой Астрономіи исключительно относится упоминаемое моимъ рецензентомъ *предисловіе*, и хотя я вовсе не разделяю его мнѣній касательно отношеній существующихъ между Астрономіею и Космографіею, но считаю долгомъ повторить слѣдующія строки изъ сказаннаго предисловія:

«Нѣтъ сомнѣнія, что въ нашемъ трудѣ есть недостатки, ошибки и недосмотры. Поэтому мы съ благодарностію примемъ всякое дѣльное замѣчаніе, какъ печатное, такъ и письменное сообщенное прямо въ Редакцію, и воспользуемся имъ при второмъ изданіи нашей книги».

Изъ 2000 экземпляровъ перваго изданія нашей книги, двѣ трети уже раскуплены, и поэтому есть основательная надежда на

существованіе втораго наданія, можетъ быть, даже ранѣе выхода послѣдней тетради Астрономіи. Это обстоятельство побудило меня повторить здѣсь сейчасъ приведенныя строки предисловія. Я слишкомъ дорожу мнѣніемъ такого дѣльнаго и ученаго журнала, какъ Москвитянинъ, чтобы не выслушать его критики и не воспользоваться ею. Что же касается до настоящаго моего письма, то я не сомнѣваюсь, что Редакція Москвитянина всегда помнитъ древнюю аксіому людей безпристрастныхъ:

„Amicus Plato, sed magis amica veritas“.

М. Хотинскій.

Чл. мног. учен. общ.

ОТЪ РЕДАКЦИИ. Недоумѣніе рецензента произошло отъ ошибки Петербургскаго переплетчика, который предисловіе Г. Хотинскаго помѣстилъ не на своемъ мѣстѣ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ законное число экземпляровъ. Москва, Мая 14-го 1850 года.

Ценсоръ В. Лешковъ.

СМѢСЬ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ПРАЗДНОШТАЮЩАГОСЯ.

III.

НЕКОГДА.

.... Иванъ Петровичъ сидѣлъ въ халатѣ, у раствореннаго окна, и курилъ трубку..

Петръ Иванычъ шель изъ присутствія....

Они раскланялись.

Петръ Иванычъ, подъ самымъ уже окномъ, остановился....

— Зайдите! — сказалъ Иванъ Петровичъ....

— Некогда, некогда-съ! — отвѣчалъ Петръ Иванычъ и посмотрѣлъ на часы....

— Ну, что у васъ тамъ новенькаго? — продолжалъ Иванъ Петровичъ, высунувшись изъ окна.

— Да ничего, пропасть дѣла — отвѣчалъ Петръ Иванычъ и сталъ писать на пескѣ красивую, заглавную букву....

— Вечеромъ къ Евлампію Василичу? — спросилъ Иванъ Петровичъ....

— Да не знаю успѣю ли — сказалъ Петръ Иванычъ....

— Приходите, приходите.... сыграемъ пулечку другую. — Ваши всѣ здоровы ли? Маланья Иваннна, Вѣра Петровна, сынокъ?

— Всѣ, слава Богу.... Вы слышали, Иванъ Петровичъ исторію-то?

— Какую?

— Да некогда: ужъ расскажу у Евлампія Василича....
Прощайте, Иванъ Петровичъ.

Отд. VI.

— Да зайдите, Петръ Иванычъ!

— Ей-ей, некогда, вотъ развѣ трубочки покурить.

— Эй, малый! Трубку Петру Иванычу.

Иванъ Петровичъ, не оборачиваясь, положилъ трубку свою на спину. Ее принялъ огромный малый и, набивъ, закурилъ, вытеръ объ щеку и вынесъ ее на улицу, Петру Иванычу....

Петръ Иванычъ взялъ трубку и, въ два приѣма, вытанулъ ее всю.... Дымъ пошелъ изо рта и изъ носу. Петръ Иванычъ, минуты двѣ, стоялъ какъ въ облакѣ.

— Ну, вотъ теперь хоть отвелъ душу.... Прощайте, Иванъ Петровичъ, некогда!

— Да полноте, Петръ Иванычъ!

— Право некогда.

— Да вы расскажите хоть исторію-то....

— Когда тутъ? Помилуйте: этого и въ часъ не рѣскажешъ. — Я слышалъ у вашего зятюшки нездорово?....

— Да, есть немножко, ну да вѣдь я и напередъ говорилъ.

— Расскажите пожалуйста.

— Зайдите, Петръ Иванычъ, право зайдите.

— Некогда, Иванъ Петровичъ, а то отчего бы не зайти.... Непременно бы зашелъ.... Скажите пожалуйста, что жъ это у нихъ тамъ такое?

— Что тутъ? да помилуйте....

— А я ужъ, искала, искала.... Маланья Иванниа приказали васъ просить домой.... Они ждутъ васъ давно-съ. — Это сказала кухарка, которая, въ это время, запыхавшись, подошла къ Петру Иванычу.

— А вотъ я сейчасъ.... Скажи Маланья Иванниа что сейчасъ.... Что это! — продолжалъ онъ, обращаясь уже къ Ивану Петровичу, — не дадутъ и поздороваться.

— Скажи Маланья Иванниа, что они сейчасъ будутъ, сейчасъ, скажи: сейчасъ! Да кланяйся отъ меня, — прибавилъ отъ себя Иванъ Петровичъ.

Кухарка почесала себѣ спину между лопатокъ и пошла....

— Войдите, Петръ Иванычъ.

— Развѣ на минуточку....

— На минуточку....

И Петръ Иванычъ вошелъ къ Ивану Петровичу....

IV.

БРАКЪ ПО СТРАСТИ И СТРАСТЬ ПО БРАКУ.

Танцовали кадраль....

Одну изъ паръ составляли офицеръ и дѣвушка лѣтъ 28.

Офицеръ былъ похожъ на офицера, дѣвушка — на плачущую иву, т. е. въ особенности ея голова, но я употребляю риторическую фигуру, *paris pro toto* или *totum pro parte*.

— Вы сегодня особенно интересны.

— Полноте, что за комплименты!

— Какіе комплименты-съ? Это суцая правда!

— Вамъ дѣлать балансе.

— Ахъ, извините, я заглядѣлся.

— Полноте пожалуйста!

— Вы не вѣрите?

— Вы ужасной шутникъ.

— Какъ вы жестоки!

— Мнѣ нынче что-то ужасно какъ грустно.

— Я то же чрезвычайно страдаю: завтра придется въ караулъ....

— Я думаю, ужасно стоять въ караулъ въ дурную погоду....

— Пѣть-съ: въ дурную ничего. Коли дождикъ или снѣгъ — ружья подъ навѣсомъ, а въ морозъ не выходить вонъ....

— Скажите пожалуйста.

— Какъ къ вамъ идутъ тир-бушоны....

— Это изъ Москвы, Французская работа.

— Да, это видно-съ.

— Дѣлайте солю....

— Ахъ, сейчасъ-съ....

Офицеръ сдѣлалъ solo и, кончивъ контрдансъ, отважно шаркался и отошелъ въ сторону отъ дамъ....

— Ну что? — спросилъ его одинъ изъ пріятелей....

— Просто, братецъ, ангель. Душка!

— Счастливецъ! — возразилъ пріятель....

Черезъ двѣ недѣли офицеръ стоялъ въ церкви подъ вѣнцомъ, и, рядомъ съ нимъ, дѣвушка похожая на плачущую иву..

Въ полку только и говорили что о счастіи офицера, а въ городъ, о счастіи дѣвушки.

V.

ГОСТИНИЦА ДЛЯ ПРОѢЗЖАЮЩИХЪ.

Зима. Второй часъ ночи. Морозъ въ двадцать пять градусовъ.
Тройка подъѣзжаетъ къ станціи.... При станціи «гостиница для проѣзжающихъ.»

Со облучка соскакиваетъ ямщикъ, съ другой стороны слуга..

— Слуга обходитъ сани съ заду и принимается вытаскивать барина....

Баринъ, исчезнувшій въ фуфайкѣ, архалукѣ, тулупчикѣ, тулупѣ и шубѣ, лѣзетъ изъ саней кряхтя.... Онъ изломаясь дорогой, избить ухабами, проголодался....

На подъездѣ въ повалку спятъ ямщики....

Индѣ высунется голова изъ-подъ тулуза.

— Али ты, Митрюха ?

— Своп.... Спи-знай.

Голова уходитъ подъ тулупъ....

Баринъ входитъ въ сѣни ; слуга — за нимъ. Въ сѣняхъ темно. Не видать и двери....

— Кто тутъ ?

Молчаніе.

— Эй, староста !

Молчаніе.

Баринъ шаритъ по стѣнѣ, слуга — то же....

Дверь найдена.... Она затворена изнутри....

Начинають стучаться, и баринъ и слуга....

— Чево надо ? — слышно изнутри....

— Да отпирите ! проѣзжающіе !....

— А вотъ уже погоди, я побужу тутъ....

Опять молчаніе....

Баринъ начинаетъ терять терпѣніе....

— Да, отворите же, чортъ возьми ! Отворите, отворите !

Голосъ изнутри :

— Чево надо ?

— Отворите ! — Слѣдуетъ, со стороны барина, нѣсколько сильныхъ словъ....

— Сейчасъ-съ !

Слышно топанье босыми ногами....

Ключъ не тотъ.

Нашелся и настоящій ключъ....

Дверь отворена. Баринъ входитъ. Темно.

— Да что-жь вы, въ самомъ дѣлѣ, заморозить что-ли хотите человека?.... Дайте огня....

— Сейчасъ-съ!....

Направо и налѣво храпѣніе. Босыя ноги бѣгаютъ, роняють стулья, задѣваютъ о двери, то локтемъ, то головой....

Огня все нѣтъ....

Баринъ сердится.

— Ванька, да нѣтъ ли у тебя спички?

— На той станціи послѣднія вышли-съ.

— Ишь, варваръ!

Наконецъ найдены спички. Спички не горятъ: отсырѣли. Одна какал-то сжалилась и загорѣлась.

Изъ третьей комнаты босыя ноги несутъ свѣчку....

— Уфъ, слава тебѣ Господи! — говоритъ баринъ, которому ужасно жарко, и начинаетъ распутывать шарфъ, снимаетъ шубу и все лишнее....

На право храпѣніе перестало. Является староста. Въ бородѣ торчитъ соломенка. Голова какъ овинъ....

— Лошадей, я чай, то же?

— А ты какъ думаешь?....

Староста уходитъ налѣво.

Баринъ садится въ послѣдней комнатѣ. Трактирный слуга ставитъ передъ нимъ свѣчку, обтираетъ столъ кулакомъ, въ котромъ, для порядка, держитъ кончикъ сертучной полы, и отходятъ къ двери....

— Давай-ка мнѣ, братъ, поѣсть! Есть у васъ чтонибудь?

— Все есть-съ.... Изъ закуски прикажите? Или изъ горячаго-съ? Катлетъ, бекштей можно сдѣлать-съ.

— Ну, такъ дай мнѣ, братецъ, водки, да чего-нибудь закусить. Да поскорѣе....

— Сейчасъ-съ!....

Баринъ потягивается, беретъ свѣчку и, въ сладкомъ ожиданіи водки и прочаго, начинаетъ разсматривать комнату.

На одной стѣнѣ, портретъ Дибича, обстоятельный прейсъ-курантъ всевозможнымъ кушаньямъ и винамъ, не исключая стерляди, устриць, Мараскина и Токайскаго; на другой: зеркало—баринъ, посмотрѣвшись въ него, хватается за носъ, потому что зеркало

показало ему носъ съ неестественнымъ къ концу раструбомъ. Третья и четвертая стѣны исписаны разными руками. Не все можно разобрать.

Но вотъ что читаетъ баринъ:

Былъ и увѣхалъ. — Прощаясь, ангелъ мой, съ тобой. — Измѣнила, но я тебя найду вездѣ. — Поручикъ Костыльковъ, день, мѣсяцъ и годъ.

Есть и стихи.

Баринъ жалѣеть, что забылъ взять съ собой карандашъ. Иначе, пожалуй, и онъ бы написалъ. Но на окнѣ онъ находитъ доскутокъ бумаги, который, почему-то, разглядываетъ съ любопытствомъ. Онъ читаетъ слѣдующее:

«Тетенька я дамъ имъ пока целковой и скажу Дирьнѣ чтобы она мнѣ говорила если нѣтъ у нихъ. Будьте адоромъ цѣлую ручку какъ вашу такъ и у тетенькѣ Матроннѣ Федотовнѣ укрини ее Господь.»

Онъ вспоминаетъ, однакожъ, что ему хочется ѣсть и выпить водки....

— Эй, да что жъ вы тамъ, въ самомъ дѣлѣ!

— Сейчасъ-съ!

Босыя ноги приносятъ скатерть и накрываютъ столъ.

Босыя ноги исчезаютъ.

Потомъ опять входятъ.

— Извините, сударь, горячаго ничего нѣтъ-съ....

— Ну, дай холоднаго, да поскорѣ....

— Сейчасъ-съ!

Тѣмъ же порядкомъ босыя ноги исчезаютъ и являюся опять.

— Котлеты, сударь, всѣ вышли: давеча проѣзжали одна помѣщица-съ....

— Что мнѣ до твоей помѣщицы! Ну, дай хоть водки, да хлеба кусокъ....

— Сейчасъ-съ....

Спустя минуточку....

— Водки нѣтъ-съ!

— Какъ нѣтъ?

— Заперто-съ....

— Ну, отпереть....

— Ключъ-то у хозяевъ-съ....

— Разбудить хозяевъ....

— Они, сударь, не здѣсь имѣютъ жительство.... Здѣсь только гостинница для провѣжающихъ-сь. А они имѣютъ пребываніе то-ись на томъ концѣ села-сь....

— Что бѣ тебя чортъ побрала. Вели мнѣ поскорѣе лошадей закладывать!

— Сейчасъ-сь!

Входитъ Ванька, сонный и не въ духѣ....

— Лошадей нѣтъ-сь!

— Какъ нѣтъ?

— Какъ есть нѣтъ-сь.

Является староста. Свѣдуетъ объясненіе. Староста доказываетъ, что нѣтъ лошадей. Дѣло ясно какъ $2 \times 2 = 4$.

Надо переждать.

«Отдохну, по крайней мѣрѣ» думаетъ баринъ.

— Ванька, подушки!

Ванька приноситъ подушки.

Баринъ укладывается на диванъ. Ванька уноситъ свѣчку.

Баринъ закрываетъ глаза.

Не тутъ-то было.... Нѣтъ возможности заснуть.

На барина напали тысячи невидныхъ враговъ....

И, между тѣмъ, онъ слышитъ храпѣніе, если не согласное, то многогласное.

— Ванька! Ванька!

Ванька или не слышитъ, или Богъ его знаетъ гдѣ онъ....

Выбившись изъ силъ, баринъ вскакиваетъ и идетъ по направленію тусклаго свѣта....

Въ послѣдней комнатѣ едва тлѣетъ бумага, которою была завернута свѣча.

Баринъ возвращается къ своему дивану....

Онъ то сидеть, то лжеть. Такъ проходитъ часъ, три, четыре, иногда болѣе.

Начинаетъ свѣтатъ.

Подымается староста, — прочіе.

Наконецъ входитъ Ванька.

— Лошади готовы-сь!

Баринъ начинаетъ вооружаться по дорожному.

Являются босыя ноги.

— Что жь, сударь, за ночлегъ то-сь и?....

- Сколько тебѣ надо ?
- Пять рублей-съ.
- Какіе пять рублей ?....
- Положеніе-съ....
- Какое положеніе ?
- Не наше дѣло, сударь : хозяйское.

Баринъ заноситъ надъ головою босыхъ ногъ свой дорожной чубукъ....

- Не извольте, сударь, я мѣщанинъ....
- Вотъ наказанье. Ванька, дай ему пять рублей....

Ванька, молча, подаетъ босымъ ногамъ синюю бумажку....

- Все готово ? — спрашиваетъ баринъ.
- Все-съ, — отвѣчаютъ босыя ноги, бѣжать впередъ, открыть дверь и, кланяясь, говорить : — Просимъ покорно на обратномъ пути....

«Какъ же, подымешь ты меня на эту штуку !» думаетъ баринъ и молчитъ.

Въ сѣняхъ стоятъ ямщики, въ ладъ потесывая затылки.

- Что жь, сударь, старому-то ямщику на водку ? Какъ возь-то вашу милость....

Баринъ смотритъ на ямщика сердито....

У подъезда обступаетъ барина ватага ямщиковъ.

- Изъ милости, сударь, на чапшка-то хоть бы пожаловали : ужъ какъ хлопотали для вашего здорovia....

За тѣмъ, староста :

- Старость-то, Ваше Сіятельство, что-нибудь за хлопоты....
- Дай имъ четвертакъ ! — говоритъ баринъ.

Ванька вынимаетъ изъ кошелька четвертакъ и, молча, подаетъ старостѣ.

— Всякаго благополучія !

- Подлецы ! — говоритъ Ванька, когда сани уже тронулись....

Несомнѣнно, что если, кромѣ «гостиницы для проезжающихъ» есть въ деревнѣ постоялый дворъ, то лучше отдать предъ

почтеніе постоялому двору. Стихи и проза на стѣнахъ есть и на постояломъ дворѣ, бывають и портреты славныхъ мужей и женъ, случаются и заманчивые преісь-куранты, — но, сверхъ всего этого, на постояломъ дворѣ есть всегда самоваръ, хорошій чай, жирные щи и славный хлѣбъ, которыми пренебрегать въ дорогѣ не приходится.... А хозлева, буде надо, не далеко. Тутъ же, на печкѣ, или, гдѣ-нибудь за-печкой....

НА БЕРЕГУ МОРЯ. — (*Разказъ Алфонса Карра*).... Вы спрашиваете у меня, скучаю ли я когда-нибудь на берегу моря; — «хорощее зрѣлище», говорите вы, «но однообразное и монотонное»....

Въ отвѣтъ, я скажу: Вы не видали моря, — пріѣжайте, наконецъ, нынѣшнимъ лѣтомъ, посмотрѣть на него и на меня, — а послѣ и скажите однообразно-ли оно, скучно-ли. Вы любите картины; чего же еще! Каждая пять минутъ море представляетъ вамъ картину Гюдена. Нѣкоторыя смѣняются, даже, секунды черезъ двѣ, но и изъ этихъ иныя воспроизвелъ Гюдень, благодаря удивительной памяти. Десять лѣтъ бьюсь я изъ того, чтобы увидѣть въ другой разъ захожденіе солнца, какому довелось мнѣ подивиться однажды. И что же! до сихъ поръ оно не повторялось; каждый день природа производила, въ моихъ глазахъ, новыя прелести, но, еще ни разу, не повторала прежнихъ.

А жители, рыбаки, которыхъ вы полюбили бы какъ я, если бы знали ихъ! — Сегодня я не намѣренъ говорить вамъ ни о мудромъ ихъ равнодушіи къ большей части вещей, за которыя спорять другіе люди, ни о ихъ безпримѣрной кротости: я только хочу доказать, на сколько эти простые и молчаливые люди могутъ дать пищи любознательности и наблюденію....

Когда вы будете здѣсь, мы, послѣ обѣда, вмѣстѣ, отправимся купить двѣ сигары у мелочнаго торговца, который живетъ въ глуши бѣдной деревушки. Не скажи я вамъ ничего, вы ничего и не увидите. Вы войдете въ маленькую лавочку, окрашенную въ зеленую краску и прочтете вывѣску и обыкновенныя надписи: *Косвенный сборъ. — Табакъ.*

Вы спросите двѣ сигары: человекъ лѣтъ 60-ти укажетъ вамъ ящикъ, гдѣ вы ихъ выберете; вы заплотите, вамъ сдадутъ; мы выйдемъ; вы скажете мнѣ:

— Ну-съ! а потомъ?

— Потомъ.... Видите ли, этотъ человекъ, прежде везали, открылъ лавочку въ деревнѣ, гдѣ онъ и родился, болѣе 40 лѣтъ ѣздилъ, по морямъ, при невзгодахъ и буряхъ, и за сахаромъ, и за кофе, и за гвоздикой, и за табакомъ, и за прочею мелочью, которую теперь продаетъ вамъ.

Не позанимательнѣе ли онъ мелочнаго торговца вашего квартала, который, столько же лѣтъ, ходитъ за своимъ табакомъ, въ складочные амбары улицы de-la-Vergerie?

Но это не все.

Этотъ торговецъ участвовалъ въ войнахъ Имперіи; онъ двадцать разъ сражался съ Англичанами; онъ былъ корсаромъ. И это не все еще. Въ одномъ морскомъ сраженіи онъ былъ взятъ въ плѣнъ на кораблѣ пущенномъ ко дну, и отправленъ въ Англію. Десять разъ пытался онъ бѣжать, десять разъ былъ пойманъ и надзоръ за нимъ усиленъ, но онъ стоялъ на своемъ намѣреніи оставить Англію. Наконецъ, какъ-то, онъ спасся и отъ строгаго присмотра и отъ преслѣдованія, въ сообществѣ товарища, не менѣе его несчастнаго, не менѣе его отчаяннаго: для этой цѣли они, гдѣ-то, высмотрѣли и присвоили себѣ лодочку въ двѣнадцать футовъ, принадлежавшую Англійскимъ рыбакамъ. Двѣнадцать футовъ — размѣръ, по мнѣнію инспектора навигаціи, нелѣпый и опасный даже на Сенѣ. У меня, лѣтъ 12 тому назадъ, отняли и, въ моихъ глазахъ, сломали, лодку, на которой я катался по Сенѣ, потому что въ ней было длины не болѣе 12 футовъ!

Овладевъ двѣнадцати-футовымъ судномъ, наши два Нормандца пустились въ путь къ милой Франціи, черезъ море: у нихъ былъ небольшой запасъ сухарей и бутылка джину. Едва пропалъ изъ виду берегъ, небо стало хмуриться: все обѣщало погоду. Они посоветовались между собой и оба, въ одинъ голосъ, рѣшили, что лучше тонуть или утопиться, нежели возвратиться къ Англичанамъ, помолились и поплыли. Предсказаніе природы сбылось и, спустя три дня, рыбаки набрали на лодку, въ которой лежали два человекъ, умиравшіе отъ голода, жажды и усталости; но то были рыбаки Французскіе. Мои герои были спасены. И вотъ вамъ исторія о томъ, какъ нашъ торговецъ основался съ своею торговлей, здѣсь, гдѣ вы его видите.

.... А вотъ идетъ другой: этотъ — рыбакъ, онъ умретъ рыбакомъ. Ему болѣе 60-ти лѣтъ, но онъ сиденъ и свѣжъ какъ въ

сорокъ. Онъ не былъ въ службѣ. Онъ всегда былъ готовъ, но его не требовали. А было съ нимъ приключеніе, которому бы позавидовали моряки, прослужившіе весь свой вѣкъ.

Была война: Англійскія суда крейсировали около Гавра. Французскимъ рыбакамъ было приказано возвращаться на берегъ передъ вечеромъ и на-строго запрещено уходить изъ-виду:

Піэръ, въ то время, былъ молодъ, смѣлъ и любилъ иногда не послушаться приказаній морскихъ комиссаровъ. Ктому же рыбная ловля, нѣсколько уже дней сряду, оказывалась неудачною. Онъ уговорилъ двухъ товарищей перейти за предписанную границу и, даже, переночевать въ морѣ.

Ихъ ослушаніе было показано какъ въ сказкѣ. Раннимъ утромъ, небольшой Англійскій гоалеть, *quarrens quet devoret*, увидаль рыбачью барку, окликнулъ ее и далъ знакъ чтобы она подошла.

Поздно немножко замѣтили наши рыбаки, что сдѣлали глупость, притворились что ничего не слышать, поставили паруса и расположились къ возвращенію въ гавань, при помощи попутнаго вѣтра, — въ надеждѣ что гоалеть оставитъ ихъ безъ вниманія, не станетъ хлопотать изъ-за рыбачьей лодки и тратить порохъ на воробьевъ.

Они ошиблись. Капитану нужны были данныя о мѣстности. Онъ повторилъ сигналы, и счелъ за вѣрнѣйшее, для вѣщаго ихъ вразумленія, подкрѣпить ихъ маленькимъ ядромъ, которое упало рикошетомъ въ нѣсколькихъ футахъ отъ лодки: попади оно въ лодку, оно бы пробило ее и пустило ко дну. Но Піэръ и его товарищи понимали что въ нихъ не хотѣли дѣлать, что первый выстрѣлъ былъ только предостереженіемъ, но слѣдующій, за то, отправить ихъ ко дну, а гоалеть настигнетъ ихъ безъ труда, въ два замаха весель. Надо было повиноваться. Убрали паруса и стали, скрѣпя сердце, грести по направлению къ гоалету. Гоалеть принялъ трехъ рыбаковъ, и отправилъ лодку къ морскому дну. Предложили имъ вопросы, на которые Піэръ отказался отвѣчать. Одинъ изъ его товарищей отвѣчалъ, смѣло, безстыдную ложь. Принялись допрашивать третьяго, какъ, вдругъ, пробѣжалъ шумъ между экипажемъ. На гоалеть шелъ во всѣ паруса Французскій брикъ. Трехъ рыбаковъ связали, спустили въ трюмъ и стали готовиться къ бою.

Я избавлю васъ отъ подробностей этой схватки. Схватка была жаркая. Только ночь развела сражавшихся. Съ обѣихъ

сторонъ потеря оказалась значительна. Каждый считалъ себя побѣдителемъ въ достаточной степени и пошелъ опять въ море, каждый въ свою сторону. Но, по видимому, болѣе пострадали Англичане. Капитанъ былъ убитъ, лейтенантъ тяжело раненъ. Изъ всего экипажа осталось 7 человекъ. Занялись починкой снастей, замѣнили разбитую мачту и поплыли къ одной изъ британскихъ гаваней. Черная точка, показавшаяся на западѣ, между тѣмъ, все поднималась, и словно расплывалась по небу. Дунулъ вѣтеръ: сильнѣе. Съ вѣтромъ полилъ дождь, море вздулось и зашумѣло. Нужно было собрать паруса и, вскорѣ, разразилась страшная буря.

Не смотря на отсутствіе капитана и тяжелыя раны лейтенанта, экипажъ гоалета храбро боролся съ непогодой. Наши три Нормандца, въ это время, приходили въ отчаяніе: пока данлось сраженіе, они возсылали къ небу горячія молитвы о томъ, чтобы Французы взяли Англійское судно и освободили ихъ: теперь приходилось потерять надежду. У всѣхъ троихъ были, дома, на родинѣ, и жены, и дѣти, о которыхъ тревожились они, которыхъ любили; сверхъ того, они вспоминали всѣ рассказы объ участи пльнныхъ попадавшихъ къ Англичанамъ, а Піеръ говорилъ, что если ужъ Французы ихъ не освободили, то лучше было бы утонуть и Англичанамъ, и имъ съ ними. «Ну не несчастіе ли?» замѣчалъ другой, — «отчего бы намъ не случиться на брикѣ вмѣстѣ съ Французами. Я не солдатъ, я никогда не дрался, но, право, далъ бы себя знать этимъ проклятымъ Англичанамъ!» — «Бѣдная жена, бѣдные дѣти!» — говорилъ третій.

«Однако, какая должна быть погода» говорилъ Піеръ — «насъ качаетъ страшно, море злится, мачты трещать; какъ вы себя хотите, а должна быть буря, или скоро будетъ буря.»

Буря, въ самомъ дѣлѣ, становилась сильнѣе. Едва доставало силъ 7 человекъ на управленіе гоалета, не мало потерпѣвшаго отъ непогоды и боя. Вдругъ одинъ матросъ закричалъ: — Капитанъ, мы пропали: вода въ трюмѣ! — Вода въ трюмѣ! раздалось съ другой стороны. Пробѣжало волненіе. Лейтенантъ старался успокоить экипажъ и приказалъ, чтобъ половина людей выкачивала воду, а другая продолжала управлять судномъ. Плотникъ хотѣлъ попытаться заткнуть отверстіе, куда была течь. Но воды оказалось въ гоалетѣ столько, что нельзя было найти отверстіе, сдѣланное, безъ сомнѣнія, ядромъ. Часъ спустя,

выкачивавшіе воду истощились; вода не прибывало, но и не убывала, успія ихъ едва равнялись прибыли воды. Первыхъ четырехъ смѣнили три остальныхъ матроса. Лейтенантъ, хоть и раненый, стоялъ у штурвала.

Онъ велѣлъ принести боченокъ съ ромомъ и роздалъ прислугѣ умеренныя порціи. Спусти еще нѣсколько часовъ море все не успокоивалось. Люди, выбивавшіеся изъ силъ, качали слабо. Вода стала прибывать, и, къ довершенію общаго ужаса, гоалеть мало подвигался къ своей цѣли. Вѣтеръ, благопріятствовавшій тѣмъ, кто шелъ къ Франціи, былъ почти противень для тѣхъ, кому нужно было плыть къ берегамъ Англій. «Что дѣлать?» говорили матросы: воды все больше, и больше: а мы стоимъ на мѣстѣ. Мы пропали!»

Лейтенантъ, не скоро терявшійся, созналъ невыгоды своего положенія, но не смутился. Зная достаточно Французскій языкъ, онъ велѣлъ привести къ себѣ трехъ плѣнниковъ. — Вы моряки, сказалъ онъ имъ: вы видите въ чемъ дѣло, судно течетъ; качать воду могутъ только три, много четыре человека! Черезъ часъ мы пойдёмъ ко дну, а подвигаемся мы плохо, потому что вѣтеръ намъ почти на встрѣчу. Вы это и сами знаете. Положеніе гоалета самое скверное: мы всѣ должны погибнуть. Спустить лодку нельзя, море слишкомъ сердито; черезъ часъ вы потонете вмѣстѣ съ нами. Только для мертвыхъ нѣтъ возвратъ! Вы плѣнные, но умирать вамъ, вѣрно, также не хочется, какъ и намъ: я прикажу васъ развязать, съ тѣмъ чтобы вы работали вмѣстѣ съ нами. Понимаете?

— Дайте намъ посовѣтоваться! — отвѣчалъ Піэръ.

— Не къ чему говорить вамъ, что время не терпитъ.

Піэръ и его товарищи отошли въ сторону. Не прошло пяти минутъ, они явились къ лейтенанту, который все стоялъ у руля.

— Такъ вы говорите, что вы пропали безъ нашей помощи?

— И мы пропали, и вы пропали. Стало, думать не о чемъ Томъ, рѣжь веревки.

— Спасибо: не надо, Томъ. Придется опять насъ связывать, потому что мы не хотимъ работать съ вами.

— Вы, видно, ослѣпли отъ страха? Или вы, сумасшедшіе, не понимаете опасности?

— Мы знаемъ не хуже васъ, что еще часъ—и всѣмъ намъ вмѣстѣ не сдобровать. Но мы не позволимъ никому сказать, что Французскіе моряки помогли Англичанамъ увести себя въ плѣнъ къ Англіійской гавани: на насъ ребяташки стали бы послѣ показывать пальцами.

— Такъ вы пропали, значить!

— Это очень непріятно, но не такъ непріятно для насъ, какъ для васъ. Мы плѣнные, намъ жизнь не такъ дорога какъ вамъ. Не сладко и намъ, но вамъ еще горче, и мы работать не ставемъ.

Три Англіійскіе матроса, не качавшіе воду, пристали къ лейтенанту, чтобы онъ заставлялъ Французовъ работать съ ихъ товарищами. Они были удивлены и смущены, когда онъ объяснилъ имъ, по-Англіійски, что Французы отказываются.

Одинъ матросъ предложилъ бросить ихъ въ море. Лейтенантъ объяснилъ ему что тогда пропала бы послѣдняя надежда на спасеніе, и приказалъ тремъ идти на смѣну къ товарищамъ. Пришедшіе снизу объявили съ ужасомъ что вода все прибываетъ: судно становилось тяжелѣе и тяжелѣе.

— Несчастные! сказалъ опять рыбакамъ лейтенантъ: вы, стало быть, хотите умереть?

— Лучше было бы не умереть, но лучше умереть, нежели вести самихъ себя въ плѣнъ къ Англичанамъ.

— Ну, такъ вы получите свободу! Какъ мы только будемъ въ гавани, васъ отправятъ во Францію.

— Это ужъ можно слушать. Постоите, вотъ мы посоветуемъ.

— Когда тутъ думать? Рѣшайтесь! Каждую минуту смерть на носу.

— Знаемъ, отвѣчалъ Піръ — Да мы сейчасъ.

Спустя двѣ-три минуты, Піръ воротился къ лейтенанту и сказалъ очень холодно.

— Мы вамъ не вѣримъ.

— Въ такомъ случаѣ, будемъ всѣ вмѣстѣ готовиться къ смерти.

— Дѣлать, видно, нечего.

— Какъ же бы васъ увѣрить?

— Мы, пожалуй, свеземъ ваше судно въ Гавръ.

— Во Францію!

— Да! Все какіхъ-нибудь пять часовъ времени. А вы и черезъ пятнадцать не подвинетесь къ своей сторонѣ.

— Знаю, но тогда мы будемъ плѣнные.

— Разумѣется.

— Да вы съ ума сошли!

— Такъ же какъ и вы. Но мы рѣшились: или мы потонемъ всѣ вмѣстѣ, или поплывемъ къ Гавру.

Піэръ усѣлся на палубѣ и скрестилъ руки. Его товарищи сдѣлали тоже.

Изъ трюма просили помощи: вода прибывала; судно опускалось. Четвертый матросъ побѣжалъ внизъ.

Лейтенантъ зарядилъ два пистолета и подошелъ къ Піэру:

— Если ты не станешь работать, я разможу тебя голову.

— Вы ли меня убьете, утону ли я, не все ли равно? Я зналъ людей, которые утверждали, что даже лучше умереть отъ огня.

На этотъ разъ плотникъ остановилъ гнѣвъ и руку лейтенанта. Онъ сбѣжалъ внизъ, поговорилъ съ качавшими воду; потомъ съ тѣми, которые были на палубѣ, и донесъ лейтенанту:

— Воды какъ будто меньше, но люди устаютъ, а на смѣну только двое. Дѣло ясно: мы пропали. Вы сами говорите, что только для мертвыхъ нѣтъ возврата. На нашихъ корабляхъ бездна Французскихъ плѣнныхъ: насъ обмѣняють.

— Никогда! отвѣчалъ Лейтенантъ.

Плотникъ опять пошелъ совѣтоваться. Матросы бросили качать воду и, взойдя на палубу, окружили своего офицера.

— Вы видите, сказалъ плотникъ, они отказываются долѣе истощаться, для того, чтобы отсрочить конецъ свой на четверть часа. Мы выпьемъ лучше этотъ боченокъ рома, и будемъ ожидать смерти.

Офицеръ ударилъ ногой въ дно боченка. Боченокъ треснулъ и ромъ полился по палубѣ.

Гнѣвъ матросовъ выразился страшными проклятіями

— Капитанъ , сказали опять плотникъ , мы хорошіе солдаты , но не хотимъ потонуть какъ собаки. Ну-ка, Французы! идемъ въ Гавръ.

— Повтори только это слово , и аминь тебѣ! закричалъ лейтенантъ , прицѣливаясь ему въ голову.

Бросились на лейтенанта и обезоружили его.

— Вы рѣшились? — спросилъ Піэръ.

— Разумѣется : мы идемъ ко дну.

— Ну, коли такъ , свяжите вы мнѣ почтеннаго капитана , къ которому я питаю глубокое уваженіе , но который , кажется , не расположенъ въ нашу пользу. Вотъ такъ ! Посадите его сюда , въ уголокъ.

Лейтенантъ ругался , кричалъ , но приказанія Піэра были исполнены.

— Я командиръ корабля , сказалъ Піэръ. Принесите сюда все ваше оружіе.

— Зачѣмъ ?

— Безъ разсужденій ! Или я опять слѣду , и давайте толпиться вмѣстѣ.

— Да мы тонемъ !

— Такъ слушайте меня !

Оружіе принесли , положили. Піэръ и его товарищи взяли , каждый , по саблѣ и по два пистолета , а остальное бросили за бортъ.

— Теперь , приказалъ Піэръ , ставшій къ рулю , Англичане къ помпамъ и Сезеръ съ ними. Мы двое будемъ править , и въ дорогу къ Франціи и Гавру !

И эти приказанія были исполнены. Воды , покуда , прибыло много , но Англичане нашли новыя силы , въ надеждѣ на спасеніе. Съ Сезеромъ ихъ было у помпъ семеро , и работа закипѣла.

Піэръ , между тѣмъ , распорядился на палубѣ : онъ переименовалъ парусъ.

Вѣтеръ къ Гавру былъ почти попутный. Судно , облегчаемое помпами , понеслось свободно.

— Антоанъ , сказалъ Піэръ , сбѣгай внизъ , помни кусокъ какихъ-нибудь матерій. Надо , сверхъ Англійскаго флага , выкинуть трехцвѣтный : это будетъ прищачье для входа въ Гавръ.

Автоанъ отыскалъ требуемое: мундиръ убитаго капитана пошелъ въ дѣло первый. Связали трехцвѣтный флагъ и подняли его.

Голаеть подвигался: виднѣлись берега. Помпы подѣйствовали. Шестеро Англичанъ раздѣлились на двѣ смѣны. На палубѣ остались Французы, вооруженные съ ногъ до головы: они поклялись Англичанамъ, что убьютъ перваго изъ нихъ, который выйдетъ на палубу.

Спустя часъ, буря утихла. Англійское судно входило въ Гавръ, встрѣчаемое многочисленной толпой зрителей и при крикѣ рыбаковъ: да здравствуетъ Франція! Они пристали къ берегу и высадили плѣнныхъ. Голаеть такъ пострадалъ, что изъ его продажи рыбаки выручили не много. Однакожь Піэръ купилъ хижину, въ которой теперъ живетъ.

Посмотрите, вотъ онъ. Кроткія черты, большіе голубые глаза, какъ будто бы всегда улыбающіеся, всегда пріятливые. Онъ подходитъ ко мнѣ и проситъ огня для трубки. Я знаю, вы будете рады пожать ему руку, когда пріѣдете навѣстить меня. Но мѣшкать нельзя: Піэръ ужь старъ, а его товарищи давно спятъ невозмутимымъ сномъ могилы....

ЛЮБИТЕЛЯМЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ РОМАНОВЪ. — Французскій романъ приходитъ въ упадокъ. О томъ свидѣтельствуетъ библиографическая статистика Франціи. Производительность потеряла силы на 50%. Сю, Дюма, Сандъ, вти корыфеи Французской романистики, печатаютъ свои произведенія на болѣе какъ въ тысячѣ экземплярахъ. Ихъ промышленность падаетъ на ряду съ другими отраслями. Что же, наиболѣе, читаютъ Французы? Политическію памфлеты, сатиры на самихъ себя, повѣсть своихъ не давнихъ прегрѣшеній. Говорятъ будто сочиненія: «*Les Mystères du peuple*» въ одинъ день, расходилось до 10 т. экземпляровъ; «*Jégome Rattot à la recherche de la meilleure des républiques*» печатается едва ли не двадцатымъ изданіемъ.... Эти сочиненія не могутъ, въ равной степени, занимать читателей иноземныхъ. Что же, напримѣръ, читается, наиболѣе, хоть бы у насъ въ Россіи, любителями легкаго Французскаго чтенія, людьми постоянно абонированными въ разныхъ *Cabinets de Lecture*? — Особенный родъ сочиненій. Все

сочиненія графовъ, виконтовъ, маркизовъ. — Какъихъ Графовъ? Что вы? — А вотъ послушайте: Межь тѣмъ какъ знаменитый авторъ «Парижскихъ танцъ», «Матильды», «Вѣчнаго Жида» и проч. и проч., при всей своей аристократической спѣси, является, сначала кандидатомъ, потомъ членомъ Национальнаго собранія, на литературномъ полѣ Франціи выступили производители новаго рода, упорно величающіе себя, на оберткахъ своихъ сочиненій, графами, виконтами, маркизами, или прибавляющихъ къ своей настоящей фамиліи частичку *de*. На сколько основательны притязанія этихъ господъ на всѣ эти титулы, — объ этомъ распространяться здѣсь мы не имѣемъ мѣста. Но, понимается что, гордись своими титулами и слѣд., полные вѣры въ знаменитость своихъ родовъ, уваженія къ прежнему времени, всѣ они, большою частію, ищутъ вдохновенія въ жизни старой Франціи: *le bon vieux temps!* — вѣчная погудка сочинителей этого рода. А *le bon vieux temps*, у нихъ, значить: времена Людовиковъ XIII, XIV, XV, регентство, неистовства того времени, пудра, мушки, скандальныя исторіи, нахальные мускетеры, раздущенные аббатки, сладенькіе маркизы, и всѣ, тому подобныя, прелести. Произведенія такого содержанія не могутъ имѣть прочнаго успѣха нигдѣ, но есть люди, читающіе книги безъ разбора, отъ бездѣлья, иногда подобно Петрушкѣ, въ Мертвыхъ Душахъ, т. е. изъ любви или привычки къ процессу чтенія: такихъ людей Французскія бібліотеки для чтенія преимущественно снабжаютъ произведеніями всѣхъ вышепоименованныхъ господъ, какъ замѣчательною, по своей новости, новостію. Много говорить о достоинствѣ этихъ новыхъ изчадій литературы великой націи не стоитъ, но любопытны цѣлыя явленія въ произведеніяхъ этого рода. Вотъ, на первый случай, два выраженія, нечаянно нами подмѣченныя въ романѣ Г. Маркиза де-Фудра: «*Un Capitaine de Beauvoisis.*» Первое: *des concombres confits au sel et au fenouil*, что значить, по-Русски, соленные огурцы; эти *concombres* подаются у романиста въ числѣ роскошныхъ блюдъ роскошнаго завтрака (*d'un déjeuner digne de figurer dans l'Iliade*). Второе: *koniaks, nom que l'on donne en Pologne et en Russie aux chevaux de selle de race commune...* Не правда-ли, хорошо? Не знаешь чему удивляться, тому ли что въ такую честь цопаля огурцы, понятію ли объ Илиадѣ, или знанію Маркиза Цодьскаго и Русскаго языка. Мы должны сознаться, что на на-

намъ простомъ, грубомъ нарѣчіи не умѣемъ найти выраженіе для впечатлѣнія, произведеннаго въ насъ двумя фразами, приведенными нами изъ прекраснаго Французскаго романа. Восклицанемъ же по-Латиня: *habent sua fata libelli!* что, для нѣкоторыхъ, пусть значить: *et ceci, Messieurs et Mesdames, en l'an de grace 1850!*

ОБЪЯВЛЕНІЕ ДЛЯ ТѢХЪ, КОМУ О ТОМЪ ВѢДАТЬ НАДЛЕЖИТЪ. — Вотъ что напечатано въ *Manchester-Guardian*:

«Господинъ сорока лѣтъ, считающій въ своемъ семействѣ одного лорда, двухъ баронетовъ, епископа и съ дюжину духовныхъ лицъ, имѣющихъ выгодныя мѣста; обладающій капиталомъ въ 1,000 ф. стерл. (около 6,000 р. сер.); обучавшійся университетскимъ и медицинскимъ наукамъ, и сочиняющій музыкальныя пѣснь, — имѣетъ ревностное желаніе найти женщину, которая согласилась бы принять его сердце и руку. Дама не должна имѣть пятидесяти лѣтъ; воспитаніе и манеры должна имѣть приличныя, и обязана объявить или состояніе, или ремесло, достаточное для ея содержанія.

Примѣчаніе. Конкурентъ плѣшивъ, но готовъ носить парикъ, если бы того пожелала супруга. Желающихъ просить надписать требованія свои такъ: Господину T. S. G., въ Манчестеръ, — оставить на почтѣ до спроса.»

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ СРАВНЕНІЕ. — Изъ вычисленій о смертности къ Англіи, полученъ, между другими, слѣдующій выводъ: Солдаты, сражающійся на траншеѣ осажденнаго города, или въ полѣ, противъ самаго страшнаго и лютаго врага, имѣетъ противъ себя менѣ шансовъ, нежели житель нѣкоторыхъ промышленныхъ городовъ Англіи, каковы, наприм. Манчестеръ, Ливерпуль и др. При осадѣ Антверпена, число убитыхъ къ числу всего войска относилось какъ 1:68; при осадѣ Бадайоца, какъ 1:54; подъ Ватерлоо, какъ 1:30. Отношеніе умирающихъ ремесленниковъ ко всему ихъ числу слѣдующее: въ Ливерпуль 1:19; въ Манчестеръ 1:17; въ Шеф-фильдъ 1:14.

ОТЗЫВЪ ГЕН. НЕПИРА О 9-МЪ ТОМѢ «ИСТОРИИ КОНСУЛЬСТВА И ИМПЕРІИ» ТЪЕРА. — Генераль Англійской службы, сэръ Уильямъ Непиръ, известный въ военной литературѣ своимъ сочиненіемъ «Исторія войны Англичанъ съ Французами на Пиренейскомъ полуостровѣ», помѣстивъ недавно, въ газетѣ «Times», отзывъ о девятомъ томѣ «Исторіи Консульства и Имперіи», соч. Тьера, содержащимъ въ себѣ исторію Испанскихъ войнъ 1809—14 года. Непиръ съ негодованіемъ отзывается о сочиненіи Тьера: онъ не только нашелъ въ немъ ошибки, при описаніи битвъ, въ показаніяхъ числительной силы сражавшихся войскъ и т. д., но даже обвиняетъ Тьера въ умышленномъ искаженіи официальныхъ бумагъ, хранящихся въ архивѣ Французскаго военнаго министерства и служившихъ матеріалами самому Непиру, для его исторіи. Всего болѣе не нравятся Непиру сужденія Тьера о воинскихъ способностяхъ Веллингтона, о характерѣ сэра Джонъ-Мора, котораго Тьеръ называлъ неръшительнымъ, и вообще объ Англійской арміи. «Военныя дарованія Веллингтона, говоритъ Непиръ, если судить о нихъ по словамъ Тьера, весьма ограничены;—какимъ же образомъ ограниченный полководецъ выгналъ Французовъ изъ Пиренейскаго полуострова, и въ упорныхъ битвахъ побѣдилъ лучшихъ Французскихъ генераловъ?»

ЕЩЕ О КАЛИФОРНИИ.—Въ Парижѣ открыта еще компанія для облегченія способовъ добыванія золота въ Калифорніи и слѣд. для облегченія средствъ къ обогащенію. Можетъ быть, между нашими читателями и найдутся охотники попытать счастья заморемъ:— вотъ почему мы и выписываемъ для нихъ, изъ Французской газеты, слѣдующее объявленіе:

ФОРТУНА,

Компанія золотопромышленниковъ, составленная для легчайшаго добыванія золотоснаго песку, посредствомъ машинъ, привилегированныхъ и одобренныхъ во Франціи и Соединенныхъ Штатахъ.

Капиталъ компаніи въ 300,000 ф.

раздѣленъ на двѣ серіи акцій, 1-я серія: 15,000 акцій по 10 ф.; 2-я серія: 3,000 акцій по 50 ф.

Первая отправка 30 рабочихъ—между 15 и 31 числами Мая.

Вотъ главные выгоды , предлагаемыя компаніей:

1. Каждая изъ новонаобретенныхъ машинъ замѣняетъ сто силъ человеческихъ .
2. Машиной добывается 0,9 чистаго золота , — простыми руками и прежде добывалось 0,2.
4. Компанія имѣетъ въ готовности 4 машины , представляющія 400 силъ человеческихъ . Приведенныя въ дѣйствіе , эти машины должны доставить: каждая 2 килограмма золота въ день , стало быть ..... 6,000 ф.
четыре машины , въ день..... 24,000 ф.
— — — — въ годъ (8 мѣсяцевъ раб.).... 5,760,000 ф.
5. Изъ этихъ чиселъ выходитъ , что на каждую 10-франковую акцію придется..... 80 ф.
на 50-франковую , въ годъ..... 400 ф.
на каждого работника , въ годъ ..... 70,000 ф.
6. Выводы эти подкрѣпляются прежними примѣрами и опытомъ . Такъ акціи общества East-Whell-Rose , пущенныя по 1,250 фр стоятъ теперь на Лондонской Биржѣ 155,000 ф. , акціи Южнаго Карадана ходили прежде 125 ф. , — теперь 3,750 ф. ; акціи О-ва Great-Consols , стоившія 25 ф. , покупаютъ за 3,275 ф.
7. Наконецъ , изъ числа промышленниковъ , отправившихся въ Калифорнію тому два года , нѣкоторые , нынѣ возвратившись во Францію , привезли съ собою отъ 400 до 800 тыс. ф.
8. Желающіе имѣть акціи на компанію: «Фортуна», могутъ обращаться въ Паризъ , по слѣдующему адресу:

A la Fortune , rue du Faubourg-Poissonniere , 62.

РЕМНИ ИЗЪ ГУТТА-ПЕРЧИ. — Недавняя гостя въ Европѣ , гутта-перча успѣла уже принести пользу промышленности примѣненіемъ къ различнымъ ея отраслямъ и примѣненія эти становятся болѣе и болѣе разнообразными . Недавно въ Германіи начали дѣлать изъ нея ремни , для передачи движенія отъ приводовъ къ машинамъ . Преимущества ихъ передъ кожаными состоятъ въ томъ , что они крѣпче и слѣдъ могутъ прослужить долѣе ; благодаря ихъ гибкости , движеніе машинъ совершается гораздо ровнѣе . Кромѣ того , немаловажную выгоду для

потребителей составляет и то, что, послѣ долговременнаго употребленія, обрывки ремней изъ гутта-перчи имѣютъ еще цѣлность, и фабрикантъ-производитель покупаетъ ихъ за четвертую часть продажной цѣны, чтобы, передѣлавъ, снова пустить въ ходъ.

СТРАШНОЕ УБИЙСТВО. — Въ то время какъ Европѣйскіе законодѣлы были заняты процессомъ несчастной смерти Гренини Гёрлицъ, — въ Северо-Американскихъ Штатахъ, въ Бостонѣ, случилось подобное же ужасное происшествіе. Въ Ноябрь прошлаго года вдругъ исчезъ Докторъ Паркманъ, находившійся при Бостонской Медицинской Академіи. Долгое время не могли найти даже малѣйшихъ слѣдовъ его; наконецъ, слѣдственная коммиссія, наряженная по этому случаю, нашла его трупъ въ лабораторіи Академіи, но въ какомъ видѣ! изрѣзанный на части, полусожженный, разложенный химическими способами на безобразныя массы. Подозрѣніе въ убійствѣ пало на Профессора Вебстера, у котораго были довольно частыя денежныя соорисы съ несчастною жертвою; нашлись улики несомнѣнныя, и убійца былъ приговоренъ къ смертной казни. Выслушавъ свой приговоръ, онъ упалъ въ обморокъ; потомъ, на вопросъ судьи, не имѣетъ ли чего сказать противъ приговора, онъ, въ молчаніи и съ умыслиемъ, поникнулъ головой.... Уже готовились привести приговоръ въ исполненіе, какъ явился новый свидѣтель, студентъ медицины, Годжесъ. Вошедъ нечаянно, 25 Ноября, въ лабораторію Вебстера, онъ засталъ его разрѣзывающимъ трупъ Паркмана; угрозы и просьбы убійцы вынудили у молодого человѣка клятву молчать объ этомъ. Заболѣвъ вскорѣ послѣ того, Годжесъ въ бреду проговорился о страшной тайнѣ, потомъ отырылъ ее священнику, — и, по его совѣту, не считая себя связаннымъ клятвою, донесъ и суду....

Какъ ни рѣдки подобныя происшествія, но для чести чело-
вѣчества, лучше предполагать, что они совершаются подъ влія-
ніемъ временнаго помѣшательства, когда голосъ зѣры и любия
заглушается несчастною страстью, достигнуею высшей своей сте-
пени: человѣкъ какъ бы обращается въ зѣря, и, покинутый анге-
ломъ-хранителемъ, бросается въ пропасть....

ТУРЕЦКІЯ ПРАВИЛА ДЛЯ ТОГО, КТО ЖЕЛАЕТЪ, БЫТЬ ПОЭТОМЪ. — Наби-Еф-фенди, знаменитый Турецкій поэтъ, умершій въ началѣ XVIII столѣтія, дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія о поэзіи и поэтахъ: «Испытай силы свои, сынъ мой, прежде нежели вступиши на тернистый путь поэзіи. Если ты чувствуешь въ себѣ божественный огонь, горѣвшій въ груди великихъ поэтовъ, то вполнѣ предай себя своему гению: но, прежде всего, обогати свой умъ чтеніемъ тѣхъ, которые прославились въ искусствѣ стихотвореній. Нези и Баки—первые Турецкіе поэты. Персія, плодотворная мать генія, также произвела на свѣтъ множество хорошихъ поэтовъ. Сколько силы и чистоты въ произведеніяхъ Саиба и Кальми! Сіами, Пури и Жаками переполнены безчисленными красотами и несказанною мудростію. Сади, подобно нѣжному соловью, наполняетъ рощу мелодическими стовами. Шеркетъ, словно орелъ, залетаетъ къ небу на крыльяхъ гордости. Гафизъ воспѣваетъ упоеніе любви и вина, тогда какъ Аттеръ, высокими нравственными изреченіями, поучаетъ добродѣтели. Арабы не меньше Персіанъ ревностны къ построенію зданія поэзіи. У нихъ даже болѣе этой божественной полноты и этого поэтического безумія, которыя увлекаютъ сердце, воспаляютъ и возвышаютъ. Ритми ихъ буренъ какъ вѣдокъ, ихъ воображеніе рисуетъ всѣ вещи сильными красками, и пѣснопѣвія ихъ согрѣты зноемъ ихъ климата. Ихъ творенія, подобно алмазамъ, бросаютъ отъ себя тысячи лучей, но чтобы вкусить ихъ красоту, надо въ совершенствѣ понимать ихъ языкъ, а совершенства можетъ достигнуть только тотъ, кто языкъ Арабскій и Персидскій знаетъ какъ родной. Эти два языка суть крылья, на которыхъ поэтъ поднимается вверхъ; но безъ нихъ онъ будетъ ползать по землѣ.

«Если ты желаешь, сынъ мой, чтобы стихи твои не только возбуждали удивленіе современниковъ, но и перешли въ потомство, никогда не жертвуй смысломъ для рифмы. Предлагай полезныя истины подъ видомъ остроумнаго изображенія или прекраснаго сравненія. Пусть въ твоёмъ сочиненіи главною цѣлію будетъ: споспѣшествовать добродѣтелямъ челоуѣчества. Садъ поэзіи сохнетъ и гложеть, когда не омываютъ его потоки философій.

«Большая часть нашихъ всѣдневныхъ стихокропателей пишутъ только о лиліяхъ, доконахъ, соловьяхъ и винѣ. Воображаемую красавицу, въ которую влюблены они, они сравниваютъ то съ весною, то съ полевымъ цвѣткомъ. Ея губы подобны розѣ,

дѣтъ тѣла походить на (бѣлый) жасминь. Они — холодные и рабскіе подражатели, и лѣнивая фантазія не доставляетъ имъ никакого новаго образа. Они ходятъ только по протоптаннымъ дорогамъ.

«Истинъ, сынъ мой, не нужно рѣзкаго слова, чтобы привлечь вниманіе къ ея голосу. Пусть же твоѣ муза никогда не предастся сатирѣ. Отъявленный сатирикъ пугаетъ людей: всѣ боятся злобы его пера. Его сопровождаютъ ненависть и мщеніе, а поэта должно любить!»

СТИХОТВОРЕНІЕ ВЪ ЧЕСТЬ ГОСПОЖИ ФАНИИ ЭЛЬСЛЕРЪ.—

Вотъ уже около мѣсяца, какъ Госпожа Фанни Эльслеръ въ Москвѣ. Пребываніе здѣсь знаменитой артистки, славной танцовщицы и мимистки—эпоха для нашего балета, предметъ толковъ, споровъ и восторговъ для любителей театра. О торжествахъ ея въ разныхъ концахъ Старого и Новаго свѣта было писано на всѣхъ языкахъ: Французскомъ, Нѣмецкомъ, Англійскомъ, Испанскомъ и даже Русскомъ, во всѣхъ журналахъ и газетахъ. Мы никакъ не хотимъ отстать отъ другихъ и надѣемся, на дняхъ, подробно поговорить съ нашими читателями о прекрасной нашей гостьѣ, тѣмъ болѣе, что намъ обѣщана ея біографія. Покуда, вспомянувъ стихъ:

Дианы грудь, лапты Флоры
Прелестны, милые друзья!
Но все же ножка Териспхоры
Прелестнѣй чѣмъ-то для меня!

мы, въ угоду нѣкоторымъ изъ нашихъ читателей, помѣщаемъ здѣсь одно изъ стихотвореній, вдохновенныхъ искусствомъ Г-жи Фанни Эльслеръ, которое имѣетъ достоинство современности:

Ф. Э. съ Жизели:

На сценѣ Жизель такъ мила, что привѣта
Душа не сказать не могла....
Въ грѣбъ вашей, Фанни, программа балета
Теперь для меня окна.

Жизель! ты любила, ты счастье знала;
 Жизель, ты невѣстой была!
 Ты къ Альберту первою страстью пылала, —
 Одною любовью жила.

И Альбертъ, женихъ твой, ласкалъ тебя нѣжно —
 Обмана никто ждать не могъ; —
 И ты, наслаждаясь, цвѣла безмятежно,
 Какъ пышный, весенній цвѣтокъ.

Но горе и слезы тебя ожидали:
 Когда ты была такъ рѣзва,
 Зачѣмъ объ измѣнѣ тебѣ рассказали? —
 Несчастія ты не спесла.

Разсудокъ Жизели съ любовью высокой
 Въ борьбѣ изнемогъ навсегда,
 И сердце Жизели, отъ скорби жестокой,
 Разбилось.... Жизель умерла.

Погибла.... по нѣтъ, на землѣ назначенье
 Другое себѣ ты найдешь,
 Тебѣ еще нужны и смѣхъ и веселье,
 Совсѣмъ ты, Жизель, не умрешь.

Невѣсты въ могиллахъ своихъ не вочують,
 Онѣ послѣ смерти встають
 И ночью надъ озеромъ вьются, танцують —
 Виллисамъ всѣ ихъ зовуть.

Воздушной Виллисой съ подругами будешь
 Ты каждую ночь танцовать;
 Ты прежніе танцы свои не забудешь
 И станешь рѣзвиться, играть.

У ногъ своихъ Альберта вновь ты увидишь:
 Придетъ онъ къ могилѣ твоей
 И горько заплачетъ.... и ты къ нему выйдешь
 Еще граціознѣй, милѣй.

И Альбертъ потерю Жвезди оцѣнить:
 Онъ вспомнить о прежнемъ тогда;
 Но онъ не воротить, но онъ не измѣнить
 Того, что рѣшила судьба.

И къ Альберту, въ пластьяхъ своихъ подвѣсочныхъ,
 Виллисы толпой полетить,
 И въ играхъ, и въ танцахъ своихъ безконечныхъ
 Замучить его захотятъ.

Жвезель! ты съ Виллисами мучить не ставешь —
 Жвезель не способна губить,
 И въ жертву подругамъ его не оставишь —
 Не будешь ты Альберту мстить....

Но вотъ показалось утро. Блѣднѣютъ
 Виллисы, при свѣтѣ зари —
 Холодной невѣсты теперь не согрѣютъ,
 Женскихъ, поцѣлуй твоихъ.

О Альбертъ, лишь солнце природу освѣтитъ
 Виллисы исчезнуть должна:
 О рѣзвой Жвезели, на утро, отвѣтитъ
 Тебѣ лишь могла одна!

1880.

НОВАЯ ПЛАНЕТА.

(Письмо Д. М. Первозщикова къ Редактору).

М. Г. М. П. Не угодно ли вамъ извѣстить чрезъ нашъ журналъ, что Аннибалъ де-Гапарисъ, Астрономъ въ Неаполѣ, открылъ новую планету 1850 г. Мая 11 д., по новому штиму. Эта планета кажется звѣздой десятой величины, и судя по ея движению, должно причислить ее къ группѣ астероидовъ, заключающейся между планетами Марсомъ и Юпитеромъ; такъ что иныя эта группа состоитъ изъ одиннадцати слѣдующихъ планетъ:

Флора, Веста, Ирисъ, Метъсъ, Геба, Астрей, Юнона, Церера, Паллада, Гигель, новая планета.

Новую планету Гаспарисъ желаетъ назвать *Партеноюй*, т. е. тѣмъ именемъ, которое Дж. Гершель хотѣлъ дать Гигель.

Извѣстіе объ открытіи новой планеты получено мною отъ известнаго Альтонскаго Астронома Шумахера, который вмѣстѣ съ тѣмъ уведомляетъ, что наблюденія показали слѣдующія перемѣны въ положеніи планеты:

	<i>ср. ср. съ Неаполь.</i>	<i>Прям. восх.</i>	<i>южн. шл.</i>
1850 г. Мая 11.	.12 ч. 51 м. 53,1 с.	230° 21' 53,1" 23	10° 35' 12,1" 9
	11 42 2,5	230 8 26, 63	.10 31 58, 9
	<i>ср. ср. съ Гамб.</i>		
Мая 27.	11 ч. 40 м. 9 с.	226° 40' 37," 5	9° 53' 48," 2
	<i>ср. ср. съ Альтонль.</i>		
28.	11 ч. 25 м. 8 с.	226° 28' 17," 4	9° 52' 1," 9

Д. Пересвицковъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ.

Недавно Москвитиниъ объявлялъ о новыхъ пріобрѣтенныхъ имъ статьяхъ. Многія изъ нихъ уже напечатаны послѣ объявленія, другія будутъ вскорѣ напечатаны. Редакція можетъ уведомить нынѣ о новыхъ произведеніяхъ Русской Изящной Словесности, кои она получила, и также постепенно помѣщать будетъ.

Повѣсти: *А. Н. Рамзанова*: Говорящія статуи.

И. П. Сумарокова: Лице и изнанка.

С. П. Колошина: Особенный случай.

Непонятая, романъ горничной.

П. Э. Двіанскаго: Одарка Квочка.

И. А. С...ва: Признанія Сосулькина.

А. Н. Писемскаго: Тю-фякъ.

Д. В. Григоровича: Попельновскій.

Свѣтлый правдикъ.

Ученныя статьи: Профессора Г. Е. *Щуровскаго*: о сочиненіи Мурчиссона; N. N. о сочиненіяхъ Струве; *И. Д. Биллеа*: Князь Михаилъ Александровичъ Тверской; Русскій взглядъ на процессъ Гр. Гёрлицъ, *А. Е. Студитскаго*; Біографическія извѣстія о Г. Фодотовѣ. Скоро помѣстится продолженіе Записокъ Митрополита *Платона*, и проч.

==

Редакція извѣщается предъ авторомъ статьи: Эстетическое кое-что, помѣщенной въ 10 *№*, что подъ нею поставлены не принадлежащія къ ней буквы: *П. л.*

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ законное число экземпляровъ. Москва, Мая 31-го 1850 года.

Ценсоръ В. Левиговъ.

СМѢСЬ.

ТРОЕ ВМѢСТО ОДНОГО.

Поэма въ однѣ сутки.

Дѣвица де Гурне была одна изъ тѣхъ женщинъ, съ притязаніями на знаніе, остроуміе и даже ученость, которыя, подобно Паку-де-ла-Мирандола, говорятъ *de omni re et quibusdam aliis*, т. е. о всякой вещи и нѣкоторыхъ другихъ, и считаютъ сами себя умницами, потому что совали носъ, разумѣется, безъ толку, въ философію Декарта или Гасенди. Если вѣрить ея современникамъ, трудно было встрѣтить что нибудь ошибочнѣе ея сужденій, что-нибудь смѣшнѣе ея претензій. Однимъ словомъ, это была одна изъ тѣхъ несносныхъ женщинъ, которыя даже не обладаютъ способностію забавлять, и чьи однообразныя маніи наводятъ смертельную тоску на самаго учтиваго и хладнокровнаго наблюдателя!

Однимъ прекраснымъ утромъ, дѣвица де-Гурне, проснувшись, сказала себѣ что мало быть ученой и любезной, а нужно свести знакомство со всѣмъ, что есть въ столицѣ поэтовъ и славныхъ гоніевъ. Въ послѣднее время, въ особенности, овладѣла ею безпокойная страсть къ нѣжному Гонора де-Рюаль, болѣе извѣстному подъ именемъ маркиза де-Раканъ, который издавна славился умѣньемъ писать сладенькіе стишки и раздушенные мадригалы.

Не зная его даже въ лицо, наша Гурне сходила съ ума по немъ. Ее мучило неодолимое желаніе видѣть его.

Отд. VI.

7

Обстоятельство было важно, а дѣвица Гурне до крайности нетерпѣлива. Что было дѣлать ей? Писать къ нему показалось опасно. Просить его прѣхать? И это не понравилось, почему-то. Ждать случая? А если бы случай не представился никогда?... Старая дѣва, не знавшая на чемъ остановиться, впала въ совершенное отчаяніе. Вдругъ дверь ея будуара отворилась настежь и смѣло, какъ отворяется дверь только рукою самаго короткаго знакомаго.

— Кавалеръ де-Рони! воскликнула де-Гурне.

— Собственной персоной, прекрасная муза, отвѣчала де-Рони, взявъ руку хозяйки и граціозно поцѣловалъ. — Неужели вы меня не ждали? Развѣ вы не знаете, что безъ васъ я сохну, вдали отъ васъ умираю?

На такое нѣжное выраженіе прекрасныхъ чувствъ, благородно и горячо выливавшихся, дѣвица де-Гурне отвѣчала едва односложными восклицаніями и насильно-заглушаемыми вздохами. Видно было для кавалера, что она была сильно занята чѣмъ-то и что предметъ, ее занимавшій, былъ не онъ. Онъ захотѣлъ узнать тайну этой тревоги, настоялъ на исполненіи этого желанія и де-Гурне, почти черезъ силу и побужденная его просьбами, призналась, что находится подъ влѣніемъ мысли, вскружившей ей голову. Послѣдовали новыя просьбы со стороны де-Рони. Наконецъ, изъ устъ хозяйки вылетѣла вся истина.

— Только-то? сказалъ, выслушавъ ее, кавалеръ, вежливо наморщивая бровь и стараясь скрыть просившуюся на губы улыбку. — Такъ что же вы раньше мнѣ не сказали объ этомъ? Де-Раканъ мнѣ хорошій пріятель. Мы почти всякій день общаемъ вмѣстѣ. Успокойтесь. Я передамъ ему ваше желаніе, и онъ — я знаю навѣрное — поспѣшитъ повергнуть къ вашимъ прекраснымъ ножкамъ дань своего уваженія.

— Вы думаете?

— Совершенно увѣренъ.

— И вы скоро ему скажете объ этомъ?

— Сегодня же.

Дѣвица де-Гурне была въ восторгѣ, она осыпала де-Рони краснорѣчивѣйшими изъявленіями признательности. Рони принимая эти изъявленія съ такою холодностію, которая не общала ничего хорошаго и, раскланявшись съ де-Гурне, повторилъ свое общаніе.

Кавалеръ, который былъ однимъ изъ несчастныхъ поклонниковъ дѣвицы де-Гурне; — мы говоримъ это не въ похвалу ему, — вышелъ отъ нея въ полной увѣренности, что она влюблена въ г. де-Раканъ по его репутаціи, и съ рѣшимостію сыграетъ съ ней какую-нибудь злую шутку. Съ этимъ намѣреніемъ, онъ отправился къ виконту де-Морваннъ, давнишнему пріятелю, обычному товарищу его удовольствій и всегда готовому посмѣяться надъ кѣмъ бы то ни было, одурачить кого угодно. Для этого Морваннъ думалъ не долго и избиралъ первое средство, приходившее ему въ голову: живи онъ въ другое время, дорого пришлось бы ему поплатиться за иную его продѣлку. Рони рассказывалъ ему свиданіе и разговоръ свой съ де-Гурне, не забывъ прибавить о желаніи отомстить ей за ея равнодушіе къ нему.

Морваннъ былъ другъ преданный и человекъ съ неисчерпаемымъ воображеніемъ. Онъ ударилъ себя по лбу, какъ бы проса у головы идеи: идея не заставила ждать себя. Рони прыгнулъ отъ удовольствія и умолялъ Морванна сообщить ему родившійся у него планъ. Но пріятель только сказалъ:

— Иди домой, кавалеръ, не думай ни о чемъ и предоставь все мнѣ. Но, завтра, сдѣлай мнѣ удовольствіе, пошнырь по улицамъ и главнымъ переулкамъ Болота (du-Maraais). Услышишь тогда про чувствительную де-Гурне, и про сладенькаго де-Раканъ, — отвѣчаю честію!

Кавалеръ де-Рони согласился на это условіе, на время, по крайней мѣрѣ, и, часъ спустя послѣ разговора его съ Морванномъ, лакей докладываетъ дѣвицѣ де-Гурне:

— Г. Маркизь де-Раканъ!

Восторженная дѣва только-что не упала въ обморокъ, но сообразивъ, что не до того ей теперь, выбѣжала на встрѣчу къ неожиданныму гостю. Волненіе почти лишаетъ ее голоса, она проситъ у него позволенія поцѣловать его... есть странности и требованія, которыя охотно прощаетъ геній. Морваннъ (это былъ онъ) соглашается на желаніе де-Гурне и, такъ какъ она еще не очень-дурна, считаетъ обязанностію щедро вознаградить ее, съ своей стороны, поцѣлуемъ.

Послѣ этого нѣжнаго дебюта, — серьезный элементъ беретъ верхъ въ бесѣдѣ. Де-Гурне говоритъ обо всемъ: о модной трагедіи, о Мазаринѣ, обо отелѣ Ранбулье, о Фрондѣ, о во-

слѣднемъ сонетѣ. Собесѣдникъ на всякій вопросъ находитъ оцѣнку, отвѣтъ. Онъ выдерживаетъ свою роль съ удивительнымъ умѣніемъ. Она умоляетъ его сказать ей какіе-нибудь стихи: Морваннъ, отъ роду не прискавшій рѣимы, на удачу читаетъ ей двѣ три строфы Монтобага или Гонбервилля, которыя она находитъ несравнимыми ни съ чѣмъ подобнымъ и объявляетъ, что онѣ могли быть написаны имъ однимъ, маркизомъ де-Раканъ. Восклипаніемъ, похваламъ нѣтъ числа!

Но не бываетъ праздника безъ конца, какъ нѣтъ безъ конца ничего на свѣтѣ. Авторъ *Пастушескихъ Стихотвореній* до того любимъ, до того знаменитъ, что за него все кружки, все салоны только что не дерутся. Нельзя прогнаться этимъ лестнымъ исканіемъ, подъ страхомъ нажать себя вѣчныхъ и непримиримыхъ враговъ. Ему надо вѣхать.... Дѣвица де-Гурне, по волю, должна осудить себя на разлуку съ нимъ, но она требуетъ отъ него формальнаго, только что не клятвеннаго, обѣщанія, что онъ будетъ къ ней опять и не позже завтрашняго дня.

Морваннъ общается все что угодно, согласенъ исполнить каждое желаніе, и оканчиваетъ посѣщеніе свое блистательно, изнемогая подъ бременемъ самыхъ сладкихъ протестацій и самыхъ лестныхъ комплиментовъ.

Не прошло и часу. Дѣвица де-Гурне едва успѣла опомниться отъ посѣщенія очарователя. Входитъ ланей и, съ недоумѣвающимъ видомъ и разинутымъ ртомъ, объявляетъ, что пріѣхалъ какой-то господинъ, обшитый золотомъ и шелкомъ, который спрашиваетъ дѣвицу де-Гурне и называетъ себя маркизомъ де-Раканъ.

— Опять онъ! Воротився! — восклицаетъ дѣвица де-Гурне, вѣ себя отъ восторга.

— То есть, изволите ли вѣдѣть, сударыня, — отвѣчаетъ ланей: онъ, да не онъ.

— Какъ не онъ?

— Точно такъ-съ.

— Что за вздоръ! Ты съ ума сошелъ, ты рѣшительно сошелъ съ ума.

Ланей, человекъ смѣтливый, рѣшается доказать барыню, что говорить правду.

Онъ вводитъ новаго де-Раканъ.

Дѣвица де-Гурне, при видѣ незнакомаго лица, опять хочет упасть въ обморокъ, но разсуждаетъ про себя, что это средство не объяснитъ недоразумѣнія. — Она считаетъ за благо-разумнѣйшее для открытія истины не горячиться и терпѣливо выждать, высмотрѣть, въ полной увѣренности что если новый гость обманщикъ, самозванецъ какой-нибудь, то и самъ выдастъ себя своимъ разговоромъ или иной неумѣстной выходкой, которую не трудно ей будетъ подмѣтить и оцѣнить. Она рѣшается на послѣдній планъ и проситъ поэта садиться.

Что такое? Ошибка, въ самомъ дѣлѣ? Или предубѣжденіе? Ей кажется, что этотъ де-Раканъ, маркизъ древняго и славнаго рода, сынъ маршала Королевской арміи, неповоротливъ какъ будто, садится какъ-то неловко, — одѣтъ, подумаешь, въ чужое платье. Но, давъ себѣ слово не спѣшить заключеніемъ и по тому свойству человеческой природы, что чѣмъ болѣе хочешь обмануть себя, тѣмъ становишься хитрѣе, дѣвица де-Гурне начинаетъ увѣрять себя, что самая неловкость маркиза, одно изъ доказательствъ въ его пользу. Люди необыкновенные бываютъ такъ странны, такъ неловки въ простыхъ дѣлахъ жизни!

Ктому же, едва сѣлъ Раканъ, языкъ его развязывается, вдохновеніе разыгрывается, гений пробуждается. Это онъ, разумѣется онъ! Какъ не узнать ученика Малерба! Что за блескъ! Какое обиліе мыслей, оригинальныхъ, поразительныхъ, высокихъ! Какіе полевые цвѣты, что за сладкіе ароматы! Потомъ, вдругъ, огонь, огонь! Встѣ бесѣда, которую она любитъ! Вотъ краснорѣчіе, какъ оно снилось ей! Правда, по временамъ, нашъ поэтъ рассыпается такой грубой дестью, что слушательница совершенно теряется, и ея скромность готова вооружиться противъ него.... Но нельзя не вѣрить его искренности: не смѣется же онъ въ самомъ дѣлѣ надъ ней, и въ глаза еще. Первое предположеніе нравится ей несравненно болѣе втораго.

Убѣдившись окончательно, что этотъ Раканъ, Раканъ № 2, настоящій Раканъ, единственный въ своемъ родѣ, де-Гурне не можетъ устоять противъ желанія повѣрить ему повѣсть о томъ, какъ ее хотѣли обмануть, тому часа два.

— Быть не можетъ! — восклицаетъ поэтичекій маркизъ, играя своей фрезой; и вы не.... и вы не помните какого-нибудь особеннаго признака, по которому я могъ бы узнать этого наглеца?

— Богъ мой, — отвѣчаетъ де-Гурне, щурясь и дѣлая маркизу глазаки, — какъ бы вамъ сказать: я, право, не знаю.... вы меня заставили забыть его.... Я только помню, что у него были прегрубны манеры.

— Лакей какой-нибудь, бьюсь объ закладъ!

— Чего добраго!.... Вы увѣрены въ вашихъ людяхъ!

— Можно ли быть увѣрену въ этомъ народѣ?.... Э-э! позвольте, позвольте, прелестная дама, я никакъ не отвѣчаю, чтобы это не былъ мой конюхъ.

— Какая мерзость!

— Неимовѣрный подлець! И, говорить, преспособный въ комедіи, до такой степени, что онъ иногда забудетъ накормить моихъ лошадей, и бѣжить въ Бургонскій отель, куда тайкомъ проводить его какаля-то судомойка. Если онъ узналъ, что вы изъявили любезность имѣть меня у себя, онъ, пожалуй, нарочно сыгралъ штуку п съ вами, и со мной: его на это станеть....

— Да это ни на что не похоже! — восклицаетъ дѣвица де-Гурне.

— Будьта покойны, неоцѣненная, неподобная моя: онъ умретъ подъ палкой, даю вамъ слово маркиза.

Последнее увѣреніе смягчило гнѣвъ дѣвицы и успокоило ея бѣдные, слабые нервы. Она принялась опять осаждать любимаго поэта нѣжностями, раумъется, чисто-платоническими и пріятствіями его любезности и гению. Она знала наизусть его лучшія творенія и стала читать ему оды, стансы, сонеты, о которыхъ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, но которые слушалъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ. Воодушевленіе хозяйки, однакоже, не помѣшало ей замѣтить что гость, по временамъ, обращалъ свои взоры къ стѣннымъ часамъ.

— Вы спѣшите? — сказала она ему, голосомъ глубоко-тронутымъ.

— Меня ждутъ у Королевы, — отвѣчалъ поэтъ.

Дѣвица де-Гурне склонилась передъ этимъ именемъ. Она не смѣетъ удерживать его.... но убѣдительно просить не забывать ея, возобновить бесѣду, увы! на этотъ разъ, прерванную. Не забудемъ, что при прощаньи, она подноситъ гостю ленту, которую тотъ прикалываетъ къ петлицѣ, съ явными выраженіями удовольствія.

Особенность, отличительная черта генія въ томъ, что онъ оставляетъ оладъ вездѣ, гдѣ бы ни прошелъ, и увѣковѣчиваетъ себя въ памяти и сердцахъ того, кто умѣетъ его цѣнить. Проводивъ поэта, дѣвица де-Гурне стала припоминать всѣ впечатлѣнія, имъ оставленныя, приводить ихъ въ порядокъ: приемы, исполненныя свѣтской утонченности и свободы, черты, проникнутыя остроуміемъ, взглядъ, въ которомъ блестать геній; и вывела изъ всего этого что только онъ, именно онъ, Раканъ № 2, настоящій Раканъ, между тѣмъ какъ первый былъ наглець, задумавшій употребить во зло ея довѣрчивость.

Вдругъ входитъ извѣстный уже лакей ея; на лицѣ его нѣтъ прежняго недоумѣнія, но проглядываетъ какая-то нахальная насмѣшливость. Она становится посреди комнаты и, опустивъ глаза къ полу и вертя въ пальцахъ пуговицу своего камзола, докладываетъ, что какой-то неизвѣстный господинъ желаетъ имѣть честь быть допущеннымъ къ г-жѣ де-Гурне.

— Приси, но узнай кто бы это могъ быть! отвѣчаетъ она презрительно.

Лакей, не теряясь ни мало, громко произноситъ:

— Господинъ маркизъ де-Раканъ!

Дѣвица де-Гурне вскакиваетъ: въ эту минуту она не женщина, она львица, потрасающая гривой; это Иоанна д'Аркъ передъ сраженіемъ.

Она не даетъ приважему времени войти въ гостиную, идетъ къ нему на встрѣчу: губы дрожать отъ злости, въ глазахъ огонь.

— Да сколько же ихъ на свѣтѣ, этихъ Ракановъ?... Стало Раканы есть вездѣ?... Они, стало, растутъ изъ земли какъ грибы!.... Хорошо же!.... Который бы изъ всѣхъ ни обманулъ меня, я тотъ заплачу за всѣхъ. Впрочемъ, — продолжаетъ она, всматриваясь въ новаго посѣтителя, который, въ это время, шаркаетъ и кланяется, — я физиономистка, и этотъ, съ своей глупой рожей и манерами того свѣта, конечно, не благородный маркизъ де-Раканъ!

И, быстро снявъ съ ноги туфлю, пускаетъ ею въ лицо маркиза.

Почтенному челоуѣку*, переступившему уже 50-лѣтній возрастъ, такой приемъ не могъ показаться любезнымъ: не мудрено

* Гонора де-Рюэль, маркизъ де-Раканъ, одинъ изъ первыхъ членовъ Французской Академіи, род. въ 1589 г., ум. въ 1670.

было потеряться и безъ этого. Гость вадрогнулъ и посмотрѣлъ вокругъ. Другая туела попала ему прямо въ носъ. Тогда онъ рѣшилъ про себя, что имѣеть дѣло съ безумной и хотѣлъ что-то сказать.... Но, съ перваго слова, она возразила ему такимъ образомъ, что онъ созналъ всю опасность объясненія, добрался до выхода и поспѣшно сталъ спускаться по лѣстницѣ. Мщеніе дѣвицы де-Гурне не знало мѣры. Она схватила сосудъ съ водою и, догнавъ маркиза, облила его безъ малѣйшаго сожалѣнія. Никогда бѣдному маркизу не было такого праздника. Онъ, буквально, влялъ ноги на плеча и побѣжалъ, не оглядываясь.

Вечеромъ того же дня, — этой повѣзъ было суждено развиваться въ однѣ сутки, — бѣдная дѣвица де-Гурне узнала, что имѣла тройное несчастіе: 1, поцѣловать Морванна, извѣстнаго всему Парижу повѣсу и сорванца; 2, подарить ленту камердинеру того же Морванна, достойному слугѣ достойнаго господина; 3, причинить насморкъ настоящему маркизу де-Раканъ, чего, по всему вѣроятію, онъ, маркизъ, не долженъ былъ простить ей никогда.

Преданіе гласитъ, что дѣвица де-Гурне, и отъ природы мстительная, удостовѣрившись въ томъ, что сдѣлалась жертвой влаго обмана, никогда не хотѣла простить обидной шутки кавалеру де-Рони, который, впрочемъ, по Французскому выраженію, *не укралъ* славы немилосердаго насмѣшника и отъявленнаго повѣсы,...

КАИРЪ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ.

(Изъ путешествія Адалбера де-Боминъ.)

....Корабль, перевозившій насъ изъ Александріи въ Каиръ, остановился утромъ, на четвертый день, въ небольшой пристани, при *Шубрахъ*, загородномъ домѣ Паши, окруженномъ садами, отъ которыхъ вѣетъ запахомъ розъ, лимонныхъ и померанцовыхъ деревьевъ. Шубрахъ соединяется съ городомъ длинными аллеями акацій и рожковыхъ деревьевъ: чудовищные корни и низменные вѣтви переплетаются змѣями, а густыя листья, словно кожаные изъ мѣди, сростаются сводомъ, непроницаемымъ для палящихъ лучей Египетскаго солнца.

Какое-то особенное, не вдругъ изъяснимое, чувство удовольствія овладѣло мною, когда въ первый разъ увидѣлъ я Каиръ съ его окрестностью, облитой яркимъ свѣтомъ и рѣзко отдѣлившейся отъ темной стѣны деревъ, надъ зубчатой линіей ихъ вершинъ.... Мнѣ казалось, что я наконецъ нашелъ мою настоящую родину: я узнавалъ ее.... какія-то смутныя воспоминанія, — воспоминанія будто иной жизни, рисовали мнѣ всю эту картину, которую, однакоже, я видѣлъ впервые. Съ теченіемъ времени, впечатлѣніе, произведенное на меня Египтомъ, усилилось, и, съ той поры, какъ я покинулъ эту страну, мною овладѣла непостижимая тоска по Востоку: и теперь съ страстною любовью обращаюсь я къ нему глазами памяти....

Мы вошли въ городъ въ ворота, извѣстныя подъ названіемъ: *Эсбекіе*. При дакомъ крикѣ верблюдовъ, посреди толпы женщинъ съ опущенными черными покрывалами и закутанныхъ въ голубыя *лелки*, несущихъ верхомъ на плечъ, голыхъ ребятъ-шекъ бронзоваго цвѣта, васъ особенно поражаетъ своеобразный видъ домовъ, бѣлыхъ съ красными полосами, — съ ихъ *мушарабіями*. Мушарабіи — родъ кѣтокъ изъ кедроваго или кипарисоваго дерева, вырѣзанныхъ наподобіе кружева и закрывающихъ окна: цѣль этихъ *мушарабіей* пропускать воздухъ безъ лучей солнечныхъ и скрывать отъ любопытнаго взгляда таинственный бытъ жителей Востока.... Съ каждымъ шагомъ впередъ, глаза все болѣе разбѣгаются на пеструю толпу, наущую и таущую верхомъ на лошадахъ, ослахъ или верблюдахъ, и живописно разсыпавшуюся по Каиру и его чуднымъ окрестностямъ.

Въ синеватомъ сумракѣ, сквозь густой дымчатый паръ, обливающий все видимое пространство, — мѣстами, какъ огоньки въ ночной темнотѣ, свѣтятся блестящіе наряды разнообразныхъ племенъ Африки, Европы и Азіи. Вотъ *феллахи*, — настоящіе Египтяне, *Долты*, тоже Египтяне, но уже христіане отъ времени Христа; *Негры* съ береговъ Голубаго и Бѣлаго Нила; *Арабы изъ Гедьльца* или *Гиммонскаго Оазиса*, — *Моеребиллы*, — уроженцы изъ *Мекки*, — въ красныхъ чалмахъ съ яркими желтыми полосами, на подобіе головныхъ уборовъ мумій, которыми украшаютъ надгробные камни; — вотъ *Нубійцы*, закутанные въ одѣяла желтовато-бѣлаго цвѣта, въ которыхъ они драшируются какъ Египтяне навадь тому 4,000 лѣтъ, — черные *Гилласы* и *Даббурры*, жители *Сеннаара*, *Дарфура*, *Донголы* и

Кордобана; — *Сирийцы*, носящіе бѣлые или черныя *абан*, прошитыя золотыми нитками и пурпуромъ или широкими полосами изъ разныхъ матерій и яркихъ цвѣтовъ; — вотъ наконецъ: *Абиссинцы*, *Каказицы*, *Варварійцы*, *Алжирыцы*, *жители Марокко*, *Турки*, *Индійцы*, *Египци*, *Персіане*, *Армане*, *Греки* и *Франки*, — всѣ рѣзко отдѣляющіеся другъ отъ друга племенемъ, цвѣтомъ кожи и нарядомъ....

Вотъ *эфренди*, — богачъ, ѣдущій на бѣломъ Абиссинскомъ ослѣ; за нимъ съ трудомъ слѣдуютъ четыре или пять молодыхъ дѣвушекъ, скудно прикрытыхъ одѣлами пепельнаго цвѣта, изъ-подъ которыхъ виднѣются формы отличной правильности и красоты. По стекляннмъ браслетамъ на рукахъ и на ногахъ, по мѣдному цвѣту кожи и прическѣ, вы узнаете въ нихъ несчастныхъ Эіоплянокъ, оторванныхъ отъ семействъ безжалостными воинами Паша.

Но что это за крики? Куда бѣжитъ народъ, чего они всѣ испугались? Женщины и дѣти прыгнутъ въ воротахъ, мужчины уходятъ въ сторону и, не смотря на крикъ моего маленькаго погонщика, всѣ эти бѣглецы, толкая другъ друга, толкаютъ насъ и мочутся какъ сумашедшіе. Что жъ это такое? Но вотъ являютъя скороходы, одѣтые въ свѣтлоголубой цвѣтъ и вооруженные кнутами; вождь за ними несется карета, запряженная четвернею лошадей.... Въ ней сидятъ *Аббасъ - Паша*, нынѣ вице-король Египта, внукъ Меѣмета-Али, и тѣшитъ страхомъ, который наводитъ провѣздъ его на всѣхъ встрѣчающихся. Какое дѣло ему, еслибы случилось его конямъ раздавить нѣсколькихъ феллаховъ? Всѣхъ не передавать они, а стоитъ ли останавливаться изъ-за бездѣлицы!

Сколько разъ, любуясь на эти разнохарактерныя племена, разсматривая эти типы, носящіе на себѣ отпечатокъ разныхъ градусовъ широты, — эти типы, то бѣлые и блѣдые, то шекладнаго или почти кофейнаго цвѣта, — или наконецъ изъкрасно или синевато-черныя, нерѣдко мужественныя и красивые, — я спрашивалъ себя: отчего не былъ въ Египтѣ *Леопольдъ Робертъ*? При видѣ этой природы, столько новой и своеобразной, онъ пронавелъ бы чудеса, которыя конечно превзошли бы его «Венеціанскихъ рыбаковъ» и «Римскихъ жнецовъ». Въ самомъ дѣлѣ, только его карандашъ могъ бы воспроизвести этихъ Абиссинскихъ Антиносовъ, съ чертами и формами, ни въ чемъ не уступающими перво-

образамъ Греческаго искусства, — эти ни съ чѣмъ не сравнимыя руки и ноги, большіе глаза, исполненные грусти, — носъ и ротъ гордые и тонко-очерченные, широкій и умный лобъ, — черные, шелковистые волосы и кожу, гладкую какъ атласъ и выработанную природой подъ цвѣтъ Флорентинской бронзы. Чего не сдѣлалъ бы онъ — нашъ славный художникъ, — чего не извелъ бы изъ этаго *варварійскаго* племени, еще большаго роста, нежели всѣ прочіа, — съ чертами, иногда слишкомъ темными или не довольно рѣзкими, но вообще проникнутыми въ цѣломъ выраженіемъ очаровательной кротости, совершенно неизвѣстнымъ въ нашихъ холодныхъ странахъ? И всѣмъ этимъ племенамъ необходимо палящее солнце юга: иначе блестящая кожа сдѣлалась бы шероховатою, поблекла бы и даже измѣнилась бы въ цвѣтъ. Не трудно удостовѣриться въ томъ, что негръ безукоризненно-черный черезъ нѣсколько мѣсяцевъ краснѣетъ и блѣднѣетъ, столько же почти, сколько бѣлый. Когда прїѣдешь въ Африку, — сначала, всѣ эти типы похожи между собой; но чѣмъ болѣе присматриваешься къ нимъ, чѣмъ болѣе глаза, такъ сказать, отстрадетъ отъ предрасудка въ пользу своей насты, — тѣмъ явственнѣе становятся отбѣнки между ними и тѣмъ сильнѣе поражаютъ зрителя всѣ эти красоты, о которыхъ мы не имѣемъ понятія въ Европѣ.

Разнообразіе племенъ и народовъ, видъ улицъ, которымъ нѣсть числа, — все это вмѣстѣ и чаруетъ иностранца, и сбиваетъ съ толку: чтобы не заблудиться въ такомъ лабиринтѣ, нужна большая привычка къ Каиру, надо побѣгать въ немъ мѣсяца четыре или пять. Послѣ Венеціи, Каиръ болѣе всего похожъ на лабиринтъ; улицы грядныя и до того узкія, что иногда случается въ одно время касаться локтями противоположныхъ стѣнъ, — груды зданій съ плоскими крышами, надъ которыми высится безчисленное количество куполовъ и минаретовъ, не представляютъ ни одной особенно-замѣчательной точки, которой могъ бы держаться путешественникъ; уже нѣсколько пообжившись, онъ пріучается находить дорогу по вратамъ мечетей, базарамъ и фонтанамъ, — да и то съ трудомъ.

Въ этой сѣти дорогъ, взаимно-пересѣкающихся по всѣмъ направленіямъ, двѣ улицы, какъ двѣ главныя артеріи, прорѣзываютъ Каиръ съ юга на сѣверъ. Одна — большая улица *Морцстана*, другая ведетъ прямо къ крѣпости.

Взойдемте на утесъ, на которомъ она выстроена, чтобы лучше обозрѣть въ цѣлости весь этотъ чудный городъ *живыхъ*, который мы съ вами теперь пробыжали, и другой, не менѣе любопытный — городъ *мертвыхъ*, прилежащій къ нему съ одной стороны, — между тѣмъ какъ, съ другой, разстилается, едва обозримая простымъ глазомъ, долина.

Съ террасъ *киоска*, резиденціи паши (трудно назвать ее дворцомъ) видна вся окрестность. Надѣво — печальная степь съ курганами и памятниками мамелюковъ и халифовъ, — мѣстами, надъ ними, фарьоровые и рѣзные куполы; прямо противъ васъ, городъ съ его минаретами, граціозно-уходящими въ высь; направо — развалины Эліополиса съ обелискомъ, свидѣтели Французской славы: между нихъ святая чинара, гдѣ, по Коптскому преданію, почилла однажды Дѣва Марія. Еще правѣе, *старый Каиръ*, гдѣ скрывалось Святое Семейство, во время убійства младенцевъ; — еще далѣе, обширная, зеленѣющая долина, окаймленная желтыми песками, словно изумрудъ оправленный въ золото. Нилъ величественно катитъ по ней свои мутныя волны: вдоль береговъ; здѣсь и тамъ — пальмовыя рощи; — наконецъ, на самомъ последнемъ планѣ, въ дали, уже убѣгающей отъ зрѣнія, пустыня съ пирамидами *Гизла* и *Заеары*, и *Долина Мумій*, простирающаяся до послѣднихъ вѣтвей Ливійскаго хребта.

Случалось со мной, что, обошедъ мечети, — я приходилъ отдыхать на какую-нибудь террасу или взбирался на вершину минарета, чтобы вдоволь насладиться разнообразіемъ и величіемъ этой картины, но, болѣе, для того еще, чтобы объяснить себѣ планъ этого любопытнаго города, въ которомъ считается 412 мечетей и надгробныхъ памятниковъ, 500 минаретовъ, 300 водохранилищъ, 60 бань, 34 фонтана, 140 публичныхъ школъ, 11 или 12 базаровъ, 1,265 оскеновъ или каравансараявъ, 71 главные ворота, — не говоря уже о тѣхъ, которыми затворяются небольшія улицы или переулки — и 1,170 кофеенъ.

Болѣе же всего поразила меня вещь, о которой не упоминается ни въ одномъ путешествіи и которой не видно ни на одной картинѣ: я говорю о внутреннихъ водоемахъ, окаймленныхъ зеленью; съ высоты минарета или террасы, откуда я ихъ наблюдалъ, они блестяли на солнцѣ, какъ капли росы на травѣ.... Сосѣдство мечетей приблизительно свидѣтельствуетъ о расчлененіи такихъ бассейновъ.... Сдѣлавъ это замѣчаніе, я поспѣшнѣе

воспользоваться мѳей артистической находкой, спустился однажды въ Каиръ и , послѣ долгихъ распросовъ , добрался наконецъ до одного изъ этихъ очаровательныхъ озеръ. Мнѣ назвали его *Биркетъ-эль-финъ*, что значитъ: озеро бегемота. Оно получило это названіе въ то время, когда, вслѣдствіе наводненія, Нилъ выкинулъ въ нижній Египетъ нѣсколькихъ изъ этихъ уроженцевъ *Сеннаара* , и одинъ изъ нихъ , опустошивъ въ одну ночь всѣ окрестные сады, былъ, послѣ долгой и страшной борьбы , убитъ въ этомъ озерѣ.

Не сравнимо ни съ чѣмъ зрѣлище этихъ озеръ , окаймленныхъ садами и кіосками , куда приходятъ нѣзавѣсть и отдыхать богатые владѣльцы близъ-лежащихъ домовъ. Не проберетесь вы къ нимъ ни уллицей , ни дорогой какой-нибудь ; чтобы видѣть ихъ , вы проходите непременно жильемъ ; на этомъ основаніи , большей части этихъ бассейновъ не знаютъ ни путешественники , ни даже туземцы. Искусный пейзажистъ нашъ , *Маршьятъ* , навлекъ бы неоцѣненные сокровища изъ этой руды , которую и мнѣ открылъ случай. Разъ , между прочимъ , прогуливаясь въ одномъ саду , славившемся цвѣтами , я увидалъ сквозь рѣшетчатый заборъ самое очаровательное озеро: оно называется *Биркетъ-эль-Джиннакъ* , озеро волшебницы , и окружено домами , садами и кіосками , чисто мавританскаго стиля , совершенно закрытыми густымъ ковромъ *долиасосовъ* , съ фіолетовыми цвѣтами: они какъ мохъ сростаются непроницаемою тканью , частію свѣшиваясь въ воду варадными и прихотливыми вѣтвями. На спокойныхъ волнахъ этаго озера рѣзвятся красный ибисъ , розовый фламинго и фараонова курица , бѣлая какъ снѣгъ , питающаяся водяными плодами и рыбами.

Нѣкоторые изъ этихъ *биркетовъ* , образовавшіеся вслѣдствіе наводненій Нила , скоро высыхаютъ отъ лучей солнечныхъ и вѣчнаго жара,—другіе же постоянно держатъ воду , какъ и всѣ прочія озера. Главные изъ нихъ слѣдующіе: *Биркетъ-эль-Финъ* , *эль-Фарайкъ* , *эль-Дамалкекъ* , *эль-Абу-Хаматъ* , *эль-Саберъ* , *эль-Саккайнъ* , *эль-Фуалекъ* , *эль-Гитнакъ* , *эль-Мулла* , *эль-Ротли* , *эль-Чейкъ-Гамаръ* — прудъ луны.

Въ Каирѣ считаютъ всего 22 главныхъ сада , которые называются *сейтъ* или *сенейнекъ* , смотря по величинѣ. Въ этихъ садахъ не ищите ни симметрическихъ аллей , ни искусно расположенныхъ куртинъ: это не иное что , какъ густая куща

деревъ, растущихъ по волѣ природы и случая; вы увидите тутъ лимонное дерево, апельсиновое, душистую мимозу, тонколиственный тamarискъ, гранатное дерево, миртовое, кактусы, мапекастъ и севбеки, надъ которыми величественно возвышаются чинара и пальма, обитыя разными чужездными растеніями, — первая, округленная въ видѣ купола, вторая, — тонкая и стройная, какъ минаретъ, обѣ совершенно противоположныя между собою и формою, и листомъ, и цвѣтомъ. Въ Каирѣ сверхъ того, съ успѣхомъ воздѣлываются: банановое дерево, извѣстное огромною величиною листьевъ и важностью плода, смородина съ мыса Добрая Надежды и пятьдесятъ родовъ апельсиновъ, цедратовъ и бергамотовъ.

Нельзя представить себѣ богатство природы и роскошное ея убранство весною, когда цѣлыя сады апельсиновыхъ деревьевъ, въ одно и то же время, покрыты зрѣлыми плодами и цвѣтами. Въ тѣни ихъ густой и темной зелени, сиди на душистомъ сѣнгу, которымъ устлана трава, вы смѣтаете надъ палаточными лучами солнца, которымъ ни какъ не добратся до васъ. Свѣжіе ручейки, безпрестанно поддерживаемые *сакисами*, живописными машинами, поднимающими воду иногда до самыхъ террасъ, увеличиваютъ и еще обогащаютъ эту растительность. Для растительнаго царства вода и жаръ — врозь и жизнь: вотъ почему въ этихъ оазисахъ природа круглый годъ убрана какъ для правдника, и все вокругъ васъ всегда цвѣтеть и благоухаетъ! Мѣстами, глубокіе овраги, увѣнчанные пальмами, лѣнами съ розовыми цвѣтами и фіолетовыми плодами, китайскими розами, смѣшанными съ пурпуровыми ахиллеями и многими еще другими цвѣтами, пересѣкаютъ эти рощи и живописно равнообразятъ ихъ; или, изъ среды этой земли, сквозь рѣдкіе ряды финиковыхъ деревьевъ, виднѣется вамъ пустыня съ своею далью, то оранжевой, то розовой, глядя во времени дня. Вотъ эти противоположности исполнены невыразимой прелестью, и я никогда не забуду часы сладкаго упоенія и нѣги, которые провелъ я въ этихъ мѣстахъ, на стоящемъ саду Гесперидъ, съ ихъ золотыми яблоками и неземными благоуханіями!

Я не включилъ въ число этихъ дикихъ эдемовъ великолѣпные сады *Шубраха* и острова *Родоа*, созданные Мегеметомъ-Али и Ибрагимомъ-Пашей, первый по образу Италіянскихъ, второй — по образу Англійскихъ садовъ. Достойные любовательнаго вниманія по цвѣтамъ и рѣдкимъ растеніямъ, они представ-

ляютъ мало пищи для живописца: въ нихъ нѣтъ тѣхъ рѣзкихъ особенностей, которыми такъ привлекаютъ къ себѣ Европейца всѣ вообще мѣстности этихъ странъ. Последніе два сада напоминаютъ сады Версальскіе, возлѣ Медонскихъ лѣсовъ.

Изъ всего этого видно, что Каиръ соединилъ въ себѣ всѣ роды красотъ: что шагъ, то новая картина, полная и несравнимая съ другою; понятно, что глаза художника ослѣплены этимъ великолѣніемъ, этой роскошью, этимъ богатствомъ. И я смѣло говорю, что Каиръ — самый живописный городъ въ мірѣ: въ архитектурномъ смыслѣ нѣтъ города построеннаго въ болѣе чистомъ вкусѣ, — нѣтъ мѣста на свѣтѣ, которое бы сосредоточило въ себѣ, какъ Каиръ, столько богатства неба и земли, такое разнообразіе типовъ, нарядовъ, цвѣтовъ, растительности, животныхъ и всего, чѣмъ только въ силахъ щедро наградить природа.

Проклятіе же всѣмъ этимъ варварамъ, всѣмъ этимъ франкамъ, которые, въ своемъ гордомъ невѣдѣніи, въ совершенномъ отсутствіи художническаго пониманія, — настоящіе социалисты искусства, хотятъ выпрямить улицы Каира, ломаютъ для того, чтобы разширить, словомъ, низвергаютъ чудеса для того, чтобы создать вещи безъ имени! И сколько уже безбожныхъ свѣдѣтельствъ разрушенія видѣлъ я въ этомъ прекрасномъ городѣ; когда же этотъ *прогрессъ*, какъ говорятъ они, остановится въ страхъ передъ святотатствомъ?

Если Каиръ такъ необычайно хорошъ, такъ величественъ на первый взглядъ, то каковъ онъ долженъ показаться тому, кто изучилъ его въ подробности? Чтобы имѣть о немъ полное понятіе, нужно прожить въ немъ годъ; а для того чтобы рассмотреть эту древнюю столицу исламизма, съ его любопытнѣйшей стороны, и, если мнѣ позволено будетъ выразиться, въ его непосредственнѣйшемъ олицетвореніи, необходимо присутствовать при возвращеніи большого каравана богомольцевъ изъ Мекки, видѣть празднества въ честь пророка, съ ихъ блескомъ, роскошью и своеобразностію, въ полной мѣрѣ соответствующими всему, что рассказываютъ преданія о Востоку и всему, чѣмъ исполнена его поэзія....

НОВОЕ СВОЙСТВО ТАБАКУ. Капитанъ Барбедіенъ (въ Гаврѣ) сдѣлалъ нѣсколько опытовъ и наблюденій, изъ которыхъ основательно выводитъ свойство табаку: всасывать сырость. Въ продолженіе трехъ лѣтъ непрерывнаго плаванія въ Бразилію, къ

Ла-Плачь и въ Западную Индію, онъ употреблялъ табакъ для укладки шерстяныхъ и шелковыхъ тканей всѣхъ цвѣтовъ, стальныхъ наждацій, музыкальныхъ инструментовъ и т. д., и всегда съ одинаковымъ успѣхомъ. Особенно полезнымъ оказывалось дѣйствіе табаку на товаръ наиболѣе подверженный порчѣ отъ переменъ температуры и который, поэтому, онъ держалъ въ прохлѣ, преимущественно подъ жаркимъ полосою. — Табакъ не долженъ прикасаться непосредственно къ сберегаемымъ вещамъ: ихъ надо укладывать обыкновеннымъ порядкомъ, но сверху покрывать табакомъ.

ВОТЪ-ТАКЪ ЖУРНАЛЪ! Въ Парижѣ что день, то новость! Что мѣсяцъ, то новая хитрость, новая выдумка. И всего болѣе головы Французовъ необрутательны въ дѣлѣ *индустрии* (что не значитъ промышленность). Къ явленіямъ этого рода принадлежатъ, издавна, преміи, предлагаемыя подписчикамъ надателями нѣкихъ журналовъ. Такъ, были журналы, безденежно выдававшіе, при подпискѣ на нихъ: книги, фарфоровыя наждаціи, музыкальные инструменты, статуэтки, стѣнные часы и другіе предметы искусства или торговли. Въ нынѣшнемъ году явился журналъ, который обливается: «всѣхъ своихъ годовыхъ подписчиковъ хоронитъ на свой счетъ и, по смерти, выдаетъ имъ пенсію!» Журналъ этотъ называется: *«Предусмотрительный»* (le Prévoyant), и въ даромъ. Желая удалить, по возможности, время смерти своихъ подписчиковъ, Предусмотрительный почетою о ихъ здоровье, отдаетъ въ ихъ распоряженіе загородный домъ, гдѣ могутъ они наслаждаться всеми средствами простой гигиены и чтеніемъ. «Предусмотрительнаго» на столбцахъ котораго они найдутъ прекрасные рецепты отъ мигрени, зубной боли и мозолей. Такого журнала, безъ сомнѣнія, ждетъ славное будущее. — Парижскій фельетонистъ, у котораго мы заимствуемъ это извѣстіе, кончаетъ отчетъ о немъ такъ: «я было хотѣлъ подписаться на Предусмотрительнаго, но разсудилъ, что выгоднѣе быть наследникомъ подписчика, нежели подписчикомъ на него самому. Попрошу дядюшку подписаться на него.» — Мы раздѣляемъ мнѣніе предусмотрительнаго фельетониста и советуемъ нашимъ читателямъ, разумѣется, предусмотрительнымъ, обратиться съ просьбою о подпискѣ на новый журналъ къ добрымъ дядюшкамъ. Тамъ, у кого ихъ много, не трудно сдѣлать выгодную аферу!

НЕСГАРАЕМЫЙ КАРТОНЪ. — Въ Пруссіи, неподалеку отъ Берлина, братья Эбартъ, владѣльцы одной изъ замѣчательнѣйшихъ въ Германіи бумажныхъ фабрикъ, изобрѣли несгораемый картонъ, который они называютъ каменнымъ картономъ. Этотъ картонъ во всѣхъ отношеніяхъ можетъ замѣнить черепицу. Королевская Строительная Коммиссія преимущественно рекомендуетъ его деревенскимъ жителямъ, для замѣны соломенныхъ кровель.

ПУБЛИКА И АРТИСТЫ. (Изъ воспоминаній театральнаго лѣтописца) Разъ какъ-то, въ Бордо, актеръ Онорé игралъ роль другаго актера, Бернара-Леонъ.

— Бернара-Леонъ! Бернара-Леонъ! закричалъ кто-то, когда Онорé вышелъ на сцену.

— Милостивый государь, отвѣчаетъ Онорé, — товарищъ мой Б. Леонъ боленъ.

— Какое намъ дѣло. Давайте намъ Леона, живаго или мертваго!

— Милостивый государь! отвѣчаетъ Онорé, подошедъ къ авансценѣ и обращаясь къ своему собесѣднику: мнѣ платятъ за то, чтобы я говорилъ глупости, но таковой глупости я никогда не умѣлъ сказать.

Въ оперѣ — *les Bohémiennes*,» Бернаръ игралъ роль атамана разбойниковъ. Съ начала до конца, онъ былъ освистанъ и изуродованъ и поѣму, и музыку. Занавѣсъ принуждены были опустить до окончанія пьесы. Вдругъ публика спохватилась и стала требовать развязки. Бернаръ выходитъ и говорить:

— Милостивые государи и государыни! пьесы кончить нельзя, потому что актеры разѣхались. Но вамъ угодно знать развязку: я вамъ расскажу ее. Преціоза (героиня) отыскиваетъ наконецъ своихъ родителей: оказывается, что она принадлежитъ къ прекрасному семейству и знатному роду, а я.... повѣшенъ....

Въ то время, когда эти строки выписывались изъ Французскаго журнала для читателей Москвитянина, намъ пришло на память происшествіе, хоть и нѣсколько другаго рода, но

все-таки относящееся къ сценическимъ воспоминаніямъ и рассказанное намъ однимъ изъ нашихъ извѣстныхъ Русскихъ артистовъ, который ручается за его достовѣрность:

Въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго вѣка, театръ не только составлялъ предметъ особеннаго попеченія нѣкоторыхъ Русскихъ баръ, но и былъ почти любимымъ увеселеніемъ, и въ городѣ и деревнѣ. У многихъ богатыхъ помѣщиковъ были свои домашніе театры, свои актеры, какъ, нынѣ, свои оркестры и пѣвчіе. На этихъ театрахъ играли по временамъ и сами хозяева, иногда съ своими сверстниками, иногда съ своими актерами. Въ подтвержденіе нашихъ словъ, мы считаемъ лишнимъ напоминать здѣсь объ именахъ Кн. Шаховскаго, Кокошкина и другихъ. Тотъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь и котораго мы, къ сожалѣнію, назвать не умѣемъ, имѣлъ особенную страсть къ трагедіямъ и игралъ въ нихъ, по преимуществу, роли героевъ. Къ этому не лишнее прибавить, что онъ былъ одаренъ отъ природы очень небольшимъ ростомъ, незавидною, вообще, наружностію и пришепетывалъ. Поставивъ въ первый разъ на своемъ театрѣ трагедію «Дмитрій Самозванецъ,» театраль-меценатъ выбралъ для себя роль самого героя, созвалъ кучу зрителей, и, окончивъ всѣ распоряженія, передъ поднятіемъ занавѣса, отдалъ своему машинисту слѣдующія приказанія:

— Смотри же, какъ только я скажу два послѣдніе стиха, заколю себя кинжаломъ, упаду и откину руку въ сторону, — сейчасъ опускай занавѣсъ!

— Слушаю, Ваше Сіятельство! отвѣчалъ машинистъ.

Занавѣсъ подняли. Дѣло пошло своимъ порядкомъ. Всѣ были, разумѣется, очень довольны: хлопали, кричали. Амфитріонъ былъ въ восторгѣ.

Въ концѣ послѣдняго дѣйствія, произнесъ съ должнымъ поодушевленіемъ извѣстныхъ слова:

Ступай во адъ душа, и буди вѣчно плѣнна —
Ахъ, еслибы со мной погибла вся вселенна!

Самозванецъ закололся по всѣмъ правиламъ театральнаго искусства и упалъ при оглушительномъ громѣ рукоплесканій. Но, сгоряча, онъ забылъ откинуть руку.

Лежить. Занавѣсъ не опускается. Машинистъ стоитъ у веревки и смотреть.

- Опускай! шепчетъ Дмитрій.
 — Руку-то, Ваше Сіятельство! — отвѣчаетъ машинистъ.
 — Опускай, дуракъ, говорятъ тебѣ!
 — Руку-то, Ваше Сіятельство, извольте откинуть.
 — Говорятъ тебѣ, опускай: все равно!
 — Какъ же, Ваше Сіятельство. Я помню, сами изволили приказывать.... А потомъ-то что мнѣ будетъ?
 — Экой дуракъ! Опускай, скотина!
 — Воля ваша, Ваше Сіятельство! Сами взыщете потомъ....
 — Да развѣ ты не видишь, что я умеръ?
 — Какъ угодно, Ваше Сіятельство, не опущу.
 — Да, помилуй, какъ же мнѣ теперь шевелиться?
 — Да ужъ какъ прикажете, Ваше Сіятельство....
 — Вотъ поддець-то!

И Дмитрій Самозванецъ долженъ былъ откинуть руку черезъ пять минутъ послѣ своей смерти.

Занавѣсъ опустился.

ОБРАЩЕНІЕ ФЕЛЬЕТОНА ПО ПОВОДУ ПАПИРОСОВЪ. Не такъ давно еще намъ случилось слышать жалобы на то, что нѣтъ Русскаго фельетона. Не раздѣляя этого мнѣнія безусловно, мы думаемъ однакожъ, что въ этомъ дѣлѣ есть точно много кое-чего, чему можно бы еще поучиться намъ, и преимущественно у Французовъ. Но отвергать положительно существовавшіе фельетона на Руси — нельзя. Въ доказательство, мы приводимъ здѣсь статью, выписанную нами изъ № 6 Херсонскихъ Вѣдомостей нынѣшняго года: *Нѣсколько словъ о табачной фабрикѣ А. Шпира вообще и его папиросахъ въ особенности.* «Предо мной лежитъ объявленіе г. Шпира объ открытой имъ табачной, сигарной и папиросной фабрикѣ, и ящикъ его папиросовъ, справедливо именуемыхъ *приличными* (de salon). Глядя на то и другое, т. е. на объявленія и папиросы, я пускаюсь въ размышленіе и намѣренъ высказать о нихъ порознь свое мнѣіе.

«Сначала объявленіе. Изъ него видно, что г. Шпиръ озабочился поразнообразить произведенія, не пожалѣлъ, конечно, на то издержекъ и желаетъ угодить всѣмъ вкусамъ и требованіямъ безъ исключенія. Это безподобно и именно потому, что намъ уже наскучило въ Херсонѣ знать только по слуху, что бываетъ на свѣтѣ

табакъ высшего сорта, т. е. вѣжнѣй, розоватѣй, пахучѣй, а получать изъ здѣшнихъ лавокъ одинъ зеленый, недоброкачественнѣй да еще въ добавокъ и не безъ примѣси. Далѣе изъ объявленія г. Шпира оказывается еще, что у него выдѣлываются сигары, табакитосы и папирсы, чего прежде въ Херсонѣ мы и не слышали. Это большая выгода для курителей табаку, во-1-хъ, потому что это даетъ имъ возможность курить, говоря буквально, все, что душѣ угодно; а во-2-хъ, потому что избавляетъ ихъ отъ покупки табаку и бумаги порознь, и отъ дѣленія своеручныхъ папирсовъ, отымающаго отъ занятій ихъ да преферансомъ много времени, и имѣющаго еще многое множество другихъ неудобствъ, которыя мы тотчасъ и выскажемъ всѣ, по поводу папирсовъ г. Шпира.

«По нашему мнѣнью, какъ ни велика услуга г. Шпира, оказанная всѣмъ курителямъ табаку учрежденіемъ хорошаго табачнаго заведенія, но она слаба и блѣдна предъ одною благотѣльною мыслью распространить куреніе фабричныхъ папирсовъ, которыми, въ наше время, пора уже и въ Херсонѣ, какъ это давно уже въ другихъ мѣстахъ, вытѣснить изъ порядочныхъ домовъ всякое другое. Хорошія и дешевыя папирсы суть полная и совершенная услуга г. Шпира предъ обществомъ, рѣшительно не имѣющая слабой стороны: это истинное одолженіе, какъ для курителей табаку, такъ и для тѣхъ, кто не кура, невольнѣо глотаетъ табачный дымъ изъ одного угожденія ближнимъ.

«Польза фабричныхъ папирсовъ г. Шпира состоитъ:

«1. Въ отношеніи медицинскомъ. Въ томъ, что онѣ содержатъ въ себѣ чистый, безпримѣсный, турецкій табакъ, что дымъ у нихъ проходитъ сквозь вату, и наконецъ, что въ одинъ конецъ вставляется туго свернутая бумага: то и другое препятствуетъ горькому, наркотическому и для здоровья чрезвычайно вредному, табачному соку попадать на языкъ, что неизбежно съ своеручными папирсами, или съ трубкой.

«2. Въ отношеніи экономическомъ. Польза папирсовъ г. Шпира очевидна, что подтвердить простой ариѳметическій расчетъ. Сотня папирсовъ стоитъ 80 к. с.: — что можетъ быть дешевле этого? За эту цѣну нельзя купить одного фунта хорошаго табаку, а кромѣ табаку, считайте то, что къ нему нужна еще папирсная бумага, считайте рассыпку табаку, считайте

то, что утащать лакеи, что у насъ высохнетъ и не будетъ годиться къ употребленію, и наконецъ, что третья часть своеручной папиросы всегда идетъ въ окурокъ и пропадаетъ задаромъ. Сообразивъ все это, нельзя не сознаться, что г. Шпиръ назначилъ своимъ папиросамъ цѣны удивительно умѣренныя, и что потребители ихъ будутъ, по крайней мѣрѣ 40% въ чистомъ выигрышѣ, если замѣнять ими способъ прежняго куренія.

«3. Въ отношеніи къ приличію (и чуть ли не въ самомъ важномъ), польза папиросовъ г. Шпира не подлежитъ сомнѣнію. Бывъ набиваемы хорошимъ табакомъ, онѣ не распространяютъ дурнаго запаха; онѣ не производятъ много дыму; онѣ вообще гораздо благопристойнѣе трубки, извергающей изъ себя цѣлый облакъ дыму, и самодѣльныхъ папиросовъ, которыя рѣшительно должны быть изгнаны изъ порядочныхъ домовъ, уже по одному тому, что дѣлая цѣхъ, неминуемо предстоитъ показать всей честной компаніи кончикъ языка и слюнуть бумажку. Весь этотъ процессъ крайне неблагопристойенъ, и съ учрежденіемъ фабрики г. Шпира, не бывъ огражденъ необходимостью, долженъ быть считаемъ во всякомъ домѣ неумѣстностью и нарушеніемъ приличій. Намъ могутъ замѣтить, что и безъ фабрики г. Шпира, во всѣхъ не только табачныхъ, но даже во всѣхъ бакалейныхъ лавкахъ продавались фабричныя папиросы; однако же во всеобщее употребленіе онѣ не вошли и своеручнаго крученія не вытѣснили. Такъ; но этому были двѣ важныя причины, которыя въ своемъ заведеніи г. Шпиръ догадался устранить: первая та, что привозныя папиросы весьма дороги и слѣд. не всѣмъ доступны; а вторая та, что онѣ обыкновенно набиты бывають такъ называемымъ Американскимъ, т. е. просто Жуковскимъ или Мусатовскимъ табакомъ, который у насъ въ весьма маломъ употребленіи. Исправное сообщеніе Одессы съ Константинополемъ имѣетъ то естественное слѣдствіе, что у насъ въ краю развито потребленіе табаку турецкаго, болѣе своего отечественнаго, Петербургскаго, и поэтому папиросы г. Шпира, турецкимъ табакомъ набиваемыя, удовлетворяя вкусъ большинства потребителей здѣшняго края, рано или поздно должны войти во всеобщее употребленіе.

«Притомъ, взгляните, что за папиросы, что за названія папиросовъ? Напр. дамскія: à la Мегу, для львицъ. Это современно и слѣд. хорошо, и можетъ нравиться. Всякая дама получаетъ

съ этого времени полное право ставить себя въ почетный рядъ львицъ, куря присвоенныхъ этой категоріи папирсы, а мы получаемъ право прежнее мнѣніе о томъ, что дамамъ вообще курить не свойственно, замѣнить другимъ, что если кто изъ дамъ и пожелаетъ курить, то ужъ никакъ ни что другое, какъ именно эти аристократическія папирсы.

«Въ заключеніе всего нельзя не повторить, что заведеніе г. Шпира выдуманно и устроено хорошо, и что Херсонскіе и даже иногородные потребители табаку не ошибутся, если съ этого времени стануть преимущественно обращаться въ магазинъ г. Шпира за табакомъ и другими табачными произведеніями, и тѣмъ поощрять полезное для нихъ предпріятіе.

«Фабрика помѣщается на Губернаторской улицѣ, близъ Греческой церкви, въ собст. домъ, № 83.» Къ дивирамбу остроумнаго фельетониста прибавлять нечего.... Но мы считаемъ себя въ нравѣ отъ души поздравить Херсонскаго изобрѣтателя папирсовъ. Онъ, нашедъ своего Омира, въ нашихъ глазахъ, счастливей даже Македонскаго героя, — которому за-живо не было дано подобное утѣшеніе!

М О Д Ы.

— Никогда еще искусство одѣваться не было такъ усовершенствовано, какъ теперь. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только взглянуть на два платья артистической работы Г-жи Н., выставленные въ ея магазинѣ. Право, въ нихъ всякая показалась бы болѣе нежели прехорошенькою — очаровательною. Лифъ перваго изъ нихъ, обхватывающій талью какъ корсетъ, гораздо ниже пояса, вырѣзанъ à la Raphaël, т. е. четверугольно, и перешнурованъ спереди бархатцемъ; рукава полудлинные, разрѣзанные внизу четверугольно, съ подрукавниками изъ кружева, пришитаго какъ оборка, въ нѣсколько рядовъ. Не правда ли, сколько граціи въ этомъ покроѣ? Какъ должна выигрывать фигура при этомъ длинномъ и гладкомъ лифѣ, какъ идетъ четверугольно вырѣзанный воротъ, какъ красать руку упадающія на нее кружева? — Другое платье было сшито à la Louis XV. Оно было также вырѣзано четверугольно, но другимъ образомъ. (Лифъ *Raphael* вырѣзывается не глубоко и плеча почти открыты, лифъ *Louis XV* вырѣзывается глубоко спереди и совершенно закрываетъ плеча.) Разрѣзъ этотъ, также какъ и рукава, доходящіе только до локтя, отдѣланъ, какъ цвѣтами, рюшемъ изъ лентъ, пришитымъ поверхъ широкаго кружева. Къ этому кружевная шемизетка и рукава *pagodes* (т. е. широкіе) также изъ кружева. Сколько первый костюмъ простъ и строгъ, столько второй свѣжъ, оригиналенъ, кокетливъ. Который же изъ нихъ лучше, спросите вы. Не знаю: это рѣшить ваше зеркало, а главное вашъ собственный вкусъ

— Изъ всѣхъ матерій, болѣе другихъ употребляютъ теперь на платья: органди, барежъ, кисею и тафту всѣхъ родовъ: гладкую гласе, затканную букетами, гирляндами, цвѣточками, особляво тафту шине, которая считается самой модной матеріей.

— Соломенные шляпы въ большомъ употребленіи нынѣшнее лѣто. Самыми лучшими безъ сомнѣнія, были и будутъ Итальянскія шляпы. Потомъ слѣдуютъ шляпы бастовыя и наконецъ соломенные гладкія, или плетенныя рубчиками, колечками, торсадами и проч. Появилось даже нѣсколько шляпъ плетеныхъ изъ черной и желтой обыкновенной соломки, впрочемъ очень не много. Отдѣлка соломенныхъ шляпъ болѣею частью состоитъ изъ цвѣтовъ, преимущественно полевыхъ, перемѣшанныхъ съ колосьями ржи, овса, или съ травой, еще зеленой, или увядшей и пожелтавшей на солнцѣ.

— Креповыя шляпы бѣлыя, покрытыя тюлемъ, шитьемъ соломою, или отдѣланныя только широкимъ соломеннымъ аграмантомъ, положеннымъ между широкихъ и густыхъ буфъ, предпочитаются всѣмъ другимъ шляпамъ въ этомъ родѣ.

М О Д Ы.

— Всѣ платья, какія мы видимъ до сихъ поръ, сдѣланы или съ высокимъ лифомъ, отдѣленнымъ кофточкой, пришитой къ поясу, или съ лифомъ, вырѣзаннымъ четверугольно и открытымъ. Эти два фасона лифовъ, повидимому, замѣнили всѣ прочіе. Мы видѣли на дняхъ нѣсколько платьевъ изъ барежа и тафты, съ затканными разводами, и всѣ они были съ такими лифами. Юбки были украшены оборками, обшитыми, равно какъ и лифъ, аграмантикомъ или узенькимъ рюшемъ изъ лентъ.

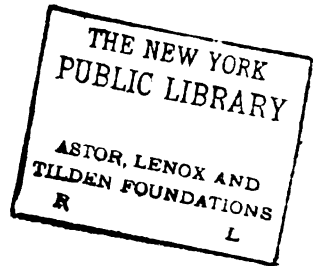
— Появляется много рединготовъ изъ бѣлаго барежа на розовомъ тафтяномъ чахлѣ, что чрезвычайно красиво: барежъ принимаетъ какой-то чудно-нѣжный розовый оттѣнокъ, который очень къ лицу. Эти рединготы убираютъ на юбкѣ складками или нѣсколькими оборочками, а у плеча подвязываютъ шарфомъ-поясомъ, обшитымъ, также какъ и подолъ редингота, шелковой бѣлой тесемкой, положенной въ пять или шесть рядовъ. Не думаю, чтобъ читательницы не знали, что такое шарфъ-поясъ; повторю, впрочемъ, что такъ называютъ очень широкій поясъ, который образуетъ складки вокругъ талии, завязывается на боку и упадаетъ на юбку длинными концами шириною въ небольшой шарфъ.

— Ничего нѣтъ лучше и граціознѣе модныхъ кофточекъ *редова*, которыя теперь дѣлаютъ изъ шитой кисеи, лино, тюлю

и даже кружева. Некоторые модистки шьютъ ихъ на цвѣтномъ тафтяномъ подбоѣ. Не далѣе, какъ вчера, я видѣла такую *редову*, которая мнѣ очень понравилась; она была тюлевая бѣлая, шита шелкомъ соломеннаго цвѣта. На бѣломъ платьѣ она дѣлала большой эффектъ. Шляпа изъ Итальянской соломки, съ букетомъ полевыхъ цвѣтовъ, перемѣшанныхъ съ колосьями спѣлой ржи, необыкновенно гармонировала съ этимъ оригинальнымъ нарядомъ.

— Говоря о шляпахъ, не могу умолчать о тѣхъ, которыя я встрѣтила вчера на гуляньѣ. Одна изъ нихъ была сплетена изъ соломки чернаго и желтаго цвѣта; подбой былъ изъ палеваго гласе, а букетъ на поляхъ состоялъ изъ желтаго овса, корни котораго исчезали подъ бантами черныхъ бархатныхъ лентъ, которыми отдѣлана шляпа. Другая шляпа, точно также сдѣланная, была на розовомъ подбоѣ; на поляхъ букетъ мелкихъ розъ, перемѣшанныхъ съ овсомъ чернаго цвѣта. Третья, изъ Итальянской соломки, была замѣчательна простой, но до чрезвычайности искусной отдѣлкой, состоящей изъ бѣлыхъ лентъ и бѣлыхъ же небольшихъ марабу. Наконецъ четвертая, вся сдѣланная изъ богатаго чернаго кружева, была убрана пестрыми лентами яркихъ цвѣтовъ, сотканныхъ подъ кружево.

— Амазонки, какъ мы могли замѣтить, шьютъ нынѣшній годъ не съ высокимъ и глухимъ воротомъ, а съ лифомъ, который застегивается только на три пуговицы и позволяетъ видѣть весь жилетъ изъ бѣлаго пике, составляющій теперь необходимую принадлежность костюма для верховой ѣзды.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Юня 14-го 1850 года.

Ценсоръ Н. Зерновъ.

